

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2021. 16(3)
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

И. Л. ЖЕРЕБЦОВ (г. СЫКТЫВКАР, РОССИЯ)
гл. редактор – д-р ист. наук

С. И. ДЕГТЯРЕВ (г. СУМЫ, УКРАИНА)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук

В. Г. ИВАНЦОВ (г. СОЧИ, РОССИЯ)
канд. ист. наук

Т. А. МАГСУМОВ (г. НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ,
РОССИЯ) канд. ист. наук

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Редакционный совет:

Д. ДАРОВЕЦ (г. ВЕНЕЦИЯ, ИТАЛИЯ)

П. ДЖОЗЕФСОН (г. ВОТЕРВИЛЬ, США)

Е. Ф. КРИНКО (г. РОСТОВ-НА-ДОНУ, РОССИЯ)

Р. МАРВИК (г. НЬЮКАСЛ, АВСТРАЛИЯ)

Р. В. МЕТРЕВЕЛИ (г. ТБИЛИСИ, ГРУЗИЯ)

Б. Н. МИРОНОВ (г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ)

Дж. САНБОРН (ПЕНСИЛЬВАНИЯ, США)

В. САНДЕРЛЭНД (г. ЦИНЦИННАТИ, США)

С. Г. СУЛЯК (г. ТИРАСПОЛЬ, МОЛДАВИЯ)

Г. ЧЖАН (г. ЧАНЧУНЬ, КИТАЙ)

Ф. Б. ШЕНК (г. БАЗЕЛЬ, ШВЕЙЦАРИЯ)

М. ШМИГЕЛЬ (г. БАНСКА БЫСТРИЦА, СЛОВАКИЯ)

Учредитель – Cherkas Global University, США

Издатель – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Словакия

Адрес для писем:

831 04, Словакия, г. Братислава – Нове Место,
ул. Стара Вайнорска, 1367/4

Подписано в печать 01.09.2021 г.

Заказ № 67.

Тел.: +421 940 136139 (Словакия)

E-mail: bylyegody.incfar@gmail.com
Сайт журнала: <http://ejournal52.com>

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай I, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография из серии «Виды Российской империи»

BYLYE GODY. 2021. 16(3)
HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

I. L. ZHEREBTSOV (SYKTYVKAR, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE) Deputy
Editor in Chief – Dr. (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA) PhD (History)

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Editorial Board:

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

P. JOSEPHSON (WATERTVILLE, USA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

Publisher – Cherkas Global University, USA

Co-publisher – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Slovak Republic

Postal Address:

1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava –
Nove Mesto, 831 04

Approved for printing 1.09.2021

Order № 67.

Тел.: +421 940 136139 (Slovak Republic)

E-mail: bylyegody.incfar@gmail.com
Website: <http://ejournal52.com>

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas I is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo from the series «The views of the Russian Empire»

CONTENTS

ARTICLES

The Russian Historical Journal "Bylye Gody" (2006–2021 years): Some Results G. Rajović, L.G. Berezovskaya, L.A. Posokhova, I.V. Tyurin	1057
Articles about the Cossacks History in the Historical Journal «Bylye Gody» (2006–2021) A.Yu. Peretyatko	1063
Historical Background of the Emergence of the Islamic Sociocultural Factor of the Social and Political Process Transformation in Scotland P.A. Merkulov, E.A. Turin, E.N. Savinova	1075
The Evolution of Approaches of the Russian State to the Fight against Infectious Disease Epidemics in the Period from the Moscow State to the beginning of the XX century A.M. Tuzin, M.V. Danilina, I.A. Guseva, Y. Bayar	1087
Transformation of the Political and Legal Status of the Supreme Prince of Kabarda in the XVI – first quarter of the XIX century P.A. Kuz'minov, A.A. Zhurtova	1098
The Problem of the Subject in the Contractual Relations of the Bashkirs with the Russian state in the XVII – first third of the XVIII centuries B.A. Aznabaev, A.I. Kortunov	1106
Catholic Missionaries, Armenian Communities and the Austrian Ambassador: Political and Diplomatic Communication in the Religious Conflict in South of the Russian Empire, 1755–1760 A.S. Ryazhev	1116
Migration of Peasants to Landowners' Lands in the North-Western Caspian Region (the second half of the XVIII – first half of the XIX century) S.S. Belousov	1124
Russian Customs System and Its Functioning in Western Transcaucasia (early 19th century – 1861) V.G. Ivantsov, V.S. Molchanova, I.I. Potapova, Yu.N. Makarov	1132
Modeling the Semiotic Space of the “Unknown Soldier” Concept in the Russian Empire E.V. Il'in, V. Berednikova, T.E. Sokhor	1141
National Policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the 19th – early 20th centuries A.M. Erokhin, E.A. Avdeev, S.M. Vorobev	1153
The Left Flank of the Caucasian Cordon Line: the Place and Role of Fortifications in the Military- Political Subordination of the Eastern Caucasus during the Caucasian War M.M. Vagabov, A.A. Gazieva, V.A. Rogozhkin	1162
The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century) I.A. Ermachkov, E.V. Vidishcheva, E.K. Mineeva, L.L. Balanyuk	1171
Cossacks in the Khiva Crusade of 1839–1840 M.G. Tarasov	1181
The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 3 A.M. Mamadaliev, L.Yu. Novitskaya, N.V. Svechnikova, L.A. Koroleva	1191

The Problem of the Old Believers in Russian Journalism in the second half of the 19th – early 20th centuries: the Question of Preserving Traditional Values and the Historical Memory of the Russian People E.V. Bykova, K.N. Tarasov	1203
Review of Pre-Revolutionary Historiography of Schismatics, Heresies and Sectarianism in The Russian Empire A.E. Lebid, N. A. Shevchenko	1211
Russian-Chinese Borderlands and Frontier Migrations of the population in the XIX century B.Zh. Atantayeva, R.D. Akhmetova, G.A. Abenova, T.A. Kariyeva	1225
The Expertise in Analyzing the Regional Education Systems of the Russian Empire (based on the Articles of the International Network Center for Fundamental and Applied Research). Part 2 V.V. Barabash, B.A. Bulgarova, N.V. Poplavskaya, L.B. Terechik	1233
St. Petersburg as the Gradle of Revolution and a Symbol of Russian Political Psychology A. Geifman	1246
The Reform of the Banking and Credit System in 1860–1890 in Russian Empire: A Historiographical Analysis E.V. Krasavina, E.V. Shubenkova, E.V. Novikova, Yu.V. Zabaykin	1255
To the Issue of Training Prison Officers in the Russian Empire E.A. Loktionova	1267
Formation of System of Fishing Fees from Industry and Trade in the Central Asian Outskirts of the Russian Empire Yu.A. Lysenko, O.I. Chekryzhova	1277
The Role of Zemstvo Reform of Alexander II in Formation and Development of Russian Local Selfgovernment V.A. Miroshnik, S.V. Ivlev, O.S. Krasilnikova, C.Yu. Markova	1288
Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms A.G. Gryaznukhin, T.V. Gryaznukhina, T.G. Karchaeva, A.S. Zhulaeva	1299
Representation of the Russo-Ukrainian Population of Galicia and Bukovina in the Habsburg Monarchy in the late XIX – early XX century A.G. Topilsky, R.M. Zhitin	1308
«Government Colonization» of the Murmanskoy Coast of the Barents Sea: Demographic View According to the Parish Registers (1873–1920) P.V. Fedorov, A.A. Malashenkov	1316
The Long-Livers of the Russian Empire (1836–1914): Historical and Statistical Research. Part 3 A.A. Cherkasov, S.N. Bratanovskii, L.G. Zimovets	1326
From the Epistolary Legacy of V.F. Minorsky: His Three Letters to the Military Orientalist K.N. Smirnov N.K. Ter-Oganov	1346
Bankruptcy of the "Tula City Public, I.D. Sushkin, Bank": A Historical Excursion M.I. Bogachev, E.A. Nazirova, N.I. Shelkopliasova	1362
Emigration of Ethnic Germans from the Russian Empire to the United States: Causes and Social Consequences A.V. Brega, G.V. Brega, Y.S. Artamonova	1373

Oil Tanker Transportation and Entrepreneurial Competition in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries: Historical Retrospective and Modern Assessments A.A. Kartskhiya, S.A. Tyrtychnyy, M.G. Smirnov, M.D. Zhulidova	1381
The Irrigation Issue in Russia's Policy in Turkestan (end of the XIX – beginning XX centuries) I.B. Bochkareva	1399
Ideological Self-Determination and Inter-Party Rotations in the Russian Democratic Environment (late XIX – early XX centuries) O.L. Protasova	1409
Armenian Pogroms in the Ottoman Empire in 1894–1896 and Politics of Russia (according to the Diary of V.N. Lamzdorf) I.V. Kryuchkov	1421
Chinese Eastern Railway as a Means of Implementing Russia's Far Eastern Policy in the late 19th – early 20th centuries L.M. Medvedeva	1433
Charity and Patronage in the Russian Province (on the Example of the Tyumen Province of the late 19th early 20th centuries) V.P. Bogdanova, O.I. Golovanova	1443
Fairs and Bazaars in the Kazan Province (based on Materials from the Newspaper “Kazanskie Gubernskie Vedomosti”) E.G. Guschina, T.T. Titova, A.I. Khairullina, E.V. Frolova	1454
“Materials on the Kyrgyz Land Use” as a Source for Studying the Historical Memory of the Kazakhs of Northern Kazakhstan Y.A. Abil, A. Kuzembayuly	1463
On the History of Science in the Russian Empire (based on the Analysis of the Journal “Nauchnoe Obozrenie” for 1898) N.P. Koptseva, Y.N. Avdeeva	1473
Incidents and Crimes in Western Siberia: Nature, Scope and Trends (1900–1914) A.B. Khramtsov	1482
The Journal “Voyna s Yaponiei” as a Historical Source V.N. Denisenko, M.A. Berezhnyatskaya, A.V. Denisenko, Y.V. Yurova	1491
The Experience of the Loss of the Motherland by Representatives of Russian Emigration in the Chinese Provinces (1905–1917) Y. Ruan, I.S. Karabulatova	1501
The National University named after P.I. Makushin in the Educational System of Tomsk at the beginning of the 20th century E.V. Vititneva, E.A. Akhtamov, G.M. Lushchaeva, N.V. Pahomova	1511
World War I and the Collective Visual Illusion: a Case in Zhitomir S.I. Degtyarev, T.Yu. Gerasymov, J. Gut, L.G. Polyakova	1519
To the Issue of Some Technical Means of Propaganda during the First World War T.A. Magsumov, T.E. Zulfugarzade, M.B. Kolotkov, S.B. Zinkovskii	1527
The Idea of the "Unity of the Slavs" in Russian Propaganda during the First World War P.V. Ulyanov	1533
Employment of Refugees in Siberian Cities during the First World War K.A. Tishkina	1542

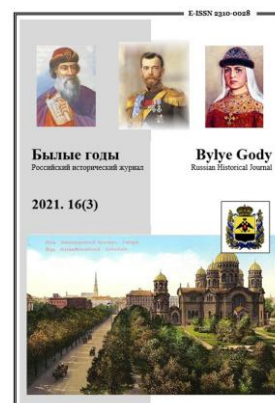
Identification of the Steamer “Shtorm”, Acquired by Izhevsk’s Plants during the First World War N.W. Mitiukov	1552
Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 3 O.V. Natolochnaya, R.M. Allalyev, V.A. Svechnikov, S.V. Petrova	1560
Diplomatic Relations of the Kazakh Khanates and the Russian Empire in late Soviet and Modern Historiography N.S. Lapin, K.G. Akanov	1568

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1056-1061
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1056
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



ARTICLES

The Russian Historical Journal "Bylye Gody" (2006–2021 years): Some Results

Goran Rajović ^{a, b, *}, Larisa G. Berezovskaya ^c, Lyudmila A. Posokhova ^c, Ilya V. Tyurin ^d

^a Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Sochi State University, Sochi, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article discusses the history of the development of the Russian historical journal "Bylye Gody" in 2006–2016 years. The attention is paid to the process of the formation of the journal, the change of format and thematic direction of the publication. The authors have selected as materials the open resources, which provide the information about the journal. The bibliometrical and statistical data were brought from the platforms of Russian scientific citation index, Directory of Open Access Journals, Open Academic Journals Index, Scopus and Web of Science.

In conclusion, the authors state that over the 15 years of its existence, the journal has occupied its own niche – the world history of the period 1613–1917, which was due to the weak study of this era and the presence of a sufficient number of various sources. The most cited publications of the journal are in several thematic areas: the history of pedagogy, the history of the Caucasus and the history of the Russian Empire or its regions. As a rule, the authors of the journal are grant holders from the countries of Eurasia and America. At the same time, according to Scopus data, about 20–25 % of articles in recent years have been carried out by international research groups.

Keywords: Russian historical journal "Bylye Gody", historical journal, 2006–2021 years.

1. Введение

В сентябре 2021 года журнал «Былые годы» отмечает свой 15-летний юбилей. За это время было выпущено более 60 номеров журнала и опубликовано более 1,3 тыс. статей. За прошедший период издание серьезно видоизменялось: оно создавалось как журнал по истории города Сочи, затем география была расширена до Черноморского побережья, потом Юга России... Журнал долго был общероссийским журналом и сегодня позиционируется редакцией как международный журнал по истории периода 1613–1917 гг. Наряду с географией, менялся и внешний вид журнала: в 2011 г., когда подводились итоги его первого десятилетия, мы отмечали, что с 1-го по 36-й номера журнала были изданы в печатном виде (из них первые 10 номеров печатались в формате А 5, а остальные в формате А 4). С 37-го номера журнал начал издаваться только в электронном виде (Rajović, Bulatović, 2016: 550), и в последующее пятилетие, с 2016 по 2021 гг., эта традиция продолжилась.

В ноябре 2020 г. в редакции журнала произошли существенные изменения: пост главного редактора покинул основатель журнала, доктор исторических наук Александр Арвелодович Черкасов,

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović), chaika-sochi@yandex.ru (L.G. Berezovskaya), phd2003@mail.ru (L.A. Posokhova)

руководивший изданием на протяжении 14 лет. На этом посту его сменил известный историк, доктор исторических наук Игорь Любомирович Жеребцов (Сыктывкар, Российская Федерация).

2. Материалы

Материалами для подготовки статьи стали открытые ресурсы, на которых представлена информация о журнале, библиометрические и статистические данные с платформ Российского индекса научного цитирования, Directory of Open Access Journals, Open Academic Journals Index, Scopus и Web of Science.

3. Результаты и обсуждение

3.1. Вехи становления и тематическая направленность журнала

Журнал «Былые годы» был основан в 2006 году, как уже отмечалось, в качестве краеведческого издания. Однако журнал практически сразу перерос региональные рамки, что отразилось на изменении его тематической направленности – от краеведческой к региональной, а затем от общероссийской к международной.

В 2006 году на страницах журнала рассматривались преимущественно вопросы истории города Сочи. Однако уже в 2007 году в нем начали публиковаться первые материалы по истории Черноморья и Кавказа. В это время журнал имел следующие рубрики: «Актуальная тема», «Статьи и сообщения», «Проба пера» (для начинающих исследователей), «Научная жизнь» (Rajović, Bulatović, 2016: 551). Сегодня от прежней рубрики журнал окончательно ушел, что было связано с сужением тематики журнала от общеисторического до, по сути, романовского периода.

Начиная с 2010 г., журнал время от времени начал публиковать специальные номера. Так, в июне 2010 г. был опубликован специальный номер, посвященный Второй мировой войне, в котором приняли участие исследователи из Финляндии, Белоруссии и России. В 2011 г. спецномер о Второй мировой войне был сформирован еще раз.

В 2012 году были опубликованы сразу три специальных номера: «Россия и Украина», «Россия в отечественных войнах: 1812, 1914, 1941 гг.» и «СССР: политические репрессии». В июне 2013 года вышел первый номер журнала на английском языке (Rajović, Bulatović, 2016: 551). В нем приняли участие исследователи из Российской Федерации, Австралии, Германии, Великобритании, Белоруссии, Словакии, Казахстана и Украины. В 2016 г. был издан специальный номер, посвященный обсуждению работы Б.Н. Миронова «Российская империя: от традиции к модерну», а в 2020 г. в специальном номере опубликована одна из крупнейших коллекций документов по истории Кавказа (1,2 тыс. документов), посвященная рабству на территории Черкесии в конце XVIII–XIX вв. (Cherkasov, 2020).

Именно в это время журнал стал использовать два рабочих языка: русский и английский. Выходные данные всех статей стали публиковаться на английском языке. При этом издание перестало публиковать содержание на русском языке. В сентябре 2013 года вышел еще один специальный номер, посвященный Второй мировой войне. Однако центральным событием 2013 года для журнала стало празднование 400-летия Императорского Дома Романовых. Журналом был организован открытый Международный конкурс на лучшую научную работу студентов, аспирантов и преподавателей (научных сотрудников) «Россия и Романовы», посвященный этому юбилею.

В 2015 году был взят постепенный курс на сужение проблематики публикуемых статей до мировой истории периода 1613–1917 гг. В том же году редакционная коллегия журнала стала членом Восточноевропейского исторического общества (www.easteuropeanhistory.org). В начале 2016 года на сайте издания была опубликована миссия журнала – публикация оригинальных статей, рецензий и обзоров по истории России и Европы в период царствования Императорского Дома Романовых, в 1613–1917 гг. Имеющийся широкий пласт архивных документов в различных архивохранилищах, а также значительное количество материалов личного происхождения и периодической печати – все это вкуче со слабой изученностью и ангажированностью романовского периода в советское время предопределили причину занятия журналом данной хронологической ниши.

3.2. Авторы и тематика их публикаций

География авторов включала исследователей из разных континентов: Австралии, Евразии, Северной Америки. Начиная с 2012 г., большая часть статей поступала от грантодержателей научных фондов, исполнителей проектов, выполнявшихся в рамках программ фундаментальных исследований и других научно-исследовательских проектов.

Рассматривать авторов и тематику их публикаций мы станем на основе данных наукометрической базы данных Scopus. Для этого нами отобрано 25 самых цитируемых статей журнала «Былые годы», которые получили от 10 до 43 цитирований.

В топ-25 самых цитируемых статей вошли публикации по трем направлениям: история педагогики, история Кавказа и история Российской империи или ее отдельных регионов.

1. История педагогики. Данная проблема на страницах журнала рассматривалась в двух вариантах: это история региональной системы образования, например система народного

образования на Кавказе (Shevchenko et al., 2016), на территории Кубанской области (Molchanova et al., 2019; Molchanova et al., 2019a; Molchanova et al., 2020), а также разные вопросы организации педагогического процесса, например дополнительное образование для школьников (Magsumov, 2015; Magsumov, 2013; Magsumov, 2013a), вопросы организации и финансирования системы народного образования (Magsumov, Nizamova, 2016; Magsumov, 2014; Magsumov, Nizamova, 2015).

2. История Кавказа. Эта тема рассматривалась в контексте сугубо исторических исследований, например демографических процессов у черкесов и абхазов (Cherkasov et al., 2016; Cherkasov et al., 2016a), роли личности в казачьей истории (Volvenko, 2016), социальных процессов в джигетском и убыхском обществах (Cherkasov et al., 2015; Cherkasov et al., 2015a), влияния на население Кавказа эпидемических заболеваний (Ermachkov et al., 2018). Помимо этого, предпринимались и историко-сравнительные исследования рабства как явления на территории Черкесии и США (Smigel, Cherkasov, 2016).

3. История Российской империи или ее отдельных регионов. Здесь внимание уделялось либо коренным народам, как, например, государственной политике по отношению к крымским татарам, калмыкам или малочисленным народам Севера (Dmitriev, Lyubichankovskiy, 2017; Dzhundzhuzov, Lyubichankovskiy, 2017a; Dzhundzhuzov, Lyubichankovskiy, 2018; Koptseva, Reznikova, 2015), либо истории региональных государственных органов Российской империи (Degtyarev et al., 2019; Shashkova et al., 2017). Помимо этого, уделялось внимание вопросам патриотизма накануне Первой мировой войны (Molchanova et al., 2013), а также сугубо военным исследованиям, например Кавказской войне (Cherkasov et al., 2017).

Таким образом, распределение наиболее цитируемых статей произошло практически в равных долях: 10 статей – история педагогики; 7 статей – история Кавказа и 8 статей – история Российской империи или ее отдельных регионов.

3.3. Индексирование

На определенном этапе важное значение для дальнейшего становления и развития журнала сыграло его включение в Российскую научную электронную библиотеку. Это произошло в 2009 г. Довольно быстро издание заняло среди российских исторических журналов свое собственное место.

Таблица 1. 5-летний импакт-фактор журнала в 2009–2019 гг. (по данным РИНЦ)

Значения	Годы							
	2009	2010	2013	2015	2016	2017	2018	2019
Импакт-фактор	0,033	0,969	0,252	0,402	0,338	0,417	0,630	0,382
Импакт-фактор без самоцитирований	0,017	0,906	0,218	0,334	0,238	0,277	0,462	0,266
Импакт-фактор по ядру РИНЦ	0,015	0,021	0,062	0,106	0,170	0,220	0,366	0,274

Данные **Таблицы 1** показывают, что в отчетный период произошло резкое увеличение цитирований из журналов, входящих в ядро РИНЦ (то есть индексируемых в Scopus и WoS).

Как и ранее, много внимания уделялось расширению доступности публикуемых материалов. Именно поэтому была сделана ставка на превращение издания «Былые годы» в журнал открытого доступа.

В октябре 2011 года он был включен в одну из престижных датабаз открытого доступа – Directory of Open Access Journals (DOAJ, Великобритания). DOAJ является датобазой второго рейтинга. Осенью 2012 года российский исторический журнал «Былые годы» был включен в базу данных Scopus (компания Elsevier, Нидерланды). В результате все статьи, начиная с мартовского номера за 2012 год, начали индексироваться в этой перворейтинговой международной датобазе.

Таблица 2. «Былые годы» в Scopus

Значения	Годы							
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Квартиль	4	2	1	2	2	1	1	1
SJR	0,1	0,159	0,339	0,201	0,194	0,299	0,286	0,229
% международного сотрудничества	12,24	9,65	6,15	6,45	7,01	22,62	20,77	24,03

Согласно данным **Таблицы 2**, «Былые годы» устойчиво занимают позиции в Q 1 среди журналов по истории, при этом в последние годы наблюдается устойчивый рост международных публикаций, которые были выполнены научными коллективами из двух и более стран.

В 2012 г. журнал был включен в коллекцию Historical Abstracts американской базы EBSCO (<http://ebSCO.com>), а 2013 – в американскую англоязычную базу открытого доступа Open Academic Journals Index (<http://oaji.net/>).

В 2015 г. издание было включено в норвежскую базу ERIH PLUS European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (<https://dbh.nsd.uib.no>).

В декабре 2015 года журнал был включен в коллекцию Emerging Sources Citation Index перворейтинговой международной базы Web of Science (компания Thomson Reuters, США). В результате статьи, опубликованные в нем, начиная с 2006 г., уже индексируются в Web of Science.

4. Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что за 15 лет своего существования журнал занял собственную нишу – мировую историю периода 1613–1917 гг., что было обусловлено слабой изученностью этой эпохи и наличием достаточного количества разнообразных источников. Самые цитируемые публикации журнала находятся в нескольких тематических направлениях: история педагогики, история Кавказа и история Российской империи или ее регионов. Как правило, авторами в журнале выступают грантодержатели стран Евразии и Америки. При этом, согласно данным Scopus, около 20–25 % статей в последние годы выполнялись международными научно-исследовательскими группами.

Литература

[Cherkasov et al., 2015](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Kryukova N.I., Molchanova V.S. The moving of the Ubykhs to the Russian service as a result of the peace initiatives in the first half of the 1840s years // *Bylye Gody*. 2015. 37(3): 541-548.

[Cherkasov et al., 2015a](#) – Cherkasov A.A., Shmigel M., Bratanovskii S.N., Molchanova V.S. Jikis and Jiketi in conditions of war and peace (1840-1860 years) // *Bylye Gody*. 2015. 38(4): 888-893.

[Cherkasov et al., 2016](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The demographic characteristics of the tribes of the Black sea region in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2016. 40(2): 382-391.

[Cherkasov et al., 2016a](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S. Demographic characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800-1860 years // *Bylye Gody*. 2016. 39(1): 53-66.

[Cherkasov et al., 2017](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The Losses of the Russian army during the Caucasian war (1801-1864): Historical and statistical research // *Bylye Gody*. 2017. 43(1): 327-337.

[Cherkasov, 2020](#) – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57-1. Is. 3-1: 1415-2266.

[Degtyarev et al., 2019](#) – Degtyarev S.I., Polyakova L.G., Balanyuk L.L., Gut J. Justice System of Northeastern Ukraine and the Influence of Russian Judicial Practice (middle XVII – XVIII centuries) // *Bylye Gody*. 2019. 52(2): 491-501.

[Dmitriev, Lyubichankovskiy, 2017](#) – Dmitriev V.V., Lyubichankovskiy S.V. The southern periphery of the Russian Empire and a problem of colonialism (on materials of national policy of Russia in relation to the Crimean Tatars at the end of XVIII - The beginning of the 20th century) // *Bylye Gody*. 2017. 45(3): 1010-1024.

[Dzhundzhuzov, Lyubichankovskiy, 2017a](#) – Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskiy S.V. Kalmyks of Southern Ural in the XVIII – early XX century: Problems of Assimilation, Acculturation and Preservation of Ethnic Identity // *Bylye Gody*. 2017. 46(4): 1194-1206.

[Dzhundzhuzov, Lyubichankovskiy, 2018](#) – Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskiy S.V. The Influence of the Imperial Policy of Acculturation on the Formation and Evolution of the Power Elite among the Stavropol Christened Kalmyks (1737-1842) // *Bylye Gody*. 2018. 49(3): 970-979.

[Ermachkov et al., 2018](#) – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. The plague in the Caucasus in 1801-1815 years: Part I // *Bylye Gody*. 2018. 47(1): 120-129.

[Koptseva, Reznikova, 2015](#) – Koptseva N.P., Reznikova K.V. Refinement of the causes of ethnic migration North Selkups based on the historical memory of indigenous ethnic groups Turukhansk district of Krasnoyarsk Krai // *Bylye Gody*. 2015. 38(4): 1028-1038.

[Magsumov, 2013](#) – Magmusov T.A. School and children during the celebrations of the 300th anniversary of the Romanov dynasty // *Bylye Gody*. 2013. 30(4): 79-87.

[Magsumov, 2013a](#) – Magmusov T.A. Educational excursions in technical schools of pre-revolutionary Russia // *Bylye Gody*. 2013. 27(1): 52-60.

[Magsumov, 2014](#) – Magsumov T.A. Main approaches to the study of historical and educational process // *Bylye Gody*. 2014. 34(4): 720-726.

[Magsumov, 2015](#) – Magsumov T.A. The additional professional training in the late Russian empire // *Bylye Gody*. 2015. 36(2): 327-337.

[Magsumov, Nizamova, 2015](#) – Magsumov T.A., Nizamova M.S. The country council work on extracurricular enlightenment of adults in the Volga-Ural region // *Bylye Gody*. 2015. 38(4): 1001-1010.

[Magsumov, Nizamova, 2016](#) – Magsumov T.A., Nizamova M.S. The Zemstvo's activities to guide the primary school teacher resources formation and support // *Bylye Gody*. 2016. 41(3): 688-697.

[Molchanova et al., 2013](#) – Molchanova V.S., Cherkasov A.A., Šmigel' M. Youth and patriotic sentiments during the reign of Emperor Nicholas II // *Bylye Gody*. 2013. 30(4): 88-93.

[Molchanova et al., 2019](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1 // *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 1049-1058.

[Molchanova et al., 2019a](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of primary education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the example of the Kuban Region). Part 2 // *Bylye Gody*. 2019. 54(4): 1524-1536.

[Molchanova et al., 2020](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The development of primary education on the Cossack territories in 1803-1917 years (on the example of the Kuban region). Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 88-104.

[Rajović, Bulatović, 2016](#) – Rajović G., Bulatović J. The Russian Historical Journal "Bylye Gody" (2006–2016 years): the Results of the First Decade // *Bylye Gody*. 2016. 41(3): 550-554.

[Shashkova et al., 2017](#) – Shashkova A.V., Rakitskaya I.A., Pavlov E.Ya. Emergence and activity of legal entities in Russia in the pre-revolutionary period (comparative analysis) // *Bylye Gody*. 2017. 46(4): 1333-1344.

[Shevchenko et al., 2016](#) – Shevchenko N.A., Vidishcheva E.V., Emelyanova O.V. The establishment of the system of public education in the Caucasus (1802-1917 years): The characteristic features // *Bylye Gody*. 2016. 40(2): 363-372.

[Smigel, Cherkasov, 2016](#) – Smigel M., Cherkasov A.A. The slavery in Circassia and the United States (1850-1860-ies years): General and special // *Bylye Gody*. 2016. 42(4): 1182-1197.

[Volvenko, 2016](#) – Volvenko A.A. D.A. Milyutin and cossacks // *Bylye Gody*. 2016. 40(2): 398-411.

References

[Cherkasov et al., 2015](#) – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Ustinovich, E.S., Kryukova, N.I., Molchanova, V.S. (2015). The moving of the Ubykhs to the Russian service as a result of the peace initiatives in the first half of the 1840s years. *Bylye Gody*. 37(3): 541-548.

[Cherkasov et al., 2015a](#) – Cherkasov, A.A., Shmigel, M., Bratanovskii, S.N., Molchanova, V.S. (2015). Jikis and Jiketi in conditions of war and peace (1840-1860 years). *Bylye Gody*. 38(4): 888-893.

[Cherkasov et al., 2016](#) – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S. (2016). The demographic characteristics of the tribes of the Black sea region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 40(2): 382-391.

[Cherkasov et al., 2016a](#) – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Shmigel, M., Molchanova, V.S. (2016). Demographic characteristics of the aristocratic abkhazia in 1800-1860 years. *Bylye Gody*. 39(1): 53-66.

[Cherkasov et al., 2017](#) – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S. (2017). The Losses of the Russian army during the Caucasian war (1801-1864): Historical and statistical research. *Bylye Gody*. 43(1): 327-337.

[Cherkasov, 2020](#) – Cherkasov, A.A. (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1(3-1): 1415-2266.

[Degtyarev et al., 2019](#) – Degtyarev, S.I., Polyakova, L.G., Balanyuk, L.L., Gut, J. (2019). Justice System of Northeastern Ukraine and the Influence of Russian Judicial Practice (middle XVII – XVIII centuries). *Bylye Gody*. 52(2): 491-501.

[Dmitriev, Lyubichankovskiy, 2017](#) – Dmitriev, V.V., Lyubichankovskiy, S.V. (2017). The southern periphery of the Russian Empire and a problem of colonialism (on materials of national policy of Russia in relation to the Crimean Tatars at the end of XVIII – The beginning of the 20th century). *Bylye Gody*. 45(3): 1010-1024.

[Dzhundzhuzov, Lyubichankovskiy, 2017a](#) – Dzhundzhuzov, S.V., Lyubichankovskiy, S.V. (2017). Kalmyks of Southern Ural in the XVIII – early XX century: Problems of Assimilation, Acculturation and Preservation of Ethnic Identity. *Bylye Gody*. 46(4): 1194-1206.

[Dzhundzhuzov, Lyubichankovskiy, 2018](#) – Dzhundzhuzov, S.V., Lyubichankovskiy, S.V. (2018). The Influence of the Imperial Policy of Acculturation on the Formation and Evolution of the Power Elite among the Stavropol Christened Kalmyks (1737-1842). *Bylye Gody*. 49(3): 970-979.

[Ermachkov et al., 2018](#) – Ermachkov, I.A., Koroleva, L.A., Svechnikova, N.V., Gut, J. (2018). The plague in the Caucasus in 1801-1815 years: Part I. *Bylye Gody*. 47(1): 120-129.

[Koptseva, Reznikova, 2015](#) – Koptseva, N.P., Reznikova, K.V. (2015). Refinement of the causes of ethnic migration North Selkups based on the historical memory of indigenous ethnic groups Turukhansk district of Krasnoyarsk Krai. *Bylye Gody*. 38(4): 1028-1038.

[Magsumov, 2013](#) – Magsumov, T.A. (2013). School and children during the celebrations of the 300th anniversary of the Romanov dynasty. *Bylye Gody*. 30(4): 79-87.

[Magsumov, 2013a](#) – Magsumov, T.A. (2013). Educational excursions in technical schools of pre-revolutionary Russia. *Bylye Gody*. 27(1): 52-60.

[Magsumov, 2014](#) – Magsumov, T.A. (2014). Main approaches to the study of historical and educational process. *Bylye Gody*. 34(4): 720-726.

- Magsumov, 2015 – Magsumov, T.A. (2015). The additional professional training in the late Russian empire. *Bylye Gody*. 36(2): 327-337.
- Magsumov, Nizamova, 2015 – Magsumov, T.A., Nizamova, M.S. (2015). The country council work on extracurricular enlightenment of adults in the Volga-Ural region. *Bylye Gody*. 38(4): 1001-1010.
- Magsumov, Nizamova, 2016 – Magsumov, T.A., Nizamova, M.S. (2016). The Zemstvo's activities to guide the primary school teacher resources formation and support. *Bylye Gody*. 41(3): 688-697.
- Molchanova et al., 2013 – Molchanova, V.S., Cherkasov, A.A., Smigel, M. (2013). Youth and patriotic sentiments during the reign of Emperor Nicholas II. *Bylye Gody*. 30(4): 88-93.
- Molchanova et al., 2019 – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2019). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1. *Bylye Gody*. 53(3): 1049-1058.
- Molchanova et al., 2019a – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. (2019). The Development of primary education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the example of the Kuban Region). Part 2. *Bylye Gody*. 54(4): 1524-1536.
- Molchanova et al., 2020 – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2020). The development of primary education on the Cossack territories in 1803-1917 years (on the example of the Kuban region). Part 3. *Bylye Gody*. 55(1): 88-104.
- Rajović, Bulatović, 2016 – Rajović, G., Bulatović, J. (2016). The Russian Historical Journal "Bylye Gody" (2006–2016 years): the Results of the First Decade. *Bylye Gody*. 41(3): 550-554.
- Shashkova et al., 2017 – Shashkova, A.V., Rakitskaya, I.A., Pavlov, E.Ya. (2017). Emergence and activity of legal entities in Russia in the pre-revolutionary period (comparative analysis). *Bylye Gody*. 46(4): 1333-1344.
- Shevchenko et al., 2016 – Shevchenko, N.A., Vidishcheva, E.V., Emelyanova, O.V. (2016). The establishment of the system of public education in the Caucasus (1802-1917 years): The characteristic features. *Bylye Gody*. 40(2): 363-372.
- Smigel, Cherkasov, 2016 – Smigel, M., Cherkasov, A.A. (2016). The slavery in Circassia and the United States (1850-1860-ies years): General and special. *Bylye Gody*. 42(4): 1182-1197.
- Volvenko, 2016 – Volvenko, A.A. (2016). D.A. Milyutin and Cossacks. *Bylye Gody*. 40(2): 398-411.

Российский исторический журнал «Былые годы» (2006–2021 гг.): некоторые результаты

Горан Райович^{a, b, *}, Лариса Геннадьевна Березовская^c, Людмила Анатольевна Посохова^c,
Илья Владимирович Тюрин^d

^a Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается история развития российского исторического журнала «Былые годы» в 2006–2021 гг. Уделено внимание процессу становления, изменению формата и тематической направленности издания. В качестве материалов были использованы открытые ресурсы, на которых представлена информация о журнале. Библиометрические и статистические данные были привлечены с платформ Российского индекса научного цитирования, Directory of Open Access Journals, Open Academic Journals Index, Scopus и Web of Science.

В заключении авторы отмечают, что за 15 лет своего существования журнал занял собственную нишу – мировую историю периода 1613–1917 гг., что было обусловлено слабой изученностью этой эпохи и наличием достаточного количества разнообразных источников. Самые цитируемые публикации журнала находятся в нескольких тематических направлениях: история педагогики, история Кавказа и история Российской империи или ее регионов. Как правило, авторами в журнале выступают грантодержатели стран Евразии и Америки. При этом, согласно данным Scopus, около 20–25 % статей в последние годы выполнялись международными научно-исследовательскими группами.

Ключевые слова: российский исторический журнал «Былые годы», исторический журнал, 2006–2021 гг.

* Корреспондирующий автор

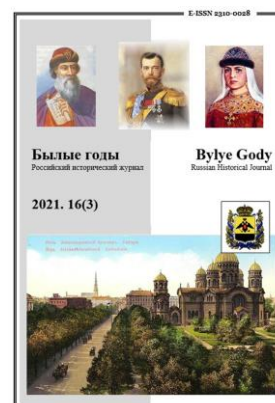
Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович),
chaika-sochi@yandex.ru (Л.Г. Березовская), phd2003@mail.ru (Л.А. Посохова)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1063-1074
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1063
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



Articles about the Cossacks History in the Historical Journal «Bylye Gody» (2006–2021)

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^a Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of the significance of the Russian historical journal «Bylye Gody» for actual Cossack studies. «Bylye Gody» is not a specialized journal for Cossack studies. But the original place of publication of the journal (Sochi) contributed to the establishment of contacts between the journal and the historians of the South of Russia, for whom the Cossack studies is traditional. Therefore, analyzing whose articles about the history of the Cossacks were published in the journal «Bylye Gody», one can understand the significance of this journal for the scientific community of the South of Russia.

The article examines publications in the journal «Bylye Gody» about the history of the Cossacks and publications of recognized Cossack researchers on other topics from 2006 to 2021. It is shown that Cossack topics played an increasing role as the journal's authority grew (the first articles about the history of the Cossacks were published in 2010, in 2010–2014 publications about the history of the Cossacks have repeatedly opened issues, and since 2018 Cossack topics have been presented in each issue of the magazine).

It is concluded that for the Cossack researchers of the South of Russia journal «Bylye Gody» are a kind of «exhibition platform». The journal presents most of the scientific centers of the region, in which the study of the Cossacks is conducted. Often the authors of published materials are leaders of scientific schools/organizers of science. However, each of these centers published a relatively small number of articles about the history of the Cossack. Cossack studies publications on the in the journal «Bylye Gody» make it possible to form a fairly adequate picture of the study of the history of the Cossacks in the South of Russia. In addition, the journal periodically publishes materials about the history of the Cossacks, researchers of the history of the Cossacks from outside the South of Russia, including fairly significant figures.

Keywords: Russian historical journal «Bylye Gody», historical periodicals, historiography of the Cossacks, scientific centers of the South of Russia.

1. Введение

Казачья тематика на страницах «Былых годов» никогда не была определяющей, и обращение именно к ней в пятнадцатилетний юбилей журнала может показаться странным. Однако «Былые годы» начинали выходить как издание Сочинского государственного университета туризма и курортного дела, и поэтому значимую долю авторов журнала составляли и составляют историки Юга России, для которых изучение истории местных казачьих войск является одной из традиционных тем. Таким образом, именно на примере статей по истории казачества хорошо видно, какое значение имеют «Былые годы» для научного сообщества Юга России.

Кроме того, в последние годы крайне специфическая ситуация сложилась в самой казачьей историографии. Количество публикаций, посвященных истории казачества, очень велико и продолжает расти (по оценке И.Ю. Юрченко, в РИНЦ зафиксировано 525 статей по казачьей тематике за 2017 г., 839 подобных статей за 2018 г. и 1052 – за 2019 г. (Юрченко, 2020: 88). При этом

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

специальных периодических изданий исключительно казачьей тематики де-факто не существует (альманах «Казачество», входящий в список ВАК, фактически публикует статьи по самой разной тематике, включая зарубежную историю и неисторические науки). Отсутствует и научный центр изучения казачества, осуществляющий интеграцию достижений казачьей историографии: существующие научные организации скорее заняты собственными исследованиями, а связи между ними основываются преимущественно на личных контактах ученых. Если учесть, что число организаций, изучающих казачество, также возрастает (только в XXI в. была создана Лаборатория казачества Южного научного центра Российской академии наук, а Московский государственный университет технологий и управления имени Разумовского получил статус Первого казачьего университета), станет окончательно понятно: современный исследователь казачества существует в условиях информационной инфляции, и предлагаемая ему новая информация не только разнообразна и неравноценна, вплоть до откровенно антинаучных текстов, но и разбросана по достаточно большому числу печатных изданий. И это позволяет поставить вопрос о том, какие казаковеды в подобных условиях публикуют свои статьи в именно «Былых годах». Насколько высокий рейтинг журнала в международных системах цитирования соответствует авторитету исследователей казачества, представленных на его страницах?

Итак, мы попытаемся установить, насколько значимым для казаковедов журналом стали «Былые годы» за пятнадцать лет своего существования и насколько публикации в этом издании демонстрируют разнообразие современной историографии казачества. Ответы на данные вопросы важны и для понимания роли «Былых годов» в развитии исторической науки на Юге России, и для оценки ситуации в современной казачьей историографии.

2. Материалы и методы

Прежде чем перейти к основной части нашей работы, отметим, что само определение статей по истории казачества достаточно сложно и неоднозначно. Особенно это относится к исследованиям казачьих войск имперского периода: каждое такое войско отвечало за управление своей территорией, населенной не только казаками. Соответственно, исследование процессов на этой территории, даже не имеющее прямых отсылок к казачеству, неизбежно затрагивает и историю казачьих войск. Например, на страницах «Былых годов» была опубликована статья С.В. Любичанковского и О.Ю. Николаевой «Общественные работы как способ преодоления продовольственного кризиса: исторический опыт Оренбургской губернии (1891–1892)» (Lyubichankovskiy, Nikolaeva, 2016). Между тем Оренбургское казачье войско входило в состав Оренбургской губернии, оно было затронуто продовольственным кризисом 1891–1892 гг., а для выхода из этого кризиса местная администрация использовала общественные работы (Серов, 1900: 13-14). В то же время, как нам кажется, не следует увлекаться включением в число статей по истории казачества работ на смежную тематику: теоретически при подобном подходе к интересующему нас массиву материалов можно отнести многие обобщающие работы по истории России имперского периода на том основании, что в них описываются условия, в которых функционировали казачьи войска.

Поэтому мы решили ограничить выборку статей материалами строго по истории казачества, за исключением работ признанных ученых-казаковедов, публикации которых на страницах «Былых годов» представляются нам значимыми для нашего исследования даже в тех случаях, когда казачья тематика затрагивается в них только косвенно. Сопоставив все отобранные нами публикации, проанализировав научный статус и аффилиации их авторов, мы поймем, насколько широко представлены важнейшие научные центры изучения казачества на страницах «Былых годов».

3. Обсуждение

Прежде всего кратко опишем эволюцию статей о казачестве на страницах «Былых годов». Первые несколько лет своего существования данное издание публиковало преимущественно статьи по истории города Сочи (Rajović, Bulatović, 2016: 551). Вполне естественно, что в это время на страницах журнала не было представлено ни работ по истории казачества, ни авторов, для которых казачья тематика является основной областью научных интересов. Ситуация начала меняться в 2009 г. с расширением географической тематики журнала. С этого времени «Былые годы» начали активно публиковать статьи по истории Кавказа (Rajović, Bulatović, 2016: 551). И вполне естественным было привлечение к сотрудничеству О.В. Матвеева, крупного специалиста по истории кубанского казачества и Кавказской войны. Характерно, однако, что в его первой (и пока единственной) статье на страницах «Былых годов» вопросы истории казачества не освещались вовсе: она была посвящена фигуре кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича (Матвеев, 2009). Тем не менее в публикации рассматривались особенности взаимоотношений исторических деятелей, сыгравших заметную роль в истории Кубанского казачьего войска (самого кавказского наместника, кубанского атамана Н.И. Евдокимова и военного министра Д.А. Милотина).

А уже в следующем, 2010 г., в № 4 (18) «Былых годов» не просто вышла статья по истории казачества, но эта статья была заявлена как открывающая журнал (специальный раздел «Актуальная тема» из одной особо выделенной редакцией статьи). Правда, автором работы выступил не

специалист по истории казачества, а известный исследователь истории Великой Отечественной войны В.И. Афанасенко, труд которого – «Казачья кавалерия РККА в боях на юге СССР в первый период Великой Отечественной войны» – была посвящена казачеству в контексте советско-германского противостояния 1941–1945 гг. (Афанасенко, 2010). Однако в том же номере В.Н. Ратушняк, являющийся, подобно О.В. Матвееву, одним из крупнейших специалистов по истории кубанского казачества, выступил со статьей «Административно-территориальная реформа на Кубани и реорганизация местной полиции в 1860–1890-е гг.», описывающей ситуацию в Кубанской области второй половины XIX в., хотя и не посвященной специально местным казакам (Ратушняк, 2010). № 4 (18) «Былых годов» вообще был очень богат на знаковые для казачьей историографии имена: в нем была опубликована еще и статья авторитетнейшего историка донского казачества Н.А. Мининкова, однако совсем далекая от интересующей нас тематики и посвященная памяти о Великой Отечественной войне (Мининков, 2010). Таким образом, из признанных казаковедов первыми на страницах «Былых годов» начали публиковаться специалисты по истории донского и особенно кубанского казачества, что соответствует первоначальной географической привязке журнала (Краснодарский край), причем их работы первоначально были посвящены истории России в целом или вопросам российского управления Кавказом в XIX в., а не собственно истории казачества.

С 2010 г. статьи по истории различных казачьих групп публикуются в «Былых годах» не реже раза в год (с 2018 г. – в каждом номере). И в 2011 г. на страницах журнала впервые появляется уже статья собственно по истории казачества за авторством известного казаковеда. Речь идет о публикации А.В. Венкова, авторитетного исследователя истории Гражданской войны на Дону, в которой описывалась гибель донской конницы в феврале 1920 года в Задонской степи (Венков, 2011). А в 2012 г. статья казаковеда по истории казачества впервые удостоилась включения в раздел «Актуальная тема» и открывала № 1 (23). Исследование «Кампания «За советское казачество» на Юге России: ретроспективный анализ экспектаций» принадлежало перу эксперта по истории донского казачества советского периода А.П. Скорика (Скорик, 2012). А № 3 (25) в том же году открывал раздел «Актуальная тема», состоящий из статьи московского историка Н.Ф. Бугая «Периферийный фактор в борьбе народов России против Наполеона в начале XIX века» (Бугай, 2012). Хотя тематика статьи была шире чисто казачьей истории, фактически большая ее часть оказалась посвящена участию в наполеоновских войнах Черноморского казачьего войска.

Как мы видим, буквально за два года (2011–2012 гг.) казачья тематика начала играть значительную роль в журнале «Былые годы», если не по общему числу публикаций, то по количеству материалов, обозначенных как открывающие номер. В 2012 г. из 4 статей в разделе «Актуальная тема» в 2 затрагивались вопросы истории казачества. В 2013 г. этот раздел был временно упразднен, зато в 2014 г. (последний год его существования) снова одна из 4 открывающих журнал статей была посвящена истории казачества. Интересно, что на этот раз работа «Взаимодействие Российского государства и Терского казачества: механизмы и результаты (XVIII–XIX вв.)» оказалась написана коллективом авторов, большинство из которых (включая главного редактора журнала, А.А. Черкасова) прежде не уделяло специального внимания казачьей тематике (Ivantsov et al., 2014). Таким образом, на страницах «Былых годов» наметился любопытный историографический феномен: востребованность казачьей тематики привела к тому, что статьи по истории казачества начали писать исследователи, ранее не проявлявшие к ней интереса.

С 2015 г. раздел «Актуальная тема» был упразднен окончательно и в большинстве номеров «Былых годов» статьи публикуются в соответствии с хронологическим порядком описанных в них событий. Однако к этому времени казачья тематика уже заняла прочное место в журнале. Так, еще в 2013 г. на страницах «Былых годов» была опубликована первая статья одного из казаковедов, чаще всего публикующихся в данном журнале. Речь идет о В.П. Труте, специалисте по истории Гражданской войны на Дону (и, шире, по истории казачества начала XX в.). Подобно ряду других авторов, первоначально он выступил со статьей, далекой от основной тематики его научных интересов, – «Советско-германский договор о ненападении 1939 г.: дискуссионные вопросы» (в соавторстве с А.И. Нарезным) (Нарежный, Трут, 2013). Однако в дальнейшем В.П. Трут был представлен в «Былых годах» преимущественно как исследователь донского казачества. Последняя на данный момент его статья по донской истории – «Царевич был одет в казачий мундир...» (Почетное шефство императора и наследника престола над донскими казачьими гвардейскими частями и донской казачий мундир в их военном гардеробе)» (в соавторстве с А.И. Агафоновым) – вышла в 2021 г. (Agafonov, Trut, 2021). Еще активнее с «Былыми годами» сотрудничает автор этих строк, первая статья которого в журнале – «Темная изнанка крестьянской реформы 1861 г. на Дону: история переселения одной крестьянской общины на основе материалов фонда атаманской канцелярии» – была опубликована в 2016 г. (Peretyatko, 2016).

Подведем небольшой итог. Материалы по истории казачества появились на страницах «Былых годов» относительно поздно, в 2010 г., однако с этого момента их значение для журнала непрерывно растет. Особенно заметно это проявлялось в те годы, когда редакция публиковала специальные статьи, открывающие каждый номер, в отдельном разделе «Актуальная тема». За последние два полных года существования этого раздела, с 2012 по 2014 гг., историю казачества затрагивали 3 из 8

включенных в него статей. Такое внимание к казакведческой тематике нельзя не связать с тем, что в «Былых годах» начали публиковаться некоторые наиболее авторитетные российские казакведы, и редакция журнала попыталась максимально реализовать перспективы сотрудничества с ними. И в настоящее время статьи по казачьей истории представлены в каждом номере журнала, в том числе и благодаря тому, что два казакведа, В.П. Трут и автор данной статьи, постоянно сотрудничают с ним.

Перейдем теперь к вопросу о том, представители каких научных центров и научных школ публикуются на страницах «Былых годов». Как мы отмечали выше, в числе первых признанных казакведов, представивших свои исследования на страницах «Былых годов», были О.В. Матвеев и В.Н. Ратушняк, лидеры казакведческой научной школы Кубанского государственного университета. От данной научной организации публиковался еще один авторитетный казаквед, О.В. Ратушняк (Ратушняк, 2013). Показательно, что, хотя на момент первых публикаций 2 из этих 3 исследователей (О.В. Матвеев и О.В. Ратушняк) были только кандидатами наук, к настоящему времени они защитили докторские диссертации. Сотрудничество «Былых годов» с представителями КубГУ продолжилось и в дальнейшем: например, В.Н. Ратушняком в соавторстве с Т.В. Ратушняк на страницах журнала было опубликовано еще две статьи (Ratushnyak, Ratushnyak, 2017; Ratushnyak, Ratushnyak, 2018).

Третий авторитетный историк, специализирующийся на истории казачества и опубликовавшийся на страницах «Былых годов» до конца 2010 г., Н.А. Мининков представляет другой значимый центр изучения казачества Юга России – Южный федеральный университет. Сотрудники этой научной организации также продолжают активное сотрудничество с «Былыми годами» именно в плане освещения на страницах журнала казачьей тематики. В качестве сотрудников ЮФУ публиковали свои статьи В.П. Трут (Trut, 2018) и автор этих строк (Peretyatko, 2019). В 2019 г. и Н.А. Мининков представил на страницах «Былых годов» новую статью, написанную в соавторстве с Л.В. Миниковой и посвященную характеристике казачьих регионов Российской империи путешественниками рубежа XIX–XX вв. (Mininkov, Mininkova, 2019). Отметим, что все эти исследователи, кроме автора, являются докторами наук. Наконец, нельзя не отметить статью «Василий Ильич Денисов: исторический портрет на фоне российской модернизации (конец XIX – начало XX вв.)» ученых из ЮФУ М.В. Братолобовой, И.Г. Брызгаловой и Н.В. Самариной, работу, находящуюся на пересечении проблематики истории донского казачества и истории российской общественной мысли (В.И. Денисов был донским и российским общественным деятелем) (Bratolyubova et al., 2015).

В свою очередь В.И. Афанасенко и А.В. Венков, первыми опубликовавшие на страницах «Былых годов» статьи собственно о казачьей истории, являются сотрудниками Южного научного центра Российской академии наук. Однако, хотя данная организация тесно сотрудничает с «Былыми годами» (ее представитель Е.Ф. Кринко даже входит в редакционный совет журнала), казачья тематика в дальнейших публикациях сотрудников ЮНЦ РАН почти не нашла развития. Можно только отметить, что как раз Е.Ф. Кринко стал одним из соавторов двух статей по историографии казачества (Rajović et al., 2019a; Rajović et al., 2019b), а С.Я. Суций опубликовал исследование, посвященное демографическим процессам на Дону и Северном Кавказе в 1900–1910 гг. (Suschiy, 2020). Зато в «Былых годах» неоднократно публиковали статьи по истории и историографии казачества представители другой структуры РАН на Юге России – Калмыцкого института гуманитарных исследований (Lidzhieva et al., 2015; Chuikov et al., 2016).

Тем не менее нельзя не признать, что для специалистов-казакведов из структур РАН «Былые годы» имеют сравнительно меньшее значение, чем для казакведов из высших учебных заведений. Из них, помимо КубГУ и ЮФУ, множественными публикациями на казачью тематику в «Былых годах» представлен Волгоградский государственный университет. Здесь особого внимания заслуживает цикл из трех статей о системе начального образования на территории Кубанского казачьего войска, в числе соавторов которого данный вуз представляет В.С. Молчанова (Molchanova et al., 2019a; Molchanova et al., 2019b; Molchanova et al., 2020). Публикуются от университета и другие авторы (Degtyarev et al., 2020), а в 2017 г. со статьей «Позиция казаков петроградского гарнизона во время октябрьского восстания в столице и участие казачьих частей в походе Керенского-Краснова» выступил действовавший на тот момент ректор ВолГУ В.В. Тараканов (в соавторстве с В.П. Трутом и С.В. Бородиным) (Trut et al., 2018).

Наконец, целый ряд университетов Юга России был представлен на страницах «Былых годов» всего одной-двумя статьями по истории казачества, но они принадлежат знаковым авторам. Так, упомянутый нами выше А.П. Скорик является руководителем НИИ истории казачества и развития казачьих регионов при Южно-Российском государственном техническом университете (Новочеркасском политехническом институте). Две статьи о взаимоотношениях имперской администрации и казачьих войск в 1860–1870 гг. на страницах «Былых годов» опубликовал А.А. Волвенко, на момент публикации декан факультета истории и филологии Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала Ростовского государственного экономического университета) (Volvenko, 2016; Volvenko, 2018). Двумя статьями в интересующем нас издании представлен и А.А. Кудрявцев, известный археолог и бывший декан исторического факультета Ставропольского государственного университета (ныне Северо-Кавказский федеральный университет), причем одна из

его статей («Горцы и казачество Северного Кавказа в истории Смутного времени России конца XVI – начала XVII вв.») посвящена истории казачества (Kudrjavcev, 2018). Статью об одном из казачьих городков на Тереке в «Былых годах» опубликовала профессор Дагестанского государственного университета Н.Н. Гарунова (Garunova, 2015), а В.П. Трут в последней публикации представил Донской государственный технический университет, как и его соавтор, крупнейший специалист по донской геральдике и историографии А.И. Агафонов (Agafonov, Trut, 2021).

Нам остается констатировать, что контингент авторов-казаковедов «Былых годов», представляющих научные центры Юга России, достаточно специфичен. В традиционных университетских научных журналах, как правило, подробно и досконально представлены казаковеды выпускающего университета. Например, «Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки» дают хорошее представление о достижениях казаковедения в ЮФУ и ДГТУ (согласно данным РИНЦ, в этом журнале опубликовано более 20 статей Н.А. Миникова, по 10 и более – А.И. Агафонова, А.В. Венкова, В.П. Трута и Д.В. Сеня (значительного исследователя казачества, в «Былых годах» не публиковавшегося вовсе). Журнал «Голос минувшего», в котором, по данным РИНЦ, более 30 публикаций В.Н. Ратушняка и почти 10 – О.В. Матвеева, способен сформировать аналогичное представление о казаковедении в КубГУ. Публикации же по истории казачества в «Былых годах» не позволяют составить системное представление о состоянии казаковедения ни в одном из научных центров Юга России в отдельности: каждый из этих центров представлен слишком малым числом публикаций, причем, как мы видели выше, признанные специалисты по истории казачества порой выступают в интересующем нас издании со статьями на смежные темы, а публикации по истории казачества могут, напротив, принадлежать ученым, чьи основные научные интересы находятся в другой сфере. Однако при этом «Былые годы» интересны именно в том отношении, что на страницах журнала за первые 15 лет существования были опубликованы статьи представителей почти всех значимых научных центров изучения казачества Юга России, причем большинство научных школ было представлено своими лидерами. И как раз подобный географический охват в современной историографии казачества встречается редко.

Географию авторов «Былых годов» нам кажется интересным сравнить с уникальным проектом другого журнала Юга России, имеющего высокий научный статус, – журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения». В 2019 г. данный журнал издал специальный выпуск, посвященный казачеству в условиях модернизации и социокультурных трансформаций. Вполне естественно, что для данного журнала оказалась характерна большая, чем для «Былых годов», ориентация на авторов из числа сотрудников ВолГУ. Тем не менее целый ряд внешних авторов совпал с представленными на страницах «Былых годов». В специальном выпуске были изданы материалы А.В. Венкова (Венков, 2019), А.П. Скорика (Скорик, 2019), Н.Ф. Бугая (Бугай, 2019) и А.А. Волвенко (Волвенко, Митрофанова, 2019). Нам остается констатировать, что в плане разнообразия различных научных казаковедческих школ Юга России, представленных на страницах «Былых годов», данный журнал занимает высокие позиции в научной периодике, а в плане репрезентативности и отсутствия преобладания какой-то конкретной школы, возможно, ему даже следует отдать первое место.

На наш взгляд, из описанного выше видно, что, если говорить именно о казаковедах Юга России, «Былые годы» выступают для них в роли своеобразной «выставочной площадки»: ни для одного из местных научных центров данный журнал не является базовым, однако для большинства авторитетных казаковедов публикация в нем статусна и привлекательна. Поэтому среди авторов статей по истории казачества в данном журнале очень высока доля знаковых фигур: это и лидеры местных научных школ, и организаторы науки и высшего образования. Для некоторых организаций (ЮФУ, КубГУ) очень велика доля авторов-докторов наук. Безусловно, «Былые годы» не являются специализированным казаковедческим журналом, и даже поиск статей по истории казачества на их страницах требует определенных усилий. Однако, если подобный поиск все же произвести, найденная совокупность статей, не характеризуя ни одну из научных казаковедческих школ Юга России в частности, даст, возможно, лучшее по сравнению с прочими периодическими изданиями представление о ситуации с казаковедением в регионе в целом. Ибо эта выборка, с одной стороны, достаточно репрезентативна в отношении представленных научных центров и ученых, а с другой – в ней менее по сравнению с университетскими изданиями выражен перекоп в сторону авторов какого-то конкретного научного центра.

Мы специально не касались ситуации с представителями казаковедческих школ других регионов и стран. Дело в том, что они тоже представлены на страницах «Былых годов», однако в меньшей степени, и их публикаций недостаточно, чтобы сформировать целостное представление о состоянии казаковедения за пределами Юга России. При этом нельзя не отметить присутствие на страницах журнала статей ряда знаковых специалистов. Выше мы неоднократно упоминали Н.Ф. Бугая, представляющего Институт российской истории РАН. Трижды в «Былых годах» публиковался Д.А. Ляпин, известный исследователь южного пограничья России XVII–XVIII в., и бывший директор института истории и культуры Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, причем одна из его статей затрагивала «служилых казаков» Юга России первой трети

XVII в. (Lyapin, Zhiron, 2017). В «Былых годах» представлены исследования истории казачества, выполненные и в других региональных университетах, например в Сибирском федеральном университете (Tarasov, 2019) или в Башкирском государственном педагогическом университете им. М. Акмуллы (Kortunov, 2015). Однако здесь речь идет исключительно о единичных статьях, причем обычно казаковедческая тематика представлена 1–2 публикациями даже не от научного центра, но от целого региона. Поэтому, хотя и нельзя не отметить отдельные случаи привлечения к сотрудничеству с «Былыми годами» значимых отечественных казаковедов и специалистов по смежным историческим проблемам из-за пределов Юга России, нужно понимать, что подобные случаи носят ситуативный характер, и для казаковедов других регионов журнал менее значим.

И в заключение отметим, что на страницах «Былых годов» опубликовано несколько статей по истории казачества, написанных представителями ближнего и дальнего зарубежья. Правда, наиболее авторитетных иностранных казаковедов в их числе нет. Например, Украина представлена известным историком, профессором Сумского государственного университета С.И. Дегтяревым, опубликовавшим в «Былых годах» статью «Особенности приобретения дворянства слободской украинской казацкой старшиной в конце XVIII века» (в соавторстве с Н.А. Михайличенко и Л.Г. Поляковой) (Degtyarev et al., 2020) и «Представители непривилегированных социальных групп бывшей Гетманщины на государственной службе Российской империи (на примере крестьянско-казацкой семьи Куниц)» (в соавторстве с Н.С. Назаровым, Л.Г. Поляковой и Я. Гутом) (Degtyarev et al., 2021). Однако основные работы С.И. Дегтярева посвящены истории Украины в составе Российской империи, а не собственно украинскому казачеству. В статье «Взаимодействие Российского государства и Терского казачества: механизмы и результаты (XVIII–XIX вв.)», о которой мы уже упоминали выше, в числе соавторов главного редактора «Былых годов» А.А. Черкасова выступил историк из дальнего зарубежья, доцент Университета Матея Бэла – М. Шмигель (Банска Быстрица, Словакия) (Ivantsov et al., 2014). Но и он является не казаковедом, а признанным специалистом по украинской и словацкой военной истории времен Великой Отечественной войны. Можно привести несколько других примеров, однако они только подтверждают тенденцию: хотя к истории казачества в рамках публикаций в «Былых годах» порой обращаются известные иностранные авторы, но только те, основная область научных интересов которых лежит в иных исторических областях.

Определенное исключение составляют наиболее регулярно публикующиеся на страницах «Былых годов» казаковеды, В.П. Трут и А.Ю. Перетятыко. Дело в том, что эти авторы в ряде своих публикаций представляют не научные центры Юга России, а международные научные институции (А.Ю. Перетятыко – Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, США (Peretyatko, 2020), а В.П. Трут – Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация (Agafonov, Trut, 2021)). Поэтому публикация статей по истории казачества сотрудниками международных научных центров на страницах «Былых годов» представлена достаточно широко. Однако в плане научной школы В.П. Трута и А.Ю. Перетятыко следует считать все же отечественными исследователями.

Здесь необходимо отметить, что в условиях отсутствия общепризнанных научных центров, где проходила бы систематизация и обобщение достижений современного казаковедения, на данный момент вообще не существует научных изданий, где были бы репрезентативно представлены казачьи школы нескольких регионов и стран. Например, в указанном выше спецвыпуске журнала «Вестник Волгоградского университета», посвященном казачеству в условиях модернизации и социокультурных трансформаций, участие научных центров из-за пределов Юга России было ограничено исключительно московскими организациями (Бугай, 2019; Гагкуев, Шилова, 2019; Юрченко, 2019). Зарубежные авторы к спецвыпуску не были привлечены вовсе. Тем не менее нужно отметить, что другим научным журналам удавалось организовывать хотя бы разовое сотрудничество с авторитетными казаковедами из ближнего зарубежья (например, журнал «Новое прошлое/The New Past» привлекал значимого украинского казаковеда В.И. Мильчева к дискуссии на страницах одного из номеров (Мильчев, 2017)).

Итак, на страницах «Былых годов» регулярно публикуются исследования по истории казачества, выполненные историками из-за пределов Юга России. Их география крайне богата: от Словакии до Сибири. А в числе авторов этих работ можно отметить признанных казаковедов, прежде всего Н.Ф. Бугая и Д.А. Ляпина. Однако, если на Юге России с журналом сотрудничают представители большинства научных центров изучения казачества, то за его пределами ситуация совсем иная. Обычно представлен один научный центр из региона, причем часто не главный для изучения казачества. Поэтому, если для казаковедения Юга России «Былые годы» служат своеобразной «выставочной площадкой», на которой представлены достижения большинства местных научных школ, в случае с другими регионами журнал скорее способствует установлению научных контактов между его читателями и новыми авторами.

4. Заключение

Казаковедческая тематика хорошо демонстрирует значение «Былых годов» для научного сообщества Юга России. Хотя этот журнал никогда не специализировался на ней, а в его редколлегии

нет казачеведов, за первые полтора десятилетия своего существования изданию удалось стать важным центром публикационной активности по истории казачества. Это произошло как благодаря специфике историографической ситуации (общепризнанных научным сообществом специализированных казачеведческих журналов не существует вообще), так и благодаря политике редакции, в 2010-2014 гг. активно сотрудничавшей с авторитетными казачеведами и публиковавшей их статьи в качестве открывающих номер.

В итоге «Былые годы» для казачеведов Юга России стали своеобразной «выставочной площадкой»: хотя отдельные авторы, кроме В.П. Трута и А.Ю. Перетягко, сотрудничают с журналом ситуативно и их творчество на его страницах представлено в каждом конкретном случае небольшим числом статей, за полтора десятилетия в интересующем нас издании были опубликованы работы представителей почти всех важнейших центров изучения казачества Юга России. Что еще важнее, в числе авторов этих работ очень велика доля лидеров научных школ, организаторов науки и просто наиболее авторитетных казачеведов. Таким образом, «Былые годы» на данный момент являются одним из важнейших изданий для исследователей казачества Юга России. В последние годы статьи по истории казачества представлены в каждом номере, а их тематическое разнообразие продолжает расти. Показательно, что, если в первые годы существования журнала казачеведы предпочитали публиковаться в «Былых годах» с работами на более широкие темы, только косвенно связанные с казачеством, то в дальнейшем они обратились к основной области своих изысканий.

Для казачеведов из других регионов значение «Былых годов» несколько меньше. Там с изданием сотрудничают представители только отдельных казачеведческих центров, как правило, не более одного на регион. Тем не менее, на страницах издания представлены такие интересные исследователи казачества как Н.Ф. Бугай и Д.А. Ляпин. Наиболее востребованы «Былые годы» среди казачеведов из региональных ВУЗов, представленных от ЕлГУ им. И.А. Бунина до СФУ. Публикуются в «Былых годах» со статьями о казачестве и иностранные авторы, однако в их числе нет признанных казачеведов: как правило, к казачьей тематике обращаются известные ученые, основные интересы которых лежат в иных областях. В то же время самые активные исследователи казачества на страницах «Былых годов», В.П. Трут и А.Ю. Перетягко, хотя и принадлежат к отечественной казачеведческой традиции, во многих статьях представляют международные научные организации. Эволюция казачеведческой тематики на страницах журнала продолжается, и можно надеяться, что следующее десятилетие его существования ознаменуется новыми достижениями.

Литература

Афанасенко, 2010 – Афанасенко В.И. Казачья кавалерия РККА в боях на юге СССР в первый период Великой Отечественной войны // *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2010. № 4 (18). С. 5-9.

Бугай, 2012 – Бугай Н.Ф. Периферийный фактор в борьбе народов России против Наполеона в начале XIX века // *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2012. № 3 (25). С. 6-16.

Бугай, 2019 – Бугай Н.Ф. Российское казачество и проблема идентичности с вопросом: кто мы? // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. 2019. Т. 24. № 4. С. 148-163.

Венков, 2011 – Венков А.В. Гибель донской конницы в феврале 1920 года в Задонской степи // *Былые годы*. 2011. № 4 (22). С. 17-25.

Венков, 2019 – Венков А.В. Красные донские казаки в 1918 году // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. 2019. Т. 24. № 4. С. 71-83.

Волвенко, Митрофанова, 2019 – Волвенко А.А., Митрофанова А.И. Донское казачество конца XIX – начала XX в. в книге Шейна О'Рурка «Воины и крестьяне: донские казаки в поздней Российской империи» (Shane O'Rourke. Warriors and Peasants: The Don Cossacks in Late Imperial Russia. – New York: St. Martin's, in Association with St. Antony's College, Oxford, 2000. – 200 p.) // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. 2019. Т. 24. № 4. С. 235-241.

Гагкуев, Шилова, 2019 – Гагкуев Р.Г., Шилова С.Г. «Терское войско собственными руками вычистило родные станицы от заразы»: Горско-Моздокские полки в рядах ВСЮР в начале 1919 года // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. 2019. Т. 24. № 4. С. 84-92.

Матвеев, 2009 – Матвеев О.В. Великий князь Михаил Николаевич на завершающем этапе Кавказской войны // *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2009. № 3 (13). С. 21-29.

Мильчев, 2017 – Мильчев В.И. Неудобные герои // *Новое прошлое/The New Past*. 2017. № 2. С. 178-186.

Мининков, 2010 – Мининков Н.А. Великая Отечественная война как место российской исторической памяти и основа самоидентификации общества // *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2010. № 4 (18). С. 73-78.

[Нарежный, Трут, 2013](#) – *Нарежный А.И., Трут В.П.* Советско-германский договор о ненападении 1939 г.: дискуссионные вопросы // *Былые годы. Российский исторический журнал.* 2013. № 29 (3). С. 10-17.

[Ратушняк, 2010](#) – *Ратушняк В.Н.* Административно-территориальная реформа на Кубани и реорганизация местной полиции в 1860–1890-е гг. // *Былые годы. Российский исторический журнал.* 2010. № 4 (18). С. 13-19.

[Ратушняк, 2013](#) – *Ратушняк О.В.* Третий Рейх и казачество: к вопросу о взаимоотношениях в годы Второй мировой войны // *Былые годы. Российский исторический журнал.* 2013. № 3. С. 101-106.

[Серов, 1900](#) – *Серов Д.Е.* Оренбургский казак, его экономическое положение и служба (очерк современного быта оренбургских казаков). Оренбург, 1900. 117 с.

[Скорик, 2012](#) – *Скорик А.П.* Кампания «За советское казачество» на Юге России: ретроспективный анализ экспектаций // *Былые годы. Российский исторический журнал.* 2012. № 1 (23). С. 5-10.

[Скорик, 2019](#) – *Скорик А.П.* Рассказывание как политика и социальный процесс на Дону в 1920-е годы // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения.* 2019. Т. 24. № 4. С. 102-113.

[Юрченко, 2019](#) – *Юрченко И.Ю.* Проблема рассказывания в новейшей историографии: история изучения, юридические и политические аспекты, библиография и статистика публикаций // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения.* 2019. Т. 24. № 4. С. 224-234.

[Юрченко, 2020](#) – *Юрченко И.Ю.* Новейшая историография казачества: статистика цитирований, библиометрия и библиография РИНЦ 2019 // *Вестник Научно-методического совета по природообустройству и водопользованию.* 2020. № 19 (19). С. 86-134.

[Agafonov, Trut, 2021](#) – *Agafonov A.I., Trut V.P.* “The Tsarevich was Dressed in a Cossack Uniform...” (The Honorary Patronage of the Emperor and the Heir to the Throne over the Don Cossack Guard Units and the Don Cossack Uniform in their Military Wardrobe) // *Bylye Gody.* 2021. 16(2): 572-586.

[Bratolyubova, 2015](#) – *Bratolyubova M.V., Brizgalova I.G., Samarina N.V.* Vasilii Ilich Denisov: Historical Portrait at the Backdrop of the Russian Modernization (End of XIX – Beginning of XX Century) // *Bylye Gody.* 2015. 38(4): 948-954.

[Chuikov et al., 2016](#) – *Chuikov O.E., Gordeev I.A., Batyrov V.V.* The Discoveries and Achievements of Modern Historiography of the Don Cossacks in the Second Half of the XIX Century // *Bylye Gody.* 2016. 41(3): 675-687.

[Degtyarev et al., 2020](#) – *Degtyarev S.I., Mikhaylichenko M.A., Polyakova L.G.* The Features of the Acquisition of the Nobility by the Sloboda Ukrainian Cossack Foreman at the late of the XVIII century // *Bylye Gody.* 2020. 58(4): 2365-2376.

[Degtyarev et al., 2021](#) – *Degtyarev S.I., Nazarov M.S., Polyakova L.G., Gut J.* Representatives of the Unprivileged Social Groups of the Former Hetmanate on Public Service of the Russian Empire (on the example of the Peasant-Cossack Kunits Family) // *Bylye Gody.* 2021. 16(1): 56-63.

[Garunova, 2015](#) – *Garunova N.N.* Tryokhstennyi gorodok' in the context of the history of lower reaches of the Terek XVII-XVIII // *Bylye Gody.* 2015. 35(1): 48-54.

[Ivantsov et al., 2014](#) – *Ivantsov V.G., Šmigel' M., Cherkasov A.A., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S.* Interaction of the Russian state and Terek Cossacks: mechanisms and results (XVIII-XIX centuries) // *Bylye Gody.* 2014. 31(1): 5-12.

[Kortunov, 2015](#) – *Kortunov A.I.* South-east frontier of the Russian Empire and the processes on the division of the Ural River left bank area between Kirghiz-Kaysaks and Ural Cossacks in the second half of the XIX century // *Bylye Gody.* 2015. Vol. 35. Is. 1. Pp. 100-106.

[Kudrjavcev, 2018](#) – *Kudrjavcev A.A.* Mountaineers and Cossacks of the North Caucasus in the History of Russia's time of troubles of the late XVI-early XVII centuries // *Bylye Gody.* 2018. 50(4): 1352-1365.

[Lidzhieva et al., 2015](#) – *Lidzhieva I.V., Batyrov V.V., Okonova L.V.* Kalmyk Steppe During the World War I: the Question of the Transition to the Cossack Estate // *Bylye Gody.* 2015. 35(1): 137-144.

[Lyapin, Zhirov, 2017](#) – *Lyapin D.A., Zhirov N.A.* The peculiarities of social organization of the serving population of the south of Russia in the first third of the XVII centuries (on materials guarantee records of Voronezh) // *Bylye Gody.* 2017. 43(1): 13-20.

[Lyubichankovskiy, Nikolaeva, 2016](#) – *Lyubichankovskiy S.V., Nikolaeva O.Yu.* Public works as a way of overcoming of a food crisis: historical experience of the Orenburg region (1891-1892 years) // *Bylye Gody.* 2016. 39 (1): 183-189.

[Mininkov, Mininkova, 2019](#) – *Mininkov N.A., Mininkova L.V.* The Cossack Region of Russia in the Characteristics of Russian Travelers of the Modern Era // *Bylye Gody.* 2019. 54(4): 1761-1771.

[Molchanova et al., 2019a](#) – *Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I.* The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1 // *Bylye Gody.* 2019. 53(3): 1049-1058.

[Molchanova et al., 2019b](#) – *Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I.* The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2 // *Bylye Gody*. 2019. 54(4): 1524–1536.

[Molchanova et al., 2020](#) – *Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I.* The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 88–104.

[Peretyatko, 2016](#) – *Peretyatko A.Y.* The dark side of the Emancipation Reform of 1861 on the Don region: the history of the resettlement of one of the peasant community according the material of atamanskaya kontselyariya // *Bylye Gody*. 2016. 39 (1): 137–145.

[Peretyatko, 2019](#) – *Peretyatko A.Y.* Forgotten Researcher of the Don Economy: Economic and Political Motives in the Late Books of N.I. Krasnov // *Bylye Gody*. 2019. 54(4): 1692–1703.

[Peretyatko, 2020](#) – *Peretyatko A.Y.* “Turned the Ruble over the Entire Cossack Economy”: the Evolution of the Don Cossack Households in 1860–1890 // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1168–1178.

[Rajović, Bulatović, 2016](#) – *Rajović G., Bulatović J.* The Russian Historical Journal "Bylye Gody" (2006–2016 years): the Results of the First Decade // *Bylye Gody*. 2016. 41(3): 550–554.

[Rajović et al., 2019a](#) – *Rajović G., Krinko E.F., Vazerova A.G., Trailovic M.* Biographical Research in the Modern Historiography of the Don Cossacks of the second half of the XIX century. Part I // *Bylye Gody*. 2019. 51(1): 209–218.

[Rajović et al., 2019b](#) – *Rajović G., Krinko E.F., Vazerova A.G., Trailovic M.* Biographical Research in the Modern Historiography of the Don Cossacks of the second half of the XIX century. Part II // *Bylye Gody*. 2019. 52(2): 702–713.

[Ratushnyak, Ratushnyak, 2017](#) – *Ratushnyak V.N., Ratushnyak T.V.* Value-grain potential of the North Caucasus in the late XIX – the early XX century // *Bylye Gody*. 2017. 45(3): 1025–1035.

[Ratushnyak, Ratushnyak, 2018](#) – *Ratushnyak V.N., Ratushnyak T.V.* Agriculture in the North Caucasus in late 19th – early 20th century: Evolutional Challenges // *Bylye Gody*. 2018. 49(3): 1186–1194.

[Suschiy, 2020](#) – *Suschiy S.J.* The Population of the Don and the Northern Caucasus at the end of the Imperial Period (1900–1910s): Wars and Other Factors of Geodemographic Dynamics // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2817–2825.

[Tarasov, 2019](#) – *Tarasov M.G.* The Number of the Semirechensky Cossacks and Factors of its Dynamics in XIX – the beginning of XX centuries // *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 1211–1220.

[Trut, 2018](#) – *Trut V.P.* The System of Cossack Land Ownership and Land Use and Its Reformation in the Early Twentieth Century // *Bylye Gody*. 2018. 50(4): 1703–1711.

[Trut et al., 2017](#) – *Trut V.P., Borodin S.V., Tarakanov V.V.* Position of the Cossacks of the Petrograd garrison during the October uprising in the Capital and Participation of Cossack Units in the Campaign of Kerensky-Krasnov // *Bylye Gody*. 2017. 46(4): 1572–1581.

[Volvenko, 2016](#) – *Volvenko A.A.* D.A. Milyutin and Cossacks // *Bylye Gody*. 2016. 40(2): 398–411.

[Volvenko, 2018](#) – *Volvenko A.A.* Interim Committee on Revision of the Cossack Statutes: Organization, Structure, Activity (1865–1872) // *Bylye Gody*. 2018. 47(1): 280–291.

References

[Afanasenko, 2010](#) – *Afanasenko, V.I.* (2010). Kazach'ya kavaleriya RKKA v boyakh na yuge SSSR v pervyi period Velikoi Otechestvennoi voyny [Workers' and Peasants' Red Army Cossack cavalry in battles in the south of the USSR during the first period of Great Patriotic War]. *Bylye Gody*. 18(4): 5–9.

[Agafonov, Trut, 2021](#) – *Agafonov, A.I., Trut, V.P.* (2021). “The Tsarevich was Dressed in a Cossack Uniform...” (The Honorary Patronage of the Emperor and the Heir to the Throne over the Don Cossack Guard Units and the Don Cossack Uniform in their Military Wardrobe). *Bylye Gody*. 16(2): 572–586.

[Bratolyubova i dr., 2015](#) – *Bratolyubova, M.V., Brizgalova, I.G., Samarina, N.V.* (2015). Vasilii Ilich Denisov: Historical Portrait at the Backdrop of the Russian Modernization (End of XIX – Beginning of XX Century). *Bylye Gody*. 38(4): 948–954.

[Bugay, 2012](#) – *Bugay, N.F.* (2012). Periferiyniy faktor v bor'be narodov Rossii protiv Napoleona v nachale XIX veka [Peripheral Factor in the Stuggle of People of Russia Against Napoleon in Early XIX Century]. *Bylye Gody*. 25(3): 6–16.

[Bugay, 2019](#) – *Bugay, N.F.* (2019). Rossiiskoe kazachestvo i problema identichnosti s voprosom: kto my? [The Russian Cossacks and the Problem of Identity with the Question: Who Are We?]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 24 (4): 148–163.

[Chuikov et al., 2016](#) – *Chuikov, O.E., Gordeev, I.A., Batyrov, V.V.* (2016). The Discoveries and Achievements of Modern Historiography of the Don Cossacks in the Second Half of the XIX Century. *Bylye Gody*. 41(3): 675–687.

[Degtyarev et al., 2020](#) – *Degtyarev, S.I., Mikhaylichenko, M.A., Polyakova, L.G.* (2020). The Features of the Acquisition of the Nobility by the Sloboda Ukrainian Cossack Foreman at the late of the XVIII century *Bylye Gody*. 58(4): 2365–2376.

- [Degtyarev et al., 2021](#) – *Degtyarev, S.I., Nazarov, M.S., Polyakova, L.G., Gut, J.* (2021). Representatives of the Unprivileged Social Groups of the Former Hetmanate on Public Service of the Russian Empire (on the example of the Peasant-Cossack Kunits Family). *Bylye Gody*. 16(1): 56-63.
- [Gagkuev, Shilova, 2019](#) – *Gagkuev, R.G., Shilova, S.G.* (2019). "The Terek Cossack Host Cleaned out the Native Villages from the Infection with Their Own Hands": Gorskoye-Mozdok Regiments in the Ranks of the Armed Forces of the South of Russia in the Early 1919 [«Terskoe voisko sobstvennymi rukami vychistilo rodnye stanitsy ot zarazy»: Gorskoye-Mozdokskie polki v ryadakh VSYuR v nachale 1919 goda]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya*. 24(4): 84-92. [in Russian]
- [Garunova, 2015](#) – *Garunova, N.N.* (2015). Tryokhstennyi gorodok' in the context of the history of lower reaches of the Terek XVII-XVIII. *Bylye Gody*. 35(1): 48-54.
- [Ivantsov et al., 2014](#) – *Ivantsov, V.G., Šmigel', M., Cherkasov, A.A., Ryabtsev, A.A., Molchanova, V.S.* Interaction of the Russian state and Terek Cossacks: mechanisms and results (XVIII-XIX centuries). *Bylye Gody*. 31(1): 5-12.
- [Kortunov, 2015](#) – *Kortunov, A.I.* (2015). South-east frontier of the Russian Empire and the processes on the division of the Ural River left bank area between Kirghiz-Kaysaks and Ural Cossacks in the second half of the XIX century. *Bylye Gody*. Vol. 35. Is. 1. Pp. 100-106.
- [Kudrjavcev, 2018](#) – *Kudrjavcev, A.A.* (2018). Mountaineers and Cossacks of the North Caucasus in the History of Russia's time of troubles of the late XVI-early XVII centuries. *Bylye Gody*. 50(4): 1352-1365.
- [Lidzhiyeva et al., 2015](#) – *Lidzhiyeva, I.V., Batyrov, V.V., Okonova, L.V.* (2015). Kalmyk Steppe During the World War I: the Question of the Transition to the Cossack Estate. *Bylye Gody*. 35(1): 137-144.
- [Lyapin, Zhirov, 2017](#) – *Lyapin, D.A., Zhirov, N.A.* (2017). The peculiarities of social organization of the serving population of the south of Russia in the first third of the XVII centuries (on materials guarantee records of Voronezh). *Bylye Gody*. 43(1): 13-20.
- [Lyubichankovskiy, Nikolaeva, 2016](#) – *Lyubichankovskiy, S.V., Nikolaeva, O.Yu.* (2016). Public works as a way of overcoming of a food crisis: historical experience of the Orenburg region (1891-1892 years). *Bylye Gody*. 39 (1): 183-189.
- [Matveev, 2009](#) – *Matveev, O.V.* (2009). Velikii knyaz' Mikhail Nikolaevich na zavershayushchem etape Kavkazskoi voyny [Grand duke Mikhail Nikolayevich during the last phase of war]. *Bylye Gody*. 13(3): 21-29.
- [Mil'chev, 2017](#) – *Mil'chev, V.I.* (2017). Neudobnye geroi [Inconvenient heroes]. *The New Past*. 2: 178-186. [in Russian]
- [Mininkov, 2010](#) – *Mininkov, N.A.* (2010). Velikaya Otechestvennaya voyna kak mesto rossiiskoi istoricheskoi pamyati i osnova samoidentifikatsii obshchestva [Great Patriotic war as the place of Russian historical memory and basis for society self-identification]. *Bylye Gody*. 18(4): 73-78.
- [Mininkov, Mininkova, 2019](#) – *Mininkov, N.A., Mininkova, L.V.* (2019). The Cossack Region of Russia in the Characteristics of Russian Travelers of the Modern Era. *Bylye Gody*. 54(4): 1761-1771.
- [Molchanova et al., 2019a](#) – *Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I.* (2019). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1. *Bylye Gody*. 53(3): 1049-1058.
- [Molchanova et al., 2019b](#) – *Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I.* (2019). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2. *Bylye Gody*. 54(4): 1524-1536.
- [Molchanova et al., 2020](#) – *Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I.* (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3. *Bylye Gody*. 55(1): 88-104.
- [Narezhny, Trut, 2013](#) – *Narezhny, A.I., Trut, V.P.* (2013). Sovetsko-germanskii dogovor o nenapadenii 1939 g.: diskussionnye voprosy [German-Soviet Nonaggression Pact of 1939: Debating Issues]. *Bylye Gody*. 2013. 29(3): 10-17.
- [Peretyatko, 2016](#) – *Peretyatko, A.Y.* (2016). The dark side of the Emancipation Reform of 1861 on the Don region: the history of the resettlement of one of the peasant community according the material of atamanskaya kontselyariya. *Bylye Gody*. 39 (1): 137-145.
- [Peretyatko, 2019](#) – *Peretyatko, A.Y.* (2019). Forgotten Researcher of the Don Economy: Economic and Political Motives in the Late Books of N.I. Krasnov. *Bylye Gody*. 54(4): 1692-1703.
- [Peretyatko, 2020](#) – *Peretyatko, A.Y.* (2020). "Turned the Ruble over the Entire Cossack Economy": the Evolution of the Don Cossack Households in 1860–1890. *Bylye Gody*. 57(3): 1168-1178.
- [Rajović et al., 2019a](#) – *Rajović, G., Krinko, E.F., Vazerova, A.G., Trailovic, M.* (2019). Biographical Research in the Modern Historiography of the Don Cossacks of the second half of the XIX century. Part I. *Bylye Gody*. 51(1): 209-218.
- [Rajović et al., 2019b](#) – *Rajović, G., Krinko, E.F., Vazerova, A.G., Trailovic, M.* (2019). Biographical Research in the Modern Historiography of the Don Cossacks of the second half of the XIX century. Part II. *Bylye Gody*. 52(2): 702-713.
- [Rajović, Bulatović, 2016](#) – *Rajović, G., Bulatović, J.* (2016). The Russian Historical Journal "Bylye Gody" (2006-2016 years): the Results of the First Decade. *Bylye Gody*. 41(3): 550-554.

Ratushnyak, 2010 – *Ratushnyak, V.N.* Administrativno-territorial'naya reforma na Kubani i reorganizatsiya mestnoi politsii v 1860–1890-e gg. [Kuban administrative-territorial reform and local police reorganization in 1860-1890]. *Bylye Gody*. 18(4): 13-19.

Ratushnyak, 2013 – *Ratushnyak, O.V.* (2013). Tretii Reikh i kazachestvo: k voprosu o vzaimootnosheniakh v gody Vtoroi mirovoi voiny [The Third Reich and the Cossacks: Relations during the World War II]. *Bylye Gody*. 29(3): 101-106.

Ratushnyak, Ratushnyak, 2017 – *Ratushnyak, V.N., Ratushnyak, T.V.* (2017). Value-grain potential of the North Caucasus in the late XIX – the early XX century. *Bylye Gody*. 45(3): 1025-1035.

Ratushnyak, Ratushnyak, 2018 – *Ratushnyak, V.N., Ratushnyak, T.V.* (2018). Agriculture in the North Caucasus in late 19th – early 20th century: Evolutional Challenges. *Bylye Gody*. 49(3): 1186-1194.

Serov, 1900 – *Serov, D.E.* (1900). Orenburgskii kazak, ego ekonomicheskoe polozhenie i sluzhba (oчерk sovremennogo byta orenburgskikh kazakov) [Orenburg Cossack, his economic situation and service (an outline of the modern life of the Orenburg Cossacks)]. Orenburg. P. 117. [in Russian]

Skorik, 2012 – *Skorik, A.P.* (2012). Kampaniya «Za sovetskoe kazachestvo» na Yuge Rossii: retrospektivnyi analiz ekspektatsii [Pro-Soviet Cossacks Campaign in the South of Russia: Expectations Retrospective Analysis]. *Bylye Gody*. 23(1): 5-10. [in Russian]

Skorik, 2019 – *Skorik, A.P.* (2019). Raskazachivanie as a Policy and Social Process in the Don Region in the 1920s [Raskazachivanie kak politika i sotsial'nyi protsess na Donu v 1920-e gody]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 24(4): 102-113. [in Russian]

Suschiy, 2020 – *Suschiy, S.J.* (2020). The Population of the Don and the Northern Caucasus at the end of the Imperial Period (1900–1910s): Wars and Other Factors of Geodemographic Dynamics. *Bylye Gody*. 58(4): 2817-2825.

Tarasov, 2019 – *Tarasov, M.G.* (2019). The Number of the Semirechensky Cossacks and Factors of its Dynamics in XIX – the beginning of XX centuries. *Bylye Gody*. 53(3): 1211-1220.

Trut et al., 2017 – *Trut, V.P., Borodin, S.V., Tarakanov, V.V.* (2018). Position of the Cossacks of the Petrograd garrison during the October uprising in the Capital and Participation of Cossack Units in the Campaign of Kerensky-Krasnov. *Bylye Gody*. 46(4): 1572-1581.

Trut, 2018 – *Trut, V.P.* (2018). The System of Cossack Land Ownership and Land Use and Its Reformation in the Early Twentieth Century. *Bylye Gody*. 50(4): 1703-1711.

Venkov, 2011 – *Venkov, A.V.* (2011). Gibel' donsokoi konnitsy v fevrale 1920 goda v Zadonskoi stepi [Tragic Death of Don Cavalry in Zadonsk Steppe in February, 1920]. *Bylye Gody*. 22(4): 17-25. [in Russian]

Venkov, 2019 – *Venkov, A.V.* (2019). Red Don Cossacks in 1918 [Krasnye donsokie kazaki v 1918 godu]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 24(4): 71-83. [in Russian]

Volvenko, 2016 – *Volvenko, A.A.* (2016). D.A. Milyutin and Cossacks. *Bylye Gody*. 40(2): 398-411.

Volvenko, 2018 – *Volvenko, A.A.* (2018). Interim Committee on Revision of the Cossack Statutes: Organization, Structure, Activity (1865–1872). *Bylye Gody*. 47(1): 280-291.

Volvenko, Mitrofanova, 2019 – *Volvenko, A.A., Mitrofanova, A.I.* (2019). The Don Cossacks of the Late 19th – Early 20th c. in Shane O'Rourke's Book "Warriors and Peasants: The Don Cossacks in Late Imperial Russia" (Shane O'Rourke. Warriors and Peasants: The Don Cossacks in Late Imperial Russia. – New York: St. Martin's, in Association with St. Antony's College, Oxford, 2000. – 200 p.) [Donskoe kazachestvo kontsa XIX – nachala XX v. v knige Sheina O'Rurka «Voiny i krest'yane: donsokie kazaki v pozdnei Rossiiskoi imperii» (Shane O'Rourke. Warriors and Peasants: The Don Cossacks in Late Imperial Russia. – New York: St. Martin's, in Association with St. Antony's College, Oxford, 2000. – 200 p.)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 24(4): 235-241.

Yurchenko, 2019 – *Yurchenko, I.Yu.* (2019). Problema raskazachivaniya v noveishei istoriografii: istoriya izucheniya, yuridicheskie i politicheskie aspekty, bibliografiya i statistika publikatsii [The issue of decossackization in modern historiography: history of studying, legal and political aspects, bibliography and statistics of publications]. *Vestnik Nauchno-metodicheskogo soveta po priodoobustroistvu i vodopol'zovaniyu*. 24(4): 224-234. [in Russian]

Yurchenko, 2020 – *Yurchenko, I.Yu.* (2020). Noveishaya istoriografiya kazachestva: statistika tsitirovaniya, bibliometriya i bibliografiya RINTs 2019 [The newest historiography of the Cossacks: citation statistics, bibliometry and bibliography RSCI 2019]. *Vestnik Nauchno-metodicheskogo soveta po priodoobustroistvu i vodopol'zovaniyu*. 19 (19): 86-134.

Статьи по истории казачества на страницах журнала «Былые годы» (2006–2021)

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}

^a Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу значения российского исторического журнала «Былые годы» для современного казачеведения. Хотя «Былые годы» никогда не были специализированным изданием по истории казачества, первоначальное место издания (г. Сочи) способствовало установлению контактов между журналом и историками Юга России, для которых казачеведческая тематика является традиционной. Поэтому, анализируя, чьи статьи по истории казачества опубликованы на страницах «Былых годов», можно понять значение этого журнала для научного сообщества Юга России.

В статье рассмотрены публикации в «Былых годах» по истории казачества и публикации признанных казачеведов на другие темы с 2006 по 2021 гг. Показано, что казачеведческая тематика играла все большую роль по мере роста авторитета журнала (первые статьи по истории казачества вышли в 2010 г., в 2010-2014 г. публикации по истории казачества неоднократно открывали номера, а с 2018 г. казачеведческая тематика представлена в каждом номере журнала).

Сделан вывод, что для казачеведов Юга России «Былые годы» являются своеобразной «выставочной площадкой»: на страницах журнала представлено большинство научных центров региона, в которых ведется изучение казачества, причем нередко лидерами научных школ/организаторами науки, однако каждым из этих центров опубликовано сравнительно небольшое число статей собственно по казачьей истории. В целом, казачеведческие публикации на страницах «Былых годов» позволяют сформировать достаточно адекватную картину изучения истории казачества на Юге России. Кроме того, в журнале периодически публикуются материалы по истории казачества исследователей истории казачества из-за пределов Юга России, включая достаточно знаковые фигуры.

Ключевые слова: российский исторический журнал «Былые годы», историческая периодика, историография казачества, научные центры Юга России.

* Корреспондирующий автор

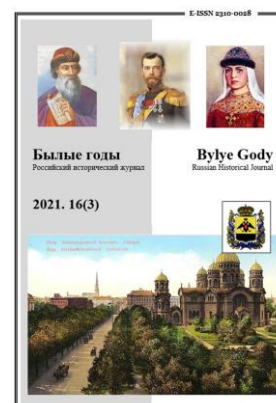
Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1075-1086
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1075
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



Historical Background of the Emergence of the Islamic Sociocultural Factor of the Social and Political Process Transformation in Scotland

Pavel A. Merkulov ^a, Eugene A. Turin ^{a, *}, Elena N. Savinova ^a

^a Central Russian Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation

Abstract

The article examines the historical background of the emergence of the Islamic socio-cultural factor of transformation of the socio-political process in Scotland. The authors believe that the study of this problem has not only scientific and theoretical, but also significant practical and managerial significance (especially for non-Muslim countries with positive dynamics of the Muslim population). The authors note that the countries that historically belong to the Christian civilization are currently experiencing an alien civilizational presence, which significantly transforms the established socio-cultural foundations of socio-political processes. As an example, the article considers Scotland (and, in part, England). At the same time, the authors believe that the scientific understanding of civilizational and national styles of development of socio-political processes should largely be based on an understanding of the corresponding historical imperatives. Therefore, the purpose of the article is to consider and scientifically analyze the historical background of the emergence of the Islamic socio-cultural factor of transformation of the socio-political process in Scotland from the end of the XVI century to the first quarter of the XX century. The article concludes that during this period, the presence of Muslims in Britain gradually expanded and their socio-cultural influence increased. At the end of the XVI century – the beginning of the XVII century there was only indirect evidence of a Muslim presence in Scotland (and England), but since the first quarter of the twentieth century, the role of Muslims in Scottish society has become so prominent that it allows us to talk about the real appearance of an Islamic socio-cultural factor of transformational changes in the socio-political process in Scotland. In this article, a wide range of historical sources was used, which served as empirical material for justifying the authors' conclusions.

Keywords: Scotland, socio-political process, socio-cultural factor in politics, Christian civilization, Muslims, migrants, identity.

1. Введение

Актуальность проблематики, избранной авторами для данной статьи, обусловлена целым рядом обстоятельств. Во-первых, исторические свидетельства о проникновении мусульман в Шотландию, об их расселении, а также о становлении и расширении социально-политического и культурного влияния мусульманских общин в этой стране сравнительно скудны и отрывочны. Это создает очевидную проблему для ученых, желающих выяснить конкретные обстоятельства, которые привели носителей исламской веры на север Британии. Во-вторых, само наличие исламского фактора в общественно-политической жизни современной Шотландии (как и Англии) является сегодня столь же очевидной реальностью, сколь очевидны и те проблемы, с которыми обычно сталкиваются все коренные народы на своей исконной земле, испытывая чуждое цивилизационное присутствие, существенно трансформирующее устоявшиеся социокультурные основания общественно-политических процессов, протекавших до того в русле исторически сложившихся парадигм. В-третьих, общие

* Corresponding author

E-mail addresses: Turin.of.Foveran@yandex.ru (E.A. Turin), uchenyi.sovet@yandex.ru (P.A. Merkulov)

перспективы развития общества в немалой степени связаны с практической политико-управленческой задачей поддержания национального гражданского единства, что весьма непросто осуществить в условиях полиэтничной и многоконфессиональной государственности. В-четвертых, нельзя забывать о том, что научное осмысление цивилизационных и национальных стилей развития общественно-политических процессов в значительной степени должно базироваться на понимании соответствующих исторических императивов, что, в свою очередь, вызывает необходимость изучения трансформационных социокультурных изменений в контексте исторических особенностей самой Шотландии. Пятым обстоятельством, актуализирующим, по мнению авторов, заявленную тему, является необходимость изучения сущностной природы и роли ценностных ориентиров, приводящих к усложнению политических систем в каждом конкретном пространственно-временном контексте. Наконец, еще одно обстоятельство, обуславливающее актуальность рассматриваемой темы, кроется в факторе прямого влияния социокультурной составляющей на такие характеристики политического процесса, как устойчивость и результативность (в этом вопросе мы полностью разделяем мнение коллег, полагающих, что такой подход позволяет лучше ориентироваться в условиях новых цивилизационных вызовов).

Говоря непосредственно о Шотландии, следует отметить, что исторически социокультурные основания общественно-политического процесса в этой стране никогда не были однозначными, ибо издавна являли собой пример этно-конфессиональной сложности (в том числе с учетом проблемы идентичности шотландцев). Более того, со временем социокультурная составляющая развития шотландской государственности усложнилась еще больше. Шотландия стала очевиднее проявлять свою цивилизационную «пограничность», характеризующуюся гетерогенностью, поликультурностью, лабильностью, открытостью, эластичностью, а также наличием быстрого усвоения «чужого» опыта. На наш взгляд, активизацию проявлений «пограничности» в Шотландии следует связывать как раз с усилением чуждого социокультурного присутствия: ирландского, скандинавского, франко-нормандского, английского, польского, итальянского и т.д. На этом фоне особо чуждым (т.е. неевропейским, нехристианским) оказалось социокультурное присутствие в Шотландии мусульман (из различных регионов Большого Ближнего Востока), следствием чего стало постепенное формирование исламского социокультурного фактора, приведшего в итоге к трансформациям общественно-политических процессов в названной стране.

В свою очередь, чуждое цивилизационное присутствие породило и порождает соответствующие дискуссии, активизируя социально-политические процессы, которые в Шотландии претерпели известную эволюцию от исламофобии и националистических настроений с расистской окраской (в конце XVI – первой четверти XX вв.) до возникновения в мусульманской среде мифа о «шотландском социальном рае» для мигрантов-мусульман и присутствия адептов ислама в рядах политической и государственно-управленческой элиты Шотландии (в конце XX – первой четверти XXI вв.).

Безусловно, решение проблем гармоничного сосуществования цивилизаций и тем более общенационального единства в рамках одного государственно-территориального пространства каждой конкретной страны не может быть реализовано посредством противопоставления «своих» и «чужих» с вытекающими из этого социально-политическими последствиями. Поэтому научным ответом на усиление исламского социокультурного фактора в Шотландии (и, более широко, в Британии, и даже Европе) должно стать активное его изучение, в контекст которого призвана влиться данная статья.

Таким образом, в контексте означенной проблематики предлагаемое авторами рассмотрение исторического опыта Шотландии (и отчасти Англии) представляется довольно интересным и актуальным.

2. Материалы и методы

Итак, целью данной статьи авторы избрали рассмотрение и научное осмысление исторических предпосылок возникновения исламского социокультурного фактора трансформации общественно-политического процесса в Шотландии за период с конца XVI в. до первой четверти XX в. включительно. Для реализации означенной цели был использован методологический инструментарий, основу которого составил социокультурный метод, позволивший рассматривать социально-политическую и духовную сферы развития шотландского общества сквозь призму цивилизационно-исторического процесса в рамках конкретного пространственно-временного локуса.

Используя данный метод при исследовании заявленной проблематики, мы рассматривали исторические императивы, воздействующие на социокультурные детерминанты британского общества (например, при формировании традиций, ценностей, ограничений и запретов). Опираясь на методологический концепт М. Вебера, мы ориентировались на несколько ключевых детерминант, наиболее существенно влиявших на развитие социокультурных оснований общественно-политического процесса в Шотландии: политические архетипы, традиции и ценности; шотландский менталитет; идентичность шотландцев; шотландский политический этос; образ мусульман в шотландском обществе.

Для анализа влияния исламского фактора на трансформационные изменения общественно-политического процесса в Шотландии был применен метод совмещения исторической, культурологической и институциональной парадигм.

Необходимо также сказать о том, что при работе над данной статьей использовались эмпирико-теоретические материалы, которые можно охарактеризовать, как довольно обширные в целом, но скудные в части раскрытия непосредственно рассматриваемой проблематики. Мы подчеркиваем, что речь идет только об источниках, касающихся контактов мусульман, прежде всего с Шотландией (и лишь отчасти с Англией или, более широко, с Британской империей¹). Так, если говорить об исторических источниках, позволяющих в ограниченных рамках статьи составить некоторое общее представление о проникновении мусульман на север Британии, то среди них отметим следующие.

Наиболее ранним является трактат *De Locis Sanctis* («О Святых местах»), написанный ирландским аббатом Адамнаном (Adamnan, 1957). Данный труд основан, главным образом, на сведениях, полученных в ходе путешествия в Святую Землю монаха Аркульфа и паломничеств некоторых других шотландцев. К группе ранних же свидетельств о шотландско-мусульманских контактах следует отнести и упоминания Шотландии в работах нескольких арабских географов, в частности Аль-Масуди (Аль-Масуди, 2002) и Аль-Идриси (Al-Idrisi, 1970-1984). Впрочем, не вполне ясно, были ли это просто топографические и географические знания о существовании Шотландии, или же представителям исламского мира довелось побывать в этой стране. В любом случае в упомянутых работах Адамнана и арабских авторов получило свое отражение и зафиксировано самое начало контактов между Шотландией и исламским миром, особенно через торговые связи с Северной Африкой. Очевидно, что ранние контакты между шотландцами и мусульманами были представлены преимущественно односторонним движением шотландских паломников, крестоносцев² и торговцев в мусульманские страны. Тем не менее нужно отметить, что означенная группа ранних источников не является основной для данной статьи, т.к. существенно выпадает за хронологические рамки конца XVI – первой четверти XX вв. В этой связи наиболее значимыми для нашего исследования стали данные, почерпнутые в *The Lord High Treasurer's Accounts* (Accounts, 1877). Названный источник представляет собой выверенные и изданные отчеты лорда верховного казначея Шотландии. Они носили публичный характер и сохранились до настоящего времени как почти полная запись всех финансовых расходов королевской казны с конца XV по вторую половину XVII вв. Рукописи были опубликованы в период с 1846 по 1978 гг. в тринадцати томах. Кроме названного источника, следует отметить и различные повествования о придворной жизни (Nichols, 1828, 2: 157; Jonson Ben, 1954, 10:61; Finetti Philoxenis, 1656). К данной группе мы отнесем и источники с бытовыми описаниями, где также содержатся отрывочные сведения о присутствии мусульман (Borde, 1870). Ценная информация о мусульманах в Шотландии имеется в Актах Тайного совета (London, 1932). Интерес также представляют источники, дающие информацию об адептах ислама в шотландских воинских подразделениях (History of the Scottish Regiments, 1862). Отдельной группой являются данные о торговых и дипломатических путях, приводивших мусульман на территорию Британии (Articles of the Merchants, 1908; C.S.P., 1870) и подчас неотделимых от различных взаимных военно-морских кампаний и пиратских рейдов, в результате которых захваченные в плен мусульмане оказывались в Шотландии и Англии (Aranda, 1666; Windus, 1725; Fisher, 1957; C.L.S.P., 1892–1899, 2:699; Rosedale, 1904: 16; Skilliter, 1965: 143; The Negotiations of Sir Thomas Roe, 1740; Routh, 1912, Chapter 12; Blunt, 1951, Chapters 16 ff.).

Безусловно, приведенные данные об исторических источниках по рассматриваемой проблематике далеко не являются исчерпывающими. Тем не менее, с одной стороны, рамки научной статьи предполагают известное ограничение количества используемых эмпирических данных, с другой – тот спектр источников, который был привлечен авторами при подготовке данного материала, вполне позволяет рассмотреть соответствующую историческую динамику и сделать достаточно объективные выводы.

3. Обсуждение

Как известно, в научных изысканиях довольно часто возникает необходимость учитывать мнение предшественников, занимавшихся проблематикой ранее. К сожалению, работая над данным материалом, авторы столкнулись с тем обстоятельством, что исследований, в которых бы предметно рассматривались исторические предпосылки возникновения исламского социокультурного фактора трансформации общественно-политического процесса в Шотландии, пока еще очень мало. Более того, на сегодняшний день изданные работы по данной теме относятся в основном к корпусу зарубежных исследований (прежде всего, британских).

¹ В названном сегменте источников довольно много.

² Участие в крестовых походах является важным моментом для рассмотрения в свете более позднего глубокого вовлечения Шотландии в состав Британской империи, что повлекло за собой военное, административное и миссионерское присутствие шотландцев в Южной Азии. Это может служить некоторым противовесом романтизированным представлениям о Шотландии как о стране крайней терпимости и уникального эгалитаризма.

Большая часть академических публикаций, затрагивающих исламский фактор в общественно-политической жизни Шотландии, опирается на фундаментальные научные изыскания, проводившиеся на рубеже XX – XXI вв. (подробнее об этом см.: [Bonino, 2017](#); [Тюрин и др., 2020: 159-180](#)). Такие авторитетные исследователи, как А. Вардак, К. Куреши и П. Хопкинс, заложившие основы многоконтекстного рассмотрения роли и влияния мусульман в шотландском обществе, лишь отчасти касаются исторической составляющей рассматриваемого вопроса. Более того, работы названных авторов посвящены не шотландским мусульманам в целом, а в основном выходцам из Пакистана.

На этом фоне наиболее признанным автором, касавшимся в своих работах истории переселения мусульман в Шотландию, является Башир Маан, в исследованиях которого обобщен значительный корпус данных исторического характера. Хотя Б. Маан не воспринимается многими исследователями-историками в качестве полноправного коллеги по научному цеху, тем не менее ему нельзя отказать в статусе ключевой фигуры в области изучения истории проникновения мусульман в Шотландию. Более того, он был первым мусульманином, занявшим высокую государственную должность в Великобритании, который, используя доступную эмпирическую базу источников, смог, хотя бы частично, заполнить своими публикациями пробел, существующий в сфере осмысления исторических предпосылок возникновения исламского социокультурного фактора трансформации общественно-политического процесса в Шотландии. Трилогия Б. Маана «Новые шотландцы: история азиатов в Шотландии» (1992 г.), «Чертополох и Полумесяц» (2008 г.) и «Мусульмане в Шотландии» (2014 г.) представляет собой наиболее полный комплекс работ с максимальной отсылкой к весьма скудным источникам информации об истории шотландских мусульман. Отдельно следует отметить исследования Г. Ансари, который, довольно обстоятельно обобщая информацию о мусульманах в Шотландии в XIX в., дополняет и расширяет данные об исламском социокультурном факторе, представленные в работах Б. Маана.

Что же касается отечественных публикаций по рассматриваемой проблематике, то, к сожалению, их крайне мало. В некотором смысле данной статьей авторы хотели, в том числе, обратить внимание коллег на существующий научно-исследовательский пробел.

4. Результаты

Как отмечалось выше, тема проникновения мусульман в шотландское (и шире, британское) социокультурное пространство, их закрепление в нем с последующим усилением исламского фактора в общественно-политических процессах представляется нам любопытной не только в отвлеченном научно-теоретическом плане, но и в конкретно-практическом ракурсе осмысления современной действительности, в которой оказалась не только Великобритания, но и весь западный мир. Для России данная проблематика тоже представляет известный интерес, учитывая, что ислам в России является второй (после христианства) религией по числу адептов.

Безусловно, мусульмане не были постоянными жителями Британских островов на раннем этапе контактов с шотландцами. Они также не были подданными ни шотландской, ни английской корон из-за своей приверженности к нехристианской религии. Кроме того, если говорить о Шотландии, то следует отметить, что в подавляющем большинстве случаев проникновение адептов ислама на север Британии происходило с английской территории. В Англии мусульмане начали открыто жить, работать и исповедовать свою веру в период правления Елизаветы I. Причина их присутствия на английской земле в то время проистекала из изоляции королевы от католической Европы. Официальное отлучение Елизаветы I от церкви папой Пием V в 1570 г. позволило ей действовать вне папских указов, запрещавших христианскую торговлю с мусульманами, и создавать коммерческие и политические союзы с различными исламскими государствами, включая марокканскую династию Саади, Османскую империю и шиитский Иран. Елизавета направляла своих дипломатов и торговцев в мусульманский мир, чтобы использовать сложившуюся ситуацию, и взамен в Лондон начали прибывать мусульмане, которых источники описывают по-разному: как «мавров», «индийцев», «негров» и «турок». Ни один христианин ни в Англии, ни в Шотландии не знал даже слов «ислам» или «мусульманин», которые вошли в обиход только в XVII в. Вместо этого говорилось о «сарацинах». Христиане просто не могли принять тот факт, что ислам был отдельной монотеистической религией. Вместо этого они воспринимали его как языческий политеизм или еретическую деформацию христианства, т.к. понимали ислам в основном через кровавые и поляризованные опыты крестовых походов. Со своей стороны, многие мусульманские богословы не одобряли поездки в «Дом войны» (христианские земли), который считался постоянным противником «Дома ислама». С воцарением Елизаветы I ситуация стала меняться, когда мусульмане из самых отдаленных уголков Большого Ближнего Востока оказались в Лондоне в качестве дипломатов, торговцев, переводчиков, музыкантов, слуг.

Непосредственно же в Шотландии не зафиксировано ни одного рассказа о мусульманах на ее территории вплоть до конца XVI – начала XVII вв. Тем не менее некоторые косвенные свидетельства их присутствия к северу от английской границы появляются как раз в конце XVI в. Так, в *The Lord High Treasurer's Accounts* упоминаются «черные мавры», состоявшие в качестве музыкантов и

артистов при королевском дворе. Приведем пример типичного упоминания о них в пятом томе «Отчетов», где имеется следующая запись: «Helenor, the black Moor, payment to, 328» ([Accounts, 1877](#)). Иными словами, «черному мавру» Эленору была осуществлена выплата из казны за его услуги. Такая запись в «Отчетах», конечно, не единична. Правда, следует сделать оговорку о предположительном выводе касательно религиозной принадлежности и Эленора, и прочих «черных мавров». Отметим, что само понятие «мавр» возникло от греческого слова μαυρός (темный). В этом смысле термин «черные мавры» являет собой очевидный пример тавтологии. Впрочем, в Европе маврами называли арабо-берберских мусульман Северной Африки и Иберийского полуострова. Поскольку среди иберийских мусульман довольно часто встречались представители негроидной расы, понятие «мавр», начиная с эпохи Возрождения, стали употреблять фигурально в качестве отличительного признака темнокожего человека. Например, прозвище Мого («Мавр») с гордостью носил известный миланский герцог Лодовико Сфорца¹. Впрочем, возвращаясь к «черным маврам» при шотландском королевском дворе, осмелимся предположить, что речь идет именно о темнокожих мусульманах (возможно, из Марокко). Кстати, термин «мусульманин» никогда не использовался в качестве взаимозаменяемого при упоминании «турок» (османских мусульман) и «мавров». Шотландские и английские авторы неоднократно отмечали, что османы доминировали в Триполи, Тунисе и Алжире политически, но при этом также признавали, что там было коренное население, состоящее из этнически отличных «мавров» (берберов и арабов). Хотя, проводя подобное разделение между «турками» и «маврами», британцы рассматривали их как единое религиозное и культурное другое (отличное от христианского и европейского).

Ведя разговор о последующем мусульманском присутствии, мы, конечно, должны сделать оговорку, что правильнее было бы говорить о нахождении мусульман на территории Британии в период королевского правления Стюартов (шотландской династии). Объясняется данный методологический пассаж наличием факта усиления английского влияния в Шотландии в результате наследования шотландским королем Джеймсом VI Стюартом короны Англии и последующей личной унии 1603 г.

Сотни человек, прибывших до этого из исламских стран, оставались в Британии и при Стюартах. Среди «турок» этот выбор был сделан очень немногими ([Levi, 1907, 8: 203-215](#)). Оставшиеся иногда даже принимали крещение. Тем не менее большинство желало вернуться на родину. Так, например, в октябре 1622 г. Тайный совет дал двум «туркам» пропуску для «возвращения в свою страну», а в апреле следующего года был выдан пропуск «десяти туркам для возвращения в свою страну» ([Acts of the Privy Council, 1908: 329, 467](#)).

Первым же известным новообращенным христианином стал «Чинано турок» ([C.S.P., 1870, Domestic, James I 1603-1610, 8: 216](#)). Он был крещен в церкви Святой Катарины, где взял имя Уильям Хокинс. Насколько искренним было обращение Чинано, возможно, никогда не будет известно, но он был не один, и другие, подобные ему, принимали крещение, стремясь вписаться в христианскую среду для того, чтобы зарабатывать на жизнь разнообразными городскими занятиями. Среди них были ткачи, портные, пивовары, слесари. Есть сведения и о крещении мусульманских женщин, таких как Мэри Филлис, «черная» дочь марокканской плетщицы, которая после тринадцати лет работы швеей, «захотела стать христианкой».

Интересно, что частенько вернуться на родину мусульманам помогали шотландские и английские торговцы. Происходило это по причине того, что, освободив мусульманских рабов, британцы улучшали свои торговые отношения со Стамбулом и с североафриканскими территориями, в том числе с Марокко.

Действительно, договоры, подписанные властями обоих королевств Ибрагима Мокадена, которых послали в качестве уполномоченных из порта Салли в Марокко. Кальвечо прибыл в Британию в июне, но дождался, пока его спутник приедет в октябре, прежде чем они оба будут представлены королю. Цель визита была военной и коммерческой: оба делегата просили у Стюарта оружия в обмен на торговые уступки берберской компании и за помощь в средиземноморском противостоянии с Испанией. Визит был успешным, так как несколько лет спустя Тайный совет приказал «берберским купцам торговать только в тех портах Берберии, которые указаны в статьях, предложенных королю Марокко» ([C.S.P., 1870, Domestic, Charles I 1635, 8:533](#)).

Как уже было сказано, мусульманские моряки активно пользовались шотландскими и английскими гаванями ([C.S.P., 1870, Commonwealth 1657-58, 11: 309](#)). Кроме того, корона поддерживала мусульманских купцов стипендиями, взятками и использовала иные рычаги мягкой силы, чтобы мусульмане в своих землях могли влиять на процесс принятия решений в пользу британских интересов. Такой контроль над мусульманскими посредниками постепенно стал вполне открытым ([C.S.P., 1870, Domestic, William III 1 January – 31 December 1697, 2, 24](#)). Таким образом, то, что в начале XVII в. начиналось как купеческая инициатива, к концу века стало приобретать очертания устоявшейся политики.

¹ Существуют разные версии происхождения данного прозвища.

Одновременно с коммерческой и дипломатической стратегическими линиями проникновения мусульман на территорию Британии существовала еще одна, не менее существенная – пиратство, совершаемое британцами и мусульманами друг против друга (тем более торговля, дипломатия, военные грабежи и набеги шли рука об руку). Во время набегов мусульманских каперов или во время торговых обменов многочисленные «турки» и «мавры» захватывались христианами в открытом море либо непосредственно у британских берегов, после чего пленники представляли перед судом как пираты. Иными словами, мусульмане оказывались в Шотландии и Англии еще и как осужденные морские разбойники. Взятых в плен пиратствующих «турок» и «мавров» помещали в британские тюрьмы, где эта категория мусульман проводила по многу лет ([Stuart Tracts, 1603–1693: 272, 274; Acts of the Privy Council, 1908: 31](#)). Встречающиеся в источниках имена мусульман-пиратов свидетельствуют о самой широкой географии мест, выходами из которых они были. Речь идет практически обо всем Средиземноморье. Кроме того, сочетание христианских и мусульманских пиратских имен показывает, что среди заключенных было немало ренегатов, променявших христианство на ислам и принявших мусульманские имена. Часто власти не знали, как поступить с этой категорией заключенных, поскольку часто выяснялось, что не все плененные адепты ислама были пиратами ([Acts of the Privy Council, 1908: 31](#)). Так, в апреле 1625 г. Тайному совету было доложено, что в Экзетере были три или четыре «турка» или «мавра», тридцать – в Плимуте, три или четыре – в Бристоле и десять в Сейморе, и чиновники в этих приморских городах не знали, что с ними делать ([Acts of the Privy Council, 1908: 31](#)). Например, в письме от июня 1626 г. шериф и вице-адмирал Корнуолла Фрэнсис Барретт (которого соколиная охота и петушинные бои интересовали больше, чем «турки») стремился избавиться от заключенных, содержащихся под стражей. В своем письме он прямо спрашивает своего адресата: «Как избавиться от этих турок, которые у меня есть, я будто в лабиринте» ([Stuart Tracts, 1603–1693](#)). Кроме того, Барретт отмечал, что он и местные жители несут большое бремя расходов, связанных с «удержанием и многих турок, взятых в плен» ([Acts of the Privy Council, 1908: 297](#)). Причина его панических настроений заключалась еще и в том, что он не получал четкого совета: его корреспондент сэр Фрэнсис Годолфин, проконсультировавшись с комиссарами военно-морского флота и другими, убеждал Барретта, что тот не должен предавать пленных мусульман смерти. Барретт же со своей стороны отмечал, что заключенные, которых было сорок человек, находились в опасности из-за своего «состояния», а некоторые были настолько стары, что им не могли найти подходящую «исправительную» работу. Однако его главным опасением было то, что пираты могут «пошалить и сбежать» и, если он отправит их куда-либо, они, как он подозревал, легко украдут лодку или барк ([Acts of the Privy Council, 1908: 31](#)). Барретт был обеспокоен способностями заключенных пиратов-мусульман к сбору разведанных. Почему, как он объяснил Тайному совету, их и держали во внутренних городах, удаленных от моря. Барретт опасался, что после возвращения в свои страны освободившиеся мусульмане предоставят информацию о береговых линиях Англии и Шотландии, а эта информация может оказаться катастрофической в руках пиратов и каперов.

И в случае с письмом Барретта, и в прочих подобных ситуациях власти часто демонстрировали длительные проволочки, в результате которых о мусульманах (как и многих других обездоленных заключенных) просто забывали. У них было слабое здоровье из-за того, что они ели некачественную пищу – немного из того, что могли получить – очень отличавшуюся от привычной. Но, самое главное, они были полностью отвергнуты местным населением (как заметил Барретт, он не мог найти ни одного «человека, настолько безумного, чтобы поучаствовать в их судьбе»). Если осужденные и заключенные шотландцы, англичане и прочие христиане еще как-то могли рассчитывать на сострадание местных жителей, то мусульмане были этого лишены. Впрочем, в единичных случаях заключенные мусульмане иногда ходатайствовали о своей свободе, а порой от их имени петиции в Тайный совет подавали христиане.

Так, сэр Томас Роу – английский посол в Стамбуле, который провел большую часть своего времени в османской столице, пытаясь обеспечить безопасность британских торговцев и моряков, – был одним из немногих британцев, кто добивался освобождения мусульман после их пленения. Например, 1 февраля 1625 г. он написал королю Джеймсу письмо с просьбой разрешить обмен турецких пленников в Британии на английских пленников в Алжире ([Roe, 1740: 346](#)). Правда, король не торопился с обменом, хотя сэр Томас активно убеждал монарха в необходимости освобождения мусульман ([Roe, 1740: 376](#)). Когда же стало ясно, что король не собирается выполнять просьбу Роу, а бедственное положение мусульманских пленников становится все более отчаянным, последние (около сорока человек) в июле 1626 г. сами обратились в Тайный совет с просьбой о помощи ([Stuart Tracts, 1603–1693](#)). В петиции содержалась некоторая информация об их прошлой жизни и невыносимом состоянии в заключении. Кстати из текста этой петиции можно увидеть, что всякий раз, когда между королем Джеймсом и, например, властями Алжира подписывались торговые договоры, моряки-мусульмане доверчиво полагались на безопасность шотландских и английских портов, чего не скажешь о противоположной стороне. Христиане (особенно англичане) не разделяли убежденность мусульман в их безопасности на территории Британии. Результатом коварства англичан становилось самое настоящее разбойничье пленение торговых гостей, их последующая

жестокая эксплуатация и содержание в жутких условиях. О подобном вероломстве шотландцев в территориальных водах Шотландии источники, к счастью, ничего не сообщают.

К северу от английской границы имелись иные факты мусульманского присутствия. Например, в 1679 г. мы встречаем упоминания о шести «черных» трубачах-мусульманах, приписанных к шотландской лейб-гвардии. Кстати, и позднее (в XVIII – XIX вв.) ряд «черных музыкантов» был также прикреплен к различным шотландским полкам. Здесь необходимо уточнить, что речь идет не о постоянном проживании в Шотландии, а о службе в ее воинских формированиях. Согласно историческим сведениям, собранным Б. Мааном, первым официально зарегистрированным мусульманином в Шотландии был Исмаил Башоу. Это был «турок», который оказался в Британии в конце XVIII в. после побега из испанского плена и трехлетнего скрывания в Лиссабоне. Ему удалось получить безопасный въезд в Шотландию (через Англию), где он прожил несколько месяцев, прежде чем смог попасть на юг Британии. Вернувшись, он заключил брак с англичанкой и принял христианство. Однако, несмотря на свое обращение, он все еще страдал от унижения, злоупотребления и насилия со стороны английского большинства, и ему никогда не удавалось полностью интегрироваться в общество, для которого он продолжал оставаться чужим. Правда, нельзя не сказать и о том, что в само английское общество (равно, как и шотландское) претерпело к концу XVIII в. сильные социокультурные трансформации. При сохранении шотландской и английской идентичностей в этот период активно формируется новая социокультурная самость – британская. И если до этого момента мы использовали термин «Британия» в территориально-географическом смысле, то хронологический рубеж XVIII столетия (с отправной точкой 1 мая 1707 г., когда вступил в силу Акт об Унии, в Главе 1 которого провозглашалось слияние Шотландии и Англии в одно королевство – Великобританию) привнес в данный термин политико-институциональные коннотации.

Опыт Башоу в части его дискриминации англичанами, безусловно, не был уникальным. В те времена шотландцы, как и их заклятые южные соседи, не были склонны демонстрировать чудеса интернационализма и веротерпимости. Следует также сказать, что проявления дискриминационного сознания и поведения со стороны британцев усилились именно во времена Башоу. Подобную ему участь разделяли и другие мигранты-мусульмане, прибывавшие в Британию в конце XVIII – начале XIX вв. В тот период активно стала развиваться сильная британская государственно-национальная (во многом имперско-колониальная) идентичность, которая провоцировала подозрение и враждебность в отношении представителей других культур, языков и религий.

С другой стороны, отметим, что уже к середине XIX в. каждый десятый британец и от одной трети до одной четверти из числа государственно-управленческой элиты Ост-Индской компании – были шотландцами (Nasar, 2015, 38 (9): 1487).

Данный факт привел к тому, что в условиях экспансии Британской империи индийцы мусульманского (и немусульманского) вероисповедания получили возможность расширения границ социокультурного контакта и цивилизационного сближения, прежде всего с шотландцами. Неудивительно, что и сегодня шотландский тартан присутствует в униформе индийских военных.

Отметим, что развитие промышленного капитализма в Шотландии в XIX в. было основано на международной деятельности шотландцев в их торговой столице. Поэтому город Глазго стал коммерческим центром, участвуя в мировой торговле и внося свой вклад в колониальный рынок Британии. Шотландия стала активно участвовать в британских военных и промышленных кампаниях на территориях Карибского бассейна, Индии и Африки. Прямой контакт с колонизированным населением означал, что с конца XVIII столетия в Шотландии хорошо знали о населении разных частей мира и, следовательно, для шотландцев образ этих людей (в том числе мусульман) постепенно переставал быть чем-то слишком чужеродным. Это обстоятельство в некотором смысле создавало благоприятные потенциальные условия адаптации мусульман в Шотландии. Поэтому постепенно количество адептов ислама на севере Британии стало увеличиваться. Между серединой XVIII в. и серединой XIX в. численно неизвестный поток прислуги и индийских моряков (известных так же, как «ласкары») стал устойчивым. Все эти социальные категории мусульман из Южной Азии прибывали в Шотландию как для краткосрочного, так и для постоянного проживания. Уже к середине XIX в. появляется и новая категория мигрантов, приезжавших в Шотландию для получения высшего образования – студенты из мусульманских стран. В определенном смысле сказанное относится и к Англии, т.к. в 1840-х гг. был отмечен большой приток студентов (представителей среднего и высшего классов), приезжавших из Индии для поступления не только в шотландские, но и в английские университеты. Тем не менее особенно популярны были высшие учебные заведения прежде всего Шотландии, что, вероятно, было связано с непропорционально большим количеством именно шотландских учителей в Индии (Ansari, 2004).

Рост количества студентов-мусульман, прибывших из Индии, был зарегистрирован в 1880-х гг. Увеличение их численности в Шотландии было столь интенсивным, что эдинбургская Ассоциация выходцев из Индии, первоначально созданная в 1883 г. всего лишь шестью студентами, достигла к началу 1900-х гг. двухсот членов (Ansari, 2004).

В конце XIX в. экспансия британской торговли благоприятствовала весьма активному использованию ласкаров на судах, торгующих с Востоком. Всплеск названной активности из-за потребности в дополнительных работниках был связан еще и с тем, что в то время сформировалась идея, согласно которой колониальные рабочие были не только дешевы, но и более послушны.

Кроме того, новые сферы занятости, появившиеся в британской судоходной промышленности в результате структурно-технологических изменений, оказались непопулярными среди европейских рабочих, но при этом были очень востребованы южноазиатскими мигрантами (Dunlop, 1990, 25: 40-57).

К концу XIX в. индийские моряки развивали свои диаспоры-поселения в главных шотландских портовых городах – Эдинбурге, Данди, и особенно Глазго, который сыграл основную роль в процессе расселения мусульман в Шотландии. Импорт сырого джута, процветавший в Данди, а также экспорт готовой джутовой продукции сделали Шотландию еще более привлекательным местом для индийских моряков (особенно из Бенгалии) (Ansari, 2004). Постепенно к началу XX в. тенденция распространения мусульман по территории Шотландии перекинулась уже на север и северо-восток страны (Maan, 2014). Присутствие индийских моряков было зафиксировано в Абердине, Дамбартоне, Клайдбанке и Бен Ломонде (Ansari, 2004).

Что же касается упомянутого выше Глазго, то Х. Ансари определяет его как «второй город империи» и как место, где производство продукции тяжелой промышленности привлекало мусульманских моряков собираться и объединяться наиболее активно (Ansari, 2004). Э. Данлоп и Р. Майлз утверждают, что с конца XIX в. роль Глазго как главного имперского порта была основным определяющим фактором присутствия на западе Шотландии мусульманского населения из британских колоний (особенно из Индии) Подобная оценка, на наш взгляд, применима и в случае с Эдинбургом, главным портом которого был Лейт (Dunlop, 1990, 25: 151).

Присутствие индийских моряков-мусульман в Глазго хорошо подтверждается источниками, благодаря которым можно говорить о том, что, например, в 1903 г. в этом городе было зарегистрировано около пяти с половиной тысяч ласкаров (Ansari, 2004). Хотя многие из них не поселялись на постоянной основе в Шотландии, но все же обеспечивали постоянный приток мусульман, прокладывая пути для их будущего более устойчивого переселения.

Постепенное расселение южноазиатских мусульман в Шотландии в течение всего XIX, а затем и XX в. происходило одновременно с миграцией других иностранных этноконфессиональных групп (особенно ирландского, итальянского, литовского, еврейского и польского происхождения). Эти люди переехали в Шотландию в тот момент, который считается наиболее концентрированной фазой иммиграции (что случилось, пожалуй, впервые с тех отдаленных времен, когда ирландские, скандинавские и бриттские племена смешались и освоились там за многие сотни лет до этого).

Поселения этнических меньшинств рубежа XIX – XX вв., которые со временем будут известны как «новые шотландцы», вызывали различные социальные реакции со стороны коренного шотландского большинства. Поэтому создание мусульманской общины выходцами из Южной Азии имело некоторые общие черты с опытом других нешотландских этноконфессиональных групп и было встречено определенным набором социальных ответов, которые в значительной степени зависели как от положения мигрантов на рынке труда, так и от их усилий по интеграции в шотландское общество.

Следует отметить, что в отличие от общин прочих мигрантов (ирландцев, итальянцев, поляков, литовцев, евреев), численность мусульман из Южной Азии оставалась в конце XIX – начале XX вв. очень низкой. Тем не менее южноазиатская миграция вызвала в Шотландии опасения по поводу дешевизны колониальной рабочей силы и возможного снижения ставки заработной платы местных моряков. В общественно-политической жизни эти опасения проявлялись в различных формах противодействия коренных шотландцев занятости в отрасли индийских ласкаров (Dunlop, 1990, 25: 40-57). Более того, наметилась тенденция (с отдельными расистскими проявлениями) агрессивных выпадов против индийских моряков, которые по вполне объяснимым причинам проецировались не только на задействованных в морской отрасли, но и (более широко) на всех южноазиатских мигрантов. Данная тенденция нарастала в два этапа: незадолго до начала Первой мировой войны¹ (в 1914 г.) и после ее окончания (в 1918 г.), когда конкуренция на рынке труда усилилась в результате глобального коллапса судоходной отрасли. В итоге в 1919 г. во многих британских портовых центрах (в том числе шотландских) разразились массовые беспорядки (Dunlop, 1990, 25: 40-57), а в конце 1920-х – начале 1930-х гг. «проблема цветных» стала весьма острой по всей Великобритании, включая Шотландию.

Безусловно, названная социально-политическая проблема затрагивала интересы не только мусульман, которых коренное население ставило (в первую очередь на основании негативных

¹ Западная историография часто забывает ключевую роль выходцев из Южной Азии во время двух мировых войн. Индия собрала крупнейшие в мире добровольческие армии, около 1,5 млн человек во время Первой мировой войны и около 2,5 млн человек во время Второй мировой войны, и сражалась на всех театрах военных действий вместе с британскими войсками (в том числе с шотландскими полками).

ассоциаций цвета кожи) в один ряд со всеми остальными «индийцами, ласкарами и прочими» (т.е., чужими – нехристианами, небританцами, нешотландцами). Все они воспринимались как постоянная потенциальная угроза для «белых» своих (Dunlop, 1990, 25: 46). Это было очевидное смешение страха перед видимой социокультурной чужеродностью выходцев из колоний с экономическими опасениями по поводу того, что индийские мигранты будут получать рабочие места за счет белого населения, которому грозит сокращение заработной платы. Кроме того, под сомнение была поставлена сама мораль индийцев, трактованная как угроза, которую представляли ее носители для местного населения. В результате в центре проблемы занятости индийских рабочих оказалась проблема их этноконфессиональной принадлежности с выраженным расовым контекстом. Между тем индийские моряки в Шотландии (и шире, в Великобритании) боролись за повышение заработной платы в трудовых условиях, которые были крайне невыгодны по сравнению с положением шотландских («белых») моряков, зарабатывавших в восемь раз больше.

Проблемы, возникшие у южноазиатских мигрантов в морской отрасли, привели к тому, что в первой четверти XX в. многие индийцы-мусульмане стали работать странствующими коммивояжерами и мелкими торговцами, предлагавшими в качестве товаров в основном одежду и бытовые мелочи (Maan, 2014: 20). Торговля в разнос была направлена на более бедные слои местного шотландского населения. Тем не менее этот мелкий бизнес вскоре стал достойным источником дохода для тех индийцев-мусульман, которые не могли трудоустроиться в качестве наемных рабочих. Когда стало ясно, что торговля может быть выгодным занятием, количество торговавших мусульман увеличилось, и рынок вскоре стал насыщенным. Эта ситуация заставила мусульманское сообщество распространиться до Абердина, Данди и Эдинбурга, а позднее – до отдаленных городков и деревень по всей стране (Ansari, 2004).

5. Заключение

Как можно заметить, исторические предпосылки возникновения исламского социокультурного фактора трансформации общественно-политического процесса в Шотландии претерпели очевидную эволюцию, формируясь постепенно, в соответствии с динамикой и самим характером проникновения мусульман в Британию.

За каких-то триста с небольшим лет адепты ислама прошли стремительный путь в части утверждения своего социокультурного влияния на территории Шотландии (как, впрочем, и Англии). Если в начале этого пути (в конце XVI – начале XVII вв.) мы встречаем лишь косвенные свидетельства мусульманского присутствия в Британии, то к первой четверти XX в. можно вполне обоснованно говорить уже о появлении исламского социокультурного фактора, начавшего активно влиять на трансформационные изменения в общественно-политическом процессе Шотландии.

Динамика была такова, что уже к концу 30-х гг. XX в.¹ мигранты-мусульмане объединили свои силы для создания в Шотландии первой мусульманской организации, ставшей филиалом Джамиат уль Муслимин (Мусульманской ассоциации)². Это произошло в Глазго – единственном на тот момент шотландском городе, где была создана мусульманская организация, стремившаяся заботиться о религиозных, культурных и социальных интересах мусульманской общины независимо от этнического происхождения ее членов (Maan, 2014: 25). Тогда же, благодаря усилиям этой организации и членов местного сообщества, в Глазго на Оксфорд-стрит 27/29 (Горбалс) в 1944 г. появилась и первая мечеть, ставшая одним из ярчайших символических свидетельств того, что присутствие мусульман в Шотландии следует уже рассматривать как весомый социокультурный фактор начавшихся трансформаций общественно-политического процесса в этой стране.

Литература

Аль-Масуди, 2002 – *Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хусайн ибн Али ал-Масуди*. Золотые копии и россыпи самоцветов. История Аббасидской династии: 749–947 гг. / Сост., пер. с араб., прим., комм. и указатели Д.В. Микульского. М.: Наталис, 2002. 800 с.

Тюрин и др., 2020 – Тюрин Е.А., Савинова Е.Н., Агабабов А.Р. Исламский фактор в развитии современной Шотландии: политические и социокультурные аспекты // *Ислам в современном мире: внутривластный и международно-политический аспекты*. 2020. Т. 16. № 2. С. 159-180.

Accounts, 1877 – *Accounts of the Lord High Treasurer of Scotland = Compota thesaurariorum Regum Scotorum by Scotland. Treasurer; Dickson, Thomas; Paul, James Balfour, Sir, 1846-1931; McInnes, C.T.; Murray, Athol L. (Athol Laverick). Edinburgh: H.M. General Register House, 1877. 795 p.*

¹ В том же году леди Эвелин Кобболд, шотландская аристократка, принявшая ислам, стала первой британской женщиной, совершившей паломничество в Мекку.

² Джамиат уль Муслимин и группа осколков, созданная в 1943 г. под названием Иттехадул уль Муслимин (Союз мусульман), позднее, в 1945 г., объединились в единую организацию Джамиат Иттехадул уль Муслимин (Мусульманская миссия).

- [Acts of the Privy Council, 1908](#) – Acts of the Privy Council of England by Great Britain. Privy Council; Grant, William Lawson, 1872-; Mitchell, James, 1926-; Fitz Roy, Almeric William, Sir, 1851-; White, Andrew Dickson, 1832-1918. fmo. London: Hereford, Printed for H. M. Stationery Off., by Anthony Brothers, 1908. 979 p.
- [Adamnan, 1957](#) – Adamnan's De Locis Sanctis. Edited by Denis Meehan. (Scriptores Latini Hiberniae, iii). Dublin: Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies, 1958. 176 p.
- [Al-Idrisi, 1970-1984](#) – *Al-Idrisi*. Opus geographicum, sive Liber ad eorum delectationem qui terras peragrare studeant. Neapoli; Romae, 1970-1984. Fasc. I-IX. 910 p.
- [Ansari, 2004](#) – *Ansari H.* The Infidel Within: Muslims in Britain since 1800. London: Hurst, 2004. 32 p.
- [Aranda, 1666](#) – *Aranda E.* The History of Algiers and it's Slavery, With Many Remarkable Particularities of Africk. Translator: Davies, John, 1625-1693. London: Printed for J. Starkey, 1666. 270 p.
- [Articles of the Merchants, 1908](#) – Articles of the Merchants in M. Epstein, *The Early History of the Levant Company*. London: George Routledge and Sons, 1908. 289 p.
- [Blunt, 1951](#) – *Blunt W.* Black Sunrise: The Life and Times of Mulai Ismail, Emperor of Morocco 1646-1727. London: Methuen, 1951. 294 p.
- [Bonino, 2017](#) – *Bonino S.* Muslims in Scotland. The Making of Community in a Post-9/11 World. 2017. 256 p.
- [Boorde, 1870](#) – *Boorde A.* The fyrst boke of the introduction of knowledge made by Andrew Borde, of physycke doctor. A compendyouy regyment; or, A dyetary of helth made in Mountpyllier; Royal College of Physicians of Edinburgh. London: published for the Early English Text Society, by N.T. Trübner, 1870. 410 p.
- [Borde, 1870](#) – The fyrst boke of the introduction of knowledge made by Andrew Borde, of physycke doctor. A compendyouy regyment; or, A dyetary of helth made in Mountpyllier by Boorde, Andrew, 1490?-1549; Barnes, Milton, satirist; Furnivall, Frederick James, 1825-1910, ed. London, Pub. for the Early English Text Society, by N.T. Trübner & Co., 1870. 411 p.
- [C.L.S.P., 1892-1899](#) – Calendar of letters and state papers relating to English affairs: preserved principally in the Archives of Simancas by Great Britain. Public Record Office; Hume, Martin Andrew Sharp, 1847-1910. London: H.M.S.O., 1892-1899. 789 p.
- [C.S.P., 1870](#) – Calendar of State Papers, Colonial Series, East Indies, China and Japan 1617-1621 by W. Noel. London: Longman & Co. и Trubner & Co., 1870. 709 p.
- [Devine, 2012](#) – *Devine T.* The Scottish Nation: A Modern History. London: Penguin Books, 2012. 784 p.
- [Dunlop, 1990](#) – *Dunlop A.* 'Lascars and Labourers: Reactions to the Indian Presence in the West of Scotland During the 1920s and 1930s', *Scottish Labour History Society Journal*, 25/1990. Pp. 40-57.
- [Finetti Philoxenis, 1656](#) – Finetti Philoxenis som choice observations of Sr. John Finett knight, and master of the ceremonies to the two last kings, touching the reception, and precedence, the treatment and audience, the puntillios and contests of forren ambassadors in England by Finet, John Sir. London: Printedby T.R. for H. Twyford and G. Bedell, 1656. 250 p.
- [Fisher, 1957](#) – *Fisher G.* Barbary Legend: War, Trade and Piracy in North Africa, 1415-1830. Oxford: Oxford University Press, 1957. 349 p.
- [History of the Scottish Regiments, 1862](#) – History of the Scottish Regiments in the British Army. Glasgow: Thomas Murray and son, 1862. 416 p.
- [Jonson, 1954](#) – The Alchemist in Ben Jonson, ed. C. H. Herford Percy and Evelyn Simpson. Oxford: Clarendon Press, 1954. 735 p.
- [Levi, 1907](#) – Levi H. The American colonies in the seventeenth century by Osgood, Herbert L. (Herbert Levi), 1855-1918. New York, The Macmillan company; London, Macmillan & co., ltd., 1904-07. 587 p.
- [Maan, 2014](#) – *Maan B.* Muslims in Scotland. Glendaruel: Argyll Publishing. 2014. 176 p.
- [Nasar, 2015](#) – *Nasar M.* Looking Up in Scotland? Multinationalism, Multiculturalism and Political Elites. *Ethnic and Racial Studies*, 2015. 38 (9): P. 1487
- [Nichols, 1828](#) – Nichols J. The Progresses, Processions, and Magnificent Festivities of King James the First, ed. John Nichols. London, 1828. 706 p.
- [Roe, 1740](#) – Roe T. The Negotiations of Sir Thomas Roe in his Embassy to the Ottoman Porte, from the Year 1621 to 1628 Inclusive. London, 1740. 918 p.
- [Rosedale, 1904](#) – *Rosedale H.B.* Queen Elizabeth and the Levant Company; a diplomatic and literary episode of the establishment of our trade with Turkey by Rosedale, H.G. (Honyel Gough), 1863-1928. London, 1904. 213 p.
- [Routh, 1912](#) – *Routh E.M.G.* Tangier, England's lost Atlantic outpost, 1661-1684 by Routh, E. M. G. London: J. Murray, 1912. 493 p.
- [Skilliter, 1965](#) – *Skilliter S.A.* Three Letters from the Ottoman "Sultana" Safiye to Queen Elizabeth I, in Documents from Islamic Chanceries, ed. S.M. Stern. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965. P.143
- [Stuart Tracts, 1603-1693](#) – Stuart tracts, 1603-1693 by Firth, C. H. (Charles Harding), 1857-1936. New York, Cooper Square Publishers, 1964. 560 p.
- [The early history of the Levant Company, 1908](#) – The early history of the Levant Company by Epstein, Mortimer, 1880-1946. London: George Routledge and Sons, 1908. 289 p.

[Windus, 1725](#) – *Windus J.* A journey to Mequinez, the residence of the present emperor of Fez and Morocco: On the occasion of Commodore Stewart's embassy thither for the redemption of the british captives in the year 1721: [Mit Tafeln]. London: Tonson, 1725. 251 p.

References

[Accounts, 1877](#) – Accounts of the Lord High Treasurer of Scotland = Compota thesaurariorum Regum Scotorum by Scotland. (1877). Treasurer; Dickson, Thomas; Paul, James Balfour, Sir, 1846-1931; McInnes, C.T.; Murray, Athol L. (Athol Laverick). Edinburgh: H.M. General Register House, 795 p.

[Acts of the Privy Council, 1908](#) – Acts of the Privy Council of England by Great Britain. Privy Council; (1908). Grant, William Lawson, 1872-; Mitchell, James, 1926-; Fitz Roy, Almeric William, Sir, 1851-; White, Andrew Dickson, 1832-1918. fmo. London: Hereford, Printed for H. M. Stationery Off., by Anthony Brothers, 979 p.

[Adamnan, 1957](#) – Adamnan's De Locis Sanctis. (1958). Edited by Denis Meehan. (Scriptores Latini Hiberniae, iii). Dublin: Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies, 176 p.

[Al-Idrisi, 1970–1984](#) – *Al-Idrisi* (1970–1984). Opus geographicum, sive Liber ad eorum delectationem qui terras peragrarare studeant. Neapoli; Romae, Fasc. I-IX. 910 p.

[Al'-Masudi, 2002](#) – Abu-l-Hasan Ali ibn al-Husajn ibn Ali al-Masudi. (2002). Zolotyie kopi i rossypi samocvetov. Istoriya Abbasidskoj dinastii: 749-947 gg. [Gold mines and placers of gems. History of the Abbasid dynasty: 749-947]. Sost., per. s arab., prim., komm. i ukazateli D.V. Mikul'skogo. M: Natalis, 800 p. [in Russian]

[Ansari, 2004](#) – *Ansari, H.* (2004). The Infidel Within: Muslims in Britain since 1800. London: Hurst, 32 p.

[Aranda, 1666](#) – *Aranda, E.* (1666). The History of Algiers and it's Slavery, With Many Remarkable Particularities of Africk. Translator: Davies, John, 1625-1693. London: Printed for J. Starkey, 270 p.

[Articles of the Merchants, 1908](#) – Articles of the Merchants in M. Epstein. (1908). *The Early History of the Levant Company*. London: George Routledge and Sons, 289 p.

[Blunt, 1951](#) – *Blunt, W.* (1951). Black Sunrise: The Life and Times of Mulai Ismail, Emperor of Morocco 1646-1727. London: Methuen, 294 p.

[Bonino, 2017](#) – *Bonino, S.* (2017). Muslims in Scotland. The Making of Community in a Post-9/11 World. 256 p.

[Boorde, 1870](#) – *Boorde, A.* (1870). The fyrst boke of the introduction of knowledge made by Andrew Borde, of physycke doctor. A compendyouy regyment; or, A dyetary of helth made in Mountpyllier; Royal College of Physicians of Edinburgh. London: published for the Early English Text Society, by N.T. Trübner, 410 p.

[Borde, 1870](#) – *Borde, A.* (1870). The fyrst boke of the introduction of knowledge made by Andrew Borde, of physycke doctor. A compendyouy regyment; or, A dyetary of helth made in Mountpyllier by Boorde, Andrew, 1490?-1549; Barnes, Milton, satirist; Furnivall, Frederick James, 1825-1910, ed. London, Pub. for the Early English Text Society, by N.T. Trübner & Co., 411 p.

[C.L.S.P., 1892-1899](#) – Calendar of letters and state papers (1892-1899) relating to English affairs: preserved principally in the Archives of Simancas by Great Britain. Public Record Office; Hume, Martin Andrew Sharp, 1847-1910. London: H.M.S.O., 789 p.

[C.S.P., 1870](#) – Calendar of State Papers. (1870). Colonial Series, East Indies, China and Japan 1617–1621 by W. Noel. London: Longman & Co. и Trubner & Co. 709 p.

[Devine, 2012](#) – *Devine, T.* (2012). The Scottish Nation: A Modern History. London: Penguin Books, 784 p.

[Dunlop, 1990](#) – *Dunlop, A.* (1990). 'Lascars and Labourers: Reactions to the Indian Presence in the West of Scotland During the 1920s and 1930s', *Scottish Labour History Society Journal*, 25/1990. Pp. 40-57.

[Finetti Philoxenis, 1656](#) – Finetti Philoxenis (1656). Som choice observations of Sr. John Finett knight, and master of the ceremonies to the two last kings, touching the reception, and precedence, the treatment and audience, the puntillios and contests of forren ambassadors in England by Finet, John Sir. London: Printed by T.R. for H. Twyford and G. Bedell, 250 p.

[Fisher, 1957](#) – *Fisher, G.* (1957). Barbary Legend: War, Trade and Piracy in North Africa, 1415-1830. Oxford: Oxford University Press, 349 p.

[History of the Scottish Regiments, 1862](#) – History of the Scottish Regiments (1862), in the British Army. Glasgow: Thomas Murray and son, 416 p.

[Jonson, 1954](#) – The Alchemist in Ben Jonson (1954)., ed. C. H. Herford Percy and Evelyn Simpson. Oxford: Clarendon Press, 735 p.

[Levi, 1907](#) – *Levi, H.* (1904–07). The American colonies in the seventeenth century by Osgood, Herbert L. (Herbert Levi), 1855-1918. New York, The Macmillan company; London, Macmillan & co., ltd., 587 p.

[Maan, 2014](#) – *Maan, B.* (2014). Muslims in Scotland. Glendaruel: Argyll Publishing, 176 p.

[Nasar, 2015](#) – *Nasar, M.* (2015). Looking Up in Scotland? Multinationalism, Multiculturalism and Political Elites. *Ethnic and Racial Studies*, 38(9): 1487.

Nichols, 1828 – *Nichols, J.* (1828). The Progresses, Processions, and Magnificent Festivities of King James the First, ed. John Nichols. London. 706 p.

Roe, 1740 – *Roe, T.* (1740). The Negotiations of Sir Thomas Roe in his Embassy to the Ottoman Porte, from the Year 1621 to 1628 Inclusive. London, 918 p.

Rosedale, 1904 – *Rosedale, H.B.* (1904). Queen Elizabeth and the Levant Company; a diplomatic and literary episode of the establishment of our trade with Turkey by Rosedale, H.G. (Honyel Gough), 1863-1928. London, 213 p.

Routh, 1912 – *Routh, E.M.G.* (1912). Tangier, England's lost Atlantic outpost, 1661-1684 by Routh, E. M. G. London: J. Murray, 493 p.

Skilliter, 1965 – *Skilliter, S.A.* (1965). Three Letters from the Ottoman "Sultana" Safiye to Queen Elizabeth I, in Documents from Islamic Chanceries, ed. S.M. Stern. Cambridge, MA: Harvard University Press, P.143

Stuart Tracts, 1603-1693 – Stuart tracts (1964). 1603-1693 by Firth, C. H. (Charles Harding), 1857-1936. New York, Cooper Square Publishers. 560 p.

The early history of the Levant Company, 1908 – The early history of the Levant Company (1908), by Epstein, Mortimer, 1880-1946. London: George Routledge and Sons, 289 p.

T'urin i dr., 2020 – *T'urin, E.A., Savinova, E.N., Agababov, A.R.* (2020). Islamskij faktor v razvitii sovremennoj SHotlandii: politicheskie i sociokul'turnye aspekty [The Islamic factor in the development of modern Scotland: political and socio-cultural aspects]. *Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyj i mezhdunarodno-politicheskij aspekty*. 16(2): 159-180. [in Russian]

Windus, 1725 – *Windus, J.* (1725). A journey to Mequinez, the residence of the present emperor of Fez and Morocco: On the occasion of Commodore Stewart's embassy thither for the redemption of the british captives in the year 1721: [Mit Tafeln]. London: Tonson, 251 p.

Исторические предпосылки возникновения исламского социокультурного фактора трансформации общественно-политического процесса в Шотландии

Павел Александрович Меркулов ^a, Евгений Анатольевич Тюрин ^{a, *}, Елена Николаевна Савинова ^a

^a Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются исторические предпосылки возникновения исламского социокультурного фактора трансформации общественно-политического процесса в Шотландии. Авторы полагают, что изучение данной проблематики имеет не только научно-теоретическое, но и существенное практико-управленческое значение (особенно для немусульманских стран с положительной динамикой численности мусульманского населения). В исследовании отмечается, что страны, исторически относящиеся к христианской цивилизации, в настоящее время испытывают чуждое цивилизационное присутствие, существенно трансформирующее устоявшиеся социокультурные основания общественно-политических процессов. В качестве примера в статье рассматривается Шотландия (и отчасти Англия). При этом авторы считают, что научное осмысление цивилизационных и национальных стилей развития общественно-политических процессов в значительной степени должно базироваться на понимании соответствующих исторических императивов. Поэтому целью своей работы авторы избрали рассмотрение и научный анализ исторических предпосылок возникновения исламского социокультурного фактора трансформации общественно-политического процесса в Шотландии за период с конца XVI в. до первой четверти XX в. В статье делается вывод о том, что в рамках данного периода постепенно расширялось присутствие мусульман в Британии и усиливалось их социокультурное влияние. В конце XVI – начале XVII вв. имелись лишь косвенные свидетельства мусульманского присутствия в Шотландии (и Англии), но, начиная с первой четверти XX в., роль мусульман в шотландском обществе становится настолько заметной, что позволяет говорить о реальном появлении исламского социокультурного фактора трансформационных изменений в общественно-политическом процессе Шотландии. В данной статье использовался широкий круг исторических источников, послуживших эмпирическим материалом для обоснования выводов авторов.

Ключевые слова: Шотландия, общественно-политический процесс, социокультурный фактор в политике, христианская цивилизация, мусульмане, мигранты, идентичность.

* Корреспондирующий автор

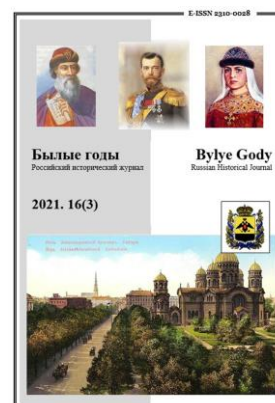
Адреса электронной почты: Turin.of.Foveran@yandex.ru (Е.А. Тюрин), uchenyi.sovet@yandex.ru (П.А. Меркулов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1087-1097
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1087
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



The Evolution of Approaches of the Russian State to the Fight against Infectious Disease Epidemics in the Period from the Moscow State to the beginning of the XX century

Anton M. Tuzin ^a, Marina V. Danilina ^{b, c, *}, Irina A. Guseva ^b, Yilmaz Bayar ^d

^a Russian University of Cooperation, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics (PRUE), Russian Federation

^c Finance University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

^d Badirma Onyedi Eylul University, Turkey

Abstract

The article discusses experience of struggle against epidemics of infectious diseases in Russia from the Moscow state to the beginning of the XX century. This experience is analyzed through a retrospective of the fight against the plague epidemic in the Russian Empire at the end of the XVIII century and the cholera epidemic in the middle of the XIX century. The main phase of struggle against infection diseases has begun in Russia in the middle of the XIX century only. Russia has got an experience of such situation late enough. Since the earliest times of its history Russian approaches for the fight against epidemics in both the bureaucratic and medicine spheres has been extremely backward and only in the 18th century the situation began to change for the better. But even after reforms of Peter the Great the fight against epidemics was conducted ineffectively, which was supplemented by the global problems in understanding the nature of various infectious diseases. Thus we have to agree involuntarily with Soviet sources, despite a certain degree of their ideological bias that the fight against cholera, as well as with all diseases, was possible in pre-revolutionary Russia only after a radical change in the political system and broad social reforms.

Keywords: epidemical diseases, infections, plague, cholera, Russian Empire.

1. Введение

Для исследования эволюции подходов Российского государства к борьбе с широкомасштабными эпидемиями в былые эпохи необходимо рассмотреть ряд примеров, в частности эпидемии чумы в Москве в 70-е гг. XVIII в. и холеры в 1852–1860 гг. на Юге Российской империи, включая Украину и Польшу, входившую в тот период в состав нашей страны.

Целью данного исследования является выявление факторов, в рамках воздействия которых происходила упомянутая выше эволюция подходов к борьбе с инфекционными заболеваниями, а также к их исследованиям. Важное значение в этой связи имел общий прогресс мировой науки как относительно технического проникновения в микромир при помощи изобретенного в конце XVI в. микроскопа, так и иных способов. Не менее значимую роль играла эволюция русского и российского государственного аппарата с древнейших времен и до 1917 г., а также социального взаимодействия между различными слоями и социальными группами. Именно социальное взаимодействие на фоне значительного неравенства в имущественном и правовом отношениях также играло негативную роль в части борьбы с инфекционными заболеваниями в Древней Руси, Русском государстве XV–XVII вв. и в Российской империи (1721–1917).

* Corresponding author

E-mail addresses: marinadanilina@yandex.ru (M.V. Danilina)

2. Материалы и методы

В рамках реализации данного исследования авторы опирались на исторические источники – «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ), «Медицинский отчет о холерной эпидемии в Киеве 1847 года» (Н. Козлов, Ф. Цыцулин, А. фон Вальтер), «Отчеты о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1896–1919 гг.» (Санкт-Петербург, 1905–1916 гг.), «Чума в Одессе. Отчет о командировке в г. Одессу для ознакомления с чумой и с современными способами борьбы с нею приват-доцента Императорского Казанского университета Петра Заболотнова» и др. Также использовалась российская и зарубежная историческая литература преимущественно XIX–XX вв., посвященная исследованию проблемы борьбы с чумой, холерой, тифом и иными массовыми инфекционными заболеваниями в Древней Руси, Русском государстве и Российской империи вплоть до Октябрьской революции 1917 г. В их числе Ипатьевская и Новгородская первая летописи.

3. Обсуждение

Историография широкомасштабных эпидемий инфекционных заболеваний в России до начала XX века базируется на нескольких типах различных источников, последовательно сменявших друг друга с течением времени, либо существовавших одновременно. При этом для авторов настоящего исследования ключевым в вопросе формирования историографической базы являлся критерий ее способности дать ответ на вопрос относительно эволюции подхода русского, а затем и российского государственного аппарата к борьбе с эпидемиями инфекционных заболеваний.

В наиболее древний период истории России, с IX по XVI вв., информацию о случаях массовых инфекционных эпидемий, а также о государственных мероприятиях по борьбе с ними предоставляли исключительно летописи. Применительно к проблематике данного исследования таковыми являются Ипатьевская, Новгородская первая летописи и ряд других. Как правило, информация, представленная в них, была весьма скудной и носила сугубо фактологический характер. Тем не менее летописи давали общую информацию о внешней симптоматике заболеваний, что позволяет современным исследователям хотя бы примерно делать выводы о типе болезни, количеству умерших различных возрастных и социальных групп, способах их захоронения, а также о мерах, предпринимавшихся властями для борьбы с эпидемиями ([Полное собрание русских летописей...](#), 1841: 58).

В ряду научной литературы, посвященной проблеме борьбы с эпидемиями на Руси древнейшего периода IX–XVI вв., следует особо отметить монографию Т.Ф. Хайдарова «Эпоха «Черной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах (конец XIII – первая половина XV вв.)» ([Казань: 2018](#)). В рамках настоящего исследования она позволила получить ценные сведения о географии ряда средневековых очагов чумы в Евразии, являвшихся непосредственными источниками многочисленных эпидемий этого страшного заболевания на Руси в XIII–XV вв.

Историография эволюции подходов Российского государства к вопросам борьбы с эпидемиями инфекционных заболеваний применительно к периоду Нового времени (конец XVII – начало XX вв.) представлена рядом отчетов отдельных медицинских работников и медицинских властей общеимперского уровня ([Чума в Одессе, 1911](#); [Козлов и др., 1848](#); [Отчет о состоянии народного здоровья, 1916](#)), а также обширным корпусом современной отечественной (в том числе на иностранных языках) и зарубежной литературы XX–XXI вв.

Отчеты медиков непосредственно из российских очагов эпидемий чумы и холеры XIX – начала XX вв. в крупных городах позволяют получить профессиональные сведения о характере распространения и большинстве параметров эпидемии от очевидцев «на местах», хотя и с поправкой на уровень знаний медицинской и микробиологической науки той эпохи. В свою очередь сведения из общеимперского отчета о состоянии здравоохранения на завершающем этапе существования царской России, в 1914–1916 гг., позволяют увидеть оценки правительства Николая II, касающиеся борьбы с инфекционными заболеваниями в общегосударственном масштабе в тяжелейших условиях Первой мировой войны.

Корпус отечественной (в том числе на иностранных языках) и зарубежной литературы новейшего периода XX–XXI вв. по теме исследования в контексте историографического анализа представляют многочисленные монографии и статьи по реализации политики Русского и Российского государства в области борьбы с эпидемиями ([Васильев и др., 1960](#); [Самсонов, 2015](#); [Михель, 2008](#); [Михель, 2008a](#); [Iskhakov, Aksenov, 2015](#); [Sahadeo, 2005](#)).

4. Результаты

Несмотря на то, что борьба с эпидемиями чумы и иных опасных заболеваний постепенно эволюционировала, этот процесс был весьма длительным и сопровождался миллионами жертв.

В IX–XV вв. в силу полного отсутствия знаний о микромире все «мероприятия» по борьбе с чумой и иными массовыми инфекциями сводились к широкомасштабному бегству населения из очагов заражения (что лишь больше разносило заразу), экстренному строительству все новых и новых церквей в городах (так, например, после завершения эпидемии чумы 1417 г. в Великом Новгороде местным духовным владыкой Семионом был проведен крестный ход с устройством новых церквей

([Полное собрание русских летописей, 1848: 115](#)), «обработке» воздуха на дорогах из зараженных районов жаром многочисленных костров и физическим недопущением больных людей в здоровые регионы путем выставления вооруженных кордонов и застав. Однако последние мероприятия, схожие по своему характеру с карантином, начали широко применяться властями лишь с конца XV века, когда постепенно на основе практического опыта начали подмечать эффективность мер физического недопущения больных в регионы с преобладанием здорового населения.

Отсутствие качественных знаний об инфекционных заболеваниях и их причинах дополнялось наличием на территории Древней и Средневековой Руси (как и в большинстве прочих регионов планеты) естественных природных очагов возбудителей болезней. Так, в частности, применительно к чуме в нашей стране в древние времена можно с уверенностью говорить о наличии трех природных зон зарождения и последующего распространения возбудителя упомянутого заболевания: на северо-западе, в центре Европейской России и в обширном районе в центре Евразии – от юга Аравийского полуострова до Урала ([Хайдаров, 2018: 84](#)).

Наряду с чумой, во многих районах Древней и Средневековой Руси, в том числе на Севере, были распространены такие заболевания, как сибирская язва (первая вспышка датирована 1571 г.), сыпной тиф (первая зафиксированная вспышка в 1682 г.), а также оспа ([Богоявленский, 1964: 72-75](#)).

В различных русских летописях можно найти множество указаний на массовые инфекционные заболевания. Так, в частности, представляет интерес датируемое Ипатьевской летописью за 1042 г. сообщение об эпидемии инфекционной болезни, разразившейся в войске сына Ярослава Мудрого Владимира во время похода последнего в земли финно-угорского племени ямь. Современные исследователи предполагают, что речь в данном фрагменте шла о сибирской язве ([Полное собрание русских летописей, 1843: 82](#)).

Как правило, вспышки любых инфекционных заболеваний несли с собой серьезные социально-экономические последствия. В значительной степени они имели характер замкнутого круга, когда частые эпидемии, наряду с размножением грызунов (прежде всего серых амбарных мышей), вызывали массовые вспышки инфекционных заболеваний, в свою очередь усиливавшихся и дополнявшихся ослабленными вследствие нескончаемых психологических стрессов организмами людей.

Наряду с социально-экономическими последствиями, крупномасштабные эпидемии инфекционных заболеваний (а равно и борьба с ними) в Средневековой Руси оказывали непосредственное влияние на внутреннюю и внешнюю политику. Так, в частности, современные исследователи предполагают, что именно эпидемия чумы, разыгравшаяся в начале XV в. в Смоленске, позволила литовскому великому князю Витовту захватить этот важный город. Тем самым Литва получила полный контроль над всей длиной Днепра – ключевой водной артерии того времени, некогда части важнейшего торгового и военного пути «из варяг в греки». Это событие по своему времени совпало с резким усилением территориальной экспансии Великого княжества Литовского против Московской Руси при Василии I и Василии II Темном.

К концу XIV века ситуация с чумой и ее проникновением на Русь обострилась в контексте торговых связей с германскими княжествами (с древнейших времен и до 1871 г. Германии как единое государство не существовало – Авт.). Наиболее показательной в этой связи являлась ситуация с «мором лета 6860» (1352 год – Авт.). Согласно Псковской первой летописи, от инфекционной напасти пострадали все слои населения, включая детей и монашество ([Полное собрание русских летописей, 1848: 190-191](#)). При этом число смертей было таково, что приходилось помещать по три–пять человек в один гроб ([Полное собрание русских летописей, 1848: 190-191](#)).

В этот период, согласно Новгородской первой летописи, в Великом Новгороде впервые начало применяться окуривание пахучими курительными смесями очагов заражения в целях недопущения их выхода во внешний мир ([Полное собрание русских летописей, 1841: 58](#)).

Вплоть до конца XIV века эпидемии чумы на западе и северо-западе Руси активно продолжались. Примечательна в этой связи Смоленская эпидемия чумы 1387 г., введенная в отечественную историческую науку Н.М. Карамзиным в XIX веке. Последствия ее, согласно Полному собранию русских летописей, были поистине катастрофическими: в живых в Смоленске осталось всего пять человек ([Полное собрание русских летописей, 2002: 150](#)).

Только с XVIII века борьба с чумой приобрела характер государственной политики. Петр I едва ли не впервые как в практике российской общей, так и военно-полевой медицины ввел карантинные заслоны и практику уничтожения всего имущества заболевших, включая скот, путем сжигания. Тем самым он боролся с негативными для российской армии последствиями эпидемии чумы 1709 г. в Восточной Пруссии и Польше ([Шкунов, 2018: 672](#)).

Практика Петра Великого в борьбе с инфекционными заболеваниями, и в частности с чумой, была продолжена Екатериной II (1762–1796): карантинные посты в составе врача и двух фельдшеров действовали на границах очагов заражения, в особенности у крупных городов, что привело к значительному снижению случаев эпидемий чумы в эпоху ее правления ([Самсонов, 2015](#)).

Тем не менее события 1770–1772 гг. во время широкомасштабной эпидемии чумы в «старой столице» – Москве – в эпоху Екатерины II вновь свидетельствовали о неготовности российских

верховных властей к подобной чрезвычайной ситуации, что приняло серьезный социальный оборот в виде восстания горожан, получившего в историографии название «Чумного бунта».

Не было проведено должных противоэпидемических мероприятий в русской армии, в тот период воевавшей с Турцией, не были предприняты соответствующие меры в западных и юго-западных русских провинциях – в Малороссии и в Польше.

В декабре 1770 г. эпидемия чумы охватила Центральную Россию и Москву, где за период с апреля по декабрь 1771 г., только по официальным данным, скончалось 56 672 человека (Самсонов, 2015). Однако даже Екатерина II признавала явную заниженность этих цифр и в переписке с приближенными утверждала о том, что истинное число жертв превышает 100 тыс. человек (Самсонов, 2015).

Следует отметить, что большинство зажиточных горожан, включая тогдашнего московского градоначальника, графа генерал-фельдмаршала Петра Семеновича Салтыкова, к лету 1771 г. спешно покинули Москву, оставив «старую столицу» России на произвол судьбы.

В этих условиях массово взбунтовались городские низы и крестьяне, находившиеся в городе.

Фактическое безразличие правительства Екатерины II к судьбе так называемых «низших слоев», не говоря уже о преступном попустительстве московских городских и иных региональных властей тех лет, сыграло ключевую роль в возникновении «чумного бунта» 1771 г. Печальный парадокс состоял, однако, в том, что именно социальный кризис на фоне эпидемии и попустительства властей к судьбе большей части населения Москвы и близлежащих губерний Центральной России, побудил Екатерину Великую решительно взяться за ликвидацию обеих бед.

После того как 18 сентября 1771 г. заместитель с позором бежавшего из Москвы фельдмаршала П.С. Салтыкова, генерал Петр Дмитриевич Еропкин, сумел собрать экспедиционный солдатский отряд при двух пушках. В результате его действий порядка 100 бунтовщиков были уничтожены, более 300 отданы под суд (из них 4 повешены) (Самсонов, 2015).

Однако самому П.Д. Еропкину этот подвиг стоил больших духовных и физических сил, поскольку характером он отличался весьма мягким (Самсонов, 2015). Ирония судьбы состояла в том, что спустя пятнадцать лет после описываемых кровавых событий, 28 июня (9 июля) 1786 г., именно генерал П.Д. Еропкин будет назначен главнокомандующим в столичном городе Москве и во всей Московской губернии и пробудет на этом посту без малого четыре года.

Однако на роль «лекаря» как в социальном, так и в самом прямом – медицинском значении этого слова Екатерина II назначила совсем иного человека – своего фаворита графа Григория Григорьевича Орлова. В результате его деятельности повстанцев и мародеров массово уничтожали, очаги заражения в виде домов и имущества сжигали, а для больных создали особые стационары – «чумные бараки» и начали выплачивать социальное довольствие (Самсонов, 2015). Как следствие, к концу 1772 г. чума в «старой столице» окончательно пошла на убыль.

Вместе с тем современные российские историки с сожалением отмечают, что лишь в условиях такого широкомасштабного стихийного бедствия, как эпидемия чумы, а не в результате целенаправленной скоординированной политики в «мирное время», в Москве был составлен генеральный план развития города и создан Каменный приказ (Сироткин, 2014).

Сын Екатерины II, император Павел I (годы правления 1796–1801) также уделял значительное внимание условиям лечения больных в целом, и инфекционных больных в частности. Так, в 1797 г. он лично посетил ряд медицинских учреждений «старой столицы» и приказал надлежащим образом следить за состоянием медицинской отрасли и больных всей Российской империи (Iskhakov, Aksenov, 2015).

В целом борьба с эпидемиями в XVIII столетии, несмотря на определенные успехи в части принятия экстренных мер, все еще серьезно тормозилась сохранявшейся с глубокой древности разобщенностью как между «высшими» и «низшими» слоями общества, так и между народом и властью. «Верхи», как правило, заботила мало либо совсем не заботила судьба социальных «низов» – крепостных и лично свободных (подавляющего меньшинства от общей массы) крестьян, городской бедноты, составлявших едва ли не большую часть населения страны. И это обстоятельство играло свою роковую роль, особенно в минуты тяжелых испытаний как для страны в целом, так и для ее отдельных территорий в частности.

В XIX веке и вплоть до начала XX века (в контексте хронологических рамок настоящей статьи – прим. Тузин, Данилина) число эпидемий непосредственно чумы в целом все еще оставалось весьма велико, равно как и число жертв каждой из них.

Теория очагов чумной палочки, связанная с ареалами обитания животных-носителей из числа эндемиков, возобладала после наблюдений за рядом из них в 1911 г. в Забайкалье (местный вид грызуна «табарган»), а также в Астраханской губернии (зараженный чумой степной суслик).

Тем не менее борьба с эпидемией чумы, как и с другими тяжелыми широкомасштабными заболеваниями, и в начале XX века оставалась тяжким бременем для властей и горем для населения. Особо следует в этой связи отметить негативные последствия менталитета последнего. Так, по свидетельству принимавшего участие в ликвидации эпидемии чумы в Одессе в 1911 г. приват-доцента Казанского Императорского университета Петра Заболотнова, в кварталах городской бедноты,

в частности еврейской, прививки, несмотря на всеобщую доступность, не пользовались популярностью. Причинами тому были, с одной стороны, общая невежественность населения, с другой же – стремительно распространявшиеся по «сарафанному радио» и зачастую намеренно преувеличенные сведения о реально имевших место побочных эффектах вакцинирования для организма. В результате до конца октября 1911 г. во всей Одессе было привито лишь порядка 800 человек (Чума в Одессе, 1911).

Показательно и то, что в своих размышлениях о причинах одесской эпидемии чумы 1910 г. и вероятности ее рецидивов в будущем, П. Заболотнов задается вопросом о наличии прямой связи чумы с ухудшившимся экономическим положением города со времени предыдущей эпидемии 1902 г. (Чума в Одессе, 1911).

Немаловажное значение для анализа изменений подходов Российского государства к борьбе с широкомасштабными эпидемиями инфекционных заболеваний, а также к их профилактике вплоть до Октябрьской революции 1917 г. имеет рассмотрение ситуации вокруг такого опасного и широко распространенного в Новое время заболевания, как холера.

В 1823 г. данная болезнь впервые в истории оказалась на пороге Европейского континента, выйдя из природного очага в Индостане и за шесть лет успев охватить всю Восточную Азию, включая Китай (Henze, 2011: 12). В последующем, вплоть до 1829 г., холера в Европе отсутствовала, однако в период 1830–1832 гг. охватила всю Россию и затем добралась до США (McGrew, 1960). При этом, в отличие от высокоурбанизированных Соединенных Штатов, городские очаги холеры в преимущественно сельской Российской империи того времени имели сугубо локальное значение в общей картине распространения эпидемии (Patterson, 1994).

Впервые столкнувшись с холерой в 1829 г., в эпоху Николая I (вторая общемировая эпидемия данной болезни в истории человечества (Сычев, 2016) Россия вновь, как и в случае с чумой, проявила полную неготовность к борьбе с этим крайне опасным заболеванием, что прямо свидетельствовало как о низком уровне развития отечественной медицинской науки тех лет, так и о неблагоприятной ситуации в системе государственного управления. Лишь в 1830 г. была сформирована Центральная комиссия для пресечения холеры, основные мероприятия которой сводились к карантинным действиям, а также к выпуску информационных «холерных листков», как, например, в Москве (Баринава).

Ситуация с эпидемией холеры 1829 года, первым очагом которой стала прилегающая к казахским степям Оренбургская губерния, наглядно продемонстрировала весь комплекс проблем, стоявших перед Российской империей того времени, в сфере проблематики данной статьи.

В 1829 г. Оренбургская губерния первой в России была объявлена неблагополучной по холере. В условиях крайне низкой научной осведомленности о новом заболевании власти пытались самостоятельно выявить источник заболевания, а в отношении больных и очагов заражения ограничивались преимущественно мерами карантинной изоляции. Эффективность принятого в этот период Карантинного устава резко снижали лоббистские усилия крупного и среднего купечества по сохранению ведения торговли со странами Средней Азии, и Востока в целом (Тарасова, 2012).

В условиях, когда ничем, кроме строгих карантинных, а также обеззараживания окружающих предметов средствами вроде уксуса и спирта, власти помочь не могли, любой слух о неких «злоумышленниках», распространяющих заразу, неминуемо приводил к широкомасштабному бунту. Таковой и разразился в 1831 г. на Сенной площади Санкт-Петербурга, когда разъяренная толпа, круша все подряд, включая холерную больницу с реальным источником заразы, пыталась всеми способами найти мифических «отравителей», якобы наводнивших холерой даже Неву. В этих условиях Николаю I пришлось лично приезжать на площадь и руководить подавлением бунта, на этот раз не политического. Всего в России в период второй эпидемии холеры заболели 466 457 человек, из которых умерли 197 069 человек (Сычев, 2016).

По итогам «холерной экспедиции» в Киев в 1847 г. ученых-медиков Н. Козлова, Ф. Цыцурина и А. фон Вальтера был сделан вывод об отсутствии взаимосвязи между первыми зараженными и их контактированием с приезжими, а также о якобы «влиянии» на возникновение болезни атмосферы и неправильного питания зараженных (Козлов и др., 1848: 30).

Следующая национальная эпидемия (1852–1860 гг.) оказалась еще трагичнее: в результате нее погибло в общей сложности порядка 1 миллиона человек! Хотя наибольший урон от нее понес российский Юг, в особенности после Крымской войны 1853–1855 гг.

В общей сложности холерой были поражены 32 губернии с числом заболевших в 28 052 человека и умерших в 13 743. При этом в столичной Петербургской губернии эпидемия не утихла больше года (Васильев и др., 1960: 214–344).

Таким образом, общая готовность Российской империи к противостоянию крупным эпидемиям инфекционных заболеваний по состоянию на середину XIX столетия по-прежнему оставалась весьма низкой, причем как с точки зрения медицины, так и государственного управления, а также общей координации действий со стороны правительства и императорского двора. Показателен в этой связи тот факт, что, к примеру, портовый карантин Одессы – исходной точки на пути в Россию из Турции очередной эпидемии холеры 1865 г. – сам оказался очагом эпидемии (Васильев и др., 1960: 214–344).

При этом следует отметить то немаловажное для исследователя обстоятельство, что лишь с середины 1880-х гг. начала улучшаться ситуация со сбором статистических сведений по холерным эпидемиям, которыми на местах занимались земства, а затем систематизировали губернские холерные комитеты (Канищев и др., 2006).

Одной из ключевых ошибок в сфере государственного управления по борьбе с эпидемиями регионального и общегосударственного масштаба в дореволюционной России являлось то немаловажное обстоятельство, что последняя была целиком сосредоточена в руках царской (общеимперской) администрации, а органы местного самоуправления в лице возникших после «Великих реформ» Александр II земств к ней вовсе не допускались. И лишь после трагедии 1892 г., когда на пассажирских судах, стоявших в холерном карантине на так называемом «девяtifутовом рейде» близ Астрахани вследствие умышленного отсутствия поставок пресной воды и продовольствия с суши, начали массово гибнуть люди, ситуация с организацией противодействия эпидемиям на местном уровне начала меняться.

Правительство Александра III (годы правления 1881–1894) специальным постановлением было вынуждено вновь обратиться за помощью к местному самоуправлению – земствам, которые император не любил. Примечательно, что администрации тюрем на местах были обязаны в случае возникновения инфекционных заболеваний, в особенности эпидемий, немедленно уведомить об этом Главное тюремное управление в целях обеспечения строгих карантинных мер (Петренко и др., 2019).

Конечно, не в качестве оправдания неумелых действий властей, но как вескую сопутствующую им причину во время эпидемий холеры в России XIX века можно отметить тот факт, что возбудитель данного заболевания – холерный вибрион, хотя и был открыт итальянским ученым Филиппо Пачини еще в 1854 г., но в тот период был ошибочно отвергнут мировой наукой в пользу мифической гипотезы «миазмов» («холерных испарений» – авт.).

В 1908 г. эпидемия холеры с более чем 7 тыс. выявленных случаев накрыла Санкт-Петербург (Davis, 2018: 115). За это она в отрицательном ключе получила эпитет «великая».

За два десятка лет до этого, в 1892 г., эпидемия холеры охватила вновь присоединенные к Российской империи территории Туркестанской провинции с центром в Ташкенте, явив, по мнению профессора Карлтонского университета в Оттаве (Канада) Джеффа Сахадео, прямое наличие взаимосвязей между пришлым российским и автохтонным тюркским, персидским и иным местным мусульманским населением (Sahadeo, 2005: 1). Два года спустя, в 1894-м, холера вновь «охватила 2/3 страны, за исключением Архангельска и Княжества Финляндского» (Clemow, 1894: 61).

К началу XX века правительствами Александра III (1881–1894) и Николая II (1894–1917) было принято общероссийское антихолерное законодательство, а также создано большое число санитарно-исполнительных комиссий по борьбе с эпидемиями и их предупреждению на местах (Михель, 2008).

Помимо холеры, подходы дореволюционного Российского государства к борьбе с эпидемиями инфекционных заболеваний представляется также актуальным рассмотреть на примере тифа и его различных разновидностей – брюшного, сыпного и др. Хотя как заболевание тиф в различных разновидностях присутствовал в России с глубокой древности, даже в середине XIX века еще не существовало четкого определения сыпного тифа как самостоятельного понятия в контексте науки нозологии.

Первые достоверные случаи эпидемических вспышек наиболее распространенной – сыпной формы – тифа были впервые в России четко диагностированы во время Отечественной войны 1812 г. полковым врачом Я.И. Говоровым. Вплоть до середины XIX столетия широкомасштабные вспышки различных форм тифа наблюдались как среди гражданского населения, так и в регулярно воевавших российских вооруженных силах.

В 1876–1878 гг. сыпной тиф в результате эпидемии охватил 28 губерний как в Европейской части России, так и в Сибири. Призывы из них солдат в действующую армию особенно сильно обострили обстановку по тифу во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. (Михель, 2008).

При этом в период 1870-х гг. отечественная фундаментальная медицина добилась немалых успехов в вопросе диагностирования тифа и выявления отдельных его разновидностей.

Как и в случае с холерой, только появление относительно независимого как от помещиков, так и от центральной царской власти местного самоуправления – земства – позволило достичь некоторых успехов в борьбе с тифом. При этом и в начале XX века основными мерами борьбы с этим заболеванием оставались жесткий карантин и обработка зараженных местностей различными химикатами. Лишь в середине правления императора Николая II российские ученые пришли к полной убежденности в «повинности» в возникновении тифа очагов паразитарных насекомых-переносчиков, прежде всего комаров, и начали активные дезинсекционные мероприятия в местах их природного обитания – на болотах и в сырых логах, а также в населенных пунктах.

Тем не менее в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, коэффициент заболеваемости сыпным тифом в России колебался в пределах от 5,9 до 7,5, а случаи заболеваний регистрировались почти во всех районах страны (Михель, 2008).

Подводя итоги исследованию эволюции подходов государственного аппарата России к борьбе с инфекциями, в том числе в широких масштабах, с древнейших времен и вплоть до Октябрьской

революции 1917 г., можно отметить следующее. Хотя по мере развития как мировой, так и российской (с поправкой на ее длительное заметное отставание) биологической, а с 1674 г. и микробиологической науки, знания об инфекционных заболеваниях постоянно росли, мероприятия по борьбе с ними как со стороны центральных, так и местных российских властей носили весьма примитивный характер. Преимущественно они сводились к карантинам, хотя, начиная со второй половины XVIII века и особенно в XIX столетии, к ним добавились методы химической дезинфекции различными веществами, начиная с хлора и заканчивая уксусом, золой и даже кислым пивом.

Важным и крайне отрицательным фактором, в том числе с морально-этической стороны, было практически полное безразличие вплоть до первой половины XIX века правящей элиты к нуждам страдавших от эпидемий крестьян и городской бедноты. Вплоть до эпохи Екатерины II сохранялось стремление дворянства, зажиточного купечества и мещан спасти собственные жизни и фактически спастись бегством из очага эпидемии, бросив на произвол судьбы своих сограждан из социальных низов и зачастую лишь способствуя отъездом на здоровые территории дополнительному распространению очагов заразы. Причем представители губернских и иных местных властей вели себя так же, как и московские городские власти в ходе описанной выше эпидемии чумы 1770–1772 гг.

Лишь со второй четверти XIX века попытки равного вспомоществования всем пострадавшим от эпидемий в рамках соответствующих санитарно-противоэпидемических мероприятий начали постепенно входить в практику как центральных императорских, так и местных российских властей всех уровней, хотя процесс этот был весьма медленным вплоть до отмены крепостного права и появления принципиальной системы местного самоуправления (земств) в 1860-х гг.

По состоянию на первый год I Мировой войны (1914) ситуация по заболеваемости населения всеми видами известных тогдашней российской медицине болезней в целом, и «острозаразными болезнями» в частности, констатировалась санитарными властями империи как «в общем благоприятной» (*Отчет о состоянии народного здоровья, 1916: V*).

Тем не менее эпидемии различных инфекционных заболеваний – чумы, холеры, оспы, тифа и др. – продолжались вплоть до Октябрьской революции, а также некоторое время и после нее. Немалую роль в этой связи продолжала играть неблагоприятная санитарно-эпидемиологическая обстановка во многих населенных пунктах Российской империи, в особенности на лишенных канализации и иных удобств фабрично-заводских окраинах крупных городов и в более мелких населенных пунктах. Характерным примером в этой связи может являться Реутовская хлопкопрядильная фабрика Московской губернии (ныне в городе Реутове Московской области), на которой, по свидетельству санитарной комиссии 1881 г. во главе с основоположником научной гигиены в России Ф.Ф. Эрисманом, были чрезвычайно распространены такие заболевания, как рожа, оспа, малярия. При этом обнищание фабричных рабочих доходило до отсутствия нижнего белья, а то и штанов, обуви, постельного и столового белья (*Сергеев, 1997: 38*).

В этой связи приходится невольно согласиться с советскими источниками по тематике настоящего исследования, несмотря на известную степень их идеологической ангажированности, о том, что принципиальная борьба как с холерой, так и с прочими инфекционными болезнями была возможна в дореволюционной России лишь после радикальных политических и социально-экономических перемен в существовавшем строе (*Васильев и др., 1960: 214-344*).

В рамках данного исследования удалось установить:

1. Противоэпидемические меры начали носить относительно систематический характер в России лишь с начала XVIII в., в эпоху Петра I. До этого, в XI–XVII вв., все «мероприятия» по борьбе с чумой и иными массовыми инфекциями сводились к широкомасштабному бегству населения из очагов заражения (что лишь больше разносило заразу), экстренному строительству все новых и новых церквей в городах, «обработке» воздуха на дорогах из зараженных районов жаром многочисленных костров и физическим недопущением больных людей в здоровые регионы путем выставления вооруженных кордонов и застав (начиная с XV века).

2. Борьба с холерой в середине XIX века осложнялась как новизной этого заболевания для тогдашней Российской империи, так и спорами о ее происхождении, а равно и проистекавшими отсюда вопросами относительно подходов к ее лечению.

3. Борьба с тифом носила аналогичный характер.

5. Заключение

Проанализированный в рамках данной статьи ход исторической эволюции подходов госаппарата дореволюционной России к борьбе с опасными широкомасштабными эпидемиями инфекционных заболеваний за период с XI века и вплоть до 1917 г. позволяет сделать несколько выводов.

1. Ключевыми факторами неудач в борьбе с инфекционными заболеваниями являлись сословная отчужденность «верхов» (боярства, дворянства, зажиточного купечества) от «низов» (большей части крестьянства и городской бедноты) в условиях чрезвычайных обстоятельств, вызванных эпидемиями. Особенно четко это проявлялось в период до XIX века и выражалось в стремлении спасти в первую очередь себя, даже если представители упомянутых «верхов» занимали

властные должности и в силу возложенных на них полномочий обязывались непосредственно организовывать борьбу с эпидемиями.

2. Только появление относительно независимого как от помещиков (дворянства и небольшой части зажиточных мещан), так и от центральной царской власти местного самоуправления – земства, по итогам «Великих реформ» Александра II 1860-х гг., позволило достичь некоторых успехов в борьбе с такими опасными инфекционными заболеваниями, как тиф, холера и др.

3. Безусловную негативную роль в борьбе с широкомасштабными эпидемиями в России играло и несовершенство биологической науки как общемировой в период до изобретения голландцами микроскопа в 1590 г., так и российской. Открыто проявилась подобная отсталость на примере холеры, которую вплоть до конца XIX в. многие отечественные и зарубежные ученые-микробиологи продолжали связывать с мифическими «испаряющимися миазмами».

Литература

Баринова – Баринова О. Не золотая лихорадка: как в России спасались от эпидемий. Федеральный портал История.РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/nie-zolotaia-likhoradka-kak-v-rossii-spasalis-ot-epidemii> (дата обращения: 08.04.2020).

Богоявленский, 1964 – Богоявленский Н.А. Медицина у первоселов русского севера. М., 1964.

Васильев и др., 1960 – Васильев К., Сегал Л. История эпидемий в России (материалы и очерки) / Под ред. проф. А.И. Метелкина. М., 1960.

Еникеев, 2015 – Еникеев Р. Вопросы нормативного регулирования карантинных и противоэпидемических мероприятий в Российской империи. «Правовое государство: проблемы понимания и реализации» / Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа, 16–17 апреля 2015 г. Часть 1. С. 197. [Электронный ресурс]. URL: <http://library.vspu.net/bitstream/handle/123456789/1832/%D0%A7.1.%2013%2C04%2C15.pdf?sequence=3&isAllowed=y> (дата обращения: 25.05.2020).

Канищев и др., 2006 – Канищев В., Мещеряков Ю., Яковлев Е. Источники изучения поведения населения и деятельности властей Тамбовской губернии в условиях холерных эпидемий XIX века. 1. // Вестник ТГУ. 2006. Выпуск 1 (41). С. 16. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-izucheniya-povedeniya-naseleniya-i-deyatelnosti-vlastey-tambovskoy-gubernii-v-usloviyah-holernyh-epidemiy-xix-v-1/viewer> (дата обращения: 25.05.2020).

Козлов и др., 1848 – Козлов Н., Цыцурин Ф., Вальтер А. фон. Медицинский отчет о холерной эпидемии в Киеве 1847 года. Киев, 1848.

Михель, 2008 – Михель Д. Общественное здоровье и холерный вибрион: Российская империя, медицина и бактериология начала XX века перед угрозой холеры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». 2008. Т. 8. № 2. Вып. 2. С. 73. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennoe-zdorovie-i-holernyy-vibrion-rossiyskaya-imperiya-meditsina-i-bakteriologiya-nachala-xx-veka-pered-ugrozoy-holery/viewer> (дата обращения: 25.05.2020).

Михель, 2008а – Михель Д. Чума и эпидемиологическая революция в России, 1897–1914. Вестник Евразии. 2008. № 3. С. 160. [Электронный ресурс]. URL: <https://poseidon01.ssrn.com/delivery.php?ID> (дата обращения: 25.05.2020).

Отчет о состоянии народного здоровья, 1916 – Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1914 год. Петроград, 1916. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/435717> (дата обращения: 14.03.2021).

Петренко и др., 2019 – Петренко Н., Дубаенко Н. Правовое регулирование борьбы с эпидемиями в пенитенциарных учреждениях Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Наука и инновации в системе развития информационного общества / Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Часть 2. Чебоксары, 30 января 2019 г. С. 182.

Полное собрание русских летописей, 1841 – Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись. СПб., 1841.

Полное собрание русских летописей, 1843 – Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1843.

Полное собрание русских летописей, 1848 – Полное собрание русских летописей. Т. 4. СПб., 1848.

Полное собрание русских летописей, 2002 – Полное собрание русских летописей. Т. 42. СПб., 2002.

Самсонов, 2015 – Самсонов А. «Черная смерть» в России. Часть 2. Портал «Военное обозрение», 13.12.2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/22015-chernaya-smert-v-rossii-chast-2.html> (дата обращения: 02.04.2020).

Сергеев, 1997 – Сергеев Е. Реутов от хутора до града. М., 1997.

Сироткин, 2014 – Сироткин А. Чума в Москве в 1770–1772 гг. и санитарные меры правительства и московских властей. Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». № 17 (139). 2014. С. 130–141. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chuma-v-moskve>

moskve-v-1770-1772-gg-i-sanitarnye-mery-pravitelstva-i-moskovskih-vlastey-1/viewer (дата обращения: 20.05.2021).

Сычев, 2016 – Сычев И. История мировых эпидемий, часть 2. Интернет-портал «Хабр», 20.11.2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/post/399379> (дата обращения: 08.04.2020).

Тарасова, 2012 – Тарасова И. Деятельность Министерства внутренних дел Российской империи по организации противоэпидемических мероприятий в первой половине XIX века // *Журнал «Проблемы в российском законодательстве»*. № 5. 2012. С. 181. [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-ministerstva-vnutrennih-del-rossiyskoj-imperii-po-organizatsii-protivoepidemicheskikh-meropriyatij-v-pervoy-pолоvine-xix/viewer> (дата обращения: 20.05.2021).

Хайдаров, 2018 – Хайдаров Т. Эпоха «Черной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах (конец XIII – первая половина XV вв.). Казань, 2018.

Чума в Одессе, 1911 – Чума в Одессе. Отчет о командировке в г. Одессу для ознакомления с чумой и с современными способами борьбы с нею приват-доцента Императорского Казанского университета Петра Заболотнова. Казань, 1911.

Шкунов, 2018 – Шкунов В. Реализация государственной карантинной и санитарной политики в Российской империи в XVIII веке // *Журнал «Гигиена и санитария»*. 2018. № 7 (97). С. 672. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-gosudarstvennoy-karantinnoy-i-sanitarnoy-politiki-v-rossiyskoj-imperii-v-xviii-veke/viewer> (дата обращения: 25.05.2020).

Clemow, 1894 – Clemow F.G. A Contribution to the Epidemiology of Cholera in Russia. February 21st 1894. P. 61. [Electronic resource]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5542518/?page=1> (date of access: 25.05.2020)

Davis, 2018 – Davis J. P. Russia in the Time of Cholera. L. – N.Y., 2018. P. 115. [Electronic resource]. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=1BOMDwAAQBAJ&oi=fnd&pg=PP1&dq=cholera+russian+empire&ots=2td4irR929&sig=eM-PhBlpfvALDxhkryjCfXLQEA4&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (date of access: 24.05.2020)

Henze, 2011 – Henze C.E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823-1914. L.-N.Y.: Routledge, 2011. P. 12.

Iskhakov, Aksenov, 2015 – Iskhakov E., Aksenov S. Legislative Measures for Preventive Infection Diseases in the Russian Empire issued During the Tsar Pavel the First. Journal of Siberian Federal University. *Humanities & Social Sciences*. 2015. 11(8): 2432. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/legislative-measures-for-preventive-infection-diseases-in-the-russian-empire-issued-during-the-tsar-pavel-the-first/viewer> (date of access: 24.05.2020)

McGrew, 1960 – McGrew R.E. The First Cholera Epidemic and Social History. *Bulletin of the History of Medicine*. Vol. 34, No. 1. SYMPOSIUM ON THE HEART Presented at the thirty-second Annual Meeting of the American Association for the History of Medicine (JANUARY-FEBRUARY, 1960), pp. 61-73. [Electronic resource] URL: https://www.jstor.org/stable/44446659?read-now=1&refreqid=excelsior:foe3af027b8e27f138ce5c061fee3df&seq=2#page_scan_tab_contents (date of access: 24.05.2020)

Patterson, 1994 – Patterson D.K. Cholera diffusion in Russia, 1823–1923. Abstract. *Social Science & Medicine*. May 1994. Vol. 38. Is. 9. Pp. 1171-1191 [Electronic resource]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/027795369490183X> (date of access: 25.05.2020).

Sahadeo, 2005 – Sahadeo J. Epidemic and Empire: Ethnicity, Class, and “Civilization” in the 1892 Tashkent Cholera Riot. *Slavic Review*. 2005. Vol. 64. No. 1, pp. 117-139. [Electronic resource]. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/slavic-review/article/epidemic-and-empire-ethnicity-class-and-civilization-in-the-1892-tashkent-cholera-riot/CEB21FDAC59FE3C2A097C57C67A45AFA> (date of access: 24.05.2020).

References

Barinova – Barinova, O. Ne zolotaya likhoradka: kak v Rossii spasalis' ot epidemii. [Not a gold rush: how people were saved from epidemics in Russia]. Federal'nyi portal Istoriya.RF. [Electronic resource]. URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/nie-zolotaia-likhoradka-kak-v-rossii-spasalis-ot-epidemii> (date of access: 08.04.2020). [in Russian]

Bogoyavlenskii, 1964 – Bogoyavlenskii, N.A. (1964). Meditsina u pervoselov russkogo severa [Medicine among the first settlers of the Russian North]. M. Pp. 72-75. [in Russian]

Clemow, 1894 – Clemow, F.G. (1894). A Contribution to the Epidemiology of Cholera in Russia. February 21st 1894. [Electronic resource] URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5542518/?page=1> (date of access: 25.05.2020) P. 61.

Davis, 2018 – Davis, J.P. (2018). Russia in the Time of Cholera. L. N.Y., 2018. P. 115. [Electronic resource]. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=1BOMDwAAQBAJ&oi=fnd&pg=PP1&dq=cholera+russian+empire&ots=2td4irR929&sig=eM-PhBlpfvALDxhkryjCfXLQEA4&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (date of access: 25.05.2020).

Henze, 2011 – Henze, C.E. (2011). Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823-1914. L.-N.Y.: Routledge. P. 12.

[Iskhakov, Aksenov, 2015](#) – *Iskhakov, E., Aksenov, S.* (2015). Legislative Measures for Preventive Infection Diseases in the Russian Empire issued During the Tsar Pavel the First. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2015. 11(8): 2432. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/legislative-measures-for-preventive-infection-diseases-in-the-russian-empire-issued-during-the-tsar-pavel-the-first/viewer> (date of access: 24.05.2020).

[Kanishchev i dr., 2006](#) – *Kanishchev, V., Meshcheryakov, Yu., Yakovlev, E.* (2006). Istochniki izucheniya povedeniya naseleniya i deyatelnosti vlastei Tambovskoi gubernii v usloviyakh kholernykh epidemii XIX veka [Sources of studying the behavior of the population and the activities of the authorities of the Tambov province in the conditions of cholera epidemics of the 19th century]. *Vestnik TGU*. 1(41): 16. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-izucheniya-povedeniya-naseleniya-i-deyatelnosti-vlastey-tambovskoy-gubernii-v-usloviyah-holernyh-epidemiy-xix-v-1/viewer> (date of access: 25.05.2020). [in Russian]

[Kozlov, 1848](#) – *Kozlov, N., Tsytsurin, F., Val'ter, A. fon.* (1848). Meditsinskii otchet o kholernoii epidemii v Kieve 1847 goda [Medical report on the cholera epidemic in Kiev in 1847]. Kiev. P. 30. [in Russian]

[McGrew, 1960](#) – *McGrew, R.E.* (1960). The First Cholera Epidemic and Social History. *Bulletin of the History of Medicine*. 34(1). SYMPOSIUM ON THE HEART Presented at the thirty-second Annual Meeting of the American Association for the History of Medicine (JANUARY-FEBRUARY, 1960). [Electronic resource]. URL: https://www.jstor.org/stable/44446659?read-now=1&refreqid=excelsior:foe3af027b8e27f138ce5c061f1ee3df&seq=2#page_scan_tab_contents (date of access: 24.05.2020) Pp. 61-73.

[Mikhel', 2008](#) – *Mikhel', D.* (2008). Obshchestvennoe zdorov'e i kholernyi vibrion: Rossiiskaya imperiya, meditsina i bakteriologiya nachala XX veka pered ugrozoi kholery [Public health and cholera vibrio: The Russian Empire, medicine and bacteriology of the early XX century before the threat of cholera]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 8(2): 73. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obshchestvennoe-zdorovie-i-holernyy-vibrion-rossiyskaya-imperiya-meditsina-i-bakteriologiya-nachala-xx-veka-pered-ugrozoy-holery/viewer> (date of access: 25.05.2020). [in Russian]

[Mikhel', 2008a](#) – *Mikhel', D.* (2008). Chuma i epidemiologicheskaya revolyutsiya v Rossii, 1897-1914. [The plague and the epidemiological revolution in Russia, 1897-1914]. *Vestnik Evrazii*. 3: 160. [Electronic resource]. URL: <https://poseidon01.ssrn.com/delivery.php?ID> (date of access: 25.05.2020). [in Russian]

[Patterson, 1994](#) – *Patterson, D.K.* (1994). Cholera diffusion in Russia, 1823-1923. Abstract. *Social Science & Medicine*. May 1994. Vol. 38. Is. 9: 1171-1191. [Electronic resource]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/027795369490183X> (date of access: 25.05.2020).

[Petrenko, 2019](#) – *Petrenko, N., Dubaenko, N.* (2019). Pravovoe regulirovanie bor'by s epidemiyami v penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh Rossiiskoi imperii na rubezhe XIX-XX vv. [Legal regulation of the fight against epidemics in penitentiary institutions of the Russian Empire at the turn of the XIX-XX centuries]. *Nauka i innovatsii v sisteme razvitiya informatsionnogo obshchestva*. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Chast' 2. Cheboksary, 30 yanvarya 2019 goda. P. 182. [in Russian]

[Polnoe sobranie russkikh letopisei, 1841](#) – Polnoe sobranie russkikh letopisei (1841). T. 3. *Novgorodskaya pervaya letopis'*. [The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 3. The Novgorod first chronicle]. SPb. P. 58. [in Russian]

[Polnoe sobranie russkikh letopisei, 1843](#) – Polnoe sobranie russkikh letopisei (1843). T 2. *Ipat'evskaya letopis'*. [The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 2. The Ipatiev Chronicle]. SPb. P. 82. [in Russian]

[Polnoe sobranie russkikh letopisei, 1848](#) – Polnoe sobranie russkikh letopisei [The Complete Collection of Russian Chronicles]. 1848. T 4. SPb. Pp. 115, 190-191. [in Russian]

[Polnoe sobranie russkikh letopisei, 2002](#) – Polnoe sobranie russkikh letopisei [The Complete Collection of Russian Chronicles]. 2002. T 42. SPb. P. 150. [in Russian]

[Samsonov, 2015](#) – *Samsonov, A.* (2015). «Chernaya Smert'» v Rossii. Chast' 2. [The "Black Death" in Russia. Part 2]. *Portal «Voennoe obozrenie»*. 13.12.2012. [Electronic resource]. URL: <https://topwar.ru/22015-chernaya-smert-v-rossii-chast-2.html> (date of access: 02.04.2020). [in Russian]

[Sahadeo, 2005](#) – *Sahadeo, J.* (2005). Epidemic and Empire: Ethnicity, Class, and "Civilization" in the 1892 Tashkent Cholera Riot. *Slavic Review*. 64(1): 117-139. [Electronic resource]. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/slavic-review/article/epidemic-and-empire-ethnicity-class-and-civilization-in-the-1892-tashkent-cholera-riot/CEB21FDAC59FE3C2A097C57C67A45AFA> (date of access: 24.05.2020).

[Sergeev, 1997](#) – *Sergeev, E.* (1997). Reutov ot khutora do grada [Reutov from the farmstead to the town]. M. P. 38. [in Russian]

[Sirotkin, 2014](#) – *Sirotkin, A.* (2014). Chuma v Moskve v 1770-1772 gg. i sanitarnye mery pravitel'stva i moskovskikh vlastei. [The plague in Moscow in 1770-1772 and sanitary measures of the government and the Moscow authorities]. *Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya»*. 17(139): 130-141. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chuma-v-moskve-v-1770-1772-gg-i-sanitarnye-mery-pravitelstva-i-moskovskih-vlastey-1/viewer> (date of access: 20.05.2021). [in Russian]

Sychev, 2016 – Sychev, I. (2016). Istoriya mirovykh epidemii, chast' 2 [The history of world epidemics, part 2]. Internet-portal «Khabr». [Electronic resource] URL: <https://habr.com/ru/post/399379> (date of access: 08.04.2020). [in Russian]

Tarasova, 2012 – Tarasova, I. (2012). Deyatel'nost' Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi imperii po organizatsii protivoepidemicheskikh meropriyatii v pervoi polovine XIX veka [The activity of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire on the organization of anti-epidemic measures in the first half of the 19th century]. *Zhurnal «Probely v rossiiskom zakonodatel'stve»*. 2012. 5: 181. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-ministerstva-vnutrennih-del-rossiyskoy-imperii-po-organizatsii-protivoepidemicheskikh-meropriyatii-v-pervoy-polovine-xix/viewer> (date of access: 20.05.2021). [in Russian]

Khaidarov, 2018 – Khaidarov, T. (2018) Epokha «Chernoї smerti» v Zolotoi Orde i prilegayushchikh regionakh (konets XIII – pervaya polovina XV vv.). [The era of the "Black Death" in the Golden Horde and adjacent regions (late XIII – first half of the XV centuries)]. Kazan', 2018. P. 84. [in Russian]

Chuma v Odesse, 1911 – Chuma v Odesse (1911). Otchet o komandirovke v g. Odessu dlya oznakomleniya s chumoi i s sovremennymi sposobami bor'by s neyu privat-dotsenta Imperatorskogo Kazanskogo universiteta Petra Zabolotnova. [The plague in Odessa. Report on a business trip to Odessa to get acquainted with the plague and with modern ways of combating it, private Associate Professor of the Imperial Kazan University Pyotr Zabolotnov]. Kazan', 1911. P. 51. [in Russian]

Shkunov, 2018 – Shkunov, V. (2018). Realizatsiya gosudarstvennoi karantinnoi i sanitarnoi politiki v Rossiiskoi imperii v XVIII veke. [Implementation of the state quarantine and sanitary policy in the Russian Empire in the 18th century]. *Zhurnal «Gigiya i sanitariya»*. 7(97): 672. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-gosudarstvennoy-karantinnoy-i-sanitarnoy-politiki-v-rossiyskoy-imperii-v-xviii-veke/viewer> (date of access: 25.05.2020). [in Russian]

Эволюция подходов Российского государства к вопросам борьбы с эпидемиями инфекционных заболеваний в период с Московского государства до начала XX века

Антон Михайлович Тузин^a, Марина Викторовна Данилина^{b, c, *}, Ирина Анатольевна Гусева^b, Йылмаз Баяр^d

^a Российский университет кооперации, Российская Федерация

^b Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Российская Федерация

^c Финансовый университет при Правительстве РФ, Российская Федерация

^d Университет Бандырма Онъеди Эйлюль, Турция

Аннотация. В статье рассматривается опыт борьбы с эпидемиями инфекционных заболеваний в России в период, начиная с Московского государства и до начала XX века. Данный опыт анализируется через ретроспективу борьбы с эпидемией чумы в Российской империи в конце XVIII века и эпидемией холеры в середине XIX века. Основной этап борьбы с инфекционными заболеваниями начался в России только в середине XIX века. Россия достаточно поздно столкнулась с такой ситуацией. С самых ранних времен своей истории российские подходы к борьбе с эпидемиями как в бюрократической, так и в медицинской сферах были крайне отсталыми, и только в XVIII веке ситуация начала меняться к лучшему. Но даже после реформ Петра Великого борьба с эпидемиями велась неэффективно, что дополнялось глобальными проблемами в понимании природы различных инфекционных заболеваний. Таким образом, нельзя не согласиться с советскими источниками, несмотря на определенную степень их идеологической предвзятости, в том, что борьба с холерой, как и со всеми болезнями, была возможна в дореволюционной России только после радикального изменения политической системы и широких социальных реформ.

Ключевые слова: эпидемические заболевания, инфекции, чума, холера, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

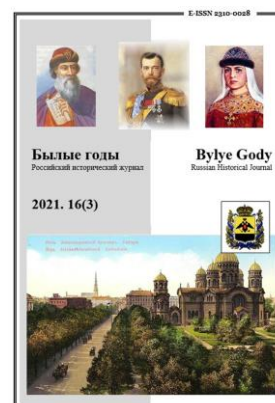
Адреса электронной почты: marinadanilina@yandex.ru (М.В. Данилина)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1098-1105
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1098
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



Transformation of the Political and Legal Status of the Supreme Prince of Kabarda in the XVI – first quarter of the XIX century

Petr A. Kuz'minov ^{a, b}, Anzhela A. Zhurtova ^{a, b}

^a Kabardino-Balkarian State University named H.M. Berbekov, Russian Federation

^b Scientific and innovative center «Natural scientific methods in archeology, anthropology and archeography» KBSC RAS, Russian Federation

Abstract

In historical Caucasian studies in recent decades, many «copies» have been broken in discussions on the political role of Kabarda in the North Caucasus region in the XVI – early XIX centuries. The key figure in the system of the power hierarchy of the Kabardian principality was the supreme/senior prince. An analysis of the change in the status of the senior prince of Kabarda allows us to give an answer about the reasons for the weakening of the principality, the loss of sovereignty and entry into the Russian Empire.

After the death of the legendary prince Inal, the early feudal state of Circassia created by him disintegrated into many possessions. One of the most powerful was Kabarda, divided into four lands. The consolidating figure in the principality was the supreme prince of all Kabarda – pshishkho/oliypsh, elected at the congresses of «all the land» in turn from each inheritance, but his functions were significantly limited by the sovereign appanage princes. In the public consciousness and practical activities of the descendants of Inal, a view was established that did not allow the rise of some princes over others.

The seizure of power by the descendants of Psheapshoka Kaitukin (late XVI – early XVII century) led to their usurpation of the right to elect «grand princes» only from representatives of their clan. The split of the political elite of Kabarda in the 20s of the XVIII century into the Baksan and Kashkatau parties, oriented towards the Crimean Khanate and the Russian Empire, strengthened centrifugal tendencies, weakened its military potential, and led to the maximum weakening of the power of the supreme prince. This led to the intensification of internecine clashes, led to the military and political weakening of all institutions of power, and in 1822 the Russian administrative and judicial system was finally established in Kabarda.

Keywords: Kabarda, the supreme prince, elections, executive power, administrative apparatus, struggle, sovereignty, devaluation of power.

1. Введение

Современные социально-политические процессы на Северном Кавказе имеют глубокие исторические корни и непосредственно связаны с актуальной проблемой регионального национально-государственного строительства и социально-политической модернизации российской власти в сфере взаимодействия центра и субъектов.

Представители консервативных кругов исторической науки, «радикальные» лидеры отдельных групп общества предлагают сегодня пересмотреть основные вехи совместной истории народов России в царский и имперский период, отстаивая на научных, общественных форумах, в интернет-пространстве тезис о грубом вмешательстве российского правительства в процесс поступательного развития кабардинского этноса. Между тем анализ конкретных событий свидетельствует, что именно трансформация традиционных институтов политической культуры адыгов, то есть имманентные причины привели Кабарду к ослаблению, а укрепление России в Предкавказье только ускорило процесс девальвации институтов управления. Упрочение позиций России в регионе было следствием, а не причиной ослабления военной мощи Кабарды. Считаем, что исследования в данной области имеют не только научную, но и общественно-политическую значимость.

Объективная необходимость анализа важнейшего политического института традиционных северокавказских обществ, в том числе Кабарды, обусловлена дальнейшим развитием российской политической системы. Международный и отечественный опыт демонстрирует возможности эффективного сочетания традиционных и современных институтов в сфере власти и управления, которые становятся основой национальной модели политической системы и позволяют создать эффективный формат взаимоотношений в рамках федерации.

2. Материалы и методы

Источниковую основу исследования составляют несколько групп документальных материалов. Наиболее информативен двухтомный сборник по истории кабардино-русских отношений (*Кабардино-русские...*, 1957), в котором размещены документы из Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация). В нем опубликована переписка терских и астраханских воевод с Покольским приказом, в которой имеется ценная информация о народах Северного Кавказа и великокняжеской форме управления в Кабарде.

Органично дополняет данный корпус архивных источников труд С.А. Белокурова (*Белокуров, 1889*), в котором размещены уникальные документы, повествующие о родословной кабардинских и черкесских князей, о жалованной грамоте царя Ивана Грозного кабардинскому князю Камбулату и др. Из 34 опубликованных подборок документов – 12 посвящены князьям Кабарды. В материалах Терской сословно-поземельной комиссии (*Сборник документов...*, 2003) зафиксированы предания о князе Инале.

Вторую группу источников составляют нормы адата, фиксирующие права и обязанности верховных князей Кабарды (*Леонтович, 2002; Правовые нормы...*, 1997).

К третьей относим работы адыгских просветителей (*Ногмов, 1994; Хан-Гирей, 1978; Кудашев, 1990* и др.), которые отличаются глубоким знанием законов и обычаев, традиций, преданий, фольклора народа.

Отдельную группу источников составляют нарративы европейских авторов конца XVIII – XIX вв. (*Потоцкий, 1974; Дюбуа де Монперэ, 1937; Белл, 1974* и др.), в которых даны оценки общественного устройства Кабарды, приведен материал о взаимоотношениях князей и уорков.

В качестве методологического инструмента анализа правового статуса верховного князя Кабарды нами использованы методы политической антропологии, предметом изучения которой стали механизмы и институты власти традиционного общества, анализируемые на протяжении значительного времени. Достижения антропологии базируются на сочетании различных методов. Функциональный подход изучает эволюцию прав и обязанностей, реализуемых старшими князьями Кабарды в процессе управления княжеством. Структурный – дает возможность выявить сложившиеся связи как внутри рода Иналидов, обеспечивающие сохранение основных свойств политической системы Кабарды, так и во взаимоотношениях с элитами соседних этнотерриториальных образований. Процессуальный – позволил дифференцированно рассмотреть властные функции кабардинского князя и обосновать их эволюцию в рамках политической системы Кабарды XVI – начала XIX вв.

3. Обсуждение

Проблема статуса верховного князя Кабарды затрагивалась многими дореволюционными, советскими и современными исследователями. Кабардинский просветитель Ш. Ногмов, опираясь на богатый фольклор адыгов, дал развернутую характеристику роли князя в общественной жизни Кабарды (*Ногмов, 1994*).

Значительный вклад в освещение данной проблемы внесла Е.Н. Кушева, которая одной из первых в кавказоведении проработала фонды РГАДА, содержащие материалы о народах Северного Кавказа, и опубликовала работу, в которой немало места уделено кабардинским князьям (*Кушева, 1963*).

Е.Дж. Налоева первой поставила вопрос о наличии государственности в Кабарде и соответствующих политических институтах власти. Предметом ее исследования стала роль верховных князей в управлении Кабардой (*Налоева, 2015*). Продолжил эту работу В.Х. Кажаров (*Кажаров, 1992; Кажаров, 1994*), который детализировал историю возникновения и развития княжеской власти у адыгов.

С методологических позиций политической антропологии осветила роль верховного князя в кабардинском обществе Ю.М. Азикова (*Азикова, 2010*). Историографическое исследование внешнеполитических аспектов реализации княжеской власти в Кабарде осуществили П.А. Кузьминов и А.А. Журтова (*Кузьминов, 2012; Кузьминов, Журтова, 2013; Kuz'minov, Zhurtova, 2017*).

А.А. Черкасов (*Cherkasov, 2020*) на основе неопубликованных документов Государственного архива Краснодарского края проанализировал особенности феодально-крепостнических отношений в черкесском обществе в 1792–1861 гг.

4. Результаты

Политическая дробность адыгского социума была определяющей константой бытия в XV–XVIII вв. При этом его общественно-политическая организация, построенная на неписаных нормах обычного права, отличалась строгой упорядоченностью. Как подчеркивал Дж. Белл, такой порядок

был обусловлен степенью важности общественного мнения и установленных обычаев, являвшихся «высшим законом в этой стране» (Черкесии. – Авт.) (Белл, 1974: 479).

После смерти легендарного князя Инала (начало XV в.) созданное им раннефеодальное государство Черкесия распалось на множество владений. Одним из наиболее мощных была Кабарда, разделенная в XVI в. на четыре удела, принадлежавших княжеским фамилиям Идаровых, Кайтукиных, Таусултановых и Геляхстановых. Консолидирующей фигурой в княжестве был верховный князь всей Кабарды – пшишко/олиипш, избираемый на съездах «всей земли» по очереди из каждого удела, но его функции существенно ограничивались полновластием удельных князей, поскольку в общественном сознании кабардинской элиты утвердился взгляд, не допускавший даже формального подчинения кому бы то ни было, в том числе ближайшим родственникам. Позднее, в XVIII в., появляется термин «пши-уалий», «олиипш» – верховный князь, который в русских источниках звучал как «вали», «валий»¹. Когда речь шла о князе как о владельце деревни (куадж), то его называли «куадже-пши», если о нем говорили как о народном правителе, то его обозначали как «чилле-пши», то есть владлец, господин народа (Гарданов, 1967: 157).

История становления высшего сословия в Черкесии (пши), как считает С. Хан-Гирей, позволяет сделать вывод о том, что данный институт ведет свое начало «из общего источника властей, первоначальных в первобытном состоянии всех народов» (Хан-Гирей, 1978: 118). С развитием общественных отношений и социальной дифференциацией адыгского социума выделилась знать, во главе которой стояли князья – пши, сосредоточившие в своих руках политическую власть и основные материальные ресурсы.

Доступные источники позволяют исследовать историю княжеской власти с периода правления князя Инала. В дошедших до нас преданиях его называют Инал-Нэф (Инал Одноглазый), так как в одном из сражений он потерял глаз (Карданов, 2001: 14). По версии А.В. Гадло, – это косоглазый/монголоид (Гадло, 2005: 422).

По преданиям кабардинцев, оставшихся в народной памяти и зафиксированных в материалах Терской сословно-поземельной комиссии, родоначальником сословия пши был Инал, сын Хру-Фаетлея, владыки Египта, который после поражения в схватке с турецким султаном (Магометом II), вынужден был бежать в Крымское ханство. Как именно Инал стал верховным князем Кабарды, то есть подчинил ее с помощью своей дружины или был призван народом для правления, в предании не сообщается. После смерти Инала Большая Кабарда была поделена на уделы между его сыновьями: Атажуко, Мисостом и Кайтуко, затем в роде Кайтуко был образован четвертый удел – Бек-Мурзина (Сборник документов..., 2003. Т. 1: 80).

Как утверждает Ш. Ногмов, Инал был выдающимся человеком своего времени и только под его «твердым и благоразумным правлением ... прекратились смуты и беспорядки между адыхейцами» (Ногмов, 1994: 95). Основой ратных и политических успехов пши Инала была поддержка широких слоев урков-дворян и свободных крестьян-тфокотлей, уставших от постоянных междоусобных столкновений, высокий для того времени уровень социально-экономического развития адыгов, военный опыт его предков (Араб-хана, Абдан-хана, Кеса, Адо, Хурофатлае), благоприятная внешнеполитическая обстановка.

Политическим центром Черкесии стал г. Шанджир, возведенный дедом Инала Абдан-ханом в междуречье Псифа и Напиля (История многовекового..., 2007: 34). Легитимность власти Инала над Черкесией утвердило народное собрание – Адыгэ хасэ. Военно-политические успехи, рациональное управление регионами, поддержка широких масс народа способствовали признанию Инала Великим князем Черкесии.

Огромная территория, подвластная Иналу, требовала унификации системы управления, поэтому князь разделил Кабарду на сорок уделов, обладавших относительной политической самостоятельностью, правом осуществлять свое судопроизводство, реализуемого с помощью специального института хеящлэ (суд, судья). Высшие должностные лица всех сорока уделов подчинялись Верховному князю и Верховной хасэ. (Кагазев, 2015: 76). Эти события, по мнению большинства исследователей, произошли в XIV – начале XV вв. (Думанов, Кетов, 2000: 33), но Е.Дж. Налоева настаивает на 1334 г. (Налоева, 2015: 175). А.В. Гадло верхнюю хронологическую границу времени Инала связывает с X–XI вв., т.е. «до начала продвижения кабардинцев на восток» (Гадло, 2005: 419), но это предположение, высказанное в 1978 г., не получило поддержки исследователей, как не утвердилось в кавказоведении его версия о возможных татарских (Гадло, 2005: 420) или хазарских корнях Инала (Гадло, 2005: 422).

Деятельность Инала способствовала образованию, по словам Е.Дж. Налоевой, «раннефеодального государства» в Кабарде (Налоева, 2015: 174). После его смерти в соответствии с политической традицией Средневековья княжество распалось на ряд уделов, доставшихся в наследство его сыновьям. Во второй половине XV в. Черкесия представляла собой конгломерат мелких княжеств и владений, объединенных общим происхождением, характером общественных

¹ Термин «олий» арабского происхождения и означает «председатель».

отношений, языком, культурой, менталитетом, образом жизни, но не имевших централизованной власти и постоянно враждовавших между собой.

Но не только кабардинские князья являлись потомками Инала. Весь княжеский дом адыгов, разделенный на множество линий, вел от него свою родословную. По сведениям Ш. Ногмова, Черкесия после смерти Инала была разделена на уделы между его сыновьями Жанхотом, Минболатом, Бесланом, Унармесом и Кирмишом, один из которых остался в Хегаке, «другие поселились в Кемиргое, а остальные ушли в Кабарду» (Ногмов, 1994: 96). Сыновья и внуки Инала были верховными князьями у бесланеевцев (Каноковы), хатукаевцев (Хатукоевы), жанеевцев, хегаков (Зановы), кемиргоевцев (Болотоковы) и кабардинцев (Идаровы, Мисостовы, Казыевы, Бекмурзины, Атажуковы и др.). Другие княжеские династии, получившие свое происхождение от братьев Черчана, Хамиша, Богорсоко и Бастеко, стали князьями махосевцев и бжедугов (Дзамихов, 2008: 226). В условиях разнообразной этносоциальной организации общества народные предания о едином родоначальнике адыгских князей служили идеологическим инструментом легитимации политической власти.

Официальным для всех потомков Инала являлся титул пши («святой», «верховный»), который можно было получить исключительно по наследству (Очерки истории..., 1957: 185). Князья в пределах своих княжеств/уделов являлись верховными собственниками земли и обладали высшей политической властью (История Адыгеи..., 2009: 138).

О высоком положении пши свидетельствует брак Ивана Грозного с дочерью верховного князя Кабарды Темрюка Идарова – Гошаней, после крещения Марией. Адыгские князья имели родственные связи с феодальными домами Кавказа, Турции, Крыма.

Кабарда в XVI – первой четверти XIX вв. состояла из нескольких уделов, получивших по традиции имя князя-владельца и обладавших определенным суверенитетом. Единое политическое руководство княжеством осуществлял пшишко, избираемый на общекабардинских съездах по очереди из представителей разных ветвей княжеской династии Иналидов. Избирательный процесс осуществлялся в два этапа. Сначала съезд определял фамилию, из числа представителей которой в дальнейшем выбирались претенденты на великокняжеский престол. На втором этапе осуществлялось непосредственно избрание верховного князя. После смерти пшишко княжеский титул наследовал следующий за ним брат и так до тех пор, пока все братья верховного князя не реализуют свое традиционное право на «большое княжение».

Высшая исполнительная и распорядительная власть в Кабарде была сосредоточена в руках старшего князя, хотя она существенно ограничивалась полновластием удельных князей. Дом верховного князя становился политическим центром всей Кабарды. Валий де-юре обладал значительным объемом власти. В частности, в его руках была сосредоточена исполнительная власть, он оставлял за собой право председательствовать на заседаниях хасэ и в верховном суде, осуществлял контроль за исполнением решений высших должностных лиц княжества, пресекал попытки покушения на общественный порядок, организовывал сбор налогов и пошлин и др. (Кажаров, 1994: 251). В адатах сказано, что «князь получает дань со всех сословий, проживающих на его владении в размере двух голов овец в год с каждого двора». Данный налог получил название «мелжаго» (Леонтович, 2002: 201).

Основными статьями дохода казны верховного князя Кабарды являлись налоговые поступления и различные штрафы. В соответствии с нормами обычного права за невыполнение или ненадлежащее исполнение требований пши, а также за демонстрацию косвенного неуважения по отношению к нему предусматривались различные виды наказаний (Полное собрание..., 1997: 103).

Олипш обладал правом наказывать за провинности и уклонение от воинского долга население всей Кабарды. Пшишко разрешал не только внутривластные конфликты и противоречия, но и определял внешнеполитическую ориентацию Кабарды, «был военачальником вооруженных сил; ему вверял народ объявлять войну и заключать мир» (Сборник документов..., 2003: 81).

Вопрос о значимости кабардинского верховного князя в адыгском обществе связан с проблемой определения его круга обязанностей. Главный нормативный источник «Адаты кабардинцев» сообщает, что пши «почитается владельцем покровительствуемых им аулов и земель, им принадлежащих, обязан оные оберегать и защищать» (Леонтович, 2002: 102). В силу этого «в обязанность князей входит прекращение между жителями подвластных ему аулов ссор и конфликтов, удержание их в добром согласии и дружестве» (Леонтович, 2002: 107). Таким образом, пши обладал не только исполнительной властью, но и осуществлял судебные функции.

Ю.М. Азикова отмечает, что верховный князь в процессе своего правления опирался на особый административный аппарат, который не был четко структурирован, но осуществлял необходимые функции. Кроме того, правитель был наделен легитимной властью, специальными инструментами и механизмами принуждения и насилия для реализации своих решений (Азикова, 2010: 38), что свидетельствует о формировании ранней формы государственности в кабардинском обществе.

Из урков первых степеней – тлекотлешей – князья назначали себе помощников «кодз» (кьуэдзэ – помощник) в управлении своим уделом. Каждый удел состоял из нескольких десятков аулов или, как писали в русских источниках, кабаков-деревень (кьуажэ). Князь управлял своим уделом, опираясь на «подвижный управленческий аппарат», в составе которого были,

по утверждению Е.Дж. Налоевой, казначей, дворецкий, писарь, «ближние уздени», личные телохранители, бейголи и пшикеу, занимавшиеся сбором налогов, судебные исполнители, полицейские и посыльные (Налоева, 2015: 273) и др.

Демократичное по форме избрание старшего князя Кабарды, сложившееся в Средневековье, не привело к консолидации политической элиты. Наоборот, оно вело к частым междоусобным столкновениям недовольных выбором данного князя. Важный для княжества акт избрания старшего князя часто сопровождался кровопролитными столкновениями конкурентов-князей, добивавшихся титула пшишко. Для усиления своих притязаний претенденты часто прибегали к военно-политической поддержке русского царя или крымского хана, стремившихся оказать влияние на выборы великого князя (Адыгская (черкесская) энциклопедия, 2006: 140). При этом верховный правитель Кабарды, подчеркивает В. Кудашев, «не имел сильной власти над удельными князьями» (Кудашев, 1990: 38). Попытки консолидации Кабарды в 1560-х гг. в период правления Темрюка Идарова и на съездах удельных князей в 1580-х гг. не увенчались успехом в силу мощного противодействия других ветвей рода Инала.

Усиление центробежных сил в первой половине XVIII в. на фоне военно-политического усиления Российской империи в регионе привело к девальвации функций олийпша, и звание «старший князь» постепенно стало обеспечиваться не столько реальной властью, сколько знаками «наружного почтения» (Тхамоков, 1961: 182). В условиях отсутствия единства и перманентной борьбы между княжескими группировками Кабарды исключительное право верховного князя на созыв общих собраний князей и дворян для обсуждения тех или иных вопросов и, самое главное, поиска компромиссов внутри политической элиты – не могло быть реализовано. Раскол знати на баксанскую и кашкатаускую партии препятствовал принятию решений, обязательных для всей Кабарды (Кажаров, 1992: 33). Любое принятое на малых и больших советах решение без личного присутствия того или иного князя на обсуждении не имело для него юридической силы. К тому же в непрекращающихся столкновениях дворянско-княжеских группировок пшишко чаще проявлял себя не как лидер общества и третейский судья, а как удельный князь, получивший карт-бланш для сведения счета со своими противниками.

В результате легитимированного деления Кабарды между «братьями-князьями» в ней утвердилась своеобразная полицентрическая структура управления. В действующей политической системе не сформировались альтернативные ей способы и механизмы централизации. Принцип наследования по боковой линии настолько укрепился в политической системе Кабарды, что любая попытка общественной консолидации была обречена на провал, поскольку она находила непреодолимое препятствие в совокупности народных традиций и норм обычного права. По убеждению В.Х. Кажарова, данный принцип наследования верховной власти способствовал расширению и углублению разрушительных внутренних конфликтов и в конечном итоге привел к ликвидации Кабарды как самостоятельной политической единицы (Кажаров, 1992: 36).

5. Заключение

Анализ изменений политико-правового статуса верховного князя Кабарды показывает, что в постиналовский период в регионе не появились новый лидер или мощная политическая сила, способный/способная выйти за пределы удельной системы и создать иную форму политической организации, ведущей к консолидации элиты и созданию централизованного государства.

Удельная форма организации политического пространства, «демократизм» избрания князя на съезде – народном собрании («адыгэ хасэ»), торжество принципа «жить по старине», многократно зафиксированного в нормах обычного права, горизонтальная линия передачи властных полномочий верховного князя привели к ослаблению его роли в жизни общества и разрушению данного института.

Общекабардинские институты власти в результате острой междоусобной борьбы между удельными князьями, между князьями разных партий, между удельными князьями и старшим князем оказались девальвированы. В конечном счете это привело к упразднению должности верховного князя в 1822 г. в связи с ликвидацией суверенитета и утверждением в Кабарде новой российской административной и судебной системы.

Литература

Адыгская (черкесская) энциклопедия, 2006 – Адыгская (черкесская) энциклопедия / Гл. ред. М.А. Кумахов. М.: Фонд Б.Х. Акбашева, 2006. 1247 с.

Азикова, 2010 – Азикова Ю.М. Княжеская власть в Кабарде XVI–XVIII веков: проблемы исследования // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 6. С. 36–39.

Белл, 1974 – Белл Д. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 458–530.

Белокуров, 1889 – Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Выпуск 1-й. 1578–1613 гг. М.: Университетская тип., 1889. 715 с.

Гадло, 2005 – Гадло А.В. Князь Инал адыго-кабардинских родословных // *Исторический вестник*. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.; Эль-Фа, 2005. Вып. I. С. 414-425.

Гарданов, 1967 – Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Наука, 1967. 331 с.

Дзамихов, 2008 – Дзамихов К.Ф. Адыги: вехи истории. Нальчик: Эльбрус, 2008. 816 с.

Думанов, Кетов, 2000 – Думанов Х.М., Кетов Ю.М. Адыгэ хабзэ и суд в Кабарде во второй половине XVIII–XIX века. Нальчик: КБНЦ ИГИ, 2000. 129 с.

Дюбуа де Монперэ, 1937 – Дюбуа де Монперэ Ф. Путешествие вокруг Кавказа / Пер. с франц. Н.А. Данкевич-Пушиной. Сухуми: АбГИЗ, 1937. Т. 1. 175 с.

История Адыгеи..., 2009 – История Адыгеи с древнейших времен до начала XX в. В 2 т. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2009. Т. 1. 452 с.

История многовекового..., 2007 – История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. 720 с.

Кабардино-русские..., 1957 – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. Т. 1. XVI–XVII вв. 478 с.

Кагазежев, 2015 – Кагазежев Ж.В. Из этнической и политической истории средневековой Черкесии (XIV – первая половина XVII вв.). Нальчик: Эльбрус, 2015. 464 с.

Кажаров, 1992 – Кажаров В.Х. Адыгская хаса. Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 1992. 160 с.

Кажаров, 1994 – Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Эль-Фа, 1994. 438 с.

Карданов, 2001 – Карданов Ч.Э. Путь к России. Кабардинские князья в истории отношений Кабарды с Российским государством в XVI – начале XIX века. Нальчик: Эльбрус, 2001. 430 с.

Кудашев, 1990 – Кудашев В. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. Репринт. Нальчик, 1990. 283 с.

Кузьминов, 2012 – Кузьминов П.А. Национальные элиты в повседневности Российского государства XVI–XVII в. (на примере рода князей Черкасских) // *Материалы Международного научного конгресса «История семьи – история народа»*, г. Сантьяго-де-Компостела 23–25 ноября 2011 г. Сантьяго-де-Компостела – Москва – Рязань, 2012. С. 250–256.

Кузьминов, Журтова, 2013 – Кузьминов П.А., Журтова А.А. Проблемы русско-кабардинских взаимоотношений в XVI–XVIII вв. в современной отечественной историографии // *Социально-гуманитарные знания*. 2013. № 9. С. 89–98.

Кушева, 1963 – Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 371 с.

Леонтович, 2002 – Леонтович Ф.И. Адаты кавказских князей. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2002. Вып. I. 343 с.

Налоева, 2015 – Налоева Е.Дж. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории / Сост. А.С. Мирзоев. Нальчик: Печатный двор, 2015. 368 с.

Ногмов, 1994 – Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев / Вступит. статья и подготовка текста Т.Х. Кумыкова. Нальчик: Эльбрус, 1994. 232 с.

Очерки истории..., 1957 – Очерки истории Адыгеи. Майкоп: Адыгейское книжное изд-во, 1957. 483 с.

Потоцкий, 1974 – Потоцкий Я. Путешествие в астраханские и кавказские степи // *Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв.* / Сост. В.К. Гарданов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 214–224.

Правовые нормы..., 1997 – Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев в XV–XIX вв. Майкоп: Меоты, 1997. 296 с.

Сборник документов..., 2003 – Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793–1897. В 2 т. Нальчик: Эль-Фа, 2003. Т. 1. 344 с.

Тхамоков, 1961 – Тхамоков Н.Х. Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII веке. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1961. 202 с.

Хан-Гирей, 1978 – Хан-Гирей С. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978. 333 с.

Cherkasov, 2020 – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57-1. 3-1: 1415–2266.

Kuz'minov, Zhurtova, 2017 – Kuz'minov P.A., Zhurtova A.A., Dyshekov M.V., Tamazov M.S. Administrative and Legal Transformation of the 1850–1870s among the Peoples of the North Caucasus in the Assessment of Representatives of Liberal Historiography // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 44. 2: 505–512.

References

Адыгская (cherkesskaya) entsiklopediya, 2006 – Адыгская (cherkesskaya) entsiklopediya [Адыг (Circassian) encyclopedia]. Glav. red. М.А. Kumakhov. М., 2006. 1247 p. [in Russian]

- Azikova, 2010** – Azikova, Yu.M. (2010). Knyazheskaya vlast' v Kabarde XVI–XVIII vekov: problemy issledovaniya [Princely power in Kabarda in the XVI–XVIII centuries: research problems]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. 6: 36-39. [in Russian]
- Bell, 1974** – Bell, D. (1974). Dnevnik prebyvaniya v Cherkesii v techenie 1837, 1838, 1839 gg. [Diary of his stay in Circassia during 1837, 1838, 1839]. *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. Sost. V.K. Gardanov. Nal'chik*. Pp. 458-530. [in Russian]
- Belokurov, 1889** – Belokurov, S.A. (1889). Snosheniya Rossii s Kavkazom [Relations between Russia and the Caucasus]. Vypusk 1-i. 1578-1613. M. 715 p. [in Russian]
- Cherkasov, 2020** – Cherkasov, A.A. (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1. 3-1: 1415-2266.
- Dumanov, Ketov, 2000** – Dumanov, Kh.M., Ketov, Yu.M. (2000). Adyge khabze i sud v Kabarde vo vtoroi polovine XVIII–XIX veka [Adyghe khabze and the court in Kabarda in the second half of the XVIII–XIX centuries]. *Nal'chik*. 129 p. [in Russian]
- Dyubua de Monpere, 1937** – Dyubua de Monpere, F. (1937). Puteshestvie vokrug Kavkaza [Travel around the Caucasus]. Per. s frants. N.A. Dankevich-Pushchinoi. Sukhumi. T. 1. 175 p. [in Russian]
- Dzamikhov, 2008** – Dzamikhov, K.F. (2008). Adygi: vekhi istorii [Adygs: milestones in history]. *Nal'chik*. 816 p. [in Russian]
- Gadlo, 2005** – Gadlo, A.V. (2005). Knyaz' Inal adygo-kabardinskikh rodoslovnykh [Prince Inal of Adyghe-Kabardian genealogies]. *Istoricheskii vestnik. Nal'chik*. 1: 414-425. [in Russian]
- Gardanov, 1967** – Gardanov, V.K. (1967). Obshchestvennyi stroi adygsikh narodov (XVIII – pervaya polovina XIX v.) [The social system of the Adyghe peoples (XVIII – first half of the XIX century)]. M. 331 p. [in Russian]
- Istoriya Adygei..., 2009** – Istoriya Adygei s drevneishikh vremen do nachala XX v. [History of Adygea from ancient times to the beginning of the XX century]. V 2-kh t. Maikop, 2009. T. 1. 452 p. [in Russian]
- Istoriya mnogovekovogo..., 2007** – Istoriya mnogovekovogo sodruzhestva: K 450-letiyu soyuza i edineniya narodov Kabardino-Balkarii i Rossii [History of the centuries-old commonwealth: To the 450th anniversary of the union and unity of the peoples of Kabardino-Balkaria and Russia]. *Nal'chik*, 2007. 720 p. [in Russian]
- Kabardino-russkie..., 1957** – Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. [Kabardino-Russian relations in the XVI-XVIII centuries]. Dokumenty i materialy v 2-kh t. M., 1957. T. 1. 478 p. [in Russian]
- Kagazezhev, 2015** – Kagazezhev, Zh.V. (2015). Iz etnicheskoi i politicheskoi istorii srednevekovoi Cherkesii (XIV – pervaya polovina XVII vv.) [From the ethnic and political history of medieval Circassia (XIV – first half of the XVII centuries)]. *Nal'chik*. 464 p. [in Russian]
- Kardanov, 2001** – Kardanov, Ch.E. (2001). Put' k Rossii. Kabardinskie knyaz'ya v istorii otnoshenii Kabardy s Rossiiskim gosudarstvom v XVI – nachale XIX veka [The path to Russia. Kabardian princes in the history of relations between Kabarda and the Russian state in the XVI – early XIX centuries]. *Nal'chik*. 430 p. [in Russian]
- Kazharov, 1992** – Kazharov, V.Kh. (1992). Adygskaya khasa. Iz istorii soslovno-predstavitel'nykh uchrezhdenii feodal'noi Cherkesii [Adyg's khasa. From the history of the estate-representative institutions of feudal Circassia]. *Nal'chik*. 160 p. [in Russian]
- Kazharov, 1994** – Kazharov, V.Kh. (1994). Traditsionnye obshchestvennye instituty kabardintsev i ikh krizis v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka [Traditional social institutions of the Kabardians and their crisis at the end of the XVIII – first half of the XIX century]. *Nal'chik*. 438 p. [in Russian]
- Khan-Girei, 1978** – Khan-Girei, S. (1978). Zapiski o Cherkesii [Notes about Circassia]. *Nal'chik*. 333 p. [in Russian]
- Kudashev, 1990** – Kudashev, V. (1990). Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode [Historical information about the Kabardian people]. *Nal'chik*. 283 p. [in Russian]
- Kusheva, 1963** – Kusheva, E.N. (1963). Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiei. Vtoraya polovina XVI – 30-e gody XVII veka [The peoples of the North Caucasus and their ties with Russia. Second half of the XVI – 30s of the XVII century]. M. 371 p. [in Russian]
- Kuz'minov, 2012** – Kuz'minov, P.A. (2012). Natsional'nye elity v povsednevnosti Rossiiskogo gosudarstva XVI–XVII v. (na primere roda knyazei Cherkasskikh) [National elites in the everyday life of the Russian state in the XVI–XVII centuries]. *Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa «Istoriya sem'i – istoriya naroda»*, g. Sant'yago-de-Kompostela 23–25 noyabrya 2011 g. Sant'yago-de-Kompostela; Moskva; Ryazan'. Pp. 250-256. [in Russian]
- Kuz'minov, Zhurtova, 2013** – Kuz'minov, P.A., Zhurtova, A.A. (2013). Problemy rusko-kabardinskikh vzaimootnoshenii v XVI–XVIII vv. v sovremennoi otechestvennoi istoriografii [Problems of Russian-Kabardian relations in the XVI–XVIII centuries in modern Russian historiography]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 9: 89-98. [in Russian]
- Kuz'minov, Zhurtova, 2017** – Kuz'minov, P.A., Zhurtova, A.A., Dyshekov, M.V., Tamazov, M.S. (2017). Administrative and Legal Transformation of the 1850–1870s among the Peoples of the North Caucasus in the Assessment of Representatives of Liberal Historiography. *Bylye Gody*. 44(2): 505-512.

Leontovich, 2002 – *Leontovich, F.I.* (2002). Adaty kavkazskikh knyazei. Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza [Adats of the Caucasian princes. Materials on the customary law of the North and East Caucasus]. Nal'chik. Vyp. I. 343 p. [in Russian]

Naloeva, 2015 – *Naloeva, E.Dzh.* (2015). Kabarda v pervoi polovine XVIII veka: genezis adyggskogo feodal'nogo sotsiuma i problemy sotsial'no-politicheskoi istorii [Kabarda in the first half of the XVIII century: the genesis of the feudal society of the Circassians and the problems of socio-political history]. Sost. A.S. Mirzoev. Nal'chik. 368 p. [in Russian]

Nogmov, 1994 – *Nogmov, Sh.B.* (1994). Istoriya adykheiskogo naroda, sostavlenaya po predaniyam kabardintsev [The history of the Adyhei people, compiled according to the legends of the Kabardians]. Vstupit. stat'ya i podgotovka teksta T.Kh. Kumykova. Nal'chik. 232 p. [in Russian]

Ocherki istorii..., 1957 – *Ocherki istorii Adygei* [Essays on the history of Adygea]. Maikop, 1957. 483 p. [in Russian]

Pototskii, 1974 – *Pototskii, Ya.* (1974). Puteshestvie v astrakhanskii i kavkazskie stepi [Journey to the Astrakhan and Caucasian steppes]. Adygi, balkartsy i karachaevttsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. Sost. V.K. Gardanov. Nal'chik. Pp. 214–224. [in Russian]

Pravovye normy..., 1997 – *Pravovye normy adygov i balkaro-karachaevtsev v XV–XIX vv.* [Legal norms of the Circassians and Balkar-Karachais in the XV–XIX centuries]. Maikop, 1997. 296 p. [in Russian]

Sbornik dokumentov..., 2003 – *Sbornik dokumentov po soslovnomu pravu narodov Severnogo Kavkaza* [Collection of documents on the estate law of the peoples of the North Caucasus]. 1793–1897: v 2 t. Nal'chik, 2003. T. 1. 344 p. [in Russian]

Tkhamokov, 1961 – *Tkhamokov, N.Kh.* (1961). Sotsial'no-ekonomicheskii i politicheskii stroi kabardintsev v XVIII veke [Socio-economic and political system of the Kabardians in the XVIII century]. Nal'chik. 202 p. [in Russian]

Трансформация политико-правового статуса верховного князя Кабарды в XVI – первой четверти XIX вв.

Петр Абрамович Кузьминов ^{a, b, *}, Анжела Ариковна Журтова ^{a, b}

^a Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Российская Федерация

^b Научно-инновационный центр «Естественно-научные методы в археологии, антропологии и археографии» КБНЦ РАН, Российская Федерация

Аннотация. В историческом кавказоведении в последние десятилетия много «копий» сломано в дискуссиях по вопросу о политической роли Кабарды в Северо-Кавказском регионе в XVI – начале XIX вв. Ключевой фигурой в системе властной иерархии кабардинского княжества был верховный/старший князь. Анализ изменения статуса старшего князя Кабарды позволяет дать ответ о причинах ослабления княжества, потере суверенитета и вхождения в административное пространство Российской империи.

После смерти легендарного князя Инала созданное им раннефеодальное государство Черкесия распалось на множество владений. Одним из наиболее мощных стала Кабарда, разделенная на четыре удела. Консолидирующей фигурой в княжестве был верховный князь всей Кабарды – пшишко/олиипш, избираемый на съездах «всей земли» по очереди из каждого удела, но его функции существенно ограничивались полновластием удельных князей, поскольку в общественном сознании потомков Инала утвердился взгляд, не допускавший даже формального подчинения ближайшим родственникам.

Захват власти потомками Пшеапшоки Кайтукина (конец XVI – начало XVII вв.) привел к узурпации ими права избрания «больших князей» только из представителей их рода. Раскол политической элиты Кабарды в 20-х гг. XVIII в. на баксанскую и кашкатаускую партии, ориентирующиеся на Крымское ханство и Российскую империю, усилил центробежные тенденции, ослабил ее военный потенциал, привел к максимальному ослаблению власти верховного князя. Это привело к усилению междоусобных столкновений, обусловило военное и политическое ослабление всех институтов власти, и в 1822 г. в Кабарде окончательно утвердилась российская административная и судебная система.

Ключевые слова: Кабарда, верховный князь, выборы, исполнительная власть, аппарат управления, борьба, суверенитет, девальвация власти.

* Корреспондирующий автор

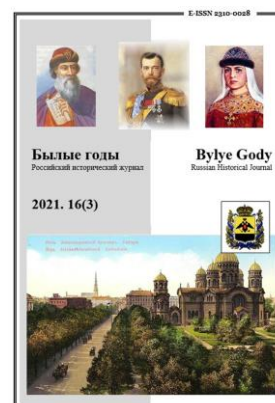
Адреса электронной почты: petrakis_hist@bk.ru (П.А. Кузьминов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1106-1115
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1106
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



The Problem of the Subject in the Contractual Relations of the Bashkirs with the Russian state in the XVII – first third of the XVIII centuries

Bulat A. Aznabaev ^{a, *}, Aleksey I. Kortunov ^b

^a Bashkir State University, Russian Federation

^b M.Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

Since the Bashkirs in the XVI-XVIII centuries. did not possess statehood, the concept of their contractual citizenship to Russia still evokes well-founded criticism. In foreign and domestic historiography, two points of view have developed, one of which denies the existence of any bilateral agreement between the Russian state and the Bashkirs, the other considers these relations from the position of feudal vassalage. However, none of these interpretations can explain the phenomenon of the Bashkir uprisings of the XVII-XVIII centuries, during which the Bashkirs did not create their own state. As a rule, the insurgents' demands were limited to appeals to observe patrimonial rights and not violate their religious freedom. To resolve this contradiction, the authors considered it necessary to introduce into scientific circulation the materials of the Bashkir embassy in 1733. In the process of their analysis, it was possible to establish that contractual relations with Russia were concluded not by individual representatives of the Bashkir tribal structures, but by a single political structure, called in official documents the "Bashkir Horde" ... This polity solved exclusively foreign policy tasks. She was responsible for organizing the protection of the southeastern borders of the Ufa province and regulating relations with the Russian state. Within this polity, tribal associations did not form any hierarchical structure crowned by the figure of a khan. For this reason, the most acute conflicts between the Bashkir communities (land litigation and criminal offenses) were submitted to the supreme power of the state. Thus, the Bashkir Horde could exist only as an autonomous union within the empire. However, in the first third of the 18th century. Bashkir unification is going through a political crisis caused by a wide influx of agricultural migrants from neighboring provinces. The Bashkir volosts could not come to a common decision on the issue of accepting migrants. The exacerbation of the internal conflict in the Bashkir Horde was facilitated by the capture by the Yaik Cossacks in 1725 of the salt deposits on the Ilek, which were traditionally considered the property of the entire Bashkir people.

Keywords: Russian citizenship of the Bashkirs, Bashkir Horde, Bashkir embassy in 1733, tribal structure.

1. Введение

Анализ истории российской государственности предоставляет нам возможность сделать вывод о том, что она создавалась и развивалась, в том числе и на договорных началах. Достойным историческим примером в этом плане может стать Башкирский край, где договорные отношения сыграли первостепенную роль. Развитие башкирской государственности необходимо исследовать в контексте ее отношений с Российским государством, которые, как показало время, складывались на основе договора.

Эта проблема нашла свое отражение в зарубежной и отечественной научной литературе, где сложились две точки зрения, одна из которых отрицает наличие двухстороннего соглашения России с башкирами, другая – рассматривает эти отношения с позиции феодального вассалитета. Однако ни

* Corresponding author

E-mail addresses: azbulatt@rambler.ru (B.A. Aznabaev), kortunov@rambler.ru (A.I. Kortunov)

одна из этих трактовок не может объяснить феномен башкирских восстаний, в ходе которых башкиры не создали своего государства. Как правило, требования повстанцев сводились к призывам соблюдать вотчинное право и не нарушать их религиозную свободу. Исходя из этого, авторы определяют актуальность статьи, опираясь на ряд материалов башкирского посольства 1733 года.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве источников использованы неопубликованные документы, извлеченные из фондов 248 (Сенат и его учреждения) и 119 (Калмыцкие дела – (коллекция) фондов Посольского приказа и Посольской канцелярии) Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация). Также в исследовании использованы и опубликованные материалы (*Материалы...*, 1935; *Материалы...*, 1936; *Материалы...*, 2002). Отметим, что наиболее полные материалы, касающиеся предмета нашего исследования, отложились в фонде «Сенат и его учреждения» (РГАДА).

2.2. Методологическую основу исследования составили традиционные общенаучные принципы историзма и объективности. При проведении исследования авторы использовали такие методы, как проблемно-исторический и хронологический. В качестве основного метода исследования был избран структурный метод в его социологической проекции Эмиля Дюркгейма, утверждавшего, что любое общество больше совокупности индивидов, его образующего (*Дюркгейм, 1995*). Этот подход дополняется концепцией Карла Шмитта, согласно которому понятие политического не может быть сведено исключительно к государству (*Шмитт, 2016*), особенно в том случае, если речь идет о демократическом устройстве общества.

3. Обсуждение

В литературе утвердилось мнение, что башкиры в XVI–XVIII вв. не имели своей политической организации и представляли собой совокупность отдельных родоплеменных структур. В 20-е гг. XX в. эту точку зрения наиболее убедительно изложил Б.Э. Нольде. Он считал, что в отличие от казанских, астраханских, сибирских и крымских татар, башкиры никогда не обладали государственностью. Подобно своим соседям ногаям, они состояли из небольших самостоятельных племен, возглавлявшихся вождями (*Нольде, 2013*). Впоследствии с Б.Э. Нольде солидаризировался А. Каппелер, почти буквально повторивший его оценку: «В отличие от большинства других кочевников, входивших в Золотую Орду, башкиры не образовали собственной политической целостной структуры, они находились в тесных взаимоотношениях с Казанским и Сибирским ханствами на севере и с ордами ногайских татар и казахов на юге» (*Каппелер, 2000: 39*).

Логическим следствием данного утверждения явилось отрицание факта договорного подданства башкир, поскольку стороной политического соглашения могла выступать только единая структура, обладающая статусом субъекта. Тем не менее, Б.Э. Нольде и А. Каппелер отмечают, что после присоединения Башкирии российские власти стремились не нарушать земельные права башкир, признали их внутреннее самоуправление и религиозную самобытность.

Однако если не было соглашения, что сдерживало российскую экспансию в Башкирии и христианизацию местного населения? Б. Нольде считает, что осторожность властей была обусловлена тем, что у царя не было в Башкирии конкурентов. Этим и объясняется то, что русское проникновение в Башкирию шло довольно вяло. Москва сюда не стремилась, поскольку здесь ей никто не угрожал и рано или поздно этот край все равно бы оказался под ее властью (*Нольде, 2013: 287*).

Следует отметить, что характеристика российского подданства башкир советских историков (Н.Ф. Демидова, Н.В. Устюгов) выглядит более убедительно. Они признавали договорной характер башкирского подданства, но в качестве субъекта соглашения с Россией видели не сплоченную организацию народа, а отдельных представителей башкирской родовой знати. Российское подданство башкир рассматривалось ими в дискурсе феодального вассалитета. Н.В. Устюгов утверждал, что, когда башкиры входили в состав Российского государства, они еще не вышли из стадии феодальной раздробленности. По его мнению, феодал периода феодальной раздробленности – это вольный слуга, который мог выбирать себе государя по своему усмотрению. Во главе башкир, когда они решали вопрос о подданстве, стояли феодалы, они и придали этому подданству такую политическую форму, которая была им понятна и привычна. Феодалы Башкирии рассматривали свое подданство как свободный вассалитет (*Устюгов, 1950: 127*).

Вместе с тем позиция отрицания договорного характера башкирского подданства (Б. Нольде, А. Каппелер) или концепция феодального вассалитета (Н.Ф. Демидова, Н.В. Устюгов) не в состоянии объяснить феномен башкирских восстаний XVII–XVIII вв., самых ожесточенных и длительных народных выступлений в истории российской колонизации этнических окраин. К примеру, Н.В. Устюгов увидел в башкирских восстаниях типичное проявление феодальной фронды. Сепаратизм башкирских феодалов – обычная реакция на усиление государственной централизации. Н.В. Устюгов проигнорировал тот факт, что восставшие башкиры не создали суверенное государство по типу ханства в 1711 г., когда их подданство России было прервано фактически и юридически

(Азнабаев, 2015: 84-101). Как правило, требования восставших ограничивались призывами к правительству соблюдать соглашение о подданстве.

Концепция башкирских восстаний, предложенная Н.Ф. Демидовой в 1950-х гг. и отраженная в ее диссертационном исследовании на соискание ученой степени кандидата исторических наук, представляется более оригинальной, но не более убедительной. Она считает, что башкирские восстания являются следствием несовпадения двух стадий феодальной формации. Башкирское общество в XVII–XVIII вв. переживало переход от патриархально-родовых отношений к феодализму, в то время как российское общество вступило в последнюю стадию феодализма.

Однако уже в 70-е гг. XX в. в теории «кочевого феодализма» были выявлены противоречия (Марков, 1976; Марков, 1981; Семенов, 1982), не позволяющие использовать концепцию даже в качестве объяснительной модели. Тем не менее советские историки по крайней мере стремились создать научное основание для интерпретации ключевых событий российско-башкирских отношений. Западные исследователи, по существу, вернулись к субстанционализму, характерному для историков XIX вв., утверждавших, что башкирские восстания являются проявлением «классической» склонности кочевых народов к набегам на своих оседлых соседей, особенно в ситуации экспансии со стороны последних (Каппелер, 2000: 39).

Наличие договорного подданства башкир было подтверждено Н.Ф. Демидовой в начале XXI в., когда ей удалось обнаружить комплекс архивных источников, подтверждавших факт пребывания башкирских посольств в Москве в XVII в. Она обратила внимание на то, что цель этих посольств заключалась в уточнении и дополнении договорного соглашения башкир и российского правительства середины XVI в. Общие положения жалованных грамот требовали подтверждения и конкретизации, поэтому обращения башкир к правительству продолжались, постепенно перерастая в более или менее систематические посольства. Первоначально такие посольства по традиции направлялись в Казань – центр управления всем Поволжьем. После постройки в конце XVI в. г. Уфы внутри самой Башкирии, включившей основную часть башкирских земель, «посольства», казалось бы, должны были переместиться в новый административный центр. Однако этого не произошло. Некоторое время Казань продолжала играть роль представителя центральной власти не только для населения Казанского уезда, но и для башкир. Постепенно Казань как промежуточная инстанция теряет свое значение, но Уфа, выполняя ряд управленческих и военных функций, отнюдь не приобретает той полноты власти, которую имела Казань. Для башкир это выразилось в непосредственном обращении по наиболее важным вопросам и спорам, которые не смогли решить третейские суды, не к уфимскому воеводе, а непосредственно в Москву, в Приказ Казанского дворца, а также в перемещении места приездов башкирских посольств из Казани в Москву (Демидова, 2003: 180).

Н.Ф. Демидова утверждает, что во взаимоотношение с российской властью вступала родоплеменная знать, т.е. каждое отдельное родоплеменное объединение. Именно родовая знать являлась политическим субъектом, представлявшим свои родоплеменные объединения. Однако автор затрудняется ответить на вопросы: к какой родоплеменной группе и территориальному району принадлежали башкирские послы, направлявшиеся в Москву в XVII в.? Имела ли «родоплеменная верхушка» полномочия представлять интересы не только своих родов, но и всех башкир? Если следовать логике Н.Ф. Демидовой, то родовая знать должна была отстаивать интересы только своих кланов. Тем не менее Н.Ф. Демидова отмечает, что некоторые обращения башкирских посольств были направлены от всего башкирского народа.

Это противоречие в концепции Н.Ф. Демидовой снимается при обращении к исследованию башкирских посольств первой трети XVIII в. В результате реформы управления Уфимской провинцией в 1701–1707 гг. башкирам было запрещено обращаться к верховной власти. Все контакты населения с российской администрацией должны были быть ограничены казанскими властями (Материалы, 1936: 152; Кортуннов, 2009: 9). Однако в 1722 г. традиционный прием представителей башкир возобновился. С этого времени башкирские посольства направлялись в Санкт-Петербург. Наиболее полные материалы, характеризующие цели, представительство и характер башкирских посольств первой трети XVIII в., отложились в фонде Сената после приема башкирского посольства 1733 г.

4. Результаты

Вполне логичным является вопрос о том, насколько посольство 1733 г. соответствовало традиционным приездам в столицу башкирских делегаций XVII в.? В материалах Сената отмечено, что отправке башкирских посольств 1722 и 1733 гг. предшествовали собрания представителей башкирских родов под Уфой на реке Чеснаковке. Мирские сборы под Уфой известны со времени башкирского восстания 1662–1664 гг. (Материалы, 1936: 165). Эти съезды, по утверждению многих уфимских администраторов, собирались по «старинному их обыкновению» на семик, т.е. на седьмой четверг после православной пасхи. В 1733 г. семик пришелся на 10 июня. Посольство прибыло в столицу в начале июля 1733 г.

Вместе с тем полного соблюдения «старинности» в приеме посольств в XVIII в. не могло быть по причине упразднения Приказа Казанского дворца, уполномоченного принимать башкирских

представителей в XVII в. В 1733 г. башкирами занималась иностранная коллегия под надзором Сената. Перевод башкир из ведомства казанских губернских властей в прямое управление Сената произошел в результате пребывания в Санкт-Петербурге башкирского посольства 1728 г.

Договорной характер российского подданства башкир проявился не только в том, что приемом их делегации занимались служащие Коллегии иностранных дел. В первом же обращении к императрице башкирские представители заявили: «Как предки ея императорского величества, так и ея императорское величество, в высочайшей императорского милости содержать изволят и всякие вины им прощает и перед прочими провинциями их Уфимскую провинцию в особливой милости содержать и се де прошение их за благо приемлются и во всех де указах как высочайшая императорская милость явлена» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 34).

Эта уникальность статуса башкир в государстве отображена и в воеводской инструкции уфимскому коменданту от 1728 г.: «...что по усмотрению и обузданию здешнего народа по их обычаю, не вводя для них ничего нового, для рассмотрения общего согласия представил пункты, впредь потому, что многое там не сходственно там другим губерниям и провинциям, что инде полезно, а здесь противно, а которое здесь полезно, то в других местах противно» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 740. Л. 476).

Материалы посольства 1733 г. содержат информацию обо всех участниках миссии и описывают процедуру их избрания: «В челобитной Уфинского уезду четырех дорог башкирцов за руками и тамгами написано, выбрали-де они ис тех дорог от каждой по одному человеку и послали к ея императорскому величеству с их покорнейшим прошением. А с сим всеподданнейшим прошением по мирскому выбору и за подписанным мирским знаком отправили мы ниже именованные башкирцы четырех человек башкирцов, а именно первого Ногайской дороги деревни Буржан Коджа батыря Кутлуева, второго Сибирской дороги деревни Кошчи Капас батыря Байшанова, третьего Казанской дороги деревни Елдек Ахметмуллу Бураева да Ибрагима Кутаева и на подлинном прошении 4 дорог башкирцов приложены знаки по сему» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 28). Таким образом, участники посольства были определены от каждой дороги «по мирскому выбору» до общего собрания под Уфой.

Были ли такие «мирские собрания» съездами родоплеменной верхушки? Численность их участников опровергает это утверждение. В 1737 г. в мирском собрании башкир Казанской дороги участвовало 15 тысяч человек (Материалы, 2002: 368). Это практически все взрослое мужское население одной из четырех дорог Уфимского уезда.

Об отсутствии в башкирском обществе элиты, обладающей правом решать вопросы за своих сородичей, писали многие администраторы края первой половины XVIII в. Наиболее точно эту неудобную для российских властей особенность башкирского общества выразил казанский губернатор П.М. Апраксин: «Народ их проклятый, многочисленный и военный, да безглавный, никаких над собой начал, хотя бы такого как, на Дону атаманы, и таких не имеют, приняться не за кого и чтобы особо послать не кому» (РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 1. Л. 179).

Кого представляли четыре выборных башкира, побывавшие в Санкт-Петербурге в июле 1733 г.? Российская государственная практика заключения соглашений такой категории, как «народ», не знает. В XVII – первой трети XVIII вв. ногаи, калмыки и казахи принимали российское подданство в форме присяги (шерти) русскому царю своих правителей (бия Исмаила, тайши Дайчина и хана Абулхаира).

Какая политическая структура представляла башкирский народ во взаимоотношениях с российскими властями? Ответ на этот вопрос можно найти в документации Сената и местных властей первой трети XVIII в. Российские администраторы называли эту политическую структуру Башкирской ордой. Первое упоминание данного политонима мы находим в рапорте начальника царицынского корпуса войск Ф.Г. Чекина, предупреждавшего правительство в январе 1728 г.: «...что ежели так же четыре орды соединятся, а именно: башкирцы, калмыки, каракалпаки и киргиз-кайсаки, то в тамошних местах от них будет не без опасности» (Материалы, 1935: 196). В 1729 г. ротмистр уфимских дворянских рот А. Аничков в челобитной, поданной в Военную коллегия, указал: «На многих походах их отцы и родственники побиты и в полон пойманы и до ныне живут посреди Башкирской Орды... и их город стал украинной и от иных городов в дальнем расстоянии и посреди оной басурманской воровской Орды» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 107. Л. 201).

Тем не менее из названных фрагментов неясно, идет ли речь о политической структуре или географической совокупности родовых структур? Ответ на этот вопрос мы находим в материалах башкирского посольства 1733 г. В одной из резолюций Сената, принятых по челобитным башкир, указано, что обращение к башкирам должно быть сделано «...при оказии, когда будет Башкирская орда в сборе в Уфу» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 421).

Как было указано выше, общее собрание представителей башкирского народа традиционно имело место под Уфой на реке Чеснаковке, которая служила пограничным рубежом, отделяющим земли уфимцев от башкирских вотчин. Судя по оценкам местных администраторов, этот «старинный мирской сбор» предназначался отнюдь не для выражения верноподданнических чувств башкир или подачи коллективных жалоб. В ходе переговоров башкиры предъявляли претензии и жестко

критиковали уфимские власти. Нередко имел место подкуп администрацией наиболее активных башкир. В 1735 г. И.К. Кирилов так описал атмосферу, царившую на сборах Башкирской орды: «...как прежде бывало, собрався на збор поутру, воевод, приказных людей и толмачей на письме бранивали, ворами, грабителями и разорителями называли, а как их оныя одарят – скота на зарез и поила пришлют, то пьяные к вечеру похвальное письмо напишут, добрыми и правдивыми назвав, и в ночь разъедутца по домам, о чем от самих башкирцев слышал, кои смеютца; и о горланах объявляли – с таких-де сборищев деньгами, кафтанами и сукнами рублей по пятидесят и больши сваживали» (Материалы, 2002: 100). В том случае, если уфимские власти не могли удовлетворить претензий Башкирской орды, собравшиеся принимали решение послать представителей в столицу.

На чесноковском сборе Башкирской орды писались челобитные и устанавливались суммы мирских сборов, необходимых на поездку и проживание в столице. Из справки, составленной в 1729 г. в Коллегии иностранных дел о поездке Максюты Юнусова с посланцами от казахских старшин в Санкт-Петербург, отмечено, что «...когда наша братья посылаются в другие города, хотя и не для его величества дел, и тем дается от миру подмога по гривне и по две з дыму» (Гайсин, 2014: 165).

Чьи интересы отражали челобитные башкирского посольства 1733 г.: родоплеменной верхушки, отдельных родов или всех башкир? Из 27 прошений, поданных на имя императрицы Анны Иоанновны, 14 затрагивали вопросы, регулирующие отношения между Российским государством и башкирским народом. При этом только в пяти башкирских прошениях речь идет о частных делах. Это челобитные Алдара Исекеева о пожаловании тарханского звания его родственникам, муллы Катки Токаева об отведении в вотчинное владение башкирам Иланской волости двух перевозов на реке Белой, башкир Гайнинской волости об исключении их из юрисдикции уфимских властей и, наконец, обвинение, выдвинутое башкиром Уранской волости Мусой Истековым в отношении уфимского подьячего Кирилла Панкова.

При этом 9 челобитных, привезенных послами, не имели прямого отношения к башкирам. Три коллективных челобитных были поданы от тептярей и бобылей. По одной челобитной написали представители казахов, ногайцев, калмыков и русских. Н.Ф. Демидова, исследуя приезд в Москву представителей башкирского посольства 1644–1645 гг., также обратила внимание на то, что, наряду с башкирскими челобитными, в Приказ Казанского дворца были поданы несколько прошений от татар и чувашей. Она затруднилась ответить на вопрос: «Входили ли они в состав посольства или их челобитные были пересланы вместе с башкирскими?» (Демидова, 2003: 185). Материалы посольства 1733 г. показывают, что в состав посольств входили только выборные башкиры. Почему они в таком случае брали на себя роль ходатаев за представителей других народов Уфимского уезда? Дело в том, что все они, в том числе и служилые мешчеряки, являлись припущенниками башкир-вотчинников. В соответствии с вотчинным правом эти арендаторы по всем вопросам землевладения могли входить в отношения с Российским государством только через посредство башкир. Единственным исключением из этого ряда является прошение бежавших из казахского плена двух поповских сыновей из города Тары – Михаила Попова и Петра Любимова. Из плена они вышли хотя и «обасурманенными», но не с пустыми руками – десятком лошадей и четырьмя калмычками. Встретившие их на границе башкиры Тамьянской волости помогли добраться до Уфы, отобрав предварительно весь скот и калмычек. Беглецы просили Сенат записать их в дворянские роты Уфы.

Следует отметить, что челобитные тептярей и бобылей опровергают устоявшееся в литературе заблуждение о якобы секретном характере Оренбургской экспедиции. Оренбургский историк Д.А. Сафонов попытался выяснить, кто первым заявил о секретности экспедиции. В 1968 г. оренбургский историк-краевед С.А. Попов указал на секретный характер Оренбургской экспедиции, не сочтя нужным сослаться на какие-либо источники (Попов, 1968: 81). Как отмечает Д.А. Сафонов, никто не попытался объяснить, зачем нужна была секретность (Сафонов, 2003: 31). В 1733 г. в своем прошении тептяри и бобыли прямо указали, что «...ныне, ежели указ состоится о строении города на Урсное устье, то со всяким нашим усердием будем служить и работать» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 321). Поскольку тептярей и бобылей не было в составе посольства, то, следовательно, о предстоящей экспедиции на реку Орь знали жители Уфимской провинции еще в начале июня 1733 г., т.е. задолго до официального утверждения проекта Оренбургской экспедиции.

Основным мотивом собственно башкирских челобитных является захват вотчинных земель. В трех коллективных прошениях речь идет о закрытии башкирам доступа к месторождениям соли на реке Илек. В 1725 г. атаман Арапов построил на реке Сакмаре крепость, на что обратили внимание представители башкирского посольства 1728 г.

Следует отметить, что илецкие месторождения, как и охотничьи угодья за Яиком, являются исключением из системы башкирского вотчинного права. Владельцем вотчинной земли в башкирском обществе выступает отдельная родоплеменная структура – волость. Однако месторождение соли на Илеке, по свидетельству челобитчиков, было утверждено монгольскими правителями за всем башкирским народом. Формально земли по рекам Яик и Илек находились в собственности семи башкирских родов. Именно они платили ясак с этой территории, но пользоваться илецкой солью имели право все башкирские волости без исключения (РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 267).

Чем было обусловлен исключительный статус илецкого месторождения? Дело в том, что ведение промысла соли на Илеке было сопряжено с неизбежными военными столкновениями с кочевыми соседями башкир. Месторождения находились на самой границе башкирских вотчинных земель. В XVII в. у башкир эти уголья оспаривали ногаи и калмыки, а в начале XVIII в. – казахи и каракалпаки. В коллективной челобитной башкир от 1718 г. отмечается: «Исстари де отцы и деды их довольствовались солью, за что и службы служили и ясак давали из давних лет, потому что в тех местах многие неприятели ездят киргиз-кайсаки и каракалпаки и сказали, что когда сами башкирцы по соль ездят то многолюдством, так что тысячи по три и с неприятелями бьются токмо из них человек с 300 соль берут, а прочие обороняются» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1131. Л. 544).

Согласно условиям добровольного подданства середины XVI в., охрана и оборона южной границы Уфимского уезда была возложена на все башкирские роды, поэтому и доступ к илецкому месторождению был открыт для всех башкир. Однако сами башкиры не допускали представителей российской администрации на Илек. В 1718 г. башкиры запретили уфимцу М. Аничкову осмотреть илецкие промыслы под тем предлогом, что «...в такую землю, где неприятели всегда бывают и воюются не могли отвезти» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1131. Л. 152).

Обратим внимание, что претензии к агаману Арапову предъявили башкирские тарханы, отвечавшие за организацию охраны южной границы. От их лица тархан Кипчакской волости Тохчура Алмяков писал в 1733 г.: «Мы нижайшие в украинные города от неприятельских набегов стоим на карауле, как тарханы, так и ясачные, служим денно и ночью с детьми своими, а ежели на городов и на селех и на деревни неприятельские люди набегают, тотчас извещаем и ежели по нашей силе то их побиваем, а ежели не по нашей силе, то оные неприятельские люди побивают нас, нижайших. Всемиловитейшая государыня покажи свою милость для того оный Арапов говорит, что та-де земля по реке Яик с вершины до устья всемиловитейшие великие государи мне пожаловали с аремами и с озерами и с рыбными ловлями и мелкими реками и со степью и со всякие угоды и просим вашего императорского величества дабы повелено было оною Арапова с той земли отказать и никакое насильство не чинить...» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 329).

Материалы посольства 1733 г. указывают на то, что именно охрана южной границы Уфимской провинции сплачивала башкирские роды в единую военную организацию – Башкирскую орду. Она имела экзополитарный характер, свойственный для многих кочевых объединений Евразии (Крадин, 2001: 43). Как отмечает Н.Н. Крадин, «во внутренних отношениях “государствоподобные” империи номадов (за исключением некоторых вполне объяснимых случаев) основаны на ненасильственных связях, они существовали за счет внешних источников без установления налогообложения скотоводов» (Крадин, 2000: 329). Башкирская орда выглядела консолидированной только в вопросах организации охраны границы или во взаимоотношениях с Российским государством, внутри же родоплеменные организации не образовывали никакой иерархической структуры. Верховной власти в лице хана просто не было места.

Вместе с тем те же материалы посольства 1733 г. свидетельствуют о противоречиях, которые подрывали ее сплоченность даже во внешних делах. В 20–30-е гг. XVIII в. наиболее острой для башкир являлась проблема массового переселения в Уфимскую провинцию так называемых «сходцев», т.е. беглецов из соседних провинций. Речь шла о десятках тысяч татар, марийцев, чувашей и удмуртов, стремившихся на башкирских землях облегчить свое налоговое бремя, обрести религиозную свободу и получить доступ к обширным пахотным угольям. Причина назревающего внутрибашкирского конфликта заключалась в разном обеспечении земель башкирских волостей. К примеру, башкиры Ногайской дороги обладали огромными земельными владениями, простиравшимися на сотни километров. Здесь земледельческие переселенцы становились желанными для башкир трудовыми мигрантами, представлявшими дополнительный экономический ресурс для башкирских общин. Отработка и выплата оброков за возможность пользования вотчинными землями позволяли местным башкирам получать необходимые средства для сохранения кочевого образа жизни. Однако на северо-востоке и северо-западе Уфимской провинции переселенцы были настоящей проблемой для малоземельных волостей. К тому же сходцы требовали от правительства обложить их ясаком «противу башкирского», т.е. претендовали на статус башкир-вотчинников. Согласно традиционному земельному праву, каждый род мог пускать на свою территорию столько сходцев, сколько сочтет нужным. Более того, даже внутри общины каждый вотчинник имел право приглашать на свой пай любого переселенца. Это приводило к спорам, которые не могли быть урегулированы внутри башкирского общества. К примеру, в 1733 г. башкиры 12 волостей, входивших в Айлинский союз, подали коллективную челобитную на башкира Тырнаклинской волости Мандара Мещерева. В челобитной было особо отмечено, что «...прадеды и деды наши нижайших, меж собой письменно утвердили, что нам всеми 12 волостями владеть тою нашей землею и всякими нашими угольями по старому нашему владению бесспорно, и кто где жить пожелает и с того места не ссылат и всяких угодий не отнимать токмо ныне Тырнаклинской волости башкирец Мандар Мещерев чинит нам нижайшим обиды и разорение и с той нашей вотчинной земли, где жили прадеды и деды и отцы наши и всякие уголья истари владели, нас нижайших ссылат». Дело в том, что Мандар собрал у себя «много пришлых из других городов людей» (РГАДА.

Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 263). Конфликт из-за сходцев в 20-е гг. XVIII в., перераставший в настоящие вооруженные столкновения между башкирами, угрожал военно-политическому единству Башкирской орды (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 115. Л. 585).

О нарастании внутренних проблем в башкирском обществе свидетельствуют и челобитные, в которых отмечается падение авторитета третейских судов, или, как их называли башкиры, шерагатов. Именно они представляли собой основу самоуправления. В ходе добровольного вхождения в состав России башкиры оговорили себе право в своих волостях самим вершить правосудие во всех преступлениях, за исключением криминальных дел и земельных споров. Отметим, что это юридическое изъятие было сделано по инициативе самих башкир, поскольку внутри общества не существовало других средств наказания убийц или разбойников, кроме кровной мести. Столь же бесперспективной являлась попытка урегулировать земельные споры между родоплеменными структурами с помощью третейского суда. К примеру, земельный спор между башкирскими родами Бурзян и Кипчак длился почти 500 лет. О нем слагали эпосы, но разрешилась эта тяжба только в период Генерального межевания. Впрочем, в ряде случаев башкиры прибегали к шерагатам во время земельных процессов. Однако подобные действия башкир признавались российской администрацией только в качестве предварительного следственного расследования. Окончательное же решение всегда оставалось за официальной властью, поскольку только она имела право подтверждать право на владение землей соответствующим актом.

Материалы башкирского посольства 1733 г. говорят о том, что третейские суды теряют авторитет, несмотря на сакральный статус, декларируемый самими башкирами. Об этом прямо указывается в челобитной муллы, будущего старшины Каршинской волости Шарипа Мрякова. Он жаловался властям, что участники шерагата «многие опорочат и спорят и вяжутся вторично в тяжбу и разоряются в конец и многие отбывают платежа вашего императорского величества ясака» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 311). Мулла ходатайствовал «об учинении по разводу нашему виноватых наказанье дать мне низжайшему вашего императорского величества указ». В данном прошении речь шла о наделении башкирских третейских судов беспрецедентным для них правом. Шарип Мряков убеждал правительство в необходимости закрепить за третейскими судьями функции исполнительной власти, опирающейся на авторитет российской администрации. Таким образом, если тяжущаяся сторона отказывалась исполнять решения третейского судьи, то в дело должны были вступить российские власти. По существу, Шарип Мряков в 1733 г. предложил правительству ликвидировать один из важнейших институтов башкирского самоуправления.

5. Заключение

Подведем итоги. Материалы башкирского посольства 1733 г. позволяют нам сделать следующие выводы:

Во-первых, есть все основания подтвердить положение Н.Ф. Демидовой о том, что российское подданство башкир имело договорной характер. В 30-е гг. XVIII в. этот факт осознавался российскими властями и самими башкирами. Условия соглашения конкретизировались и уточнялись на протяжении всего XVII – первой трети XVIII вв. Это происходило во время пребывания в Москве и Санкт-Петербурге башкирских посольств, которые принимались Приказом Казанского дворца, а после его ликвидации – Коллегией иностранных дел.

Во-вторых, субъектом соглашения с Российским государством выступала не родоплеменная верхушка, а политическая структура, называемая в официальных документах Башкирской ордой. Именно ее представляли башкирские посольства. Состав и содержание челобитных утверждались на собраниях Башкирской орды, которые проходили под Уфой на семик – седьмой четверг православной пасхи. Администрация и сами башкиры называли их «мирскими», что подчеркивает их демократический характер. В башкирском обществе отсутствовала элита, способная брать на себя решение вопросов, затрагивающих интересы родовых структур. Не будучи государством, Башкирская орда объединяла все башкирские родоплеменные структуры в единую военную организацию, призванную защитить территорию от набегов южных кочевых народов – ногаев, калмыков, казахов и каракалпаков.

Башкирская орда решала некоторые конкретные задачи, которые были не по силам отдельным родоплеменным структурам – контроль за соляными месторождениями на Илеке и охотничьими угодьями за Яиком.

Российское государство в XVII – первой трети XVIII вв. признавало легитимность этого военно-политического образования, поскольку в соответствии с соглашением башкиры брали на себя защиту юго-восточной границы государства.

В-третьих, Башкирская орда не могла существовать в качестве суверенной политики. Конфликты, неизбежно возникающие между родоплеменными структурами из-за спорных территорий или убийств, не разрешались внутри социума мирным путем. В качестве традиционного выхода из ситуации предлагалась кровная месть или насильственный захват спорной земли. В то же время автономный статус Башкирской орды позволял делегировать имперскому центру наиболее конфликтные вопросы управления. Глава государства, будучи равноудаленным властителем,

брал на себя функцию судьи во всех земельных спорах башкир и криминальных преступлениях, являвшихся главными причинами межплеменных войн.

В-четвертых, в 20–30-е гг. XVIII в. Башкирская орда переживает кризисный период своего существования. В результате массового переселения на башкирские вотчинные земли нерусского земледельческого населения из соседних провинций наметилась угроза раскола военно-политического единства башкир. Если юго-восточные общины видели в «сходцах» экономический ресурс, позволявший улучшить за счет арендных платежей и отработок свое материальное положение, то малоземельные волости северо-запада не смогли справиться с потоком переселенцев, которые начали самовольно захватывать их вотчинные угодья.

Последний удар по политическому единству башкирского народа нанесли яицкие казаки, захватившие месторождения соли на реке Илек в 1725 г. В отличие от вотчинных земель, принадлежавших каждой отдельной волости, соляные промыслы, как и охотничьи угодья за Яиком, находились во владении всех башкир.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант №20-09-42053: «Трансформация отношений центра и этнической окраины в период Петровских преобразований (на примере нерусского населения Уфимской провинции первой четверти XVIII в.)»).

Литература

Азнабаев, 2015 – Азнабаев Б.А. Возобновление российского подданства башкир в 1722 г. // Кочевые народы Центральной Евразии XVIII–XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи. Алматы: Қазақ университеті, 2015. С. 84-101.

Гайсин, 2014 – Гайсин А.А. Посол белого падишаха: Юго-восточная политика Петра I и его преемников. Уфа: Гилем, 2014. 320 с.

Демидова, 2003 – Демидова Н.Ф. Башкирские посольства в Москву в XVII в. // От древней Руси к России Нового времени. М.: Наука, 2003. С. 179-190.

Дюркгейм, 1995 – Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 352 с.

Каппелер, 2000 – Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.

Кортунов, 2009 – Кортунов А.И. Башкиры в составе казачьих войск Урала (XVIII–XIX вв.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. 110 с.

Крадин, 2001 – Крадин Н.Н. Империя Хунну. М.: Логос, 2001. 312 с.

Крадин, 2000 – Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 314-337.

Марков, 1976 – Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во МГУ, 1976. 320 с.

Марков, 1981 – Марков Г.Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология // Советская этнография. 1981. № 4. С. 86-94.

Материалы..., 1936 – Материалы по истории Башкирской АССР. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. Ч. 1. М.-Л.: АН СССР, 1936. 631 с.

Материалы..., 2002 – Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. Т. VI. Уфа: Китап, 2002. 768 с.

Материалы..., 1935 – Материалы по истории каракалпаков. Сборник. Труды института востоковедения. Т. VIII. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1935. 299 с.

Нольде, 2013 – Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 848 с.

Попов, 1968 – Попов С.А. Далекое прошлое // Орденосное Оренбуржье. Челябинск: Южно-Уральское книж. изд-во, 1968. 392 с.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Сафонов, 2003 – Сафонов Д.А. Начало оренбургской истории (Создание Оренбургской губернии в середине XVIII в.). Оренбург: Изд-во Оренбургская губерния, 2003. 92 с.

Семенов, 1982 – Семенов С.Ю. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества // Советская этнография. 1982. № 2. С. 48-59.

Устюгов, 1950 – Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. М.-Л.: АН СССР, 1950. 154 с.

Шмитт, 2016 – Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 588 с.

References

Aznabaev, 2015 – Aznabaev, B.A. (2015). *Vozobnovlenie rossijskogo poddanstva bashkir v 1722 g.* [Renewal of Russian citizenship of the Bashkirs in 1722]. *Almaty. [in Russian]*

Gajsin, 2014 – *Gajsin, A.A.* (2014). Posol belogo padishaha: Yugo-vostochnaya politika Petra I i ego preemnikov [Ambassador of the White Padishah: The South-Eastern policy of Peter I and his successors]. Ufa. [in Russian]

Demidova, 2003 – *Demidova, N.F.* (2003). Bashkirskie posol'stva v Moskvu v XVII v. [Bashkir embassies to Moscow in the XVII century]. M. [in Russian]

Dyurkgejm, 1995 – *Dyurkgejm, E.* (1995). Sociologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie. [Sociology. Its subject, method, purpose]. Moskva. [in Russian]

Kappeler, 2000 – *Kappeler, A.* (2000). Rossiya – mnogonacional'naya imperiya. [Russia is a multinational empire]. Moskva. [in Russian]

Kortunov, 2009 – *Kortunov, A.I.* (2009). Bashkiry v sostave kazach'ih vojsk Urala (XVIII-XIX vv.). [Bashkirs as part of the Cossack troops of the Urals (XVIII-XIX centuries)]. Ufa. [in Russian]

Kradin, 2001 – *Kradin, N.N.* (2001). Imperiya Hunnu. [Xiongnu Empire]. Moskva. [in Russian]

Kradin, 2000 – *Kradin, N.N.* (2000). Kochevniki, mir-imperii i social'naya evolyuciya [Nomads, world-empires, and social evolution]. Moskva. [in Russian]

Markov, 1976 – *Markov, G.E.* (1976). Kochevniki Azii. Struktura hozyajstva i obshchestvennoj organizacii [Nomads of Asia. Structure of the economy and public organization]. Moskva. [in Russian]

Markov, 1981 – *Markov, G.E.* (1981). Skotovodcheskoe hozyajstvo i kochevnichestvo. Definicii i terminologiya [Cattle breeding and nomadism. Definitions and terminology]. *Sovetskaya etnografiya*. 4: 86-94. [in Russian]

Materialy..., 1936 – Materialy po istorii Bashkirskoj ASSR. Bashkirskie vosstaniya v XVII i pervoj polovine XVIII vv. (1936). [Materials on the history of the Bashkir ASSR. Bashkir uprisings in the XVII and first half of the XVIII centuries]. Moskva-Leningrad. [in Russian]

Materialy..., 2002 – Materialy po istorii Bashkortostana. Orenburgskaya ekspediciya i bashkirskie vosstaniya 30-h godov XVIII v. (2002). [Materials on the history of Bashkortostan. The Orenburg expedition and the Bashkir uprisings of the 30s of the XVIII century]. Ufa. [in Russian]

Materialy..., 1935 – Materialy po istorii karakalpakov. Sbornik. Trudy instituta vostokovedeniya (1935). [Materials on the history of the Karakalpak. Collection. Proceedings of the Institute of Oriental Studies]. Moskva-Leningrad. [in Russian]

Nol'de, 2013 – *Nol'de, B.E.* (2013). Istoriya formirovaniya Rossijskoj imperii. [History of the formation of the Russian Empire]. SPb. [in Russian]

Popov, 1968 – *Popov, S.A.* (1968). Dalekoe proshloe [The distant past]. Chelyabinsk. [in Russian]

RGADA – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].

Safonov, 2003 – *Safonov, D.A.* (2003). Nachalo orenburgskoj istorii (Sozdanie Orenburgskoj gubernii v seredine XVIII v.). [The beginning of the Orenburg history (The creation of the Orenburg province in the middle of the XVIII century.)]. Orenburg. [in Russian]

Semenov, 1982 – *Semenov, S.Yu.* (1982). Kochevnichestvo i nekotorye obshchie problemy teorii hozyajstva i obshchestva [Nomadism and some general problems of the theory of economy and society]. *Sovetskaya etnografiya*, 1982, Nr 2, pp. 48-59. [in Russian]

Ustyugov, 1950 – *Ustyugov, N.V.* (1950). Bashkirskoe vosstanie 1737-1739 gg. [Bashkir Uprising of 1737-1739]. Moskva-Leningrad. [in Russian]

Shmitt, 2016 – *Shmitt, K.* (2016). Ponyatie politicheskogo [The concept of political]. SPb. [in Russian]

Проблема субъекта в договорных отношениях башкир с Русским государством в XVII – первой трети XVIII вв.

Булат Ахмерович Азнабаев ^{a, *}, Алексей Иванович Кортуннов ^b

^a Башкирский государственный университет, Российская Федерация

^b Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Российская Федерация

Аннотация. Поскольку башкиры в XVI–XVIII в. не обладали государственностью, то концепция их договорного подданства России до сего времени вызывает вполне обоснованную критику. В зарубежной и отечественной историографии сложились две точки зрения, одна из которых отрицает наличие какого-либо двухстороннего соглашения Российского государства с башкирами, другая – рассматривает эти отношения с позиции феодального вассалитета. Однако ни одна из этих трактовок не может объяснить феномен башкирских восстаний XVII–XVIII вв., в ходе которых башкиры не создали своего государства. Как правило, требования повстанцев сводились к призывам соблюдать вотчинное право и не нарушать их религиозную свободу. Для разрешения

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: azbulattt@rambler.ru (Б.А. Азнабаев),

kortunov@rambler.ru (А.И. Кортуннов)

данного противоречия авторы сочли необходимым ввести в научный оборот материалы башкирского посольства 1733 г. В процессе их анализа удалось установить, что договорные отношения с Россией заключали не отдельные представители башкирских родоплеменных структур, а единая политическая структура, называемая в официальных документах «Башкирской ордой». Эта полития решала исключительно внешнеполитические задачи. Она отвечала за организацию охраны юго-восточных рубежей Уфимской провинции и регулирование отношений с Российским государством. Внутри этой политии родоплеменные объединения не образовывали какой-либо иерархической структуры, венчаемой фигурой хана. По этой причине наиболее острые конфликты между башкирскими общинами (земельные тяжбы и криминальные преступления) выносились на рассмотрение верховной власти государства. Таким образом, Башкирская орда могла существовать только в качестве автономного объединения в рамках империи. Вместе с тем в первой трети XVIII в. башкирское объединение переживает политический кризис, вызванный широким притоком земледельческих мигрантов из соседних провинций. По вопросу приема переселенцев башкирские волости не смогли прийти к единому решению. Обострению внутреннего конфликта в Башкирской орде способствовал захват яицкими казаками в 1725 г. месторождений соли на Илеке, традиционно считавшихся достоянием всего башкирского народа.

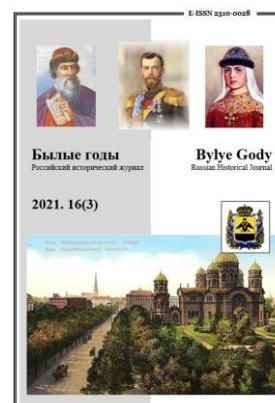
Ключевые слова: российское подданство башкир, Башкирская орда, башкирское посольство 1733 г., родоплеменная структура.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1116-1123
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1116
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



Catholic Missionaries, Armenian Communities and the Austrian Ambassador: Political and Diplomatic Communication in the Religious Conflict in South of the Russian Empire, 1755–1760

Andrey S. Ryazhev^{a, *}

^a Kalmyk scientific center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article mainly concentrates on the state religious policy during the final period of the Empress Elizaveta Petrovna's reign. The role of the Board of Foreign Affairs in the solution of the conflict between Austrian Capuchin missionaries and Armenian Gregorian community in the towns in the south of the Russian Empire, complicated by the intervention of the Austrian Ambassador N. Esterházy, is studied for the first time in historiography. The proposed research bases on little-known materials of the collegiate investigation of the conflict. Taking into account the information extracted from sources, the article reconstructs the conflict situation and traces the political and diplomatic communication, in which the Foreign Board was the organizer and the most important actor. Most attention is paid to the characteristics of the interaction of the collegium with other actors, and communicative features are revealed in each specific case. It is shown the inclusion in the communicative toolkit of language and concepts that reflect the trend of religious tolerance in Russian domestic politics. The author states in conclusion the flexibility and variability of communication built by the diplomatic department at different levels, the reflection in it of the ethno-religious processes inherent in the development of the Russian outlying territories of the early modern period, the mastering of the discourse of religious tolerance by Russian diplomacy on the eve of the aggravation of the “dissident issue” in Rzeczpospolita Polska (the Polish-Lithuanian Commonwealth).

Keywords: the Russian Empire, early Modern Times, Empress Elizaveta Petrovna, religious policy, political and diplomatic communication, actors of communication, the Board of Foreign Affairs, Ambassador Count Miklós/Nicolas Esterházy, Catholic Missionaries – capuchins, Armenian community in Russia.

1. Введение

Российская вероисповедная политика – актуальный вопрос историографии истории раннего Нового времени (Ряжев, 2004: 143), важным аспектом которого выступает регулирование межконфессиональных отношений, особенно напряженных. Отсюда вызывает интерес роль государственных органов в разрешении крупного религиозного конфликта середины XVIII в., вызванного активностью миссионеров-католиков на южных окраинах страны.

Очагом турбулентности стала Астрахань, где австрийские капуцины и созданный ими армяно-католический приход вошли в противостояние с властями и армяно-григорианской общиной. Противоречия назревали с 1720-х гг., через тридцать же лет борьба за паству приобрела здесь открытую форму, дав себя знать также в Кизляре и Моздоке. Капуцинов патронировал посол державы Габсбургов при российском дворе граф Н. Эстергази (Miklós/Nicolas Esterházy). Кроме того, миссионеры получали помощь своего ордена, структуры которого издавна закрепились в Персии и Закавказье.

Участие иноземцев и австрийской дипломатии вывело на первый план событий российскую Коллегию иностранных дел, перед которой возникли две задачи: во-первых, следовало снять дипломатическое давление, не допуская удара по престижу российской короны и господствовавшей

* Corresponding author

E-mail address: riazhev@yandex.ru (A.S. Ryazhev)

греко-российской (православной) церкви, с одной стороны, и без ущерба для отношений с Австрийской монархией – главным союзником в европейских делах и Семилетней войне, с другой. Во-вторых, требовалось урегулировать собственно конфликт, вышедший из-под контроля на низовом уровне.

В этой связи дипломатическому ведомству пришлось искать общий язык с участниками раздора вовне и внутри: миссионерами, армяно-григорианскими клириками, их паствой, в том числе органами городского самоуправления армян, австрийским послом, астраханскими учреждениями и губернатором. Не позволяла о себе забыть и Церковь. Направление и мера воздействия, трансляция позиции верховной власти с должными силой и тональностью, учет деликатной материи дела – таково содержание коммуникации, выстроенной коллегией и обусловившей особенности диалога в каждом варианте.

2. Материалы и методы

Основную роль в изучении названных вероисповедных трений играет документация, собранная Коллегией иностранных дел и хранящаяся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758); Д. 1 (1759–1761); Д. 1 (1760); Д. 1 (1762)). Прежде всего речь идет о материалах расследования конфликта коллегией. Далее – переписка дипломатического ведомства с астраханскими учреждениями, губернатором и австрийским послом о капуцинах и результатах разбирательства в Астрахани, Кизляре, Моздоке. Наконец, указы Святейшего синода в коллегию, посвященные тяжбе капуцинов и армяно-григорианского епископа. Бумаги датированы второй половиной 50-х – началом 60-х гг. XVIII в. Они характеризуют причины и развитие конфессиональных споров с 1755 г., логику поведения сторон и администрации, влияние на них «австрийской системы» – ориентации на австрийский двор, господствовавшей в российской дипломатии, в связи с чем значение выявленных источников для анализа коммуникации трудно переоценить.

Методология исследования определена структурно-функциональным подходом к системе государственных органов России, задействованных тогда в окраинной политике. Отсюда оптимальным представляется сочетание методов реконструкции и историко-типологического. Реконструкция социальной ситуации, встававшей за текстами документов, дает возможность затем посредством типологизации вскрыть коммуникативные стратегии, пускавшиеся в ход акторами конфликта и, кроме того, оценить эффективность коллежской коммуникации, применявшейся в отношении борющихся сторон. Критерий типологии – административная и/или религиозная принадлежность (центральная, местная, католическая, армянская, греко-российская).

3. Обсуждение

Астраханский вероисповедный конфликт в дореволюционной литературе затрагивался с позиции истории права (Кузнецов, 1898: 75-93) и истории Церкви (Саввинский, 1900: 30-38). Вопрос о связи армян Астрахани с национальным движением той эпохи поднимала армянская литература кануна Первой мировой войны (Հովհաննիսյան, 2016). Деятельность миссионеров на окраинах России подвергалась официально-монархической критике (Толстой, 1876: 173-179). Историография XX в. имеет свой актив: анализ социального устройства астраханской армянской общины, проявившегося в конфликте с капуцинами (Хачатурян, 1963, 1965; Куканова, 1977; Юхт, 1979). Выводы о правовом статусе и важности общины в восточной торговле разделяют и современные авторы (Зурначян, 2014: 85-86; Kazarov, 2020: 400-401). Астраханский эпизод получил трактовку также в плане европеизации России в Новое время, развития в ней европейского христианства (Андреев, 2010: 8-9).

Внимание к жизни исповеданий в поликонфессиональных и этнически неоднородных окраинных городах Российской империи делает востребованным фронтальные исследования. Подобные исторические условия охвачены в них понятием городского фронта, актуализированным одноименным изданием («Фронтири міста: історико-культурологічний альманах», г. Днепр/Дніпро, выход с 2012 г., главный редактор В.В. Грибовский/Грибовський). Они же отражены в публикациях о типологически близких процессах городской жизни юга Российской империи и относящихся к XVIII в. (Кривошея, Кривошея, 2019: 86-88, 92-94) и более поздних (Константинова, 2011: 41-64).

Состав участников рассматриваемых астраханских событий отчасти совпадает с перечнем акторов модернизации на российской периферии, присутствующим в трудах о юго-восточных окраинах. Так, в нем фигурируют государство, Церковь, их учреждения, иностранные специалисты, городское самоуправление. С позиции акторного подхода заявлены и тезисы о диффузности европейских влияний, конгломерантности общества в очагах опережающей отечественной европеизации и усложнении их развития (Акторы..., 2016: 24-26, 80-81). В целом обозначенные обстоятельства получили трактовку в рамках концепции фронтальной модернизации, ориентированной на охват ведущих тенденций социального прогресса на юго-востоке России в XVIII–XIX вв. (Побережников, 2018: 74-76). К этому стоит добавить, что роль миссионеров-европейцев как акторов глобальной модернизации давно признана, и роль капуцинов, оседавших на Среднем Востоке и по сторонам Большого Кавказского хребта, отнюдь не исключение (A Chronicle of the Carmelites, 1939: 559, 602, 887; Windler, 2018: 11-25, 193-481).

4. Результаты

Коммуникация Коллегии иностранных дел с участниками конфликта имела как свои поводы, так и свои особенности. Сюжеты, ставшие первичной ее основой применительно к капуцинам, изложены в указе Святейшего синода от 30 марта 1756 г. – наиболее раннем официальном документе, возникшем в ходе столичного расследования инцидентов между армянами и капуцинами.

В фокусе первого события был купец католик Кайхосров Бабежанов, «тифлисский житель», ведший дела в Астрахани, и его дети. После смерти купца армяно-григориане оспорили законность крещения в католичество его сына. Третейский судья – православный архимандрит (позже астраханский владыка) Мефодий подтвердил правоту патеров. Но, как настаивали те, армяне не отступили и насильно крестили другого сына, которого покойный отец также видел католиком, по своему обряду (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 7). Второе происшествие затронуло судьбу католички Елизаветы Айвазовой. Ее, жаловались капуцины, грубо принудили к браку с армянином и (при попустительстве светских органов и опять-таки против воли) – обвенчали «по армянскому закону» (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 11).

Монахи сочли казусы возмутительными и потребовали наказать виновных. В свое время астраханский губернатор А.П. Волынский покровительствовал миссионерам. Сановник считал их полезными для судеб просвещения в крае, возлагая надежды на постепенную, диффузную европеизацию, носителей которой он искал и в капуцинах (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1762). Л. 19; Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 2 (1760). Л. 37, 55-55 об.; Толстой, 1876: 173). Традиция приобрела живучесть: преемники губернатора редко отступали от нее. Однако в конфликте с армянами «эффект Волынского» себя исчерпал: новый глава губернии А.С. Жилин, как выяснилось, не собирался протезировать католиков.

Позже капуцины доказывали: из-за негативизма местных властей они не могли участвовать в расследовании на равных. Так, подчеркивали они, допросы свидетелей в Астраханской губернской канцелярии проводились только с переводчиком от армяно-григориан, но не от католиков (того к процедуре не допустили). Кроме того, должностные лица игнорировали свидетелей, выдвинутых католиками. По этим причинам последние и настояли на переносе разбирательства в 1755 г. из губернии в Святейший синод и Иностранную коллегию.

Названным выше случаям миссионеры придавали знаковый характер. В делопроизводстве коллегии сохранились представленные капуцинами перечни обид, которые они претерпели в Астрахани. Один из списков фиксировал нападки армян, второй – прегрешения местной администрации, и оба начинались со споров о детях купца Бабежанова и допуске переводчиков в губернское присутствие (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761). Л. 7-11, 36-47об.).

В столице на допросах и в переписке патеры заявляли, что стали заложниками сговора армяно-григориан с губернским начальством. Но, стремясь предстать в качестве невинно пострадавших, поверенные капуцинов не выбирали средств в отношении противников, возводя на них и политические наветы. Священный трепет в общении с высшими российскими учреждениями им был тоже чужд: капуцины требовали фиксировать итоги этапов следствия и выдавать бумаги для ознакомления сообразно с европейским порядком. Не стеснялись они напоминать и об австрийской поддержке, чем весьма озадачили Святейший синод: для него дипломатическая материя оказывалась посторонней, а коммуникация на равных вне властной системы – немыслимой. Что касается коллегии, то она в 1755–1756 гг. вела себя с миссионерами уступчиво, стараясь лишь охладить страсти. Ничего другого не оставалось: «австрийская система» не давала маневрировать (Толстой, 1876: 176-178; Кузнецов, 1898: 79-87). К тому же правовая база государства по части отношений между иноверными тогда практически отсутствовала, что в астраханском деле было отмечено не раз (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 11; Д. 1 (1759–1761). Л. 95).

Изменить переговорную ситуацию помог случай: донос армяно-григорианской стороны о переводе миссионерами в католичество православных российских подданных. Коллегия отреагировала немедленно: «Сие в превращении и крещении в свою веру российской природы подданных, яко государственное дело, от их партикулярной споры отличность имеет, то и надлежит по такому доносу без отлагательства с них ответ взять...», – значит в протоколе допроса поверенных от астраханской миссии, датированном 23 января 1757 г. (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 77об.).

Давление подействовало на миссионеров обескураживающе. Пытаясь найти сочувствие у вице-канцлера М.И. Воронцова, капуцин Ф.-М. Агроно обратился к нему с посланием от 30 апреля 1757 г. и приложил письмо собрата по ордену, снабдив текст припиской: «Сие переведено с латинского писма патера товарища моего от 24-го апреля, которое я недавно получил из Астрахани». Монах сообщал: «...Во-первых, должен я Вам объявить, что в Санктпетербурге во всех судебных местах Вас обманывают... Еще слышал я, что Иностранная и Военная коллегии издали противу нас в пользу армян указы, кои здешней губернатор тайно содержит, и оные никому, кроме соперников наших, от которых мы много всево слышим, не показывает; дай Б(о)же, чтоб то неправда была, ибо в прочем все наше малое стадо погибнет... Повер[ь]те мне, что я с печали почти ума лишился, ибо каждой день происходят здесь новые конфузии, и для того мы праздник Пасхи более со слезами, нежели с радостью, праздновали...

Соперники наши похваляются именем губернаторским, что он не токмо все бедное стадо наше, но сошлет и нас всех на галеры» (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 108-108об., 109об.).

Отправка письма М.И. Воронцову отражала старую тактику – представлять в качестве незащитной жертвы, близкой к отчаянию. Однако перемена участи – превращение из обвинителей в обвиняемых – капуцинов, присутствовавших в столице, страшила все более. Один из них, Ф. Сотер, вскоре покинул страну. Осенью 1757 г. выслали и второго, Ф.-М. Агроно, впредь закрыв обоим въезд в Россию. Столичное же следствие по решению коллегии прекратили, дабы не давать хода прозвучавшим армянским обвинениям, не трогать других капуцинов и не портить отношения с австрийской короной (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 71-71об., 115, 138).

Корректно коллегия отнеслась и к армянской стороне конфликта – клирикам, общине, ратхаусу Астрахани. Если в случае с капуцинами довлела «австрийская система», то теперь коллегии предстояло взять в соображение экономические потенции армянского купечества города и региона. Оно состояло и из российских подданных, и из иноземцев, имело связи от Европы до Индии, держало в руках многие нити восточной торговли России, и коллегия понимала, почему губернатор высказывался в его пользу.

У армян нашлись свои знаковые случаи, о которых дипломатическое ведомство получало извещения не однажды. Они отражены в переписке 1759–1760 гг., но имели место раньше и также послужили искрами конфликта.

В частности, из экстракта материалов следствия, приложенного к «доношению» Астраханской губернской канцелярии в Коллегию иностранных дел от 29 февраля 1760 г., вытекает: в тяжелой истории тамошних межармянских отношений армянский епископ Стефан придавал особое значение случаю с замужеством горожанки Екатерины Васильевой. Дочь католички, рожденной в исламе, и армянина-григорианина, она рано осиротела и была переведена в православие, хотя осталась в католическом приходе. Позже женщина вышла замуж за католика, и ее сына, рожденного в данном браке, крестили по католическому обряду. Стефан счел это покушением на его паству и потребовал у российских чиновников принять меры во избежание таких поползновений (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761). Л. 98-144).

Губернская канцелярия, получив претензии, предписала перевести ребенка в православие. Стефана решение не устроило, ибо сохранялось католическое исповедание Е. Васильевой. Недовольство выразили и капуцины, усмотрев в случившемся очередной антикатолический компромисс губернии с армянами (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761). Л. 102-102об.).

О другом болезненном для армян эпизоде сказано в записке Публичной экспедиции коллегии от 22 марта 1759 г. Житель Тифлиса, обосновавшийся в Астрахани, армянин-католик Мелкум Назаров Читанянц некогда обнаружил завещание. По нему купец полагал жертвовать «в астраханскую католическую церковь» 700 рублей. В 1757 г. он умер, не подписав завещания. Наследники Читанянца – его сыновья – обязательство отца в отношении прихода сначала признали и в счет суммы выдали несколько векселей. Но затем они добились возврата бумаг, а вскоре объявили завещание недействительным. Благо братьев – армяно-григориан – было благом общины (деньги не уходили из нее), поэтому ратхаус и клир поддержали наследников. Так же поступил и губернатор. Более того, он отменил обязательства по завещанию в пользу капуцинов, что весьма их разозлило и дало им повод для очередного тура разбирательства (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761). Л. 2-6). Коллегии оставалось участливо принимать негодование армяно-григориан и искать возможности для примирения на месте.

Приняв к сведению связь губернских властей с армянской средой Астрахани, дипломатическое ведомство в дальнейшей коммуникации на властях и сосредоточилось, верно отмечая именно их субъективность в принятии конечных решений (удалив миссионеров из Петербурга и остановив свое следствие, коллегия свернула с армянами контакты, передав их Святейшему синоду).

Коллегия прежде всего обозначила главный, по ее мнению, промах губернского звена. В черновике указа в Астраханскую канцелярию, составленном, судя по тексту, после 22 октября 1757 г., то есть спустя месяц после решения о высылке патера Ф.-М. Агроно, в этой связи говорилось: если в городах юга было решено поднять обвинения армян против «всех состоящих в римском законе», то следствие надлежало организовать как общую проверку неправославных, и «уже из того следствия и армене, и протчия иноверцы выключены быть не должны, ибо ежели в Астрахани и в Кизляре о том следование производиться толко о содержащих римскую веру, то оные и в самом деле не иначе как за утеснение оное почесть могут» (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761). Л. 188-190об.). Коллегия тем самым находила, что в губернии дали повод австрийской стороне обвинить Россию в нарушении равенства «законов» и веротерпимости.

Вопрос имел чувствительность для монархии, наметившей поворот к веротерпимости. Еще большую чувствительность он приобрел для амбиций Елизаветы Петровны, причем как раз в австрийском контексте. В конце 1740-х гг. российская дипломатия по настоянию императрицы выступала в защиту сербов. Венский двор отказался тогда принять посредничество (Соловьев, 1993: 53-55; Пора, 2016: 1099, 1100), да сербы и не нуждались в защите (Костяшов, 2015: 89-91). Но ныне, полагала коллегия, из-за местных властей возникало основание, на котором австрийцы могут вернуть упрек.

Дипломатический аспект астраханского дела коллегия подчеркнула указом губернатору А.С. Жилину от 28 февраля 1758 г., в котором отмечалось: «Чрезвычайный посол господин граф Эстергази представлял... о непрестанно происходящих (производимых. – Авт.) в Астрахане римско-католическими и армянскими духовными персонами, по причине религии, раздорах и несогласиях...», – в силу чего администратору предписывалось принять срочные меры, «чтоб таковые ссоры ими (враждующими группами. – Авт.) вовсе пресечены» были и огласка их снизилась (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 171).

К анализу шагов губернатора коллегия возвращалась и во внутреннем документе – записке от 30 апреля 1759 г. В ней также констатировалось, что сановник нарушил правовой порядок – поддерживал армян «сверх указа» (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761). Л. 28). В плане же коммуникации с региональными инстанциями весьма показательным явился указ в Астраханскую губернскую канцелярию от 24 июня 1759 г. В нем подчеркивалось: «...По обстоятельству сего дела тех обоих законов духовные почти равное участие имеют», – и в равной степени не без греха. Между тем местное следствие приняло позицию лишь одной стороны и наделало ошибок, приведших к росту недоразумений. Ошибки в указе перечислены подробно: здесь и привлечение к допросам только переводчиков – армяно-григориан, и пренебрежение свидетелями католической стороны, и промедление с выдачей капуцинам паспортов для поездок, и, разумеется, невзыскание денег по векселям, которыми в свое время расплатились с капуцинами Читах и Каспар, дети покойного Мелкума Читанянца. Иными словами, коллегия признала, что у капуцинов имелись резоны выражать недовольство поступками губернских органов, и потребовала соблюдать нейтралитет. В продолжение темы она внушала: следствие на юге вообще затеяли напрасно, ибо споры между общинами надо улаживать «чрез тамошнего полиц-мейстера или чрез их собственных попов» (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761). Л. 36-47об.).

Коллегия, впрочем, не держалась менторского тона в отношении местных властей. Свое вхождение в дело она откровенно объясняла видами «австрийской системы». Дразги иноверцев, говорилось в указе, мало касаются коллегии, «однако ж оная Астраханской губернской канцелярии в том справедливость рекомендует не по иному какому случаю, но единственно в рассуждении чинимаго от римско-императорского посла за капуцинов заступления» (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761). Л. 47).

Советы не прозвучали втуне: в канцелярии почли за лучшее прекратить разбирательство и впредь подобных жалоб не принимать, ограничиваясь лишь дознаниями исподволь. Коллегия была извещена об этом «доношением» от 29 февраля 1760 г. (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761). Л. 90-97).

Самым сложным и неудобным актором коммуникации для коллегии выступала, естественно, австрийская дипломатия. Итогом ее вмешательства, долго не встречавшего возражений, стала промемория «римско-императорского и королевина посла» Н. Эстергази от 9 мая (28 апреля) 1759 г., включавшая также вопрос о строительстве католических храмов в местах пребывания миссионеров на юге (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761). Л. 17-18).

Творец «австрийской системы», бывший канцлер А.П. Бестужев-Рюмин, в то время находился в опале, а его преемник М.И. Воронцов к удовольствию Елизаветы Петровны напомнил австрийской стороне австрийскую же отповедь девятилетней давности. Нужная нота готовилась быстро: 1/ 12 мая посол получил ее на конференции у канцлера. Документ подчеркивал: в условиях царящей в стране веротерпимости сетования капуцинов на притеснения «неосновательны». «...В Российской империи, – гласила нота, – издревле дозволенные о свободном содержании каждой веры свободы всегда ненарушимы в своей силе остаются, но все помянутые между ними, духовными, несогласии и ссоры происходят от того толко, что каждый из них старается приезжающих из-за границы уловить в свой закон, а будучи оное Высочайшими Ея Императорского Величества указами запрещено, те духовные отваживаются то исполнять скромно», тайком, а «когда с противной между ими стороны оное сведается, тогда вступают они друг на друга в доносы» (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761). Л. 30).

Однако и М.И. Воронцов, и сама императрица, проявляя в сфере дипломатии осторожность, не склонялись целиком подрывать бестужевскую конструкцию, а потому констатацию в духе «австрийской системы» нота включала: в России внимательно относятся к капуцинам, и так «поступлено... единственно в рассуждении римско-императорского двора». Канцлер просил австрийского посла выразить ответное уважение: довести до патеров, чтобы они не вступали в вероисповедные вопросы, «а оставили б то чинить здешнему... духовенству» (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761). Л. 32об.).

В аналогичном плане строилось донесение Коллегии иностранных дел в Синод от 24 июня 1759 г., и Синод указом от 29 июля 1759 г. принял позицию дипломатов (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761). Л. 34, 50-51).

После майской ноты и июньского указа коллегия сочла конфликт снятым. Переговоры 1760–1762 гг. с Н. Эстергази вращались, несмотря на широту проблематики и осведомленность о них Елизаветы Петровны, а затем и Петра III, в основном вокруг постройки каменных церквей для миссионеров. Во всяком случае соответствующий коллежский документ – «Экстракт о римских

церквах в Астрахани и Нежине», составленный в 1761 г. и обновленный 9 февраля 1762 г., – в качестве финальной бумаги по капуцино-армянскому делу называет ноту от 1 мая 1759 г. (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1762). Л. 17-22; Д. 2 (1760). Л. 55-59). Таким образом, тема южного вероисповедного конфликта в исследуемой коммуникации была исчерпана.

5. Заключение

Содержание коммуникации дипломатического ведомства в процессе астраханского урегулирования убеждает в ее гибкости, вариативности в отношении прочих акторов. Воссозданная по документам ситуация конфликта показывает неоднозначность (меж)конфессиональных отношений в Астрахани – крупном городе на окраине государства с религиозно и этнически неоднородным населением. История Е. Васильевой и ее супруга, пестрых в исповедном плане, весьма показательна. Именно подобная неоднозначность и определила знаковые моменты конфликта. Она же предредила неудачный результат губернских попыток избавиться от вероисповедных затруднений: сказались слабость законодательства об иноверцах, отсутствие прецедентов, коммуникативная ограниченность.

Опыт типологизации делает понятными стратегии коммуникации сторон, которые они так или иначе навязывали коллегии: судебный порядок у капуцинов и сделка с властями у армян (хотя и капуцины не чурались сделки). В рамках стратегий стороны шли на конкретные меры, к ним подключались другие участники конфликта. В этой связи коммуникация Коллегии иностранных дел была вполне эффективной. Удалось отстоять свои наполнение и организующую акторную роль в коммуникативной повестке: достижение, оказавшееся не по силам губернии и Церкви. Удалось снять и конфликт, дав акторам, прежде всего на местах, алгоритм неантагонистического сосуществования в сфере религиозных контактов. Важно, что результат не сопрягался с дипломатической неудачей, чего и хотела верховная власть.

Возникшая в коммуникации тема веротерпимости отразила заметный аспект поворота монархии к соответствующей политике, именно к формированию языка и идейного строя веротерпимости. Освоение российской дипломатией должного дискурса, трансляция его вовне работали на европейский образ монархии. При Екатерине II они способствовали политико-идеологической оснастке монарших решений по «диссидентскому вопросу» в Речи Посполитой.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»).

Литература

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
- Акторы..., 2016 – Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург, 2016. 316 с.
- Андреев, 2010 – Андреев А.Н. Российские «инородцы» в XVIII веке и западно-христианское влияние // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2010. Серия «Социально-гуманитарные науки»*. Вып. 15. № 28 (204). С. 6-11.
- Зурначян, 2014 – Зурначян А.С. Судебник Астраханских армян 1765 года как источник местного права Российской империи XVIII–XIX вв. // *Местное право*. 2014. № 1. С. 85-96.
- Константинова, 2011 – Константинова В.М. Соціокультурні аспекти урбанізаційних процесів на Півдні України (друга половина XIX – початок XX століття). Запоріжжя, 2011. 100 с.
- Костяшов, 2015 – Костяшов Ю.В. Сербы глазами русских в конце XVII – XIX веке // *Слово.ру: Балтийский акцент*. 2015. Т. 6. № 2–3. С. 87-96.
- Кривошея, Кривошея, 2019 – Кривошея І.І., Кривошея Ір.І. «Місто на кордоні»: Умань – урбанізований простір міжетнічного компромісу (взаємодії) чи конфлікту? (1616–2018 рр.) // *Русин*. 2019. № 55. С. 84-112.
- Кузнецов, 1898 – Кузнецов Н.Д. Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии // *Временник Демидовского юридического лицея*. 1898. Кн. 75. С. 65-104.
- Куканова, 1977 – Куканова Н.Г. Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII – первой половине XIX в. (по материалам русских архивов). Саранск, 1977. 286 с.
- Побережников, 2018 – Побережников И.В. Фронтальная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации // *Уральский исторический вестник*. 2018. № 4 (61). С. 72-80.
- Ряжев, 2004 – Ряжев А.С. Неизвестные проекты русского «просвещенного абсолютизма» по делам религии // *Отечественная история*. 2004. № 2. С. 143-155.
- Саввинский, 1900 – Саввинский И. Армяне в Астраханской епархии и отношение к ним местных архипастырей в XVIII в. Астрахань, 1900. 106 с.

- Соловьев, 1993** – Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 23 // Сочинения. В 18 кн. Книга XII. М., 1993. С. 8-291.
- Толстой, 1876** – Толстой Д.А. Римский католицизм в России: историческое исследование графа Дмитрия А. Толстого. Т. 1. СПб., 1876. VIII, 538 с.
- Хачатурян, 1963** – Хачатурян В.А. Административно-правовое положение астраханских армян во второй половине XVIII века // *Известия Академии наук Армянской ССР. Общественные науки*. 1963. № 12. С. 57-68.
- Хачатурян, 1965** – Хачатурян В.А. Население армянской колонии в Астрахани во второй половине XVIII века // *Известия Академии наук Армянской ССР. Общественные науки*. 1965. С. 77-87.
- Юхт, 1979** – Юхт А.И. Социальная борьба в Астраханской армянской колонии (середина XVIII в.) // *Вестник общественных наук*. 1979. № 6. С. 69-80.
- A Chronicle of the Carmelites, 1939** – A Chronicle of the Carmelites in Persia and the Papal mission of the XVIIth and the XVIIIth Centuries. London, 1939. Vol. I. XXXII, 720 p. Vol. II. Pp. 721-1376.
- Kazarov, 2020** – Kazarov S. Nahichevan-on-Don: Armenian merchants and their role in the commercial development of the Azov – Black Sea region // Between grain and oil from the Azov to the Caucasus: the port-cities of the eastern coast of the Black Sea, late 18th – early 20th century. (Black Sea History Working Papers. Vol. 3). Rethymnon, 2020. P. 399–427.
- Popa, 2016** – Popa C.I. Between Vienna and Moscow: the Protopope and the General Vicar Nicolae Pop Balomiri (c. 1700 to c. 1764) // *Bylye Gody*. 2016. Т. 42. № 4. Pp. 1094–1109.
- Windler, 2018** – Windler C. Missionare in Persien: Kulturelle Diversität und Normenkonkurrenz im globalen Katholizismus (17.–18. Jahrhundert). Köln; Weimar; Wien, 2018, 764 p.
- Հովհաննիսյան, 2016** – Հովհաննիսյան, Առնո. Գրայել Օրին և հայ ազատագրական գաղափարը [Иоаннисян А.Г. Израэл Ори и армянская освободительная идея]. Երևան [Ереван], 2016. 760 с. (на армянском яз.).

References

- A Chronicle of the Carmelites, 1939** – A Chronicle of the Carmelites in Persia and the Papal mission of the XVIIth and the XVIIIth Centuries. London, 1939. Vol. I. XXXII, 720 p. Vol. II. Pp. 721-1376.
- Actory..., 2016** – Actory rossiiskoi imperiskoi modernizatsii (XVIII – nachalo XX v.): regional'noe izmerenie. [Actors of Russian Imperial Modernization (from the 18th century through the beginning of the 20th century): regional dimension]. Ekaterinburg, 2016. 316 p. [in Russian]
- Andreev, 2010** – Andreev, A.N. (2010). Rossiiskie “inorodtsy” v XVIII veke i zapadno-hristianskoe vliyanie. [Russian “foreigners” in the 18th century and Western Christian influence]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Social'no-gumanitarnye nauki”*. 15. № 28 (204): 6-11. [in Russian]
- AVPRI** – Arhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of foreign policy of the Russian Empire].
- Kazarov, 2020** – Kazarov, S. (2020). Nahichevan-on-Don: Armenian merchants and their role in the commercial development of the Azov – Black Sea region. Between grain and oil from the Azov to the Caucasus: the port-cities of the eastern coast of the Black Sea, late 18th – early 20th century. (Black Sea History Working Papers. Vol. 3). Rethymnon. Pp. 399-427.
- Khachaturyan, 1963** – Khachaturyan, V.A. (1963). Administrativno-pravovoe polozhenie astrahanskikh armyan vo vtoroi polovine XVIII veka. [Administrative and legal status of the Astrakhan Armenians in the second half of the 18th century]. *Izvestiya Akademii Nauk Armyanskoi SSR. Obshchestvennye nauki*. 12: 57-68. [in Russian]
- Khachaturyan, 1965** – Khachaturyan V.A. (1965). Naselenie armyanskoi kolonii v Astrahani vo vtoroi polovine XVIII veka. [The population of the Armenian colony in Astrakhan in the second half of the 18th century]. *Izvestiya Akademii Nauk Armyanskoi SSR. Obshchestvennye nauki*. 7: 77-87. [in Russian]
- Konstantinova, 2011** – Konstantinova, V.M. (2011). Sotsiokul'turni aspekti urbanizaciinih protsesiv na Pivdni Ukrainy (druga polovina XIX – pochatok XX stolittya). [Socio-cultural aspects of urbanization processes in the South of Ukraine (the second half of the 19th century through the beginning of the 20th century)]. *Zaporizhzhya*. 100 p. [in Ukrainian]
- Kostyashov, 2015** – Kostyashov, Yu.V. (2015). Serby glazami russkih v kontse XVII – XIX veke. [Serbs as seen Russians in the late 17th – 19th century]. *Slovo.ru: Baltiiskii aktsent*. 6(2–3): 87-96. [in Russian]
- Kryvosheya, Kryvosheya, 2011** – Kryvosheya, I.I., Kryvosheya, Ir.I. (2019). “Misto na kordoni”: Uman' – urbanizovaniy prostir mizhetnichnogo kompromisu (vzaemodii) chy konfliktu? (1616–2018 rr.) [“City on the border”: Uman as an urbanized space of inter-ethnic compromise (interaction) or conflict? (1616–2018)]. *Rusin*. 55: 84-112. [in Ukrainian]
- Kukanova, 1977** – Kukanova, N.G. (1977). Ocherki po istorii russko-iranskikh torgovykh otnoshenii v XVII – pervoi polovine XIX v. (po materialam russkih arhivov). [Essays on the history of Russian-Iranian trade relations in the 17th – the first half of the 19th century (based on materials from Russian archives)]. Saransk. 286 p. [in Russian]

Kuznetsov, 1898 — *Kuznetsov, N.D.* (1898). Upravlenie delami inostrannykh ispovedanii v Rossii v ego istoricheskom razviti. [The field of administration of Foreign Religions in Russia in its historical development]. *Vremennik Demidovskogo yuridicheskogo litseya*. 75: 65-104. [in Russian]

Poberezhnikov, 2018 — *Poberezhnikov, I.V.* (2018). Frontirnaya modernizatsiya na vostoке Rossiiskoi imperii: regional'nye variatsii [Frontier modernization in the East of the Russian Empire: regional variations]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 4(61): 72-80. [in Russian]

Popa, 2016 — *Popa, C.I.* (2016). Between Vienna and Moscow: the Protopope and the General Vicar Nicolae Pop Balomiri (c. 1700 to c. 1764). *Bylye Gody*. 42(4): 1094-1109.

Ryazhev, 2004 — *Ryazhev, A.S.* (2004). Neizvestnye proekty russkogo "prosveschionnogo absolutizma" po delam religii. [Unknown projects of Russian "Enlightened Absolutism" on religious affairs] *Otechestvennaya istoriya*. 2: 143-155. [in Russian]

Savvinskii, 1900 — *Savvinskii, I.* (1900). Armyane v Astrahanskoй eparhii i otnoshenie k nim mestnykh arhipastyrei v XVIII v. [Armenians in the Astrakhan Diocese and the Attitude of Local Archpastors in the 18th century]. *Astrahan'*, 106 p. [in Russian]

Solov'iov, 1993 — *Solov'iov, S.M.* (1993). Istoriya Rossii s drevneishih vremion. [History of Russia from Ancient Times]. Vol. 23. Sochineniya. V 18 kn. Kniga XII. Moscow. Pp. 8-291. [in Russian]

Tolstoy, 1876 — *Tolstoy, D.A.* (1876). Rimskii katolitsizm v Rossii: istoricheskoe issledovanie grafa Dmitriya A. Tolstogo [Roman Catholicism in Russia: a historical study of Count Dmitry A. Tolstoy]. St. Peterburg. Vol. 1. VIII, 538 p. [in Russian]

Windler, 2018 — *Windler, C.* (2018). Missionare in Persien: Kulturelle Diversität und Normenkonkurrenz im globalen Katholizismus (17.–18. Jahrhundert) [Missionaries in Persia. Cultural diversity and cultural competition in global Catholicism (17th–18th centuries)]. Köln; Weimar; Wien. 764 p. [in German]

Yucht, 1979 — *Yucht, A.I.* (1979). Social'naya bor'ba v Astrahanskoй armyanskoй kolonii (seredina XVIII v.). [Social struggle in the Astrakhan Armenian colony (the middle of the 18th century)]. *Vestnik obshchestvennykh nauk*. 6: 69-80. [in Russian]

Zurnachyan, 2014 — *Zurnachyan, A.S.* (2014). Sudebnik astrahanskih armyan 1765 goda kak istochnik mestnogo prava Rossiiskoi imperii XVIII–XIX vv. [Code of Law of Astrakhan Armenians of 1765 as a Source of Local Law of the Russian Empire of the 18th–19th centuries]. *Mestnoe pravo*. 1: 85-96. [in Russian]

Հովհաննիսյան, 2016 — *Հովհաննիսյան, Աշոտ Գարգինի* (2016). Իսրայելի Օրին և հայ ազատագրական գաղափարը. [Johannissyan Hovhannisyan, Ashot Garegini. Israel Ori and the Armenian Liberation Idea]. Երևան [Yerevan]. 760 p. [in Eastern Armenian]

Католические миссионеры, армянские общины и австрийский посол: политико-дипломатическая коммуникация в вероисповедном конфликте на юге России (1755–1760 гг.)

Андрей Сергеевич Ряжев^{а, *}

^а Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена вероисповедной политике государства в заключительный период правления Елизаветы Петровны. Впервые в историографии изучена роль Коллегии иностранных дел в урегулировании конфликта между австрийскими миссионерами-капуцинами и армяно-григорианами в городах на юге Российской империи, осложненного вмешательством австрийского посла Н. Эстергази. Исследование базируется на малоизвестных материалах коллежского расследования конфликта. На основе источников в статье осуществлена реконструкция конфликтной ситуации и прослежена политико-дипломатическая коммуникация, в которой Иностранная коллегия явилась организатором и важнейшим актором. Наибольшее внимание уделено характеристике взаимодействия коллегии с другими акторами, выявлены коммуникативные особенности в каждом конкретном случае. Показано включение в инструментарий коммуникации языка и понятий, отражавших тенденцию веротерпимости в российской внутренней политике. В итоге автор констатирует гибкость и вариативность коммуникации, выстроенной дипломатическим ведомством на разных уровнях, отражение в ней этнорелигиозных процессов, свойственных развитию российских окраин раннего Нового времени. Также отмечено освоение российской дипломатией дискурса веротерпимости в преддверии обострения «диссидентского вопроса» в Речи Посполитой.

Ключевые слова: Российская империя, раннее Новое время, Елизавета Петровна, вероисповедная политика, политико-дипломатическая коммуникация, акторы коммуникации, Коллегия иностранных дел, посол Н. Эстергази, миссионеры-капуцины, армяно-григориане.

* Корреспондирующий автор

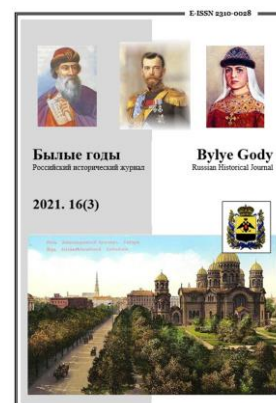
Адреса электронной почты: riazhev@yandex.ru (А.С. Ряжев)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1124-1131
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1124
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



Migration of Peasants to Landowners' Lands in the North-Western Caspian Region (the second half of the XVIII – first half of the XIX century)

Sergey S. Belousov ^{a,*}

^a Kalmyk scientific center of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article examines the activities of landowners aimed at creating settlements in the North-Western Caspian region in 1765-1861. The author analyzes the goals, content and results of the landowners' resettlement policy, shows the role of the state in it, examines the history of the creation of landowner settlements, the geography of the places of emigration, the influence of the natural factor on the process of resettlement and on the formation of the economic profile of new settlements.

The study showed that the resettlement activities of landowners were initiated by the state authorities, which sought to use their human and material resources to solve the problem of settling a sparsely populated region.

The results of the landowners' migrations, however, did not meet the expectations of the authorities. The landowners founded a small number of settlements with a small population. The landowners directed their main efforts not to the creation of settlement infrastructure and centers of agriculture and cattle breeding, but to the development of fishing, which in the natural conditions of the North-Western Caspian region turned out to be more profitable. As a result, at the beginning of the XIX century, the authorities abandoned the policy of attracting landowners to settle the North-Western Caspian region.

Landowners' settlements were located exclusively in the coastal areas of the Caspian Sea and in the Volga River basin. There were no landowners and settlements on the territory of the Kazakhs and Kalmyks, whose land rights were protected by Russian legislation.

Keywords: Resettlement policy, North-Western Caspian Sea, serfs, landowners' settlements.

1. Введение

В первой половине XVIII в. большинство жителей Северо-Западного Прикаспия вели кочевой образ жизни, оседлое население было очень малочисленно и сосредоточено в нескольких населенных пунктах вдоль р. Волги. Центральные власти и астраханские губернаторы осознавали важность задачи заселения края, но приступить к ее реализации в полной мере смогли только во второй половине XVIII в. Среди переселенческих мероприятий особого внимания заслуживает попытка властей привлечь к заселению края помещиков, чьи людские и материальные ресурсы российское руководство надеялось использовать для реализации важной государственной задачи заселения малолюдных территорий Северо-Западного Прикаспия.

Изучение данной темы представляет интерес как с точки зрения выявления особенностей региональной переселенческой политики, так и изучения опыта государства, пытавшегося соединить частный интерес с общественным в целях реализации государственной стратегической задачи. Исследование переселений крестьян также вносит определенный вклад в развитие краеведения и имеет не только научное, но и познавательно-воспитательное значение, поскольку оно связано с историей конкретных населенных пунктов и генеалогией.

* Corresponding author

E-mail addresses: sbelousovelista@mail.ru (S.S. Belousov)

Главной целью статьи является исследование организованных помещиками переселений крепостных крестьян в Северо-Западный Прикаспий. В этой связи ставятся задачи: изучить цели, содержание и результаты переселенческой политики помещиков, показать в ней роль государства, рассмотреть географию мест выхода переселенцев, влияние природного фактора на процесс переселений и на складывание экономического профиля новых поселений.

2. Материалы и методы

При написании статьи использовались материалы фонда № 194 («Управление Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами») Государственного архива Астраханской области (Астрахань, Российская Федерация), в делах которого содержится информация о помещичьих переселениях в дельту р. Волги и на побережье Каспийского моря, сведения об основании поселений, географии мест выхода поселенцев и правительственной политике.

Ценным источником является также Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ), где сосредоточен законодательный материал, позволяющий проследить эволюцию правительственной политики в отношении помещичьих переселений на протяжении второй половины XVIII – первой половины XIX вв. Статистическая информация содержится в опубликованных Астраханским губернским статистическим комитетом памятных книжках и отдельных сборниках.

Исследование проводилось с опорой на историко-генетический и историко-сравнительный методы. Историко-генетический метод позволил выявить как преемственность в переселенческой политике, так и изменения, происходившие в ней на протяжении столетнего периода; благодаря сравнительно-историческому методу стало возможным выявить отличия и сходство переселений помещичьих крестьян с переселениями представителей других сословий и групп.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии миграции крепостных крестьян в Северо-Западный Прикаспий не являлись объектом научного исследования, однако некоторое отражение их история нашла в статьях православных священников по истории церковных приходов (Покасов, 1892; Орлов, 1902; Саввинский, 1914) и в работах краеведов по отдельным селам (Дремков, 1897).

В 1926 г. в журнале «Наш край» вышла статья профессора П.Г. Любомирова «О заселении Астраханской губернии в XVIII веке» (Любомиров, 1897), которая в силу актуальности затронутой в ней темы, связанной с подготовкой нового административно-территориального деления, в том же году была переиздана отдельной брошюрой. Автор проанализировал переселенческий процесс и ввел в научный оборот интересный материал о миграциях в Северо-Западный Прикаспий в XVIII столетии. Особое место в своей работе он уделил переселениям помещичьих крестьян, показав их динамику и проанализировав политику по отношению к ним государственной власти.

Значительным шагом вперед в изучении переселений в Северо-Западный Прикаспий также стал выход в 1970-х гг. трудов Н.М. Васькина (Васькин, 1973; Васькин, 1976), в которых данная тема получила свое дальнейшее продолжение.

В постсоветский период история переселений помещичьих крестьян исследователями отдельно не разрабатывалась, хотя затрагивалась в некоторых работах обобщающего и краеведческого характера, в частности в труде по истории Астраханского области (История Астраханского..., 2000) и в книге Меркулова о прошлом с. Началова (Меркулов, 2016).

В целом можно констатировать, что отечественными историками сделан серьезный задел в изучении помещичьих миграций, однако специальных исследований, охватывающих данный процесс на протяжении почти века (от его начала в середине XVIII в. до завершения в 1861 г.), не существует. Предлагаемая статья призвана восполнить этот пробел в отечественной историографии.

4. Результаты

До второй половины XVIII в. в Астраханской губернии отсутствовали населенные пункты с крепостными крестьянами; по данным третьей ревизии (1763 г.) населения, в ней имелось всего 879 душ дворовых людей «за разными чинами, не имеющими деревень» (Любомиров, 1926: 7).

В 1765 г. правительство разрешило Московской губернской межевой канцелярии продавать помещикам в малолюдной Астраханской губернии свободные казенные земли на условии заселения их крестьянами. Одними из первых этим правом воспользовались дворяне, находившиеся на государственной службе в г. Астрахани: Н.А. Бекетов (губернатор) и его двое родственников – И. и Н.Л. Бекетовы, князь Н.С. Долгоруков (директор казенных виноградных садов в г. Астрахани), И. Григорьев (директор таможни), надворный советник Д.С. Поленов, Ф. Пушкин (губернский секретарь) и др. (Любомиров, 1926: 12).

Среди помещиков наибольшую активность в деле заселения купленных земель проявил губернатор Н.А. Бекетов, который своими действиями старался подать пример другим помещикам. В конце 1760-х – начале 1770-х гг. он основал поселения: Черепаха (ныне с. Началово), Анютино, Образцово (ныне с. Травино), Самосделка; в них он перевел на постоянное жительство часть

крепостных крестьян из Нижегородской, Пензенской и Симбирской губерний и поселил крещеных калмыков. Доверенные лица Бекетова также специально покупали для поселения в его селах русских крестьян из верхневолжских и центральных губерний, мордву и чувашей (Меркулов, 2016: 18). Помимо купленных, Н.А. Бекетов имел земли, полученные в дар от императрицы Елизаветы Петровны, на которых он построил недалеко от немецкой колонии Сарепты имение «Отрада», положившее начало с. Отрадному, рядом с ним возникло с. Хохловка, где по приглашению губернатора поселились выходцы из Украины.

Другие помещики стараний к заселению не прилагали: основанные ими немногие поселения были малочисленными (обычно от 6 до 40 душ мужского пола), а некоторые вообще числились только на бумаге. Помещики предпочитали вкладывать средства в более прибыльное дело – в рыболовство, а не в освоение пустующих земель. Спустя 12 лет после разрешения помещикам покупать земли под заселение этим правом воспользовались лишь 2 помещика из 11 (Любомиров, 1926: 12). Чтобы предотвратить скупку помещиками наиболее ценных для рыболовства земель и водных участков, Правительствующий сенат даже вынужден был запретить в 1772 г. продажу свободных земель при устье р. Волги (ПСЗ РИ – I XIX: 581).

Новые места помещики обычно заселяли своими крепостными, переведенными из других губерний, в основном из верхневолжских и средневолжских, – Нижегородской, Симбирской, Пензенской и Костромской (Васькин, 1976: 180). Иногда помещики приглашали юридически свободных людей, заманивая их определенными льготами, а были случаи, когда к поселению насильственно привлекались каторжане, бродяги, беглые крепостные. Еще в 1745 г. императрица Елизавета Петровна напутствовала ревизовавшего Астраханскую губернию полковника Потресова в том, что, если на допросе беглый крепостной и бродяга не назовет фамилию своего помещика и место своего рождения, то бить его тремя ударами кнута, а если эта мера не поможет, то отправлять допрашиваемого на поселение в казенные учуги и рыбные промыслы. Данное распоряжение создавало благодатную почву для злоупотреблений со стороны помещиков, служивших в губернской администрации. Некоторые ее руководители, в том числе и сам Н.А. Бекетов, после допросов «подлых» приписывали их не к казенным поселениям, а к своим поместьям (Зыков, 1924: 119).

Разрешение помещикам покупать земли поставило в трудное положение население ватаг и поселков, возникших на землях, считавшихся казенными до покупки их частными лицами. Их жители вынуждены были согласиться на условия, выдвинутые помещиком, или покинуть место своего жительства. В этом отношении весьма примечательна история с п. Черная Гряда в Енотаевском уезде. Поселок возник на казенных, так называемых «пустопорожных», т. е. свободных, землях, а основали его крестьяне-переселенцы, которые стали самовольно селиться в нем в 1740-е гг. В 1772 г. землю поселка и прилегающие к нему территории купил помещик Сушков, который не стал сгонять переселенцев, разрешив им жить на выбранном месте и заниматься рыболовством, но с условием регулярной выплаты ему определенной суммы денег (Пальмов, 1932: 86).

В 1811 г. Сушков продал свою землю московскому купцу Малышеву, однако в 1818 г. Сенат признал данную сделку недействительной, мотивируя свое решение тем, что Сушков не выполнил условие, выдвинутое ему властями при покупке земли, – заселить приобретенную землю крестьянами. Помещику не помогло даже то обстоятельство, что Малышев согласился взять на себя обязательство заселить купленную землю крестьянами. Купцу напомнили о том, что представителям его сословия запрещено покупать крестьян и он в силу этого никак не может выполнить условие заселения земли, предоставленной помещикам для создания поселений. Правительствующий сенат также добавил, что даже если и было бы разрешено купцу покупать крестьян и селить их на приобретенной земле, то и тогда у него ничего бы не вышло, поскольку Малышеву земля нужна была для постройки суконной фабрики, а «...заведение фабрики не есть заселение, да и покупные крестьяне ... остаются при оной временно, не крепки ни для покупателя, ни для фабрики, и с истечением срока, до которого при покупке условились бы находиться при фабрике, оставляют сию последнюю, равно покупателя и самую землю обнажают, при том же обязаны отправлять мастерскую работу, а не хлебопашество и другие крестьянские занятия производить...» (ПСЗ – I. XXXV: 187).

Правительствующий сенат аннулировал договор купли-продажи, обязав Малышева вернуть землю Сушкову, а помещика – возратить купцу деньги и заселить землю крестьянами. Сушков, однако, возвращенную ему землю так и не заселил, а продал ее в 1819 г. калмыцкому нойону Хошеутовского улуса С. Тюменю, который пообещал властям перевести на оседлый образ жизни часть своих подданных и построить для них стационарные жилища. Что касается жителей п. Черная Гряда, то они вынуждены были покинуть свой поселок и искать себе пристанище в других местах. Для них такой исход дела оказался не самым худшим выходом из создавшегося положения: они, во-первых, сохранили личную свободу, во-вторых, им разрешили переселиться в другие места.

Гораздо трагичнее судьба сложилась у населения рыбацких поселков Тумак, Хмелевской и Никольский. Их основали самовольные переселенцы, которых астраханский губернатор Н.А. Бекетов вначале приказал выпороть, а затем закрепостил. По утверждению советского исследователя Ф.П. Зыкова, подобные действия совершали и другие помещики (Зыков, 1924: 119-120).

Помещики обзаводились землями не только путем покупки, но и получали их бесплатно от государства. Указом от 22 декабря 1782 г. императрица Екатерина Вторая предоставила генерал-губернатору Новороссийской, Азовской, Астраханской и Саратовской губерний Г.А. Потемкину право раздавать земли помещикам на Моздокско-Азовской укрепленной линии на условиях их заселения крестьянами (ПСЗ РИ–1 XXI: 784).

Массовая раздача земель помещикам началась в 1785 г., после учреждения Кавказского наместничества, которое возглавил племянник Г.А. Потемкина – генерал-губернатор П.С. Потемкин. Согласно букве упомянутого указа 1782 г., раздаче подлежали земли на Моздокско-Азовской линии, т.е. в Предкавказье, однако П.С. Потемкин распространил действие данного акта на волжские и приморские районы, после чего, как пишет профессор Н.Н. Пальмов, «в низовьях Волги наступил период какой-то земельной вакханалии» (Пальмов, 1932: 86). К 1796 г. было роздано дворянам более 877 000 дес. (Васькин, 1973: 13). Земли должны были передаваться под заселение, но это условие плохо соблюдалось. На указанном пространстве к 1799 г. было поселено всего 950 душ мужского пола, что составляло в среднем 153 дес. удобной и 800 дес. неудобной земли на одну мужскую душу вместо установленных законом 30 дес. земли (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1162. Л. 3).

По сведениям профессора П.Г. Любомирова, в 1803 г. крепостные крестьяне проживали в 26 населенных пунктах всех 4 уездов Астраханской губернии, в которых насчитывалось приблизительно 680 дворов и в них 7 653 души обоого пола, не считая дворовых людей (Любомиров, 1926: 15). У историка Н.М. Васькина цифра основанных помещиками населенных пунктов выше, но зато она меньше по отношению к числу жителей. По его сведениям, до начала XIX в. 24 помещика построили 36 селений и деревень и поселили в них 5 535 чел. (Васькин, 1973: 16). Если сравнить число ревизских душ (мужских) крепостных крестьян в 1777 и 1803 гг., то отчетливо видна положительная динамика роста как количества помещичьих поселений, так и их жителей. В 1777 г. в Астраханской губернии насчитывалось 624 ревизских душ крепостных крестьян, а в 1803 г. – 3 802 (Любомиров, 1926: 17).

Несмотря на рост численности крепостного населения, правительство было недовольно темпами помещичьего заселения. Это стало одной из причин, побудивших центральные власти в первой половине XIX в. пересмотреть права помещиков на купленные и пожалованные им государством земли. Власти напомнили помещикам, что в Астраханской губернии земли предоставлялись им в собственность на условиях заселения их крестьянами и развития земледелия и скотоводства, но не для рыболовства. Однако большинство помещиков не выполнили своих обязательств и устроили на побережье Каспийского моря рыболовные промыслы, более того, они присвоили себе также и морские воды, хотя не имели на это права, поскольку по закону им могли принадлежать только воды рек и озер, «...а воды морские, даже при местах, действительно заселенных, никогда и нигде частному владению не подлежали, а должны были оставаться в общем и свободном для всех употреблении...» (ПСЗ РИ–1 XXVII: 233). Правительствующий сенат указом от 27 августа 1802 г. восстановил право свободного лова рыбы в Каспийском море для всех желающих и постановил собрать сведения о законности владения помещиками полученными в собственность земельными участками на морском побережье. В указе говорилось: «На будущее время постановить общим правилом, чтоб рыбные сии промыслы, так, как и часть земель, для заведений их и пристанищ нужная, никому ни в оброк, ни в собственность отдаваемы не были, но оставались бы в общем владении» (ПСЗ РИ–1 XXVII: 233).

Изучив материалы, присланные администрацией Астраханской губернии, о помещичьих владениях на Северо-Западном побережье Каспия, Правительствующий сенат признал, что продажа и раздача земель были осуществлены с большими нарушениями правительственных рескриптов. В результате этого в руках помещиков оказалось сосредоточено большое количество прибрежных земель и морские воды, сделавшее их по существу монополистами в рыболовстве на Каспии (ПСЗ РИ–1 XXVII: 883). По мнению сенаторов, незаконно приобретенные помещиками земли следовало отобрать и вернуть в казну, но в то же время они посчитали несправедливым и нецелесообразным применить эту меру в отношении заселенных помещиками земель и построенных рыболовных ватаг. Образованные на побережье Каспийского моря поселения с земледельческой и скотоводческой направленностью, а также рыболовецкие ватаги было предложено сохранить, при этом крестьянские поселения оставить с прежним земельным обеспечением, а рыболовецким ватагам выделить по 1 кв. версте. Все остальные земли помещиков должны были быть изъяты из их собственности и должны поступить в казну. Император Александр I согласился с мнением сенаторов, и оно легло в основу подписанного им 11 сентября 1803 г. указа «Об устройстве рыбных промыслов на Каспийском море» (ПСЗ РИ–1 XXVII: 882-890).

Спустя месяц (11 октября 1803 г.) вышел императорский указ «О правилах взыскания податей с казенных порожжих земель, розданных для заселения владельцам в Саратовской, Астраханской и Кавказской губерний», который установил для помещиков, получивших бесплатно в собственность от государства земли на условия их заселения, специальный ежегодный 5-копеечный сбор в казну с каждой десятины незаселенной земли. Деньги должны были выплачиваться до выполнения помещиками условий, т. е. до заселения земель (ПСЗ –1 XXVII: 926).

Провозглашенные в указе от 27 августа 1802 г. новые принципы и правила морского рыболовства не были сразу претворены в жизнь, понадобилось более полувека для того, чтобы дело сдвинулось с места. Межевые работы не проводились вплоть до выхода Устава Каспийских рыбных и тюленьих промыслов в 1865 г., поэтому помещики все это время (с 1802 по 1865 г.) продолжали пользоваться землями морского и речного побережья, более того, правительство разрешило им единолично осуществлять лов рыбы в морских водах, лежащих напротив их земельных владений. Только с вступлением в силу 25 мая 1865 г. положений «Устава Каспийских рыбных и тюленьих промыслов» ситуация начала меняться. Из числа выкупленных и изъятых у частных лиц земель была образована на морском побережье одноверстная береговая полоса, которую предоставили в пользование рыбакам, помещикам оставили во владении земли, находившиеся под рыбными промыслами, из расчета по 1 кв. версте на один промысел. В собственности помещиков также остались воды р. Волги и прилегающие к ним земли – от г. Камышина до г. Астрахани.

Анализ государственных законодательных актов первой половины XIX в. показывает, что правительство в данный период, неудовлетворенное результатами предшествующей переселенческой деятельности помещиков, перестало питать надежды привлечь их к решению важнейшей государственной задачи заселения Северо-Западного Прикаспия. Однако, несмотря на явное снижение интереса российского руководства к переселениям помещичьих крестьян, они не прекращались вплоть до отмены крепостного права в 1861 г. В первой половине XIX в. помещиками был основан ряд населенных пунктов во всех 4 уездах Астраханской губернии.

В 1804 г. на купленных землях в Енотаевском уезде помещик полковник И. Кишенский построил д. Федоровку, куда переселил часть своих крепостных крестьян из Пензенской губернии, а в 1833 г. – Ивановку, которую заселил крестьянами из Тамбовской губернии и с. Бессоновки Пензенской губернии. В том же уезде помещик Баранов основал д. Барановку, Ровинский – село Никитское (Равинка), Везелев – д. Везелеву.

В первые годы XIX в. возникла д. Анаповка, которая принадлежала астраханскому полицмейстеру Пфунту. Поселенные в ней 10 семей крепостных крестьян, в отличие от большинства помещичьих крестьян Астраханской губернии, занимались шелководством, виноградарством и выращиванием горчицы.

В очень тяжелых природных условиях протекало заселение северного побережья Каспийского моря. Крупнейшими землевладельцами здесь являлись князья Юсуповы, купившие в 1772 г. в Красноярском уезде более 114 000 дес. казенной земли и прикупившие в 1792 г. еще более 16 000 дес. земель, принадлежавших ранее тайному советнику Г. Протасову, а затем помещику Кепанову. На купленных землях Юсуповы поселили своих крепостных крестьян из Рязанской губернии, положивших начало поселкам Никольской волости. Первые жители волости обосновались на бугре Старый Джамбай, со временем крестьяне заселили 17 близлежащих бугров, из жителей которых были учреждены Никольское сельское общество и волость. В середине 1890-х гг. в волости числилось 186 дворов и 1 378 душ обоего пола.

Никольская волость была удалена от г. Астрахани на расстояние в 150 в. и от своего уездного центра – на 120 в., однако самой ее большой проблемой являлись неблагоприятные для проживания человека природные условия. Окружающие поселения волости ильмени содержали горько-соленую воду, которая была непригодна к употреблению человеком и скотом, а других источников воды просто не было. К тому же летом, во время выгонных ветров, вся местность наполнялась удушливыми испарениями сероводорода, образующегося при гниении органических веществ, поэтому жителям приходилось наглухо закрывать окна домов.

Зимой жители волости собирали лед и хранили его в специально вырытых для этого ледниках, воду расходовали очень бережно, используя ее только для питья, а пищу готовили на морской воде. Когда в июле лед в ледниках заканчивался, никольцы ездили за водой в п. Голубев, расположенный от них в 30 в. (Дремков, 1897: 83).

Большую часть года жители Никольской волости занимались ловом рыбы, а зимой уходили по льду на Каспийское море для боя тюленя. В с. Никольском активно велась торговля, и оно являлось еще и административным центром для казахов Первого и Второго приморских округов Внутренней орды.

Незадолго до отмены крепостного права в России была проведена 10-я народная перепись населения (1857–1859 гг.), которая зафиксировала постепенное снижение удельного веса и численности крепостного населения в сословной структуре населения страны. В Астраханской губернии ревизия прошла в 1858 г., а окончательные ее результаты, после сверки списков и дополнений, были опубликованы в 1859 г. По данным 10-й переписи в Астраханской губернии крепостное население включало 12 427 чел. (5 990 муж. и 6 437 жен.), что составляло 2,6 % от всего населения губернии (Тройницкий, 1861: 26). Среди губерний Российской империи Астраханская имела один из самых низких показателей относительной доли крепостных в структуре населения губернии, уступая только Ставропольской и Бессарабской, а по численности крепостных она была 46-й среди 52 губерний (Тройницкий, 1861: 80).

За период с 1803 по 1859 гг. численность крепостных людей в Астраханской губернии выросла незначительно – всего на 62 %, при этом необходимо учитывать, что данный рост был обусловлен не

только миграционным фактором, но и демографическим, который у крепостных имел положительную динамику благодаря высокой рождаемости. Роль миграций в приросте населения, очевидно, была незначительной, иначе бы показатели увеличения численности крепостного населения были более высокими.

В первой половине XIX в. почти не изменилась география расселения крепостного населения в Астраханской губернии. В 1850-е гг. оно, как и в предшествующие периоды, в массе своей было сконцентрировано в поселениях дельты р. Волги и побережья Каспийского моря, входивших в состав Астраханского и Красноярского уездов. В них проживало 66,6 % крепостных от их общей численности в губернии, в населенных пунктах других уездов данный показатель составлял: в Черноярском – 16,4 %, в Енотаевском – 11,2 %, в Царевском – 5,8 % (Тройницкий, 1861: 28).

По данным 1859 г., помещикам принадлежали 45 населенных пунктов, что составляло 11,4 % от количества всех поселений в Астраханской губернии. В среднем на одно владельческое поселение приходилось 29,5 дворов, самым крупным из них была д. Никольская в Астраханском уезде (120 дворов, 831 чел.), а наиболее малочисленным – х. Лиман (2 двора, 13 чел.) в Царевском уезде.

Помещики основывали поселения не только путем перевода своих крестьян из других губерний, но и приглашали свободных людей для поселения на своих землях. Это было удобно, так как в таком случае им не надо было вкладывать свои средства в создание жилой инфраструктуры, к тому же появлялся рынок свободной рабочей силы, которую можно было нанять для работ на своих промысловых заведениях, и открывалась возможность получить дополнительные доходы за счет взимания арендной платы за проживание. Нередкими были случаи, когда помещики сдавали свои воды и земли в аренду купцам и рыбопромышленникам, а те основывали временные поселки для рыбацкого населения, часть которых со временем превратилась в постоянные поселения.

В 1859 г. в Астраханской губернии на помещичьих землях имелось 23 поселка свободных людей, в которых состояло 285 дворов и числилось 1 701 душа обоюбого пола.

5. Заключение

Первые поселения помещичьих крестьян на землях Северо-Западного Прикаспия возникли во второй половине 1760-х гг., когда помещикам разрешили покупать в Астраханской губернии земли на условиях их заселения. Таким путем руководство России пыталось привлечь людские и материальные ресурсы дворянского сословия для заселения и освоения малолюдного региона. Под заселением подразумевалось создание стационарных поселений крестьянского типа, население которых должно было заниматься традиционными для крестьянского хозяйства земледелием и скотоводством. Результаты помещичьих переселений, однако, не оправдали надежд властей. Населенных пунктов было образовано немного, и, они, как правило, имели малочисленное население. Свои основные усилия помещики приложили не к созданию поселенческой инфраструктуры и распространению земледелия и скотоводства, а к развитию рыболовства, которое в природных условиях Северо-Западного Прикаспия оказалось более выгодным делом. Переводимые из других губерний крепостные крестьяне в большинстве своем привлекались к рыболовству, пожалованные и купленные земли помещики не заселяли, а предпочитали сдавать в аренду частным лицам, не заинтересованным в создании постоянных стационарных поселений. В итоге в начале XIX в. власти отказались от политики привлечения помещиков к заселению Северо-Западного Прикаспия.

Вместе с тем ради объективности отметим то, что организованные помещиками переселения происходили в сложных условиях, когда государство только приступало к созданию в Северо-Западном Прикаспии широкой сети стационарных поселений и открытию массовых переселений государственных крестьян. Малочисленность оседлого населения, отсутствие достаточного количества воинского контингента, необходимого для защиты от нападений разбойников и кочевников, неблагоприятные природные условия делали переселенческие мероприятия весьма рискованным делом. Положительное значение организованных помещиками переселений заключается в том, что они вместе с казаками и военными заложили основу для формирования широкой сети стационарных поселений и сословно-этнической структуры региона.

Помещичьи поселения располагались исключительно в прибрежных районах Каспийского моря и в бассейне р. Волги. Помещичьего землевладения и поселений не было на территории казахов и калмыков, чьи земельные права защищались российским законодательством. В помещичьих поселениях, в отличие от селений государственных крестьян, где преобладали уроженцы Воронежской, Тамбовской, Харьковской и Екатеринославской губерний, основную массу переселенцев составляли выходцы из губерний Средней Волги – Нижегородской, Самарской и Симбирской, а также из Пензенской губернии.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект № 075-15-2019-1879 «От палеогенетики до

культурной антропологии: комплексное интердисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»).

Литература

- Васькин, 1973** – Васькин Н.М. Заселение Астраханского края. Волгоград, 1973.
- Васькин, 1976** – Васькин Н.М. Помещичье землевладение в Астраханском крае во второй половине XVIII в. // Проблемы истории СССР. М., 1976. С. 180-195.
- ГААО** – Государственный архив Астраханской области.
- Дремков, 1897** – Дремков В. Джамбай (статистико-географический очерк Никольской волости, Красноярского уезда, Астраханской губернии) // Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1895 год. Астрахань, 1897. С. 81-102.
- Зыков, 1924** – Зыков Ф.П. Астраханские морские ловцы в прошлом и современном их положении // Астрахань и Астраханский край. Астрахань, 1924. С. 119-150.
- История Астраханского..., 2000** – История Астраханского края. Астрахань, 2000.
- Любомиров, 1926** – Любомиров П.Г. О заселении Астраханской губернии в XVIII веке. Астрахань, 1926.
- Меркулов, 2016** – Меркулов Б.Г. Село Началово, Черепаха тож. Астрахань, 2016.
- Орлов, 1902** – Орлов И. К историко-статистическому описанию церкви Астраханского уезда // Астраханские епархиальные ведомости. 1902. № 15. С. 617-621.
- Пальмов, 1932** – Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Астрахань, 1932. Ч. V. Дела земельные.
- Покасов, 1892** – Покасов М. Поселок Ступино (Черноярского уезда, Астраханской губернии) и устройство в нем церкви-школы // Астраханские епархиальные ведомости. 1892. № 2. С. 33-45.
- ПСЗ РИ – XIX** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XIX. СПб., 1830. № 13876. С. 580-581.
- ПСЗ РИ – XXI** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXI. СПб., 1830. № 15619. С. 784.
- ПСЗ РИ – XXVII** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXVII. СПб., 1830. № 20388. С. 232-234; № 20933. С. 882-890; № 20979. С. 925-926.
- ПСЗ РИ – XXXV** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXXV. СПб., 1830. № 27331. С. 186-189.
- Саввинский, 1914** – Саввинский В. Астраханский уезд. Село Федоровское (Харбай тож) // Астраханские епархиальные ведомости. 1914. № 19. С. 451-459.
- Списки населенных ..., 1861** – Списки населенных мест Российской империи. Т. II. Астраханская губерния. СПб., 1861.
- Тройницкий, 1861** – Тройницкий А.Г. Крепостное население России, по 10-й народной переписи. СПб., 1861.

References

- Dremkov, 1897** – Dremkov, V. (1897). Dzhabai (statistiko-geograficheskii ocherk Nikol'skoi volosti, Krasnoyarskogo uezda, Astrakhanskoi gubernii) [Jambay (statistical and geographical sketch of Nikol'skaya Volost, Krasnoyarsk Uyezd, Astrakhan Province)]. Otchet Petrovskogo obshchestva issledovatelei Astrakhanskogo kraia za 1895 god. Astrakhan'. Pp. 81-102. [in Russian]
- GAAO** – Gosudarstvennyi arkhiv Astrakhanskoi oblasti [The State archive of the Astrakhan region].
- Istoriya Astrakhanskogo..., 2000** – Istoriya Astrakhanskogo kraia [History of the Astrakhan Region]. Astrakhan'. [in Russian]
- Lyubomirov, 1926** – Lyubomirov, P.G. (1926). O zaselenii Astrakhanskoi gubernii v XVIII veke [About the settlement of the Astrakhan province in the XVIII century]. Astrakhan. [in Russian]
- Merkulov, 2016** – Merkulov, B.G. (2016). Selo Nachalovo, Cherepakha tozh [Nachalovo village, Tortoise also]. Astrakhan. [in Russian]
- Orlov, 1902** – Orlov, I. (1902). K istoriko-statisticheskomu opisaniyu tserkvei Astrakhanskogo uezda [To the historical and statistical description of the churches of the Astrakhan district]. *Astrakhanskie eparkhial'nye vedomosti*. 15: 617-621. [in Russian]
- Pal'mov, 1932** – Pal'mov, N.N. (1932). Ehtyudy po istorii privolzhskikh kalmykov [Etudes on the history of the Volga Kalmyks]. Astrakhan'. Ch. V. Dela zemel'nye. [in Russian]
- Pokasov, 1892** – Pokasov, M. (1892). Poselok Stupino (Chernoyarskogo uezda, Astrakhanskoi gubernii) i ustroistvo v nem tserkvi-shkoly [The village of Stupino (Chernoyarsky uyezd, Astrakhan province) and the establishment of a church-school in it]. *Astrakhanskie eparkhial'nye vedomosti*. 2: 33-45. [in Russian]
- Polnoe sobranie..., 1830** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sbr. 1. T. XIX., SPb. Pp. 580-581. [in Russian]
- Polnoe sobranie..., 1830** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sbr. 1. T. XXI., SPb. P. 784. [in Russian]

- [Polnoe sobranie..., 1830](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XXVII., SPb. Pp. 232-234; 882-890; 925-926. [in Russian]
- [Polnoe sobranie..., 1830](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XXXV., SPb. Pp. 186–189. [in Russian]
- [Savvinskii, 1914](#) – *Savvinskii, V.* (1914). Astrakhanskii uезд. Selo Fedorovskoe (Kharbai tozh) [Astrakhan county. Fedorovskoye village (Harbai tozh)]. *Astrakhanskie eparkhial'nye vedomosti*. 19: 451-459. [in Russian]
- [Spiski naseleennykh ..., 1861](#) – Spiski naseleennykh mest Rossiiskoi imperii (1861) [Lists of localities in the Russian Empire]. Т II. Astrakhanskaya guberniya. SPb. [in Russian]
- [Troinitskii, 1861](#) – *Troinitskii, A.G.* (1861). Krepостное население Rossii, по 10-и народnoi perepisi [The serf population of Russia, according to the 10th National Census]. SPb. [in Russian]
- [Vas'kin, 1973](#) – *Vas'kin, N.M.* (1973). Zaselenie Astrakhanskogo kraja [Settlement of the Astrakhan Region]. Volgograd. [in Russian]
- [Vas'kin, 1976](#) – *Vas'kin, N.M.* (1976). Pomeschich'e zemlevladienie v Astrakhanskom krae vo vtoroi polovine XVIII v. [Landowners ' land ownership in the Astrakhan region in the second half of the XVIII century]. Problemy istorii SSSR. M. Pp. 180-195. [in Russian]
- [Zykov, 1924](#) – *Zykov F.P.* (1924). Astrakhanskie morskije lovtsy v proshlom i sovremennom ikh polozenii [Astrakhan sea fishers in the past and their current situation]. Astrakhan' i Astrakhanskii krai. Astrakhan'. Pp. 119-150. [In Russian]

Переселения крестьян на помещичьи земли в Северо-Западном Прикаспии (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.)

Сергей Степанович Белоусов ^{a, *}

^a Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследована деятельность помещиков, направленная на создание поселений в Северо-Западном Прикаспии в 1765–1861 гг. Автором проанализированы цели, содержание и результаты переселенческой политики помещиков, показана в ней роль государства, рассмотрены история создания помещичьих поселений, география мест выхода переселенцев, влияние природного фактора на процесс переселений и на складывание экономического профиля новых поселений.

Исследование показало, что переселенческая деятельность помещиков была инициирована государственной властью, которая стремилась использовать их людские и материальные ресурсы для решения задачи заселения малолюдного региона.

Результаты помещичьих переселений, однако, не оправдали надежд властей. Помещиками было основано небольшое количество населенных пунктов с малочисленным населением. Помещики главные свои усилия направляли не на создание поселенческой инфраструктуры и очагов земледелия и скотоводства, а на развитие рыболовства, которое в природных условиях Северо-Западного Прикаспия оказалось более выгодным делом. Переселяемые из других губерний крепостные крестьяне в большинстве своем привлекались к рыболовству, пожалованные и купленные земли помещики не заселяли, а предпочитали сдавать в аренду частным лицам, не заинтересованным в создании постоянных стационарных поселений. В итоге в начале XIX в. власти отказались от политики привлечения помещиков к заселению Северо-Западного Прикаспия.

Помещичьи поселения располагались исключительно в прибрежных районах Каспийского моря и в бассейне р. Волги. Помещичьего землевладения и поселений не было на территории казахов и калмыков, чьи земельные права защищались российским законодательством.

Ключевые слова: переселенческая политика, Северо-Западный Прикаспий, крепостные крестьяне, помещичьи поселения.

* Корреспондирующий автор

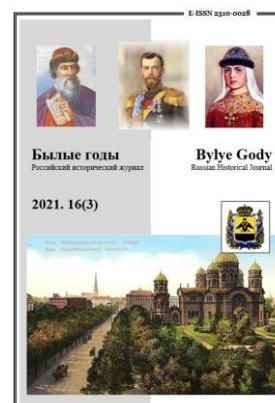
Адреса электронной почты: sbelousov@list.ru (С.С. Белоусов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1132-1140
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1132
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



Russian Customs System and Its Functioning in Western Transcaucasia (early 19th century – 1861)

Vladimir G. Ivantsov ^a, Violetta S. Molchanova ^{b, c, *}, Irina I. Potapova ^d, Yurii N. Makarov ^a

^a Sochi State University, Sochi, Russian Federation

^b Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^d Astrakhan State University of Architecture and Civil Engineering, Russian Federation

Abstract

The article deals with the process of creating state customs houses in the Western Transcaucasia, primarily in the Tiflis province, their formation and functioning in the context of customs policy development, taking into account the competition of foreign goods and the peculiarities of the region.

The main sources of the study were the documents and materials contained in the Acts of the Caucasian Archeographic Commission. These sources made it possible to identify and analyze both the national directions of customs policy and the peculiarities of its implementation in terms of the Western Transcaucasia.

In conclusion, the authors state that the experience of customs policy in the Western Transcaucasia in the first half of the XIX century and the results obtained cannot be recognized as unambiguously positive dynamics in terms of obtaining the expected income.

The difficulties in solving the tasks were caused by both objective and subjective factors: the remoteness of the territory; the lack of necessary and convenient roads; the social situation of the region; commodity competition of Western powers that actively promoted goods to the region; smuggling; difficulties in developing an effective customs policy; establishing an acceptable customs tariff for different directions of trade flows; discussions about the introduction, restriction, abolition of the principle of free trade, the requirement to correct customs policy, etc. All this together led to delays and discrepancies in innovations and, as a result, significant fluctuations in the receipt of customs revenues during the study time.

In general, the customs policy has borne fruit and has enriched the Tiflis authorities with methods of effective response to the circumstances and peculiarities that have taken place. The recommendations of E.F. Kankrin, based on the strategy of the Minister of Finance in the field of financial and economic policy of Russia, were of great importance for the Transcaucasia.

Keywords: custom house, tariffs and fees, protectionism, freedom of trade, duty-free bargaining, smuggling, competition, transit trade.

1. Введение

В историографии региона тема создания и функционирования таможенной системы не имеет специальных исследований. Вместе с тем в ряде работ нашли отражение сведения о торговле и соответствующей таможенной политике на территории Западного Закавказья в исследуемое время. В их числе «История России». Т. 1 (История России, 1964), «История Грузии» (История Грузии, 1962–1973), труд А.А. Корнилова по истории России XIX века (Корнилов, 1993), «История народов Северного Кавказа» (История народов..., 1988) и др. Ценные сведения содержатся в статье З.Д. Терешевой (Терешева, 2013: 73-77), где анализируются обстоятельства, определившие уровень

* Corresponding author

E-mail addresses: v.molchanova_1991@list.ru (V.S. Molchanova)

развития внешней торговли у горских адыгов в конце XVIII – первой половине XIX в. Как следствие, это определило выработку кавказскими властями политики беспошлинной торговли горцев.

2. Материалы и методы

Основными источниками исследования явились документы и материалы, содержащиеся в Актах Кавказской археографической комиссии. Эти источники позволили выявить и проанализировать как общегосударственные направления таможенной политики, так и особенности ее реализации в условиях Западного Закавказья.

Методической основой исследования явились принцип историзма, а также хронологический, системный и сравнительный методы научного познания. Исследуемые проблемы рассмотрены в контексте исторических событий, оказавших влияние на проводимую таможенную политику.

Территория и границы исследования.

Западное Закавказье в исследуемое время претерпело определенные административно-территориальные изменения. В 1801 г. Восточная Грузия вошла в состав Российской империи с образованием Грузинской губернии. В 1803–1804 гг. в состав России была включена Западная Грузия. В 1812 г. в состав Грузинской губернии была вошла территория Закавказья, отошедшая к России по Бухарестскому миру. В 1840 г. была образована Грузино-Имеретинская губерния, включившая территории упраздненной Грузинской губернии, Армянской и Имеретинской областей. В 1846 г. Грузино-Имеретинская губерния была разделена на Тифлисскую и Кутаисскую губернии (*История России..., 1994: 642, 644*).

Нижняя граница исследования определяется началом XIX в. Тифлисская таможня и ее показатели в АКАК фигурируют с 1803 г., то есть в условиях включения Восточной Грузии в состав России. Вместе с тем в официальных материалах таможня как государственная структура обозначается в 1807 г. Эта дата определяется как время основания Тифлисской таможни.

Верхняя граница – 1861 г. – обозначается как завершение публикаций в XII томе АКАК.

3. Обсуждение и результаты

Таможенная политика России получила государственное обоснование и началась в эпоху Петра I. В 1711–1713 гг. правительство рассматривало проекты, в которых доказывалось, что монополизация торговли и промышленности, сосредоточенная в казне, вредна. Полагали, что единственный способ увеличения казенных доходов от торговли состоит в свободе торгово-промышленной деятельности. С учетом трудностей в активной торговле с Западом в это время предлагалось расширить торговлю с Востоком (*Петр I, 2001: 498*).

В 1724 г. впервые был введен таможенный тариф, определивший размер пошлины, взимаемой с экспортных и импортных товаров. Тариф носил покровительственный характер и был направлен на защиту молодой отечественной промышленности от иностранной конкуренции путем высоких ввозных и низких вывозных пошлин (*История России: 435*).

Реализация этих первых проектов как непреложных актов государственной политики получила дальнейшее активное обсуждение, а также реальное воплощение в XIX в.

Таможня в Тифлисе существовала при грузинских царях до вхождения Грузии в состав России. Пошлинные сборы в таможне осуществлялись по так называемому грузинскому тарифу, который не был официально зафиксирован и произвольно определялся сборщиком таможенных пошлин. Такой тариф не удовлетворял местные власти, которые считали его не соответствующим реальному положению (*АКАК. Т. VI. Ч. 1. 226*).

Вместе с тем в Душете существовала таможенная пошлина со всех поступающих экспортных и импортных товаров. Сбор взимался по 20 коп. серебром с товара, оцениваемого в 10 руб. Эта сумма здесь сохранялась до 1825 г. при ежегодной плате в казну 510 руб. Существовавший в Тифлисе таможенный тариф был отменен только в октябре 1821 года высочайшим указом и определен при торговле с Персией в 5 % с объявленной цены товара (*АКАК. Т. VI. Ч. 1. 239*).

Что касается торговли с Турцией, осуществлявшейся через Редут-кале, то здесь существовал сбор по азиатскому тарифу, равному 1 % с цены товара. Этот тариф сохранялся до 1824 г. За единообразие таможенных тарифов в Западном Закавказье высказался командующий войсками отдельного Кавказского корпуса генерал А.П. Ермолов. По его мнению, правильнее было бы установить одинаковую пошлину для торговли с Персией и Турцией, равную 5 % (*АКАК. Т. VI. Ч. 1. 226*).

Связи России с Закавказьем в этот период затруднялись удаленностью территорий, отсутствием удобных дорог и трудностью движения по ним в зимнее время, сложностью политической обстановки в регионе. Местное купечество было малочисленным и слабым в финансовом отношении. Особый характер носили торговые связи с Турцией, выгодные главным образом состоятельным лицам, приобретающим предметы роскоши (*История народов..., 1988: 76, 78*).

Важной отраслью грузинских доходов являлись внутренние таможенные пошлины на основе 15 (по другим сведениям – 14) данных на откуп частным лицам статей.

Главноуправляющий Грузией князь Цицианов сообщал, что в 1802 г. грузинская казна получала по статьям внутренних таможен налогов в сумме более 45 тысяч руб., наиболее доходными

являлись на внутреннем рынке соль, марена, железо, конопля, рыба, вино, мясо, табак (АКАК. Т. II. 240, 440).

Что касается внутренних таможен в России, сдерживавших развитие отечественного рынка, то еще в 1754 г. указом Елизаветы Петровны было объявлено об их ликвидации. Потери при этом значительных доходов казны были компенсированы увеличением таможенных пошлин на границах империи на товары внешнеторгового оборота (История России, 1964: 518).

В Грузии отказ от внутренних таможенных сборов первоначально планировался на 1 января 1804 г. Однако ввиду местных особенностей и позиции тифлисских деловых кругов затянулся. При этом предполагалось, что потери грузинской казны от упразднения внутренних таможен должны возмещаться растущими тарифами на таможенных заставах (АКАК. Т. II. 241-242).

Весной 1803 г. Цицианов, ссылаясь на предначертания Александра I, касающиеся расширения таможенных и карантинных застав, предложил открыть четыре новых таможи вместе с карантинными: 1) в Сураме на Имеретинской границе; 2) в разоренной крепости Цалке близ Ахалциха; 3) в селении Караклис близ Эривани; 4) в Шамшадильской провинции. Моздокскую таможню предлагалось перенести в Прочноокопскую крепость близ Армавира. На эти цели испрашивалось 50 тысяч рублей. Этот проект был одобрен в Петербурге (АКАК. Т. II. 239-241). Исполнение же проекта затянулось, подверглось изменениям и не может считаться удачным.

С правлением Александра I были устранены все запретительные меры предшествующего царствования Павла I, касающиеся сношений России с зарубежными странами. Это новое направление внешней политики благоприятным образом отразилось на развитии российских внешнеторговых связей (Корнилов, 1993: 73).

Рост российской торговли с Китаем, Средней Азией, Персией, Турцией сопровождался расширением торговых оборотов с Западом, в том числе с Англией. В частности, как сообщал Тифлис, основное направление персидской торговли идет через Бассору, которая находится в руках Англии. Изменить этот канал торговли не представлялось возможным (АКАК. Т. II. 241).

В марте 1804 г. Александр I повелел откупные статьи внутренних пошлин в Грузии как несовместимые с общегосударственными интересами отменить. Исполняя указание императора, Цицианов объявил об отказе от внутренних пошлин с 1 сентября 1804 г. Но уже в октябре, ссылаясь на внутренние «беспокойства» в Грузии, Цицианов заявил, что уничтожение внутренних пошлин откладывается до 1 января 1805 г. (АКАК. Т. II. 244-246).

По итогам 1805–1806 гг. директор Тифлисской таможни князь Туманов сообщал, что пошлин с привозных и отпускных товаров собрано на сумму 30 778 рублей серебром (АКАК. Т. III. 38).

Вместе с тем Тифлис тревожила серьезная проблема: таможенные сборы несли значительные потери ввиду распространения тайного привоза контрабандных товаров, не облагаемых пошлинами. Преодолеть эту напасть местные власти в данный период были не в состоянии (АКАК. Т. III. 39).

Новое направление политики грузинских властей относительно таможенных пошлин положил указ Александра I от 9 февраля 1807 года. Император потребовал приостановить действие указа от 26 октября 1803 года об учреждении в Грузии новых таможен, а также указа от 4 марта 1804 года об уничтожении откупных статей внутренних пошлин. Прежний грузинский тариф таможенных сборов сохранился (АКАК. Т. III. 41).

Действие высочайшего указа продлилось недолго.

В июне 1808 года Тифлис сообщал о получении нового указа об упразднении внутренних пошлин в Грузии. Граф И.В. Гудович, ссылаясь на настроения местного общества, предложил разделить выполнение указа: часть пошлинных сборов отменить тотчас, другую часть – в будущем (АКАК. Т. III. 48-49).

В результате вопрос о внутренних сборах остался нерешенным. В декабре 1809 года управляющий Закавказским краем генерал А.П. Тормасов сообщил, что отказ от пошлин с привозимой из Карса и Эривани соли не желателен. Мотивировал он свою позицию следующим аргументом: внутренние пошлины с этой соли дают в казну ежегодно до 5 тысяч рублей (АКАК. Т. IV. 89).

В 1810 году госсекретарь М.М. Сперанский, обратившись к финансовым проблемам в стране, предложил пересмотреть существовавшие таможенные тарифы. Он настоял на запрете ввозить в Россию предметы роскоши из-за границы, при этом тариф на предметы иностранной фабричной промышленности увеличить (Корнилов, 1993: 89).

Летом 1809 года директор Астраханской портовой таможни Н.С. Иванов инспектировал деятельность Тифлисской таможни. В своем рапорте о полученных итогах Иванов, в частности, констатировал, что тайный ввоз в Грузию различных товаров, минуя таможню, не пресечен. При этом приводил следующие аргументы: только шелковых материй ввозится из Персии не менее чем на 200 тыс. рублей, а всего в Грузию ввозится различных товаров на сумму около 800 тыс. рублей серебром. В результате казна теряет «знатный доход». Что касается необходимого количества таможен, то доселе они не учреждены. В результате купцы продают свои товары без всяких пошлин. Тифлисская таможня не в состоянии контролировать эти процессы. Уменьшению доходов способствует практика взимания неоправданно низкого тарифа. В итоге Иванов предлагал учредить шесть новых таможенных застав в регионе, а также отказаться, наконец, от внутренних пошлин, чей

совокупный доход сократился до 10 тыс. рублей. Вместе с тем он полагал полезным отдать, как это было прежде, таможенные сборы частным лицам (АКАК. Т. IV. 78-81).

Последующее время показало, что замечания и предложения Иванова не нашли должного внимания. Контрабанде товаров не сумели положить конец вплоть до 1830 года. Практика взимания внутренних пошлин продолжала сохраняться. Новые таможи учреждались еще долгое время при ссылаках на трудности строительства жилья для таможенных чиновников и пр.

Финансово-экономическое развитие российского государства выдвигало новые задачи. Под давлением помещиков и молодых предпринимателей, заинтересованных в расширении свободной торговли, корректировалась таможенная политика. Начался переход от умеренно покровительственного тарифа 1810 года к дальнейшему смягчению таможенной системы в 1816 году, а затем в 1819 году.

В 1816 году был принят новый тариф, который отменял существовавшие запреты на иностранные товары и понижал пошлины на импортное сырье, не вырабатываемое в России, а также на часть фабричных изделий. Итогом явился сложившийся неблагоприятный баланс – рост импорта заграничных товаров при сохранении неизменным экспорта отечественных. В 1819 году были понижены пошлины на часть отечественной фабричной продукции. Это болезненно сказалось на многих фабриках и привело к критике такого тарифа предпринимателями (Корнилов, 1993: 110-111).

Учитывая предшествующий опыт и его результаты, в 1822 году правительство выработало новый протекционный тариф в интересах отечественного производителя, включавший в себя запретительную таможенную систему, которая с незначительными изменениями просуществовала до 1850 года (История России, 1964: 620).

В финансовой политике России очень важная роль принадлежала министру финансов, графу Е.Ф. Канкрину, занимавшему этот пост с 1823 по 1844 гг. Государственная деятельность его была направлена на устранение финансового дефицита, в том числе в области таможенного законодательства и фискальных мер в тарифной политике, на развитие конкурентноспособного отечественного производства и др. (Larina, Emelyanov, 2014: 73-76).

По роду своей деятельности Канкрин уделял большое внимание практике функционирования таможен в Закавказье. АКАК содержит обширную переписку министра финансов с местными властями в Тифлисе, касающуюся проблем торговли и связанной с ней проводимой таможенной политики в регионе.

Проводя политику разумного протекционизма, Канкрин прежде всего акцентировал внимание на развитии отечественной национальной независимости. Егор Францевич считал, что развитие системы ничем не сдерживаемой свободной торговли угрожает России попаданием в зависимость от иностранных интересов (Larina, Emelyanov, 2014: 77-81).

В мае 1824 года Канкрин писал главноуправляющему в Грузии А.П. Ермолову об исполнении указа императора от 8 октября 1821 года. В частности, он отметил, что в таможенной части отменены всякие другие сборы, местные власти получили право проводить ревизии таможен в крае, учреждается транзит персидских товаров с 3-процентной пошлиной, азиатский тариф равен 25 % (АКАК. Т. VI. Ч. 1. 222, 224).

Отмечая сокращение таможенных сборов в Тифлисе в 1824 году в сравнении с 1823 годом, Канкрин видел причину этого в деятельности контрабандистов, которая, несмотря на принимаемые меры, продолжает достигать своих целей (АКАК. Т. VI. Ч. 1. 236-237).

С начала 1820-х гг. поступали жалобы на то, что Тифлисская таможня, помимо утвержденной пошлины в 5 %, практикует взимание еще 3 % за вывозимые через нее товары. В связи с этим Ермолов предписал, ссылаясь на указание министра финансов Канкринина, что товары, оплаченные в Грузии пошлиной в 5 %, при вывозе не могут подлежать иному платежу (АКАК. Т. VI. Ч. 1. 219-220).

Свою позицию относительно внутренней торговли Ермолов сформулировал следующим образом: «торговля есть единственное средство сближения с горскими народами, ...вследствие времени могущее доставить высочайшие выгоды, в пользу которых можно потерпеть некоторое отступление от принятых правил таможенных» (АКАК. Т. VI. Ч. 1. 203-204).

Продолжая получать информацию о падении таможенных сборов, Ермолов высказал подозрение в отношении бескорыстия таможенных чиновников, в связи с чем дал указание полиции о необходимости тайного надзора над ними. Но указание не осталось скрытым, в и итоге сумма налогов заметно возросла. Директор таможни подал прошение об отставке. А практика надзора и ревизий на таможнях стала постоянной (АКАК. Т. VI. Ч. 1. 221).

В августе 1824 года Ермолов направил Канкрину ряд соображений. Учитывая, что Военно-грузинская дорога является главным путем движения товаров, Ермолов предлагал учредить новые таможенные заставы в Дилижанском ущелье, Гумрах и на Цалке, через которые шли удобные дороги на Тифлис. Также просил издать постановление, по которому всем обитающим по обе стороны Кавказского хребта горцам дозволялся бы свободный и беспошлинный торг с соблюдением карантинных мер. Ввиду предполагаемого введения для товаров, направляемых в Редут-кале, общеевропейского тарифа, Ермолов выразил предостережение, что такая мера предоставит

иностранцам, учредившим торговые заведения в Грузии, права на явную монополию (АКАК. Т. VI. Ч.1. 231-235).

Предложение о свободной и беспошлинной торговле горцев Кавказа Канкрин одобрил без замечаний. Вместе с тем в своем пространном ответе Ермолову министр дал свои предложения. Для поддержки российских фабрик желательно обложить европейские товары, идущие морем в Редут-кале, пошлиной от 10 до 15 % применительно к их цене. Для отечественных товаров, направляемых в Персию и Турцию, ввести низкую пошлину в 1 % по азиатскому тарифу. Транзит через Грузию необходимо отложить до учреждения соответствующих торговых путей (АКАК. Т. VI. Ч. 1. 238, 242).

О масштабах торговли, которая определяла объемы таможенных сборов, свидетельствуют также следующие данные: в 1823 г. в Редут-кале пришли 27 купеческих судов, в том числе с европейскими товарами 5 судов. В 1824 г. численность судов с иностранными товарами выросла до 22, со стоимостью товаров 58 717 рублей. Вместе с тем в 1823–1825 гг. в Грузии разгрузились 106 «мелочных» турецких судов с товарами на сумму 14 285 рублей серебром (АКАК. Т. VI. Ч. 1. 244-245).

В 1826 г. власти Тифлиса информировали Петербург озабоченностью тем, что иностранцы, особенно французы, стремятся открыть и частью уже открыли для себя путь через Редут-кале для доставки своих товаров в Персию, вытесняя тем самым российские товары из оборота (АКАК. Т. VI. Ч. 1. 246).

Проанализировав ситуацию с торгово-таможенными оборотами, в мае 1827 г. Канкрин направил свое представление в Госсовет, в котором министр отмечал, что состояние российской мануфактурной промышленности не выдерживает конкуренции с европейскими державами и не позволяет реализовать свои изделия на внешнем европейском рынке. Для России необходимо увеличить сбыт отечественных товаров в страны Азии. Что касается торговли с Персией, то после китайской она является важнейшей. Канкрин предлагал, чтобы товары, конкурирующие с отечественными, облагались пошлиной выше 5 %. Вместе с тем он полагал необходимым установить перечень товаров, запрещенных к ввозу в Грузию. В их числе назывались сукно, шелк, кожа, железо, бумага и др. (АКАК. Т. VII. 120-125).

Прибывшая в Закавказье летом 1828 г. комиссия Министерства финансов констатировала функционирование таможен в Тифлисе, Имеретии, Кутаиси, Редут-кале. Через эти таможи в 1827 г. европейских товаров было ввезено на сумму 383 000 рублей серебром (10 %), персидских – 1 116 696 рублей (76 %), прочих – 14 % (АКАК. Т. VII. 125-126, 132).

После завершения войны с Турцией в 1829 г. одним из следствий явился переход крепости Анапы в подданство России. В этой связи Канкрин полагал учредить там таможенную заставу, через которую будет осуществляться беспошлинный провоз российских товаров и оплачиваемых пошлиной иностранных (АКАК. Т. VII. 132).

Согласно заключенному миру с Турцией, Османская империя принуждалась к запрету контрабанды на Кавказе, однако фактически власти Стамбула ее поощряли. Россия была вынуждена с 1830 г. начать крейсерство своих военных кораблей с целью предупреждения турецкой контрабанды. С 1832 г. иностранным судам разрешалось заходить только в Анапу и Редут-кале (История народов..., 1988: 132-133).

В начале 1831 г. Канкрин предложил установить новый порядок с 1 января 1832 г. на четыре года: ввести европейский тариф в Закавказье для европейских товаров с послаблениями в пользу тех товаров, конкуренция которых не вредит российской торговле, облагая их половинной и даже четвертной пошлиной; разрешить беспошлинный вывоз из Закавказья всех российских товаров; разрешить беспошлинный вывоз из Закавказья персидских и турецких товаров, уже обложенных пошлиной в таможах Закавказья; на границах Персии и Турции сохранить 5 % пошлину; учредить на персидской границе 10, а на турецкой 6 таможенных застав (АКАК. Т. VII. 148-150, 153).

Предложения Канкрин получили полное одобрение Департамента государственной экономии с дополнением перечня товаров, запрещенных к вывозу из Закавказья за границу, а именно: государственных банковских ассигнаций, билетов госказначейства, медной монеты, оружия, снарядов, пороха (АКАК. Т. VII. 150-151).

Таблица 1. Динамика пошлинных сборов в Закавказских областях с открытия Тифлиской таможни по 1832 г. (в рублях, серебром) (АКАК. Т. VIII. 134).

Год	Размер пошлинных сборов
1807 г.	25 368
1808 г.	19 557
1809 г.	17 801
1810 г.	16 310
1811 г.	9 756
1812 г.	11 179
1813 г.	16 715
1814 г.	15 446

1815 г.	11 431
1816 г.	11 699
1817 г.	22 551
1818 г.	22 070
1819 г.	19 821
1820 г.	25 535
1821 г.	24 929
1822 г.	37 956
1823 г.	85 019
1824 г.	50 022
1825 г.	67 996
1826 г.	53 286
1827 г.	114 535
1828 г.	122 112
1829 г.	76 153
1830 г.	30 308
1831 г.	36 895
1832 г.	98 038

Приведенная статистика о таможенных пошлинах свидетельствует о значительных колебаниях в их размерах с 1807 по 1832 г. В ряде случаев это объясняется различными обстоятельствами: эпидемиями, особенно в 1811–1812 гг. и 1829–1830 гг., а также (неоднозначно) войнами России с Персией и Турцией. Тифлис отмечал, что в условиях военных действий торговля и, соответственно, таможенные сборы не претерпели существенных спадов, более того, например, в 1826–1829 гг. сборы даже значительно возрастали.

С начала 1830-х гг. таможни функционировали в Тифлисе (как главная таможня региона), в Огурзете, Николаеве, Сухум-кале – таможенные заставы, в Редут-кале – таможня, в Кутаиси и Сураме – таможенные посты (АКАК. Т. VIII. 146).

Закавказская торговля, особенно с Персией, осуществлялась главным образом армянами, в сравнении с грузинами и другими местными жителями края. Изначально, с открытием порта в Редут-кале, армянские торговцы везли туда товары из Одессы, а затем из Европы, преимущественно из Лейпцига. Борьба с контрабандой после 1829 г. привела к ограничению незаконной транзитной торговли. В результате вывоз товаров армянами из Одессы резко упал. Армянские купцы сочли более выгодным торговать через Триест и Трапезунд, что привело к почти полному прекращению потока товаров из Одессы в Грузию (АКАК. Т. VIII. 146).

В феврале 1835 г. наместник Кавказа граф Воронцов представил в Петербург рапорт, где сетовал, что его предложение об открытии морского сообщения между Одессой, Стамбулом и Редут-кале не получило реализации и, как следствие, – сокращение доходов от торговли. По информации Воронцова в 1833 г. в торговле с Россией через Закавказье лидировала Турция, товары из которой оценивались почти в 9 млн рублей. Второе место занимала Англия с ценой грузов более чем в 1 млн рублей. В разы от этих показателей отставали Франция, Австрия, Россия и другие страны (АКАК. Т. VIII. 150, 152).

Вместе с тем Тифлис сообщал, что при наполнении персидского рынка европейскими товарами российские мануфактурные изделия были не в состоянии соперничать с ними ни в цене, ни в качестве. Более того, установленные таможенные пошлины не способствовали сокращению потока товаров иностранных негодяев (АКАК. Т. VIII. 154-155).

Надежды на исправление сложившегося положения стали связывать с возвратом полной свободной торговли, отменой ее ограничений, введенных в 1822 и 1827 гг. Аргументом в пользу возврата к свободной торговле являлись также многочисленные жалобы торгового сословия на упадок торговых оборотов и доходов.

Вместе с тем статистика говорит о другой тенденции: с 1807 по 1822 гг., то есть до введения транзитной торговли, в Тифлискую таможню поступило пошлин на сумму 274 000 рубля. С 1822 по 1832 гг. объем пошлин вырос до 740 000 рублей (АКАК. Т. VIII. 154-155).

Несмотря на принимаемые меры, добиться стабильной положительной динамики в Закавказской торговле и таможенных сборах не удавалось. С 1832 до 1833 гг. доход всех таможен в Закавказье сократился до 285 556 рублей серебром. Тифлиские власти докладывали Канкрину об упадке торговли и «ничтожности выгод казне». Положение объяснялось следующими причинами: не все таможни, предусмотренные по штату 1831 г., были учреждены; некоторые таможни вообще закрылись; европейские товары облагались таможенной пошлиной, превышающей 5 % с цены товара. Как следствие, через закавказские таможни вывоз российских товаров упал в 1832 г. с 2 773 112 руб. до 2 195 906 руб. в 1833 г., а в 1834 г. сократился до 1 649 906 руб. Власти делали вывод о том, что введенный тариф не достиг поставленной цели, а способствовал притоку иностранных товаров, особенно в Персию. В связи с этим предлагалось уравнивать европейский тариф

единообразной пошлиной, а именно установить единую пошлину на европейские и азиатские товары, поступающие в черноморские порты Закавказья, в сумме 10 коп. серебром с рубля товара с целью увеличения таможенных доходов (АКАК. Т. VIII. 156-158).

В начавшемся 1836 г. барон Розен сообщал в Петербург, что введение в Закавказье существовавшей до 1832 г. льготной торговли явилось необходимой мерой для повышения благосостояния края. Розен полагал продолжить запрет на ввоз в Персию иностранных товаров и восстановления прежней льготной системы (АКАК. Т. VIII. 165-166).

Проанализировав ситуацию в Закавказье и мнения тифлисских властей, в марте 1836 г. Канкрин представил свои соображения в Государственный совет. Суть их сводилась к следующему: министр заявлял, что изменения системы закавказской торговли в 1831 г. делались не только для умножения доходов казны, но и для пользы российской промышленности и сдерживания конкуренции иностранных государств в сбыте товаров. Однако при этом упустили из виду, что введение в Причерноморье европейской пошлины приведет к открытию иностранцами новых торговых путей через Эйзерум и Трапезунд. Что касается дальнейшего сокращения таможенных сборов, то по мнению Канкрин, это не принесет большой пользы отечественной торговле, а приведет к убыткам нашим фабрикам (АКАК. Т. VIII. 169-171).

Опираясь на полученные материалы Государственный совет в мае 1836 г. констатировал следующее: сбыт европейских товаров через Одессу и Редут-кале в Тифлис, получивший развитие с начала 1820-х гг. в связи с принятием российской стороной льготной в Закавказье торговой системы, подвиг Лейпцигскую ярмарку на поиск новых путей сбыта товаров в Персию. А «ничтожная» таможенная цена в 5 % с объявляемой цены товара, без сомнения, стала привлекательной для иностранцев. Согласно выводам Министерства финансов, прежняя система при ее незначительной пошлине просто невыгодна для России. Госсовет заключил, что система торговли и таможенных сборов должна подвергнуться изменениям по рекомендациям Министерства финансов (АКАК. Т. VIII. 175-178).

В 1837 г. общая экономическая слабость России при активной внешнеэкономической политике Великобритании привела к падению русского влияния в Стамбуле и, как следствие, возрастанию потока английских товаров в Турцию (История народов..., 1988: 135).

С началом 1840-х гг. торговля (и все ей сопутствующее в Закавказье) получила новое развитие. В 1842 г. из Персии и Турции прибыло различных товаров на сумму 3 738 721 руб., в 1843 г. – на 3 640 607 руб., в 1844 г. – на 3 424 530 руб. В 1843 г. российских и закавказских товаров вывезено на продажу на 695 329 руб., в 1844 г. – на 960 207 руб. Соответственно, росли доходы по таможенному округу. В 1841 г. они составили 196 956 руб., в 1842 г. – 245 481 руб., в 1843 г. – 291 068 руб., в 1844 г. – 288 087 руб. (АКАК. Т. IX. 687).

Начиная со второй четверти XIX в., возросла продажа лесоматериалов из Закавказья, богатого ценными породами деревьев. Несмотря на запрет в 1837 и 1841 гг. на вывоз из Гурии за границу дубового и орехового леса, вывоз продолжал расти. Через Николаевскую таможню в 1842 г. вывезли 179 крыжей, в 1843 г. – 1 436, в 1844 г. – 2 932, в 1845 г. – 3 800 (АКАК. Т. X. 217).

С целью пополнения казны в 1847 г. было дозволено вывозить ореховое дерево из Мингрелии и Абхазии как в Россию, так и за границу, при взыскании при этом от 2,5 до 5 коп. серебром с пуда. В 1849 г. отпускная цена на этот вид леса была повышена до 10 коп. серебром с пуда (АКАК. Т. X. 217-218).

Общее положение об устройстве карантинно-таможенной части на Кавказе и в Закавказье было определено в мае 1847 г., тем самым был предпринят опыт соединения этих служб, функционировавших до этого раздельно. Подводя итог нововведению в 1861 г., Кавказское наместничество одобрило итоги деятельности этой системы (АКАК. Т. XII. 153).

В годы Крымской войны, когда черноморские порты Редут-кале и Сухум-кале находились в руках неприятеля, российская торговля Черным морем прекратилась. Выход пытались найти в завозе в Тифлис европейских товаров через Баязет и Эривань из Трапезунда (АКАК. Т. XI. 835).

Война войной, но торговля при ее известных ограничениях не прерывалась. По данным Закавказского таможенного округа, в 1854 г. привезено было товаров на 3 473 365 руб. и вывезено на 3 464 455 руб. Это при том, что в условиях войны карантинно-таможенное управление в Редут-кале, Николаевская, Огурзетская, Хозяпинская, Орговская заставы были сняты и переведены с мест их расположения. В целом общая сумма привоза товаров в Закавказье в 1854 г. не на много сократилась в сравнении с 1853 г. Сказалось закрытие черноморских проливов, прекратившее транзитное движение товаров через Тифлис в Персию (АКАК. Т. XI. 836-838).

В январе 1857 г. наместник Кавказа князь А.И. Барятинский указывал, что все товары, привозимые из Закавказья, должны досматриваться с целью недопущения во внутренние губернии России европейских товаров, которые оплачиваются меньшей пошлиной, чем в России. Князь полагал при пересмотре действующих тарифов добиваться, чтобы общий во всей России тариф стал соразмерным с Закавказским (АКАК. Т. XII. 145).

Свою позицию в июне 1857 г. обнаружил Кавказский комитет: товары, предназначенные для перевода в Россию из Закавказья не подлежат вторичному осмотру при сохранности находящихся на них пломб. В порты Редут-кале и Николаевска дозволяется привозить товары, обложенные пошлиной в 5 % от их цены (АКАК. Т. XII. 151-152).

Наместничество в Тифлисе весной 1861 г. сообщало, что Закавказский таможенный округ с присоединением к нему Абхазской дистанции Сухумского округа стал простирается по берегу Каспийского моря, сухопутным границам с Персией и Турцией и берегу Черного моря на 2 200 верст. В Европе таможенные округа имели протяженность не более 400 верст. В Закавказском округе при его размерах и количестве таможенных учреждений контроль за их деятельностью реально не мог быть достигнут. В таможенном производстве превалировали многочисленные письменные справки и отчеты, а не скрупулезный досмотр товаров, требующий абсолютной честности таможенных чиновников. Наместничество полагало, что преодолеть проблему возможно только разделением карантинно-таможенного ведомства Закавказья на части согласно территориям губерний и областей с подчинением их местному начальству (АКАК. Т. XII. 153).

Практически раздел огромного Закавказского карантинно-таможенного округа был проведен следующим образом: были образованы три новых отдельных округа – Кутаисский, Эриванский, Бакинский. Тифлисская таможня была поставлена в особое положение: она не вошла ни в один из вновь образованных округов, а была переименована в Закавказскую и поставлена в прямое подчинение наместнику Кавказа, который осуществлял высшее управление всеми таможенными частями на Кавказе и в Закавказье (АКАК. Т. XII. 154-155, 157-158).

К ведомству Тифлисской Закавказской таможни, местное управление которой возложили на генерал-губернатора Кутаиси, были причислены Ларская застава на Военно-грузинской дороге, а также Сурамский, Горийский, Тифлиссский, Салаоглинский, Делигианский транзитные таможенные посты.

4. Заключение

Опыт проведения таможенной политики в Западном Закавказье в первой половине XIX в. и полученные результаты не могут быть признаны однозначно позитивной динамикой в плане получения ожидавшихся доходов.

Сложности в решении поставленных задач были обусловлены как объективными, так и субъективными факторами: отдаленностью территории; отсутствием необходимых и удобных дорог; социальным положением региона; товарной конкуренцией западных держав, активно продвигавших товары в регион; контрабандой; трудностями в выработке эффективной таможенной политики; установлением приемлемого таможенного тарифа для разных направлений торговых потоков; дискуссиями по поводу введения, ограничения, отмены принципа свободной торговли, требования коррекции таможенной политики и др.

Все это в совокупности обусловило задержки и расхождения в нововведениях и, как следствие, значительные колебания в получении таможенных доходов на протяжении исследуемого времени.

В целом таможенная политика принесла свои плоды и обогатила тифлиские власти приемами эффективного реагирования на имевшие место обстоятельства и особенности. Важное значение для Закавказья имели рекомендации Е.Ф. Канкрин, исходившие из стратегии министра финансов в сфере финансово-экономической политики России.

Литература

АКАК – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Т. II, III, IV, VI. Ч. 1, VII, VIII, X, Т. XI, Т. XII. Тифлис, 18.

История народов..., 1988 – История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988.

История России, 1964 – История России. Т. 1. М., 1964.

История России..., 1994 – История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия в 5 т. Т. 1. М., 1994.

Корнилов, 1993 – Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993.

Петр I, 2001 – Петр I / Энциклопедия знаменитых россиян. До 1917 года. М., 2001.

Терешева, 2013 – Терешева З.Д. Развитие внешней торговли у абдзехов, шапсугов и натухайцев в конце XVIII – пер. пол. XIX в. // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. 2013. № 3. С. 73-77.

История Грузии, 1962–1973 – История Грузии. Т. 1–3. Тбилиси, 1962–1973.

Larina, Emelyanov, 2014 – Larina O.G., Emelyanov A.S. State Activities and Personal Relationship between Nikolai I and Ye. F. Kankrin // *Bylye Gody*. 2014. № 31 (1): 73-76.

Larina, Shaidurov, 2014 – Larina O.G., Shaidurov V.S. Some Directions in State Activities of Ye.F. Kankrin // *Bylye Gody*. 2014. №31 (1): 77-81.

References

АКАК – Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei (АКАК) [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Т. II, III, IV, VI. Ch. 1, VII, VIII, X, Т. XI, Т. XII. Tiflis, 18. [in Russian]

Istoriya Gruzii, 1962-1973 – Istoriya Gruzii [History of Georgia]. Tt. 1-3. Tbilisi, 1962-1973. [in Russian]

- [Istoriya narodov..., 1988](#) – Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. – 1917 g.) [The history of the peoples of the North Caucasus (end of the 18th century – 1917)]. M., 1988. [in Russian]
- [Istoriya Rossii, 1964](#) – Istoriya Rossii [History of Russia]. T. 1. M., 1964. [in Russian]
- [Istoriya Rossii..., 1994](#) – Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do 1917 goda [History of Russia from ancient times to 1917]. Entsiklopediya v pyati tomakh. T.1. M., 1994. [in Russian]
- [Kornilov, 1993](#) – *Kornilov, A.A.* (1993). Kurs istorii Rossii KhIKh veka [Course of the history of Russia in the XIXth century]. M. [in Russian]
- [Larina, Emelyanov, 2014](#) – *Larina, O.G., Emelyanov, A.S.* (2014). State Activities and Personal Relationship between Nikolai I and Ye. F. Kankrin. *Bylye Gody*. 31(1): 73-76.
- [Larina, Shaidurov, 2014](#) – *Larina, O.G., Shaidurov, V.S.* (2014). Some Directions in State Activities of Ye. F. Kankrin. *Bylye Gody*. 31(1): 77-81.
- [Petr I, 2001](#) – Petr I. Entsiklopediya znamenitykh rossiyan. Do 1917 goda. [Encyclopedia of Famous Russians. Until 1917]. M., 2001. [in Russian]
- [Teresheva, 2013](#) – *Teresheva, Z.D.* (2013). Razvitiye vneshnei torgovli u abadzekhov, shapsugov i natukhaitsev v kontse XVIII – per. pol. XIX v. [The development of foreign trade among the Abadzekhs, Shapsugs and Natukhai at the end of the 18th – first half of the 19th centuries]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo gosuniversiteta*. 3: 73-77. [in Russian]

Русская таможенная система и ее функционирование в Западном Закавказье (начало XIX в. – 1861 г.)

Владимир Гаврилович Иванцов ^a, Виолетта Сергеевна Молчанова ^{b, c, *}, Ирина Ивановна Потапова ^d, Юрий Николаевич Макаров ^a

^a Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

^b Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^d Астраханский государственный архитектурно-строительный университет, Астрахань, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрен процесс создания государственных таможен в Западном Закавказье, в первую очередь в Тифлисской губернии, их формирование и функционирование в условиях выработки таможенной политики с учетом конкуренции иностранных товаров и особенностей региона.

Основными источниками исследования явились документы и материалы, содержащиеся в Актах Кавказской археографической комиссии. Эти источники позволили выявить и проанализировать как общегосударственные направления таможенной политики, так и особенности ее реализации в условиях Западного Закавказья.

В заключении авторы отмечают, что опыт проведения таможенной политики в Западном Закавказье в первой половине XIX в. и полученные результаты не могут быть признаны однозначно позитивной динамикой в плане получения ожидавшихся доходов.

Сложности в решении поставленных задач были обусловлены как объективными, так и субъективными факторами: отдаленностью территории; отсутствием необходимых и удобных дорог; социальным положением региона; товарной конкуренцией западных держав, активно продвигавших товары в регион; контрабандой; трудностями в выработке эффективной таможенной политики; установлением приемлемого таможенного тарифа для разных направлений торговых потоков; дискуссиями по поводу введения, ограничения, отмены принципа свободной торговли, требования коррекции таможенной политики и др. Все это в совокупности обусловило задержки и расхождения в нововведениях и, как следствие, значительные колебания в получении таможенных доходов на протяжении исследуемого времени.

В целом таможенная политика принесла свои плоды и обогатила тифлиссские власти приемами эффективного реагирования на имевшие место обстоятельства и особенности. Важное значение для Закавказья имели рекомендации Е.Ф. Канкрин, исходившие из стратегии министра финансов в сфере финансово-экономической политики России.

Ключевые слова: таможня, тарифы и сборы, протекционизм, свобода торговли, беспошлинный торг, контрабанда, конкуренция, транзитная торговля.

* Корреспондирующий автор

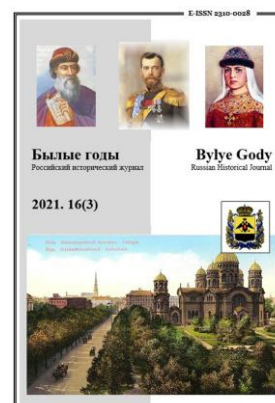
Адреса электронной почты: v.molchanova_1991@list.ru (В.С. Молчанова)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1141-1152
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1141
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



Modeling the Semiotic Space of the “Unknown Soldier” Concept in the Russian Empire

Evgenij V. Il'in ^a, Victoria Berednikova ^a, Tatiana E. Sokhor ^{a, *}

^aSaint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract

The article examines the history of the creation of the "unknown soldier" concept from a retrospective point of view, identifies the main stages of its modeling and organization of semiotic space. The formation of the concept in the public mind took place over several centuries, starting with the era of Peter I, when European culture was introduced into the patriarchal Russian state. In historical researches devoted to major Russian military events, the concept of the “unknown soldier” was poorly marked by the transition from a memorial temple as gratitude to God for the granted victory, to a monumental sculpture that unites the religious and secular fixation of historical memory. Many different works have been written about the problem of perpetuating and preserving the memory of the defenders of the Motherland in the late XX – early XXI centuries, however, the domestic scientific community did not address the history of the emergence and development of the concept of “unknown soldier”. The lack of a clear framework in the definition of the concept under study actualizes this topic, contributing to its comprehensive study.

The innumerable victims of the Great Patriotic War caused cultural self-reflection in Russian (Soviet) society in relation to nameless heroes, which led to the need to create the concept of “unknown soldier”, to form a semiotic space around it and to introduce the concept into state ideology.

Keywords: Unknown soldier, World War I, War of 1812, Great Northern War, monuments, epitaphs, memorialization, commemoration, Crimean campaign, historical memory.

1. Введение

Сегодня часто вспоминают о погибших воинах, защищавших свою Родину в годы Великой Отечественной войны (1941–1945), реже – в войны, происходившие до революции, на которых с не меньшей доблестью наши соотечественники защищали свою землю и погибали за нее. Однако понятие «неизвестный солдат» – это не только безымянные захоронения и отражения в культурном пространстве современной России. Упомянутый концепт имеет свою долгую историю развития, опирающуюся на национальные традиции и особенности. Исследование рассматривает проблематику понятия «неизвестный солдат» с ретроспективной точки зрения, с высоты сегодняшнего понимания развития истории, выявляет основные этапы его моделирования и создания семиотического пространства.

Существовавшая в допетровской России поминальная практика в корне отличалась от европейской и не являлась политической составляющей государственности вплоть до начала имперской эпохи. Мемориализация осуществлялась только в пределах церковного института: военному событию посвящались храмы (или их приделы), обретались или писались иконы, служились панихиды.

В петровское время, ориентированное на европейские формы культуры, стали отмечаться триумфы победных батальи, однако и тогда безвестных воинов отдельно не выделяли и в памятных знаках не фиксировали (Зелов, 2002; Тюхменева, 2005). Так, например, хорошо известен сюжет с

* Corresponding author

E-mail addresses: civi@mail.ru (E.V. Il'in), berednikova3@bk.ru (V. Berednikova), sohor@mail.ru (T.E. Sokhor)

организацией похорон погибших воинов после Полтавской битвы в 1709 г. По распоряжению Петра I были приготовлены «могилы павшим воинам, положившим свою жизнь за честь и славу родины». В присутствии царя был совершен чин отпевания, погребены тела усопших героев и насыпан холм, на который «Петр I собственноручно водрузил деревянный крест со следующей надписью: “Воины благочестивые, за благочестие кровию венчавшиеся, лета от воплощения Бога Слова 1709 июня 27 дня”». Погибшие шведские воины, коих было 9 234 человека, по распоряжения Петра также были похоронены и обряд погребения над ними произвели шведские священники (Бодянский, 1850: 41-42; Сокол, 2006: 178-180). Имен русских воинов не сохранилось, только количество погребенных – 1 345 человек. Петр I планировал возвести на месте братской могилы мемориальный памятник – каменную пирамиду (Кротов, 2014: 497) – и рядом построить мужской монастырь. Дело установки постоянного памятника тормозилось, и только к 200-летию Полтавской битвы захоронение погибших воинов обрело вид мемориала (Бучневич, 1902: 208-209). Правда, по мнению авторов, самым лучшим памятником русским воинам было создание Петром I постоянной госпитальной службы в Москве и позднее в Санкт-Петербурге (Семека, 1952: 18; Ларин, 1911: 4).

После Отечественной войны 1812 г. в Российской империи вслед за европейскими столицами стали появляться мемориалы, пока еще не объединявшие памятник и братское захоронение в единое целое, а отмечавшие только триумф победы.

Повышенный интерес современного общества к теме патриотизма стал причиной обращения к данной тематике. О проблеме увековечения и сохранения памяти защитников Отечества в конце XX – начале XXI веков написано немало различных работ, однако к истории появления и развития концепта «неизвестный солдат» отечественное научное сообщество не обращалось. Современные толковые словари при попытке обнаружения определения данного понятия отсылают к другому концепту «могиле неизвестного солдата», называя его «памятным символом». В силу метафоричности искомого понятия его удалось обнаружить только в «Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений», в котором трактуется словосочетание «неизвестный солдат» как «символ всех погибших воинов, имена которых так и остались неизвестными» (Серов, 2004). Всезнающая Википедия тут же повторила информацию словаря. Отсутствие четких рамок в определении понятия «неизвестный солдат» актуализирует данную тему, способствуя ее всестороннему изучению.

2. Материалы и методы

Исследование подготовлено на основе изучения различных исторических источников (дневников, мемуаров, исторических экскурсов и др. сочинений), опубликованных по итогам изучения прошедших военных событий и торжественных мероприятий, связанных с созданием семантического поля образа «неизвестного солдата», таких как открытие памятников, проведение торжественных мероприятий и разработка ритуальных протоколов их проведения и т.д.; сведений из научных публикаций отечественных и зарубежных специалистов по военной истории и истории культуры за разные временные периоды. Для исследования вопроса истории происхождения и развития понятия были использованы принципы историзма и научной объективности; при анализе текстов применялся нарративный и контекстуальный анализ.

Методами исторического исследования работы явились проблемно-хронологический и систематический, позволившие выстроить историческую канву развития концепта «неизвестный солдат» в России, давшие возможность охарактеризовать условия его реализации и применения в соответствии с национальными потребностями. Метод сравнительного анализа позволил выявить преемственность традиций среди европейских стран в создании исследуемого концепта, определить отличные акценты понятия в представлении разных государств. Историко-культурный подход, концептуальный и семиотический анализ использовался в русле культурологической проблематики межкультурных коммуникаций русской и западноевропейской культур.

3. Обсуждение

Необходимо отметить, что предложенная тема исследования в историко-культурологическом аспекте историографии на русском материале фактически не рассматривалась. Сведения о концепте «неизвестный (неопознанный) солдат» начинают обнаруживаться в публицистической, художественной и мемуарной литературе, а также изобразительном искусстве конца XIX – начала XX вв. Связано это было с началом Первой мировой войны, которая оказалась очень жестока, нетипична и масштабна. Вовлечение в мировую войну большого количества ее участников вызвало в процентном содержании и увеличение числа погибших (в том числе и неопознанных), а ее территориальная распространенность, длительность и непредсказуемость развития боевых действий не позволяла вовремя производить необходимые санитарно-гигиенические процедуры. Все вышесказанное повлияло на закрепление и метафорическую трансформацию в России военно-юридического термина «неопознанные останки погибшего защитника Отечества» в общественно-признанный – «неизвестный солдат».

Этот термин, вероятно, впервые прозвучавший с французской трибуны во время захоронения «le Soldat inconnu» – «Неизвестного солдата» – 28 января 1921 г. под Триумфальной аркой в Париже на площади Звезды, стал основой надписи на надгробной плите. Созданный во Франции символ (знак) объединил нацию, символизируя приверженность граждан непоколебимым принципам свободы, равенства и братства. В течение месяца была разработана ритуальная составляющая дня поминовения, которая почти не изменилась за столетие и до сих пор не вызывает у населения нареканий. Именно потому основные существующие исследования относятся к французской историко-культурологической школе (Jagielsk, 2005; Naour, 2008; Balenbois, 2015; Soudagne, 2008; Vilain, 1933; Dalisson, 2013; Soulard, 2020; Larguier, 1939 и др.).

Понятие «неизвестный солдат» в отечественном научном сообществе до середины XX столетия не рассматривалось, и научных исследований, подобных французским, не проводилось, хотя, бесспорно, предпосылки его появления были. Концепт формировался и существовал в пределах государственных законов о захоронениях и отражался в публицистике и искусстве. Моделирование понятия шло через сюжетную канву, как, например, в литературных произведениях, через описание произведений искусств, косвенно понятие отражалось в крупных исторических исследованиях о прошедших военных кампаниях.

Ретроспектива происходивших военно-исторических событий дает возможность проследить зарождение и развитие концепта «неизвестный солдат» и его семантического поля на отечественном материале.

4. Результаты

В допетровской России не стремились прославлять воинские подвиги вне церкви, и потому отечественная традиция установления мемориалов и памятных дней на государственном (светском) уровне катастрофически запаздывала по сравнению с европейской. Подобная тенденция продолжилась и в XX в. Так, например, «День неизвестного солдата», который должен был «увековечить память, воинскую доблесть и бессмертный подвиг погибших в боевых действиях воинов, чье имя осталось неизвестным» (День..., 2020; Ильин, 2021) был учрежден в СССР лишь в середине XX столетия. По поводу его учреждения (03.12.1966) и торжественной траурной церемонии, посвященной открытию мемориала в Москве у Кремлевской стены, Константин Симонов написал: «Неизвестный солдат – это символ всех безымянных героев, погибших в атаках на безымянные высоты или до последнего патрона дравшихся в тех безвестных окопах, от которых время давно уже не оставило следа» (Симонов, 1966). Симонов создал этой фразой исторические скрепы концепта: 1) безымянный, 2) погибший в бою, 3) потерянный в истории. Через полгода, благодаря фразе С. Михалкова «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен», на мемориале «Неизвестному солдату», открытому у Кремлевской стены, появится еще один пункт понятия: 4) бессмертие подвига. В этом уточнении горечь, трагизм и дилемма отечественного концепта «неизвестный солдат». И потому антитезой Симонову звучат строки генерала П.Н. Краснова: «Пустынное голое шоссе, <...> стоит низкий, почти равноплечный крест, сделанный из двух тонких дубовых жердей. На их скрещении кора снята и плоско застругана. Там химическим карандашом написано... Дожди и снега смыли почти все написанное <...>. Я проезжал мимо этой могилы в мае 1915 года. Крест покосился, и уже мало походил на крест... Надпись выпцвела и стерлась. Для всех это была могила неизвестного солдата, мне же она была известна и издали приветствовала меня дорогими словами: “За Веру, Царя и Отечество”» (Краснов, 1924). Эта небольшая книжка воспоминаний написана Красновым под впечатлением от мероприятий, связанных с открытием «бескrestной могилы-клумбы неизвестного солдата» в Париже в начале 1921 г. (Lauzanne, 1921: 1), а затем создания здесь же «Пламени памяти» (1923) (Le cinquième, 1923: 1-2). Парижский мемориал и вариант «вечного огня» стали первыми примерами увековечения памяти безвестно погибших в годы Первой мировой войны, торжественным знаком, отмечающим патриотизм на государственном уровне. Начинание было продолжено в последующие годы во многих странах мира, получая в каждой из них свою национальную окраску. Несмотря на то, что неизвестный британский воин был похоронен в Вестминстерском аббатстве (Hanson, 2005) в тот же день, что и французский неизвестный солдат, а в США могила неизвестного солдата появилась на Арлингтонском национальном кладбище в Виржинии через год (Wagner, Matyók, 2018), их объединяет то, что все эти воины погибли в годы Первой мировой войны и были погребены на территории Франции. И Французская республика, как никакая другая страна, с глубочайшим трепетом чтит своего «le Soldat inconnu» – фронтовика Первой мировой войны.

В СССР-России в силу смены государственного строя в начале XX столетия противоречие свой-чужой в концепте «неизвестный солдат» и совершенного им подвига, пока еще не уравнила даже смерть, что, несомненно, не позволило присоединиться к международному культурному проекту и до сих пор тормозит четкую разработку понятия.

Войны происходили и ранее XX столетия, и солдаты, по разным причинам ставшие безымянными после боев или окончания конфликта, были всегда. Разумеется, старались хоронить всех погибших, но вопрос увековечения их в коллективной исторической памяти в XVIII или первой половине XIX века не стоял. Большое количество погибших в боях или умерших от ран, согласно

древнейшей традиции, погребались в одной могиле (яме) (Кропотов, 2015: 50-53; Седых, 1997: 28-32), приводя современников в благоговейную скорбь. В 1869 г. молодой офицер Н.В. Лукницкий, посетив братское кладбище (Поляков, Шавшин, 2013) в Севастополе, писал отцу: «Русское кладбище занимает по другую сторону города огромное пространство, оно еще не кончено, но вид ужасный: вообрази, есть могилы, например, как Волынского полка, где в одной яме, под общим громадным камнем похоронено 500 и 1 000 трупов. Лучший памятник, который положительно составляет диво, это Горчакову (командующий войсками в Крыму в 1855–1856 гг. М.Д. Горчаков. – Авт.), затем громадный мраморный обелиск, под которым, судя по множеству фамилий, находятся чуть ли не все офицеры Волынского пехотного полка и проч. Хотя грустно вспоминать об этом...» (Верникеев, 1986: 96-99; Сохор, Санжаровец, 2021). Характеризует Лукницкий и французскую часть Братского кладбища, называя ее «обширным садом, обнесенным каменным забором», замечая при этом, что «имена офицеров выписаны снаружи на мраморных досках, а кости солдат – в общей могиле» (Сохор, 2021).

Проблема сохранения исторической памяти и увековечения неизвестных солдат до конца XIX в. остро не стояла и решалась, как правило, либо при активном участии церковного института, либо частным образом. В качестве примера можно привести церковь Иоанна Предтечи (Чесменская) в Санкт-Петербурге, построенную в 1777 г. по распоряжению Екатерины II в ознаменование победы русского флота над турецким в Чесменской бухте Эгейского моря (1770). В день празднования Полтавской победы 27 июня 1836 г. рядом с храмом в бывшем Чесменском дворце была открыта военная богадельня «для старых и совершенно увечных воинов» – участников Отечественной войны 1812 г. и русско-турецкой войны 1828–1829 гг. (Баторевич, 1997: 65-80) и кладбище, где их и хоронили. О захоронении неопознанных (неизвестных) солдат в то время еще не было речи.

Другой пример частного увековечения обнаруживается на кенотафе кладбища Фарфорового завода в Санкт-Петербурге: «Дивов Петр Павлович, прапорщик л.-гв. Егерского полка, убит под Варною, и товарищи его, погибшие со славою 10 сентября 1828 г. В память сына. Да будет блаженна память ваша, священная для всех Россиян! Вы сражались с одним батальоном против 17 000 турок и пали на поле чести: генерал-майор Гаргон; полковники: флигель-адъютант барон Сагер, Буссе; капитан Кромин; штабс-капитаны Жилин I, Энгельгард; поручики: Ген I, Апрелев, Сукин; подпоручики: Скванчи, Нестеров, Лебедников; прапорщики: Васильев, Скульский. На гроб невинности, на гроб дитяти, дочери Елизаветы, скончавшейся 5 августа 1822 г., водружен сей памятник в 1829 году. Прах ваш покоится в иноплеменной стране, а души ваши с нами» (Сайтов, 1912: 47-48). И вновь о рядовых погибших солдатах, также оставшихся «в иноплеменной стране», нет ни слова: военнотруженики рядового состава «обобщались» в слове «солдат» или словосочетании «солдат русской армии».

Не менее показателен и пример постройки в 1820 г. М.М. Тучковой церкви Спаса Нерукотворного на месте предполагаемой гибели супруга (его останки не были обнаружены). Эта трагическая история, хорошо известная современникам, была изображена на полотне художника-передвижника Н.С. Матвеева и представлена на выставке исторических картин в 1898 г. (К рисункам, 1898: 664, 675). Храм, возведенный вдовой Тучковой, стал памятником ее супругу генералу А.А. Тучкову, а заодно и главным памятником павшим при Бородине. В 1838 г. храм был включен в состав Спасо-Бородинского женского монастыря, где вдова генерала стала первой игуменьей Марией (Смирнов, 2013: 169). Подобные примеры можно продолжать и далее.

Последствия бородинской битвы с санитарно-медицинской точки зрения были ужасающими. На Поле Славы было оставлено до 50 000 убитых и раненых, не сумевших самостоятельно выбраться и оставленных умирать не только от ран, но и от голода (Горолевич, Илюхин, 2018: 271-272; Французы..., 2012: 191-250). Французы погибших солдат неприятеля не хоронили. «16-го (28-го) мы <...> очутились на знаменитом поле сражения, все еще покрытом мертвыми телами и обломками разного рода, <...> почти все трупы принадлежат русским – наших, по мере возможности, мы всех предали земле. Но <...> наступившие вслед затем дожди размыли часть могил. Нельзя себе представить ничего печальнее, как зрелище этих покойников, уже почти утративших человеческий образ; после битвы прошло пятьдесят два дня», – зафиксировал в своих воспоминаниях вид Бородинского поля при отступлении сержант Бургонь (Пожар..., 1898: 68). В связи с огромным количеством трупов людей и лошадей местными властями обычно принималось решение о сожжении останков и захоронении в одной яме воинов обеих армий и их лошадей (Спасская, Янишевский, 2013: 1162-1178; Заглухинский и др., 1912: 106, 118, 186; Иванов, 2007: 129-142).

Необходимость в появлении мест общественной коммеморации в Российской империи назревала с ростом потерь в очередной войне. Особенно явным вопрос о необходимости увековечить подвиг народа встал после окончания Отечественной войны 1812 г. Этому способствовало и движение мемориализации в европейских странах. Так, Пруссия стала одной из первых стран, в которой на площадях и улицах стали устанавливаться памятники, прославляющие доблесть полководцев Семилетней войны, Фридриху II, Леопольду I и другим полководцам войны с Наполеоном. Самый крупный мемориал из серии памятников, планировавшихся к установке и посвященных окончанию «Освободительной» войны, должен был появиться за пределами Берлина, на холме Темпельхоф.

На торжественную закладку памятника, которая состоялась 19 сентября 1818 г., был приглашен российский император Александр I. 19-метровый монумент, выполненный из железа, был открыт 30 марта 1820 г., на местах сражений были установлены 7 «малых» памятников (Любин, 2014: 184-197). Идея «серии» памятников, выполненных в виде табернаклей (сооружение в виде шатра в католических храмах для хранения предметов религиозного поклонения), принадлежит выдающемуся немецкому архитектору К.Ф. Шинкелю и задумывалась, вероятно, как большой межкультурный проект. Однако Александр I эту идею не поддержал, считая вполне достаточным создание большого храма-памятника, посвященного Христу-Спасителю в Москве (Храм, 1992: 10-13). Как пишет профессор Л.В. Выскочков, если Александр I «демонстративно избегал проявления национальных чувств», а победу над Наполеоном «приписывал промыслу Божию», то Николай I имел совсем иную позицию (Выскочков, 2018: 561-565). В его правление произошло открытие более сотни памятников разнообразной тематики. Отечественной войне 1812 г. была посвящена целая программа, начинающаяся с установки Александровской колонны (памятника брату Александру (1834) (Черненко, 2020), продолжающаяся разработкой празднования 25-летнего юбилея войны с Наполеоном, строевыми смотрами, театральными постановками и прочими мероприятиями, прославляющими воинскую доблесть России (Уортман, 2002: 307, 415; Сокол, 2006: 205). Одним из интересных проектов можно назвать установку (1839) серии памятников на местах сражений 1812 г., подобных тем, которые несколько ранее были установлены в Пруссии. Всего планировалось установить 16 монументов трех классов, разделенных по величине, оформлению и важности. Конкурс на создание монументов, объявленный в Академии художеств, выиграл Антонио Адамини, ученик О. Монферрана, непосредственно руководивший установкой Александровского столба (Памятник, 2010: 9-10). Монумент 1-го класса среди серии запланированных памятников был воздвигнут 26 августа 1839 г. на Бородинском поле. «Этот восьмигранный памятник является краткой сводкой событий Отечественной войны, Бородинского сражения в частности. На одной из граней написано: “Благодарное Отечество положившим живот на поле чести”. Далее под чертой: “Русских убито: генералов – 3, воинов – 15 000; ранено: генералов – 12, воинов – 30 000”» (Бояринцев, 2013: 185-186).

Следующие шесть памятников 2-го класса возвели до 1849 г. – в Тарутино (1834), Смоленске (1841), Малоярославце (1844) и Красном. Вначале 1848 г. в связи с нехваткой в казне средств программа была свернута, но были установлены уже отлитые к тому времени монументы в Полоцке и Клястицах (Выскочков, 2018: 561-565). Таким образом, Николай I «продолжил» дело сохранения памяти о войне 1812 г., начатое до него в Пруссии в 1820 г. Следует отметить, что монументы не являлись памятниками погибшим и не устанавливались на братских могилах, на их гранях не высекались имена воинов.

Николай I проявлял большую мудрость в разработке «монументальной пропаганды», прославляющей победы русской армии и продвигающей идею народности и идентичности. Однако в 1840–1850-е гг., как замечает Н.А. Гаврилова, общественный интерес к войне 1812 г. начинает постепенно угасать. И только Крымская война 1853–1856 гг. вновь вызвала патриотический подъем к событиям почти полувековой давности, создав предпосылки для более досконального изучения событий начала XIX в. (Гаврилова, 2004). Кроме того, глубокое обдумывание темы войны вызвало поток новых, доселе мало используемых материалов – воспоминаний участников событий, что в дальнейшем дало возможность обратить внимание на отдельных людей, составляющих, по словам Л.Н. Толстого, «сильнейшего духом противника». Не раз еще в истории России вспомнят победы войны 1812 г., не раз подвергнут реставрации или полному возобновлению старые николаевские памятники (Чернобай, 2013: 58-64), но происходить все это будет в периоды военного или предвоенного времени, возрождая «сильнейший дух» русского воинства.

Каждая последующая война сопровождалась все большими потерями, новыми героями и «полями» воинской славы. В Крымскую войну (1853–1865) потери русской армии были велики – более 17 тыс. чел. убитыми и 3 164 человека считаются пропавшими без вести (Скориков, 1997: 247). Во время 349-дневной обороны Севастополя погибших защитников города хоронили на его северной стороне. «Времени не хватало устраивать для всех этих жертв пышных церемоний, не было также средств воздвигать над их общей могилой роскошных надгробных памятников. Их хоронили в простых, крашенных и некрашенных гробах, опускали в одну могилу. <...> Монах в эпитрахели да несколько товарищей, из которых большинство окалеченные – вот те, которые сопутствовали севастопольским героям к их последнему жилищу» (Севастопольский памятник, 1876: 231). Времени, действительно, не хватало – не позволял крымский климат, не позволяло и количество раненых и окалеченных, которых насчитывалось к концу 11-месячной обороны 73 446 человек. Кроме того, ближние бои «перемешивали» неприятелей. Первая оборона Севастополя 1854–1855 гг. хранит много тайн, однако и после войны захоронения (и перезахоронения) продолжались в течение нескольких лет. Свидетельством этому служит неожиданно необычная информация о захоронении погибших противоборствующими сторонами, обнаруженная в Приказах по войскам Одесского военного округа за 1865 г.: «О награждении 3-х [российских] офицеров крестами почетного легиона за перенесение останков французских генералов» (Приказ..., 1865). (За погибших солдат медалями, очевидно, не награждали).

Искалеченный город, выхваченные войной солдаты и офицеры..., все, кто остался навсегда с Севастополем – почти все они неизвестные солдаты, погребенные в одной могиле, достойные вечной памяти. Об ужасах и горечи войны «громче» всех сказал участник этих событий Л.Н. Толстой. «Все было мертво, дико, ужасно. <...> По изрытой свежими взрывами обсыпанной земле везде валялись исковерканные лафеты, придавившие человеческие русские и вражеские трупы, тяжелые, замолкнувшие навсегда чугунные пушки, страшную силою сброшенные в ямы и до половины засыпанные землей, бомбы, ядра, опять трупы, ямы, осколки бревен, блиндажей и опять молчаливые трупы в серых и синих шинелях» (Толстой, 1904: 130-131). Понадобилась почти четверть века, чтобы город возродился и стал единым семиотическим знаком еще не появившегося концепта «неизвестный солдат», но уже отвечающим всем его скрепам. «Севастополь до сих пор город гробов – мертвец, но он хорош и мертвый... – Сообщал корреспондент А. Р. в «Санктпетербургских ведомостях» в 1876 г. – Эти белые громады развалин, эти колонны без крыш, имеют величавую своеобразную красоту огромного кладбища богатей» (А.Р., 1876).

Попытки привлечь внимание обществу к проблеме войны демонстрировал художник В.В. Верещагин своей антимилитаристической туркестанской серией работ. Ежедневные смерти, ранения, горе и страдания ближних притупляют чувства людей, принуждая их поступать не по совести. В картине «Забытый» (1871, уничтожена художником) Верещагин показал не только будни войны, он впервые публично означил «оставленного на поле боя», захороненного воина (Лебедев, 1972: 102, 115), ненадолго приблизившись к рождающемуся концепту «неизвестного солдата», чтобы спустя три десятилетия самому стать «пропавшим без вести» (В.В. Верещагин погиб при подрыве на mine броненосца «Петропавловск» в 1904 г.).

По мере развития индустрии и технологий каждая новая война вызывала все больше и больше жертв, и количество пропавших без вести и неопознанных солдат, сестер милосердия (Махаев, 1914) и плененных (Краснов, 1924; Ушаков, 2017) неизменно возрастало. Придуманные средства опознавания в виде различных «смертных» жетонов были несовершенны и появились на рубеже XIX и XX вв. Первая мировая война и последующая революция не дали возможность включить в армейскую экипировку опознавательный жетон. И если у офицера могли быть обнаружены какие-то знаки отличия, указывающие на его место службы, то у нижних чинов ничего подобного не было. Очень ярко о похоронах безымянного воина написал в своем рассказе В.С. Павленко, участник Белого движения, служивший некоторое время псаломщиком на Балканах. Автор очень лаконично и емко отметил то, что отличает неизвестного солдата от других погибших военнослужащих: «Единственным удостоверением его личности были в боковом кармане его полуистрепанного английского френча два солдатских Георгиевских креста. Ему их положили в гроб» (Павленко, 2019: 207-217).

Первая мировая война заканчивает эпоху Российской империи, но вместе с ней уходит история «неизвестного солдата» Императорской армии как чуждое новому советскому государству. На долгие годы приостанавливается процесс разработки концепта, и даже открытие мемориалов во Франции, Великобритании и США в 1920–1921 гг. не подвинуло СССР к установке подобного памятника на своей территории.

5. Заключение

Концепт «неизвестный солдат» моделировался постепенно: это не являлось первоочередной государственной задачей в императорской России. Вопросы жизни и смерти, памяти и прославления по-прежнему принадлежали религиозным практикам. Современному представлению о концепте способствовало движение пацифистов, активно развивавшееся в Европе в XIX в. и ставшее известным в России благодаря Л.Н. Толстому (Пацифизм..., 1998). Отрицание войны и насилия побуждало к размышлениям о войне, к осознанию «отрицательного откровения через сгорание, разрушение, потрясение» (Булгаков, 1999: 376) и потом уже сохранению исторической памяти через произведения литературы, публицистики и различных видов искусства.

В России «смерть на миру», коллективная гибель за «Веру, Царя и Отечество», существовавшая со времен принятия христианства, не подразумевала выделение из общности отдельно взятой личности. И потому отдельный персонаж, даже пропавший без вести в бою, по-прежнему оставался в поминаемых списках, а захоронение безымянного воина могло быть забыто только потому, что имело местоположение, удаленное от мест проживания людей.

Резкие неожиданные повороты в истории России и необходимость осознания войн и их последствий в национальном контексте тормозили процесс формирования понятия «неизвестный солдат», стимулируя отставание от Европы в деле увековечения памяти погибших. Так, например, с одной стороны, огромное количество погибших «неизвестных» и «без вести пропавших» после Первой мировой войны (по разным причинам) долгое время оставались сокрытыми от общественности страны Советов, тем самым на ментальном уровне поддерживая религиозную поминальную традицию. С другой стороны, культурная саморефлексия в отношении к безымянным героям, вызванная неисчислимыми жертвами Великой Отечественной войны (1941–1945), привела наконец общество к необходимости создания концепта «неизвестный солдат», его окончательному формированию и введению в государственную идеологию.

Литература

- А. Р., 1876** – А.Р. Два дня в Севастополе // *Санктпетербургские ведомости*. 1876. № 22. С. 3.
- Баторевич, 1997** – *Баторевич И.И.* Чесменский дворец. СПб.: Белое и черное, 1997. 156 с.
- Бодянский, 1850** – *Бодянский П.И.* Достопримечательности Полтавы. Воспоминания о Полтавской битве, открытие памятника Петру Великому в 1849 году и Шведская могила в Полтаве. Полтава: Типография Губернского правления, 1850. 136 с.
- Бояринцев, 2013** – *Бояринцев В.И.* 1812. Полководцы Отечественной войны. М.: Книжный мир, 2013. 287 с.
- Булгаков, 1999** – *Булгаков С.Н.* Размышления о войне // *Философия имени. Икона и иконопочитание*. М.-СПб.: Искусство, Инапресс, 1999. Т. 2. С. 343-377. 438 с.
- Бучневич, 1902** – *Бучневич В.Е.* Записки о Полтаве и ее памятниках. Полтава: Типо-литографское губернское правление, 1902. 449 с.
- Веникеев, 1986** – *Веникеев Е.В.* Севастополь и его окрестности. М.: Искусство, 1986. 175 с.
- Высочков, 2018** – *Высочков Л.В.* Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. М.: Академический проект, 2018. 999 с.
- Гаврилова, 2004** – *Гаврилова Н.А.* 1812 год: влияние государственной идеологии на восприятие и изучение войны // *Новый исторический вестник*. 2004. № 11. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nivestnik.ru/2004_2/07.shtml (дата обращения: 20.12.2020).
- Горолевич, Илюхин, 2018** – *Горолевич И.Е., Илюхин А.А.* Военно-санитарное дело в русской армии в период военной кампании 1812 г. // *Opera Medica Historica. Труды по истории медицины: Альманах РОИП*. Вып. 3. М.: ООО «ХЕЛЕНПРО», 2018. С. 265-275.
- День..., 2020** – День неизвестного солдата. 3 декабря 1966 // Портал История РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/dien-niezviestnogho-soldata> (дата обращения: 20.12.2020).
- Заглухинский и др., 1912** – *Заглухинский В.О., Копосов В.П., Фомин И.В.* Организация и работа военно-медицинской службы русской армии в Отечественную кампанию 1812 года. М.: Печатня А. Снегиревой, 1912. 210 с.
- Зелов, 2002** – *Зелов Д.Д.* Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII – первой половины XVIII века: История триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы. М.: УРСС, 2002. 303 с.
- Иванов, 2007** – *Иванов Н.И.* Братские могилы и другие воинские захоронения 1812 года на Бородинском поле // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы X Международной научной конференции. Москва, 26–27 апреля 2007 года. М.: Музей-панорама «Бородинская битва, 2007. С. 120-142.
- Ильин, 2021** – *Ильин Е.В.* Города воинской славы России: Учебное пособие. СПб., 2021. (в печати).
- К рисункам, 1898** – К рисункам // *Нива*. 1898. № 34. С. 676-677.
- Краснов, 1924** – *Краснов П.Н.* Венок на могилу неизвестного солдата Императорской российской армии. Варшава, 1924. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/venok-na-mogilu-neizvestnogo-soldata-imperatorskoj-rossijskoj-armii/> (дата обращения 20.12.2020).
- Кропотов, 2015** – *Кропотов В.В.* Курганы с «коллективными погребениями» в исследованиях Татьяны Николаевны Троицкой // *История и археология Крыма*. 2015. № 2. С. 50-53.
- Кротов, 2014** – *Кротов П.А.* Битва под Полтавой. Начало Великой России. СПб.: Фонд содействия реставрации памятников истории и культуры «Спас», Лики России, 2014. 556 с.
- Ларин, 1911** – *Ларин И.Л.* Первая Русская военная аптека: Исторический очерк. СПб.: Изд. Общества фармацевтов военного и морского ведомства, 1911. 42 с.
- Лебедев, 1972** – *Лебедев А.К.* Василий Васильевич Верещагин: Жизнь и творчество. 1842–1904. М.: Искусство, 1972. 396 с.
- Любин, 2014** – *Любин Д.В.* Воинские памятники XIX – начала XX в. в Берлине, посвященные Освободительной войне // *Научные труды*. 2014. № 29. С. 184-197.
- Махаев, 1914** – *Махаев С.К.* Подвижницы милосердия. Русские сестры милосердия. М., 1914. 144 с.
- Павленко, 2019** – *Павленко В.С.* Неизвестный солдат // Комм. О.Е. Иванова / Начало: Журнал института философии и богословия. 2019. Т. 36. С. 207-217.
- Памятник..., 2010** – Памятник в воспоминание сражений при Полоцке в 1812 г. / Сост., примеч. и вступ. ст. А.И. Судник. Полоцк: Полоцкое книжное издательство, 2010. 64 с.
- Пацифизм..., 1998** – *Пацифизм в истории идеи и движения мира*. М.: ИВИ РАН, 1998. 289 с.
- Пожар..., 1898** – *Пожар Москвы и отступление французов, 1812 год: Воспоминания сержанта Бургоня* / Пер. с фр. Л.Г. 2-е издание. СПб.: А.С. Суворин, 1898. XVI + 286 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.unatlib.ru/dspace/dsview.html> (дата обращения: 20.12.2020).
- Поляков, Шавшин, 2013** – *Поляков Г., протоиерей, Шавшин В.* «За Веру, Царя и Отечество. Свято-Никольский храм-памятник. Братское кладбище. Крымская (Восточная) война. Симферополь: ООО «Фирма «САЛТА» ЛТД», 2013. 798 с.

Приказ..., 1865 – Приказ № 39 от 11 марта 1865 г. о награждении 3 офицеров крестами почетного легиона за перенесение останков французских генералов // Одесский военный окр. Командующий. [Приказы по войскам Одесского военного округа за 1863–1869, 1871–1917 гг. Одесса, 1863–1917].

Сайтов, 1912 – *Сайтов В.И.* Петербургский некрополь: В 4 т. СПб., 1912–1913. Т. 2: Д–Л. 8 + 726 с.

Севастопольский памятник, 1876 – Севастопольский памятник. Братская могила севавтопольских защитников // *Нива*. 1876. № 13. С. 231.

Седых, 1997 – *Седых В.Н.* Большие курганы Древней Руси // Беларусь у сістэме еўрапейскіх культурных сувязяў: Гістарычна-археалагічны зборнік. Минск: Інстытут гісторыі АН Беларусі, 1997. С. 28–32.

Семека, 1952 – *Семека С.А.* Военно-медицинская организация русской армии при Петре I. М., 1952. 48 с.

Серов, 2004 – Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: «Локид-Пресс», 2004. 877 + 2 с.

Симонов, 1966 – *Симонов К.* Герои навсегда // *Правда*. 1966. № 228, 4 декабря. С. 2.

Смирнов, 2013 – *Смирнов Ю.Н.* Особенности культурно-исторических комплексов как пространств памяти об Отечественной войне 1812 г.: Петербург, Москва, Бородино // *Вестник СПбГУКИ*. 2013. № 1 (14), март. С. 165–170.

Сокол, 2006 – *Сокол К.Г.* Монументальные памятники Российской империи: Каталог. М.: Вагриус Плюс, 2006. 432 с.

Сохор, Санжаровец, 2021 – *Сохор Т.Е., Санжаровец В.Ф.* «Керченская крепость – это уже совсем другой мир...» // *Научный сборник Керченского заповедника*. Вып. VI. Симферополь, 2021. (в печати).

Спасская, Янишевский, 2013 – *Спасская Н.Н., Янишевский Б.Е.* Лошади из санитарного захоронения 1812 г. в селе Бородино: идентификация пород // *Зоологический журнал*. 2013. Т. 9. № 9. С. 1162–1178.

Толстой, 1904 – Толстой Л.Н. Севастополь в декабре 1854, в мае и августе 1855 года. М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и К^о, 1904. 132 с.

Тюхменева, 2005 – *Тюхменева Е.А.* Искусство триумфальных врат в России первой половины XVIII века: проблемы панегирического направления. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 327 с.

Уортман, 2002 – *Уортман Р.С.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2002. 606 с.

Французы..., 2012 – Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев: В 3 ч. / Сост. А.М. Васютинский, А.К. Дживелегов, С.П. Мельгунов; предисл., коммент., указ. А.М. Савинова. Ч. 1–2: Неман. Смоленск. Бородино. Вступление в Москву. Пожар Москвы. Начало отступления. На старую Смоленскую дорогу. М.: ГПИИБ, 2012. 736 с.

Храм..., 1992 – Храм Христа Спасителя в Москве: История проектирования и создания. Страницы жизни и гибели. 1813–1931 / Авт. текста Е.И. Кириченко; сот. Г.А. Иванова. М.: Планета; ТОО «Кузнецкий мост», 1992. 280 с.

Черненко, 2020 – *Черненко В.А.* Торжественное открытие монумента императору Александру I (посвящается 185-летию открытия Александровской колонны) / *Триумф Победы в зеркале искусства: Сборник научных статей XXVI царскосельской конференции*. СПб.: Русская коллекция, 2020. С. 644–660. 716 с.

Чернобай, 2013 – *Чернобай А.И.* Празднование столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года в русской армии // *Идеологические аспекты военной безопасности*. 2013. № 3. С. 58–64.

Arc, 2020 – Arc de Triomphe: Paris' symbol of patriotism. [Electronic resource]. URL: <https://www.stripes.com/news/arc-de-triomphe-paris-symbol-of-patriotism-1.65746> (date of access: 20.12.2020).

Balenbois, 2015 – *Balenbois A.-M.* La Flamme sous l'arc de triomphe. NANE Éditions, 2015. 48 p.

Boulant, Naour, 2009 – *Boulant A., Naour J.-Y.* Le soldat inconnu. La guerre, la mort, la mémoire // *Revue historique des armées*. 2009. Т. 255. [Electronic resource]. URL: <http://journals.openedition.org/rha/6781> (date of access: 20.12.2020).

Dalisson, 2013 – *Dalisson R.* 11 novembre: du souvenir à la mémoire. Paris, A. Colin, 2013. 296 p.

Dalisson, 2013a – *Dalisson R.* Les racines d'une commémoration: les fêtes de la Revanche et les inaugurations de monuments aux morts de 1870 en France (1871–1914) // *Revue historique des armées*. 2014. № 274. URL: <http://journals.openedition.org/rha/7994> (дата обращения: 20.12.2020).

Durand, 2010 – *Durand J.* La marche héroïque du Soldat inconnu // *Liberation*. 10 novembre 2010. [Electronic resource]. URL: https://www.liberation.fr/france/2010/11/10/la-marche-heroique-du-soldat-inconnu_692575/ (дата обращения: 20.12.2020).

Hanson, 2005 – *Hanson N.* The Unknown Soldier. London: Doubleday, 2005. 474 p.

Jagielsk, 1939 – *Jagielsk J.-F.* Le soldat inconnu: invention et postérité d'un symbole, Paris, Imago, 2005. 256 p.

Larguier, 1939 – *Larguier L.* Le Soldat inconnu. Paris: Plon, 1939. 86 p.

Lauzanne, 1921 – *Lauzanne St.* L'Hommage suprême au soldat inconnu // *Le matin*. 1921, 29 janvier.

P. 1.

Le cinquième, 1923 – Le cinquième anniversaire de la victoire // *Le matin*. 1923, 12 novembre. P. 1–2.

Naour, 2008 – *Naour J.-Y.* Le Soldat inconnu, la guerre, la mort, la mémoire. Paris: Découvertes Gallimard, 2008. 112 p.

Soudagne, 2008 – *Soudagne J.-P.* L'histoire incroyable du soldat inconnu. Rennes, Ouest-France, coll. «Écrits», 2008. 152 p.

Soulard, 2020 – *Soulard Ch.* L'histoire méconnue du Soldat inconnu. Paris: Éditions du Félin, 2020. 124 p.

Vilain, 1933 – *Vilain Ch.* Le Soldat inconnu, histoire et culte. Paris: M. d'Hartoy, 1933. 148 p.

Wagner, Matyók, 2018 – *Wagner S., Matyók Th.* Monumental change: the shifting politics of obligation at the Tomb of the Unknowns // *History & Memory*. 2018. Vol. 30 (1). Pp. 40-75.

References

Arc, 2020 – Arc de Triomphe: Paris' symbol of patriotism. [Electronic resource]. URL: <https://www.stripes.com/news/arc-de-triomphe-paris-symbol-of-patriotism-1.65746> (date of access: 20.12.2020).

Balenbois, 2015 – *Balenbois, A.-M.* (2015). La Flamme sous l'arc de triomphe. NANE Éditions. 48 p.

Batorevich, 1997 – *Batorevich, I.I.* (1997). Chesmenskii dvorets [Chesme Palace]. St. Petersburg, White and Black. 156 p. [in Russian]

Bodyanskiï, 1850 – *Bodyanskiï, P.I.* (1850). Dostoprimechatel'nosti Poltavy [Sights of Poltava]. Poltava, printing house of the Provincial government. 136 p. [in Russian]

Boulant, Naour, 2009 – *Boulant, A., Naour, J.-Y.* (2009). *Le soldat inconnu. La guerre, la mort, la mémoire*, *Revue historique des armées*. T. 255. [Electronic resource]. URL: <http://journals.openedition.org/rha/6781> (date of access: 20.12.2020).

Boyarintsev, 2013 – *Boyarintsev, V.I.* (2013). 1812. Polkovodtsy Otechestvennoi voiny [1812. Generals of the Patriotic War]. Moscow, Book World. 287 p. [in Russian]

Buchnevich, 1902 – *Buchnevich, V.E.* (1902). Zapiski o Poltave i ee pamyatnikakh [Notes about Poltava and its monuments]. Poltava, typographic-lithographic provincial board. 449 p. [in Russian]

Bulgakov, 1999 – *Bulgakov, S.N.* (1999). Razmyshleniya o voine [Reflections on the War]. Filosofiyaimeni. Ikona i ikonopochitanie. Moscow; St. Petersburg, Art, Inapress, vol. 2, pp. 343-377. [in Russian]

Chernenko, 2020 – *Chernenko, V.A.* (2020). Torzhestvennoe otkrytie monumenta imperatoru Aleksandru I (posvyashchaetsya 185-letiyu otkrytiya Aleksandrovskoi kolonny) [The grand opening of the monument to Emperor Alexander I (dedicated to the 185th anniversary of the opening of the Alexander Column)]. *Triumf Pobedy v zerkale iskusstva: sbornik nauchnykh statei XXVI tsarskosel'skoi konferentsii*. St. Petersburg: Russian collection, pp. 644-660. [in Russian]

Chernobai, 2013 – *Chernobai, A.I.* (2013). Prazdnovanie stoletnego yubileya Otechestvennoi voiny 1812 goda v russkoi armii [Celebrating the centenary of the Patriotic War of 1812 in the Russian army]. *Ideologicheskie aspekty voennoi bezopasnosti*. 3: 58-64. [in Russian]

Dalisson, 2013 – *Dalisson, R.* (2013). 11 novembre: du souvenir à la mémoire. Paris, A. Colin. 296 p.

Dalisson, 2013a – *Dalisson, R.* (2014). Les racines d'une commémoration: les fêtes de la Revanche et les inaugurations de monuments aux morts de 1870 en France (1871–1914). *Revue historique des armées*. 274. [Electronic resource]. URL: <http://journals.openedition.org/rha/7994> (date of access: 20.12.2020).

Den..., 2020 – Den' neizvestnogo soldata. 3 dekabrya 1966 [Day of the Unknown Soldier. December 3, 1966]. 2020. Portal Istoriya RF. [Electronic resource]. URL: <https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/dien-nieizviestnogo-soldata> ([in Russian])

Durand, 2010 – *Durand, J.* (2010). La marche héroïque du Soldat inconnu. *Liberation*. 10 novembre. [Electronic resource]. URL: https://www.liberation.fr/france/2010/11/10/la-marche-heroique-du-soldat-inconnu_692575/ (date of access: 20.12.2020).

Frantsuzy..., 2012 – Frantsuzy v Rossii: 1812 god po vospominaniyam sovremennikov-inostrantsev: V 3 ch. Ch. 1–2: Neman. Smolensk. Borodino. Vstuplenie v Moskvu. Pozhar Moskvu. Nachalo otstupleniya. Na staruyu Smolenskuyu dorogu [French in Russia: 1812 according to the memoirs of contemporaries-foreigners: In 3 chapters. Ch. 1-2: Neman. Smolensk. Borodino. Entry to Moscow. Fire of Moscow. The beginning of the retreat. On the old Smolensk road]. Moscow, GPIB. 736 p. [in Russian]

Gavrilova, 2004 – *Gavrilova, N.A.* (2004). 1812 god: vliyanie gosudarstvennoi ideologii na vospriyatie i izuchenii voiny [1812: the influence of state ideology on the perception and study of war]. *Novyi istoricheskii vestnik*. 11. [Electronic resource]. URL: http://www.nivestnik.ru/2004_2/07.shtml [in Russian]

Gorolevich, Ilyukhin, 2018 – *Gorolevich, I.E., Ilyukhin, A.A.* (2018). Voенно-sanitarnoe delo v russkoi armii v period voennoi kampanii 1812 g. [Military sanitary affairs in the Russian army during the military campaign of 1812]. *Opera Medica Historica. Trudy po istorii meditsiny: Al'manakh ROIP*, vol. 3. Moscow, LLC "HELENPRO", pp. 265-275. [in Russian]

- Hanson, 2005** – *Hanson, N.* (2005). *The Unknown Soldier*. London: Doubleday. 474 p.
- Il'in, 2021** – *Il'in, E.V.* (2021). *Goroda voinskoi slavy Rossii* [Cities of Military Glory of Russia]. St. Petersburg. In print. [in Russian]
- Ivanov, 2007** – *Ivanov, N.I.* (2007). *Bratskie mogily i drugie voinskie zakhroneniya 1812 goda na Borodinskom pole* [Mass graves and other military burials of 1812 on the Borodino field]. *Epokha napoleonovskikh vojn: lyudi, sobytiya, idei: Materialy Kh Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moscow, Museum-panorama “Battle of Borodino”, pp. 120-142. [in Russian]
- Jagielsk, 1939** – *Jagielsk J.-F.* (2005). *Le soldat inconnu: invention et postérité d'un symbole*. Paris, Imago. 256 p.
- K risunkam, 1898** – K risunkam [To drawings]. *Niva*. 34: 676-677. [in Russian]
- Khram..., 1992** – *Khram Khrista Spasitelya v Moskve: Istoriya proektirovaniya i sozdaniya. Stranitsy zhizni i gibeli. 1813–1931* [Cathedral of Christ the Saviour in Moscow: History of design and creation. Pages of life and death. 1813–1931]. Moscow, Planet; Kuznetsky Most LLP. 280 p. [in Russian]
- Krasnov, 1924** – *Krasnov, P.N.* (1924). *Venok na mogilu neizvestnogo soldata Imperatorskoi rossiiskoi armii* [A wreath on the grave of an unknown soldier of the Imperial Russian Army]. Warsaw. [Electronic resource]. URL: <https://www.pravmir.ru/venok-na-mogilu-neizvestnogo-soldata-imperatorskoy-rossiyskoy-armii/> [in Russian]
- Kropotov, 2015** – *Kropotov, V.V.* (2015). *Kurgany s «kollektivnymi pogrebeniyami» v issledovaniyakh Tat'yany Nikolaevny Troitskoi* [Mounds with "collective burials" in the research of Tatiana Nikolaevna Troitskaya]. *Istoriya i arkheologiya Kryma*. 2: 50-53.
- Krotov, 2014** – *Krotov, P.A.* (2014). *Bitva pod Poltavoi. Nachalo Velikoi Rossii* [Battle of Poltava. The beginning of Great Russia]. St. Petersburg, Faces of Russia. 556 p. [in Russian]
- Larguier, 1939** – *Larguier, L.* (1939). *Le Soldat inconnu*. Paris, Plon. 86 p.
- Larin, 1911** – *Larin, I.L.* (1911). *Pervaya Russkaya voennaya apteka: Istoricheskii ocherk* [The First Russian Military Pharmacy: A Historical outline]. St. Petersburg, Publishing house. Society of Pharmacists of the War and Naval Department. 42 p. [in Russian]
- Lauzanne, 1921** – *Lauzanne St.* (1921). *L'Hommage suprême au soldat inconnu*. *Le matin*, 29 janvier, p. 1.
- Le cinquième, 1923** – *Le cinquième anniversaire de la victoire*. *Le matin*. 12 novembre, pp. 1-2.
- Lebedev, 1972** – *Lebedev, A.K.* (1972). *Vasilii Vasil'evich Vereshchagin: Zhizn' i tvorchestvo. 1842–1904* [Vasily Vasilievich Vereshchagin: Life and Work. 1842–1904]. Moscow, Art. 396 p. [in Russian]
- Lyubin, 2014** – *Lyubin, D.V.* (2014). *Voinskie pamyatniki XIX – nachala XX v. v Berline, posvyashchennye Osvoboditel'noi voine* [Military monuments of the 19th - early 20th centuries in Berlin, dedicated to the War of Independence]. *Nauchnye trudy*. 29: 184-197. [in Russian]
- Makhaev, 1914** – *Makhaev, S.K.* (1914). *Podvizhnitsy miloserdiya. Russkie sestry miloserdiya* [Ascetics of mercy. Russian Sisters of Mercy]. Moscow. 144 p. [in Russian]
- Naour, 2008** – *Naour J.-Y.* (2008). *Le Soldat inconnu, la guerre, la mort, la mémoire*. Paris, Découvertes Gallimard. 112 p.
- Pamyatnik..., 2010** – *Pamyatnik v vospominanie srazhenii pri Polotske v 1812 g.* [A memorial to the battle of Polotsk in 1812]. *Sost., primech. i vstup. st. A.I. Sudnik. Polotsk, Polotsk book publishing house*. 64 p. [in Russian]
- Patsifizm..., 1998** – *Patsifizm v istorii idei i dvizheniya mira* [Pacifism in the history of the idea and movement of the world]. Moscow, IVI RAN. 289 p. [in Russian]
- Pavlenko, 2019** – *Pavlenko, V.S.* (2019). *Neizvestnyi soldat* [Unknown Soldier]. *Komm. O.E. Ivanova. Nachalo: Zhurnal instituta filosofii i bogosloviya*. 36: 207-217. [in Russian]
- Polyakov, Shavshin, 2013** – *Polyakov, G., Shavshin, V.* (2013). «*Za Veru, Tsarya i Otechestvo. Svyato-Nikol'skii khram-pamyatnik. Bratskoe kladbishche. Krymskaya (Vostochnaya) voina* [“For Faith, Tsar and Fatherland”. St. Nicholas Church Monument. Fraternal cemetery. Crimean (Eastern) War]. *Simferopol, LLC “Firm” SALTA “LTD”*. 798 p. [in Russian]
- Pozhar..., 1898** – *Pozhar Moskvy i otstuplenie frantsuzov, 1812 god: Vospominaniya serzhanta Burgonya* [Fire of Moscow and the retreat of the French, 1812: Memoirs of Sergeant Bourgogne]. *Per. s fr. L.G. 2-e izdanie. St. Petersburg, A.S. Suvorin. XVI + 286 p.* [Electronic resource]. URL: <https://elibrary.unatlib.ru/dspace/dsview.html> [in Russian]
- Prikaz..., 1865** – *Prikaz №39 ot 11 marta 1865 g. o nagrazhdenii 3-kh ofitserov krestami pochetnogo legiona za perenesenie ostankov frantsuzskikh generalov* [Order No. 39 of March 11, 1865 on awarding 3 officers with the crosses of the Legion of Honor for transferring the remains of French generals]. *Odesskii voennyi okr. Komanduyushchii: Prikazy po voiskam Odesskogo voennogo okruga za 1863–1869, 1871–1917 gg.* Odessa, 1863–1917. [in Russian]
- Saitov, 1912** – *Saitov, V.I.* (1912–1913). *Peterburgskii nekropol': V 4 t.* [Petersburg necropolis: In 4 volumes]. T. 2: D–L. St. Petersburg. 8 + 726 p. [in Russian]
- Sedykh, 1997** – *Sedykh, V.N.* (1997). *Bol'shie kurgany Drevnei Rusi* [Large mounds of Ancient Rus]. *Belarus' u sisteme eŭrapeiskikh kul'turnykh suvyazyay: Gistarychna-arkhealagichny zbornik*. Minsk, Institute of History of the Academy of Sciences of Belarus, pp. 28-32. [in Russian]

- Semeka, 1952** — *Semeka, S.A.* (1952). Voенно-meditsinskaya organizatsiya russkoi armii pri Petre I [Military medical organization of the Russian army under Peter I]. Moscow. 48 p. [in Russian]
- Serov, 2004** — *Serov, V.* (2004). Entsiklopedicheskii slovar' krylatykh slov i vyrazhenii [Encyclopedic Dictionary of winged words and expressions]. Moscow, "Lokid-Press". 877 + 2 p. [in Russian]
- Sevastopol'skii pamyatnik, 1876** — Sevastopol'skii pamyatnik. Bratskaya mogila sevastopol'skikh zashchitnikov [Sevastopol monument Mass grave of the Sevastopol defenders]. *Niva*. 13: 231. [in Russian]
- Simonov, 1966** — *Simonov, K.* (1966). Geroi navsegda [Heroes forever]. *Pravda*. 228. 4 December, p. 2. [in Russian]
- Smirnov, 2013** — *Smirnov, Yu.N.* (2013). Osobennosti kul'turno-istoricheskikh kompleksov kak prostranstv pamyati ob Otechestvennoi voine 1812 g.: Peterburg, Moskva, Borodino [Features of cultural and historical complexes as spaces of memory of the Patriotic War of 1812: Petersburg, Moscow, Borodino]. *Vestnik SPbGUKI*. 1(14), March, pp. 165-170. [in Russian]
- Sokhor, Sanzharovets, 2021** — *Sokhor, T.E., Sanzharovets, V.F.* (2021). "Kerchenskaya krepost' — eto uzhe sovsem drugoi mir..." ["The Kerch Fortress is a completely different world ..."]. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika, vyp. VI*. Simferopol. In print. [in Russian]
- Sokol, 2006** — *Sokol, K.G.* (2006). Monumental'nye pamyatniki Rossiiskoi imperii: Katalog [Monumental Monuments of the Russian Empire: Catalog]. Moscow, Vagrius Plus. 432 p. [in Russian]
- Soudagne, 2008** — *Soudagne J.-P.* (2008). L'histoire incroyable du soldat inconnu. Rennes, Ouest-France, coll. «Écrits». 152 p.
- Soulard, 2020** — *Soulard Ch.* (2020). L'histoire méconnue du Soldat inconnu. Paris, Éditions du Félin. 124 p.
- Spasskaya, Yanishevskii, 2013** — *Spasskaya, N.N., Yanishevskii, B.E.* (2013). Loshadi iz sanitarnogo zakhoroneniya 1812 g. v sele Borodino: identifikatsiya porod [Horses from the sanitary burial of 1812 in the village of Borodino: breed identification]. *Zoologicheskii zhurnal*. 9(9): 1162-1178. [in Russian]
- Tolstoi, 1904** — *Tolstoi, L.N.* (1904). Sevastopol' v dekabre 1854, v mae i avguste 1855 goda [Sevastopol in December 1854, in May and August 1855]. Moscow, Typo-lithography I.N. Kushnerev and K^o. 132 p. [in Russian]
- Tyukhmeneva, 2005** — *Tyukhmeneva, E.A.* (2005). Iskusstvo triumfal'nykh vrat v Rossii pervoi poloviny XVIII veka: problemy panegiricheskogo napravleniya [The art of the triumphal gates in Russia in the first half of the 18th century: problems of the panegyric direction]. Moscow, Progress-Tradition. 327 p. [in Russian]
- Uortman, 2002** — *Uortman, R.S.* (2002). Stsenarii vlasti: mify i tseremonii russkoi monarkhii. T. 1: Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya I [Power Scenarios: Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy. T. 1: From Peter the Great to the death of Nicholas I]. Moscow, OGI. 606 p. [in Russian]
- Venikeev, 1986** — *Venikeev, E.V.* (1986). Sevastopol' i ego okrestnosti [Sevastopol and its surroundings]. Moscow, Art. 175 p. [in Russian]
- Vilain, 1933** — *Vilain, Ch.* (1933). Le Soldat inconnu, histoire et culte. Paris, M. d'Hartoy. 148 p.
- Vyskochkov, 2018** — *Vyskochkov, L.V.* (2018). Nikolai I i ego epokha. Ocherki istorii Rossii vtoroi chetverti KhIKh veka [Nicholas I and his era. Essays on the history of Russia in the second quarter of the nineteenth century]. Moscow, Academic project. 999 p. [in Russian]
- Wagner, Matyók, 2018** — *Wagner, S., Matyók, Th.* (2018). Monumental change: the shifting politics of obligation at the Tomb of the Unknowns. *History & Memory*. 30(1): 40-75.
- Zaglukhinskii i dr., 1912** — *Zaglukhinskii, V.O., Kuposov, V.P., Fomin, I.V.* (1912). Organizatsiya i rabota voенно-meditsinskoi sluzhby russkoi armii v Otechestvennuyu kampaniyu 1812 goda [Organization and work of the military medical service of the Russian army during the Patriotic campaign of 1812]. Moscow, A. Snegireva's Printing House. 210 p. [in Russian]
- Zelov, 2002** — *Zelov, D.D.* (2002). Ofitsial'nye svetskie prazdniki kak yavlenie russkoi kul'tury kontsa XVII — pervoi poloviny XVIII veka: Istoriya triumfov i feierverkov ot Petra Velikogo do ego docheri Elizavety [Official secular holidays as a phenomenon of Russian culture in the late 17th — first half of the 18th century: The history of triumphs and fireworks from Peter the Great to his daughter Elizabeth]. Moscow, URSS. 303 p. [in Russian]
- A. R., 1876** — *A.R.* (1876). Dva dnya v Sevastopole [Two days in Sevastopol]. *Sanktpeterburgskie vedomosti*. 22: 3. [in Russian]

Моделирование семиотического пространства концепта «неизвестный солдат» в Российской империи

Евгений Васильевич Ильин ^a, Виктория Бередникова ^a, Татьяна Евгеньевна Сохор ^{a,*}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается история создания концепта «неизвестный солдат» с ретроспективной точки зрения, выявляются основные этапы его моделирования и организации семиотического пространства. Формирование понятия в общественном сознании происходило в течение нескольких столетий, начиная с эпохи Петра I, когда европейская культура была внедрена в патриархальное российское государство. В исторических исследованиях, посвященных крупным российским военным событиям, концепт «неизвестный солдат» слабо отмечался переходом от храма-памятника как благодарности Богу за дарованную победу к монументальной скульптуре, на первых порах объединяющей религиозное и светское фиксирование исторической памяти. О проблеме увековечения и сохранения памяти защитников Отечества в конце XX – начале XXI вв. написано немало различных работ, однако к истории появления и развития концепта «неизвестный солдат» отечественное научное сообщество не обращалось. Отсутствие четких рамок в определении исследуемого понятия актуализирует данную тему, способствуя ее всестороннему изучению.

Неисчислимы жертвы Великой Отечественной войны вызвали в российском (советском) обществе культурную саморефлексию по отношению к безымянным героям, которая привела к необходимости создания концепта «неизвестный солдат», формированию семиотического пространства вокруг него и введению понятия в государственную идеологию.

Ключевые слова: неизвестный солдат, Первая мировая война, война 1812 года, Северная война, памятники, эпитафии, мемориализация, коммеморация, Крымская кампания, историческая память.

* Корреспондирующий автор

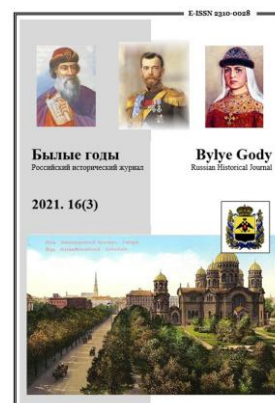
Адреса электронной почты: civi@mail.ru (Е.В. Ильин), berednikova3@bk.ru (В. Бередникова), sohor@mail.ru (Т.Е. Сохор)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1153-1161
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1153
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



National Policy Of the Russian Empire in the North Caucasus in the 19th — early 20th centuries

Aleksey M. Erokhin ^{a, *}, Evgenij A. Avdeev ^a, Sergej M. Vorobev ^a

^aNorth-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Abstract

The article reviews the national policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the 19th – early 20th centuries. The purpose of the research is the historical and political reconstruction of the inclusion of the peoples of the North Caucasus into a single state and socio-cultural space of Russia in the imperial period. The research methodology is based on a combination of elements of historiographic, historical-comparative and historical-political analysis. The imperial nationality policy of this period was based on the desire to build a national state based on the principle of unitarity, linguistic and cultural Russification, and the formation of imperial identity. The characteristic features of the national policy of the Russian Empire in the North Caucasus were the desire to eliminate the economic and socio-cultural backwardness of the region, to pursue a course towards Russification and the inclusion of mountain peoples in the Russian socio-cultural space. At the same time, a certain flexibility of approaches to the formation of the public administration system can be traced, expressed in the preservation of elements of administrative and cultural autonomy of mountain peoples. Until the end of its existence, the Russian Empire retained a complex class hierarchy, laws and administrative practices that hindered the unification of the state and the strengthening of imperial identity. The reforms of the early 20th century were incomplete and largely declarative. The result of the reforms was not so much the strengthening of the civil law and state principle, as the further growth of the national self-awareness of the mountain peoples and the formation of North Caucasian political elite that was opposed to the tsarist government. The imperial national policy was unable to find a balance between preserving the unity and indivisibility of Russia and the implementation of the demand for national autonomy, which was one of the factors in the weakening of the state and the surge of nationalism and separatism in the North Caucasus during the revolutionary period.

Keywords: nationality policy, Russian Empire, North Caucasus, imperial identity, Russification, education, public administration, national factor, confessional factor.

1. Введение

Национальная политика Российской империи на Северном Кавказе в XIX – начале XX веков подвергалась значительным трансформациям, связанным с тяжелым и болезненным вхождением региона в состав Российской империи, сложными и неоднозначными процессами включения горских народов в единое государственное и социокультурное пространство. В этот период путем реализации конкретных программ и государственных решений формировались характерные черты и закладывались тенденции государственного устройства Северного Кавказа, такие как включение народов региона в российское государственное и социокультурное пространство, формирование административно-государственного управления регионом с учетом национальной и культурной специфики горских народов.

Различные интерпретации политики царской администрации по отношению к народам Северного Кавказа приводят к противоположным оценкам исторических событий этого периода.

* Corresponding author

E-mail addresses: ewg.avdeev@yandex.ru (E.A. Avdeev)

При этом одни исследователи подчеркивают унитарный характер национальной политики Российской империи и формирование имперской идентичности, другие – делают акцент на насильственном присоединении территорий и народов Северного Кавказа к России.

Целью данной статьи является историко-политическая реконструкция включения народов Северного Кавказа в единое государственное и социокультурное пространство России, выделение характерных черт, общих принципов и подходов к укреплению российской государственности на Северном Кавказе и формированию имперской идентичности у народов региона.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили архивные материалы: документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург, Российская Федерация) и Центральном Государственном архиве Кабардино-Балкарской Республики (Нальчик, Российская Федерация), а также источники законодательного, политического, историографического и публицистического характера.

Методология исследования основана на сочетании элементов историографического, историко-сравнительного и историко-политического анализа. Метод историографического анализа позволил выявить, изучить и систематизировать историческую научную литературу и архивные материалы, относящиеся к сфере национальной политики Российской империи на Северном Кавказе, охарактеризовать состояние, определить характер и последовательность действий российской власти в регионе. Историко-сравнительный метод дал возможность определения общего и различий в тенденциях национальной политики XIX – начала XX веков. Историко-политический анализ позволил рассмотреть события, происходившие в рамках реализации национальной политики, в их последовательном историческом изменении, выявить тенденции этнизации политики в данный период.

3. Обсуждение

В историографической литературе имперского периода национальная политика рассматривалась фрагментарно через призму событий, происходивших в национальных окраинах, и действий государственной власти по включению этих территорий в состав Российской империи.

В советский период отечественная историография развивалась в рамках догматизированных положений и концепций, выработанных в русле марксистской методологии истории. На рубеже 1980–1990-х гг. начался новый этап исследований в области истории формирования национально-государственного устройства и национальной политики российского государства. Все больший исследовательский интерес приобретает региональная проблематика, в том числе затрагивающая этнополитические процессы в национальных окраинах. Появляются работы, посвященные отдельным этническим группам, проживавшим в Российской империи, их истории, социально-экономическому укладу, культуре и быту (Джераси, 2013). В 1990-е – начале 2000-х гг. появились труды, в которых особое внимание уделялось анализу имперской национальной политики в условиях кризиса Российской империи на рубеже XIX–XX вв. Противоречивость национальной политики России и вопросы управления национальными окраинами в этот период отмечаются в работах А.Ю. Бахтуриной, М.Ф. Флоринского и др. (Бахтурина, 2004; Северный Кавказ, 2007; Флоринский, 2010).

В современной зарубежной историографии А. Каппелером, Дж. Хоскингом, А. Рибером, Р.Г. Суни и другими активно рассматривается опыт национальной политики Российской империи, вопросы взаимоотношений центра и национальных окраин, характер и направленность территориальной экспансии, а также особенности управления и способы обеспечения лояльности народов, входивших в состав империи (Каппелер, 2000; Хоскинг, 2000).

В современной научной литературе широко представлены историко-политологические дискуссии, посвященные влиянию имперской национальной политики на современные этнополитические процессы на Северном Кавказе, вопросам управления регионом, его экономическому и социокультурному развитию в составе Российской империи (Российский Кавказ, 2007).

4. Результаты

Единой национальной политики в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. в современном понимании этого слова не сложилось. Существовало большое количество государственно-правовых и управленческих форм, связанных с определением порядка и правил вхождения разных народов в империю и их последующего существования (Каппелер, 2000: 48; Национальная политика в императорской..., 1997: 12-16). В целом под национальной политикой Российской империи можно понимать политику государства в отношении различных этнокультурных и этноконфессиональных общностей, проживающих на территории страны. Они рассматривались не как отдельные нации, а как подданные имперской власти. Главенствующими принципами организации жизни всех народов являлись сословность и подданство. Сословно-монархические основы национальной политики Российской империи объясняются тем, что,

по словам А.И. Миллера, «правлящая династия дольше, чем в большинстве европейских государств, сопротивлялась “национализации”, господствующее положение в империи занимало полиэтничное дворянство... Нация “не правила” и не имела системы политического представительства» (Миллер, 2006: 152). С.Ю. Витте отмечал, что «вся ошибка нашей многодесятилетней политики – это то, что мы до сих пор еще не осознали, что... нет России, а есть Российская империя..., невозможно в XIX и XX вв. вести политику..., игнорируя национальные свойства других национальностей, вошедших в Российскую империю, – их религию, их языки, проч.» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 460. Л. 5). При этом учитывались и национальные традиции, особенности уклада жизни, конфессиональная принадлежность входящих в состав Российской империи народов, а также интересы национальных элит, на которые имперские власти пытались опираться. Одной из характеристик государственного устройства Российской империи была гибкость управленческих моделей территориального устройства национальных окраин, при этом местным властям могли предоставляться достаточно большие полномочия.

В целом национальная политика Российской империи реализовывалась в рамках двух основных подходов: имперского и национального. Определяющим при этом был имперский подход, основанный на монархической идее. Национальный подход осуществлялся путем приобщения других народов к русской культуре и русскому языку, приветствовались процессы ассимиляции, при этом сохранялось и уважение к языку, культуре и религии других народов и самобытности их общественной жизни. Рассматривая процессы включения народов в состав империи, можно выделить следующие этапы их вхождения в имперское государство: установление российского подданства, последовательное формирование российского государственного управления, русификация (Киор, 2010: 206). Русификация во многом обуславливалась необходимостью экономической и социокультурной интеграции национальных окраин и способствовала модернизации проживающих на их территории народов. А.И. Миллер отмечает, что таким образом государство стремилось минимизировать внутреннюю этническую разнородность, обеспечить стабилизацию полиэтничного государства (Миллер, 2006: 54-75). Входящие в состав империи народы не являлись политическими субъектами, а становились объектами государственной политики. Надэтничность была одним из основных принципов имперской государственности и предполагала верность императору независимо от национальности и вероисповедания. При этом централизация не сопровождалась ни единообразием, ни управлением, административный аппарат монархии основывался на местных обычаях и институтах, смешения и объединения, но не уничтожая их (Имперский строй России..., 1997).

Важную роль в укрупнении российского государства в присоединенных территориях Северного Кавказа в XIX в. сыграл институт генерал-губернаторства. Данная управленческая модель предполагала принцип невмешательства во внутреннее обустройство народов при сохранении их национально-государственных систем. Деятельность генерал-губернатора была направлена на пресечение сепаратизма и укрепление политической лояльности местных элит. Одной из задач было обеспечение интеграции горской знати в состав имперской элиты путем ее инкорпорирования в дворянское сословие империи. Усиление унитарного характера государства не предполагало уничтожения права народов на различные формы автономии как национально-культурной, так и политико-административной, и ущемления их прав. Наоборот, многие местные национальные элиты получали доступ в дворянское сословие, а многие народы, вошедшие в состав Российской империи, освобождались от ряда обязанностей и повинностей (например, не призывались на военную службу). Однако степень лояльности государственной власти во многом зависела от степени политической лояльности национальных элит российскому государству. Сепаратистские тенденции, стремление к политической автономии приводили к ужесточению государственной политики и ликвидации имеющихся привилегий и прав.

Процесс вхождения Северного Кавказа в Российскую империю растянулся на столетие и привел к затяжной Кавказской войне. Даже в ходе войны российская власть брала на себя обязательства о неприкосновенности исламского вероисповедания, этнокультурных традиций и земель проживания горских народов. Так, в «Прокламации горским народам» 1845 г. наместник Кавказа М.С. Воронцов обещал, что «религия ваша, шариат, адат, земля ваша, имения ваши, а также все имущество, приобретенное трудами, будет неприкосновенною вашею собственностью и останется без всякого изменения» (Гриценко, 1963: 16). Однако эти обещания и декларируемые властью обязательства были выполнены не в полной мере, вопрос о возвращении горским народам земель, потерянных в ходе войны, не был решен государственной властью.

После завершения военной кампании 1817–1864 гг. территория Северного Кавказа окончательно вошла в состав России. На присоединенных территориях назначалась государственная администрация, но при этом сохранялись традиционные родовые формы власти, вероисповедание, культура и традиции. Также горцы освобождались от обязанности служить в русской армии (Мазанаев, 2020). На этом этапе административное управление регионом формально повторяло принятую российскую систему управления без учета национальных особенностей Северного Кавказа. Однако в связи с недовольством местной знати, вызванном отстранением ее от участия в управлении, а также переходом некоторой части горской верхушки к активному сопротивлению российской

администрации было принято решение о включении горской знати в государственное управление ([Административно-территориальное устройство России..., 2003: 185](#)). Значительно усилило государственное управление на Северном Кавказе вновь учрежденное в 1844 г. Кавказское наместничество. Первым наместником стал видный государственный и военный деятель М.С. Воронцов, которому были даны широкие полномочия. По его инициативе были созданы особые вакансии в университетах Петербурга и Москвы для детей местной знати, был образован особый Кавказский учебный округ и открыто 5 гимназий и 21 училище, первая публичная библиотека. Подготовленный по инициативе наместника образовательный проект «Положение о воспитании Кавказских и Закавказских уроженцев, на счет казны, в высших и специальных заведениях империи», предполагал, что после окончания гимназии дети горской знати могли продолжить обучение в высших учебных заведениях России ([Высочайше утвержденное положение..., 1848: 321](#)). В 1859 г. принимается устав для нового типа учебных заведений – горских школ, носивших светский характер и дававших образование на русском языке. Например, в 1886 г. в городе Майкопе, а в 1888 г. в станице Лабинской были открыты горские школы, дававшие знания в объеме двухклассного начального училища ([История народов Северного Кавказа..., 1988](#)). Роль народного образования в процессе интеграции горских народов в российское социокультурное пространство отмечал и наместник на Кавказе великий князь Михаил Николаевич. Он подчеркивал «высокое значение развития народного образования, как наиболее действительного средства к поднятию нравственного уровня местного населения и сближения его с господствующей народностью» ([Кавказский сборник, 2005: 154](#)).

Важность образования в процессе русификации и интеграции горских народов в российское социокультурное пространство подчеркивал и Наместник Кавказский граф И.И. Воронцов-Дашков. По его словам, «несомненно, что правильно поставленная русская народная школа... является первейшим средством для воздействия на мусульман русским мировоззрением. Она спасает их от вредной, с государственной точки зрения, пропаганды панисламизма и пантюркизма в школах с турецкими преподавателями и учебниками, проникнутыми нерусскими идеями» ([Всеподданнейший отчет..., 1913: 17-18](#)).

Русификация горских народов проходила и в рамках государственного управления региона. Для того чтобы представителю местной знати занять должность в административных органах, было необходимо знание русского языка и подтвержденная преданность российскому престолу. Для дальнейшего продвижения по карьерной лестнице в российских государственных и военных структурах, особенно центральных, существовало еще одно негласное условие – принятие православия. Некоторые горцы на это соглашались ([Документы по истории Балкарии..., 1959: 17-18](#)). В регионе была практика совмещения военных и гражданских должностей, которые занимали и представители горской знати. Так, кабардинский князь, полковник Султанбек Клишбиев в течение ряда лет (с 1910 по 1917 гг.) занимал должность начальника Нальчикского округа ([ЦГА КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 15](#)). Применялась практика формирования органов общественного самоуправления горских народов. Например, съезд доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ периодически проводился с 1890 по 1910-е гг. На заседаниях съезда рассматривались наиболее важные вопросы устройства жизни горских народов ([ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 56](#)).

Включение горских народов в состав Российской империи предполагало учет религиозных и национальных традиций при формировании судебной системы на Северном Кавказе. Так, наряду с государственным судопроизводством, опирающимся на Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г., 18 декабря 1870 года наместником кавказским были утверждены «Временные правила для горских словесных судов», предписывающие, что среди горского населения Кубанской и Терской областей впредь до полного введения судебных уставов 20 ноября 1864 г. возникающие между горцами уголовные и гражданские дела будут производиться в горских сословных судах ([Кубанская справочная книжка, 1891: 232](#)). Такими судами не рассматривались дела, связанные с государственными учреждениями и людьми, не относящимися к горским народам. Горский словесный суд решал дела на основании местных обычаев и только по таким делам, для решения которых обычай не сложился, руководствовался общими законами Российской империи. На основе шариата могли разбираться дела о заключении и расторжении брака, личных и имущественных правах, из брака вытекающих, законности рождения и наследстве.

Горские словесные суды, наряду с государственным судопроизводством, продолжали существовать до февраля 1917 г. Законопроект «Об упразднении горских словесных судов в Терской и Кубанской областях», подготовленный в 1913 г. депутатами IV созыва Государственной Думы, не был принят ([Законотворчество думских фракций, 2006: 402](#)).

Во второй половине XIX в. в связи с развитием капитализма, ростом национального самосознания ряда народов Российской империи и активным сопротивлением горских народов вхождению в состав России наблюдается тенденция к усилению унитарной государственности и унификации территориально-государственного устройства. В основу национальной политики Александра III было положено убеждение, что в Российской империи должна господствовать русская государственность, русский язык и православная вера, что предполагало проведение национальной

политики в русле дальнейшей русификации, систематизации и унификации государственного управления в национальных окраинах. При этом русификация образования и делопроизводства подчас носила излишне жесткий характер, отсутствовали и попытки «престижного позиционирования русского языка и культуры, продвижения ее передовых достижений» (Титов, 2020: 1277). Видный представитель консервативно-государственных взглядов М.Н. Катков полагал, что Российская империя должна существовать как государство, в котором преобладает титульная национальность, обеспечивается единство законодательства и управления. Другие народы могут сохранять свой язык, религию и культуру, если это не угрожает целостности государства. Главная опасность для России, по его мнению, сепаратизм народов, стремящихся стать самостоятельными нациями (Административно-территориальное устройство России..., 2003: 28).

Важным направлением национальной политики Российской империи на Северном Кавказе стала дальнейшая колонизация региона русским населением для укрепления социальной опоры российского государства. Воронцов-Дашков подчеркивал, что заселение русскими переселенцами земель не должно ущемлять экономические и социальные права местного населения. Наряду с русификацией и колонизацией, необходимо введение начального обучения на родном языке, развитие местного самоуправления. Он писал, что «туземное происхождение само по себе не может служить препятствием к успешному прохождению государственной и общественной службы» (Национальная политика России..., 1997: 102).

Можно отметить, что Северный Кавказ в начале XX в. по-прежнему оставался специфической частью империи, не имплементировавшейся в состав российского государства. По мнению главноначальствующего гражданской частью на Кавказе Г.С. Голицына этот регион характеризовался низким уровнем социального, экономического и духовного развития и не стал органической частью империи (РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1903 г. Д. 55. Л. 42-101). Назначенному в 1905 г. кавказским наместником И.И. Воронцову-Дашкову вменялось «безотлагательно водворить на Кавказе спокойствие, дабы приобщить и этот край к внутренней созидательной работе, предпринимаемой ныне в государстве» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 162. Л. 9). Он отмечал, что для успешного включения региона в состав России необходимо «признание всех равными перед законом и одинаковое о всех попечение, к какой национальности они бы ни принадлежали» (РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 1220. Л. 48-49).

В целом в начале XX в. происходит некоторая «либерализация» национальной политики в сторону большей веротерпимости, усиления политических прав и свобод: свободы совести, слова, собраний и союзов. Это способствует дальнейшему росту национального самосознания народов Российской империи, радикализации национальных движений, что в свою очередь усиливает репрессии со стороны государственной власти. Национальный вопрос становится одним из дестабилизирующих факторов, приведших к распаду Российской империи и потребовавших формирования новых подходов к национальной политике.

Манифест 17 октября 1905 г., гарантировавший гражданские и ряд политических прав и свобод населению империи, и последовавшие реформы способствовали усилению центробежных тенденций в национальных окраинах. Национальный вопрос в общественно-политическом дискурсе этого периода становится одним из самых актуальных и обсуждаемых. В целом реформы начала XX в., которые открывали путь гражданским правам и расширению политической свободы, в том числе и в рамках самоопределения народов Северного Кавказа, привели к усилению центробежных тенденций в регионе, росту национального самосознания и национальных движений. Имперская власть, противодействуя этой тенденции, перешла к дальнейшей унификации региональных органов государственного управления и русификации всех сфер общественной жизни, продолжилась активная колонизация Северного Кавказа.

Важное место в национальной политике Российской империи занимала конфессиональная принадлежность народов. Хотя Манифест 17 октября 1905 г. провозглашал свободу совести, православная церковь по-прежнему сохраняла особое положение, а принадлежность к православной вере являлась показателем лояльности царской власти, до февраля 1917 г. не был отменен запрет на пропаганду неправославных учений. На Северном Кавказе важное значение для укрепления государственности, наряду с православной церковью, имела и задача развития духовного управления мусульман региона. Вопрос о создании самостоятельного управления для мусульман Северного Кавказа в начале XX в. приобрел большое значение в связи с распространением в регионе идей панисламизма и пантюркизма, ростом популярности среди мусульман националистических идей и движений (Халидова, 2014: 110). Однако централизованного органа управления мусульманами Северного Кавказа до февраля 1917 г. не было создано.

Следствием революции 1905–1907 гг. на Северном Кавказе стала не демократизация, а скорее укрепление авторитарной составляющей государственной власти при сохранении судебно-административной автономии горских народов. Так, в 1905 г. указом Николая II было восстановлено Кавказское наместничество, упраздненное в 1881 г., кавказским наместником был назначен граф И.И. Воронцов-Дашков, занимавший эту должность до 1915 г., в руках которого была сосредоточена высшая военная, исполнительная и судебная власть в регионе. В Дагестанской области сохранялся режим военно-народного управления: горцы-мусульмане жили по местным обычаям и шариату под

контролем российского военного начальства. Частично такой режим управления распространялся и на горцев Терской и Кубанской областей (*Северный Кавказ, 2007: 297*). При этом горцы Северного Кавказа на основании принятого 11 декабря 1905 г. избирательного закона получили доступ к выборам в Государственную Думу. Выборные от Кавказа принимали участие в работе Государственных Дум I–IV созывов, что привело к формированию оппозиционной царскому правительству северокавказской политической элиты за пределами региона (*Северный Кавказ, 2007: 298-305*).

Серьезным фактором, обострившим межнациональные отношения и ослабившим российскую государственность на Северном Кавказе, стала Первая мировая война. Война России с Турцией активизировала националистические настроения, способствовала дальнейшему росту популярности пантюркистской и панисламистской идей. Турция вступила в войну на стороне австро-германского блока в ноябре 1914 г., объявив «священную войну» против Англии, Франции и России. Призыв султана к «священной войне» был обращен и к мусульманам России, предписывал им подняться на борьбу против российской власти, что обострило ситуацию на Северном Кавказе (*Гилязов, 2015: 311*). Политические и общественные деятели Северного Кавказа А.Т. Цаликов и И.И. Гайдаров выступили с идеей образования независимого от России Северо-Кавказского мусульманского государства под эгидой Турции (*История народов Северного Кавказа..., 1988: 540*). Исмаил Беданок, выступая на III Конгрессе «Союза народов» в Лозанне, проходившем летом 1916 г., отметил, что «оккупация Кавказа русскими, в соответствии с международным и гуманитарным правом, является несправедливостью и неравенством», и обратился к Англии, Франции, США, «...чтобы он был освобожден от московского ига, стремящегося к его полному уничтожению» (*Черкесы, 1916*).

Обострение межнациональных отношений привело к росту национального самосознания. Национально-освободительная борьба горских народов, проявлялась прежде всего в форме борьбы против самодержавия и имперской государственности. В дальнейшем национальный фактор стал важнейшим в формировании нового государственно-политического устройства. Национальные элиты Северного Кавказа вступили в революционный период без четкого видения национально-государственного устройства и перспектив национально-государственного развития народов Северного Кавказа.

5. Заключение

Таким образом, национальная политика Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв., опирающаяся на унитарность и наднациональную идентичность, во многом сформировала черты и тенденции, которые продолжили свое развитие в последующие периоды истории российского государства. Это стремление к ликвидации экономической и социокультурной отсталости региона, проведение курса на русификацию – усиление роли русского языка как государственного языка и его использование в делопроизводстве, государственном управлении и образовании, включение горских народов в российское социокультурное пространство при сохранении элементов административной и культурной автономии горских народов; формирование наднациональной идентичности. Имперская национальная политика не смогла найти баланс между сохранением единства и неделимости России и реализацией запроса на национальную автономию, что стало одним из факторов ослабления государства и всплеска национализма и сепаратизма на Северном Кавказе в революционный период. Реализации целей и задач национальной политики Российской империи в регионе также мешало отсутствие единого, объединяющего все народы исторического прошлого и неясные представления о национальном будущем.

Можно выделить взаимосвязь между усилением либо ослаблением государственной власти на Северном Кавказе и чередованием «мягкой» (повышение статуса и роли национальных окраин, национальных языков и культур) либо «жесткой» (культурно-языковая русификация, административно-территориальная унификация, снижение статуса и роли национальных элит). Национальная политика Российской империи не смогла найти баланс между унификацией и формированием наднациональной идентичности, политическими интересами и социокультурным развитием национальных окраин, что стало одним из факторов ее распада, который стал одним из ключевых факторов всплеска национализма, экстремизма и радикализма на Северном Кавказе.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43018.

The research was funded by RFBR according to the project № 21-09-43018.

Литература

Административно-территориальное устройство России..., 2003 – Административно-территориальное устройство России: история и современность / Под общ. ред. А.В. Пыжикова. М., 2003. 318 с.

- Бахтурина, 2004** – Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. 392 с.
- Всеподданнейший отчет..., 1913** – Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом графа И.И. Воронцова-Дашкова. СПб., 1913. 36 с.
- Высочайше утвержденное положение..., 1848** – Высочайше утвержденное положение о воспитании кавказских и закавказских уроженцев, на счет казны, в высших и специальных заведениях империи. 11 июня 1849 г. / Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XXIV. Отд. 1-е. № 23307.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Гилязов, 2015** – Гилязов И.А. "Священная война – джихад" как инструмент военно-политической стратегии Германии в годы Первой мировой войны / *Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения*. Казань, 2015. С. 310-321.
- Горцы Кавказа, 1933** – Журнал «Горцы Кавказа». Май 1933 года, № 39.
- Гриценко, 1963** – Гриценко Н.П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861–1900 гг.). Грозный, 1963. 198 с.
- Джераси, 2013** – Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013. 538 с.
- Документы по истории Балкарии..., 1959** – Документы по истории Балкарии (40–90-е гг. XIX в.) / Сост. Е.О. Крикунова. Т. 1. Нальчик, 1959. 262 с.
- Законотворчество думских фракций, 2006** – Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: Документы и материалы. М., 2006, 768 с.
- Имперский строй России..., 1997** – Имперский строй России в региональном измерении: XIX – начало XX века / Под ред. П.И. Савельева. М., 1997. 237 с.
- История народов Северного Кавказа..., 1988** – История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). Т. 2. М., 1988. 659 с.
- Кавказский сборник, 2005** – Кавказский сборник. М.: Русская панорама, 2005. Т. 2 (34). 336 с.
- Каппелер, 2000** – Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. 344 с.
- Киор, 2010** – Киор В.Б. Государственная национальная политика в имперской России // *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение»*. 2010. № 4 (47). С. 204-218.
- Кубанская справочная книжка, 1891** – Кубанская справочная книжка. Екатеринодар, 1891. 629 с.
- Мазанаев, 2020** – Мазанаев Н.К. Национальная политика России на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX в. // *Образование и право*. 2020. № 8. С. 426-428.
- Миллер, 2006** – Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. 248 с.
- Национальная политика в императорской..., 1997** – Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины: Сборник документов / Сост. и ред. Ю.И. Семенов. М., 1997. 414 с.
- Национальная политика России..., 1997** – Национальная политика России: история и современность / Под общ. ред. В.А. Михайлова. М., 1997. 680 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Российский Кавказ, 2007** – Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2007. 384 с.
- Северный Кавказ, 2007** – Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. 460 с.
- Titov, 2020** – Titov V.V. National policy of Alexander III: an attempt to form an "imperial identity" // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57. Is. 3. Pp. 1272-1280.
- Флоринский, 2010** – Флоринский М.Ф. Центральная власть и Кавказская администрация в системе управления Российской империи // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. 2010. № 1. С. 380-411.
- Халидова, 2014** – Халидова О.Б. Религиозная политика Российского государства в начале XX в. и ее влияние на мусульманское население Северо-Восточного Кавказа // *Вестник института ИАЭ*. 2014. № 1 (37) С. 108-116.
- Хоскинг, 2000** – Хоскинг Дж. Россия: народ и империя. М., 2000. 512 с.
- ЦГА КБР** – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики.
- Черкесы, 1916** – Черкесы. Доклад, представленный Исмаилом Беданомом, вице-президентом Лиги нерусских народов России, на III Конгрессе Союза народов в Лозанне (Швейцария) 29 июня 1916 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://aheku.net/articles/russian/istoriya-adyigov/3588> (дата обращения: 04.05.2021)

References

- Administrativno-territorial'noe ustrojstvo Rossii..., 2003** – Administrativno-territorial'noe ustrojstvo Rossii: istorija i sovremennost' [Administrative and territorial structure of Russia: history and modernity]. Ed. Pyzhikova A.B. М., 2003. 318 p. [in Russian]

- [Bahturina, 2004](#) – *Bahturina, A.Ju.* (2004). Okrainy Rossijskoj imperii: gosudarstvennoe upravlenie i nacional'naja politika v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1917 gg.) [Outskirts of the Russian Empire: State Administration and National Policy during the First World War (1914–1917)]. M., 392 p. [in Russian]
- [CGA KBR](#) – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kabardino-Balkarskoj Respubliki [Central state archive of the Kabardino-Balkarian Republic]. [in Russian]
- [Cherkesy, 1916](#) – Cherkesy. Doklad predstavlenyj Ismailom Bedanokom, vice-prezidentom Ligi Nerusskih Narodov Rossii, na III Kongresse Sojuza Narodov v Lozanne (Shvejcarija) 29 ijunja 1916 g [Report presented by Ismail Bedanok, Vice-President of the League of Non-Russian Peoples of Russia, at the III Congress of the Union of Peoples in Lausanne (Switzerland) on June 29, 1916]. [Electronic resource]. URL: <https://aheku.net/articles/russian/istoriya-adyigov/3588> (date of access: 04.05.2021). [in Russian]
- [Dokumenty po istorii Balkarii..., 1959](#) – Dokumenty po istorii Balkarii (40-90-e gg. XIX v.) [Documents on the history of Balkaria (40-90s of the XIX century)]. Ed. E.O. Krikunova. V. 1. Na'chik, 1959. 262 p. [in Russian]
- [Florinskij, 2010](#) – *Florinskij, M.F.* (2010). Central'naja vlast' i Kavkazskaja administracija v sisteme upravljenja Rossijskoj imperii [Central government and the Caucasian administration in the governing system of the Russian Empire]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 1: 380-411. [in Russian]
- [GARF](#) – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation]. [in Russian]
- [Geraci, 2013](#) – *Geraci, R.* (2013). Okno na Vostok: Imperija, orientalizm, nacija i religija v Rossii [Window on the East: national and imperial identities in late tsarist Russia]. M., 538 p. [in Russian]
- [Giljazov, 2015](#) – *Giljazov, I.A.* (2015). "Svjashhennaja vojna - dzhihad" kak instrument voenno-politicheskoj strategii Germanii v gody Pervoj mirovoj vojny ["Holy War – Jihad" as an Instrument of the Military-Political Strategy of Germany during the First World War]. *Tjurko-musul'manskij mir: identichnost', nasledie i perspektivy izuchenija*. Kazan'. Pp. 310-321. [in Russian]
- [Gorcy Kavkaza, 1933](#) – *Zhurnal «Gorcy Kavkaza»*. May 1933, № 39. [in Russian]
- [Gricenko, 1963](#) – *Gricenko, N.P.* (1963). Ekonomicheskoe razvitie Čečeno-Ingušetii v poreformennyj period (1861 – 1900 gg.) [Economic development of Chechen-Ingushetia in the post-reform period (1861 – 1900)]. Groznyj. 198 p. [in Russian]
- [Halidova, 2014](#) – *Halidova, O.B.* (2014). Religioznaja politika Rossijskogo gosudarstva v nachale XX v. i ee vlijanie na musul'manskoje naselenie Severo-Vostochnogo Kavkaza [Religious policy of the Russian state at the beginning of the XX century. and its impact on the Muslim population of the North-East Caucasus]. *Vestnik instituta IAJe*. 1(37): 108-116. [in Russian]
- [Hosking, 2000](#) – *Hosking, G.* (2000). Rossija: narod i imperija [Russia: People and Empire, 1552–1917]. M., 512 p. [In Russian]
- [Imperskij stroj Rossii..., 1997](#) – Imperskij stroj Rossii v regional'nom izmerenii: XIX-nachalo XX veka [The imperial system of Russia in the regional dimension: XIX-early XX centuries]. Ed. P.I. Savel'eva. M., 1997. 237 p. [in Russian]
- [Istorija narodov Severnogo Kavkaza..., 1988](#) – Istorija narodov Severnogo Kavkaza (konec XVIII v. – 1917 g.) [History of the peoples of the North Caucasus (late 18th century – 1917)]. V. 2. M., 1988. 659 p. [in Russian]
- [Kappeler, 2000](#) – *Kappeler, A.* (2000). Rossija – mnogonacional'naja imperija. Vozniknovenie. Istorija. Raspad [Russia is a multinational empire. Occurrence. History. Decay]. M. 344 p. [in Russian]
- [Kavkazskij sbornik, 2005](#) – *Kavkazskij sbornik*. M.: Russkaja panorama, 2005. V. 2 (34). 336 p. [in Russian]
- [Kior, 2010](#) – *Kior, V.B.* (2010). Gosudarstvennaja nacional'naja politika v imperskoj Rossii [State national policy in imperial Russia]. *Vestnik RGGU. Serija: Politologija. Istorija. Meždunarodnye otnoshenija. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie*. 4(47): 204-218. [in Russian]
- [Kubanskaja spravocchnaja knizhka, 1891](#) – Kubanskaja spravocchnaja knizhka. Ekaterinodar [Kuban reference book]. 1891. 629 p. [in Russian]
- [Mazanaev, 2020](#) – *Mazanaev, N.K.* (2020). Nacional'naja politika Rossii na Severnom avkaze v konce XIX – nachale XX v. [Russia's national policy in the North Caucasus in the late 19th - early 20th centuries]. *Obrazovanie i pravo*. 8: 426-428. [in Russian]
- [Miller, 2006](#) – *Miller, A.I.* (2006) Imperija Romanovyh i nacionalizm: jesse po metodologii istoricheskogo issledovanija [The Romanov Empire and Nationalism: Essays on the Methodology of Historical Research]. M. 248 p. [in Russian]
- [Nacional'naja politika Rossii..., 1997](#) – Nacional'naja politika Rossii: istorija i sovremennost' [National policy of Russia: history and modernity]. Ed. V.A. Mihajlova. M., 1997. 680 p. [in Russian]
- [Nacional'naja politika v imperatorskoj..., 1997](#) – Nacional'naja politika v imperatorskoj Rossii. Civilizovannye okrainy: Sbornik dokumentov [National policy in imperial Russia. Civilized Outskirts: Collection of Documents]. Ed. Ju.I. Semenov. M., 1997. 414 p. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian state historical archive].

Rossijskij Kavkaz, 2007 – Rossijskij Kavkaz. Kniga dlja politikov [Russian Caucasus. Book for politicians]. Ed. V. A. Tishkova. M., 2007. 384 p. [In Russian]

Severnyj Kavkaz, 2007 – Severnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii. M. 2007 [North Caucasus as part of the Russian Empire]. 460 p. [in Russian]

Titov, 2020 – Titov, V.V. (2020). National policy of Alexander III: an attempt to form an "imperial identity". *Bylye Gody*. 57(3): 1272-1280.

Vsepoddannejšij otchet..., 1913 – Vsepoddannejšij otchet za vosem' let upravlenija Kavkazom grafa I.I. Voroncova-Dashkova [The most submissive report for eight years of governing the Caucasus by Count I.I. Vorontsov-Dashkov]. SPb., 1913. 36 p. [in Russian]

Vysochajshe utverzhdennoe položenie..., 1848 – Vysochajshe utverzhdennoe položenie o vospitanii kavkazskih i zakavkazskih urozhencev, na schet kazny, v vysshih i special'nyh zavedenijah imperii. 11 ijunja 1849 [The imperially approved provision on the education of Caucasian and Transcaucasian natives, at the expense of the treasury, in higher and special institutions of the empire. June 11, 1849]. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 2-e. T. XXIV. Otd. 1-e. № 23307. [in Russian]

Zakonotvorčestvo dumskih frakcij, 2006 – Zakonotvorčestvo dumskih frakcij. 1906–1917 gg.: Dokumenty i materialy [Lawmaking of the Duma factions. 1906–1917: Documents and materials]. M. 2006. 768 p. [in Russian]

Национальная политика Российской империи на Северном Кавказе в XIX – начале XX веков

Алексей Михайлович Ерохин ^a, Евгений Александрович Авдеев ^{a, *}, Сергей Михайлович Воробьев ^a

^a Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается национальная политика Российской империи на Северном Кавказе в XIX – начале XX веков. Целью работы является историко-политическая реконструкция включения народов Северного Кавказа в единое государственное и социокультурное пространство России в имперский период. Методология исследования основана на сочетании элементов историографического, историко-сравнительного и историко-политического анализа. В основе имперской национальной политики данного периода лежало стремление к построению национального государства на основе принципа унитарности, языковой и культурной русификации, формирования имперской идентичности. Характерными чертами национальной политики Российской империи на Северном Кавказе стали стремление к ликвидации экономической и социокультурной отсталости региона, проведение курса на включение горских народов в российское социокультурное пространство. При этом прослеживается определенная гибкость подходов к формированию системы государственного управления, выразившаяся в сохранении элементов административной и культурной автономии горских народов. Российская империя вплоть до конца своего существования сохранила сложную сословную иерархию, законы и управленческие практики, препятствовавшие унификации государства и укреплению имперской идентичности. Реформы начала XX века имели незавершенный и во многом декларативный характер. Их следствием стало не столько укрепление гражданско-правового и государственного начала, сколько дальнейший рост национального самосознания горских народов и формирование оппозиционной царскому правительству северокавказской политической элиты. Имперская национальная политика не смогла найти баланс между сохранением единства и неделимости России и реализацией запроса на национальную автономию, что стало одним из факторов ослабления государства и всплеска национализма и сепаратизма на Северном Кавказе в революционный период.

Ключевые слова: национальная политика, Российская империя, Северный Кавказ, имперская идентичность, русификация, образование, государственное управление, национальный фактор, профессиональный фактор.

* Корреспондирующий автор

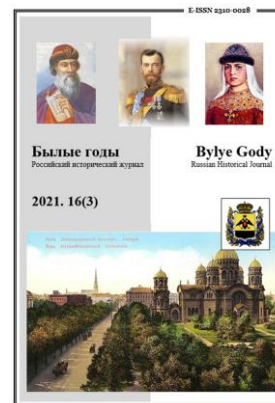
Адреса электронной почты: ewg.avdeev@yandex.ru (Е.А. Авдеев)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1162-1170
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1162
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



The Left Flank of the Caucasian Cordon Line: the Place and Role of Fortifications in the Military-Political Subordination of the Eastern Caucasus during the Caucasian War

Machach M. Vagabov ^a, Abidat A. Gazieva ^{b, *}, Vasily A. Rogozhkin ^a

^a Moscow Polytechnic University, Russian Federation

^b Institute of History, Archeology, Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

In the article, on the basis of the comprehensive use of the literature and sources at our disposal, a systematic study of the history of the construction and functioning of the fortifications of the Left Wing of the Caucasian Cordon Line in the context of the military-political subordination of the region is carried out. Having carried out an analytical analysis of the complex of sources, literature, and historical concepts at the research disposal, we made an attempt to systematically study the influence of cordon fortifications and fortresses in the Eastern Caucasus on the military-political subordination of the region during the Caucasian War. In addition, we are making an attempt to classify the methods of military and political subordination. The study attempts to reveal the role and significance of the fortifications of the Left Wing of the Caucasian Cordon Line in the subordination of the territory of the Eastern Caucasus to the Russian Empire in the 19th century, as well as to show the evolution of the regional management system during the Caucasian War. The topic of the history of the creation of cordon lines in the Eastern Caucasus, the goals and objectives of their construction is poorly covered in the scientific literature. To achieve the designated research goals and objectives, the use of the value approach was of great importance. This approach allowed not only to develop a certain attitude and assess the processes under study, but also contributed to the franking of historical events, using such scientific categories as “place”, “role”, “meaning”, “experience”. Cordon fortifications and fortresses were the conductors of the Caucasian policy in the Russian Empire in the Eastern Caucasus. Until the 30s of the XIX century, the tsarist administration of the Russian Empire mainly used the tactics of military conquest of territories by means of punitive operations to subjugate the territories of the Eastern Caucasus. The harsh methods of military subordination were gradually replaced by methods of political control, the dissemination of Russian legislation and orders. It is worth talking about political development only in those territories that were initially subordinated by force of arms, and only after a lapse of time, by means of acculturation, everyday communication and trade and economic contacts, did they become mentally closer to Russia. On the border territories, to the cordon Lines, colonization was actively carried out, first military, then civil, which also contributed to the military-political subordination of the region. The personal factor was of great importance in matters of military-political subordination of the Eastern Caucasus, the managers changed, transformed the internal vector of the Caucasian policy, changing it depending on their ideas about the conquest of the region. During the 19th century, the tactics of military subordination of the region began to evolve and transform into the military-political development of the region, with the predominant use of military resources, which was due to the ongoing Caucasian war.

Keywords: fortifications, Caucasian politics, amanats, military campaign, Ermolov, isolation policy.

* Corresponding author

E-mail addresses: gazieva.abidat@mail.ru (A.A. Gazieva)

1. Введение

Кавказ в силу своего стратегического и геополитического положения на протяжении многих веков был ареной противоречий между крупными мировыми державами. Издавна через территорию Кавказа проходили важные военно-стратегические и торгово-экономические пути, в результате чего этот регион всегда был ареной конфликтов интересов крупных государств. Одним из главных геополитических игроков в регионе была Российская империя, которая хотела расширить и обезопасить свои южные границы. Оптимальной системой для вхождения и дальнейшего вовлечения региона в общероссийское политическое, экономическое, административное и культурное пространство было строительство приграничных укреплений на юге государства. Разработкой проектов возведения системы фортификационных укреплений в разные исторические периоды занимались П.А. Апраксин, П.Д. Цицианов, И.В. Гудович, А.П. Ермолов, И.Ф. Паскевич, М.С. Воронцов. План возведения крепостей и укреплений менялся в зависимости от успехов боевых действий и тактики генералов по покорению региона. Вместе с этим каждый новый виток боевых действий характеризовался новым тактическим сопровождением политики военно-политического подчинения.

2. Материалы и методы

Первичная информация по данной теме исследования собиралась в научном архиве ИИАЭ ДФИЦ РАН (Россия, республика Дагестан, город Махачкала). Также в работе проанализированы документы, хранящиеся в фондах Центрального государственного архива, посвященные Кавказской войне. Кроме того, в качестве источниковой базы исследования использовались Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, в которых представлены законопроекты, распоряжения относительно кавказской политики Российской империи на Восточном Кавказе.

Основной теоретико-методологической базы научного исследования явились общеисторические принципы историзма и объективности. Комплексное применение общеисторических методов исследования – историко-сравнительного, историко-ситуационного – позволило системно изучить исторические факты в контексте исторических событий военно-политического подчинения региона в указанный период. Для осуществления обозначенных целей и задач научного исследования большое значение имело применение ценностного подхода, позволившего дать историческую оценку явлениям, процессам и событиям, а также представить историческое событие на разных уровнях исследования, используя такие научные категории, как «место», «роль», «значение», «опыт».

3. Обсуждение

Основное строительство системы фортификационных укреплений на Кавказе приходится на период Кавказской войны, в частности на начальный этап боевых действий. Это время отождествляют с деятельностью А.П. Ермолова на Кавказе, который сменил внутренние векторы кавказской политики, пересмотрел ее содержание в вопросе подчинения края.

До назначения А.П. Ермолова на Кавказ функционировал лишь Терский участок Кавказской кордонной линии, который возник при основании крепости Кизляр и десяти станиц вдоль по Тереку, выполнявших защитную функцию. На участке постоянно содержались российские войска и казачьи подразделения в станицах. Для защиты города-крепости, кроме воинских сил, практиковалось использование охраны караульчиков – по 1 от каждых 10 дворов ([Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 122](#)). Данная мера была необходима, чтобы местные жители были вовлечены в процесс охраны и не имели интереса принимать участие в сговоре с немирными горцами.

В последующий период, вплоть до прибытия А.П. Ермолова на Кавказ, строительные работы по возведению системы фортификационных сооружений Кавказской кордонной линии не велись. Остальные стратегические части Восточного Кавказа не находились под постоянным контролем российской администрации. При А.П. Ермолове Кавказская линия распространялась до Дагестана, вплоть до сухой черты от Батал-Пашинской переправы до реки Малки посредством новоучрежденных укреплений. И. Дебу отмечал, что «Кавказская губерния обращена в область сего же наименования и с сохранением жителей оной, даны строгие предписания, приняты благонадежные меры справедливости и решительности в отношении к горским смежным народам; введен бдительный и неусыпный надзор над командующими Линией» ([Дебу, 1829: 393-394](#)).

А.П. Ермолов, будучи опытным военачальником, осознавал, что тактика, использовавшаяся до его прихода в вопросе покорения горцев, устарела, и для полного подчинения и вовлечения их в российское государственное пространство необходима системная политика, базирующаяся на реалиях горского восприятия и ментальности.

Системное освоение региона Алексей Петрович решил начать с возведения новых участков кордонных линий. По его ходатайству 10 января 1818 г. Александр I издал указ, претворяющий в жизнь проект застройки Кавказской линии по реке Сунже для обеспечения безопасности левого крыла Линии. Указ разрабатывался «касательно занятия реки Сунжи, дабы чрез то обезопасить Кавказскую Линию от набега Чеченцев и других горских народов» ([Ермолов, 1861: 50](#)).

А.П. Ермолов, успев познакомиться с ментальностью горцев, утверждал: «Здесь между народами, заглубелыми в невежество, чуждым общих понятий, первый закон есть сила» (*Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 10*). Его тактика ведения дел на Кавказе вытекала из данной им горцам характеристики. Основной тактический замысел плана проведения кавказской политики генерала сводился к тому, чтобы вытеснить непокорных горцев в горы (использовать их изоляцию и склонение перед властями империи под давлением климатических, экономических факторов – «экономического прессинга»), перенести кордонную линию максимально ближе к горам.

А.П. Ермолов в письме императору описывал мотивы своих действий по обустройству Линии следующим образом: «Теперешние селения по Линии останутся за цепью крепостей в безопасности... Не приемля я занятие вдруг всей р. Сунжи, ибо оно потребовало бы чрезвычайных средств и гораздо большего числа войск; но, укрепляясь постепенно и переводя войска с теперешней Линии, чрез два года все течение Сунжи будет в руках наших и, дав спокойствие Линии, мы не будем населять горы увлекаемыми в плен подданными В.И.В. и переносить наглые поступки Чеченцев и, крови их не проливая, заставим для собственного счастья переменить разбойнический образ жизни» (*АКАК, 1875: 498-499*). Замысел генерала в конечном счете сводился к тому, чтобы территория между крепостями, сторожевыми постами должна находиться в плотной застройке, что будет обеспечивать более высокий уровень защиты границ.

Аналогичную идею высказывал в начале XIX века П.Д. Цицианов, который предлагал «занять казачьими поселениями линию от Екатеринограда до Владикавказа и от Владикавказа по реке Сунже, включая обширное пространство Сунженского предгорья» (*Омельченко, 1991: 110-111*). Тифлиссский военный губернатор Н.М. Сипягин резюмировал стратегию ведения войны на Кавказе: «В такой войне, гоняясь за бегущим и скрывающимся неприятелем, не может быть большой потери убитыми и ранеными; но могут войска утомиться и, не имея твердых пунктов соединения, ни коммуникаций верных, должны будут возвратиться без успеха» (*Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 222*). Несмотря на понимание необходимости отхода от тактики набеговой войны в виде разорительных операций, до прихода Ермолова она оставалась именно таковой. А.П. Ермолов возлагал большие надежды в вопросе покорения Кавказа на то, чтобы, «войдя в горы, занять выгоднейшие, господствующие над окрестными странами пункты, сделать в оных укрепления для защиты гарнизона, устроить безопасные коммуникации, приготовить для будущих кампаний сборные места войскам» (*Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 222*).

Наиболее важным стратегическим районом, где необходимо возведение крепостных сооружений, он считал территорию Чечни. Возведение фортификационных сооружений по реке Сунже обеспечивало возможность поддержания порядка в Чечне и защиты от набегов города-крепости Кизляр, который имел важное стратегическое и экономическое значение для Восточного Кавказа. По плану генерала была построена крепость Грозная. Для обеспечения ее строительства и безопасности нового укрепления Ермолов «от всех аулов, сидевших над Сунжей, взял аманатов» (*Потто*). Практика взятия аманатов (заложников) была распространенным элементом кавказской политики. Так, для покорения хушетцев царское правительство взяло с их общества 8 аманатов (*Левое крыло Кавказской кордонной Линии: 148*). Обычно заложников брали из наиболее влиятельных и состоятельных фамилий.

Жители чеченских деревень, находившихся вблизи Линии, не ожидали скорого возведения новой крепости, так как появление Линии и ее быстрый рост ставили приграничные к ней территории в полную зависимость. Позиция А.П. Ермолова относительно немирных горцев была решительной и непоколебимой, что следует выводом из его высказывания: «Остается добавить..., что приятное лицо мое омрачили густыми усами, ибо, не пленя именем, не бесполезно страшить и наружностью. Я многих, по необходимости придерживаюсь азиатских обычаев и вижу, что проконсул Кавказа жестокость здешних нравов не может укротить милосердием. И я ношу кинжал, без которого ни шагу. Тебе истолкует Раевский слово «канлы», значащее взаимную нежность» (*Потто*).

К 1 октября строительство крепости было завершено. Процесс заселения территорий близ крепостей Линии был при Ермолове статичен, а после возведения Грозной деревни и вовсе опустели. Это было связано с тем, что войсками проводилась жесткая политика карательных операций, что в итоге привело к опустению когда-то заселенных деревень.

Политика управления при Алексее Петровиче и его предшественниках сводилась к тому, что осуществлялось военное подчинение региона. Данная тактика использовалась российским правительством в конце XVIII – начале XIX веков. Она не приносила желаемого результата, так как горцы быстро отходили от последствий разорительных походов русской армии и вновь приходили в неповиновение. В период А.П. Ермолова также использовалась тактика карательных операций с тем различием, что была возведена система крепостных сооружений, которая должна была стать границей между двумя мирами – российским и горским, вытесняя горцев в горы. По мнению генерала, изоляция горцев должна была скорее склонить их к подчинению и российским порядкам. Также для ускорения и упрощения процесса военного подчинения края, по мнению А.П. Ермолова, необходимо было наладить коммуникации между укреплениями. Он стал делать попытки создания транспортной системы путем вырубки лесов и прокладывания просек, что впоследствии продолжили

его преемники. Стоит отметить, что до второй четверти XIX века российская администрация на Восточном Кавказе преимущественно использовала только методы военного подчинения.

Командующий Сунженской линией, начальник левого крыла Кавказской линии полковник А.П. Пулло наказал непокорных чеченцев деревни Кишкерой, жители которой принимали у себя наиба Шамиля Ташова Гаджи. Российским командованием было принято решение о проведении экспедиции в Чечню. Генерал от инфантерии барон Г.В. Розен рапортовал 10 декабря 1836 г. в Москву: «Полковник Пулло довел до сведения моего, что непокорные нам чеченцы, уstraшенные неоднократным истреблением их жилищ, имуществом и пленом многих их единоплеменников, склонились уже на изъявление покорности нашему правительству; но возмутители Чеченские употребили все усилия для возжжения в народе религиозного фанатизма и ненависти против нас» (АКАК, 1881: 715-716).

Полковник А.П. Пулло, начальник левого крыла Кавказской линии писал: «Собрал в Шедринской станице отряд из 14 рот Куринского Егерского полка, 500 казаков Моздокского и Гребенского линейных казачьих полков, 2 горных пеших и 6 конных оружейных» (Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 95. Л. 196) для наказания жителей деревни. Полковник А.П. Пулло окружил деревню Бей-Булат-Юрт и истребил ее (Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 95. Л. 205). Военную кампанию для покорения территории Западной Чечни возглавил генерал-майор К.К. Фези, который 15 марта 1837 г. рапортовал командованию о приведении в покорность земель чеченцев и отправил командованию «присяжные листы покорившихся жителей 9 деревень ичкерийских, с коих взято 12 аманатов» (Кавказский вектор российской политики, 2014: 495). Однако, несмотря на эти действия, чеченские земли не были покорены окончательно, так как они спустя время, оправившись от разорения, вновь приходили в сопротивление.

Политика жесткого военного подчинения обостряла отношения между горцами и российской администрацией, с одной стороны, но с другой – также имела и положительные стороны для администрации: под страхом разорения многие общества горцев приходили к покорности. Так, когда наиб Шамиля Ташев Гаджи хотел пройти в Чечню через землю андийцев, они запретили ему это и «наложили штраф на 20 человек их общества, участвовавших в его действиях» (Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 95. Л. 203).

Последовательное военное подчинение и обустройство коммуникации явились первостепенной задачей для кавказской администрации, начиная с 30-х гг. XIX века. Подтверждением этому служат многочисленные рапорты, записки. Начальник левого фланга Кавказской линии Н.В. Греков рапортовал начальнику войск Кавказской линии и Черномории К.Ф. Сталю: «Продолжал расчистку и сожжение леса, в прошлом году вырубленного... Расширив дорогу, я истребил вновь выросший лес, получил от Гойты сено, аманатов, 3 числа перешел к селению Урус-Мартан, где, расположась, вырубил приготовленные завалы, взял аманата нового из лучшей фамилии и 4 перешел к селению Рошна» (Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 156). Жители покоренных чеченских селений быстро возвращались к сопротивлению российским властям, что было обычной практикой для горцев всего Восточного Кавказа. Из-за многочисленных измен и предательств со стороны жителей селений, они часто подвергались карательным кампаниям. Так, после того как жители деревни Шали многократно нарушали договоренности, достигнутые после очередного разорения, против них была организована карательная операция. Были посланы «чеченцы, казаки и солдаты с топорами вырубить все сады и потом зажечь все дома. К вечеру не осталось в деревне ни одного фруктового дерева и ни одного дома, кроме двух, отдельно стоящих домов, аманатского хозяина, который накануне того дня убил изменника, убившего в прошлом году нашего казака в Шалях; сии 2 дома не велел я истреблять» (Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 161). Следующей была разрушена до основания со всеми ее садами деревня Малая Атага (Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 161).

Подобной политикой царская администрация пыталась показать выгоды сотрудничества с Россией и подчинения. Как говорится в источнике, «это пример весьма сильный и для покорных нам, и для неповинующихся. Сверх того, открытые дороги к полям и селениям их угрожали им постоянно, должны утомить и самих разбойников; а бедность, время от времени усиливающаяся лишением скота, домов и заведений, должна положить конец упрямству и водворить повиновение» (Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 162).

Царская администрация с каждым витком боевых действий стала все чаще склоняться к тому, что за неповиновение даже нескольких человек из горского общества наказание должно быть для всего общества. В случае, когда 194 чеченские семьи бежали из села Старый Юрт, чтобы не покоряться царским войскам, для их наказания, остановки и возвращения были применены самые жесткие меры: «с пригорка начали действовать картечью, ядрами, оружейным огнем, все стало бросаться в воду: женщины, мужчины, скот... Урон должен быть у неприятеля чрезвычайно велик, ибо густота народа, смятение и ужасный со стороны нашей огонь производил жестокое поражение» (Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 166).

Царская администрация оправдывала жесткость методов тем, что «чеченцы повинуются только со страха, покорность их тогда только надежна, когда частью уважение, набеги и готовность войск

угрожают наказанием злодеев, тогда все мошенники теряют силу в народе» ([Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 166](#)).

Начальник левого фланга Кавказской линии Н.В. Греков после разорения деревень обратился к ним с призывом к спокойствию и повинению: «Вы не хотели отдать аманатов, когда я был за Аргуном, и жить спокойно, а сколько у вас побито людей? Чего стоят Шали и Малая Атага? Это все было бы цело, если бы вы жили спокойно! Какую пользу получаете вы, что несколько человек злодеев ездят на разбой к нам: ежели они утащат человека у нас, то выкупают свои же единоверцы. Если они убьют у нас кого, то мы вместо одного 2-х отсылаем в Сибирь» ([Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 172-173](#)).

Жесткость методов правления и подчинения приносила свои плоды, хотя обходилась большой ценой людских потерь для царской администрации. В связи с проводимой политикой часть селений мирных горцев на Сунже под страхом разорения «содержат караулы, препятствующие хищникам проходить на Линию, и в случае наносимого ими вреда ответственность за убыток» ([Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 175](#)).

В 1832 году жители селения Искера желали поддержать Кази-Муллу, а салатавцы остались верны России, за что «Николай I объявил салатавцам монаршее благоволение, а койсубулинцам селения Искера было объявлено, в случае поддержки Кази-Муллы они будут высланы в отдаленный край» ([Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 274](#)).

Царские власти на Восточном Кавказе «возлагали ответственность за будущее поведение абреков на жителей тех аулов, в каких поселялись сии беженцы» ([Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 433](#)). Это делалось для оптимизации процесса подчинения и сокращения войск и финансового содержания на Кавказе.

Для поощрения мирных горцев администрация использовала практику раздачи чинов и материального поощрения. Так, император распорядился наградить мирных горцев князя Кучук-Бековича – чином капитана, Мундарова, Алибкачева и Алхазова – чинами прапорщиков ([Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 178](#)) за то, что они принимали деятельное участие в покорении деревень по реке Сунже.

После военного подчинения горских обществ царская администрация старалась их удержать в подчинении политическими и экономическими методами: приобщая к торговле, к законам империи. Данная политика стала практиковаться все более к 30–40-м гг. XIX века, наряду с гражданской колонизацией.

Царская администрация для поддержания порядка и контроля в землях чеченцев планировала народы, проживающие по рекам Сунже, Аргуну и Мечуку, насильно переселить их на приграничные крепостям Линии территории «довольно большими деревнями, не принимая до того ни под каким видом аманатов, которыми охотно жертвуют в крайностях для выигранья только времени» ([Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 239](#)).

Планировалось, что указанные выше общества должны будут:

«1. дать новых аманатов, прежние же за участие их в возмущениях не будут им возвращены, а отправляются на службу в Финдской корпус или в Сибирь на поселение.

2. возвратить всех находящихся у них пленных.

3. заплатить по 5 рублей серебром с двора штрафа и впредь платить ежегодно подати по 1 рублю со двора, в счет сего по недостатку у них денег принимать оружие или брать в залог людей из лучших семейств» ([Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 258](#)). Совокупно используя методы военно-политического и экономического подчинения, администрация планировала привести эти общества к покорности.

Стратегически и экономически важной территорией для империи была Грузия. В 1803 году, во время управления Грузией генералом князем Цициановым, джарские и белоканские народы были завоеваны силою Российского оружия ([Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 42](#)). Но это подчинение было недолгосрочным: как только русские войска покинули земли лезгин, они вновь пришли в неповиновение. Так, царские власти отмечали для себя, что горские общества лезгин быстро оправлялись от карательных операций царского правительства против них, участвовали в набегах на Кахетию и препятствовали постоянному расположению войск в своих владениях ([Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 42](#)).

Граф Паскевич-Эриванский признавал необходимым не откладывать нисколько решительного и безусловного их покорения как единственного средства обеспечить будущее спокойствие Кахетии ([Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 42](#)). 28 апреля 1830 года цель экспедиции была достигнута ([Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 43](#)).

Так, после подчинения владений Джары, Белоканы, Чиних, Талы, Мухахь и Джанихь ([Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 40](#)) князь Цицианов принял от их старшин присягу на верноподданство, обложил их данью и заключил с ними условия, которые должны были обеспечить «ненарушимость» присяги ([Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 42](#)).

Крепостная застройка на Лезгинском участке планировалась быть завершённой лишь к 1830 году, и правительство придерживалось того, что «к моменту возведения крепости между

Джарами и Белоканами отпущены будут в дома свои и взятые от общества аманаты» ([Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 48](#)). После учреждения Лезгинского участка кордонной Линии и ряда карательных операций против населения Джар и приведения их к покорности с помощью оружия и взятия аманатов ситуация в этой провинции стабилизировалась и стала подконтрольной российским властям, что оказало большое влияние на спокойствие Кахетии и Тифлиса ([Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 481](#)).

Российская администрация, считавшая, что после победы при Ахульго война близится к завершению, стала постепенно претворять в жизнь план гражданской колонизации, в том числе и Терской долины, «создания сети поселений на землях ингушей» ([Кодзоев, 2008: 88](#)).

В 1840 году командующий войсками на Кавказской линии генерал-адъютант П.Х. Граббе рапортовал о необходимости устройства системы фортификационных сооружений по течению реки Сунжи. Царская администрация предполагала «для утверждения здесь русского владычества создать поселения казачьих станиц на Сунже и возвести укрепления при главных выходах из гор» ([АКАК, 1870: 899-901](#)).

Следующий этап боевых действий Кавказской войны и активная деятельность Шамиля отсрочили осуществление этих планов ([Кодзоев, 2008: 89](#)).

Несмотря на то, что вторая четверть XIX века отличалась тактикой подчинения горцев, преобладающими все же оставались методы военного подчинения. В связи с этим к концу 40-х годов XIX века Линия продолжала совершенствоваться в военно-оборонном значении.

Для того чтобы контролировать территорию Большой и Малой Чечни было принято решение о строительстве укрепления Урус-Мартан, которое имело выгодное географическое положение. Кроме того, оно соединило бы и обезопасило расстояние между укреплениями Ачхоевским и Воздвиженским.

Цепь фронтовых станиц была хорошо организована для взаимопомощи и защиты, все были на таком расстоянии, что могли поддержать друг друга, а на Сунже более чем в 12 миль расстояния. Крепости имели свою систему оповещения в виде башен с колоколом, на каждой из которых постоянно находился сторожевой. Каждое движение на Линии передавалось пушечным огнем. Так, два выстрела означали призыв к оружию; четыре – говорили о том, что что-то случилось за Линией: например, угон скота, убийство пастухов, устроена засада на людей или шли небольшие отряды; восемь выстрелов сообщали о важном событии, таком как атака со стороны врага, или просьбу о немедленной помощи от соседних станиц и фортов ([Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 462. Л. 49](#)).

Начатое при Ермолове строительство путей сообщений продолжалось при его преемниках, особенно интенсивно во времена нахождения на Кавказе князя Барятинского, который, говоря об успехах на Северо-Восточном Кавказе, подчеркивал, что «...вырубкой просек, произведенной генерал-лейтенантом Евдокимовым... плоскость большой Чечни окончательно отторгнута от владений Шамиля..., движение от Воздвиженского к Кюринскому укреплению теперь возможно во всякое время» ([Левое крыло Кавказской линии: 40](#)).

Руководство кавказской администрации, осознавая необходимость укрепления и освоения земель чеченцев, в 50-е годы XIX века сменило тактику проведения военно-административной политики и пришло к тому, что решение этого вопроса возможно «лишь при занятии предгорий Андийского хребта..., перенесении сюда передовых укреплений... при сокращении длины передовой Линии» ([Левое крыло Кавказской линии: 41](#)). Российская администрация на Восточном Кавказе хотела сократить затраты на содержание многочисленных укреплений на Линии, за счет того, чтобы оставить малое их количество, но в наиболее стратегически важных точках при усовершенствовании материально-технической базы укреплений.

В этот же период было воздвигнуто укрепление Волынское, с постройки которого можно говорить о планомерной застройке долины как казачьими поселениями, так и перенесением аулов мирных чеченцев. Одной из тактических линий местной администрации было то, что с 40-х годов начинается процесс переселения аулов мирных горцев на передовую Линии, что было выгодным для укреплений, так как «аулы, переселенные впереди наших Линий, сами защищаются, ...уменьшая значительную из того потребность в войсках» ([Левое крыло Кавказской линии: 52](#)). Впоследствии казачьи станицы соединили собою земли между крепостями Назрань и Грозная. Следует отметить, что под станицей в данном случае подразумевалось не просто гражданское поселение, а укрепление, немногим уступающее крепости, что-то по типу станиц-крепостей Кизлярского участка Терской линии. Военно-переселенческая колонизация, продолжавшаяся на протяжении более чем 15 лет, полностью оформила пространство Кавказского хребта. Застройка Линии началась после неудачной для российских войск Даргинской операции, когда кавказская администрация уяснила для себя правило, основоположником которого был еще фельдмаршал князь Воронцов, которое сводилось к мысли о том, что «покорить горы невозможно, не покорив сперва плоскости и предгория» ([Из походных записок](#)). Немного позже правительство, проанализировав собственные ошибки, перешло от политики военного подчинения к гражданской колонизации, невоенным методам приобщения посредством политических и экономических рычагов. Царские власти планировали народы завоеванных провинций посредством умного и осторожного обращения склонить на сторону

русских интересов и повсюду завоеванную сторону примирить со своими победами ([Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 129. Л. 5](#)).

Под системным завоеванием региона нами подразумевается военно-политическое его освоение, где, наряду с военными методами подчинения, используются и политические рычаги управления. Необходимо отметить, что, несмотря на смену тактического сопровождения кавказской политики по подчинению и освоению региона, она по своему содержанию вплоть до окончания боевых действий Кавказской войны оставалась военной.

Военное присутствие было первостепенным элементом в вопросе претворения в жизнь кавказской политики: к примеру, в 1857 г. для прохождения по некоторым участкам Лезгинской линии и очищения от неприятеля были разрушены многочисленные аулы, находящиеся по пути следования ([Левое крыло Кавказской кордонной линии: 82](#)).

В 1858 году были проведены работы по обеспечению коммуникации по Линии: была устроена дорога по Аргуноу, дорога от лагеря до Варандинского поля и моста, соединяющего по ущелью вышеперечисленные дороги.

Происходит трансформация функциональных задач, поставленных перед Лезгинской линией. М.С. Воронцов осознавал, что Линия имеет не просто стратегическое значение, но и геополитическое. Исходя из этого, начинается дорожное строительство: была построена Военно-Ахтынская дорога – от г. Нухи по Шинскому ущелью на укрепление Ахты. Параллельно шло строительство дороги от Кахетии на гору Кодор с дальнейшим возведением на горе укрепления. Многие укрепления и посты системы фортификационных укреплений, находившиеся в непригодном состоянии, были снесены, построены новые в наиболее значимых стратегических точках. В целях повышения обороноспособности Линии был принят ряд решений: «поставить вышку между Закаталами и Белоканами, ...переселить аул близ Беженьян, в котором поселились капуцинцы, ...прорубить в нескольких местах просеки, ...установить караульный пост между крепостью Закаталы и Муганинской переправой» ([ЦГА РД. Ф. 133. Оп. 4. Д. 13. Л. 5](#)). До самого окончания боевых действий Кавказской войны Кавказская кордонная линия играла важное значение в вопросе военного подчинения края. Также посредством укреплений и крепостей с 30-х годов XIX века начинает использоваться и политическое подчинение региона параллельно с гражданской колонизацией.

5. Заключение

Значение крепостей как важнейшего звена в осуществлении кавказской политики России было обусловлено рядом разнообразных факторов, начиная от географического положения и заканчивая полиэтничным составом региона.

Задача крепостей, которая на первых порах сводилась только к обороне и защите, впоследствии трансформировалась, заключаясь в дальнейшем освоении и подчинении новых территорий. Изменился и сам характер ведения боевых действий на Восточном Кавказе. Следует отметить, что ключевую роль в вопросе строительства и дальнейшего управления кордона сыграли начальники Линии, управлявшие ею с 20-х годов XIX века. Здесь необходимо учитывать и смену геополитической ситуации на Кавказе в целом, влияние Гюлистанского договора, а также и личностный фактор – это был период «новых управленцев», с качественно новым, прогрессивным уровнем мышления. Отчасти их становлению способствовал процесс длительного присутствия империи в регионе: на их деятельности отразился весь исторический опыт становления российской администрации на Кавказе. Политика военного подчинения региона реализовывалась посредством строительства Кавказской кордонной линии. В ходе исторического процесса освоения и подчинения Восточного Кавказа в XIX веке произошла смена векторов направленности кавказской политики. Первоначальное жесткое подчинение, с одной стороны, дало свои плоды – покорение некоторых территорий и развитие торговых, культурных коммуникаций между враждующими сторонами, с другой – в результате развития разного рода коммуникаций между народами закономерно отпала необходимость в военном подчинении и произошел постепенный переход к смешанной модели военно-политического освоения, а впоследствии – только лишь политического подчинения региона.

Крепости и укрепления Линии, а также станицы, возникшие в результате политики военного подчинения и гражданской колонизации, легли в основу будущих городов в регионе, способствовали процессу урбанизации. Города – аккумуляторы истории. Город-крепость, как «живой организм», который постоянно растет и развивается, где, благодаря коммуникации, происходило развитие добрососедских отношений и приобщение горцев к российскому экономическому, политическому, правовому, культурному пространству. С их появлением практика военного подчинения сошла на нет.

Мобильность преобразовательной деятельности царского правительства на Восточном Кавказе, переход от политики военного подчинения региона к политическому способствовали становлению толерантных основ кавказского общества и по сей день.

Литература

[АКАК, 1870](#) – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1870. Т. IV. 1044 с.

- [АКАК, 1875](#) – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. 2. 950 с.
- [АКАК, 1881](#) – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VIII. 1881. № 613. 1009 с.
- [Дебу, 1829](#) – *Дебу И.* О Кавказской Линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую Линию, и о соседственных горских народах. СПб.: Типография Карла Крайя, 1829. 504 с.
- [Ермолов, 1868](#) – *Ермолов А.П.* Записки Алексея Петровича Ермолова. М., 1868. 726 с.
- [Кавказский вектор российской политики, 2014](#) – Кавказский вектор российской политики. Т. II. Кн. 2. 1762–1864 гг. М., 2014. 800 с.
- [Кодзоев, 2008](#) – *Кодзоев Н.Д.* Ученые записки № 1. Населенные пункты Ингушетии: история и современность. Магас, 2008. С. 85–90.
- [Из походных записок](#) – Из походных записок. Кавказ // *Военный сборник*. № 7. 1866. Восточная литература. Средневековые исторические источники востока и запада. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Iz_pochod_zapisok/text.htm (дата обращения: 12.10.2020).
- [Левое крыло Кавказской кордонной Линии](#) – Левое крыло Кавказской кордонной Линии (Терская область). Прикаспийский край (Дагестанская область) и Лезгинская кордонная Линия. Сборник документов Б.в.д. // Из фонда редкой книги ИИАЭ ДФИЦ РАН. 752 с.
- [Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940](#) – Материалы по истории Дагестана и Чечни (Первая половина XIX века) / Под редакцией Бушуева С.К., Магомедова Р.М. Т. 3. Ч. 1. Махачкала, 1940. 472 с.
- [Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН](#) – Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН.
- [Омельченко, 1991](#) – *Омельченко И.Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991.
- [Потто](#) – *Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. II. [Электронный ресурс]. URL: <https://statehistory.ru/books/Kavkazskaya-voyna-Tom-2-Ermolovsko-e-vremya/5> (дата обращения: 10.08.2020).
- [ЦГА РД](#) – Центральный государственный архив Республики Дагестан.

References

- [АКАК, 1870](#) – Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Tiflis, 1870. T. IV. 1044 p.
- [АКАК, 1875](#) – Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Tiflis, 1875. T. VI. P. 2. 950 p.
- [АКАК, 1881](#) – Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Tiflis, 1881. T. VIII. 1009 p.
- [Debu, 1829](#) – *Debu, I.* (1829). O Kavkazskoj Linii i prisoedinennom k nej Chernomorskom vojske, ili obshchie zamechaniya o poselennyh polkah, ograzhdayushch ih Kavkazskuyu Liniyu, i o sosedstvennyh gorskih narodah. [About the Caucasian Line and the Black Sea Army attached to it, or general remarks about the settled regiments enclosing the Caucasian Line and about the neighboring mountain peoples]. St. Petersburg, Karl Kray Printing House. 504 p. [in Russian]
- [Ermolov, 1868](#) – Zapiski Alekseya Petrovicha Ermolova [Notes of Alexei Petrovich Ermolov] M., 1868. 726 p. [in Russian]
- [Kavkazskij vector rossijskoj politiki, 2014](#) – Kavkazskij vector rossijskoj politiki [Caucasian vector of Russian politics]. Т. II. Book. 2.1762-1864 М., 2014. 800 p. [in Russian]
- [Kodzoev, 2008](#) – *Kodzoev, N.D.* (2008). Uchenye zapiski №1. Naseennye punkty Ingushetii: istoriya i sovremennost' [Scientific notes № 1. Inhabited localities of Ingushetia: history and modernity]. Magas. Pp. 85–90. [in Russian]
- [Iz pohodnyh zapisok](#) – Iz pohodnyh zapisok [From Camping Notes. Caucasus]. Kavkaz. *Voennyj sbornik*. 7. 1866. Vostochnaya literatura. Crednevekovyie istoricheskie istochniki vostoka i zapada. [Electronic resource]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Iz_pochod_zapisok/text.htm (date of access: 10.12.2020.) [in Russian]
- [Levoe krylo Kavkazskoj kordonnoj Linii](#) – Levoe krylo Kavkazskoj kordonnoj Linii (Terskayaoblast'). Prikaspijskij kraj. (Dagestanskaya oblast') i Lezgin'skaya kordonnaya Liniya [The leftwing of the Caucasian cordon Line (Terskregion). Caspian region. (Dagestan region) and Lezgin cordon Line]. Sbornik dokumentov B.v.d. Iz fonda redkoi knigi IIAE DFITS RAN. 752 p. [in Russian]
- [Materialy po istorii Dagestana i Chechni, 1940](#) – Materialy po istorii Dagestana i Chechni (Pervaya polovina XIX veka) [Materials on the history of Dagestan and Chechnya (First half of the 19th century)]. Pod redakciej Bushueva S.K., Magomedova R.M. T.3. Part 1. Makhachkala, 1940. 472 p. [in Russian]
- [Nauchnyyarkhiv IIAE DFITS RAN](#) – Nauchnyyarkhiv IIAE DFITS RAN. [Scientific archive of the IIAE DPRC RAS].
- [Omel'chenko, 1991](#) – *Omel'chenko, I.L.* (1991). Terskoye kazachestvo [Terek Cossacks]. Vladikavkaz. [in Russian]

Potto – *Potto*, V.A. Kavkazskaya voyna votdel'nykhocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh. [The Caucasian War in Selected Essays, Episodes, Legends and Biographies] Т. II. [Electronic resource]. URL: <https://statehistory.ru/books/Kavkazskaya-voyna--Tom-2--Ermolovskoe-vremya/5> (date of access: 10.08.2020). [in Russian]

TGARD – Tsentral'nyy Gosudarstvennyy Arkhiv Respubliki Dagestan [Central state archive of the republic of Dagestan].

Левый фланг Кавказской кордонной линии: место и роль фортификационных укреплений в военно-политическом подчинении Восточного Кавказа в период Кавказской войны

Махач Мустафаевич Вагабов ^a, Абидат Абдулаевна Газиева ^{b, *}, Василий Алексеевич Рогожкин ^a

^a Московский политехнический университет, Российская Федерация

^b Институт истории, археологии, этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе комплексного использования имеющихся в исследовательском распоряжении литературы и источников проводится системное изучение истории строительства и функционирования фортификационных укреплений левого крыла Кавказской кордонной линии в контексте военно-политического подчинения региона. Проведя аналитический анализ комплекса источников, литературы, исторических концепций, мы предприняли попытку системного исследования влияния кордонных укреплений и крепостей на Восточном Кавказе на военно-политическое подчинение края в период Кавказской войны. Кроме того, нами делается попытка градации методов военного и политического подчинения.

В исследовании раскрываются роль и значение фортификационных укреплений левого крыла Кавказской кордонной линии в подчинении территории Восточного Кавказа Российской империей в XIX веке, а также показывается эволюция системы управления регионом в период Кавказской войны. Тема истории создания кордонных линий на Восточном Кавказе, целей и задач строительства слабо освещена в научной литературе. Для достижения обозначенных траловых целей и задач большое значение имело применение ценностного подхода, который сформировал отношение к исследуемым процессам и позволил дать им оценку, а также способствовал франкированию исторических событий, используя такие научные категории, как «место», «роль», «значение», «опыт».

Кордонные укрепления и крепости были проводниками кавказской политики Российской империи на Восточном Кавказе. До 30-х годов XIX века царская администрация преимущественно использовала для подчинения территорий Восточного Кавказа тактику военного покорения территорий посредством карательных операций. Жесткие методы военного подчинения постепенно были заменены на методы политического управления, распространения российского законодательства, порядков. О политическом освоении стоит говорить лишь на тех территориях, которые изначально были подчинены силой оружия и только по прошествии времени посредством аккультурации, бытовой коммуникации и торгово-экономических контактов стали ментально ближе к России. На приграничных к кордонным линиям территориях активно велась колонизация, сначала военная, затем гражданская, что также способствовало военно-политическому подчинению края. Огромное значение в вопросах военно-политического подчинения Восточного Кавказа играл личностный фактор: управленцы меняли, трансформировали внутренний вектор кавказской политики, меняя его в зависимости от своих представлений о покорении края. На протяжении XIX века тактика военного подчинения региона стала эволюционировать и трансформировалась в военно-политическое освоение региона с преобладающим использованием военного ресурса, что было обусловлено продолжающейся Кавказской войной.

Ключевые слова: фортификационные укрепления, кавказская политика, аманаты, военная кампания, Ермолов, политика изоляции.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gazieva.abidat@mail.ru (А.А. Газиева)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1171-1180
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1171
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century)

Ivan A. Ermachkov ^{a, b, *}, Evgeniya V. Vidishcheva ^c, Elena K. Mineeva ^d, Leonid L. Balanyuk ^{e, f}

^a Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Sochi State University, Sochi, Russian Federation

^d I.N. Ulianov Chuvash State University, Russian Federation

^e Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^f Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article considers the capture of 80 Russian prisoners as a phenomenon in the first half of the XIX century, using the example of the case of the return of 80 Russian prisoners from the Khiva Khanate.

There are used as sources the archival documents of the State Archive of the Orenburg Region (Orenburg, Russian Federation), namely case No. 4993 “The case of 80 Russian prisoners taken out of Khiva in 1839”. It contains 80 questionnaires about the circumstances of the capture of Russian people, their sale, as well as their stay in captivity. The documents are being introduced into scientific circulation for the first time.

In conclusion, the authors note state that the “The case of 80 Russian prisoners taken out of Khiva in 1839” is a very valuable source for studying the peculiarities of the capture of Russian people by Asian tribes in the first half of the XIX century. Thanks to this source, it was found that, as a rule, Asian predatory parties carried out attacks at night, which achieved suddenness and surprise. At the same time, daytime attacks were accompanied by a chase and the use of military cunning.

The number of attackers varied depending on the task being solved. If it was planned to capture a prisoner on Russian territory, then a group of only a few people was needed for this, but if it was a robbery in the Caspian Sea, the number of the party of predators could reach 160 people with four boats.

The duration of the raid also had its own peculiarities. Most of them were fleeting: the way from the Turkmen coast to the Russian coast, the exploration of the territory, the night attack with the capture of prisoners and the return journey. However, there were cases when a robber party was engaged in capturing people for 20 days along the Russian coast, during which time the robbers could capture a significant number of Russian fishermen.

During the clashes between predators and fishermen, various weapons were used. The fishermen had guns, and sometimes a small-caliber gun, while the predators used a whole arsenal of offensive weapons, from small-caliber cannons and rifles to spears, darts and sabers.

Keywords: slave capture, slave trade, Central Asia, nomads, Kyrgyz, Russian Empire, Caspian Sea, sea robbery, captives.

1. Введение

Материалы опросов людей, возвратившихся из плена (рабства), являются достаточно редким источником по истории рабовладения в XIX веке. Тем не менее такие материалы вводятся в научный

* Corresponding author

E-mail addresses: eiao7sochi@yandex.ru (I.A. Ermachkov)

оборот и сегодня, несмотря на значительный хронологический период, отделяющий современников от описываемых событий. Наиболее ярким примером здесь может быть недавно опубликованная крупная коллекция документов под названием «Черкесские невольничьи повествования» (Cherkasov, 2020). Наша публикация также вполне может быть отнесена к жанру «невольничьих повествований», так как источником информации в ней служат материалы опросов бывших рабов.

2. Материалы и методы

В качестве источников использованы архивные документы Государственного архива Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация), а именно дело № 4993 «Дело о вывезенных из Хивы 80 русских пленниках в 1839 году». В нем содержатся 80 опросных листов об обстоятельствах пленения русских людей, продаже их, а также пребывании в плену. Материалы опросов интересны и тем, что позволяют значительно расширить представление об азиатском плене, рабовладении, системе наказания пленников за побеги. Документы впервые вводятся в научный оборот.

Работа построена с использованием базовых принципов историзма, системности и объективности. Важное значение в ней имеет статистический метод, который позволил систематизировать и обобщить разрозненные сведения о захвате русских людей центральноазиатскими племенами в первой половине XIX века.

3. Обсуждение

Историографию по теме исследования мы разделили по хронологическому принципу на три периода: дореволюционный, советский и современный российский.

Среди дореволюционных выделяется группа трудов по покорению Средней Азии российских и иностранных авторов. Так, например, необходимо отметить работы М.А. Терентьева «История завоевания Средней Азии» (Терентьев, 1903) и «Хивинские походы русской армии» (Терентьев, 2010), а также труд Г.А. Мас «Gahan. Campaigning an the Oxus and the Fall of Khiwa» (Мас, 1874). В это время также предпринимались попытки изучения Туркестанского региона, например, сборник статей А.П. Хорошхина (Хорошхин, 1876) и «Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска», составленный Ф. Стариковым (Историко-статистический очерк, 1891).

Среди работ советского периода можно назвать «Материалы по истории Казахской ССР. 1785–1828 гг.» (Материалы по истории..., 1940), труд Н.А. Халфина «Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.)» (Халфин, 1974). Также исследовались и торгово-экономические отношения, в качестве примера можно привести «Историю торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.)» М.И. Сладковского (Сладковский, 1977).

В современный российский период эту тему затрагивали Е.В. Bebeshko и другие при изучении внешней политики разных стран в Туркестане (Bebeshko et al., 2017). Проблемам безопасности торговых путей в Центральной Азии уделяли внимание Ю.А. Лысенко (Lysenko, 2019), а также В.А. Bulgarova и другие (Bulgarova et al., 2020). Обращались исследователи и непосредственно к теме нашего исследования. Так, например М. Кирокосьян рассматривал морской разбой в Карибском море (Кирокосьян, 2007). Проблеме возвращения пленных из рабства на Кавказе посвятили свою работу Ю.Ю. Клычников и С.С. Лазарян (Klychnikov, Lazaryan, 2018). К теме рабства в Центральной Азии обращался и автор данной статьи (Ermachkov et al., 2021). Ю.А. Лысенко рассматривала дипломатические отношения между Россией и азиатскими ханствами (Lysenko, 2018).

4. Результаты

Приступая к основной части нашей работы, необходимо пояснить, что все 80 русских пленников были возвращены из плена в августе 1839 г. Однако их сроки пребывания там были разными: кто-то попал в плен в течение последнего года, а кто-то и более 25 лет назад. Самый ранний случай захвата в плен относится к 1812 г., когда лезгинами были похищены трое рядовых русской армии в Грузии. С учетом того, что азиатско-кавказский рабовладельческий рынок располагал разветвленной сетью со значительным количеством поставщиков, то «живой товар» мог поставляться не только в Турцию и Персию, но и в Азию (то есть всем заинтересованным в покупке людей лицам).

Случаи захвата русских распределяются следующим образом: в 1810-е гг. 4 случая (по одному в 1812, 1814, 1816 и 1819 гг.), в это время был захвачен 21 человек, из них – трое в Грузии, 6 рыбаков – на реке Урал, а остальные – азиатскими племенами в Каспийском море на рыболовстве.

В 1820-е гг. было пять случаев захватов русских людей: по одному в 1824, 1825, 1826 гг. и два в 1829 г. В этот период было захвачено 22 человека, из них – один во время пахотных работ на русской стороне и 21 – во время рыболовства в Каспийском море.

В 1830-е гг. было 25 случаев захвата, из которых 2 – в 1830 г. (захвачено 13 русских, один рыбак спасся бегством), 4 – в 1833 г. (захвачено 9 русских, 1 убит), 2 – в 1834 г. (захвачено 8 русских, также есть данные о захвате еще 7 человек), 2 – в 1835 г. (захвачено 7 русских, кроме того, есть данные о захвате еще 80 русских рыбаков), 1 – в 1836 г. (захвачено 2 рыбака), 1 – в 1838 г. (захвачен один казак Оренбургского войска) и 13 случаев в 1839 г. (захвачено 64 человека, помимо этого, есть данные о захвате еще 3 русских). Из всех русских людей, захваченных в 1830-е гг. только один казак был

захвачен на русской территории, а все остальные люди – в Каспийском море во время рыбного промысла. Всего в 1830-е гг., согласно данным «Дела о вывезенных из Хивы 80 русских пленников», было похищено 104 человека и один в ходе нападения захватчиков был убит, помимо этого, есть данные о захвате еще 90 человек из числа русских рыбаков.

Таким образом, только согласно «Делу о вывезенных из Хивы 80 русских пленниках в 1839 году» с 1812 по 1839 гг. похищено было 147 человек, также имелись данные о похищении еще 90 человек, в столкновениях был убит один русский рыбак и только один рыбак спасся бегством.

Большая часть захватов происходила в Каспийском море с применением косовой лодки (Рисунок 1) как русскими рыбаками, так и морскими разбойниками.

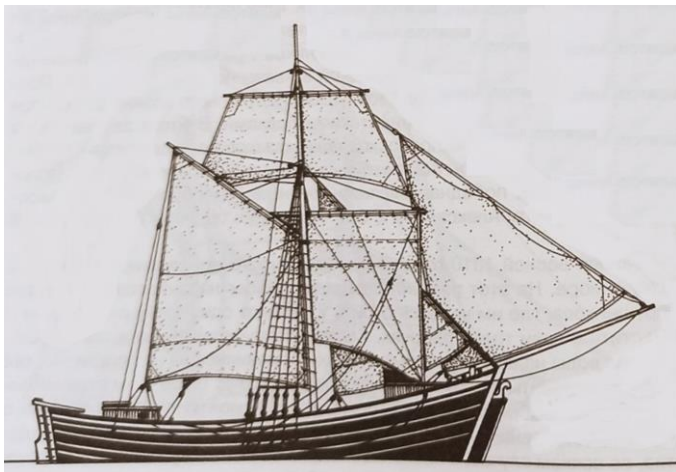


Рис. 1. Косовая (кусовая) лодка – каспийское рыболовное судно (Кирокосян, 2007: 150)

Приведем примеры этих захватов и обстоятельства пленения.

1812

В 1812 г. захвачен в плен рядовой Харитон Щеглов – крестьянин Тамбовской губернии, который отбывал рекрутскую повинность в русских войсках в Грузии. С двумя солдатами он был отправлен за провиантом, но все были захвачены шестью лезгинами и уведены в горы (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 75об.).

1814

В 1814 г. захвачен был в плен Илья Попов – крестьянин Нижегородской губернии, который с 7 товарищами на 3 лодках занимался рыболовством в Каспийском море. Нападение на рыбаков было осуществлено ночью группой из 14 киргизов. Других подробностей этого дела не имеется (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 90-90об.).

1816

В мае 1816 г. захвачен был Василий Ефимов – крестьянин Оренбургской губернии, который с 5 крестьянами занимался рыболовством на реке Урал недалеко от Гурьева-городка. В один из вечеров на них напали 30 киргизов Китинского рода под предводительством Сентая и Тюли, захватили их в плен и увезли в свои аулы (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 77-77об.).

1819

В 1819 г. был захвачен в плен Яков Редькин – крестьянин Нижегородской губернии, который находился на рыбной ловле в Каспийском море с тремя товарищами. В нападении участвовали 30 туркмен и киргиз Адайского рода, их главарем и толмачом был калмык Калинка. Нападение было произведено ночью, когда рыбаки спали, в результате сопротивления оказано не было. Лодка рыбаков была затоплена. На обратном пути разбойники захватили еще двух рыбаков, но имена их остались неизвестны (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 70об.-71).

1824

Весной 1824 г. был захвачен в плен Савелий Чаплыгин – крестьянин Астраханской губернии, который с двумя товарищами занимался рыболовством в Каспийском море. Они были захвачены 25 туркменами и увезены на туркменский берег (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 95об.).

1825

Александр Иванов – рабочий Илецкого соляного правления – был захвачен в плен весной 1825 г. во время пахотных работ группой киргизов из 4 человек, которая сразу же покинула русскую территорию и вернулась в степь (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 16).

1826

Весной 1826 г. захвачен был Иван Мартынов – крестьянин Пензенской губернии, который с двумя товарищами был на рыбной ловле в Каспийском море. Рыбаки были захвачены группой туркмен в составе 12 человек под предводительством Кошназара. Других подробностей об обстоятельствах захвата не имеется (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 88-88об.).

1829

Весной 1829 г. был пленен Ефим Рудыкин – крестьянин Астраханской губернии, который с двумя товарищами находился на рыбном промысле в Каспийском море. Ранним утром на рыбаков напала группа туркмен в составе 37 человек. Несмотря на то, что рыбаки уже не спали, им спастись не удалось. Рудыкин был ранен в руку и ногу саблей. 5 месяцев он выздоравливал от полученных ран и лишь потом был продан в рабство (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 98-99).

В июле 1829 г. был захвачен в плен Василий Беседин – крестьянин Астраханской губернии, который с 11 товарищами на одном судне находился на рыболовстве в Каспийском море. Вечером на судно было совершено нападение туркмен в числе 45 человек на одной лодке. Рыбаки пытались обороняться, но из-за отсутствия оружия ничего не смогли сделать. В результате девять человек были ранены, в том числе Василий, который получил ранение дротиком в грудь. Захватив рыбаков и их судно, туркмены вернулись к своему берегу (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 92об.-93).

1830

В апреле 1830 г. захвачен был в плен Герасим Веденюхин – крестьянин Пензенской губернии, который находился на рыбном промысле с четырьмя товарищами. В ходе нападения спастись смог только один рыбак, который находился на судне вдали от берега. В нападении участвовали киргизы численностью 65 человек (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 69).

В июле 1830 г. был захвачен Василий Савин – крестьянин Нижегородской губернии, который с 8 товарищами был на рыболовном промысле в Каспийском море. Нападение было осуществлено на рассвете группой туркмен из 12 человек под предводительством Атаназара. Рыбаки сопротивления оказать не успели, были захвачены и увезены в туркменские аулы (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 83-83об.).

1833

Осенью 1833 г. захвачен был Аким Родионов – крестьянин Астраханской губернии, который с товарищем занимался рыболовством в Каспийском море. Ввиду малочисленности рыбаков ночью они себя не охраняли, чем и воспользовались разбойники. Ночное нападение совершила группа из 14 человек туркмен и киргизов, в их числе был беглый солдат Астраханского батальона Андрей Сырельщиков. Рыбаки были связаны и увезены на туркменский берег. Пока Родионов находился в кочевье туркмен в течение 1,5 месяцев, были пленены еще трое русских, включая его тестя (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 96-96об.).

В 1833 г. захвачен был Степан Яицов – крестьянин Нижегородской губернии, который с двумя товарищами находился на рыбной ловле в Каспийском море. Нападение на рыбаков было осуществлено вечером перед закатом солнца. Они попытались оказать сопротивление, но нападавшие застрелили из ружья одного из рыбаков. После захвата двух других, убитый был брошен в воду (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 85-85об.).

В 1833 г. был захвачен Абрам Тархунов – крестьянин Тамбовской губернии, который с товарищем ловил рыбу в Каспийском море. На рассвете на них напали 30 туркмен и захватили их в плен (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 91об.-92).

В 1833 г. был захвачен Михаил Капканов – крестьянин Пензенской губернии, который с двумя товарищами находился на рыбной ловле в Каспийском море. На рассвете на них напала группа из 30 туркмен, которая и взяла их в плен (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 94-94об.).

1834

Весной 1834 г. был захвачен в плен Гавриил Шапошников – мещанин города Астрахани, который с тремя товарищами занимался рыболовством в Каспийском море. На пути домой в полдень на рыбаков напали 50 киргизов и туркмен на двух лодках под предводительством беглого татарина, которого другие пленники по незнанию называли калмыком Калинкой. Рыбаки поставили паруса и пытались спастись бегством. Погоня продолжалась до самого вечера, а когда ветер утих и паруса стали бесполезны, рыбаки были захвачены, также была захвачена их лодка. На пути в киргизские

аулы разбойники захватили еще две лодки рыбаков с семью русскими (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 81-810б.).

Весной 1834 г. был захвачен и Матвей Еремин – мещанин города Астрахани, который с тремя товарищами находился на рыбной ловле в Каспийском море. Нападающих было 40 киргизов и туркменов. Рыбаки были захвачены и увезены в Азию (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 84-840б.).

1835

В июле 1835 г. захвачен в плен Александр Маков – крестьянин Нижегородской губернии, который с двумя товарищами ловил рыбу в Каспийском море. Рыбаки были захвачены 15 киргизами и туркменами. Других подробностей захвата не сообщалось (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 87-870б.).

В 1835 г. был захвачен в плен Иван Салопин – крестьянин Астраханской губернии, который находился на Каспийском море со своим отцом, братом и одним работником. Ранним утром рыбаки увидели приближение 4 лодок и подняли паруса, чтобы от них удалиться, но услышали просьбу остановиться на русском языке, что рыбаки и сделали. Когда лодки приблизились, стало понятно, что это хищники, число которых было около 160 человек. Нападающие открыли огонь из пушек и прострелили брату Ивана руку. После того как лодка рыбаков была захвачена, пленных связали и рассадили по разным лодкам. Пленники были в море еще 20 дней, в это время было захвачено еще 80 русских (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 730б.-74).

1836

20 июля 1836 г. был захвачен Михаил Семенов – крестьянин Саратовской губернии, который вместе с товарищем был на рыбной ловле в Каспийском море. Нападение было осуществлено ранним утром 16 туркменами на двух лодках, в числе разбойников был беглый солдат Андрей Сырельщиков. Рыбаки были захвачены и увезены (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 100).

1838

В сентябре 1838 г. был захвачен в плен Алексей Самойлов – казак Оренбургского казачьего войска – днем недалеко от станицы Палы, 80 киргизами. Казак попытался кричать, чтобы поднять тревогу, но получил четыре ранения копьем. После этого его связали, посадили на лошадь, привязали к ней и отвезли в киргизские аулы (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 79-790б.).

1839

14 марта 1839 г. в плен попал Осип Кербицков – крестьянин Пензенской губернии, который находился на рыбном промысле в Каспийском море с 8 товарищами. Нападение на них было совершено ночью группой туркменов и киргизов в составе 60 человек, с ними был Андрей Сырельщиков. Об обстоятельствах захвата известно следующее: русские заметили разбойников уже в непосредственной близости, выстрелили из небольшой пушки и из ружей, но потерь противнику не нанесли. Хищники, подъехав еще ближе, начали стрелять из ружей в ответ и одному из русских прострелили плечо. Не имея возможности более сопротивляться, русские вынуждены были сдаться. Схватив пленников, разбойники начали их избивать, после этого заковали и увезли с собой (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 39-40).

В марте 1839 г. был захвачен в плен Козьма Потоханов – крестьянин Нижегородской губернии, который с тремя товарищами был на рыбном промысле в Каспийском море. Ночью, когда рыбаки отдыхали, на них напали хивинцы и киргизы, называемые чундурцами, в числе 40 человек. Рыбаки оказали сопротивление, но так как противников было много, то их связали и избили (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 450б.-46). Один из захваченных, Максим Зиновьев – крестьянин Тамбовской губернии – дополнил обстоятельства пленения: «хотя мы и употребляли усилия к освобождению себя, но от претерпенных жестоких побоев потеряли силы» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 470б.-48).

В марте 1839 г. в плен был захвачен Василий Громов – крестьянин Тамбовской губернии, который с 8 товарищами занимался рыбной ловлей на Каспийском море. Нападение на них было осуществлено ночью. Ввиду того, что рыбаки приняли разбойников за рыбопромышленников, сопротивления оказано не было. Захватчиками были киргизы и туркмены (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 22-220б.).

В марте был захвачен в плен Данила Зодин – крестьянин Нижегородской губернии, который с четырьмя товарищами находился в Каспийском море на рыбной ловле. Разбойники напали на них ночью, когда рыбаки спали, стоявший на часах крестьянин Прялов счел нападающих за других рыбаков и не поднял тревогу. В результате, несмотря на то, что рыбаки имели оружие, вступить в бой они не успели. В ходе разбоя нападающие пробили дно и затопили лодку рыбаков. Всего в нападении участвовало 22 человека, среди которых большинство туркменов, несколько киргизов, а также беглый русский солдат Андрей Сырельщиков (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 500б.-51).

3 апреля 1839 г. в плен был захвачен с семьей товарищами (на двух лодках) Степан Грачев – мещанин города Саратова, который находился на рыбной ловле в Каспийском море. Об обстоятельствах этого дела Грачев сообщил следующее: «3-го Апреля производя рыболовство в

откупных водах Астраханского купца Голикова, с работниками Артемьевым, Вострокнутовым и Михайловым увидел я идущую прямо к нам кусовую лодку, которую сначала принимал за принадлежащую промышленникам, но по приближении ее, узнал, что это разбойники. Мы поставили тотчас паруса, и пустились было плыть от них, но лодка наша не успела еще сильно разбежаться, как разбойники догнали нас, и сделав по выстрелу из ружей, примкнули к нашей лодке, и всех нас перевязали. Другая, принадлежащая мне кусовая лодка, на которой были Калмыки и государственный крестьянин Голубев, была в это время в виду нашем; на ней также были подняты паруса, и она пустилась плыть, но разбойники по взятии нас догнали и ее, и бывших там людей схватили и перевязали. Пленителей наших было 38 человек, Киргизов и Туркменцев; по именам я никого из них не знаю, кроме одного Туркменца Кута-Назара, которому я достался по разделу. У них, кроме нас, было еще 9 человек Русских пленников, взятых прежде нас» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 35-35об.).

3 апреля 1839 г. в плен с двумя товарищами был захвачен отставной унтер-офицер 45-го флотского экипажа Терентий Ярченко, который отправился на собственной лодке к Эмбенским водам для рыболовства. Днем на них напали киргизы и туркмены в составе 20 человек на двух лодках. Русские оказали сопротивление и выстрелили из двух ружей, но вреда не причинили. Когда киргизы приблизились, во время абордажа они ранили одного из русских копьём в правую щеку, после чего захватили всех троих в плен (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 19об.-20).

7 апреля 1839 г. был захвачен в плен Василий Романов – крестьянин Рязанской губернии – с двумя товарищами во время рыбной ловли в Каспийском море. Нападение произошло в 2 часа ночи, в нем принимали участие около 50 туркменов и киргизов на двух лодках. Пленников схватили, связали и посадили в лодки нападающих. Лодка рыбаков была сожжена (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 53-54 об.). Захваченный в этом же деле Ефим Мельников, крестьянин Пензенской губернии, дополнил, что в числе нападавших были беглый солдат Сырельщиков и калмык Калинка (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 54об.-55).

В апреле 1839 г. был захвачен в плен на Каспийском море Иван Рудькин с отцом и двумя младшими братьями. Нападение было осуществлено в сумерках во время рыбной ловли. Нападающие подошли на двух лодках на очень большой скорости (всего в деле участвовало около 40 киргизов и туркменов), абордажная группа перелезла на лодку рыбаков и начала избивать русских. После захвата пленников выяснилось, что в трюме одной из лодок налетчиков были уже три захваченных русских рыбака (в том числе Петр Петухов). Лодка Рудькиных была захвачена налетчиками в качестве трофея и использовалась впоследствии ими для разбоя (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 25об.-26).

Весной был захвачен Никита Шапошников – мещанин Астраханской губернии, который с сыном и двумя работниками был на рыбном промысле в Каспийском море. Об обстоятельствах этого дела известно только то, что в разбое участвовали туркмены и киргизы численностью в 23 человека (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 28-28об.).

В это же время был захвачен и другой астраханский мещанин Владимир Иванов, который был в Каспийском море с тремя работниками. Русские были захвачены группой киргизов и туркменов в составе 36 человек под предводительством беглого русского солдата Андрея Сырельщикова и калмыка Каменки (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 31об.-32).

В это же время был захвачен и Михаил Пантисин – крестьянин Нижегородской губернии, который находился на тюленьем промысле в Каспийском море. Он и пять его товарищей были захвачены туркменами и киргизами численностью около 40 человек под предводительством калмыка Каменки и беглого солдата Андрея Сырельщикова (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 317-38об.).

В апреле 1839 г. на Каспийском море был захвачен Петр Петухов, крестьянин Астраханской губернии, с двумя товарищами. Хищники в составе 32 киргизов и хивинцев напали на крестьян ночью и без сопротивления захватили их (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 26об.-27).

Федор Михайлов, крестьянин Астраханской губернии, был захвачен в плен с товарищем в апреле 1839 г. во время рыбной ловли в Каспийском море. Нападение было совершено в середине дня группой киргизов в составе 30 человек под предводительством бежавших из Астрахани солдата Андрея Сырельщикова и калмыка Каменки (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 18).

Данные о времени суток захвата мы свели в [Таблицу 1](#).

Таблица 1. Сведения о времени суток захвата русских людей

Годы	Время суток		
	Вечер, ночь, ранее утро	День	Данных нет
1810-е гг.	3	-	2
1820-е гг.	2	1	1
1830-е гг.	14	4	7
Итого	19	5	10

Из данных [Таблицы 1](#), следует, что, как правило, хищники занимались разбоем в ночное время, такие налеты происходили достаточно быстро, так как для жертв подобные нападения были всегда неожиданны. В свою очередь дневные нападения случались гораздо реже и могли сопровождаться длительным преследованием жертв, если налетчики не применяли хитрость (например, обращение на русском языке с просьбой остановиться, как это было в 1835 г.).

Численность нападавших всегда была различной. Если задача стояла в похищении одного человека на русской территории, то группа была маленькой, так как большая группа становилась заметной. Как правило, для этих целей было достаточно всего несколько человек. Если речь шла о разбое в Каспийском море, то хищные партии могли достигать 160 человек при четырех лодках. Однако более распространенными были группы до 40 человек на одной–двух лодках. В длительности рейда также были свои особенности. Большая их часть была скоротечной: путь с туркменского на русский берег, разведка территории, ночная атака с захватом пленников и путь с русского берега на туркменский. Однако были случаи, когда разбойная партия занималась захватом людей в течение 20 дней вдоль русского берега, за это время хищники могли захватить значительное количество русских рыбаков.

В ходе столкновений разбойников и рыбаков применялось разнообразное вооружение. Рыбаки располагали ружьями, а иногда и малокалиберным оружием, в то время как хищники применяли целый арсенал наступательного вооружения, от малокалиберных пушек и ружей до копий, дротиков и сабель.

Несколько слов можно сказать и о предводителях разбойных партий. Имеющиеся по этому вопросу данные мы свели в [Таблицу 2](#).

Таблица 2. Предводители разбойных партий 1812–1839 гг.

Годы	Беглые русские	Азиаты	Сведений о предводителях нет
1810-е гг.	1	1	2
1820-е гг.	-	1	4
1830-е гг.	10	1	14
Итого	11	3	20

Согласно данным [таблицы 2](#), беглые русские упоминались в качестве предводителей разбойных партий примерно в 30 % всех случаев. Среди таких предводителей называют калмыка Калинку, начавшего заниматься разбоем еще в 1810-е гг., и беглого солдата Сырельщикова, который занимался разбоем в 1830-е гг. Часто оба беглых из России были в одной хищной партии, но фиксировались случаи и участия в набегах по отдельности. Среди азиатских предводителей не было такого постоянства. Так, в 1810-х гг. в набег ходили Сентай и Тюли, в 1820-е гг. – Кошназар, а в 1830-е гг. – Атаназар. Очевидно, что беглые русские с их знанием русского языка могли для разбойной партии оказывать значительные услуги, и эти услуги они оказывали.

5. Заключение

Таким образом, «Дело о вывезенных из Хивы 80 русских пленниках в 1839 году» является очень ценным источником для изучения особенностей захвата русских людей азиатскими племенами в первой половине XIX века. Благодаря этому источнику, было установлено, что, как правило, азиатские хищные партии осуществляли нападения в ночное время, этим достигалась внезапность и неожиданность нападения. В то же время дневные нападения сопровождалась погоней и применением военной хитрости.

Численность нападавших варьировалась в зависимости от решаемой задачи. Если планировалось захватить пленника на русской территории, то для этого необходима была группа всего в несколько человек, если же речь шла о разбое в Каспийском море, то численность партии могла достигать 160 человек при четырех лодках.

В длительности рейда также были свои особенности. Большая их часть была скоротечной: путь с туркменского на русский берег, разведка территории, ночная атака с захватом пленников и обратный путь. Однако были случаи, когда разбойная партия занималась захватом людей в течение 20 дней вдоль русского берега, за это время хищники могли захватить значительное количество русских рыбаков.

В ходе столкновений разбойников и рыбаков применялось разнообразное вооружение. Рыбаки располагали ружьями, а иногда и малокалиберным оружием, в то время как хищники применяли целый арсенал наступательного вооружения, от малокалиберных пушек и ружей до копий, дротиков и сабель.

Литература

- [Борнс, 1849](#) – Борнс А. Путешествие в Бухару в 1831–1832 и 1833 гг. В 2 ч. Ч. 2. М., 1849.
[Вамбери, 1865](#) – Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865. С. 157-158.

- ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.
 Иванин, 1874 – *Иванин М.И.* Описание Зимнего похода в Хиву в 1839–1840 году. СПб., 1874.
 Историко-статистический очерк, 1891 – Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска / Сост. Ф. Стариков. Оренбург, 1891.
 Кирокосьян, 2007 – *Кирокосьян М.* Пираты Каспийского моря. Астрахань, 2007.
 Косырев, 1898 – *Косырев Е.* Поход в Хиву в 1839 г. (из записок участника) // Исторический вестник. 1898. № 8. С. 539-545.
 Материалы по истории..., 1940 – Материалы по истории Казахской ССР. 1785–1828 гг. М., 1940. Т. 4. 543 с.
 Мейендорф, 1975 – *Мейендорф Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. 183 с.
 Муравьев-Карсский, 1822 – *Муравьев-Карсский Н.Н.* Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах, гвардейского Генерального Штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. М.: Типография Августа Семена, 1822.
 Назаров, 1968 – *Назаров Ф.* Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М., 1968.
 Сладковский, 1977 – *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1977. 440 с.
 Терентьев, 1903 – *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. В 2 т. СПб., 1903.
 Терентьев, 2010 – *Терентьев М.* Хивинские походы русской армии. М., 2010. 448 с.
 Халфин, 1974 – *Халфин Н.А.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974. 406 с.
 Хорошхин, 1876 – *Хорошхин А.П.* Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876.
 Bebeshko et al., 2017 – *Bebeshko E.V., Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I., Shchevelev S.S.* The Problem of the Genesis of the «Great Game» in Turkestan at the beginning of the XIX century // *Bylye Gody.* 2017. Vol. 45. Is. 3: 853-860.
 Bulgarova et al., 2020 – *Bulgarova B.A., Barabash V.V., Muzykant V.L., Kasymalieva K.E.* The Trade Communication in the Kyrgyz Steppe (first half of the XIX century): Some Characteristic Features // *Bylye Gody.* 2020. Vol. 57. Is. 3: 1093-1100.
 Cherkasov, 2020 – *Cherkasov A.A.* The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody.* 2020. 57-1(3-1): 1415-2266.
 Ermachkov et al., 2021 – *Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Mineeva E.K., Balanyuk L.L.* The Slavery in Central Asia (the first half of the XIX century): the Nature and Manifestations // *Bylye Gody.* 2021. 16(1): 110-117.
 Klychnikov, Lazaryan, 2018 – *Klychnikov Yu.Yu., Lazaryan S.S.* “I Ran Away to My People...”: Fates of Poles Captivated by Highlanders of the Northern Caucasus in the first half of the XIX century // *Slavery: Theory and Practice.* 2018. 3(1): 31-39.
 Lysenko, 2018 – *Lysenko Yu.A.* «Deputative missions» of the Kazakh khans, sultans and family governs in the court of the Russian emperors in the first half of the 19th century // *Bylye Gody.* 2018. № 50(4). Pp. 1518-1529.
 Lysenko, 2019 – *Lysenko Yu.A.* The Problem of Security of Trade Caravans in Russian-Kazakh Relations in the first half of the XIX century // *Bylye Gody.* 2019. Vol. 51. Is. 1. Pp. 138-148.
 Mac, 1874 – *Mac G.A.* Gahan. Campaigning on the Oxus and the Fall of Khiwa. London, 1874.
 Schuyler, 1876 – *Schuyler E.* Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kullja, London, 1876.

References

- Bebeshko et al., 2017 – *Bebeshko, E.V., Kryzhko, E.V., Pashkovsky, P.I., Shchevelev, S.S.* (2017). The Problem of the Genesis of the «Great Game» in Turkestan at the beginning of the XIX century. *Bylye Gody.* 45(3): 853-860.
 Borns, 1849 – *Borns, A.* (1849). Puteshestvie v Bukharu v 1831–1832 i 1833 gg. [Travel to Bukhara in 1831-1832 and 1833]. V 2 ch. Ch. 2. M. [in Russian]
 Bulgarova et al., 2020 – *Bulgarova, B.A., Barabash, V.V., Muzykant, V.L., Kasymalieva, K.E.* (2020). The Trade Communication in the Kyrgyz Steppe (first half of the XIX century): Some Characteristic Features. *Bylye Gody.* 57(3): 1093-1100.
 Cherkasov, 2020 – *Cherkasov, A.A.* (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody.* 57-1(3-1): 1415-2266.
 Ermachkov et al., 2021 – *Ermachkov, I.A., Koroleva, L.A., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L.* (2021). The Slavery in Central Asia (the first half of the XIX century): the Nature and Manifestations. *Bylye Gody.* 16(1): 110-117.
 ГАОО – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [State Archive of the Orenburg region].

- Istoriko-statisticheskii ocherk, 1891** – Istoriko-statisticheskii ocherk Orenburgskogo kazach'ego voiska [Historical and statistical sketch of the Orenburg Cossack army.]. Sost. F. Starikov. Orenburg, 1891. [in Russian]
- Ivanin, 1874** – *Ivanin, M.I.* (1874). Opisanie Zimnego pokhoda v Khivu v 1839-1840 godu [Description of the Winter campaign to Khiva in 1839-1840]. SPb. [in Russian]
- Khalfin, 1974** – *Khalfin, N.A.* (1974). Rossiya i khanstva Srednei Azii (pervaya polovina XIX v.) [Russia and the Khanates of Central Asia (first half of the 19th century)]. M. 406 p. [in Russian]
- Khoroshkhin, 1876** – *Khoroshkhin, A.P.* (1876). Sbornik statei kasayushchikhsya do Turkestanskogo kraja [Collection of articles related to the Turkestan region]. SPb. [in Russian]
- Kirokos'yan, 2007** – *Kirokos'yan, M.* (2007). Piraty Kaspiiskogo moray [Pirates of the Caspian Sea]. Astrakhan'. [in Russian]
- Klychnikov, Lazaryan, 2018** – *Klychnikov, Yu.Yu., Lazaryan, S.S.* (2018). "I Ran Away to My People...": Fates of Poles Captivated by Highlanders of the Northern Caucasus in the first half of the XIX century. *Slavery: Theory and Practice*. 3(1): 31-39.
- Kosyrev, 1898** – *Kosyrev, E.* (1898). Pokhod v Khivu v 1839 g. (iz zapisok uchastnika) [Hike to Khiva in 1839 (from the participant's notes)]. *Istoricheskii vestnik*. 8: 539-545. [in Russian]
- Lysenko, 2018** – *Lysenko, Yu.A.* (2018). «Deputative missions» of the Kazakh khans, sultans and family governs in the court of the Russian emperors in the first half of the 19th century. *Bylye Gody*. 50(4): 1518-1529.
- Lysenko, 2019** – *Lysenko, Yu.A.* (2019). The Problem of Security of Trade Caravans in Russian-Kazakh Relations in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 51(1): 138-148.
- Mac, 1874** – *Mac, G.A.* (1874). Gahan. Campaigning on the Oxus and the Fall of Khiwa. London.
- Materialy po istorii..., 1940** – *Materialy po istorii Kazakhskoi SSR. 1785–1828 gg.* [Materials on the history of the Kazakh SSR]. M., 1940. T. 4. 543 p. [in Russian]
- Meiendorf, 1975** – *Meiendorf, E.K.* (1975). Puteshestvie iz Orenburga v Bukharu [Travel from Orenburg to Bukhara]. M., 183 p. [in Russian]
- Murav'ev-Karsskii, 1822** – *Murav'ev-Karsskii, N.N.* (1822). Puteshestvie v Turkmeniyu i Khivu v 1819 i 1820 godakh, gvardeiskogo General'nogo Shtaba kapitana Nikolaya Murav'eva, poslannogo v sii strany dlya peregovorov [Travel to Turkmenistan and Khiva in 1819 and 1820, by the Guards General Staff of Captain Nikolay Muravyov, who was sent to these countries for negotiations]. M.: tipografiya Avgusta Semena. [in Russian]
- Nazarov, 1968** – *Nazarov, F.* (1968). Zapiski o nekotorykh narodakh i zemlyakh srednei chasti Azii [Notes on some peoples and lands of Central Asia]. M. [in Russian]
- Schuyler, 1876** – *Schuyler, E.* (1876). Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kullja, London.
- Sladkovskii, 1977** – *Sladkovskii, M.I.* (1977). Istoriya torgovo-ekonomicheskikh otnoshenii narodov Rossii s Kitaem (do 1917 g.) [The history of trade and economic relations between the peoples of Russia and China (until 1917)]. M. 440 p. [in Russian]
- Terent'ev, 1903** – *Terent'ev, M.A.* (1903). Istoriya zavoevaniya Srednei Azii [The history of the conquest of Central Asia]. V 2 t. SPb. [in Russian]
- Terent'ev, 2010** – *Terent'ev, M.* (2010). Khivinskie pokhody russkoi armii [Khiva campaigns of the Russian army]. M., 448 p. [in Russian]
- Vamberi, 1865** – *Vamberi, A.* (1865). Puteshestvie po Srednei Azii [Journey through Central Asia]. SPb. Pp. 157-158. [in Russian]

Особенности захвата в плен русских людей азиатскими кочевыми племенами (первая половина XIX века)

Иван Анатольевич Ермачков ^{a,b,*}, Евгения Владимировна Видищева ^c, Елена Константиновна Минеева ^d, Леонид Леонидович Баланюк ^{e,f}

^a Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

^d Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Российская Федерация

^e Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^f Российский экономический университет им. Плеханова, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: eia07sochi@yandex.ru (И.А. Ермачков)

Аннотация. В статье на примере дела о возвращении из Хивинского ханства 80 русских пленников рассматривается захват в плен как явление в первой половине XIX века.

В качестве источников использованы архивные документы Государственного архива Оренбургского области (Оренбург, Российская Федерация), а именно дело № 4993 «Дело о вывезенных из Хивы 80 русских пленниках в 1839 году». В нем содержатся 80 опросных листов об обстоятельствах пленения русских людей, продаже их, а также пребывании в плену. Документы впервые вводятся в научный оборот.

В заключении авторы отмечают, что «Дело о вывезенных из Хивы 80 русских пленниках в 1839 году» является очень ценным источником для изучения особенностей захвата русских людей азиатскими племенами в первой половине XIX века. Благодаря этому источнику, было установлено, что, как правило, азиатские хищные партии осуществляли нападения в ночное время, чем достигались внезапность и неожиданность. В то же время дневные нападения сопровождалась погоней и применением военной хитрости.

Численность нападавших варьировалась в зависимости от решаемой задачи. Если планировалось захватить пленника на русской территории, то для этого необходима была группа всего в несколько человек, если же речь шла о разбое в Каспийском море, то численность партии хищников могла достигать 160 человек при четырех лодках.

В длительности рейда также были свои особенности. Большая их часть была скоротечной: путь с туркменского на русский берег, разведка территории, ночная атака с захватом пленников и обратный путь. Однако были случаи, когда разбойная партия занималась захватом людей в течение 20 дней вдоль русского берега, за это время разбойники могли захватить значительное количество русских рыбаков.

В ходе столкновений хищников и рыбаков применялось разнообразное вооружение. Рыбаки располагали ружьями, а иногда и малокалиберным оружием, в то время как хищники применяли целый арсенал наступательного вооружения, от малокалиберных пушек и ружей до копий, дротиков и сабель.

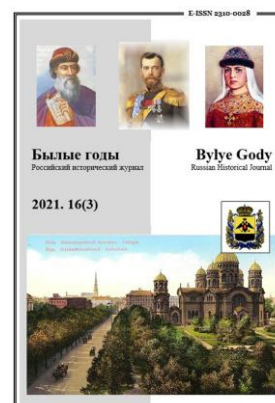
Ключевые слова: рабозахват, работорговля, Центральная Азия, кочевники, киргизы, Российская империя, Каспийское море, морской разбой, пленники.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1181-1190
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1181
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



Cossacks in the Khiva Crusade of 1839–1840

Michail G. Tarasov ^{a, *}

^aSiberian federal university, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the participation of the Cossacks in the unsuccessful crusade of the Russian troops in the Khiva Khanate in 1839–1840. Organized and led by the Orenburg military governor, General V.A. Perovsky, the expedition was to ensure the elevation of a ruler loyal to Russia to the Khiva throne. Due to the specific conditions – the need to make huge transitions in the winter steppe, the main Russian detachment was cavalry units, most of them from the Ural and Orenburg Cossack troops. Incorrectly chosen time for the expedition, abnormally unfavorable weather conditions, as well as mistakes in the organization led to its failure. The death of the majority of pack and riding animals necessitated the termination of the campaign, and then the death of a significant proportion of its participants from cold and disease. In these circumstances, the Cossacks participating in the expedition showed themselves from the best side, actually preventing the death of the Russian detachment. The article discusses in detail the participation of the Cossacks in the preparation of the expedition, in particular in the organization of intermediate strongpoints. The composition of the Cossack units, their placement in marching columns and in parking lots, management, participation in hostilities, the implementation of military-police functions are considered in detail. Particular attention is paid to the analysis of the factors that contributed to the relatively successful actions of the Cossacks during the campaign, their effectiveness in resisting the extreme natural and climatic conditions of the campaign, the number and reasons for the relatively low mortality rate of the Cossacks during the expedition. The article, in particular, analyzes the features of the weapons and uniforms of the Cossacks, their combat tactics. Considerable attention is paid to the moral and psychological state of the Cossacks during the campaign.

Keywords: Cossacks, Kazakh steppe, reconnaissance, military expedition, Khiva crusade, Khiva Khanate.

1. Введение

Участие казачества в процессе присоединения к России территорий Центральной Азии в XVIII–XIX вв. во многом определило формы, методы, сроки и результаты этого процесса. Тот факт, что большая часть Центральной Азии вошла в состав России в указанный период, говорит об успешности этого процесса. Тем не менее в течение XVII–XIX вв. отдельные мероприятия, связанные с присоединением к России казахских степей и Средней Азии, имели неоднозначные результаты. Анализ именно этих мероприятий позволяет наиболее полно выявить место и роль казачества в процессе вхождения в состав Российской империи обширных территорий Центральной Азии. В первой половине XIX в. одним из наиболее заметных мероприятий, связанных с завоеванием региона, стала Хивинская экспедиция 1839–1840 гг., организованная и возглавляемая графом В.А. Перовским. В данной работе Хивинский поход рассматривается по следующим причинам:

- значительную долю военнослужащих, участвовавших в экспедиции В.А. Перовского, составляли уральские и оренбургские казаки;

* Corresponding author

E-mail addresses: tmg.nauka@yandex.ru (M.G. Tarasov)

- изучение Хивинского похода 1839–1840 гг. дает возможность проанализировать место и роль в нем казачьих формирований в сравнении с другими частями русской армии – регулярной кавалерией и пехотой;

- вклад казаков в Хивинский поход позволяет более полно оценить значение казачества вообще в процессе завоевания Средней Азии Россией во второй половине XIX в.

2. Материалы и методы

2.1. Основными источниками в данной работе являются воспоминания участников похода, в частности, достаточно объемные «Письма к друзьям из похода в Хиву» В.И. Даля (Даль, 1867а: 247-262; Даль, 1867б: 606-639), письма самого В.А. Перовского Н.В. Балхашину (Перовский, 1911: 149-190), записки участника похода Е.М. Косырева (Косырев, 1898: 539-602), а также анонимные записки офицера, участника похода, опубликованные в «Журнале для чтения воспитанниками военно-учебных заведений» в 1846 г. (Хивинский поход, 1846а: 187-204, Хивинский поход, 1846б: 279-292). Ценная информация, связанная с уральским казачеством времени Хивинского похода, содержится в этнографическом очерке В.И. Даля «Уральский казак» (Даль, 1986: 116-128), а также в работах дореволюционных историков М.А. Терентьева «История завоевания Средней Азии» (Терентьев, 2018) и И.Н. Захарьина (Якунина) «Граф В.А. Перовский и его зимний поход в Хиву» (Захарьин (Якунин), 1901). Особая ценность этих исторических источников в том, что писали их участники завоевания Средней Азии или использовали информацию, полученную от очевидцев Хивинского похода (Терентьев, 2018: 7-9; Захарьин, 1901: 81, 179).

2.2. Основной задачей статьи является оценка роли и значения казаков в Хивинском походе 1839–1840 гг. Автор, используя статистический метод, постарался установить долю казаков с учетом принадлежности к разным родам войск и казачьим войскам в составе экспедиции, общую численность казаков на разных этапах похода, количество потерь среди казаков в абсолютных цифрах относительно общей численности казаков и общей численности участников похода. Также проанализирована военная активность казаков, их участие в боевых столкновениях, обеспечении функционирования экспедиционного отряда, роль в хозяйственной деятельности и т.п. Кроме того, сделана попытка рассмотреть морально-психологическое состояние казаков во время экспедиции и влияние этого фактора на их положение в процессе и по завершении похода.

3. Обсуждение

Историография Хивинского похода 1839–1840 гг. достаточно обширна. Практически в любой работе, посвященной русскому завоеванию Средней Азии, определенное место отводится описанию этого события. Для данной статьи особый интерес представляет упоминание в подобных работах роли казачества в экспедиции. Одним из первых подробное описание и детальный анализ хивинского похода В.А. Перовского дал литератор, публицист и бывший военный И.Н. Захарьин в работе «Зимний поход в Хиву Перовского в 1839 г. и Первое посольство в Хиву в 1842 г.» (Захарьин, 1898). В книге автор дает, хотя и в достаточно сжатом виде, описание подготовки и проведения экспедиции, высоко оценивая активное участие казаков на всех ее этапах. Спустя три года И.Н. Захарьин выпускает в свет расширенный вариант своей книги с более детальным описанием похода, и в частности показывает роль и место в нем уральских и оренбургских казаков (Захарьин (Якунин), 1901). Хотя автор этих работ не был профессиональным историком, его труд достаточно профессионален, так как он в молодости был вольнослушателем Московского университета и, что особенно важно, служил некоторое время армейским офицером.

Хивинский поход русской армии 1839 г. рассматривался в работе дореволюционного военного историка, генерал-лейтенанта М.А. Терентьева «История завоевания Средней Азии», где автор детально описывает сам ход кампании и роль в ней казаков. Что особенно важно, М.А. Терентьев, хоть и не прямым текстом, но однозначно возлагая вину за неудачу похода на его организатора и руководителя генерала В.А. Перовского, дает высокую профессиональную оценку участвовавшим в походе казакам, не скрывая, впрочем, и некоторые присущие им недостатки (Терентьев, 2018).

Пристальное внимание участию уральских и оренбургских казаков в Хивинском походе уделяет Д.А. Сапунов в своей диссертации «Участие казачества Урала и Сибири в присоединении Средней Азии к России» (Сапунов, 2001). Автор считает, что «недостаток пищи, холод и болезни» были основными причинами неудачного похода. Однако при этом Д.А. Сапунов, опираясь на воспоминания участников и современников похода, высоко оценивает роль в нем казаков, заявляя, что они были «единственно стабильной опорой империи» в регионе (Сапунов, 2001: 85).

О Хивинской экспедиции В.А. Перовского кратко упоминается в коллективной монографии «Центральная Азия в составе Российской империи», авторы которой признают основными причинами неудачи похода «необычайно суровую и снежную зиму», приводят данные о высоких потерях русских войск, однако не акцентируют внимание на роли в походе казачества (Центральная Азия в составе Российской империи, 2008: 70).

Неудачный Хивинский поход кратко рассматривается в книге Е.А. Глущенко «Россия в Средней Азии». Автор традиционно приходит к выводу, что неудача похода кроется в неблагоприятных

климатических факторах, прежде всего обильных снегопадах, бескормице и падеже верблюдов и болезнях военнослужащих, также не выделяя как-либо значения казаков (Глуценко, 2010: 166-167).

В работе Д.В. Васильева «Форпост империи. Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX в.» (Васильев, 2015) Хивинский поход 1839 г. рассматривается в рамках общей политики оренбургского генерал-губернатора В.А. Перовского по укреплению границ России в Средней Азии, куда относились и планы строительства новых укрепленных линий с казачьими гарнизонами (Васильев, 2015: 117-118).

Известный английский ученый и публицист П. Хопкирк в работе «Большая игра против России: Азиатский синдром» (Хопкирк, 2004: 107-108) также уделяет внимание Хивинскому походу В.А. Перовского в качестве одного из ходов «Большой игры», отмечая роль казаков в поиске путей продвижения, оценке кормовой и топливной базы территории, сложности продвижения в условиях высокого уровня снега и др. (Хопкирк, 2004: 108).

Хивинский поход упоминается в качестве неудачного эпизода продвижения России в глубь Средней Азии в работе казахского исследователя С. Акимбекова «Казахстан в Российской империи» (Акимбеков, 2018). Автор, признавая важное значение природного фактора в неудаче В.А. Перовского, тем не менее сравнивает его поход с Крымскими походами В.В. Голицына, очевидно, имея в виду их неподготовленность. Интересно, что С. Акимбеков признает, что условия зимней степи были особенно неблагоприятны именно для регулярных частей, а не для казачества (Акимбеков, 2018: 291).

В статье известного отечественного исследователя истории Центральной Азии Д.В. Васильева «Дуализм российской администрации на восточном берегу Каспийского моря» рассматриваются отдельные вопросы установления торговых отношений с Хивой и противодействия негативному влиянию ханства на казахское население региона, использование военных и экономических методов для решения этих задач (Васильев, 2020).

Среди работ последнего времени следует упомянуть статью «Черкесское и центральноазиатское рабство: общее и особенное» С.Б. Зинковского, В.Ю. Малаховой, И.С. Денисова и Ю.Н. Макарова, в которой подвергается детальному анализу феномен захвата рабов из числа русского приграничного населения центральноазиатскими кочевниками в XIX в. Особый интерес данная статья представляет в связи с тем, что пресечение угона в рабство русских, проживавших на границе центральноазиатских степей было одним из основных побудительных причин организации Хивинской экспедиции (Zinkovskii et al., 2021).

4. Результаты

Военный поход в Хивинское ханство в 1839–1840 гг. был запланирован и реализован Оренбургским военным губернатором В.А. Перовским. Его результаты должны были не только стабилизировать ситуацию в Казахской степи, подконтрольной властям Оренбурга, но и способствовать окончательному установлению власти России на территории Младшего казахского жуза и в самом Хивинском ханстве.

Еще в мае 1839 г. для создания «складочных пунктов» – промежуточных баз снабжения – был отправлен в степь отряд полковника К.К. Геке (в 1845–1857 гг. – атаман Уральского казачьего войска) в составе 400 строевых солдат и двух сотен башкир при четырех орудиях (Терентьев, 2018: 156). Е.М. Косырев, однако, пишет о том, что в составе отряда Геке был «Второй оренбургский линейный батальон с небольшим числом уральских казаков» (Косырев, 1898: 540). Под прикрытием этого отряда был отправлен в степь отряд из 1,2 тыс. подвод. Дойдя до р. Эмба и оставив здесь обоз и большую часть отряда, К.К. Геке со взводом пехоты, посаженной на телеги и 400 башкирами при двух орудиях отправился выбирать место для создания складочного пункта и нашел его на р. Ак-Булак в урочище Чушка-Куль, где было достаточно воды, хотя и солоноватой, а также большое количество травы и для коней и верблюдов и камыша и кустарников для топлива (Хивинский поход, 1846а: 192). К 3 августа здесь было оборудовано земляное укрепление, накошено 25 тыс. пудов сена и заготовлено топливо из камыша, тростника и сломанных обозных телег (Терентьев, 2018: 156-162). Позднее по причине нездоровой воды и трудностей при переходе к базе на урочище Чушка-Куль было решено перенести базу в район впадения в р. Эмба правого притока р. Аты-Якши. Здесь укрепление было закончено к началу сентября, а также накошено сена до 20 тыс. пудов, что, однако, было недостаточно (Хивинский поход, 1846а: 192). Таким образом, базой для экспедиции стали сразу два укрепления – Ак-Булакское с гарнизоном в 399 человек и Эмбенское – с гарнизоном в 634 человека. Е.М. Косырев, впрочем, упоминает о казаках, оставленных в укреплениях, что позволяет говорить об их участии и в строительстве этих укреплений (Косырев, 1898: 540). Следует отметить, что, несмотря на общее лояльное поведение местного населения, в местности, где были построены укрепленные пункты и у Эмбенского укрепления, и у Ак-Булакского казаками были совершены угоны скота. От Эмбенского укрепления сначала, 22 августа, были отогнаны 398 лошадей, принадлежавших башкирам, правда 60 из них удалось отбить, а затем, 17 октября, еще 180 быков. От Ак-Булакского укрепления 29 сентября было угнано 32 лошади. М.А. Терентьев считает, что во всех случаях имело место «обычное у киргизов (казахов – Авт.) воровство», а не набеги (Терентьев, 2018: 165). С целью

прекращения угонов лошадей и скота полковник К.К. Геке, выйдя 30 октября 1839 г. из Эмбенского укрепления с 30 казаками и взводом пехоты, уже 1 ноября достиг аулы барантачей (угонщиков) и схватил 10 из них (Терентьев, 2018: 165). Однако естественная убыль людей и лошадей отряда была во много раз больше результатов внешнего воздействия. Среди башкирских возчиков и охраны обозов умерло 199 человек из-за дизентерии из 7 878 человек. Из 23 290 лошадей пало от сапа, было брошено, прирезано или угнано 8 869 голов, или 38 % (Терентьев, 2018: 165).

21 октября 1839 г. в Эмбенское укрепление был отправлен первый отряд из состава войск, предназначенных для похода в Хиву, – 357 нижних чинов при 4 орудиях и 1 128 верблюдах (Терентьев, 2018: 166).

Очевидно, что строительство этих укреплений на Эмбе и Ак-Булаке вызвало беспокойство властей Хивы, так как в том же 1839 г. из ханства прибыло посольство, с которым были возвращены 80 русских пленников, захваченных подданными хана или проданных на территории ханства казаками и туркменами (Терентьев, 2018: 144). Однако в том же году хивинцы и ориентированные на Хиву казахи и туркмены захватили еще 150 русских рыбаков на Каспийском море. В связи с этим М.А. Терентьев утверждает, что целью экспедиции было «понуждение» хана выдать всех русских пленников и «предоставить караванной торговле нашей полную свободу» (Терентьев, 2018: 144). Примечательно, однако, что в случае удачи экспедиции планировалось не только «освободить всех пленников и дать полную свободу нашей торговле», но и «сменить хана Хивы и заменить его надежным султаном кайсацким (казахским – Авт.) (Даль, 1867а: 247). Таковым был признан султан-правитель западной части Младшего жуза Баймухамед Айшуаков (Айчуваков). Перспектива занятия места хивинского хана казахским султаном должна была стимулировать участие в экспедиции казахов (Захарьин, 1901: 9). При русском ставленнике должна была остаться и русская воинская сила – отряд, который, очевидно, по условиям региона должен был состоять из казаков (Терентьев, 2018: 147).

Начать поход было решено осенью 1839 г. с тем, чтобы перейти безводную местность, используя лежащий в это время в пустыне и степи снег для обеспечения водой людей и вьючный транспорт – лошадей и верблюдов. Даже само передвижение по маршруту планировалось с учетом выпадения снега на разных его участках (Захарьин, 1901: 39). Состав военного отряда, предназначенного для Хивинского похода, был следующим: два полка, или 12 сотен уральских казаков; три сотни оренбургских казаков и башкир; конвойный дивизион 1-го Оренбургского полка или, по другим сведениям, сводный дивизион Уфимского конного полка. Всего кавалеристов было 1 721 «нижний чин» при 58 офицерах (Терентьев, 2018: 155). Е.М. Косырев говорит не об уфимском конном, а об уфимском казачьем полке, что, очевидно, является ошибкой (Косырев: 1898: 539). Если даже не считать уфимский конный полк казачьим, то и в этом случае в общей сложности казачьи части составляли 15 сотен из 17, или более 88 % общей численности кавалерии. Кроме того, уже в степи к отряду должны были присоединиться еще около 250 казахских всадников (Терентьев, 2018: 155). Пехотные части экспедиции состояли из 3½ или 4 линейных батальонов, в которых насчитывалось 2 983 солдата при 58 офицерах. Артиллерия отряда включала в себя два ¼-пудовых орудия конной артиллерии, два 6-фунтовых орудия казачьей конной артиллерии, два 12-фунтовых орудия, восемь 10-фунтовых орудия горной артиллерии, шесть 6-фунтовых мортир и два 1-фунтовых фальконета – всего 22 орудия. Кроме того, в составе артиллерии отряда было еще четыре пусковых установок для ракет Конгрива (Косырев, 1898: 539-540). К отряду были прикомандированы технические специалисты: пять офицеров-гальванеров, два офицера-понтона и 57 солдат для помощи им. Кроме того, в составе отряда было два офицера-морьяка, в подчинении которых было 64 уральских казака (Терентьев, 2018: 155). Штаб отряда состоял, помимо самого В.А. Перовского, из трех генералов (генерал-лейтенанта А.Е. Толмачева, генерал-майора В.П. Молоствовова, в будущем атамана Оренбургского казачьего войска (1840–1847), и генерал-майора С.Ф. Циолковского), четырех штаб-офицеров, 15 обер-офицеров, 10 классных чиновников, четырех медиков, трех переводчиков, одного аудитора и двух чиновников по особым поручениям (В.И. Даля и Н.В. Ханькова), одного священника, 34 унтер-офицеров, писарей и фельдшеров, а также 41 денщика. Таким образом, число сотрудников штаба и обслуживающего персонала насчитывало 108 человек. Всего, таким образом, в отряде В.А. Перовского было около 5 тыс. человек (Захарьин, 1901: 36). Основным транспортным средством экспедиции были вьючные верблюды, которых в ее начале насчитывалось 12 450 голов. Лошадей, верховых и вьючных было чуть более 2 тыс. голов (Захарьин, 1901: 44).

14 ноября 1839 г. войскам, собранным на площади г. Оренбурга, был объявлен приказ о начале похода в Хивинское ханство. После этого отряд выступил из города четырьмя колоннами последовательно 14–17 ноября (Даль, 1867а: 248). Е.М. Косырев упоминает 18 ноября как день начала похода (Косырев, 1898: 540). Начальниками колонн были: первой – генерал-майор С.Ф. Циолковский, второй – командир конно-казачьей артиллерийской бригады полковник Кузьминский, третьей – начальник 28 пехотной дивизии генерал-лейтенант А.Е. Толмачев, четвертой – генерал-майор В.П. Молоствов. В составе последней колонны двигался и начальник экспедиции генерал-адъютант В.А. Перовский. В случае необходимости в степи, особенно в районах возможного нападения хивинцев, В.А. Перовский передвигался между колоннами с конвоем из десяти оренбургских казаков – «одвуконь» (Захарьин, 1901: 156).

Каждая колона насчитывала около 4 тыс. верблюдов и занимала в ширину 120–250 шагов и в длину – 1200–1600 шагов. Сильные морозы, до 40 градусов Цельсия, сопровождавшие экспедицию с ноября 1839 г., глубокий снег с коркой льда способствовали сильному падежу верблюдов. Как правило, такой верблюд оставлялся на месте с вьюками. Шедшие в арьергарде каждой колонны казаки «смотрели на такие вьюки как на законную добычу», разбирая сухари, овес «по торбам», а упаковочные материалы – бочонки, мешки, веревки – на топливо. В конце движения к Хиве в связи с массовой гибелью верблюдов казаки даже не могли использовать все брошенное имущество и просто уничтожали его, чтобы не оставлять врагу (Захарьин, 1901: 148, 159). По мнению М.А. Терентьева, именно этот факт способствовал тому, что казаки «лучше других вынесли поход» (Терентьев, 2018: 168). Е.М. Косырев, впрочем, отмечает, что одним из главных факторов, благодаря которому казаки чувствовали себя в похода лучше кавалеристов регулярной конницы и солдат, заключалось в том, что они были лучше экипированы и, в частности, одеты в личные овчинные шубы и обуви в валенки, в то время как у солдат были сапоги и импровизированные «шубы», сшитые из «чебаги» – простеганной на холсте овечьей шерсти, скатывавшейся на ходу в клочковатый, со многими дырками, особенно в верхней части, войлок (Косырев, 1898: 539).

На ночлегах колонны устраивали прямоугольный по форме лагерь, для планирования которого вперед заранее высылались топографы, которые расставляли казаков для обозначения как внешних границ лагеря, так и для его главных частей внутри стоянки (Терентьев, 2018: 170). На стоянке тюки поклажи формировали стены лагеря – примерно 400 на 600 шагов. Внутри лагеря напротив его переднего фаса и прохода ставились кибитки (палатки) уральской казачьей сотни, причем коновязи казаков размещались сразу за кибитками. Справа и слева казаков размещались по одной роте пехоты. Напротив заднего фаса лагеря размещались перевозимые лодки, за ними – кибитки обслуживавших лодки экипажей, а за ними уже – кибитки уральских (гурьевских) казаков. Напротив правого фаса располагались два эскадрона уфимского полка, а за левым фасом – две сотни оренбургских казаков. В центре лагеря располагалась артиллерия, верблюды, торговцы и др. Таким образом, казачья конница располагалась по периметру лагеря во время ночных стоянок и обеспечивала его безопасность. Кроме того, казачья конница высылала дневные и ночные сторожевые разъезды и пикеты (Терентьев, 2018: 171).

24 ноября (В.И. Даль упоминает 25 ноября) колонны соединились у оз. Караванное, расположенное примерно в 45 верстах (47 км) от Оренбурга, где была назначена дневка (отдых в течение суток) (Даль, 1867а: 250). 27 ноября отряд выступил с места дневки последовательно четырьмя колоннами в 4–5 верстах друг за другом вверх по течению р. Илек. Начальником четвертой колонны вместо генерала В.П. Молодцова, очевидно, по причине его болезни был назначен полковник Н.А. Мансуров. Безопасность колонн при движении обеспечивали казаки, которые шли в авангарде и в арьергарде колонн обычно в составе полусотни или сотни. Казачьи отряды находились на расстоянии 1–2 верст от колонны и рассылали в сторону от движения колонны патрули на расстоянии $\frac{1}{4}$ –1 версты (Терентьев, 2018: 167).

Ввиду глубокого снежного покрова – до $1\frac{1}{2}$ аршина (около 1 м) – и низких температур отряд уже с конца ноября 1839 г. испытывал большие трудности при движении. Стала проявляться нехватка топлива. В качестве топлива по приказу В.А. Перовского стали использоваться везшиеся экспедицией лодки, повозки, запасные веревки, мешки и т.п. После того как эти источники сырья иссякли, участники экспедиции топорами вырубали из земли корни растений (Захарьин, 1901: 47). 27 ноября во время сильного мороза и бурана значительная часть лошадей одной из колонн рассеялась по степи и была потеряна (Захарьин, 1901: 44). 6 декабря была сделана дневка на р. Биш Тамак. Мороз достиг в этот день 40 градусов по Цельсию. 7 декабря, когда экспедиция только выступила в путь при температуре в 37,5 градусов по Цельсию, начался сильный буран, длившийся до следующего дня и заставивший остановиться и вновь стать на ночевку. С этого дня высокий снег стал составлять значительную проблему для отряда, особенно для пеших ее членов (Косырев, 1898: 541). Только 19 декабря экспедиция прибыла в Эмбенское укрепление. Таким образом, от Оренбурга до Эмбенского укрепления 472 версты (500 км) отряд шел 32 дня. Спокойная погода, без буранов была только 15 дней, и 13 дней, когда морозы были меньше 25 градусов Цельсия (Захарьин: 1901: 97). В Эмбенском укреплении экспедиция В.А. Перовского застала отряд уральских казаков полковника Ф.Г. Бизянова, прибывшего сюда еще 9 декабря из Калмыковской крепости Нижнеуральской линии. В Эмбенском укреплении В.А. Перовский принял решение ликвидировать Ак-Булакское или Чушка-Кульское укрепление по причине распространения среди гарнизона желудочных болезней, вызванных плохой водой и скученностью проживания нижних чинов в землянках, а также простудных болезней (Даль, 1867b: 361), при этом запасы и гарнизон взять с собой, а больных и ослабленных солдат и офицеров перевести в Эмбенское укрепление (Захарьин, 1901: 165). Для решения этой задачи еще за несколько дней до выхода экспедиции В.А. Перовского из Биш Тамака (9 декабря) туда был отправлен отряд под началом уральского казака штабс-капитана С.В. Ерофеева, состоявший из роты солдат – 140 человек и 70 казаков, из которых 40 было конных, а 30 пеших, чьи лошади были запряжены в сани. При отряде шел транспорт с продовольствием и фуражом из 230 верблюдов (Захарьин, 1901: 117).

Здесь следует упомянуть, что 18 декабря Ак-Булакское укрепление подверглось нападению 2–3 тыс. хивинцев и туркмен. Гарнизон укрепления под началом двух горных инженеров, капитана Ковалевского и поручика Гернгросса, ехавших в Бухарский эмират и случайно оказавшихся здесь, смог отбить нападение. Необходимо отметить, что из 294 военнослужащих, составлявших гарнизон Ак-Булака, 164 были больны. В течение 18 и 19 декабря хивинцы предприняли несколько попыток штурма укрепления, но были отбиты с большими потерями ружейным и артиллерийским огнем. Нападавшим даже не удалось сжечь запасы сена, размещенные вне укрепления (Захарьин, 1901: 112). 19 декабря, обнаружив приближение к Ак-Булаку отряда С.В. Ерофеева, в составе которого была сотня уральских казаков, хивинцы совершили нападение и на него (Косырев, 1898: 542-543). Остановившийся из-за начавшегося бурана в 17 верстах (18 км) от Ак-Булакского укрепления отряд, не ожидая нападения, не предпринял каких-либо мер предосторожности и только по случайности не был уничтожен во время первого натиска. Примечательно, что даже ружья у солдат были увязаны в оboзе, и только казаки имели свое огнестрельное оружие при себе (Захарьин, 1908: 99). Хивинцы начали захватывать и грабить верблужий обоз, что позволило выстроить из тюков и саней укрепленный лагерь. Повторный натиск уже на сам отряд был отбит. Потеряв много людей и лошадей, хивинцы прекратили атаку. Попытки переманить на свою сторону вспомогательный персонал из единоверных им казахов и татар также закончился безуспешно. После этого отряд противника ушел в сторону Хивы. Позднее выяснилось, что отрядом хивинцев командовал сам кушбеги Хаким-бей – военный министр Хивы. В районе столкновения было найдено 36 тел хивинцев, количество увезенных тел и раненых неизвестно, однако всего из этого похода вернулось только 700 хивинцев. Многие люди и большинство лошадей погибли на обратном пути от холода и бескормицы. У русских потери составили пять человек убитыми и 13 ранеными, было убито 4 лошади и 17 верблюдов, угнана 31 лошадь и 41 верблюд (Даль, 1867а: 257; Захарьин, 1898: 125-126). В своем этнографическом очерке «Уральский казак» В.И. Даль описывает излюбленные методы ведения боевых действий уральцев. В частности, он говорит, что казаки предпочитали стрельбу из винтовки с сошек, фактически снайперскую стрельбу, и копейный бой. В то же время открытая фронтовая сабельная атака не приветствовалась (Даль, 1986: 121). Очевидно, что и в столкновении у Ак-Булакского укрепления казаками использовались традиционные методы ведения боевых действий. В частности, винтовочная стрельба из-за укрытий.

31 декабря 1839 г. в самом экспедиционном отряде В.А. Перовский с помощью казаков подавил бунт казаков – погонщиков верблюдов, отказавшихся следовать дальше. Было расстреляно два погонщика, после чего остальные вновь приступили к своим обязанностям (Даль, 1867а: 262). Захарьин, впрочем, пишет о трех расстрелянных погонщиках (Захарьин, 1901: 132).

Во время пребывания в Эмбенском укреплении В.А. Перовский получил сведения о том, что провиант, направленный на судах в Ново-Александровское укрепление, не был доставлен из-за неблагоприятной погоды – встречных ветров и раннего ледостава. Суда, подошедшие ближе к Ново-Александровску, были разгружены, и провиант удалось доставить в крепость по льду, но два судна, получившие повреждения, вынуждены были вернуться в Астрахань, бросив грузы в море, а несколько судов, вмерзшие в лед в 100 верстах (106 км) от Гурьева, были разграблены и сожжены казаками-адаевцами и туркменами (Терентьев, 2018: 180-181). И.Н. Захарьин, впрочем, говорит, что В.А. Перовский узнал о гибели судов только на обратном пути, в Сагатемирском лагере (Захарьин, 1901: 178). Тем не менее нехватка фуража и топлива в дальнейшем повлияла на решение В.А. Перовского о прекращении экспедиции и возврате русского отряда. К этому времени в Эмбенском укреплении значительная часть гарнизона уже была больна цингой и оспой. Также много больных было и в самом отряде Перовского (Терентьев, 2018: 182). Тем не менее, несмотря на значительные трудности, В.А. Перовский решил продолжить поход и 31 декабря выступил по направлению к Ак-Булакскому или Чушка-Кульскому укреплению. 31 декабря выступила первая колонна, а последняя, четвертая, выступила 16 января уже следующего, 1840 г. (Терентьев, 2018: 183-184). Глубокий снег до чрезвычайности затруднял движение отряда и способствовал массовому падежу верблюдов – основы транспорта экспедиции, несмотря на то, что нередко путь в снегу для них прокладывали с помощью казачьих лошадей (Захарьин, 1898: 137). По сведениям М.А. Терентьева, из Оренбурга отряд вышел на 10,4 тыс. верблюдах. Захарьин пишет о 12 450 верблюдах (Захарьин, 1898: 44). На Эмбенском укреплении годных к дальнейшему движению насчитывалось уже 8,9 тыс. животных, а на Ак-Булаке годными оказалось только 5 188. 160 верст (171 км), отделявших Ак-Булакское укрепление от Эмбенского укрепления, отряд прошел за 15 (!) дней, то есть немногим больше чем по 10 верст в день. Последние части прибыли в Ак-Булакское укрепление только 1 февраля 1840 г. (Захарьин, 1898: 161). Вообще, по сведениям И.Н. Захарьина, основной урон в верблюдах и начало массовой гибели военнослужащих начался на переходе от Эмбенского укрепления к Ак-Булакскому (Захарьин, 1898: 122). В укреплении весь гарнизон и даже прибывший сюда отряд уральского казачьего штабс-капитана (подъесаула) С.В. Ерофеева был поголовно болен цингой и дизентерией. Кроме того, здесь не было запасов сена, землянок было мало, а вода была с примесью слабительных солей (Даль, 1867а: 360). По прибытии в Ак-Булак В.А. Перовский отправил отряд из 150 уральских казаков при 3-фунтовом орудии под началом полковника Уральского

казачьего войска Ф.Г. Бизянова и главного топографа экспедиции генерального штаба штабс-капитана А.А. Рехенберга для поиска удобного места для восхождения на Устьурт. Пройдя в течение семи дней 120 верст (128 км) до Устьурта и еще 20 верст (21 км) по самому плато, вернувшийся Ф.Г. Бизянов сообщил, что снег по пути предполагаемого маршрута отряда настолько глубок, что затрудняет движение даже лошадей. Следов неприятеля разведчиками обнаружено не было (Захарьин, 1901: 156). Приняв во внимание все трудности дальнейшего продвижения экспедиции в глубь степи, 1 февраля 1840 г. В.А. Перовский принял решение возвращаться обратно в Оренбург, о чем он издал соответствующий приказ и сообщил в Санкт-Петербург письмом военному министру А.И. Чернышину (Захарьин, 1898: 157). 4 февраля первая колонна выступила из укрепления Ал-Булакского в Оренбург. Весь лишний груз, который нельзя было перевезти (порох, артиллерийские снаряды, сухой бульон в плитках, сухари, мука, якоря и др.), был уничтожен или закопан (Даль, 1867b: 369). Из укреплений и землянок были вынуты и сожжены все деревянные детали, а сами фортификационные сооружения и жилища Ак-Булакского укрепления перед уходом русских войск взорваны (Захарьин, 1901: 160). Интересно, что полковник Уральского казачьего войска Ф.Г. Бизянов предложил В.А. Перовскому самостоятельно продолжить движение на Хиву и решить поставленные перед экспедицией задачи силами только двух казачьих полков. Однако ввиду острой нехватки верблюдов, которых бы не хватило не только для перевозки необходимых грузов даже и для двух полков, но и в случае их отправки в Хиву – для возвращения остального отряда, от этой идеи пришлось отказаться (Даль, 1867b: 363). Обратный переход до Эмбенского укрепления занял только 10 дней, но и за это время пало и было брошено 1780 верблюдов, так что на Эмбу пришло только 1,3 тыс. верблюдов из 10,4 тыс. (12 450), вышедших в начале похода из Оренбурга. В результате часть грузов пришлось бросить, а остальную везти на казачьих лошадях. Казаки при этом были вынуждены идти пешком (Терентьев, 2018: 191). Следует отметить, что в самом Эмбенском укреплении, где гарнизон был заражен оспой и цингой, возвращавшиеся войска не остановились, а разместились лагерем в 30 верстах (32 км) на р. Сага-Темир и ручье Тегеле (Захарьин, 1898: 46). Здесь же была отпразднована масленица, причем наиболее активно, с разного рода народными играми и представлениями, ее отпраздновали казаки (Даль, 1867b: 367; Терентьев, 2018: 191). Это говорит не только об их хорошем физическом, но высоком моральном состоянии после столь неудачного похода. В своем письме Н.В. Балкашину от 26 декабря В.А. Перовский прямо пишет: «Касательно солдат нечего греха таить: едят как быки, а болеют и умирают как мухи; казаки совсем другое дело, здоровы и бодры» (Перовский, 1911: 154). Пишет о хорошей физической форме и блестящем моральном состоянии казаков даже в самое неблагоприятное время, когда не только вычный скот, но уже и люди, включая офицеров, массово гибли от тягот похода (Захарьин, 1901: 167).

Из Эмбенского укрепления на Оренбургскую линию первыми были отправлены больные офицеры и чиновники. Из воинских частей на линию 24 февраля был отправлен дивизион 1-го Оренбургского казачьего полка с 425 верблюдами. Дивизион прибыл в Ильинскую крепость, оставив по пути 226 верблюдов павшими или не способными к дальнейшему движению (Терентьев, 2018: 192). В письме Н.В. Балкашину от 29 февраля В.А. Перовский пишет «...Теперь от всех наших верблюдов [10–12 тыс. в начале похода – Авт.] из всего нашего отряда осталось не более 2 тыс. полумертвых» (Перовский, 1911: 160). И.Н. Захарьин говорит только о тысяче выживших верблюдов (Захарьин, 1901: 182). В.И. Даль в письме от 1 марта прямо пишет, что «осталась одна надежда – на казачьих лошадях» (Даль, 1867b: 367).

В начале марта 1840 г. для сбора верблюдов с тех казахских родов, которые уклонились от поставки животных для экспедиции В.А. Перовского, в степь был отправлен отряд султана Баймухамеда Айчувакова и штабс-капитана Рехенберга, состоявший из двух сотен уральских казаков (Терентьев, 2018: 194). В конце марта того же года султан Айчуваков с помощью приданного ему отряда уральских казаков, состоявшего уже из трех сотен при двух горных единорогах и возглавляемого полковником Ф.Г. Бизяновым, преследовал казахские роды, не желавшие давать верблюдов в экспедицию и уходившие на Устьурт (Захарьин, 1901: 182). 9 апреля отряд в составе 350 казаков при одном орудии переправился вплавь через разлившуюся р. Эмба, оставив обоз и для его охраны 150 казаков при одном орудии на правом берегу реки. Совершая усиленные переходы до 80 верст (85 км) в сутки, близ плато Устьурт казаки догоняют род череновцев. Оставив здесь 100 казаков для сбора верблюдов, Ф.Г. Бизянов с оставшимися 250 казаками поднимается на Устьурт, где после 60-верстного перехода у песков Сам настигает казахские роды ожерейцев и каракисяков. Те, однако, бросив часть имущества и скот, смогли уйти от погони, пользуясь усталостью казачьих лошадей и наступившей темнотой (Терентьев, 2018: 194). Вернувшись с полученными верблюдами к оставленному обозу, Ф.Г. Бизянов с объединенным отрядом пошел вниз по течению р. Эмба и после перехода в 80 верст у устья реки настиг казахский род адаевцев. Пользуясь внезапностью, Ф.Г. Бизянов разгромил казаков, причем было убито 450 адаевцев. Собрав и здесь верблюдов, Ф.Г. Бизянов отправил их с сопровождающей командой на р. Темир, а сам с остальными казаками направился к р. Урал, куда и прибыл 12 апреля в крепость Калмыковскую. Получив первых 850 верблюдов, собранных казаками, В.А. Перовский выступил из окрестностей Эмбенского укрепления в Оренбург 1 апреля 1840 г. с тяжелобольными и при конвое из 20 казаков (Терентьев,

2018: 194-195). И.Н. Захарьин, впрочем, пишет, что казачьими были только лошади, а всадниками были чудом уцелевшие из всего конно-регулярного полка 20 военнослужащих (Захарьин, 1901: 185). Отряд дошел за 12 дней до Уральской линии, после чего больные из его состава были размещены в оренбургской казачьей станице (крепости) Ильинской (Захарьин, 1901: 186). К 1 мая, получив еще 2180 верблюдов, собранных казаками, остатки отряда В.А. Перовского выступили двумя колоннами в Оренбург 18 мая, взорвав предварительно Эмбенское укрепление (Захарьин, 1901: 172). На р. Биш-Тамак от отряда отделились оренбургские казаки, а также 4 и 5 пехотные батальоны, которые направились через Орск по своим квартирам. Оставшийся отряд, который состоял из 2-го батальона и двух рот 1-го батальона, а также всей артиллерии пришел в Оренбург 8 июня 1840 г. (Терентьев, 2018: 195).

Говоря о потерях, следует отметить, что, несмотря на обеспечение хорошего питания, уже в лагере на р. Сага-Темир заболевания цингой даже усилилось, очевидно, по причине недостатка витаминов в питании во время похода и их отсутствия в рационе в лагере, где преобладала мясная пища. Всего в отряде и укреплениях умерло по 20 февраля 608 человек. Однако, как пишет В.И. Даль, если в пехоте переболел каждый второй, то среди оренбургских казаков только каждый третий, а среди уральских – только каждый 27 (!). Умерли же в пехоте один из 14, у оренбургских казаков – один из 30, а среди уральских казаков только один из 200 (Даль, 1867b: 369). В.И. Даль прямо пишет: «Уральцы – молодцы; их суют всюду, и всюду они успевают, и везде ими довольны» (Даль, 1867b: 357). Среди гарнизонов Эмбенского и Ак-Булакского укреплений доля заболевших и умерших была больше. Так, среди солдат один умерший приходился на 26 человек, а среди оренбургских казаков один умерший приходился на 68 человек. Таким образом, по подсчетам М.А. Терентьева, в пехоте заболело 1 725 человек, из которых умерло 246; у оренбургских казаков заболело 170, а умерло 17; у уральских казаков заболело 45 человек и умерло 6; в укреплениях число заболевших неизвестно, а умерших было 239 человек. Всего же заболевших было 1940 и умерших 498. Терехов, однако, отмечает, что в этот список не вошли оставленные больными и позднее скончавшиеся в Эмбенском укреплении и те, кто умер в течение первых шести месяцев после похода по причинам, вызванным участием в нем (Терентьев, 2018: 192). На фоне относительно невысокой смертности среди оренбургских казаков и очень низкой среди казаков уральских показательна практически полная гибель и военнослужащих, и лошадей элитного Конно-регулярного Уфимского полка. Отсутствие соответствующего климату и времени года обмундирования; лошади, непривычные к суровому центральноазиатскому климату, неумение их тебеньковать (выкапывать копытами траву из-под снега) привели к печальному итогу. От полка к концу похода осталось в живых только 20 человек (Захарьин, 1901: 48, 72). Один только этот факт может служить исчерпывающим доказательством эффективности тех или иных воинских формирований в борьбе за Центральную Азию.

5. Заключение

Хивинский поход 1839–1840 гг. был выдающимся событием в истории русского завоевания Средней Азии. Его результаты можно сравнить с результатами похода на Хиву А. Бековича-Черкасского в 1717 г., закончившегося полным уничтожением русского отряда. Тем не менее нельзя назвать поход 1839 г. полностью неудачным. Несмотря на то, что русские войска, в массе своей представленные казачьими частями, были вынуждены вернуться с полпути к цели по причине тяжелейших погодных условий – глубокого снега и сильных морозов, поход не закончился катастрофой. Все боестолкновения с хивинцами русских военных, и прежде всего казаков, неизменно заканчивались поражением кочевников. Значительный, если не решающий вклад в это внесли казаки. 17 сотен оренбургских и уральских казаков составляли около 30 % общей численности отряда или около 88 % кавалерии, принявшей участие в экспедиции. Во время похода казаки выполняли самые разнообразные задачи: участвовали в строительстве укреплений на пути предстоящей экспедиции, охраняли русский лагерь в походе и ее начальника В.А. Перовского при переезде его между колоннами русских войск, конвоировали обозы и собирали для него верблюдов у местного населения. Казаки выполняли роль военной полиции, усмиряя недовольство лаучей (казаков-погонщиков) и обеспечивали наказание прощтрафившихся участников похода. Кроме того, именно казаки участвовали в прямых столкновениях с хивинскими воинами и с честью выдержали их, нанеся врагу значительный урон. И в ходе продвижения к границам Хивы, и в ходе отступления казаки обеспечивали продвижение остальных русских частей, осуществляя разведку, прокладывая дорогу своими лошадьми в глубоком снегу, предоставляя коней для перевозки важных грузов, больных и раненых воинов. При этом казаки понесли во время похода самые низкие потери. В казачьих частях погибло чуть более одного процента участников похода (1,3), а среди пехотных, артиллерийских, саперных и штабных – почти 7 % (6, 9). Характерна почти полная гибель Уфимского конно-регулярного полка, хотя и не полного состава, от которого к концу похода осталось только 20 человек. Казаки, помимо всего, демонстрировали на всем протяжении похода высокий психологический настрой и готовность к продолжению боевых действий. Очевидно, что Хивинская экспедиция 1839–1840 гг. при всей неоднозначности ее результатов завершилась не так плачевно, как могла бы, только благодаря принявшим в ней участие казакам. Опыт, полученный русской армией в походе, и прежде всего казаками, был востребован военным руководством России при завоевании Средней Азии в 1840–1880-е гг.

Литература

- Акимбеков, 2018** – Акимбеков С. Казахстан в Российской империи. Алматы: ТОО «Институт Азиатских исследований», 2018. 562 с.
- Васильев, 2015** – Васильев Д.В. Форпост империи. Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX в. М.: ИБП, 2015. 303 с.
- Васильев, 2020** – Васильев Д.В. Дуализм российской администрации на восточном берегу Каспийского моря // *Вестник СПбГУ. История*. 2020. Т. 65. Вып. 7. С. 85-107.
- Глушенко, 2010** – Глущенко Е.А. Россия в Средней Азии. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2010. 573 с.
- Даль, 1867a** – Даль В.И. Письма к друзьям из похода в Хиву // *Русский архив*. 1867. Т. 63. № 3. С. 247-262 (Ст. 402-431).
- Даль, 1867b** – Даль В.И. Письма к друзьям из похода в Хиву // *Русский архив*. 1867. № 4. С. 353-370 (Ст. 606-639).
- Даль, 1986** – Даль В.И. Уральский казак // Даль В.И. Кружевница: Повести, рассказы, очерки / Сост. В.И. Ермаков. Красноярск: Кн. изд-во, 1986. С. 116-128.
- Захарьин, 1898** – Захарьин И.Н. Зимний поход в Хиву Перовского в 1839 г. и Первое посольство в Хиву в 1842. СПб.: Изд-во П.П. Сойкина, 1898. 207 с.
- Захарьин, 1901** – Захарьин (Якунин) И.Н. Граф В.А. Перовский и его зимний поход в Хиву. СПб.: Изд-во П.П. Сойкина, 1901. 347 с.
- Zinkovskii et al., 2021** – Zinkovskij S.B., Malahova V.Yu., Denisov I.S., Makarov Yu.N. Circassian and Central Asian slavery: general and special (on the example of cases of the return of Russian captives) // *Bylye Gody*. 2021. 16 (2): 689-698.
- Косырев, 1898** – Косырев Е.М. Поход в Хиву в 1839 г. (Из записок участника) // *Исторический вестник*. LXXIII, 1898. С. 539-602.
- Перовский, 1911** – Перовский В.А. Письма гр. В.А. Перовского к Н.В. Балкашину // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. XXIII. Оренбург: Типо-лит. т-ва «Каримов, Хусаинов и Ко», 1911. С. 149-190.
- Сапунов, 2001** – Сапунов Д.А. Участие казачества Урала и Сибири в присоединении Средней Азии к России / Дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2001. 255 с.
- Терентьев, 2018** – Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В 3 томах. Т. 1. / Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели. Г.А. Бордюгов, А.Г. Макаров, Б.В. Соколов. М.: АИРО-XXI, 2018. 544 с.
- Хивинский поход, 1843a** – Хивинский поход. Киргизские степи (Отрывок из дневника русского офицера, ноябрь 1839 года) // *Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений*. 1846. № 243. С. 187-204.
- Хивинский поход, 1843b** – Хивинский поход. Киргизские степи (Отрывок из дневника русского офицера, ноябрь 1839 года) // *Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений*. 1846. № 244. С. 279-292.
- Хопкирк, 2004** – Хопкирк П. Большая игра против России: Азиатский синдром. М.: Рипол Классик, 2004. 640 с.
- Центральная Азия, 2008** – Центральная Азия в составе Российской империи / Отв. ред. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.

References

- Akimbekov, 2018** – Akimbekov, S. (2018). Kazakhstan v Rossiyskoy imperii [Kazakhstan in the Russian Empire]. Almaty. [in Russian]
- Central'naya Aziya, 2008** – Central'naya Aziya v sostave Rossijskoj imperii [Central Asia within the Russian Empire]. M. [in Russian]
- Dal', 1867a** – Dal', V.I. (1867). Pis'ma k druž'yam iz pohoda v Hivu [Letters to friends from a crusade to Khiva]. *Russkij arhiv*. 63(3): 247-262. (с. 402-431). [in Russian]
- Dal', 1867b** – Dal', V.I. (1867). Pis'ma k druž'yam iz pohoda v Hivu [Letters to friends from a crusade to Khiva]. *Russkij arhiv*. 63(4): 353-370. (с. 606-639). [in Russian]
- Dal', 1986** – Dal', V.I. (1986). Ural'skij kazak [Ural Cossack]. Dal' V. I. Kruzhevnic: Povesti, rasskazy, ocherki [The Lace Maker: Novellas, short stories, essays]. Krasnoyarsk. Pp. 116-128.
- Glushenko, 2010** – Glushchenko, Ye.A. (2010). Rossiya v Sredney Azii [Russia in Central Asia]. M. [in Russian]
- Hivinskij pohod, 1843a** – Hivinskij pohod. Kirgizskie stepi (Otryvok iz dnevnika russkogo oficera, noyabr' 1839 goda) [Khiva crusade. Kirghiz steppes (Excerpt from the diary of a Russian officer, November 1839)]. *Zhurnal dlya chteniya vospitannikam voenno-uchebnyh zavedenij*. 1846, № 243, pp. 187-204. [in Russian]
- Hivinskij pohod, 1843b** – Hivinskij pohod. Kirgizskie stepi (Otryvok iz dnevnika russkogo oficera, noyabr' 1839 goda) [Khiva crusade. Kirghiz steppes (Excerpt from the diary of a Russian officer, November 1839)]. *Zhurnal dlya chteniya vospitannikam voenno-uchebnyh zavedenij*. 1846, № 244, pp. 279-292. [in Russian]

- Hopkirk, 2004** – *Hopkirk, P.* (2004). Bol'shaya igra protiv Rossii: Aziatskiy sindrom [The Big Game against Russia: Asian Syndrome]. M. [in Russian]
- Kosyrev, 1898** – *Kosyrev, E.M.* (1898). Pohod v Hivu v 1839 g. (Iz zapisok uchastnika) (1898) [The crusade to Khiva in 1839 (From the notes of the participant)]. *Istoricheskij vestnik*. LXXIII. Pp. 539-602. [in Russian]
- Perovskij, 1911** – *Perovskij, V.A.* (1911). Pis'ma gr. V.A. Perovskogo k N.V. Balkashinu [Letters of count V.A. Perovsky to N.V. Balkashin]. Trudy Orenburgskoj uchenoj arhivnoj komissii, Vyp. XXIII. Orenburg. pp. 149-190. [in Russian]
- Sapunov, 2001** – *Sapunov, D.A.* (2001). Uchastie kazachestva Urala i Sibiri v prisoedinenii Srednej Azii k Rossii [Participation of the Cossacks of the Urals and Siberia in the annexation of Central Asia to Russia]. Chelyabinsk. [in Russian]
- Terent'ev, 2018** – *Terent'ev, M.A.* (2018). Istoriya zavoevaniya Srednej Azii [History of the Conquest of Central Asia]. In 3 volumes. Vol. 1. M. [in Russian]
- Vasil'ev, 2015** – *Vasil'ev, D.V.* (2015). Forpost imperii. Administrativnaya politika Rossii v Central'noj Azii. Seredina XIX v. [Outpost of the empire. Administrative policy of Russia in Central Asia. Mid-19th century]. M. [in Russian]
- Vasil'ev, 2020** – *Vasil'ev, D.V.* (2020). Dualizm rossijskoj administracii na vostochnom beregu Kaspijskogo morya. [Dualism of the Russian administration on the eastern coast of the Caspian Sea]. *Vestnik SPbGU. Istoriya*. 65(7): 85-107. [in Russian]
- Zaharin, 1898** – *Zahar'in, I.N.* (1898). Zimnij pohod v Hivu Perovskogo v 1839 g. i Pervoe posol'stvo v Hivu v 1842. [Winter crusade to Khiva by Perovsky in 1839 and the First embassy in Khiva in 1842]. SPb. [in Russian]
- Zaharin, 1901** – *Zahar'in, I.N.* (1901). Graf V.A. Perovskij i ego zimnij pohod v Hivu [Count V.A. Perovsky and his winter trip to Khiva]. SPb. [in Russian]
- Zinkovskii et al., 2021** – *Zinkovskij, S.B., Malahova, V.Yu., Denisov, I.S., Makarov, Yu.N.* (2021). Circassian and Central Asian slavery: general and special (on the example of cases of the return of Russian captives). *Bylye Gody*. (2): 689-698.

Казачество в Хивинском походе 1839–1840 гг.

Михаил Георгиевич Тарасов^{а, *}

^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена участию казаков в неудачном военном походе русских войск в Хивинское ханство 1839–1840 гг. Организованная и руководимая оренбургским военным губернатором генералом В.А. Перовским экспедиция должна была обеспечить возведение на хивинский престол лояльного России правителя. В связи со специфическими условиями – необходимостью осуществления огромных переходов в условиях зимней степи (основой русского отряда были кавалерийские части, в большинстве своем из состава Уральского и Оренбургского казачьих войск); неверно выбранным временем для проведения экспедиции; аномально неблагоприятными погодными условиями, а также ошибками в организации – привели к ее провалу. Гибель значительной доли участников от холода и болезней, большинства вьючных и верховых животных обусловили необходимость прекращения похода. В этих обстоятельствах участвовавшие в экспедиции казаки показали себя с наилучшей стороны, фактически предотвратив гибель русского отряда. В статье подробно рассматривается участие казаков в подготовке экспедиции, в частности в организации промежуточных опорных пунктов. Подробно описываются состав казачьих частей, их размещение в походных колоннах и на стоянках, управление, участие в боевых действиях, осуществление военно-полицейских функций. Особое внимание в статье уделяется анализу факторов, способствовавших относительно успешным действиям казаков во время похода, их эффективности в противостоянии экстремальным природно-климатическим условиям похода, количеству и причинам относительно невысокой смертности казаков в течение экспедиции. В статье, в частности, анализируются особенности вооружения и обмундирования казаков, их тактика ведения боя. Значительное внимание уделяется морально-психологическому состоянию казаков во время похода.

Ключевые слова: казачество, Казахская степь, рекогносцировка, военная экспедиция, Хивинский поход, Хивинское ханство.

* Корреспондирующий автор

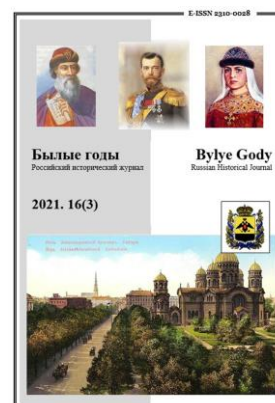
Адреса электронной почты: tmg.nauka@yandex.ru (М.Г. Тарасов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1191-1202
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1191
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 3

Anvar M. Mamadaliev ^{a, b, *}, Lyudmila Yu. Novitskaya ^c, Natalia V. Svechnikova ^d, Larisa A. Koroleva ^e

^a Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e Penza State University of Architecture and Construction, Russian Federation

Abstract

A series of articles is devoted to the study of the education system in the Kutaisi province of the Russian Empire in the period from 1846 to 1917. In this, the third and final article of the cycle, the educational system of the Kutaisi province in the period from 1902 to 1917 is analyzed.

The main source was the annual “Reports of the trustee of the Caucasian Educational District on the state of educational institutions” of the Ministry of Public Education for 1904–1914. The methodological basis of the research was both special historical (historical-comparative, historical-system, historical-statistical (quantitative/mathematical), and general scientific (synthesis, analysis, generalization, classification and categorization) methods.

Based on the analyzed data, it is concluded that education in the province developed quite inconsistently. The growth of male students of secondary educational institutions was 1.31 times, female students – 1.43 times. The total number of secondary school students has increased by 1.36 times over 11 years. The growth was provided primarily by the consolidation of educational institutions, and the years of a sharp increase in students were replaced by falls. The lower educational institutions did not grow at all in terms of the number of students, but the number of educational institutions founded in remote sparsely populated corners of the province increased (the number of lower educational organizations increased by one and a half times during the period 1904–1915). Primary educational institutions began to develop rapidly with the adoption of the law of May 3, 1908, as a result of which the number of children enrolled in primary education increased by 1.7 times.

The women's education has also been developing very actively: the number of female students has steadily increased from year to year.

Keywords: Kutaisi province, the Russian Empire, the system of public education, the Caucasian educational district.

1. Введение

В первой и второй частях нашей работы мы проанализировали социально-экономические, географические и демографические особенности Кутаисской губернии, основные требования к системе образования «нового региона», который был образован как самостоятельная административная единица в 1846 году, усилия правительств императоров Николая I, Александра II, Александра III и Николая II в деле развития образовательной сферы в регионе.

Хронологическими рамками данной работы является непростой для российской государственности период с 1902 по 1917 годы, характеризующийся тремя революциями и двумя

* Corresponding author

E-mail addresses: anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

проигранными войнами. В какой степени государство могло поддерживать систему образования и какой была стратегия его развития применительно к Кутаисской губернии в этот сложный для правительства период? В данной части работы нами предпринята попытка дать ответ на эти вопросы, опираясь на огромный пласт статистических источниковых материалов.

Отметим также, что Батумская область с 1903 года (и по 1917 год) была административно отделена от Кутаисской губернии, следовательно, в географические рамки данного исследования она не входит. Таким образом, образовательные учреждения, расположенные в Батумской области, не попадают в статистику после 1903 года, хотя в нижнем хронологическом срезе присутствуют.

Похожая ситуация складывалась и с Сухумским округом, который в 1903 году был выделен из Кутаисской губернии в специальный округ.

2. Материалы и методы

Источниками нашего исследования послужили отчеты попечителей Кавказского учебного округа в 1902–1917 годах – Михаила Ромуальдовича Завадского (годы попечительства: 1901–1906) и Николая Федоровича Рудольфа (годы попечительства: 1906–1917) ([Отчет, 1904](#); [Отчет, 1907](#); [Отчет, 1908](#); [Отчет, 1909](#); [Отчет, 1910](#); [Отчет, 1911](#); [Отчет, 1912](#); [Отчет, 1913](#); [Отчет, 1914](#)). Отчетов за 1902, 1903, 1905, 1906, 1915 и 1916 годы в нашем распоряжении, к сожалению, не оказалось.

В указанных отчетах имеется огромное количество систематизированной статистической информации практически о любом показателе действующих учебных заведений. Применительно к средним и части низших учебных заведений сведения изложены выборочно о каждом учреждении, информация о начальных училищах предлагается обобщенно. В частности, в отчетах содержатся исчерпывающие сведения о финансировании, количественных и «качественных» (вероисповедание, сословная принадлежность и пр.) характеристиках личного состава педагогов и учащихся, сведения о материально-технической базе и др.

Исследование также опирается на статистику, которая содержится во Всеобщей переписи населения 1897 года (Кутаисской губернии посвящен том LXVI) ([Всеобщая перепись населения, 1897](#)), а также комплекс нормативных правовых актов, содержащихся в Полном собрании законов Российской империи ([ПСЗРИ, 1911](#)).

Методологической основой исследования выступили как специальные исторические, так и общенаучные методы. В качестве специальных традиционных исторических методов применен историко-сравнительный (проводилось сравнение не только разных хронологических периодов, но и сравнение с разными территориальными единицами Российской империи, в частности с Тифлисской губернией, а также и с территорией Кавказского учебного округа в целом), историко-системный (исследовалась система образования России в конце XIX века в контексте особенностей правления Николая II и его взглядов на государственную власть) и др. Применялся также нетрадиционный для исторической науки историко-статистический (количественный/математический) метод (для статистического анализа количественных показателей учебных заведений и учащихся). Также использовались общенаучные методы исследования, такие как синтез, анализ, обобщения, классификации и категоризации.

3. Обсуждение

Как было указано в первой части нашего исследования, изучение образовательной сферы Кутаисской губернии не изобилует значительным количеством работ. В большей части – это труды комплексного характера, в которых анализируется деятельность Кавказского учебного округа в целом.

Традиционно мы выделяем дореволюционную, советскую и современную российскую историографию.

Из дореволюционных трудов значительный интерес представляют труды А.А. Богоявленского, глубоко анализирующие библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа на основе отчетов попечителя Кавказского учебного округа и других источников ([Богоявленский, 1911](#); [Богоявленский, 1912a](#); [Богоявленский, 1912b](#)). Анализ деятельности и нормативного регулирования городских училищ по положению 1872 года, в том числе и сравнительный (в России и на Кавказе), сделан П. Зажаевым ([Зажаев, 1909](#)). Общая информация о губернии, включая и ее систему образования, содержится также в энциклопедии Брокгауза и Ефрона ([Брокгауз–Ефрон, 1896](#)).

Среди работ советского периода нам оказались полезными статьи из сборника научных трудов «Народное образование и педагогическая мысль России кануна и начала империализма (Малоисследованные проблемы и источники)» ([Народное образование..., 1980](#)).

Из современных исследований особого внимания заслуживает комплексный фундаментальный труд Л.С. Гатаговой «Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в.» ([Гатагова, 1993](#)).

Также в работе мы обращались к трудам Е. Кобахидзе ([Кобахидзе, 2015](#)), Н. Шевченко, Е. Видищевой, О. Емельяновой ([Shevchenko et al., 2016](#)), А. Черкасова, С. Братановского, Л. Зимовец, Л. Королевой ([Cherkasov, 2011](#); [Cherkasov et al., 2020](#); [Cherkasov et al., 2020a](#); [Cherkasov et al., 2020b](#);

Cherkasov et al., 2021), О. Натолочной, Н. Крюковой, С. Буслаева, Р. Алалуева, В. Свешникова, Ю. Макарова, В. Иванцова, С. Петровой (Natolochnaya et al., 2016; Natolochnaya et al., 2020; Natolochnaya et al., 2020a; Natolochnaya et al., 2020b; Natolochnaya et al., 2021), Т. Магсумова, А. Королевой, М. Пономаревой, Т. Зульфугарзаде (Magsumov et al., 2020; Magsumov et al., 2020a), В. Молчановой, Л. Баланюк, Е. Видищевой, И. Потаповой (Molchanova et al., 2019; Molchanova et al., 2019a; Molchanova et al., 2020), а также к некоторым нашим работам (см., в частности, Mamadaliev et al., 2020a; Mamadaliev et al., 2020b; Mamadaliev et al., 2020c; Mamadaliev et al., 2020d; Mamadaliev et al., 2021a; Mamadaliev et al., 2021b), анализирующим особенности функционирования и развития дореволюционной системы образования на Кавказе.

4. Результаты

1. Среднее образование

В Кутаисской губернии по состоянию на 1 января 1901 года (т.е. нижняя хронологическая граница нашего исследования) среди средних учебных заведений числились (Отчет, 1900):

- 1) мужская 8-классная гимназия в г. Кутаисе (образована 1 января 1850 г.);
- 2) мужская 4-классная прогимназия в г. Кутаисе (образована 1 июля 1874 г.);
- 3) женская 8-классная гимназия в г. Кутаисе (образована 8 сентября 1878 г.);
- 4) мужская гимназия в г. Батуме (образована 1 июля 1897 года);
- 5) реальное училище в г. Кутаисе (преобразовано в училище 1 июля 1897 г.);
- 6) Батумская женская гимназия (образована 26 сентября 1900 г.).

В отчете 1904 года среди прогимназий Кутаисская мужская 4-классная уже отсутствует (Отчет, 1904: 72). 31 мая 1904 г. было основано Сухумское реальное училище, однако территориально оно в статистику не входит.

После 1904 г. появились следующие средние учебные заведения:

- 1) Потийская женская прогимназия (основана 7 сентября 1902 г.);
- 2) Кутаисская женская прогимназия (основана 2 октября 1903 г.).

Впоследствии женские прогимназии стали гимназиями.

Таблица 1. Количество средних учебных заведений на территории Кутаисской дирекции Кавказского учебного округа с 1901 по 1914 годы (по состоянию на 31 декабря отчетного года)¹ (Отчет, 1904: 72, 121, 175, 201, 275, 323, 341; Отчет, 1907: 182, 239, 255, 291, 301, 359, 400; Отчет, 1908: 234, 254-255, 309, 312, 357, 362-363, 434; Отчет, 1909: 242-243, 317, 364-365, 440; Отчет, 1910: 248-249, 323, 404, 434-435; Отчет, 1911: 240-241, 315, 396-397, 472; Отчет, 1912: 3-4, 64-65, 148-149, 209; Отчет, 1913: 3-4, 64-65, 149, 173-175; Отчет, 1914: 2-3, 122-123, 212, 256-257)

Годы	Тип учебных заведений						Учащиеся		
	Гимназии		Прогимназии		Реальные училища	Учительские семинарии	Мальчики	Девочки	Общее количество
	Мужские	Женские	Мужские	Женские					
1904	1	1	0	3	1	1	1547	1075	2622
1907	2	3	1	1	1	1	1932	1134	3066
1908	2	3	1	1	1	1	1931	1125	3056
1909	2	4	1	0	1	1	1702	1438	3140
1910	2	4	1	0	1	1	2064	1483	3547
1911	2	4	1	0	1	1	1946	1502	3448
1912	2	4	1	0	1	1	2039	1517	3556
1913	2	4	1	0	1	1	1947	1568	3515
1914	2	4	1	0	1	1	2033	1542	3575

¹ В данной таблице и таблицах ниже в перечне учебных заведений указаны все типы учреждений, имевшиеся в Кавказском учебном округе, за исключением учительских институтов.

Прежде всего отметим значительную величину (по числу учащихся) женского образовательного учреждения им. Св. Нины. Например, на 1 января 1909 года в Кутаисской женской гимназии училось 208 учениц, Потийской женской гимназии – 180 чел., в то время как в Кутаисской женской гимназии им. Св. Нины – 737 учащихся (Отчет, 1908: 362-363). Причем такая тенденция характерна и для предыдущих лет.

Нельзя не отметить и наметившуюся в предыдущие годы тенденцию преобразования прогимназий в гимназии, причем характерен этот процесс именно для женских учреждений данного типа.

Еще одна особенность – значительный рост женского среднего образования в Кутаисской губернии в сравнении с мужским: в определенные годы (например, 1909–1910 гг.) количественный рост учащихся давали исключительно женские гимназии (при том, что в мужских заведениях данного типа был спад: см., напр., статистику по 1909 г.).

Наконец, отметим скачкообразный, а не постепенный рост количественных показателей и уменьшение пропорционального соотношения обучающихся разных полов: если в 1904 году соотношение учащихся мальчиков и девочек было 1,44, то в 1914 году оно уменьшилось до 1,32.

Традиционно мы анализируем также и развитие библиотечного дела в Кутаисской губернии как косвенного критерия развития системы образования. Как известно, чем больше книг и шире перечень названий, тем более качественные знания получают слушатели и, соответственно, тем больше внимания уделяет образовательная администрация проблеме развития образования.

К 31 декабря 1904 года фундаментальная библиотека Кутаисской мужской гимназии насчитывала 14 068 томов. Ученическая библиотека Кутаисской мужской гимназии имела 3 833 тома (Отчет, 1904: 74).

Кутаисское реальное училище имело фундаментальную библиотеку в 6 747 томов. Ученическая библиотека включала в себя 3 247 томов (Отчет, 1904: 177).

Что касается Кутаисской женской гимназии, то она фундаментальной библиотекой не обладала, а ученическая – располагала фондом в 3 497 томов (Отчет, 1904: 237). Недавно основанная женская прогимназия в г. Кутаисе в фундаментальной библиотеке имела всего 31 том, ученическая же – 277 (Отчет, 1904: 237).

Фундаментальная библиотека Потийской прогимназии имела 69 томов, а ученическая – 403 (Отчет, 1904: 237).

По окончании анализируемого периода (к началу 1915 года) ситуация в библиотечном деле в средних учебных заведениях выглядела следующим образом: фундаментальная библиотека Кутаисской мужской гимназии имела 18 286 томов, ученическая библиотека – 4 576; Потийская мужская гимназия в фундаментальной библиотеке насчитывала 394 тома, а ученическая имела 1 930 (Отчет, 1914: 44). Фундаментальная библиотека реального училища в г. Кутаисе к 1915 году имела 5 929 томов, ученическая же – 4 935 (Отчет, 1914: 142). Таким образом, в сравнении с 1904 годом фундаментальная библиотека по количеству томов стала меньше, зато в полтора раза увеличилась ученическая библиотека. К 1915 году Кутаисская женская гимназия в фундаментальной библиотеке насчитывала 1063 тома, ученическая библиотека в своем составе имела 2 507 (Отчет, 1914: 314). Таким образом, количество томов ученической библиотеки уменьшилось в 1,4 раза.

Исходя из статистических данных, можно констатировать, что в средних учебных заведениях библиотечное дело не улучшилось, а ухудшилось. Вероятно, это связано как с обветшанием томов, так и передачей части библиотечного фонда в другие образовательные учреждения.

II. Низшее образование

Низших учебных заведений Кутаисской губернии по состоянию на 1 января 1901 года имелось (Отчет, 1900):

1. Городских училищ:

- а) Кутаисское городское училище (открыто 1 июля 1882 г.);
- б) Озургетское городское училище (основано 1 сентября 1874 г.);
- в) Мингрельское городское училище, г. Зугдиди (образовано 2 февраля 1879 г.);
- г) Батумское городское училище (создано 1 июля 1881 г.);
- д) Зугдидское городское училище (открыто 1 июля 1893 г.).

2. Батумское ремесленное училище (дата основания – 8 октября 1889 г.).

3. Батумское женское Мариинское училище (образовано 2 сентября 1890 года), включавшее четыре образовательных класса и один подготовительный.

4. Хонское женское Мариинское училище (открыто 1 июля 1899 года).

После 1904 г. в число низших учебных заведений вошли также:

1. Городские училища:

- а) Кутаисское 2-е городское училище (открыто 21 сентября 1902 г.);
- б) Квирильское городское училище (основано 9 сентября 1902 г.);
- в) Ланчхутское городское училище (дата открытия – 1 июля 1902 г.);
- г) Чиатурское городское училище (создано 1 сентября 1904 г.);
- д) Кулашское городское училище (основано в 1909 г.);

е) Очемчирское городское училище (создано в 1910 г.);

ж) Цагерское городское училище (открыто в 1912 г.).

2. Хонская ремесленная школа (первоначально открыта 1 декабря 1898 г.; информация в отчетных таблицах появилась в Отчете 1911 года; [Отчет, 1911: 644](#))

3. Высшие начальные училища:

а) Мингрельское высшее начальное училище, г. Поты (открыто в 1912 г.);

б) Мартвильское высшее начальное училище (создано в 1912 г.);

в) Онийское высшее начальное училище (основано в 1913 г.);

г) Самтредское высшее начальное училище (дата открытия – 1913 г.);

д) Чиатурское высшее начальное женское училище (открыто в 1913 г.);

ж) Гудаутское высшее начальное училище (основано в 1913 г.);

з) Никорцминдское высшее начальное училище (создано в 1913 г.).

С 1912 года в Российской империи начинается процесс реорганизации городских училищ в высшие начальные училища. Действительно, уже имеющиеся городские училища стали высшими начальными, однако собственно «городские» все же сохранились (например, по состоянию на 1914 год в Баку были три таких училища ([Отчет, 1914: 474](#)) и таковые фигурируют в источнике (отчетах попечителя учебного округа) наряду с высшими начальными. Более того, переименование прошло не одновременно: в частности, в 1913 году в губернии к высшим начальным относилось 7 училищ, а к городским – 12 (см. [Таблицу 2](#)). Процесс «переоформления» закончился в 1914 году: в Кутаисской губернии теперь все 20 училищ де-юре стали высшими начальными (а городских не было).

Примечательно, что в Кутаисской губернии (применительно к 1913 году) в высших начальных училищах сохранялась гендерная сегрегация: были чисто мужские (например, в с. Гудауты) и чисто женские (например, в с. Чиатури) ([Отчет, 1913: 304-305](#)).

Таблица 2. Количество и перечень низших учебных заведений на территории Кутаисской дирекции Кавказского учебного округа с 1904 по 1914 годы и число учащихся в них (по состоянию на 31 декабря отчетного года) ([Отчет, 1904: 361-362, 415-416, 480, 497, 510, 523, 552](#); [Отчет, 1907: 407-409, 489, 524](#); [Отчет, 1908: 497, 598](#); [Отчет, 1909: 504, 531](#); [Отчет, 1910: 510, 537](#); [Отчет, 1911: 502, 529, 628](#); [Отчет, 1912: 232, 250-251](#); [Отчет, 1913: 286, 304-307](#); [Отчет, 1914: 431, 466-469](#))

Годы	Городское училище	Ремесленные (промышленные) училища, ремесленные школы	Высшие начальные училища	Мариинские училища	Итого	Количество учащихся
1904	10	2	-	2	14	3428
1907	10	-	-	1	12	2429
1908	10	-	-	1	12	2189
1909	12	-	-	1	14	2339
1910	12	-	-	1	14	2446
1911	13	1	-	1	16	2858
1912	13	-	3	1	18	3112
1913	12	-	7	1	21	3343
1914	-	-	20	1	22	3269

Низшие учебные заведения в Кутаисской губернии представлены городскими училищами, горскими школами, ремесленными (промышленными) училищами и ремесленными школами, а также женскими Мариинскими училищами; позднее в их число вошли и высшие начальные училища. В 1904–1908 гг. количество учащихся в них постепенно снижается, что, вероятно, может быть объяснено увеличением количества учеников в средних учебных заведениях; других объяснений постепенного количественного спада нам найти сложно. Однако после 1908 г. вновь начинается

постепенный рост учащихся и учебных заведений, что опять-таки можно связать с принятием закона от 3 мая 1908 года.

В городских училищах, как правило, учились мальчики: по состоянию на 1913 год 11 из 12 городских училищ губернии были мужскими и только в Кулашском училище образование могли получить не только мальчики, но и девочки (Отчет, 1913: 306-307).

Как видим, за 11 проанализированных лет количество обучающихся не только не выросло, но и упало. Вместе с тем имеет место быть и положительная тенденция – увеличение числа учреждений данного типа, при том что открывались они в отдаленных уголках губернии: число образовательных организаций увеличилось в 1,57 раза.

III. Начальное образование

Сеть начальных училищ к 1 января 1901 года насчитывала 223 начальных училища все типов (казенные городские двухклассные, казенные сельские нормальные одноклассные, общественные городские двухклассные, общественные городские одноклассные, общественные сельские начальные, церковно-приходские и др.) (Отчет, 1900).

К концу исследуемого нами периода, т.е. к 1915 году, в губернии насчитывалось 469 начальных училищ (вместе с таковыми в Батумской области, которая в 1901 году входила в состав Кутаисской губернии). Таким образом, количественный рост их стал более чем двукратным, что следовало бы назвать впечатляющим результатом трудов администрации Кутаисской учебной дирекции.

Таблица 3. Количество начальных училищ Кутаисской дирекции Кавказского учебного округа и учащихся в них в 1904–1914 гг. (Отчет, 1904: 602, 632; Отчет, 1907: 531, 532; Отчет, 1908: 624, 626; Отчет, 1909: 630, 632; Отчет, 1910: 636, 638; Отчет, 1911: 686, 688; Отчет, 1912: 335-336; Отчет, 1913: 427-428; Отчет, 1914: 668, 672)

Годы	Количество училищ	Количество учащихся			Количество учащихся на одну школу (в среднем) ¹
		Мальчиков	Девочек	Итого	
1904	307	21661	4661	26322	86
1907	310	21095	5532	26627	86
1908	332	23507	6141	29648	89
1909	359	25968	7270	33238	93
1910	393	28219	8523	36742	93
1911	433	31151	9644	40795	94
1912	398	30804	9753	40557	102
1913	462	34173	11675	45848	99
1914	427 (469 ²)	32699 ³	12091 ⁴	44790	105

В отличие от неравномерно развивающихся средних и низших учебных заведений, начальные образовательные учреждения развивались достаточно стабильно. Количественные показатели учащихся как мальчиков, так и девочек росли ровно от года к году; тенденция к ускорению количественного роста сразу видна после принятия закона от 3 мая 1908 года о дополнительном финансировании начального образования.

Параллельно укрупнялись как сами учреждения, так и их классы: в частности, с 1904 по 1910 годы среднее количество учащихся начальных училищ возросло с 86 до 93 чел. (на одно заведение).

В 1912 году число начальных школ неожиданно уменьшилось – с 433 до 398, и количество учащихся мужского пола с 31 151 до 30 804, что достаточно неожиданно на фоне перманентного роста. Однако количественный рост учащихся женского пола продолжился. При этом продолжается увеличение числа учащихся в пределах одного заведения, достигшего в среднем 102 чел. на учреждение, а к началу 1915 года – и вовсе 105 учеников на одно училище.

Нетривиальной оказалась статистика по количеству начальных училищ в 1911–1914 годах. Число заведений в этот период резко увеличивалось, потом уменьшалось, что связано было, на наш взгляд, прежде всего с путаницей в административном подчинении: в частности, образовательная администрация Батумской области периодически выходила из подчинения Кутаисской дирекции, напрямую подчиняясь попечителю учебного округа. Таким образом, в Отчете попечителя за 1914 год

¹ Округлено до целого.

² С учетом училищ Батумской области.

³ Без учета обучающихся в училищах Батумской области.

⁴ Без учета обучающихся в училищах Батумской области.

училища Батумской области выделены отдельно, однако сгруппированы с училищами Кутаисской губернии.

В заключение отметим огромное влияние закона от 3 мая 1908 года: если в 1904–1907 гг. количественный рост был практически незаметен, то после 1908 года он стал весьма заметным (за исключением, как было указано выше, 1912 и 1914 годов, что, вероятно, связано с особенностями административного подчинения Батумской области и отразилось на попечительских отчетах).

Количество детей, охваченных начальным образованием, выросло в 1,7 раза – с 26 322 до 44 790 чел.

5. Заключение

Обозначим ключевые моменты, отмеченные выше:

I. Средние учебные заведения

Количество учащихся мужского пола в период с 1904 по 1915 годы в средних учебных заведениях (гимназии, прогимназии, реальные училища, учительские семинарии) Кутаисской губернии увеличилось в 1,31 раза, учащихся женского пола – в 1,43 раза.

Общее количество учащихся средних учебных заведений за 11 лет увеличилось в 1,36 раза – с 2 622 до 3 575 чел.

При этом, рост числа учебных заведений был медленнее – в 1,28 раза (с 7 до 9); следовательно, численный рост учащихся обеспечивался незначительным укрупнением образовательных учреждений. Если в 1904 году на одно учреждение в среднем приходилось 375 слушателей, то к 1915 году – 397 чел.

Из прочих тенденций отметим:

- активный процесс усиления учебных программ и увеличения классов, что повлекло преобразование прогимназий в гимназии (в частности, все женские прогимназии Кутаисской губернии к 1915 году стали гимназиями);

- скачкообразный рост количества учащихся: годы «застоя» сменяются бурным ростом;

- увеличение в пропорциональном выражении количества обучающихся женского пола. Этот момент характерен и для прочих территорий Кавказского учебного округа, на что обращают внимание и другие исследователи.

II. Низшие учебные заведения

К концу 1904 года в Кутаисской губернии насчитывалось 14 образовательных учреждений низшего уровня: 10 городских училищ, 2 ремесленных училища, а также 2 женских Мариинских училища. Общее количество учащихся в них составляло 3 428 чел. К началу 1915 года в губернии имелось 22 учреждения при 3 269 учащихся. Как видим, количество обучающихся не только не выросло, но даже и сократилось. Это, на наш взгляд, может быть объяснено несколькими факторами. Во-первых, несмотря на увеличение количества городских школ и их преемников – высших начальных училищ, в Кутаисской губернии не функционировали ремесленные училища, работавшие ранее. Во-вторых, высшие начальные училища открывались в отдаленных селах (в частности, в Чиатури, Никорцминде, Самтретиа, Ланчхуте, Мартвили и др.), в которых не было много жителей (и, соответственно, обучающихся), однако спрос на учреждения данного типа был.

Число низших образовательных организаций увеличилось с 1904 до 1915 годы в 1,57 раз.

III. Начальные учебные заведения

В сравнении с вышеуказанными типами образовательных организаций, начальные учебные учреждения развивались относительно стабильно. Количество детей, охваченных начальным образованием, выросло в 1,7 раза – с 26 322 до 44 790 чел., а число учреждений – в полтора раза: с 307 до 469 (без учета начальных училищ Батумской области – 427). Действие закона от 3 мая 1908 года «Об отпуске 6.900.000 рублей на нужды начального образования» особенно явно прослеживается в 1909–1914 годах – как по численному росту учащихся, так и по увеличению количества учебных заведений.

Отметим также и другие тенденции, характерные для начального образования в 1904–1914 гг.:

- укрупнение учреждений – если в 1904 году на одно начальное училище в среднем приходилось 86 учеников, то к 1915 году – уже 105;

- развитие училищ в 1912–1914 годах шло скачкообразно – активный рост их числа сменялся столь же резким падением (через один год). На наш взгляд, это может быть связано с административным переподчинением Батумской области, которая подчинялась то Кутаисской дирекции, то напрямую попечителю Кавказского учебного округа. Такая путаница нашла свое отражение и в статистических приложениях к отчету, в таблицах которых фигурируют лишь цифры без каких-либо пояснений;

- количество обучающихся лиц мужского пола выросло ровно в полтора раза – с 21 661 в 1904 году до 32 699 к 1915 году;

- количество обучающихся лиц женского пола выросло во внушительные 2,6 раза: с 4 661 в 1904 году до 12 091 к 1915 году. Если соотношение учащихся по критерию мальчик/девочка в

1904 году было 4,64 к 1, то к 1915 году оно стало 2,7/1. Похожая ситуация, по анализу других исследователей, была и в остальных регионах Кавказского учебного округа.

Применительно к библиотечному делу в учебных заведениях Кутаисской губернии можно констатировать, что оно развивалось весьма противоречиво: в некоторой части (например, в фундаментальных библиотеках средних учебных заведений) – не только улучшилось (по таким критериям, как количество томов), но и ухудшилось. Это может быть связано как с ветшанием библиотечного фонда, так и передачей его части другим, более нуждающимся учебным заведениям (что, впрочем, в отчетах прямо не подтверждается).

В заключение отметим, что прорывными в развитии образования в Кутаисской губернии стали годы с 1909 по 1914 (после вступления в силу закона от 3 мая 1908 года о дополнительном финансировании начальных учебных заведений на усмотрение попечителей учебных округов и до Первой мировой войны, когда львиная доля ресурсов государства стала уходить на обеспечение военных расходов).

Литература

Богоявленский, 1911 – Богоявленский А.А. Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1911. № 6.

Богоявленский, 1912a – Богоявленский А.А. Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1912. № 5.

Богоявленский, 1912b – Богоявленский А.А. Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа (продолжение) (Черноморская губерния в т.ч.) // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1912. № 6.

Брокгауз–Ефрон, 1896 – Кутаисская губерния / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том XVII (33). СПб., 1896. С. 129-135.

Всеобщая перепись населения, 1897 – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Том LXVI. Кутаисская губерния / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905.

Гатагова, 1993 – Гатагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М.: Россия молодая, 1993.

Зажаев, 1909 – Зажаев П. Городские училища по положению 1872 года в России и на Кавказе // *На Кавказе*. 1909. № 4.

Исторический обзор, 1902 – Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 / Сост. С.В. Рождественский. СПб., 1902.

Кобахидзе, 2015 – Кобахидзе Е.И. Законодательство 1840–1870-х гг. в области образования как фактор интеграции кавказской школы в российскую систему народного просвещения // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 10. Ч. 3.

Народное образование..., 1980 – Народное образование и педагогическая мысль России кануна и начала империализма (Малоисследованные проблемы и источники). Сб. научных трудов / Под ред. Э.Д. Днепров. М., 1980.

Положение от 29.10.1853 – Положение «О Кавказском учебном округе и учебных заведениях» от 29 октября 1853 года // *Журнал Министерства народного просвещения*. СПб., 1853. № 80.

ПСЗРИ, 1911 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Том XXVIII. 1908. СПб., 1911.

Отчет, 1900 – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1900 г. Тифлис, 1901.

Отчет, 1904 – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1904 г. Тифлис, 1905.

Отчет, 1907 – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1907 г. Тифлис, 1908.

Отчет, 1908 – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1908 г. Тифлис, 1909.

Отчет, 1909 – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1909 г. Тифлис, 1910.

Отчет, 1910 – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1910 г. Тифлис, 1911.

Отчет, 1911 – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1911 г. Тифлис, 1912.

Отчет, 1912 – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1912 г. Тифлис, 1913.

Отчет, 1913 – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1913 г. Тифлис, 1914.

Отчет, 1914 – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений»

за 1914 г. Тифлис, 1915.

[Cherkasov, 2011](#) – Cherkasov A.A. All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones // *Social Evolution & history*. 2011. № 2 (10).

[Cherkasov et al., 2020](#) – Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N. The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 1 // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2020. 65(3): 750-770.

[Cherkasov et al., 2020a](#) – Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N. (2020). The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 2 // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65(4): 1067-1084.

[Cherkasov et al., 2020b](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G. (2020). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 963-970.

[Cherkasov et al., 2021](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G. (2021). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 10(1): 211-218.

[Mamadaliev et al., 2020a](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 235-247.

[Mamadaliev et al., 2020b](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 56. Is. 2: 530-540.

[Mamadaliev et al., 2020c](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57. Is. 3: 1065-1084.

[Mamadaliev et al., 2020d](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4 // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 58. Is. 4: 2409-2426.

[Mamadaliev et al., 2021a](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 1 // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 169-181.

[Mamadaliev et al., 2021b](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 699-716.

[Magsumov et al., 2020](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 221-234.

[Magsumov et al., 2020a](#) – Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E. (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 459-472.

[Natolochnaya et al., 2016](#) – Natolochnaya O.V., Kryukova N.I., Buslaev S.I. The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years) // *Bylye Gody*. 2016. 39(1): 222-228.

[Molchanova et al., 2019](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1 // *Bylye Gody*. 53(3): 1049-1058.

[Molchanova et al., 2019a](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2 // *Bylye Gody*. 54(2): 1524-1536.

[Molchanova et al., 2020](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 88-104.

[Natolochnaya et al., 2020](#) – Natolochnaya O.V., Zimovets L.G., Allalyev R.M., Svechnikov V.A. The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 473-480.

[Natolochnaya et al., 2020a](#) – Natolochnaya O.V., Makarov Y.N., Allalyev R.M., Svechnikov V.A. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 9(3): 679-688.

[Natolochnaya et al., 2020b](#) – Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Ivantsov V.G. The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 984-992.

[Natolochnaya et al., 2021](#) – Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Petrova S.V. Emergence of the Russian Public Education System in the Patriarchal Era (1593–1721) // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(1): 246-251.

[Shevchenko et al., 2016](#) – *Shevchenko N.A., Vidishcheva E.V., Emelyanova O.V.* The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus (1802–1917 years): the Characteristic Features // *Bylye Gody*. 2016. 40(2): 363-372.

References

[Bogoyavlenskii, 1911](#) – *Bogoyavlenskii, A.A.* (1911). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga [Librarianship in primary schools of the Caucasian educational district]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 6. [in Russian]

[Bogoyavlenskii, 1912a](#) – *Bogoyavlenskii, A.A.* (1912). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga [Librarianship in primary schools of the Caucasian educational district]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 5. [in Russian]

[Bogoyavlenskii, 1912b](#) – *Bogoyavlenskii, A.A.* (1912). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga (prodolzhenie) (Chernomorskaya guberniya v t.ch.) [Librarianship in primary schools of the Caucasian educational district (continued) (Black Sea province, incl.)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 6. [in Russian]

[Brokgauz–Efron, 1896](#) – Kutaiskaya guberniya [Kutaisi province]. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. Tom XVII (33). SPb., 1896. 129-135. [in Russian]

[Cherkasov et al., 2020](#) – *Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N.* (2020). The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 1. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65(3): 750-770.

[Cherkasov et al., 2020a](#) – *Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N.* (2020). The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 2. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65(4): 1067-1084.

[Cherkasov et al., 2020b](#) – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G.* (2020). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 963-970.

[Cherkasov et al., 2021](#) – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G.* (2021). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 10(1): 211-218.

[Cherkasov, 2011](#) – *Cherkasov, A.A.* (2011). All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones. *Social Evolution & history*. 2(10).

[Gatagova, 1993](#) – *Gatagova, L.S.* (1993). Pravitel'stvennaya politika i narodnoe obrazovanie na Kavkaze v XIX v. [Government policy and public education in the Caucasus in the 19th century]. M.: Rossiya molodaya. [in Russian]

[Istoricheskii obzor, 1902](#) – Istoricheskii obzor deyatelnosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1802–1902 [Historical review of the activities of the Ministry of Public Education. 1802-1902]. Sost. S.V. Rozhdestvenskii. SPb., 1902. [in Russian]

[Kobakhidze, 2015](#) – *Kobakhidze, E.I.* (2015). Zakonodatel'stvo 1840–1870-kh gg. v oblasti obrazovaniya kak faktor integratsii kavkazskoi shkoly v rossiiskuyu sistemuyu narodnogo prosveshcheniya [Legislation of the 1840-1870s in the field of education as a factor of integration of the Caucasian school into the Russian system of public education]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 10. Ch. 3. [in Russian]

[Magsumov et al., 2020](#) – *Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E.* (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 221-234.

[Magsumov et al., 2020a](#) – *Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E.* (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 459-472.

[Mamadaliev et al., 2020b](#) – *Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A.* (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 530-540.

[Mamadaliev et al., 2020d](#) – *Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A.* (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4. *Bylye Gody*. 58(4): 2409-2426.

[Mamadaliev et al., 2020a](#) – *Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A.* (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 235-247.

[Mamadaliev et al., 2020c](#) – *Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A.* (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 57(3): 1065-1084.

[Mamadaliev et al., 2021a](#) – *Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A.* (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 1. *Bylye Gody*. 16(1): 169-181.

[Mamadaliyev et al., 2021b](#) – Mamadaliyev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 16(2): 699–716.

[Molchanova et al., 2019](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1. *Bylye Gody*. 53(3): 1049–1058.

[Molchanova et al., 2019a](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2. *Bylye Gody*. 54(2): 1524–1536.

[Molchanova et al., 2020](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3. *Bylye Gody*. 55(1): 88–104.

[Narodnoe obrazovanie..., 1980](#) – Narodnoe obrazovanie i pedagogicheskaya mysl' Rossii kanuna i nachala imperializma (Maloissledovannyye problemy i istochniki) [Public education and pedagogical thought in Russia on the eve and the beginning of imperialism (Little researched problems and sources)]. Sb. nauchnykh trudov. Pod red. E.D. Dneprova. M., 1980. [in Russian]

[Natolochnaya et al., 2016](#) – Natolochnaya, O.V., Kryukova, N.I., Buslaev, S.I. (2016). The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years). *Bylye Gody*. 39(1): 222–228.

[Natolochnaya et al., 2020](#) – Natolochnaya, O.V., Zimovets, L.G., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 473–480.

[Natolochnaya et al., 2020a](#) – Natolochnaya, O.V., Makarov, Y.N., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(3): 679–688.

[Natolochnaya et al., 2020b](#) – Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Ivantsov, V.G. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 984–992.

[Natolochnaya et al., 2021](#) – Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Petrova, S.V. (2021). Emergence of the Russian Public Education System in the Patriarchal Era (1593–1721). *European Journal of Contemporary Education*. 10(1): 246–251.

[Otchet, 1900](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1900 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1900]. Tiflis, 1901. [in Russian]

[Otchet, 1904](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1904 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1904]. Tiflis, 1905. [in Russian]

[Otchet, 1907](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1907 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1907]. Tiflis, 1908. [in Russian]

[Otchet, 1908](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1908 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1908]. Tiflis, 1909. [in Russian]

[Otchet, 1909](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1909 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1909]. Tiflis, 1910. [in Russian]

[Otchet, 1910](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1910 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1910]. Tiflis, 1911. [in Russian]

[Otchet, 1911](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1911 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1911]. Tiflis, 1912. [in Russian]

[Otchet, 1912](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1912 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1912]. Tiflis, 1913. [in Russian]

[Otchet, 1913](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1913 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1913]. Tiflis, 1914. [in Russian]

[Otchet, 1914](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1914 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1914]. Tiflis, 1915. [in Russian]

[Polozhenie ot 29.10.1853](#) – Polozhenie «O Kavkazskom uchebnom okruge i uchebnykh zavedeniyakh» ot 29 oktyabrya 1853 goda [Regulations "On the Caucasian educational district and educational institutions"]

- of October 29, 1853]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. SPb., 1853. № 80. [in Russian]
- PSZRI, 1911 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 3-e. Tom XXVIII. 1908. SPb., 1911. [in Russian]
- Shevchenko et al., 2016 – Shevchenko, N.A., Vidishcheva, E.V., Emelyanova, O.V. (2016). The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus (1802–1917 years): the Characteristic Features. *Bylye Gody*. 40(2): 363-372.
- Vseobshchaya perepis' naseleniya, 1897 – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Tom LXVI. Kutaiskaya guberniya [The first general population census of the Russian Empire in 1897. Volume LXVI. Kutaisi province]. Pod red. N.A. Troinitskogo. SPb.: Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del, 1905. [in Russian]
- Zazhaev, 1909 – Zazhaev, P. (1909). Gorodskie uchilishcha po polozheniyu 1872 goda v Rossii i na Kavkaze [City schools according to the 1872 situation in Russia and the Caucasus]. *Na Kavkaze*. 4. [in Russian]

Система народного образования в Кутаисской губернии 1846–1917 гг. Часть 3

Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^{a, b, *}, Людмила Юрьевна Новицкая ^c,
Наталья Викторовна Свечникова ^d, Лариса Александровна Королева ^e

^a Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

Аннотация. Серия статей посвящена изучению системы образования в Кутаисской губернии Российской империи в период с 1846 по 1917 годы. В данной, третьей и завершающий цикл статье, анализируется система образования Кутаисской губернии в период с 1902 по 1917 годы.

Основным источником стали годовые «Отчеты попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений» Министерства народного просвещения за 1904–1914 годы. Методологической основой исследования выступили как специальные исторические (историко-сравнительный, историко-системный, историко-статистический (количественный/математический), так и общенаучные (синтез, анализ, обобщения, классификации и категоризации) методы.

На основании проанализированных данных делается вывод о том, что образование в губернии развивалось достаточно противоречиво. Рост учащихся мужского пола средних учебных заведений составил 1,31 раза, учащихся женского пола – 1,43 раза. Общее количество учащихся средних учебных заведений за 11 лет увеличилось в 1,36 раза. Рост обеспечивался прежде всего укрупнением образовательных учреждений, а годы резкого увеличения учащихся сменялись падениями. Низшие учебные заведения по числу учащихся и вовсе не имели роста, зато увеличилось количество учебных заведений, основанных в дальних малонаселенных уголках губернии (число низших образовательных организаций увеличилось за период 1904–1915 гг. в полтора раза). Начальные учебные заведения стали бурно развиваться с принятием закона от 3 мая 1908 года, в результате чего количество детей, охваченных начальным образованием, выросло в 1,7 раза.

Также весьма активно развивалось женское образование: количество учащихся женского пола неизменно росло от года к году.

Ключевые слова: Кутаисская губерния, Российская империя, система народного просвещения, Кавказский учебный округ.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1203-1210
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1203
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



The Problem of the Old Believers in Russian Journalism in the second half of the 19th – early 20th centuries: the Question of Preserving Traditional Values and the Historical Memory of the Russian People

Ekaterina V. Bykova ^a, Konstantin N. Tarasov ^{a, *}

^aVyatka state university, Russian Federation

Abstract

The article examines the issue of the reflection of Old Believers' themes in Russian socio-political journalism of the second half of the 19th – early 20th centuries. The source base of the research is made up of materials from Russian newspaper and magazine periodicals. The views on the Old Believers of representatives of the main directions of the ideological and political spectrum of social thought in Russia of the specified period (conservatives, liberals, soil people, revolutionary and liberal populists), as well as publicists – adherents of official Orthodoxy and the Russian Orthodox Church are analyzed. The assessments by publicists of different political directions of the historical potential, socio-cultural heritage, social and political protest potential of the Old Believers are compared. The dynamics of the development of domestic socio-political journalism dedicated to the Old Believers for the period of the end of the 1850s is revealed – 1905. It was established that during the second half of the 19th – early 20th century. The Old Believers were in the sphere of attention of all political forces of Russian society, and each direction of the social movement interpreted the split based on its own doctrinal provisions. Most representatives of the social movement are beginning to perceive the split as an important social, cultural and even political factor in the historical renewal of Russia.

Keywords: Old Believers, journalism, traditions, historical memory, social movement.

1. Введение

История российского старообрядчества продолжает оставаться динамично развивающимся направлением отечественной исторической науки. В числе прочего исследователи обращаются к изучению взглядов ведущих отечественных историков, философов, обществоведов, представителей общественно-политической мысли на историю и культуру старообрядчества. В данном контексте представляется небезынтесным рассмотрение проблемы отражения старообрядческой тематики в российской общественно-политической публицистике. Начиная с рубежа 1850–1860-х гг., российское образованное общество открывает для себя феномен старообрядчества. Староверие начинает входить в сферу внимания различных общественно-политических сил как лояльных, так и оппозиционных самодержавию. Большинство представителей общественного движения начинают воспринимать раскол как важный социальный, культурный и даже политический фактор исторического обновления России.

Предметом исследования выступает проблема отражения вопроса о старообрядчестве в российской общественно-политической публицистике второй половины XIX – начала XX вв. Нижняя хронологическая рамка исследования – рубеж 1850–1860-х гг. – время накопления фактического материала о староверии и формирования интереса к этому феномену образованного общества и представителей общественного движения. Верхняя хронологическая рамка – 1905 г. – время кардинальных изменений в социально-политическом строе Российской империи в целом и в общественно-политическом статусе старообрядчества в частности.

* Corresponding author

E-mail addresses: tar-87@mail.ru (K.N. Tarasov)

Задачи исследования: изучение взглядов на старообрядчество представителей основных направлений идейно-политического спектра общественной мысли России указанного периода; сопоставление подходов авторов, придерживающихся разных политических взглядов; выявление динамики развития отечественной общественно-политической публицистики, посвященной старообрядчеству, за период конца 1850–1905 гг.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составляют материалы российской газетной и журнальной периодики. Издания и авторы сгруппированы в зависимости от принадлежности к определенному идейно-политическому направлению: консервативно-монархические издания (газета «Московские ведомости», журнал «Русский вестник»; авторы М.Н. Катков, К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев, Т.И. Филиппов, Л.А. Тихомиров), «почвеннические» и славянофильские издания (газета «Современные известия», журнал «Русская беседа»; авторы И.С. Аксаков, Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков, Н.П. Гиляров-Платонов), либеральные (газета «Новое время», журналы «Отечественные записки» и «Вестник Европы»: авторы К.Н. Бестужев-Рюмин, А.Н. Пышин), издания либерального народничества (журналы «Современник» и «Русская мысль»; авторы Н.И. Костомаров, А.С. Пругавин, И.И. Каблиц), издания революционных народников (газета «Колокол»; авторы А.И. Герцен, Н.П. Огарев, М.А. Бакунин), а также периодические издания, отстаивающие позицию официальной Русской православной церкви (журналы «Христианское чтение», «Православное обозрение»; авторы И.Ф. Нильский, Н.И. Субботин). Анализируемые газетные и журнальные статьи, посвященные проблеме старообрядчества, носили различный характер. Среди них были откровенно политизированные, написанные на злобу дня, а также памфлеты, принижающие или даже высмеивающие староверов. Однако большая часть публицистики содержала значительные элементы научного анализа, историософские и богословские обобщения.

Работа основана на базовых принципах исторического познания – историзма, объективности, системности. Применялись основные специально-исторические методы. Историко-генетический метод использовался при выявлении логики развития публицистики о старообрядчестве за период второй половины XIX – начала XX вв. При помощи историко-типологического метода общественно-политическая публицистика была структурирована соответственно основным направлениям российского общественного движения – консерватизм, почвенничество, либерализм, либеральное народничество, революционное народничество. Сравнительно-исторический метод был нацелен на выявление общего и особенного в подходах представителей разных идеологических направлений к проблеме социокультурного и исторического потенциала российского староверия. Историко-системный метод использовался при характеристике зависимости подходов к оценке староверия от идеологической системы, адептом которой являлся тот или иной мыслитель.

3. Обсуждение

Отечественные историки ранее обращались к изучению отдельных аспектов темы отражения исторического опыта старообрядчества в российской общественной мысли в целом и на страницах периодической печати в частности.

Так, в монографии А.П. Дмитриева упомянуто об отношении Н.П. Гилярова-Платонова к староверию и отражении этого вопроса на страницах газеты «Современные известия». Взгляды Гилярова-Платонова на раскол сопоставляются с подходами его коллег и корреспондентов И.С. Аксакова и Н.С. Лескова (Дмитриев, 2018). В работе А.Я. и К.Я. Кожуриных исследовано отношение российских консерваторов к проблеме раскола. Отмечается, что в консервативном лагере по данному вопросу разброс мнений был значительный – от резкого неприятия до признания староверия фактором исторического обновления России (Кожурин, Кожурин, 2014). В статье К.М. Товбина, Р.Ю. Атобина и К.Я. Кожурина оценивается специфика трактовок социокультурного потенциала старообрядчества с позиции подходов разных отраслей социально-гуманитарного знания (социологического, культурологического и др.), а также либерального и консервативного историософских дискурсов (Товбин и др., 2018). В работе С.Д. Снигиревой проведены аналогии между восприятием староверия как историко-культурного феномена Ф.М. Достоевским и демократической концепцией раскола, сформулированной его известным исследователем А.П. Шаповым. Автор доказывает тождественность подходов народников и почвенников в оценках староверия как носителя исконно русских форм коллективных идентичностей, общинного самоуправления, соборной ментальности (Снигирева, 2020). В.В. Молзинский анализирует подходы различных российских историков (некоторые из них являлись также и оригинальными публицистами) к изучению исторической и социальной природы раскола. Отмечается, что подавляющее большинство представителей отечественной историографии указанного периода подчеркивали историческую закономерность появления раскола, отмечали его значительный исторический потенциал (Молзинский, 2017). В монографии А.В. Пыжикова подробно описан феномен пробуждения массового интереса к старообрядчеству в среде русского образованного общества на рубеже 1850–1860-х гг. Автор подчеркивает, что многие представители общественного движения и общественной

мысли той поры пути дальнейшего исторического развития страны напрямую связывали с необходимостью обращения к историческому, социокультурному и духовному опыту староверия (Пыжиков, 2018). В работе Н.Ю. Кузнецовой проанализированы взгляды двух известных исследователей российского старообрядчества, представителей народничества, по вопросу социальных отношений и духовно-нравственного облика староверия. Автор приходит к выводу, что ориентация ученых на народническую идеологию не повлияла на достоверность и объективность научных выводов, а скорее наоборот, позволила глубже понять сущность быта и нравов раскольников (Кузнецова, 2019). В работе Н.В. Асиповой изучена проблема отражения в общественном мнении России вопроса об исторической специфике и современном состоянии раскола. Рассмотрены и сопоставлены взгляды на раскол представителей разных направлений общественной мысли (Асипова, 2009). Однако указанная проблема рассмотрена на протяжении сравнительно небольшого исторического периода и не отражает динамики изменений общественного мнения за весь период второй половины XIX – начала XX вв.

Вместе с тем отдельное исследование, посвященное анализу проблемы отражения темы староверия как носителя традиционных ценностей и исторической памяти русского народа на страницах российской периодической печати за период второй половины XIX – начала XX вв., в исторической науке отсутствует. Данная работа в некоторой степени призвана заполнить эту лауну в изучении старообрядчества.

4. Результаты

Каждое идеологическое течение трактовало раскол прежде всего с точки зрения своих доктринальных позиций. Так, консерваторы и представители РПЦ считали необходимым вхождение раскола в лоно официального православия. Последствием возможного введения свободы совести они считали массовый переход подданных в раскол. В старообрядчестве правые видели опасную для государственного строя силу, но вместе с тем социокультурный опыт староверия рассматривали как маргинальный по отношению к официальным православию и церкви.

В стане российских консерваторов принципиальным и последовательным противником старообрядчества являлся К.П. Победоносцев. При этом, занимая должность обер-прокурора Святейшего синода, Константин Петрович полагал, что в популярности раскола в широких народных массах виновата сама Русская православная церковь: низкий уровень образования большинства рядовых священников, казенный характер самой церкви, ее зависимость от государственных структур. Победоносцев также считал, что введение свободы совести (популярный в пореформенной России лозунг) толкнет в раскол широкие слои населения: настолько староверие привлекательнее официального православия (Победоносцев, 1901: 38-45).

Немалое значение в корректировке взглядов М.Н. Каткова на староверие оказало лояльное отношение его адептов к самодержавию во время польского восстания 1863–1864 гг. Старообрядчество Западного края стало восприниматься публицистом в качестве одного из факторов спокойствия в этом регионе империи. На страницах «Московских ведомостей» их редактор даже призывал усилить роль староверов в органах местного самоуправления в западных губерниях. Интересно, что для консерватора Каткова раскол был не борьбой с православием, а силой, отстаивающей традиционное православие. М.Н. Катков предлагал относиться к староверам нейтрально, т.е. не преследовать, но и не поощрять (Катков, 1864: 174-175).

Одной из главных задач своей деятельности на важных государственных постах Т.И. Филиппов считал реализацию уравнивания прав староверов с православными. Он был убежден, что староверы не выступают против православия: они не отказались от его основных догматов, поэтому староверие не представляет опасности для государственного строя (Пророки..., 2012: 109).

Другой консерватор, К.Н. Леонтьев, будучи последовательным противником буржуазного общественного строя, воспринимал старообрядчество как одно из орудий против ненавидимой им капиталистической модернизации пореформенного российского общества. Идеолог подчеркивал, что в отличие от либералов, староверы «смотрят на свободу только как на средство для целей более глубоких и более почтенных» (Леонтьев, 1996: 239). Более того, Леонтьев был склонен видеть в старообрядчестве надежного союзника правительства против растущих в интеллигентской среде радикализма и нигилизма. Оппозицией же существующему строю староверие априори быть не может: религиозный и культурный компонент в нем преобладает над политическим.

Ведущий теоретик российского консерватизма начала XX в. Л.А. Тихомиров, напротив, оставался последовательным противником староверия. В либеральной политике самодержавия начала XX в. по отношению к старообрядчеству он видел реальную угрозу существовавшему социально-политическому строю, путь к упразднению самодержавия. Староверие, утверждал публицист, препятствует политической и религиозной консолидации нации, оно социально и политически активно, а значит опасно для самодержавной власти (Тихомиров, 1912).

Для публицистики В.В. Розанова было характерно противопоставление старообрядчества как народной веры официальному православию. Для старообрядца вера являлась повседневной жизнью, в то время как для интеллигенции и элиты – вопросом отвлеченного умствования. Розанов всячески

поддерживал либерализацию вероисповедной политики самодержавия в отношении раскола в начале XX в. Источниками значительного исторического, культурного, реформаторского потенциала раскола мыслитель называл «постоянный труд, трезвость, сбережение своего одноверца, солидарность и прочность семейного уклада» (Розанов, 1905). Он задавался вопросом, на каком основании староверов называют раскольниками, ведь «сами они ничего не раскалывали», откололось от них все остальное общество.

Профессор Санкт-Петербургской духовной академии И.Ф. Нильский критиковал раскол и его историческое наследие с позиций официальной РПЦ. Староверие в статьях этого автора выступало синонимом невежества и фанатизма. Социально и политически раскол пассивен, его сущность заключена только в застывшей догматике. Он представляет собой отпадение от православия, т.е. является ересью. Раскол исторически обречен, он несет в себе лишь худшие черты русской ментальности и русского народного быта. Традиции старообрядческого самоуправления архаичны и не имеют ничего общего с общинными порядками Древней Руси (Нильский, 1863: 24-27).

Во многом солидаризировался с Нильским профессор Московской духовной академии Н.И. Субботин. В своей публицистике, касающейся старообрядчества, он доказывал, что раскол отторгает все новое, неспособен к саморазвитию, не консолидирован, а значит, изживает сам себя. Однако отдельные старообрядческие общины богаты и влиятельны, воздействуют на власть и мирян, умеют перетягивать на свою сторону народ. Также велика опасность неучтенного раскола. При этом в староверах XIX в. уже нет ни воинствующего антиэтатизма, ни радикализма левой эмиграции (Субботин, 1892: 58-66).

В отличие от консерваторов, почвенники и славянофилы выступали за установление равноправия раскольников с остальными подданными, в том числе и через введение свободы совести. Они были убеждены, что старообрядчество несет в себе лучшие исконные традиции русского народа, черты ментальности, быта, самоуправления. Обращение к историческому и культурному опыту раскола они воспринимали в качестве обязательного условия духовного возрождения России. Кроме этого, в трудовой этике староверия они видели альтернативу предпринимательской этике протестантизма.

Так, Ф.М. Достоевский был убежден, что расколом движет глубокое недовольство действительностью, исконно присущее русской душе стремление к истине и идеалу. Раскол стал закономерным историческим явлением, в котором отразилось пробуждение русского народного сознания и умственной деятельности. Староверие наиболее полно отражает один из главных принципов русской православной культуры: духовное очищение возможно только через страдание. На страницах своих изданий Достоевский подчеркивал, что обращение образованного общества к историческому и культурному опыту старообрядчества позволит преодолеть ментальную пропасть между интеллигенцией и народом. Приобщение интеллектуальной элиты к духовным традициям русского народа он видел прежде всего через вдумчивое изучение староверия. Кроме того, традиции общинного и артельного самоуправления в среде староверов должны быть приняты во внимание при подготовке и проведении реформ местного самоуправления, прежде всего земской (Достоевский, 2011: 407-422). Достоевским всячески подчеркивалось духовно-нравственное содержание раскольничьего протеста как альтернативы пугачевскому (антигосударственному, разрушительному) бунту.

Как и большинство представителей почвенничества, Н.С. Лесков ждал от старообрядчества духовного возрождения российского общества, прежде всего его образованной части. Писатель и публицист критиковал политизацию веры революционными народниками как демагогическое искажение действительности. Он подчеркивал, что уравнивание в правах староверов с другими подданными обнулит протестный потенциал старообрядчества, т.к. они хотят не ликвидации власти, а свободы исповедовать свою веру (Лесков, 1956–1958: 36-52). В отличие от И.С. Аксакова и Н.П. Гилярова-Платонова, которые ратовали за слияние староверия с официальным православием, Лесков был убежден, что раскол ценен и жизнеспособен только в рамках противостояния Русской православной церкви.

Другой почвенник, редактор газеты «Современные известия» Н.П. Гиляров-Платонов, утверждал, что усиление раскола произошло в эпоху Петра I, когда было положено начало разобщению между образованным обществом и народом. Тем самым религиозный раскол усилился расколом культурным. Гиляров-Платонов воспринимал изменение отношения общества к старообрядчеству с негативного на позитивное как важную задачу своего общественного служения. Он подчеркивал, что староверы – это такие же русские православные люди, как и адепты официального православия. Их менталитет, семейные устои, общественные отношения мало чем отличаются от «быта большинства российских подданных». Это сходство является основой для сближения двух частей русского народа, консолидации нации (Гиляров-Платонов, 1905: 87-102).

Один из основателей славянофильства, И.С. Аксаков, близко знавший раскольников по службе в МВД, также ратовал за вероисповедное объединение русского народа, восстановление церковного единства. Их неперемным условием он считал введение свободы совести. Иноверие следует рассматривать как дело личной совести, а не в качестве государственного преступления. В отличие от Н.С. Лескова, считавшего (как и большинство староверов) свободу совести путем к безверию, Аксаков

видел в свободе совести гарантию от казенного характера веры и церкви, навязываемых подданному государством (Аксаков, 2010: 445).

Для отношения к староверию либералов было характерно дистанцирование от клерикальной и государственнической ангажированности. Раскольников всех толков и согласий они считали неотъемлемой частью гражданского общества. Проблема раскола в либеральной публицистике решалась в контексте формирования основ гражданского общества и правового государства, когда гарантированы свобода совести и равенство в правах всех граждан, независимо от их конфессиональной принадлежности.

Примечательно, что, как либерал, К.Н. Бестужев-Рюмин был уверен, что раскол вовсе не представлял собой протест против европейских новаций. Более того, русский народ охотно заимствует европейский опыт. Он ждал новизны, новаций, но не таких, какие предложили Никон и Алексей Михайлович или Петр I. Раскол не протестовал против европеизации как таковой, неприятие вызывали методы и тяготы, которыми сопровождалась модернизация (Пыжиков, 2018: 83). Либеральный подход к характеристике старообрядчества развивал и А.Н. Пыпин. Он призывал не считать раскольников за мракобесов. В расколе выразилось народное стремление к духовной свободе в условиях крепостнического рабства. Раскол стал выражением протеста «земли» (крестьянской общины) против «власти» (бюрократического государства). При этом старообрядчество в массе своей преодолело сектантскую замкнутость и нашло свой путь к просвещению (Пыпин, 1863: 112-115).

Либеральные народники, как и почвенники, считали старообрядчество важным фактором исторического обновления России. Но они делали ставку не на духовный и культурный потенциал староверия, а на его социальный опыт самоорганизации и противостояния власти. Известный историк Н.И. Костомаров на страницах центральной прессы обосновывал тезис, что формирование староверия является лучшим доказательством того, что русский народ способен на организованный протест и духовные поиски без инициативы «сверху». В староверии отразились и укрепились исконные черты русского национального характера – поиск духовного идеала, неприятие власти и бегство от ее несправедливостей, догматизм сознания. Знарок старообрядческой культуры, Костомаров подчеркивал, что староверческая литература в лучших своих проявлениях поднялась до осознания фундаментальных вопросов бытия (Костомаров, 1871: 469-536).

Принадлежавший к народническим кругам известный исследователь староверия А.С. Пругавин был убежден, что именно в расколе содержится квинтэссенция русского культурного кода. Неслучайно участники известного движения «хождение в народ» 1870-х гг. выбирали для работы прежде всего старообрядческие регионы. На страницах своих исследований, широко представленных и в тогдашней периодике, Пругавин характеризовал старообрядчество как хранителя народных традиций отшельничества и аскетизма. Это выражалось в широко распространенных в староверческой среде отречении от мира, постах, истязании тела, а также в практиках «келейничества» и «стародевства». Интересен также подход Пругавина к характеристике старообрядческих самосожжений как акта исторической памяти. На многочисленном материале им было доказано, что места самосожжений и могилы определялись староверами как сакральные. Могилы мучеников становились местами паломничества. Самосожжение воспринималось как акт спасения (Пругавин, 1881: 301-364).

И.И. Каблиц (Юзов) считал, что в расколе был поставлен вопрос о характеристике противостояния инокультурных новаций и национальных традиций. Раскол тем самым предопределил меру западного влияния: русская традиционная культура способна распознать, что воспринять, а чему следует сопротивляться как чужеродному элементу. На конкретных примерах Каблиц показывал, что повседневность многих представителей народа буквально пропитана древлеправославием (Каблиц, 1881: 183-217).

Революционные народники утверждали, что проблема раскола должна решаться в контексте социалистической революции, в ходе которой будут реализованы свобода совести, народовластие, общинно-артельное самоуправление. Раскольников народники отождествляли с революционерами, а в старообрядческой общине видели зачаток ячейки будущего социалистического общества.

Непримиримый противник самодержавия, А.И. Герцен считал старообрядчество социальной базой социалистической революции. Раскол воспринимался им в качестве эпицентра народной консолидации и противостояния власти. Староверов Герцен воспринимал сродни революционерам: и те, и другие обладают огромным опытом сопротивления власти. Противостояние старообрядчества с государством и церковью имеет не религиозный, а социальный характер: староверы борются с государственным строем за свои гражданские права. Староверие для Герцена – это религиозное выражение народного социализма, а крестьянская (в особенности, старообрядческая) община – прообраз ячейки социалистического строя. Староверов и социалистов объединяет также общий взгляд на труд как ключевой фактор социального прогресса и социальной справедливости (Герцен, 1862).

Н.П. Огарев, увлеченный идеей созыва Земского собора, считал именно старообрядцев носителями этой русской традиции. Он был уверен, что именно старообрядчество будет способно осуществить синтез соборности и социализма, русской традиции и европейского прогресса.

Лидер бунтарского направления народничества М.А. Бакунин, подчас выдавая желаемое за действительное, отождествлял раскол и анархию в том смысле, что староверы также не признают власть, хотят полного освобождения личности, не признают социальной иерархии. И все эти особенности исконно присущи русскому народу. Раскол дал народу социальную дисциплину, которую революционеры должны использовать в борьбе с самодержавным строем (Бакунин, 1862).

5. Заключение

Таким образом, на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. старообрядчество находилось в сфере внимания всех политических сил российского общества. Каждое направление общественного движения трактовало раскол, исходя из собственных доктринальных положений. Консерваторы усматривали в расколе угрозу государственному строю страны, при этом отказывая ему в историческом будущем как явлению маргинальному. Почвенники и славянофилы, напротив, дели в старообрядчестве фундамент цивилизационного возрождения России. Староверие являлось для них квинтэссенцией исторического опыта страны, выступало носителем ее основных цивилизационных особенностей – общинности, соборности, истинного православия. Либеральное народничество также связывало с расколом прогрессивный ход российского исторического процесса, но на первое место ставило не духовный, а социальный протестный опыт старообрядчества. Революционные народники утверждали, что раскол – это готовая социальная база для социалистической революции. Старообрядчество аккумулировало в себе исконно присущие русскому народу коллективизм, бунтарство, тягу к свободе и неприятие власти. Интересно, что при этом разные политические силы могли сходиться в трактовке тех или иных аспектов темы раскола. Так, либералы и революционеры считали, что проблема раскола будет решена в контексте модернизации – перехода от традиционного общества к индустриальному. Консерваторы и радикалы были склонны политизировать раскол, видя в нем реальную оппозицию самодержавию. А для народников и почвенников старообрядчество ассоциировалось с русским земским началом.

За период второй половины XIX – начала XX вв. можно проследить следующую динамику развития старообрядческой темы в российской политической публицистике. Конец 1850-х – 1870-е гг. характеризуется ростом интереса общественных сил к старообрядчеству. На страницах периодики проходят жаркие дискуссии по вопросам исторического опыта, протестного общественного и политического потенциала староверия. В 1880–1890-е гг. у оппозиционных сил наступает некоторое разочарование в расколе, накал споров в прессе снижается, зато публицистика становится более объективной, оценки и выводы более взвешенными. Первые годы XX в. вновь знаменуются обострением дискуссий относительно культурно-исторического опыта и оппозиционно-политического потенциала староверия вследствие политизации общественной жизни, либерализации государственного строя и изменений общественного статуса адептов российского старообрядчества.

6. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках гранта «Локальные традиции и историческая память в искусстве старообрядцев XX – начала XXI вв.». Проект № 19-012-00238.

Литература

- Аксаков, 2010 – Аксаков И.С. О державности и вере. Минск, 2010. 683 с.
 Асипова, 2009 – Асипова Н.В. Церковный раскол в общественном мнении России (конец 1850-х – 1860-е годы). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009. 251 с.
 Бакунин, 1862 – Бакунин М.А. Русским, польским и всем славянским друзьям // Колокол. 1862. 15 февраля.
 Герцен, 1862 – Герцен А.И. Смысл раскола // Колокол. 1862. 18 апреля.
 Гиляров-Платонов, 1905 – Гиляров-Платонов Н.П. Вопросы веры и церкви: Сборник статей. М., 1905. Т. 1. 318 с.
 Дмитриев, 2018 – Дмитриев А.П. Н.П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850–1880-х годов. СПб., 2018. 912 с.
 Достоевский, 2011 – Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М.: Эксмо, 2011. 736 с.
 Каблиц, 1881 – Каблиц И.И. Политические воззрения староверия // Русская мысль. 1882. № 4. С. 183-217.
 Катков, 1864 – Катков М.Н. Причины происхождения раскола и путь к его уничтожению // Московские ведомости. 1864. № 16. С.174-175.
 Кожурин, Кожурин, 2014 – Кожурин А.Я., Кожурин К.Я. Старообрядчество в работах русских консерваторов второй половины XIX – начала XX века // Известия Санкт-Петербургского аграрного университета. 2014. № 36. С. 277-284.
 Костомаров, 1869 – Костомаров Н.И. Воспоминания о молоканах // Отечественные записки. 1869. № 3. С. 56-59.

Кузнецова, 2019 – Кузнецова Н.Ю. Общественно-политические воззрения народников на старообрядчество европейского Севера на примере работ С.А. Приклонского и А.С. Пругавина. Дисс. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2019. 218 с.

Леонтьев, 1996 – Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство (1872–1891). М., 1996. 714 с.

Лесков, 1956–1958 – Лесков Н.С. Народники и расколоведы на службе (1882) // Собрание сочинений. М., 1956–1958. Т. 11. С. 36–52.

Молзинский, 2017 – Молзинский В.В. Старообрядчество в культуре дореволюционной России как проблема исторической науки // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2017. № 1. С. 29–35.

Нильский, 1863 – Нильский И.Ф. Взгляд раскольников на некоторые наши обычаи // Христианское чтение. 1863. № 1. С. 24–27.

Победоносцев, 1901 – Победоносцев К.П. Московский сборник. М., 1901. 366 с.

Пророки..., 2012 – Пророки византизма: Переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891). СПб., 2012. 635 с.

Пругавин, 1881 – Пругавин А.С. Значение сектантства в русской народной жизни // Русская мысль. 1881. № 1. С. 301–364.

Пыжиков, 2018 – Пыжиков А.В. Грани русского раскола. М., 2018. 528 с.

Пыпин, 1863 – Пыпин А.Н. Земство и раскол // Современник. 1863. № 3. С. 112–115.

Розанов, 1905 – Розанов В.В. О староверии и староверах // Новое время. 1905. 10 февраля.

Снигирева, 2020 – Снигирева С.Д. Исторические воззрения Ф.М. Достоевского и демократическая концепция раскола А.П. Щапова // Litera. 2020. № 5. С. 14–26.

Субботин, 1892 – Субботин Н.И. Сущность и значение раскола. СПб., 1892. 224 с.

Тихомиров, 1912 – Тихомиров Л.А. К реформе обновленной России. М., 1912. 116 с.

Товбин и др., 2018 – Товбин К.М., Атобин Р.Ю., Кожурин К.Я. Православное старообрядчество как вариант российской цивилизации: методология исследований // Вестник славянских культур. 2018. Т. 49. С. 9–31.

References

Aksakov, 2010 – Aksakov, I.S. (2010). O derzhavnosti i vere [About statehood and religion]. Minsk, 638 p. [in Russian]

Asipova, 2009 – Asipova, N.V. (2009). Cerkovnyj raskol v obshchestvennom mnenii Rossii (konec 1850-h – 1860-e gody) [Church schism in public opinion in Russia (late 1850s – 1860s). Thesis of Ph.D. of history]. Moscow, 251 p. [in Russian]

Bakunin, 1862 – Bakunin, M.A. (1862). Russkim, pol'skim i vsem slavyanskim druž'yam [To Russian, Polish and all Slavic friends]. Bell, February, 15. [in Russian]

Dmitriev, 2018 – Dmitriev, A.P. (2018). N.P. Gilyarov-Platonov i russkaya literatura 1850-1880-h godov [N.P. Gilyarov-Platonov and Russian literature of the 1850-1880s]. St. Petersburg, 912 p. [in Russian]

Dostoevskij, 2011 – Dostoevskij, F.M. (2011). Dnevnik pisatelya [Writer's diary]. Moscow: Eksmo, 736 p. [in Russian]

Gercen, 1862 – Gercen, A. I. (1862). Smysl raskola [The essence of the Old Believers]. Bell, April, 18. [in Russian]

Gilyarov-Platonov, 1905 – Gilyarov-Platonov, N.P. (1905). Voprosy very i cerkvi: sbornik statej [Questions of Faith and the Church: Collection of Articles]. Moscow, Vol. 1, 318 p. [in Russian]

Kablic, 1881 – Kablic, I.I. (1882). Politicheskie vozzreniya staroveriya [Political views of the Old Believers]. Russkaya mysl'. 4: 183–217. [in Russian]

Katkov, 1864 – Katkov, M.N. (1864). Prichiny proiskhozhdeniya raskola i put' k ego unichtozheniyu [The reasons for the origin of the Old Believers and the path to its destruction]. Moskovskie vedomosti. 16: 174–175. [in Russian]

Kostomarov, 1869 – Kostomarov, N.I. (1869). Vospominaniya o molokanah [Memories of Molokans]. Otechestvennye zapiski. 3: 56–59. [in Russian]

Kozhurin, Kozhurin, 2014 – Kozhurin, A. Ya., Kozhurin, K.Ya. (2014). Staroobryadchestvo v rabotah russkih konservatorov vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka [Old Believers in the works of Russian conservatives in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Izvestiya Sankt-Peterburgskogo agrarnogo universiteta. 36: 277–284. [in Russian]

Kuznecova, 2019 – Kuznecova, N.Yu. (2019). Obshchestvenno-politicheskie vozzreniya narodnikov na staroobryadchestvo evropejskogo Severa na primere rabot S. A. Priklonskogo i A. S. Prugavina. Diss. ...kand. ist. nauk [Social and political views of the populists on the Old Believers of the European North on the example of the works of S. A. Priklonsky and A. S. Prugavin. Thesis of Ph.D. of history]. Petrozavodsk, 218 p. [in Russian]

Leont'ev, 1996 – Leont'ev, K.N. (1996). Vostok, Rossiya i Slavyanstvo (1872-1891) [East, Russia and Slavs (1872-1891)]. Moscow, 714 p. [in Russian]

Leskov, 1956–1958 – *Leskov, N.S.* (1956–1958). Narodniki i raskolovedy na sluzhbe (1882) [Narodniks and scholars of schism in the service (1882)]. *Sobranie sochinenii*, Moscow, Vol. 11, pp. 36–52. [in Russian]

Molzinskij, 2017 – *Molzinskij, V.V.* (2017). Staroobryadchestvo v kul'ture dorevolucionnoj Rossii kak problema istoricheskoi nauki [Old Belief in the culture of pre-revolutionary Russia as a problem of historical science]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 1: 29–35. [in Russian]

Nil'skij, 1863 – *Nil'skij I. F.* (1863). Vzglyad raskol'nikov na nekotorye nashi obychai [Old Believers' View of Some of Our Traditions]. *Christian reading*, Nr 1, pp. 24–27 [in Russian]

Pobedonoscev, 1901 – *Pobedonoscev, K.P.* (1901). Moskovskij sbornik [Moscow collection]. Moscow, 366 p. [in Russian]

Proroki ..., 2012 – Proroki vizantizma: Peregiska K.N. Leont'eva i T.I. Filippova (1875–1891) [Prophets of Byzantism: Correspondence between K. N. Leontiev and T. I. Filippov (1875–1891)]. St. Petersburg, 2012, 635 p.

Prugavin, 1881 – *Prugavin, A.S.* (1881). Znachenie sektantstva v russkoj narodnoj zhizni [The significance of religious sects in Russian folk life]. *Russkaya mysl'*. 1: 301–364. [in Russian]

Pypin, 1863 – *Pypin, A.N.* (1863). Zemstvo i raskol [Local government and Old Believers]. *Sovremennik*. 3: 112–115. [in Russian]

Pyzhikov, 2018 – *Pyzhikov, A.V.* (2018). Grani russkogo raskola [Aspects of Russian Old Believers]. Moscow, 528 p. [in Russian]

Rozanov, 1905 – *Rozanov, V.V.* (1905). O staroverii i staroverah [About Old Believers and Old Believers]. *Novoe vremya*. February, 10. [in Russian]

Snigireva, 2020 – *Snigireva, S.D.* (2020). Istoriosofskie vozzreniya F. M. Dostoevskogo i demokraticeskaya koncepciya raskola A. P. SHCHapova [Historiosophical views of F.M. Dostoevsky and the democratic concept of the Old Believers by A.P. Shchapov]. *Litera*. 5: 14–26. [in Russian]

Subbotin, 1892 – *Subbotin, N.I.* (1892). Sushchnost' i znachenie raskola [The essence and significance of the Old Believers]. St. Petersburg, 224 p. [in Russian]

Tihomirov, 1912 – *Tihomirov, L.A.* (1912). K reforme obnovlennoj Rossii [Towards the reform of a renewed Russia]. Moscow, 116 p. [in Russian]

Tovbin i dr., 2018 – *Tovbin, K.M., Atobin, R.Yu., Kozhurin, K.Ya.* (2018). Pravoslavnoe staroobryadchestvo kak variant rossijskoj civilizacii: metodologiya issledovanij [Orthodox Old Believers as a Variant of Russian Civilization: Research Methodology]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. 49: 9–31. [in Russian]

Проблема старообрядчества в российской публицистике второй половины XIX – начала XX вв.: вопрос о сохранении традиционных ценностей и исторической памяти русского народа

Екатерина Васильевна Быкова^а, Константин Николаевич Тарасов^{а,*}

^а Вятский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос об отражении старообрядческой тематики в российской общественно-политической публицистике второй половины XIX – начала XX вв. Источниковую базу исследования составляют материалы российской газетной и журнальной периодики. Проанализированы взгляды на старообрядчество представителей основных направлений идейно-политического спектра общественной мысли России указанного периода (консерваторов, либералов, почвенников, революционных и либеральных народников), а также публицистов – адептов официального православия и РПЦ. Сопоставлены оценки публицистами разных политических направлений исторического опыта, социокультурного наследия, социального и политического протестного потенциала старообрядчества. Выявлена динамика развития отечественной общественно-политической публицистики, посвященной старообрядчеству, за период конца 1850-х гг. – 1905 г. Установлено, что на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. старообрядчество находилось в сфере внимания всех политических сил российского общества, а каждое направление общественного движения трактовало раскол, исходя из собственных доктринальных положений. Большинство представителей общественного движения воспринимали раскол как важный социальный, культурный и даже политический фактор исторического обновления России.

Ключевые слова: старообрядчество, публицистика, традиционная культура, историческая память, общественное движение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tar-87@mail.ru (К.Н. Тарасов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1211-1224
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1211
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



Review of Pre-Revolutionary Historiography of Schismatics, Heresies and Sectarianism in The Russian Empire

Andrii E. Lebid ^{a, b, *}, Natal'ya A. Shevchenko ^{b, c}

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article reviews the pre-revolutionary historiography of the history of schismatics, heresies and sectarianism in the Russian Empire. The topicality of the solution of the problem of schism and sects by the Russian government is outlined. The main classifications of all sects existing on the territory of the Russian state were established: "harmful", "particularly harmful", "less harmful", and "disfiguring sects".

For a fuller understanding of the problem posed, the concepts of schism, heresy and sect, very often used synonymously, but having not only semantic but also legal differences in the context of scientific debates of the 19th and early 20th centuries, are specified.

It is shown that scholarly works of pre-revolutionary authors were often published not only as monographic studies, but were very often published on the pages of Orthodox magazines: Christian Reading, Missionary Review and others. Some of these journals were specifically published as a means of countering schism, sectarianism and mysticism.

In the article four approaches are outlined to classify the whole body of historiographical material on the history of schism and sects in the Russian Empire: chronological - to select the complex of scientific works published after 1850s; typological – to distinguish trends and interpretations in Russian schism, sectarianism and dissent with the identification of their specific and universal characteristics; thematic – to outline the main directions and problems of research, which were emphasized by the pre-revolutionary scholars; method of attribution – to determine the main problems of schism and sectarianism.

Keywords: historiography, schism, Old Believers, sectarianism, heresy, Russian Empire.

1. Введение

В одной из своих предыдущих работ (Lebid et al., 2021) мы обозначили актуальность для российского правительства решения вопроса сектантства и раскольничества, которые всегда «являлись крайне опасными для Церкви, как в корне ниспровергающие христианство, они вместе с тем подрывают основы государственного порядка» (Маргаритов, 1910: 228). С течением времени количество сект в Российской империи и проблемы, связанные с ними, достигли такого размаха, что ее необходимо было решать на государственном уровне. В этом отношении следует упомянуть действовавший на то время циркуляр «О распределении сект по степени их вредности», классифицировавший все существующие секты на территории российского государства по трем группам: «вредные», «особо вредные», «менее вредные». После первой российской революции 1905 г. появляется четвертая категория сект – «изуверские секты»: морельщики, скопцы, сожигатели, по отношению к которым применялись различные специальные меры профилактического, запретительного или же

* Corresponding author

E-mail addresses: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (A. Lebid)

контролирующего характера. Как видим, проблема раскола и сектантства в российском государстве стояла довольно остро и требовала своего осмысления и положительного решения.

В контексте этого оправданным и необходимым является не столько разрешение этого вопроса, сколько его систематическое изучение как представителями духовенства, так и научного светского сообщества историков, философов, религиоведов и других специалистов. В последующем это привело к появлению значительного количества как специальных исследований по истории и теории раскольников, ересей и сектантства, так и фундаментальных работ по социальной истории Российской империи, где одним из аспектов изучения был религиозный вопрос. Особенно эта проблема получила свою актуальность, начиная с середины XIX века, когда «научное изучение раскола началось, собственно, с 1850-х гг. До того времени преобладала полемическая литература о расколе, обращавшая главное внимание на догматическую сторону вопроса» (Брокгауз, Ефрон, 1899: 284).

Нашей задачей в рамках данной статьи является рассмотрение научного наследия дореволюционных ученых Российской империи, для которых проблема раскольников и сектантства была особенно острой как современников этих явлений и интеллектуалов, воспитанных в духе теории официальной народности.

2. Материалы и методы

При подготовке данной работы авторами были использованы различные принципы и методы научного исследования: принцип историзма, объективности, системности, научной критики и др. Принцип историзма обозначил конкретно-исторические события, явления и обстоятельства изучаемого временного отрезка истории российского государства, их взаимосвязь и детерминацию. Принцип объективности актуализировал обращение к конкретному фактологическому материалу с последующей его критикой и оценкой. Принцип системности предопределил целостность и комплексность исследования заявленной научной проблемы.

Данное историографическое исследование основано на анализе научных работ российских ученых, изучающих историю раскола, сектантства и ересей в Российской империи, труды которых были изданы до 1917 г. – периода существования империи. В этом контексте важным представляется комплексное исследование проблем, аспектов и вопросов, связанных с расколом: историей его становления и развития, социальной базой, ареалом распространения, правительственной политикой в отношении раскольников и сектантства и др.

В данной статье используются следующие методы научного исследования: историко-хронологический, историко-типологический и анализ оценок и отношения к раскольниковству и сектантству в работах светских и духовных лиц. Использование аналитического метода позволило выделить ряд факторов и аспектов научных дискуссий по вопросам раскола с последующим обобщением полученных результатов. Структурный метод позволил обозначить общие тенденции в многообразии религиозных движений и толков в Российской империи, рассматривая их в контексте общегосударственного развития. Помимо прочего, авторами был использован метод научной критики исторических источников и литературы.

3. Обсуждение

Дореволюционная историография раскольниковства, ересей и сектантства очень значительна – она исчисляется сотнями исследований, проводимыми как лицами, имевшими духовный сан, так и светскими учеными, что в некотором роде налагало определенный отпечаток на характер и особенности собственно работы: зачастую труды первых отличал избалованный, просветительский характер в духе проповеди, осуждавшей раскол и сектантство на корню как губительное для державы явление. Более сдержанными, но все же с элементами нравоведения были научные изыскания светских лиц, синтезировавших в своих исследованиях как субъективное мнение, так и фактологический материал. Как пишут Ф. Брокгауз и И. Ефрон, воспроизводя слова императора Александра II, «существует большое различие во взгляде православного духовенства и светских чинов, и вследствие этого становятся нужными полные систематические и основательно обработанные сведения о расколе» (Брокгауз, Ефрон, 1899: 284).

В контексте анализа многообразия научных трудов по истории раскольниковства, ересей и сектантства в Российской империи следует отметить тот факт, что преобладающими среди них являются исследования именно о раскольниковстве, иными словами о старообрядцах, староверах, поскольку «раскол у самих раскольников называется старообрядством, староверием» (Брокгауз, Ефрон, 1899: 284).

В этой связи требуют уточнения и такие понятия, как «ересь» и «секта», что в принципе отличны от раскольниковства как такового, но зачастую употребляемых синонимично. Ф. Брокгауз и И. Ефрон отмечают, что «ересь нужно различать от раскола, который означает обособление от состава церковного союза или сообщества верующих... по разногласию в учении обрядовом» (Брокгауз, Ефрон, 1894: 671), как это имело место со старообрядцами. Секта же – «организованное сообщество людей, разномыслящих с господствующей церковью», если секта – некая совокупность лиц,

принимаящее то или иное отступное учение, то ересь – собственно, само это учение (Брокгауз, Ефрон, 1900: 324).

Актуальность исследования вопросов раскольников, ересей и сектантства можно обозначить словами известного их исследователя в Российской империи А.С. Пругавина, который в своих работах отмечал «весьма существенный пробел» в изучении вопросов социальной истории российского государства, одним из которых был вопрос о расколе и сектантстве (Пругавин, 1880).

Следует отметить, что комплексного историографического исследования по заявленной проблеме в отечественной и зарубежной науке нет. Но это не означает, что историческая наука обошла вниманием колоссальное наследие дореволюционных исследователей истории раскола и сектантства. Наоборот, все современные, да и не только, ученые в той или иной степени обращались к работам своих коллег. Но истины ради необходимо отметить, что зачастую таковые обращения были спорадическими, лишёнными системности и решали конкретные научные цели и задачи. Сколь-нибудь комплексного анализа изысканий наших предшественников по этому вопросу, повторюсь, не было.

Среди множества статей, монографий, диссертаций и других научных работ, посвященных проблеме раскольников, ересей и сектантства в Российской империи, в которых находит свое отражение анализ отдельных дореволюционных исследований, следует назвать ряд современных авторов, в той или иной степени анализировавших историографию по этому вопросу.

Среди прочих следует отметить работу К.А. Кузоро, посвященную церковной историографии старообрядчества (Кузоро, 2011). В ней автором были рассмотрены вопросы, связанные с возникновением церковной историографии старообрядчества во второй половине XVII – последней трети XVIII вв., особенности синодальной историографии старообрядчества (конец XVIII – первая половина XIX вв.), формирование научного исследования старообрядчества.

Помимо прочего, необходимо отметить и монографию А.И. Алексеева, в которой был произведен пересмотр основоположений в изучении еретических движений на раннем этапе развития русского государства (Алексеев, 2012). Автором проанализированы историография (в том числе XIX – начала XX вв.), социальные, исторические и теоретические предпосылки возникновения и становления сект стригольников (Алексеев, 2012: 21-32) и жидовствующих (Алексеев, 2012: 215-228).

В работе Г.Н. Храпкина, посвященной анализу социальной истории старообрядчества, были проанализированы взгляды духовных и светских лиц второй половины XIX–XX вв. на проблему раскола и его оценки. Вместе с тем ученый ставит своей задачей обозначить отличительные особенности старообрядцев от других сект (Храпков, 2017).

Историография истории старообрядчества представлена также в работах В.В. Молзинского, С.Г. Пушкарёва (Молзинский, 2017; Пушкарев, 1974) и др.

Важно заметить, что значительное число исследований по расколу и сектантству было опубликовано на страницах специальных журналов. Среди прочих следует отметить ежемесячный журнал «Христианское чтение», издававшийся с 1821 г., целью которого было противодействие распространению влияния в российском обществе разного толка отступнических вероучений (Христианское чтение, 1821–1917).

«Труды Киевской духовной академии» – еще один ежемесячный научный журнал Киевской духовной академии, в котором известные ученые публиковали свои научно-богословские и историко-научные работы по истории церкви, религиозным течениям, догматике и проч. (Труды..., 1860–1917).

Непосредственно изучению раскола был посвящен журнал «Братское слово», издававшийся по указу Святейшего синода. При журнале в качестве дополнения к нему издавались «Материалы для истории раскола за первое время его существования» (Братское слово, 1875–1899).

«Миссионерское обозрение» – ежемесячный журнал, официальный орган синодальной миссии по борьбе со старообрядчеством и сектантством. В нем публиковались узаконения относительно сектантов, материалы о состоянии старообрядчества и сектантства, критические разборы вероотступных сочинений; особое внимание уделялось толкованию тех текстов и отрывков из них, которые иначе трактовались вероотступниками-сектантами (Миссионерское обозрение, 1896–1916).

«Православное обозрение» – духовный журнал публицистического характера, в котором печатались работы по церковной истории, христианской апологетике, переводы иностранной богословской литературы (Православное обозрение, 1860–1891).

4. Результаты

История раскола и сектантства в Российской империи представляла научный интерес для целой плеяды дореволюционных, советских и современных историков, богословов, философов и других ученых, которые в своих исследованиях поднимали различные вопросы касательно становления и развития религиозного инакомыслия на территории российского государства; его причин и последствий для духовной, социальной и политической истории державы; особенностей правительственной политики в отношении раскольников и сектантов и др.

В рамках нашего исследования дореволюционной историографии истории раскольников, ересей и сектантства в Российской империи нами была предложена гипотеза условного разделения всего массива научных работ на заявленную тематику по нескольким тематическим блокам.

В частности, все работы дореволюционных авторов по расколу и сектантству могут быть проанализированы с точки зрения их авторства – церковная историография (Алексий, 1908; Игнатий, 1849; Иоанн, 1847; Иоаннов, 1855 и др.) и светская историография (Андреев, 1870; Варадинов, 1863; Ивановский, 1905; Даль, 1844 и др.).

Другим критерием анализа дореволюционных исследований раскольников, ересей и сектантства может быть хронологический. В этом контексте все научные работы могут быть разделены на два блока: написанные до середины XIX в. и научные труды, опубликованные впоследствии, когда, собственно, и началось «научное изучение раскола» (Брокгауз, Ефрон, 1899: 284).

Третьим критерием анализа может быть типологический, в рамках которого дифференцированно исследуется историография истории отдельно взятого направления в российском религиозном инакомыслии периода империи: историография истории скопческой ереси, историография истории молоканской ереси и т.д., как это отчасти сделал, например, в своем исследовании А.И. Алексеев применительно к сектам стригольников и жидовствующих (Алексеев, 2012).

Четвертым критерием (именно он лег в основу нашего исследования) может быть подход, в рамках которого все научные работы могут быть разделены на два больших тематических блока: первый – составляют научные исследования общего характера, в которых рассматриваются общие тенденции, закономерности, аспекты и проблемы религиозного инакомыслия в Российской империи от момента его зарождения и до момента, когда проблему раскольников и сектантства унаследовала уже новая – советская – власть после падения империи; к другому – относятся работы, посвященные анализу истории конкретных сект и направлений.

Так, среди научных работ общего характера можно выделить исследования Н. Руднева, посвященные раннему периоду развития религиозного инакомыслия на Руси от принятия христианства до времен Иоанна Грозного (Руднев, 1838). История, происхождение и вероучения различных религиозных сект и направлений в российском государстве нашли свое отражение в работах Н. Кутепова (Кутепов, 1891; Кутепов, 1899), И. Малышевского (Малышевский, 1883), В. Попова (Попов, 1871), А. Бороздина (Бороздин, 1905) и других ученых.

Кроме того, П. Скворцовым были определены и изучены центры раскола первой четверти XVIII века. К ним он относил регионы Поморья, Сибири, Стародубье, Керженец, Москву и др. (Смирнов, 1909а). К тому же им был исследован «вопрос о внутренней полемике в русском расколе»: расхождения по вопросам о церкви, таинствах, христологическим вопросам и др. (Смирнов, 1909б).

В. Скворцовым были обозначены критерии и степень вредности рационалистических и мистических сект различных толков и направлений (Скворцов, 1847).

Д. Чичинадзе подготовил сборник законов о расколе и секантах с приложением инструкций и правил для полицейских учреждений и волостных правлений (Чичинадзе, 1899).

Следует отметить и ряд фундаментальных работ по истории раскола, ересей и сектантства в Российской империи. К ним можно отнести труды П.И. Мельникова, И.П. Липранди, В. Алова и др.

П.И. Мельников, будучи чиновником по особым поручениям при нижегородском военном губернаторе, «первым» или «главным», как его тогда называли, «авторитетом по вопросу раскола», исследует «распределение религиозных разномыслий русского народа», излагая его краткую историю, начиная со времен Петра I, основы вероучения раскольников и сектантов (Мельников, 1862). В своих пяти письмах П.И. Мельников упоминает различные источники и исследования (как светские, так и духовные) по вопросам раскола: П. Любопытного, А. Щапова, А. Муравьева, Дмитрия Ростовского, Петра Ермилова, Феофилакта Лопатинского и др.

Как отмечает сам П.И. Мельников, «тогдашний раскол знали несравненно лучше, чем мы знаем раскол современный» (Мельников, 1862: 16) ввиду «крайней недостаточности точных сведений и определенных понятий» о нем (Мельников, 1862: 32). Объективное и системное изучение сектантства и раскола, по его мнению, возможно при условии масштабных публикаций всех материалов по этому вопросу: сочинений духовных лиц, писавших о расколе; сочинений раскольнических; архивных дел разных правительственных учреждений (Мельников, 1862: 4-5).

По мнению генерал-майора тайной полиции И.П. Липранди, раскол и сектантство не могут быть исследованы на основании анализа исключительно их религиозных особенностей (Липранди, 1883). Как утверждает автор, раскольничество и сектантство в Российской империи имеет более глубокие основания и проявления в социально-политической и экономической жизни страны: их сторонники могут играть роль «пятой колонны», быть прозелитами правительств других стран. Еще одним фактором нерелигиозного влияния раскольников на внутреннюю ситуацию в государстве, по мнению исследователя, является тот факт, что зачастую его сторонники (очень часто даже высокого происхождения и статуса) обладают значительными финансовыми возможностями, недооценивать которые не стоит ввиду обеспечения внутренней законности и правопорядка. Ввиду этого центральному правительству необходимо обладать максимальными сведениями о численности, структуре, расселении и других данных, касающихся раскольников.

Помимо прочего, в исследовании И.П. Липранди приводятся ключевые положения основных раскольнических вероучений и статистические данные по некоторым из них.

В кратком обзоре истории сектантства в Российской империи И. Смолина представлена конвенциональная на то время в научных кругах классификация сект на мистические и рационалистические (Смолин, 1911а; Смолин, 1911б). Обзор дает комплексное представление о сущности раскольников и сектантства с разбором ключевых для них основоположений.

«Настольная книга для церковно-священнослужителей» С.В. Булгакова является ценнейшим исследованием по истории и теории западного и восточного христианского вероисповедания (Булгаков, 1913). Этот монументальный труд содержит три части (отдела): церковно-календарный, устанавливающий уложения христианского православного культа; церковно-практический, в котором излагаются «канонические, церковно-уставные и церковно-гражданские постановления, распоряжения местных епархиальных начальств, разъяснения, мнения, заметки и советы редакций духовных журналов и частных лиц по вопросам церковной практики»; историко-статистический, наиболее важный в рамках нашего исследования.

VII глава историко-статистического отдела «Настольной книги для церковно-священнослужителей» С.В. Булгакова содержит «краткие сведения о существовавших и существующих расколах, ересь, сектах, новейших рационалистических учениях» (Булгаков, 1913: 1592-1745). Ценность данной работы состоит в том, что в ней представлена информация о более чем 200 расколах, ересей и сект, «противных христианству», в том числе и на территории Российской империи: аристовцев, бесоперевоплощенцев, федосеевцев, воскресников (бессмертников), молокан, пашковцев и мн. др.

Ценнейшим источником по истории раскола в Российской империи является многотомный труд под редакцией проф. Н. Субботина «Материалы для истории раскола за первое время его существования», издававшиеся в Москве в период с 1874 по 1895 гг. (Материалы..., 1874–1895):

Т. 1–3. Документы о лицах и событиях из истории раскола за первое время его существования.

Т. 4–8: Историко- и догматико-полемиические сочинения первых расколоучителей (Никиты Пустосвята, Аввакума Петрова, Федора Иванова, инока Авраамия и др.).

Т. 9: Православные полемиические сочинения против раскола.

В. Алов в своем исследовании рассматривает ранний период русского раскольников на примере ересей стригольников, жидовствующих, Матвея Башкина, Артемия Троицкого, Феодосия Косого (Алов, 1908). По мнению ученого, «всего знаменательнее в охарактеризованных религиозных движениях – их внутренняя преемственность. В разное время при различных условиях русского религиозное мышление выдвигает почти одни и те же вопросы, встречает одинаковые препятствия» (Алов, 1908: 63). Характеризуя в общем особенности русских ересей на ранних этапах его развития, исследователь отмечает «трагизм судьбы русских еретиков», связанный с массовым неприятием их идей. Лишь спустя несколько веков, как утверждает В. Алов, «русское еретичество оказывается в силах создать более или менее стойкие и многочисленные религиозные секты» (Алов, 1908: 64).

Исследование епископа Алексия, ректора Казанской духовной академии, посвящено особенностям религиозно-рационалистического движения в южных областях Российской империи в XIX в. В представленной работе автор приводит как источниковедческий материал множество различных протоколов, документов, комментариев, воспоминаний и проч., связанных с историей, вероучением и религиозно-общественной жизнью сектантства (Алексий, 1908). Материалы, представленные епископом Алексием, были собраны им в период с 1886 по 1900 гг., в то время, когда он занимал должность «противосектантского миссионера» в Херсонской и Екатеринославской епархии. Базой для материалов, по словам составителя, послужили «административная переписка административных лиц и учреждений, архивы судебных учреждений, архивы волостных правлений и проч.» (Алексий, 1908: I)

Как «протест земств» описывает раскол историк В.В. Андреев (Андреев, 1870: V). Основание этого автор видит во все усиливающихся попытках центрального правительства ограничить земства в их правах, что повлекло за собой обвинения В.В. Андреева в идеализации раскольников. Как отмечает историк, «истинная причина раскола – не религиозная», ведь ядро раскольников, по его мнению, составляли наиболее трудоспособные и образованные (грамотные) представители крестьянства.

Автор подробно останавливается на истории возникновения раскольников в Российской империи, в частности на примере старообрядчества, хлыстовства, скопчества и др. Ученый выделяет три периода в истории раскола: раскол как религиозная секта (до Петра I); раскол как политическая оппозиция (до Екатерины II); раскол как промышленная и торговая община (Андреев, 1870: VI).

Интересным представляется его анализ географических и этнографических факторов, влияющих на распространение раскольников; таким образом, им предложена методология изучения раскола с «естественно-исторической точки зрения». Определены «влияния запада» и «влияния востока» на становление и развитие раскольников и сектантства в Российской империи.

В исследовании В. Беликова рассмотрены основные результаты деятельности московского митрополита Филарета как видного противораскольниковского деятеля из среды русских архиереев (Беликов, 1895). В рамках проблематики нашего исследования представляют интерес сведения, касающиеся духовных и гражданских мер против раскола (Беликов, 1895: 31-408). Так, среди духовных мер против раскола В. Беликов обращает внимание на деятельность школ как

эффективное средство борьбы с расколом, просветительскую деятельность православного приходского духовенства и монашества, открытие противораскольнических миссий и деятельность противораскольнических миссионеров, распространение полемической литературы.

Исследователь убежден в том, что для эффективного противостояния раскольничеству необходимо объединение усилий как духовных, так и светских властей. В контексте сказанного следует отметить, что среди гражданских мер против раскола ученый акцентирует внимание на вопросах ограничения общественных и личных прав раскольников, в частности регулирования их семейных и религиозных прав.

Работа видного судебного деятеля А.М. Бобрищева-Пушкина представляет собой своего рода руководство для служителя Фемиды и содержит ценнейший исторический и фактический материал по истории раскола в Российской империи (Бобрищев-Пушкин, 1902). В своем исследовании он рассматривает общие условия борьбы духовных и гражданских властей с раскольничеством и сектантством, средства, приемы и механизмы противостояния отступничеству, законодательное обеспечение для решения вопроса по расколу, практику судебных расследований и экспертиз в делах о раскольничестве. Следует отметить, что в своей как судебной, так и научной практике А.М. Бобрищев-Пушкин придерживался гуманистических ценностей относительно решения проблемы раскола, выступая сторонником четкой дифференциации рассматриваемых прецедентов по расколу, определявших впоследствии судебные решения по ним.

Фундаментальный труд церковного историка и богослова, протоиерея Т.И. Буткевича содержит обзор русского сектантства периода империи (Буткевич, 1910). Автор анализирует русское сектантство по двум группам: секты мистические – хлыстовство, шалопутство, лубковцы, беседники и др. – всего 15 сект (Буткевич, 1910: 1-203); секты рационалистические – духоборчество, молоканство, субботники, караимиты, скакуны и др. – всего 12 сект (Буткевич, 1910: 204-597). Кроме того, историк исследует и так называемые «секты смешанного характера»: мормоны, новоявленные богомилы, сютаевцы, воздыханцы, Дунькино упование, белоризцы, еноховцы (Буткевич, 1910: 597-607).

Описывая каждую из 34 представленных в книге сект, Т.И. Буткевич проводит компаративистский анализ их вероучения, анализирует структурные, организационные и функциональные особенности каждой из сект, исследует их духовную взаимосвязь с другими сектами. Важной представляется в данной работе критика раскольнических учений с точки зрения православного догматического богословия.

В.Ф. Давыденко на основании данных заседаний Харьковского миссионерского совета по делам сектантов была подготовлена своего рода аналитическая записка о современном (на конец XIX века) состоянии раскольничества и сектантства в Харьковской епархии (Давыденко, 1901). Составитель отмечает, что, несмотря на энергичные меры по противодействию распространению сектантства в регионе, тем не менее оно значительно распространилось по территории Харьковской епархии. Одним из эффективных средств борьбы с сектантством автор называет «публичные собеседования с заблуждающимися». Наиболее проблематичным, по мнению автора, это виделось с представителями мистических сект, особенно хлыстами и скопцами. Не менее эффективным средством являлось участие церковно-приходской школы в миссионерской деятельности.

Особое внимание в своей работе В.Ф. Давыденко уделяет рассмотрению секты штундистов, толстовцев, хлыстов и скопцов, максимально представленных на территории Харьковской епархии. Как отмечает автор, ссылаясь на данные статистики по региону, «раскол распространен здесь преимущественно среди великорусского населения и держится больше по привычке» (Давыденко, 1901: 161).

В своих изысканиях по расколу архиепископ Воронежский и Задонский Игнатий (Семенов) рассматривает его историю в трех периодах (Игнатий, 1849): первый – от принятия христианства до Стоглавого собора 1551 г., второй – от Стоглавого собора до патриарха Никона, третий – от патриарха Никона до старообрядческого раскола. В работе находят свое отражение сведения о ранних проявлениях раскола, а также о еретических воззрениях стригильников, «жидовствующих», Матвея Бакшина, Федора Косого и др.; определяются основания старообрядческого раскола.

Помимо работ общего плана, отдельную группу составляют специальные научные исследования по отдельным сектам, толкам и направлениям русского религиозного инакомыслия периода империи. Значительную часть работ, в сравнении с другими, представляют изыскания по истории раскольничества (старообрядчества). Среди прочих следует отметить труды, посвященные истории возникновения раскола, его сущности и причинам (Гейден, 1886; Громогласов, 1895; Гиббенет, 1882; Пругавин, 1887; Слепушкин, 1847; Сырцов, 1880 и др.).

Фундаментальное исследование по истории раскола принадлежит перу проф. Н.И. Ивановского, написанному им в 3 частях (Ивановский, 1905; Ивановский, 1909). Первая – посвящена истории раскола: выделены его причины, проанализирована деятельность первых «расколоучителей», рассмотрен процесс развития раскольнического движения с его последующим «дроблением на частные секты». Описывая положение раскольников в российском государстве, автор рассматривает миссионерскую деятельность против раскола и «духовные действия к ослаблению его» (Ивановский, 1905).

Вторая часть работы историка посвящена «обличению раскола». В ней обозреваются источники, «необходимые при изучении полемики против раскола»; критически разбираются «поповские» и «беспоповские» учения об антихристе, церкви, таинствах с опровержением обвинений раскольников. В третьей части изложены сведения о рационалистических и мистических сектах: духоборцах, молоканах, прыгунах и проч. (Ивановский, 1909).

Значительный интерес представляет исследование раскола старообрядчества бывшего его апологета, а впоследствии – протоиерея Андрея Иоаннова (Журавлева) (Иоаннов, 1855). Как бывший старообрядец он хорошо знал догмы раскольнических сект. Собрав множество редчайших материалов о первоначалии раскола, Андрей Иоаннов впоследствии составил «Полное историческое известие...», являющееся ценнейшим источником по истории раскола в Российской империи.

Еще одним фундаментальным трудом по истории старообрядческого раскола является работа Н.К. Плотникова (Плотников, 1911). В ней историк анализирует источники для ознакомления с вероучением раскола старообрядчества, а также сочинения «расколоучителей». Особое внимание уделено изучению источников для разбора вероучения старообрядцев. Помимо этого, книга содержит догматическую часть и раздел, посвященный обрядовым особенностям старообрядчества.

Интересной для изучения социально-демографических аспектов раскольничества представляется работа И.Ф. Нильского, посвященная раскольническому учению о браке и семье (Нильский, 1869). Автор тщательно анализирует исторические источники по этому вопросу, «которым доверяют сами старoverы».

Классическим трудом по истории русского раскола старообрядчества, рассматриваемого в контексте внутреннего состояния церкви и общественности в XVII – первой половине XVIII вв., является исследование А. Щапова (Щапов, 1859). В своей работе он анализирует нравственно-моральные издержки русского общества XVII в. как одного из источников и оснований русского раскола старообрядчества: состояние управления и функционирования церкви, а также состояние российского общества во время появления и распространения раскола.

Что касается изучения истории других (не старообрядческих) форм и направлений в русской религиозной жизни Российской империи, то в этом контексте необходимо отметить уже ставшие классикой работы В. Даля и Н. Надеждина (Даль, 1844; Надеждин, 1845). Их исследования по истории скопческой секты содержат подробное описание их вероучения и культа, рассматривают происхождение и историю появления этой секты в России.

Важно отметить, что В. Даль был чиновником особых поручений при МВД, под редакцией которого составлялись ежегодные отчеты, доклады и записки по министерству, касающиеся раскола и сектантства.

Вопросы судебной практики по делу скопцов рассматривались, в частности, М. Кальневым (Кальнев, 1909), подготовившим также материалы по секте скакунов, или прыгунов (Кальнев, 1913).

Осмысление места сект стригольников, жидовствующих и «новых раскольников» на основании их преданий, писем и записок было произведено М. Кояловичем (Коялович, 1871).

Переосмысление места ереси жидовствующих стало возможным благодаря новым материалам, полученных членами Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, вызвавших полемику в научных кругах, тем самым обосновывая необходимость их публикации (Белокуров и др., 1902). Эти материалы по-новому освещали характер и сущность учения жидовствующих и их последователей. Сам сборник составляют как вероучительные тексты жидовствующих, так и историко-источниковедческие комментарии к ним.

Рефлексия функций и роли секты жидовствующих в российской истории была предпринята также А. Павловым (Павлов, 1884) и И. Волоцким (Волоцкий, 1896).

Разбор вероучения и культа федосеевцев был произведен П. Иустиновым (Иустинов, 1906а; Иустинов, 1906b), А. Вешняковым – секты странников, или бегунов (Вешняков, 1864).

5. Заключение

Таким образом, следует отметить, что в рамках одной статьи невозможно охватить весь спектр научных работ по истории раскольничества, ересей и сектантства в Российской империи. Историографический материал настолько велик, что потенциально может быть использован для монографического исследования по заявленному вопросу.

В нашем распоряжении имеются источники (1751) по истории раскола и сектантства в Российской империи, опубликованные в период до 1917 г. и представляющие значительный научный потенциал для всестороннего систематического исследования этого вопроса.

В данной статье мы лишь попытались обозначить реперные точки в рамках поставленной научной проблемы с целью обозначить потенциальные направления будущих научных исследований. С этой целью нами были выделены основополагающие критерии, подходы для последующей работы с историографическим материалом: хронологический, типологический, тематический, метод атрибуции.

Литература

- Алексеев, 2012** – Алексеев А.И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV – начала XVI в.: стригольники и жидовствующие. М.: Индрик, 2012. 560 с.
- Алексий, 1908** – Алексий (Дородницын). Материалы для истории религиозно-рационалистического движения на юге России во второй половине 19 столетия. Казань: Центральная типография, 1908. 218 с.
- Алов, 1908** – Алов В. Русские еретики XIV–XVI веков. СПб.: Типография «Герольд», 1908. 64 с.
- Андреев, 1870** – Андреев В.В. Раскол и его значение в народной русской истории. СПб.: Типография М. Хана, 1870. 412 с.
- Беликов, 1895** – Беликов В. Деятельность московского митрополита Филарета по отношению к расколу. Казань: Типолитография императорского университета, 1895. 576 с.
- Белокуров и др., 1902** – Белокуров С.А., Долгов С.О., Евсеев И.Е., Соколов М.И. О ереси жидовствующих. М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1902. 164 с.
- Бобрищев-Пушкин, 1902** – Бобрищев-Пушкин А.М. Суд и раскольники-сектанты. СПб.: Сенатская типография, 1902. 207 с.
- Бороздин, 1905** – Бороздин А.К. Очерки русского религиозного разномыслия. СПб.: Литература и наука, 1905. 223 с.
- Братское слово, 1875–1899** – Братское слово. Журнал по изучению и критике старообрядчества. М., 1875–1876 гг.; 1883–1899 гг.
- Брокгауз, Ефрон, 1894** – Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Ересь. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Том 11а. СПб., 1894. С. 671-672.
- Брокгауз, Ефрон, 1899** – Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Раскол. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Том 26. СПб., 1899. С. 284-303.
- Брокгауз, Ефрон, 1900** – Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Сектантство. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Том 29. СПб., 1900. С. 324-330.
- Булгаков, 1913** – Булгаков, С.В. Настольная книга для церковно-священнослужителей. Издание 3-е, исправленное и дополненное. Киев: Типография Киево-Печерской успенской лавры, 1913 г. С. 1592-1745.
- Буткевич, 1910** – Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков. Харьков: Типография губернского правления, 1910. 637 с.
- Варадинов, 1863** – Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. Восьмая, дополнительная книга. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1863. 656 с.
- Вишняков, 1864** – Вишняков А.Г. (Вескинский А.). Странники или бегуны. Очерк из новейшей истории раскола // *Православное обозрение*. 1864 (14): 287-339.
- Волоцкий, 1896** – Волоцкий И. Просветитель или Обличение Ереси Жидовствующих. Казань: Типолитография Императорского университета, 1896. 373 с.
- Гейден, 1886** – Гейден А. Из истории возникновения раскола при патриархе Никоне. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1886. 73 с.
- Гиббенет, 1882** – Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Часть первая. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1882. 270 с.
- Громогласов, 1895** – Громогласов И.М. О сущности и причинах русского раскола так называемого старообрядства. Сергиев Посад: 2-я типография А.И. Снегиревой, 1895. 56 с.
- Давыденко, 1901** – Давыденко В.Ф. Современное состояние расколо-сектантства в Харьковской епархии. Харьков: Типография губернского правления, 1901. 187 с.
- Даль, 1844** – Даль В.И. Исследование о скопческой ереси. СПб., 1844. 238 с.
- Емельянов, 1862a** – Емельянов И. О происхождении учения Башкина и Косого на Руси. *Труды Киевской духовной академии*. Киев, 1862. Т. 2. С. 265-309.
- Емельянов, 1862b** – Емельянов И. Полемика против учения Косого. *Труды Киевской духовной академии*. Киев, 1862. Т. 3. С. 88-120.
- Ивановский, 1905** – Ивановский Н.И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических. Часть I. Казань: Центральная типография, 1905. 279 с.
- Ивановский, 1909** – Ивановский Н.И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических. Часть II–III. Казань: Центральная типография, 1909. 238 с.
- Игнатий, 1849** – Игнатий (Семенов). История о расколах в церкви российской. Ч. 1. СПб.: Типография Е. Фишера, 1849. 355 с.
- Иоанн, 1847** – Иоанн (Малиновский). Обличение заблуждения раскольников перекрещеванцев. СПб.: Типография К. Вингебера, 1847. 86 с.
- Иоаннов, 1855** – Иоаннов А. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, о их учении, делах и разногласиях. СПб., 1855. 376 с.

- Иустинов, 1906a** – *Иустинов П.Д.* Федосеевщина при жизни ее основателя // *Христианское чтение*. 1906. 2: 256-281; 3: 391-414; 4: 604-615.
- Иустинов, 1906b** – *Иустинов П.Д.* Рязинский период в истории федосеевщины (1712–1719 гг.). // *Христианское чтение*. 1906. 11: 696-714.
- Каблиц, Юзов, 1881** – *Каблиц И., Юзов И.* Русские диссиденты: староверы и духовные христиане. СПб.: Типография А.М. Котомина, 1881. 180 с.
- Кальнев, 1909** – *Кальнев М.А.* Судебное дело Гуриной и других скопцов г. Николаева. СПб.: Типография «Колокол», 1909. 67 с.
- Кальнев, 1913** – *Кальнев М.А.* Служебник и требник прыгунов. Рязань: Типография Братства св. Василия, 1913. 39 с.
- Коялович, 1871** – *Коялович М.О.* Русские еретики-стригольники, жидовствующие. Феодосий Косой и русские общественные дворяне во время борьбы с ними // *Христианское чтение*. 1871. 2: 278-301.
- Кузоро, 2011** – *Кузоро К.А.* Церковная историография старообрядчества: возникновение и эволюция (вторая половина XVII – начало XX в.). Томск: Издательство Томского университета, 2011. 180 с.
- Кутепов, 1891** – *Кутепов Н.П.* (1891). Краткая история и вероучение русских рационалистических и мистических ересей. М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1891. 103 с.
- Кутепов, 1899** – *Кутепов Н.П.* Происхождение рационалистических ересей в русской церкви. Новочеркасск, 1899. 80 с.
- Липранди, 1883** – *Липранди И.* Краткое обозрение существующих в России расколов, ересей и сект как в религиозном, так и в политическом их значении. Лейпциг: Типография Э.Л. Каспровича, 1883. 83 с.
- Мальшевский, 1883** – *Мальшевский И.И.* О зарождении религиозных сект в России с рационалистическим направлением. Труды Киевской духовной академии, 1883. 9-12: 644-684.
- Маргаритов, 1910** – *Маргаритов С.* История русских рационалистических и мистических сект. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1910. 228 с.
- Маргаритов, 1894** – *Маргаритов С.* Руководство по истории и обличению русских рационалистических и мистических сект. Кишинев, 1894. 76 с.
- Материалы..., 1874–1894** – Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые редакцией «Братского слова». Том I–IX / Под ред. Н. Субботина. М., 1874-1894.
- Мельников, 1862** – *Мельников П.* Письма о расколе. СПб.: Типография Н. Греча, 1862. 92 с.
- Миссионерское обозрение, 1896–1916** – *Миссионерское обозрение*. Журнал Синодального миссионерского отдела РПЦ. Киев, 1896–1916.
- Молзинский, 2017** – *Молзинский В.В.* Историография истории старообрядчества в отечественной культуре // *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2017. 1 (30): 29-33
- Надеждин, 1845** – *Надеждин Н.И.* Исследование о скопческой ереси. СПб., 1845. 120 с.
- Нильский, 1869** – *Нильский И.Ф.* Семейная жизнь в русском расколе. Исторический очерк раскольнического учения о браке. Вып. 1: От начала раскола до царствования императора Николая I. СПб., 1869. 410 с.
- Павлов, 1884** – *Павлов А.* Вопрос о ереси жидовствующих на VI археологическом съезде (Ответ г. Иловайскому). Мю, 1884. 16 с.
- Плотников, 1911** – *Плотников Н.К.* Руководство по обличению русского раскола старообрядчества. СПб.: Типография И.В. Леонтьева, 1911. 228 с.
- Попов, 1871** – *Попов В.* Тайны раскольников, старообрядцев, скопцов и других сектаторов. СПб.: Русская книгопечатня, 1871. 128 с.
- Православное обозрение, 1860–1891** – *Православное обозрение*. М., 1860–1891.
- Пругавин, 1880** – *Пругавин А.С.* О необходимости и способах всестороннего изучения русского сектантства. СПб.: Типография В. Безобразова, 1880. 48 с.
- Пругавин, 1887** – *Пругавин А.С.* Раскол-сектантство. Материалы для изучения религиозно-бытовых движений русского народа. М., 1887. 523 с.
- Пушкарев, 1974** – *Пушкарев С.Г.* Историография раскола-старообрядчества. *Записки Русской академической группы в США*. 1974, (8): 261-275.
- Руднев, 1838** – *Руднев Н.* Рассуждения о ересь и расколах, бывших в Русской церкви со времен Владимира Великого до Иоанна Грозного. М.: Синодальная типография, 1838. 372 с.
- Скворцов, 1847** – *Скворцов В.М.* Существенные признаки и степень вредности (русских) мистических и рационалистических сект и раскольничьих старообрядческих толков. Киев: Типография С.В. Кульженко, 1896. 21 с.
- Слепушкин, 1847** – *Слепушкин Ф.* Рассказ детям отца, бывшего в расколе перекрещиванцев. СПб.: Типография военно-учебных заведений, 1847. 23 с.
- Смирнов, 1909a** – *Смирнов П.С.* Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб.: Типография М. Меркушева, 1909. 552 с.

- Смирнов, 1909b** – *Смирнов П.С.* Центры раскола в первой четверти XVIII века: Поморье. Керженец. Сибирь. Ветка. Стародубье. Ряпина мыза. М. // *Христианское чтение*. 1909, 4: 533-572.
- Смолин, 1911a** – *Смолин И.В.* Краткие исторические сведения о русских сектах и их вероучении. СПб.: Типолитография тов. «Свет», 1911. 68 с.
- Смолин, 1911b** – *Смолин И.В.* Миссионерская памятка по вопросам православной веры и церкви, пререкаемым сектантам, с краткими историческими сведениями о русских сектах и их вероучении. СПб.: Типолитография тов. «Свет», 1911. 229 с.
- Субботин, 1892** – *Субботин Н.И.* О сущности и значении раскола в России. СПб.: Синодальная типография, 1892. 47 с.
- Сырцов, 1880** – *Сырцов И.Я.* Возмущение соловецких монахов-старообрядцев в XVII веке. Казань: Типография Императорского университета, 1880. 313 с.
- Труды..., 1860–1917** – *Труды Киевской духовной академии*. Научный журнал Киевской духовной академии. Киев, 1860–1917.
- Храпков, 2017** – *Храпков Г.Н.* Сущность раскола (старообрядчества) в трудах и очерках священнослужителей и светских деятелей второй половины XIX–XX веков // *Управленческое консультирование*. 2017. (3): 146-151.
- Христианское чтение, 1821–1917** – *Христианское чтение*. Научный журнал Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1821–1917.
- Чичинадзе, 1899** – *Чичинадзе Д.В.* Сборник законов о расколе и сектантах. СПб.: Типография Чичинадзе, 1899. 165 с.
- Щапов, 1859** – *Щапов А.П.* Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием Русской церкви и гражданственности в XVII – перв. пол. XVIII в. Казань: Издание книгопродавца Ивана Дубровина, 1859. 547 с.
- Lebid et al., 2021** – *Lebid A., Shevchenko N.* Some Aspects of the Religious Life of the Ukrainian Provinces of the Russian Empire in the first half of the 19th century // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 629-640.

References

- Alekseev, 2012** – *Alekseev, A.I.* (2012). Religioznye dvizheniya na Rusi poslednei treti XIV – nachala XVI v.: strigol'niki i zhidovstvuyushchie [Religious movements in Russia in the last third of the fourteenth and early sixteenth centuries: Strigolniks and Judaizers]. Moskva: Indrik. 560 p. [in Russian]
- Aleksij, 1908** – *Aleksij (Dorodniczyn)*. (1908). Materialy dlya istorii religiozno-racjonalisticheskogo dvizheniya na yuge Rossii vo vtoroj polovine 19 stoletiya [Materials for the history of the religious and rationalist movement in southern Russia in the second half of the 19th century]. Kazan: Czentralnaya tipografiya. 218 p. [in Russian]
- Alov, 1908** – *Alov, V.* (1908). Russkie eretiki XIV-XVI vekov [Russian heretics of the fourteenth and sixteenth centuries]. SPb.: Tipografiya «Gerold». 64 p. [in Russian]
- Andreev, 1870** – *Andreev, V.V.* (1870). Raskol i ego znachenie v narodnoj russkoj istorii [The Schism and its significance in Russian folk history]. SPb.: Tipografiya M. Khana. 412 p. [in Russian]
- Belikov, 1895** – *Belikov, V.* (1895). Deyatel'nost' moskovskogo mitropolita Filareta po otnosheniyu k raskolu [Activities of Metropolitan Filaret of Moscow in relation to the schism]. Kazan: Tipolitografiya imperatorskogo universiteta. 576 p. [in Russian]
- Belokurov i dr., 1902** – *Belokurov, S.A., Dolgov, S.O., Evseev, I.E., Sokolov, M.I.* (1902). O eresi zhidovstvuyushchikh [On the heresy of the Judaizers]. Moskva: Imperatorskoe obshchestvo istorii i drevnostej rossijskikh pri Moskovskom universitete. 164 p. [in Russian]
- Bobrshhev-Pushkin, 1902** – *Bobrshhev-Pushkin, A.M.* (1902). Sud i raskol`niki-sektanty` [The court and sectarian dissenters]. SPb.: Senatskaya Tipografiya; 1902. 207 s. [in Russian]
- Borozdin, 1905** – *Borozdin, A.K.* (1905). Ocherki russkogo religioznogo raznomy`sliya [Essays on Russian religious dissent]. SPb.: Literatura i nauka, 223 p. [in Russian]
- Bratskoe slovo, 1875-1899** – *Bratskoe slovo* (1875-1899) [The Brotherly Word]. Zhurnal po izucheniyu i kritike staroobryadchestva. Moskva, 1875–1876 gg.; 1883–1899 gg. [in Russian]
- Brokgauz, Efron, 1894** – *Brokgauz, F.A., Efron, I.A.* (1894). Eres' [Heresy]. Brokgauz F.A., Efron I.A. Enciklopedicheskij slovar'. Tom 11a. SPb. Pp. 671-672. [in Russian]
- Brokgauz, Efron, 1899** – *Brokgauz, F.A., Efron, I.A.* (1899). Raskol [Schism]. Brokgauz F.A., Efron I.A. Enciklopedicheskij slovar'. Tom 26. SPb. Pp. 284-303. [in Russian]
- Brokgauz, Efron, 1900** – *Brokgauz, F.A., Efron, I.A.* (1900). Sektantstvo [Sectarianism]. Brokgauz F.A., Efron I.A. Enciklopedicheskij slovar'. Tom 29. SPb. Pp. 324-330. [in Russian]
- Bulgakov, 1913** – *Bulgakov, S.V.* (1913). Nastol'naya kniga dlya czerkovno-svyashhennosluzhitelej [A handbook for church ministers]. Izdanie 3-e, ispravlennoe i dopolnennoe. Kiev: Tipografiya Kievsko-Pecherskoj Uspenskoj Lavry. 1913 g. Pp. 1592-1745. [in Russian]
- Butkevich, 1910** – *Butkevich, T.I.* (1910). Obzor russkikh sekt i ikh tolkov [An overview of Russian sects and their interpretations]. Khar'kov: Tipografiya gubernskogo pravleniya. 637 p. [in Russian]
- Chichinadze, 1899** – *Chichinadze, D.V.* (1899). Sbornik zakonov o raskole i sektantakh [Collection of laws on divisiveness and sectarians]. SPb.: Tipografiya Chichinadze, 165 p. [in Russian]

- Dal', 1844** – *Dal', V.I.* (1844). Issledovanie o skopcheskoj eresi [A study on the heresy of the Scopians]. SPb. 238 p. [in Russian]
- Davydenko, 1901** – *Davydenko, V.F.* (1901). Sovremennoe sostoyanie raskolo-sektantstva v Khar'kovskoj eparkhii [The current state of schismatic sectarianism in the Kharkiv diocese]. Khar'kov: Tipografiya gubernskogo pravleniya. 187 p. [in Russian]
- Emel'yanov, 1862a** – *Emel'yanov, I.* (1862). O proiskhozhdenii ucheniya Bashkina i Kosogo na Rusi [On the origins of the teachings of Bashkin and Kosoi in Russia]. Trudy Kievskoj dukhovnoj akademii. Kiev. T. 2. Pp. 265-309. [in Russian]
- Emel'yanov, 1862b** – *Emel'yanov, I.* (1862). Polemika protiv ucheniya Kosogo [A polemic against Kosoi's teachings]. Trudy Kievskoj dukhovnoj akademii. Kiev. 1862. T. 3. Pp. 88-120. [in Russian]
- Gejden, 1886** – *Gejden, A.* (1886). Iz istorii vozniknoveniya raskola pri patriarkhe Nikone [From the history of the schism under Patriarch Nikon]. SPb.: Tipografiya A.S. Suvorina. 73 p. [in Russian]
- Gibbenet, 1882** – *Gibbenet, N.* (1882). Istoricheskoe issledovanie dela patriarkha Nikona. Chast' pervaya [A historical study of the case of Patriarch Nikon. Part One]. SPb.: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. 270 p. [in Russian]
- Gromoglasov, 1895** – *Gromoglasov, I.M.* (1895). O sushhnosti i prichinakh russkogo raskola tak nazyvaemogo staroobryadstva [On the essence and causes of the Russian schism in so-called Old Belief]. Sergiev Posad: 2-ya tipografiya A.I. Snegiryovoj. 56 p. [in Russian]
- Ignatij, 1849** – *Ignatij (Semyonov)* (1849). Istoriya o raskolakh v czerkvi rossijskoj. Ch. 1 [A story of schisms in the Church of Russia]. SPb.: Tipografiya E. Fishera. 355 p. [in Russian]
- Ioann, 1847** – *Ioann (Malinovskij)*. Oblichenie zabluzhdeniya raskol'nikov perekreshhevczev [A denunciation of the delusion of the schismatic crossbreeders]. SPb.: Tipografiya K. Vingebera. 86 p. [in Russian]
- Ioannov, 1855** – *Ioannov, A.* (1855). Polnoe istoricheskoe izvestie o drevnikh strigol'nikakh i novykh raskol'nikakh, tak nazyvaemykh staroobryadtsakh, o ikh uchenii, delakh i raznoglasiyakh [A complete historical account of the ancient strigolniks and the new dissenters, the so-called Old Believers, of their doctrine, deeds and controversies]. SPb. 376 p. [in Russian]
- Iustinov, 1906a** – *Iustinov, P.D.* (1906). Fedoseevshchina pri zhizni eyo osnovatelya [Fedoseevshchina in the lifetime of its founder]. *Khristianskoe chtenie*. 2: 256-281; 3: 391-414; 4: 604-615. [in Russian]
- Iustinov, 1906b** – *Iustinov, P.D.* (1906). Ryapinskij period v istorii fedoseevshchiny` (1712-1719 gg.) [The Ryapinski period in the history of the Fedoseevski (1712-1719)]. *Khristianskoe chtenie*. 11: 696-714. [in Russian]
- Ivanovskij, 1905** – *Ivanovskij, N.I.* (1905). Rukovodstvo po istorii i oblicheniyu staroobryadcheskogo raskola s prisovokupleniem svedenij o sektakh raczionalisticheskikh i misticheskikh. Chast' 1 [A Guide to the History and Exposition of the Old Believer Schism, with an Introduction to Rationalist and Mystical Sects. Part I]. Kazan': Czentral'naya tipografiya. 279 p. [in Russian]
- Ivanovskij, 1909** – *Ivanovskij, N.I.* (1909). Rukovodstvo po istorii i oblicheniyu staroobryadcheskogo raskola s prisovokupleniem svedenij o sektakh raczionalisticheskikh i misticheskikh [A Guide to the History and Exposition of the Old Believer Schism, with an Introduction to Rationalist and Mystical Sects. Part II-III]. Chast 2-3. Kazan': Czentral'naya tipografiya, 238 p. [in Russian]
- Kablicz, Yuzov, 1881** – *Kablicz, I., Yuzov, I.* (1881). Russkie dissidenty: starovery i dukhovnye khristiane [Russian dissidents: Old Believers and spiritual Christians]. SPb.: Tipografiya A. M. Kotomina. 180 p. [in Russian]
- Kal'nev, 1909** – *Kal'nev, M.A.* (1909). Sudebnoe delo Gurinoj i drugikh skopezov g. Nikolaeva [The court case of Gurina and other Ospreys of Nikolaev]. SPb.: Tipografiya «Kolokol», 67 p. [in Russian]
- Kal'nev, 1913** – *Kal'nev, M.A.* (1913). Sluzhebnik i trebnik pry`gunov [Sluzhebnik and Trebnik of the jumpers]. Ryazan': Tipografiya Bratstva sv. Vasiliya, 39 p. [in Russian]
- Khrapkov, 2017** – *Khrapkov, G.N.* (2017). Sushhnost' raskola (staroobryadchestva) v trudakh i ocherkakh svyashhennosluzhitelej i svetskikh deyatelej vtoroj poloviny XIX-XX vekov [The essence of schism (Old Belief) in the writings and essays of clergymen and secular figures of the second half of the nineteenth and twentieth centuries]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. (3): 146-151. [in Russian]
- Khristianskoe Chtenie, 1821-1917** – *Khristianskoe Chtenie (1821-1917)* [Christian Reading]. Nauchnyi zhurnal Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii. SPb. 1821-1917. [in Russian]
- Koyalovich, 1871** – *Koyalovich, M.O.* (1871). Russkie eretiki-strigol'niki, zhidovstvuyushhie. Feodosij Kosoj i russkie obshhestvenny`e dvoryane vo vremya bor'by s nimi [Russian heretics – the Strygols, the Judaizers. Theodosius the Kosoy and Russian public nobles during the struggle against them]. *Khristianskoe chtenie*. 2: 278-301. [in Russian]
- Kutepov, 1891** – *Kutepov, N.P.* (1891). Kratkaya istoriya i verouchenie russkikh raczionalisticheskikh i misticheskikh eresej [A brief history and doctrine of Russian rationalist and mystical heresies]. Moskva: Tipografiya E. Lissnera i Yu. Romana. 103 p. [in Russian]
- Kutepov, 1899** – *Kutepov, N.P.* (1899). Proiskhozhdenie raczionalisticheskikh eresej v russkoj czerkvi [The origins of rationalist heresies in the Russian church]. Novoherkassk. 80 p. [in Russian]

Kuzoro, 2011 – *Kuzoro, K.A.* (2011). Czerkovnaya istoriografiya staroobryadchestva: vzniknoenie i evolyucziya (vtoraya polovina XVII – nachalo XX v.) [Church historiography of Old Believers: emergence and evolution (second half of the 17th century - early 20th century)]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 180 p. [in Russian]

Lebid et al., 2021 – *Lebid, A., Shevchenko, N.* (2021). Some Aspects of the Religious Life of the Ukrainian Provinces of the Russian Empire in the first half of the 19th century. *Bylye Gody*. 16(2): 629-640.

Liprandi, 1883 – *Liprandi, I.* (1883). Kratkoe obozrenie sushhestvuyushhikh v Rossii raskolov, eresej i sekt kak v religioznom, tak i v politicheskom ikh znachenii [A brief survey of existing schisms, heresies and sects in Russia, both in their religious and political significance]. Lejpczig: Tipografiya E.L. Kasprovicha. 83 p. [in Russian]

Malyshevskij, 1883 – *Malyshevskij, I.I.* (1883). O zarozhdenii religioznykh sekt v Rossii s racionalisticheskim napravleniem [On the emergence of religious sects in Russia with a rationalist orientation]. Trudy Kievskoj dukhovnoj akademii. 1883. 9-12: 644-684. [in Russian]

Margaritov, 1894 – *Margaritov, S.* (1894). Rukovodstvo po istorii i oblicheniyu russkikh racionalisticheskikh i misticheskikh sekt [A guide to the history and denunciation of Russian rationalist and mystical sects]. Kishinev. 76 p. [in Russian]

Margaritov, 1910 – *Margaritov, S.* (1910). Istoriya russkikh racionalisticheskikh i misticheskikh sekt. [History of Russian rationalistic and mystical sects]. Simferopol': Tavrich. gub. tip., 228 p. [in Russian]

Materialy..., 1874-1894 – Materialy dlya istorii raskola za pervoe vremya ego sushhestvovaniya, izdavaemye redakciej «Bratskogo slova» [Materials for the history of the schism during the first period of its existence, published by the editorial board of The Brotherly Word]. Tom I-IX. Pod red. N. Subbotina. Moskva. 1874-1894. [in Russian]

Mel'nikov, 1862 – *Mel'nikov, P.* (1862). Pis'ma o raskole [Letters of schism]. Sankt-Peterburg: Tipografiya N. Grecha. 92 p. [in Russian]

Missionerskoe obozrenie, 1896-1916 – Missionerskoe obozrenie (1896-1916) [Missionary Review]. Zhurnal Sinodal'nogo missionerskogo otdela RPCz. Kiev, 1896-1916. [in Russian]

Molzinskij, 2017 – *Molzinskij, V.V.* (2017). Istoriografiya istorii staroobryadchestva v otechestvennoj kul'ture [Historiography of the history of Old Believers in national culture]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 1(30): 29-33 [in Russian]

Nadezhdin, 1845 – *Nadezhdin, N.I.* (1845) Issledovanie o skopcheskoj eresi [A study on the heresy of the Scopians]. Sankt-Peterburg. 120 p. [in Russian]

Nil'skij, 1869 – *Nil'skij, I.F.* (1869). Semejnaya zhizn' v russkom raskole. Istoricheskij ocherk raskol'nicheskogo ucheniya o brake. Vyp. 1: Ot nachala raskola do czarstvovaniya imperatora Nikolaya I [Family life in the Russian schism. A Historical Sketch of the Schism's Teaching on Marriage. Vol. 1: From the Beginning of the Schism to the Reign of Emperor Nicholas I]. SPb., 410 p. [in Russian]

Pavlov, 1884 – *Pavlov, A.* (1884). Vopros o eresi zhidovstvuyushhikh na VI arkheologicheskom s"ezde (Otvet g. Ilovajskommu) [The question of the heresy of the Judaizers at the VI Archaeological Congress (Reply to Mr Ilovaysky)]. Moskva. 16 p. [in Russian]

Plotnikov, 1911 – *Plotnikov, N.K.* (1911). Rukovodstvo po oblicheniyu russkogo raskola staroobryadchestva [A guide to denouncing the Russian Old Believer schism]. SPb.: Tipografiya I.V. Leont'eva. 228 p. [in Russian]

Popov, 1871 – *Popov, V.* (1871). Tajny raskol'nikov, staroobryadczev, skopczoj i drugikh sektatorov [Secrets of dissenters, Old Believers, Ospreys and other sectarians]. SPb.: Russkaya Knigopechatnya. 128 p. [in Russian]

Pravoslavnoe obozrenie, 1860-1891 – Pravoslavnoe obozrenie (1860-1891) [Orthodox Review]. Moskva, 1860-1891. [in Russian]

Prugavin, 1880 – *Prugavin, A.S.* (1880). O neobkhodimosti i sposobakh vsestoronnego izucheniya russkogo sektantstva [On the need and means of a comprehensive study of Russian sectarianism]. SPb.: Tipografiya V. Bezobrazova. 48 p. [in Russian]

Prugavin, 1887 – *Prugavin, A.S.* (1887). Raskol-sektantstvo. Materialy dlya izucheniya religiozno-bytovykh dvizhenii russkogo naroda [Schism, sectarianism. Materials for the Study of the Religious and Domestic Movements of the Russian People]. Moskva. 523 p. [in Russian]

Pushkaryov, 1974 – *Pushkaryov, S.G.* (1974). Istoriografiya raskola-staroobryadchestva [Historiography of schismatic Old Believers]. *Zapiski Russkoi akademicheskoi gruppy v SShA*. (8): 261-275. [in Russian]

Rudnev, 1838 – *Rudnev, N.* (1838). Rassuzhdeniya o eresyakh i raskolakh, by`vshikh v Russkoj czerkvi so vremen Vladimira Velikogo do Ioanna Groznogo [Discourse on heresies and schisms in the Russian Church from the time of Vladimir the Great to that of Ivan the Grozny]. Moskva: Sinodal'naya tipografiya. 372 p. [in Russian]

Shhapov, 1859 – *Shhapov, A.P.* (1859). Russkij raskol staroobryadchestva, rassmatrivaemyj v svyazi s vnutrennim sostoyaniem Russkoj czerkvi i grazhdanstvennosti v XVII perv. pol. XVIII v. [The Russian Old Believer schism, considered in connection with the internal state of the Russian church and citizenship in the 17th – first half of the 18th century. XVIII c.]. Kazan': Izdanie knigoprodavca Ivana Dubrovina. 547 p. [in Russian]

Skvorczov, 1847 – *Skvorczov, V.M.* (1847). SSushchestvennye priznaki i stepen' vrednosti (russkikh) misticheskikh i ratsionalisticheskikh sekt i raskol'nich'ikh staroobryadcheskikh tolkov [Significant signs and degrees of harmfulness of (Russian) mystical and rationalistic sects and schismatic Old Believers]. Kiev: Tipografiya S.V. Kul'zhenko, 21 p. [in Russian]

Slepushkin, 1847 – *Slepushkin, F.* (1847). Rasskaz detyam otca, byvshego v raskole perekreshhivanczev [An account to the children of a father who had been in the Cross Brethren schism]. SPb.: Tipografiya voenno-uchebnykh zavedenij. 23 p. [in Russian]

Smirnov, 1909a – *Smirnov, P.S.* (1909). Spory i razdeleniya v russkom raskole v pervoj chetverti XVIII veka [Disputes and divisions in the Russian schism in the first quarter of the 18th century]. SPb.: Tipografiya M. Merkusheva, 1. 552 p. [in Russian]

Smirnov, 1909b – *Smirnov, P.S.* (1909). Czentry raskola v pervoj chetverti XVIII veka [Centres of schism in the first quarter of the 18th century]. *Khristianskoe chtenie*. 4: 533-572. [in Russian]

Smolin, 1911a – *Smolin, I.V.* (1911). Kratkie istoricheskie svedeniya o russkikh sektakh i ikh verouchenii [A brief historical background of Russian sects and their doctrines]. SPb.: Tipo-litografiya Tov. «Svet». 68 p. [in Russian]

Smolin, 1911b – *Smolin, I.V.* (1911). Missionerskaya pamyatka po voprosam pravoslavnoj very i czerkvi, prerekaemym sektantam, s kratkimi istoricheskimi svedeniyami o russkikh sektakh i ikh verouchenii [A missionary memo on the Orthodox faith and the church, contradicted by sectarians, with brief historical information on Russian sects and their doctrine]. SPb.: Tipo-litografiya Tov. «Svet». 229 p. [in Russian]

Subbotin, 1892 – *Subbotin, N.I.* (1892). O sushhnosti i znachenii raskola v Rossii [On the essence and significance of the schism in Russia]. SPb.: Sinodal'naya tipografiya. 47 p. [in Russian]

Syrtsov, 1880 – *Syrtsov, I.Ya.* (1880). Vozmushhenie soloveczkikh monakhov-staroobryadczev v XVII veke [Revolt by the Old Believer monks of Solovki in the 17th century]. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo universiteta. 313 p. [in Russian]

Trudy..., 1860-1917 – Trudy Kievskoj dukhovnoj akademii. (1860-1917) [Works of the Kiev Theological Academy]. Nauchnyj zhurnal Kievskoj dukhovnoj akademii. Kiev, 1860-1917. [in Russian]

Varadinov, 1863 – *Varadinov, N.V.* Istorija Ministerstva vnutrennikh del. Vos'maya, dopolnitel'naya kniga [History of the Ministry of the Interior. Eighth, supplementary book]. SPb.: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del, 656 p. [in Russian]

Vishnyakov, 1864 – *Vishnyakov, A.G. (Veskinskij A.)* (1864). Stranniki ili beguny. Oчерк iz novejshej istorii raskola [Wanderers or runners. An essay from the recent history of the schism]. *Pravoslavnoe obozrenie*. (14): 287-339. [in Russian]

Voloczkiy, 1896 – *Voloczkiy, I.* (1896). Prosvetitel' ili Oblichenie Eresi Zhidovstvuyushhikh [The Illuminator or Denunciation of the Heresy of the Judaizers]. Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, 373 p. [in Russian]

Обзор дореволюционной историографии раскольников, ересей и сектантства в Российской империи

Андрей Евгеньевич Лебедь ^{a, b, *}, Наталья Александровна Шевченко ^{b, c}

^a Сумской государственный университет, Сумы, Украина

^b Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье произведен обзор дореволюционной историографии истории раскольников, ересей и сектантства в Российской империи. Обозначены актуальность решения проблемы раскола и сект российским правительством. Определены основные классификации всех существовавших на территории российского государства сект: «вредные», «особо вредные», «менее вредные», «изуверские секты».

Для более полного понимания поставленной проблемы уточнены понятия раскола, ереси и секты, очень часто используемые как синонимы, но имеющие не только семантические, но и юридические различия в контексте научных дискуссий XIX – начала XX вв.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (А. Лебедь)

Показано, что научные работы дореволюционных авторов зачастую печатались не только в виде монографических исследований, но и очень часто публиковались на страницах православных журналов: «Христианское чтение», «Миссионерское обозрение» и др. Некоторые из них специально издавались как средство противодействия расколу, сектантству и мистицизму.

В статье обозначены четыре подхода к классификации всего массива историографического материала по истории раскола и сект в Российской империи: хронологический – для выделения комплекса научных работ, изданных после 1850-х гг.; типологический – для различения направлений и толков в русском расколе, сектантстве и инакомыслии с выделением их специфических и универсальных характеристик; тематический – для обозначения основных направлений и проблем исследования, на которых акцентируют внимание дореволюционные ученые; метод атрибуции – для установления стилистики авторских работ в контексте существовавшей на то время церковной и светской историографии истории раскола, ересей и сектантства.

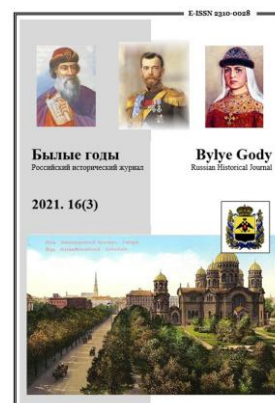
Ключевые слова: историография, раскол, старообрядцы, сектантство, ересь, Российская империя.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1225-1232
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1225
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



Russian-Chinese Borderlands and Frontier Migrations of the population in the XIX century

Bakyt Zh. Atantayeva ^{a, *}, Raushan D. Akhmetova ^a, Gulnur A. Abenova ^a, Toty A. Kariyeva ^a

^aShakarim University of Semey, Republic of Kazakhstan

Abstract

The research of the historical experience of population movements in border areas is based on an analysis of the causes and consequences of frontier migrations, which are the result of socio-economic and political changes in the Central Asian region during the period under study. This article analyzes the issues of changing the nature of frontier migrations in the border area of the Russian state and Qing China in the 19th century. The article presents documentary sources from the archives of some countries (Russia, Kazakhstan and Uzbekistan). These sources show that the rapprochement of the possessions of Russia with the possessions of the Qing Empire in Central Asia dictated the need to establish a clear Russian-Chinese border and clarify relations and priorities in the region. The article is based on a study of state treaties and agreements between the Russian Empire and Qing China. These treaties established the rules of trade in Central Asia, which determined the rules for crossing the border and processing trade documents. Some of the articles of the treaties concerned measures against illegal migrants.

An analysis of state treaties and agreements of the second half of the 19th century, including the St. Petersburg Treaty of 1881, as a result of which permanent nomadic routes and the resettlement of clans were disrupted, is important for understanding the meaning and directions of frontier migration of the region's population. In conclusion, the authors state that the specificity of frontier migrations of the population is due to the state division of border territories and the development of trade between two neighboring countries in Central Asia in the second half of the 19th century.

Keywords: migration, Russia, China, frontier, trade, Steppe General Governorship, Semirechye, Turkestan Territory.

1. Введение

Во второй половине XIX – первой половине XX вв. на территории Центральной Азии пересеклись интересы ряда держав по разделу колониальных владений. Войны, восстания, региональные конфликты, локальные столкновения порождали потоки беженцев в разных направлениях, причем следует отметить, что часто нарушались границы государств. Актуальность проблемы обусловлена перманентным характером нелегальной фронтальной миграции в Центрально-Азиатском регионе, провоцируемой очагами напряженности и политическими конфликтами.

В XIX веке регион был разделен между двумя империями: Россией и Цинским Китаем. Эти исторические события не только ограничили свободное продвижение жителей региона, но и поставили фронтальные миграции под их контроль. Более того, установление контроля этих двух империй в регионе изменило характер развития миграционного процесса в нем и этнический состав мигрантов.

* Corresponding author

E-mail addresses: batantaeva@mail.ru (B.Zh. Atantayeva)

2. Материалы и методы

Источниковой базой по истории фронтальных миграций послужили документы архивов Республики Казахстан, Российской Федерации и Республики Узбекистан.

В фондах Военного губернатора Семиреченской области Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3, Д. 2298, Д. 2898, Д. 3257 и др.) и генерал-губернатора Степного края (ЦГА РК. Ф. 825. Оп. 1. Д. 53, Д. 10, Д. 12 и др.) сохранились документы об отношениях Российской и Цинской империй.

Документы из российских архивов, в частности Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), касаются подданных Цинской империи, самовольно откочевавших на территорию Российской империи (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 105, Д. 169). Кроме того, в архивных материалах Республики Узбекистан отложились документы о фронтальных миграциях XIX в. на границе Туркестанского генерал-губернаторства.

В статье основной упор при изучении причин и направлений фронтальных миграций делается на исторический подход, предложенный российским ученым В.А. Ионцевым (Ионцев, 1999). Американский историк Ф.Д. Тернер, известный как создатель «теории границ», рассматривает фронт как универсальное явление (Тернер, 2009). Данное исследование основано на современном понимании концепта «фронт» как характеристики территории, объединяющей разные социально-культурные традиции в их взаимодействии (Каппелер, 2003).

Следует отметить точку зрения историка С.Н. Якушенкова (Якушенков, 2018), который предлагает расширительное понимание фронтальной территории для анализа политических, экономических и культурных процессов в регионах, в том числе и фронтальных миграций.

3. Обсуждение

В трудах российских ученых Б.И. Ткаченко (Ткаченко, 2019), Е.Г. Темникова (Темников, 2007), И.Р. Хамзина (Хамзин, 2017) рассмотрены историко-правовые документы по территориально-пограничным вопросам, история разделения сопредельных земель Российской империи и Цинского Китая во второй половине XIX – начале XX вв.

Из научных трудов казахстанских ученых следует отметить монографии Н.Е. Бекмахановой (Бекмаханова, 1986) и Н.В. Алексеенко (Алексеенко, 1981), где затрагиваются некоторые аспекты миграций населения через анализ причин формирования полиэтничного состава населения Казахстана; публикации М.Б. Татимова (Татимов, 1978) – через изучение демографических процессов в стране.

В трудах профессора Г.М. Мендикуловой (Мендикулова, 2006) содержатся фактические данные, дополняющие сведения о фронтальных миграциях. В работах Ж.К. Касымбаева (Касымбаев, 1996), В.В. Галиева (Галиев, 2003), написанных с привлечением широкого круга источников, уделено внимание вопросам приграничной торговли и приграничных перемещений купцов. В монографии Г.М. Мендикуловой, Б.Ж. Атантаевой (Мендикулова, Атантаева, 2008) на основе архивных и документальных источников рассмотрены политические и социально-экономические аспекты развития, которые обусловили миграцию различных этнических групп населения между Россией и Китаем в XIX в.

4. Результаты

Важное значение в российской политике занимали вопросы, касающиеся территориального разграничения с сопредельными странами. Один из вопросов, который необходимо было решить на государственном уровне, касался нормализации русско-китайской торговли. В соответствии с торговым договором между Россией и Китаем от 25 июля 1851 г. (Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг., 1889: 96-102) в Кульдже и Чугучаке открывались консульства России. Помимо Кульджи и Чугучака, русские купцы теперь могли ездить с товарами в Кашгар. Здесь русскому правительству также разрешалось учредить свое консульство, также назначался чиновник из Илийского главного управления, который вел и контролировал дела китайского купечества. В Трактате оговаривались и правила пересечения границы, которые устанавливали наличие определенных билетов для русских купцов.

Важным достижением межгосударственных отношений России и Китая является статья 9 вышеназванного Трактата, в которой провозглашено, что русские и китайские торговцы имеют право на свободное передвижение по торговым делам, однако для русских купцов были предписаны некоторые ограничения: они находились под контролем своего консула и могли передвигаться только при наличии специального билета (Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг., 1889: 98-99).

Договор регламентировал политику двух государств в отношении нарушителей границы. В частности, обе стороны обязались не только помогать в розыске преступников, бежавших через государственную границу на территорию другого государства, но и при поимке беглецов передавать их той стороне, откуда они сбежали (Сборник договоров России с Китаем, 1689–1881 гг., 1889: 99).

Заключение Кульджинского договора, по мнению ученого Фу Чжен Куна (Фу Чжен Кун, 1999), имело важное значение как для русского, так и для китайского государства: Россия с его помощью надеялась обеспечить охрану границы, не допустить европейского влияния в этом регионе и

одновременно расширить взаимную торговлю через территорию Западного Китая. Китай был заинтересован в спокойной обстановке вдоль общей границы из-за ухудшения внешнеполитической ситуации после окончания опиумной войны с Англией, а также вследствие обострения внутренних противоречий он стремился к регулированию торговых контактов с Россией.

Пекинский договор, заключенный 2 ноября 1860 г., впервые закрепил разграничение территорий между Россией и Китаем. С точки зрения развития фронтальных миграций интерес представляет статья о перебежчиках из одного государства в другое, где отмечалось, что при обнаружении беженцев каждая сторона должна принять меры по возвращению их на территорию своего подданства, причем до передачи перебежчиков государству, подданными которого они являются (статья 10), обходиться с ними дружелюбно, обеспечивая питанием и в случае необходимости одеждой (*Русско-китайские отношения, 1689–1916, 1958: 47*). Данные статьи являются очень важными в отношении беженцев, так как любая сторона, где появлялись перебежчики, должна была принять все необходимые меры по возвращению их обратно.

В связи с тем, что в Пекинском договоре описание линии раздела граничащих земель было нечетким и, кроме того, по мнению командующего Илийским краем, многие из этих земель принадлежали Цинской империи, возникла необходимость новых переговоров, начатых в 1862 г. в Чугучаке. В письме надворного советника К. Струве генерал-губернатору Г.А. Колпаковскому (копии своих писем К. Струве отправил также командующему войсками Западной Сибири) сообщалось о волнениях местного казахского населения на русской территории, граничащей с Китаем (*ЦГА РК. Ф. 825. Оп. 1. Д. 5. Л. 4*). Далее он поставил под сомнение скорейшее решение вопроса о территориальных спорах между двумя государствами, хотя, как видно из депеши российского посланника в Пекин, китайское правительство смотрело на дело разграничения территории почти как на завершенное вследствие подписания и обмена протоколом (*ЦГА РК. Ф. 825. Оп. 1. Д. 5. Л. 6*).

От организации пограничной охраны двух государств зависели и перемещения населения с территории одного государства в пределы другого. В первое время количество постов на русской стороне было значительным, с китайской же стороны охрана границы была организована слабо. Впоследствии, с учреждением таможенного надзора, казачьи посты были сокращены, а китайские, наоборот, увеличены. Даже те российские посты, которые существовали на границе, были очень слабыми. Так, заведующий войсками Кульджинского района рапортом от 5 октября 1873 г. № 972 просил разрешения временно командующего войсками Семиреченской области снять выставленные в Боробогосунском и Талкинском ущельях наблюдательные казачьи пикеты ввиду того, что эти два пикета были не в состоянии контролировать приграничные с Кульджинским районом территории (*ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 6818. Л. 2*).

Далее в рапорте утверждалось, что в случае принятия решения о снятии пикетов участковым начальникам необходимо препятствовать барымте и грабежам, сформировать из «туземцев» конные разъезды под руководством специально выбранных благонадежных людей, которым участковые начальники должны объяснить цель образования данных патрулей. Если же Кульджинское военное начальство сочтет необходимым оставить Боробогосунский и Талкинский пикеты и, возможно, сформировать такие пикеты еще и в других местах, то следует обустроить быт данных пикетов в зимний период (*ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 6818. Л. 2-3*).

Если же, напротив, будет признано необходимым оставить Боробогосунский и Талкинский пикеты и еще выставить подобные же в некоторых других местах и со стороны Кульджинского военного начальства препятствий к этому не встретится, то «не откажите принять меры по возможно лучшему устройству быта этих пикетов в зимнее время» (*ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 6818. Л. 2-3*).

Оценивая обстановку в Западном Китае после подписания Чугучакского протокола 25 сентября 1864 г., необходимо было объяснить кочевникам, какие земли отошли к России. По этому поводу командующий войсками Западного сибирского военного округа генерал-лейтенант Хрущов в рапорте военному министру докладывал, что кочевые племена не разъединены между собой соответствующими пограничными линиями и вследствие этого никогда не смогут понять, в административном подчинении какого государства они находятся. В случае перекочевки родов может произойти их двойное налогообложение – как со стороны российского, так и китайского правительства, что приведет к возникновению между ними недоразумений и даже восстаний.

Эти и другие обстоятельства заставляют крайне желать установления такой границы, которая более бы соответствовала этнографическим условиям его населения (*РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 171. Л. 2-3*). Однако данное предложение, видимо, не было рассмотрено, поскольку военный губернатор Семипалатинской области генерал-майор Полторацкий чуть позже отмечал, что после подписания Чугучакского протокола осложнилось положение как самой администрации, так и приграничных родов. Перекочевки пограничных племен из одного государства в другое приводят к различным затруднениям в административном отношении, сборе налогов, судебных решениях и пр. Для населения возникает опасность платить двойные налоги и подчиняться двум разным законам.

В то же время в условиях несовершенства пограничной линии невозможно запретить перекочевки казахских родов из России в Китай и обратно, так как в противном случае будет подорван экономический быт и исконные обычаи местного населения. Предоставление им других

маршрутов кочевания внутри края также невозможно, так как это приведет к притеснению других родов (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 48. Л. 12).

В октябре 1865 г. генерал-губернатор Западной Сибири докладывал министру финансов о том, что «было бы достаточным иметь на первое время таможенные заставы в Кокпектах, Урджаре, Коксуйском поселении, укреплении Верном и наконец Аксу на восточной оконечности озера Иссык-Куль... Охранять же всю границу между этими таможенными заставами, особенно таможенную стражею из объездчиков, считаю неудобноисполнительным, потому в этом случае расходы на оную, вероятно, превзошли бы весь таможенный сбор» (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 27. Д. 716. Л. 3-4). Данное сообщение подтверждает тот факт, что установление определенного количества таможенных застав связано с государственными финансовыми средствами, которых не хватало в достаточном количестве для охраны границы.

Такое положение с охраной границ не изменилось и через несколько лет. В марте 1880 г. полковник штаба Туркестанского военного округа генерал-майор Мозель указывал на отсутствие укреплений вдоль приграничной линии: «...При составлении первого доклада об обороне Кульджинского района обратить внимание на слабые позиции Бахтинского отряда. Собственно позиции в политическом смысле на Бахтах такие: место это совершенно ровное, открытое, укреплений также нет никаких» (РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 117. Л. 57).

Заключенные с Китаем договоры нарушали традиционные кочевые пути российских подданных на приграничных территориях, что приводило к фронтальным перемещениям местного населения на территорию другого государства. Так, «в 1878 году около 9 тыс. казахов перекочевало из Российской империи на территорию Китая» (Benson, Svanberg, 1988: 113).

Командующий войсками А. Дюгамель в своем письме предлагал увеличить количество отрядов на приграничной территории с целью пресечения бегства на территорию Китая (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 48. Л. 52).

В 1864 г. дунгане, или турко-китайцы, в основном проживавшие в губерниях Шань-си и Гань-су на территории Северо-Западного Китая, подняли антицинское восстание (ЦГА РК. Ф. 825. Оп. 1. Д. 10. Л. 1), которое перекинулось в Синьцзян, населенный большей частью уйгурами, казахами, дунганями и киргизами. В такой обстановке правительства двух государств не имели возможности соблюдать достигнутые соглашения по ранее принятым договорам – Кульджинскому договору 1851 г. и Чугучакскому протоколу 1864 г.

Ряд договоров этого периода касался только торговых отношений: так, подписанные в апреле 1869 г. «Правила сухопутной торговли между Россией и Китаем» (Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг., 1889: 211-216) являлись продолжением правил для сухопутной торговли, заключенных 20 февраля 1862 г. между обеими державами в виде опыта на три года, которые были дополнены по взаимному соглашению. Следует отметить статью 2 в контексте развития фронтальных миграций между Россией и Китаем, в соответствии с которой русские купцы имели право беспошлинно торговать на всех территориях, подвластных Китаю, с одним условием: у них должен быть разрешительный билет с указанием личных данных и количества товаров. В случае отсутствия билета товар подлежал конфискации, а купец должен был вернуться на территорию России.

В соответствии с Санкт-Петербургским договором от 12 февраля 1881 г. во владениях России оставалась часть Илийского края, населению которого предоставлялось право выбора российского либо китайского подданства. Предполагалось опросить жителей заранее, в подданстве какого государства они желают остаться, и не препятствовать им при пересечении пограничной территории (Русско-китайские отношения, 1689–1916, 1958: 55-56). Именно об этих переселенцах из Кульджи в Семиреченскую область шла речь в переписке, сохранившейся в архивохранилищах РГВИА (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 828. Л. 70-136).

Причем следует отметить, что российская администрация еще до подписания Петербургского договора ставила задачу узнать о настроении проживающих в крае людей. Так, полковник Генерального штаба Матвеев вместе с начальником войск Кульджинского района генерал-майором Левашевым посетил во второй половине февраля 1880 г. самую населенную часть Илийской долины, лежащую по обоим берегам р. Или, с целью выяснить мнение местного населения. Во время поездки они окончательно убедились в лояльности и преданности мусульман Кульджинского района России и в их враждебном отношении к китайцам (РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 112. Л. 191-192).

Несмотря на то, что китайские власти объявили амнистию беженцам, мусульманское население, опасаясь последующих преследований и наказаний, все же приняло решение воспользоваться правом выбора по статье 3 Петербургского договора и принять подданство России (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 3062. Л. 102). По подсчетам ученого Б.П. Гуревича, «было примерно 100 тыс. человек» (Гуревич, 1982), решивших переселиться на территорию России. После подписания Санкт-Петербургского договора специальная комиссия в период с августа по декабрь 1881 года включила в список желающих переселиться из Китая в Россию 10 тысяч юрт казахов, 11 365 семей уйгуров, 1 308 семей дунган (Мендикулова, 2006: 13).

Сохранившаяся в архивах переписка между Российской и Китайской администрациями подтверждает важность и сложность решения вопроса о побеге русскоподданного населения на

территорию Китая и возврате его на родину для обоих государств. Эти проблемы волновали не только приграничные власти. Российскую администрацию беспокоили побеги русскоподданных в связи с установлением спокойствия на границе. Думается, что вопрос еще был связан с тем, что уменьшалось количество податного населения. Ведь не зря с течением времени вопрос о бегстве русскоподданных «инородцев» в Китай вызывал серьезную озабоченность не только со стороны местной администрации, но и со стороны Степного генерал-губернаторства.

В ЦГА РК сохранились соображения и заключение министра внутренних дел статс-секретаря Плеве (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 3062. Л. 231-232) в отношении данного вопроса. Он считал, что фронтальные миграции объясняются особенностями ведения скотоводческого хозяйства, то есть поиском новых кочевий и родственными связями (так как часть родов в результате территориального раздела оказалась разделенной новой пограничной линией). Также Плеве отмечал, что перекочевавшие не понимают того, что все налоговые платежи за беглецов оплачивают их оставшиеся родственники (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 3062. Л. 231).

При этом министр внутренних дел выразил озабоченность по поводу исключения из российского подданства перекочевавшее население, при этом предлагал: прежде чем исключать из списков, проводить тщательное изучение тех признаков, которыми характеризуется откочевка в отличие от временной перекочевки (уничтожение землянок, продажа деревянных домов, уступка другим лицам сенокосов, пашен и т.п.). При этом нужно точно устанавливать действительное число перешедших в Китай на постоянное жительство (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 3062. Л. 232).

В документах Степного генерал-губернаторства, хранящихся в ЦГА РК, отмечается, что в 80-х гг. XIX века государственно-территориальное разграничение между Россией и Китаем было проведено без составления подробных карт пограничных территорий и практически не учитывало особенности территориального расселения кочевников, принявших подданство Российской империи. При проведении границы казахские роды были раздроблены, а часть их земельных наделов осталась на территории Китайской империи. Учитывая эти обстоятельства, в 1894 г. бывший степной генерал-губернатор подал прошение Министерству иностранных дел о необходимости исправления государственной границы между Западным Китаем и двумя областями – Семиреченской и Семипалатинской (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 3062. Л. 228).

Поскольку при разделе границы не были установлены новые специальные знаки (прежние приграничные знаки, по архивным материалам РГВИА, пришли в негодность (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3582. Л. 13-15), то были возможны переходы через границу, как и в другом направлении, что позволяло местному населению, как отмечает историк К.Ш. Хафизова, пользоваться своими прежними кочевыми маршрутами на китайской территории в Тарбагатайском и Илийском округах. Начиная с 1892 года, китайские власти стали препятствовать данным передвижениям, что отрицательно сказалось на жизнедеятельности казахов (Хафизова, 1990: 157). Об этом же писал в начале XX в. Н. Богоявленский, занимавший пост консула в Кульдже: «Киргизы издавна кочевали в степях Центральной Азии, занимая те земли, которые пересекает теперь граница, отделяющая Западный Застенный Китай от наших Семипалатинской и Семиреченской областей» (Богоявленский, 1906: 320).

Таким образом, основные причины, способствующие фронтальным миграциям приграничного населения между Российским государством и Китайской империей, к началу XX века так и не были устранены.

5. Заключение

Территориально-государственное разграничение земель между Россией и Китаем во второй половине XIX столетия привело к усилению фронтальных миграций приграничного населения обеих империй. Также основными причинами фронтальных миграций являлись обременение налогами за своих родственников, ушедших на территорию Китая, отмена которых неоднократно обсуждалась, но так и не была положительно решена вплоть до начала XX в. К тому же следует отметить, что приграничные переходы кочевого населения объяснялись ограничением возможностей кочевания в пределах Семиречья.

Государственные договоры второй половины XIX в. регулировали вопросы развития торговых отношений, с которыми связаны фронтальные перемещения торговых людей через границу. Данные приграничные переходы следует отнести к одному из типов фронтальных миграций, поскольку пребывание некоторых купцов на территории Китая длилось несколько месяцев: до тех пор, пока не будет продан товар. К тому же именно для купцов были предусмотрены билеты установленного образца с указанием товаров, срока пребывания на территории соседнего государства, где делалась специальная отметка о пересечении границы.

Несмотря на договоренности между Российской империей и Цинским Китаем во второй половине XIX в. по урегулированию границ и развитию торговых отношений, наряду с законными фронтальными миграциями населения, в рассматриваемый период наблюдались и незаконные фронтальные миграции. Необходимо отметить, что одной из причин незаконных фронтальных миграций было отсутствие пограничных знаков на приграничной территории, хотя договорами была

предусмотрена их установка. Как свидетельствуют архивные источники, на некоторых участках казахстанско-китайской границы разделительные знаки не были установлены даже к концу XIX в. В соответствии с договорами за незаконное пересечение границы предусматривалось наказание, которое осуществляло то государство, на чьей территории был пойман перебежчик.

Таким образом, анализ архивных и других документальных источников свидетельствует, что во второй половине XIX в. наблюдалась активная фронтальная миграция различных этнических и социальных групп населения между Россией и Китаем.

Литература

Алексеевко, 1981 – Алексеевко Н.В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав, 1870–1914 гг.). Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1981. 112 с.

Бекмаханова, 1986 – Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М.: Наука, 1986. 244 с.

Богоявленский, 1906 – Богоявленский Н. Западный Застенный Китай. Его прошлое, настоящее и положение в нем русскоподданных. СПб., 1906. 420 с.

Галиев, 2003 – Галиев В.В. Казахстан в системе российско-китайских торгово-экономических отношений в Синьцзяне (конец XIX – начало XX в.). Алматы: Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова МОН РК, 2003. 188 с.

Гуревич, 1982 – Гуревич Б.П. История «Илийского вопроса» и ее китайские фальсификаторы // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М.: Мысль, 1982. С. 423-459.

Ионцев, 1999 – Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М.: Диалог-МГУ, 1999. 370 с.

Капеллер, 2003 – Капеллер А. Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII вв. // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 47-64.

Касымбаев, 1996 – Касымбаев Ж.К. Казахстан-Китай: караванная торговля в XIX – начале XX вв. Алматы: Өлке, 1996. 206 с.

Мендикулова, 2006 – Мендикулова Г.М. Казахская диаспора: история и современность. Алматы: Реиз, 2006. 343 с.

Мендикулова, Атантаева, 2008 – Мендикулова Г.М., Атантаева Б.Ж. История миграций между Казахстаном и Китаем в 1860–1960-е гг. Алматы, 2008, 232 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Русско-китайские..., 1958 – Русско-китайские отношения, 1689–1916. Официальные документы. М.: Издательство восточной литературы, 1958. 139 с.

Татимов, 1978 – Татимов М.Б. Развитие народонаселения и демографическая политика (Социально-философские аспекты системного изучения и комплексной разработки). Алма-Ата: Наука, 1978. 144 с.

Темников, 2007 – Темников Е.Г. Территориальный вопрос в межгосударственных отношениях России и Китая во второй половине XIX в. // *Ученые записки Казанского государственного университета*. 2007. Т. 149. Кн. 4. С. 203-209.

Тернер, 2009 – Тернер Ф.Д. Фронт в американской истории. Москва, 2009. 303 с.

Ткаченко, 2019 – Ткаченко Б.И. Формирование российско-китайской границы в документах XVII – начала XX веков // *Общество и государство в Китае*. 2019. № 3. С. 284-296.

Трактат..., 1889 – Трактат, заключенный между Россией и Китаем, о торговле в Кульдже и Чугучаке (25 июля 1851 г.) // *Сборник договоров России с Китаем, 1689–1881 гг.* СПб.: издание Министерства иностранных дел, 1889. С. 96-102.

Хамзин, 2017 – Хамзин И.Р. Россия и Китай: пространство межгосударственного взаимодействия во второй половине XIX – начале XX в. // *Документ. Архив. История. Современность*. 2017. № 17. С. 3-20.

Хафизова, 1990 – Хафизова К.Ш. Международные съезды как новая форма регулирования отношений между Россией и Китаем во второй половине XIX в. // *Из истории международных отношений в Центральной Азии*. Алма-Ата: Гылым, 1990. С. 153-176.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

ЦГА РУз – Центральный государственный архив Республики Узбекистан.

Якушенков, 2018 – Якушенков С.Н. Внутренний фронт как фактор международных отношений // *THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture*. 2018. No. 3 (56). Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture. С. 125-133.

Benson, Svanberg 1988 – Benson, L., Svanberg, I. (1988). The Kazaks of China: Essays on an Ethnic Minority, Uppsala. 250 p.

References

- Alekseyenko, 1981** – *Alekseyenko, N.V.* (1981). Naselenie dorevolutsionnogo Kazakhstana (chislennost', razmeshchenie, sostav, 1870-1914 gg.) [The population of pre-revolutionary Kazakhstan (number, location, composition, 1870-1914)]. Alma-Ata: Science of the Kazakh SSR, 112 p. [in Russian]
- Bekmakhanova, 1986** – *Bekmakhanova, N.E.* (1986). Mnogonatsional'noe naselenie Kazakhstana i Kirgizii v epokhu kapitalizma (60-e gody XIX v. – 1917 g.) [The multinational population of Kazakhstan and Kyrgyzstan in the era of capitalism (60s of the XIX century – 1917)]. Moscow, 244 p. [in Russian]
- Benson, Svanberg, 1988** – *Benson, L., Svanberg, I.* (1988). The Kazaks of China: Essays on an Ethnic Minority, Uppsala. 250 p.
- Bogoyavlensky, 1906** – *Bogoyavlensky, N.* (1906). Zapadniy Zastennyi Kitai. Ego proshloe, nastoyashchee i polozhenie v nem russkopoddannykh [Western Wall China. Its past, present and the position of Russian citizens in it]. SPb, 420 p. [in Russian]
- Galiev, 2003** – *Galiev, V.V.* (2003) Kazakhstan v sisteme rossiisko-kitaiskikh torgovo-ekonomicheskikh otnoshenii v Sin'tszyane (konets XIX-nachalo XX v.) [Kazakhstan in the system of Russian-Chinese trade and Economic relations in Xinjiang (late XIX-early XX century)]. Almaty: Institut istorii i etnologii im. Ch.Ch. Valikhanova MON RK, 188 p. [in Russian]
- Gurevich, 1982** – *Gurevich, B.P.* (1982). Istoriya «Iliiskogo voprosa» i ee kitaiskie fal'sifikatory. Dokumenty oprovergayut. Protiv fal'sifikatsii istorii russko-kitaiskikh otnoshenii [The history of the «Ili question» and its Chinese falsifiers. Documents refute. Against falsification of the history of Russian-Chinese relations]. Moscow: Thought, pp. 423-459. [in Russian]
- Iontsev, 1999** – *Iontsev, V.A.* (1999). Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya: teoriya i istoriya izucheniya [International migration of the population: theory and history of study]. Moscow: Dialog-MSU, 370 p. [in Russian]
- Kappeler, 2003** – *Kappeler, A.* (2003). Yuzhnyi i vostochnyi frontir Rossii v XVI–XVIII vv. [Southern and Eastern frontier of Russia in the XVI-XVIII centuries]. *AbImperio*. 1: 47-64. [in Russian]
- Kasymbaev, 1996** – *Kasymbaev, Zh.K.* (1996). Kazakhstan-Kitai: karavannaya torgovlya v XIX – nachale XX vv. [Kazakhstan-China: caravan trade in the XIX – early XX centuries]. Almaty: Olke, 206 p. [in Russian]
- Mendikulova, 2006** – *Mendikulova, G.M.* (2006). Kazakhskaya diaspora: istoriya i sovremennost' [Kazakh Diaspora: History and Modernity]. Almaty: Reiz, 343 p. [in Russian]
- Mendikulova, Atantayeva, 2008** – *Mendikulova, G.M., Atantayeva, B.Zh.* (2008). Istoriya migratsii mezhdru Kazakhstanom i Kitaem v 1860-1960-e gg. [History of migrations between Kazakhstan and China in the 1860-1960s]. Almaty, 232 p. [in Russian]
- RGVIA** – Rossiiskii Gosudarstvennyi Voenno-istoricheskii Arkhiv [Russian State Military-Historical Archive].
- Russko-kitaiskie otnosheniya..., 1958** – Russko-kitaiskie otnosheniya, 1689-1916. Ofitsial'nye dokumenty [Russian-Chinese relations, 1689-1916. Official documents]. M.: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1958. 139 p. [in Russian]
- Tatimov, 1978** – *Tatimov, M.B.* (1978). Razvitie narodonaseleniya i demograficheskaya politika (Sotsial'no-filosofskie aspekty sistemnogo izucheniya i kompleksnoi razrabotki) [Population development and demographic policy (Socio-philosophical aspects of systematic study and integrated development)]. Alma-Ata: Science, 144 p. [in Russian]
- Temnikov, 2007** – *Temnikov, E.G.* (2007). Territorial'nyi vopros v mezhgosudarstvennykh otnosheniyakh Rossii i Kitaya vo vtoroi polovine XIX v. [Territorial question in interstate relations of Russia and China in the second half of the XIX century]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. Volume 149. Book 4. Pp. 203-209. [in Russian]
- Turner, 2009** – *Turner, F.D.* (2009). Frontir v amerikanskoj istorii [Frontier in American History]. Moscow, 303 p. [in Russian]
- Tkachenko, 2019** – *Tkachenko, B.I.* (2019). Formirovanie rossiisko-kitaiskoj granitsy v dokumentakh XVII – nachala XX vekov [Formation of the Russian-Chinese border in documents of the XVII – beginning of the XX centuries]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. 3: 284-296. [in Russian]
- Traktat..., 1889** – Traktat, zaklyuchennyi mezhdru Rossiei i Kitaem, o torgovle v Kul'dzhe i Chuguchake (25 myulya 1851 g.) [A traktat concluded between Russia and China, on trade in Kuldzha and Chuguchak (25 July 1851)]. Sbornik dogovorov Rossii s Kitaem, 1689–1881 gg. SPb.: izdanie Ministerstva inostrannykh del, 1889. pp. 96-102. [in Russian]
- Khamzin, 2017** – *Khamzin, I.R.* (2017). Rossiya i Kitai: prostranstvo mezhgosudarstvennogo vzaimodeistviya vo vtoroi polovine XIX-nachale XX v. [Russia and China: the space of interstate interaction in the second half of the XIX-early XX century]. *ARCHIVE. HISTORY. MODERNITY*. 17: 3-20. [in Russian]
- Khafizova, 1990** – *Khafizova, K.Sh.* (1990). Mezhdunarodnye s"ezdy kak novaya forma regulirovaniya otnoshenii mezhdru Rossiei i Kitaem vo vtoroi polovine XIX v. [International congresses as a new form of regulation of relations between Russia and China in the second half of the 19th century]. Iz istorii mezhdunarodnykh otnoshenii v Tsentral'noi Azii. Alma-Ata: Gylym. Pp. 153-176 [in Russian]

[TsGA RK](#) – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi Arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State archive of the Republic of Kazakhstan].

[TsGA RUz](#) – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi Arkhiv Respubliki Uzbekistan [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan].

[Yakushenkov, 2018](#) – *Yakushenkov, S.N.* (2018). Vnutrennii frontir kak faktor mezhdunarodnykh otnoshenii [Internal frontier as a factor of international relations]. *THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture*. 3(56). Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture. pp. 125-133. [in Russian]

Российско-китайское приграничье и фронтальные миграции населения в XIX в.

Бакыт Жумагазиевна Атантаева ^{a, *}, Раушан Дюсенбековна Ахметова ^a, Гульнур Атымтаевна Абенова ^a, Тоты Амангельдыевна Кариева ^a

^a Университет имени Шакарима, Семей, Республика Казахстан

Аннотация. Изучение исторического опыта перемещения населения приграничных территорий основывается на анализе причин и последствий фронтальных миграций, являющихся результатом социально-экономических и политических изменений в Центрально-Азиатском регионе в изучаемый период. В данной статье рассматриваются вопросы, касающиеся изменения характера фронтальных миграций на границе между Российской и Цинской империями в XIX в. Представленные в работе документы из архивов ряда стран (России, Казахстана, Узбекистана) показывают, что сближение владений России с владениями Цинской империи в Центральной Азии диктовало необходимость установления здесь четкой русско-китайской границы и выяснения отношений и приоритетов в регионе. В исследовании проанализированы договоры и соглашения между Россией и Китаем, которые регулировали русско-китайскую торговлю в Центральной Азии, в результате чего принимались правила пересечения границы, процедура оформления торговых документов, договоренности о принятии мер в отношении незаконных мигрантов.

Исследование территориально-государственного раздела земель в Центральной Азии между Китаем и Россией согласно различным договорам и соглашениям второй половины XIX в., в том числе Санкт-Петербургского договора 1881 г., нарушившим постоянные кочевые маршруты, расселения родов имеет важное значение для понимания смысла и направлений фронтальной миграции населения края. В заключении авторы приходят к выводу, что специфика фронтальных миграций населения обусловлена государственно-территориальным разграничением и развитием торговых отношений в Центральной Азии во второй половине XIX в.

Ключевые слова: миграция, Россия, Китай, фронт, договоры, торговля, Степное генерал-губернаторство, Семиречье, Туркестанский край.

* Корреспондирующий автор

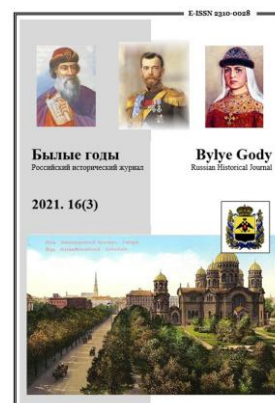
Адреса электронной почты: batantaeva@mail.ru (Б.Ж. Атантаева)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1233-1245
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1233
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



The Expertise in Analyzing the Regional Education Systems of the Russian Empire (based on the Articles of the International Network Center for Fundamental and Applied Research). Part 2

Victor V. Barabash ^{a,*}, Bella A. Bulgarova ^a, Natalia V. Poplavskaya ^a, Liudmila B. Terechik ^a

^a Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract

The history of education in the Russian Empire remains a controversial and politicized topic. If in Soviet times the achievements of the imperial system were ignored, now, on the contrary, there is a certain idealization of it. This article attempts to look at the education system of the Russian Empire as a set of regional education systems, between which there were serious differences. To achieve this goal, statistical data on 5 provinces and 2 Cossack regions were analyzed. It is concluded that by the beginning of the XX century the differences between the regional education systems of the Russian Empire have significantly leveled off. Thus, in all the regions under consideration, two school systems were functioning in parallel – the schools of the Ministry of Public Education and the schools of the spiritual department. In addition, in 3 regions out of 7 examined, approximately the same proportion of school-age children (about 40 %) studied. However, the differences between regional education systems remained, moreover, two ways of their further development were outlined: either continuing to increase the number of schools and students in order to achieve universal primary education, or improving the quality of education by closing the worst schools.

Keywords: Russian Empire, regional education systems, Voronezh Province, Vologda Province, Stavropol Province, Tiflis Province, Vilna Province, Donskoy Army region, Orenburg Cossack Army.

1. Введение

Как отмечалось в первой части нашей статьи, вопрос об уровне развития системы образования Российской империи вызывает споры до сих пор. Если в советской историографии по политическим причинам преобладало мнение о реакционной политике имперских властей в образовательной сфере и общей отсталости российского образования (Осоков, 1982), то в настоящее время выходят работы, как развивающие это мнение (Пыхалов, 2011: 196-200), так и пытающиеся доказать, будто бы система образования в дореволюционной России даже превосходила современные ей системы образования в западноевропейских странах (Сапрыкин, 2009: 20). Споры между сторонниками этих точек зрения доходят до обвинений в прямом подлоге (Пыхалов, 2011: 196-197).

Между тем еще современниками отмечался разный уровень образования в различных регионах Российской империи. Так, еще в 1898 г. военный министр А.Н. Куропаткин писал, что, если в Кубанском казачьем войске «назрела необходимость всеобщего обучения», то в Донском войске, напротив, грамотность «идет на убыль» (Перетяtko, 2020: 122). Соответственно, однозначная оценка уровня развития системы образования в Российской империи затруднена еще и тем, что сама эта система была значительно более децентрализованной, чем в СССР. В первой части статьи мы показали, что в середине XIX в. различие между имперскими регионами в этом отношении было огромным: если в Вологодской губернии одна школа приходилась на 1 500 человек, то в Тифлисской губернии – на 72 000 человек! С учетом этого нам представляется интересным проанализировать уровень развития не образовательной системы Российской империи в целом, а образовательных

* Corresponding author

E-mail addresses: barabash-vv@rudn.ru (V.V. Barabash)

систем на территории ее регионов. Нами предпринята попытка понять, насколько существенным был разброс между уровнем образования в различных имперских регионах, и на этой основе сделать несколько выводов об уровне имперского образования в целом.

2. Материалы и методы

Основу данной статьи составляют исследования Laboratory of professional and pedagogical training, входящей в состав International Network Center for Fundamental and Applied Research. Дело в том, что сотрудниками этой организации с 2017 г. осуществляется проект по исследованию региональных систем образования в различных губерниях и областях Российской империи. В самих статьях региональные системы образования не сопоставляются, однако достаточная однородность подходов и методов сотрудников Laboratory of professional and pedagogical training позволяет провести интересное на основе их исследований.

С 2018 г. среди работ сотрудников Laboratory of professional and pedagogical training доминирует необычный жанр – крупные по объему тексты, описывающие эволюцию образования в конкретном регионе Российской империи в течение длительного хронологического периода. Эти работы обычно публикуются как многочастные (до 4 частей) статьи и по объему приближаются к небольшим монографиям. В подобных текстах сотрудниками Laboratory of professional and pedagogical training было описано 11 регионов Российской империи: Виленская губерния (Natolochnaya et al., 2019a; Natolochnaya et al., 2019b; Natolochnaya et al., 2020a), Вологодская губерния (Cherkasov et al., 2019a; Cherkasov et al., 2019b; Cherkasov et al., 2019c; Cherkasov et al., 2019d); Воронежская губерния (Cherkasov et al., 2020a; Cherkasov et al., 2020b; Cherkasov et al., 2020c); Карская область (Magsumov et al., 2019a; Magsumov et al., 2019b); Кубанская область (Molchanova et al., 2019a; Molchanova et al., 2019b; Molchanova et al., 2020); область Войска Донского (Peretyatko, Zulfugarzade, 2019b; Peretyatko, Zulfugarzade, 2019c); Оренбургское казачье войско (Magsumov, Zulfugarzade, 2020a; Magsumov, Zulfugarzade, 2020b); Ставропольская губерния (Natolochnaya et al., 2020b; Natolochnaya et al., 2020c; Natolochnaya et al., 2020d); Терская область (Cherkasov et al., 2020d); Тифлисская губерния (Mamadaliyev et al., 2020a; Mamadaliyev et al., 2020b; Mamadaliyev et al., 2020c; Mamadaliyev et al., 2020d) и Черноморская губерния (Cherkasov et al., 2020e; Cherkasov et al., 2020f). Как мы видим, описанные губернии и области достаточно репрезентативно представляют различные части Европейской России (основное «ядро» ее земель, Кавказ, казачьи области, Северо-Западный край) с той оговоркой, что отсутствуют губернии с университетскими городами (кроме Вильно, где университет был закрыт в 1832 г.).

Исходя из вышеизложенного, а также ограниченного объема статьи, не позволяющего в полной мере сопоставить информацию по 11 регионам Российской империи, мы решили сосредоточить внимание именно на сравнении базовых объективных показателей эффективности образования в различных территориальных образованиях (мы сравнивали количество школ и число учащихся в них), чтобы на этой основе произвести оценку динамики развития региональных образовательных систем. С этой целью была использована собранная сотрудниками Laboratory of professional and pedagogical training статистическая информация о ситуации в российском образовании в середине XIX и начале XX вв. При этом мы ограничились 7 регионами: 2 из «ядра» земель Российской империи (Воронежская и Вологодская губернии), 2 казачьими областями (Донское и Оренбургское войска), 2 кавказскими территориями (Тифлисская и Ставропольская губернии) и 1 губернией Северо-Западного края (Виленская губерния). Это позволило нам как дать объективную оценку системам образования интересующих нас регионов на начало двух ключевых исторических периодов (эпохи Великих реформ и эпохи революций), так и понять, насколько эффективно развивались эти системы в течение приблизительно полувека. Кроме того, сопоставив ситуацию в различных губерниях и областях, мы смогли сделать, по крайней мере, некоторые выводы об уровне имперского образования, причем рассматривая это образование не в целом по стране, а через призму отдельных регионов.

3. Обсуждение и результаты

Начало XX в.

Воронежская губерния

Вторая половина XIX в. ознаменовалась стремительным ростом количественных показателей системы образования на территории Воронежской губернии. При этом после периода 1860–1870 гг., когда подавляющее большинство школ было передано в ведение Министерства народного просвещения, произошел возврат к практике существования параллельных систем образования под контролем различных ведомств, но теперь не Министерства народного просвещения и Министерства государственных имуществ, а Министерства народного просвещения и Святейшего синода. Как было отмечено в прошлой части статьи, в 1862 г. в Воронежской губернии в 121 учебном заведении (без данных по принадлежности) училось 9 938 человек. За следующие полтора десятилетия эти показатели выросли примерно вчетверо, и к 1878 г. в 485 учебных заведениях (из которых духовному ведомству подчинялось только 9) училось 34 372 ребенка (Cherkasov et al., 2020b: 431). В дальнейшем прирост числа школ и учащихся в относительных значениях несколько

замедлился, но в абсолютных даже возрос, и к 1900 г. в 1691 учебном заведении (676 – Министерства народного просвещения, 896 – духовного ведомства, 119 – прочих) проходило обучение 102 902 школьника (Cherkasov et al., 2020b: 431).

И это позволяет сделать любопытный вывод. Как видим, в 1862–1900 гг. количественные показатели системы образования Воронежской губернии выросли более чем в 10 раз. С учетом того, что в начале этого периода образованием было охвачено около 6 % детей школьного возраста, в случае, если бы в Воронежской губернии этого времени численность населения оставалась относительно стабильной, к 1900 г. большинство детей оказалось бы охвачено школьным образованием. Однако, поскольку Российская империя в целом, и Воронежская губерния в частности, в это время переживали демографический взрыв и их население быстро росло, на практике даже такой стремительный рост числа учебных заведений оказался недостаточным, чтобы сложилась перспектива введения всеобщего начального образования. Так, по расчетам сотрудников Laboratory of professional and pedagogical training, в Воронежской губернии к 1900 г. в школу ходил только 1 ребенок из 4 школьного возраста (Cherkasov et al., 2020b: 432). Однако следует отметить, что эти показатели были достигнуты ими при использовании методики, отличной от той, что применялась для середины XIX в. Фактически население Воронежской губернии выросло с 1862 по 1900 гг. только с 1 946 760 человек до 2 755 445 человек, т. е. менее чем в полтора раза, и на этом фоне относительные успехи системы образования при абсолютном десятикратном росте должны были бы быть более заметными (Cherkasov et al., 2020b: 431; Cherkasov et al., 2020c: 965). Если же использовать для Воронежской губернии 1900 г. ту же методику, что применялась сотрудниками Laboratory of professional and pedagogical training для более ранних периодов (число детей школьного возраста принимается за 9 % от общей численности населения), мы получим, что в школу ходил не 1 ребенок из 4, а 1 из 2,5.

В любом случае нам остается констатировать, что тот потенциал для развития образования, который, по мнению сотрудников Laboratory of professional and pedagogical training, сложился в Воронежской губернии к 1860 гг., оказался достаточно успешно использован. Если бы не рост населения, вопрос о введении всеобщего начального образования можно было бы ставить уже к началу XX в., однако даже с его учетом было ясно, что всеобщая грамотность жителей губернии представляет собой вопрос времени, если имеющиеся в образовании тенденции будут продолжаться. Если в 1862 г., по принятом нами едином методе подсчета, в школы ходило 6 % детей, то к 1900 г. этот показатель достиг уже 41 %, или вырос почти в 7 раз. Подчеркнем, что, так как мы применяли один метод подсчета доли школьников, исходя из численности населения, каждый из этих показателей может быть несколько преувеличенным, но их соотношение более объективно, чем было бы соотношение показателей, вычисленных по разным методам. После всего описанного выше понятно, почему в 1915 г. власти Воронежской губернии заявили о возможности введения на подконтрольной им территории всеобщего начального образования (Cherkasov et al., 2020b: 428). Очевидно, что это мнение было обоснованным (за не рассмотренный нами период 1900–1914 гг. численность учащихся выросла еще более, чем вдвое, с 102 902 человек (100 %) до 223 302 человека (217 %) (Cherkasov et al., 2020c: 965). И остается констатировать, что именно в Воронежской губернии система образования в позднимперский период развивалась крайне динамично и без событий 1917 г. всеобщее начальное образование было бы введено здесь не позднее 1920 гг., едва ли не ранее, чем советской власти удалось ликвидировать неграмотность.

Вологодская губерния

Однако было бы неверным считать, что аналогичная устойчивая и стремительная динамика развития количественных показателей образования наблюдалась и в других губерниях. Ярким примером этого может служить как раз Вологодская губерния, в 1862 г. далеко опережавшая в этом отношении Воронежскую. Напомним, что тогда на ее территории уже функционировало 642 учебных заведения с 13 718 учениками, что с учетом меньшего населения позволяет говорить о том, что школы посещало примерно 16 % детей школьного возраста.

Проблема была в том, что данный высочайший показатель был обеспечен за счет того, что 62 % школьников, как было отмечено в первой части нашей статьи, уже учились в церковных школах. Поэтому, с одной стороны, Вологодская губерния раньше остальной Российской империи начала использовать тот образовательный потенциал, который могла предложить РПЦ, но с другой – на ее территории был невозможен процесс, аналогичный имевшему место в 1880–1890 гг. в Воронежской губернии (и, как мы увидим ниже, в некоторых других регионах), когда быстрый рост количественных показателей образования происходил как раз за счет создания параллельной организациям Министерства народного просвещения системы начальных учебных заведений Святейшего синода.

В итоге, если в Воронежской губернии за период с 1862 г по 1900 гг. и число учебных заведений, и число обучающихся в них выросло более чем десятикратно, то в Вологодской губернии с 1862 по 1899 гг. число учебных заведений увеличилось менее чем в полтора раза, с 642 до 1 046, а число обучающихся в них – менее чем вчетверо, с 13 718 до 47 445 (Cherkasov et al., 2019c: 635). При этом по темпам прироста населения Вологодская губерния примерно соответствовала Воронежской:

ее население с 1861 по 1897 гг. выросло с 960 848 человек до 1 365 587 человек, т. е. тоже менее чем в полтора раза (Памятная книжка..., 1899: 2). Таким образом, первоначальное преимущество Вологодской губернии быстро сходило на нет. Как раз к началу XX в. показатели интересующих нас губерний выросли: в Вологодской губернии по используемой нами методике расчетов в школу ходил примерно 1 ребенок школьного возраста из 2,5. И в дальнейшем Вологодская губерния несколько отставала по темпам роста числа учащихся от Воронежской: так, с 1899 по 1915 гг. соответствующий показатель вырос с 47 445 человек (100 %) до 94 437 человек (199 %) (напомним, для Воронежской губернии аналогичный прирост составил 217 %).

Нам остается констатировать, что во второй половине XIX в. региональные системы образования в Воронежской и Вологодской губерниях сильно сближаются. Прежде всего эти системы становятся очень похожи типологически: теперь и в одной, и в другой существуют две параллельные системы образовательных учреждений под контролем Министерства народного просвещения и Священного синода. Близка и доля детей школьного возраста, посещающих школу (41 % и 39 % соответственно). Тем не менее определенные различия остаются: темпы роста количественных показателей в Воронежской губернии несколько выше. В целом, по оценке сотрудников Laboratory of professional and pedagogical training, к концу существования Российской империи Вологодская губерния была еще не готова к введению всеобщего начального образования, однако завершение этой подготовки было вопросом ближайшего времени (Cherkasov et al., 2019d: 979). Таким образом, и в Вологодской губернии можно говорить о серьезных успехах в развитии школьного дела во времена поздней Российской империи и о перспективах введения всеобщего начального образования в 1920–1930 гг.

Область войска Донского (до 1870 г. – земля Войска Донского)

Сразу оговоримся, что соответствующие статьи сотрудников Laboratory of professional and pedagogical training посвящены учебным заведениям в станицах и распространению грамотности среди казаков. Для середины XIX в., когда в крестьянских поселениях земли Войска Донского не было школ, делать эту оговорку было не нужно. Однако с 1860 гг. ситуация меняется, и достаточно интересно взглянуть на распространение школьного образования именно среди казачьего сословия, тем более что, как мы помним, Донское Войско в этом отношении, по мнению А.Н. Куропаткина, сильно отставало от других казачьих войск Российской империи.

Прежде всего отметим, что тенденции роста числа школ в казачьих станицах соответствовали тем тенденциям, которые наблюдались в Воронежской губернии. В 1860–1870 гг. быстрый рост учебных заведений осуществлялся за счет школ Министерства народного просвещения, а в 1880–1890 гг. параллельно с ним возникает система образовательных учреждений Священного синода. Если, как было отмечено в прошлой части статьи, в 1850 гг. в Донском регионе было менее 30 учебных заведений, в которых обучалось, вероятно, более 2 000 человек, то в 1882 г. только в казачьих станицах было 170 начальных школ и училищ, в которых обучалось 12 638 человек, а в 1899 г. – 923 школы и училища, в которых обучалось 42 811 человек (Peretyatko, Zulfugarzade, 2019c: 670). Мы снова можем наблюдать, что именно в регионах, до середины XIX в. отстающих по количественным показателям системы образования, затем начинается особенно бурный рост: как мы видим, в казачьих станицах Донского Войска число учебных заведений выросло вообще в 30 раз (с менее чем 30 до 923), а число обучающихся в них – примерно в 20 раз (с приблизительно 2 000 до 42 811). При этом решающий вклад в развитие массового образования внесли именно церковные школы, которых к 1899 г. было уже 555 с 18 576 учениками (Peretyatko, Zulfugarzade, 2019c: 670).

В результате уровень развития образования именно среди казаков достиг таких высот, что еще в конце XIX в. одной из местных комиссий (N.A. Maslakovets' commission) было заявлено, что назрела потребность во всеобщем начальном образовании в их среде для начала хотя бы среди мальчиков (Peretyatko, Zulfugarzade, 2019c: 670). По расчетам членов этой комиссии, которые пользовались тем же оценочным методом, что и мы (детей школьного возраста 9 % от всего населения), к 1899 г. «67 % of boys and 22.2 % of girls of the Cossack estate studied in primary schools» (Peretyatko, Zulfugarzade, 2019c: 670). Если учесть, что в других казачьих войсках показатели были еще лучше, остается констатировать, что для казачьего населения Российской империи предпосылки к введению всеобщего начального образования сложились уже к началу XX в.

Оренбургское казачье войско

Ярким примером этого может служить как раз Оренбургское казачье войско. Оно же доказывает, что, несмотря на определенное «выравнивание» уровня образования по всей Российской империи, для начала XX в. еще вполне уместно говорить о региональных системах образования. Как мы показали в первой части нашей статьи, в Оренбургском казачьем войске уже к 1848 г. было 69 учебных заведений, и, хотя сотрудники Laboratory of professional and pedagogical training не указали число обучавшихся в них лиц, начальная школа существовала в каждой станице. Таким образом, по количеству школ на душу населения достаточно приемлемые показатели были достигнуты здесь уже к середине XIX в., как и в Вологодской губернии, и поэтому понятно, что, как и в последней, ожидать увеличения числа учебных заведений на порядок не приходилось. И действительно, к 1870 г. в оренбургском регионе функционировало только 152 учебных заведения, а к 1900 г. – 511 (Magsumov,

Zulfugarzade, 2020a: 1115-1116). Таким образом, за период с 1870 по 1900 гг. число школ в Оренбургском казачьем войске выросло втрое, что значительно больше, чем в Вологодской губернии, но значительно меньше, чем в Воронежской губернии и Войске Донском. При этом специфика роста училищ была та же, что и в других регионах, параллельно с училищами Министерства народного просвещения возникли училища Святейшего синода, и мы не будем останавливаться на этом сюжете (Magsumov, Zulfugarzade, 2020a: 1119).

Однако, поскольку этот рост начинался с гораздо более высоких показателей, его итоговый результат оказался наиболее впечатляющ. К 1900 г. в Оренбургской губернии в целом проживало 407 953 человека и из них в начальные школы ходило 35 670 человек (Magsumov, Zulfugarzade, 2020a: 1116). В соответствии с применяемым нами выше методом следует, что почти каждый ребенок начального школьного возраста посещал начальную школу, однако это противоречит имеющимся свидетельствам современников (как мы помним, А.Н. Куропаткин писал, что грамотны только три четверти оренбургских казаков). Кроме того, к этому времени на 203 589 мужчин приходилось 22 957 школьников, что составляет более 9 % (около 11 %, если быть точными) (Magsumov, Zulfugarzade, 2020a: 1116). Остается признать, что применяемый нами метод оценки доли детей школьного возраста, посещавших школы, хотя и использовался современниками, но носит только оценочный, а не абсолютный характер. И все же из него следует, что к началу XX в. всеобщее начальное образование в Оренбургской губернии, по крайней мере среди мальчиков, было введено если не на бумаге, то на практике.

В пользу этого утверждения говорит и еще один факт: после 1900 г. прирост числа мальчиков-учеников начальных школ в Оренбургской губернии крайне замедлился и соответствовал приросту населения. К 1913 г. из 261 500 жителей губернии мужского пола в начальных школах училось 28 995, что составляло те же 11 % (Magsumov, Zulfugarzade, 2020b: 2458). Схожая ситуация наблюдалась и с девочками, однако среди них доля учениц все же немного росла (в 1900 г. из 204 364 жительниц Оренбургской губернии школу посещало 12 713, или чуть больше 6 %, а в 1913 г. из 263 939 жительниц школы посещало 17 957, или чуть меньше 7 %) (Magsumov, Zulfugarzade, 2020b: 2458). Таким образом, складывается впечатление, что запрос местного населения на получение начального образования был вполне удовлетворен и рост количественных показателей системы образования осуществлялся только за счет прироста населения и (в крайне незначительной степени) за счет эмансипации женщин в социальных группах, где им раньше не давали образования. В последнем случае речь идет преимущественно о мусульманах, а не о казаках: как отмечается в рассматриваемой нами статье, именно из-за того, что большинство мусульман не считало нужным давать женщинам образование, в мусульманских школах девочек почти не было (Magsumov, Zulfugarzade, 2020b: 2460).

Заметим, что в данном случае сделанные нами выводы несколько отличаются от тех, к которым пришли сотрудники Laboratory of professional and pedagogical training. Они также указывают, что с 1901 г., когда был достигнут показатель в 1 учащегося на 13 жителей Оренбургской губернии всех возрастов, это соотношение не менялось до 1917 г. (Magsumov, Zulfugarzade, 2020b: 2458). Однако, по их мнению, данное соотношение было недостаточным, а всеобщее начальное образование было бы достигнуто только при показателе не менее 1 учащегося на 11 жителей (Magsumov, Zulfugarzade, 2020b: 2458). Далее они отмечают, что, по данным самого Министерства народного просвещения, к 1 января 1915 г. в Оренбургской губернии было 182 769 детей школьного возраста, из которых все виды учебных заведений посещало 107 874 (Magsumov, Zulfugarzade, 2020b: 2460). Между тем все население Оренбургской губернии за предыдущий, 1914 г., составляло 617 362 человека, т.е. выходило, что «детей школьного возраста» не 9 %, а 29 % (Magsumov, Zulfugarzade, 2020b: 2458). Очевидно, что в данном случае речь шла уже не об узкой группе тех возрастов, в которых посещались начальные училища, а о «школьном возрасте» в современном понимании, о детях всех возрастов, которые в принципе могли посещать школы. Таким образом, в Оренбургской губернии к концу существования Российской империи актуальной целью развития образования стал уже не охват примерно 9 % населения начальными училищами (напомним, именно достижение подобного охвата N.A. Maslakovets' commission считала достаточным для введения всеобщего начального образования в Войске Донском), а втягивание в систему массового образования, достигшую этого количественного показателя, детей более старшего возраста.

Сотрудники Laboratory of professional and pedagogical training утверждают, что в Оренбургском казачьем войске еще в дореволюционный период «фундамент для всеобщего начального образования был заложен, необходимые ассигнования выделены и решение этого вопроса было лишь делом ближайшего времени» (Magsumov, Zulfugarzade, 2020b: 2460). С нашей точки зрения, в Оренбургском казачьем войске в начале XX в. уже де-факто функционировала система почти всеобщего начального образования, которой оставались не охвачены только девочки из мусульманских семей. Если считать число детей школьного возраста равным 9 % от общей численности населения, то выйдет, что начальное образование в Оренбургской губернии уже в 1900 г. получало 97 % детей – показатель, выдающийся на фоне Воронежской и Вологодской губерний, где, по той же методике расчета, начальные училища посещало только около 40 % детей. Таким образом, Оренбургское казачье войско и Оренбургская губерния в целом сильно опережали в деле развития образования большинство

регионов Российской империи, и ключевые успехи в распространении грамотности были достигнуты еще до установления советской власти.

Ставропольская губерния

В относительных лидерах региональных систем образования к началу XX в. неожиданно оказалась и Ставропольская губерния. Ее властям удалось достигнуть огромных успехов в развитии количественных показателей образования: если в 1850 гг. в регионе было, как мы помним, менее 20 школ, а число учащихся в них можно было оценить примерно в 1 000 человек, то к 1900 г. функционировало уже 250 школ Министерства народного просвещения с 16 338 учениками (правда, данные по ученикам даны вместе с единственной в губернии военной школой) и 761 школа духовного ведомства с 31 792 учениками (Natolochnaya et al., 2020c: 686). Всего, таким образом, функционировало 1 012 школ (рост в 50 раз!) с 48 130 учениками (тоже рост примерно в 50 раз). Не будет преувеличением сказать, что из всех рассмотренных нами губерний и областей именно в ставропольском регионе количественные показатели образования росли быстрее всего.

Население губернии по переписи 1897 г. исчислялось 873 301 человеком (Первая всеобщая..., 1905a: III). По применяемой нами методике выходит, что в школу ходил 1 ребенок из 1,5 школьного возраста. Итак, за полвека Ставропольская губерния перегнала находившиеся в гораздо лучших позициях губернии – Воронежскую и Вологодскую! Однако нетрудно заметить, что достигнуто это было преимущественно за счет системы школ Святейшего синода, которые в целом считались слабее светских школ. И в связи с этим очень важно отметить, что в Ставропольской губернии в 1900–1910 гг. рост числа школ и обучающихся в них почти прекратится, зато школы духовного ведомства начали вытесняться светскими в таких масштабах, которых не отмечалось в других рассмотренных нами регионах. К 1914 г. в Ставропольской губернии было уже 636 школ Министерства народного просвещения с 35 892 учениками, но число школ духовного ведомства сократилось до 252 с 13 368 учениками (Natolochnaya et al., 2020d: 989). Иными словами, ставропольские власти достигли таких количественных показателей системы образования, при которых введение всеобщего начального образования выглядело уже вполне достижимым в обозримой перспективе задолго до 1917 г., однако затем они сменили приоритеты развития и начали сокращать количество слабых учебных заведений, вследствие чего число учеников в них почти не росло (а с учетом быстрого прироста населения доля детей школьного возраста, посещавших школы, даже падала).

Итак, мы снова видим, что региональная система образования в конкретной части Российской империи отличалась своей ярко выраженной спецификой. В Ставропольской губернии в 1860–1890 гг. количество школ и обучающихся в них детей выросло примерно в 50 раз и доля детей школьного возраста, охваченных школьным образованием, исходя из используемой нами методике подсчета, достигла 61 %. Однако дальнейшие события показывают, что, оценивая перспективы развития региональных систем образования Российской империи, нужно учитывать возможность резкого изменения характерных для них тенденций (именно поэтому мы оговаривали, что наши прогнозы о возможности введения всеобщего начального образования в Воронежской и Вологодской губерниях к 1920–1930 гг. предполагают, что количественные показатели систем образования на их территориях продолжили бы быстро расти, чего, как мы видим, могло и не произойти). Поэтому трудно не согласиться с конечным выводом сотрудников Laboratory of professional and pedagogical training о том, что «region still had a long way to go before it would have a sufficient number of schools in place», хотя «the scale of the work carried out in terms of the development of the region's education system in the prewar years was quite impressive» (Natolochnaya et al., 2020d: 990).

Тифлисская губерния

А вот в Тифлисской губернии, несмотря на многократный рост числа учащихся и учебных заведений, отставание от других рассматриваемых нами регионов преодолеть не удалось. Более того, в данном случае крайне высокие показатели относительного прироста количественных показателей региональной системы образования не стоит переоценивать: как мы отметили в первой части нашей статьи, в середине XIX в. в Тифлисской губернии существовало всего 7 учебных заведений, что позволяло обеспечить высокий относительный прирост количественных показателей региональной системы образования даже при меньшей, чем в других частях Российской губернии, активности в открытии новых школ. В итоге к 1898 г. в Тифлисской губернии, население которой, по данным прошедшей в прошлом году переписи, составляло 1 054 032 человека (Первая всеобщая..., 1905b: VI), функционировало всего 357 учебных заведений, в которых насчитывалось около 29 000 учащихся (Mamadaliyev et al., 2020c: 1067). Нетрудно увидеть, что по населению Тифлисская губерния занимала место между губерниями Ставропольской и Вологодской, но школ в ней было примерно втрое меньше, а учащихся в них детей более чем вдвое меньше по сравнению с этими губерниями. Исходя из того, что число детей школьного возраста составляло 9 % от общей численности населения, можно подсчитать, что в Тифлисской губернии в школу ходил 1 ребенок школьного возраста из 3, и это представляет собой наихудший показатель из выявленных нами.

Таким образом, мы можем констатировать, что в некоторых губерниях и областях Российской империи ситуация в образовании действительно была близка к той мрачной картине, которую рисовала советская историография. В Тифлисской губернии к началу XX в. школьным образованием

было охвачено около 31 % детей школьного возраста, причем под школьным возрастом здесь понимается исключительно время обучения в начальной школе. Перспектива введения всеобщего начального образования здесь не просматривалась, и, хотя определенные шаги в этом отношении все же были предприняты в 1900–1910 гг. (Mamadaliyev et al., 2020d: 2411–2412), главную роль в достижении ликвидации безграмотности в Тифлисском регионе нужно отдать советской власти. Правда, сотрудники Laboratory of professional and pedagogical training предпочитают говорить о «всеобщности» начального образования в Тифлисской губернии в предреволюционный период, подчеркивая его бесплатность (Mamadaliyev et al., 2020d: 2412). Однако, как мы можем судить из примера Оренбургского казачьего войска, такая позиция не вполне корректна: даже в регионах с куда более развитой системой учебных заведений, чем в Тифлисской губернии, без введения обязательности начального образования целые категории населения (прежде всего девочки-мусульманки) обрекались на безграмотность. Кроме того, в Тифлисской губернии, где число мест в учебных заведениях было физически недостаточным для обучения всех детей школьного возраста, «всеобщность» школьного образования и для других категорий населения существовала только на бумаге.

Виленская губерния

Виленская губерния относилась к числу тех, где региональная система образования в период 1860–1890 гг. в значительной степени утратила свою специфику. Как мы помним из первой части нашей статьи, специфика эта заключалась в том, что в бывшем университетском городе, Вильно, на середину XIX в. было больше школ, чем на земле Войска Донского, в Тифлисской или Ставропольской губерниях. Однако массовое открытие новых учебных заведений в Российской империи 1860–1890 гг. нивелировало эту особенность.

Что же касается общей оценки количественных показателей региональной системы образования Виленской губернии, то в ней на 1900 г. действовало 1 624 школы с 55 755 учениками (Natolochnaya et al., 2019b: 966). С учетом того, что население губернии по переписи 1897 г. составило 1 591 207 человек (Первая всеобщая..., 1904: III), по используемой нами методике выходит, что в школу, как и в Воронежской и Вологодской губерниях, ходил 1 ребенок школьного возраста из 2,5. Впрочем, местные органы власти считали, что детей школьного возраста несколько больше, и школы посещает только 1 ребенок школьного возраста из 3 (Natolochnaya et al., 2019b: 968). Сильно приблизилась к двум указанным губерниям и структура системы регионального образования в Виленской губернии: теперь она состояла из параллельных систем учебных заведений Министерства народного просвещения и Святейшего синода (Natolochnaya et al., 2019b: 966–967).

Мы можем говорить о том, что обнаружили любопытную тенденцию. Если в середине XIX в. количественные показатели систем образования всех семи рассмотренных нами регионов Российской империи различались принципиально, то к началу XX в. в трех из них самый главный количественный показатель (доля детей, посещавших школы) сильно выровнялся. Если исходить из того расчета, что дети школьного возраста составляли около 9 % населения, в этих регионах школы посещало около 40 % детей школьного возраста (конкретно в Виленской губернии – 39 %). Хотя данная тема заслуживает дальнейшего изучения, возможно, именно подобный показатель был наиболее распространен среди регионов Российской империи. И, как показывает пример Воронежской губернии, он позволял при усиленном открытии новых школ и эффективной работе местных органов управления образованием к 1910 гг. быть готовым к введению всеобщего начального обучения.

Однако конкретно в Виленской губернии этого не произошло. Напротив, тут, как и в губернии Ставропольской, в начале XX в. значительно сократили число учебных заведений, прежде всего за счет системы школ Святейшего синода, и на 1914 г. действовало всего 1 086 школ (т. е. их количество уменьшилось в полтора раза!) с 84 802 учениками (Natolochnaya et al., 2020a: 250–251). По мнению сотрудников Laboratory of professional and pedagogical training, в итоге Виленская губерния до 1917 г. «was still far from the introduction of compulsory primary education» (Natolochnaya et al., 2020a: 253). Однако, на наш взгляд, результат мог бы быть иным, если бы здесь, как в Вологодской и Воронежской губерниях, сделали ставку не на улучшение качества учебных заведений за счет закрытия части из них, а на максимальное увеличение числа учеников (как мы помним, в указанных выше двух губерниях с 1899 по 1915 гг. число учащихся увеличили вдвое).

И, таким образом, мы можем говорить о двух вариантах дальнейшего развития, которые демонстрировали региональные образовательные системы Российской империи в начале XX в. В одних областях и губерниях (Вологодская и Воронежская губернии, область Войска Донского) местные органы власти делали ставку на введение всеобщего начального образования, и в большинстве случаев достижение этой цели виделось возможным в ближайшем будущем, в 1920–1930 гг. В других областях и губерниях (Ставропольская и Виленская губернии) ради повышения качества образования закрывали наиболее слабые школы, из-за чего рост доли детей, охваченных школьным образованием, был заметно медленнее. При этом существовали отстающие региональные системы образования (Тифлисская губерния), где в приоритете все еще оставалось доведение доли детей, охваченных школьным образованием, до приемлемых цифр и о введении всеобщего начального образования не могло быть и речи. Однако функционировали и такие региональные системы образования, где подавляющее большинство детей уже посещали начальные школы

(Оренбургское казачье войско) и в начале XX в. стояла задача охватить продолжением образования детей более старших возрастов.

4. Заключение

Подведем некоторые итоги вышеизложенному. Прежде всего представим таблицу, аналогичную той, которую мы делали в первой части статьи (данные, так же округленные с учетом приблизительности расчетов, губернии приведены в том же порядке, что и в первой таблице, т.е. по уровню количественных показателей образования на середину XIX в.; область Войска Донского, по которой есть данные лишь для казачьих станиц, опущена):

Регион	Население	Количество учащихся	Доля учащихся от детей школьного возраста	Количество школ	Число людей, на которых приходится одна школа
Вологодская губерния	1 350 000	47 445	39 %	1 046	1 290
Оренбургское казачье войско	410 000	35 670	97 %	511	800
Виленская губерния	1 600 000	55 755	39 %	1 624	985
Воронежская губерния	2 750 000	102 902	41 %	1 691	1 625
Ставропольская губерния	875 000	48 130	61 %	1 012	850
Тифлисская губерния	1 050 000	29 000	31 %	357	2 950

Из этой [Таблицы 1](#) можно сделать три принципиально важных вывода:

1. Разнообразие региональных систем образования, существовавших в Российской империи в середине XIX в., к началу XX в. значительно выровнялось. В 3 разобранных нами регионах из 7 доля охваченных начальным образованием детей колебалась в пределах 39–41 %, и в 4 регионах одна школа приходилась на 800–1 300 жителей. Кроме того, во всех регионах произошло и выравнивание типов учебных заведений: если в середине XIX в. существовали регионы, где функционировали исключительно школы Министерства народного просвещения, регионы, где с школами Министерства народного просвещения сосуществовали школы Министерства государственных имуществ, регионы, где школы Министерства народного просвещения сосуществовали со школами духовного ведомства, и регионы, где сосуществовали все виды этих школ, то к началу XX в. во всех разобранных нами регионах сосуществуют и играют важную роль системы школ Министерства народного просвещения и системы школ духовного ведомства.

2. Темпы развития количественных показателей систем образования в различных регионах Российской империи были крайне неравномерными. Так, Вологодская губерния, в середине XIX в. находившаяся на лидирующих позициях, к началу XX в. их утрачивает, а Ставропольская губерния, напротив, перемещается с отстающих позиций на лидирующие. Это позволяет говорить о том, что, несмотря на определенную унификацию региональных систем образования, эти системы продолжали существовать и уровень развития образования по-прежнему в значительной степени зависел от региональных властей.

3. Количество школ в Российской империи к началу XX в. стало крайне велико. В 3 разобранных нами регионах (Виленская и Ставропольская губернии, Оренбургское казачье войско) школа приходилась менее чем на 1 000 жителей. Главной проблемой региональных систем образования становится не количество школ, а их качество, причем большинство школ, особенно духовного ведомства, было крайне малокомплектным. В этой ситуации наметилось два пути развития образования: стремление либо к введению всеобщего начального образования, либо к сокращению числа школ с одновременным улучшением их качества.

Итак, мы можем однозначно говорить о том, что массовое образование в Российской империи в целом, при всем различии его региональных систем, начиная с 1850 г. развивалось крайне динамично. Число учащихся во всех рассмотренных нами регионах с середины XIX до начала XX вв. возросло в разы. Был выработан и определен стандарт системы учебных заведений, позволявший охватить их сетью большую часть населенных пунктов. Исходя из опыта Воронежской губернии, можно с уверенностью говорить о том, что для большей части Российской империи было вполне реально в обозримой перспективе ввести всеобщее начальное образование.

Неизвестно, однако, насколько качественным оказалось бы это образование. Так, в Ставропольской губернии, в 1900 г. по охвату детей учебными заведениями даже превосходившей Воронежскую губернию, совершенно осознанно начали сокращать количество учебных заведений,

жертвуют перспективой скорого введения всеобщего обучения ради улучшения качества школ. С другой стороны, в Оренбургском казачьем войске, где уже на 1900 г. была в первом приближении выполнена задача постоянно обучать в школах 9 % населения (дети, по возрасту соответствующие начальным классам), отнюдь не считали, что введено полноценное всеобщее образование, и считали нужным обучать в учебных заведениях 30 % населения (очевидно, все «школьные возрасты» в современном понимании). Судя по всему, для Российской империи самой ранней реальной датой введения всеобщего школьного образования были 1920 гг., но это образование осуществлялось бы за счет максимального использования имевшихся школ, даже уже не соответствовавших требованиям времени. Попытки же сначала улучшить действующую систему учебных заведений, а только потом расширять ее вели к определенной потере темпов роста числа учеников и, следовательно, тормозили введение всеобщего школьного образования.

Но в любом случае не вызывает сомнений, что Российская империя быстро двигалась к введению всеобщего образования и всеобщей грамотности, и советская кампания ликвидации безграмотности опиралась на серьезную базу, заложенную именно в имперский период.

5. Благодарности

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

Литература

- [Осоков, 1982](#) – Осоков А.В. Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917). М., 1982. 208 с.
- [Памятная книжка..., 1899](#) – Памятная книжка и адрес-календарь Вологодской губернии на 1899–1900 гг. Вологда, 1899. 265 с.
- [Первая всеобщая..., 1904](#) – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 4: Виленская губерния, тетрадь III. СПб., 1904. 179 с.
- [Первая всеобщая..., 1905a](#) – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 67: Ставропольская губерния. СПб., 1905. 148 с.
- [Первая всеобщая..., 1905b](#) – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 69: Тифлисская губерния. СПб., 1905. 295 с. [in Russian].
- [Перетяtko, 2020](#) – *Перетяtko А.Ю.* Цена крови: документы 1860–1890 гг. об эффективности казачества как экономического института: документальное исследование. Т. III. Ростов, Таганрог, 2020. 424 с.
- [Пыхалов, 2011](#) – *Пыхалов И.В.* Образование в Российской империи: факты и мифы // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*. 2011. № 2 (19). С. 196–200 [in Russian].
- [Сапрыкин, 2009](#) – *Сапрыкин Д.Л.* Образовательный потенциал Российской Империи. М., 2009. 176 с.
- [Cherkasov et al., 2019a](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G.* Development of School Education in the Vologda Governorate (1725–1917). Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(1): 208–214.
- [Cherkasov et al., 2019b](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G.* Development of School Education in the Vologda Governorate (1725–1917). Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(2): 418–424.
- [Cherkasov et al., 2019c](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G.* Development of School Education in the Vologda Governorate (1725–1917). Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(3): 627–637.
- [Cherkasov et al., 2019d](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G.* Development of School Education in the Vologda Governorate (1725–1917). Part 4 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(4): 973–983.
- [Cherkasov et al., 2020a](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A.* The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 202–211.
- [Cherkasov et al., 2020b](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G.* The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 428–436.
- [Cherkasov et al., 2020c](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G.* The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 961–972.
- [Cherkasov et al., 2020d](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G.* The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(4): 963–970.

[Cherkasov et al., 2020e](#) – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N. The system of public education on the territory of the Black Sea Province in 1896-1917. Part 1 // *Vestnik SanktPeterburgskogo Universiteta, Istoriya*. 2020. 65(3): 750-770.

[Cherkasov et al., 2020f](#) – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N. The system of public education on the territory of the Black Sea Province in 1896-1917. Part 2 // *Vestnik SanktPeterburgskogo Universiteta, Istoriya*. 2020. 65(4): 1067-1084. [in Russian]

[Magsumov et al., 2019a](#) – Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E. The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 9(1): 221-234.

[Magsumov et al., 2019b](#) – Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E. The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 9(2): 459-472.

[Magsumov, Zulfugarzade, 2020a](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E. The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820–1917). Part 1 // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1113-1123.

[Magsumov, Zulfugarzade, 2020b](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Korolev A.A., Krasnenkova E.V. The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820–1917). Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2456-2463.

[Mamadaliev et al., 2020a](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 235-247.

[Mamadaliev et al., 2020b](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 530-540.

[Mamadaliev et al., 2020c](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1065-1084.

[Mamadaliev et al., 2020d](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4 // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2409-2426.

[Molchanova et al., 2019a](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1 // *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 1049-1058.

[Molchanova et al., 2019b](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2 // *Bylye Gody*. 2019. 54(4): 1524-1536.

[Molchanova et al., 2020](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 88-104.

[Natolochnaya et al., 2019a](#) – Natolochnaya O.V., Bulgarova B.A., Denisenko V.N., Volkov A.N. The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(3): 655-664.

[Natolochnaya et al., 2019b](#) – Natolochnaya O.V., Bulgarova B.A., Voropaeva Yu.A., Volkov A.N. The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(4): 964-972.

[Natolochnaya et al., 2020a](#) – Natolochnaya O.V., Svechnikov V.A., Posokhova L.A., Allalyev R.M. The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 248-254.

[Natolochnaya et al., 2020b](#) – Natolochnaya O.V., Zimovets L.G., Allalyev R.M., Svechnikov V.A. The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(2): 473-480.

[Natolochnaya et al., 2020c](#) – Natolochnaya O.V., Makarov Yu. N., Allalyev R.M., Svechnikov V.A. The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(3): 679-688.

[Natolochnaya et al., 2020d](#) – Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Ivantsov V.G. The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(4): 984-992.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2019b](#) – Peretyatko A.Yu., Zulfugarzade T.E. «66 % of Literacy Among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical Indicators of Primary Education Among Don Cossacks in the XIX c. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(2): 454-465.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2019c](#) – Peretyatko A.Yu., Zulfugarzade T.E. «66 % of Literacy Among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was

Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical Indicators of Primary Education Among Don Cossacks in the XIX c. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(3): 664-676.

References

- [Cherkasov et al., 2019a](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G. (2019). Development of School Education in the Vologda Governorate (1725–1917). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(1): 208-214.
- [Cherkasov et al., 2019b](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G. (2019). Development of School Education in the Vologda Governorate (1725–1917). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(2): 418-424.
- [Cherkasov et al., 2019c](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G. Development of School Education in the Vologda Governorate (1725–1917). Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 8(3): 627-637.
- [Cherkasov et al., 2019d](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G. (2019). Development of School Education in the Vologda Governorate (1725–1917). Part 4. *European Journal of Contemporary Education*. 8(4): 973-983.
- [Cherkasov et al., 2020a](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A. (2020). The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 202-211.
- [Cherkasov et al., 2020b](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G. (2020). The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 428-436.
- [Cherkasov et al., 2020c](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G. (2020). The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 57(3): 961-972.
- [Cherkasov et al., 2020d](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G. (2020). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 963-970.
- [Cherkasov et al., 2020e](#) – Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N. (2020). The system of public education on the territory of the Black Sea Province in 1896-1917. Part 1. *Vestnik SanktPeterburgskogo Universiteta, Istoriya*. 65(3): 750-770.
- [Cherkasov et al., 2020f](#) – Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N. (2020). The system of public education on the territory of the Black Sea Province in 1896-1917. Part 2. *Vestnik SanktPeterburgskogo Universiteta, Istoriya*. 65(4): 1067-1084. [in Russian]
- [Magsumov et al., 2019a](#) – Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E. (2019). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 221-234.
- [Magsumov et al., 2019b](#) – Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E. (2019). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 459-472.
- [Magsumov, Zulfugarzade, 2020a](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E. (2020). The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820–1917). Part 1. *Bylye Gody*. 57(3): 1113-1123.
- [Magsumov, Zulfugarzade, 2020b](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Korolev, A.A., Krasnenkova, E.V. (2020). The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820–1917). Part 2. *Bylye Gody*. 58(4): 2456-2463.
- [Mamadaliev et al., 2020a](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 235-247.
- [Mamadaliev et al., 2020b](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 530-540.
- [Mamadaliev et al., 2020c](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 57(3): 1065-1084.
- [Mamadaliev et al., 2020d](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4. *Bylye Gody*. 58(4): 2409-2426.
- [Molchanova et al., 2019a](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2019). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1. *Bylye Gody*. 53(3): 1049-1058.
- [Molchanova et al., 2019b](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2019). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2. *Bylye Gody*. 54(4): 1524-1536.

- [Molchanova et al., 2020](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3. *Bylye Gody*. 55(1): 88-104.
- [Natolochnaya et al., 2019a](#) – Natolochnaya, O.V., Bulgarova, B.A., Denisenko, V.N., Volkov, A.N. (2019). The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(3): 655-664.
- [Natolochnaya et al., 2019b](#) – Natolochnaya, O.V., Bulgarova, B.A., Voropaeva, Yu.A., Volkov, A.N. (2019). The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(4): 964-972.
- [Natolochnaya et al., 2020a](#) – Natolochnaya, O.V., Svechnikov, V.A., Posokhova, L.A., Allalyev, R.M. (2020). The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 248-254.
- [Natolochnaya et al., 2020b](#) – Natolochnaya, O.V., Zimovets, L.G., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 473-480.
- [Natolochnaya et al., 2020c](#) – Natolochnaya O.V., Makarov Yu. N., Allalyev R.M., Svechnikov V.A. The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(3): 679-688.
- [Natolochnaya et al., 2020d](#) – Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Ivantsov, V.G. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 984-992.
- [Osokov, 1982](#) – Osokov, A.V. (1982). Nachal'noe obrazovanie v dorevolyutsionnoi Rossii (1861–1917) [Primary education in pre-revolutionary Russia (1861-1917)]. M. 208 p. [in Russian]
- [Pamyatnaya knizhka..., 1899](#) – Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Vologodskoi gubernii na 1899–1900 gg. [Commemorative book and address-calendar of the Vologda province for 1899-1900]. Vologda, 1899. 265 p. [in Russian]
- [Peretyat'ko, 2020](#) – Peretyat'ko, A.Yu. (2020). Tsena krovi: dokumenty 1860–1890 gg. ob effektivnosti kazachestva kak ekonomicheskogo instituta: dokumental'noe issledovanie [The price of blood: documents from 1860-1890 on the effectiveness of the Cossacks as an economic institution: a documentary study]. T. III. Rostov, Taganrog, 424 p. [in Russian]
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2019b](#) – Peretyatko, A.Yu., Zulfugarzade, T.E. (2019). 66 % of Literacy Among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical Indicators of Primary Education Among Don Cossacks in the XIX c. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(2): 454-465.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2019c](#) – Peretyatko, A.Yu., Zulfugarzade, T.E. (2019). 66 % of Literacy Among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical Indicators of Primary Education Among Don Cossacks in the XIX c. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(3): 664-676.
- [Pervaya vseobshchaya..., 1904](#) – Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897.]. T. 4: Vilenskaya guberniya, tetrad' III. SPb., 1904. 179 p. [in Russian]
- [Pervaya vseobshchaya..., 1905a](#) – Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897]. T. 67: Stavropol'skaya guberniya. SPb., 1905. 148 p. [in Russian]
- [Pervaya vseobshchaya..., 1905b](#) – Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897]. T. 69: Tiflisskaya guberniya. SPb., 1905. 295 p. [in Russian]
- [Pykhalov, 2011](#) – Pykhalov, I.V. (2011). Obrazovanie v Rossiiskoi imperii: fakty i mify [Education in the Russian Empire: facts and myths]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*. 2(19): 196-200. [in Russian]
- [Saprykin, 2009](#) – Saprykin, D.L. (2009). Obrazovatel'nyi potentsial Rossiiskoi Imperii [Educational potential of the Russian Empire]. M., 176 p. [in Russian]

Опыт анализа региональных систем образования Российской империи (на материале статей Международного сетевого центра фундаментальных и прикладных исследований). Часть 2

Виктор Владимирович Барабаш ^{а, *}, Белла Ахмедовна Булгарова ^а,
Наталья Владимировна Поплавская ^а, Людмила Беловна Тёречик ^а

^а Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. История образования в Российской империи остается дискуссионной и политизированной темой. Если в советское время достижения имперской системы игнорировались, то в настоящее время, напротив, присутствует ее определенная идеализация. В данной статье предпринята попытка взглянуть на систему образования Российской империи как на совокупность региональных систем образования, между которыми существовали серьезные различия. Для достижения этой цели были проанализированы статистические сведения по 5 губерниям и 2 казачьим областям. Сделан вывод о том, что к началу XX в. различия между региональными системами образования Российской империи значительно выровнялись. Так, во всех рассмотренных регионах параллельно функционировали две системы школ – школы Министерства народного просвещения и школы духовного ведомства. Кроме того, в 3 регионах из 7 рассмотренных обучалась примерно одинаковая доля детей школьного возраста (около 40 %). Однако различия между региональными системами образования сохранялись, более того, наметились два пути их дальнейшего развития: или продолжение увеличения числа школ и учащихся с целью достижения всеобщего начального образования, или повышение качества образования за счет закрытия худших школ.

Ключевые слова: Российская империя, региональные системы образования, Воронежская губерния, Вологодская губерния, Ставропольская губерния, Тифлисская губерния, Виленская губерния, область Войска Донского, Оренбургское казачье войско.

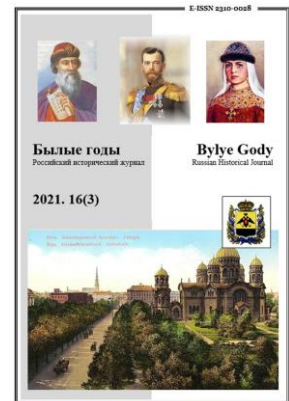
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: barabash-vv@rudn.ru (В.В. Барабаш)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1246-1254
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1246
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



St. Petersburg as the Cradle of Revolution and a Symbol of Russian Political Psychology

Anna Geifman ^{a, b, *}

^a Bar Ilan University, Israel

^b Boston University (Emerita), USA

Abstract

This article analyzes the city of St. Petersburg, Russia's imperial capital, as a psychocultural setting conducive for the upsurge of political extremism. The new type of radicalism, which emerged around the turn of the 20th century, targeted the existing sociopolitical establishment and cultural conventions, rather than specific political leaders or institutions; the revolutionaries' aim was to uproot the entire traditional way of life. The article scrutinizes the emergence of St. Petersburg as the embodiment of the country's historical and cultural inconsistencies and contradictions, as well as the city's uncanny development. Psychologically, its "as-if" setting and experience contributed to the undermining of the customary way of life not only in the capital, but also across the empire, for which St. Petersburg defined cultural trends and modes of behavior. The article examines the reasons why Russian radicals intentionally choose St. Petersburg to be the "cradle of the revolution." Few, if any of them, however, were conscious of the fact that, due to its impact on the inhabitants' mentality, the city was a genuine player in Russia's prerevolutionary politics and a potent subversive agent.

Keywords: St. Petersburg, Russia, revolution, terrorism, radicals, intelligentsia, Silver Age.

1. Introduction

People invest great cities with distinctive meanings. In various societies, selected architectural settings acquire significance as material manifestations of unique cultural designs, purposes, and messages. Yet, while many cities thus become endowed with profound inner life and accentuated individuality, very few of them impart as much mystery about their inherent meanings as Russia's "northern capital," St. Petersburg. So often a visitor, "having arrived in St. Petersburg, experienced ... a complex sensation of mental excitement and emotional oppression." (Tolstoi, 1922: 1). Still, while aware that the city was a very "special place" not solely because of its phenomenal beauty, the stranger could not quite grasp why. Nor could St. Petersburgers, but those who sought to express their sentiments about the city frequently referred to its irrational faculties, its cryptic and malignant impact on its inhabitants. "The spirit of the city was ruinous," its energy harmful. St. Petersburg "lived as though awaiting a fatal and terrible day" (Tolstoi, 1922: 1) of destruction and self-annihilation. For political extremists there could be a better setting than Russia's capital.

The ill-fated Decembrist uprising in 1825 inaugurated the Russian revolutionary tradition and established St. Petersburg as the hub of an iconoclastic break with the patriarchal culture and stead of political nonconformity. From then on and through the crisis of 1917, which finally toppled the old regime, the imperial capital was the stronghold of the antigovernment rebellion. Notably, St. Petersburg earned its designation as the "cradle of revolution" as much for its history of political protest as for its subtler, but no less critical psychological contribution to the all-Russian revolt.

* Corresponding author

E-mail addresses: annageifman@hotmail.com (A. Geifman)

2. Materials and methodology

This article is based largely on research related to the general topic of political violence in prerevolutionary Russia. The body of sources cited in this work includes archival materials from the Arkhiv Zagranichnoi Agentury Departamenta Politsii (Okhrana Collection), located in the Hoover Institution, Stanford, California, and from the Arkhiv Partii Sotsialistov-Revoliutsionerov at the International Institute of Social History in Amsterdam. Most sources, however, are published primary documents from the epoch discussed. These include correspondences, diaries, and memoirs which supplement secondary literature. Along with historical sources, the analysis relies on examples of poetry and fiction, as well as works on psychology, relevant to the chosen methodology.

Methodologically, the article is multidisciplinary. Historical and literary materials are analyzed through the prism of psychological insight about the primacy of emotional drives, which can be politicized and ideologically rationalized. The emphasis is also on inner states projected onto the environment. A key objective is to demonstrate how psychological conditions impact the setting, and how, in turn, individuals' perception of their setting affect their preexisting inner predicaments.

3. Discussion

It is hardly surprising that between the late 1860s and the early 1880s, St. Petersburg turned into a rich soil to cultivate the doctrines of Populism, Nihilism, Jacobinism, Tkachevinism, and other homegrown "isms." The fathers of revolutionary ideologies, for all their eloquence in defending the oppressed, could not expect the illiterate masses to understand convoluted arguments for toppling the autocracy and for building socialism. Hence, in their cliché-ridden, quasi-scientific rhetoric, the leaders of the inchoate Russian revolution appealed almost exclusively to the intelligentsia. For its part, the educated elite preferred cosmopolitan St. Petersburg to archaic, conservative Moscow.

Russian revolutionary theorists, the Populists such as Herzen, Lavrov, and Mikhailovskii, to a greater or lesser extent all adhered to the European socialist views of the peasants as noble savages, invested with a rebellious spirit. The Russian *muzhiks* they revered "as the vessels of the Absolute." Indeed, their overall utopian "messianism was centered on the peasantry" (Marks), thus uniting the left-wing intelligentsia under a common credo. Urban intellectuals and students were to serve as liaisons between the ideologues and the people, so held the widespread view. The founding fathers of the Russian radicalism therefore sought adherents to their creed in the university halls. The University of St. Petersburg became a particularly attractive target (Naimark, 1983: 130-153).

The fiasco of the 1874 "Going to the People" movement amplified St. Petersburg's importance for the revolution. True to their inherent suspicion for the outsiders, the peasants exhibited resolute hostility to scores of university students on their ill-fated pilgrimage to the villages to convert "primitive communists" to "scientific socialists." The peasants' resistance to being liberated disappointed the radicals but did not prompt them to reevaluate their desire to build social paradise. Instead, they sought alternative means of igniting the revolution for the "sleepy Russian people" (Venturi, 1970: 505, 577; Venozhinskii, 1908: 25). The "inability of those who identify with the plight of the poor or the victims of discrimination to mobilize the support of those. ... most adversely affected by these circumstances ... has led radicals in various parts of the world to constitute themselves as terrorists (Weinberg, Eubank, 1990: 126). In Russia, since the late 1870s terrorism has become a preferred tactic of the subversives. From the countryside, they diverted attention to the cities, of which the most essential in their eyes was the empire's capital.

In January 1878, a young revolutionary vigilante, Vera Zasulich, shot and wounded the governor-general of St. Petersburg, initiating a wave of assassinations in the city. In the following months, the Land and Liberty (*Zemlia i volia*) organization became responsible for scores of attacks on St. Petersburg police officials (Venturi, 1970: 629-630, 655; Hardy, 1987: 70, 84). Yet, the main thrust of the terrorist campaign in the capital came after the 1879 Land and Liberty schism, when its extremist faction, the People's Will (*Narodnaia volia*), came to dominate the radical camp as the first modern terrorist organization. Its immediate objective was the assassination of Alexander II. St. Petersburg, the main residence of the tsars, thus became the prime location of the political extremists.

The People's Will staged several attempts against the tsar. Of them, perhaps most sensational was a bomb blast in the Winter Palace on February 5, 1880, which left eleven people dead and over fifty injured. Alexander II was not harmed, but on March 1, 1881, a long hunt for the "crowned game" was over, when a People's Will member detonated a homemade explosive device under the tsar's feet, mortally wounding the only liberal reformer on the Russian throne (Marks, 1983: 8).

In the 1880s and 1890s, Marxism dominated the antigovernment camp as the only "objective and scientific" creed, in the eyes of many socialists. Its upsurge ascribed greater importance to urban proletariat, as numerically negligible as it was at the time. Its significance stemmed from workers being clustered in several major industrial centers. St. Petersburg was the capital of large-scale mechanized manufacturing, home to the densely populated Vyborg district, where the Putilov Works and many smaller factories and assembly plants employed hundreds of thousands of workers.

Typically, these were young, predominantly single men from impoverished peasant families, who had migrated from the countryside with hopes for employment in budding industrial enterprises (Grant, 1999;

McKean, 1990). Grievous living and working conditions, characteristic of other manufacturing cities during the early industrialization stages, were exacerbated by St. Petersburg being the most polluted and unsanitary European capital, which had “evolved from a city of symmetry and imperial regularity into a metropolis of striking contrasts” (*Bater, 1986: 46, 52; Lincoln, 2000: 149*). Magnificent palaces, graceful public buildings, and fashionable avenues in the center represented regal grandeur and gentility, while ugly slums overwhelmed the capital’s growing industrial sectors. There, amid rampant poverty, drunkenness, and diseases, legions of laborers in the metallurgical, textile, and print industries were most susceptible to radical indoctrination.

Whereas in the 1870s and 1880s revolutionary circles consisted predominantly of men from privileged backgrounds, in the early 1900s most extremists were artisans, skilled, and unskilled workers. They performed between fifty and seventy percent of all terrorist acts (*Perrie, 1982: 68; Naimark, 1986: 5*). Hordes of former peasants who became the first-generation proletarians swarmed into the capital, in a decade roughly doubling its population (*Bater, 1986: 46-51*).

St. Petersburg also opened its gates to numerous other migrants from the periphery, including women. With the rapidly changing family relations, many young girls could no longer be confined to the conventionally prescribed role of a woman at home, yet, as a rule, found little opportunity to realize their ambitions in St. Petersburg (*Knight, 1979: 144-45*). The government’s rigid higher education policies and scarce career opportunities left the revolutionary milieu as the only one where females could feel almost equal to their male comrades, who gave them ample opportunity to assert themselves by partaking in dangerous operations. Women thus came to comprise about one-fourth of all Russian terrorists in the early 1900s and nearly one-third of the Socialist-Revolutionary Combat Organization, capital-base “party of terror” (*Laqueur, 1977: 121; Naimark, 1986*).

St. Petersburg thus became the epicenter of the revolution. Astonishing is the extent to which the city’s geographical, cultural, and psychological environment impacted the political processes. Its residents and visitors have often taken for granted St. Petersburg’s unsettling exceptionality, even if attempts to understand and delineate its uniqueness have not been rewarding. What follows is a psychohistorical perspective on the inimitable urban milieu and its bearing on radical politics.

4. Results

“Things fall apart; the centre cannot hold.” While referring to Ireland, this line from W. B. Yeats’ “Second Coming” describes perfectly Russia at the turn of the 20th century. There, intricate, long-term sociocultural transformations, such as post-1861 emancipation agricultural developments, industrialization, urbanization, and spread of education, undermined traditional ways of life.

Growing disregard not only for the official Orthodox church but also for the very fundamentals of Christian faith impeded time-honored customs and social practices. In essence, the country followed other European societies in renouncing religion, traditional, communal, and family ways of life and in espousing individualism as a social norm. Russia, too, was turning into a “modern society.”

As with other pivotal points in Russian history, the break with age-old communal traditions, based on cooperative land cultivation and on the Russian Orthodox adherence to *sobornost’* (conjoint God-worship), occurred too abruptly to allow a smooth transformation from collectivism to individualism. Scores of displaced and unsettled individuals experienced the new situation as arduous and disheartening. Concomitant to dejected economic circumstances, psychological adaptation to the urban milieu was exceedingly slow (*Geifman, 1993: 11*). Thousands severed physical ties with their indigenous communities, but only a few could function outside a collective.

Ordinarily, a “modern Russian” little experience as a separated self. The communal life spared him from angst-provoking attributes of individualistic existence: self-doubts and self-assertion; inner conflicts and their projections; the need for privacy and simultaneous fear of isolation. With the old defense mechanisms irrelevant outside of the commune, the individual lacked the means to deal with “anxiety over the loss of a cherished” accord with their familiar environment.

Anxiety went hand in hand with alienation. Increased competition which intensified interpersonal hostility in a stratified and mechanized environment reinforced agitation, confusion, and distress (*Searles, 1960: 39, 19-20*). Life turned harsh, discomfiting, and devoid of basic social security when traditional mores and ways of mutual assistance no longer provided protection. Fast-paced St. Petersburg, “in which factories replaced cathedrals as the great monuments of a new society” and “the instruments of technology had come between humankind and God” (*Lincoln, 2000: 212*) did not offer relief for the feelings of apprehension and helplessness. Gone was the age-old possibility to dissolve oneself in the village *sobornost*. In the modern city relief through self-abrogation by way of fusing with a larger whole was thwarted (*Horney, 1937: 278-79*).

The newcomers to the city made attempts to simulate a comforting communal life: workers of the same trade, for example, united in the *artels*, where labor was performed in common and the profits shared by the participants. Students and workers of common geographical origins joined the so-called *zemliachestva* (“associations of the land”). These, however, were inadequate substitutions for the economic and religious community and the traditional family structure. When forced by modern city life to face the challenges of individualism, many plunged into confusion, estrangement from their new milieu, and

frustration. Some engaged in extremist politics, since they “could not envision a satisfactory place for themselves... if Russia were to remain as it was” (Nay, 1999: 14). For others, destructive behavior in the form of political action became an outlet for inner tensions.

Psychologists refer to an advanced stage of personal development in connection with one’s “awareness of oneself as a living human *individual*, distinct from other human beings.” Conversely, individuals’ ego organization may be at a level “comparable with so very primitive” infantile ego states (Searles, 1960: 43-44, 73). Symbolically, the Russian capital was indeed “the cradle of revolution” because from the point of view of psychological development, many of its radical-minded residents were child-like: they exhibited discordant, incohesive personalities, which lacked distinct boundaries and ability to adjust. St. Petersburg was in fact their “cradle,” which could not provide the emotional comfort essential for overcoming various impediments on the way to becoming mature beings. Sadly, the proverbial “superfluous people” found their home in the environment that adversely affected their maladjusted, puerile, and often disturbed personalities.

From its inception in the 19th century, the “myth of Petersburg” became an important theme in Russian literature and public discussion and focused on conflicts that were seemingly intrinsic to the city’s existence. Pushkin, who has been called “in the same measure the creator of the *image* of Petersburg as Peter the Great was the builder of the city itself,” was the first to unveil its ambiguity in his *Bronze Horseman*. There, Peter I’s commanding ambition with regard the northern capital conflicts with the very lives of its inhabitants, and “the dazzling and graceful city beloved by the narrator is also a metaphysical landscape whose vast granite expanses and seething waters threaten... to overwhelm both human significance and sanity” (Leiter, 1983: 4-5). From Pushkin on, “the Petersburg cityscape” always evoked “a sense of the precariousness of human existence” (Leiter, 1983: 4-5).

In his short stories about St. Petersburg, Gogol juxtaposed the rational groundworks of the capital, regulated of its bureaucracy, with the irrational and even mystical forces driving the lives of St. Petersburg’s citizens. The writer specifically cautioned about the symbolic deception of the city’s main boulevard: “Oh, don’t believe this Nevsky Prospect!... All is fraud; all is a dream; all is not what it appears to be! ... It is lying all the time, this Nevsky Prospect, but especially” at night “when the devil himself kindles street lamps only to show everything not in its real light” (Gogol, 1977: 39). Perhaps more vividly than any other author, Dostoevsky portrayed “the gloomy charm of urbanistic Moloch on the Neva banks,” its “callousness and inhumanity” (Serdyuchenko) and its mysterious, dark nature, warped by unresolved contradictions, which drove its citizens to madness and violence.

Much ink has been spilt depicting St. Petersburg’s architectural landscape and its contribution to relentless melancholy, moral erosion and emotional privation of Dostoevsky’s various characters, such as Marmeladov and Raskol’nikov. Their “cramped, isolated environment molds them into grotesque” personalities “who seem to act not of their own will, but as though pulled through life by the forces of St. Petersburg” (Boyd, 2002). The city thus “plays a central role in their development and behavior;” they live in confined, smothering, dark quarters, “like coffins;” and “even when they are outside, shadowed by massive buildings and squares, they still feel the lonely, invisible walls of their rooms crowding in on them.” Dostoevsky’s Petersburg, with its shaft-like passages separating clusters of stony structures, is “a city of inherent isolation;” people no longer remember how to comport themselves in a community; “everyone lives by himself and for only himself.” This environment tears one’s psyche apart (Boyd, 2002), just as the city itself, situated on multiple islands, is barely able to maintain its cohesiveness with enervating effort of transparent bridges over the Neva and the canals. Incarcerated in this claustrophobic and disjointed universe, the individual becomes susceptible to irrational and often violent behavior, ruled by erratic impulses, ineffable thoughts, and dogged anxiety. Svidrigailov, a central character in *Crime and Punishment*, most candidly expresses Dostoevsky’s view on the virulent energy of St. Petersburg: “This is a city of half-crazy people. ... There are few places where there are so many gloomy, severe, and bizarre influences on the soul of man as in Petersburg. The climate alone has so much impact!” (Dostoevskii, 1973: 357).

Indeed, what hope is there for the protagonist of Dostoevsky’s *Double* (fittingly subtitled *St. Petersburg’s Poem*), if upon his awakening “a gray, autumn day, murky and muddy, peered into the room through a grimy dull window, so angrily and with such sour grimace...” (Dostoevskii, 1956: 209). A renowned passage depicts the “Petersburg weather” as a cause of mental disintegration:

Mr. Golyadkin, beside himself, ran out on the Fontanka Quay...fleeing from his foes, from persecution, from a hailstorm of nips and pinches aimed at him... Mr. Golyadkin was killed –killed...in the full sense of the word... It was an awful November night – wet, foggy, rainy, snowy, teeming with colds in the head, fevers, swollen faces, quinsys, inflammations of all kinds and descriptions – teeming, in fact, with all the gifts of a Petersburg November. The wind howled in the deserted streets, lifting up the black water of the canal above the rings on the bank, and irritably brushing against the lean lamp-posts which chimed in with its howling in a thin, shrill creak, keeping up the endless squeaky, jangling concert with which every inhabitant of Petersburg is so familiar. Snow and rain were falling both at once. Lashed by the wind, the streams of rainwater spurted almost horizontally, as though from a fireman’s hose, pricking and stinging the face of the luckless Mr. Golyadkin like a thousand pins and needles... Mr. Golyadkin, alone with his despair, was fleeing in terror along the pavement of Fontanka... the snow, the rain, and all the nameless horrors of a raging snowstorm and fog ... were attacking Mr. Golyadkin, already shattered by misfortunes, were showing him no

mercy, giving him no rest, drenching him to the bone, gluing up his eyelids, blowing right through him from all sides, baffling and perplexing him – though conspiring and combining with all his enemies (Dostoevsky, 1997: 32-33).

Dostoevsky's infrequent praise for the city contributes to his off-putting vision of the environment: "I love the March sun in Petersburg... All the houses seem suddenly, as it were, to sparkle. Their gray, yellow, and dirty-green hues for an instant lose all their gloominess... It is wonderful what one ray of sunshine can do for the soul of man! But the ray of sunshine had died away..." (Dostoevsky, 2018). Significantly, shades of yellow – the color of illness and especially mental illness (as in "yellow house" [*zheltyi dom*] or madhouse), in the Russian frame of reference – punctuated Dostoevsky's vision of St. Petersburg (Dostoevskii, 1972: 103; Dostoevskii, 1973: 394). Not surprisingly, Dostoevsky referred to it as "the city of the half-crazy" (Sal'nikova, 2021).

"As it frequently happens with a person in front of a mirror, the city began to be dependent on its ... reflection in literature," noted Joseph Brodsky. "By the mid-nineteenth century, the reflected and the reflection merge into one: the Russian literature became equivalent to reality to such an extent that when one now thinks of St. Petersburg, it is impossible to distinguish the contrived from the truly existing" (Brodsky, 1986: 61-62). Its corporeal residents felt as though they were victims of Petersburg's "quagmire climate" and of unbearable isolation, aggravated by the capital's architectural panorama, exactly as Dostoevsky's characters had felt in "the most detached and the most intentional city" ("*samyi otvlechennyi i samyi umyshlennyi gorod*") (Sal'nikova, 2021).

Struck by St. Petersburg's powerful irrational forces, writer Aleksei Tolstoi reproduced a bizarre sensation that the city was "but a dream, a chimera, a figment" of one's brain. "Faces pale and careworn, with eyes as sombre as the city itself" (Tolstoi, 1953: 27), the Peterburgers barely held onto reality. Likewise, Andrei Bely's *Petersburg* depicted the city's surreal, dreamlike feature: "An enormous crimson sun raced above the Neva ... and the buildings of Petersburg seemed to be melting away, turning into the lightest of smoky amethyst lace." The ethereal city devitalized tenuous personalities, poorly equipped to sustain their integrity. As Bely put it: "Petersburg streets possess one indubitable quality: they transform passersby into shadows" (Bely, 1978: 22).

Contemporaries personified the city's pernicious nature (Reavey, 1959) and claimed that St. Petersburg could "reduce" people, detract from them, and undermine their identities much more than other early twentieth-century urban environments, including Russia's second capital of Moscow or large provincial centers, like Kiev. Traumatized and confused as they were by their psychologically impairing experiences outside the traditional communal life, the newcomers had great trouble surviving in the ephemeral, mirage-like St. Petersburg, epitomized by the "non-Russian, piercing height of the Peter and Paul Cathedral" (Tolstoi, 1922). The "ancient Moscow" still connected the Russians-at least symbolically-with their roots, and "the mother of Russian cities" Kiev had the same soothing effect on its Russian and Ukrainian inhabitants. Gogol's metaphor for Moscow was the traditional Russian beard or "an old stay-at-home woman," making pancakes (Gogol', 1978: 171). In sharp contrast, the cosmopolitan St. Petersburg was a "foreign place," its alien nature apparent even in its nicknames: "Venice of the North," "Northern Palmyra," and "Babylon of the Snows." The geometry of Petersburg accounted for much of its inner contradiction, scholars argued, since the city was built in accordance with a meticulous Western design; yet, underneath there was "a seething, atavistic Asiatic turmoil," threatening "to upset the established order" (Reavey, 1959: vii).

The "un-Russian-but nonetheless-capital city" (Biely, 1959) was an historical accident, which could link the modern Russians with their forsaken past no more effectively than to establish bonds among its estranged inhabitants. Historically, St. Petersburg was associated with a radical break with the national tradition-Peter I's revolt against the Muscovite culture – for the sake of anything original, so long as it contributed to the tsar's war against the convention. From the outset, an act of brutality against old Russia, Petersburg's subsequent history was invariably a "challenge to the national psyche" (Brodsky, 1986). Literally "built on bones" of the two hundred thousand-strong workforce mobilized and sacrificed to the tsar's whimsical ingenuity, St. Petersburg embodied a perpetual clash of contradictory drives and a mixture of inspiration, brutality, and anxiety.

Psychologist Karen Horney has noted the general principle of ameliorating anxiety "by losing the self in something greater, by dissolving the individuality, by getting rid of the self with its doubts, conflicts, pains, limitations and isolation" (Horney, 1937: 270). In St. Petersburg, where the environment itself aggravated disquietude in the period prior to the outbreak of WWI, "it was as if something was in the air hovering over each and every one of us," poetess Zinaida Gippius remembered: "People ... rushed about, never understanding why they did so, nor knowing what to do with themselves" (Lincoln, 2000: 212). Numerous unsettled personalities abandoned themselves to experimenting with "alternative life-styles." These experimentations entailed attempts to rescind their tormented psyche, to dissolve them in alcohol or in drug-induced nirvana, in the hitherto unthinkable (and often blatantly perverse) "uninhibited sexuality," in toying with the occult and with superficial components of exotic cultures (Bely, 1978: 39). These fads were an essential feature of the Russian Silver Age, a period of cultural turmoil, intellectual quest, and aesthetic decadence.

In this era, some of Russia's great minds demonstrated extraordinary inspiration. They too faced the challenges of modernization yet found them invigorating rather than stifling. "Elegant, tattered, rock solid, yet built on shifting sands, St. Petersburg seemed to hold equal measure of exaltation and despair" (Lincoln,

2000: 198). While experiencing the capital's eerie intensity, the most gifted figures of the Silver Age transmuted the city's injurious powers into sources of creativity. This feast of refinement manifested itself in a corpus of musical, artistic, and literary masterpieces.

This, however, was the road of only the few who have found the requisite inner resources to withstand the pressures of individualization and to preserve their "spiritual autonomy" (Brodsky). Poetess Anna Akhmatova called "the dark city on the terrible river" her "blessed cradle" (Leiter, 1983: 54), which had nurtured and sent her off on her path of creative self-activation. Yet, for scores of vulnerable, "undefined personalities," for the "half-cracked" (Belyi, 1966: 5) decadence became a way of life: "Petersburg led a nocturnal existence – wild, frigid, sated... sleepless... card tables and the clink of gold ... clashing three-horse sleighs, gypsies, duels at dawn ... frenzied exhibitions of fantasy." The delirium of the capital" (Tolstoi, 1953: 28), the extravagant and erratic diversions aimed to fill the inner void but also had a characteristic ulterior purpose. Adherents of the Petersburg nonconformist community reasserted the new collective "we" over the maladjusted and dejected "I."

The newborn culture yielded its own archetype for admiration and emulation. The "beau ideal" in the decadent community was a neurotic burdened by inner contradictions, the "bizarre type." Many applauded "everything 'abnormal,' 'odd,' 'sick,'" and antisocial (Belyi, 1933: 3). "These were the days when love, and all sane and kindly emotions were regarded as commonplace and old-fashioned ... People invented vices and perversions for themselves" - anything rather than appear banal. "Destructiveness was considered a sign of good taste" (Tolstoi, 1953: 29-30).

Fascinated with a symbiosis of destructive energy and artistic ecstasy, people looked for and found "poetry in death." (Venozhinskii, 1908: 28). Around 1905, there was a catastrophic increase in suicides in Russia in general and a real "suicide epidemic" in St. Petersburg (Kaplan, 1988: 32; Tolstoi, 1922; Lincoln, 2000: 208). Concurrently, while seeking a "different spirituality" and an ideology to supply new meanings, many came to embrace the revolution as a new faith. Like the revolution in the arts, the all-out rebellion against the traditional establishment was an integral feature of the Silver Age: "Circumstances were ideal. ... the boiling pot ... Everything that declared itself as a protest was received with sympathy and curiosity." (Karabchievskii, 1985: 86). A contemporary remembered: "In a certain sense, we were the revolution before the revolution – so profoundly, mercilessly, and fatally did we destroy the old tradition" (Lincoln, 2000: 210).

"Revolution was becoming the fashion" (Chernov, 1953: 169). As always in Russia, the fashion originated in the capital. There, affirmed a renowned poet, Aleksandr Blok, "one could already begin to sense the smell of burning, blood, and iron in the air" (Lincoln, 2000: 212).

The inflexibility of the autocratic regime encouraged subversion. Grievous economic conditions during the initial phases of the country's industrialization seemed to validate the revolutionaries' claim that exploitation, competition, and alienation of the individual would disappear only after the overthrow of capitalism. Yet, most importantly, the radical movement and its adherents acted in harmony with the flagrantly explosive atmosphere in the capital. The wayward "spirit of destruction pervaded everything ... the sullen rancour of the steel-plant worker, the disjointed aspirations of the fashionable poetess ... The law courts were thronged with hysterical women, greedily imbibing the gory details of sensational trials. ... The country was being drained of its lifeblood to feed the insatiable spectres haunting Petersburg (Tolstoi, 1953: 28-29).

"We went insane from living indulgently," wrote poet Osip Mandelshtam. "Wine before noon, by evening a heavy head. How can we sustain your feverish red, o drunken plague, and your vain revelry?" (Tracy, 191: 131). For the seekers of "larger than life" experiences, who had already experimented with various fads, the revolution offered instant gratification. Radical politics for them might have been analogous to narcotics or perhaps cheap-thrill entertainment. As one revolutionary declared, "I cannot live peacefully. I like danger, so as to feel the thrill. (Gefiman, 1993: 156). For his comrade, political violence was another "very interesting game" (Geifman, 1999: 8; PSR, 5-508).

The thrill of subversive action had one essential advantage over all other forms of marginal behaviors aimed at self-annulment. Unlike with other diversions, in which the individual must cope with nadirs between peaks of excitement, the radicals could pursue their visionary ideals forever. Having submerged themselves in the revolutionary struggle, the proselytes behaved "selflessly" indeed – in the strictly morphological sense of the word. Simultaneously, they claimed greatness and even sanctity for themselves as part of a movement fighting for a holy cause – the "true bearers of Russia's revolutionary cross" (PSR, 5-508; Knight, 1979: 147). They were the guardians of the border, which separated "the pure from the impure," the saints from the villains (Glass, 1995: 129).

They could sustain the delusion only in total isolation from life beyond their clandestine community, as if, in the words of one revolutionary, the outside "world did not exist" (Knight, 1979: 152-53).

People tend "unwittingly to arrange their nonhuman surroundings in accordance with their inner conflicts and attitudes" (Searles, 1960: 80). The revolutionaries' choice to reside in St. Petersburg was hardly accidental. A beautiful aberration, a mirage, a mysterious oasis of "something else" amidst the age-old Russian indolence, the city was a hint, a possibility of a different world; painstakingly artificial, its very image suggested of "otherness." The rebels against the present, where they felt alienated, superfluous, frustrated, and anxious, were drawn to St. Petersburg as an alternative to their dejected "here and now." To devalue the present, they lauded

utopian ideals (Adler, 1997). For them, St. Petersburg was “a city in the grip of nervous expectation, cataclysmic foreboding and a fatal urge to destruction” (Reavey, 1959: vii; Aleksandrov, 1985: 101).

The capital’s “yellowishly sick,” confined environment might have also suited the revolutionaries’ psychological circumstances. St. Petersburg could be attractive indeed, legitimizing the neurotic (and sometimes psychotic) states of those who lacked self-regulating mechanisms and the requisite vigor to ensure individual boundaries and autonomy from the outer world. The city, in fact, contributed to the radicals’ distressed psyche; their environment was “subjectively *part of the ego*, and ... infringing upon the functioning of the ego” (Searles, 1960: 73). Some revolutionaries therefore might have subconsciously chosen to live in St. Petersburg the way people chose hairstyles and clothing, as outlets for expression of inner traits. The “special ‘Petersburger’ dimension of life” cannot perhaps be defined in any rational way (Serdyuchenko), but the grim impact of the city’s neurosis on its inhabitants intensified their own, developing “a combustible energy, ultimately nihilistic, and wholly destructive—it might be said, mutually destructive” (Cournos, 1959: xiii).

5. Conclusion

Researchers illuminate the relationship between internal psychological criteria of “badness” and “the need to have enemies.” The tendency is to relocate a sense of worthlessness to the “outside,” to some hated other (Volkan, 1988: 33; Kristeva, 1991). At the root of relentless political extremism was often all-pervading and equally relentless self-hatred—displaced and projected onto designated political enemies (Knight, 1979: 153; PSR, 1-2; Okhrana, XXIVi-1B). The revolutionary personalities thus externalized intrinsic hostility, displacing and projecting it onto their leaders designated as enemies, oppressors and exploiters (Post, 1990: 31; Geifman, 1993: 21, 39-40).

Still, “if we analyze the psychic reality of these men, we find that they were destroyers and not revolutionaries. They hated not only their enemies, they hated life itself” (Fromm, 1973: 279). Psychologists and fiction writers further noted the process of “projection of various unendurable emotions onto nonhuman things” (Searles, 1960: 79-80). The scarcity of personal autonomy, characteristic of destructionist personalities, precluded adequate self-differentiation from the exterior and its stimuli (bid.). As a result, they propelled their emotional states not only onto their enemies,” but also to their nonhuman environment, projecting their inner turmoil, their “civil war,” their “psychological landscape: barren, paranoid, tormented...” Gradually, they transformed all around them into replicas of their personality structures (Vaknin). Milan Kundera’s character reverberates:

[Y]ou are always living below the level of true existence, ... you anthropomorphized vat of vinegar! You’re full of acid ... Your highest wish is to be able to see all around you the same ugliness you carry inside yourself. That’s the only way you can feel for a few moments some kind of peace between yourself and the world. That’s because the world, which is beautiful, seems horrible to you, torments you and excludes you (Kundera, 1977: 142).

One of the finest capitals in the world seemed a dismal and threatening place to individuals at war with their milieu: “From over there rose Petersburg... There, it seemed, hovered someone spiteful, cold. From over there, out of the howling chaos someone stared with stony gaze, skull and ears protruding into the fog” (Bely, 1978: 13). Invoking Dostoevsky’s pathetic Goliadkin, prominent British psychiatrist R. D. Laing demonstrates that a person may be prone to project externally as aggression its own self-destructive attributes (Laing, 1961: 132-33), as does also Bely’s radically-minded protagonist: “Petersburg, Petersburg! Precipitating out as fog, you have pursued me ... Cruel-hearted tormentor! Restless specter! For years you have attacked me” (Bely, 1978: 148).

Familiarity with the revolutionary milieu confirms the impression that the radicals participated in a well-staged theatrical dramatization, performing in accordance with prearranged scenarios. It was as though they rehearsed and mastered their every step, lest they depart from prescribed stage recital. Revolutionaries loved ostentatious symbolism and gestures permeated with radical pathos, such as kissing irons on their chained legs upon apprehension (Gershuni, 1908: 17).

No setting suited and supported such dramaturgy more than that of St. Petersburg. Its illusory and elusive features evinced themselves especially distinctly during the “white” summer nights, when the colonnade of “mirthless palaces” (Tolstoi, 1922) and mansions along the Neva embankments seemed to be theater decorations. With make-believe silhouettes in the oily waters and the ever-dawn sky, reality melted away and reinforced the “as if” existence of the radicals. Nothing was unthinkable on this spacious stage, not even a fantastic transformation of the majestic imperial capital into a hub of nationwide violence. Yet, bloodshed and destruction, as key themes in the script of this grotesque play, were conspicuous in the “utopian character of the city” (Brodsky, 1986: 60).

Simultaneously destructive and self-destructive, the radicals were an integral part of their insufferable world. The compounded hatred culminated in an unbearable situation, which called for immediate direct action, aggression, and annihilation of the obnoxious environment. In the nerve-wrecking atmosphere before the revolution, the smallest spark could start a conflagration of bottled-up rage when external circumstances came to provide auxiliary impetus to the inner ones. These immediate socioeconomic, political, and military circumstances, such as bread riots in the capital in 1917, took the form of a political revolt. Yet – and this bears repeating—the fury that turned St. Petersburg into a revolutionary boiling pot had first smoldered in the souls of its inhabitants.

Writers have employed esoteric lingo to depict ideology-driven extremists. Dostoevsky portrayed them as “devils,” seeking annihilation. True to his penchant for paradox, Milan Kundera designated them as would-be “angels” (Kundera, 1981: 61-62). “Shadows,” Bely called them in his prophetic novel depicting the northern capital as the cradle of the Russian revolution, which “understandably could occur only in ... St. Petersburg” (Serdyuchenko). Amidst the city’s magnificence and restlessness, there developed “a sense of impending Apocalypse,” (Lindcoln, 2000: 212), impelled by accumulated urge of the disaffected “to deliver a crashing blow and shatter all this petrified magic into smithereens” (Tolstoi, 1953: 27). Frightened by such frenzied passion for destruction, Bely implored: “[O]h, Russian people, oh, Russian people! Don’t let the crowd of shadows in from the islands! Black and damp bridges are already thrown across the waters of Lethe. If only they could be dismantled... Too late... the shadows thronged across the bridge” (Bely, 1978: 13). Soon they would assault, aiming to shatter to pieces the world to which they did but could not belong. Their first ruthless strike was at their own home, their granite cradle, St. Petersburg.

References

- Adler, 1997 – *Adler, A.* (1997). *O nervicheskom kharaktere*. Universitetskaia kniga: Saint-Petersburg-Moscow.
- Aleksandrov, 1985 – *Aleksandrov, V.E.* (1985). *Andrei Bely: The Major Symbolist Fiction*. Harvard University Press: Cambridge, Mass.
- Bater, 1986 – *Bater, J.H.* (1986). *Between Old and New: St. Petersburg in the Late Imperial Era*, in Michael F. Hamm, ed. *The City in Late Imperial Russia* (Indiana University Press: Bloomington, Indiana).
- Bely, 1978 – *Bely, A.* (1978). *Petersburg*. Indiana University Press: Bloomington-London.
- Bely, 1933 – *Bely, A.* (1933). *Nachalo veka*. Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury: Moscow-Leningrad.
- Belyi, 1966 – *Belyi, A.* (1966). *Na rubezhe dvukh stoletii*. Russian Language Specialties: Chicago.
- Biely, 1959 – *Biely, A.* (1959). *St. Petersburg*. Grove Press Inc.: New York.
- Boyd, 2002 – *Boyd, K.* (2002). *The Grotesque Spaces of St. Petersburg and Their Destructive Effects on the Psyche of Raskolnikov in Fresh Writing*. [Electronic resource]. URL: <http://www.nd.edu/~frswrite/mcpartlin/2002/Boyd.shtml>
- Brodsky, 1986 – *Brodskii, I.* (1986). *Putevoditel' po pereimenovannomu gorodu*. Sochineniia Iosifa Brodskogo. Vol. 5. St. Petersburg.
- Brodsky – *Brodskii, J.* *Syn tsivilizatsii*. [Electronic resource]. URL: http://kulichki.com/moshkow/BRODSKIJ/brodsky_prose.txt
- Chernov, 1953 – *Chernov, V.M.* (1953). *Pered burei* (Izdatel'stvo imeni Chekhova: New York).
- Cournos, 1959 – *Cournos, J.* (1959). Introduction in *Andrey Biely, St. Petersburg* (Grove Press Inc.: New York).
- Fromm, 1973 – *Fromm, E.* (1973). *The Anatomy of Human Destructiveness*. Holt, Rinehart and Winston: New York-Chicago-San Francisco.
- Dostoevskii, 1972 – *Dostoevskii, F.M.* (1972). *Belye nochi*. *Sobranie sochinenii*. Vol. 2. Nauka: Leningrad.
- Dostoevskii, 1956 – *Dostoevskii, F.M.* (1956). *Dvoinik*. *Peterburgskaia poema*. *Sobranie sochinenii*. Vol. 1. Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury: Moscow.
- Dostoevskii, 1973 – *Dostoevskii, F.M.* (1973). *Prestuplenie i nakazanie*. *Sobranie sochinenii*. Vol. 6. Nauka: Leningrad.
- Dostoevskii, 1997 – *Dostoevskii, F.M.* (1997). *The Double*. Dover Publications, Inc.
- Dostoevskii, 2018 – *Dostoevskii, F.M.* (2018). *The Insulted and Injured*. Read Books, Ltd. [Electronic resource]. URL: <https://books.google.co.il/books?id>
- Geifman, 1999 – *Geifman, A.* (1999). ed., *Russia under the Last Tsar: Opposition and Subversion, 1894-1917* (Blackwell Publishers, Oxford).
- Geifman, 1993 – *Geifman, A.* (1993). *Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia, 1894-1917*. Princeton University Press, Princeton, NJ.
- Gershuni, 1908 – *Gershuni, G.* (1908). *Iz nedavnego proshlogo*. *Tribune russe*: Paris.
- Marks – *Marks, S.G.* *How Russia Shaped the Modern World: From Art to Anti-Semitism, Ballet to Bolshevism*. [Electronic resource]. URL: <http://pup.princeton.edu/chapters/s7346.html>
- Glass, 1995 – *Glass, J.M.* (1995). *Psychosis and Power. Threats to Democracy in the Self and the Group*. Cornell University Press: Ithaca and London.
- Gogol, 1977 – *Gogol', N.V.* (1977). *Nevskii prospect*. *Sobranie sochinenii*. Vol. 3. *Khudozhestvennaia literature*: Moscow.
- Gogol', 1978 – *Gogol', N.V.* (1978). *Peterburgskie zapiski 1836 goda*. *Sobranie sochinenii*. Vol. 6. *Khudozhestvennaia literatura*: Moscow.
- Grant, 1999 – *Grant, J.A.* (1999). *Big Business in Russia. The Putilov Company in the Late Imperial Russia, 1868-1917*. University of Pittsburgh Press.
- Hardly, 1987 – *Hardy, D.* (1987). *Land and Freedom. The Origins of Russian Terrorism, 1876-1979*. Westport, Conn.

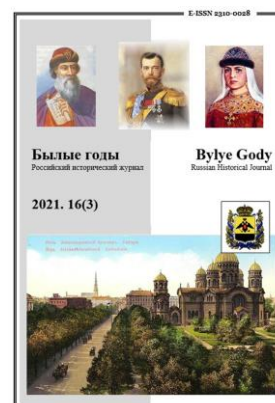
- Horney, 1937** – *Karen, H.* (1937). *Neurotic Personality of Our Time*. W.W. Norton and Company, Inc.: New York.
- Kaplan, 1988** – *Kaplan, Roberta Ann* (1988). *A Total Negation of Russia’: Russian Intellectual Perception of Suicide, 1900–1914*. Unpublished paper, Harvard University.
- Karabchievskii, 1985** – *Karabchievskii, I.* (1985). *Voskresenie Maiakovskogo*. Strana i mir: Munich.
- Knight, 1979** – *Knight, A.* (1979). *Female Terrorists in the Russian Socialist Revolutionary Party*. *The Russian Review*. 38(2). April.
- Kristeva, 1991** – *Julia Kristeva, Strangers to Ourselves* (Columbia University Press: New York, 1991).
- Kundera, 1981** – *Kundera, M.* (1981). *The Book of Laughter and Forgetting*. Penguin Books: New York.
- Kundera, 1977** – *Kundera, M.* (1977). *The Farewell Party*. Penguin Books: New York.
- Laing, 1961** – *Laing, R.D.* (1961). *Self and Others* (Penguin Books: Harmondsworth, England).
- Land and Sea** – Land and Sea in the Traditional Russian World View. [Electronic resource]. URL: <http://fla.esf.edu/research/Nevaproject/river&city/land&sea.html>
- Laqueur, 1977** – *Laqueur, W.* (1977). *Terrorism*. Boston-Toronto.
- Leiter, 1983** – *Leiter, S.* (1983). *Akhmatova’s Petersburg* (University of Pennsylvania Press: Philadelphia).
- Lincoln, 2000** – *Bruce Lincoln, W.* (2000). *Sunlight at Midnight: St. Petersburg and the Rise of Modern Russia*. Basic Books: New York.
- McKean, 1990** – *McKean, R.B.* (1990). *St Petersburg Between the Revolutions: Workers and Revolutionaries, June 1907-February 1917*. Yale University Press: New Haven and London.
- Naimark, 1986** – *Naimark, N.M.* (1986). *Terrorism and the Fall of Imperial Russia*. Lecture, Boston University. 14 April.
- Naimark, 1983** – *Norman, M.* (1983). *Naimark, Terrorists and Social Democrats. The Russian Revolutionary Movement under Alexander III*. Harvard University Press: Cambridge, MA.
- Nay, 1999** – *Sherron, N.* (1999). *The Maximalists*. Unpublished manuscript, cited in Anna Geifman, ed., *Russia under the Last Tsar: Opposition and Subversion, 1894–1917*. Blackwell Publishers: Oxford.
- Okhrana, XXIVi-1B** – Copy of a 14 March 1907 letter from a revolutionary in St. Petersburg to Dmitriev in Geneva, Arkhiv Zagranichnoi Agentury Departamenta Politsii (Okhrana Collection), Hoover Institution Archives, Stanford, California, box XXIVi, folder 1B.
- Perrie, 1982** – *Perrie, M.* (1982). *Political and Economic Terror in the Tactics of the Russian Socialist Revolutionary Party before 1914* in Wolfgang J. Mommsen and Gerhard Hirschfeld, eds., *Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe*. New York.
- Post, 1990** – *Post, J.M.* (1990). *Terrorist Psycho-Logic: Terrorist Behavior as a Product of Psychological Forces*, in Walter Reich, ed. *Origins of Terrorism*. Cambridge, England.
- PSR, 5-518** – Materialy o provokatorakh. Arkhiv Partii Sotsialistov-Revoliutsionerov. International Institute of Social History, Amsterdam, box 5, folder 518.
- PSR, 1-2** – An undated letter from Lidia Pavlovna Ezerskaia, Arkhiv Partii Sotsialistov-Revoliutsionerov, International Institute of Social History, Amsterdam, box 1, folder 2.
- Reavey, 1959** – *Reavey, G.* (1959). “Foreword” in Andrey Biely. *St. Petersburg* (Grove Press Inc.: New York).
- Sal’nikova, 2021** – *Sal’nikova, O.* (2021). *Umyshlennyi gorod. Kakuiu rol’ sygral Peterburg v tvorchestve Dostoevskogo. Argumenty i fakty.* 6. [Electronic resource]. URL: https://spb.aif.ru/society/people/umyshlennyi_gorod_kakuiu_rol_sygral_peterburg_v_tvorchestve_dostoevskogo
- Searles, 1960** – *Searles, H.F.* (1960). *The Nonhuman Environment*. International Universities Press, Inc.: New York.
- Serdyuchenko** – *Serdyuchenko, V.* *Myth of St. Petersburg*. [Electronic resource]. URL: <http://www.usrccb.org/english/news2.phtml?m=133>
- Tolstoi, 1922** – *Tolstoi, A.N.* (1922). *Khozhdenie po mukam*. Book 1. [Electronic resource]. URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_a_n/text_0200.shtml
- Tolstoi, 1953** – *Tolstoi, A.N.* (1953). *Ordeal*. Progress Publishers: Moscow.
- Tracy, 1981** – *Tracy, R.* (1981). Ed. *Osip Mandelstam’s Stone* (Princeton University Press: Princeton, New Jersey).
- Vaknin** – *Vaknin, S.* *Malignant Self Love*. [Electronic resource]. URL: <http://samvak.tripod.com/faq21.html>
- Venozhinskii, 1908** – *Venozhinskii, V.* (1908). *Smetrnaia kazn’ i terror*. St. Petersburg.
- Venturi, 1970** – *Venturi, F.* (1970). *Roots of Revolution: A History of the Populist and Socialist Movement in Nineteenth-Century Russia*. New York.
- Volkan, 1988** – *Volkan, V.* (1988). *The Need to Have Enemies and Allies: From Clinical Practice to International Relationships*. Jason Aronson: Northvale, N.J.-London.
- Weinberg, Eubank, 1990** – *Weinberg, L., Eubank, W.* (1990). *Political Parties and the Formation of Terrorist Groups. Terrorism and Political Violence.* 2(2).

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1255-1266
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1255
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



The Reform of the Banking and Credit System in 1860–1890 in Russian Empire: A Historiographical Analysis

Ekaterina V. Krasavina ^{a, *}, Evgeniya V. Shubenkova ^a, Ekaterina V. Novikova ^a,
 Yuri V. Zabaykin ^b

^a Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

^b Sergo Ordzhonikidze Russian State University of Geological Prospecting, Russian Federation

Abstract

In the second half of the XIX century, financiers and politicians of the Russian Empire had to respond to the challenges of the time with clear reformation steps in the banking sector. Since the results of the scientific and technological revolution required active financing, new forms and methods of supporting entrepreneurship, the state embarked on the path of reforming the banking and credit system. The politicians of that time gained considerable experience in the field of reforming the banking system, which has not lost its relevance for modern generations of reformers, especially in terms of realizing the depth of the mistakes made. On the eve of the progressive reforms of the 1860s, the problem of attracting foreign investment in the industry and transport network of the Russian Empire became acute, because roads have already become an instrument of transnational politics and at the same time more diverse forms of entrepreneurship. The network of banks and insurance companies was rapidly expanding in Europe, and the lack of a clear regulatory framework for the activities of these institutions in the Russian Empire hindered both economic progress and the interaction of the banking system at the international level.

All historiographical sources of the pre-Soviet, Soviet and modern era on this topic can be conditionally divided into several groups, depending on the problems chosen by the authors, to which they are devoted. The first group should include sources devoted to the development of reforms. To the second-works that concerned the reform of specific banking institutions, in particular State, peasant, Noble and others. The third category includes studies on the evolution of the credit system within the banking system. Depending on the assessments of events and the attitude of the authors to the results of the reform, we can distinguish those works that contain positive assessments of events, and, of course, another group – with sharp criticism of the results obtained.

Keywords: reform, history, Russian Empire, banking system.

1. Введение

Реформа банковской и кредитной системы имела ряд составляющих: вбирала в себя основание Госбанка 1860 г.; упразднение казенных банков и появление коммерческих кредитных учреждений; основание Крестьянского поземельного банка 1882 г. и Дворянского земельного банка 1885 г.; новую реформу Госбанка 1894 г.

Учитывая это, можно выделить определенные этапы развития историографии. Первый этап, связанный с разработкой реформы, касался 1850–1860-х гг.; второй – продолжался в течение 1860-х гг. и отражал первые результаты реформы и реакцию на нее общества; третий – охватывал публикации 1870–1880-х гг., его условно можно считать этапом усиленного контроля над банковской и кредитной системой; четвертый – 1890-е гг. – этап завершения реформы Государственного банка.

* Corresponding author

E-mail addresses: Krasavina.EV@rea.ru (E.V. Krasavina), Shubenkova.EV@rea.ru (E.V. Shubenkova), Novikova.EV@rea.ru (E.V. Novikova)

На середину 1850-х гг. перед реформаторами встала сложная проблема вроде избрания правильного подхода к воплощению реформы банковской и кредитной системы. Процесс ее разработки нашел надлежащее освещение в историографии. В частности, проекты реформы банковской системы и инновационные предложения российских чиновников заслуживают научного анализа, учитывая их значимость для дня сегодняшнего.

Исследователи того времени отмечали, что обстановка, которая сложилась в конце 1850-х гг., свидетельствовала о полной несостоятельности казенных банков отвечать на вызовы времени. Оживление промышленности и запланированное освобождение крестьян из-под крепостной зависимости требовали новых подходов к кредитованию в стране, поэтому назрела потребность не в государственном, а в частном кредитовании, следовательно, в банковской реформе.

2. Материалы и методы

Материалами исследования являются труды отечественных и зарубежных ученых, а также историков-очевидцев рассматриваемого временного отрезка в Российской империи.

Методологическую основу исследования составляют базовые принципы и методы исследования, которыми пользуется современная отечественная и зарубежная историческая наука и которые гарантируют беспристрастное и всестороннее освещение процесса приумножения исторических знаний.

Главнейшие среди многих принципы историзма, объективности, детерминизма, всесторонности, преемственности и т.п. Принцип историзма при анализе историографии темы позволил выявить процесс разработки и воплощения реформ финансовой системы в течение длительного времени. В частности, благодаря этому принципу, удалось проанализировать, как освещались в историографии вопросы разработки различных составляющих реформ финансовой системы (банковского, денежного, бюджетного, кассового устройства и финансового контроля), как происходило их обсуждение чиновниками, учеными, общественностью и в каком виде и формате они воплощались, какие дали результаты.

Принцип детерминизма дает возможность соотнести реформаторские процессы на разных уровнях и в то же время в неразрывном сочетании всех секторов реформированной финансовой системы.

Благодаря методологическим требованиям принципа историзма можно выделить этапы реформирования различных составляющих финансовой системы, определиться с их временными интервалами (показателен пример денежной реформы 1862–1863 гг., ее продолжение и логическое завершение в 1897 г.). Критериями для определения этапов могут стать качественные изменения в финансовой системе, которые повлияли на характер публикаций, чем изменили взгляды широких кругов общества.

Принцип объективности предполагает, что источники и факты должны быть оценены непредвзято, несмотря на долю собственно авторского субъективизма, особенно учитывая труды негативно настроенных к реформам авторов и чиновников XIX века, выводы советских историков с идеологическим подтекстом.

Принципы системности и всесторонности всегда лежат в основе авторского видения реформ финансовой системы как единого комплекса мер, неразрывно связанных и взаимообусловленных. Для реализации принципа был учтен прирост новых знаний и использованы источники исторического, историко-правового и историко-экономического содержания.

3. Обсуждение и результаты

Дореволюционный банк осуществлял подписку, покупку и продажу разнообразных ценных бумаг, кредитовал покупку ценных бумаг и т.п., а модель его работы наложила отпечаток на содержание разработанной реформы в Российской империи.

Изучение европейского опыта позволило российским властям понять бесспорный факт: европейская банковская и кредитная система развивалась естественным образом, то есть сначала банки сами внедряли новые способы обслуживания клиентов, а европейские государства впоследствии подвели под это законодательную базу. Вовлеченная и забюрократизированная Российская империя стремилась сначала разработать законы и в их рамки втиснуть банковскую систему. В своем содержательном труде П. Мигулин подчеркивал, что в Европе банки создавались по частной инициативе и на частные средства и государство не вмешивалось в их деятельность (Мигулин, 1900: 113). Накануне реформы частных банков не существовало, финансовая система была монополизирована государством. Эту действительность было почти невозможно исправить в корне. Строгий государственный контроль над всеми сферами жизни общества ставил реформаторов в определенные рамки.

В то же время работа над реформой происходила в условиях, когда вектор развития финансовой системы был уже задан министром финансов Е.Ф. Канкриным (1823–1844 гг.), который ставил государственные интересы выше права частных лиц овладеть коммерческим делом (Мурчисон, 1841: 150). И его взгляды чрезвычайно сильно укоренились в обществе. Такой жесткий

государственный контроль за финансовой системой в целом находил поддержку правящих кругов. Об этом прямо указывали в историко-биографических очерках, посвященных министру А.Ф. Кейзерлингу и И.Н. Божерянов. Сквозь призму его деятельности исследователи фактически осветили правительственные настроения.

П. Мигулин вспоминал, что граф Е.Ф. Канкрин занимался развитием казенных банков, ведь государство регулярно брало у них займы, поэтому в поддержке частной инициативы министр не видел необходимости (Мигулин, 1900: 214). Не дефицит является существенной причиной в реформе, о которой написал публицист, авторитетный эксперт МНО М.Х. Вессель. Он высказался в поддержку казенных банков и отмечал, что они не имели недостатка капиталов, поскольку всем, кто вкладывал в банк средства, давали билеты на предъявителя, которые ходили в обращении в качестве денег (Мигулин, 1900: 311).

Поэтому причины, почему именно Е.Ф. Канкрин и не собирался реформировать (ликвидировать) казенные банки, становились очевидными. Кроме него, опасения относительно радикально новых форм управления финансами в государстве и новых механизмов решения вопросов описывал и известный экономист М.И. Туган-Барановский (Туган-Барановский, 1913: 100). В целом государственная политика сдерживания неизбежных прогрессивных явлений пронизывала правительственные круги и в то же время заставляла их публично признавать потребность в реформе. Содержание трудов вышеназванных авторов свидетельствовало о зарождении в историографии институционального подхода.

Историография банковской реформы очерченного исторического периода не является столь многочисленной, как в предыдущие годы. Помимо трудов советских историков, она представлена и исследованиями европейской и американской исторической науки. Заметим, что советская историческая наука двигалась в направлении поиска лишь недостатков в деятельности царского режима. В основном историография представлена незначительным количеством исследований, именно узкопроблемными трудами, посвященными банковской реформе в целом и ее отдельным составляющим – конкретным банкам: дворянскому земельному и крестьянскому поземельному; государственному; ряду акционерных частных банков и модернизации кредитной системы.

Учитывая собранные источники, условно можно выделить несколько этапов в изучении этой темы:

Первый этап касается трудов 1920–1930-х гг., почти не ангажированных содержательно и по большей части посвященных тематике развития купечества.

Второй этап охватывает исследования 1940–1960-х гг., связанные со становлением основ советской финансовой науки, что дало толчок появлению различных справочных и энциклопедических изданий уже с определенно негативными оценками реформы. В то же время именно в конце 1940-х гг. и в течение 1960-х гг. появились первые узкопроблемные труды, посвященные исключительно банковской реформе и развитию кредитных учреждений Российской империи. Настоящим интеллектуальным прорывом этого времени можно считать тщательное изучение историками десятков проектов банковской реформы. Им удалось избежать идеологической ангажированности, сосредоточившись на изложении фактов и статистических данных.

Третий этап, охватывающий 1970–1980-е гг., связан с интересом ученых к роли конкретных фигур прошлого в реализации реформы, с активизацией региональных исследований по истории деятельности отдельных банковских учреждений и появлением работ, посвященных купечеству отдельных губерний и развитию имперских банков.

В 1920-х гг. одними из самых первых были отпечатаны работы по истории развития буржуазных отношений, истории русской торговли, становления купечества. Это было вызвано общегосударственными тенденциями поиска советской Россией новых рынков сбыта товаров, новых партнерских международных отношений. Так, признание получили исследования П.А. Берлина «Русская буржуазия в старое и новое время» (Берлин, 1922), И.М. Кулишера «История русской торговли» (Кулишер, 1923), Б.Б. Кафенгауза «Купеческие мемуары» (Кафенгауз, 1926) и др. В этих трудах тематика банковской реформы освещалась вскользь и лишь сквозь призму анализа тех или иных аспектов развития торговых отношений и деятельности отдельных персоналий. Однако негативных оценок реформа не получила. Напротив, историки признавали, что она простимулировала численный рост буржуазии, способствовала увеличению торгового оборота.

В 1940-х гг. появились первые содержательные издания, которые в целом освещали предпосылки финансовых реформ в Российской империи, и банковской в частности. В труде И.Г. Блюмина уже содержался анализ развития экономической мысли в России накануне банковской реформы 1860 г. и были проанализированы взгляды зарубежных ученых с предложениями изменений в банковской системе (Блюмин, 1962: 544).

В то же время труды узкопроблемного содержания, посвященные именно банковской реформе и весомой ее составляющей – кредитной системе, опубликовал в конце 1940-х гг. И. Гиндин. В первом обстоятельном исследовании, посвященном становлению коммерческих (негосударственных) банков в Российской империи, он подсчитал, что «в течение первых пяти лет после банковской реформы (1864–1868 гг.) при поддержке Госбанка, который действовал с целью кредитования коммерческой

деятельности, возникли шесть кредитных учреждений, а в 1873 г. в государстве уже насчитывали 33 кредитных учреждения (Гиндин, 1997: 522).

Это было откровенно положительное признание результативности реформы в советскую эпоху. Углубляясь в тему, ученый подчеркнул, что ее причиной следует считать развитие железнодорожного полотна в России и быстрое развитие предпринимательства, что требовало активного кредитования. В частности, историк делал акцент на документах Минфина тех времен, в которых значилось, «что при постоянных выпусках ценных бумаг, акций и облигаций железных дорог – выдача займов под эти ценные бумаги является полезной, так как способствует быстрой их концентрации как один из немногих советских мелких капиталистов».

Тема введения единого бюджета, кассового устройства и реформирования учреждений финансового контроля в Российской империи приобрела остроту в связи с комплексными реформами финансовой сферы, связанными с банковской и денежной реформами. Поскольку первые шаги на пути реформирования денежной системы не имели успеха при управлении Министерством финансов М.Х. Рейтерном (Русский архив, 1894), то прежде всего чиновники осознали причины этого. Среди большинства причин неудач реформаторов стала неурегулированная система финансового контроля страны и отсутствие единого кассового устройства, ведь каждое министерство имело собственный бюджет и неконтролируемые затраты. В дореволюционное время ни в законодательстве, ни тем более в российской научной литературе термин «государственный финансовый контроль» не применялся как дефиниция с четко очерченным содержанием. Специалисты того времени употребляли термин «государственный контроль» и понимали под ним процесс проверки исполнения решения любого органа или сугубо наблюдения с целью проверки. Одновременно с этим в содержание этого термина вкладывали понимание деятельности конкретного учреждения, которое и осуществляло проверки. Так, «государственным контролем» даже чиновники называли как процесс проверки, так и сам контролирующий орган.

Дореволюционная историография дает возможность выяснить состояние российской финансовой науки, проанализировать ее влияние на содержание финансовых преобразований, которые начались во второй половине XIX века. Труды того периода дают возможность выделить хронологические рамки этой комплексной реформы (вторая половина XIX – начало XX вв.), в пределах которых произошло три этапа реформирования:

1) 1855–1862 гг. – время наработки содержания реформы, появление значительного количества проектов, изучение европейского опыта госконтролером В. Татариновым;

2) 1862–1892 гг. – введение реформы 1862 г., систематических изменений и поправок к нормативной базе, введение реформы «единство кассы» 1864 г. сначала как эксперимент в Петербурге, а в течение 1866–1868 гг. – по всей стране; новая и системная кодификация учреждения Госконтроля 1892 г.;

3) 1893–1917 гг. – уменьшение требований к контролю за военными ведомствами, окончательное становление русской финансовой науки и ее категориального аппарата и т.п.

Становление российской финансовой науки происходило в тесной связи и под влиянием зарубежных научных школ. Из содержания зарубежных трудов следует, что в первой половине XIX в. продолжался процесс выделения финансовой науки из политической экономии в самостоятельную отрасль знаний. А. Вагнер и Р. Гнайст создали фундаментальные исследования, содержание которых убеждает, что европейские специалисты наработали теоретическую основу для аналогичной реформы в собственных странах и эти труды уже содержали разъяснение ключевых финансовых терминов, которые могли бы на практике использовать законодатели (Ильинский, 1913: 15).

Есть основания полагать, что в первой половине XIX в. российская финансовая наука самостоятельно была еще не в состоянии ответить на вызовы времени, сформировать и обосновать реальные предложения относительно процесса реформирования финансовой системы страны, поскольку не могла предложить понятийный аппарат, который был бы заложен на будущее в новое законодательство. Зато, анализируя весь прогресс реформаторов, М. Рабинович отмечал, что в первой четверти XIX в. европейские финансисты начали воплощать мероприятия по централизации кассы, и лучшим образцом, достойным подражания, для них была Франция. Впоследствии и Россия начнет изучать французский опыт (Кулишер, 1923: 221).

Прежде всего чиновники взялись за систематизацию кассового устройства, то есть «единство кассы». Именно таким термином оперировали исследователи во второй половине XIX и в начале XX вв. сущностно, под ним мы сейчас понимаем деятельность Казначейства и его структур. Без единого кассового устройства нельзя было вводить реформу фискальных и контролирующих органов, ведь единая система контроля за затратами возможна только при условии систематизации затрат. Исключительно при таких условиях государство могло сформировать единый бюджет. В то же время контроль за расходами из бюджета был возможен только при наличии системы единого кассового устройства, поэтому все эти процессы были неразрывно связаны.

Впервые вопрос о целесообразности введения единого кассового устройства был поднят в России в 1855 г. Из труда, посвященного изменениям в государственной отчетности, известно, что следствием согласия правящих кругов на реформы и интереса к зарубежному опыту стала

командировка генерал-контролера департамента гражданских отчетов и. о. Татаринова в Европу. Так был начат первый этап в истории, связанный с разработкой реформы (Яснопольский, 1912: 153).

Подчеркнем, что комплексная реформа госконтроля была неразрывно связана с фигурой государственного контролера и главного ее вдохновителя Валериана Татаринова. В дореволюционной историографии не так много исторических трудов, посвященных его деятельности (Яснопольский, 1912: 65).

Все выпущенные ученым труды являются результатом изучения различных финансовых систем стран Европы. В частности, под влиянием глубокого анализа иностранных финансовых систем и трудов зарубежных специалистов по истории становления финансовых систем он утверждал, что ему все же больше всего импонировала система Англии. Сущность английской реформы заключалась в том, что в этой стране бюджет рассматривали две парламентские комиссии (отдельно доходы и расходную часть), после чего министр финансов выносил его на обсуждение парламента, а изменение целевого использования средств запрещалось. Фактически такая система была достаточно жесткой и неприемлемой для Российской империи, ведь эта монархия не была парламентской, а ее монаршие круги даже мысленно не могли принять факт ограничения собственных действий.

Во Франции процедура принятия бюджета была иной. Сначала обсуждали главные статьи бюджета, дополнительные кредиты и чрезвычайные расходы, потом бюджет утверждали палаты, Государственный совет по согласованию с министрами. Такая система, конечно же, больше импонировала российским чиновникам. Чрезвычайно лестно о ней высказался В. Бутовский в труде «О государственной отчетности Франции», подчеркивая ее гибкость и практичность (Кулишер, 1923: 87).

Однако теоретические разработки и публикации вышеназванных авторов существенно повлияли на мировоззрение чиновных кругов Российской империи, довольно предвзято отнесшихся к предложениям В. Татаринова, который, осознавая отсутствие ограничивающих факторов (как английский парламент) для российских чиновников, начал пропагандировать введение системы предварительного государственного контроля. В системе предварительного контроля он видел спасение, поскольку контролеры могли вмешаться на этапе планирования бюджетных расходов и этим обуздать аппетиты чиновных кругов.

В Пруссии также существовал аналогичный Франции порядок, действующий с 1849 г., по которому санкция главы государства перед обнародованием бюджета была обязательной.

Однако анализ этих злоупотреблений не нашел дальнейшего освещения в научной или профессиональной для финансистов литературе. Именно на почве бурных публичных дискуссий в Российской империи и в среде зарубежных специалистов В. Татаринов не только взялся за разработку проекта, изучив опыт других стран, но и углубился в анализ системы затрат военных ведомств зарубежных стран.

Госконтролера возмущало то, что в Российской империи Военное министерство фактически представляло собой «государство в государстве» через формирование собственного бюджета и постоянные внеплановые расходы на свои нужды. Особенно ощутимо это сказалось при праздновании этим министерством своего столетнего юбилея в 1860 г. Опубликовав отчетности Морского ведомства Франции, он отметил, что, несмотря на все различия в финансовых системах европейских государств, в них все же заложены принципы систематичности и однообразия составления смет разных ведомств и государственных бюджетов. Этим он подчеркнул, что даже в военных учреждениях Франции нет такого беспорядка, как в Российской империи.

В. Татаринов предложил проект изменения системы государственного контроля, который заключался в максимальной централизации всех государственных средств путем введения «единства кассы», то есть единого кассового устройства (Яснопольский, 1912: 213). Сущность идеи заключалась в том, чтобы изменить ситуацию, которая существовала до реформы. Выделение фигуры госконтролера в статус неподконтрольной правительственной персоны беспокоило чиновные круги, но эта идея нашла поддержку на страницах некоторых изданий.

Редакции отдельных российских периодических изданий прямо настаивали, что разрывать реформу контроля и кассового устройства нельзя вообще, поскольку без такого сочетания и строгого контроля за расходами бюджета не будет.

Итак, к середине XIX в. была подготовлена теоретическая основа реформы. Зарубежная историография различных проектов реформ была многочисленной и вместе с тем указывала, что Россия отставала от европейских государств с проведением финансовых преобразований, хотя бы даже в части публичности расходов различных ведомств. Несмотря на это, страна была обречена на прогрессивные преобразования, ведь российская финансовая система должна была быть приспособлена к мировым реалиям (Яснопольский, 1912: 64).

Так, в Российской империи была образована комиссия для разработки кассового и ревизионного порядка, которая руководствовалась четкой инструкцией относительно своей деятельности – так называемой «Меморией». Однако комиссия не решалась действовать быстро и принимать четкие решения, о чем свидетельствует поочередное издание ее документации, вроде проектов, пояснительных записок и т.п.

18 февраля 1859 года Александр II утвердил представленный Высшей контрольной комиссией проект модернизации бюджетного дела, кассового устройства (Единой кассы) и государственного финансового контроля (Кулишер, 1923: 81). Проектом было предусмотрено и введение предварительного контроля.

Итак, согласно проекту, реформа на самом деле представляла собой ряд сложных взаимосвязанных мероприятий, которые позволили Российской империи модернизировать и приспособить финансовую систему к потребностям времени. Этот проект был положен в основу Закона от 22 мая 1862 года, а сам Закон был представлен «Положением о государственном бюджете», которое соответствовало требованиям европейских стандартов, и «Правилами составления, рассмотрения, утверждения, исполнения государственного бюджета, финансовых смет министерств и главных управлений». «Правила» сущностно стали отражением официальной финансовой терминологии в России и особенностей конкретного исторического этапа развития финансовой системы империи. Реформа бюджета, кассового устройства и государственного финансового контроля дала возможность модернизировать другие составляющие финансовой системы страны – ввести банковскую и провести денежную реформы – и в течение второй половины XIX в. коренным образом изменить финансовую систему России (Кулишер, 1923: 93).

Прежде всего дискуссия между чиновниками обострилась в отношении главных субъектов предварительного контроля. На эту роль претендовали Министерство финансов и учреждение Государственного контроля, но чиновники добились от Александра II отказа от реформы предварительного контроля, ограничившись документальной ревизией. За учреждением Государственного контроля признали лишь право рассматривать сметы министерств. Можно считать, что реформа предварительного контроля оказалась видоизмененной и несовершенной.

Историография второго этапа воплощения реформы достаточно презентабельна содержательными и разнообразными трудами, богатыми на оценки и суждения. Непосредственно «Журнал комиссии для определения начал материальной отчетности. Объяснительная записка и проект ...» по состоянию на 1867 г. содержит информацию, которая указывала на перманентные изменения в позиции реформаторов, ведь отраженные там взгляды ответственных лиц свидетельствовали о неопределенности позиций многих участников процесса (Бунге, 1895: 331).

Другая существенная проблема российского общества касалась непосредственного отношения власть имущих к процессу решения профессиональных вопросов. Из «Всепопданнейшего доклада Государственного контролера о развитии и деятельности Государственного контроля с 1855 по 1880 гг.» видно, что «много ведомств пользовались большей значимостью и влиянием у монарха (императора), чем организация, которая их проверяла, и они считали себя вправе оставлять без внимания запросы и требования, которые поступали к ним из Ревизион-Коллегии (ревизионной коллегии – авт.)» (Дубницкий, 2015: 445).

Следовательно, даже по состоянию на 1880-е гг. сопротивление независимому государственному финансовому контролю со стороны различных подотчетных должностных лиц приводило к задержке отчетности, которую контролеры получали со значительным опозданием. Довольно нерегулярно чиновники предоставляли и пояснения на запросы контролеров, что влекло за собой длительную переписку и не способствовало результативности работы.

Однако, как считал специалист, предварительный контроль не был превращен в эффективную систему мер, что свидетельствует о неготовности правящих кругов поступать интересами. Как утверждает Г. Манаев, в те времена чиновники сопротивлялись большинству начатых реформ, и эта также не стала исключением (Манаев, 2010: 15). Известный финансист указывает, что именно министры, по проекту Татаринова, теряли право бесконтрольно распоряжаться средствами – как остаточными, так и тратить на свое усмотрение те, которые планомерно поступали в бюджеты их ведомств. В дореформенный период министерства и подконтрольные им ведомства имели собственные кассы и осуществляли как сборы, так и расходы. Как отмечает профессор Г. Манаев, средствами распоряжались по указанию министров, в отдельных министерствах накапливались излишки средств, а определенные ведомства страдали от их нехватки. На этом этапе через кассы Министерства финансов проходило лишь 1/3 всех государственных средств, а, следовательно, не было единства, порядка, надлежащего надзора.

Зарубежные авторы и редакции влиятельных журналов также всецело поддерживали идею единства кассы, заметив, что в стране без единого кассового устройства и бюджета любые другие реформы вообще невозможны. То, что на счетах российских министерств годами оставались неконтролируемые средства, приводило не только к их нецелевому использованию, но и наносило экономический ущерб стране, делая невозможным преодоление бюджетной пропасти и приводило к всевозрастающим государственным долгам.

Иностранные, например, немецкие авторы неоднократно поднимали подобные вопросы, а также отдельные французские издания, связанные с отчетностью учреждения государственного контроля, которое выявляло бюджетные убытки, а отдельные чиновники вынуждены были во всеуслышание оправдываться за необоснованные расходы или убыточность собственных ведомств. Их труды убеждают, что на этом этапе Россия уже провалила денежную реформу 1862–1863 гг.

(провела ее в 1897 г. – авт.), поскольку физически не могла сосредоточить средства и досчитать их (Conant, 1908: 411).

Незавершенность реформы единства кассового устройства способствовала укоренению взглядов большинства чиновников на целесообразность существования в России спецбюджета (чрезвычайного бюджета), выгодного всем причастным к распоряжению государственными средствами. Несмотря на то, что финансисты выступали против существования спецбюджета, предотвратить это было невозможно, учитывая, что бюджетная реформа (единства бюджета) 1862 г. не была доведена до конца.

Однако реформа «единства кассы» встретила наибольшее сопротивление чиновничества, ведь Казначейство с тех пор могло отслеживать движение средств. Несмотря на то, что термин «казначейство» в научном обращении не использовался, а вместо этого как широкие круги общественности, так и ученые употребляли термин «единство кассы» или «единство кассового устройства», принцип действия сущности соответствует современному казначейству.

Отдельного внимания заслуживает в историографии оценка реформы «единства кассы», которая была введена в 1864 г. сначала экспериментально в Петербурге, а в течение 1866–1868 гг. по всей стране. Этой реформой в государстве образовывались пришельцы (на уровне уездных казначейств) и расходные кассы (Главное казначейство в Санкт-Петербурге, касса комиссии погашения долгов, губернские казначейства, местные казначейства, которые действовали не в губернских городах) (Гулящих, 2012: 120).

За единство кассового устройства высказался и финансист Я.И. Печерин, который подал обзор государственных доходов и расходов и негативно оценил беспорядок, царивший в финансовом ведомстве в течение первой половины XIX в., призывая обратить внимание на зарубежный опыт в решении этого вопроса (Дубницкий, 2015: 447). Его поддержал К. Головин, который очертил перспективы развития финансовой системы империи на дальнейшие годы и обосновал, что нарушение принципа единства кассы и бюджета повлечет финансовый беспорядок и неконтролируемые расходы (Дубницкий, 2015: 447).

В то же время заметим, что эта реформа меньше всего освещена в историографии. Специальных трудов, которые раскрывали бы ее содержание и значение, мало. Преимущественно ее сущность и оценки изложены специалистами в контексте освещения других реформ.

Эти критические оценки реформы как раз совпали во времени с контрреформационными мерами в стране и были обусловлены усилением личного влияния монарших кругов. В обзоре бюджетного законодательства за 1862–1890 гг. явно прослеживаются изменения нормативных требований, которые с годами слабели и прямо касались военной сферы.

Заметим, что по состоянию на 1892 г. было обнародовано Высочайше утвержденное 28 апреля 1892 года «Учреждение Государственного контроля». Фактически произошла кодификация нормативного акта, закрепившая правовой статус госконтроля. В частности, как исторический источник сборник речей госконтролера при утверждении бюджета поражает тем, что служащий даже в 1890-х гг. должен был еще публично доказывать чиновникам потребность в экономном расходовании средств, ответственном отношении к интересам страны и оправдываться за необходимость контролировать расходы.

После кодификации был отпечатан ряд сборников, циркуляров, инструкций для тех учреждений, которые подпадали под проверку Госконтроля.

Составителями этих сборников были известные ученые С.В. Меньковский, В.А. Сакович, И.М. Широков. Сравнивая их содержание с аналогичными сборниками нормативных актов до 1892 г., заметим, что весьма ощутимым становится ослабление требований к военным ведомствам, ведь режим секретности стал тем краеугольным камнем, который делал невозможным как предварительный контроль, так и оперативное вмешательство госконтролера на предварительном этапе разработки сметы для этих учреждений (Сакович, 1897: 114).

Именно в работах названных авторов отражена реакция общества на реформу Госфинконтроля. Эта группа исследователей достаточно корректно, подчеркивая отказ России от реформы предварительного контроля, постоянно привлекала внимание к ее успешности на Западе. Четко очерчены полномочия тогдашних органов финансового контроля, но вопрос их правового статуса, особенностей практической деятельности, взаимосвязь между различными органами авторы не определили, что помешало в итоге получить целостное представление о деятельности этих органов после 1892 г.

Вышеупомянутая фундаментальная работа построена прежде всего на значительном количестве статистических данных. Она показала особенности исторического развития различных органов контроля. Важно подчеркнуть, что ученые решились показать изменения в работе контролирующих органов сквозь призму изменений в деятельности органов власти и отметили хронический дефицит госбюджета, впервые тесно связав две проблемы: недостатки функционирования бюджетной системы страны с несовершенством и несистемностью деятельности госконтроля (Сакович, 1897: 224).

Ученые сравнивают систему госконтроля Российской империи с аналогичной в странах Европы. Они отметили, что госконтроль стал тем звеном страны, который сильно зависел от исторических особенностей развития властных органов разных стран, и призвали не перенимать европейский опыт

без критического анализа. В.А. Сакович зато создал труд, в котором впервые история развития органов госконтроля была показана на основе существующих нормативно-правовых актов и особое внимание было уделено реформе 1862–1866 гг., а именно – обновлению правовой базы деятельности ревизионных органов, созданию новых правил единого кассового устройства и т.п. (Сакович, 1897: 137). Так он сумел совместить вопросы организации работы контролирующих органов с юридическим полем их деятельности и экономическими показателями успешности их действий.

Отдельную группу работ, в которых вопросы госконтроля освещались глубоко, составляют труды по истории российского права в целом, и государственного и административного в частности.

Если реформу единства кассового устройства бурно обсуждали разные специалисты и чиновники, то тематика реформы финконтроля не нашла своего должного освещения в тогдашней периодике. На наш взгляд, это объясняется сложностью задачи, ведь данный вопрос был на стыке сложных отраслей знаний – права, финансовой науки, знания процессуальных норм и понимания соотношения полномочий органов финконтроля с другими государственными институтами страны. Поэтому пресса и периодика не смогли должным образом анализировать эту тему. Однако отдельные публикации заслуживают внимания. Сделана попытка показать историческое развитие Госконтроля как главного органа с особыми надведомственными функциями контроля в части финансовой деятельности государства (Сакович, 1897: 351). Автор проанализировал все перемены в законодательных актах относительно финконтроля почти за сто лет, принимая во внимание и взгляды на текущие изменения финансистов и контролеров-практиков. В итоге ученый положительно оценил нововведения.

В 1915 г. сделан вывод о значительном сопротивлении реформе со стороны власть имущих и их попытке повлиять на царя с целью ее ослабления или сведения на нет (Манаев, 2010: 13). Хотя государственному контролю как единому ревизионному органу предоставили право документальной ревизии всех государственных учреждений в центре и на местах, несовершенство реформы финансового контроля в части слабой процессуальной стороны привело к тому, что ведущие финансисты в течение 1880-х гг. так или иначе привлекали внимание общества к этой проблеме.

На наш взгляд, самостоятельной группой источников по очерченной теме являются юбилейные издания по истории государственных учреждений Российской империи. Одновременно с содержанием статистических данных за значительные промежутки времени функционирования госконтроля эти работы содержат оценки органов контроля за конкретные профессиональные действия. Однако следует подчеркнуть, что обусловленность изданий юбилейными веками деятельности Госконтроля повлияла на объективность их составителей, что внесло в работы тенденциозность и излишне лестную окраску. В качестве примера стоит упомянуть сборник «Министерство финансов. 1802–1902 гг.», отпечатанный по инициативе С.Ю. Витте, в котором функционирование Министерства финансов освещалось поэтапно, в соответствии со временем управления различных императоров.

Такая периодичность говорит об институционализированном подходе к анализу вопроса, обусловленном особенностями правления монархов, ведь необязательно, что при царствовании конкретных фигур происходили коренные изменения в деятельности Минфина. Аналогичный подход был применен и к сборнику «Государственный контроль. 1811–1911 гг.», который имел исторический обзор деятельности первых контрольных учреждений (Яснопольский, 1912: 205). Именно в этом сборнике широко освещены организационно-правовые основы функционирования такого типа учреждений, права и обязанности кадрового состава, предложенные чиновничеством проекты реформ, деятельность госконтролеров в пореформенное время. Учитывая предметный подход к теме, это издание более объективно освещает ситуацию, особенно в части борьбы за единый подход контролирующих органов ко всем объектам контроля, ведь известно, что каждое министерство и ведомство настаивало на своем праве тратить средства на свое усмотрение «для важных нужд» и реформу В. Татаринова воспринимали не все.

Общезвестным является факт, что эпоху Александра III через проведенные контрреформы историки охарактеризовали как период «реакции». Однако историография не дает оснований определить финансовые контрреформы, только отдельные студии этого периода указывают, что влияние консервативно настроенных чиновников на процессы модернизации финансовой системы страны увеличилось. В частности, товарищ обер-прокурора Святейшего Синода Т.С. Смирнов пытался доказать, что финансовые нововведения, начатые в 1860-х гг., несли в себе опасные идеи конституционализма, поэтому подал «Записку», в которой отметил, что тяжелое состояние финансов в 1880–1885 гг. стало следствием чрезмерно либеральной политики Александра II (Яснопольский, 1912: 61). Особенно он критиковал модернизацию банковских учреждений, из-за которой, по его мнению, правительство теряло доходы, а дворяне – дешевые кредиты, поскольку были вынуждены обращаться к частным кредитам и отдавать под залог имения. Крайне негативно он оценил налоги с доходов физических и юридических лиц. Исследователь призвал возобновить ипотеку, выкупить частные железные дороги и тому подобное. Такая реакция была вызвана снижением выкупных платежей и отменой подушной подати в 1887 г.

4. Заключение

В исследовании можно хронологически очертить реформы бюджета, единого кассового устройства и государственного финансового контроля второй половиной XIX – началом XX веков. В пределах этого периода произошло реформирование этих учреждений, что дает возможность очертить три историографических этапа в освещении реформ. В то же время на их границы влияли сугубо исторические события – введение конкретных нормативных актов, которые в свою очередь давали толчок появлению публикаций с соответствующими оценками таких сдвигов.

Поэтому можно выделить следующие этапы реформы:

1) 1855–1862 гг. – этап разработки содержания реформ, появление значительного количества проектов, изучение европейского опыта госконтролером В. Татариновым, утверждение первого официального проекта 1859 г.;

2) 1862–1892 гг. – введение реформы 1862 г., появление систематических изменений и поправок к нормативной базе, введение реформы «единства кассы» в 1864 г. сначала как эксперимент в Петербурге, а в течение 1866–1868 гг. – по всей стране, новая и системная кодификация Госфинконтроля 1892 г.;

3) 1893–1917 гг. – уменьшение требований к контролю за военными ведомствами, окончательное становление русской финансовой науки и ее категориального аппарата.

В реформе единства бюджета можно выделить два этапа реформирования: 1) 1862–1906 гг. – введение «Высочайше утвержденных 22 мая 1862 г. Правил о составлении, рассмотрении, утверждении и исполнении Государственной Респиси и финансовых смет министерств и главных управлений», вместе с которыми применялись «Правила о порядке испрошения разрешения и ассигнования Военному и Морскому министерствам денежных средств на расходы, вызванные военными обстоятельствами»; 2) 1906–1917 гг. На этом этапе «Общие сметные правила 1862 г.» действовали только в неотмененной части, а затем были заменены на бюджетные правила от 8 марта 1906 г. «Правила о порядке рассмотрения Государственной Респиси доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, Респисью не предусмотренных», а также «Указ о мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений от 19 октября 1905 г.». Эта периодизация вбирает в себя особенности действующего бюджетного законодательства, которое имело два исключения, и оба они касались военного ведомства.

Заметим, что становление российской финансовой науки происходило в тесной связи и под влиянием зарубежных научных школ, что повлекло использование европейского опыта при введении реформы. Дореволюционная историография представлена публикациями в периодических изданиях и монографическими исследованиями российских экономистов, юристов, историков. Опубликованные издания позволяют четко обозначить причины этой группы реформ – бесконтрольное использование средств различными министерствами и ведомствами и невозможность свести единый бюджет в стране.

Разработка и проведение реформ происходило одновременно со становлением финансовой науки и наработкой специалистами категориального аппарата реформы, что отразилось на нечеткой терминологии. В частности, в тогдашней научной литературе и периодике звучали термины: «реформа единства кассы» или «реформа кассового устройства» и др. Реформу же государственного финансового контроля обычно называли сокращенно «реформа финконтроля», и широкой публике этот термин был вполне понятен.

Историки права, юристы и общественники исследовали связь органов Госфинконтроля с другими органами власти и доказали, что финансовый контроль в конце XIX в. уже рассматривался конкретными чиновниками России как институт финансового права, что стало возможным благодаря усилению роли российской финансовой науки.

Справочная литература позволила наблюдать численный прирост финансовых дефиниций и вместе с тем видеть имеющиеся прорехи в законодательных актах, которые позволяли военным ведомствам не четко планировать бюджет и получать доступ к спецбюджету. Благодаря использованному историко-правовому методу, предложенному профессором А. Филипповым, было доказано, что злоупотребление силовиков пагубно влияло на страну во времена военных и революционных потрясений. М.И. Боголепов первым описал употребление военными ведомствами термина «финансовая боевая готовность».

Отдельно подчеркнем, что немногим специалистам удалось четко назвать все причины несовершенства реформы Госфинконтроля. В этом плане выгодно отличается исследование Л.В. Ходского, который выделил четыре проблемы: процессуальную волокиту, забюрократизированность системы контроля, низкую квалификацию специалистов, неприятие обществом контролирующих органов.

Литература

Берлин, 1922 – Берлин П.А. Русская буржуазия в старое и новое время. М.: Книга, 1922. 308 с.

Блюмин, 1962 – Блюмин И.Г. Критика буржуазной политической экономии. В 3 т. М., 1962. 882 с.

- Бунге, 1895** – *Бунге Н.Х.* Очерки политико-экономической литературы. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1895. [2], VI, 465 с.
- Всеподданнейший доклад..., 1880** – Всеподданнейший доклад Государственного Контролера о развитии и деятельности Государственного Контроля с 1855 по 1880 г. СПб., 1880. 96 с.
- Гулящих, 2012** – *Гулящих Н.Е.* Формирование системы кредитных учреждений в Российской империи // *Евразийский юридический журнал*. 2012. № 10 (53). С. 119-122.
- Дубницкий, Лукин, 2015** – *Дубницкий В.Ю., Лукин В.А.* История развития государственного финансового контроля в Российской империи (1705–1917 гг.) // *БИ*. 2015. №5 (448). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-gosudarstvennogo-finansovogo-kontrolya-v-rossiyskoy-imperii-1705-1917-gg> (дата обращения: 28.06.2021).
- Ильинский, 1913** – *Ильинский А.А.* Рихард Вагнер, его жизнь и творения. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1913. [2], 85, [3] с., 16 л. ил.
- Кафенгауз, 1926** – *Кафенгауз, Б.Б.* Купеческие мемуары. Статья из книги: Московский край в его прошлом. М., 1926.
- Кулишер, 1923** – *Кулишер И.М.* Очерк истории русской торговли. Пг.: Атеней, 1923. 317, IV с. На обл. и тит. л.: Петербург. Адрес хранения. НФ 3021.
- Манаев, 2010** – *Манаев Г.Г.* Московские департаменты Правительствующего сената в системе государственного управления Российской империи в первой четверти XIX века: Автореф. Дисс. ... канд. истор. наук: спец. 07.00.2 «Отечественная история». М., 2010. 16 с.
- Мигулин, 1900** – *Мигулин П.П.* Русский государственный кредит (1769–1899): Опыт историко-критического обзора. Т. 2: Министерство И.А. Харьков, Печатное дело, 1900. [4], IV, 578, VIII с.
- Мурчисон, 1841** – *Мурчисон Р.И.* Краткий отчет о геологическом путешествии по России в 1841 г. Письмо Р. Мурчисона к его сиятельству господину министру финансов. Горный журнал. Ч. IV. № 11/12. 1841. С. 145-160.
- Русский архив, 1894** – *Русский архив: [Историко-литературный сборник].* В 12 вып. М.: Унив. тип., 1863–1917. 1894, 32 год изд. Кн. 3, вып. 12. [3], IV с., с. 465-640, XVI, 8, [2] с. Продолж. паг.
- Сакович и др., 1896** – *Сакович В.А., Меньковский С.В., Широков И.М.* Государственный контроль в России, его история и современное устройство в связи с изложением сметной системы, кассового порядка и устройства государственной отчетности. Ч. 1. СПб., 1896; Ч. 2. СПб., 1897; Ч. 1. 2-е изд. СПб., 1898.
- Туган-Барановский, 1913** – *Туган-Барановски М.И.* Общественно-экономические идеалы нашего времени. СПб.: Вестник знаний (В.В. Битнера), 1913. 140 с., 1 л. портр.
- Шелохаев, 1997** – *Шелохаев В.В., Гиндин И.Ф.* Банки и экономическая политика России (XIX – начало XX века). М.: Наука. 1997. 623 с.
- Яснопольский, 1912** – *Яснопольский Л.Н.* Очерки русского бюджетного права. Ч. 1: Исторический обзор составления наших государственных росписей и бюджетная реформа Татаринова. М.: В.П. Рябушинский, 1912. XIII, [3], 298, 99 с., таб. 2 л. таб. (Исследования и работы по политической экономии и общественным знаниям, изд. под ред. П.Б. Струве; Вып. 2.).
- Conant, 1908** – *Conant Ch.A.* Monetary Reform in Russia // *Bankers Magazine*. 1908. Vol. 76. June. Pp. 831-836.
- Dillon, 1904** – *Dillon E.J.* Has Russia any Strong Man? // *Review of Review's*. 1904. Apr. Vol. 29. P. 451.

References

- Berlin, 1922** – *Berlin, P.A.* (1922). Russkaya burzhuziia v staroe i novoe vremya [The Russian bourgeoisie in the old and new times]. М.: Kniga, 308 p. [in Russian]
- Blyumin, 1962** – *Blyumin, I.G.* (1962). Kritika burzhuznoi politicheskoi ekonomii [Criticism of bourgeois political economy]. V 3 t. М., 882 p. [in Russian]
- Bunge, 1895** – *Bunge, N.Kh.* (1895). Ocherki politiko-ekonomicheskoi literatury [Essays of political and economic literature]. SPb.: Tip. V. Kirshbauma. [2], VI, 465 p. [in Russian]
- Conant, 1908** – *Conant, Ch.A.* (1908). Monetary Reform in Russia. *Bankers Magazine*. 76: 831-836.
- Dillon, 1904** – *Dillon, E.J.* Has Russia any Strong Man? *Review of Review's*. 29: 451.
- Dubnitskii, Lukin, 2015** – *Dubnitskii, V.Yu., Lukin, V.A.* (2015). Istoriya razvitiya gosudarstvennogo finansovogo kontrolya v Rossiiskoi imperii (1705–1917 gg.) [A history of the development of state financial control in the Russian Empire (1705–1917)]. *BI*. 5(448). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-gosudarstvennogo-finansovogo-kontrolya-v-rossiyskoy-imperii-1705-1917-gg> (date of access: 28.06.2021). [in Russian]
- Gulyashchikh, 2012** – *Gulyashchikh, N.E.* (2012). Formirovanie sistemy kreditnykh uchrezhdenii v Rossiiskoi imperii [Formation of the system of credit institutions in the Russian Empire]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*. 10(53): 119-122. [in Russian]
- Il'inskii, 1913** – *Il'inskii, A.A.* (1913). Rikhard Vagner, ego zhizn' i tvoreniya [Richard Wagner, his life and works]. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, [2], 85, [3] с., 16 л. ил. [in Russian]

- Kafengauz, 1926** – *Kafengauz, B.B.* (1926). Kupecheskie memuary. Stat'ya iz knigi: Moskovskii kraj v ego proshlom [Merchant memoirs. Article from the book: The Moscow Region in its past]. M. [in Russian]
- Kulisher, 1923** – *Kulisher, I.M.* (1923). Ocherk istorii russkoi trgovli [An essay on the History of Russian Trade]. Pg.: Atenei, 317, IV p. Na obl. i tit. l.: Peterburg. Adres khraneniya. HF 3021. [in Russian]
- Manaev, 2010** – *Manaev, G.G.* (2010). Moskovskie departamenty Pravitel'stvuyushchego senata v sisteme gosudarstvennogo upravleniya Rossiiskoi imperii v pervoi chetverti XIX veka: Avtoref. [Moscow departments of the Governing Senate in the system of state administration of the Russian Empire in the first quarter of the XIX century: abstract]. Diss. ... kand. istor. nauk: spets. 07.00.2 «Otechestvennaya istoriya». M., 2010. 16 p. [in Russian]
- Migulin, 1900** – *Migulin, P.P.* (1900). Russkii gosudarstvennyi kredit (1769–1899): Opyt istoriko-kriticheskogo obzora [Russian state credit (1769–1899): The experience of a historical and critical review]. T. 2: Ministerstvo I.A. Khar'kov, Pechatnoe delo. [4], IV, 578, VIII p. [in Russian]
- Murchinson, 1841** – *Murchison, R.I.* (1841). Kratkii otchet o geologicheskom puteshestvii po Rossii v 1841 g. Pis'mo R. Murchisona k ego siyatel'stvu gospodinu ministru finansov [A brief account of a geological journey through Russia in 1841. A letter from R. Murchison to His Excellency Mr. Minister of Finance]. *Gornyi zhurnal*. Ch. IV. № 11/12. Pp. 145–160. [in Russian]
- Russkii arkhiv, 1894** – Russkii arkhiv: [Istoriko-literaturnyi sbornik] Russian archive: [Historical and literary collection]. V 12 vyp. M.: Univ. tip., 1863–1917. 1894, 32 god izd. Kn. 3, vyp. 12. [3], IV s., pp. 465–640, XVI, 8, [2] p. Prodolz. pag. [in Russian]
- Sakovich i dr., 1896** – *Sakovich, V.A., Men'kovskii, S.V., Shirokov, I.M.* (1896). Gosudarstvennyi kontrol' v Rossii, ego istoriya i sovremennoe ustroistvo v svyazi s izlozheniem smetnoi sistemy, kassovogo poryadka i ustroistva gosudarstvennoi otchetnosti [State control in Russia, its history and modern device in connection with the statement of estimated system, kosovorotka and devices of the public auditor]. Ch. 1. SPb., 1896; Ch. 2. SPb., 1897; Ch. 1. 2-e izd. SPb., 1898. [in Russian]
- Shelokhaev, 1997** – *Shelokhaev, V.V., Gindin, I.F.* (1997). Banki i ekonomicheskaya politika Rossii (XIX – nachalo XX veka) [Banks and Economic policy of Russia (XIX – early XX century)]. M.: Nauka. 623 p. [in Russian]
- Tugan-Baranovskii, 1913** – *Tugan-Baranovskii, M.I.* (1913). Obshchestvenno-ekonomicheskie idealy nashego vremeni [Socio-economic ideals of our time]. SPb.: Vestnik znaniy (V.V. Bitnera), 1913. 140 s., 1 l. portr. [in Russian]
- Vsepoddanneishii doklad..., 1880** – Vsepoddanneishii doklad Gosudarstvennogo Kontrolera o razviti i deyatelnosti Gosudarstvennogo Kontrolera s 1855 po 1880 g. [Humbly report of the auditor General on the development and activities of the State Control from 1855 to 1880]. SPb., 1880. 96 p. [in Russian]
- Yasnopolskii, 1912** – *Yasnopolskii, L.N.* (1912). Ocherki russkogo byudzhethnogo prava. Ch. 1: Istoricheskii obzor sostavleniya nashikh gosudarstvennykh rospisei i byudzhethnaya reforma Tatarinova [Essays of Russian budget law. Part 1: Historical review of the compilation of our state murals and Tatarinov's budget reform]. M.: V.P. Ryabushinskii. XIII, [3], 298, 99 p., tab. 2 l. tab. (Issledovaniya i raboty po politicheskoi ekonomii i obshchestvennym znaniyam, izd. pod red. P.B. Struve; Vyp. 2.). [in Russian]

Реформа банковско-кредитной системы в 1860–1890 годах в Российской империи: историографический анализ

Екатерина В. Красавина ^{a,*}, Евгения В. Шубенкова ^a, Екатерина В. Новикова ^a, Юрий В. Забайкин ^b

^a Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Российская Федерация

^b Российский государственный геологоразведочный университет имени Серго Орджоникидзе (МГРИ), Российская Федерация

Аннотация. Во второй половине XIX века финансистам и политикам Российской империи пришлось отвечать на вызовы времени четкими шагами по реформированию банковского сектора. Поскольку результаты научно-технической революции потребовали активного финансирования, новых форм и методов поддержки предпринимательства, государство встало на путь реформирования банковско-кредитной системы. Политики того времени приобрели значительный опыт в области реформирования банковской системы, который не потерял своей актуальности для современных поколений реформаторов, особенно в плане осознания глубины допущенных ошибок. Накануне прогрессивных реформ 1860-х годов проблема привлечения иностранных инвестиций в промышленность и транспортную сеть Российской империи стала острой, поскольку дороги уже стали инструментом транснациональной политики и в то же время более разнообразными формами предпринимательства.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Krasavina.EV@rea.ru (Е.В. Красавина), Shubenkova.EV@rea.ru (Е.В. Шубенкова), Novikova.EV@rea.ru (Е.В. Новикова)

Сеть банков и страховых компаний быстро расширялась в Европе, и отсутствие четкой нормативной базы для деятельности этих учреждений в Российской империи препятствовало как экономическому прогрессу, так и взаимодействию банковской системы на международном уровне.

Все историографические источники досоветской, советской и современной эпохи по этой теме можно условно разделить на несколько групп в зависимости от выбранных авторами проблем, которым они посвящены. В первую группу следует включить источники, посвященные развитию реформ, во вторую – работы, которые касались реформы конкретных банковских учреждений, в частности государственных, крестьянских, дворянских и других. Третья категория включает исследования, посвященные эволюции кредитной системы в рамках банковской системы. В зависимости от оценок событий и отношения авторов к результатам реформы можно выделить те работы, которые содержат положительные оценки событий и, конечно же, другую группу – с резкой критикой полученных результатов.

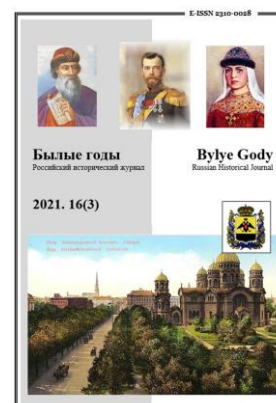
Ключевые слова: реформа, история, Российская империя, банковская система.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1267-1276
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1267
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



To the Issue of Training Prison Officers in the Russian Empire

Elena A. Loktionova ^{a, *}

^aSouthwest State University, Russian Federation

Abstract

The article highlights the historical aspects of activities related to the training of personnel of penitentiary institutions. The measures taken by the State in this area were designed to improve the moral and professional level of penitentiary workers. The time frame of the study covers the period of the XVII – early XX centuries, which is due to the circumstances that influenced the content of the prison system in Russia. In fact, during this period, the foundations of the education of penitentiary workers were born, which have been preserved to this day. Turning to history in this case will allow us to see the original meaning and significance of this activity. The article is intended to draw attention to the importance of this issue and show the historical connection between the goals and tasks facing penitentiary institutions and those who implement them.

The source base was made up of legal acts indicating the implementation of state measures, as well as materials from the archival funds of the State Archive of the Kursk Region, which made it possible to see and analyze the results of local transformations. Of particular importance is the assessment of contemporaries, presented in the materials of a scientific and journalistic nature.

The issues of training prison officers were actualized in the middle of the XIX century due to the fact that the prison from a place of isolation of criminals began to be reorganized into a penitentiary-type institution. In this regard, it became necessary to develop a model of a prison employee who meets the new requirements and conditions of activity. In fact, this resulted in a number of changes in the course of reforming the prison system, such as the reorganization of positions, salary increases, the establishment of a uniform uniform, the introduction of a system of incentives and penalties, information and explanatory work, etc. The concepts of education or educational influence on prison staff were not openly proclaimed. They were, as it were, implied as the final result of the successful implementation of these measures. The use of educational means of influence was a component of the process of general professional training of personnel.

Keywords: prison, prisonworker, educationalinfluence, disciplinarymeasures, encouragement, training.

1. Введение

В пенитенциарной истории понятие воспитания преимущественно ассоциируется с исправлением осужденных. К тюремному персоналу это понятие стало применяться после того, как тюремное заключение выделилось в самостоятельный вид уголовного наказания и обозначило свои задачи. Чтобы внести определенную конкретику в рассматриваемый вопрос, стоит пояснить, что концепция воспитания с переменой исторических эпох изменялась, используя каждый раз все новые методы и средства воздействия. В дореволюционной России, к примеру, средствами воспитания считались «личное воздействие, воздействие среды, приказы, распоряжения, контроль, поощрения, наказания, самовоспитание, самообразование, самоконтроль» (Макарова, 2011). Тюремная система в ходе своего развития поочередно включала их и в свой порядок деятельности.

* Corresponding author

E-mail addresses: loktionovaea@mai.ru (E.A. Loktionova)

Обращение к историческим аспектам какого-либо явления подразумевает выявление предпосылок его возникновения, обозначение факторов, влияющих на развитие. История зарождения института подготовки и воспитания тюремных служащих опирается на процесс преобразования тюрьмы из места изоляции преступников в исправительное учреждение. Смена задачи тюремного заключения в свою очередь влекло необходимость корректирования функциональных обязанностей лиц, занятых в этом деле, совершенствования профессиональных и нравственных качеств, необходимых для работы в новых условиях.

Рассмотрение истории зарождения работы по формированию и воспитанию личности пенитенциарного работника обусловит закономерность ее появления и подчеркнет значимость существования на протяжении последующих столетий.

2. Материалы и методы

При написании статьи были использованы законодательные акты, материалы Государственного архива Курской области. Историко-правовой сравнительный метод при изучении правовых источников – «Соборного уложения» (1649), «Устава о содержащихся под стражей и ссыльных» (1832), «Инструкции смотрителю губернского тюремного замка» (1831), «Общей тюремной инструкции» (1915) и т.д. – позволил акцентировать проблему исследования. Циркуляры Главного тюремного управления внесли определенное уточнение в реализацию на местах провозглашенных правовых и организационных требований. Нормативное закрепление каждой составляющей воспитательной работы в конкретный исторический период в совокупности привело к созданию системы средств правового регулирования службы сотрудниками тюремного ведомства, например, к внедрению системы дисциплинарного воздействия.

Архивные документы потребовали применения метода научного анализа и исторической критики на предмет их достоверности и актуальности изложенных суждений, поскольку в представленной информации допускается присутствие субъективизма. Это касается, к примеру, переписки начальника тюремного замка либо иного должностного лица с губернским правлением, комитетом Общества попечительного о тюрьмах, объяснений надзирателей и т.д. Несмотря на то, что архивные сведения приносят новизну в исследование, их использование возможно лишь при сохранении принципа объективности.

При написании статьи использованы общенаучные и частнонаучные методы исследования. Эмпирический этап составил сбор информации посредством ознакомления с законодательной базой, архивными материалами, научными трудами теоретиков разного периода. Историкографический анализ полученного материала позволил обозначить хронологию исследования, проследить зарождение и развитие системы подготовки и воспитания сотрудников во взаимосвязи с изменениями внутренней политики Российского государства. Хронологический метод помог проследить и изложить последовательность движения общественной мысли в сторону повышения роли воспитательного воздействия на тюремный персонал. Обособление в последующем данного направления деятельности в системе общей подготовки сотрудников произошло, помимо прочего, и под воздействием теоретических взглядов современников.

По сути, методика исследования носила интегративный характер, актуализируя различные стороны проблемы, свойственные каждому последующему периоду пенитенциарной истории.

3. Обсуждение

Историография проблемы включает период с середины XIX века по настоящее время. Периодизация вопроса обусловлена переменой общественного строя, изменениями в системе органов государственной власти, формированием научной и общественной мысли в сфере правоохранительной деятельности. Вопрос соответствия образа «тюремщика» и значимости выполняемых им функций всегда присутствовал в пенитенциарной истории. Но нравственная составляющая этого образа, моральная готовность к выполнению обязанностей по охране правопорядка не обособлялась. Это все как бы подразумевалось общими правилами, закрепленными нормативно.

В XIX веке, когда тюремная реформа стала обсуждаться теоретиками и практиками, вопросы эффективности системы уголовных наказаний связывались не только с отсутствием как таковой централизации и четкой правовой регламентации, но и с недостаточно эффективной деятельностью тюремного персонала.

Тема морально-нравственного облика тюремного работника затрагивалась в трудах научного и публицистического характера, но это была скорее его оценка, характеристика, обличие существовавших проблем (Забелин, 1863: 388-389). Обсуждались вопросы дисциплины, меры стимулирования, должностной структуры и т.д. (Коркунов, 1886; Галкин-Враской, 1868: 164-166). Все это являлось элементами организации служебной деятельности, способами ее выстраивания. Например, причиной халатного отношения к исполнению своих обязанностей со стороны тюремных надзирателей начальник Главного тюремного управления (далее – ГТУ) А.П. Саломон назвал ничтожно малое жалование и отсутствие средств достойного существования. А надзиратель, по его

мнению, – основное звено в тюремной системе, «голова с револьвером», а потому должен обладать физическим здоровьем, выносливостью, твердым и ровным характером, большой выдержкой и умением подчиняться, сметливостью, способностью распознать людей (Саломон, 1898: 7, 21). Вопросы готовности работников с позиций морально-нравственной и педагогической в данном случае являлись дополнением к основным мероприятиям по выстраиванию служебной деятельности.

На отсутствие какой-либо предварительной подготовки тюремных работников перед приемом на службу обратил внимание И.Я. Фойницкий. Также имелся в виду младший тюремный персонал, надзиратели, их помощники, тюремные сторожа. Отсутствие «представления о задачах, на тюрьме лежащих», по мнению ученого, явилось причиной неудовлетворительного положения в данном направлении деятельности. Была рассмотрена возможность создания школы или института для тех, кто пожелал служить в тюремной системе, не надеясь на то, что практика сама всему научит. (Фойницкий, 1889: 428-429). В практической деятельности пока еще не было тех, кто смог бы помочь сформировать необходимые навыки.

В начале XX века появились труды таких известных исследователей, как Н.Ф. Лучинский, С.В. Познышев и др., в которых уже совершенно четко конкретизирована мысль о том, что необходимые для службы качества тюремный работник может приобрести не только посредством накопления опыта, но и «в ходе прохождения соответствующей специальной школы». Это могли быть тюремные курсы, тюремный лицей, пенитенциарный институт и т.д., но в любом случае это должно было быть «столько же учебное, сколько воспитательное учреждение» (Лучинский, 1904:18; Познышев, 1923: 264).

Работа по воспитанию тюремных служащих как направление в деятельности пенитенциарной системы окончательно оформилось в XX веке. Советская эпоха воспитанию граждан и идеологическому воздействию придавала большое значение, что в общем-то имело положительные последствия, поскольку многие наработки того времени существуют и применяются на протяжении уже длительного времени.

Тема исторических аспектов воспитания тюремных служащих затрагивается в трудах современных исследователей Д.С. Долгина, Д.В. Волошина, М.В. Вольского, С.И. Афанасьевой и др. В научных исследованиях по данной проблеме рассматривалась деятельность по формированию личности пенитенциарного работника как составляющей части общей профессиональной подготовки тюремного персонала в связи с «недостатком квалифицированных служащих» (Вольский, 2012: 111; Долгин, 2017). Внимание современных исследователей акцентировано преимущественно на развитии профессионального образования и системе подбора персонала (Тимофеева, 2013: 22; Волошин, 2018).

Тем не менее законодательство рассматриваемого периода «пронизано морально-нравственной составляющей требований к личному составу мест заключения» (Немов, 2016: 156), что в конечном счете актуализировало вопрос воспитания пенитенциарных работников. В рассматриваемый исторический период можно говорить о зарождении «элементарной нравственной воспитанности и грамотности» среди тюремного персонала (Афанасьева, 2010: 115).

Это направление, безусловно, имело важное значение для развития пенитенциарного дела, поскольку способствовало созданию отдельной самостоятельной отрасли, функционирующей по сегодняшнее время.

4. Результаты

В период, когда тюремное заключение только закрепилось нормативно как вид уголовного наказания, управление тюрьмами как система отсутствовало. В Судебнике 1550 года содержание и охрана преступников входили в круг обязанностей по заведению казенными учреждениями и не предполагали отдельный тюремный персонал. Лишение свободы было относительно молодым наказанием, считавшимся «легким» и применявшимся дополнительно к физическому. Единственная его задача заключалась в изоляции преступника, т.е. «принудительном помещении человека в наказание за учиненное им преступное деяние в государственное сооружение, ограничивающее свободу передвижения его определенным пространством» (Фойницкий, 2000: 285).

С принятием Соборного уложения 1649 года появилась определенность в данном вопросе. Была установлена структура управления: Разбойный приказ, губные старосты (либо воеводы), целовальники, тюремные сторожа. Возникают должностные требования. Губные старосты, например, могли избираться только из дворянского сословия либо бояр и должны были «быть грамотными», «прожиточными» (обеспеченными), «добрыми». (Соборное уложение..., 1985). Непосредственное руководство тюрьмами возлагалось на целовальников и тюремных сторожей, которые тоже приводились к крестному целованию. Принятие «государева крестного целования» считалось верноподданнической присягой, означавшей обещание верной службы. Присяга конкретно тюремных служащих впервые была прописана в проекте Устава о тюрьмах Екатерины II. Императрица пересмотрела значение тюремного дела и предложила внести в карательную деятельность гуманное направление, что соответственно отразилось в содержании проекта присяги. Тюремщик давал обещание «с тюремными... поступать человеколюбиво, без послабления; подарков, посул и взяток ни от кого не брать...; за подчиненными неусыпное смотрение иметь, ...дабы они

должность свою исправно и радательно исполняли и отправляли» ([Российская уголовно-исполнительная система..., 2007: 320](#)).

Содержание клятвенного обещания в последующем корректировалось, однако сама идея присяги при вступлении в должность сохранилась как обязательство исполнять требования закона, соблюдать нравственные и этические нормы, которые были прописаны согласно условиям своего времени. В Учреждениях для управления губерний (1775 г.) рекомендовано брать «пристойных надзирателей, людей добросовестных и порядочных» ([Российское законодательство..., 1987: ст. 390](#)). Там же упоминается о смотрителе тюрьмы, назначаемом из полицейских чинов, надзирателях из солдат-инвалидов и караульной службе из офицера с небольшой командой.

В исследовании Н.Д. Сергеевского, посвященном системе наказаний России XVIII века, сказано, что деятельность тюремной администрации в данный период сводилась к «принятию мер против «утечки» тюремных сидельцев». Тем не менее, описывая положение дел в тюрьмах, автор обратил внимание на «отсутствие порядка и строгого надзора», а также множественность «злоупотреблений» (торговля в тюрьмах водкой и др.) со стороны тюремного персонала. Подобная ситуация, по его мнению, обусловлена общим состоянием всей тюремной системы государства. Это ветхость тюремных изб, отсутствие средств для пропитания арестантов и их нищенское положение, полная антисанитария в помещениях, недостаточность тюремных сторожей и т.п. В подобных условиях наличие «личных противозаконных целей у отдельных должностных лиц» явилось наименее значимой проблемой по сравнению с масштабностью и важностью других проблем ([Сергеевский, 1887: 211-212](#)).

Вопросы морально-нравственного облика тюремщика и варианты его преобразования постепенно приобретают актуальность с середины XIX века. В это время тюремная система становится предметом обсуждения со стороны представителей общественности, науки, практики и назревает необходимость серьезных преобразований. В труде А. Забелина «По вопросу об улучшении тюрем», вышедшем в 1863 году, говорится о необходимости подбора «хороших людей в смотрители и надзиратели» как об условии, при котором тюрьма сможет исправлять преступников ([Забелин, 1863: 389](#)).

В 1862 году в записке по итогам ревизии тюрем Курской губернии директором Курского тюремного комитета обозначена связь между нравственным обликом надзирателей и исправлением заключенных. «Отсутствие всякого нравственного надзора», сказано в тексте, есть «причина, по которой невозможно достичь цели исправления заключенных». «Несправедливые действия со стороны тюремной администрации, притеснения, лихоимство, присвоение арестантской собственности заставляют заключенных искать средства противопоставления такому порядку вещей (ложь, обман, плутовство, лукавство)» ([ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 225. Л. 33-34](#)).

Тогда же, в 1862 г., в газете «Курские губернские ведомости» опубликован материал, посвященный предстоящим преобразованиям тюремной системы, где убедительно показана вся глубина проблемы, связанной с деятельностью персонала мест лишения свободы. Анализ ситуации и приведенные примеры затрагивали и надзор, и смотрителей, и даже священников. В качестве примера показан случай, когда «священником при тюремном замке состояло лицо, находившееся под следствием за подлог». Что касается обязанностей тюремной стражи, то картина выглядела следующим образом: «арестант знает в лицо и по имени каждого рядового внутренней стражи своей тюрьмы, между ними образуется приязнь, дружба, редко вражда, отсюда легко арестанту добыть водку, табак и всякий запрещенный плод, мало того – сделать подкуп и влиять даже в судебных местах» ([ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 225. Л. 74, 96](#)).

Подобное описание не единично, в архивных документах нередко встречаются аналогичные отзывы. Например, «команда надзирателей представляет собой скопище недисциплинированных людей», или «надзиратели имели вид спешно набранных с улицы людей» и др. ([ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 13052. Л. 5 об.; Д. 13149. Л. 3](#)).

Начальник ГТУ А.П. Саломон в своей лекции перед воспитанниками Императорского Александровского лицея образно назвал тюремного надзирателя «человеком с бубновым тузом на спине и шашкой через плечо». Это выражение не было случайным, оно имело в своей основе реальную историю, когда инспектор ГТУ при посещении уездной тюрьмы увидел перед собой в качестве надзирателя «человека с небритой физиономией, всклокоченными волосами, одетого в арестантский халат с бубновым тузом на спине и вооруженного шашкою» ([Саломон, 1898: 7, 13](#)).

В планировании и обсуждении предполагаемых изменений все-таки преимущество имели вопросы, связанные с устройством тюрем, размещением арестантов и их перевоспитанием. Тем не менее реализация всех намеченных мероприятий требовала как минимум четкости и единообразия в действиях тюремного персонала, которого как такового на тот момент не было. В этой связи создание штата профессиональных служащих тюремного ведомства и правовая регламентация его деятельности явились еще одним направлением тюремной реформы. Созданное в 1879 г. Главное тюремное управление в своей структуре содержало делопроизводство, занимавшееся личным составом центрального органа и подведомственных учреждений, как то назначением пенсий, пособий, награждением служащих тюрем и чинов тюремных комитетов, перемещением по службе и др.

В губерниях создавались тюремные отделения в составе губернских правлений, возглавляемые тюремным инспектором и состоящие из его помощника, делопроизводителя и канцелярских

чиновников. По образу ГТУ в тюремном отделении были сосредоточены также вопросы личного состава управления и надзора в местах заключения (определение на службу, увольнение, жалование, представление к наградам и др.).

Во время инспектирования пенитенциарных учреждений предметом контроля со стороны тюремных инспекторов, помимо прочего, являлся «личный состав администрации места заключения, степень подготовленности и пригодности отдельных лиц администрации и надзора к успешному исполнению служебных обязанностей». Это положение установлено «Временными правилами для первоначального руководства тюремным инспекторам во время командировок с целью осмотра и ревизии учреждений, входящих в состав карательной системы» (ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 406. Л. 56).

Непосредственно местами заключения управляли начальники и их помощники. Помимо них, тюремный персонал составляли врачи, священники, тюремная стража (надзор). Количественный состав надзирателей зависел от численности арестантов, например, в Курской губернии в 1902 г. это соотношение определялось как 1 надзиратель на 15 арестантов (ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 13149. Л. 230б.).

К концу XIX столетия пенитенциарная система Российской государства включала 895 мест заключения, из них 718 тюрем общего устройства (губернские, уездные, окружные, следственные, арестантские помещения и др.), 31 исправительное арестантское отделение, 6 каторжных тюрем, 8 пересыльных тюрем, 132 тюрьмы Привисленского края. Помимо этого, функционировало 41 заведение исправительного воспитания для несовершеннолетних (Отчет..., 1900: 2, 132). Информация о численности личного состава тюремного ведомства на этот период отсутствует, но по состоянию на 1906 год на службе состояло 955 чинов тюремной администрации, в том числе 664 начальника мест заключения и 10 702 служителя тюремного надзора (Лучинский, 1906: 275).

В местах заключения начальник являлся «блюстителем внутреннего порядка», осуществляя равный контроль как за соблюдением требований в содержании арестантов, так и за исполнением должностных обязанностей тюремными служащими, а также их благонаведением. В Инструкции смотрителю губернского тюремного замка не так много сказано о втором направлении. Смотритель тюремного замка следил за тем, чтобы надзиратели «были трезвы и старательны к своей должности», имел право поощрения, взыскания и увольнения (Инструкция смотрителю губернского тюремного замка..., 1882: 20). В действительности же тюремные чины должны были следить за нравственным обликом своих подчиненных не только в период пребывания тех на службе. В архивных документах описан случай, когда курский губернатор, проезжая по улице города, увидел «повозку, на которой, неприлично развалившись, находился надзиратель Арестантского отделения, совершенно не обращающий внимания на проезжавших и проходивших по сторонам улицы». На окрик губернского кучера «держи к одной», с повозки последовал ответ – «нечем держать». Возмущенный поведением надзирателя губернатор направил обращение губернскому тюремному инспектору с требованием «принять решительные меры к поднятию уровня тюремных надзирателей в отношении выправки и служебной дисциплины». Упомянутого же надзирателя рекомендовано было подвергнуть аресту на 3 дня (ГАКО. Ф. 174. Оп. 1 Д. 1. Л. 309).

Должностная структура надзора делила надзирателей на старших и младших. Старшие, помимо исполнения своих обязанностей по охране арестантов и осуществлению правопорядка, должны были координировать деятельность младших, в том числе следить за их «исправностью в одежде и вооружении». В этом деле важна была демонстрация наглядного личного примера «добросовестного и усердного исполнения служебных обязанностей» (Правила службы..., 1896: 27). Данное обстоятельство свидетельствует о зарождении элементов наставничества. Подобная норма будет сохранена в Общей тюремной инструкции 1915 г. (Общая тюремная инструкция, 1916: 29), затем в Положении об общих местах заключения 1920 г. (Положение об общих местах заключения..., 1953: ст. 13-18). Дальнейшее развитие наставничества получит в период исправительно-трудовой системы.

Таким образом, формирование личностных качеств, необходимых для тюремного работника, постепенно становилось частью общего процесса повседневной служебной деятельности.

Важным шагом стало введение мер, способствующих укреплению служебной дисциплины среди личного состава. Помочь в данном вопросе должно было принятие на службу лиц нижних воинских чинов, уволенных из армии. Эта категория считалась уже «приученной к дисциплине и порядку» (ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 406. Л. 15). В реальности же решение себя не оправдало, отчасти по причине «их склонности к формальному распоряжению исполнений» (Фойницкий, 1889: 428), а точнее «неисполнению существующих узаконений и постановлений относительно порядка содержания и препровождения арестантов» (ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 468. Л. 2), отчасти неспособности противостоять сформировавшемуся укладу жизни арестантов из-за отсутствия необходимых профессиональных навыков. Бывшие солдаты, обученные правилам строя и стрельбы и воспитанные в духе верности воинским традициям, не смогли овладеть умением взаимодействовать с арестантами.

Определенное единообразие в порядок прохождения службы должно было внести введение формы одежды в 1885 г. Форма устанавливалась для гражданских чинов и нижних служащих тюремного ведомства. Она делилась на обмундирование классных чинов, нижних чинов (старших и младших надзирателей, стражников, вахтеров и ключников) и служебного персонала женского пола. Уставная форма одежды должна была способствовать укреплению дисциплинированности,

формированию ответственности, значимости выполняемых задач и в совокупности с увеличением жалования повысить авторитет сотрудника тюремного ведомства в обществе.

При поступлении на службу давалось письменное обязательство о добросовестном исполнении обязанностей и подчинении взысканиям в случае нарушения служебных требований. Были выработаны требования к поведению на службе, система поощрений и взысканий, устанавливался контроль за лицами, состоящими на службе в тюремном ведомстве.

Система поощрений включала добавочное годовое содержание, повышение жалования за выслугу лет, знаки отличия и др. В 1887 г. утверждена серебряная медаль «За безупречную службу в тюремной страже» на Анненской ленте, которой награждались лица, прослужившие в тюремной страже не менее 5 лет и продолжившие служить дальше. Кроме того, архивные материалы свидетельствуют о награждении «чинов тюремного ведомства» орденом Святого Станислава II и III степени, орденом Святой Анны II и III степени, серебряными медалями в память царствования императора Александра III (ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 58, 65, 84, 105).

Неисполнение служебного долга либо нарушение установленных обязанностей влекло применение дисциплинарных взысканий (замечание, выговор, арест, штраф, увольнение со службы без расчета за текущий месяц, а также с удержанием залога) (Локтионова, 2019).

В 1906 году в условиях революционной ситуации Министерство юстиции приняло особые указания, запрещающие участвовать в деятельности политических партий, обществ и союзов всем должностным лицам, состоящим на государственной службе, а также вольнонаемным. Те, кто оказывался замеченным в антигосударственной агитации, подлежал увольнению вплоть до уголовной ответственности. Указания подлежали точному исполнению и лицам, состоящим на службе в тюремных учреждениях (Сборник циркуляров..., 1911: 1906. № 20).

Оказать «благотворное последствие в деле воспитания надлежащего кадра тюремных служащих» и способствовать «усвоению правильного взгляда на текущие события государственной и общественной жизни» должна была правильно подобранная литература (Сборник циркуляров..., 1911: 1910. № 23). В 1893 году вышел журнал «Тюремный вестник», который издавало Главное тюремное управление. В нем публиковалась информация, предназначенная работникам тюремного ведомства. Это были разъяснения нормативных вопросов, материалы научно-практического характера. Выписывать данный журнал обязывались все пенитенциарные учреждения. Оплата осуществлялась изначально за счет средств центрального заработного фонда, затем перешла на статью «канцелярские расходы» каждого места заключения.

Помимо «Тюремного вестника», приобретались и другие периодические издания, например «Народная газета», издаваемая Министерством внутренних дел, и дополнение к ней – ежемесячный журнал «Бог Помочь».

Как видим, понятие воспитания тюремных служащих в итоге вошло в употребление чинов тюремного ведомства. Оно подразумевало и объединяло все меры, благотворно влияющие на морально-нравственный облик тюремного служащего и способные сформировать качества для надлежащего несения службы. Более содержательное развитие это направление приобрело в начале XX века. К тому времени практика закономерно показала необходимость воспитательного воздействия на пенитенциарных работников. Утвердилось мнение, что «тюремная служба требует много физических и нравственных сил», что нравственные качества человека следует учитывать при приеме на службу, равно как и информацию с предыдущего места службы, что дисциплинированность и исполнительность работников должна поддерживаться регулярно (Сборник циркуляров..., 1911: 1905. № 11).

Обосновывалась идея о том, что «деятели пенитенциарных учреждений должны обладать специальной подготовкой» (Сборник циркуляров..., 1911: 1905. № 11), включающей и профессиональную, и воспитательную составляющие. Для успешного выполнения обязанностей необходимы, с одной стороны, «особые нравственные качества – энергия, твердость характера, преданность долгу», с другой – «серьезные специальные познания научного характера». Для подготовки тюремного персонала к службе рассматривались и предлагались разные варианты учебных заведений. Результатом таких обсуждений стало открытие Московской школы тюремных надзирательниц, высших тюремных курсов и школы старших тюремных надзирателей в Санкт-Петербурге, тюремных чтений. Учебные курсы преимущественно были посвящены формированию теоретических знаний и профессиональных навыков. Московская школа давала первоначальные знания, необходимые в повседневной деятельности тюремного надзирателя, впервые поступившего на службу. Помимо тюремоведения, здесь изучались отечествоведение и «Закон Божий», что в свою очередь являлось составляющей патриотического и нравственного воздействия.

Санкт-петербургская школа ориентировала свою деятельность на действующий персонал, а потому предусматривала углубленное изучение всех сторон пенитенциарной деятельности. Изучались такие вопросы, как прием лиц в тюремные учреждения, содержание арестантов, их материально-бытовое обеспечение, тюремная гигиена. Слушатели совершенствовали свои навыки в деле владения оружием, осмотре тюремных помещений, обыске и препровождении арестантов.

Уделялось внимание ведению делопроизводства. Полученные знания и навыки помогали в продвижении по службе (Волошин, 2018: 10-12).

Упорядочение организационно-управленческой структуры потребовало подготовки тюремных работников в учреждениях, специально ориентированных на профессиональное обучение данной категории лиц. Эта необходимость была обусловлена изменением самой идеи предназначения тюрьмы. Если в дореформенный период тюрьма должна была обеспечить «возмездие за сделанное зло» и оградить общество от новых преступлений, то теперь первоочередное значение приобрела пенитенциарная функция, и «одной распорядительности и характера», необходимых ранее для поддержания правопорядка и обеспечения надежной изоляции преступников, теперь оказалось недостаточно. Для тюремщика приобрели значение такие качества, как «самоотверженность, преданность делу, тюремная опытность, умение заглянуть в человека-преступника и содействовать восстановлению его нравственной гармонии» (Таганцев, 2001: 339). То есть, наряду с бдительностью, организованностью, дисциплинированностью, необходимыми ранее, важной стала способность правильно обращаться с арестантами, найти стимулы для их исправления. Тюрьма принимала на себя обязательство исправить преступника, вернуть обществу добропорядочного гражданина, следовательно, нужно было менять принципы работы тюремного персонала. Предстояло переориентировать его работу в сторону внедрения «исправительных элементов», новых средств воздействия, с помощью которых можно было бы исправить преступника. Это должны быть «тюремная работа, тюремное образование, тюремная дисциплина, тюремная гигиена, тюремная архитектура» (Фойницкий, 1889: 363). Но, чтобы достичь каких-либо результатов в каждом из перечисленных направлений, необходимо было подготовить людей, тех, кто смог бы реализовать планируемое.

Реализация тюремной реформы зависела не только от конкретных правовых и организационных мер, но и от конкретных людей: начальников, возглавлявших тюремные учреждения; надзирателей, следивших за арестантами; священников, примирявших преступника с обществом. Естественно, что создание общей модели тюремного служащего, соединяющей и профессиональные, и морально-нравственные качества, стало значимым направлением деятельности нового центрального органа. Воспитательное воздействие в данном случае явилось составляющей этого процесса.

5. Заключение

Значимость вопроса, связанного с готовностью и способностью тюремного персонала к осуществлению своих обязанностей связана с реорганизацией тюрьмы из места изоляции преступников в исправительное учреждение. Можно сказать, что до XIX века требования к тюремному служащему были сосредоточены на умении обеспечить надежность охраны арестантов и не допускать их побегов. Вопрос исправления преступников, поднятый Екатериной II, не получил развития, а потому в деятельности тюремного персонала в тот период никаких принципиальных изменений не произошло. К тому же на фоне общей неблагоустроенности тюрем и неорганизованности их деятельности тема качества персонала была второстепенной.

Примерно с середины XIX века началось активное обсуждение системы уголовных наказаний, где главное место заняло лишение свободы и эффективность его исполнения. Среди множества аспектов правового, организационного и иного характера, свидетельствующих о необходимости перемен, отмечалась проблема несоответствия тюремных служащих значимости выполняемых ими задач. Тюрьма, по мнению современников, должна была стать не только местом изоляции преступного населения, но и местом его исправления и перевоспитания. В этот период исследователи одновременно обращаются к теме личности преступника, причинах, побудивших его совершить преступление. Соответственно предлагаются различные средства и методы работы, способные заглушить в человеке преступные начала.

Применительно к тюремным служащим стали употребляться такие качества, как способность распознать людей, увидеть в преступнике человека и помочь ему нравственно восстановиться, самоотверженность и т.д. В действительности же среди служащих среднестатистического губернского или уездного замка лиц с подобными характеристиками не было и быть не могло. В тюрьму шли работать в основном при отсутствии какой-либо альтернативы.

В таких условиях было принято решение о разработке и реализации мер, способных подготовить профессионального тюремного служащего. Этими мерами стали: реорганизация должностей и введение функции контроля за дисциплинированностью и нравственным обликом подчиненных, повышение жалованья, учреждение единой формы одежды, внедрение системы мер поощрения и взыскания, информационная и разъяснительная работа. Зарождались элементы наставничества. Понятия воспитания или воспитательного воздействия на тюремный персонал открыто не провозглашались. Они как бы подразумевались в качестве конечного результата успешной реализации перечисленных мероприятий.

Вопрос о результативности этих мер не может дать однозначного ответа. С позиции правовой и организационной – это был большой вклад в упорядочение служебной деятельности. С позиции ожидаемой эффективности результаты были не столь значительны. Реализацию нововведений сдерживало общее положение в государстве, слабая экономическая база, политическая нестабильность.

В начале XX века понятие «воспитание тюремных служащих» вошло в употребление и постепенно стало развиваться. Помимо прочего, этому способствовало открытие учебных заведений для подготовки пенитенциарных работников.

Таким образом, развитие воспитательной деятельности применительно к тюремным работникам связано с общими тенденциями преобразования тюремной системы из места изоляции преступников в учреждение, выполняющее функции по их воспитанию и исправлению. Деятельность по подготовке и воспитанию персонала тюремных учреждений сыграла свою значимую роль в пенитенциарной истории. Она содействовала разработке и проведению целого ряда преобразований при реформировании тюремной системы во второй половине XIX века и дальнейшему их развитию в XX веке.

Литература

[Аладына и др., 2007](#) – Аладына Л.С., Ковалев О.Г., Шабанов Г.Х. Российская уголовно-исполнительная система: исторические этапы формирования. М., 2007. 344 с.

[Афанасьева, 2010](#) – Афанасьева С.И. Нравственное воспитание сотрудников уголовно-исполнительной системы в процессе профессиональной подготовки. Исторический аспект // *Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения*. 2010. № 12-1. С. 114-118.

[Волошин, 2018](#) – Волошин Д.В. Подготовка пенитенциарного персонала в дореволюционной России (1879–1917 годы) // *Ведомости уголовно-исполнительной системы*. 2018. № 2. С. 8-14.

[Вольский, 2012](#) – Вольский М.В. Вопросы подготовки кадров для тюремного ведомства Российской империи в конце XIX – начале XX века // *Вестник Воронежского института МВД России*. 2012. № 4. С. 194-196.

[Галкин-Враской, 1868](#) – Галкин-Враской М.Н. Материалы по вопросу улучшения тюрем. СПб., 1868. 168 с.

[ГАКО](#) – Государственный архив Курской области.

[Долгин, 2017](#) – Долгин Д.С. Становление профессионального и правового воспитания сотрудников УИС: исторический аспект // *Вестник Кузбасского института*. 2017. № 1 (30). С. 182-189.

[Забелин, 1863](#) – Забелин А. По вопросу об улучшении тюрем // *Русский вестник*. 1863. № 3 (44). С. 353-395.

[Инструкция смотрителю..., 1882](#) – Инструкция смотрителю губернского тюремного замка. Пермь, 1882. 25 с.

[Коркунов, 1886](#) – Коркунов М.Н. Тридцать пятая глава проекта уголовного уложения // *Журнал Министерства юстиции*. СПб., 1886. № 3. С. 67-103.

[Локтионова, 2019](#) – Локтионова Е.А. Некоторые вопросы дисциплинарной ответственности тюремных служащих второй половины XIX – начала XX в. // *Эволюция государства и права: проблемы и перспективы: Сборник научных трудов / Международная научно-практическая конференция*. Курск: ЮЗГУ, 2019. С. 363-366.

[Лучинский, 1904](#) – Лучинский Н.Ф. Основы тюремного дела. СПб.: Издание редакции журнала «Тюремный вестник», 1904. 180 с.

[Лучинский, 1906](#) – Лучинский Н. Тюрма в России по последним официальным данным // *Тюремный вестник*. 1906. № 4. С. 274-292.

[Макарова, 2011](#) – Макарова О.Ю. Воспитательные средства в педагогике дореволюционной России // *Современные проблемы науки и образования*. 2011. № 6.

[Немов, 2016](#) – Немов Я.Н. К вопросу о воспитании чинов тюремного ведомства в дореволюционной России: историческая перспектива // *Вестник Кузбасского института*. 2016. № 1 (26). С. 151-158.

[Общая тюремная инструкция, 1916](#) – Общая тюремная инструкция. СПб., 1916. 110 с.

[Отчет..., 1902](#) – Отчет по Главному тюремному управлению за 1900 год. СПб., 1902. 196 с.

[Правила службы..., 1896](#) – Правила службы тюремных надзирателей и надзирательниц // Сост. Р.С. Власенко. Саратов, 1896. 69 с.

[Положение об общих местах заключения РСФСР, 1953](#) – Положение об общих местах заключения РСФСР (утверждено Постановлением НКЮ РСФСР 15. 11. 1920 г.) // *Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.)*. М.: Госюриздат, 1953. С. 83-86.

[Познышев, 1923](#) – Познышев С.В. Основы пенитенциарной науки. М., 1923. 342 с.

[Российское законодательство..., 1987](#) – Российское законодательство X–XX вв. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М.: Юрид. лит., 1987. 528 с.

[Саломон, 1898](#) – Саломон А.П. Тюремное дело в России. СПб., 1898. 38 с.

[Сборник циркуляров, 1911](#) – Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879–1919 гг. Ч. II. 1896–1910 гг. СПб., 1911.

[Соборное уложение, 1985](#) – Соборное уложение 1649 г. // *Российское законодательство X–XX вв. В 9 т.* // Под ред. О.И. Чистякова / Т. 3. Акты земских соборов. М.: Юрид. лит. 1985. С. 83-257.

[Свод Учреждений..., 1890](#) – Свод Учреждений и Уставов о содержащихся под стражей // *Свод законов Российской империи*. Т. 14. СПб., 1890. 94 с.

[Таганцев, 2001](#) – Таганцев Н.С. Уголовное право. Общая часть. Т. 2. Тула: Автограф, 2001. 688 с.

[Тимофеева, 2013](#) – Тимофеева Е.А. Правовая подготовка сотрудника пенитенциарной системы: историко-педагогический анализ отечественного и зарубежного опыта. Самара, 2013. 204 с.

[Фойницкий, 1889](#) – Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1889. 503 с.

References

[Afanas'eva, 2010](#) – Afanas'eva, S.I. (2010). Nравstvennoe vospitanie sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy v processe professional'noj podgotovki. Istoricheskij aspekt [Moral education of employees of the penal enforcement system in the process of professional training. Historical aspect]. *Psihologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya*. 12-1: 114-118. [in Russian]

[Alad'ina i dr., 2007](#) – Alad'ina, L.S., Kovalev, O.G., Shabanov, G.H. (2007). Rossijskaya ugolovno-ispolnitel'naya sistema: istoricheskie etapy formirovaniya. [The Russian penal enforcement system: historical stages of formation]. M., 344 p. [in Russian]

[Dolgin, 2017](#) – Dolgin, D.S. (2017). Stanovlenie professional'nogo i pravovogo vospitaniya sotrudnikov UIS: istoricheskij aspekt [The formation of professional and legal education of UIS employees: a historical aspect]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 1(30): 182-189. [in Russian]

[Foynitsky, 1889](#) – Foynitsky, I.Ya. (1889) Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem [The doctrine of punishment in connection with prison studies]. St. Petersburg, 503 p. [in Russian]

[GAKO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti [State archive of the Kursk Region].

[Galkin-Vraskoi, 1868](#) – Galkin-Vraskoi, M.N. (1868). Materialy po voprosu uluchsheniya tyurem [Materials on the improvement of prisons]. St. Petersburg, 168 p. [in Russian]

[Instrukciya smotritelyu..., 1882](#) – Instruktsiya smotritelyu gubernskogo tyuremnogo zamka [Instructions to the caretaker of the provincial prison castle]. Perm, 1882. 25 p. [in Russian]

[Korkunov, 1886](#) – Korkunov, M.N. (1886). Tridcat' pyataya glava proekta ugolovnogo ulozheniya [The thirty-fifth chapter of the draft criminal code]. *Zhurnal Ministerstva yusticii*. 3: 67-103. [in Russian]

[Loktionova, 2019](#) – Loktionova, E.A. (2019). Nekotorye voprosy disciplinarnoj otvetstvennosti tyuremnyh sluzhashchih vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. [Some issues of disciplinary responsibility of prison officers of the second half of the XIX-beginning of the XX century]. *Evolyuciya gosudarstva i prava: problemy i perspektivy: sbor. nauch. trud. Mezhd. nauch. prakt. konf.* Kursk: South State University, pp. 363-366. [in Russian]

[Luchinsky, 1904](#) – Luchinsky, N.F. (1904). Osnovy tyuremnogo dela. [Fundamentals of prison business]. St. Petersburg: Edition of the editorial office of the journal Prison Bulletin, 1904. 180p. [in Russian]

[Luchinsky, 1906](#) – Luchinsky, N. (1906). Tyur'ma v Rossii po poslednim oficial'nym dannym [Prison in Russia according to the latest official data]. *Tyuremnyj vestnik*. 4: 274-292. [in Russian]

[Makarova, 2011](#) – Makarova, O.Yu. (2011). Vospitatel'nye sredstva v pedagogike dorevolyucionnoj Rossii [Educational means in pedagogy of pre-revolutionary Russia]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 6. [in Russian]

[Nemov, 2016](#) – Nemov, Ya.N. (2016). K voprosu o vospitanii chinov tyuremnogo vedomstva v dorevolyucionnoj Rossii: istoricheskaya perspektiva [On the question of the education of prison officials in pre-revolutionary Russia: a historical perspective]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 1 (26): 151-158. [in Russian]

[Obshchaya tyuremnaya instrukciya, 1916](#) – Obshchaya tyuremnaya instruktsiya [General prison instructions]. SPb., 1916. 110 p. [in Russian]

[Otchet..., 1902](#) – Otchet po Glavnomu Tyuremnomu upravleniyu za 1900 god. [Report on the Main Prison Administration for 1900]. SPb.1902. 196 p. [in Russian]

[Polozhenie ob obshchih mestah zaklyucheniya RSFSR, 1953](#) – Polozhenie ob obshchih mestah zaklyucheniya RSFSR (utverzhdeno Postanovleniem NKYu RSFSR 15. 11. 1920 g.) [Regulations on common places of detention of the RSFSR (approved by the Resolution of the NKYu of the RSFSR 15. 11. 1920)]. Sbornik dokumentov po istorii ugolovnogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR (1917–1952 gg.). Moscow: Gosyurizdat, 1953. pp. 83-86. [in Russian]

[Poznyshev, 1923](#) – Poznyshev, S.V. (1923) Osnovy penitenciarnej nauki [Fundamentals of penitentiary science]. M., 342 p. [in Russian]

[Pravila sluzhby..., 1896](#) – Pravila sluzhby tyuremnyh nadzirately i nadziratel'nic / Sost. R.S. Vlasenko [Rules of the service of prison guards and wardens / Comp. R. S. Vlasenko]. Saratov, 1896. 69 p. [in Russian]

[Rossijskoe zakonodatel'stvo, 1987](#) – Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. T. 5. Zakonodatel'stvo perioda rascveta absolyutizma. [Russian legislation of the X–XX centuries. Vol. 5. Legislation of the heyday of absolutism]. Moscow: Yurid. lit., 1987. 528 p. [in Russian]

[Salomon, 1898](#) – Salomon, A.P. (1898). Tyuremnoe delo v Rossii [Prison case in Russia]. SPb., 38 p. [in Russian]

[Sbornik cirkulyarov, 1911](#) – Sbornik cirkulyarov, izdannyh po Glavnomu tyuremnomu upravleniyu v 1879–1919 gg. Ch. II 1896–1910 gg. [A collection of circulars issued by the Main Prison Administration in 1879–1919. Part II 1896–1910]. St. Petersburg. [in Russian]

Sobornoe ulozhenie 1985 – Sobornoe ulozhenie 1649 g. [The Cathedral Code of 1649]. Rossijskoe zakonodatel'stvo X– XX vv. v 9t. Pod red. O.I. Chistyakova. T.3. Akty zemskih soborov. [Russian legislation of the X-XX centuries. in 9 v.]. Edited by O. I. Chistyakov. T.3. Acts of Zemsky sobors]. Moscow: Yurid. Lit. 1985. Pp. 83-257. [in Russian]

Svod Uchrezhdenij..., 1890 – Svod Uchrezhdenij i Ustavov o sodержashchihsiya pod strazhej. Svod zakonov Rossijskoj imperii. T. 14. [Code of Institutions and Charters on detainees. Code of Laws of the Russian Empire. Vol. 14]. SPb., 94 p. [in Russian]

Tagantsev, 2001 – *Tagantsev, N.S.* (2001). Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. T.2. N.S. Tagancev [Criminal law. General part. Vol. 2.]. Tula: Autograph, 688 p. [in Russian]

Timofeeva, 2013 – *Timofeeva, E.A.* (2013). Pravovaya podgotovka sotrudnika penitenciarnoj sistemy: istoriko-pedagogicheskij analiz otechestvennogo i zarubezhnogo opyta. [Legal training of an employee of the penitentiary system: historical and pedagogical analysis of domestic and foreign experience]. Samara, 204 p. [in Russian]

Voloshin, 2018 – *Voloshin, D.V.* (2018). Podgotovka penitenciarного personala v dorevolucionnoy Rossii (1879–1917 gody) [Training of penitentiary personnel in pre-revolutionary Russia (1879–1917)]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy*. 2: 8-14. [in Russian]

Volsky, 2012 – *Volsky, M.V.* (2012). Voprosy podgotovki kadrov dlya tyuremnogo vedomstva Rossijskoj imperii v konce XIX – nachale XX veka. [Questions of personnel training for the prison department of the Russian Empire in the late XIX – early XX century]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*. 4: 194-196. [in Russian]

Zabelin, 1863 – *Zabelin, A.* (1863). Po voprosu ob uluchshenii tyurem [On the issue of improving prisons]. *Russkij vestnik*. 3(44): 353-395. [in Russian]

К вопросу о подготовке тюремных служащих в Российской империи

Елена Александровна Локтионова ^{a, *}

^a Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье освещены исторические аспекты деятельности, связанной с подготовкой персонала пенитенциарных учреждений. Предпринятые государством меры в рассматриваемой сфере были призваны повысить морально-нравственный и профессиональный уровень пенитенциарных работников. Временные рамки исследования охватывают период XVII – начала XX вв., что обусловлено обстоятельствами, повлиявшими на содержание деятельности тюремной системы России. Фактически в это время зарождались основы воспитания пенитенциарных работников, сохранившиеся по настоящее время. Обращение к истории в данном случае позволит увидеть изначальный смысл и значение этой деятельности. Статья призвана обратить внимание на важность данного вопроса и показать историческую связь между целями и задачами, стоящими перед пенитенциарными учреждениями и теми, кто их реализует.

Источниковую базу составили акты правового характера, свидетельствующие о ходе реализации государственных мер, а также материалы архивных фондов Государственного архива Курской области, позволившие увидеть и проанализировать результаты преобразований на местах. Особое значение имеет оценка современников, изложенная в материалах научного и публицистического характера.

Вопросы подготовки тюремных служащих актуализировались в середине XIX века по причине того, что тюрьма из места изоляции преступников стала реорганизовываться в учреждение пенитенциарного типа. В этой связи возникла необходимость в разработке модели тюремного служащего, соответствующего новым требованиям и условиям деятельности. Фактически это вылилось в проведение целого ряда преобразований в ходе реформирования тюремной системы, таких как реорганизация должностей, повышение жалованья, учреждение единой формы одежды, внедрение системы мер поощрения и взыскания, информационная и разъяснительная работа и др. Понятия «воспитание» или «воспитательное воздействие на тюремный персонал» открыто не провозглашались. Они как бы подразумевались в качестве конечного результата успешной реализации перечисленных мероприятий. Применение воспитательных средств воздействия являлось составляющей процесса общей профессиональной подготовки личного состава.

Ключевые слова: тюрьма, пенитенциарный работник, воспитательное влияние, дисциплинарные меры, поощрение, обучение.

* Корреспондирующий автор

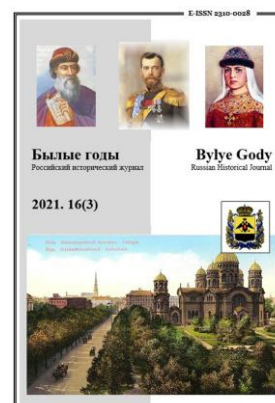
Адреса электронной почты: loktionovaea@mai.ru (Е.А. Локтионова)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1277-1287
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1277
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



Formation of System of Fishing Fees from Industry and Trade in the Central Asian Outskirts of the Russian Empire

Yuliya A. Lysenko ^{a, b, c, *}, Oksana I. Chekryzhova ^a

^a Altai State University, Russian Federation

^b Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^c Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article reconstructs the process of forming a system of fishing fees from industry and trade in the Central Asian outskirts of the Russian Empire – the Steppe and Turkestan governorships, on the basis of legislative and clerical sources. The introduction of taxation on trade and business in this ethno-region in the second half of the 19th century was carried out in line with the policy of unification of its financial and tax space and bringing it to all-Russian standards. However, in practice, the implementation of the tax reform has acquired specific features. In particular, from the late 60s to the middle of 80s of the XIX century in Turkestan, the Russian model of tax collection on trades and trade was combined with the traditional *zyaket* system that operated in the region prior to its accession to the Russian Empire. In the Central Asian outskirts, the 1885 Regulations on imposing an additional tax on commercial and industrial enterprises, which legally determined an additional tax on the profits of commercial and industrial enterprises, were not enacted. The situation was explained by the incompleteness of the formation of regional financial bodies in the Steppe and Turkestan general-governorships, the ethno-confessional specifics of the region, its focus on agrarian modernization associated with peasant resettlement and excluding high rates of development of the industrial sector of the economy. The main income to the Russian treasury came from the sale of fishing certificates for the right to conduct trade operations. However, these fees were extremely insignificant, which was associated with the predominance of distribution (steppe) and bazaar trade and the actual impossibility of its accounting by tax inspectorates.

Keywords: Russian Empire, Steppe region, Turkestan region, modernization, fishing tax, trade, industry.

1. Введение

Во второй половине XIX в. в Российской империи был осуществлен ряд реформ, связанных с трансформацией и совершенствованием системы налогообложения. В русле реформ было введено Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов 1863 г., которым впервые в стране налоговые отчисления вводились не только на торговые, но и на промышленные предприятия. Центральной идеей Положения стали градация всех облагаемых объектов торговли и промышленности на разряды (по множеству признаков, главным из которых выступали обороты торгового или промышленного предприятия) и присвоение каждому разряду фиксированного размера налога (Гагусенко, 2014). По своей структуре налог делился на основной и дополнительный¹.

* Corresponding author

E-mail address: iulia_199674@mail.ru (Yu.A. Lysenko), niigi@yandex.ru (O.I. Chekryzhova)

¹ Основной налог относился к числу окладных, при котором сумма для каждого налогоплательщика определялась предварительно и была фиксированной. Налог собирался посредством оплаты промысловых свидетельств, разрешающих тот или иной вид предпринимательской деятельности. В

Реформирование системы налогообложения в Российской империи, в том числе в сфере предпринимательской деятельности, влекло за собой необходимость модернизации работы финансовых органов. В регионах Казенные палаты стали осуществлять распределение между отдельными податными участками назначавшиеся на губернии суммы дополнительного промыслового сбора. После утверждения раскладки палата рассылала плательщикам специальные окладные листы, где указывалась сумма, подлежащая уплате. В штате Казенных палат были введены новые должности податных инспекторов. Выполняя функции специальных финансовых агентов, они обязывались в интересах государственной казны осуществлять надзор по взысканию промысловых сборов (Гагусенко, 2011: 7).

Введение налогообложения на торгово-предпринимательскую деятельность в центральноазиатских окраинах России во второй половине XIX в. осуществлялось в русле общей политики, направленной на интеграцию региона в общеимперское финансово-налоговое пространство. Однако на практике реализация данной налоговой реформы приобрела специфические черты. Это объяснялось незавершенностью формирования региональных финансовых органов в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах, этноконфессиональной спецификой региона, ориентацией его на аграрную модернизацию, связанную с крестьянским переселением и исключавшую высокие темпы развития промышленного сектора экономики (Лысенко, 2019; Lysenko, 2020).

2. Материалы и методы

В статье использовались разноплановые по происхождению источники. Прежде всего, это нормативно-правовые акты, отражающие эволюцию системы налогообложения предпринимателей, промышленников и торговцев центральноазиатского региона Российской империи, а также регламентирующие деятельность налоговых органов – казенных палат, податных инспекций и податных инспекторов. Среди данной группы источников Временное положение об управлении Туркестанским генерал-губернаторством 1867 г., Временное положение об управлении Оренбургским и Западно-Сибирским генерал-губернаторствами 1868 г., Положение об управлении Туркестанским краем 1886 г., Правила о взимании в туземной части г. Ташкента взамен закята общеустановленных пошлин 1870 г., закон «О дополнительном обложении промышленных и торговых предприятий сборами процентным и раскладочным» 1885 г., Положение о государственном промысловом налоге 1898 г.

В статье также использовались материалы делопроизводства региональных налоговых органов. Они представлены отчетами податных инспекторов, отчетами ревизии податных инспекций Степного и Туркестанского генерал-губернаторств (Сибирские переселения..., 2010). Кроме этого, привлекались материалы сенаторской ревизии К.К. Палена Туркестанского генерал-губернаторства (1908 г.), отложившиеся в фонде 1396 РГИА (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428). Данная группа источников позволяет сформировать представление об экономических процессах в центральноазиатских окраинах Российской империи, тенденциях развития предпринимательской деятельности, льготах, предоставленных населению региона в выплате промыслового налога, и проблемах, с которыми сталкивались фискальные органы при его сборе.

Ценным статистическим источником при подготовке статьи выступили Обзоры областей Степного и Туркестанского генерал-губернаторств, которые формировались как приложения к ежегодным всеподданнейшим отчетам военных губернаторов областей. Специальный их раздел, посвященный анализу ситуации в системе налоговых поступлений, позволяет выявить численность торговцев, промышленников и предпринимателей, категории и суммы промыслового сбора в областном и уездном срезе.

рамках основного налога выдавались промысловые свидетельства, свидетельства торговым предприятиям (делившимся на 4 разряда), промышленным предприятиям (делившимся на 8 разрядов); осуществлялся налоговый сбор за выдачу гильдейских свидетельств. Дополнительный налог был введен в конце XIX в. на основании Правил об обложении торговых и промышленных предприятий дополнительным сбором (процентным и окладочным) 1885 г. и Положения о государственном промысловом налоге 1898 г. Сохраняя продажу свидетельств, санкционировавшую определенный вид предпринимательской деятельности, государство ввело дополнительные сборы, зависящие от прибыли в виде подоходной системы налогообложения. К их числу были отнесены: налог с капитала для предприятий (акционерных обществ и компаний), обязанных публичной отчетностью; процентный сбор с прибыли для предприятий, обязанных публичной отчетностью; дополнительный раскладочный сбор для предприятий, не обязанных публичной отчетностью; дополнительный процентный сбор с прибыли для предприятий, не обязанных публичной отчетностью. Подробнее см.: Гагусенко И.В. Правовой статус органов промысловых сборов в России во второй половине XIX в. // Сибирский юридический вестник. 2011. С. 3-9.

Методологической основой статьи выступила теория модернизации, которая дает возможность рассматривать формирование и развитие системы налогообложения предпринимательской деятельности в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах как один из аспектов региональных социально-экономических преобразований. Для реализации задач исследования применялись историко-генетический и историко-сравнительный методы.

3. Обсуждение

Историография проблемы формирования и эволюции системы налогообложения в Российской империи достаточно обширна и разнообразна. Исследователи акцентировали внимание на формировании налоговой системы России, ее эволюции и нормативно-правовом регулировании. Значительное количество работ посвящено анализу объектов и форм налогообложения, механизмов взимания налогов, их функциям (Белых, 2005; Вербина, 2010, Иванов, 2004; Лыкова, 2004; Правилова, 2006). Отдельные работы связаны с историей налоговых органов Российской империи, законодательным регулированием их деятельности (Гагусенко, 2011; Макеева, 2010).

Истории промыслового налога и региональному срезу уделяли внимание И.В. Гагусенко, А.К. Кириллов, Ф.С. Уманский (Гагусенко, 2011; Кириллов, 2011; Уманский, 2005). Ряд исследователей считает, что промысловый налог являлся «малым/дополнительным налогом», поскольку в силу своего незначительного фискального значения не приносил существенного дохода в казну. Тем не менее Ф.С. Уманский подчеркивает, что на уровне региональных финансовых отношений, он был крайне важен с точки зрения регулирования микроэкономических региональных процессов и «влият на поведение экономических субъектов» (Уманский, 2005: 66).

Применительно к центральноазиатским окраинам Российской империи специальных исследований, связанных с историей промыслового налога, особенностями его введения, механизмами сбора с учетом этноконфессиональной специфики региона, не проводилось. Данная статья представляет собой попытку восполнить существующий историографический пробел.

4. Результаты

Формирование системы промысловых сборов с промышленности и торговли было санкционировано в 1863 г. в связи с введением в действие Положения о пошлинах за право торговли и других промыслов. В этот период завершалось присоединение центральноазиатских окраин – Степного и Туркестанского генерал-губернаторств – к Российской империи и разрабатывался пакет реформ, направленный на унификацию административно-управленческого, судебно-правового, социально-экономического, финансов-налогового пространства региона и приведение его к общероссийским управленческим стандартам (Васильев, 2018).

Работа завершилась принятием Временного положения об управлении Туркестанским генерал-губернаторством (1867 г.) и Временного положения об управлении Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областями (1868 г.), на основании которых в регионе впервые вводилось взимание общеимперских сборов с торгово-предпринимательской деятельности. Однако авторы реформ учитывали слабую интегрированность центральноазиатских окраин в общеимперскую экономику, господство традиционных форм ведения хозяйства и абсолютное преобладание коренного мусульманского населения. На основании этого внедрение в практику Положения о пошлинах на право торговли и других промыслов 1863 г. приняло здесь специфические формы.

В частности, в Туркестанском генерал-губернаторстве действие Положения 1863 г. было распространено лишь на два северных уезда Сырдарьинской области и на всю Семиреченскую область. В остальных уездах Сырдарьинской области была сохранена закятная система – традиционная система сбора налогов с торговцев и промысловиков в пользу местных правителей, существовавшая в регионе до его включения в состав Российской империи. При этом российские власти оставили без изменений закятный сбор двух видов: первый – действовал в отношении внутренней торговли и промышленности, объектом обложения выступал капитал в более 40 тиллей; второй – распространялся на внешних азиатских торговцев, приезжавших из Бухарского эмирата и Хивинского ханства в пределы Российского Туркестана. Объектом обложения в данном случае выступал товар, который ввозился ими в города Сырдарьинской и Семиреченской областей (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 150б.).

Для бесперебойного поступления закята в российскую казну по Положению 1867 г. в структуре административных органов Туркестанского генерал-губернаторства были сформированы хозяйственные общественные управления, которые были обязаны собирать с торговцев и промысловиков информацию о размере обращавшегося капитала или о стоимости ввезенного ими товара в регион, проверять поступающие сведения «всеми зависящими от них средствами». На основании полученных данных они начисляли размер закята как по каждому отдельному предприятию, так и по всему населенному пункту. И затем отслеживали своевременность выплаты налога. Для того чтобы торговцы и промысловики указывали точные данные о размерах продаваемого товара и об оборотных средствах предприятий, вводилась система штрафов. За плодотворный труд служащие хозяйственных общественных управлений получали

вознаграждение в виде процентного отчисления, составлявшего 5–10 % от общей суммы поступлений (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 19).

Очевидно, что сочетание традиционной и имперской моделей взимания торговых и промысловых пошлин было крайне непродуктивно, вызывало массу неудобств и недоразумений. Все осложнялось тем, что в Туркестане еще не было завершено формирование налоговых органов, не был проведен учет торговых и промышленных предприятий, не установлены размеры их оборотов. Местные предприниматели всячески саботировали российскую налоговую систему, занижали обороты своих капиталов, «разделяя крупные предприятия на ряд мелких, вверяя их своим подручным». На основании этого они получали возможность подавать ходатайства об отмене закята (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 107). Несмотря на ряд инструкций локального характера, принятых региональными властями с целью упорядочения промыслового сбора, ситуация не менялась: поступления в казну оставались крайне незначительными. Суммы ежегодных поступлений от закята также носили неравномерный характер. Так, в 1867 г. он составил 43 444 руб., в 1868 г. – 92 019 руб., в 1869 г. – 69 712 руб. Все это требовало от властей дальнейших шагов в сторону унификации торговых и промысловых сборов (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 107).

В 1870 г. Туркестанская казенная палата приступила к разработке проекта Правил о взимании в туземной части г. Ташкента взамен закята общеустановленных пошлин. По итогам работы специальной комиссии в 1874 г. Комитетом министров было утверждено Положение о пошлинах на право торговли и промыслов, отменившее закят в Сырдарьинской области. Однако следует отметить, что на территории Ферганской и Самаркандской областей, присоединенных к Туркестанскому генерал-губернаторству во второй половине 70-х гг. XIX в., закятная система продолжала функционировать до 1885 г. С российских купцов и местных торговцев 1-й гильдии собирался общеустановленный имперский промысловый налог, с приезжих туземных купцов 2 гильдии – закятный сбор (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 107об.).

В 1885 г. в России были приняты Правила об обложении торговых и промышленных предприятий дополнительным сбором (процентным и окладочным), на основе которых был введен дополнительный налог на предпринимательскую деятельность. Владельцы предприятий обязывались ежегодно отчитываться о своих доходах и выплачивать дополнительный налог 25 % на официальную прибыль (Сибирские переселения..., 2010: 160).

В Степном крае, как и в Сибири, дополнительный раскладочный сбор не был введен. Вместо него законодатель заменил его 25-процентной надбавкой к основному промысловому свидетельству. Это было связано с тем, что в условиях полукочевого образа жизни коренного казахского населения, составлявшего большинство населения региона, учет «кочевой торговли» и ее доходов был фактически невозможен. По мнению региональных податных инспекторов, данное обстоятельство значительно снижало возможность повышения доходов бюджета, а также эффективность деятельности налоговых инспекторов, которая сводилась «к просмотру документов в торгово-промышленных заведениях и составлению в надлежащих случаях протоколов» (Сибирские переселения..., 2010: 217). В Туркестане дополнительный налог 25 % на официальную прибыль торговых и промышленных предприятий был введен после принятия Положения о государственном промысловом налоге 1898 г.

Контроль за раскладкой и сбором промыслового налога был возложен на Омскую и Туркестанскую казенные палаты, созданные при них областные податные присутствия и службы податных инспекторов. Территория Степного и Туркестанского генерал-губернаторств была разбита на податные участки, которые соответствовали уездному и областному административно-территориальному делению. Благодаря отчетности податных инспекций, можно выявить проблемы, которые сопутствовали сбору промыслового налога.

Так, в областях Степного края главная проблема для податных инспекторов сводилась к определению юридического статуса торговцев-казахов. По их оценке, оседлая лавочная торговля «была обложена вполне правильно». Но, наряду с ней, существовала «не менее обширная степная торговля, которая в ущерб лавочной развивается, оставаясь совершенно вне контроля податного надзора». Степных торговцев инспекторы делили на несколько категорий: альпсатаров – «перекупщиков» (занимались скупкой товаров или скота в виде промысла), саудагеров (кочующих торговцев, водивших за собой несколько верблюдов, нагруженных товаром), баккалчи (отличались от саудагеров объемом развозимого товара, как правило, они водили за собой не более одного груженого товаром осла или лошадь). Установить контроль за деятельностью и тем более обязать степных торговцев приобретать промысловые свидетельства являлось невозможно задачей для податных инспекций. В начале XX в. в Казахской степи в связи с развитием предприятий добывающей промышленности появились так называемые приисковые лавки. Они создавались для обслуживания приисковых рабочих и нормировались особыми таксами на торговую деятельность. Однако на практике приисковые лавки, освобожденные от промыслового сбора, вели торговлю и среди коренного казахского и крестьянского переселенческого населения, обслуживая целые волости (Сибирские переселения..., 2010: 217-218).

Как отмечал в своем отчете о ревизии податной инспекции Акмолинской и Семипалатинской областей податной ревизор Д.Л. Киреевский в 1902 г., «торговля и промыслы, падая в оседлых поселениях, и взамен того расплываясь по степному краю, постепенно ускользают от надзора правительственных органов, которым при нынешних условиях, безусловно, не под силу бороться с этим явлением». Ревизор констатировал, что, несмотря на оживленную деятельность большинства податных инспекторов «в деле наблюдения за правильностью производства торговли и промыслов, суммы пошлин, выручаемых за промысловые свидетельства, повсеместно из года в год падают». Исключение составлял Омский податный участок Акмолинской области, рост налоговых поступлений которого от предпринимательской деятельности Д.Л. Киреевский объяснял ростом численности населения г. Омска ([Сибирские переселения..., 2010: 219](#)).

Аналогичная ситуация складывалась и в Туркестане. Сбор налогов с торговой и промысловой деятельности был затруднен преобладанием так называемой базарной и степной торговли, «определение которых не могло быть подведено без некоторой натяжки ни под один из видов предусмотренной законом торговли». В 1899 г. Туркестанская казенная палата отнесла базарную и развозную/степную торговлю к категории постоянных ([РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 109](#)). Однако торговцы отказывались приобретать ежегодно промысловые билеты, в связи с чем податным инспекторам было делегировано право составлять протоколы о невыплате налога тем или иным лицом на месте и сразу указывать в нем размер штрафа ([РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 109](#)).

Эффект от составления протоколов, фиксирующих нарушения законодательства в области предпринимательской деятельности, был крайне низким. Этому способствовал ряд обстоятельств, связанных с бюрократическими проволочками. Так, например, при составлении перечня предприятий того или иного податного участка податные инспекторы по должностной инструкции должны были указывать их местонахождение – название улиц, кварталов, караван-сарая, базаров, базарных рядов и площадей, номера жилых строений и т. д. Однако выполнение этих требований было весьма проблематично «даже в русских частях городов Туркестана, не говоря об их туземной части» ([РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 115об.](#)). Податные инспекторы в своих отчетах отмечали, что в базарных рядах туземных селений выявить владельцев торговых помещений не представлялось возможным: «торговцы пользовались ими по обычаю, или бесплатно, или внося за это добровольные пожертвования в пользу какого-либо медресе». Среди коренных жителей типичной являлась практика субаренды оброчных статей и частных недвижимых имуществ. Большинство таких договоров заключалось традиционно «словесным соглашением», не имело подтверждающего документа, «причем стороны меньше всего интересовались точным установлением знаний фамилий, названий улиц, номеров домов». В результате в реестр налогооблагаемых предприятий, по оценке податных инспекторов, включалось не более 50 % от их общей численности. Все остальные предприятия Туркестанская казенная палата записывала в так называемые дополнительные журналы проверки, «независимо от того, будут ли они проверены дополнительно или нет» ([РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 115](#)).

Протоколы о нарушении правил о государственном промысловом налоге податные инспекторы довольно часто составляли «на местности, часто сидя верхом на лошади, в седле, или просто на каком-либо возвышении». Казенная палата такие договоры не принимала, считая, что они оформлены небрежно, и возвращая их на переписку. Все это вынуждало податных инспекторов «уклоняться от составления протоколов совсем или, что еще хуже, составлять их не на месте обнаружения нарушений, а в обстановке, более благоприятной канцелярской работе, с излишним стеснением лиц торгующих и свидетелей» ([РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 107](#)). По данным Омской казенной палаты, в 1899 г. из общей численности протоколов о нарушении промыслового сбора, составленных податными инспекторами, 28,2 % были возвращены на доработку или переписку из-за небрежности. В 1900 г. эта цифра составила 22,3 %, в 1901 г. – 26,3 % ([Сибирские переселения..., 2010: 221](#)).

Принятые Казенной палатой в делопроизводство протоколы о нарушении промыслового сбора часто оставались «без последствий». Так, в Омскую казенную палату в 1899 г. поступило 110 протоколов на лиц, не заплативших налог. В отношении 20,9 % от этой численности нарушителей не было предпринято никаких разбирательств и наказаний в рамках действующего законодательства. В 1900 г. эта цифра составила 12,7 %, в 1901 г. – 49,8 % ([Сибирские переселения..., 2010: 221](#)).

Возвращаясь к Правилам об обложении торговых и промышленных предприятий дополнительным сбором 1885 г., отметим, что финансовые органы Степного и Туркестанского генерал-губернаторств на рубеже XIX–XX вв. неоднократно поднимали вопрос о целесообразности его введения в крае. Так, на 2-м съезде податных инспекторов Омской казенной палаты в декабре 1896 г. было вынесено заключение, что «торговля Степного края в настоящее время достаточно окрепла и не нуждается в льготах». Омская казенная палата несколько раз направляла в Министерство финансов свои аргументы в пользу положительного решения данной ситуации. В 1905 г. податной ревизор Д.Л. Киреевский после ревизии Тобольской губернии отмечал что «ежегодно по несколько торгово-промышленных фирм переносят свои действия из Тобольской губернии в ближайшие к ней местности Акмолинской области, с явной целью уклониться от уплаты дополнительного промыслового налога. За последнее время в этом отношении особенно отличились

заграничные конторы по экспорту масла, большинство которых постепенно ушло из Кургана, преимущественно в Омск и Петропавловск» (Кириллов, 2011: 74).

Тем не менее Департаменты окладных сборов и торговли и мануфактур занимали выжидательную позицию. В 1907 г., к моменту подготовки новой редакции Положения о промышленном налоге, они запросили мнение Омской казенной палаты о целесообразности введения на всей территории Степного края дополнительного промышленного сбора. Она свою позицию подтвердила, заключив, что налог в Степном крае вводить необходимо. Главным аргументом в пользу данного заключения, по мнению налоговиков, выступал рост численности в крае предприятий добывающей и перерабатывающей промышленности, что могло обеспечить существенное увеличение налоговых поступлений от промышленного сбора (Кириллов, 2011: 74). И только осенью 1914 г., после начала мировой войны и обострения бюджетных трудностей, данный вопрос был решен положительно. Начиная с 1915 г., дополнительный промышленный налог был введен и в Степном крае, и Туркестане. Свое решение Министерство финансов подкрепляло данными о том, что массовый переход казахов-кочевников на оседлый образ жизни привел к изменению форм торговли и она в большей степени приобрела характер стационарной. Отмечалось также и активное развитие строительства транспортных коммуникаций, что способствовало формированию в Акмолинской и Семипалатинской областях «целого ряда новых торгово-промышленных центров» (Кириллов, 2011: 74).

Виды промышленных свидетельств, которые приобретали предприниматели в качестве налога, отражали структуру экономики центральноазиатских окраин Российской империи. Преобладающими являлись свидетельства, выдаваемые для ведения торговых операций. В промышленном секторе господствовали предприятия по добыче и переработке продукции. Так, в Семипалатинской области, по данным Омской казенной палаты, в 1910 г. промышленные свидетельства предоставлялись для разработки месторождений золота, в Акмолинской области – месторождений каменного угля и соледобычи, в Туркестане – хлопкоперерабатывающих предприятий и добычи нефти.

В целом объемы налоговых поступлений от промышленного сбора по областям Степного края и Туркестана представлены в Рис. 1–7¹.



Рис. 1. Промышленный сбор Семиреченской области за 1885–1901 гг.

¹ Составлено по ежегодным Обзорам Уральской, Тургайской, Семипалатинской, Семиреченской, Сыдарьинской, Ферганской, Самаркандской областей за 1885–1915 гг.



Рис. 2. Промысловый сбор Сырдарьинской области за 1889–1910 гг.

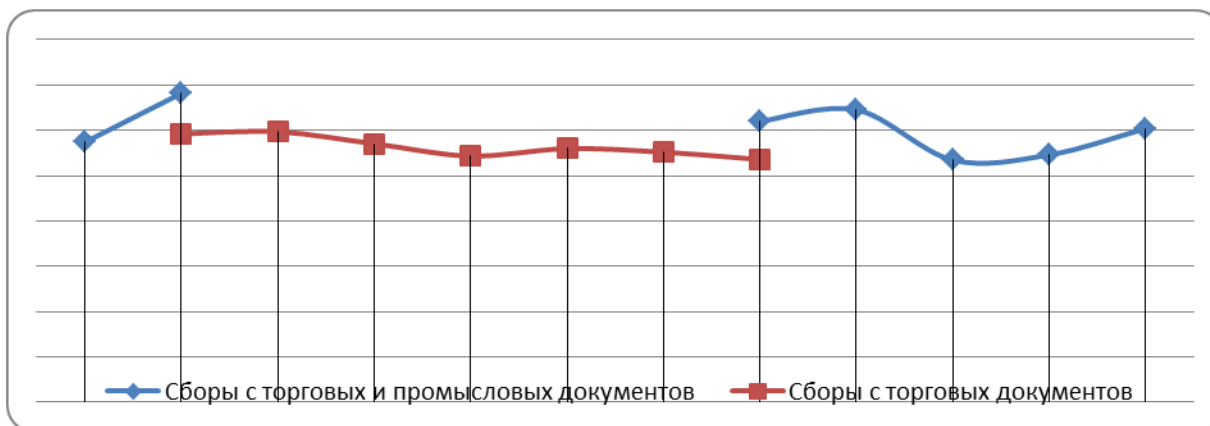


Рис. 3. Промысловый сбор Самаркандской области за 1899–1910 гг.

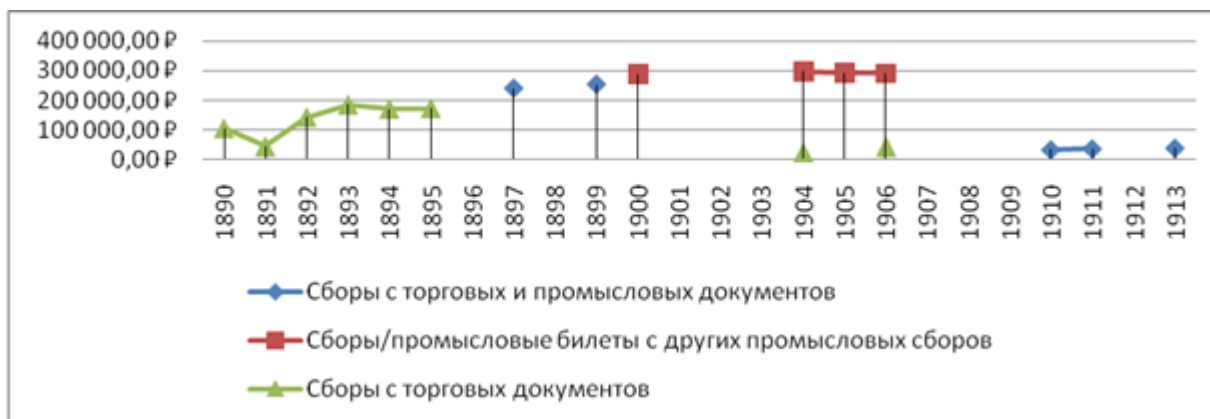


Рис. 4. Промысловый сбор Ферганской области за 1890–1913 гг.



Рис. 5. Промысловый сбор Уральской области за 1887–1915 гг.

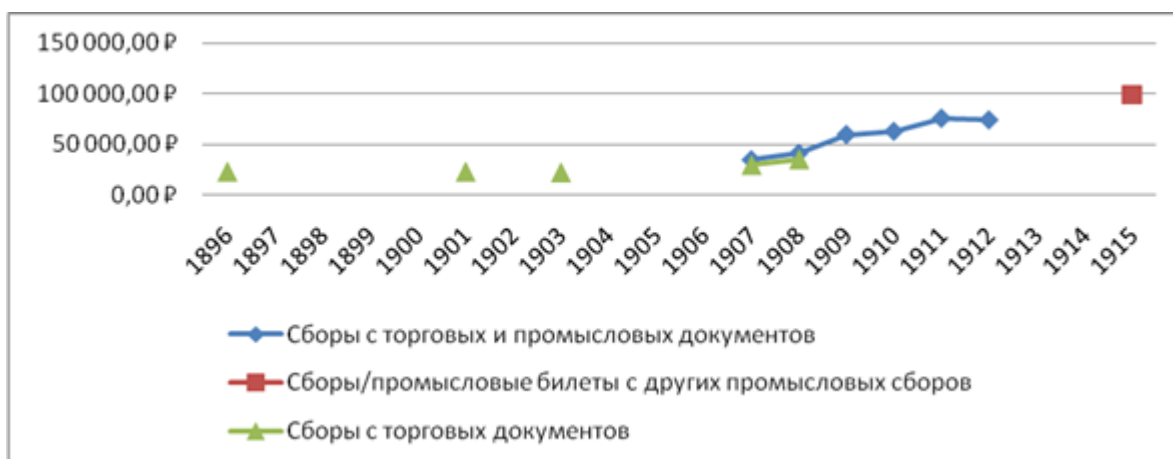


Рис. 6. Промысловый сбор Тургайской области за 1896–1915 гг.

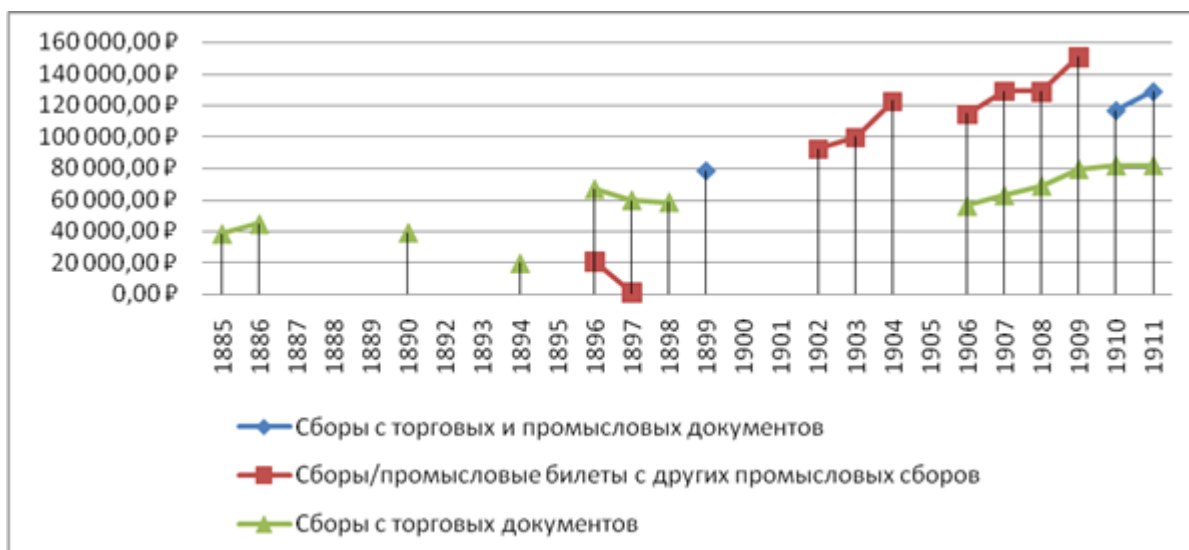


Рис. 7. Промысловый сбор Семипалатинской области за 1885–1911 гг.

Дореволюционная статистика, полученная из Обзоров областей Степного края и Туркестана и отраженная в Рис. 1–7, косвенно характеризует ситуацию с выплатой налогов в данном этнорегионе. Она подтверждает делопроизводственные документы, свидетельствующие о проблемах со сбором первичных сведений о налогоплательщиках податными инспекторами. Однако в Обзорах имеются

значительные отрезки времени с полным отсутствием данных по изучаемым показателям, что значительно затрудняет их анализ.

Характерной особенностью статистики второй половины XIX – начала XX вв. является практически полное отсутствие какой-либо системы унификации данных по промышленным сборам. Сведения собирались в различных, не сопоставимых друг с другом форматах. Так, например, данные об уплате промышленного налога могут быть представлены в рублях, в количестве патентов, количестве предприятий и производств. Иногда в Обзорах приведены проценты прироста сборов без каких-либо конкретных значений. Сведения о доходах от продажи торговых документов игнорируются в источнике еще чаще и заменяются количественными показателями торговых заведений, ярмарок, доходами от продажи товаров и т. п. Сведения о сборах с промышленных и торговых документов представлены иногда общей суммой, иногда по отдельности, и часто из года в год эти сведения неоднородны. Кроме того, в сводных таблицах сумма может быть обозначена как один вид сборов, но на практике включать в себя не только его.

5. Заключение

Подводя итоги, отметим, что на протяжении второй половины XIX в. государство стремилось к унификации налоговой системы центральноазиатских окраин России и приведению ее к общеимперским стандартам. Однако на практике реализация налоговой реформы приобрела специфические черты, что особенно ярко проявилось в ситуации, связанной с введением налога на предпринимательскую деятельность. В частности, с конца 1860-х до середины 1880-х гг. в Туркестане сочеталась российская модель сбора налога на промыслы и торговлю с традиционной закятной системой, действовавшей в регионе до его присоединения к Российской империи. В центральноазиатских окраинах также не были введены в действие Правила об обложении торговых и промышленных предприятий дополнительным сбором 1885 г., юридически определявшие дополнительный налог на прибыль торгово-промышленных предприятий. Ситуация объяснялась незавершенностью формирования региональных финансовых органов в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах, этноконфессиональной спецификой региона, его ориентацией на аграрную модернизацию, связанную с крестьянским переселением и исключавшую высокие темпы развития промышленного сектора экономики. Главные доходы в российскую казну поступали от продажи промышленных свидетельств на право ведения торговых операций. Однако и данные сборы являлись крайне незначительными, что было связано с преобладанием развозной (степной) и базарной торговли и фактической невозможностью ее учета податными инспекциями. Только в 1915 г. на территории центральноазиатских окраин были отменены все льготы в выплате промышленного сбора и в полном объеме введено в действие соответствующее законодательство.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00180 «Социально-экономическая модернизация центральноазиатских окраин Российской империи: междисциплинарные методы реконструкции и оценка эффективности»).

Литература

- Белых, 2005 – Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. М., 2005. 432 с.
- Васильев, 2018 – Васильев Д.В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М., 2018. 636 с.
- Вербина, 2010 – Вербина О.Л. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России во второй половине XIX в. // *История государства и права*. 2010. № 18. С. 25-28.
- Гагусенко, 2011 – Гагусенко И.В. Правовой статус органов промышленных сборов в России во второй половине XIX в. // *Сибирский юридический вестник*. 2011. С. 3-9.
- Гагусенко, 2014 – Гагусенко И.В. Правосубъектность лиц промышленного налогообложения по русскому законодательству второй половины XIX в. // *Сибирский юридический журнал*. 2014. С. 3-10.
- Иванова, 2004 – Иванова Е.В. Этапы эволюции налоговых органов России // *Вестник Омского университета*. 2004. С. 122-127.
- Кириллов, 2011 – Кириллов А.К. Налоговая система Степного края России: Сибирь или Средняя Азия? // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2011. № 3. Вып. 2. С. 71-75.
- Лысенко, 2019 – Лысенко Ю.А. Особенности формирования административно-финансовых институтов в Степном крае (60–90-е гг. XIX в.). // *Известия Алтайского государственного университета*. 2019. С. 34-40.
- Лыкова, 2006 – Лыкова Л.Н. Налоги и налогообложение в России. М., 2006. 384 с.
- Макеева, 2010 – Макеева И.А. Контрольно-налоговая деятельность в дореволюционной России // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2010. С. 31-34.
- Правилова, 2006 – Правилова Е.А. Финансы империи: деньги и власть в политике России на нац. окраинах, 1801–1917. М., 2006. 453 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Обзор Семипалатинской области, 1912 – Обзор Семипалатинской области за 1910 г. Семипалатинск, 1912. 136 с.

Сибирские переселения..., 2010 – Сибирские переселения. Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVII – начале XX вв.: Сборник документов. Новосибирск. 2010. Выпуск 3. С. 160-252.

Соловьева, 2015 – Соловьева И.А., Корепанов А.С. Податные инспекторы Вятской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Вятского государственного университета. 2015. С. 50-56.

Уманский, 2005 – Уманский Ф.С. Роль промыслового налога в формировании финансовой базы местных бюджетов в дореволюционной и советской России // Финансы и кредит. 2005. С. 66-73.

Lysenko, 2020 – Lysenko Yu.A. Taxation System of the Indigenous Population of the Central Asian Suburbs of the Russian Empire and the Problem of Profitability of the Region (70 years of the XIX – early XX century) // Bylye Gody. 2020. Vol. 56. Is. 2. Pp. 709-720.

References

Belyh, 2005 – Belyh, V.S. (2005). Pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoj deyatel'nosti v Rossii. [Legal regulation of entrepreneurial activity in Russia]. Moscow, p. 432. [in Russian]

Gagusenko, 2011 – Gagusenko, I.V. (2011). Pravovoj status organov promyslovyh sborov v Rossii vo vtoroj polovine XIX v. [The legal status of the bodies of fishing fees in Russia in the second half of the XIX century]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik*, pp. 3-9. [in Russian]

Gagusenko, 2014 – Gagusenko, I.V. (2014). Pravosub"ektnost' licpromysloвого nalogooblozheniya po russkomu zakonodatel'stvo v vtoroj poloviny XIX v. [Legal personality of persons of commercial taxation according to the Russian legislation of the second half of the XIX century]. *Sibirskii yuridicheskii zhurnal*. Pp. 3-10. [in Russian]

Ivanova, 2004 – Ivanova, E.V. (2004). Etapy evolyucii nalogovyh organov Rossii [Stages of the evolution of the Russian tax authorities]. *Vestnik Omskogo universiteta*, pp. 122-127. [in Russian]

Kirillov, 2011 – Kirillov, A.K. (2011). Nalogovaya sistema Stepnogo kraja Rossii: Sibir' ili Srednyaya Aziya? [The tax system of the Steppe Region of Russia: Siberia or Central Asia?]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3(2): 71-75. [in Russian]

Lysenko, 2019 – Lysenko, Yu.A. (2019). Osobennosti formirovaniya administrativno-finansovyh institutov v Stepnom krae (60–90-e gg. XIX v.). [Features of the formation of administrative and financial institutions in the Steppe region (60–90 – ies of the XIX century)]. *Izvestiya Altaiskogo gosuniversiteta*, pp. 34-40. [in Russian]

Lysenko, 2020 – Lysenko, Yu.A. (2020). Taxation System of the Indigenous Population of the Central Asian Suburbs of the Russian Empire and the Problem of Profitability of the Region (70 years of the XIX – early XX century). *Bylye Gody*. 56(2): 709-720.

Lykova, 2008 – Lykova, L.N. (2008). Nalogi i nalogooblozhenie v Rossii. [Taxes and taxation in Russia]. Moscow, p. 384. [in Russian]

Makeeva, 2010 – Makeeva, I.A. (2010). Kontrol'no-nalogovaya deyatel'nost' v dorevolucionnoj Rossii. [Control and tax activities in pre-revolutionary Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, pp. 31-34. [in Russian]

Pravilova, 2006 – Pravilova, E.A. (2006). Finansy imperii: den'gi i vlast' v politike Rossii na nac. okrainah, 1801–1917. [Finance of the Empire: money and power in Russian politics at the national level suburbs, 1801–1917]. Moscow, p. 453. [in Russian]

Обзор Семипалатинской области..., 1912 – Обзор Семипалатинской области за 1910 г. [Overview of the Semipalatinsk region for 1910]. Семипалатинск. [in Russian]

РГИА – Российский государственный исторический архив [Russian state historical archive].

Сибирские переселения..., 2010 – Сибирские переселения. Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVII – начале XX вв.: Сборник документов. [Development of the Upper Irtysh region in the second half of the XVII – early XX centuries: A collection of documents]. Новосибирск, Nr. 3, pp. 160-252. [in Russian]

Solov'eva, Korepanov, 2015 – Solov'eva I.A., Korepanov A.S. (2015). Podatnye inspektory Vyatskoj gubernii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Tax inspectors of the Vyatka province (the second half of the XIX – the beginning of the XX century)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, pp. 50-56. [in Russian]

Uman'skij, 2005 – Uman'skij, F.S. (2005). Rol' promysloвого naloga v formirovanii finansovoj bazy mestnyh byudzhetrov v dorevolucionnoj i sovetskoj Rossii [The role of the fishing tax in the formation of the financial base of local budgets in pre-revolutionary and Soviet Russia]. *Finansy i kredit*, pp. 66-73. [in Russian]

Verbina, 2010 – Verbina, O.L. (2010). Pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoj deyatel'nosti v Rossii vo vtoroj polovine XIX v. [Legal regulation of entrepreneurial activity in Russia in the second half of the XIX century]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 18: 25-28. [in Russian]

Vasil'ev, 2018 – Vasil'ev, D.V. (2018). *Bremya imperii. Administrativnaya politika Rossii v Central'noj Azii. Vtoraya polovina XIX v.* [The burden of the Empire. Administrative policy of Russia in Central Asia. The second half of the XIX century]. Moscow, p. 636. [in Russian]

Формирование системы промысловых сборов с промышленности и торговли в центральноазиатских окраинах Российской империи

Юлия Александровна Лысенко ^{a, b, c*}, Оксана Ивановна Чекрыжова ^a

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^b Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе законодательных и делопроизводственных источников реконструируется процесс формирования системы промысловых сборов с промышленности и торговли в центральноазиатских окраинах Российской империи – Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах. Введение налогообложения на торгово-предпринимательскую деятельность в данном этнорегионе во второй половине XIX в. осуществлялось в русле политики унификации его финансово-налогового пространства и приведения к общероссийским стандартам. Однако на практике реализация налоговой реформы приобрела специфические особенности. В частности, с конца 60-х до середины 80-х гг. XIX в. в Туркестане сочеталась российская модель сбора налога на промыслы и торговлю с традиционной закятной системой, действовавшей в регионе до его присоединения к Российской империи. В центральноазиатских окраинах также не были введены в действие Правила об обложении торговых и промышленных предприятий дополнительным сбором 1885 г., юридически определявшие дополнительный налог на прибыль торгово-промышленных предприятий. Ситуация объяснялась незавершенностью формирования региональных финансовых органов в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах, этноконфессиональной спецификой региона, его ориентацией на аграрную модернизацию, связанную с крестьянским переселением и исключавшую высокие темпы развития промышленного сектора экономики. Главные доходы в российский казну поступали от продажи промысловых свидетельств на право ведения торговых операций. Однако и данные сборы являлись крайне незначительными, что было связано с преобладанием развозной (степной) и базарной торговли и фактической невозможностью ее учета податными инспекциями.

Ключевые слова: Российская империя, Степной край, Туркестанский край, модернизация, промысловый сбор, торговля, промышленность.

* Корреспондирующий автор

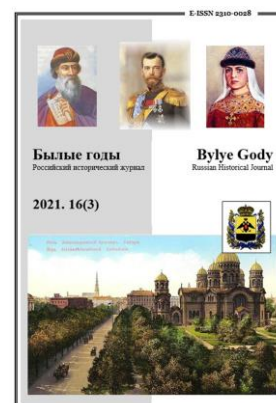
Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко), niigi@yandex.ru (О.И. Чекрыжова)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1288-1298
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1288
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



The Role of Zemstvo Reform of Alexander II in Formation and Development of Russian Local Selfgovernment

Vladimir A. Miroshnik ^{a, *}, Sergey V. Ivlev ^a, Oksana S. Krasilnikova ^a, Christina Yu. Markova ^a

^a Kemerovo State University (KemSU), Russian Federation

Abstract

The article analyzes the zemstvo reform of 1864 and its positive role in the formation of the Russian local selfgovernment. The views of various researchers on the system of local selfgovernment in Russia are presented. The authors give an objective assessment of the reform. The formation and development of the local selfgovernment is important in the Russian state policy, and it is an urgent research topic. Studying one's own historical experience of local self-government is of particular importance. The study is based on the study of the document – "Regulations on provincial and district zemstvo institutions on January 1, 1864" and a complex of archival sources, including archival materials from the history of regions such as the Kemerovo region. This makes it possible to assess the impact of the zemstvo reform in different parts of the Russian Empire, the unevenness and inconsistency in the organization of zemstvo institutions on the ground, the specifics of their activities in different territories of the country. The study provides a historiographic review of the Zemstvo reform, including pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet historiography, analyzes opinions on the effectiveness of the Zemstvo self-government. Attention is drawn to the established stereotype in the negative assessment of the Zemskaya reform, including due to the dominant criticism of the reform in Soviet historiography. In the article, the authors assess the reform of 1864, to a greater extent, not from the organizational and legal side, but from the point of view of the role of zemstvos in improving the economic and economic situation of Russia in the 19th century. The authors note the significant role of zemstvos in improving the situation in almost all social spheres of the state: culture, education, health care, communication, etc.

Keywords: zemstvo reform, local selfgovernment, zemstvos, provincial and uyezd institutions, positive role, Act, all-classes.

1. Введение

Местное самоуправление в России и его полноценность до настоящего времени остается одной из дискуссионных тем в отечественной исторической науке, актуальность которой и возросший к ней в последние годы интерес обусловлены происходящими в стране политическими и социальными изменениями. Опыт разработки дореволюционного законодательства, деятельность земских учреждений должны анализироваться и применяться в законотворческой деятельности для совершенствования системы современного самоуправления, эффективного решения общественных задач. Многие исследователи едины во мнении о формальности управления на местах в дореволюционной России. И хотя Россия знакома с разными формами самоуправления с ранних времен своего существования, начиная с общины древнего славянского общества, даже в случае предоставления обществу элементов самоуправления оно всегда было встроено в вертикаль государственной власти, в отличие от западной системы самоуправления. В дореволюционной России в силу геополитических особенностей и исторической традиции интересы личности, общества в

* Corresponding author

E-mail addresses: va-miroshnik@ya.ru (V.A. Miroshnik), ivlev-sv@mail.ru (S.V. Ivlev), oks-vulf@yandex.ru (O.S. Krasilnikova), korobkova9@mail.ru (Ch.Yu. Markova)

целом всегда были подчинены интересам государства. По нашему мнению, исключением в истории российского местного самоуправления можно считать земскую реформу 1864 года, последовавшую после отмены крепостного права в России в 1861 году. Вопреки сложившейся в истории изучения реформы отрицательной оценке деятельности земств, в дореволюционном самоуправлении земская реформа 1864 г., проводившаяся в условиях широкого общественного реформирования, предоставляла местному самоуправлению широкие организационные возможности. Она активизировала общественную инициативу в реализации насущных интересов населения, что привело в будущем к важным результатам, в частности к созданию альтернативной бюрократической центральной власти представительной системы управления. Поэтому главной целью нашего исследования стало обоснование демократического характера земской реформы 1864 г.

2. Материалы и методы

Основу эмпирической базы исследования составляет анализ архивных материалов и законодательных актов. К архивным материалам относятся документы из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА), отражающие суть земской реформы 1864 г. и работу сословно-представительных органов самоуправления – земств. Это прежде всего циркуляры генерал-губернаторов, отзывы, отчеты губернаторов о недостатках системы местного управления, листовки об открытии образовательных и других заведений, инструкции при назначении на должность генерал-губернаторов; переписки с уездными предводителями дворянства. Все это дает представление о состоянии территорий во время проводимой в России в 1864 г. реформы земского самоуправления (экономика, народное образование, здравоохранение и др.). Важную роль в исследовании играют введенные в широкий научный оборот документы личного происхождения – материалы фонда личного происхождения РГИА: личный архив династии Казнаковых, в частности документы о деятельности Николая Геннадьевича Казнакова (1824–1885 гг.) в должности киевского военного губернатора, генерал-губернатора Западной Сибири, члена Государственного совета; материалы дневников курляндского гражданского губернатора П.А. Валуева (1814–1890 гг.).

Дела из фондов Архивного управления Кузбасса (ГКУ Государственный архив Кузбасса, г. Кемерово) и раздела «История Кемеровской области конца XVIII – начала XX вв.» тематических группировок Российского государственного исторического архива (РГИА) дают представление о состоянии местного самоуправления в Сибирской губернии, позволяют проследить особенности земской реформы в отдельно взятом регионе, имеющем свою специфику.

К основным законодательным актам относятся Положение от 1 января 1864 г. о введении выборных органов местного самоуправления ([Россия. Законы и постановления, 1915](#)), статистические издания государственных и земских органов ([Статистика выборов..., 1918](#)).

К не менее важным источникам относятся материалы периодической печати, в частности интерес представляет историко-литературный журнал «Вестник Европы», в котором имеются статьи о земском самоуправлении с 1890-х по 1906 гг. В исследовании приводятся данные из статьи «Внутреннее обозрение. С.Ю. Витте как государственный деятель. – Главные вопросы реформы местного управления...» (1903), статьи Фирсова Н.Н. «Первый земский съезд (Воспоминания шестидесятника)» (1906), заметок гласного Петербургского губернского земского собрания – журналиста К.К. Арсеньева ([Арсеньев, 1899а: 796-807](#); [Арсеньев 1899а: 796-807](#); [Исторический вестник, 1906: 433-443](#)).

Методология и методы исследования обусловлены его задачами. Методология строится на принципах историзма и применения системного подхода, что позволяет целостно рассмотреть земскую реформу 1864 г. в контексте исторических явлений. Историко-правовой метод дает возможность устанавливать связь между историческими событиями и развитием законодательства. Благодаря сравнительно-историческому подходу стало возможным анализировать историю развития земств, определить общие и частные черты становления местного самоуправления в прошлом и настоящем. Метод анализа применялся для объективной оценки земской реформы 1864 г.

Эволюция основных идей местного самоуправления отразилась в различных теоретических концепциях.

3. Обсуждение

В историографии земского самоуправления можно выделить следующие направления: 1) дореволюционная историография; 2) советская историография;

3) постсоветская историография.

В дореволюционной российской историографии поднимаются две основные темы: история земского самоуправления и теоретические аспекты. К литературе этого периода относятся исследования таких авторов, как В.Н. Лешков (1858, 1865, 1871), А.И. Васильчиков (1870), Г.А. Джаншиев (1892, 1905), Л.Д. Градовский (1868), В.П. Безобразов (1882), Н.М. Коркунов (1909), Б.Н. Чичерин (1899). Ими были изложены и обоснованы две противоположные концепции самоуправления: общественно-хозяйственная и государственная, в основе которых стоял вопрос определения юридического статуса земств. Представители «общественно-хозяйственной теории» –

профессор МГУ В.Н. Лешков и князь А.И. Васильчиков – доказывали идею о том, что земства, учреждавшиеся на принципах выборности и независимости в определенных законом вопросах, являлись в таком случае не органами государственной власти, а институтами общественного самоуправления (Лешков, 1865, 1871; Васильчиков, 1870). В конце XIX – начале XX вв. более распространенной среди исследователей становится «государственная теория», подчеркивающая невозможность обособленности местного самоуправления и государственной власти. Наиболее полно «государственная теория» самоуправления представлена в работах В.П. Безобразова (1882: 401), А.Д. Градовского (1868), В.В. Ивановского (1882), Н.М. Коркунова (1909), Н.И. Лазаревского (1905, 1910), М.И. Свешникова (1892), Б.Н. Чичерина (1899).

В конце XIX – начале XX вв. усиливается интерес к земствам среди либеральной интеллигенции, надеющейся на демократизацию политического строя, результатом чего явилось появление большого количества трудов. Среди них исследования И.П. Белоконого (1914), Б.Б. Веселовского (1909а; 1909b), Г.А. Джаншиева (1892, 1905), А.А. Кизеветтера (1917), Г.Е. Львова (1916), Т.И. Полнера (1908), К.А. Пажитнова (1913), М.Л. Слобожанина (1913), С.И. Шидловского (1904). Особый интерес для нашего исследования представляет монография Б.Б. Веселовского «История земства за сорок лет», в которой отражены многочисленные примеры прогрессивной деятельности земских учреждений (Веселовский, 1909а; Веселовский, 1909b). Первым из ученых, попытавшихся дать оценку участию крестьян в земских учреждениях и определить роль крестьянства в работе земств, стал Е.Д. Максимов (1885, 1895).

Имеются работы дореволюционных историков, основанные на статистике губернских земств и ориентированные на изучение хозяйственно-практических функций российского земства: продовольственной помощи и сельского хозяйства (Сазонов, 1896), статистики (Велецкий, 1899–1900), экономики (Маслов, 1914), образования (Звягинцев, 1914; Фальборк, 2018; Чарнолуцкий, 1910), медицины (Молессон, 1871; Френкель, 1913, 1999).

Оценивая историографию дореволюционного периода, приходим к выводу, что в основном исследования этого времени являлись результатом анализа реальной деятельности земских организаций и считали их либеральными, эффективными, декларирующими социальную справедливость. Научные труды, отрицательно оценивающие работу земств и обосновывающие их упразднение, практически отсутствовали.

Советский период историографии ознаменован упразднением земств и в соответствии с этим резким снижением исследовательской и публикационной активности по этой теме. Большинство советских ученых критиковали земское самоуправление: отрицательная оценка земств дана в работах таких российских историков-марксистов, как М.Н. Покровский и С.Я. Цейтлин (Покровский, 1923; Цейтлин, 1908). Окончательно оформила негативную позицию по отношению к земствам в советской историографии точка зрения В.И. Ленина, который сравнивал земство с «пятым колесом в телеге русского государственного управления» (Ленин, 1972: 35). Это означало, что земские учреждения имели место быть потому, что не нарушали всевластие бюрократической системы, а выборные земские представители были ограничены строгим кругом задач, определяемых чиновниками (Ленин, 1972: 35). В конце 1950-х гг. выходят монографии В.В. Гармизы и Л.Г. Захаровой, в которых внимание уделяется не только детальному описанию хода работ по составлению проекта земской реформы, но и подробно изложен процесс создания актов в земствах, показана историческая обстановка в России того времени (Гармиза, 1957; Великие реформы в России, 1992). В 60-е – нач. 90-х гг. XX в. на фоне «оттепели» и зарождения демократических основ в России в отечественной историографии повышается интерес к истории земства и, как следствие, появляются фундаментальные исследования (Герасименко, 1990; Ерошкина, 1983; Зырянов, 1982: 226-302; Лаптева, Шутов, 1999; Пирумова, 1977, 1992, 1994).

Таким образом, в советской историографии недооценивалась деятельность земств и значение земской реформы в целом. Всесловность земских учреждений, их финансовая самостоятельность и выполняемые задачи подвергались жесткой критике. Исследование конкретной деятельности земств отодвигалось на второй план.

В постсоветской историографии активизируются исследования земской реформы в связи с необходимостью найти более эффективные формы и методы местного самоуправления. Известный писатель, общественный и политический деятель А.И. Солженицын указывал на недостатки и неполноценность советов, организованных коммунистической партией и заменивших земства. Он считал, что советы никогда не обеспечивали местных интересов и потому их нельзя считать реальным самоуправлением. А.И. Солженицын предлагал заменить советы земской системой (Солженицын, 1990: 13). Постсоветская историография характеризуется расширением ряда исследуемых проблем, вводом новых, не изученных ранее источников, совершенствованием методологической базы. В связи с политическими событиями, происходившими в России в 1990-х гг., усиливается практическая значимость исследований земского самоуправления. К постсоветской литературе относятся работы следующих авторов: А.Н. Верещагина (2002), В.В. Еремяна (1999), Н.Г. Королевой (2005), Е.Н. Морозова (2000), И.И. Овчинникова (1999).

Таким образом, современные отечественные исследования характеризуются повышенным интересом к истории местного самоуправления.

Подводя итог историографическому обзору, можем сделать вывод, что земское самоуправление в России оценивалось учеными неоднозначно. В советский период земские учреждения рассматривались как отрицательное явление в организационно-правовой практике России, что было обусловлено политической ситуацией в стране и господством определенной классово-идеологии. Многие авторы склонны недооценивать реформу 1864 г., видеть в ней, напротив, усиление централизованной власти, объясняя необходимость укрепления самодержавия угрозой многочисленных крестьянских восстаний и бунтов, а также недоразумениями, которые могут возникнуть между крестьянами и помещиками, лишившимися своих сословных прав и привилегий (Цейтлин, 1908: 192), видимую возможность крестьян принимать участие в местном управлении в условиях абсолютного большинства дворян, преследующих узкие личные цели и оставляющих в стороне интересы народа, масс (Скалон, 1882: 148). На наш взгляд, Земская реформа Александра II стала беспрецедентным случаем установления полноценного местного самоуправления на вполне демократических принципах: началах бессословности, выборности, разделения полномочий между представительными (земскими собраниями) и исполнительными (земские управы) органами, самостоятельности в решении вопросов местной жизни.

4. Результаты

Проведение Земской реформы в России в 1864 г. стало логичным следствием отмены крепостного права 19 февраля 1861 г. Это было сознательной необходимостью правительства, поскольку в административно-хозяйственном плане земские учреждения должны были помочь организовать положение свободных от крепостной зависимости крестьян. До отмены крепостного права делами крестьян заведовали помещики. В новых условиях освобождения и наделения крестьян землей такое управление было невозможным. Защитники самодержавия отрицательно отнеслись к идее создания земского самоуправления. Александр II, с одной стороны, уступая либеральной общественности, пытался заручиться ее поддержкой, а с другой – определяя состав земств в большинстве дворянским, как бы компенсировал помещикам потерю контроля над крестьянами. К причинам введения земского самоуправления относится также желание оптимизировать сбор земских повинностей и улучшить хозяйство на местах, критически запущенное к моменту начала реформ: неразвитое благоустройство (плохое состояние или отсутствие дорог), отсутствие народного образования и медицинского обслуживания сельских жителей и т.д. В архивных материалах (распоряжения, постановления, переписка) Государственного архива Кузбасса (г. Кемерово) сообщается, что с крестьян до момента введения земств за лечение в общественных больницах взыскивали деньги (ГАКуз. Ф. 22. Оп. 1. Д. 13. Л. 9).

В январе 1864 г. вышло Положение о земских учреждениях, за которым последовало создание в уездах и губерниях сословных органов местного самоуправления – земств. Выборы в новые органы местного самоуправления проходили по трем съездам (куриям). Первая курия – землевладельцев; во вторую курию (городскую) входили купцы первой и второй гильдий, собственники промышленных и торговых городских заведений, владельцы городской недвижимости. Третья курия состояла из сельских крестьян, имущественный ценз на которых не распространялся, но число выборщиков от крестьян на съездах было ограничено (Россия. Законы и постановления, 1915: 1-10). О четком разделении полномочий и соблюдении своих функций представителями земской администрации свидетельствуют следующие материалы особой комиссии при МВД (Кохановской комиссии) из фондов центральных государственных учреждений РГИА: в своде местных ходатайств и представлений об изменениях в положении от 27 июня 1874 г. имеется переписка по вопросу о воспрещении быть поверенными в той губернии, где они состоят гласными; имеется также свод узаконений, определяющих права и обязанности губернского правления и губернского предводителя дворянства; губернского земского собрания, уездного земского собрания, губернской земской управы, уездной земской управы (РГИА. Ф. 1317. Оп. 1. ОЦ. 120. Д. 63, 85-89). Земские учреждения имели право обжаловать в Сенате решения администрации – ст. 118 Положения (Россия. Законы и постановления, 1915: 3-10). Высший надзор за работой земств осуществлял Сенат, ему сообщалось также о нарушении процедуры выборов. Среди дневников, записок и докладов губернатора П.А. Валуева, связанных с его служебной деятельностью, есть рапорт Сенату, заключение о постановлениях губернских дворянских собраний и справка в связи с нарушением губернскими дворянскими собраниями устава о выборах (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. 1823–1894 гг. ОЦ. Д. 11–19).

Важным для оценивания земской реформы 1864 г. является и тот факт, что представители земств могли указывать на выявившиеся в процессе работы какие-либо недостатки данной системы управления и предлагать меры по ее улучшению. В журналах заседаний комиссии о губернских и уездных учреждениях при МВД среди прочих документов часто встречаются отзывы губернаторов о недостатках системы местного управления; циркуляры министра внутренних дел за №163 и №171 о представлении губернаторами указаний на неудобства существующих в губернском управлении порядков, а также заключений о мерах к устранению этих неудобств (15 июня 1870 г. – 20 января

1871 г.); свод отзывов начальников губерний о неудобствах существующей системы губернского управления; мнения разных лиц о преобразовании земской полиции и об увеличении на ее содержание 9-копеечного земского сбора (РГИА. Ф. 1316. Оп. 1. Д. 158). Из фондов личного происхождения министра внутренних дел, Курляндского губернатора Петра Александровича Валуева происходит журнал (копия) Самарской губернской земской управы о посылке губернатору постановлений собрания, в том числе о составлении на него жалобы, в связи с превышениями им полномочий в распоряжениях по народному продовольствию (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. 1823–1894 гг. ОЦ. Д. 11–19).

Земские собрания занимались раскладкой обязательных повинностей, истощавших земский бюджет, утверждением смет, рассмотрением жалоб на членов управ и т.д. Земства уделяли значительное внимание развитию народного образования. Среди материалов фонда Казнаковых, содержащих сведения о государственном деятеле Н.Г. Казнакове, и по совместительству воспитателе великих князей Николая Александровича, Владимира Александровича и Александра Александровича (Александр III), имеется приказ по Сибирскому казачьему войску и циркуляры генерал-губернатора Западной Сибири Казнакова Н.Г. об устройстве женских школ и состоянии начального образования в Западной Сибири, а также Листовка об открытии Тюменского реального училища 16 сентября 1879 г. с упоминанием о роли Н.Г. Казнакова в этом событии (РГИА. Ф. 948. Оп. 1. Д. 68. Д. 72). В 1880 г. в Томске состоялась закладка здания первого Сибирского университета, в сибирских городах и селах были открыты женские училища и среднемедицинские школы. Из архивных документов мы заключаем, что губернатор Н.Г. Казнаков боролся со взяточничеством среди местной администрации земств, привлекал на службу молодых людей с высшим образованием, способствовал развитию ярмарочной торговли (РГИА. Ф. 948. Оп. 1. Д. 63–65). Из документов, составленных в период с 7 февраля 1864 по 18 августа 1865 г. и адресованных киевскому губернатору Н.Г. Казнакову (записки, донесения, предписания, представления, переписка Н.Г. Казнакова с бывшим губернатором Киева Гессе П.И. о стоянии Киевской губернии в 1864 г.), заключаем, что в функции земского самоуправления входило: решения о праве жительства евреев в г. Киеве, преобразование киевской полиции, освещение улиц, содержание арестантов; взыскание податей; предотвращение и ликвидация пожаров; деятельность киевских театров и публичных библиотек; обсуждение мер по улучшению быта помещичьих крестьян; ведение путями сообщения и публичными зданиями; организация работы приютов-яслей во время полевых работ; организация учреждений и принятия необходимых мер для упорядочения обратного передвижения беженцев (РГИА. Ф. 948. Оп. 1. Д. 99; РГИА. Ф. 869. Оп. 1. 1749–1916 гг. ОЦ. Д. 1–90; РГИА. Ф. 1090. Оп. 1. 1894–1917 гг. ОЦ. Д. 185). В материалах личного фонда курляндского гражданского губернатора, министра внутренних дел П.А. Валуева имеется письмо Могилевского архиепископа тайному советнику Помпею Николаевичу Батюшкову, справки и ведомости о постройке православных церквей и школ в Западном крае за декабрь 1864 г. – октябрь 1865 г. (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. 1823–1894 гг. ОЦ. Д. 11–19).

Важным в системе самоуправления России в 1860–1880-х гг. является возможность народа оценивать систему выборных органов и выражать свое отношение к ней. Свидетельством того является ряд сатирических произведений, обнаруженных среди документов рода Казнаковых и касающихся местного самоуправления: сатирическое стихотворение неуставленного автора «Великопостная молитва московских детей» о столкновении московского губернатора П.П. Дурново с московским городским головой М.А. Лямыным (1878 г.); сатирическое стихотворение неуставленного автора по поводу предполагаемого выбора московским городским головой – грека; сатирическое стихотворение Ф.И. Тютчева о М.Н. Лонгинове, начальнике Главного управления по делам печати (РГИА. Ф. 948. Оп. 1. Д. 251–253). В материалах особой комиссии при МВД для составления проектов местного управления (Кохановская комиссия. Фонды центральных государственных учреждений. Фонды особых совещаний, комитетов и комиссий при МВД (1881–1885 гг.) содержатся проекты, мнения, докладные записки частных лиц о недостатках и необходимости переустройства местного самоуправления (РГИА. Ф. 1317. Оп. 1. ОЦ. Д. 59. Л. 448).

В Сибири земства были устроены только в 1917 г., что подтверждается архивными данными по истории Кемеровской области конца XVIII – начала XX вв.: дела о введении земских учреждений в сибирских губерниях; справки о числе волостей в губерниях, где на 1 января 1913 г. еще не было введено земское самоуправление, в том числе в Томской губернии (данные по уездам); протоколы заседания 1-й сессии Томского губернского народного собрания, проект закона об управлении земским хозяйством в губерниях Тобольской и Томской; дело по законопроекту, внесенному в Государственную Думу Министерством внутренних дел, об увеличении личного состава крестьянских учреждений Тобольской, Томской и др. губерний; дело об установлении частного земского сбора с поселян Томской губ. на содержание сельских училищ (1917 г. март – октябрь) (РГИА. Ф. 1288. Оп. 4. Д. 2. Л. 161; РГИА. Ф. 1288. Оп. 4. Д. 3, 8, 20; РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 66; РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 1157. Л. 52; РГИА. Ф. 1152. Т. VIII. Д. 81. Л. 18; РГИА. Ф. 1291. Оп. 37. Д. 354. Л. 99).

Таким образом, в число земских функций входило: организация народного образования, благоустройство (ремонт) дорог и мостов, содержание тюрем, страхование от пожаров, медицинское обслуживание населения, продовольственная помощь и т.д. Несмотря на то, что функции земств

заклучались только в решении хозяйственных вопросов, появление таких учреждений в корне меняло систему местного управления в нашем государстве, ослабляя роль бюрократии.

Следует отметить, что земская реформа была актуальной для России и добилась значительных положительных результатов, но, к сожалению, органы местного самоуправления в виде земств не получили дальнейшего развития из-за проводившихся впоследствии контрреформ Александра III. Новое «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» 1890 года ограничивало функции земств, усиливало права дворян (ПСЗРИ, 1893: 495-511). Имущественный ценз, национальные и другие ограничения лишили значительную часть населения права на самоуправление. Увеличилось число дворян среди гласных. Усиление роли государства в сфере земского самоуправления подтверждалось введением в состав земских собраний должностных лиц от правительства и прежде всего предводителей дворянства.

5. Заключение

Подводя итог, следует отметить, что земское самоуправление сыграло заметную роль в развитии социально-экономической сферы государства. После проведения реформы 1864 г. существенных результатов достигли распространение начального образования и здравоохранение. Для крестьянства стала доступна медицинская помощь, появилось множество сельских школ, земское страхование и представлявшая интерес для Европы отечественная земская статистика, изучавшая все сферы жизни общества. Роль земской реформы 1864 г. в становлении российского местного самоуправления нельзя недооценивать. Анализ приведенного Положения показывает, что формально как перечень вопросов местного значения, так и условия участия в их обсуждении и решении были одинаково доступны для всех сословий тогдашнего российского общества, в том числе и для крестьянства. Более того, отдельные вопросы местного значения касались непосредственно только крестьянства и поэтому были для него особенно интересны, что должно было активизировать их участие в местном самоуправлении. Постоянные жители территорий хорошо знали свои проблемы, поэтому реформа способствовала развитию их инициативы.

Другое дело, насколько только что освободившееся крестьянство было готово к активной деятельности на данном поприще. Но это тема отдельного исследования. Утверждать же, что крестьянство не имело возможности принимать участие в решении вопросов местного значения, некорректно. Оценка содержания вопросов местного значения свидетельствует и о том, что государство стремилось освободиться от ряда функций на местах, передав их в управление земским учреждениям. Это свидетельствует о тенденции к децентрализации власти, пусть даже декларативной. Поэтому, давая комплексную оценку земской реформе, важно избегать крайних позиций.

Опыт проведения Земской реформы 1864 г. показывает возможность создания независимых органов местного самоуправления, что является основой гражданского общества и правового государства.

Литература

- [Арсеньев, 1899a](#) – Арсеньев К.К. Земство и толки о земстве // *Вестник Европы*. 1899. № 2. С. 796-807.
- [Арсеньев, 1899b](#) – Арсеньев К.К. Сословное начало в местном управлении и самоуправлении // *Вестник Европы*. 1889. № 4. С. 802-817.
- [Безобразов, 1882](#) – Безобразов В.П. Государство и общество. Управление, самоуправление и судебная власть. СПб., 1882. 763 с.
- [Белокопский, 1914](#) – Белокопский И.П. Земское движение. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1914. 397 с.
- [Васильчиков, 1870](#) – Васильчиков А.И. О самоуправлении: Сравн. обзор рус. и иностр. зем. и обществ. учреждений. Т. 2. СПб., 1870. 477 с.
- [Велецкий, 1899–1900](#) – Велецкий С.Н. Земская статистика: [Справ. книга по зем. статистике: В 2-х ч.]. М.: М. и С. Сабашниковы, 1899–1900. 3 т.
- [Великие реформы в России, 1992](#) – Великие реформы в России. 1856–1874 / Под ред. Л.Г. Захаровой и др. М.: Изд-во МГУ, 1992. 336 с.
- [Верещагин, 2002](#) – Верещагин А.Н. Земский вопрос в России: политико-правовые отношения. М., 2002. 190 с.
- [Веселовский, 1909a](#) – Веселовский Н.И. История земства за сорок лет. Том первый. СПб.: Издательство О.Н. Поповой, 1909. 741 с.
- [Веселовский, 1909b](#) – Веселовский Н.И. История земства за сорок лет. Том второй. СПб.: Издательство О.Н. Поповой, 1909. 711 с.
- [Внутреннее обозрение, 1903](#) – Внутреннее обозрение. С.Ю. Витте как государственный деятель. – Главные вопросы реформы местного управления: уездный начальник, губернское земство, губернская власть // *Вестник Европы*. СПб., 1866–1918 гг. Т. 5. Кн. 10, октябрь. 1903. С. 776-799.
- [ГАКуз](#) – Государственный архив Кузбасса.

- Гармиза, 1957 – Гармиза В.В. Подготовка земской реформы 1894 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. 264 с.
- Герасименко, 1990 – Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М.: Наука, 1990. 264 с.
- Градовский, 1868 – Градовский А.Д. История местного управления в России. 1868. Т. 1. 527 с.
- Джаншиев, 1892 – Джаншиев Г.А. Земское положение 1864 года (Из истории земского самоуправления) // *Юридический вестник*. 1892. № 9. С. 19-40.
- Джаншиев, 1905 – Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ. СПб., 1905. 859 с.
- Еремян, 1999 – Еремян В.В. История местного самоуправления в России: (XII – нач. XX в.). М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1999. 294 с.
- Ерошкин, 1983 – Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высш. шк., 1983. 352 с.
- Звягинцев, 1914 – Звягинцев Е.А. Народное образование в земствах. М., 1914. 445 с.
- Зырянов, 1982 – Зырянов П.Н. Социальная структура местного управления капиталистической России (1861–1914 гг.) // *Исторические записки*. М.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 107. 1982. С. 226-302.
- Ивановский, 1882 – Ивановский В.В. Опыт изучения деятельности органов земского самоуправления в России. Казань, 1882. 325 с.
- Исторический вестник*, 1906 – *Исторический вестник*. Санкт-Петербург, 1906. С. 433-443.
- Кизеветтер, 1917 – Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России. IX–XIX ст.: исторический очерк. М., 1917. 120 с.
- Коркунов, 1909 – Коркунов Н.М. Русское государственное право. Санкт-Петербург, 1909. 749 с.
- Королева, 2005 – Королева Н.Г. Земское самоуправление в России, 1864–1918: 1 кн. М.: Наука, 2005. 428 с.
- Лазаревский, 1905 – Лазаревский Н.И. Народное представительство и его место в системе других государственных установлений // *Конституционное государство*. СПб., 1905.
- Лазаревский, 1910 – Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 2. Административное право. Ч. 1. Органы управления. СПб., 1910. 276 с.
- Лаптева, Шутов, 1999 – Лаптева Л.Е., Шутов А.Ю. Из истории земского и городского сословного управления в России. М.: Изд-во РАГС, 1999. 320 с.
- Ленин, 1972 – Ленин В.И. Гонимые земства и Аннибалы либерализма / ПСС. Т. 5. М., 1972.
- Лешков, 1858 – Лешков В.Н. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII в. М., 1858. 612 с.
- Лешков, 1865 – Лешков В.Н. Опыт теории земства и его земских учреждений по Положению 1864 года января первого. М., 1865.
- Лешков, 1871 – Лешков В.Н. О праве самостоятельности как основе самоуправления. М., 1871.
- Львов, 1998 – Львов Г.Е. Наше земство и 50 лет его работы. М.: Задруга, 1916. 60 с.
- Максимов, 1885 – Максимов Е.Д. Земские финансы. СПб.: Тип. В. Демакова, 1885. 40 с.
- Максимов, 1895 – Максимов Е.Д. Очерк земской деятельности в области общественного призрения. СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1895. 105 с.
- Маслов, 1914 – Маслов С.Л. Земство и его экономическая деятельность за 50 лет существования: 1864–1914 гг. М.: Изд-во И.Д. Сытина, 1914. 98 с.
- Моллесон, 1871 – Моллесон И.И. Земская медицина: Очерк И.И. Моллесона, зем. врача в с. Перми, чл. О-ва врачей г. Казани. Казань: Университетская типография, 1871. 56 с.
- Морозова, 2000 – Морозова Е.Н. У истоков земской реформы. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2000. 214 с.
- Овчинников, 1999 – Овчинников И.И. Местное самоуправление в системе народовластия. М.: Ин-т государства и права РАН, 1999. 328 с.
- Пажитнов, 1913 – Пажитнов К.А. Городское и земское самоуправление. СПб., 1913. 144 с.
- Пирумова, 1977 – Пирумова Н.М. Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX века. М.: Наука, 1977. 288 с.
- Пирумова, 1992 – Пирумова Н.М. Альтернатива: об истории появления земств в России, их делах и возможностях // *Родина*. 1992. № 8. С. 24-32.
- Пирумова, 1994 – Пирумова Н.М. А фундамент так и не заложили: [К истории российского земства]. // *Родина*. 1994. № 2. С. 55-60.
- Покровский, 1923 – Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. 4-е изд. Ч. 1–2. М.: Государственное изд-во, 1923. 251 с.
- Полнер, 1908 – Полнер Т.И. Общеземская организация на Дальнем Востоке: (со многими иллюстрациями в тексте). Т. 1. М., 1908. 427 с.
- Полнер, 1910 – Полнер Т.И. Общеземская организация на Дальнем Востоке: (со многими иллюстрациями в тексте). Т. 2. М., 1910. 138 с.
- ПСЗРИ, 1893 – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Том X. Отделение 1. 1890 г. СПб., 1893. С. 495-511.
- Положение о земских..., 1892 – Положение о земских участковых начальниках 1889 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 9. СПб., 1892. № 6196. С. 510-524.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Россия. **Законы и постановления, 1915** – Россия. Законы и постановления. Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1 января 1864 г. с последующими изменениями и дополнениями по изданию 1886 г. Сергиев Посад, 1915. 12 с.

Сазонов, 1896 – *Сазонов Г.П.* Обзор деятельности земств по сельскому хозяйству (1865–1895 гг.). СПб., 1896.

Свешников, 1892 – *Свешников М.И.* Основы и пределы самоуправления. СПб.: Типография В. Безобразова и К^о и Ефрона, 1892. 299 с.

Скалон, 1882 – *Скалон В.Ю.* Земские вопросы: Очерки и обозрения. М., 1882. 236 с.

Слобожанин, 1913 – *Слобожанин М.Л.* Из истории и опыта земских учреждений в России, 1913. 551 с.

Солженицын, 1990 – *Солженицын А.И.* Как нам обустроить Россию? Посильные соображения. Париж: YMCA-press, 1990. 50 с.

Статистика выборов..., 1918 – Статистика выборов в земские учреждения за 1883–1886 гг. СПб., 1918. 171 с.

Фальборк, 2018 – *Фальборк Г.А.* Начальное народное образование в России. Том 1. М.: Книга по Требованию, 2018. 431 с.

Фирсов, 1906 – *Фирсов Н.Н.* Первый земский съезд (Воспоминания шестидесятника) // *Исторический вестник*. 1906. Т. 104. № 5. С. 433-443.

Френкель, 1913 – *Френкель З.Г.* Очерки земского врачебно-санитарного дела. СПб.: Тип. АО «Слово», 1913. 228 с.

Френкель, 1999 – *Френкель З.Г.* Волостное самоуправление. М.: Муниципальная власть, 1999. 268 с.

Цейтлин, 1908 – *Цейтлин С.Я.* Земская реформа // *История России в XIX в.* Т. 3: Ч. 2. Эпоха реформ. СПб., 1908. 322 с.

Чарнолуцкий, 1910 – *Чарнолуцкий В.И.* Земство и народное образование. СПб.: Знание, Ч. 1. 1910. 186 с.

Чичерин, 1899 – *Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. М., 1899. 838 с.

Шидловский, 1904 – *Шидловский С.И.* Земство. СПб., 1904. 126 с.

References

Arsenev, 1899a – *Arsenev, K.K.* (1899). Zemstvo i tolki o zemstve [Zemstvo and talk about zemstvo] *Vestnik Evropy*. 2: 796-807. [in Russian]

Arsenev, 1899b – *Arsenev, K.K.* (1899). Soslovnnoe nachalo v mestnom upravlenii i samoupravlenii [Estates in local government and self-government]. *Vestnik Evropy*. 4: 802-817. [in Russian]

Belokonskii, 1914 – *Belokonskii, I.P.* (1914). Zemskoe dvizhenie [Zemsky movement]. М.: Tip. G. Lissnera i D. Sobko, 397 p. [in Russian]

Bezobrazov, 1882 – *Bezobrazov, V.P.* (1882). Gosudarstvo i obshchestvo. Upravlenie, samoupravlenie i sudebnaya vlast [State and Society. Governance, Selfgovernment and the Judiciary]. Sankt-Peterburg, 763 p. [in Russian]

Charnoluskii, 1910 – *Charnoluskii, V.I.* (1910). Zemstvo i narodnoe obrazovanie [Zemstvo and public education]. Sankt-Peterburg: Znanie, Ch. 1. 186 p. [in Russian]

Chicherin, 1899 – *Chicherin, B.N.* (1899). O narodnom predstavitelstve [On the people's representation]. М., 838 p. [in Russian]

Dzhanshiev, 1892 – *Dzhanshiev, G.A.* (1892). Zemskoe polozhenie 1864 goda (Iz istorii zemskogo samoupravleniya) [Zemsky Regulations of 1864 (From the History of Zemsky Self-Government)] *Yuridicheskii vestnik*. 9: 19-40. [in Russian]

Dzhanshiev, 1905 – *Dzhanshiev, G.A.* (1905). Epokha velikikh reform [The era of great reforms]. SPb., 859 p. [in Russian]

Eremyan, 1999 – *Eremyan, V.V.* (1999). Istoriya mestnogo samoupravleniya v Rossii: (XII – nach. XX v.) [History of local self-government in Russia: (XII – early XX century)]. М.: Publishing house Ros. University of Friendship of Peoples, 1999. 294 p. [in Russian]

Eroshkin, 1983 – *Eroshkin, N.P.* (1983). Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolutsionnoi Rossii [The history of state institutions in pre-revolutionary Russia]. М.: Vyssh. shk., 352 p. [in Russian]

Falborck, 2018 – *Falborck, G.A.* (2018). Nachalnoe narodnoe obrazovanie v Rossii [Primary public education in Russia]. Том 1. М.: Книга по Требованию, 431 p. [in Russian]

Firsov, 1906 – *Firsov, H.H.* (1906). Pervyi zemskii s"ezd (Vospominaniya shestidesyatnika) [First Zemstvo Congress (Memories of the Sixties)]. *Istoricheskii vestnik*. Т. 104. №5. Pp. 433-443. [in Russian]

Frenkel, 1913 – *Frenkel, Z.G.* (1913). Oчерki zemskogo vrachebno-sanitarnogo dela [Essays on zemstvo medical and sanitary affairs]. Sankt-Peterburg: tip. АО "Slovo", 1913. 228 p. [in Russian]

Frenkel, 1999 – *Frenkel, Z.G.* (1999). Volostnoe samoupravlenie [Volost self-government]. М.: Munitsipalnaya vlast, 268 p. [in Russian]

- Garmiza, 1957** – *Garmiza, V.V.* (1957). Podgotovka zemskoi reformy 1894 goda [Preparation of the Zemstvo reform of 1894]. Moscow University Publishing House, 264 p. [in Russian]
- Gerasimenko, 1990** – *Gerasimenko, G.A.* (1990). Zemskoe samoupravlenie v Rossii [Zemstvo self-government in Russia]. M.: Nauka, 264 p. [in Russian]
- Gradovskii, 1868** – *Gradovskii, A.D.* (1868). Istoriya mestnogo upravleniya v Rossii [History of local government in Russia]. T. 1. 527 p. [in Russian]
- Istoricheskii vestnik, 1906** – *Istoricheskii vestnik*. Sankt-Peterburg, 1906. pp. 433-443. [in Russian]
- Ivanovskii, 1882** – *Ivanovskii, V.V.* (1882). Opyt izucheniya deyatelnosti organov zemskogo samoupravleniya v Rossii [Experience in Studying the Activities of Zemstvo Self-Government Bodies in Russia]. Kazan, 325 p. [in Russian]
- Kizevetter, 1917** – *Kizevetter, A.A.* (1917). Mestnoe samoupravlenie v Rossii. IX–XIX st.: istoricheskii ocherk [Local government in Russia. IX–XIX cent.: historical sketch]. Moskva, 120 p. [in Russian]
- Korkunov, 1909** – *Korkunov, N.M.* (1909). Russkoe gosudarstvennoe pravo [The Russian State Law]. Sankt-Peterburg, 749 p. [in Russian]
- Koroleva, 2005** – *Koroleva, N.G.* (2005). Zemskoe samoupravlenie v Rossii, 1864–1918 [Zemstvo self-government in Russia, 1864-1918]. 1 kn. M.: Nauka, 428 p. [in Russian]
- Lapteva, Shutov, 1999** – *Lapteva, L.E., Shutov, A.Yu.* (1999). Iz istorii zemskogo i gorodskogo soslovnogo upravleniya v Rossii [From the history of the zemstvo and city estate administration in Russia]. M.: Izd-vo RAGS, 320 p. [in Russian]
- Lazarevskii, 1905** – *Lazarevskii, N.I.* (1905). Narodnoe predstavitel'stvo i ego mesto v sisteme drugikh gosudarstvennykh ustanovlenii [Representation of the people and its place in the system of other state institutions]. *Konstitutsionnoe gosudarstvo*. SPb. [in Russian]
- Lazarevskii, 1910** – *Lazarevskii, N.I.* (1910). Lektsii po russkomu gosudarstvennomu pravu [Lectures on the Russian State Law]. T. 2. Administrativnoe pravo. Ch. 1. Organy upravleniya. Sankt-Peterburg, 276 p. [in Russian]
- Lenin, 1972** – *Lenin, V.I.* (1972). Goniteli zemstva i Annibaly liberalyuma [Persecutors of the Zemstvo and Annibals of the Liberalum]. PSS. T. 5. M. [in Russian]
- Leshkov, 1858** – *Leshkov, V.N.* (1858). Russkii narod i gosudarstvo. Istoriya russkogo obshchestvennogo prava do XVIII v. [The Russian People and the State. The History of the Russian Public Law until the 18th Century]. Moskva. 612 p. [in Russian]
- Leshkov, 1865** – *Leshkov, V.N.* (1865). Opyt teorii zemstva i ego zemskikh uchrezhdenii po Polozheniyu 1864 goda yanvarya pervogo [The experience of the theory of the zemstvo and its zemstvo institutions according to the Regulations of January 1864]. M. [in Russian]
- Leshkov, 1871** – *Leshkov, V.N.* (1871). O prave samostoyatel'nosti kak osnove samoupravleniya [On the right of independence as the basis of self-government]. M. [in Russian]
- Lvov, 1998** – *Lvov, G.E.* (1998). Nashe zemstvo i 50 let ego raboty [Our zemstvo and 50 years of its work]. Moskva: Zadruga, 60 p. [in Russian]
- Maksimov, 1885** – *Maksimov, E.D.* (1885). Zemskie finansy [Zemsky Finance]. Sankt-Peterburg: tip. V. Demakova, 40 p. [in Russian]
- Maksimov, 1895** – *Maksimov, E.D.* (1895). Ocherk zemskoi deyatelnosti v oblasti obshchestvennogo prizreniya [Essay on zemstvo activities in the field of public charity]. Sankt-Peterburg: tip. Pravitelstvuyushchego senata, 105 p. [in Russian]
- Maslov, 1914** – *Maslov, S.L.* (1914). Zemstvo i ego ekonomicheskaya deyatelnost za 50 let sushchestvovaniya: 1864–1914 gg. [Zemstvo and its economic activity for 50 years of existence: 1864–1914]. Moskva: Izd-vo I.D. Sytina, 98 p. [in Russian]
- Molleson, 1871** – *Molleson, I.I.* (1871). Zemskaya meditsina: Ocherk I.I. Mollesona, zem. vracha v s. Permi, chl. O-va vrachei g. Kazani [Zemsky medicine: Essay by I.I. Molleson, land doctor in the village. Perm, member. Islands of doctors of Kazan]. Kazan: Universitetskaya tipografiya, 56 p. [in Russian]
- Morozova, 2000** – *Morozova, E.N.* (2000). U istokov zemskoi reformy [At the origins of the Zemstvo reform]. Saratov: Saratov University Publishing House, 214 p. [in Russian]
- Ovchinnikov, 1999** – *Ovchinnikov, I.I.* (1999). Mestnoe samoupravlenie v sisteme narodovlastiya [Local self-government in the system of democracy]. M.: In-te of State and Law of the Rus. Academy of Sciences, 328 p. [in Russian]
- Pazhitnov, 1913** – *Pazhitnov, K.A.* (1913). Gorodskoe i zemskoe samoupravlenie [City and Zemstvo self-government]. SPb, 144 p. [in Russian]
- Pirumova, 1977** – *Pirumova, N.M.* (1977). Zemskoe liberalnoe dvizhenie: Sotsialnye korni i evolyutsiya do nachala XX veka [Zemsky Liberal Movement: Social roots and evolution until the beginning of the 20th century]. M.: Nauka, 288 p. [in Russian]
- Pirumova, 1992** – *Pirumova, N.M.* (1992). Alternativa: Ob istorii poyavleniya zemstv v Rossii, ikh delakh i vozmozhnostyakh [Alternative: On the history of the emergence of zemstvos in Russia, their deeds and opportunities]. *Rodina*. 8: 24-32. [in Russian]
- Pirumova, 1994** – *Pirumova, N.M.* (1994). A fundament tak i ne zalozhili [And the foundation was never laid]. *Rodina*. 2: 55-60. [in Russian]

- Pokrovskii, 1923** – *Pokrovskii, M.N.* (1923). Russkaya istoriya v samom szhatom ocherke [Russian history in the most concise outline]. 4-e izd. Ch. 1–2. Moskva: Gosudarstvennoe izd-vo, 251 p. [in Russian]
- Polner, 1908** – *Polner, T.I.* (1908). Obshchezemskaya organizatsiya na Dalnem Vostoke: (so mnogimi illyustratsiyami v tekste) [All-Earth Organization in the Far East: (with many illustrations in the text)]. T. 1. M., 427 p. [in Russian]
- Polner, 1910** – *Polner, T.I.* (1910). Obshchezemskaya organizatsiya na Dalnem Vostoke: (so mnogimi illyustratsiyami v tekste) [All-Earth Organization in the Far East: (with many illustrations in the text)]. T. 2. M., 138 p [in Russian]
- Polozhenie o zemskikh..., 1892** – Polozhenie o zemskikh uchastkovykh nachalnikakh 1889 g. [Regulations on zemstvo district chiefs in 1889]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie tretie. T. 9. SPb., 1892. № 6196. pp. 510-524. [in Russian]
- PSZRI, 1893** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie Tretie. Tom X. Otdelenie 1. 1890 g. SPb, 1893. Pp. 495-511. [in Russian]
- Rossiya. Zakony i postanovleniya, 1915** – Rossiya. Zakony i postanovleniya. Polozhenie o gubernskikh i uездnykh zemskikh uchrezhdeniyakh 1 yanvara 1864 g. s posleduyushchimi izmeneniyami i dopolneniyami po izdaniyu 1886 g. [Russia. Laws and Regulations. Regulations on Provincial and District Zemstvo Institutions on January 1, 1864, with Subsequent Amendments and Additions for the 1886 edition]. Sergiev Posad, 1915. 12 p. [in Russian]
- Sazonov, 1896** – *Sazonov, G.P.* (1896). Obzor deyatelnosti zemstv po selskomu khozyaistvu (1865–1895 gg.) [Overview of the activities of zemstvos in agriculture (1865-1895)]. Sankt-Peterburg. [in Russian]
- Shidlovskii, 1904** – *Shidlovskii, S.I.* (1904). Zemstvo [Zemstvo]. SPb., 126 p. [in Russian]
- Skalon, 1882** – *Skalon, V.Yu.* (1882). Zemskie voprosy: Ocherki i obozreniya [Zemsky Questions: Essays and Reviews]. Moskva, 236 p. [in Russian]
- Slobozhanin, 1913** – *Slobozhanin, M.L.* (1913). Iz istorii i opyta zemskikh uchrezhdenii v Rossii [From the history and experience of zemstvo institutions in Russia], 551 p. [in Russian]
- Solzhenitsyn, 1990** – *Solzhenitsyn, A.I.* (1990). Kak nam obustroit' Rossiyu?: Posilnye soobrazheniya [How can we arrange Russia?: Feasible considerations]. Parizh: YMCA-press, 50 p. [in Russian]
- Statistika vyborov..., 1918** – Statistika vyborov v zemskie uchrezhdeniya za 1883–1886 gg. [Statistics of elections to zemstvo institutions for 1883–1886]. SPb, 1918. 171 p. [in Russian]
- Sveshnikov, 1892** – *Sveshnikov, M.I.* (1892). Osnovy i predely samoupravleniya [Foundations and limits of self-government]. Sankt-Peterburg: tipografiya V. Bezobrazova i K° i Efrona, 299 p. [in Russian]
- Tseitlin, 1908** – *Tseitlin, S.Ya.* (1908). Zemskaya reforma [Zemskaya Reform]. Istoriya Rossii v XIX v. T. 3: Ch. 2. Epokha reform. Sankt-Peterburg, 322 p. [in Russian]
- Tseitlin, 1908** – *Tseitlin, S.Ya.* (1908). Zemskaya reforma [Zemskaya reform]. Istoriya Rossii v XIX v. T. 3: Ch. 2. Epokha reform. Sankt-Peterburg, 322 p. [in Russian]
- Vasilchikov, 1870** – *Vasilchikov, A.I.* (1870). O samoupravlenii: Sravn. obzor rus. i inostr. zem. i obshchestv. uchrezhdenii [On Selfgovernment: Comp. Review of Rus. and Foreign Zemstvo and Public Institutions]. T. 2. Sankt-Peterburg, 477 p. [in Russian]
- Veletskii, 1899–1900** – *Veletskii, S.N.* (1899–1900). Zemskaya statistika [Zemskaya statistics]. Moskva: M. i S. Sabashnikovy, 1899–1900. 3 t. Velikie reformy v Rossii. 1856–1874. M.: Moscow State University Publishing House, 1992. 336 p. [in Russian]
- Vereshchagin, 2002** – *Vereshchagin, A.N.* (2000). Zemskii vopros v Rossii: politiko-pravovye otnosheniya [Zemsky question in Russia: political and legal relations]. M., 190 p. [in Russian]
- Veselovskii, 1909a** – *Veselovskii, N.I.* (1909). Istoriya zemstva za sorok let [Zemstvo history for forty years]. Tom pervyi. SPb: Izdatelstvo O.N. Popovoi, 741 p. [in Russian]
- Veselovskii, 1909b** – *Veselovskii, N.I.* (1909). Istoriya zemstva za sorok let [Zemstvo history for forty years]. Tom vtoroi. SPb.: Izdatelstvo O.N. Popovoi, 711 p. [in Russian]
- Vnutrennee obozrenie, 1903** – Vnutrennee obozrenie. S.Yu. Vitte, kak gosudarstvennyi deyatel. – Glavnye voprosy reformy mestnogo upravleniya: uездnyi nachalnik, gubernskoe zemstvo, gubernskaya vlast [Internal Review. S.Yu. Witte as a statesman. – The main issues of the reform of local government: the county governor, the provincial zemstvo, the provincial government]. *Vestnik Evropy*. Sankt-Peterburg, 1866–1918 gg. T. 5, kn. 10, oktyabr. 1903, p. 776-799. [in Russian]
- Zvyagintsev, 1914** – *Zvyagintsev, E.A.* (1914). Narodnoe obrazovanie v zemstvakh [Public education in zemstvos]. Moskva, 445 p. [in Russian]
- Zyryanov, 1982** – *Zyryanov, P.N.* (1982). Sotsial'naya struktura mestnogo upravleniya kapitalisticheskoi Rossii (1861–1914 gg.) [The social structure of local government in capitalist Russia (1861–1914)]. Istoricheskie zapiski. M.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1937. T. 107. Pp. 226-302. [in Russian]

Роль земской реформы Александра II в становлении и развитии российского местного самоуправления

Владимир Александрович Мирошник ^{а,*}, Сергей Викторович Ивлев ^а,
Оксана Сергеевна Красильникова ^а, Кристина Юрьевна Маркова ^а

^а Кемеровский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется Земская реформа в России в 1864 г. и ее положительная роль в формировании российского местного самоуправления. Приводятся выводы разных исследователей о системе местного самоуправления в российской практике. Дается объективная оценка реформы авторами статьи. Становление и развитие местного самоуправления занимает важное место в российской государственной политике и является актуальной темой для исследований. Изучение собственного исторического опыта самоуправления на местах представляет особую значимость. Исследование базируется на изучении документа «Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1 января 1864 г.» и комплекса архивных источников, в том числе архивных материалов из истории таких регионов, как Кемеровская область. Это дает возможность оценить влияние земской реформы в разных районах Российской империи, неравномерность и непоследовательность в организации земских учреждений на местах, специфику их деятельности на разных территориях страны. В исследовании приводится историографический обзор Земской реформы, включающий дореволюционную, советскую и постсоветскую историографию, дан анализ мнений по поводу эффективности земского самоуправления. Обращается внимание на утвердившийся отрицательный стереотип в оценке Земской реформы, в том числе из-за доминирующей критики реформы в советской историографии. В статье авторы оценивают реформу 1864 г. в большей степени не с организационно-правовой стороны, а с точки зрения роли земств в улучшении хозяйственно-экономического положения России в XIX в. Авторами отмечается значимая роль земств в улучшении положения практически всех социальных сфер государства: культуры, образования, здравоохранения, коммуникации и др.

Ключевые слова: земская реформа, местное самоуправление, земства, губернские и уездные учреждения, положительная роль, Положение, всесословность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: va-miroshnik@ya.ru (В.А. Мирошник), ivlev-sv@mail.ru (С.В. Ивлев), oks-vulf@yandex.ru (О.С. Красильникова), korobkova@mail.ru (К.Ю. Маркова)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1299-1307
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1299
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms

Alexander G. Gryaznukhin ^{a,*}, Tatiana V. Gryaznukhina ^a, Tatyana G. Karchaeva ^a, Anna S. Zhulaeva ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The subject matter of the present paper is conservatism as a political trend and its place in the development of Russia in the post-reform period. The ideology of conservatism depended largely on the views and personal qualities of the representatives of the movement, for this reason, the paper brings up the background and addresses the works of its most distinguished figures. Assessment of the socio-political situation, created in Russia in the 70-80s of the XIX century, analyzed based on scientific facts, as well as revealed through the spectacle of its perception by contemporaries, gives an idea of the conditions, the conservatives conducted their affairs in. Analysis of the processes under way in the society helps to identify the grounds of evolution of the views of many leaders of the movement from liberalism towards conservatism. The conservatives' attitude to the press, being an important component of their political activity, which they used as a means to influence the public opinion, bespeaks of the ambition to scale up their support base.

Analysis of relations of the followers of conservatism with the representatives of the liberal movement, social democrats, and government structures helps to determine the place and role of conservatism in the political system of the society. The mistakes, the conservatives made in the course of their political activities, analyzed in the paper, assist understanding the reasons for their main objective, which was ensuring stability in the development of Russia, not to be attained.

Keywords: conservatism, liberalism, great reforms, Russia, zemstvos, ideology, government, press, K. P. Pobedonostsev, M.N. Katkov.

1. Введение

«В эпоху преобразований, все охватывающих и все изменяющих, не худо иногда войти в себя и спросить, куда мы идем, что мы оставляем позади, что мы берем с собой» (Катков, 2009: 52). Эти вопросы, поставленные перед современниками Михаилом Никифоровичем Катковым более века назад, не теряют своей актуальности, особенно в период выбора путей дальнейшего развития страны. Вопрос ее выживания напрямую связан с осознанием необходимости сохранения самобытности, традиционных ценностей, которые способны обеспечить целостность всей культуры. Поэтому обращение к национальным традициям, которое предлагается консервативной идеей, вполне может рассматриваться как ответ на исторический вызов и попытку сохранения национальной идентичности, без которой невозможно развитие страны как некой целостности. В этой связи первейшей необходимостью является преодоление стереотипного восприятия консерватизма как идеологии, символизирующей регресс и реакцию. Неоднородность российского консерватизма предполагает неоднозначный подход в оценке его как политического течения.

Если реакционный консерватизм, отвергая какие-либо реформы, отстаивал интересы помещиков-крепостников, то консерватизм охранительного толка выступал за сохранение традиций,

* Corresponding author

E-mail addresses: agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina), tatyana-verkhoturova@yandex.ru (T.G. Karchaeva)

которые способны были обеспечить стабильность и предсказуемость дальнейшего развития, не исключая возможности проведения преобразований.

Общим для всех консерваторов было их православное мировоззрение, сакральное отношение к самодержавной власти. Рассматривая фигуру царя как надклассовую, надгосударственную, они находили вполне естественной необходимость всеобщего подчинения воле монарха, который, по их мнению, руководствуется божьим промыслом. Права и интересы личности, защищавшиеся либералами, консерваторами даже не рассматривались, приоритет государственного начала над личностным не подлежал сомнению. Идеиная направленность консерватизма объясняется прежде всего тем, что его основной социальной базой первоначально было земледельческое дворянство, заинтересованное в сохранении своего жизненного уклада. Пополнение рядов консерваторов за счет интеллигенции к концу века внесло определенные коррективы в их взгляды на происходившие в стране процессы. Так, в целях расширения своей социальной базы консерваторы стали предпринимать действия по решению отдельных социальных вопросов (Начапкин, 2002: 119). И если в целом консерватизм не дал единой целостной концепции по переустройству общества, то его отдельные представители составляли собственные программы, в которых предлагали решение конкретных вопросов, стоявших перед обществом. С такой программой в 1879 г. обратился в письме к Александру II генерал Р. Фадеев (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 512. Л. 1-10). Отстаивая такие традиционные для консерватизма ценности, как самодержавие и православие, в решении вопроса о крестьянской общине он скорее придерживался взглядов либерального толка. Это, видимо, и явилось причиной того, что ни Победоносцевым, ни Катковым эта программа принята не была. Л. Тихомиров, являясь одним из ведущих идеологов консерватизма, создал свою монархическую концепцию власти, которую рассматривал в правовом аспекте. И хотя в правительственных кругах не всегда придерживались рекомендаций консерваторов, в целом идеологи консерватизма во многом определили политическое развитие страны в пореформенные десятилетия. Находясь в непосредственной близости к власти, сторонники консервативной идеи имели возможность вмешиваться практически во все аспекты общественной жизни, влияя на принимаемые монархом решения.

2. Материалы и методы

Источниковой базой статьи являются документы Государственного архива Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), Российского государственного архива литературы и искусства (Москва, Российская Федерация), воспоминания современников и программные труды теоретиков российского консерватизма.

Методологической основой работы являются общенаучные методы с использованием специальных исторических методов исследования. Цивилизационный подход при рассмотрении исторических процессов, происходивших в России, предполагает необходимость анализа и рассмотрения различных аспектов жизни и деятельности представителей консервативной мысли, сыгравших значительную роль в определении судьбы всей страны. Принцип историзма позволил проанализировать во взаимосвязи с конкретно-историческими условиями пореформенной России становление и развитие идей русского консерватизма. При помощи проблемно-хронологического метода удалось рассмотреть процессы и события в их закономерностях и последовательности. Историко-генетический метод дал возможность выявить факторы, повлиявшие на обострение социально-политической ситуации в пореформенной России и противостояние консервативного и либерального вектора развития страны.

3. Обсуждение

Роль и место консерватизма в пореформенной России в большой степени определяла практическая и публицистическая деятельность лидеров этого движения. В этом плане особый интерес представляют труды М. Каткова (Катков, 2009), К. Победоносцева (Победоносцев, 1996). Важные сведения об общественно-политических процессах, происходивших в стране, представлены в трудах современников той эпохи, воспоминаниях Л. Пантелеева (Пантелеев, 1958), сочинениях С. Степняка-Кравчинского (Степняк-Кравчинский, 1987). Основным аспектам жизни и деятельности К. Победоносцева посвящена монография «К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России» (Полунов, 2010). Своеобразной попыткой реабилитировать обер-прокурора Святейшего Синода в глазах наших современников является историческое повествование Ю. Щеглова «Победоносцев: Вернопреданный» (Щеглов, 2004). Всестороннему анализу политической деятельности выдающегося представителя консервативного движения К. Леонтьева посвящено исследование С. Хатунцева (Хатунцев, 2007). Фундаментальный характер имеют труды профессора А. Репникова. В своих работах он производит всесторонний анализ истории развития русского консерватизма, рассматривая предлагаемые им модели российской государственности, анализируя их концепции самодержавного государства и власти (Репников, 2007, Репников, 2014). Вопросы эволюции русского консерватизма XIX в. рассмотрены в монографии М. Начапкина (Начапкин, 2002). Анализу религиозно-философских воззрений консерваторов посвящена монография В. Камнева (Камнев, 2010). Различные аспекты государственной власти, консервативные модели

внутриполитического развития России, взаимодействие власти с обществом рассмотрены в коллективной монографии «Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления» (Российская империя, 2004). Роли консерватизма в литературе, его влиянию на общественную мысль посвящен сборник статей «Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века» (Российский консерватизм, 2003). Богатый фактический материал по истории рассматриваемого периода представлен в авторском курсе лекций выдающегося ученого А. Корнилова (Корнилов, 2004). Высокую оценку в глазах консерваторов имело творчество Ф. Достоевского, которое, по их мнению, способствовало нравственному совершенствованию общества. Творческой деятельности писателя посвящен труд Ю. Селезнева (Селезнев, 1990). Анализ консервативной доктрины генерала Р. Фадеева представлен в исследовании Н. Гриценко (Гриценко, 2016). Взаимоотношения М. Каткова и К. Победоносцева рассматриваются в статье А. Полунова (Полунов, 2019). Взаимоотношения консерваторов с либеральной прессой исследованы В. Китаевым (Китаев, 2014).

Канадский ученый П. Робинсон, определяя современное положение России в качестве междунациональной консервативной державы, обращается в своем труде к истории развития русского консерватизма (Robinson, 2019). Государственные проблемы, стоявшие перед Россией и предлагаемые способы их решения, являются предметом исследования французского профессора Ж. Соколоффа (Соколофф, 2008). Подробный анализ реформ содержится в книге профессора Д. Хоскинга, посвященной истории России (Хоскинг, 2003). Несмотря на большое количество уже изданной литературы, посвященной консерватизму, интерес к нему не ослабевает со временем. Отдельные вопросы пореформенной истории России по-прежнему нуждаются в дополнительном исследовании.

4. Результаты

Влияние идей консерваторов на ход исторического развития страны во многом определялся масштабами их личностей. Так, злым гением России считали современники К.П. Победоносцева. Само определение «гений» уже говорит о масштабах его личности. 25 лет страна прислушивалась к тому, что он говорил, подчиняясь его неукоснительной воле. Неординарность фигуры обер-прокурора Синода отмечали как сторонники, так и противники. Даже представители либерального лагеря признавали возможность «совмещения абсолютной власти с проведением прогрессивных реформ» (Gryaznukhina et al., 2021: 653). Убежденность в необходимости для России неограниченной власти царя, которая только и может спасти страну от революционных потрясений и гарантировать стабильность развития, обеспечили Победоносцеву сочувствие и поддержку со стороны редактора М. Каткова. Неприязнь к демократии, культ сильной власти включали в число его сторонников и представителя консервативного либерализма Б. Чичерина. Правда, серьезные расхождения по многим другим вопросам делали этот союз весьма непрочным. Неприязнь к либерализму, западной культуре, опора на веру, в которой он видел залог стабильности, сближала Победоносцева с Достоевским.

Определенную роль в формировании взглядов будущих лидеров консервативного движения сыграли семейные ценности. Так, например, патриотизм, понимаемый как верность монархии, и глубокая религиозность лежали в основе семейных традиций Леонтьева и Победоносцева. Интерес представляет и тот факт, что все корифеи консервативной мысли России, К. Победоносцев, М. Катков, Д. Толстой, Л. Тихомиров, К. Леонтьев, прошли путь эволюционного изменения своих взглядов от увлечения либеральными идеями к консервативным воззрениям, иногда у некоторых из них носившим даже явно реакционный характер. С восторгом писал о начинаниях Александра II молодой правовед Победоносцев, приветствуя его реформаторскую деятельность (Полунов, 2010: 61). Но работа в государственных органах все больше разочаровывала его, способствовала формированию негативного отношения к реформам. Так, выступая первоначально за беспристрастный, публичный, гласный суд, уже к концу 1861 г. он начал сомневаться в эффективности деятельности присяжных заседателей, считая, что в обществе нет должного уровня развития правовой культуры для того, чтобы воплотить эти начинания в жизнь. Очень быстро разочаровался в реформах Александра II и К. Леонтьев. Разочарование это принесло общение с либерально-демократической интеллигенцией Петербурга, которая, по его мнению, во имя «плохого» нового готова забыть все «хорошее» старое. Результатом этого общения явилось неприятие либерализма в целом, негативное отношение к либеральной прессе, в частности к «Современнику» и его сотрудникам. Гуманизм редактора журнала Н. Некрасова он считал лживым (Хатунцев, 2007: 88-89). Впрочем, разочарование постигло не только будущих идеологов консерватизма, но и общество в целом. Связано это было прежде всего с обострением общественной ситуации, вызванной неудачами в реформаторской деятельности. По свидетельству участника тех событий Л. Пантелеева, «к началу 1862 г. общественная атмосфера была до крайности напряжена; малейшее обстоятельство могло резко толкнуть ход жизни в ту или другую сторону». Пожары в Петербурге, в которых обвинили учащуюся молодежь и которые, по мнению Каткова, явились результатом «герценовской пропаганды», польское восстание, которое усилило патриотические настроения общества, способствовали изменению его взглядов в сторону реакции. «Половина людей, еще вчера либеральных, сегодня стали крайними реакционерами, каждый удивлялся, почему не запрещают того или другого, хотя в репрессивных мерах скорее

сказался избыток, чем недостаток» (Пантелеев, 1958: 276, 280). Сами революционеры не отрицали влияния на них Чернышевского и Герцена, по мнению видного революционера Степняка-Кравчинского, именно они «подготовили почву для всего позднейшего движения, воспитавши в принципах социализма целое поколение 70-х годов» (Степняк-Кравчинский, 1987: 345). Через увлечение идеями Герцена прошел и К. Леонтьев. Однако к началу 1860-х гг. оно сменилось ненавистью к мыслителю и полным отрицанием его революционных идей (Хатунцев, 2007: 82). Осознание опасности, исходившей от революционеров, способствовало консолидации сил консерваторов. Обстановка, сложившаяся в стране, вела к усилению их позиций. Но поворот к реакции после польского восстания «не принес желаемого успеха – революционное брожение усилилось». Тихомиров предупреждал, что только репрессивные меры не могут решить всех проблем, необходимо было предупредить само появление радикалов (РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 746. Л. 66). Правительство же причину происшедшего видело не в усилении нового реакционного курса, а в его недостаточности. Именно тогда из среды консерваторов была выдвинута «роковая фигура – графа Дмитрия Толстого, которого будущие поколения будут называть бичом России и разрушителем самодержавия» (Степняк-Кравчинский, 1987: 236). Парадокс заключался в том, что человек, призванный защищать устои самодержавия, разрушал их. Настолько одиозна и неприемлема в глазах современников была фигура графа на любом посту, который он мог бы занять. Революционные выступления радикалов негативно воспринимали все консерваторы, которых в этом плане поддерживали и либералы. Демонстрируя свою непримиримость к взглядам революционных демократов, Победоносцев, узнав об участии в публичных лекциях после закрытия Петербургского университета Чернышевского, категорически отказался от ранее принятого предложения студентов о прочтении курса лекций (Пантелеев, 1958: 261).

Правительство, не считаясь с общественным мнением, противопоставило себя обществу. Лишая же себя общественной поддержки, оно вынуждено было искать опору в бюрократии, угрозу государству со стороны которой отлично понимали и Катков, и Победоносцев, и Федоров. Обращая внимание правительства на необходимость союза с общественностью, консерваторы тем самым заботились о сохранении самодержавной власти. Тихомиров считал, что необходимо привлекать на сторону правительства молодежь и даже «лучших, умнейших» ссыльных (РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 746. Л. 46). В письмах к Александру III Катков писал о необходимости «действовать в союзе с обществом». Для этого нужно «сойтись с ним не столько во мнениях, сколько в интересах» (Катков, 2009: 712). Он настаивал на том, что мнения могут быть разными, а интересы едиными. Однако как же власть может узнать об общественном интересе, если не через выражение обществом своего мнения по поводу какого-либо явления или события. Общество же порой очень бурно выражало свое мнение. Конфликт между государственной властью и обществом в 70–80-е гг. вылился в кризис и выразился в активизации народолюбцев. Один за другим следовали террористические акты. Часто страдали при этом невинные люди. Но общество, на первый взгляд, странным образом реагировало на происходившее. В своем дневнике журналист и издатель А. Суворин передал свой разговор с Достоевским. На вопрос писателя, пошел бы он в полицию, если бы знал о готовящемся взрыве, Суворин ответил, что нет. Федор Михайлович, который осуждал насилие в любых его проявлениях, сказал, что тоже бы не пошел (Селезнев: 1990: 514). Объяснил писатель это тем, что «у нас все ненормально, оттого все это происходит, и никто не знает, как ему поступить». А. Суворин, изменивший своим либеральным взглядам и перешедший в лагерь консерваторов, объяснял все отсутствием в обществе своей гражданской позиции, обвиняя в этом либерализм, который «преследует всякое зарождение на Руси самостоятельности», спекулируя на своих идеях и «покупая собственные дома» на этом (Селезнев: 1990: 515). Показательно в этом плане событие 1878 г. Выстрел в петербургского градоначальника, произведенный Верой Засулич, обществом в целом был одобрен. Ее поступок был воспринят как самопожертвование, и сама она была окружена ореолом жертвенности. Оправдательный приговор В. Засулич показал, что принятие и оправдание террора в любой его форме стало возможным. Но есть вопросы, которые в своем решении не предполагают каких-либо компромиссов. Вопрос о возможности использования насилия в качестве метода решения социальных проблем является именно таким. Нельзя оправдывать применение насилия по отношению одних людей и не допускать его по отношению к другим. Представители консервативного лагеря однозначно осудили решение суда. Консерватор Победоносцев считал, что даже мягкий приговор – это все же осуждение террора. Он давал возможность оставить политические дела в ведении суда присяжных заседателей. Оправдательный приговор дал повод властям изъять подобные дела из компетенции присяжных заседателей и оставить один на один осужденных с властью. Либерал А.Ф. Кони, под председательством которого проходило заседание суда, с его опытом и компетенцией не мог не знать о возможности такого решения. Однако он сделал все возможное, чтобы решение суда было именно оправдательным.

Одни и те же события властью и обществом оценивались совершенно по-разному. Различным было и объяснение причин сложившейся ситуации. «Элементы разложения», которые могут привести страну «к смутам и распадению», по мнению Каткова, нужно искать внутри России. «Истинным злом» для России он считал антипатриотически настроенную интеллигенцию, «которая

стыдится своей страны и чуждается своего народа», «живя чужим умом и на все свое смотря чужими глазами» (Катков, 2009: 69, 503).

Поиски установления контактов с обществом привели консерваторов к пониманию исключительной роли печати в решении этого вопроса. Использование печати как средства воздействия на общественное мнение, стало неотъемлемой частью, проводимой ими политики. Показательны в этом плане позиция Победоносцева, которая носила довольно жесткий характер, и издательская деятельность Каткова, которую обер-прокурор высоко ценил. Победоносцев часто очень категорично и безапелляционно судил о прессе, так как считал, что она способна разобщать общество, зарабатывая на скандалах. «Опыт показывает, что самые ничтожные люди... могут основать газету, привлечь талантливых сотрудников и пустить свое издание на рынок в качестве органа общественного мнения» (Победоносцев, 1996: 300, 302). Деятельность обер-прокурора далеко не всегда носила конструктивный характер. Признавая талант Л. Толстого, который, по его мнению, он использует во вред отечеству, Победоносцев добился наложения запрета на произведения писателя. Популярности Достоевского он, напротив, способствовал, считая, что писатель способен оказать нравственное воздействие на общество. Высоко ценил талант Ф. Достоевского и Катков за то, что писатель «нашел правду в русском народе», сам неотделим от народа, за то, что «...казнил он беспощадно все дурное и порочное человеческой природы» (Катков, 2009: 677).

М.Н. Катков своей издательской деятельности не шел ни на какие компромиссы. Не поступаясь своими убеждениями, он вступал в конфликты с Л. Толстым, Н. Лесковым. Издаваемые им «Московские ведомости» имели огромное влияние на ход государственных дел. Подчеркивая значение своей газеты, он писал: «В ней не просто отражались дела, в ней многие дела делались» (РГАЛИ. Ф. 262. Д. 1. Л. 44). Именно благодаря Каткову государственные интересы стали темой публичного обсуждения. Как создатель политической печати в России, он с полным основанием мог писать о себе: «Министры советовались со мной, генерал-губернаторы на важных постах поверяли мне свои предложения и затруднения, иностранные политики принуждены были считаться со мною. Мое имя стало равносильно политической программе» (Катков, 2009: 731). Но именно такая оценка своей деятельности Катковым привела к конфликту между двумя лидерами консервативного движения. Победоносцев, нуждаясь в поддержке Каткова в борьбе с либералами, которые имели влияние в Государственном совете, и, способствуя укреплению его влияния в правительственных структурах, ценил в нем, однако, прежде всего журналиста, претензии же издателя на государственную деятельность считал необоснованными (Полунов, 2019: 161). Личностный конфликт двух лидеров, перешедший в публичную сферу, явно не способствовал укреплению позиций консерватизма в обществе.

С необходимостью преобразований в нравственной жизни общества соглашались практически все последователи консервативной идеи. Теоретические воззрения М. Каткова и П. Леонтьева легли в основу практической деятельности Д. Толстого в качестве министра просвещения. Твердо и решительно он вел борьбу с нигилизмом и распространением либеральных идей, которым приписывалось революционное значение. Рассадником же этих идей являлась школа, и так как «прямая и главная цель школы... есть воспитание ума» (Катков, 2009: 492), то системе образования в политике консерваторов уделяется одно из главных мест. Считая, что распространение материалистического мировоззрения способствует развитию самостоятельного мышления, они предлагали отдать приоритет в преподавании древним языкам, а также математике, которая давала только точные знания и исключала тем самым простор для самостоятельного мышления. Проект этот был настолько непопулярен в обществе, что для того чтобы не обострять сложившуюся ситуацию, в печати было запрещено его обсуждение. Даже Государственный совет отверг проект Толстого. Однако Александр II, присоединившись к мнению меньшинства, одобрил его и он в 1871 г. получил силу закона (Корнилов, 2004: 583). Свообразными центрами политической жизни в России являлись университеты. И поэтому, добываясь надзора за студентами, Толстой прилагал немало усилий для изменения устава 1863 г. Он принял меры по ограничению числа студентов, увеличению платы за обучение, усложнению вступительных экзаменов, запрещению доступа в университеты вольнослушателям (Степняк-Кравчинский, 1987: 227). В целом отношение консерваторов к высшему образованию базировалось на убеждении, что оно должно быть привилегией богатых и знатных. Для народа же, по их мнению, вполне достаточен был начальный уровень образования. Этим, вероятно, объясняется энергичная деятельность Победоносцева по развитию сети церковно-приходских школ, в которых должны были учиться прежде всего крестьянские дети. Народные школы должны были основываться на религиозных началах, поэтому открывались они при церквях и контроль над ними был передан в ведение Синода. Религиозная же вера, по глубокому убеждению обер-прокурора, улучшая нравственность и сохраняя прочность семейных устоев, являлась надежной опорой престола. Он придавал большое значение проповеднической деятельности церкви, организации церковной периодической печати, доступной для народа. Рассматривая веру как основу стабильности и, стремясь повысить ее роль, он категорически выступал против свободы совести. Парадокс заключался в том, что, осуществляя свои благие намерения, Победоносцев в практической

деятельности часто «перегибал палку», вызывая недовольство даже в среде духовенства. На деле получалось, что его стремление укрепить стабильность в обществе приводило к ее расшатыванию.

Убежденность консерваторов в несамостоятельности народа, в непонимании им своих истинных интересов в силу политической неграмотности давала им право отказывать народу в проявлении какой-либо инициативы. Поэтому навязывание опеки со стороны государства как неграмотному народу, так и обществу в целом становится неотъемлемой частью проводившейся ими внутренней политики по переустройству общества. Соответственно и политические проблемы, рассматриваемые в данном контексте, должны были решаться только путем укрепления сильной самодержавной власти, к которой, по убеждению Победоносцева, стремился народ, ведомый проявлением здорового инстинкта. «Новый культ человечества», проповедуемый образованной частью общества, приведет к тому, что «снимут и те, которые существуют теперь, нравственные преграды насилию и самовластию», и это «печальное будет время», так как «личность человека немного в нем будет значить» (Победоносцев, 1996: 375). Несовершенство человеческой природы в глазах консерваторов само по себе уже исключало возможность построения политического строя, основанного на независимой, самостоятельной деятельности общества. Только власти, сохраняющей верность традициям и сложившимся политическим принципам, должна принадлежать в государстве исключительная роль. Необходимость такого политического устройства для России находит свое отражение в программе, представленной генералом Р.А. Фадеевым. Источником власти, по его мнению, может быть только царь. Самодержавие по духу должно быть народным с опорой на земства. Между властью и народом должно быть полное доверие, установлению которого мешает разросшийся бюрократический аппарат. Представители земств должны выражать не мнение толпы, а представлять власти решения по вопросам, которые уже обсуждались ими (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 514. Л. 72, 82). Однако на практике получалось совсем по-другому. По мнению Степняка-Кравчинского, введенное в 1864 г. самоуправление было хуже, чем вольности, дарованные дворянству Екатериной II. Вся деятельность земств находилась под контролем генерал-губернатора, который мог приостановить исполнение любого решения земского учреждения. Земства были даже лишены права обращаться с петициями непосредственно к императору (Степняк-Кравчинский, 1987: 266). Впрочем, единства по вопросу о роли земств в политическом устройстве государства в среде консерваторов не было. Отдельные их призывы предоставить земствам большую самостоятельность правительством услышаны не были. Едины они, пожалуй, были только в признании необходимости противостоять влиянию западного парламентаризма. Выборная система, по их мнению, не могла быть приемлема для России, так как, не исключая возможности подкупа, обмана, выбора недостойных кандидатов, она сама по себе уже носила деструктивный характер. Личностные качества и убеждения лидеров консервативного движения сыграли весьма определенную роль в поступательном развитии России. Ошибки их порой весьма дорого обходились стране. Имея влияние на Александра III, Победоносцев смог убедить царя, что именно «Московские ведомости» являются выразителем общественного мнения. Таким образом, личная позиция Каткова, убежденного в том, что виновниками революционного движения прежде всего являются либералы, повлияла на изменения правительственного курса в сторону укрепления самодержавия, усиления реакции, углубления конфронтации с обществом, что явно не способствовало установлению стабильности, являющейся конечной целью политики, проводимой консерваторами.

5. Заключение

Рубеж 70–80-х гг. XIX в. явился переломным этапом в истории развития России. Острый экономический и политический кризис поставил на повестку дня вопрос о возможных вариантах развития страны. Поиски ответа на поставленные вопросы сопровождалась духовными исканиями, волновали общественность. Сложившуюся в стране ситуацию использовали идеологи консерватизма, предлагая власти свой вариант развития страны, в основе которого лежали традиционные ценности. Рассматривая политические, экономические и социальные вопросы с позиции укрепления самодержавной власти, они могли рассчитывать на ее поддержку. Однако отсутствие единой платформы, на которой могли бы объединиться все консервативные силы, явно не способствовало их влиянию на политику правительства. И если отдельные вопросы, такие как проблемы образования, сословная политика находили поддержку со стороны государства, то предложения отдельных представителей консерватизма о предоставлении большей самостоятельности земствам или идея Р. Фадеева воскрешения Земского собора не нашли отклика не только у правительства, но и у современников. Критиковали ее как славянофилы в лице Ю. Самарина, так и консерваторы в лице Победоносцева. Стремясь реализовать программу, Фадеев переделывал ее с учетом замечаний. Однако сама идея о земствах не находила сочувствия у императора, который видел в ней угрозу власти и зачатки парламентаризма. Правительство не понимало, что такая концентрация власти в его руках мешала саморазвитию общества. А отдельные представители консервативного движения, не сумев договориться между собой, не смогли убедить его в необходимости более радикальных преобразований в системе местного самоуправления. Программа не была принята, но само обсуждение ее во властных структурах говорило о поиске возможных вариантов развития страны,

в которых идеи консерватизма играли далеко не последнее место. Понимание необходимости поддержки своих идей обществом способствовало тому, что большое внимание консерваторов уделялось периодической печати. Публицистическая и литературная деятельность лидеров движения и сейчас представляет интерес и может быть востребована для понимания текущего момента. Основной же ошибкой консерваторов являлись непонимание ими глубоких причин кризиса и неспособность осознать необходимость преобразования всех социально-политических институтов в целом. Главная вина в происшедшем возлагалась ими на либералов и революционных демократов. Принятие репрессивных мер и выявление подстрекателей, по их мнению, должно было решить проблему. Поддерживая правительство в его репрессивных мерах, они теряли поддержку со стороны общества, в необходимости которой они не сомневались и к которой в общем-то стремились.

После отставки Лорис-Меликова общая цель, заключающаяся в ликвидации угрозы представительства и объединяющая в этом плане все консервативные силы, была достигнута. Дальнейшие пути развития идеологам движения представлялись по-разному. Если Катков высказывался за то, чтобы идти вперед, предпринимая какие-либо конкретные действия, то Победоносцев приоритет отдавал преобразованиям в духовно-нравственной сфере. Это вызвало непонимание со стороны Каткова, обвинение Победоносцева в бездеятельности. Разрастание личного конфликта между двумя лидерами консервативного движения не только отразило неспособность их договориться друг с другом, но и наглядно продемонстрировало разобщенность внутри самого движения. Отсутствие взаимопонимания с представителями либерального течения, неспособность найти решение по крестьянскому вопросу, которому, по сути, не уделялось должного внимания, также не способствовали популярности консерватизма как политического течения. В защите традиционных национальных ценностей, угрозой которым представляла западная модернизация, видели консерваторы цель своей деятельности. Идеи, сформированные на основе этих ценностных ориентиров и претворенные в жизнь, должны были гарантировать стабильность и сыграть роль сдерживающего фактора в развитии революционно-демократического движения. Однако осуществить свою главную цель – обеспечить стабильное развитие страны – и тем самым предотвратить национальную катастрофу в силу перечисленных выше объективных и субъективных причин консерватизм не смог.

Литература

- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Гриценко, 2016 – Гриценко Н.Ф. Консервативная доктрина Р.А. Фадеева во внутренней политике России конца XIX века // *International scientific review*. 2016. № 12 (22). С. 34-40.
- Камнев, 2010 – Камнев В.М. Хранители и пророки. Религиозно-философское содержание русского консерватизма. М., 2010. 470 с.
- Катков, 2009 – Катков М.Н. Идеология охранительства. М., 2009. 800 с.
- Китаев, 2014 – Китаев В.А. «Вестник Европы» – versus русских консерваторов (1890-е гг.) // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2014. № 6. С. 32-40.
- Корнилов, 2004 – Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 2004. 862 с.
- Начапкин, 2002 – Начапкин М.Н. Русский консерватизм XIX – первой половины XX в. Екатеринбург, 2002. 205 с.
- Пантелеев, 1958 – Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М., 1958. 848 с.
- Победоносцев, 1996 – Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996. 509 с.
- Полунов, 2010 – Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. 374 с.
- Полунов, 2019 – Полунов А.Ю. М.Н. Катков и К.П. Победоносцев: «друзья-враги» в окружении Александра III // *Русско-Византийский вестник*. 2019. № 1 (2). С. 156-163.
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.
- Репников, 2007 – Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. 519 с.
- Репников, 2014 – Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014. 527 с.
- Российская империя, 2004 – Российская империя: стратегии стабилизации и опыт обновления. Воронеж, 2004. 472 с.
- Селезнев, 1990 – Селезнев Ю.И. Достоевский. М., 1990. 541 с.
- Соколофф, 2008 – Соколофф Ж. Бедная держава. История России с 1815 года до наших дней. М., 2008. 882 с.
- Степняк-Кравчинский, 1987 – Степняк-Кравчинский С.М. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Россия под властью царей. Подпольная Россия. М., 1987. 575 с.
- Хатунцев, 2007 – Хатунцев С.В. Константин Леонтьев: интеллектуальная биография. СПб., 2007. 208 с.
- Хоскинг, 2003 – Хоскинг Дж. Россия и русские. В 2 кн. М., 2003.
- Щеглов, 2004 – Щеглов Ю. Вернопреданный. М., 2004. 586 с.

Gryaznukhina et al., 2021 – Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Malyutina L.F. et al. (2021). Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy // *Bylye Gody*. 16(2): 652-660.

Robinson, 2019 – Robinson P. Russian Conservatism. 2019. 296 p.

References

- GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archive of the Russian Federation].
- Gritsenko, 2016 – Gritsenko, N.F. (2016). Konservativnaya doktrina R.A. Fadeeva vo vnutrennei politike Rossii kontsa XIX veka [The Conservative doctrine of R. A. Fadeev in the domestic policy of Russia at the end of the XIX century]. *International scientific review*. 12(22): 34-40. [in Russian]
- Gryaznukhina et al., 2021 – Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Malyutina L.F. (2021). Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy. *Bylye Gody*. 16(2): 652-660.
- Kamnev, 2010 – Kamnev, V.M. (2010). Khraniteli i proroki. Religiozno-filosofskoe sodержanie russkogo konservatizma [Guardians and prophets. Religious and Philosophical content of Russian Conservatism]. Moscow. 470 p. [in Russian]
- Katkov, 2009 – Katkov, M.N. (2009). Ideologiya okhranitel'stva [The ideology of protectionism]. Moscow. 800 p. [in Russian]
- Khatuntsev, 2007 – Khatuntsev, S.V. (2007). Konstantin Leont'ev: intellektual'naya biografiya [Konstantin Leontiev: an intellectual biography]. Saint Petersburg. 208 p. [in Russian]
- Khosking, 2003 – Khosking, Dzh. (2003). Rossiya i russkie. V 2 kn. [Russia and the Russians. In 2 books]. Moscow. Kn. 1. 494 p. Kn. 2. 492 p. [in Russian]
- Kitaev, 2014 – Kitaev, V.A. (2014). «Vestnik Evropy» versus russkik konservatory (1890-e gg.) ["Herald of Europe" versus Russian conservatives (1890s)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 6: 32-40. [in Russian]
- Kornilov, 2004 – Kornilov, A.A. (2004). Kurs istorii Rossii XIX veka [Course of the history of Russia of the XIX century]. Moscow. 862 p. [in Russian]
- Nachapkin, 2002 – Nachapkin, M.N. (2002). Russkii konservatizm XIX – pervoi voloviny XX v. [Russian conservatism of the XIX – first half of the XX century]. Ekaterinburg. 205 p. [in Russian]
- Panteleev, 1958 – Panteleev, L.F. (1958). Vospominaniya [Memories]. Moscow. 848 p. [in Russian]
- Pobedonostsev, 1996 – Pobedonostsev, K.P. (1996). Sochineniya [Essays]. Saint Petersburg. 509 p. [in Russian]
- Polunov, 2010 – Polunov, A.Yu. (2010). K.P. Pobedonostsev v obshchestvenno-politicheskoi i dukhovnoi zhizni Rossii [K. P. Pobedonostsev in the Socio-political and Spiritual life of Russia]. Moscow. 374 p. [in Russian]
- Polunov, 2019 – Polunov, A.Yu. (2019). M.N. Katkov i K.P. Pobedonostsev: «druz'ya-vragi» v okruzhenii Aleksandra III [M. N. Katkov and K. P. Pobedonostsev: "friends-enemies" surrounded by Alexander III]. *Russko-Vizantiiskii vestnik*. 1(2): 156-163. [in Russian]
- Repnikov, 2007 – Repnikov, A.V. (2007). Konservativnye kontseptsii pereustroistva Rossii [Conservative concepts of the reconstruction of Russia]. Moscow. 519 p. [in Russian]
- Repnikov, 2014 – Repnikov, A.V. (2014). Konservativnye modeli rossiiskoi gosudarstvennosti [Conservative models of Russian statehood]. Moscow. 527 p. [in Russian]
- RGALI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva [Russian State Archive of Literature and Art].
- Robinson, 2019 – Robinson, P. (2019). Russian Conservatism. 296 p.
- Rossiiskaya imperiya, 2004 – Rossiiskaya imperiya: strategii stabilizatsii i opyt obnovleniya. (2014). [The Russian Empire: Stabilization strategies and renewal experience]. Voronezh. 472 p. [in Russian]
- Seleznev, 1990 – Seleznev, Yu.I. (1990). Dostoevskii [Dostoevsky]. Moscow. 541 p. [in Russian]
- Shcheglov, 2004 – Shcheglov, Yu. (2004). Vernopredannyi [True devotee]. Moscow. 586 p. [in Russian]
- Sokoloff, 2008 – Sokoloff, Zh. (2008). Bednaya derzhava. Istoriya Rossii s 1815 goda do nashikh dnei [Poor power. The history of Russia from 1815 to the present day]. Moscow. 882 p. [in Russian]
- Stepnyak-Kravchinskii, 1987 – Stepnyak-Kravchinskii, S.M. (1987). Sochineniya. V 2 t. T.1. Rossiya pod vlast'yu tsarei. Podpol'naya Rossiya [Essays. In 2 vols. T. 1. Russia under the rule of the Tsars. Underground Russia]. Moscow. 575 p. [in Russian]

Консерватизм как альтернативная форма цивилизационного развития пореформенной России

Александр Григорьевич Грязнухин ^{a, *}, Татьяна Владимировна Грязнухина ^a,
Татьяна Геннадьевна Карчаева ^a, Анна Сергеевна Жулаева ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Предметом рассмотрения данной статьи является консерватизм как политическое течение и его место в развитии России пореформенного периода. Идеология консерватизма во многом определялась взглядами и личностными качествами представителей движения, поэтому в статье затрагиваются биографические данные и рассматриваются труды наиболее выдающихся его представителей. Характеристика общественно-политической ситуации, сложившейся в России в 70–80-х гг. XIX в., проанализированная на основе научных фактов, а также показанная через призму восприятия ее современниками, дает представление об условиях, в которых осуществлялась деятельность консерваторов. Анализ процессов, происходивших в обществе, помогает выявить причины эволюции взглядов многих лидеров движения от либерализма в сторону консерватизма. Остремлении консерваторов расширить свою социальную базу говорит их отношение к печати, которая являлась важной составляющей их политической деятельности и использовалась ими как средство воздействия на общественное мнение. Определить место и роль консерватизма в политической системе общества помогает анализ отношений его последователей с представителями либерального движения, социал-демократами, властными структурами. Проанализированные в статье ошибки, которые допустили консерваторы в ходе своей политической деятельности, помогают понять причины, по которым поставленная ими основная цель – обеспечение стабильности в развитии России – не была достигнута.

Ключевые слова: консерватизм, либерализм, великие реформы, Россия, земства, идеология, правительство, пресса, К.П. Победоносцев, М.Н. Катков.

* Корреспондирующий автор

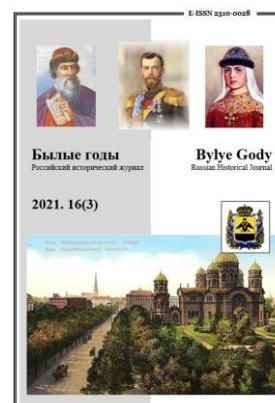
Адреса электронной почты: agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина), tatyana-verkhoturova@yandex.ru (Т. Г. Карчаева)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1308-1315
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1308
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



Representation of the Russo-Ukrainian Population of Galicia and Bukovina in the Habsburg Monarchy in the late XIX – early XX century

Alexey G. Topilsky ^{a,*}, Ruslan M. Zhitin ^a

^a Derzhavin Tambov state university, Russian Federation

Abstract

This article examines the formation of electoral organizations of Rusyn political forces in the second half of the XIX – early XX century. Their necessity was determined by the desire to overcome the predominance of Polish parties in the traditional curial system of representation of the Habsburg monarchy. The ensuring both the nomination of candidates for deputies to the Sejm and the Reichsrat, and their conduct of the election campaign, required coordination of efforts between various movements of Russo-Ukrainian politics, primarily Russophile and Ukrainophile forces. Since the curial system in the cities guaranteed that Polish and Jewish voters would win the majority of votes, initially the efforts of Russo-Ukrainian political parties were focused on rural residents as a category with a predominant East Slavic population.

Using the examples of the election campaigns of 1897 and 1907, the interaction of Rusyn (mainly Russophile, Ukrainophile and radical), Polish (Ludovce) and Jewish (Zionist) political parties in the struggle for the promotion of deputies is analyzed. Attempts to counteract Russian-Ukrainian organizations through the press and the submission of petitions and interpellations in the Austrian Reichsrat to falsifications during election campaigns are considered. The party composition of the Sejm and the Reichsrat is analyzed. Based on the material of the evolution of political parties, the adaptation of their underlying ideas to the interests of Ruthenian-Ukrainian voters, as well as the change in these interests in connection with Ruthenian-Polish and Ruthenian-Jewish relations, is characterized. The activity of the factions of the Ruthenian-Ukrainian deputies in the Austrian Reichstag and the Galician Sejm is shown, their interaction with both Ruthenian-Ukrainian deputies from Bukovina and representatives of other lands of the Habsburg monarchy is considered.

Keywords: Galicia, Ukrainophilia, Russophilia, Jews, Poles, Ruthenians.

1. Введение

Формирование национального самосознания восточнославянского населения Галиции в условиях существования парламентской монархии сочетало в себе традиционные концепции «доброего цесаря» и возможности делегирования представителей в Австрийский рейхсрат и Галицийский сейм. Развитие партийной системы вело к налаживанию устойчивых связей с представителями иных общественно-политических организаций на всей территории Габсбургской монархии.

2. Материалы и методы

В качестве основных источников следует выделить делопроизводственную документацию, представленную оцифрованными протоколами заседаний Рейхсрата, и прессу. Протоколы (*Stenographische...*, 1908) ценны демонстрацией в петициях и законопроектах основных интересов русино-украинского населения. В прессе (газеты «Галичанин», «Дело», «Руслан», «Słowo Polskie») отражена предвыборная агитация и партийные документы.

* Corresponding author

E-mail addresses: a-topil@yandex.ru (A.G. Topilsky), istoriko8@mail.ru (R.M. Zhitin)

Методологическая основа статьи основана на применении историко-типологического и историко-сравнительного методов, позволивших исследовать особенности парламентского представительства русино-украинского населения Галиции. Использование микроисторического подхода обеспечило выявление развития национального движения (в частности, на материале эволюции воззрений со стороны населения и общественно-политических деятелей). Мы руководствовались также принципом историзма, предполагающим анализ предмета исследования с учетом реалий конкретной исторической эпохи.

3. Обсуждение

В российской историографии сложились прочные традиции изучения общественно-политической жизни русин. В дореволюционной исторической науке выделяется труд А.Л. Погодина (Погодин, 1915), представляющий особую ценность благодаря введению в научный оборот значительного источникового материала. В советское время различные аспекты политической жизни русино-украинского крестьянства Галиции рассматривались в трудах В. Макаева (Макаев, 1968) и др. В современной российской историографии следует выделить работы А.И. Миллера (Миллер, 1998), подробно анализирующего отношения между польскими помещиками и русино-украинскими крестьянами. Современная зарубежная историография представлена прежде всего работами украинских, американских, немецких и австрийских ученых. Австрийский историк Г. Биндер (Binder, 2005) охватывает в своих трудах представительство галицийских партий в австрийском парламенте в 1897–1918 гг. А.В. Вендланд (Wendland, 2001) отмечала, что галицийские русофилы в большинстве своем оставались лояльными к империи Габсбургов.

4. Результаты

Первая избирательная организация русино-украинского населения Габсбургской монархии возникла в 1870 году. Это была Русская рада, ставшая, по словам львовской газеты «Слово», координационным центром всех выборов в парламент и Галицийский краевой сейм (Wendland, 2001: 243-262).

Русская рада занималась только одной курией – сельскими общинами, полагая, что во всех других куриях русино-украинские кандидаты не имели практически никаких шансов к избранию. Поэтому деятельность комитета ограничивалась сельскими избирательными округами, в основном – в Восточной Галиции. В нем существовал институт доверенных лиц, который имел задачу сделать местные комитеты надежной опорой в округах. Кроме того, доверенные лица должны разоблачать злоупотребления на выборах и сообщать об этом. Доверенными лицами поначалу становились преимущественно выходцы из духовенства, но в дальнейшем светская интеллигенция также играла все более важную роль наряду с греко-католическими священниками. Первые выборы в истории Русской рады прошли в 1873 году в коалиции с еврейским выборным комитетом. Результат выборов для русин был довольно удачным – 15 депутатов, по сравнению с 4 в 1870 году (Binder, 2005: 202).

В 1883 г. Русская рада создала вместе с народниками (украинофилами) Главный русский избирательный комитет, участвовавший в выборах в Сейм в 1885 году, однако после них народники учредили Народный совет, который стал самостоятельной избирательной организацией.

Обе избирательные организации делили меж собой одно и то же электоральное поле – сельские округа Восточной Галиции. Народная рада создала собственные структуры, которые базировались на отделениях «Просвита». На последующих выборах 1889, 1891 и 1895 гг. Русская рада и Народный совет действовали отдельно, но в отдельных округах выдвигали общих кандидатов (Дело, 1885: № 113).

Избирательная кампания в австрийский парламент 1897 года началась для русин с создания избирательного комитета, основной задачей которого стал поиск взаимопонимания с обоими действующими политическими объединениями – Народным советом и Русской радой. Такое объединение было создано 28 декабря 1896 года (Краевой русский избирательный комитет).

Общественность Восточной Галиции воспринимала этот комитет не только как стратегический компромисс двух политических направлений (народников и русофилов), но и как легитимного политического представителя всего русино-украинского общества Восточной Галиции. Состав комитета строился по профессионально-социальным признакам: в него входили 30 священников, 30 мест предлагалось интеллигенции и еще 30 было предоставлено крестьянам и мещанам. Организационно комитет состоял из окружных комитетов, которые при отборе кандидата одного избирательного округа должны были согласовывать между собой кандидатуры будущих депутатов. Председателем комитета избрали священника Ивана Озаркевича (Левицкий, 1926: 290).

Агитация проходила в основном проведением собраний (вече) русино-украинского населения. Все предвыборные призывы публиковались в печатных органах обоих политических направлений (газеты «Дело» и «Галичанин»), сводились к общим лозунгам о национальной солидарности, а также к надежде на то, что введение всеобщего избирательного права даст шанс «незаслуженно забытому народу империи» побороться за лучшую долю среди других национальностей (Дело, 1897: 3.02).

Сотрудничество между украинофилами и русофилами строилось ради успеха на выборах 1897 года. Вместе с тем оно сделало невозможным сотрудничество между отдельными народниками,

которые находились под влиянием Юлиана Романчука, и русино-украинскими радикалами (РУРП). Поскольку РУРП вела острую агитацию против русофилов, она не смогла официально войти в избирательный союз. Предвыборные заявления радикальной партии подчеркивали ее особую роль на предстоящих выборах (*Дело, 1897: 10.02*).

Обособленной группой, самостоятельно участвовавшей на выборах в австрийский парламент в 1897 г., стал КРУС (Католический русско-народный союз) во главе с А. Барвинским. С одной стороны, КРУС стремился выражать национально-политические интересы, с другой – тяготел к примирению с польской стороной. В начале марта 1897 г. КРУС опубликовал обращение, в котором объявил о своем уходе из активной предвыборной борьбы, объясняя это многочисленными злоупотреблениями властей во время выборов. Кроме того, КРУС не мог больше идти на выборы с лозунгом «Примирение с поляками», поскольку те постоянно «ущемляли» русин. В этом же обращении говорилось, что священники должны агитировать прихожан голосовать только за русин, а газета «Руслан» – их печатный орган – в последующих выпусках выражала поддержку кандидатам от русского комитета (*Руслан, 1897: № 45*).

В ходе этих выборов имели место народные волнения как проявления протеста на допущенные властью злоупотребления. В результате были убитые и раненые, в частности в селах Чернив (Станиславский повет) и Давыдов (Львовский повет). В первом случае проведенные властями аресты крестьян привели к еще большим беспорядкам, в результате которых был убит человек, во втором случае комиссар, назначенный властями, убит толпой крестьян, после чего полиция застрелила двух из них. Через несколько дней после ареста крестьяне предстали перед судом во Львове и беспорядки начались в нем самом (*Binder, 2005: 227*).

С момента образования русино-украинских политических партий (этот процесс был начат еще в 1890 году созданием Русино-украинской радикальной партии) организация избирательного процесса переходит к их исполнительным органам.

В конце XIX – начале XX вв. в Габсбургской монархии в рамках существующей правовой системы сложились благоприятные условия для развития политических институтов. Все это готовило почву для создания и успешной деятельности русино-украинских политических партий, которые через своих депутатов в австрийском парламенте имели возможность влиять на властные структуры.

Анализируя партийный состав русино-украинских депутатов 1897–1914 г., можно отметить, что они принадлежали к пяти основным политическим организациям Галиции: Русско-украинской радикальной партии (РУРП), Украинской национал-демократической партии (УНДП), Украинской социал-демократической партии, Католического русско-народного союза (КРУС) и Русской народной партии (РНП).

Первой украинской партией стала Русско-украинская радикальная партия (РУРП), основанная на съезде так называемых «драгомановцев» 4–5 октября 1890 года. Партия сформировалась из радикальных молодежных кружков, возникших в Галиции в конце 70-х гг. XIX века. Учредителями РУРП были И. Франко, М. Павлик, С. Данилович, Е. Левицкий (депутат в 1907–1911, 1911–1918 гг.), В. Охримович (депутат в 1907–1911 гг.), Т. Окуневский (депутат в 1897–1900, 1907–1918 гг.), А. Терлецкий, К. Трилевский (депутат в 1907–1911, 1911–1918 гг.), Р. Яросевич (депутат в 1897–1900 гг., председатель Украинской фракции), В. Будзиновский (депутат в 1907–1911, 1911–1918 гг.) и др.

Программа партии содержала следующие требования: «автономия общин, уездов, краев по делам, которые только их трогают; уделение каждому народу возможности наиболее полного культурного расцвета». Но основное внимание в программе сосредотачивалось на социальных вопросах, в частности путях эволюционного перехода к социалистическому строю. Концепция же автономии, которую отстаивала РУРП, предусматривала культурное и национальное развитие провинций в составе Австро-Венгерской империи. В программе отмечалось, что развитие народных масс возможно только на национальной почве, и поэтому даже в социальных проблемах основным орудием определялась борьба за подъем чувства национального самосознания и солидарности. Программа-максимум предусматривала введение автономии в пределах Австрии путем последовательного культурного и национального развития провинций и народностей, а программа-минимум ограничивалась вопросами развития национальной культуры (*Українська..., 1983: 9*).

В конце 1890-х гг. в радикальной партии действовали три направления: социалисты-народники (драгомановцы), социалисты-марксисты и радикальные народники. В 1899 г. от РУРП отделились представители двух последних направлений: М. Ганкевич, Ю. Бачинский, Р. Яросевич, С. Витык и др. и создали Украинскую социал-демократическую партию (УСДП) (*Сухий, 1998: 21*). Сначала УСДП была партией, организационно связанной с польскими социалистами, но со временем становится самостоятельной. В 1900 г. начинает выходить газета УСДП «Воля». Уже в первом номере издания среди главных задач партии была определена основная политико-национальная задача украинской социал-демократии: «борьба на смерть с царизмом, вплоть до уничтожения его и созидания на его руинах свободных самостоятельных республик поработенных наций» (*Сухий, 1998: 30*).

В 1899 г. во Львове приняли решение создать Украинскую национально-демократическую партию (УНДП). В ее программе, авторами которой главным образом были И. Франко и В. Охримович, отмечалось, что галицкие русины являются частью украинско-русского народа,

который имел когда-то государственную самостоятельность и боролся веками за свои государственно-политические права, никогда не отрекался от своего права иметь самостоятельное независимое государство. Поэтому завершающей целью «народных соревнований» является достижение того, чтобы целый украинский народ получил себе культурную, экономическую и политическую самостоятельность и соединился со временем в единый национальный организм, в котором бы массы народа на свою общую пользу орудовали всеми своими делами: культурными, экономическими и политическими». Ближайшей же тактической целью партия выдвигала достижение краевой автономии при сохранении целостности Австро-Венгерской империи.

В случае образования краевой автономии, куда бы входили восточная часть Галиции (с Лемковщиной) и русская (украинская) часть Буковины, для этой украинской провинции должен был быть создан собственный краевой сейм, краевой школьный совет, украинские чиновники возглавляли бы староства, суды, налоговые учреждения, почту, железные дороги и т.п.

УНДП требовала перераспределения земли в Галиции с тем, чтобы крестьяне владели 58 моргами земли из каждых 100 моргов, а остальные, то есть 42 морга, оставались в собственности помещиков. Земля в такой пропорции должна была фактически изыматься у помещиков для образования данного соотношения наделов путем принудительного государственного выкупа (Баран, 1913: 12).

УНДП включила в программу целый перечень задач по созданию кредитных союзов, союзов для сбыта скота и организации крестьян в общество «Сельский господарь».

Реализация экономического блока программы способствовала тому, что национальное движение получило материальную базу. Создавались украинские экономические организации – «Народная торговля», «Днестр». «Краевой кредитный союз», «Краевой ревизионный союз», «Сельский господарь». Центральный союз украинских кооперативов имел около 550 филиалов и 180 тыс. членов (Сухий, 1998: 46).

В 1896 г. во главе с А. Барвинским была создана первая украинская клерикальная партия в Галиции – Католический русско-народный союз (КРУС), с 1911 г. – Христианско-общественный союз. Печатным органом КРУС был журнал «Руслан».

В начале XX в. данная политическая организация была малочисленной. Однако она представляла довольно значимую группу интеллигенции украинского населения в Галиции – священников и педагогов. Важнейшее место в ее политической программе, соответственно, занимали религия и образование. В деле образования христианские общественники соревновались за внедрение украинского языка в школы края, открытие новых украинских учебных заведений, реформирование системы образования, в том числе краевого школьного совета (А. Барвинский был членом краевого школьного совета в 1893–1918 гг.), создание украинского университета. Также КРУС стоял на защите Украинской греко-католической церкви перед наступлением радикально-социалистических идей. КРУС выступал за легитимные методы борьбы, стремясь к устранению конфликта в украинско-польских отношениях в Галиции (Стахів, 1958: 98).

Заметное место в политическом спектре Галиции в начале XX века занимала Русская народная партия (РНП). Она возникла в результате постепенной трансформации галицийского русофильства в политическую организацию в 1900 г. во Львове по инициативе Русской рады. Ее сторонниками были консервативные элементы светской и духовной интеллигенции, представители крупного землевладения, чиновничества, а также часть крестьянства, которая была настроена русофильски. РНП отстаивала национальное единство русин с русскими, необходимость полного перехода на русский язык. Отсутствие серьезных социальных преобразований в их программе (ограничиваясь лишь предоставлением дешевого кредита и уменьшением налогового бремени) не способствовало росту ее популярности. В условиях нарастающего и крепнущего украинского национального самосознания эта политическая организация, отрицавшая существование украинского народа, теряла свои позиции. Тем не менее РНП также была представлена как в Галицийском сейме, так и в Австрийском рейхсрате (Ukrainśkie..., 2006: 160-161).

7 сентября 1900 г. было объявлено проведение новых выборов в Рейхсрат. 24 сентября 1900 г. Народный комитет (руководящий орган Украинской национально-демократической партии) опубликовал предвыборное воззвание, в котором призвал все русино-украинское население Галиции активно участвовать в предвыборной деятельности. Для обеспечения справедливых выборов было принято «памятное письмо», которое депутация под руководством политического лидера галицийских русин Ю. Романчука вручила наместнику Галиции Л. Пининскому во Львове и главе правительства д-ру Керберу в Вене (Левицький, 1926: 338).

24 сентября 1900 г. «Дело» опубликовало воззвание Народного комитета УНДП по поводу роспуска австрийского парламента. В нем провозглашалось, что на выборах в парламент русины должны выбрать таких депутатов, которые будут бороться за автономию, проводить экономические реформы, изменения в образовании и отстаивать интересы русино-украинского населения (Дело, 1900, 11.09).

Предвыборная борьба одной из самых влиятельных украинских политических сил в Галиции, народно-демократической партии, проводилась в форме созывов митингов, а 25 декабря 1900 г.

Народный комитет УНДП опубликовал воззвание с призывом вносить протесты против нарушений во время выборов в австрийский парламент ([Дело, 1900, 12.12](#)).

Проведению успешной предвыборной агитации в 1900 г. за украинских кандидатов в депутаты помешали межпартийные споры. В то же время ведение избирательной борьбы требовало от руководства УНДП определенной политической гибкости. Так, парламентские выборы 1900 г. УНДП проводила в союзе с русофильской Русской народной партией.

Количество общих кандидатов, выдвинутых УНДП и РНП, было достаточно большим – всего 17 кандидатов (еще 24 – выдвинутых Народным комитетом и 20 – Русской радой). В число этих 17 совместных кандидатов попали преимущественно умеренные представители обоих политических лагерей, тогда как более радикальные кандидаты пришли в УНДП с радикальной партии, а радикально настроенные члены РНП в этот общий список кандидатов не попали ([Binder, 2005: 239](#)).

Выборы 1900 в Восточной Галиции, кроме противоречий в украинском лагере, также характеризовались и противостоянием между Центральным избирательным комитетом (ЦИК) поляков, с одной стороны, и УНДП и Русской Радой, с другой стороны (в 13 из 20 избирательных округов).

Фактически отличие от выборов 1897 не было таким уж большим. В украинском представительстве произошли изменения, которые насторожили польский политиком. Украинская оппозиция увеличила количество своих мандатов на 4 (среди них был один русофил), а так называемые «умеренные русины» (КРУС) потеряли 2 мандата и получили также 4 представителей.

Общественно-политическая жизнь начала XX в. в Галиции характеризовалась активной борьбой населения за проведение избирательной реформы. Активизация демократического движения всех народов многонациональной Австро-Венгерской монархии и отдельных слоев населения, лишенных всеобщего избирательного права, побудили власти принять 26 января 1907 г. новое законодательство о выборах в парламент, согласно которому нижняя палата парламента избиралась путем всеобщего голосования и насчитывала 516 членов; представителям Галиции было предоставлено 109 депутатских мест ([Наши, 1907: 9](#)).

Ход избирательной кампании ярко освещал тогдашнюю расстановку политических сил в Галиции. Украинцы начали избирательную борьбу, как и на предыдущих выборах, разделенными на 2 направления: русофильство и украинофильство. В украинофильство входили три политических силы: Украинская национал-демократическая партия, радикальная и социал-демократическая. Украинофильство и русофильство противостояли друг другу, как два враждебных лагеря.

Газета «Дело» указала причину отказа от сотрудничества. Русофилы требовали уступки им половины (14) мандатов. Это требование показалось украинофилам неприемлемым. Русофильская «Русская рада» выступила в апреле 1907 года с воззванием, в котором в общей форме сформулировала основные постулаты программы: русофильские депутаты будут защитниками крестьян и аграрной реформы, представителями единства всего русского народа. Русофилы выдвинули во всех сельских округах Восточной Галиции своих кандидатов.

Во время выборов в парламент кандидаты в депутаты от русофилов действовали совместно с поляками. Так, в Золочевском повете русофил Глибовицкий провозгласил общее обращение с поляком Обертинским против украинофильского кандидата. В Бережанском повете поляки активно агитировали за русофила Дудикевича ([Чекановський, 1907: 6](#)).

Особенностью тактики проведения избирательной кампании 1907 года украинофильскими партиями стало сотрудничество с сионистами. Результатом этой коалиции было избрание трех еврейских депутатов от Восточной Галиции ([Андрусак, 1996: 58](#)).

Предвыборная агитация в Галиции превратилась в мощное национально-политическое движение. Руководство украинских партий призывало своих сторонников не предпринимать силовых методов и угроз, чтобы их не использовала власть для обоснования репрессий против украинских сил. В обращениях звучал призыв к единодушному выступлению всех слоев украинского населения – крестьян, мещан, рабочих и интеллигенции для достижения результата. В предвыборную агитацию активно включилась и университетская молодежь. В прессе, на собраниях организаций и обществ рассматривались вопросы экономического, политического, культурно-образовательного характера.

Как результат, на выборах 1907 года русино-украинские партии Галиции получили 27 мандатов в Рейхсрате (117) и создали Русско-украинский клуб из 25 депутатов от Галиции и 5 от Буковины (2 социал-демократа от Галиции вступили в общеавстрийский социалистический клуб) ([Левицький, 1926: 444](#)).

Инициаторами вхождения русофильских депутатов в единую парламентскую фракцию стали народно-демократические депутаты Ю. Романчук и М. Василько. М. Грушевский в газете «Дело» характеризовал образование Украинского парламентского клуба «манифестацией единства и солидарности украинства, австрийского и русского» ([Левицький, 1936: 27](#)).

Печатный орган русофилов – газета «Галичанинь» – называла присоединение русофильских депутатов к украинскому клубу предательством «русской народной идеи» ([Галичанинь, 1907: 10 июня](#)).

Члены Русского (украинского) клуба поставили перед собой задачу «покровительства и защиты интересов малороссийской нации для ее самостоятельного развития, политического, экономического, общественного и культурного» (Дело, 1907: 19.06).

Только за период с 17 июня по 24 июля 1907 года члены Русского (украинского) клуба подали в австрийский парламент 2 заявления, произнесли 10 речей, внесли 18 общих и 15 специальных поправок и подали 84 интерпелляции. Прошел ряд отдельных заседаний украинской фракции, ее члены активно участвовали в работе парламентских комиссий (Дело, 1907: 12.08).

Русский клуб 18 июля 1907 г. представил правительству меморандум, в котором сформулировал ряд требований по расширению прав русинского населения Галиции и Буковины. Правительство приняло эти требования, и хотя русский клуб и был относительно небольшой фракцией, однако данные требования встретили расположение и других партий (в том числе немцев и чехов), недовольных действиями польских депутатов. Кроме того, русские депутаты могли помешать нормальному функционированию парламента путем обструкций. Поэтому глава правительства барон Бек заключил с Русским клубом так называемое соглашение 19 ноября 1907 года. Встречные обязательства русин заключались в том, чтобы не применять обструкций во время заседания парламента, по крайней мере до 1908 года.

Переговоры между русино-украинской фракцией и австрийским правительством вызвали негативную реакцию польских политических сил Галиции. В прессе они требовали объяснений высших чиновников и депутатов, широкого публичного обсуждения и обещания, что «польское национальное дело не терпит никаких убытков» (Słowo Polskie, 1907: № 502).

Во второй половине октября 1907 года соглашение между украинской фракцией и австрийским правительством обсуждало польское коло в Вене с участием галицийского наместника А. Потоцкого. Польский политик того времени М. Бобжинский так характеризует русинское соглашение с правительством: «...Соглашение имело огромное значение для Галиции, так как давало возможность правительству вмешиваться в отношения между поляками и русинами и увеличило его влияние на внутреннюю ситуацию в крае. Политическая автономия Галиции закачалась, русины получили поддержку центрального правительства и окрепли» (Bobrzynskij, 2006: 6-7).

Вскоре после создания Русского клуба между его членами начались споры. Председатель клуба Ю. Романчук для решения этого обратился к русинским делегатам с неофициальной запиской, в которой просил внести жалобы на деятельность клуба, гарантируя при этом анонимность. На нее откликнулся только один из депутатов.

В результате фракция «Русско-украинский клуб» просуществовала недолго. Процесс ее распада начался с выходом русофилов, которые в сентябре 1907 года образовали собственную фракцию. Другую группу, которая отделилась от Русско-украинского клуба, составляли депутаты от Буковины. Причиной этого стали разногласия между галицийскими и буковинскими делегатами по отношению к австрийской власти: буковинцы были более консервативны и лояльны по отношению к Габсбургской монархии, чем галичане (Ukraińskie..., 2006: 142-143).

Довольно долго в состав клуба входили представители Радикальной партии, участие которых в Русском клубе способствовало росту их значения и увеличению количества партийных сторонников. Однако участие радикалов в Русском клубе препятствовало народно-демократическому руководству клуба выступать в качестве умеренного партнера для переговоров с австрийским правительством.

Весной 1908 года предметом дебатов в Палате представителей стало ухудшение украино-польских отношений в Галиции. Их проведения требовали прежде всего украинские депутаты и вице-президент Украинского клуба Григорий Цеглинский, которые, учитывая новые факты избирательных злоупотреблений на выборах в Галицийский краевой сейм, 1 февраля и 2 апреля внесли представление о необходимости изменения административной системы в Галиции (Stenographische..., 1908: 3951-3953).

1 марта 1911 Франц-Иосиф I, император Габсбургской монархии, издал распоряжение о роспуске нижней палаты австрийского парламента (Левицкий, 1926: 570). Причиной роспуска стали нарастающие национальные противоречия, которые фактически парализовали деятельность нижней палаты и не позволяли принимать важные государственные законы.

5. Заключение

Таким образом, выборы в Галиции являлись важным инструментом не только борьбы политических партий, но и развития национального самосознания русино-украинского населения как благодаря росту его политической активности, так и за счет укрепления контактов с политическими структурами других народов Дунайской монархии.

6. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых МК-5803.2021.2.

Литература

- Андрус'як, 1996** – Андрус'як Т. Українсько-жидівська передвиборна коаліція 1907 року // *Незалежний культурологічний часопис «І»*. Вип. 8. 1996. С. 57-59.
- Баран, 1913** – Баран С. Наша програма і організація. Львів, 1913. 32 с.
- Василик, 2012** – Василик І. Б. Кость Левицький: від адвоката до прем'єра ЗУНР. Київ: Експрес-Поліграф, 2012. 175 с.
- Галичанин, 1907** – *Галичанин*. 1907. 10 юня.
- Дело, 1885** – *Дело*. 1885–1907.
- Левицький, 1926** – *Левицький К.* Історія політичної думки галицьких українців 1848–1914 рр. Львів: з друкарні оо. Василіан у Жовкві, 1926. 736 с.
- Левицький, 1936** – *Левицький К.* Українські політики: Сильвети наших давніх послів і політичних діячів 1907–1914 рр. Львів: Діло, 1936. 139 с.
- Макаєв, 1968** – *Макаєв В.* Робітничий клас Галичини в останній третині XIX ст. Львів, 1968. 205 с.
- Миллер, 1998** – *Миллер А.И.* Українофільство // *Славяноведение*. 1998. № 5. С. 28-37.
- Наші, 1907** – Наші округи виборчі і нові закони виборчі до Ради Державної. – Львів: коштом і заходом Товариства політичного Народної Ради у Львові, 1907. 52 с.
- Погодин, 1915** – *Погодин А.Л.* Славянський мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. М.: Тип. Сытина, 1915. 420 с.
- Руслан, 1897** – *Руслан*. 1897. 09.03 (№ 45), с. 1.
- Стахів, 1958** – *Стахів М.* Західня Україна та політика Польщі, Росії і Заходу (1772– 1918). Т. 1. Скрентон: Український Робітничий Союз, 1958. 208 с.
- Сухий, 1998** – *Сухий О.* Національна ідея в програмах та діяльності українських політичних партій Галичини (кінець XIX – початок XX ст.). Львів: Каменяр, 1998. 132 с.
- Українська..., 1983** – Українська суспільно-політична думка в XX столітті: документи і матеріали / Т. Гунчак, Р. Сольчаник. Т.2 Мюнхен: Сучасність, 1983. 510 с.
- Чекановський, 1907** – *Чекановський А.* По перших виборах. Огляд сил і тактики українсько-Русских партій. Львів, 1907. 73 с.
- Binder, 2005** – *Binder H.* Galizien in Wien: Parteien, Wahlen, Fraktionen und Abgeordnete im Übergang zur Massenpolitik. Wien: Verlag der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften, 2005. 741 p.
- Bobrzynskij, 2005** – *Bobrzynskij M.* Z moich pamietnikow. Wroclaw: Zaklad Narodowy im. Ossolinskich, 2005, t.1. 274 s., t.2. 363 p.
- Słowo Polskie, 1907** – *Słowo Polskie (Lwow)*. 1907. Nr. 502, 28 października // *Kontakty rządu z Rusinami*.
- Stenographische..., 1908** – *Stenographische Protokolle des Abgeordnetenhauses des osterreichischen Reichsrathes in den Jahren 1908. Session XVIII, 56. Sitzung*. Pp. 3951-3953.
- Українське..., 2006** – *Українське tradycje parlamentarne / pod red. Jarosława Mokłaka*. Krakow: Historia Iagellonica, 2006. 259 s.
- Wendland, 2001** – *Wendland, A.V.* (2001). Die Russophilen in Galizien: ukrainische Konservative zwischen Österreich und Rußland, 1848-1915. Wien: Verlag der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften, 2001. 644 p.

References

- Andrusyak, 1996** – *Andrusyak, T.* (1996). Ukrains'ko-zhidivs'ka peredviborna koaliciya 1907 roku [Ukrainian-zhidoyskaya pre-election coalition of 1907]. *Independent cultural magazine "Y"*. 8: 57-59. [in Ukrainian]
- Baran, 1913** – *Baran, S.* (1913). Nasha programa i organizaciya [Our program and organization]. Lviv, 32 p. [in Ukrainian]
- Binder, 2005** – *Binder, H.* (2005). Galizien in Wien: Parteien, Wahlen, Fraktionen und Abgeordnete im Übergang zur Massenpolitik. Wien, 741 p. [in German]
- Bobrzynskij, 2005** – *Bobrzynskij, M.* (2005). Z moich pamietnikow. Wroclaw, t.1, 274 s., t.2, 363 p. [in Polish]
- Chekanovs'kij, 1907** – *Chekanovs'kij, A.* (1907). Po pershix viborah. Oglyad sil i taktiki ukrains'ko-rus'kih partij [On the first elections. Review of the forces and tactics of the Ukrainian-Russian parties]. Lviv, 73 p. [in Ukrainian]
- Delo, 1885** – *Delo*. 1885–1907. [in Ukrainian]
- Galichanin, 1907** – *Galichanin*. 1907.
- Levicmkij, 1926** – *Levicmkij, K.* (1926). Istoriya politichnoi dumki galic'kih ukrainciv 1848–1914 rr. [History of political thought of Galician Ukrainians 1848–1914]. Lviv, 736 p. [in Ukrainian]
- Levicmkij, 1936** – *Levicmkij, K.* (1936). Ukrains'ki politiki: Sil'veti nashih davnih posliv i politichnih diyachiv 1907–1914 rr. [Ukrainian politicians: Silvets of our ancient ambassadors and political figures 1907–1914]. Lviv, 139 p. [in Ukrainian]
- Makaev, 1968** – *Makaev, V.* (1968). Robitnichij klas Galichini v ostannij tretini XIX st. [The Working Class of Galicia in the last third of the XIX ct.]. Lviv, 205 p. [in Ukrainian]

- Miller, 1998 – Miller, A.I. (1998). Ukrainofilstvo [Ukrainophilism]. *Slavynovedenie*. 5: 28-37. [in Russian]
- Nashi, 1907 – Nashi okrugi viborchi i novi zakoni viborchi do Radi Derzhavnoi (1907). [Our electoral districts and new electoral laws to the State Council]. Lviv, 52 p. [in Ukrainian]
- Pogodin, 1915 – Pogodin, A.L. (1915). Slavyanskij mir. Politicheskoe i ekonomicheskoe polozhenie slavyanskikh narodov pered vojnoj 1914 g. [Slavic world. Political and economic situation of the Slavic peoples before the war of 1914]. M., 420 p. [in Russian]
- Ruslan, 1897 – Ruslan (1897). [in Ukrainian]
- Ślowo Polskie, 1907 – Ślowo Polskie (Lwow) (1907). [in Polish]
- Stahiv, 1958 – Stahiv, M. (1958). Zahidnya Ukraina ta politika Pol'shchi, Rosii i Zahodu (1772–1918) [Western Ukraine and politics of Poland, Russia and the West (1772–1918)]. V. 1. Skrenton, 208 p. [in Ukrainian]
- Stenographische..., 1908 – Stenographische Protokolle des Abgeordnetenhauses des osterreichischen Reichsrathes in den Jahren 1908 (1908). Session XVIII, 56. Sitzung. Pp. 3951-3953.
- Suhij, 1998 – Suhij, O. (1998). Nacional'na ideya v programah ta diyal'nosti ukrains'kih politichnih partij Galichini (kinec' XIX – pochatok XX st.) [National idea in the programs and activities of Ukrainian political parties in Galicia (late XIX – early XX centuries)]. Lviv, 132 p. [in Ukrainian]
- Ukrains'ka, 1983 – Ukrains'ka suspil'no-politichna dumka v XIX stolitti: dokumenti i materialy (1983) [Ukrainian socio-political thought in the twentieth century: documents and materials]. V.2. Munich, 510 p. [in Ukrainian]
- Ukraińskie..., 2006 – Ukraińskie tradycje parlamentarne (2006). Krakow, 259 p. [in Polish]
- Vasilik, 2012 – Vasilik, I.B. (2012). Kost' Levic'kij: vid advokata do prem'era ZUNR [Kost Levitsky: from lawyer to Prime Minister of the ZUNR]. Kyiv, 175 p. [in Ukrainian]
- Wendland, 2001 – Wendland, A.V. (2001). Die Russophilen in Galizien: ukrainische Konservative zwischen Österreich und Rußland, 1848-1915. Wien, 644 p. [in German]

Представительство русино-украинского населения Галиции и Буковины в Габсбургской монархии в конце XIX – начале XX веков

Алексей Геннадьевич Топильский ^{a, *}, Руслан Магометович Житин ^a

^a Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассматривается формирование избирательных организаций русинских политических сил во второй половине XIX – начале XX веков. Их необходимость определялась стремлением преодолеть преобладание польских партий в традиционной куриальной системе представительства Габсбургской монархии. Обеспечение как выдвижения кандидатов в депутаты Сейма и Рейхсрата, так и проведения ими избирательной кампании требовало координации усилий между различными движениями русино-украинского политикума, прежде всего – русофильских и украинофильских сил. Поскольку куриальная система в городах гарантировала преимущественное получение голосов польскими и еврейскими избирателями, первоначально усилия русино-украинских политических партий были сосредоточены на сельских жителях как категории с преобладавшим восточнославянским населением.

На примерах избирательных кампаний 1897 и 1907 гг. проанализировано взаимодействие русинских (преимущественно русофильских, украинофильских и радикальных), польских (людовцев) и еврейских (сионистов) политических партий в борьбе за продвижение депутатов. Рассмотрены попытки противодействия русино-украинских организаций через прессу и подачу петиций и интерpellаций в австрийском Рейхсрате фальсификациям во время избирательных кампаний. Проанализирован партийный состав Сейма и Рейхсрата. На материале эволюции политических партий охарактеризовано приспособление лежавших в их основе идей к интересам русино-украинских избирателей, а также изменение этих интересов в связи с русино-польскими и русино-еврейскими отношениями. Показана деятельность фракций русино-украинских депутатов в Австрийском рейхсрате и Галицийском сейме, рассмотрено их взаимодействие как с русино-украинскими депутатами из Буковины, так и с представителями иных земель Габсбургской монархии.

Ключевые слова: Галиция, украинофильство, русофильство, евреи, поляки, русины.

* Корреспондирующий автор

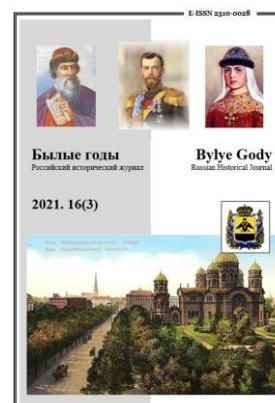
Адреса электронной почты: a-topil@yandex.ru (А.Г. Топильский), istorik08@mail.ru (Р.М. Житин)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1316-1325
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1316
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



«Government Colonization» of the Murmanskij Coast of the Barents Sea: Demographic View According to the Parish Registers (1873–1920)

Pavel V. Fedorov ^{a, *}, Alexey A. Malashenkov ^a

^a International Banking Institute, Russian Federation

Abstract

The article notes that the lack of demographic statistics is a significant problem for studying the history of Russian colonization. One of the ways to solve it may be the reconstruction of demographic data on the sources of primary population accounting, in particular, on parish registers.

This article presents some results of processing the Orthodox parish registers of the Murmanskij coast of the Barents Sea for 1873–1920. The resulting picture significantly complements and corrects the ideas existing in historical science about the project of «government colonization» launched in this area of the Russian Arctic during the era of the «Great Reforms», based on the provisions approved by Alexander II in 1868 and 1876.

The revealed demographic statistics show that in the process of «government colonization» of the Murmanskij coast, the social adaptation of the Orthodox population had a positive dynamics. Not only the number of residents increased, but also the family-related structure was actively formed. The local population preserved their moral character and observed Orthodox church customs, as evidenced by the data on the extreme rarity of the «third marriage», the refusal to marry during the fasts before Easter and Christmas, as well as a decrease in the proportion of conception during these periods.

The success of the social adaptation of Orthodox believers on the Barents Sea coast was prepared during the seasonal colonization by Russian fishermen who for many centuries came to the Murmanskij coast from the shores of the White Sea. The territory of the Arkhangelskaya guberniya has become the main supplier of residents of the Murmanskij coast. At the same time, since the beginning of the XX century, migrants from other places of the Russian Empire have also moved here.

Keywords: colonization, demography, Arctic, Great Reforms, Russian Empire, birth rate, marriages, family, Kola peninsula, fishing, migration.

1. Введение

Аналитический потенциал данных учета населения неплохо освоен в исторической науке как в рамках старого и уже признанного направления – исторической демографии (Жеребцов, 1996 и др.), так и в относительно новых областях, группирующихся, например, вокруг «социальной истории» (Миронов, 2000 и др.). Правда, потенциальные возможности ограничивают сами источники: актуальными остаются вопросы к полноте и корректности данных демографической статистики по губерниям Российской империи, сбором и обработкой которой занимались в том числе так называемые губернские статистические комитеты. В научной литературе уже приводились примеры неточности этих статистических данных (Малашенков, Федоров, 2011: 11-13).

Отсюда неизбежно встает вопрос об инструментах верификации демографической статистики Российской империи на основе привлечения материалов первичного учета населения (главным образом, метрических книг). Работа с этой группой источников позволяет не только верифицировать, но и фактически выявлять новые данные, взятые в динамике. Учитывая, что недостаток качественной

* Corresponding author

E-mail addresses: sever-nordica@yandex.ru (P.V. Fedorov), malashenkov_84@list.ru (A.A. Malashenkov)

демографической статистики является проблемой источниковой базы досоветского периода, обращение к материалам первичного учета населения позволяет решать ее хотя бы локально – на материалах отдельных территорий и в рамках отдельных периодов. Этот подход, хорошо известный в западноевропейской историографии (Henry, 1956 и др.), ныне переключался в российскую историческую науку (Смирнова, 2002; Совков, 2004; Малащенко, Федоров, 2010 и др.).

В данной статье представлены результаты обработки материалов первичного учета населения православного вероисповедания (метрических книг) с целью выявления отсутствующей демографической статистики по Мурманскому берегу Баренцева моря за вторую половину XIX – начало XX веков.

В течение многих столетий данная территория являлась местом, которое русские рыбопромышленники посещали только сезонно. В эпоху «Великих реформ» правительство Александра II решило превзойти достигнутый уровень и сформировать на Мурманском берегу постоянное население, для чего был введен целый ряд льгот для желающих поселиться здесь. Начало «правительственной колонизации» было заложено высочайше утвержденным положением Комитета министров «О льготах для поселенцев Мурманского берега в Архангельской губернии» от 22 ноября 1868 г. (ПСЗ-II. № 46467), а затем уточнено и дополнено высочайше утвержденным положением «О льготах, предоставляемых переселенцам на Мурманский берег» от 14 мая 1876 г. (ПСЗ-II. № 55934).

Демографические процессы, происходившие среди населения Мурманского берега в период перехода от сезонного к оседлому образу жизни во время «правительственной колонизации», не освещены в научной литературе по причине отсутствия самих демографических данных. По этой же причине значительно страдает научная оценка колонизационных мероприятий, которая нередко базируется только на субъективных суждениях современников. В данном исследовании поставлена цель восполнить этот пробел хотя бы в той мере, в какой это позволят сделать приходские документы первичного учета населения.

2. Материалы и методы

2.1. Для оценки численности населения могут оказаться весьма полезными духовные росписи, в которых указывался состав приходской общины. Однако в Государственном архиве Мурманской области (ГАМО) сохранились духовные росписи только за отдельные годы и только по двум береговым приходам – Териберскому и Рындскому. К тому же в эти духовные росписи, как выясняется, включалось не все население колоний, а только в основном семейно-родственные коллективы из числа колонистов, священников или чиновников. При этом зачастую не учитывались те лица, которые, приехав на Мурман из разных уездов Архангельской губернии, оставались жить под своими старыми, главным образом крестьянскими статусами. Их могли рассматривать, по-видимому, временным населением, подобно приходившим в эти же места промышленникам. Однако это было не совсем так: семьи, жившие на Мурманском берегу в качестве крестьян различных уездов Архангельской губернии, могли являться полноценными «поставщиками» демографической статистики, поскольку заключали браки, рожали детей и хоронились на берегу, как и те, кто принадлежал к числу колонистов, духовному сословию или поступал на службу местным чиновником. Таким образом, духовные росписи характеризуют лишь некоторую часть состава приходской общины по Териберскому и Рындскому приходам и не могут сообщить даже приблизительных сведений по численности постоянного населения Мурманского берега.

В данном исследовании рассматривались метрические книги, которые представляют значительный интерес для выявления разных демографических показателей, кроме численности населения. Их репрезентативность подтверждает, например, сравнение с данными альтернативного источника – посемейного списка крестьян Кольско-Лопарской волости на 1901 г. (ГАМО. Ф. 52-И. Оп. 1. Д. 207). В посемейном списке учтены колонии Восточного Мурман и Кольской губы. Сравнение проводилось по детям в возрасте до 1 года, родившимся в семьях православного вероисповедания в 1900 г. Из 21 ребенка, учтенного в посемейном списке, в метрических книгах обнаружилось сведения о рождении 20 из них (или 95,2 %), что свидетельствует о высокой репрезентативности массива данных метрических книг.

Для выявления демографической статистики анализировались метрические книги 7 приходов, расположенных непосредственно на Мурманском берегу (Печенгского, Китовского, Териберского, Гавриловского, Рындского, г. Александровска, г. Мурманска), а также еще 7 приходов, которые соприкасались с территорией Мурманского берега и где также могла вращаться часть берегового общества (г. Колы, Пазрецкого, Нотозерского, Кильдинского, Ловозерского, Понойского, Иоканьского).

Хранящаяся в ГАМО коллекция метрических книг за период с 1863 по 1920 гг. имеет определенные документальные пробелы. Отсутствуют: по Печенгскому приходу – за 1857–1872 гг. и 1876 г., по Ловозерскому приходу – за 1862–1873 гг., по Териберскому приходу – за 1885 г., по г. Мурманску – с января по март 1917 г. Таким образом, полноту коллекции метрических книг

можно признать довольно высокой, во всяком случае не исключаяющей саму возможность реконструкции на ее основе демографической статистики.

По береговым приходам глубина данных метрических книг, сохранившихся в ГАМО, начинается с 1873 г. (наиболее ранние – по Печенгскому приходу), по соприкасавшимся с берегом другим приходом – с 1863 г. (наиболее ранние – по Кольскому приходу).

2.2. Существенным вопросом при анализе метрических книг становится определение критериев для выборки данных. Ведь в метрические книги могли заноситься сведения о лицах, которые появлялись на Мурманском берегу случайно. На Мурмане эпизодически появлялись кочевавшие по тундре саамы или переселившиеся на Кольский полуостров группы оленеводов Печорского уезда, а также жители г. Колы. Еще больше примешивалось неберегового населения к приходам, соприкасавшимся с Мурманским берегом. Было бы некорректно включать всю эту массу в демографическую статистику побережья.

Для выборки данных из метрических книг 7 «береговых» приходом были установлены следующие критерии:

по родившимся – дети, рожденные от всех категорий лиц, за исключением крестьян саамских погостов и крестьян Печорского уезда, не являвшихся приписанными жителями Мурманского берега или г. Александровска;

по бракам – все браки, за исключением заключенных между крестьянами саамских погостов и/или крестьянами Печорского уезда, не приписанными к колониям Мурманского берега или г. Александровску;

по умершим – все умершие, за исключением имеющих отметку о погребении за пределами Мурманского берега.

Для выборки данных из метрических книг приходом, соприкасавшихся с территорией Мурманского берега, были установлены следующие критерии:

по родившимся – дети, родившиеся в семьях колонистов, должностных лиц Мурманского берега, а также лиц, приписанных к колониям Мурманского берега или г. Александровску;

по бракам – браки, в которых хотя бы один из брачующихся являлся колонистом, должностным лицом Мурманского берега, а также лицом, приписанным к колонии Мурманского берега или г. Александровску;

по умершим – лица с отметкой о погребении в колониях Мурманского берега, г. Мурманске, г. Александровске или утонувшие в привязанной к берегу акватории Баренцева моря.

Лица, приписанные к другим уездам или губерниям (за исключением Печорского уезда), до создания отдельных «береговых» приходом зачастую регистрировали рождения или браки в приходом, соприкасавшихся с берегом. Они также включались в выборку (кроме Кольского прихода, паства которого могла проживать в самом городе). Горизонт данной выборки ограничивался 1915 г. – началом строительства Мурманской железной дороги, которое привело в эти приходом мигрантов, не связанных с берегом.

3. Обсуждение

Правительственная колонизация Мурманского берега рассматривалась в отечественной и зарубежной историографии в отсутствии полных данных демографической статистики, поэтому нередко на оценки влияли установки публицистической литературы рубежа XIX–XX вв., обслуживающей интересы предпринимательских кругов и потому нередко критикующей правительственные мероприятия за недостаток финансовой базы.

Так, например, владевший на Мурмане китобойным заведением петербургский предприниматель Г.Ф. Гебель, оценивая результаты колонизационных мероприятий правительства, считал, что их слабая эффективность была вызвана недостаточностью государственной поддержки, в результате чего рядом «с дельными финляндцами и норвежцами» на Мурмане поселились «жалкие представители промыслового пролетариата» (Гебель, 1905: 82). Похожую оценку составу населения Мурманского берега давал И.Ф. Ушаков, правда, отмечавший, что государственная власть сознательно препятствовала переселению на Мурманский берег бедноты, а зажиточные промышленники селиться здесь не спешили. В этом историк видел одну из причин медленных темпов заселения Мурманна, притом, что саму правительственную колонизацию Мурманского берега Ушаков считал «сильным толчком для развития капитализма» (Ушаков, 1997: 308–324).

Из публицистической же литературы была перенесена в историографию мысль якобы о тотальной алкоголизации населения Мурманна (Попов, Давыдов, 1999: 58–73).

Столь мрачные образы Мурманского берега в период колонизации, посеянные в отечественной литературе, уже проявились и в зарубежной историографии. Норвежский историк Й.П. Нильсен считает, что россиянам было якобы неестественно жить на берегу Ледовитого океана и что до строительства Мурманской железной дороги в 1915–1916 гг. Мурманское побережье находилось в «изоляции». По его мнению, Мурман еще долго оставался бы неосвоенным, если бы норвежцы в 1860 г. не подтолкнули Россию к заселению этой прибрежной территории. Мурманский берег,

по утверждению Й.П. Нильсена, является «The Norwegian coast» («Норвежским берегом») (Нильсен, 2001; Nielsen, 2006: 10-11).

Вместе с тем первые результаты историко-демографического исследования Мурманского берега уже выявили несостоятельность бытующих подходов (Малашенков, Федоров, 2017). На данных метрических книг была подвергнута сомнению прозвучавшая еще в начале XX века (Статистические исследования...: 112-113) мысль о том, что на Западном Мурмане якобы преобладали лютеранские колонисты, а на Восточном Мурмане – православные. Демографические данные свидетельствуют, что и к западу, и к востоку от Кольского залива русское влияние было одинаково значимым (Малашенков, Федоров, 2017: 19-20). Информация православного некрополя косвенно иллюстрирует связь возникающих колоний с системой сезонного расселения промышленников – русских станович Мурманского берега, начало которым было положено еще в XVI веке (Малашенков, Федоров, 2017: 22). Обращает на себя внимание удельная доля смертей, причинами которых, по данным метрических книг, были указаны непосредственно алкоголизм или отравление алкоголем – всего 1,3 % от общего количества смертей (Малашенков, Федоров, 2017: 27). Этот показатель не столь высок, чтобы подтвердить встречающуюся в историографии идею о едва ли не тотальной алкоголизации населения Мурманского берега.

В литературе уже высказывались оценки феномена Трифоно-Печенгского монастыря рубежа XIX–XX вв. как площадки передовых технологий на Мурмане (Корольков, 1908; Федоров, 1996; Федоров, 2014: 49-50).

Инициированы дискуссии о начале колонизационных процессов на Мурманском берегу и причастности к ним России и тогдашней провинции Швеции – Норвегии (Нильсен, 2001; Fedorov, 2014; Федоров, 2021: 212-222).

«Правительственная колонизация» Мурманского берега не может быть осмыслена только лишь как местный феномен. В дореволюционном исследовании М.К. Любавского показывается, что промышленно-колонизационная политика проводилась на многих других территориях Российской империи: в губерниях и областях Сибири, Дальнего Востока, Закавказья, Причерноморья, калмыцких степях (Любавский, 1996: 392-488).

Выявлением, систематизацией и публикацией данных учета лютеранских колонистов Мурманского берега занимались С. Оннела, М. Йентофт и М. Куитула (Onnela, 1973; Йентофт, 2002: 227-234; Kuitula, 2020), однако их усилия были направлены на реконструкцию главным образом генеалогии, нежели демографической статистики.

4. Результаты

И.Ф. Ушаков приводил данные численности населения колоний Мурманского берега (включая лютеран): по переписи 1897 г. – 1964 чел., 1911 г. – 3020 чел. (Ушаков, 1997: 408-409). При том, что эти данные свидетельствовали о структурных сдвигах в заселении Кольского Заполярья и действительно значимом вкладе «правительственной колонизации» в процесс освоения Русской Арктики, все-таки из них не следовало, какие качественные изменения принесли «Великие реформы» в социальную жизнь этой европейской окраины.

Полученный нами новый корпус демографической статистики православного населения Мурманского берега позволяет сделать некоторые комментарии. Динамика среднегодового количества рождений лиц православного вероисповедания (Таблица 1) свидетельствует о нарастающих темпах роста «оседающих» мигрантов до начала XX века и дальнейшем замедлении этих темпов вплоть до 1916 г., что могло быть связано с ухудшением промысловой обстановки у берегов Мурмана в начале XX века (Ушаков, 1997: 408; Федоров, 2021: 224, 502). Начиная с 1916 г., темпы роста количества рождений начинают резко расти, на что, должно быть, повлиял приток новых мигрантов на строительство Мурманской железной дороги. Причем весь рост был обусловлен появлением Мурманска, на прочей же территории Мурманского берега динамика рождений имела тенденцию к снижению.

Таблица 1. Среднегодовое количество рождений лиц православного вероисповедания на Мурманском берегу в 1873–1920 гг.

Периоды	Количество рождений, абс. ед.	Количество рождений в среднем в год
1873–1875	28	9,3
1876–1880	60	12,0
1881–1885	97	19,4
1886–1890	123	24,6
1891–1895	161	32,2
1896–1900	280	56,0
1901–1905	403	80,6

1906–1910	525	105,0
1911–1915	613	122,6
1916–1920	1006	201,2
	в том числе:	
	Мурманский берег без г. Мурманска	
	506	101,2
	г. Мурманск	
	500	100,0
Всего	3296	68,7

Динамика среднегодового количества браков показывает, что увеличивалась не только сама численность жителей, но и активно формировалась семейно-родственная структура (Таблица 2), что не может не свидетельствовать об успешности социальной адаптации участников колонизации.

Таблица 2. Среднегодовое количество браков, заключенных между лицами православного вероисповедания на Мурманском берегу в 1873–1920 гг.

Периоды	Количество браков, абс. ед.	Количество браков в среднем в год
1873–1875	10	3,3
1876–1880	15	3,0
1881–1885	28	5,6
1886–1890	27	5,4
1891–1895	40	8,0
1896–1900	71	14,2
1901–1905	74	14,8
1906–1910	110	22,0
1911–1915	120	24,0
1916–1920	309	61,8
	в том числе:	
	Мурманский берег без г. Мурманска	
	120	24,0
	г. Мурманск	
	189	37,8
Всего	804	16,8

Моральный облик лиц православного вероисповедания косвенно иллюстрируют данные, свидетельствующие о соблюдении церковных обычаев и, в частности о крайней редкости троебрачия (Таблица 3), об отказе заключать браки в период постов перед Пасхой и Рождеством Христовым (Таблица 4), а также снижении удельной доли зачатий в эти периоды (Таблица 5).

Таблица 3. Очередность браков у мужчин на Мурманском берегу в 1873–1920 гг. (по данным метрических книг)

Периоды	Абс., ед.				%			
	всего браков	1 брак	2 брак	3 брак	всего	1 брак	2 брак	3 брак
1873–1875	10	7	3	0	100,0	70,0	30,0	0
1876–1880	15	14	1	0	100,0	93,3	6,7	0
1881–1885	28	26	0	2	100,0	92,9	0	7,1
1886–1890	27	23	3	1	100,0	85,2	11,1	3,7
1891–1895	40	32	8	0	100,0	80,0	20,0	0
1896–1900	71	61	10	0	100,0	85,9	14,1	0
1901–1905	74	60	11	3	100,0	81,1	14,9	4,0
1906–1910	110	104	6	0	100,0	94,5	5,5	0
1911–1915	120	102	17	1	100,0	85,0	14,2	0,8
1916–1920	309	273	34	2	100,0	88,4	11,0	0,6
	Мурманский берег без г. Мурманска							

	120	99	19	2	100,0	82,5	15,8	1,7
	г. Мурманск							
	189	174	15	0	100,0	92,1	7,9	0
Всего	804	702	93	9	100,0	87,3	11,6	1,1

Таблица 4. Количество браков, заключенных между лицами православного вероисповедания на Мурманском берегу в 1873–1920 гг., по месяцам

Месяцы	Количество браков, абс. ед.	Доля от общего количества браков, %
январь	157	19,5
февраль	96	11,9
март	3	0,4
апрель	64	8,0
май	64	8,0
июнь	23	2,9
июль	84	10,4
август	64	8,0
сентябрь	69	8,6
октябрь	109	13,5
ноябрь	71	8,8
декабрь	0	0
Всего	804	100,0

Таблица 5. Количество зачатий на Мурманском берегу в 1873–1920 гг., по месяцам

Месяцы	Количество зачатий, абс. ед.	Доля от общего количества зачатий, %
январь	329	10,0
февраль	264	8,0
март	229	7,0
апрель	199	6,0
май	254	7,7
июнь	243	7,4
июль	240	7,3
август	251	7,6
сентябрь	308	9,3
октябрь	356	10,8
ноябрь	342	10,4
декабрь	277	8,4
не указано	4	0,1
Всего	3296	100,0

Главным поставщиком жителей Мурманского берега была территория Архангельской губернии (Таблица 6). Это косвенно указывает на то, что успешность социальной адаптации лиц православного вероисповедания на берегу Баренцева моря была подготовлена в ходе сезонной колонизации Мурманского русскими промышленниками, в течение многих веков приходившими на мурманский промысел с берегов Белого моря. Вместе с тем с 1900-х гг., т.е. еще задолго до начала строительства Мурманской железной дороги, в числе родителей уроженцев Мурманского берега стали появляться мигранты и из других мест Российской империи (Таблица 6).

Выявленные нами данные косвенно подтверждают мнение И.Ф. Ушакова о наличии на Мурманском берегу бедной прослойки переселенцев, которую власти не хотели переводить в сословие колонистов, а за недоимки стремились вернуть на прежнее место жительства (Ушаков, 1997: 320-321). Правда, среди родителей уроженцев Мурманского берега удельная доля лиц, сохранявших приписку к местам за пределами Архангельской губернии, была незначительной, но имела тенденцию к медленному увеличению (с 4 до 7 %) (Таблица 6).

Таблица 6. Количество лиц православного вероисповедания, рожденных на Мурманском берегу в 1873–1920 гг., по месту приписки родителей, указанному в их сословном или профессиональном статусе

Периоды	Приписка родителей, %						Всего
	Мурманский берег	Кольский Север (без Мурманского берега)	Архангельская губ. (без Кольского Севера)	Российская империя (без Архангельской губ.)	Другие страны	Не указано	
1873–1875	100,0	0	0	0	0	0	100,0
1876–1880	85,0	0	15,0	0	0	0	100,0
1881–1885	93,8	1,0	5,2	0	0	0	100,0
1886–1890	91,1	0,8	7,3	0	0	0,8	100,0
1891–1895	94,4	1,9	1,9	0	0,6	1,2	100,0
1896–1900	88,2	2,2	6,4	0	1,4	1,8	100,0
1901–1905	81,2	2,7	8,7	4,7	0	2,7	100,0
1906–1910	80,2	3,2	10,1	4,2	0,6	1,7	100,0
1911–1915	81,1	1,8	8,2	7,5	0	1,4	100,0
1916–1920	47,6	1,7	7,4	39,8	0,1	3,4	100,0
	Мурманский берег без г. Мурманска						
	83,2	1,8	6,9	6,9	0	1,2	100,0
	г. Мурманск						
	11,6	1,6	8,0	73,0	0,2	5,6	100,0
Всего	73,0	2,0	7,8	14,8	0,3	2,1	100,0

5. Заключение

Выявленная демографическая статистика свидетельствует, что в процессе «правительственной колонизации» Мурманского берега Баренцева моря социальная адаптация православного населения имела положительную динамику. Увеличивалась не только сама численность жителей, но и активно формировалась семейно-родственная структура. Местное население сохраняло моральный облик и соблюдало православные церковные обычаи.

Успешность социальной адаптации лиц православного вероисповедания на берегу Баренцева моря была подготовлена в ходе сезонной колонизации Мурманска русскими промышленниками, в течение многих веков приходившими на мурманский промысел с берегов Белого моря. Территория Архангельской губернии стала главным поставщиком жителей Мурманского берега. Вместе с тем с начала XX века сюда переселялись мигранты и из других мест Российской империи.

6. Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-09-00008 А. The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-00008 A.

Литература

- ГАМО – Государственный архив Мурманской области.
 Гебель, 1905 – Гебель Г.Ф. Наша северо-западная окраина – Лапландия // *Русское судоходство*. 1905. № 7. С. 72–85.
 Жеребцов, 1996 – Жеребцов И.Л. Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. Екатеринбург: УрО РАН; Сыктывкар: ИЯЛИ, 1996. 256 с.
 Йентофт, 2002 – Йентофт М. Оставшиеся без Родины. История кольских норвежцев. Мурманск: Рекламная полиграфия, 2002. 238 с.
 Любавский, 1996 – Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации. М.: Изд-во Московского университета, 1996. 682 с.
 Малашенков, Федоров, 2010 – Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): историко-генеалогический атлас. Мурманск: МГПУ, 2010. Ч. 1: Словарь. 280 с.
 Малашенков, Федоров, 2011 – Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): историко-генеалогический атлас. Мурманск: МГПУ, 2011. Дополнительная часть. Указатели. 230 с.
 Малашенков, Федоров, 2017 – Малашенков А.А., Федоров П.В. Почва на северных скалах: Православный некрополь Мурманского берега Баренцева моря (1863–1920 гг.). СПб.: Международный банковский институт, 2017. 640 с.

Миронов, 2000 – *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 547 с.

Нильсен, 2001 – *Нильсен Й.П.* Мурман и Финмарк: одного ли поля ягоды? (сравнительный метод в изучении политики царской администрации по освоению Мурманского побережья) // *Меняющаяся Россия в изменяющемся мире: Сборник статей.* М.; Архангельск, 2001. С. 33-45.

Попов, Давыдов, 1999 – *Попов Г.П., Давыдов Р.А.* Мурман: Очерки истории края XIX – начала XX в. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1999. 220 с.

ПСЗ-II – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е.

Смирнова, 2002 – *Смирнова С.С.* Смертность в Олонецкой губернии в XIX – начале XX вв.: к вопросу о фиксации причин смерти (по материалам метрических книг) // *Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер».* 2002. № 30. С. 196-199.

Совков, 2004 – *Совков Д.М.* Крестьянская семья Южного Зауралья: генеалого-демографический аспект (на примере крестьянских родов Примияссыя конца XVIII – начала XX вв.): Дисс. ... канд. ист. наук. Курган, 2004. 275 с.

Статистические исследования... – Статистические исследования Мурмана. СПб., 1904. Т. 1. Вып. 2: Колонизация (по материалам 1889, 1900 и 1902 гг.). 293 с.

Ушаков, 1997 – *Ушаков И.Ф.* Избранные произведения: историко-краеведческие исследования. В 3 т. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1997. Т. 1: Кольская земля. 646 с.

Федоров, 1996 – *Федоров П.В.* История Трифоно-Печенгского монастыря (1886–1917 гг.). Мурманск: МГПИ, 1996. 70 с.

Федоров, 2014 – *Федоров П.В.* Культурные ландшафты Кольского Севера: структура и историческая динамика. Мурманск: МГГУ, 2014. 175 с.

Федоров, 2021 – *Федоров П.В.* Россия, окруженная водой: обзор истории Кольского полуострова. 1216–1991. СПб., 2021. 726 с.

Fedorov, 2014 – *Fedorov P.V.* Murman Coast of the Barents Sea at the Second Half of the 19th and the Beginning 20th Century. Russian or European Colonization? // *Bylye Gody.* 2014. № 32. С. 162-167.

Henry, 1956 – *Henry L.* Anciennes familles genevoises. Etudes démographiques (XVI–XX siècle). Paris: PUF, 1956. 232 p.

Kuitula, 2020 – *Kuitula M.* Muurmannin rannalle ja Venäjän Lappiin: Suomalaisten siirtolaisuus Kuolan niemimaalle ja kuolansuomalaiset 1858-1917. Helsinki: University of Helsinki, 2020. 420 p.

Nielsen, 2006 – *Nielsen J.P.* The Murman Coast and Russian Northern Policies ca. 1855-1917 // *In the North My Nest is Made: Studies in the History of Murman Colonization 1860–1940.* Saint Petersburg. 2006. P. 10-27.

Onnela, 1973 – *Onnela S.* Muurmannin rannan luterilaiset v. 1887-1888 // *Scripta Historica.* 1973. 3. Pp. 70-112.

References

Fedorov, 1996 – *Fedorov, P.V.* (1996). Istoriya Trifono-Pechengskogo monastyrya (1886-1917 gg.) [The history of the Trifono-Pechengskiy Monastery (1886-1917)]. Murmansk: MGPI, 70 p. [in Russian]

Fedorov, 2014 – *Fedorov, P.V.* (2014). Kul'turnye landshafty Kol'skogo Severa: struktura i istoricheskaya dinamika [Cultural landscapes of the Kola North: structure and historical dynamics]. Murmansk: MGGU, 175 p. [in Russian]

Fedorov, 2014 – *Fedorov, P.V.* (2014). Murman Coast of the Barents Sea at the Second Half of the 19th and the Beginning 20th Century. Russian or European Colonization? *Bylye Gody.* 32: 162-167.

Fedorov, 2021 – *Fedorov, P.V.* (2021). Rossiya, okruzhennaya vodoi: obzor istorii Kol'-skogo poluostrova. 1216-1991 [Russia surrounded by water: an overview of the history of the Kola Peninsula. 1216-1991]. Sankt-Peterburg, 726 p. [in Russian]

GAMO – Gosudarstvennyi arkhiv Murmanskoi oblasti [State archive of the Murmansk region].

Gebel', 1905 – *Gebel', G.F.* (1905). Nasha severo-zapadnaya okraina – Laplandiya [Our north-western outskirts are Lapland]. *Russkoe sudokhodstvo.* 7: 72-85. [in Russian]

Henry, 1956 – *Henry, L.* (1956). Anciennes familles genevoises. Etudes démographiques (XVI–XX siècle) [Ancient Genevese families. Demographic studies (XVI-XX century)]. Paris: PUF, 232 p. [in French]

Ientoft, 2002 – *Ientoft, M.* (2002). Ostavshiesya bez Rodiny. Istoriya kol'skikh norvezhtsev [Left without a homeland. History of the Kola Norwegians]. Murmansk: Reklamnaya poligrafiya, 238 p. [in Russian]

Kuitula, 2020 – *Kuitula, M.* (2020). Muurmannin rannalle ja Venäjän Lappiin: Suomalaisten siirtolaisuus Kuolan niemimaalle ja kuolansuomalaiset 1858-1917 [Murmansk beach and Russian Lapland: migration of Finns to the Kola Peninsula and the Kola Finns 1858-1917]. Helsinki: University of Helsinki, 420 p. [in Finnish]

Lyubavskii, 1996 – *Lyubavskii M.K.* (1996). Obzor istorii russkoi kolonizatsii [Overview of the history of Russian colonization]. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 682 p. [in Russian]

[Malashenkov, Fedorov, 2010](#) – *Malashenkov, A.A., Fedorov, P.V.* (2010). Kolyane (XIX – pervaya chetvert' XX v.): istoriko-genealogicheskii atlas [Kolyane (XIX – the first quarter of the XX century): historical and genealogical atlas]. Murmansk: MGPU. Ch.1: Slovar'. 280 p. [in Russian]

[Malashenkov, Fedorov, 2011](#) – *Malashenkov, A.A., Fedorov, P.V.* (2011). Kolyane (XIX – pervaya chetvert' XX v.): istoriko-genealogicheskii atlas [Kolyane (XIX – the first quarter of the XX century): historical and genealogical atlas]. Murmansk: MGPU. Dopolnit'naya chast'. Ukazateli. 230 p. [in Russian]

[Malashenkov, Fedorov, 2017](#) – *Malashenkov, A.A., Fedorov, P.V.* (2017). Pochva na severnykh skalakh: Pravoslavnyi nekropol' Murmanskogo berega Barentseva morya (1863-1920 gg.) [The soil on the northern rocks: The Orthodox necropolis of the Murmansk coast of the Barents Sea (1863-1920)]. SPb: Mezhdunarodnyi bankovskii institut. 640 p. [in Russian]

[Mironov, 2000](#) – *Mironov, B.N.* (2000). Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [The Social History of Russia during the Empire Period (XVIII – early XX century): The Genesis of the Individual, the Democratic Family, Civil Society and the Rule of Law State]. V 2-kh t. SPb: Dmitrii Bulanin. T. 1. 547 p. [in Russian]

[Nielsen, 2006](#) – *Nielsen, J.P.* (2006). The Murman Coast and Russian Northern Policies ca. 1855-1917. In the North My Nest is Made: Studies in the History of Murman Colonization 1860–1940. Saint Petersburg. Pp. 10-27.

[Nil'sen, 2001](#) – *Nil'sen, I. P.* (2001). Murman i Finmark: odnogo li polya yagody? (sravnitel'nyi metod v izuchenii politiki tsarskoi administratsii po osvoe-niyu Murmanskogo poberezh'ya) [Murmansk and Finmark: berries from the same field? (comparative method in the study of the policy of the tsarist administration for the development of the Murmansk coast)]. *Menyayushchayasya Rossiya v izmenyayushchemsya mire*: Sbornik statei. M.; Arkhangel'sk. Pp. 33-45. [in Russian]

[Onnela, 1973](#) – *Onnela, S.* (1973). Muurmannin rannan luterilaiset v. 1887–1888 [Lutherans of Murmann Beach 1887-1888]. *Scripta Historica*. 3: 70-112. [in Finnish]

[Popov, Davydov, 1999](#) – *Popov, G.P., Davydov, R.A.* (1999). Murman: Ocherki istorii kraia XIX – nachala XX v. [Murman: Essays on the history of the region of the XIX – early XX century]. Ekaterinburg: Izd-vo UrO RAN, 220 p. [in Russian]

[PSZ-II](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 2-e. [in Russian]

[Smirnova, 2002](#) – *Smirnova, S.S.* (2002). Smertnost' v Olonetskoj gubernii v XIX – nachale XX vv.: k voprosu o fiksatsii prichin smerti (po materialam metriche-skikh knig) [Mortality in the Olonets province in the XIX – early XX centuries: on the issue of fixing the causes of death (based on the materials of metric books)]. *Informatsionnyi byulleten' assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter»*. 30: 196-199. [in Russian]

[Sovkov, 2004](#) – *Sovkov, D.M.* (2004). Krest'yanskaya sem'ya Yuzhnogo Zaural'ya: genealogo-demograficheskii aspekt (na primere krest'yanskikh rodov Primiass'ya kontsa XVIII – nachala XIX vv.) [Peasant family of the Southern Trans-Urals: genealogical and demographic aspect (on the example of peasant families of the Primiassya of the late XVIII-early XX centuries)]: Diss... kand. ist. nauk. Kurgan, 275 p. [in Russian]

[Statisticheskie issledovaniya...](#) – Statisticheskie issledovaniya Murmana [Statistical studies of Murman]. SPb., 1904. T. 1. Vyp. 2: Kolonizatsiya (po materialam 1889, 1900 i 1902 gg.). 293 p. [in Russian]

[Ushakov, 1997](#) – *Ushakov, I.F.* (1997). Izbrannye proizvedeniya: istoriko-kraevedcheskie issledovaniya [Selected works: local history studies]. V 3 t. Murmansk: Murmanskoe knizhnoe izdatel'-stvo. T. 1: Kol'skaya zemlya. 646 p. [in Russian]

[Zherebtsov, 1996](#) – *Zherebtsov, I.L.* (1996). Naselenie Komi kraia vo vtoroi polovine XVI – nachale XVIII v. [The population of the Komi region in the second half of the XVI-early XVIII century]. Ekaterinburg: UrO RAN; Syktyvkar: IYaLI, 256 p. [in Russian]

«Правительственная колонизация» Мурманского берега Баренцева моря: демографическая картина по данным метрических книг (1873–1920 гг.)

Павел Викторович Федоров ^{a, *}, Алексей Анатольевич Малашенков ^a

^a Международный банковский институт им. Анатолия Собчака, Российская Федерация

Аннотация. В статье отмечается, что недостаток демографической статистики является существенной проблемой при изучении истории российской колонизации. Одним из способов ее

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sever-nordica@yandex.ru (П.В. Федоров), malashenkov_84@list.ru (А.А. Малашенков)

решения может стать реконструкция демографических данных на основе анализа источников первичного учета населения, в частности метрических книг.

В данной статье приводятся некоторые результаты обработки метрических книг православных приходов Мурманского берега Баренцева моря за 1873–1920 гг. Полученная картина существенно дополняет и корректирует бытующие в исторической науке представления о проекте «правительственной колонизации», запущенном в этом ареале Русской Арктики в эпоху «Великих реформ», на основе положений, утвержденных Александром II в 1868 и 1876 гг.

Выявленная демографическая статистика свидетельствует о том, что в процессе «правительственной колонизации» Мурманского берега социальная адаптация православного населения имела положительную динамику. Увеличивалась не только сама численность жителей, но и активно формировалась семейно-родственная структура. Местное население сохраняло моральный облик и соблюдало православные церковные обычаи, о чем свидетельствуют данные о крайней редкости троебрачия, об отказе заключать браки в период постов перед Пасхой и Рождеством Христовым, а также снижении удельной доли зачатий в эти периоды.

Успешность социальной адаптации лиц православного вероисповедания на берегу Баренцева моря была подготовлена ходом сезонной колонизации Мурманского берега русскими промышленниками, в течение многих веков приходившими на мурманский промысел с берегов Белого моря. Территория Архангельской губернии стала главным поставщиком жителей Мурманского берега. Вместе с тем с начала XX века сюда переселялись мигранты и из других мест Российской империи.

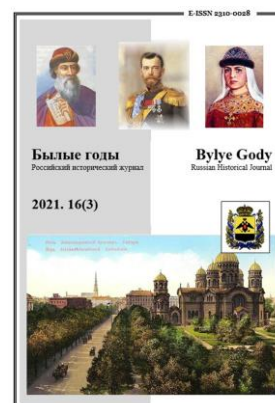
Ключевые слова: колонизация, демография, Арктика, Великие реформы, Российская империя, рождаемость, браки, семья, Кольский полуостров, рыбный промысел, миграция.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1326-1345
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1326
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



The Long-Livers of the Russian Empire (1836–1914): Historical and Statistical Research. Part 3

Aleksandr A. Cherkasov ^{a, b, c, *}, Sergei N. Bratanovskii ^{d, e}, Ludmila G. Zimovets ^f

^a Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c American Historical Association, Washington, USA

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e Institute of State and Law of RAS, Moscow, Russian Federation

^f Sochi State University, Sochi, Russian Federation

Abstract

The article attempts a comprehensive historical and statistical study of the question of the centenarians of the Russian Empire in the period of 1836–1914. This part of the work analyzes the time of 1876–1900, when the male and female population of the Orthodox faith was recorded. The attention is paid to the number of centenarians, namely, persons whose age has exceeded 101 years, their places of residence, as well as the proportion of the number of centenarians to the total population.

As materials, we used the reports of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on the spiritual department of the Orthodox faith for 1836–1914. The work is constructed using the basic principles of historicism, consistency and objectivity. The statistical method is of great importance in it, which made it possible to fully analyze the available statistical data on mortality on the territory of the Russian Empire in the period of 1876–1900, as well as to detect important characteristic features. Besides, the use of this method made it possible to identify territories with a large number of centenarians.

In conclusion, the authors state that by 1900, the territories with a large number of centenarians were clearly defined. In the European part of the Russian Empire, these were the territories of the Caucasus (Georgia and the Astrakhan diocese), the territories of Little Russia (the Taurida and Kherson dioceses) and Great Russia (the Podolsk diocese). The remaining territories belonged to the Asian part of Russia: the Yenisei, Turkestan, Ufa, Irkutsk and Tobolsk dioceses.

In 1876–1900, the territory of the Yenisei Diocese became the leader in longevity in the Russian Empire, the territory of the Georgian Exarchate took the second place. The Top 5 also included the Turkestan, Podolsk and Tauride dioceses.

Keywords: centenarians, the Russian Empire, the Caucasus, the Holy Synod, 1876-1900, historical and statistical research.

1. Введение

Как мы уже отмечали, наш интерес к теме исследования был вызван публикацией в 1865 г. статьи академика В.Я. Буныковского «О законах смертности и народонаселения в России». В ней автор обратил внимание на статистические данные, собранные Святейшим синодом, из которых следовало, что один мужчина православного вероисповедания в 1809 г. достиг возраста почти в 160, а другой в 1811 г. скончался в возрасте более 200 лет ([Буныковский, 1865: 125](#)). В результате мы обратились к статистическим данным, а именно к материалам Всеподданнейшего отчета обер-

* Corresponding author

E-mail addresses: a.cherkasov@incfar.net (A.A. Cherkasov)

прокурора Святейшего синода, и в первой части нашей работы рассмотрели ситуацию в период 1836–1849 гг. В ходе этого исследования нами было обнаружено, что в указанное время один житель империи скончался в возрастном диапазоне от 160 до 165 лет, один – от 150 до 155, два – от 145 до 150, семь – от 140 до 145 лет (Cherkasov et al., 2021: 166). Важно напомнить, что ревизии (переписи) населения в России к этому времени происходили уже более 100 лет, а это значит, что долгожителя должны были указывать в отчетах уже длительное время, напомним, что Указ о проведении первой ревизии населения империи был подписан императором Петром I еще в ноябре 1718 г.

2. Материалы и методы

В качестве материалов нами были использованы отчеты обер-прокурора Святейшего синода по духовному ведомству православного вероисповедания за 1836–1914 гг. В данной части исследования были привлечены отчеты, содержащие статистическую информацию за период 1850–1875 гг.

Под термином «долгожитель» мы понимаем человека, возраст которого в период 1850–1875 гг. превысил 101 год. С 1850 г. в отчетах духовного ведомства вводится учет и женского православного населения. Однако необходимо отметить, что в работе представлена не вся статистика, так как за 1861–1864 гг. статистические данные нами не обнаружены.

Работа построена с использованием базовых принципов историзма, системности и объективности. Важное значение в ней имеет статистический метод, который позволил максимально полно проанализировать имеющиеся статистические данные о смертности на территории Российской империи в период 1850–1875 гг., а также обнаружить важные характерные особенности. Помимо этого, применение статистического метода позволило выявить территории с большим количеством долгожителей.

3. Обсуждение

Историография по теме исследования не отличается своей обширностью. Более того, конкретно исторических работ очень мало. Здесь можно указать труд В.Я. Буныковского «О законах смертности и народонаселения в России» (Буныковский, 1865), работу Н.Ю. Лабутина и других «Социальная защищенность поморов европейского севера в зависимости от климатоэкологических факторов в динамике исторических процессов XX века» (Лабутин и др., 2007), исследование В.П. Пащенко и Е.В. Пащенко «Долгожители европейского севера России» (Пащенко, Пащенко, 1995). А.В. Алпатов и Е.В. Гройсман предприняли попытку анализа старения населения Волгоградской области (Алпатов, Гройсман, 2017).

Вопросы старения рассматривались и через мультидисциплинарные исследования, так, В. Андриановым изучались социально-экономические и философские проблемы старения населения (Андрианов, 2011). На стыке медицины и социологии рассматривала эту проблему Д.М. Винокурова и другие (Винокурова и др., 2020).

Однако большинство исследований в области долголетия принадлежат специалистам в области медицины. Приведем лишь несколько примеров. Так, например, Х.Г. Алиджанова и другие рассматривали социальные, клинические и некоторые метаболические аспекты долгожительства (Алиджанова и др., 2010). Демографическим доказательством адаптивных теорий старения занимался Д.Д. Миттельдорф (Миттельдорф, 2012), в то же время С.М. Кузнецова исследовала социально-средовые и генетические механизмы формирования феномена долголетия на Кавказе (Кузнецова, 2014).

4. Результаты

Как и до 1850 г., первичная информация о движении православного населения (родившиеся, сочетавшиеся браком и умершие), а также о количестве долгожителей собиралась священнослужителями в своих приходах. Они ежегодно отправляли эти сведения в епархии, а епархиальное начальство – в Святейший синод, где данные из епархий обобщались и сводились в общероссийскую статистику.

В 1876 г. сбор статистической информации Духовным ведомством Российской империи расширился за счет включения в эти данные сведений о женском населении. Информацию о лицах, достигших 100-летнего возраста в период 1876–1900 гг., мы свели в [Таблицу 1](#).

Таблица 1. Лица умершие в возрасте от 101 года в Российской империи (1876–1900 гг.) (Извлечение, 1878: 58-59; Извлечение, 1879: 58-59; Извлечение, 1881: 58-59; Извлечение, 1882: 58-59; Извлечение, 1883: 58-59; Извлечение, 1884: 60-61; Извлечение, 1885: 60-61; Всеподданнейший отчет, 1886: 60-61; Всеподданнейший отчет, 1887: 60-61; Всеподданнейший отчет, 1888: 64-65; Всеподданнейший отчет, 1889: 60-61; Всеподданнейший отчет, 1891: 58-59, 68-69, 67-77; Всеподданнейший отчет, 1893: 178-179; Всеподданнейший отчет, 1895: 42-43, 122-123; Всеподданнейший отчет, 1898: 120-121; Всеподданнейший отчет, 1901: 22-23; Всеподданнейший отчет: 22-23; Всеподданнейший отчет, 1903: 22-23)

Годы	От 101 до 105		От 105 до 110		От 110 до 115		От 115 до 120		От 120 до 125		От 125 до 130		От 130 до 135		От 135 до 140		Общее количество				
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	Всего
1876	92	90	25	32	4	7	6	6	4	4	1	-	-	-	-	132	139	271			
1877	123	89	39	31	10	3	3	5	1	2	-	-	-	-	-	176	130	306			
1878	98	86	27	15	11	4	6	1	1	-	1	1	-	-	-	144	107	251			
1879	102	80	39	28	10	7	8	2	2	2	1	-	-	-	-	162	119	281			
1880	108	106	19	27	9	7	13	6	4	-	1	-	-	-	-	154	146	300			
1881	101	98	16	27	10	9	4	2	-	1	1	1	-	-	-	132	138	270			
1882	167	133	36	28	11	5	12	26	-	-	-	1	-	-	-	226	193	419			
1883	166	128	61	47	12	7	2	7	1	-	-	-	-	-	-	242	189	431			
1884	162	130	50	40	37	11	3	1	3	1	-	-	-	-	-	255	183	438			
1885	185	163	43	32	14	11	10	3	1	1	1	2	-	-	-	265	220	485			
1886	167	134	35	28	12	10	8	2	3	-	1	-	-	-	-	226	174	400			
1888	151	122	55	31	24	11	8	7	1	-	-	-	-	-	-	239	172	411			
1889	201	193	50	41	16	10	5	7	-	1	-	-	-	-	-	272	252	524			
1890	160	147	56	40	11	13	10	6	3	1	1	-	-	-	-	241	207	448			
1891	162	173	44	45	16	20	7	4	2	-	2	-	-	-	-	233	242	475			
1892	267	189	59	50	27	25	5	6	2	2	-	1	-	-	-	360	274	634			
1893	134	116	25	30	7	12	1	5	2	-	-	-	-	-	-	169	163	332			
1894	146	139	21	35	9	13	5	3	1	1	-	-	-	-	-	182	191	373			
1897	211	205	53	53	17	15	1	5	1	1	1	-	-	-	-	284	279	563			
1898	228	230	35	49	4	12	6	6	-	2	-	-	-	-	-	273	299	572			
1900	288	270	69	59	6	7	4	5	1	3	-	-	-	-	-	368	344	712			
Итого	2990	2659	754	673	234	174	115	105	29	20	9	5	-	-	-	4142	3645	7787			

Согласно данным [Таблицы 1](#), в указанное время было 7787 долгожителей обоего пола. При этом, как и ранее, среди них наблюдался значительный гендерный дисбаланс (4142 мужчины и 3645 женщин). Во все рассматриваемые нами годы количество мужчин-долгожителей было большим, чем женщин. С одной стороны, в 1850–1900 гг. в Российской империи и мужчин рождалось больше, чем женщин ([Таблица 2](#)), но, с другой – женщины-долгожители составляли всего 43,5 % от общего количества долгожителей, тогда как их удельный вес при рождении составлял 48,9 % (Посчитано нами. См. [Таблицу 2](#). – Авт.). Если сравнивать количество долгожителей с предыдущими периодами, который мы изучали, а именно с 1836–1849 гг., то можно сразу обратить внимание на их резкое сокращение. Так, в 1836 г. долгожителей-мужчин было 808 ([Cherkasov et al., 2021: 160](#)), тогда как максимальное количество их в этот период было 315 в 1853 г. и 368 в 1900 г. В период 1836–1849 гг. средний показатель долгожителей-мужчин составлял 429 человек в год, в то время как в 1850–1875 гг. этот же показатель был на уровне 224 человек, то есть произошло практически 50-процентное сокращение количества долгожителей среди мужчин, а в период с 1876 по 1900 – 225 человек. Помимо этого, в 1836 г. был поставлен и возрастной рекорд, когда мужчина достиг возрастного диапазона от 160 до 165 лет. В 1850–1875 гг. долгожители достигали возрастного диапазона только от 145 до 150 лет, а в 1876–1900 гг. – только от 135 до 140 лет.

Таблица 2. Гендерный баланс лиц, родившихся в Российской империи в 1876–1900 гг. (Извлечение, 1878: 52; Извлечение, 1879: 52; Извлечение, 1881: 52; Извлечение, 1882: 52; Извлечение, 1883: 52; Извлечение, 1884: 54; Извлечение, 1885: 54; Всеподданнейший отчет, 1886: 54; Всеподданнейший отчет, 1887: 54; Всеподданнейший отчет, 1888: 58; Всеподданнейший отчет, 1889: 54; Всеподданнейший отчет, 1891: 52, 172; Всеподданнейший отчет, 1893: 38; Всеподданнейший отчет, 1895: 38, 118; Всеподданнейший отчет, 1898: 38, 116; Всеподданнейший отчет, 1901: 18; Всеподданнейший отчет: 18; Всеподданнейший отчет, 1903: 18)

Годы	Мальчики	Девочки	Всего
1876	1658061	1585102	3243163
1877	1621540	1554041	3175581
1878	1514894	1451889	2966783
1879	1624985	1551060	3176045
1880	1762315	1689648	3451963
1881	1741398	1666749	3408147
1882	1941491	1677212	3618703
1883	1713957	1643230	3357187
1884	1719080	1642725	3361805
1885	1945640	1865145	3810785
1886	1955280	1871783	3827063
1888	2008663	1923412	3932075
1889	2115249	2015544	4130793
1890	2074532	1972577	4047109
1891	2193808	2097838	4291646
1892	2042052	1949516	3991568
1893	2170643	2061557	4232200
1894	2209403	2107775	4317178
1897	2381119	2275408	4656527
1898	2371022	2259782	4630804
1900	2477147	2356562	4833709
Итого	41242279	39218555	80460834

Значительный интерес представляют также территории, где фиксировалось большее количество долгожителей. В указанное время эти территории назывались епархиями Русской православной церкви. Для удобства ранжирования мы составили Топ-10 епархий по большому количеству долгожителей на 1 тыс. жителей. Рассмотрим эту динамику по годам.

Таблица 3. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1876 год (Извлечение, 1878: 50-53, 56-59)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	7	8287	0,84
2	Енисейская	10	14217	0,70

3	Оренбургская	21	35811	0,58
4	Самарская	26	76530	0,33
5	Уфимская	10	28348	0,35
6	Туркестанская	3	2683	1,11
7	Холмско- Варшавская	1	1218	0,82
8	Херсонская	13	45050	0,28
9	Тамбовская	16	76112	0,21
10	Томская	18	21256	0,84

Важно дополнить, что в 1876 г. на территории Самарской епархии скончался православный мужчина, достигший максимального возраста в диапазоне от 125 до 130 лет. На втором месте по долголетию были жители Кавказской, Оренбургской, Самарской, Саратовской, Таврической и Туркестанской епархий, возраст которых был в пределах от 120 до 125 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1876 г. 271 человек-долгожитель, умерло из них 132 мужчины и 139 женщин. Гендерный дисбаланс наблюдался не только среди долгожителей, но и среди родившихся (1658061 мальчик и 1585102 девочки), а также среди умерших (1166 тыс. мужчин и 1084 тыс. женщин¹) (Извлечение, 1878: 52-53).

Таблица 4. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1877 год (Извлечение, 1879: 50-53, 56-59)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	5	13793	0,36
2	Енисейская	9	17464	0,51
3	Оренбургская	13	32892	0,39
4	Подольская	104	55260	1,89
5	Рижская	2	3748	0,53
6	Самарская	30	70172	0,42
7	Таврическая	11	24416	0,45
8	Уфимская	9	23503	0,38
9	Санкт- Петербургская	7	38755	0,18
10	Томская	9	23196	0,38

Важно дополнить, что на первом месте по долголетию в 1877 г. были сразу три человека – две женщины из Кавказской и Оренбургской епархий, а также один мужчина из Оренбургской епархии, эти люди скончались в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1877 г. умерло 306 человек-долгожителей, из них 176 мужчин и 130 женщин. Гендерный дисбаланс наблюдался не только среди долгожителей, но и среди родившихся (1621540 мальчиков и 1554041 девочка), а также среди умерших (1157 тыс. мужчин и 1084 тыс. женщин²) (Извлечение, 1879: 52-53).

Таблица 5. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1878 год (Извлечение, 1880: 50-53, 56-59)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	4	14912	0,26
2	Енисейская	8	15838	0,50
3	Минская	13	28794	0,45
4	Херсонская	22	52831	0,41
5	Подольская	32	65409	0,48
6	Самарская	26	80344	0,32
7	Таврическая	10	25101	0,39
8	Уфимская	10	27092	0,37

¹ Цифры округлены нами.

² Цифры округлены нами.

9	Екатеринославская	13	48393	0,26
10	Оренбургская	12	51060	0,23

В 1878 г. рекорд по долгожительству был поставлен двумя жителями (мужчиной и женщиной) – мужчина из Самарской епархии, а женщина – из Казанской, которые скончались в возрастном диапазоне от 125 до 130 лет. На втором месте был житель Самарской епархии, который умер в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1878 г. умер 251 человек-долгожитель, из них 144 мужчины и 107 женщин. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (1514894 мальчика и 1451889 девочек), а также среди умерших (1241 тыс. мужчин и 1155 тыс. женщин¹) (*Извлечение, 1880: 52-53*).

Таблица 6. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1879 год (*Извлечение, 1882: 50-53, 56-59*)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	7	14070	0,50
	Донская	11	35153	0,31
	Екатеринославская	20	51701	0,38
2	Енисейская	7	15438	0,45
3	Оренбургская	14	38100	0,36
6	Самарская	30	64846	0,46
7	Таврическая	6	21452	0,27
	Тобольская	23	61090	0,37
8	Уфимская	10	26390	0,37
9	Херсонская	29	45422	0,63
10	Томская	16	25614	0,62

В 1879 г. рекорд по долгожительству был поставлен жителем Херсонской епархии, который скончался в возрастном диапазоне от 125 до 130 лет. На втором месте были сразу четыре человека: двое мужчин Астраханской и Таврической епархий и две женщины Херсонской и Донской епархий, которые умерли в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1879 г. умерло 281 человек-долгожитель, из них 162 мужчины и 119 женщин. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (1624985 мальчиков и 1551060 девочек), а также среди умерших (1176 тыс. мужчин и 1098 тыс. женщин²) (*Извлечение, 1882: 52-53*).

Таблица 7. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1880 год (*Извлечение, 1883: 50-53, 56-59*)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	6	13594	0,44
2	Енисейская	9	19491	0,46
3	Донская	9	38863	0,23
4	Екатеринославская	12	50625	0,23
5	Кавказская	17	67164	0,25
6	Самарская	37	73636	0,50
7	Таврическая	14	22148	0,63
8	Уфимская	16	29139	0,54
9	Херсонская	17	48712	0,34
10	Ярославская	10	37887	0,26

В 1880 г. рекорд по долгожительству был поставлен жителем Таврической епархии, который скончался в возрастном диапазоне от 125 до 130 лет. Второе место разделили четверо мужчин-долгожителей из Таврической, Енисейской, Самарской и Тульской епархий, которые умерли в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1880 г. умерло 300 человек-долгожителей, из них 154 мужчины и 146 женщин. Небольшой гендерный

¹ Цифры округлены нами.

² Цифры округлены нами.

дисбаланс наблюдался среди родившихся (1762315 мальчиков и 1689648 девочек), а также среди умерших (1325 тыс. мужчин и 1226 тыс. женщин¹) (*Извлечение, 1883: 52-53*).

Таблица 8. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1881 год (*Извлечение, 1884: 52-55, 58-61*)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	4	11840	0,33
2	Енисейская	16	19559	0,82
3	Иркутская	6	19671	0,30
4	Туркестанская	1	2955	0,33
5	Тобольская	18	56625	0,31
6	Самарская	32	70352	0,45
7	Таврическая	13	20119	0,64
8	Уфимская	15	23008	0,65
9	Холмско-Варшавская	6	11174	0,54
10	Кишиневская	7	28469	0,24

В 1881 г. рекорд по долгожительству был поставлен двумя жителями (мужчина и женщина): мужчина – Туркестанской, а женщина – Самарской епархий, которые скончались в возрастном диапазоне от 125 до 130 лет. Второе место было у жительницы Самарской епархии, которая умерла в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1881 г. умерло 270 человек-долгожителей, из них 132 мужчины и 138 женщин. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (1741398 мальчиков и 1666749 девочек), а также среди умерших (1236 тыс. мужчин и 1147 тыс. женщин²) (*Извлечение, 1884: 54-55*).

Таблица 9. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1882 год (*Извлечение, 1885: 52-55, 58-61*)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	4	22757	0,17
2	Енисейская	13	17695	0,73
3	Екатеринославская	12	60386	0,19
4	Грузинский экзархат	22	9030	2,4
5	Херсонская	43	67067	0,64
6	Самарская	53	84609	0,62
7	Оренбургская	12	47363	0,25
8	Уфимская	14	28482	0,49
9	Иркутская	21	21523	0,97
10	Тобольская	26	53990	0,48

В 1882 г. рекорд по долгожительству был поставлен жительницей Санкт-Петербургской епархии, которая скончалась в возрастном диапазоне от 125 до 130 лет. Второе место было у 38 жителей (12 мужчин и 26 женщин), которые умерли в возрастном диапазоне от 115 до 120 лет. Среди них выделяется сразу 21 женщина из Самарской епархии. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1882 г. умерло 419 человек-долгожителей, из них 226 мужчин и 193 женщины. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (1941 мальчик и 1677212 девочек), а также среди умерших (1398 тыс. мужчин и 1311 тыс. женщин³) (*Извлечение, 1885: 54-55*).

¹ Цифры округлены нами.

² Цифры округлены нами.

³ Цифры округлены нами.

Таблица 10. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1883 год (Всеподданнейший отчет, 1886: 52-55, 58-61)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Санкт-Петербургская	12	42284	0,28
2	Енисейская	10	14662	0,68
3	Подольская	89	65319	1,36
4	Грузинский экзархат	4	8523	0,47
5	Херсонская	36	62471	0,57
6	Самарская	33	97171	0,34
7	Томская	14	30906	0,45
8	Кишиневская	5	36169	0,13
9	Оренбургская	8	47529	0,16
10	Тобольская	55	68064	0,80

В 1883 г. рекорд по долгожительству был поставлен жителем Уфимской епархии, который скончался в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Второе место было у девяти жителей (двух мужчин и семи женщин, которые умерли в возрастном диапазоне от 115 до 120 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1883 г. умер 431 человек-долгожитель, из них 242 мужчины и 189 женщин. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (1713957 мальчиков и 1643230 девочек), а также среди умерших (1288 тыс. мужчин и 1210 тыс. женщин¹) (Извлечение, 1886: 54-55).

Таблица 11. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1884 год (Всеподданнейший отчет, 1887: 52-55, 58-61)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	6	16116	0,37
2	Енисейская	9	17776	0,50
3	Подольская	127	56448	2,24
4	Уфимская	11	27083	0,40
5	Херсонская	22	55058	0,40
6	Самарская	28	80969	0,34
7	Оренбургская	19	45460	0,41
8	Туркестанская	2	4153	0,48
9	Псковская	5	29360	0,17
10	Томская	21	36501	0,57

В 1884 г. рекорд по долгожительству был поставлен сразу четырьмя долгожителями (трое мужчин и одна женщина): мужчины проживали по одному в Харьковской, Оренбургской и Донской епархиях, а женщина – в Оренбургской епархии, возраст умерших был в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Второе место было также у четырех человек (трое мужчин и одна женщина): мужчины распределялись по одному в следующих епархиях: Донская, Херсонская и Саратовская; женщина проживала в Оренбургской епархии. Все четверо умерли в возрастном диапазоне от 115 до 120 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1884 г. умерло 438 человек-долгожителей, из них 255 мужчин и 183 женщины. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (1719080 мальчиков и 11642725 девочек), а также среди умерших (1172 тыс. мужчин и 1096 тыс. женщин²) (Извлечение, 1887: 54-55).

¹ Цифры округлены нами.

² Цифры округлены нами.

Таблица 12. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1885 год (Всеподданнейший отчет, 1888: 56-59, 62-65)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	6	15879	0,37
2	Енисейская	11	16271	0,67
3	Иркутская	11	23398	0,47
4	Томская	19	36648	0,51
5	Херсонская	24	54577	0,44
6	Таврическая	10	25794	0,39
7	Оренбургская	17	44056	0,38
8	Уфимская	16	27005	0,59
9	Пермская	23	52671	0,43
10	Подольская	52	67585	0,77

В 1885 г. рекорд по долгожительству был поставлен тремя долгожителями (мужчина и две женщины): мужчина проживал в Смоленской епархии, а обе женщины – в Уфимской, возраст умерших был в возрастном диапазоне от 125 до 130 лет. Второе место было у двух жителей (одного мужчины и одной женщины): мужчина проживал в Саратовской, а женщина – в Самарской епархиях, долгожители умерли в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1885 г. умерло 485 человек-долгожителей, из них 265 мужчин и 220 женщин. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (1945640 мальчиков и 1865145 девочек), а также среди умерших (1404 тыс. мужчин и 1304 тыс. женщин¹) (Извлечение, 1888: 58-59).

Таблица 13. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1886 год (Всеподданнейший отчет, 1889: 52-55, 58-61)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	6	15864	0,37
2	Енисейская	7	18442	0,37
3	Туркестанская	3	3576	0,83
4	Грузинский экзархат	14	29423	0,47
5	Херсонская	14	58294	0,24
6	Самарская	52	75198	0,69
7	Оренбургская	20	49913	0,40
8	Уфимская	7	27272	0,25
9	Подольская	56	67909	0,82
10	Томская	21	36796	0,57

В 1886 г. рекорд по долгожительству был поставлен мужчиной, который проживал в Тобольской епархии, возраст которого был в возрастном диапазоне от 125 до 130 лет. Второе место было у трех мужчин-долгожителей, которые проживали в Санкт-Петербургской, Донской и Самарской епархиях, и умерли в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1886 г. умерло 400 человек-долгожителей, из них 239 мужчин и 172 женщины. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (1955280 мальчиков и 1871783 девочки), а также среди умерших (1334 тыс. мужчин и 1249 тыс. женщин²) (Извлечение, 1889: 50-51).

¹ Цифры округлены нами.

² Цифры округлены нами.

Таблица 14. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1888 год (Всеподданнейший отчет, 1891: 58-61, 64-77)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	7	17872	0,39
2	Енисейская	23	16218	1,41
3	Екатеринославская	23	57798	0,39
4	Грузинский экзархат	22	12097	1,81
5	Херсонская	37	59046	0,62
6	Иркутская	14	27053	0,51
7	Ставропольская	21	65460	0,32
8	Таврическая	15	29794	0,48
9	Якутская	12	5678	2,11
10	Томская	23	39273	0,58

В 1888 г. рекорд по долгожительству как за год, так и за весь период с 1876 по 1900 гг. был поставлен жительницей Грузинского экзархата, которая умерла в возрастном диапазоне от 135 до 140 лет. Второе место было у мужчины-долгожителя, который проживал на территории Подольской епархии и умер в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1888 г. умерло 411 человек-долгожителей, из них 239 мужчин и 172 женщины. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (2008663 мальчика и 1923412 девочек), а также среди умерших (1316 тыс. мужчин и 1233 тыс. женщин¹) (Извлечение, 1891: 54-55).

Таблица 15. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1889 год (Всеподданнейший отчет, 1893: 50-53, 56-59)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Енисейская	16	16691	0,95
2	Камчатская	5	3070	1,66
3	Нижегородская	28	64533	0,43
4	Пермская	33	53978	0,61
5	Таврическая	17	28355	0,60
6	Туркестанская	3	4020	0,75
7	Грузинский экзархат	38	39311	0,96
8	Херсонская	30	57805	0,51
9	Томская	27	44273	0,61
10	Тобольская	27	62523	0,43

В 1889 г. рекорд по долгожительству был поставлен женщиной из Енисейской епархии, которая умерла в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Второе место было у двенадцати человек (пять мужчин и семь женщин). Долгожители умерли в возрастном диапазоне от 115 до 120 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1889 г. умерло 524 человека-долгожителя, из них 272 мужчины и 252 женщины. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (2115249 мальчиков и 2015544 девочки), а также среди умерших (1512 тыс. мужчин и 1427 тыс. женщин²) (Извлечение, 1893: 52-53).

¹ Цифры округлены нами.

² Цифры округлены нами.

Таблица 16. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1890 год (Всеподданнейший отчет, 1893: 170-173, 176-179)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Енисейская	21	16732	1,25
2	Херсонская	41	63065	0,65
3	Самарская	26	90121	0,28
4	Тобольская	28	62870	0,44
5	Подольская	25	66157	0,37
6	Ставропольская	35	88732	0,39
7	Таврическая	16	29943	0,53
8	Тамбовская	28	62870	0,44
9	Уфимская	11	31006	0,35
10	Иркутская	15	23674	0,63

В 1890 г. рекорд по долгожительству был поставлен мужчиной из Херсонской епархии, который умер в возрастном диапазоне от 125 до 130 лет. Второе место было у четырех человек (трое мужчин и одна женщина). Долгожители умерли в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1890 г. умерло 448 человек-долгожителей, из них 241 мужчина и 207 женщин. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (2074 мальчика и 1972577 девочек), а также среди умерших (1545 тыс. мужчин и 1466 тыс. женщин¹) (Извлечение, 1893: 172-173).

Таблица 17. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1891 год (Всеподданнейший отчет, 1895: 36-39, 40-43)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	12	21956	0,54
2	Енисейская	36	19654	1,82
3	Камчатская	6	3840	1,56
4	Псковская	11	28674	0,38
5	Таврическая	10	30168	0,33
6	Туркестанская	2	4414	0,45
7	Херсонская	35	63394	0,55
8	Уфимская	19	32481	0,58
9	Иркутская	11	24432	0,44
10	Тобольская	27	68078	0,39

В 1891 г. рекорд по долгожительству был поставлен двумя мужчинами, которые проживали по одному в Тобольской и Херсонской епархиях и умерли в возрастном диапазоне от 125 до 130 лет. Второе место было также у двух мужчин. Они проживали по одному в Ставропольской и Курской епархиях. Эти долгожители умерли в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1891 г. умерло 475 человек-долгожителей, из них 233 мужчины и 242 женщины. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (2193808 мальчиков и 2097838 девочек), а также среди умерших (1563 тыс. мужчин и 1481 тыс. женщин²) (Извлечение, 1895: 38-39).

Таблица 18. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1892 год (Всеподданнейший отчет, 1895: 116-119, 120-123)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	22	37443	0,58
2	Енисейская	12	18866	0,63

¹ Цифры округлены нами.

² Цифры округлены нами.

3	Камчатская	4	3748	1,06
4	Саратовская	125	134519	0,92
5	Таврическая	22	32606	0,67
6	Туркестанская	12	6404	1,87
7	Грузинский экзархат	16	25497	0,62
8	Херсонская	37	68005	0,54
9	Иркутская	8	25760	0,31
10	Тобольская	35	99630	0,35

В 1892 г. рекорд по долгожительству был поставлен женщиной, которая проживала в Воронежской епархии и умерла в возрастном диапазоне от 125 до 130 лет. Второе место было у пяти человек (двое мужчин и три женщины). Оба мужчины проживали в Тобольской епархии, а женщины – по одной в Херсонской, Тобольской и Таврической епархиях. Эти долгожители умерли в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1892 г. умерло 634 человека-долгожителя, из них 360 мужчин и 274 женщины. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (2042052 мальчика и 1949516 девочек), а также среди умерших (1832 тыс. мужчин и 1731 тыс. женщин¹) (*Извлечение, 1895: 118-119*).

Таблица 19. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1893 год (*Всепопданнейший отчет, 1898: 36-39, 40-43*)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	6	20303	0,29
2	Владикавказская	12	10541	1,14
3	Казанская	13	16925	0,76
4	Иркутская	12	30631	0,40
5	Таврическая	17	27327	0,62
6	Туркестанская	3	4730	0,63
7	Грузинский экзархат	8	23090	0,34
8	Оренбургская	19	53036	0,35
9	Уфимская	18	34707	0,51
10	Тамбовская	18	27327	0,65

В 1893 г. рекорд по долгожительству был поставлен двумя мужчинами, которые проживали по одному в Самарской и Санкт-Петербургской епархиях и умерли в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Второе место было у шести человек (один мужчина и пять женщин). Мужчина проживал в Тобольской епархии, а женщины: одна в Подольской епархии, а по две в Самарской и Саратовской епархиях. Эти долгожители умерли в возрастном диапазоне от 115 до 120 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1893 г. умерло 332 человека-долгожителя, из них 169 мужчин и 163 женщины. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (2170643 мальчика и 2061557 девочек), а также среди умерших (1505 тыс. мужчин и 1416 тыс. женщин²) (*Извлечение, 1898: 38-39*).

Таблица 20. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1894 год (*Всепопданнейший отчет, 1898: 114-117, 118-121*)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	8	19415	0,41
2	Владикавказская	10	11621	0,86
3	Енисейская	16	18930	0,84
4	Пермская	30	57534	0,52
5	Таврическая	16	30911	0,51
6	Томская	23	53833	0,42
7	Туркестанская	5	4172	1,19

¹ Цифры округлены нами.

² Цифры округлены нами.

8	Херсонская	28	64792	0,43
9	Уфимская	14	29487	0,47
10	Тобольская	23	59145	0,39

В 1894 г. рекорд по долгожительству был поставлен двумя жителями (один мужчина и одна женщина), мужчина проживал в Херсонской, а женщина – в Ставропольской епархиях, эти люди умерли в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Второе место было у восьми человек (пять мужчин и три женщины). Они умерли в возрастном диапазоне от 115 до 120 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1894 г. умерло 373 человека-долгожителя, из них 182 мужчины и 191 женщина. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (2209403 мальчика и 2107775 девочек), а также среди умерших (1556 тыс. мужчин и 1457 тыс. женщин¹) ([Извлечение, 1898: 116-117](#)).

Таблица 21. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1897 год ([Всепопданнейший отчет, 1901: 16-19, 20-23](#))

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Уфимская	17	27953	0,60
2	Владикавказская	7	12285	0,57
3	Енисейская	23	19794	1,16
4	Забайкальская	9	16822	0,53
5	Омская	29	30934	0,93
6	Ставропольская	48	95855	0,50
7	Таврическая	24	27302	0,88
8	Тобольская	22	36309	0,60
9	Туркестанская	3	5588	0,53
10	Грузинский экзархат	26	28384	0,91

В 1897 г. рекорд по долгожительству был поставлен жителем Курской епархии, который умер в возрастном диапазоне от 125 до 130 лет. Второе место было у двух человек (мужчины и женщины) из Ставропольской епархии. Они умерли в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1897 г. умерло 563 человека-долгожителя, из них 284 мужчины и 279 женщин. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (2381119 мальчиков и 2275408 девочек), а также среди умерших (1535 тыс. мужчин и 1442 тыс. женщин²) ([Извлечение, 1901: 18-19](#)).

Таблица 22. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1898 год ([Всепопданнейший отчет, 1902: 16-19, 20-23](#))

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	18	20173	0,89
2	Владикавказская	10	11241	0,88
3	Камчатская	3	6764	0,44
4	Новгородская	23	42502	0,54
5	Омская	28	31431	0,89
6	Ставропольская	48	96795	0,49
7	Таврическая	17	31486	0,53
8	Туркестанская	5	5129	0,97
9	Енисейская	18	21102	0,85
10	Тобольская	30	41210	0,72

В 1898 г. рекорд по долгожительству был поставлен двумя женщинами из Ставропольской епархии, которые умерли в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Второе место было у двенадцати человек (6 мужчин и 6 женщин), которые скончались в возрастном диапазоне от 115 до 120 лет. Всего

¹ Цифры округлены нами.

² Цифры округлены нами.

же среди православных мужчин и женщин в 1898 г. умерло 572 человека-долгожителя, из них 273 мужчины и 299 женщин. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (2371022 мальчика и 2259782 девочки), а также среди умерших (1613 тыс. мужчин и 1500 тыс. женщин¹) (Извлечение, 1902: 18-19).

Таблица 23. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1900 год (Всепопданнейший отчет, 1903: 16-19, 20-23)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Владикавказская	12	12534	0,95
2	Новгородская	21	44213	0,47
3	Оренбургская	30	39737	0,75
4	Енисейская	23	25258	0,91
5	Рязанская	31	63271	0,48
6	Ставропольская	38	86314	0,44
7	Таврическая	36	28304	1,27
8	Туркестанская	8	5774	1,38
9	Тобольская	33	43486	0,75
10	Херсонская	63	60103	1,04

В 1900 г. рекорд по долгожительству был поставлен четырьмя жителями (один мужчина и три женщины), мужчина проживал в Херсонской епархии, а женщины – две в Херсонской и одна в Ставропольской, эти люди умерли в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Второе место было сразу у девяти долгожителей (четверо мужчин и пять женщин). Они умерли в возрастном диапазоне от 115 до 120 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1900 г. умерло 712 человек-долгожителей, из них 368 мужчин и 344 женщины. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (2477147 мальчиков и 2356562 девочки), а также среди умерших (1602 тыс. мужчин и 1467 тыс. женщин²) (Извлечение, 1903: 18-19).

После сведения Таблиц 3–23 в единую сводную таблицу мы обнаружили, что в рейтинг попали всего 36 епархий Российской империи. 14 епархий были включены в Таблицу 24, так как представлены были наиболее часто в рейтинге, а остальные распределялись следующим образом: пять раз в рейтинг попала Ставропольская и Камчатская епархии; четыре раза – Владикавказская; трижды – Тамбовская, Новгородская и Подольская епархии; дважды – Псковская, Кишиневская, Омская, Рижская, Донская и Санкт-Петербургская и один раз были включены в рейтинг Нижегородская, Владивостокская, Рязанская, Благовещенская, Полоцкая, Минская, Казанская, Пермская, Якутская и Забайкальская епархии.

¹ Цифры округлены нами.

² Цифры округлены нами.

Таблица 24. Количество лиц мужского пола православного вероисповедания, умерших в возрасте более 100 лет на 1 тыс. среди всех умерших на территории епархии в период 1876–1900 гг.

Годы	Епархии													
	Астраханская	Тобольская	Херсонская	Подольская	Иркутская	Томская	Катерино-славская	Грузин. экзархат	Енисейская	Уфимская	Оренбургская	Самарская	Туркестанская	Лавричская
1876	0,84	Д.н.	0,28	0,04	Д.н.	0,84	0,35	Д.н.	0,70	0,35	0,58	0,33	1,11	0,40
1877	0,36	Д.н.	0,09	1,89	Д.н.	0,38	0,16	Д.н.	0,51	0,38	0,39	0,42	Д.н.	0,45
1878	0,26	Д.н.	0,41	0,48	Д.н.	0,11	0,26	Д.н.	0,50	0,37	0,23	0,32	-	0,39
1879	0,50	0,37	0,63	0,12	Д.н.	0,62	0,38	Д.н.	0,45	0,37	0,36	0,46	Д.н.	0,27
1880	0,44	0,29	0,34	0,10	Д.н.	-	0,23	Д.н.	0,46	0,54	0,19	0,50	-	0,63
1881	0,33	0,31	Д.н.	0,08	0,30	-	0,27	Д.н.	0,82	0,65	0,20	0,45	0,33	0,64
1882	0,17	0,48	0,64	0,14	0,97	Д.н.	0,19	2,40	0,73	0,49	0,25	0,62	Д.н.	-
1883	Д.н.	0,80	0,57	1,36	Д.н.	0,45	0,30	0,47	0,68	0,33	0,16	0,34	0,25	Д.н.
1884	0,37	0,30	0,40	2,24	Д.н.	0,57	0,17	Д.н.	0,50	0,40	0,41	0,34	0,48	Д.н.
1885	0,37	0,15	0,44	0,77	0,47	0,51	0,10	Д.н.	0,67	0,59	0,38	0,34	-	0,39
1886	0,37	0,25	0,24	0,82	-	0,57	0,26	0,47	0,37	0,25	0,40	0,69	0,83	0,10
1888	0,39	0,13	0,62	0,22	0,51	0,58	0,39	1,81	1,41	0,29	0,29	0,05	0,25	0,48
1889	0,16	0,43	0,51	0,30	0,28	0,61	0,20	0,96	0,95	0,36	0,34	0,17	0,75	0,60
1890	0,25	0,44	0,65	0,37	0,63	0,12	0,24	Д.н.	1,25	0,35	0,20	0,28	-	0,53
1891	0,54	0,39	0,55	0,26	0,44	0,25	-	-	1,82	0,58	0,27	0,16	0,45	0,33
1892	0,58	0,35	0,54	0,31	0,31	0,09	0,17	0,62	0,63	0,26	0,23	0,21	1,87	0,67
1893	0,29	0,12	-	0,22	0,40	0,23	0,25	0,34	0,05	0,51	0,35	0,23	0,63	0,62
1894	0,41	0,39	0,43	0,14	0,24	0,42	0,05	-	0,84	0,47	0,33	0,16	1,19	0,51
1897	0,36	0,60	0,33	0,39	0,35	0,41	0,17	0,91	1,16	0,60	0,05	0,23	0,53	0,88
1898	0,89	0,72	0,33	0,21	0,35	-	0,22	0,24	0,85	-	0,10	0,28	0,97	0,53
1900	0,13	0,75	1,04	0,26	0,37	0,25	0,33	0,17	0,91	0,43	0,75	0,32	1,38	1,27
Среднее значение	0,40	0,40	0,45	0,51	0,40	0,35	0,22	0,69	0,77	0,42	0,30	0,32	0,61	0,51

Прежде чем приступить к анализу [Таблицу 24](#), напомним, что в предыдущих наших исследованиях наибольшее количество долгожителей было на территории Кавказа и в Сибири (Томская и Енисейская епархии) ([Cherkasov et al., 2021: 165](#); [Cherkasov et al., 2021a: 684](#)). Согласно данным [Таблицы 25](#), в Топ-5 вошли следующие регионы: первое место – Енисейская епархия, второе – Грузинский экзархат, третье и четвертое – Туркестанская и Подольская епархии соответственно, а на пятом месте – Таврическая епархия. В Топ-10 вошли: на шестом месте Херсонская, седьмом – Уфимская, восьмом – Астраханская, девятом – Тобольская и десятом – Иркутская епархии. Таким образом, топ-10 несколько изменился ([Таблица 25](#)).

Таблица 25. Топ-10 епархий по количеству долгожителей в 1836–1900 гг.

Топ-10	1836–1849 гг.	1850–1875	1876–1900
1	Кавказская	Грузинский экзархат	Енисейская
2	Картлинская	Томская	Грузинский экзархат
3	Томская	Енисейская	Туркестанская
4	Херсонская	Таврическая	Подольская
5	Кишиневская	Иркутская	Таврическая
6	Донская	Астраханская	Херсонская
7	Иркутская	Тобольская	Уфимская
8	Новгородская	Херсонская	Астраханская
9	Тамбовская	Уфимская	Тобольская
10	Оренбургская	Самарская	Иркутская

Таблица 26. Количество долгожителей в период 1836–1900 гг.

Годы	От 101 до 105		От 105 до 110		От 110 до 115		От 115 до 120		От 120 до 125		От 125 до 130		От 130 до 135		От 135 до 140		От 140 до 145		От 145 до 165		Общее количество		
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	Всего		
1836-1849	2703	Д.н.	947	Д.н.	530	Д.н.	290	Д.н.	165	Д.н.	63	Д.н.	15	Д.н.	2	Д.н.	7	Д.н.	4	Д.н.	4726	Д.н.	4726
1850-1875	2788	2222	1161	853	437	390	294	214	96	56	53	22	7	9	5	2	3	-	3	1	4948	3769	8657
1876-1900	2990	2659	754	673	234	174	115	105	29	20	9	5	-	-	-	1	-	-	-	-	4142	3645	7787

Из 10 регионов, попавших в топ-10 за 1850–1875 гг., в новый список попали 9, изменения коснулись только одной епархии: Самарская была заменена на Туркестанскую. При этом, если в 1836–1849 гг. в рейтинге были только две епархии Азиатской России, в период 1850–1875 гг. их стало три (Томская, Иркутская и Енисейская), а в 1876–1900 гг. их также осталось три (вышла из топ-10 Томская епархия и на ее место вошла Туркестанская).

Рассмотрим [Таблицу 26](#) с учетом средней ежегодной численности долгожителей. Так, в период 1836–1849 гг. мы располагаем статистическими данными только за 11 лет (данных за 1838, 1842 и 1846 гг. не обнаружено). Таким образом, только среди мужчин среднегодовая численность долгожителей составляла 429 человек. При этом лиц от 130 и более лет только среди мужчин было 2,5 человека в год. В период 1850–1875 гг. мы располагаем статданными за 22 года (данных за 1861, 1862, 1863 и 1864 гг. не обнаружено). Среднегодовая численность долгожителей-мужчин в этот период составляла 224 человека, а вместе с женщинами – 393 человека. При этом лиц от 130 и более лет только среди мужчин было 0,86 человека в год, а вместе с женщинами – 1,36 человека в год. В период 1876–1900 гг. мы располагаем статистическими данными за 21 год (данных за 1887, 1895, 1896 и 1899 гг. не обнаружено). Среднегодовая численность долгожителей-мужчин в этот период

составляла 197 человек, а вместе с женщинами – 370 человек. При этом лиц от 130 и более лет только среди мужчин не было совсем, а среди женщин – 0,04 человека в год.

Таким образом, среднегодовая численность долгожителей в период 1836–1900 гг. снижалась. Если в 1830–1840-е гг. численность долгожителей-мужчин составляла 429 человек в год, то в 1850 – первую половину 1870-х гг. мы можем наблюдать только половину – 224 человека, а в 1880–1890-е гг. их стало еще меньше – 197 человек. Однако еще сильнее сократилось количество лиц в возрасте от 130 лет и более: с 2,5 человек (только мужчины) в год (1830–1840 гг.) до 1,36 человека в год (вместе с женщинами в период 1850–1860 гг.) и до 0,04 человек вместе с женщинами в год в период (1870–1890 гг.).

5. Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что к 1900 г. четко определились территории с большим количеством долгожителей. В европейской части Российской империи это были территории Кавказа (Грузия и Астраханская епархия), территории Малороссии (Таврическая и Херсонская епархии) и Великороссии (Подольская епархия). Остальные территории относились к азиатской части России: Енисейская, Туркестанская, Уфимская, Иркутская и Тобольская епархии.

В 1876–1900 гг. лидером по долголетию в Российской империи стала территория Енисейской епархии, на втором месте – территория Грузинского экзархата. В Топ-5 вошли также Туркестанская, Подольская и Таврическая епархии.

Литература

[Алиджанова и др., 2010](#) – Алиджанова Х.Г., Кауров Б.А., Артемьева О.В. Долгожительство: 1. Социальные, клинические и некоторые метаболические аспекты // *Успехи геронтологии*. 2010. № 4 (23). С. 611-620.

[Алпатов, Гройсман, 2017](#) – Алпатов А.В., Гройсман Е.В. Статистический анализ демографического старения населения Волгоградской области // *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук*. 2017. № 3 (72). С. 66-76.

[Андрианов, 2011](#) – Андрианов В. Социально-экономические и философские проблемы старения населения // *Общество и экономика*. № 4–5. С. 87-121.

[Буняковский, 1865](#) – Буняковский В.Я. О законах смертности и народонаселения в России // *ЖМНП*. 1865. № 7. С. 163-174.

[Винокурова и др., 2020](#) – Винокурова Д.М., Егорова А.Г., Чириков А.В. Долголетие и старость: различия подходов медицины и социологии // *Социология*. 2020. № 3. С. 234-240.

[Извлечение, 1878](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1877 г. Санкт-Петербург, 1878.

[Извлечение, 1879](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1878 г. Санкт-Петербург, 1879.

[Извлечение, 1881](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1879 г. Санкт-Петербург, 1881.

[Извлечение, 1882](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1880 г. Санкт-Петербург, 1882.

[Извлечение, 1883](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1881 г. Санкт-Петербург, 1883.

[Извлечение, 1884](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1882 г. Санкт-Петербург, 1884.

[Извлечение, 1885](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1883 г. Санкт-Петербург, 1885.

[Всепопданнейший отчет, 1886](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1884 г. Санкт-Петербург, 1886.

[Всепопданнейший отчет, 1887](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1885 г. Санкт-Петербург, 1887.

[Всепопданнейший отчет, 1888](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1886 г. Санкт-Петербург, 1888.

[Всепопданнейший отчет, 1889](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1887 г. Санкт-Петербург, 1889.

[Всепопданнейший отчет, 1891](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1888 и 1889 гг. Санкт-Петербург, 1891.

[Всепопданнейший отчет, 1893](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1890 и 1891 гг. Санкт-Петербург, 1893.

[Всепопданнейший отчет, 1895](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1892 и 1893 гг. Санкт-Петербург, 1895.

- Всеподданнейший отчет, 1898** – Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1894 и 1895 гг. Санкт-Петербург, 1898.
- Всеподданнейший отчет, 1901** – Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1898 г. Санкт-Петербург, 1901.
- Всеподданнейший отчет, 1902** – Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1899 г. Санкт-Петербург, 1902.
- Всеподданнейший отчет, 1903** – Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода за 1900 г. Санкт-Петербург, 1903.
- Кузнецова, 2014** – Кузнецова С.М. Социально-средовые и генетические механизмы формирования феномена долголетия на Кавказе // *Неврология и нейрохирургия. Восточная Европа*. 2014. № 3 (23). С. 83-89.
- Лабутин и др., 2007** – Лабутин Н.Ю., Санников А.Л., Лабутина Н.О. Социальная защищенность поморов европейского севера в зависимости от климатоэкологических факторов в динамике исторических процессов XX века // *Экология человека*. 2007. № 8. С. 47-51.
- Миттельдорф, 2012** – Миттельдорф Д.Д. Демографическое доказательство адаптивных теорий старения // *Биохимия*. 2012. № 7 (77). С. 871-875.
- Пащенко, Пащенко, 1995** – Пащенко В.П., Пащенко Е.В. Долгожители европейского севера России // *Экология человека*. 1995. № 2. С. 114-117.
- Cherkasov et al., 2021** – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Ponomareva M.A., Zimovets L.G. The Long-Livers of the Russian Empire (1836–1914): Historical and Statistical Research. Part 1 // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 159-168.
- Cherkasov et al., 2021a** – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Ponomareva M.A., Zimovets L.G. The Long-Livers of the Russian Empire (1836–1914): Historical and Statistical Research. Part 2 // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 669-688.

References

- Alidzhanova i dr., 2010** – Alidzhanova, Kh.G., Kaurov, B.A., Artem'eva, O.V. (2010). Dolgozhitel'stvo: 1. Sotsial'nye, klinicheskie i nekotorye metabolicheskie aspekty [Longevity: 1. Social, clinical and some metabolic aspects]. *Uspekhi gerontologii*. 4(23): 611-620. [in Russian]
- Alpatov, Groisman, 2017** – Alpatov, A.V., Groisman, E.V. (2017). Statisticheskii analiz demograficheskogo stareniya naseleniya Volgogradskoi oblasti [Statistical analysis of demographic aging of the population of the Volgograd region]. *Vestnik Tadzhijskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya obshchestvennykh nauk*. 3(72): 66-76. [in Russian]
- Andrianov, 2011** – Andrianov, V. (2011). Sotsial'no-ekonomicheskie i filosofskie problemy stareniya naseleniya [Socio-economic and philosophical problems of population aging]. *Obshchestvo i ekonomika*. 4-5: 87-121. [in Russian]
- Bunyakovskii, 1865** – Bunyakovskii, V.Ya. (1865). O zakonakh smertnosti i narodonaseleniya v Rossii [On the laws of mortality and population in Russia]. *ZhMNP*. 7: 163-174. [in Russian]
- Cherkasov et al., 2021** – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Ponomareva M.A., Zimovets L.G. (2021). The Long-Livers of the Russian Empire (1836–1914): Historical and Statistical Research. Part 1. *Bylye Gody*. 16(1): 159-168.
- Cherkasov et al., 2021a** – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Ponomareva M.A., Zimovets L.G. (2021). The Long-Livers of the Russian Empire (1836–1914): Historical and Statistical Research. Part 2. *Bylye Gody*. 16(2): 669-688.
- Iz vlechenie, 1878** – Iz vlechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1877 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1877]. Sankt-Peterburg, 1878. [in Russian]
- Iz vlechenie, 1879** – Iz vlechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1878 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1878]. Sankt-Peterburg, 1879. [in Russian]
- Iz vlechenie, 1881** – Iz vlechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1879 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1879]. Sankt-Peterburg, 1881. [in Russian]
- Iz vlechenie, 1882** – Iz vlechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1880 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1880]. Sankt-Peterburg, 1882. [in Russian]
- Iz vlechenie, 1883** – Iz vlechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1881 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1881]. Sankt-Peterburg, 1883. [in Russian]
- Iz vlechenie, 1884** – Iz vlechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1882 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1882]. Sankt-Peterburg, 1884. [in Russian]
- Iz vlechenie, 1885** – Iz vlechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1883 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1883]. Sankt-Peterburg, 1885. [in Russian]
- Vsepoddanneishii otchet, 1887** – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1885 g. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodoxy confession for 1885]. SPb., 1887. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1888](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1886 g. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodoxy confession for 1886]. SPb., 1888. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1889](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1887 g. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodoxy confession for 1887]. SPb., 1889. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1895](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1892 i 1893 gg. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodoxy confession for 1892 and 1893]. SPb., 1895. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1898](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1894 i 1895 gg. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodoxy confession for 1894 and 1895]. SPb., 1898. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1901](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1898 g. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodoxy confession for 1898]. SPb., 1901. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1902](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1899 g. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodoxy confession for 1899]. SPb., 1902. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1903](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1900 g. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodoxy confession for 1900]. SPb., 1903. [in Russian]

[Kuznetsova, 2014](#) – *Kuznetsova, S.M.* (2014). Sotsial'no-sredovye i geneticheskie mekhanizmy formirovaniya fenomena dolgoletiya na Kavkaze [Socio-environmental and genetic mechanisms of the formation of the phenomenon of longevity on the Caucasus]. *Neurologiya i neirokhirurgiya. Vostochnaya Evropa*. 3(23): 83-89. [in Russian]

[Labutin i dr., 2007](#) – *Labutin, N.Yu., Sannikov, A.L., Labutina, N.O.* (2007). Sotsial'naya zashchishchennost' pomorov evropeiskogo severa v zavisimosti ot klimatoekologicheskikh faktorov v dinamike istoricheskikh protsessov XX veka [Social security of the Pomors of the European north, depending on climatic and ecological factors in the dynamics of historical processes of the XX century]. *Ekologiya cheloveka*. 8: 47-51. [in Russian]

[Mittel'dorf, 2012](#) – *Mittel'dorf, D.D.* (2012). Demograficheskoe dokazatel'stvo adaptivnykh teorii stareniya [Demographic evidence of adaptive theories of aging]. *Biokhimiya*. 7 (77): 871-875. [in Russian]

[Pashchenko, Pashchenko, 1995](#) – *Pashchenko, V.P., Pashchenko, E.V.* (1995). Dolgozhiteli evropeiskogo severa Rossii [Long-livers of the European North of Russia]. *Ekologiya cheloveka*. 2: 114-117. [in Russian]

[Vinokurova i dr., 2020](#) – *Vinokurova, D.M., Egorova, A.G., Chirikov, A.V.* (2020). Dolgoletie i starost': razlichiya podkhodov meditsiny i sotsiologii [Longevity and old age: differences in the approaches of medicine and sociology]. *Sotsiologiya*. 3: 234-240. [in Russian]

Долгожители Российской империи (1836–1914 гг.): историко-статистическое исследование. Часть 2

Александр Арвелодович Черкасов ^{a, b, c, *}, Сергей Николаевич Братановский ^{d, e}, Людмила Григорьевна Зимовец ^f

^a Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Американская историческая ассоциация, Вашингтон, США

^d Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Институт государства и права РАН, Москва, Российская Федерация

^f Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Аннотация. В статье предпринята попытка комплексного историко-статистического исследования вопроса о долгожителях Российской империи в период 1836–1914 гг. В данной части работы анализируется время 1876–1900 гг., когда велся учет мужского и женского населения православного вероисповедания. Уделено внимание количеству долгожителей, а именно лицам,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.cherkasov@incfar.net (А.А. Черкасов)

возраст которых превысил 101 год, местам их проживания, а также удельному весу числа долгожителей к общему количеству населения.

В качестве материалов нами были использованы отчеты обер-прокурора Святейшего синода по духовному ведомству православного вероисповедания за 1836–1914 гг. Работа построена с использованием базовых принципов историзма, системности и объективности. Важное значение в ней имеет статистический метод, который позволил максимально полно проанализировать имеющиеся статистические данные о смертности на территории Российской империи в период 1876–1900 гг., а также обнаружить важные характерные особенности. Помимо этого, применение данного метода позволило выявить территории с большим количеством долгожителей.

В заключении авторы отмечают, что к 1900 г. четко определились территории с большим количеством долгожителей. В европейской части Российской империи это были территории Кавказа (Грузия и Астраханская епархия), территории Малороссии (Таврическая и Херсонская епархии) и Великороссии (Подольская епархия). Остальные территории относились к азиатской части России: Енисейская, Туркестанская, Уфимская, Иркутская и Тобольская епархии.

В 1876–1900 гг. лидером по долголетию в Российской империи стала территория Енисейской епархии, на втором месте – территория Грузинского экзархата. В Топ-5 вошли также Туркестанская, Подольская и Таврическая епархии.

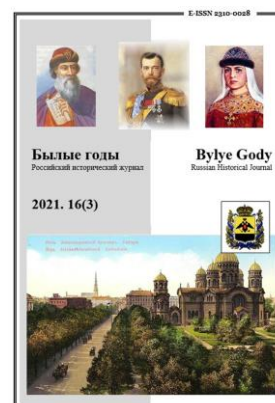
Ключевые слова: долгожители, Российская империя, Кавказ, Святейший синод, 1876–1900 гг., историко-статистическое исследование.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1346-1361
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1346
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



From the Epistolary Legacy of V.F. Minorsky: his Three Letters to the Military Orientalist K.N. Smirnov

Nugzar K. Ter-Oganov ^{a, b, c, *}

^a Tel Aviv University, Tel Aviv, Israel

^b Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of three unknown letters of the outstanding Russian Imperial Orientalist and diplomat Vladimir Fedorovich Minorsky to his colleague, Soltan Ahmad Shah Qajar's tutor Staff-Captain K.N. Smirnov. As it is known, V.F. Minorsky left behind a rich epistolary legacy of great cultural and scholar value. V.F. Minorsky's above-mentioned letters reveal many details of his diplomatic activities related to Qajar Iran. V.F. Minorsky's letters make it possible not only to judge about the Russian Imperial policy in that country, but also to have an idea of him as a person with a wide circle of friends and colleagues with whom he often corresponded.

Among those people who were part of the closest circle of colleagues and friends of the venerable scholar was a military Orientalist, who during years served with V.F. Minorsky at the Russian diplomatic mission in Tehran, Konstantin Nikolaevich Smirnov.

The following three letters from V.F. Minorsky to K.N. Smirnov, discovered by us at the end of XX c. in the personal archives of K.N. Smirnov, kept at the National Center of Georgian Manuscripts, in Tbilisi, attest to their close, friendly ties, so close that V.F. Minorsky confides in his friend even the details of the personal life of the Russian mission staff. These letters of V.F. Minorsky are dated 1909 and sent from St.-Petersburg and Tashkent. Despite private character, they nevertheless give some idea of the activities of the Russian diplomatic mission in this country, as well as of individual historical figures. The content of V.F. Minorsky's letters will be of considerable interest to researchers, as well as to the public, interested in his epistolary legacy.

Keywords: V.F. Minorsky, K.N. Smirnov, the Qajar Iran, the Russian diplomatic mission in Tehran, A.P. Izvolsky, N.G. Hatwig, I.A. Zinoviyev, S.M. Shapshal, A.R. Baranovsky, V.O. Klemm.

1. Введение

Целью предлагаемой ниже статьи является исследование трех писем выдающегося российского востоковеда-ираниста и дипломата Владимира Федоровича Минорского (1877–1966), адресованных своему другу, военному востоковеду Константину Николаевичу Смирнову (1878–1938), бывшему работнику Разведывательного отделения штаба Кавказского военного округа.

2. Материалы и методы

2.1. Эти письма в свое время были обнаружены нами во время работы над личным архивным фондом К.Н. Смирнова, хранящимся в Архиве Национального центра рукописей Грузии ([АНЦРГ. Ф. 39. Д. 19](#)). Их тексты, написанные в 1909 г., впервые были опубликованы нами в приложениях к «Запискам воспитателя персидского шаха. 1907–1914 гг.» ([Смирнов, 2002: 242-245](#)). Следует

* Corresponding author

E-mail addresses: nugzar19473@gmail.com (N.K. Ter-Oganov)

заметить, что несмотря на то, что эти письма носят личный характер, тем не менее в них дается оценка работы некоторых представителей российской дипломатии в Иране.

2.2. Основным методом при работе над письмами В.Ф. Минорского был их критический анализ, тесно связанный с исторической действительностью.

3. Обсуждение и результаты

В письмах В.Ф. Минорского независимо от их характера раскрываются личность автора и его мировоззрение, что, следует признать, немаловажно для понимания как его богатого научного творчества, так и его обширного эпистолярного наследия.

Необходимо заметить, что сразу после кончины В.Ф. Минорского его научно-эпистолярное наследие стало предметом изучения со стороны таких зарубежных исследователей, как Дж.А. Боил, Д.М. Лэнг, И. Гершевич, С.Е. Босворт и др. Исследованию разных сторон научной и дипломатической деятельности В.Ф. Минорского в разное время посвятили свои научные работы советские и постсоветские востоковеды, такие как Л.М. Кузнецова, О.В. Цкитишвили, Н.А. Лавриненко, Г.Г. Берадзе, Н.К. Тер-Оганов, Н.Г. Сафонова, Д.Н. Волков, О.Б. Бокарева и др.

Владимир Федорович Минорский, как известно, получил юридическое образование в Московском университете, а в 1903 г. после окончания учебы в Лазаревском институте восточных языков поступил на службу в МИД России (Бокарева, 2020: 233)¹. В 1904–1908 гг. он занимал должность второго драгомана российского Генерального консульства в Тавризе, а затем короткое время работал в качестве секретаря российской дипломатической миссии в Тегеране, после чего с конца 1908 г. по 1912 г. был сотрудником Министерства иностранных дел (Сафонова, 2008: 223). В июне 1909 г. мы видим его уже в Ташкенте в качестве чиновника по дипломатической части Туркестанского генерал-губернатора (Bosworth, 2004). В 1911 г., после кратковременного отъезда на родину, он снова в Иране, где с мая 1911 г. по октябрь 1912 г. в качестве чиновника МИДа вместе с английским генеральным консулом в Тавризе направляется в Урмию для выяснения размеров турецких захватов (ЦГИА Грузии. Ф. 15. Оп. 1. Д. 356). В 1912 г. после назначения на пост второго секретаря российского посольства в Константинополе принимает активное участие в работе смешанной англо-русско-турецко-персидской комиссии по демаркации турецко-персидской границы (Boyle, 1967: 86), а в 1913–1914 гг. В.Ф. Минорский – уже в ранге русского комиссара упомянутой комиссии. Как известно, позднее работа в этой комиссии нашла свое отражение в двух опубликованных им работах (Минорский, 1915: 319–342; Минорский, 1916: 351–392).

Успешная дипломатическая деятельность В.Ф. Минорского не осталась незамеченной: в 1915–1917 гг. он уже является секретарем, а затем и поверенным российского посольства в Тегеране. Кто знает, какова была бы карьера молодого дипломата, если бы не произошел Октябрьский переворот, кардинально изменивший его жизнь – в 1919 г. он уезжает во Францию, в Париж, где с 1923 г. читает лекции по персидской литературе в Национальной школе живых восточных языков – *Ecole Nationale de Langues Orientales Vivantes*. В 1930 г. В.Ф. Минорский навсегда переезжает в Великобританию (Bosworth, 2004), где, работая в Кембриджском университете с 1941 по 1966 г., внес большой вклад в развитие иранистики (Volkov, 2018: 207).

Годы, проведенные в Иране, основательное изучение северо-западной части страны, глубокое знание восточных языков, научные навыки, а также большой практический опыт и, конечно же, острое научное чутье сыграли значительную роль в крайне плодотворной научно-исследовательской и педагогической деятельности В.Ф. Минорского. По общему признанию, бесспорен его вклад в дело развития мирового востоковедения². В.Ф. Минорский был профессором Лондонского университета, действительным членом Академии наук Великобритании и Франции, почетным доктором Кембриджского и Бельгийского университетов. Вот что написал известный иранист Илья Гершевич в некрологе, посвященном В.Ф. Минорскому: «Профессор Владимир Минорский, скончавшийся в возрасте 89 лет 25 марта 1967 г., был выдающимся ученым, чье влияние на востоковедение будет ощущаться многими поколениями» (Gershevitch, 1967: 53).

Следует особо отметить, что, кроме богатого научного наследия, В.Ф. Минорский оставил после себя очень обширную переписку с коллегами, занимающую чуть больше половины его архивного фонда: из 4 385 единиц хранения 2 468 составляет переписка ученого с деятелями науки и культуры (Сафонова, 2008: 224).

Что касается адресата писем В.Ф. Минорского – военного востоковеда Константина Николаевича Смирнова, как известно, он является автором таких публикаций, как «Население Персии (с военной точки зрения)», опубликованной в «Известиях Штаба Кавказского военного округа» (ИШКВО. № 27. 1910: 20–64; № 28. 1910: 1–62), «Персы. Очерк религий Персии» (Тифлис. 1916 г.) и «Персы. Этнографический очерк Персии» (Тифлис. 1917 г.) и др. Его перу также

¹ Подробнее о дипломатической деятельности, а также о значимой роли В.Ф. Минорского в демаркации турецко-персидской границы см. работу Д. Волкова (Volkov, 2018: 188–217).

² Подробнее о В.Ф. Минорском и его научной деятельности (Lang, 1966: 694–699; Лавриненко, 1980: 143–167; Кузнецова, 1966: 150–153; Цкитишвили, 1968: 176–203).

принадлежит публикация нахичеванских рукописных документов «Передняя Азия в документах. Нахичеванские рукописи 16–19 вв.» (Кн. I. Тбилиси. 1936 г.).

Из черновых рукописей К.Н. Смирнова, имеющих отношение к периоду его службы в Иране и описывающих происходившие там события, в первую очередь следует отметить его «Записки воспитателя персидского шаха. 1907–1914 гг.» (АНЦРГ. Ф. 39. Д. 11–16), а также приложения к ним (АНЦРГ. Ф. 39. Д. 17–21), которые были нами исследованы и опубликованы в полном объеме, без купюр и сокращений, с коллекцией документов на русском и персидском языках (Смирнов: 2002). Следует заметить, что текст черновика был нами научно отредактирован и проанализирован, снабжен предисловием, переводом, комментариями, а также указателями имен и географических названий. Восточные имена и географические названия были нами унифицированы в соответствии с принятыми нормами транскрипции восточных имен. Вместе с тем мы привели в порядок пагинацию рукописи, которая была нарушена из-за неоднократных переделок текста, произведенных самим автором рукописи.

Кроме упомянутых «Записок» из рукописного наследия К.Н. Смирнова следует выделить его работу «Интеллидженс Кавказского фронта в период 1878–1918 годов», которую он завершил в роковом для него 1937 году. Она представляет собой воспоминания К.Н. Смирнова о некоторых работниках разведки ШКВО со дня его основания. Хотя работа носит фрагментарный характер, в которой отсутствует хронология, тем не менее она дает представление о характере и направлениях разведывательной деятельности ШКВО. Мы подвергли научному анализу указанную рукопись и поместили ее текст в виде отдельной главы в нашу книгу «Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.)» (Тер-Оганов, 2015: 151–271).

Согласно послужному списку К.Н. Смирнова¹, составленному в 1915 г. (АНЦРГ. Ф. 39. Д. 3), он родился 30 апреля 1878 г. в г. Темир-Хан-Шуре (нынешний Буйнакск). Учился в Тифлиском кадетском корпусе и Михайловском артиллерийском училище. В 1903 г. после окончания офицерских курсов восточных языков К.Н. Смирнов был зачислен в штаб Кавказского военного округа. В 1904 г. в качестве переводчика турецкого языка он сопровождал полковника В. Ляхова во время его инспекционной поездки в Турцию (Тер-Оганов, 2006: 209–229).

В 1907–1914 гг. К.Н. Смирнов находился в Иране в распоряжении российского посланника в Тегеране, где он исполнял обязанности воспитателя и учителя русского языка наследника персидского престола (Смирнов: 2002). Нет сомнения в том, что, находясь при шахском дворе, он вел активную военно-разведывательную деятельность, о чем свидетельствуют материалы штаба Кавказского военного округа (ЦГИА Грузии. Ф. 521. Оп. 2. Д. 423).

В июле 1914 г., когда наследник престола Солтан Ахмад-мирза Каджар (1909–1925) достиг совершеннолетия и короновался, на основании взаимного соглашения, достигнутого между иранским МИД и Военным министерством России, К.Н. Смирнов был отозван из императорской миссии. В 1914–1915 гг. он выполнял различные военные поручения, а также находился в зарубежных командировках. С ноября 1915 г. до сентября 1916 г. К.Н. Смирнов служил в Иране, где заведовал разведкой и дипломатической частью штаба Экспедиционного кавалерийского корпуса генерала Баратова (АНЦРГ. Ф. 39. Д. 7. Л. 6). Ему за блистательную службу 10 сентября 1916 года было присвоено звание полковника. 22 декабря того же года К.Н. Смирнов был направлен в Трапезунд начальником разведки Черноморского побережья, где он находился до наступления 1918 г. За период военной службы он неоднократно награждался высокими военными орденами (АНЦРГ. Ф. 39. Д. 7. Л. 7). Одним словом, за годы Первой мировой войны К.Н. Смирнов успешно продвигался по служебной лестнице и вполне мог дослужиться до звания генерала.

Однако в результате Октябрьского переворота и сложившейся сложной внутривосточной обстановки в Закавказье его военная карьера неожиданно оборвалась. Некоторое время он работал в Тбилиском военном архиве, а в 1921–1923 гг. был переводчиком в военном штабе г. Батуми. 10 июня 1923 г. на даче своей супруги Ксении Карловны Кестер в Махинджаури его подвергли обыску, вслед за которым он был арестован (АНЦРГ. Ф. 39. Д. 152. Л. 10б.). В чрезвычайный отдел «Кавтрудармии» были доставлены принадлежащие ему личная переписка, документы, фотографии, орден Льва и Солнца, которым его наградили во время службы при шахском дворе. После кратковременного заключения 10 сентября 1923 г. его освободили (АНЦРГ. Ф. 39. Д. 4. Л. 1). С 1924 г. К.Н. Смирнов возвращается в Тбилиси, где при военном штабе начинает работать переводчиком, а в 1933 г. он переходит на работу в «Ассоциацию востоковедов». До 1937 г. он работает научным сотрудником в Институте языкознания, истории и материальной культуры Грузинского филиала Академии наук СССР (АНЦРГ. Ф. 39. Д. 6). В 1938 г. К.Н. Смирнов, как и многие миллионы его соотечественников, был репрессирован, а в 1959 г. посмертно реабилитирован (АНЦРГ. Ф. 39. Д. 8). К сожалению, после его репрессии, как писала в своем дневнике его супруга Ксения Смирнова, «... все, что он собирал всю

¹ С жизнью и научно-практической деятельностью К.Н. Смирнова можно полностью ознакомиться в нашем предисловии к «Запискам воспитателя персидского шаха. 1907–1914 гг.». С приложениями. Под научной редакцией Н.К. Тер-Оганова. Тель-Авив: Иврус. 2002. С. 4–26.

жизнь свою, пошло на все четыре стороны» (АНЦРГ. Ф. 39. Д. 143. Л. 43). Эти ее слова можно в равной степени отнести не только к его богатой библиотеке, но и к его рукописным работам.

Следует заметить, что В.Ф. Минорского с К.Н. Смирновым связывала давняя дружба. В своих «Записках воспитателя персидского шаха. 1907–1914 гг.» К.Н. Смирнов рассказывает, при каких обстоятельствах произошло их знакомство: «Когда я был, – пишет К.Н. Смирнов, – слушателем курса восточных языков и ездил для практики в Константинополь, то там я познакомился со студентом Лазаревского Института восточных языков В.Ф. Минорским, с которым с тех пор был всегда в дружеских отношениях» (АНЦРГ. Ф. 39. Д. 10. Л. 3). Позднее, в 1907 г., когда К.Н. Смирнов был командирован в Тегеран в распоряжение российского посланника Николая Генриховича Гартвига, В.Ф. Минорский уже служил там вторым драгоманом дипломатической миссии. Кстати, когда речь зашла о командировании Смирнова в Тегеран в качестве воспитателя наследника престола Солтан Ахмад-мирзы, среди поддержавших его кандидатуру был и В.Ф. Минорский (АНЦРГ. Ф. 39. Д. 10. Л. 4). Не случайно, что, прибыв в Тегеран 6 июня 1907 г., он был «любезно принят» в летней резиденции российской миссии в Зарганде, где поселился «в квартире своего друга Минорского» (Смирнов, 2002: 42).

Константин Николаевич Смирнов оставил нам богатый личный архив (АНЦРГ. Ф. 39), в котором нами были обнаружены три неизвестных для научного мира письма выдающегося востоковеда В.Ф. Минорского К.Н. Смирнову¹. Причем три письма относятся к периоду Конституционной революции в Иране (1905–1911 гг.), а точнее, к тому времени, когда 31 августа 1907 г. в Санкт-Петербурге по инициативе российского министра иностранных дел А.П. Извольского уже было подписано англо-русское соглашение о разделе сфер влияния в Азии, и в частности в Иране, которое изменило соотношение сил в этой стране не в пользу России²: оно ограничило рамки русского влияния в Северном Иране. Как справедливо замечает Ф. Каземзаде в своем фундаментальном труде «Россия и Британия в Персии, 1864–1914», «это соглашение не пользовалось популярностью ни в Англии, ни в России. Его искренне недолюбливали правительство Индии, впрочем, как и русские и английские официальные лица на местах» (Kazemzadeh, 1968: 506). Тем не менее следует признать, что подписание данного соглашения стало триггером революционного подъема в зоне русского влияния, в результате которого трон под русофилом Мохаммад Али-шахом Каджаром (1907–1909) стал усиленно раскачиваться. Даже устроенный им 23 июня 1908 г. государственный переворот с бомбардировкой межджлиса, в котором непосредственное участие принимала Персидская казачья бригада под командованием полковника Ляхова, в конечном счете еще больше обострил противостояние сторон в Иране и стоил карьеры российскому посланнику Н.Г. Гартвигу. Конечно же, не последнюю роль в этом вопросе сыграла негативная позиция Н.Г. Гартвига в отношении заключения англо-русского соглашения, а также его противодействие английской политике в Иране. В результате английская сторона потребовала удаления российского посланника из Тегерана (Зиновьев, 1912: 94; Kazemzadeh, 1968: 525; Тер-Оганов, 2009: 207-217). В довершение ко всему Н.Г. Гартвиг был объявлен английской стороной *persona non grata* и 15 ноября 1908 г. ему пришлось покинуть Тегеран (Martin, 1993: 16).

Следует отметить, что с отъездом Н.Г. Гартвига из Ирана до прибытия туда в октябре 1913 г. нового российского посланника И.Я. Коростовца напряженность в англо-русских отношениях уступила место сотрудничеству между дипломатическими миссиями двух стран.

Что касается Минорского, то, судя по дате написания первого письма, нам достоверно известно о том, что в конце января 1909 г. В.Ф. Минорский уже находился в российском МИДе в Санкт-Петербурге. Но мы не знаем, когда именно он туда вернулся, потому что есть, как нам кажется, неизвестное для исследователей сведение о его тайной поездке в Лондон в конце осени 1908 года. В этой связи представляет интерес содержание письма известного английского ираниста, сторонника Конституционного движения в Иране и одного из организаторов так называемого внепарламентского «Персидского комитета» проф. Эдварда Броуна, отправленного из колледжа Пемброк (Кембридж) популярному иранскому демократу сейду Хасану Таги-заде 2 декабря 1908 г.

Вот что пишет Эд. Броун в своем письме Х. Таги-заде: «Другой вопрос, изложенный этим человеком, говорит о том, что *наше министерство иностранных дел очень обеспокоено посещением Минорским этого собрания [имеется в виду собрание в офисе английской газеты "Morning Post" –*

¹ Кроме упомянутых трех писем, в личном архивном фонде К.Н. Смирнова хранится еще одно уцелевшее, четвертое по счету письмо В.Ф. Минорского. Оно было написано в 1936 году (АНЦРГ. Ф. 39. Д. 80). В нем В.Ф. Минорский обсуждает свежую научную публикацию К.Н. Смирнова о нахичеванских персидских документах (*Передняя Азия в документах. Кн. I. 1936*) и высказывает свое мнение, а также критические замечания в отношении перевода документов. Вместе с тем он дает ценные советы по прочтению отдельных слов и терминов. Об этом письме мы рассказали в своей ранее опубликованной статье (Тер-Оганов. II. 1999: 112-118).

² Об англо-русском соглашении 1907 г. и о его влиянии на изменение внутривосточного положения в Иране см. нашу статью – Н.К. Тер-Оганов. Большой англо-русский компромисс 1907 года и свержение Мохаммад Али-шаха (*Военный сборник. Т. 9. Вып. 3. 2015: 158-178*).

Авт.]. По этой причине попросили того самого господина В.С. Барбера¹, чтобы тот проследил за ним и выяснил бы, что тот здесь делает и почему он сюда приехал» (курсив наш – Авт.) (Брун, 1354: 19). Из этого отрывка следует, что в начале декабря 1908 г. Минорский достоверно находился в Лондоне и только после этого он снова отбыл в Санкт-Петербург! Не располагая мидовскими архивными документами, трудно судить о целях его поездки в Лондон.

Вернувшись в столицу, В.Ф. Минорский обнаруживает много новостей, имеющих отношение к российской политике в Иране и заслуживающих его внимания, что отразилось и на содержании его первого письма.

Текст первого письма В.Ф. Минорского К.Н. Смирнову

Дорогой Константин Николаевич, 25. I. [1]909.

СПб.

Комиссия² наша все еще не закончилась и на днях предвидется еще несколько заседаний, после которых, увы и ах, придется переть опять в милый Тегеран. У меня ведь нет знаний и талантов великого Шапшала, подвиги котор[ого] не хуже Азефских³. Безхарактерный Котя, получив инструкции Сани⁴, ввел его в Министерство, где Ш[апшал] убедил в своих талантах Персиян (АНЦРГ. Ф. 39. Д. 19. Л. 72) через Крымгирея (кажется) с дозволения М.И.Д. представился Государю, на аудиенции заявил, что хочет послужить Престолу и Отечеству в Турции. Государь сказал, что не имеет препятствий и вот Шапшал через некоторое время сядет нам на шею.

За какие это заслуги этот авантюрист перегонит нас, влезет туда, где неприложимы его нахальные замашки? Человек 7 лет продавал русские интересы, шпионил на нас шаху, мошенничал с Подгурским, компрометировал нас при Дворе, вел безответную политику – и за это все создал себе карьеру и репутацию.

Ведь надо же быть болванами (АНЦРГ. Ф. 39. Д. 19. Л. 72об.) в Министерстве, чтобы принять такого субъекта. Что скажут англичане на вскидыванья моногля Извольского, если параллельно будет идти приближение т[а]к[их] субъектов, как Шапшал, имя которого, слава Богу, многим известно.

Котя сидит в большом загоне. О нем все уже позабыли. Гирс пока уехал обратно в Брюссель. Котя страшно много болтает и тем себе портит.

Бедный Ушаков! Все у него [?!] –чество не ладится. Чем я его больше узнаю, тем мне больше нравится.

Была как-то лекция Батюшкова в Общ[естве]. Востоков[едов]. Я тоже много говорил, и, по-видимому, Г.Д. немножко почувствовал себя *froisse*⁵ разбиванием впечатления. Возражал еще долго (АНЦРГ. Ф. 39. Д. 19. Л. 73) и скучно Будилович и кратко, но крикливо Карташевский, восхвалявший Меджлис. Мне К. не понравился!

Шапш[ал] говорит, что Государь спросил о Вас и что он (Ш[апшал]) дал Вам лестную аттестацию ...если не врет, отлично! مبارک!!⁶ В Штабе о Вас отличного мнения. All is right⁷.

Бар[ановский] ходит кисел: Изв[ольский] его "приласкал" за все, да сверх того и с Пановым мало сладости. Оказывается, Пан[ов] на лекции в жен[ском] клубе немало грязного белья перемыл и

¹ Согласно этому письму Эд. Бруна, В.С. Барбер был редактором консервативной газеты «Морнинг пост», выступавшей против англо-русского соглашения и союза с Россией (Брун, 1354: 19).

² Скорее всего, речь идет о работе так называемой «Персидской комиссии», которая занималась вопросами, связанными с Ираном. Необходимо заметить, что первой подобной комиссией МИДа Российской империи была образованная в 1897 г. так называемая «Палестинская комиссия», которая ведала управлением русских учреждений в тогдашней Палестине (Третьякова. № 3. 2015). Кстати, позднее, во время Конституционной революции в Иране и в Великобритании, был организован «Персидский комитет» для ведения дел в этой стране. Причем в Великобритании, помимо парламентского комитета, как уже отметили выше, был еще и внепарламентский комитет.

³ В.Ф. Минорский имел в виду известного российского революционера-provokatora, одного из руководителей боевой организации эсеров и вместе с тем секретного платного агента Департамента полиции Евно Фишеловича Азефа. Как известно, из-за его provokatorской деятельности собственное имя Азефа стало нарицательным для обозначения изворотливого provokatora и доносчика. Сравнение с Азефом является свидетельством неприязненного отношения В.Ф. Минорского к С.М. Шапшалу.

⁴ Без сомнения, речь идет об А.П. Извольском, руководившем российским МИДом в период 1906–1910 гг. Он вместе с российским послом в Лондоне С.А. Поклевским-Козеллом являлся одним из архитекторов англо-русского соглашения 1907 г., разграничившего сферы влияния сторон в Иране и оформившего окончательно англо-франко-русский союз.

⁵ Мяться, съезживаться, падать духом (фран.).

⁶ Здесь: поздравляю! (араб.)

⁷ Все в порядке. Все хорошо (англ.)

вспомнил даже студенческие годы Ал[ександра] Раф[аеловича] Баран[овского]. Бар[ановский] хотел тут же бить Панова etc.

Свадьба Б. – 28 янв[аря].

Искренний привет Ксении Карловне. Пишите, не забывайте искренно преданного.

В. Минорский [подпись] (АНЦРГ. Ф. 39. Д. 19. Л. 73об.)

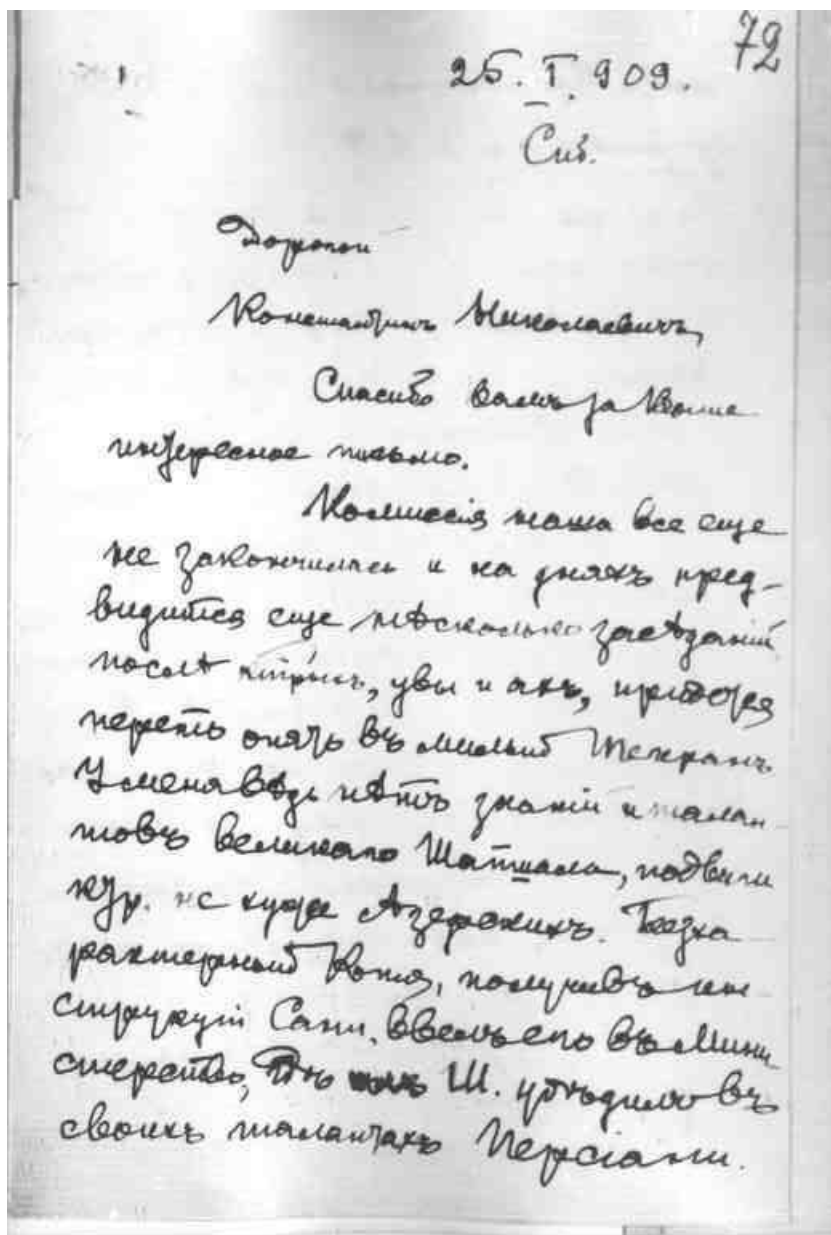


Рис. 1. Фотокопия первой страницы письма В.Ф. Минорского К.Н. Смирнову. 25.1.1909 г.

Таким образом, первое письмо, адресованное К.Н. Смирнову и датированное 25 января 1909 г., содержит ценные сведения о представителях русской колонии в Тегеране. Без сомнения, особый интерес представляет характеристика отдельных членов русской общины в Тегеране, включая представителей русской дипломатической миссии, оценка деятельности российского МИДа и его главы – А.П.Извольского, а также мнение автора письма об отдельных личностях, связанных с революционными событиями в этой стране. На этом фоне особого внимания заслуживает оценка, данная В.Ф. Минорским печально известному в истории Ирана того периода Сераю Марковичу Шапшалу, в будущем известному советскому востоковеду-тюркологу¹.

Как известно, С.М. Шапшал по происхождению был крымским караимом. Как следует из автобиографии проф. С.М. Шапшала, он окончил университет в 1899 г. с дипломом I степени и его стали готовить к профессорскому званию. Однако вскоре он получил от университета и Министерства

¹ С краткой биографией и научными публикациями С.М. Шапшала можно ознакомиться в статье «Из материалов к биографии проф. С.М. Шапшала». См.: <http://turkolog.narod.ru>.

иностранных дел предложение ехать в Иран для преподавания русского языка в Тавризе, в училище Лукмание. Прибыв в Тавриз, он стал давать уроки наследнику шахского престола Мохаммад Али-мирзе (Из материалов к биографии проф. С.М. Шапшала, 2005: 2).

Во время своей службы в Иране с 1901 по 1908 гг. он удостоился почетного титула Адиб ос-Солтана – учителя наследника престола, а позднее и ханского титула, а также звания генерал-адъютанта Мохаммад Али-шаха. Так началась его карьера в должности учителя русского языка при Мохаммад Али-мирзе Каджаре сначала в Тавризе, а с января 1907 г., после его восшествия на престол – в Тегеране.

Находясь постоянно при шахской особе, Шапшал завоевал его доверие. Причем влияние Шапшала на шаха было столь велико, что вскоре он стал его ближайшим советником (Атрпет, 1909: 89), поэтому нет ничего удивительного в том, что он слыл в глазах окружающих монархистом и, следовательно, показывал себя ярким противником Конституционного движения. В этой связи вызывает большое сомнение утверждение О.В. Петрова-Дубинского со ссылкой на Атрпета о том, что якобы «...Шапшал не сочувствовал крайним мерам шаха и, хотя он, монархист по убеждениям, не был сторонником Меджлиса, но и не защищал жесткую тиранию» (Петров-Дубинский, 2007: 9). Следует заметить, что совершенно противоположного мнения придерживались иранские конституционалисты, требовавшие его удаления из страны, особенно после его участия в государственном перевороте и казнях конституционалистов. Кстати, в своих «Записках воспитателя персидского шаха» К.Н. Смирнов упоминает об «интригах Шапшала против конституционалистов» (АНЦРГ. Ф. 39. Д. 11. Л. 28; Смирнов, 2002: 59).

Не следует забывать, что именно по требованию иранских революционеров в первых числах августа 1908 г. Шапшал был вынужден разорвать контракт с шахом и покинуть Иран (АНЦРГ. Ф. 39. Д. 12. Л. 44 об.-45). Следует отдать должное объективности К.Н. Смирнова в отношении оценки деятельности Шапшала при шахском дворе. «Что касается меня лично, – пишет К.Н. Смирнов в своих "Записках", – то я тоже думаю, что Шапшал действительно был предан шаху и что шах скорее потерял с его отъездом, лишившись верного, не трусливого и образованного советника» (АНЦРГ. Ф. 39. Д. 13. Л. 15; Смирнов, 2002: 105). Вместе с тем, как признается Смирнов, «Народ и Меджлис все ретроградные проявления правительства считали инспирацией России через Шапшала и так как действительно не существовало такого громадного влияния Шапшала в пользу России, как это приписывалось и приписывалось в ущерб русской популярности, то уход Шапшала для Русской миссии пришелся как нельзя более кстати» (АНЦРГ. Ф. 39. Д. 13. Л.15 об.; Смирнов, 2002: 105-106).

То, что личность Шапшала неоднозначна, об этом свидетельствует и упомянутое письмо В.Ф. Минорского. Здесь его автор дает нелестную характеристику яркому защитнику шахского деспотического режима С.М. Шапшалу¹, который, используя свои связи в столице, «с дозволения» МИДа удостоился аудиенции у Николая II, испросив монаршего разрешения служить «престолу и отечеству в Турции», на что получил согласие (Смирнов, 2002: 242).

По мнению Минорского, Шапшал – авантюрист, который использует все возможные и невозможные средства для продвижения своей карьеры по служебной лестнице в МИДе. Минорский просто недоумевает: «За какие это заслуги этот авантюрист перегонит нас, влезет туда, где неприложимы его нахальные замашки?» Вместе с тем Минорский не может понять, как глава российского МИДа А.П. Извольский, известный своими либеральными взглядами и англофильством, мог позволить стороннику шахского деспотизма приступить к работе в его ведомстве, учитывая к тому же известное негативное отношение англичан к Шапшалу!

В подобном неприязненном отношении Минорского к Шапшалу, конечно, могли бы усмотреть нотки антисемитизма, тем более что в царской России антисемитизм служил барьером при приеме евреев на государственную службу. Тем не менее следует принять во внимание тот факт, что в Российской империи караимы, в отличие от евреев, не были ущемлены в своих правах, так что здесь вопрос об антисемитизме автоматически отпадает. Что касается самого В.Ф. Минорского², как известно, он сам был выходцем из еврейской семьи Миноров (Volkov, 2018: 193; Бокарева, 2020: 233), и, следовательно, его никак нельзя заподозрить в юдофобии.

По нашему мнению, в неприязненном отношении Минорского к Шапшалу, скорее всего, лежит личная антипатия, вызванная желанием Шапшала любой ценой подняться по служебной лестнице. Согласно Минорскому, для достижения этой цели Шапшал не брезгал ничем. По его утверждению, Шапшал не служил русским интересам и занимался компрометацией России при шахском дворе. Более того, как следует из письма, он обвиняет Шапшала в финансовых махинациях с Подгурским. Следует заметить, что упомянутый Подгурский, согласно сообщению российского полномочного

¹ Не лучшего мнения о нем был и известный английский иранист проф. Эд. Броун, который в своем труде «Персидская революция 1905–1909 гг.» не раз упоминает исключительно с негативной окраской Шапшал-хана, характеризуя его как одиозного («notorious») человека и «злого гения» (evil genius) (Browne, 1966: 178, 198, 214).

² Между прочим, на еврейское происхождение семьи В.Ф. Минорского указывает его фамилия, где корневое слово *менора* (מנורה) на иврите означает семирожковый светильник, или просто светильник.

министра в Тегеране И.Я. Коростовца, заступившего на эту должность в октябре 1913 г., был дорожным инженером и занимался строительством шоссейных дорог в Иране. В частности, он вел строительство шоссейной дороги по маршруту: Тегеран–Энзели ([Korostovetz: 2-3](#)).

Между тем, факт связи Шапшала с дорожным строительством в Северном Иране подтверждает и Атрпет, согласно которому, «когда в 1903 г. инженер Дедулов начал прокладывать шоссе Тавриз–Джильфа, по которому имели в виду провести железную дорогу, Шапшал был назначен председателем оценочной комиссии для приобретения нужных для этой цели земель» ([Атрпет, 1909: 88](#)). Приводимый далее отрывок из книжки Атрпета «Мамед-Али Шах» свидетельствует о существовании финансовой серой схемы, по которой производилась закупка земельных участков со стороны «оценочной комиссии», в которую, кроме Шапшала, входили сам инженер Дедулов и каргозар – представитель Министерства иностранных дел Ирана – Мофаххар од-Доуле. Примечательно, что наследнику престола в Тавризе хотя и доносили о финансовых злоупотреблениях со стороны этой комиссии, однако тот почему-то не обращал на это никакого внимания ([Атрпет, 1909: 88-89](#)).

Согласно письму, Минорский принял активное участие в обсуждении лекции первого драгомана русской миссии в Тегеране Г.Д. Батюшкова в Обществе востоковедов в Санкт-Петербурге, чем, как выясняется, вызвал у докладчика недовольство «разбиванием впечатления». В результате Батюшков обиделся на Минорского и посчитал себя оскорбленным. Между прочим, о Батюшкове мы знаем, что в 1909 г. тот сопровождал Мохаммад Али-шаха по дороге в Россию после его отречения от престола и находился при нем в Одессе ([Сборник дипломатических документов..., 1912: 142-143; Смирнов, 2002: 45, 52](#)).

Кстати, на упомянутой лекции Г.Д. Батюшкова, как оказалось, присутствовал и гвардии капитан Карташевский, тот самый, который в 1907 г. вместе с штабс-капитаном К.Н. Смирновым был представлен в качестве кандидата на замещение должности воспитателя персидского наследника, но тогда его кандидатура, как мы об этом узнаем из «Записок», была отклонена ([АНЦРГ. Ф. 39. Д. 11. Л. 4-4об.; Смирнов, 2002: 36](#)).

Далее Минорский упоминает об аудиенции Шапшала у императора Николая II, во время которой Шапшал якобы дал «лестную аттестацию» К.Н. Смирнову. Он же сообщает Смирнову о том, что в штабе Кавказского военного округа, где он по-прежнему продолжал числиться, придерживались отличного мнения о нем.

В этом письме мы находим сведения о влиятельном первом драгомане российской миссии в Тегеране Александре Рафаеловиче Барановском, который, если верить Эд. Броуну, «представлял все в русской миссии» ([Browne, 1966: 215](#)). Можно лишь догадываться, почему деятельность консервативно настроенного Барановского не вызывала одобрения у либерала Извольского. По нашему мнению, причиной недовольства российского министра иностранных дел, англофила А.П. Извольского первым драгоманом миссии вполне могло стать разделение последним критического взгляда российского посланника Н.Г. Гартвига относительно политического курса министра в отношении Ирана. Как известно, ради достижения максимального сближения и согласия с Англией в Европе А.П. Извольский был готов пожертвовать русскими интересами в Иране. Следует заметить, что и следующий министр иностранных дел России С.Д. Сазонов (1910–1916 гг.) придерживался подобной же политики в отношении Ирана, что особенно проявилось в годы Первой мировой войны.

Продолжением «иранской темы» в письме Минорского стало сообщение о состоявшемся в «Женском клубе» в Санкт-Петербурге лекции известного революционера-авантюриста Федора Панова, который там много «грязного белья перемыл». Эти слова Минорского можно понять так, что Панов в своей лекции использовал немало компрометирующей информации против членов русской колонии, среди которых был и упомянутый выше А.Р. Барановский. Кстати, согласно Эд. Броуну, на той же лекции присутствовал и некий английский резидент, по признанию которого, «некоторые его [Панова – Авт.] заявления на его лекции в женском клубе были незрелыми, и он определенно перегнул палку в сторону сенсационности» ([Browne, 1966: 214](#)). Там же Минорский сообщает Смирнову о поездке драгомана российской дипломатической миссии М.М. Гирса в Брюссель и высказывает симпатию в отношении, как мы полагаем, инструктора Персидской казачьей бригады капитана Ушакова.

Свое письмо В.Ф. Минорский завершает приветствием в адрес супруги К.Н. Смирнова – Ксении Карловны Смирновой (Кестер), с которой он был лично знаком.

Текст второго письма В.Ф. Минорского К.Н. Смирнову
Дорогой Константин Николаевич, 24.II.[1]909
СПб.

О Шапшале была составлена докладная записка и послана Зиновьеву, нельзя ли, дескать, принять "бывшего воспитателя" на роль драгомана, чтобы он был, пожалуй, нештатный, но с другой стороны, как бы штатный... Зиновьев сказал, что господин с таким "пахучим" прошлым в Константинополе, где такая большая персидская колония, неудобен. Шап[шал], не знаю уже, ([АНЦРГ. Ф. 39. Д.1 9. Л. 7](#)) зачем опять лезет к Клемму.

Барановский едет в Тегеран, где, вероятно, будет или заниматься насаждением ¹استبداد –а, или столь-же безуспешно класть руль налево, как и прежде. Человек, который ездил во Дворец просить повесить Джелия, открыто, цинично ведший себя по отношению всех, никогда уже не привлечет к себе симпатий народной партии. Только теперь взятки ему кожами и перстнями брать не придется, так как: капиталы достаточно приумножены женитьбой (АНЦРГ. Ф. 39. Д. 19. Л. 70б.).

До нас дошли слухи, что наша миссийская tête de linotte² увлечена Янчевецким. Бабе вмешательство в политику прямо невероятно, как оно прежде шло. Неужели теперь все то же.

Я все еще задерживаюсь заключением работ Комиссии. Два раза мне удалось попасть секретарем на большие совещания Совета Министров у Столыпина³: было замечательно интересно.

Напишите, как чувствовал себя Миллер в Тегеране. Что Евреинов?⁴ (АНЦРГ. Ф. 39. Д. 19. Л. 8).

Вышел "Сборник Министерства", где мои: "Маку" и "Хамаданская дорога". Досадно, что по ошибке не сделали мне отдельных оттисков.

Насчет реформы конвоя в Астрабаде ничего особенно не предполагается.

Представьте, какое разочарование. Клемм пристроил-таки Шапш[ала] в нашу газетную экспедицию будто бы для составления обзоров восточной печати!!

Клемм сам ужасный подхалим и любит подлиз. Шапшалова угодливость взяла свое. Представьте Шап[шала], даже выступил в роли посредника между Минист[ерством] и Таги-заде (?!). Это он-то душитель ملك المتكلمين⁵ –а!!

Привет Ксении Карловне.

Ваш В. Минорский (АНЦРГ. Ф. 39. Д. 19. Л. 80б.)

Как можно было убедиться, и во втором своем письме от 24 февраля 1909 г. К.Н. Смирнову В.Ф. Минорский продолжает разрабатывать тему Шапшала и Барановского. Как бы в продолжение разговора о Шапшале Минорский поясняет, какой именно шаг был предпринят для того, чтобы трудоустроить Шапшала в качестве переводчика турецкого языка. Для этого в МИДе была составлена «докладная записка» о Шапшале и отправлена российскому послу в Константинополе небезызвестному дипломату И.А. Зиновьеву⁶, который, как видно из письма, резко отреагировал на нее. Зиновьев дал понять, что Шапшал, который запятнал себя «пахучим прошлым» в Иране во время подавления Конституционной революции, не мог появиться в Константинополе, где в то время находилась большая «персидская колония» и где, как известно, нашли укрытие многие участники и сторонники иранской Конституционной революции⁷. Исходя из вышесказанного, Зиновьев считал «неудобным» появление там Шапшала.

¹ Самодержавие, самовластие, деспотизм (араб.).

² Бестолковый, безрассудный человек, вертопрах (фран.)

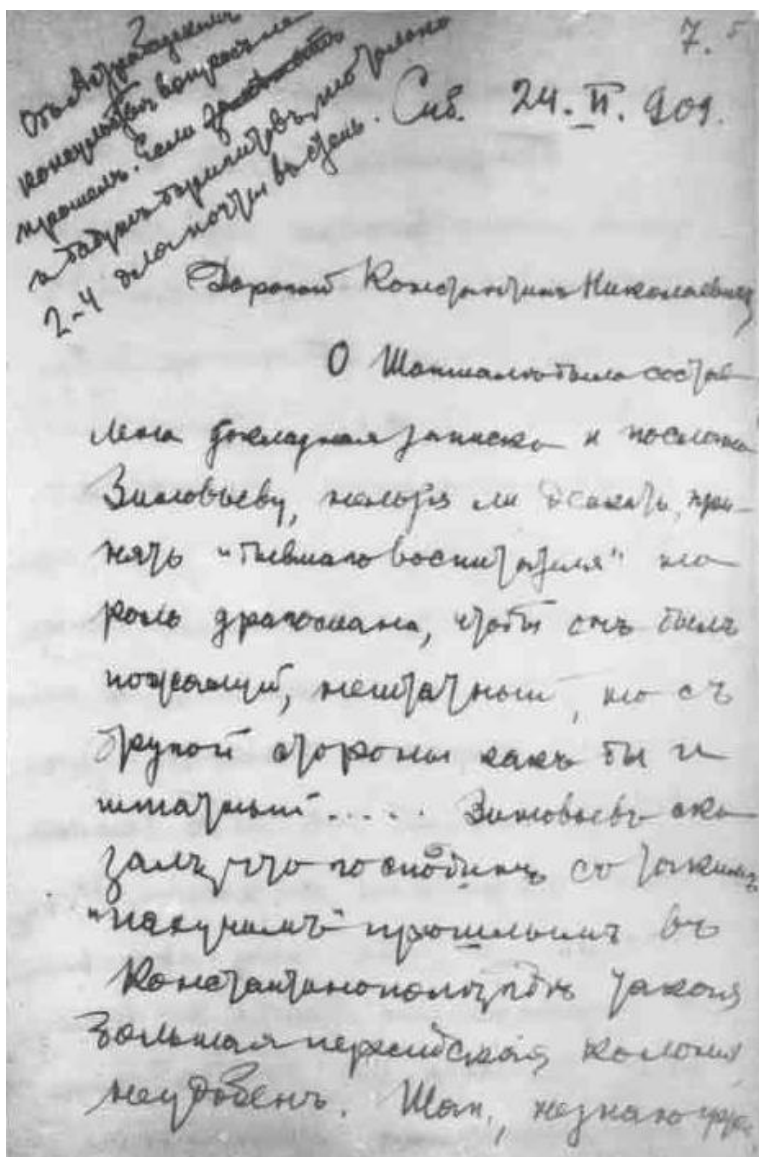
³ Петр Аркадьевич Столыпин, один из трезвомыслящих политиков того времени, проживший конец революции 1905–1907 гг., реформатор, в 1906–1911 г. занимал должность председателя Совета Министров российской империи.

⁴ В. Евреинов в течение многих лет находился на службе в российской дипломатической миссии в Тегеране. В своих «Записках воспитателя персидского шаха. 1907–1914 гг.» К.Н. Смирнов во многих местах упоминает фамилию Евреинова, но при этом не указывает на род его занятий. Тем не менее, согласно его сведениям, Евреинов принимал активное участие в сношениях российской миссии с Мохаммад Али-шахом в период наступления революционеров на Тегеран в средних числах июля 1909 года. Следует заметить, что согласно сообщению российского полномочного посланника в Тегеране И.Я. Коростовца, с апреля 1915 г. в качестве «нового» переводчика российской дипломатической миссии стал служить женатый на англичанке Евреинов, который позднее советской властью был обвинен в дружбе с англичанами и расстрелян в Москве (Korostovetz: 196). Факт расстрела В. Евреинова находит документальное подтверждение в сообщении интернетпортала "NewTimes", согласно которому, в ответ на убийство в мае 1927 г. в Польше советского полпреда Петра Войкова по приказу И. Сталина были расстреляны русские «террористы-монархисты», среди которых были шесть «английских шпионов», в том числе и В. Евреинов (Соколов, 2017).

⁵ Малек оль-Мотакаллемин – царь ораторов (араб.), был одним из ведущих глашатаев Конституционной революции в Иране.

⁶ Иван Александрович Зиновьев, в 1876–1882 гг. полномочный посланник в Персии, в 1883 г. был назначен директором Азиатского департамента МИДа России. В период 1897 по 1909 гг. занимал должность российского посла в Константинополе. Как известно, И.А. Зиновьев является автором известной книги «Россия, Англия и Персия» (Зиновьев, 1912). В ней автор со ссылкой на соответствующие аргументы выступает как ярый противник заключения англо-русского соглашения 1907 г.

⁷ На факт скопления конституционалистов в Стамбуле указывает в своем письме на имя Хасана Таги-заде и Эдвард Броун (Броун, 1354/1975: 55).



Первая страница письма В.Ф. Минорского
К.Н. Смирнову. 24. II. 1909(1).

Рис. 2. Первая страница письма В.Ф. Минорского К.Н. Смирнову. 24. II. 1909(1)

Как видно из письма, не получив искомую должность в Константинополе, Шапшал обратился с просьбой уже к чиновнику для особых поручений при министре иностранных дел Василию Оскаровичу Клемму, занимавшему до этого в 1906–1908 гг. пост генерального консула в Мешхеде¹, чтобы тот его трудоустроил. Вполне возможно, что Шапшал был лично знаком с В.О. Клеммом еще со времен своей службы при шахском дворе и поэтому счел возможным использовать это обстоятельство.

Следует заметить, что и в этом письме мы находим упоминание о впадшем в немилость Извольского первом драгомане российской дипломатической миссии А.Р. Барановском, собиравшемся вернуться в Тегеран. Автор письма предполагает, что Барановский может попытаться установить самодержавие в Иране, или же, как и прежде, «класть руль налево». Причем, по утверждению В.Ф. Минорского, Барановский, тот самый, который требовал повесить одного из руководителей Конституционного движения в Иране Джалыла од-Доуле, сына когда-то всемогущего Зилли-Султана, не будет способным привлечь симпатию «народной партии», т.е. сторонников Конституции. Вместе с тем автор письма, видимо, не без основания, характеризует Барановского как известного взяточника: «Только теперь, – как пишет В.Ф. Минорский, – взятку ему кожами и перстнями брать не придется», поскольку благодаря удачному браку он уже достаточно разбогател.

¹ Скорее всего, упомянутый в письме В.Ф. Минорского Клемм и есть глава «Персидского отдела» МИДа России «господин Клемм», о котором пишет российский полномочный посланник в Тегеране И.Я. Коростовец в своих мемуарах «Персидские Арабески» (Korostovetz, I: 150).

Автор письма здесь же касается весьма интимного вопроса: он вскользь упоминает об увлечении, скорее всего, супруги одного из дипломатов известным российским журналистом Д.Г. Янчевецким. Как известно, Дмитрий Григорьевич Янчевецкий был собственным корреспондентом газеты «Новое время» в Иране в период Конституционной революции и был награжден знаком отличия военного ордена. Согласно А. Ржевусскому, он прекрасно владел пером и был чрезвычайно интересным собеседником (Ржевусский, 1911: 39). Следует заметить, что некоторую информацию о происходящих в Иране событиях давал Янчевецкому и К.Н. Смирнов. Согласно его «Запискам», Д.Г. Янчевецкий еще в 1909 г. был уже в Иране и писал статьи, в которых расхваливал командира Персидской казачьей бригады полковника В.П. Ляхова (Смирнов, 2002: 105). По свидетельству К.Н. Смирнова, Янчевецкий в дни наступления иранских революционеров на Тегеран в июле 1909 г. фактически исполнял роль связного между Мохаммад Али-шахом и находящимся в столице в осажденном положении полковником Ляховым (Смирнов, 2002: 255, 257).

Между прочим, это тот самый Д.Г. Янчевецкий, который в период Первой мировой войны был приговорен австрийскими властями «за пропаганду русского дела» к смертной казни, но, благодаря заступничеству испанского короля Альфонса XIII и посла этой страны в Вене, а также широкому общественному резонансу в России, она была заменена пожизненной каторгой, а в январе 1917 г. в результате обмена пленными вместе со своей супругой вернулся на родину (Хохлов, 1997: 65-79; Медников, 2011: 65-75).

Из этого письма также выясняется, что, находясь в Санкт-Петербурге, В.Ф. Минорский участвовал в работе мидовской комиссии, а также поработал дважды в качестве секретаря на «больших совещаниях Совета Министров у Столыпина». В письме он справляется о российском консуле в Астрабаде Миллере и переводчице Евреинове¹, а также сообщает о публикации своих статей «Маку» (Минорский, I, 1909: 1-62) и «Хамаданская дорога» в Сборнике Министерства иностранных дел (Минорский, 1908: 161-196).

В конце письма Минорский вновь возвращается к теме Шапшала. Минорский, имевший личную неприязнь к Шапшалу, возмущен тем, что упомянутый выше В.О. Клемм все-таки, поддавшись подхалимству Шапшала, «пристроил» его в газетную экспедицию МИДа для составления обзоров восточной печати. И тут В.Ф. Минорский раскрывает характерную черту бывшего генерального консула: «сам ужасный подхалим и любит подлиз». Но самое что ни есть негодование вызывает у автора письма тот факт, что Шапшал, которого он характеризует как «душителя» известного иранского проповедника и популярного оратора Малека оль-Мотакаллемина², вдруг взял на себя роль посредника между российским МИДом и революционером-демократом Таги-заде!³ И как всегда, в завершении своего письма В.Ф. Минорский просит передать привет супруге К.Н. Смирнова.

Текст третьего письма В.Ф. Минорского К.Н. Смирнову
Дорогой Константин Николаевич, 2.VI.1909

Интересно ли Вам знать, что о Вас думает Sir Edward Grey: "Il ma a dit quil se rejouissance du maintien du gouverneur Russe auprès du jeune Shah"⁴. С чем Вас и поздравляем. Начал с Вашей милости.

Калмыков уже возвращается. Я вышибаюсь из Ташкента, но куда. Тайна сия велика есть.

Будьте добры справьтесь, à qui se droi⁵, что сей сон (АНЦРГ. Ф. 39. Д. 19. Л. 71) значит, что жалованье мне перевели 1226 р. 58 к. Где же 23 рубля. Неужели это за перевод. Но кто виноват, что меня оставили без жалованья, несмотря на то, что еще в конце сентября в Миссию писали, чтобы она мне перевела деньги, а она сняла целый месяц, так что я наконец, остался à sec⁶, хотя и не так, как pas sec⁷.

Жду от Вас, дорогой мой, вестей⁸.

Ваш Минорский [подпись]

Привет Кс[ени] Карл[овне] (АНЦРГ. Ф. 39. Д. 19. Л. 71об.; Смирнов, 2002: 243).

¹ Согласно сообщению И.Я. Коростовца, Евреинов работал в ранге первого переводчика при поверенном в делах российской дипломатической миссии в Тегеране Е.В. Саблине, сменив на этой должности переводчика Лисовского (Korostovetz: 20-21).

² Малек оль-Мотакаллемин, как один из вдохновителей Конституционной революции, вместе с редактором газеты «Сур-е Исафил» был задушен сразу после разгрома иранского меджлиса 23 июня 1908 г.

³ Депутат иранского меджлиса.

⁴ «Он мне сказал, что ему доставляло удовольствие, как держался русский гувернер рядом с молодым шахом» (фран.).

⁵ А на это у меня есть право (фран.).

⁶ Ни с чем (фран.).

⁷ Как сухой горох (фран.).

⁸ В левом верхнем углу рукой Минорского приписано: «Пока, черкните письмо в Ташкент».

Третье, короткое письмо, также адресованное К.Н. Смирнову и написанное 2 июня 1909 года, представляет интерес в плане знакомства с мнением министра иностранных дел Великобритании сэра Эдварда Грея¹ о нем – русском воспитателе Солтан Ахмад-шаха (1909–1925). Как известно, К.Н. Смирнов в 1907–1914 гг. служил в качестве воспитателя персидского шаха и находился под непосредственным начальством российского посланника в Тегеране. Согласно В.Ф. Минорскому, Э. Грей лестно отозвался о русском гувернере молодого шаха. Однако, к сожалению, автор письма не поясняет, именно где и когда Эдвард Грей высказал свое мнение о Смирнове.

Рассуждая о деятельности К.Н. Смирнова в Тегеране, не следует забывать, что цель, которую поставил перед собой российский МИД – добиться усиления русского влияния при шахском дворе путем назначения русского наставника, а также личного доктора для молодого наследника престола – на деле оказалась не достигнутой. Причину этого, как признается К.Н. Смирнов, следует искать в ответных мерах англичан, которые выразились в том, что «когда слабела конституционная партия, англичане поддерживали ее и приняли меры, чтобы наша поддержка персидского шаха ни к чему не привела» (АНЦРГ. Ф. 39. Д. 11. Л. 5-6). И еще, после подписания англо-русского соглашения отпала необходимость усиления русского влияния при дворе, что и отразилось на безуспешной деятельности К.Н. Смирнова при молодом шахе. Особенно это стало ощущаться после свержения Мохаммад Али-шаха, когда при шахском дворе стали с недоверием относиться к русским. По этой причине еще в начале 1914 г. чрезвычайный посланник И.Я. Коростовец открыто высказал К.Н. Смирнову свое мнение о нецелесообразности продолжения его службы при шахском дворе (АНЦРГ. Ф. 39. Д. 16. Л. 30). После усиления русофобских настроений в Тегеране вслед за коронацией Солтан Ахмад-мирзы, особенно же после начала большой Европейской, или же Второй Отечественной войны, Смирнов подал рапорт об отчислении в Россию. Вместе с тем Коростовец по-прежнему находил пребывание Смирнова при шахском дворе бессмысленным (АНЦРГ. Ф. 39. Д. 16. Л. 32). Поэтому 14 сентября состоялась прощальная аудиенция у Солтан Ахмад-шаха, а 20 сентября 1914 г. – его отъезд из Тегерана в Тифлис (АНЦРГ. Ф. 39. Д. 16. Л. 41, 44).

Следующий пассаж письма свидетельствует о том, что в момент составления письма В.Ф. Минорский все еще находился в Ташкенте, где, как было выше отмечено, исполнял обязанности чиновника по дипломатической части Туркестанского генерал-губернатора (Bosworth, 2004) и не знал, куда занесет его судьба, хотя мы знаем, что через некоторое время он вернется в Тегеран с повышенным статусом. В конце письма В.Ф. Минорский жалуется на нерешение дипломатической миссией в Тегеране вопроса о невыплаченном ему месячном жаловании, в результате чего он остался почти что без денег. В конце письма В.Ф. Минорский просит К.Н. Смирнова поставить его в известность обо всех происходящих в Иране событиях.

4. Заключение

Таким образом, представленные в статье три неизвестных письма выдающегося российского востоковеда-ираниста и дипломата Владимира Федоровича Минорского своему коллеге Константину Николаевичу Смирнову имеют большое научно-историческое значение.

Эти письма Минорского раскрывают многие детали деятельности членов русской дипломатической миссии и вообще русской колонии в самый разгар Конституционной революции 1905–1911 гг. в Иране. В своих письмах Минорский сообщает малоизвестные, а порой совершенно неизвестные для исследователей сведения, которые вряд ли можно почерпнуть из официальной дипломатической переписки. Вместе с тем эти письма дают нам возможность поразмышлять о человеческих качествах Минорского как дипломата и человека либеральных взглядов, имеющего свой морально-этический кодекс, что особенно проявляется при характеристике С.М. Шапшала, А.Р. Барановского, Подгурского и других личностей.

Вышеизложенные письма В.Ф. Минорского дают возможность добавить еще один мазок к портрету выдающегося востоковеда.

Литература

- АНЦРГ – Архив Национального центра рукописей Грузии.
 Арунова, Ашрафян, 1958 – Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Афшара. Очерки общественных отношений в Иране 30–40-х годов XVIII века. М., 1958.
 Берадзе, 1999 – Берадзе Г.Г. Письма проф. В.Ф. Минорского Э.Т. Сихарудидзе // Ближний Восток и Грузия. Тбилиси. 1999. II. С. 20–32.
 Бокарева, 2020 – Бокарева О.Б. Востоковед В.Ф. Минорский и его труды по истории и географии Ирана / Годичная научная конференция ИИЕТ РАН. М., 2020. С. 233–238.
 Зиновьев, 1912 – Зиновьев И.А. Россия, Англия и Персия. СПб., 1912.
 Из материалов к биографии... – Из материалов к биографии проф. С.М. Шапшала. 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://turkolog.narod.ru>

¹ Министр иностранных дел Англии с 1905 по 1916 год. Был известен как сторонник мира в Европе. О его внешней политике см. работу Дж.М. Тревельяна (Trevelyan, 1940: 107–300).

- Кузнецова, 1966** – Кузнецова Н.А. Владимир Федорович Минорский (памяти ученого) // *Народы Азии и Африки*. 1966. № 6. С. 150-153.
- Лавриненко, 1980** – Лавриненко Н.А. Профессор В.Ф. Минорский и его переписка с советскими востоковедами // *Иран. История и культура в средние века и новое время*. М., 1980. С. 143-167.
- Лавров, 1978** – Лавров Л.И. Из писем В.Ф. Минорского (1877–1966). Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений. Л., 1978. С. 23-24.
- Медников, 2011** – Медников И.Ю. Миссия спасения: Альфонс XIII и российская императорская семья // *Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история»*. 2011. № 1. С. 65-75.
- Минорский, 1909** – Минорский В.Ф. Казвин-Хамаданская дорога // *Материалы по изучению Востока*. СПб., 1909. Вып. 1. С. 161-196.
- Минорский, 1909** – Минорский В.Ф. Отчет о поездке в Макинское ханство драгомана Генерального консульства в Азербайджане Минорского в октябре 1905 года // *Материалы по изучению Востока. Издание Министерства иностранных дел*. 1909. Вып. I. С. 1-62.
- Минорский, 1915** – Минорский В.Ф. Турецко-персидская граница // *Материалы по изучению Востока*. СПб., 1915. Вып. 2. С. 319-342.
- Минорский, 1916** – Минорский В.Ф. Турецко-персидское разграничение // *Известия РГО*. 1916 г. Т. 52. С. 351-392.
- Мохаммад Хасан-хан..., 1295** – Мохаммад Хасан-хан Сани од-Доуле. Мират ал-булдан-е Насери. Техран. 1295. Т. III (на персидском).
- Передняя Азия в документах. Кн. I. 1936** – Передняя Азия в документах. Нахичеванские рукописные документы XVII–XIX вв. Серия памяти проф. Ю.Н. Марра. Перевод и комментарии К.Н. Смирнова и Дж. Гаибова / Под ред. Ю.Н. Марра. Тбилиси: Изд. Груз. ФАН. 1936. Кн. I.
- Петров-Дубинский, 2007** – Петров-Дубинский О.В. С.М. Шапшал (Эдиб-Ус-Султан) – учитель Валиахда-Мохаммеда-Али, генерал-адъютант Мохаммед-Али-Шаха // *Восток*. 2007. № 5. С. 64-78.
- Ржевуский, 1911** – Ржевуский А. В Тегеран. Дорожные заметки. Пятигорск. 1911.
- Сафонова, 2008** – Сафонова Н.Г. В.Ф. Минорский (1877–1966) и его вклад в курдоведение // *Письменные памятники Востока*. 2008. 1 (8). С. 223-238.
- Сборник дипломатических документов..., 1912** – Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии. СПб.: Воен. тип. 1912. Вып. III.
- Смирнов, 2002** – Смирнов К.Н. Записки воспитателя персидского шаха. 1907–1914 гг. С приложениями / Под ред. Н.К. Тер-Оганова. Тель-Авив, 2002.
- Соколов, 2017** – Соколов Б. Наш ответ Чемберлену. [Электронный ресурс]. URL: newtimes.ru/articles/detail/116754
- Тер-Оганов, 2015** – Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюкен: Ламберт академик паблишинг. 2015.
- Тер-Оганов, 1999** – Тер-Оганов Н.К. Одно неизвестное письмо В.Ф. Минорского К.Н. Смирнову // *Ближний Восток и Грузия*. Тбилиси, 1999. II. С. 112-118 (на грузинском).
- Тер-Оганов, 2009** – Тер-Оганов Н.К. Письмо Н.Г. Гартвига К.Н. Смирнову как ценный источник для характеристики англо-русских отношений в Иране в начале XX века // *Иран. История, экономика, культура. Памяти Салеха Мамедовича Алиева*. М., 2009. С. 207-216.
- Третьякова, 2015** – Третьякова Е.С. Становление Министерства иностранных дел Российской империи в XIX – начале XX века // *Genesis: исторические исследования*. 2015. № 3. С. 672-690.
- Хохлов, 1997** – Хохлов А.Д. Г. Янчевецкий: в австрийском плену. Первая мировая война и участие в ней России (1914–1918) / *Материалы научной конференции*. М., 1997. Ч. I. С. 65-79.
- Цкитишвили, 1968** – Цкитишвили О.В. «Caucasica» В.Ф. Минорского // *Очерки социально-экономической истории стран Ближнего Востока*. Тбилиси: Мецнизреба. 1968. С. 176-203.
- Bosworth, 2004** – Bosworth C.E. (2004). Minorsky, Vladimir Fed'orovich (1877-1966): Outstanding Russian scholar of Persian history, historical geography, literature and culture // *Encyclopaedia Iranica*. [Electronic resource]. URL: <http://www.iranica.org/articles/minorsky-vladimir>. 20 July 2004.
- Bosworth, 1971** – Bosworth C.E. Preface. Iran and Islam in memory of the late Vladimir Minorsky. Ed. by C.E. Bosworth. Edinburg: University Press. 1971. Pp. V-IX.
- Boyle, 1967** – Boyle J.A. Obituary. Vladimir Minorsky (1877-1966) // *Journal of Asian History*. 1967. Vol. 1. №1. Pp. 86-89.
- Browne, 1354** – Browne E. Nāmeḥā-ye Edward Browne be Seyyed Hasan Taqizādeh. Be kushesh-e Abbas Zaryab, Iraj Afshar. Tehran. 1354 (1975) [The Letters, sent by Edward Browne to Seyyed Hasan Taqizadeh. Tehran. 1354 (1975). [in Persian]
- Browne, 1966** – Browne E. The Persian Revolution of 1905-1909. London: Frank Cass & CO.LTD. 1966.
- Edwards, 1928** – Edwards, A. Cecil. A Persian Caravan. London: Duckworth. 1928.
- Korostovetz** – Korostovetz I.J. Persian Arabesques. Vol. I. (typescript).
- Lang, 1966** – Lang D.M. Vladimir Fedorovich Minorsky // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. London: University of London, 1966. Vol. XXIX. Part 3. Pp. 694-699.

- Martin, 1993** – *Martin V.* Hartwig and Russian Policy in Iran, 1906-1908 // *Middle Eastern Studies*. 1993. Vol. 29. No. 1. Pp. 1-21.
- Matthee, 2012** – *Matthee R.* Persia in Crisis. Safavid Decline and the Fall of Isfahan. London-New-York, 2012.
- Minorsky, 1934** – *Minorsky V.* BSOS. 1934. VII/2. Pp. 449-455.
- Minorsky, 1936** – *Minorsky V.* Nadir, König von Persien (1147-60=1736-47) // *Enzyklopaedie Des Islam*. L-R. Leiden-Leipzig. 1936. Band III. Pp. 876-881.
- Minorsky, 1936** – *Minorsky V.* Nakhčüwan (Nakhičewan) // *Enzyklopaedie Des Islam*. Band III. Leiden-Leipzig. 1936. Band III.
- Publications..., 1934** – Publications de la Societe des Etudes Iraniennes. 1934. N°10.
- Minorsky, 1909** – *Minorsky V.F.* The report on travel to Maku Khanate of the dragoman of the Consulate-General in Azerbaijan Minorsky, in October 1905 // *Materials for studying the East*. Ed. Ministry of Foreign Affairs. 1909. Is. I. Pp. 1-62.
- Minorsky, 1908** – *Minorsky V.F.* The Qazvin-Hamadan road // *Materials for studying the East*. St. Petersburg. 1908. Is. 1. Pp. 161-196.
- Ter-Oganov, 2018** – *Ter-Oganov N.K.* A Russian officer's letters on Russian and British activities in Iran during World War I // *Russians in Iran*. Ed. by Rudi Matthee and Elena Andreeva. London-New York. 2018. Pp. 173-188.
- Ter-Oganov, 2006** – *Ter-Oganov N.K.* Rapport du Capitaine en Second Constantin Smirnov sur Son Voyage en Turquie en 1904 // *Iran and the Caucasus*. 2006. Vol. 10.2. Pp. 209-229.
- Trevelyan, 1940** – *Trevelyan G.M.* Grey of Fallodon. Life of Sir Edward Grey Afterwards Niscount Grey of Fallodon. London-New York-Toronto. 1940. Pp. 107-300.
- Volkov, 2018** – *Volkov D.V.* (2018). Vladimir Minorsky (1877-1966) and the Iran-Iraq war (1980-8): The centenary of "Minorsky's frontier" // *Russians in Iran*. Ed. by Rudi Matthee and Elena Andreeva. London-New York. 2018. Pp. 188-217.

References

- ANCRG** – Arkhiv natsionalnogo centra rukopisei Gruzii [Archive of the National Center of Manuscripts of Georgia].
- Arunova, Ashrafyan, 1958** – *Arunova M.R., Ashrafyan K.Z.* (1958). Gosudarstvo Nadir Shakha Afshara [Nadir Shah Afshar's State. Sketches on the social relations in Iran in 30-40s of XVIII century]. Moscow. [in Russian]
- Beradze, 1999** – *Beradze, G.G.* (1999). Pisma Prof. V.F. Minorskogo k E.T. Sikharulidze [The letters of professor V.F. Minorsky to E.T. Sikharulidze]. *The Middle East and Georgia*. II. Pp. 20-32. [in Georgian]
- Bokareva, 2020** – *Bokareva, O.B.* (2020). Vostokoved V.F. Minorsky i ego trudi po istorii i geografii Irana [Orientalist V.F. Minorsky and his works on history and geography of Iran]. *Godichnaya nauchnaya konferentsiya IIET RAN*. Moscow. Pp. 223-238. [in Russian]
- Bosworth, 2004** – *Bosworth, C.E.* (2004). Minorsky, Vladimir Fed'orovich (1877-1966): Outstanding Russian scholar of Persian history, historical geography, literature and culture. *Encyclopaedia Iranica*. [Electronic resource]. URL: <http://www.iranica.org/articles/minorsky-vladimir>. 20 July 2004.
- Bosworth, 1971** – *Bosworth, C.E.* (1971). Preface. *Iran and Islam in memory of the late Vladimir Minorsky*. Ed. by C.E. Bosworth. Edinburg. Pp.V-IX.
- Boyle, 1967** – *Boyle, J.A.* (1967). Obituary. Vladimir Minorsky (1877-1966). *Journal of Asian History*. 1(1): 86-89.
- Browne, 1354** – *Browne, E.* (1354). Nāmeḥā-ye Edward Browne be Seyyed Hasan Taqizādeh. Be kushesh-e Abbas Zaryab, Iraj Afshar. Tehran. 1354 (1975) [The Letters, sent by Edward Browne to Seyyed Hasan Taqizadeh. Tehran. 1354 (1975). [in Persian]
- Browne, 1966** – *Browne, E.* (1966). *The Persian Revolution of 1905-1909*. London.
- Edwards, 1928** – *Edwards, A. Cecil* (1928). *A Persian Caravan*. London.
- Iz materialov k biografii..., 2005** – *Iz materialov k biografii prof. S.M. Shapshala, 2005* [From the materials on biography of Prof. S.M. Shapshal]. [Electronic resource]. URL: <http://turkolog.narod.ru>
- Khokhlov, 1997** – *Khokhlov, A.* (1997). D.G. Yanchevetsky: v avstriiskom plenu. Pervaya mirovaya voyna i uchastie v nei Rossii (1914-1918) [D.G. Yanchevetsky: in Austrian captivity. World War I and Russia's participation in it (1914-1918)]. *Materiali nauchnoi konferentsii*. Moscow. Part I. Pp. 65-79. [in Russian]
- Korostovetz** – *Korostovetz I.J.* Persian Arabesques. Vol. I. (typescript).
- Kuznetsova, 1966** – *Kuznetsova, N.A.* (1966). Vladimir Fedorovich Minorsky (k pamyati uchenogo) [Vladimir Fedorovich Minorsky (in memory of the scholar)]. *Narodi Azii i Afriki*. 6: 150-153. [in Russian]
- Lang, 1966** – *Lang, D.M.* (1966). Vladimir Fedorovich Minorsky. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. London. Vol. XXIX. Part 3. Pp. 694-699.
- Lavrinenko, 1980** – *Lavrinenko, N.A.* (1980). Professor V.F. Minorsky i ego perepiska s sovetскими vostokovedami [Professor V.F. Minorsky and his correspondence with Soviet Orientalists]. *Iran. Istoria i kultura v srednie veka i novoe vremia*. Moscow. Pp. 143-167. [in Russian]

- Lavrov, 1978** – Lavrov, L.I. (1978). Iz pisem V.F.Minorskogo (1877-1966). Kratkoye sodержanie dokladov sredneaziatsko-kavkazskikh chtenii [A Summary of the Reports of the Central Asian-Caucasian Readings]. Leningrad. Pp. 23-24 [in Russian]
- Martin, 1993** – Martin, V. (1993). Hartwig and Russian Policy in Iran, 1906-1908. *Middle Eastern Studies*. 29(1): 1-21.
- Matthee, 2012** – Matthee, R. (2012). Persia in Crisis. Safavid Decline and the Fall of Isfahan. London-New-York.
- Mednikov, 2011** – Mednikov, I.Yu. (2011). Missia spasenia: Alfons XIII I rossiiskaya imperatorskaya semya [Rescue mission: Alphonse XIII and the Russian Imperial Family]. *RUDN Bulletin. Series "General History"*. 1: 65-75. [in Russian]
- Minorsky, 1934** – Minorsky, V. (1934). BSOS. VII/2. Pp. 449-455.
- Minorsky, 1909** – Minorsky, V.F. (1909). Kazvin- Khamadanskaya doroga [The Qazvin-Hamadan road]. *Materiali po izucheniu vostoka*. Vip. 1. St.Petersburg. Pp. 161-196. [in Russian]
- Minorsky, 1936** – Minorsky, V. (1936). Nadir, König von Persien (1147-60=1736-47). // *Enzyklopaedie Des Islam*. L-R. Leiden-Leipzig. Band III. Pp.876-881.
- Minorsky, 1936** – Minorsky V. (1936). Nakhčūwan (Nakhičewan). *Enzyklopaedie Des Islam*. Band III. Leiden-Leipzig. Band III.
- Sokolov, 2017** – Sokolov, B. (2017). Nash otvet Chemberlenu [Our answer to Chamberlen]. [Electronic resource]. URL: newtimes.ru/articles/detail/116754
- Minorsky, 1909** – Minorsky, V.F. (1909). Otchet o poezdke v makinskoie khanstvo dragomana generalnogo konsulstva v azerbajjane Minorskogo v oktyabre 1905 goda [The report on travel to Maku Khanate of dragoman of the Consulate-General in Azerbaijan Minorsky, in October 1905]. *Materiali po izucheniu vostoka*. Vip. I. Pp. 1-62. [in Russian]
- Minorsky, 1915** – Minorsky, V.F. (1915). Turetsko-persidskaya granitsa [Turkish-Persian border]. *Materiali po izucheniu vostoka*. Sankt Peterburg. Vip. 2. Pp. 319-342. [in Russian]
- Minorsky, 1916** – Minorsky, V.F. (1916). Turetsko-persidskoie razgranic henie [Turkish-Persian Demarcation]. *Izvestia RGO*. T. 52. Pp. 351-392. [in Russian]
- Mohammad Hasan..., 1295** – Mohammad Hasan Khan Sani od-Dowleh (1295). *Mirāt al-Buldān-e Nāseri* [The Mirror of Naseri's Cities]. Tehran. Vol. III. [in Persian]
- Perednyaya Azia v dokumentakh, 1936** – Perednyaya Azia v dokumentakh. Nakhichevanske rukopisnie dokumenti XVII-XIX vv. Serya pamyati professora Y.N. Marra [Southwest Asia in Documents. Nakhichevan Manuscripts of the 17th-19th Centuries]. Series in memory of Prof.Yu.N.Marr. Translation and commentary by K.N. Smirnov and J. Gaibov. Book I. Tbilisi. 1936. Book I. [in Russian and Persian]
- Petrov-Dubinsky, 2007** – Petrov-Dubinsky, O.V. (2007). S.M. Shapshal (Edib us Sultan) – uchitel valiakhda-Mokhammed-Ali, general-adjutant Mokhammed Ali-Shakha [S.M. Shapshal (Edib us Sultan) – a teacher of Valiahd-Mohammed Ali, a General-Adjutant of Mohammed Ali Shah]. *Vostok*. 5: 64-78. [in Russian]
- Publications..., 1934** – Publications de la Societe des Etudes Iraniennes. 1934. N^o 10.
- Rzhevussky, 1911** – Rzhevussky, A. (1911). V Tegeran. Dorozhnie zametki [To Tehran. Travel notes]. Pyatigorsk. [in Russian]
- Safonova, 2008** – Safonova, N.G. (2008). V.F. Minorsky (1877-1966) i ego vklad v kurdovedenie [V.F. Minorsky and his contribution to the Kurdish studies]. *Pismennie pamyatniki vostoka*. 1(8): 223-238. [in Russian]
- Sbornik diplomaticheskikh dokumentov..., 1912** – Sbornik diplomaticheskikh dokumentov, kasayushchikhsia Persii [The collection of the diplomatic documents, related to Persia]. Sankt-Petersburg. Vip. III. 1912. [in Russian]
- Smirnov, 2002** – Smirnov, N.K. (2002). Zapiski vospitatelya persidskogo shakha. 1907-1914 gg. S prilozheniyami [The Notes of the Persian Shah's Tutor.With annexes]. Ed. N.K.Ter-Oganov. Tel Aviv. [in Russian]
- Ter-Oganov, 2015** – Ter-Oganov, N.K. (2015). Iz istorii razvedky SHKVO v Irane i Turtsii (1870-1918 gg.) [From the history of Intelligence service of the Staff of the Caucasian military region in Iran and Turkey (1870-1918)]. Saarbryuken. [in Russian]
- Ter-Oganov, 1999** – Ter-Oganov, N.K. (1999). Odno neizvestnoye pismo V.F.Minorskogo K.N.Smirnovu [V.F.Minorsky's unknown letter to K.N.Smirnov]. *Akhlo aghmosavleti da sakartvelo*. Tbilisi. II. Pp. 112-118. [in Georgian]
- Ter-Oganov, 2009** – Ter-Oganov, N.K. (2009). Pismo N .G.Gartviga K.N.Smirnovu kak tsennii istochnik dlya kharakteristiki anglo-russkikh otnoshenii v Irane v nachale XX veka [N.G.Harwig's letter to K.N.Smirnov as a valuable source for characterizing the Anglo-Russian relations in Iran at the beginning of XX century]. *Iran. Istorია, ekonomika, kultura*. Moscow. Pp. 207-216. [in Russian]
- Ter-Oganov, 2018** – Ter-Oganov, N.K. (2018). A Russian officer's letters on Russian and British activities in Iran during World War I. *Russians in Iran*. Ed. by Rudi Matthee and Elena Andreeva. London-New York. 2018. Pp. 173-188.

Ter-Oganov, 2006 – *Ter-Oganov, N.K.* (2006). Rapport du Capitaine en Second Constantin Smirnov sur Son Voyage en Turquie en 1904. *Iran and the Caucasus*. 10.2. Pp.209-229.

Tretyakova, 2015 – *Tretyakova, E.S.* (2015). Stanovlenye ministerstva inostrannikh del Rossiiskoi imperii d XIX – v nachale XX veka [Formation of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire in the XIX – early XX century]. *Genesis: Istoricheskie issledovaniya*. 3: 672-690. [in Russian]

Trevelyan, 1940 – *Trevelyan, G.M.* (1940). Grey of Fallodon. Life of Sir Edward Grey Afterwards Niscount Grey of Fallodon. London-New York –Toronto. 1940. Pp. 107-300.

Tskitishvili, 1968 – *Tskitishvili, O.V.* (1968). "Caucasica" V.F.Minorskogo [V.F. Minorsky's "Caucasica"]. Ocherki sotsialno-ekonomicheskoi istorii stran blizhnego vostoka. Tbilisi. Pp. 176-203. [in Georgian]

Volkov, 2018 – *Volkov, D.V.* (2018). Vladimir Minorsky (1877-1966) and the Iran-Iraq war (1980-8): The centenary of "Minorsky's frontier". *Russians in Iran*. Ed. by Rudi Matthee and Elena Andreeva. London-New York. 2018. Pp. 188-217.

Zinov'iev, 1912 – *Zinov'iev, I.A.* (1912). *Rossia, Anglia i Persia* [Russia, England and Persia]. St. Petersburg. [in Russian]

Из эпистолярного наследия В.Ф. Минорского: его три письма военному востоковеду К.Н. Смирнову

Нугзар Константинович Тер-Оганов ^{a, b, c, *}

^a Тель-Авивский университет, Тель-Авив, Израиль

^b Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию трех неизвестных писем выдающегося русского востоковеда-ираниста и дипломата В.Ф. Минорского своему коллеге К.Н. Смирнову. Как известно, В.Ф. Минорский оставил после себя богатое эпистолярное наследие, имеющее большое культурно-научное значение. Письма В.Ф. Минорского дают возможность не только судить о широте его научных знаний в области иранистики, но и иметь представление о нем как о человеке, имеющем обширный круг друзей и коллег, с которыми он часто переписывался.

В числе людей, входивших в ближайший круг друзей маститого ученого, был военный востоковед, служивший в свое время вместе с В.Ф. Минорским в составе российской дипломатической миссии в Тегеране, Константин Николаевич Смирнов.

Предлагаемые ниже три письма В.Ф. Минорского К.Н. Смирнову, обнаруженные нами в конце XX в. в личном архивном фонде К.Н. Смирнова, хранящемся в Национальном центре рукописей Грузии в Тбилиси, свидетельствуют об их тесных дружеских связях, настолько близких, что В.Ф. Минорский посвящает своего друга даже в подробности личной жизни сотрудников российской миссии.

Эти три письма В.Ф. Минорского датированы 1909 г. и носят личный характер. Тем не менее они дают некоторое представление о деятельности российской дипломатической миссии в этой стране, а также об отдельных исторических личностях.

Содержание данных писем В.Ф. Минорского представляют немалый интерес для исследователей, а также для публики, интересующейся научно-эпистолярным наследием известного ученого.

Ключевые слова: В.Ф. Минорский, К.Н. Смирнов, Каджарский Иран, российская дипломатическая миссия в Тегеране, А.П. Извольский, Н.Г. Гартвиг, И.А. Зиновьев, С.М. Шапшал, А.Р. Барановский, В.О. Клемм.

* Корреспондирующий автор

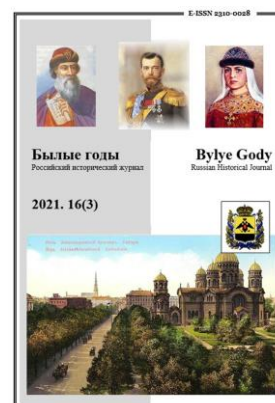
Адреса электронной почты: nugzar19473@gmail.com (Н.К. Тер-Оганов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1362-1372
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1362
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



Bankruptcy of the "Tula City Public, I.D. Sushkin, Bank": A Historical Excursion

Maxim I. Bogachev ^{a, *}, Ekaterina A. Nazirova ^b, Nadezhda I. Shelkoplisova ^b

^a National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation

^b Financial University under the Government of the Russian Federation (Tula Branch), Tula, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the problem of bankruptcy of public banks in provincial Russia in the 80s of the XIXth century. On the example of the "Tula city public, I.D. Sushkin, bank", the process that covered a significant part of the city public banks at this time is considered. The reasons for the mass phenomenon were the absence of necessity for the Russian business of a variety of forms of credit institutions, a shortage of banking specialists. The new banking sector of the economy had no work experience yet, there were gaps in regulatory law, and control by supervisory authorities was insufficient.

The main sources of the study were the documents of the State Archive of the Tula region and the memories of the participants in the process.

Using the source analysis and historical-comparative, analytical, system, typology methods, the authors restored the chronology of the bankruptcy procedure. The reconstruction was carried out based on the legal norms of this period.

The bank was one of the eleven municipal public credit institutions opened in the Tula province in order to resolve financial issues of local governments. Due to objective and subjective reasons seven banks were soon closed. The incompetence and self-confidence of the managers, lack of responsibility, manifested in the investment of resources in poor-quality assets, their inability and unwillingness to assess the creditworthiness of borrowers, led to the liquidation of this credit institution. The authors established the role of the creditors' meeting, sworn trustees, private attorneys, Bankruptcy Management, the Tula District Court, and the Moscow Court Chamber in the bankruptcy procedure. In conclusion, the authors determine the contribution of the "Tula City Public, I.D. Sushkin, Bank" to the formation of the institution of lending in provincial Russia in the 80s of the XIXth century.

Keywords: bankruptcy, «Tula city public, I.D. Sushkin, Bank», bankruptcy management, court proceedings, provincial Russia, the eighties of the XIXth century, Tula District Court, Moscow Judicial Chamber.

1. Введение

Стабильное функционирование кредитных организаций, как государственных, так и коммерческих, имеет большое значение в вопросах обеспечения экономического развития и социальной устойчивости государства, в то время как разорение банков болезненно отражается на судьбе граждан и организаций. Отечественный опыт прохождения процедуры банкротства в условиях рыночных отношений сравнительно невелик, не обобщены практики реабилитационных и ликвидационных мер. Изучение прошлого различных кредитных организаций позволит устранить пробелы в истории вопроса и получить комплексное видение проблемы.

* Corresponding author

E-mail addresses: Mbogachev@hse.ru (M.I. Bogachev), ENazyrova@fa.ru (E.A. Nazirova), Schelkoplisova2015@yandex.ru (N.I. Shelkoplisova)

Цель статьи: исследовать отечественные традиции прохождения процедуры банкротства в период раннеиндустриальной капиталистической модернизации на примере дела о несостоятельности и ликвидации «Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка».

2. Материалы и методы

Источниковая база представлена документами государственного архива Тульской области (Тула, Российская Федерация), законами и нормативно-правовыми актами Российской империи, опубликованными источниками, свидетельствами участников событий.

В работе над статьей использовались фонды: ф. 364 «Тульский городской общественный, И.Д. Сушкина, банк», ф. 156 «Конкурсное управление по делам несостоятельного Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка», ф. 21 «Тульский окружной суд». Авторами исследовались мемуары прокурора Н.В. Давыдова и адвоката С.А. Андреевского, участвовавших в судебном разбирательстве по делу о злоупотреблениях в «Тульском городском общественном, И.Д. Сушкина, банке». Рассмотрение дела о несостоятельности и ликвидации кредитного учреждения произведено с использованием нормативной базы рассматриваемого периода.

Методологической базой исследования являются принципы историзма и объективности, которые реализуются с помощью источниковедческого анализа, историко-сравнительного, аналитического, системного, типологического методов. Применение источниковедческого анализа позволило выявить материалы ф. 21 «Тульский окружной суд», имеющие непосредственное отношение к процедуре банкротства банка. К сожалению, не все свидетельства некогда резонансного дела сохранились до наших дней. Так, из 407 документов фонда «Тульский городской общественный, И.Д. Сушкина, банк» значительная часть выбыла. На сегодняшний день фонд располагает лишь 97 единицами хранения. При работе с документами разных фондов, имеющих непосредственное отношение к истории кредитного учреждения, были установлены существенные расхождения в количественных показателях, фамилиях, датах. Только прибегнув к аналитическому и сравнительному методам, удалось воссоздать истинную картину произошедшего. Сопоставление данных различных источников позволило восстановить хронологию событий и понять, почему они развивались подобным образом. С помощью типологического метода были показаны сущностные характеристики процедуры банкротства, определены типичные и особенные признаки несостоятельности «Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка».

Использование вышеперечисленных принципов и методов дало возможность раскрыть типичные признаки банкротства кредитного учреждения 80-х гг. XIX в. и особенности прохождения данной процедуры конкретным банком.

3. Обсуждение

Комплексное исследование банкротства «Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка» на сегодняшний день отсутствует. Отдельные стороны дела о несостоятельности данной кредитной организации рассматривались в научно-практических работах Р.Г. Кохановой (Коханова, 1999), Е.В. Симоновой (Симонова, 2004), И.Ю. Парамоновой (Парамонова, 2016), Е.А. Назыровой, Н.И. Шелкоплясовой (Назырова, Шелкоплясова, 2018, 2019, 2020). Теоретические аспекты осуществления правосудия в рамках процедуры банкротства изложены в работах А.А. Головачева (Головачев, 1872), О.А. Глянько (Глянько, 2016), А.А. Сапункова (Сапунков, 2017). Статья А.А. Сапункова посвящена вопросам подсудности Судебных палат Российской империи. В работе А.А. Головачева дается оценка правительственным преобразованиям в сельском хозяйстве, сфере финансов, управления. В рамках данного исследования полезным оказался анализ судебной реформы. Автор выявил сильные и слабые стороны судебных уставов. В статье О.А. Глянько рассматривается роль судебного следователя в уголовном судопроизводстве Российской империи XIX в.

4. Результаты

В середине XIX в. «финансовая система Российской империи была инертна, плохо поддавалась корректировке со стороны правительственных органов, что являлось закономерным проявлением состояния российского общества» (Nazirova, Shelkoplyasova, 2019: 333).

В 70-е гг. XIX в. правительством Российской империи был взят курс на реформирование экономики в целом и банковской сферы в частности. В целях развития института кредитования в провинциальной России наряду с другими стали открываться и муниципальные кредитные учреждения. В Тульской губернии функционировало одиннадцать подобных организаций: Тульский, Елифанский, Богородицкий, Ефремовский, Крапивненский, Белевский, Алексинский, Каширский, Одоевский, Веневский, Новосильский общественные банки (Адрес-календарь, 1868: 225). Создавались они прежде всего для решения финансовых вопросов органов местного самоуправления, а также с целью кредитования представителей малого и среднего бизнеса. Осуществлять свою деятельность эти банки должны были под контролем местных городских дум (Симонова, 2004: 92).

В губернском центре открытие городского общественного банка состоялось 6 октября 1870 года. Учредителями выступили купцы первой гильдии Иван, Петр и Василий Сушкины. Они внесли взнос в

размере 15 000 руб. (ГУ ГАТО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 1. Л. 3). «Династия Сушкиных долгие годы занималась общественной и благотворительной деятельностью. Д.О. Сушкин с 1819 по 1834 гг. был купеческим заседателем Тульской палаты уголовного суда. И.Д. Сушкин в 1850–1853 гг. – главой г. Тулы, 1870 гг. В.И., И.И., П.И. Сушкины были гласными Тульской городской думы, П.И. Сушкин – земским гласным» (Парамонова, 2016: 154). На средства Сушкиных были построены несколько храмов в г. Туле, приобретен участок для строительства Афонской часовни в г. Москве. Купцы делали щедрое пожертвования как российским монастырям, так и Афонскому монастырю в Греции. Они были в числе основателей благотворительного общества «Милосердие», финансировали издание по истории Тулы. В знак уважения и благодарности за многолетний вклад представителей династии в процветание города Тульская городская дума поддержала предложение учредителей кредитной организации в память об их отце – И.Д. Сушкине – назвать банк его именем (Журналы..., 1872: 23).

Позднее, последовав примеру Сушкиных, и другие состоятельные люди города внесли свою лепту в приумножение капитала банка. Они вкладывали денежные средства для того, чтобы прибыль, полученная от оборота, шла на содержание благотворительных заведений. К концу 1871 г. основной капитал банка насчитывал уже 86 760 руб. (ГУ ГАТО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 1. Л. 5).

На протяжении ряда лет банк был успешным кредитным учреждением г. Тулы. Он «осуществлял учет векселей, прием вкладов от представителей всех сословий, выдавал ссуды под залог ценных бумаг, городской недвижимости, вещей, не подлежащих порче» (Назырова, Шелкоплясова, 2020: 37). Здесь хранили свои сбережения не только простые обыватели, но и небольшие частные фабрики, заводы, церкви. С целью их приумножения размещали средства благотворительные и городские учреждения. К 1884 г. размер вкладов составил 3 224 811 руб., чистая прибыль равнялась 821 135 руб. (Отчет о действиях..., 1884: 3). Однако в 80-е гг. XIX в. в Российской империи начался экономический кризис. Спад производства, инфляция повлекли за собой сбой в работе банковской системы страны. Особенно остро это проявилось в деятельности кредитных учреждений, руководство которых придерживалось высокорискованной модели ведения бизнеса, вкладывая ресурсы в некачественные активы. Отдельные директора, будучи чрезмерно самоуверенными, допускали безответственные и неразумные действия и совершали сомнительные операции.

Именно так и произошло с «Тульским городским общественным, И.Д. Сушкина, банком». Согласно докладу правления банка Тульской городской думе к осени 1884 г. все имеющиеся средства, а именно более 500 тыс. руб., были отозваны (Доклад..., 1885: 5).

Результатом недовольства вкладчиков, предпринявших безуспешные попытки вернуть свои деньги, стали финансово-аналитическая экспертиза отчетности, проведенная специально присланным для этих целей чиновником Министерства финансов, и проверка деятельности банка комиссией, назначенной Тульской городской думой. В результате аудита было установлено, что кредитное учреждение в лице его руководителей уклонялось от выполнения требований Положения о банках 1883 г. В частности, запасный капитал не был размещен в государственные ценные бумаги. Анализ же отчетности кредитной организации выявил плачевное финансовое состояние: задолженность банка составляла 1400 тыс. руб. (ГУ ГАТО. Ф. 21. Оп. 4. Д. 15. Л. 300б.).

С целью погашения долгов банка Тульская городская дума, курировавшая деятельность кредитного учреждения, вначале предприняла попытку оформить долгосрочную правительственную ссуду под залог имущества города в размере 1200 тыс. руб. Однако предварительная оценка этой недвижимости выявила ее низкую стоимость. Тогда Тульской городской думой была инициирована процедура банкротства несостоятельного банка.

Ввиду того, что требования кредиторов невозможно было удовлетворить по причине отсутствия средств, а также в силу ст. 1877 и 1878 Устава о торговой несостоятельности и предложения особенной части канцелярии по кредитной части Министерства финансов от 17.06.1886 за № 7264 о признании «Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка» несостоятельным, в кредитное учреждение назначили присяжных попечителей – присяжных поверенных Бардзского и Дмитревского, частного поверенного Черносвитова и тульского купца 1-й гильдии Н.И. Ливенцова. 25.06.1886 они были приведены к присяге на заседании Тульского окружного суда по гражданскому отделению (ГУ ГАТО. Ф. 21. Оп. 4. Д. 15. Л. 300б.).

При проведении процедуры банкротства руководствовались «Уставом о торговой несостоятельности» от 23.06.1832. Согласно данному нормативному акту лицо, имеющее задолженность в 1500 руб. и заявившее о невозможности выполнения принятых на себя денежных обязательств, могло быть признано банкротом. Банкрот мог быть подвергнут тюремному заключению, лишен права заниматься торговой деятельностью, его имущество распродавалось в счет покрытия убытков кредиторов, причем долги подлежали взысканию на протяжении всей жизни. Ликвидация задолженности могла осуществляться либо в рамках административного (опекунского) управления, либо конкурсного управления. Первая процедура применялась, если разорившееся лицо могло компенсировать не менее 50 % долга (Устав о торговой..., 1832: 10).

«Устав о торговой несостоятельности» устанавливал и порядок расчета с кредиторами. В первую очередь подлежали удовлетворению требования служителей православной церкви, долги по налогам и

сборам, по залогам и закладным, капиталы малолетних, долги по заработной плате за шесть месяцев, долги поставщикам, оплата жилья и транспортные расходы. Ко второму разряду была причислена задолженность перед Государственным коммерческим банком и его конторами, а также частные долги, признанные бесспорными. К третьему разряду относились долги, требующие судебного решения. Четвертый разряд составляли долги, о которых по уважительным причинам вовремя не заявили. Если у должника средств было недостаточно, то согласно §102 «Устава о торговой несостоятельности» долги церкви удовлетворялись полностью, а остальные «по соразмерности» (Устав о торговой..., 1832: 54).

Дела о несостоятельности рассматривались коммерческим судом, а в случае отсутствия такового в городе или уезде – общегражданским судом. Итогом разбирательства являлось решение о несостоятельности.

Согласно ст. 223 «Устава гражданского судопроизводства» «по объявлении несостоятельности должника все иски к лицу предъявлялись суду, в ведомстве коего производится дело о его несостоятельности» (Устав гражданского судопроизводства, 2018: 84). В случае умышленного банкротства возбуждалось уголовное дело.

Поскольку коммерческого суда в Тульской губернии не было, дело о несостоятельности «Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка» рассматривал Тульский окружной суд «по гражданскому отделению».

10.10.1886 состоялось публичное судебное заседание в составе председательствующего Ф.Д. Долинского, членов суда П.С. Горликова, А.И. Муравьева, при товарище прокуроре М.Ф. Чулицком и секретаре Н.М. Щеглове. Рассматривались два вопроса: рапорт присяжных попечителей по делам несостоятельного банка и жалобы поверенного крестьянина Пылаева г. Любомудрова и поверенного Тульской духовной консистории г. Руднева на решение общего собрания кредиторов по вопросу о выборе личного состава Конкурсного управления. Поверенные от имени своих доверителей настаивали на неутверждении выборов общего собрания кредиторов.

Выслушав рапорт присяжных попечителей о том, что размер неоплаченных взысканий и исполнительных листов превышает 2 млн. рублей, Тульский окружной суд вынес резолюцию об утверждении Конкурсного управления над разорившимся банком в составе председателя Ливенцова и кураторов Владимирова, Ванькина, Руднева, Шеметова (ГУ ГАТО. Ф. 21. Оп. 4. Д. 15. Л. 2).

Конкурсное управление приступило к своим обязанностям 04.11.1886. За два месяца было рассмотрено исков более чем на 1 300 000 руб. Ввиду большого объема претензий конкурсным управлением было принято решение о привлечении к работе частных поверенных – Черносвитова и Глаголева - за годовое жалование в 3 000 руб. (ГУ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1д. Л. 7).

В ходе изучения архивных материалов установлены личности истцов. В результате исследования выявлено, что в октябре 1886 г. было подано 142 иска к банку: 1 исковое заявление от Городской управы, 4 – общественных организаций, 66 – представителей русской православной церкви; 36 – купцов и мещан; 35 – крестьян.

Проанализированные источники свидетельствуют о соблюдении в данном деле требований «Устава о торговой несостоятельности» в отношении очередности расчетов с кредиторами. Большая часть исков подана священнослужителями – священниками и дьяконами, и церковнослужителями Православной церкви (Таблица 1).

Таблица 1. Список истцов по делу о несостоятельности «Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка»

№ п/п	Церкви и иные организации	Причты	Священнослужители и церковнослужители	Мещане, купцы	Крестьяне
1.	Тульская губернская земская управа	Покровской церкви в г. Туле	с. Богдавленский	гр. Абрамова	Анфалов
2.	Сиротский суд	Иверской церкви в г. Туле	с. Вьюков	к. Аникеев	Бухарев
3.	Тульское местное управление «Красного Креста»	Сретенской церкви с. Богучарова	с. Глаголев	м. Афанасьева	Возерский
4.	Тульское благотворительное общество «Милосердие»	Причт и церковь с. Мордвез	с. Мерцилов	м. Бобылин	Васильев
5.	Дамский комитет общества «Красного Креста»	с. Иконок	с. Прудовский	м. Беслятова	Войков
6.	Русский на Афоне Пантелеймонов монастырь	с. Медвенки	с. Руднев	м. Бирева	Иванова
7.	Тульский Успенский кафедральный	с. Милино	с. Рвинеев	к. Богатырев	Корзина

	собор				
8.	Крестовоздвиженская церковь	с. Ненашево	с. Сперов	м. Боголюбов	Кошелев
9.	Кладбищенская Дмитриевская церковь	с. Новоникольское	псаломщик Щеглова	м. Глаголев	Крючков
10.	Трехсвятительская церковь	Причт Успенской церкви с. Ревакино	с. Казанской церкви г. Тулы	м. Глиниц	Кузнецов
11.	Троицкая церковь	с. Семеновское	с. Всесвятскокладбищенской церкви	м. Добрынин	Кузьмин
12.	Покровская церковь с. Алексеевского		Священноцерковные служители Серпуховского Владычного монастыря в г. Серпухове	м. Ефимов	Кулешов
13.	церковь с. Арсеньево		с. Сахаров	м-е Ивановы	Лавров
14.	Христорождественская церковь с. Бараново		с. Казанский	м. Веселова	Лежнев
15.	Богородицержественская на Ржавце церковь		с. Козьяковский	м. Владимирская	Маторин
16.	Владимирская на Ржавце церковь		с. Пантелеимонов	м. Ильинский	Миронов
17.	Церковь с. Воскресенского		с. Руднев	гр. Колятина	Надеждин
18.	Дмитриевская церковь в с. Дмитревское		с. Сушкин	м. Комарова	Можечкова
19.	Донская церковь в Пушкинской слободе		церковный староста ц. Иоанна Предтечи	м. Курбатов	Никольских
20.	Заглухинская церковь с. Заглухина		церковные служители Сергиевской церкви с. Сергиевского	м. Пастухова	Никольский
21.	Московская церковь с. Коляева		Староста Крестовоздвиженской церкви	м. Сахарова	Пагожев
22.	Одигитриевская церковь с. Поповка		с. Дарский	гр. Семенова	Петров
23.	Успенская церковь Павшинской слободы			гр. Ситникова	Пискарев
24.	Покровская церковь с. Прудного			м. Скворцова	Покровский
25.	Троицкая церковь с. Рахманово			м. Соколова	Покровской
26.	Покровская церковь с. Рудаково			м. Сушкина	Пахомов
27.	Александровская церковь с. Хомяково			м. Сушкина	Прошетин
28.	Веневский женский монастырь			дочь коллежского советника Хитрова	Преображенской
29.	Троицкая церковь с. Ананского			м. Хорошкова	Савинова
30.	Богородице-Грузинская церковь			цеховой Чегинский	Смирнов
31.	Богородицержественская церковь Иоанна Предтечи			цеховой Чернышев	Трушина
32.	Преображенская			м. Шелехов	Харинская

	церковь с. Спас Конино				
33.	церковь с. Миратино			рядовой Шаронов	Харитонов
34.	церковь с. Павловского			м. Шиньниковой	Чибисова
35.	Успенская церковь с. Петровского			поверенный купчихи Шипиловой и ее мужа	Чирьев
36.	Никольская церковь с. Хотуши			м. Беляев	
37.	Христорождественская церковь				
38.	Крестовоздвиженская церковь с. Яковлевского				
Итого	38	11	22	36	35

Источник: составлено авторами по (ГУ ГАТО. Ф.156. Оп. 1. Д.1-157).

В период работы Конкурсного управления было установлено, что в конкурсной массе имеется определенное имущество. Наличность в кассе составила 716 руб. 28 коп. На бессрочном вкладе в Тульском отделении Государственного банка имеется 413 835 руб., а на текущем – 100 руб. Присяжными попечителями были переданы Конкурсному управлению процентные бумаги на сумму 960 600 руб., в числе которых были 700 акций Санкт-Петербургской железной дороги и 6 свидетельств Санкт-Петербургского Тульского поземельного банка, принятых правлением банка в лице Сушкина и Перова, под 18 000 руб., т.е. по 3 тыс. за каждое свидетельство. Обстановка помещения банка оценена в 571 руб. 65 коп. За банком было закреплено имение Клейменова, расположенное в Одоевском уезде Тульской губернии (ГУ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1д. Л. 9).

Долговое имущество состояло из неоплатных векселей и исполнительных листов на сумму 1 855 104 руб. 45 коп. Город должен был банку 6 000 руб. (ГУ ГАТО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 363а. Л. 42).

Долги банка на 01.01.1886 составили 2 022 168 руб. 34 коп. Из них обязательства по вкладам с учетом % – 2 017 683 руб. 31 коп.; обязательства перед «разными лицами» – 4 398 руб. 01 коп.; пятипроцентный сбор в пользу казны с процентов по вкладам – 74 руб.89 коп.; долг Тульскому отделению Государственного банка – 12 руб. 13 коп. (ГУ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1д. Л. 14).

Согласно информации, полученной путем анализа данных учетных книг, задолженность банка по вкладам без учета процентов равнялась 1 975 855 руб. 43 коп. (ГУ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1д. Л. 16).

Из доклада Конкурсного управляющего общему собранию кредиторов, состоявшемуся 14.01.1887, следовало, что вкладчиками было предъявлено банку претензий на сумму 2 170 297 руб. 45 коп. (ГУ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1д. Л. 7).

В ходе деятельности Конкурсного управления рассматривалась возможность вернуть денежные средства, выданные банком. Однако очень скоро выяснилось, что большая часть векселей оказалась неблагонадежной, поскольку векселедатели были не в состоянии рассчитаться по ним. Заемщики просили предоставить им рассрочку по платежам, рассчитывая со временем все же погасить задолженность перед банком.

Кредиторы же требовали распродать имущество должников. Оценив создавшуюся ситуацию, Конкурсное управление пришло к выводу, что подобная мера приведет только к полному разорению должников, а банк при этом не сумеет вернуть даже трети выданных средств. В связи с чем Конкурсный управляющий обратился к собранию кредиторов с просьбой рассмотреть возможность совершать уступки и рассрочки через поверенных и мировые сделки в целях возвращения выданных сумм (ГУ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1д. Л. 10).

Несостоятельными оказались и так называемые ценные бумаги. Конкурсным управлением было установлено, что акции Санкт-Петербургской конно-железной дороги на сумму 70 тыс. руб. не являются ценными бумагами, так как не участвовали в биржевых котировках (ГУ ГАТО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 363а. Л. 42).

Учредительные свидетельства Санкт-Петербургского Тульского земельного банка, под которые городской банк выдал 18 000 руб., не имели даже номинальной стоимости. В ходе разбирательства было установлено, что эти документы лишь подтверждали факт взноса в размере 50 руб. при учреждении банка и гарантировали их владельцу дивиденды в случае получения банком прибыли в течение первых тридцати лет. Правление Санкт-Петербургского Тульского земельного банка обратилось с просьбой вернуть свидетельства в виду того, что их учредительные документы оказались

в чужих руках, предложив в качестве компенсации сумму от 1200 до 1600 руб. за свидетельство (ГУ ГАТО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 363а. Л. 42).

Неликвидным оказалось и заложенное недвижимое имущество. Так, некто Клейменов заложил 538 десятин земли с постройкой в пустоши Бунтушевой в Одоевском уезде Тульской губернии и получил под них 50 000 рублей. Попытка реализовать эту недвижимость оказалась безуспешной, так как цена была явно завышена. Согласно оценочной земской табели земля в Одоевском уезде оценивалась в размере 50 руб. за десятину и, таким образом, стоимость заложенного имущества составляла 26 900 руб.

В реальности за недвижимость давали от 15 000 до 20 000 руб. (ГУ ГАТО. Ф. 21. Оп. 4. Д. 15. Л. 16). Кроме того, вопрос об изъятии дома, заложенного под 8000 руб., оспаривался женой Клейменова в Московской судебной палате (ГУ ГАТО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 363а. Л. 42).

Конкурсному управлению пришлось столкнуться даже с решением несвойственной ему задачей. Так, собранный урожай с заложенной земли – 386 копен ржи – необходимо было срочно реализовать, поскольку зерно портили мыши (ГУ ГАТО. Ф. 21. Оп. 4. Д. 15. Л. 12).

Сложным оказалось разбирательство с долгом Андрея Степановича Русакова. Тульский купец взял кредит в размере 360 тыс. руб., при этом он уже являлся должником Тульского Александринского банка. В обеспечение исправного платежа по векселям Русаков выдал общую закладную на имя И.И. Сушкина – директора «Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка» и И.И. Бреева – директора Тульского Александринского банка. Должник заложил имение в количестве 300 десятин с постройками, винокурным и чугуноплавильным заводами, расположенными в Малоярославском уезде Калужской губернии (ГУ ГАТО. Ф. 21. Оп. 4. Д. 15. Л. 9).

Директора банков, И.И. Сушкин и И.И. Бреев, дважды обращались в Калужский окружной суд, к территориальной подсудности которого относился данный вопрос, с исковыми заявлениями. Судом дважды выносилось решение в пользу банков. Имение Русакова было объявлено общей собственностью залогодержателей Сушкина и Бреева в сумме закладной, т.е. 360 000 руб. с «расходами по оному укреплению на счет» (ГУ ГАТО. Ф. 21. Оп. 4. Д. 15. Л. 11).

С реализацией же заложенного имущества возникали трудности. На недвижимость, выставленную на торгах даже за 50 000 руб., не нашлось покупателей.

Бесконечно оставаться собственником имущества Конкурсное управление не желало. «Продавать половинную часть представляется крайне невыгодным, т.к. не было охотников выкупить часть прав несостоятельного банка» (ГУ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1д. Л. 10).

Поскольку Тульский Александринский банк был готов приобрести имение Русакова в свою исполнительную собственность, Конкурсный управляющий просил у общего собрания кредиторов разрешить руководству банка продать недвижимость по своему усмотрению с условием того, что половина вырученной суммы поступит в Конкурсное управление (ГУ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1д. Л. 10).

Возникли сложности и с реализацией драгоценностей, под залог которых банк выдал 2 025 руб. Купеческий сын Милонов и городской оценщик по драгоценным вещам Н.Н. Кузнецов, приглашенные в качестве экспертов, оценили украшения с бриллиантами в 1 350 руб. и уверили Конкурсное управление в том, что в ближайшее время цена на них не вырастет (ГУ ГАТО. Ф. 21. Оп. 4. Д. 15. Л. 8).

Таким образом, в ходе работы Конкурсного управления были выявлены факты, свидетельствующие о грубых нарушениях принципов функционирования кредитной организации. Не соблюдался баланс дебиторской и кредиторской задолженности. Установлено, что «обороты превосходили в несколько раз собственный капитал» (Nazirova, Shelkopyasova, 2020: 727). Налицо некомпетентность руководителей кредитного учреждения в вопросах оценивания кредитоспособности заемщиков, неумение и нежелание сотрудничать со специалистами-оценщиками залогового имущества.

В период работы Конкурсного управления один из вкладчиков банка, крестьянин села Ляпуново Чернского уезда Тульской губернии Пылаев, через присяжного поверенного Любомудрова А.А. подал апелляционную жалобу в Московскую судебную палату, в состав округа которой входила Тульская губерния, на решение Тульского окружного суда о несостоятельности «Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка».

Согласно Судебным уставам 1864 г. российская судебная система, состоявшая из мировых судов и судов «общих судебных установлений», была трехуровневой. Первый уровень представляли мировые и окружные суды, второй – мировой съезд и судебные палаты – апелляционные инстанции. Кассационным уровнем и мирового суда, и суда «общих судебных установлений» являлись департаменты Правительствующего сената (Сапунков, 2017: 44).

13.01.1887 состоялось заседание Московской судебной палаты, на котором было принято определение об отмене решения Тульского окружного суда о несостоятельности «Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка», поскольку выборы личного состава Конкурсного управления, произведенные 25.06.1886, были признаны недействительными.

14.01.1887 определение Московской судебной палаты было предъявлено собранию кредиторов и вручено председателю Конкурсного управления. Данный акт произвел эффект разорвавшейся бомбы. В создавшихся условиях, опасаясь массового недовольства вкладчиков банка, гласные

Тульской городской думы подали заявление Тульскому окружному прокурору Н.В. Давыдову, в котором содержалось прямое, подтверждавшееся приложенными документами обвинение братьям Сушкиным в ряде действий по управлению банком, имеющих все признаки преступления.

Окружной прокурор Н.В. Давыдов, имея полномочия, но, не рискуя принимать решение самостоятельно, в свою очередь лично передал жалобу новому губернатору Тульской губернии. Должность губернатора в период с 05.01.1887 по 23.12.1893 гг. занимал Н.А. Зиновьев, о котором Л.Н. Толстой, оценивая его деятельность на посту губернатора, отзывался как о карьеристе (Коханова, 1999: 29).

Губернатор Н.А. Зиновьев, ознакомившись с представленными ему материалами, понимая важность и сложность сложившейся ситуации, созвал экстренное заседание Губернского по городским делам присутствия в составе вице-губернатора, прокурора окружного суда, губернского предводителя дворянства, управляющего казенной палатой, председателя губернской земской управы, гласных земства. Согласно ст. 11 Городового положения от 16 июня 1870 г. данная надзорная инстанция, призванная рассматривать жалобы представителей всех сословий в связи с ущемлением их прав, являлась коллегиальным органом власти. На заседании Губернского по городским делам присутствия принималось коллективное решение (Городовое положение, 1874: 825).

В январе 1887 г. Губернское по городским делам присутствие вынесло решение о возбуждении уголовного преследования в отношении директора банка и его заместителей (товарищей).

Дореволюционное уголовное судопроизводство отличалось от современного: началом разбирательства являлось не возбуждение уголовного дела, а предварительное следствие. На этой стадии осуществлялся сбор доказательной базы по делу и предпринимались меры, препятствующие обвиняемому лицу скрыться от правосудия.

Требование расследовать уголовное дело выдвигалось в процессуальном документе, с оформления которого начиналось уголовное преследование. Документ содержал сведения, подтверждающие факт преступления, и информацию о лице, совершившем противоправное деяние.

Сегодня уголовное дело вправе возбудить отделы дознания и следствия полиции, следственный комитет, следственные отделы ФСБ. Все отсылки к современности должны быть убраны

До 1917 г. возбуждать уголовное преследование имела право одна категория лиц, а производить предварительное следствие должна была другая категория лиц. Согласно ст. 278 Устава уголовного судопроизводства (УУС) инициировать уголовное преследование могли присутственные места, должностные лица, полиция, суд, прокуратура, потерпевшие. В результате такого положения дел возбуждение уголовного преследования не обязательно приводило к началу предварительного следствия. В случае возбуждения уголовного преследования прокурором судебный следователь не имел права ставить под сомнение обоснованность данного решения и не мог затягивать с началом следственных действий, направленных на сбор доказательств и свидетельств, необходимых суду для вынесения правильного приговора. Прокурор имел право давать указания судебному следователю и присутствовать при проведении следственных действий. Согласно ст. 249 УУС после окончания расследования все материалы направлялись прокурору на проверку (УУС, 1864: 278).

По всем делам, влекущим лишение или ограничение прав подсудимых, подсудным окружному суду или судебной палате, следствие было обязательно (Глянько, 2016: 76).

Получив вышеуказанное решение, прокурор Тульского окружного суда Н.В. Давыдов вместе с судебным следователем по особо важным делам Тульского окружного суда Висьневским прямо из Присутствия направились в банк. Кредитное учреждение было опечатано, в доме Сушкиных произведен обыск, а сами братья заключены под стражу (ГУ ГАТО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 363а. Л. 1).

Должность судебного следователя как самостоятельная единица в структуре суда появилась в 1860 г. (Учреждение судебных следователей, 1860: 710). Кандидатура на должность представлялась губернатором, согласовывалась с прокурором губернии и утверждалась министром юстиции (Глянько, 2016: 75). С 1864 г. за судебным следователем, осуществлявшим следствие по уголовным делам, закреплялся определенный участок – часть уезда или уезд (Об учреждении..., 1864: 186).

Н.В. Давыдов в своей книге «Из прошлого» вспоминает: «Предварительное следствие по делу Сушкинского банка длилось долго, так как его операции были крупны и разнообразны, и одна бухгалтерская экспертиза производилась несколькими командированными Государственным банком специалистами около шести месяцев; следствие обнаружило ряд злоупотреблений директоров Сушкиных, приведших банк в связи с неумелым и беспорядочным управлением его делами в полную несостоятельность, тяжело отразившуюся на многочисленных его вкладчиках, введившихся в течение ряда лет в заблуждение фиктивными отчетами и балансами» (Давыдов, 1913: 161).

Другой причиной длительного предварительного следствия явилась нерасторопность полицейских в проведении следственных действий. В результате судебной реформы следствие и полиция стали относиться к разным ведомствам, деятельность которых не всегда была согласована (Головачев, 1872: 177). Таким образом, по ряду обвинений не была собрана доказательственная база. В частности, по таким эпизодам, как присвоение П. Сушкиным суммы в 300 руб. и подлог по векселю Талквиста, прокурор не стал поддерживать обвинение.

Уголовные дела, связанные со злоупотреблением должностными полномочиями, находились в подсудности судебных палат как судов первой инстанции (Сапунков, 2017: 45). Весной 1890 г. Московской судебной палатой был вынесен приговор Сушкиным. Подсудимые получили наказание в виде ссылки в Сибирь сроком на шесть лет. Их исключили из сословия купцов и конфисковали все имущество в счет погашения долгов перед кредиторами. Кроме того, Иван и Петр Сушкины лишились званий «Потомственный почетный гражданин г. Тулы» (Коханова, 1999: 30).

19.01.1897 в помещении Тульской городской управы состоялось последнее собрание кредиторов «Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка». Рассматривался вопрос о закрытии конкурса и распределении между кредиторами последних дивидендов (ГУ ГАТО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 408. Л. 14).

5. Заключение

Банкротство «Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка» было обусловлено рядом объективных и субъективных причин.

Во-первых, в 70–80 гг. XIX в. российская экономика была недостаточно развита, у нарождавшегося российского бизнеса отсутствовала потребность в разнообразии финансовых институтов. Этим во многом было обусловлено разорение небольших провинциальных банков.

Во-вторых, банковское дело в Российской империи в 70–80 гг. XIX в. находилось в начальной стадии своего развития, складывались необходимые институты, формировались кадры. Законодательство, регулирующее деятельность общественных банков, часто менялось, надзорные органы еще не могли действовать должным образом. Формировавшийся опыт банковской деятельности никем не обобщался, каждый финансист вынужден был учиться на собственных ошибках.

В-третьих, что касается конкретного кредитного учреждения, то, по мнению прокурора Тульского окружного суда Н.В. Давыдова, имевшего непосредственное отношение к делу Сушкиных, «старший из братьев Сушкиных, глава всего дела, был, несомненно, человек умный, с сильной волей, энергией и большой авторитетностью, но его ума, при отсутствии у обоих достаточного развития – они были только грамотны, – и специальных познаний, очевидно, не хватило и не могло хватить на ведение такого крупного и сложного дела, как банковское кредитное учреждение» (Давыдов, 2013: 162). С доводами прокурора был согласен и адвокат И.И. Сушкина – С.А. Андреевский. В качестве одной из причин крушения банка он выделил профессиональную некомпетентность дирекции кредитного учреждения (Андреевский, 2000: 158).

В-четвертых, профессиональная некомпетентность Сушкиных усугубилась отсутствием должного контроля со стороны регулятора – Министерства финансов и других надзорных органов, в частности Тульской городской думы. В результате чего, по мнению того же Н.В. Давыдова, в банке процветало «самодурство, грубое хищение, нередко незначительное по сумме и, в сущности, не нужное, желание властвовать, мелкая нерасчетливая скупость» (Давыдов, 2013: 162).

Все вышеизложенное привело к тому, что «Тульский городской общественный, И.Д. Сушкина, банк» снискал сомнительную репутацию среди жителей г. Тулы и Тульской губернии. Однако его печальный опыт способствовал совершенствованию института банкротства, призванного защитить права и имущественные интересы вкладчиков. Резонансное дело о несостоятельности привлекло к себе широкие круги общественности и продемонстрировало необходимость более пристального внимания со стороны надзорных органов к правомерности управления и профессиональному уровню банковских служащих.

Литература

- Адрес-календарь, 1868 – Адрес-календарь Тульской губернии на 1868 г. Тула, 1868. 334 с.
- Андреевский, 2000 – Андреевский С.А. Избранные труды и речи. Тула: Автограф, 2000. 424 с.
- Глянько, 2016 – Глянько О.А. Судебный следователь в уголовном судопроизводстве // Труды академии управления МВД России. 2016. № 2 (38). С.74-77.
- Головачев, 1872 – Головачев А.А. Десять лет реформ. 1861–1871. СПб.: Типография Ф.С. Сущинского, 1872. 401 с.
- Городовое Положение, 1874 – Городовое Положение от 16 июня 1870 г. // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 45. Отд. 1. СПб. Тип. II отд. СЕИВК, 1874, №48498. С. 821-839.
- ГУ ГАТО – Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области».
- Давыдов, 1913 – Давыдов Н.В. Из прошлого. М.: Типография Т-ва Сытина И.Д., 1913. 453 с.
- Доклад, 1885 – Доклад городской управы, правления городского банка и учетного комитета Тульской городской думе. Тула, 1885. 5 с.
- Журналы, 1872 – Журналы заседаний Тульской городской думы за 1872 г. Тула, 1872. 23 с.
- Коханова, 1999 – Коханова Р.Г. История сберегательного дела в Тульской губернии. Тула: Издательство «Пресс-Тайм», 1999. 320 с.
- Назырова, Шелкоплясова, 2020 – Назырова Е.А., Шелкоплясова Н.И. Кредитный рынок Тульской губернии во второй половине XIX – начале XX веков // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12. № 3. С. 28-47.

- Об учреждении..., 1864** – Об учреждении судебных установлений и о Судебных Уставах» от 20 ноября 1864 г. // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 39. Отд. 2. СПб.: Тип. II отд. СЕИВК, 1867. 822 с.
- Парамонова, 2016** – Парамонова И.Ю. Сушкины, тульские купцы, фабриканты, банкиры конец XVIII – нач. XX вв. // *Летопись тульского предпринимательства*. Тула: «Аквариус», 2016. С. 154-156.
- Сапунков, 2017** – Сапунков А.А. Подсудность Судебных палат Российской империи по изъятиям из общего порядка уголовного судопроизводства (политические преступления) // *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. 2017. № 1 (50). С. 44-52.
- Симонова, 2004** – Симонова Е.В. Городское самоуправление в Туле в XIX в. // *Тульский краеведческий альманах*. Тула, 2004. С. 92-103.
- Уложение, 1845** – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01002889696#?page=28> (дата обращения: 23.04.2021).
- Устав, 1867** – Устав гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 39. Отд. 2. СПб. Тип. II отд. СЕИВК, 1867. 822 с.
- Устав, 1832** – Устав о торговой несостоятельности. СПб.: Типография департамента внешней торговли, СПб., 1834. 95 с.
- УУС, 1867** – Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 39. Отд. 2. СПб., Тип. II отд. СЕИВК, 1867, № 41476. 822 с.
- Учреждение судебных следователей, 1860** – Учреждение судебных следователей. Наказ судебным следователям. Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок от 8 июня 1860 г. 2. // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 35. Отд. 1. СПб.: Тип. II отд. СЕИВК, 1867. 822 с.
- Nazirova, Shelkopyasova, 2019** – Nazirova E.A., Shelkopyasova N.I. Aspects of Functioning of the Regional Level of the State Credit Organizations in the second half of the XIXth – beginning of the XXth centuries (on the Example of the Tula Province) // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1: 325-336.

References

- Adres-kalendar', 1868** – Adres-kalendar' Tul'skoi gubernii na 1868 g. [The address calendar of the Tula province]. Tula, 1868. 334 p. [in Russian]
- Andreevskiy, 2000** – Andreevskiy, S.A. (2000). Izbrannye trudy i rechi [Selected works and speeches]. Tula. 424 p. [in Russian]
- Davydov, 1913** – Davydov, N.V. (1913). Iz proshlogo [From the past]. M.: Tipografiya T-va Sytina I.D., 1913. 453 p. [in Russian]
- Doklad, 1885** – Doklad gorodskoi upravy, pravleniya gorodskogo banka i uchelnogo komiteta Tul'skoi gorodskoi dume. [Report of the City Council, the Board of the City Bank and the Accounting Committee of the Tula City Duma]. Tula, 1885, 5 p. [in Russian]
- Glyan'ko, 2016** – Glyan'ko, O.A. (2016). Sudebnyi sledovatel' v ugovolnom sudoproizvodstve [Judicial investigator in court proceedings]. *Trudy akademii upravleniya MVD Rossii*. 2 (38): 74-77. [in Russian]
- Golovachev, 1872** – Golovachev, A.A. (1872). Desyat' let reform. 1861–1871 [Ten years of the reforms. 1861–1871]: SPb.: Tipografiya F.S. Sushchinskogo, 401 p. [in Russian]
- Gorodovoe Polozhenie, 1874** – Gorodovoe Polozhenie ot 16 iyunya 1870 g [City regulations of June 16, 1870]. PSZ RI. Sobr. 2. T. 45. Otd. 1. SPb. Tip. II отд. СЕИВК, 1874, №48498. Pp. 821-839. [in Russian]
- GU GATO** – Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Gosudarstvennyi arkhiv Tul'skoi oblasti» [State institution «State archive of the Tula region»].
- Kokhanova, 1999** – Kokhanova, R.G. (1999). Istoriya sberegatel'nogo dela v Tul'skoi gubernii [History of the savings business in the Tula province]. Izdatel'stvo "Press-Taim", 320 p. [in Russian]
- Nazirova, Shelkopyasova, 2019** – Nazirova, E.A., Shelkopyasova, N.I. (2019). Aspects of Functioning of the Regional Level of the State Credit Organizations in the second half of the XIXth – beginning of the XXth centuries (on the Example of the Tula Province). *Bylye Gody*. 51(1): 325-336.
- Nazyrova, Shelkopyasova, 2020** – Nazyrova, E.A., Shelkopyasova, N.I. (2020). Kreditnyi rynek Tul'skoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov. [Credit market of the Tula province in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 12(3): 28-47. [in Russian]
- Ob Uchrezhdenii, 1860** – Ob Uchrezhdenii sudebnykh ustanovlenii i o sudebnykh ustavakh ot 20 noyabrya 1860 g. [About the establishment of judicial orders and the judicial charter of November 20, 1864.] PSZ RI. Sobr. 2. T. 39. Otd. 2. SPb., Tip. II отд. СЕИВК, 1867, №41476. 822 p. [in Russian]
- Paramonova, 2016** – Paramonova, I.Yu. (2016). Sushkiny, tul'skie kuptsy, fabrikanty, bankiry konets XVIII – nach. XX vv. [The Sushkins, Tula merchants, manufacturers, bankers, the end of the XVIIIth – beginning of the XXth centuries]. *Letopis' tul'skogo predprinimatel'stva*. Pp. 154-156. [in Russian]
- Sapunkov, 2017** – Sapunkov, A.A. (2017). Podsudnost' Sudebnykh palat Rossiiskoi imperii po iz'yatiyam iz obshchego poryadka ugovolnogo sudoproizvodstva: (politicheskie prestupleniya) [Jurisdiction of the Judicial Chambers of the Russian Empire on exceptions to the General Procedure of Criminal proceedings]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»*. 1(50): 44-52. [in Russian]

[Simonova, 2004](#) – *Simonova, E.V. (2004). Gorodskoe samoupravlenie v Tule v XIX v. [Urban self-government in Tula in the XIXth century]. Tul'skii kraevedcheskii al'manakh. g. Tula. Pp. 92-103. [in Russian]*

[Uchrezhdenie, 1860](#) – Uchrezhdenie sudebnykh sledovatelei. Nakaz sudebnym sledovatelyam. Nakaz politzii o proizvodstve doznaniya po proisshestviyam, mogushchim zaklyuchat' v sebe prestuplenie ili prostupok ot 8 iyunya 1860 g. [Establishment of forensic investigators. The order to the judicial investigators. The order of the police on the investigation of incidents that may contain a crime or misdemeanor of June 8, 1860] 2, t. 35, otd. I, № 35890. Pp. 710-715. [in Russian]

[Ulozhenie, 1845](#) – Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh 1845 g. [The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845]. [Electronic resource]. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01002889696#?page=28> (date of access: 23.04.2021). [in Russian]

[Ustav, 1832](#) – Ustav o torgovoi nesostoyatel'nosti [Commercial Insolvency Statute]. SPb.: Tipografiya departamenta vneshnei torgovli, 1834. 95 p. [in Russian]

[Ustav, 1867](#) – Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva ot 20 noyabrya 1864 g. [Charter of Civil Procedure of November 20, 1864]. PSZ RI. Sobr. 2. T. 39. Otd. 2. SPb. Tip. II otd. SEIVK, 1867. 822 p. №41477. Pp. 306-401. [in Russian]

[UUS, 1867](#) – Ustav ugovolnogo sudoproizvodstva ot 20 noyabrya 1864 g. [Statute of Criminal Procedure of November 20, 1864]. PSZ RI. Sobr. 2. T. 39. Otd. 2. SPb., Tip. II otd. SEIVK, 1867, №41476. 822 p. [in Russian]

[Zhurnaly, 1872](#) – Zhurnaly zasedanii Tul'skoi gorodskoi dumy za 1872 g. [Journals of the Tula City Duma meetings for 1872]. Tula, 1872. 23 p. [in Russian]

Банкротство «Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка»: исторический экскурс

Максим Игоревич Богачев ^{a, *}, Екатерина Александровна Назырова ^b,
Надежда Ивановна Шелкоплясова ^b

^a Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
Российская Федерация

^b Тульский филиал Финуниверситета, Тула, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме банкротства общественных банков провинциальной России в 80-е гг. XIX в. На примере «Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка» рассмотрен процесс, охвативший значительную часть городских общественных банков в данный период. Причины массового явления заключались в том, что российский бизнес еще не нуждался в разнообразии форм кредитных учреждений, ощущалась нехватка специалистов банковского дела, у зарождавшегося банковского сектора экономики отсутствовал опыт работы, имелись пробелы в нормативно-правовом регулировании, контроль со стороны надзорных органов был недостаточным.

Основными источниками исследования явились документы Государственного архива Тульской области и воспоминания участников процесса.

Применив источниковедческий анализ и историко-сравнительный, аналитический, системный, типологический методы, авторы восстановили хронологию прохождения процедуры банкротства. Реконструкция произведена на основе правовых норм данного времени.

Банк был одним из одиннадцати городских общественных кредитных учреждений, открытых в Тульской губернии с целью решения финансовых вопросов органов местного самоуправления. В силу объективных и субъективных причин семь из них вскоре закрылись. К ликвидации данного кредитного учреждения привели некомпетентность и самоуверенность руководства, граничащая с безответственностью, проявившаяся во вложении ресурсов в некачественные активы, их неумение и нежелание оценивать кредитоспособность заемщиков. Авторами установлена роль в процедуре банкротства собрания кредиторов, присяжных попечителей, частных поверенных, Конкурсного управления, Тульского окружного суда, Московской судебной палаты. В заключении авторами определен вклад «Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка» в становление института кредитования в провинциальной России 80-х гг. XIX в.

Ключевые слова: банкротство, «Тульский городской общественный, И.Д. Сушкина, банк», Конкурсное управление, судебное разбирательство, провинциальная Россия, 80-е годы XIX века, Тульский окружной суд, Московская судебная палата.

* Корреспондирующий автор

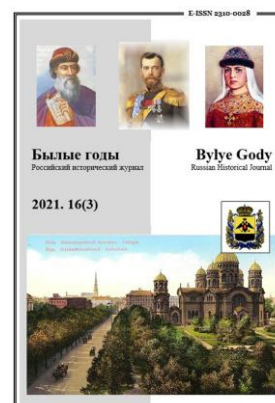
Адреса электронной почты: Mbogachev@hse.ru (М.И. Богачев), ENazyrova@fa.ru (Е.А. Назырова), Schelkoplyasova2015@yandex.ru (Н.И. Шелкоплясова)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1373-1380
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1373
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



Emigration of Ethnic Germans from the Russian Empire to the United States: Causes and Social Consequences

Alexsandr V. Brega ^{a, *}, Galina V. Brega ^b, Yaroslavna S. Artamonova ^a

^a Moscow Technical University of Communications and Informatics, Moscow, Russian Federation

^b Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

Within the framework of the presented study, the issue of the specifics and driving factors of the emigration of ethnic Germans from the Russian Empire to the United States in the late 19th – early 20th centuries is highlighted. The aim of the work is to highlight the features of this process, including from the point of view of the motivation of the migrants. The source base of the work was formed by attracting archival materials, data from pre-revolutionary statistics and sources of personal origin. The research methodology is based on a combination of structural and comparative analysis. The author comes to the conclusion that the emigration of Germans from the Russian Empire did not take on a large scale, comparable to the resettlement of such ethnic groups as Jews or Poles. This process mainly covered the Baltic provinces and the territory of the Western Territory. The move of the Germans to the United States was motivated primarily by economic considerations. At the same time, the Germans used migration mainly as a source of accumulation of funds for solving development problems (for expanding the economy, acquiring technology, etc.). The national policy of the Russian authorities had little effect on the models of migration behavior chosen by ethnic Germans. Both the move to the United States and the process of adaptation in the new society were more comfortable for the Germans than in the case of representatives of other ethnic groups who came from the Russian Empire. First of all, this was facilitated by the presence of sufficient savings at the time of emigration, a fairly high level of literacy, a high proportion of artisans and highly skilled workers in the structure of German immigrants, and a great readiness for naturalization.

Keywords: USA, Russian Empire, emigration, labor migration, illegal migration, Germans.

1. Введение

Профессиональные исследователи неоднократно обращались в своих работах к изучению темы трудовой миграции и полноценного переселения подданных Российской империи в США. Однако обилие опубликованных работ по соответствующей проблематике не снижает ее актуальности.

И в первую очередь этому способствуют политизация темы и влияние на нее исторических и культурных мифов. Мемориальная политика Соединенных Штатов длительное время выстраивалась на основе демонизации дореволюционной России. Империя Романовых позиционировалась в историческом нарративе США (в том числе – в рамках массовой культуры) как своеобразная квинтэссенция всех негативных черт абсолютистских монархий Старого Света. Она фактически выступала в качестве антипода образа «сияющего града на холме», в роли которого в национальной мифологии американцев выступали сами США. Важно отметить, что этот антиобраз начал формироваться еще как минимум в конце XIX века. Достаточно вспомнить о том, что первые массовые манифестации против национальной политики Александра III прошли в США еще в 1882 г. при активной поддержке бывшего президента У. Гранта. Специфику восприятия императорской

* Corresponding author

E-mail addresses: avbrega@mail.ru (A.V. Brega), gvbrega@mail.ru (G.V. Brega), mei_2018@yandex.ru (Ya.S. Artamonova)

России в американской политической культуре также наглядно иллюстрирует совместная резолюция обеих палат Конгресса от 22 июня 1906 г., в рамках которой законодатели Соединенных Штатов осудили уже национальную политику Николая II. Впоследствии соответствующие стереотипы и символы были широко растрогированы в произведениях массовой культуры. Достаточно вспомнить кинофильмы «Мастеровой» (1968 г.), «Скрипач на крыше» (1971 г.), «Любовь и смерть» (1975 г.), а также мультипликационные произведения, такие как «Поп Америка» (1981 г.) и «Американский хвост» (1986 г.). Они сформировали в обществе мемориальные рамки, задавшие в том числе основной вектор развития историографии США в данном направлении (Antin, 1942; Berman, 1980; Govorchin, 1993; Heinze, 1990; Higham, 1975; Simon, 1997). Как следствие, возникает потребность в ревизии заявленной темы на основе принципа объективности.

Равным образом на повестке дня стоит вопрос об изучении специфики миграции представителей целого ряда этнических групп. Как правило, внимание исследователей концентрируется на освещении миграции двух «точек экстремума» данного процесса. Чаще всего историки затрагивают тему миграции этнических евреев и русских сектантов, представляющих, соответственно, наиболее и наименее многочисленные группы переселенцев в США с территории Российской империи.

При этом особый интерес представляет изучение миграции этнических немцев. Причины повышенного внимания к данному кейсу заключаются в том, что его исследование дает возможность на новом эмпирическом материале провести апробацию одной из базовых гипотез многих российских и зарубежных авторов. А именно изучение данного вопроса позволяет выяснить, являлась ли национальная политика двух последних императоров ключевым фактором миграции за пределы России представителей этнических групп, чьи права или интересы так или иначе были ущемлены новым законодательством.

Целью представленного исследования является выявление особенности миграции этнических немцев из России в США в конце XIX – начале XX вв.

2. Материалы и методы

Источниковая база представленного исследования была сформирована преимущественно путем привлечения архивных материалов. При подготовке работы были использованы дела, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА). В частности, для написания исследования авторы обращались к документам, находящимся в фонде Переселенческого управления Министерства земледелия. Выбор в пользу обращения к его материалам был обусловлен тем, что данное ведомство активно обменивалось информацией о миграционных процессах с прочими органами власти общероссийского и регионального уровня. Как результат, в его фонде отложились материалы, отображающие переселение и трудовую миграцию этнических немцев из Российской империи в восприятии множества иных государственных структур. Также при написании исследования использовались источники личного происхождения (Попов, 1906; Славинский, 1873; Сысов, 1910) и статистические сборники (Внешнее пассажирское движение..., 1910).

Методология исследования выстроена на основе комбинации структурной и сравнительной разновидностей анализа. В первом случае использование соответствующих исследовательских инструментов позволило системно описать изучаемые процессы, выделив организацию их элементов и вскрыв взаимосвязи между ними. Обращение к сравнительному анализу позволило определить специфику переселения этнических немцев на фоне общего потока эмиграции из Российской империи.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии данная тема была раскрыта лишь частично, в ключе изучения более широких по объему вопросов. При этом преимущественно нелегальный характер эмиграции и заинтересованность авторов в изучении переселения либо трудовой миграции православного и католического населения способствовали тому, что вовлеченность этнических немцев в соответствующие процессы исследовалась по остаточному принципу (Воблый, 1904; Гильфердинг, 2009; Гурко, 1897; Курчевский, 1914; Онгирский, 1871; Офросимов, 1912; Патканов, 1911; Спасович, Пильц, 1903; Тизенко, 1909). Как следствие, степень научной разработанности заявленной темы отличал высокий уровень лакуарности.

В советский период изучение обозначенной темы активно развивалось за счет вовлечения в научный оборот новых источников, в первую очередь – материалов архивных фондов. Были восполнены существенные пробелы относительно масштабов и этнического состава миграции в начале XX в. В то же время работу исследователей осложняла необходимость следовать положениям официальной идеологии, что негативным образом отразилось на степени объективности их работ (Баграмов, 1957; Богина, 1976; Зайончковский, 1970; Куропятник, 1981; Оболенский, 1928; Тудоряну, 1986).

В современный период интерес к указанной теме существенно вырос на фоне увеличения масштабов миграции граждан постсоветских государств в Соединенные Штаты. Однако внимание исследователей было сконцентрировано преимущественно на изучении истории переселения

представителей достаточного узкого круга этносов (в первую очередь – русских и евреев). Как результат, тема миграции немцев изучалась почти исключительно в контексте освещения общей динамики переселения подданных Российской империи в Соединенные Штаты (Боханов, 2006а; Боханов, 2006б; Дякин, 1995; Зайончковская, 2003; Иванов, Котов, 2020; Кабузан, 1996; Миллер, 2007; Мюллер и др., 2017; Петришина, 2017; Попов, 1998; Соколов, 1998; Тен, 1998).

В итоге мы можем заключить, что степень изученности выбранной нами темы характеризует высокий уровень лакуарности и фрагментарности, что может служить еще одним аргументом в пользу необходимости проведения дополнительных изысканий в данном направлении.

4. Результаты

Обращаясь к вопросу о причинах эмиграции этнических немцев из Российской империи в США, в первую очередь необходимо отметить преимущественно экономический характер мотивации участия в данном процессе.

Активнее всего пределы империи покидали немцы, проживавшие в «остзейских» губерниях или Западном крае. При помощи последнего термина обозначался макрорегион, к которому относились 9 губерний – Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, Ковенская, Минская, Могилевская, Подольская и Киевская. Для большинства отнесенных к Западному краю территорий были характерны высокий уровень аграрного перенаселения, сравнительно низкая плодородность почв и в то же время близость к крупным транспортным магистралям европейского и глобального уровня. Равным образом развитие этих территорий чаще всего характеризовало отсутствие крупных индустриальных производств, аграрных латифундий и развитых кустарных промыслов. Важным стимулом к развитию переселенческого движения также стало активное развитие рыночных отношений, способствовавшее как усугублению социально-экономической дифференциации и появлению большого количества «лишних» рабочих рук, так и возникновению потребности в новых источниках накопления первоначального капитала (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 548. Л. 144; Славинский, 1873: 81; Титов, 2020: 1273).

Во многом миграционные настроения среди российских немцев подпитывались успешным опытом еврейских переселенцев первой волны (1881–1883 гг.), которые достаточно успешно ассимилировались в США и в то же время сумели сохранить устойчивые связи с родственниками, оставшимися в пределах империи. В том числе многие из них регулярно осуществляли денежные переводы, что наглядно подтверждало выгоды временного или окончательного переселения в США.

Например, общая сумма денежных переводов мигрантов из США на территорию Виленской губернии в 1910 г. оценивалась в пределах от 4 до более чем 5 млн рублей. По данным губернских властей на 1900 г., один переселенец ежегодно присылал родственникам не менее 200–300 рублей (Попов, 1906: 72–74; РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 543. Л. 112).

По оценке генерал-губернатора Виленской, Ковенской и Гродненской губерний В.Н. Троцкого, на 1900 г. в среднем за поденную работу (при 10-часовом рабочем дне) на территории Западного края чернорабочий мог получить от 60 копеек до 1 рубля. В то же время трудовые мигранты в США при аналогичных условиях труда могли заработать от 3 до 5 рублей в день. В целом заработная плата мигранта в США (в зависимости от сферы деятельности и уровня квалификации) могла достигать 10 рублей в день. По мнению генерал-губернатора, именно отсутствие постоянных и высокооплачиваемых заработков служило главным фактором, мотивировавшим жителей региона к переезду в США (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 548. Л. 177).

В сравнительно короткое время среди жителей Прибалтики и Западного края сложилась «культура миграции»: местные мещане и крестьяне целевым образом отправлялись на долгосрочные заработки в Соединенные Штаты, чтобы оплатить покупку нового дома, выплатить задолженность по налогам, скопить средства для приобретения дополнительных земельных участков или начала собственного дела. Отличительной чертой немецких подданных империи при этом была ориентация на «цели развития»: они сравнительно редко руководствовались такими мотивами, как, например, покрытие недоимок или необходимость накопить деньги на пышную свадьбу. Чаще всего переезд в США на временной или постоянной основе был увязан с планами открытия собственного дела или накопления необходимых для этого средств, а также заимствованием передового опыта работы американских промышленников и аграриев. Также немецкие колонисты заметно активнее, чем основная масса населения, использовали накопленные за время работы в США средства для покупки новой земли после аграрной реформы П.А. Столыпина (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 554. Л. 97; Сысоев, 1910: 29, 41).

По отзывам российских чиновников, этнические немцы также были больше подвержены воздействию культурного и социально-политического опыта пребывания в США, что во многом объяснялось более высоким уровнем грамотности среди них, а также наличием в США многочисленной диаспоры. В последнем случае необходимо подчеркнуть, что именно этнические немцы формировали большую часть потока мигрантов из Европы в Соединенные Штаты в первой половине XIX в. (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 552. Л. 17; Офросимов, 1912: 71).

Сроки пребывания временных мигрантов на территории США варьировались в пределах от 2 до 5 лет. При этом точные данные о количестве немцев, переселившихся в США из России на постоянной основе на протяжении рассматриваемого периода, отсутствуют в источниках с обеих сторон. Достоверно точно известно, что на начало XX в. удельная доля мигрантов всех национальностей, вернувшихся в пределы империи, колебалась на уровне 45–90 % в зависимости от конкретной губернии (Курчевский, 1914: 53-55; РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 548. Л. 121).

В качестве минимальной суммы накоплений за время работы в США на начало 1910-х гг. большинство современников указывали 1 тыс. рублей. Мигранты, вернувшиеся из Соединенных Штатов после 10–20 лет пребывания там, чаще всего обладали капиталами в пределах 10–20 тыс. рублей. По оценке виленского губернатора Д.Н. Любимова за 1910 г., домой с накоплениями возвращались около 70 % мигрантов (Патканов, 1911: 17; РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 548. Л. 191-1910б.).

Миграция российских немцев в США осуществлялась почти исключительно в нелегальной форме. Организацией переезда занимались работавшие подпольно конторы и частные агенты. Ответственность за организацию нелегальной миграции была относительно мягкой (виновных лиц подвергали высылке), а масштабы арестов эмиграционных агентов оставались достаточно скромными. В частности, в 1890–1900 гг. соответствующему наказанию в Западном крае были подвергнуты лишь 160 человек. При этом большинство из них являлись местными крестьянами, нанятыми агентами для вербовки клиентов и организации перехода границы. Как следствие, борьба властей с незаконной миграцией не приносила ощутимых результатов (Тизенко, 1909: 78-79).

Маршрут движения нелегальных мигрантов из России проходил через порты Германии (Гамбург, Штеттин и Бремен), Нидерландов (Амстердам и Роттердам) и Бельгии (Антверпен). Транзитные рейсы к атлантическим базам миграции осуществляли первоначально финские и европейские пароходства. Российские компании подключились к транспортировке переселенцев достаточно поздно – в 1906 г. (Офросимов, 1912: 83).

Попытка замкнуть в 1910 г. перевозку мигрантов на российском торгово-пассажирском флоте не принесла ощутимых результатов. Власти начали разработку законопроекта, предусматривающего освобождение мигрантов от паспортного сбора (включавшего в себя уплату 15 рублей за получение удостоверяющего личность документа и регулярные сборы в размере 15 рублей за каждые 6 месяцев пребывания за рубежом). Вместо этого убывающие в США могли получить разрешительное свидетельство стоимостью 20 копеек. Однако право на эту льготу должно было предоставляться исключительно подданным, прибывшим в порты Америки на российских пароходах, принадлежащих компаниям-концессионеру. Это предложение, однако, вызвало критику со стороны общественности. Единственным российским перевозчиком, способным осуществлять рейсы в США, являлся филиал Восточно-Азиатского пароходства в Либаве. Однако эта фирма была полностью подконтрольна бизнесменам из Дании. Альтернатив этому варианту, однако, найти не удалось: у российских предпринимателей отсутствовали необходимые для этого капиталы (Офросимов, 1912: 91-92).

Стоимость переезда в США в конце XIX – начале XX вв. составляла от 105 до 250 рублей для взрослого (то есть до 100 долларов) и приблизительно 50 рублей для ребенка в возрасте младше 12 лет. Наибольшей дешевизной отличались легальные рейсы из Либавы. Однако большинство мигрантов предпочитали использовать незаконные маршруты переселения. Причина этого заключалась в первую очередь в стремлении избежать долгой процедуры выдачи удостоверений, подтверждающих право на выезд, а также опасения относительно последствий случайного нарушения бюрократических формальностей (Курчевский, 1914: 79-81).

Российские немцы, как правило, выбирали именно нелегальные маршруты миграции, в том числе по причине высокой доли носителей немецкого языка среди агентов и в силу активного участия германского торгового флота в перевозках переселенцев за океан. Помимо того, этническая принадлежность облегчала для них пересечение границы и временное пребывание на территории Германской империи (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 549. Л. 180).

Вопрос об общем количестве немцев-мигрантов, прибывших в США из России на протяжении рассматриваемого периода, остается дискуссионным в силу фрагментарного состояния информации об этническом происхождении переселенцев в Америку. Причина этого заключается в том, что иммиграционная служба США до 1900 г. регистрировала лишь прежнюю страну проживания прибывших, не указывая их этническое происхождение. Достоверно известно, что в 1900 г. из Российской империи в Соединенные Штаты прибыли 88 тыс. человек. Из них 5 349 (или 6 %) были этническими немцами. Меньшей репрезентативностью в этнической структуре мигрантов из императорской России обладали только русские (около 2 %, или 1 165 человек). По данным американской статистики за период 1901–1910 гг., удельная доля этнических немцев составляла приблизительно 6 %. На фоне наличия очевидных материальных выгод от переселения в США и достаточно благоприятных условий для адаптации в новой стране сравнительно низкая миграционная активность этнических немцев косвенно указывает на отсутствие у них значимых внеэкономических стимулов для того, чтобы покинуть Российскую империю (Внешнее пассажирское движение между Россией и другими государствами, 1910: 31; Патканов, 1911: 24; Петришина, 2017: 73). Таким образом, можно предположить, что национальная политика российских властей

(по крайней мере, в период правления Николая II) не способствовала вытеснению за пределы империи ее подданных немецкого происхождения.

Обращаясь к вопросу о процессе адаптации немцев-эмигрантов из Российской империи в американском обществе, следует отметить, что его протекание в значительной степени облегчал ряд факторов.

Во-первых, в большинстве случаев у них имелся достаточно большой «первоначальный капитал». Для сравнения, в 1910–1914 гг. примерно в 95 % случаев выходцы из России на момент прибытия на территорию США располагали весьма ограниченной суммой денег (не более 50 долларов на человека). Однако среди этнических немцев, переселившихся из России, этот показатель достигал 96 долларов (Курчевский, 1914: 85; Петришина, 2017: 73-74).

Во-вторых, несмотря на общность страны происхождения, власти США с начала XX в. четко разграничивали русских немцев и выходцев из империи, обладавших славянскими корнями, с точки зрения перспектив их интеграции в новое общество. Эта позиция была наиболее четко сформулирована в выводах специальной комиссии Конгресса по вопросам ассимиляции иммигрантов (более известной как комиссия Диллингема), действовавшей в 1907–1911 гг. Немцы, прибывшие из России, по мнению членов комиссии, обладали заметно большим адаптационным потенциалом, нежели этнические евреи, поляки, литовцы и т.д., в том числе в силу более высокого уровня грамотности, наличия хорошо оплачиваемой профессии и т.д.

В связи с последним необходимо отметить, что от прочих мигрантов из России немцев отличала заметно более высокая удельная доля ремесленников и высококвалифицированных рабочих (41 %) и представителей свободных профессий (2,6 %). Для сравнения, среди прочих этнических групп выходцев из империи (поляков, литовцев, финнов, русских) соответствующие показатели колебались в пределах от 5,8 до 7,7 % и от 0,2 до 1,3 %.

В-третьих, важным фактором адаптации и ассимиляции оставалась «натурализация имен» мигрантов. Этнические немцы, наряду с выходцами из Норвегии, Дании и Швеции, наиболее охотно американизировали свои имена, в то время как прочие выходцы из Российской империи (включая финнов, литовцев и латышей) демонстрировали нежелание идти на подобные меры (Курчевский, 1914: 91; Сысоев, 1910: 78).

5. Заключение

В целом можно сделать выводы, что эмиграция этнических немцев из дореволюционной России носила достаточно ограниченный характер. Данный процесс охватывал преимущественно «остзейские губернии» и Западный край. Немцы, проживавшие за их пределами, демонстрировали сравнительно низкий уровень готовности к переселению в Америку на постоянной и временной основе. При этом представители данного этноса демонстрировали более низкую готовность к миграции за рубеж, нежели евреи, поляки, литовцы и латыши. По данному показателю немцы превосходили лишь представителей титульной нации.

Переезд этнических немцев в США был мотивирован преимущественно экономическими соображениями. Однако в отличие от польских, белорусских, украинских или литовских крестьян немцы в рамках переезда в США решали скорее задачи развития. Для них миграция гораздо реже играла роль источника накопления средств на погашение недоимок, строительство дома или выплату неформальной компенсации родным невесты. Куда чаще полученные за рубежом средства применялись для расширения хозяйства, приобретения сложной техники, скота и инвентаря, открытия собственного дела. Национальная политика двух последних императоров в отношении немцев достаточно слабо влияла на выбранные ими модели поведения при решении вопроса об эмиграции.

Сам процесс переезда в США носил для этнических немцев более комфортный характер, нежели для большинства прочих подданных империи, так как основные маршруты миграции в США проходили через территорию Германии. Кроме того, на территории Соединенных Штатов существовали многочисленные общины этнических немцев, которые демонстрировали более высокий потенциал к адаптации в новом обществе. Этому способствовали наличие значимых накоплений на момент переезда, сравнительно высокий уровень грамотности, большая удельная доля ремесленников и высококвалифицированных рабочих в структуре переселенцев, а также большая готовность к натурализации.

Литература

- Баграмов, 1957 – Баграмов Л.А. Иммигранты в США. М., 1957.
 Богина, 1976 – Богина Ш.А. Иммигрантское население США. 1865–1900. Л., 1976.
 Боханов, 2006а – Боханов А.Н. Император Александр III. 4-е изд. М., 2006. 509 с.
 Боханов, 2006б – Боханов А.Н. Последний царь. М., 2006.
 Внешнее пассажирское движение..., 1910 – Внешнее пассажирское движение между Россией и другими государствами за период времени 1897–1907 гг. // Ежегодник России 1909 г. (год шестой). СПб.: Издание центрального статистического комитета МВД, 1910.
 Воблый, 1904 – Воблый К. Заатлантическая эмиграция, ее причины и следствия. Варшава, 1904.

- Гильфердинг, 2009 – Гильфердинг А.Ф. Россия и ее инородческие окраины на западе // Россия и славянство. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 278-295.
- Гурко, 1897 – Гурко В.И. Очерки Привислянъя. М., 1897. 377 с.
- Дякин, 1995 – Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 130-142.
- Зайончковская, 2003 – Зайончковская Ж.А. Эмиграция в дальнее зарубежье // Мир России. Социология. Этнология. 2003. Т. 12. № 2. С. 144-150.
- Зайончковский, 1970 – Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. 444 с.
- Иванов, Котов, 2020 – Иванов А.А., Котов А.Э. Экономическое значение и попытки регулирования зарубежной трудовой миграции на западных окраинах Российской империи (конец XIX – начало XX века) // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 1. С. 70-88.
- Кабузан, 1996 – Кабузан В.М. Русские в мире. СПб., 1996.
- Куропятник, 1981 – Куропятник Г.Л. Россия и США. Экономические, культурные и дипломатические связи, 1867–1881. М., 1981.
- Курчевский, 1914 – Курчевский Б. О русской эмиграции в Америку. Либава, 1914.
- Миллер, 2007 – Миллер А.И. Русский национализм в империи Романовых // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 332-350.
- Мюллер и др., 2017 – Мюллер А.М., Рябова А.Л., Саблина М.А. Национальная политика Александра III // Россия в глобальном мире. 2017. № 11 (34). С. 201-208.
- Оболенский, 1928 – Оболенский В.В. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928.
- Онгирский, 1871 – Онгирский Б.П. Эмиграция в Северо-Американские Соединенные Штаты // Дело. СПб., 1871.
- Офросимов, 1912 – Офросимов Л.С. Отхожий промысел за океан: обследование Виленской губернии. Вильна, 1912.
- Патканов, 1911– Патканов С. Иммиграция из России в Соединенные Штаты за десятилетие 1900–1909 гг. // Ежегодник России 1910 г. (год седьмой). СПб.: Издание центрального статистического комитета МВД, 1911.
- Петришина, 2017 – Петришина Н.Ю. Русская трудовая иммиграция в США по материалам «Ежегодника России» в 1904–1910 гг. // Причерноморье. История, политика, культура. 2017. № 21. С. 71-76.
- Попов, 1998 – Попов А.В. Русское зарубежье и архивы. Материалы к русской политической эмиграции. Вып. IV. М., 1998.
- Попов, 1906 – Попов П.И. В Америке. Очерки американской жизни по личным наблюдениям автора, прожившего в Америке безвыездно двадцать три года (1872–1895). СПб., 1906.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Славинский, 1873 – Славинский Н. Письма об Америке и русских переселенцах. СПб., 1873.
- Соколов, 1998 – Соколов А.С. Российская трудовая эмиграция в Америку в конце XIX века (1881–1890 гг.) // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В.В. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 1998. № 3 (7). С. 353-363.
- Спасович, Пильца, 1903 – Россия и ее западные окраины. Ответы на очередные вопросы в Царстве Польском / Под ред. В. Спасовича и Э. Пильца. Киев. 1903. 176 с.
- Сысоев, 1910 – Сысоев И.П. Путешествие в Америку. М., 1910.
- Тен, 1998 – Тен В.А. Иммиграционная политика США в XVIII–XX вв. Краткий исторический очерк. М., 1998.
- Тизенко, 1909 – Тизенко П.Д. Эмиграционный вопрос в России, 1820–1910. Либава, 1909.
- Тудоряну, 1986 – Тудоряну Н.Л. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма (в Германию, Скандинавские страны и США). Кишинев, 1986.
- Antin, 1942 – Antin M. The Promised Land. Boston, 1942.
- Berman, 1980 – Berman M. The Attitude of American Jewry Towards East European Jewish Immigration, 1881–1914. N.Y., 1980.
- Govorchin, 1993 – Govorchin G.G. From Russia to America with Love: A Study of the Russ Immigrants in the US. Pittsburgh, 1993.
- Heinze, 1990 – Heinze A.R. Adapting to Abundance: Jewish Immigrants, Mass Consumption, and Search for American Identity. N.Y., 1990.
- Higham, 1975 – Higham J. Send These to Me: Jews and Other Immigrants In Urban America. N.Y., 1975.
- Simon, 1997 – Simon R.J. In the Golden Land: A Century of Russian and Soviet Jewish Immigration in America. Westport; London, 1997.
- Titov, 2020 – Titov V.V. (2020). National Policy of Alexander III: an Attempt to Form an “Imperial Identity” // Bylye Gody. 2020. Vol. 57. Is. 3: 1272-1280.

References

- Antin, 1942** – *Antin, M.* (1942). *The Promised Land*. Boston.
- Bagramov, 1957** – *Bagramov, L.A.* (1957). *Immigranty v SShA [Immigrants to the United States]*. M. [in Russian]
- Berman, 1980** – *Berman, M.* (1980). *The Attitude of American Jewry Towards East European Jewish Immigration, 1881–1914*. N.Y.
- Bogina, 1976** – *Bogina, Sh.A.* (1976). *Immigrantskoe naselenie SShA. 1865–1900 [Immigrant population of the United States. 1865–1900]*. L. [in Russian]
- Bokhanov, 2006a** – *Bokhanov, A.N.* (2006). *Imperator Aleksandr III [Emperor Alexander III]*. 4–e izd. M., 509 p. [in Russian]
- Bokhanov, 2006b** – *Bokhanov, A.N.* (2006). *Poslednii tsar' [The Last Tsar]*. M. [in Russian]
- Dyakin, 1995** – *Dyakin, V.S.* (1995). *Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XIX v.) [The national question in the internal politics of tsarism (XIX century)]*. *Voprosy istorii*. 9: 130–142. [in Russian]
- Gil'ferding, 2009** – *Gil'ferding, A.F.* (2009). *Rossiya i ee inorodcheskie okrainy na zapade (Russia and its foreign suburbs in the west)*. *Rossiya i slavyanstvo*. M., Pp. 278–295. [in Russian]
- Govorchin, 1993** – *Govorchin, G.G.* (1993). *From Russia to America with Love: A Study of the Russ Immigrants in the US*. Pittsburgh.
- Gurko, 1897** – *Gurko, V.I.* (1897). *Ocherki Privisl'yan'ya*. M. [in Russian]
- Heinze, 1990** – *Heinze, A.R.* (1990). *Adapting to Abundance: Jewish Immigrants, Mass Consumption, and Search for American Identity*. N.Y.
- Higham, 1975** – *Higham, J.* (1975). *Send These to Me: Jews and Other Immigrants In Urban America*. N.Y.
- Ivanov, Kotov, 2020** – *Ivanov, A.A., Kotov, A.E.* (2020). *Ekonomicheskoe znachenie i popytki regulirovaniya zarubezhnoi trudovoi migratsii na zapadnykh okrainakh rossiiskoi imperii (konets XIX – nachalo XX veka) [Economic significance and attempts to regulate foreign labor migration on the western outskirts of the Russian Empire (late XIX – early XX century)]*. *Noveishaya istoriya Rossii*. 10(1): 70–88. [in Russian]
- Kabuzan, 1996** – *Kabuzan, V.M.* (1996). *Russkie v mire [Russians in the world]*. SPb. [in Russian]
- Kurchevskii, 1914** – *Kurchevskii, B.* (1914). *O russskoi emigratsii v Ameriku [About Russian emigration to America]*. Libava. [in Russian]
- Kuropyatnik, 1981** – *Kuropyatnik, G.L.* (1981). *Rossiya i SShA. Ekonomicheskie, kul'turnye i diplomaticheskie svyazi, 1867–1881 [Russia and the USA. Economic, Cultural and Diplomatic Relations, 1867–1881]*. M. [in Russian]
- Miller, 2007** – *Miller, A.I.* (2007). *Russkii natsionalizm v imperii Romanovykh. Natsionalizm v mirovoi istorii [Russian nationalism in the Romanov empire]* M., pp. 332–350. [in Russian]
- Myuller i dr., 2017** – *Myuller, A.M., Ryabova, A.L., Sablina, M.A.* (2017). *Natsional'naya politika Aleksandra III [National policy of Alexander III]*. *Rossiya v global'nom mire*. 11(34): 201–208. [in Russian]
- Obolenskii, 1928** – *Obolenskii, V.V.* (1928). *Mezhdunarodnye i mezhkontinental'nye migratsii v dovoennoi Rossii i SSSR [International and intercontinental migrations in pre-war Russia and the USSR]*. M. [in Russian]
- Ofrosimov, 1912** – *Ofrosimov, L.S.* (1912). *Otkhozhii promysel za okean: obsledovanie Vilenskoj gubernii [Offshore fishing: survey of the Vilna province]*. Vil'na. [in Russian]
- Ongirskii, 1871** – *Ongirskii, B.P.* (1871). *Emigratsiya v Severo-Amerikanskije Soedinennye Shtaty [Emigration to the North American United States]*. Delo. SPb. [in Russian]
- Patkanov, 1911** – *Patkanov, S.* (1911). *Immigratsiya iz Rossii v Soedinennye Shtaty za desyatiletie 1900–1909 gg. Ezhegodnik Rossii 1910 g. (god sed'moi) [Immigration from Russia to the United States in the decade 1900–1909. Yearbook of Russia 1910 (the seventh year)]*. SPb. [in Russian]
- Petrishina, 2017** – *Petrishina, N.Yu.* (2017). *Russkaya trudovaya immigratsiya v SShA po materialam «Ezhegodnika Rossii» v 1904–1910 gg. [Russian labor immigration to the United States based on the materials of the Yearbook of Russia in 1904–1910]*. *Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura*. 21: 71–76. [in Russian]
- Popov, 1906** – *Popov, P.I.* (1906). *V Amerike. Ocherki amerikanskoi zhizni po lichnym nablyudeniyam avtora, prozhivshego v Amerike bezvyezdno dvadtsat' tri goda (1872–1895) [In America. Essays on American life from the personal observations of an author who lived in America for twenty-three years without a break (1872–1895)]*. SPb. [in Russian]
- Popov, 1998** – *Popov, A.V.* (1998). *Russkoe zarubezh'e i arkhivy. Materialy k russskoi politicheskoi emigratsii [Russian Diaspora and archives. Materials for Russian political emigration]*. Issue. IV. M. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].
- Simon, 1997** – *Simon, R.J.* (1997). *In the Golden Land: A Century of Russian and Soviet Jewish Immigration in America*. Westport; London.

- Slavinskii, 1873 – Slavinskii, H. (1873) Pis'ma ob Amerike i russkikh pereselentsakh [Letters about America and Russian settlers]. SPb. [in Russian]
- Sokolov, 1998 – Sokolov, A.S. (1998). Rossiiskaya trudovaya emigratsiya v Ameriku v kontse XIX veka (1881–1890 gg.) [Russian labor emigration to America at the end of the 19th century (1881–1890)]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo im. V.B. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii*. 3 (7): 353-363. [in Russian]
- Spasovich, Pil'ts, 1903 – Rossiya i ee zapadnye okrainy. Otvety na ocherednye voprosy v Tsarstve Pol'skom (1903). Pod red. V. Spasovicha i E. Pil'tsa. Kiev. [in Russian]
- Sysoev, 1910 – Sysoev, I.P. (1910). Puteshestvie v Ameriku [Travel to America]. M. [in Russian]
- Ten, 1998 – Ten, V.A. (1998). Immigratsionnaya politika SShA v XVIII-XX vv. Kratkii istoricheski ocherk [US immigration policy in the XVIII-XX centuries. A brief historical sketch]. M. [in Russian]
- Titov, 2020 – Titov, V.V. (2020). National Policy of Alexander III: an Attempt to Form an “Imperial Identity”. *Bylye Gody*. 57(3): 1272-1280.
- Tizenko, 1909 – Tizenko, P.D. (1909). Emigratsionnyi vopros v Rossii, 1820–1910 [The emigration question in Russia, 1820-1910]. Libava. [in Russian]
- Tudoryanu, 1986 – Tudoryanu, N.L. (1986). Oчерки rossiiskoi trudovoi emigratsii perioda imperializma (v Germaniyu, Skandinavskie strany i SShA) [Essays on the Russian labor emigration of the period of imperialism (to Germany, the Scandinavian countries and the USA)]. Kishinev. [in Russian]
- Vneshnee passazhirscoe dvizhenie..., 1910 – Vneshnee passazhirscoe dvizhenie mezhdu Rossiei i drugimi gosudarstvami za period vremeni 1897–1907 gg. Ezhegodnik Rossii 1909 g. (god shestoi) [External passenger traffic between Russia and other states for the period 1897-1907. Yearbook of Russia 1909 (sixth year)]. SPb. [in Russian]
- Voblyi, 1904 – Voblyi, K. (1904). Zaatlanticheskaya emigratsiya, ee prichiny i sledstviya [Transatlantic emigration, its causes and consequences]. Varshava. [in Russian]
- Zaionchkovskaya, 2003 – Zaionchkovskaya, Zh.A. (2003). Emigratsiya v dal'nee zarubezh'e [Emigration to the Far Abroad]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. 12(2): 144-150. [in Russian]
- Zaionchkovskii, 1970 – Zaionchkovskii, P.A. (1970). Rossiiskoe samoderzhavie v kontse XIX stoletiya [Russian autocracy at the end of the XIX century]. M. [in Russian]

Эмиграция этнических немцев из Российской империи в США: причины и социальные последствия

Александр Васильевич Брега^{a, *}, Галина Викторовна Брега^b, Ярослава Сергеевна Артамонова^a

^a Московский университет связи и информатики, Российская Федерация

^b Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В рамках представленного исследования освещается вопрос о специфике и движущих факторах эмиграции этнических немцев из Российской империи в США в конце XIX – начале XX вв. Целью работы является выделение особенностей данного процесса, в том числе с точки зрения мотивации переселенцев. Источниковая база работы формировалась путем привлечения архивных материалов, данных дореволюционной статистики и источников личного происхождения. Методология исследования выстроена на основе сочетания структурного и сравнительного анализа. Автор приходит к выводу, что эмиграция немцев из Российской империи не принимала широких масштабов, сопоставимых с переселением таких этнических групп, как евреи или поляки. Данный процесс охватывал преимущественно прибалтийские губернии и территорию Западного края. Переезд немцев в Соединенные Штаты мотивировался преимущественно экономическими соображениями. При этом немцы использовали миграцию в основном как источник накопления средств для решения задач развития (для расширения хозяйства, приобретения техники и т.д.). Национальная политика российских властей оказывала слабое влияние на выбранные этническими немцами модели миграционного поведения. И сам переезд в США, и процесс адаптации в новом обществе носили для немцев более комфортный характер, нежели в случае представителей прочих этнических групп выходцев из Российской империи. В первую очередь этому способствовали наличие достаточных накоплений на момент эмиграции, довольно высокий уровень грамотности, высокая удельная доля ремесленников и высококвалифицированных рабочих в структуре немецко-переселенцев и большая готовность к натурализации.

Ключевые слова: США, Российская империя, эмиграция, трудовая миграция, нелегальная миграция, немцы.

* Корреспондирующий автор

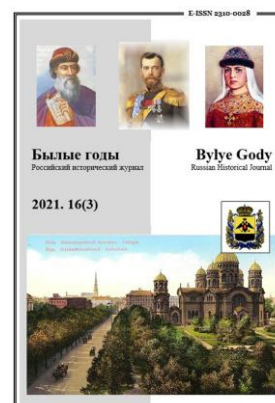
Адреса электронной почты: avbrega@mail.ru (А.В. Брега), gvbrega@mail.ru (Г.В. Брега), mei_2018@yandex.ru (Я.С. Артамонова)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1381-1398
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1381
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



Oil Tanker Transportation and Entrepreneurial Competition in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries: Historical Retrospective and Modern Assessments

Aleksandr A. Kartskhiya ^{a,*}, Sergey A. Tyrtychnyy ^a, Mikhail G. Smirnov ^a, Mariya D. Zhulidova ^a

^aNational University of Oil and Gas «Gubkin University», Russian Federation

Abstract

The article analyzes the experience of transporting oil and oil products in the second half of the 19th century.

Carried out a comprehensive analysis of the prerequisites for the creation of specialized vessels for the transportation of oil - tankers. Made a comparison with the American experience of oil transportation in the 19th century. For the first time in Russian historiography, the authors attempt to show a multifaceted comprehensive approach to the problems of oil transportation by water transport in the Russian Empire.

At the same time, analyzed the negative experience of competing with foreign companies in the oil production markets in the Transcaucasia. The work shows that in conditions of weak logistics and long routes, the only economical means of transporting oil turned out to be water transport, which predetermined the scientific and technical development of specialized vessels - tankers. Simultaneously, it is proved that with an inconsistent state policy in relation to foreign capital in the oil markets of the Russian Empire, national companies will not be able to develop in conditions of the dominance of foreign competing companies on international markets. The article analyzes various examples of the non-competitive struggle of foreign oil companies to seize the domestic market.

The article examines the origin and subsequent development of tanker transportation in chronological order – from the first primitive schooners with sealed compartments to the creation of high-speed steamers with pumping systems and a tank protection system. For the first time in the research of tankers of the 19th century, the authors studied the scientific, technical, economic, logistic and financial reasons for the development of the private tanker fleet in Russia in the aggregate.

Keywords: oil, fuel oil, oil products, ship, tanker, logistics, Dmitry Mendeleev, Vladimir Shukhov, Alfred Nobel, Rothschilds, Standard Oil, oil transportation, competition, sales markets, taxes, excise taxes, XIX century, Russian Empire.

1. Введение

История нефти и проблем ее транспортировки началась еще 6 тысяч лет назад до нашей эры. Наиболее древними считаются свидетельства добычи нефти на берегах Ефрата, в Древнем Египте и на юге провинции Сычуань, где сейчас находится китайский город Цзыгун (Гужов, 1973: 7). В России в 1939 году при раскопках античного города Тиритаки на территории бывшего древнего Боспорского царства была обнаружена глиняная амфора IV в. нашей эры, наполненная жидкой нефтью, которая сохранилась благодаря герметической укупорке из соломы, пропитавшейся нефтью и превратившейся в асфальт. Проведенный химический анализ подтвердил, что нефть принадлежит Чонгелекскому месторождению, которое расположено на берегу Тобечикского озера в 20 километрах от города Керчь (Успенский, 1952: 415-421). Таким образом, крымскую нефть добывали не только для местного пользования, но и транспортировали за пределы Керченской области. Считается, что

* Corresponding author

E-mail addresses: arhz50@mail.ru (A.A. Kartskhiya)

керченские татары добывали «каменный воск», пропитывая им конские хвосты и затем выжимая их в специальные сосуды (Пузанов, 1960: 147).

В основном нефть использовали в сыром, неочищенном виде в качестве вяжущего материала в строительстве. В Древнем Египте ею бальзамировали мертвых, а в Древней Греции она была одним из ингредиентов зажигательной смеси.

В X–XIII веках начинается активная добыча нефти на территории Ширвана, входившего в состав Аббасидского халифата (сегодняшний Азербайджан). Известный итальянский путешественник Марко Поло в своем труде «Книга о разнообразии мира» описал историю своих странствий по Азии. Во время похода из Баку в Персию в 1264 году он отмечал, что видел «крупные пруды, заполненные нефтью, грязевые вулканы и пылающие холмы». По мнению исследователей, в тех местах, где выход газа порождал постоянное горение огня, сформировалась идея огнепоклонничества Ближнего Востока (Ергин, 1999: 25).

К середине XIX века нефтепродукты становятся все более востребованными. Рост городов, массовое появление новых заводов, строительство железных дорог повысили потребность в смазочных материалах и улучшении освещения. Ответами на эти технологические вызовы стала нефть и получаемые из нее продукты переработки, в связи с чем возникла и проблема их транспортировки, основным средством которой были и остаются танкеры.

2. Материалы и методы

В работе проанализированы труды различных авторов, как современных, так и XIX века. Материалами выступают опубликованные сборники документов второй половины XIX века, прежде всего Свод законов Российской империи, а также периодическая печать, которые дали ценный материал по состоянию практического использования судов для перевозки нефти и нефтепродуктов в России и мире.

При решении исследовательских задач применялись классические общенаучные методы анализа, синтеза, конкретизации, обобщения. Дополнительно в работе задействован историко-ситуационный метод, предполагающий изучение исторических фактов в контексте рассматриваемой эпохи в совокупности с сопутствующими событиями и фактами. Этот метод позволил рассмотреть развитие судов для перевозки нефти в совокупности технологий, инженерной техники, экономики, логистики и финансов, а также тенденций развития промышленности в стране в целом.

3. Обсуждение

Исторические аспекты мирового развития нефти, нефтепереработки и транспортировки на высоком фактологическом уровне раскрыл известный публицист Дэниел Ергин в работе «Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть». Из отечественных авторов весьма подробное изложение материалов по развитию нефтяных месторождений и транспортировки дали известные исследователи Гефтер Михаил Яковлевич в работе «Монополистический капитал в нефтяной промышленности России 1883–1914» (Гефтер и др., 1961), Гулишамбаров Степан Осипович (Гулишамбаров, 1890), который весьма подробно осветил современные ему проблемы добычи и транспортировки нефти и нефтепродуктов в работе «Обзор фабрик и заводов Бакинской губернии: Историко-статистическое описание фабрично-заводской деятельности Бакинской губернии в связи с развитием в ней кустарных промыслов: с планом балаханской площади». Речное судоходство по Волге было описано в трудах ученого Шубина Ивана Александровича (Шубин, 1927) «Волга и волжское судоходство. История развития и современное состояние судоходства и судостроения». Также в статье использовались сравнительно-аналитические работы ученых и инженеров об эпохе становления средств транспортировки нефти в Закавказье: Дмитрия Ивановича Менделеева (Менделеев, 1897) «Основы фабрично-заводской промышленности», «Сочинения. Горная промышленность России»; Николая Николаевича Лендера (Рейхельта) (Лендер, 1888) «Волга и ее судоходное дело» в журнале «Русское судоходство», Станислава Ивановича Логачева (Логачев, 1970) «Основные этапы развития танкеров».

4. Результаты

Присоединенный после Русско-персидской войны 1813 года Апшеронский полуостров давал около 4 тысяч тонн нефти в год. Нефть при этом черпали бурдюками из открытых колодцев.

К 1842 году в Горном уставе появляются разделы: «О нефтяных промыслах на землях Черноморского войска» (СЗ РИ. СВ, 1857: 411-413) и «О нефтяных промыслах, состоящих в Шемахинской и Дербентской губерниях» (СЗ РИ. СВ, 1857: 389-390). Управление в этих областях осуществлялось дирекцией по добычи нефти и строительной части и главным приставом по продаже нефти. В полномочиях дирекции по согласованию с Министерством финансов была установка цены на продажу нефти.

Активная внутренняя деятельность Александра II после его прихода к власти в феврале 1855 года позволила получить предпринимателям в откуп (аренду) земли в Баку, ранее принадлежавшие крестьянам, что повлекло за собой интенсивное бурение нефтяных скважин на

Апшеронском полуострове. Соответствующие изменения были внесены в редакцию Горного устава от 1857 года. При этом, чтобы контролировать процесс перехода на откупную систему, были введены крупные штрафы за добычу нефти без откупа (от 25 рублей серебром до пятикратной стоимости добытой нефти), а лица, выявившие нарушителей закона, могли рассчитывать на половину взыскиваемой с виновного суммы.

Однако долгое время основным способом транспортировки нефти не только до покупателя, но и до нефтеперегонного завода оставались арбы с бочками и обозы вьючных животных, груженных бурдюками. Доставка одного пуда нефти стоила от 5 копеек. При сильном ветре или дожде арубщики отказывались выезжать (Старцев, 1901: 88).



Рис. 1. Балаханы, откуда нефть доставлялась на бакинские нефтеперегонные заводы. 1863 г.

В 1860-е годы промышленная добыча нефти начинается в Пенсильвании. Возникшая в Америке в 1861 году гражданская война мешает транспортировке камфина (Антонова и др., 2005: 23) из южных штатов, и керосин начинает обретать все большую популярность. Тем не менее камфин как продукт переработки скипидара еще долгое время использовался для освещения. Придя в 1830-х годах на смену свечам из животного сала, несмотря на неприятный запах и пожароопасность, он завоевал большую популярность. К 1862 году количество добытой нефти превышает 3 миллиона баррелей, что приводит к резкому падению цен на нефть и вытеснению с рынка конкурентов. Большая часть транспортировок нефти и нефтепродуктов приходится на железную дорогу, которая в это время активно строилась по всей Америке. Увеличение объемов добычи также создало возможность продажи нефти и нефтепродуктов в другие страны. Транспортировка нефти на экспорт осуществляется водным транспортом, а саму нефть и производный керосин перевозят в обычных деревянных бочках.

Первым кораблем, который перевез американскую нефть в Европу, стал грузовой бриг Elizabeth Watts, построенный в 1847 году и принадлежавший фирме из Филадельфии Peter Wright & Sons. Судостроительная компания J.&C.S. Morton, построившая бриг, отмечала: «Это было двухмачтовое судно с квадратным такелажем, которое хорошо подходило для торговли в Атлантике того времени» (Brice, 2009: 323). Бриг был длиной около 96 футов и весил 224 тонны.

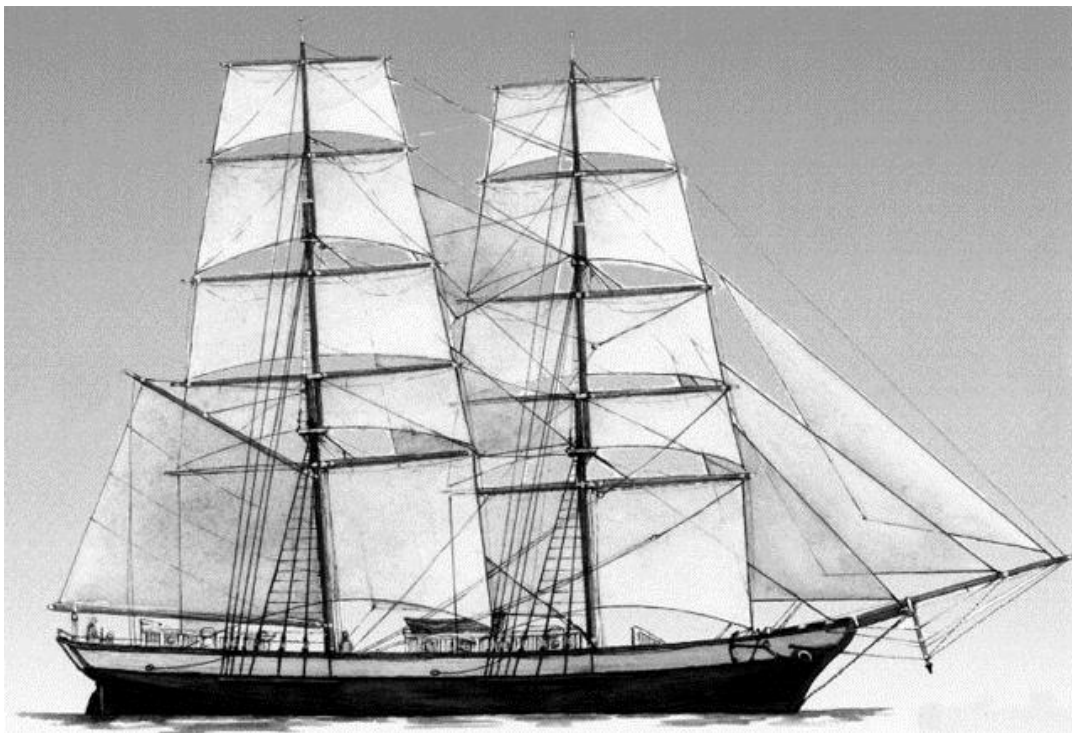


Рис. 2. Бриг Elizabeth Watts, 1847 г.

Основным путем транспортировки в Европу стал маршрут Пенсильвания–Лондон. В Пенсильвании нефтью наполняли деревянные бочки, грузили их на железнодорожные платформы паровоза, который отправлялся в порт Филадельфии, откуда корабль перевозил их в Лондон. Так как все погрузки осуществлялись силами обычных рабочих, только на заполнение брига Elizabeth Watts ушло 10 дней. Несмотря на очевидную опасность такого способа транспортировки, первая поездка была завершена успешно и в 1861 году в Европу был перевезен 901 баррель пенсильванской сырой нефти и 428 баррелей очищенного керосина (Brice, 2009: 324). Она положила начало целой эпохе перевозки нефти и нефтепродуктов с помощью бочек и парусных судов. Такой способ транспортировки превалировал на протяжении следующих 25 лет (Логачев, 1970: 359).

В 1872 г. Александр II отменяет откупную систему, 17 февраля были приняты указы «Правила о нефтяном промысле и акцизе с фотогенного производства» и «Правила об отдаче в частные руки казенных нефтяных источников Кавказского и Закавказского края» (ПСЗ РИ. СВ, 1874). Вместо откупной системы вводится акциз на фотоген, и нефтяные участки начинают продавать с публичных торгов в частные руки, что увеличивает поток инвестиций на Апшеронский полуостров. Такое решение основано на выводах созданной еще в 1867 году в Тифлисе комиссии, которая считала, что необходимо по американскому примеру освободить добычу сырой нефти от налогов, обложив пошлиной продукты переработки нефти. При этом на проданном участке предприниматель был обязан в течение первых двух лет начать добычу нефти, а на свободных казенных землях было разрешено заниматься поиском нефти. Правительство оставило за собой право надзора за частными землями, а местным крестьянам дали право добывать нефть на своих общественных землях или отдавать их в аренду.

С развитием добычи нефти в Баку появилась необходимость транспортировки бакинской нефти как по всей империи, так и в страны Европы. Интересно то, что эта нефть была очень известна за пределами Российской империи еще до начала массовой промышленной добычи. Причина ее низкого экспорта заключалась в неразвитой системе перевозки нефти из Баку в другие регионы.

Россия последовала примеру США и также начала транспортировать нефть с помощью деревянных бочек. На бакинских заводах для этих целей было создано специальное «бочарное мастерство». Например, астраханские купцы Николай и Дмитрий Артемьевы, которые занимались перевозкой различных грузов по Каспию, с 1866 года начали использовать свои парусные шхуны для перевозки нефти и нефтепродуктов из Баку в Астрахань, где бочки с нефтью загружали в железнодорожные вагоны (Логачев, 1970: 10).

Проанализировав этот период перевоза нефти и нефтепродуктов, можно сделать следующие выводы:

1. Стоимость бочки, ее погрузка и разгрузка на шхуну увеличивали себестоимость нефтепродуктов. Также вес бочек уменьшал количество перевозимой нефти, а на обратном пути корабль шел «пустым», везя бочки обратно.

2. Бочки были очень опасны при транспортировке. В любой момент они могли загореться и нанести вред всему грузу и экипажу корабля. Также они требовали строительства специализированных складов вдали от города.

3. Не обходилось без потерь нефтяных ресурсов. Нефть, содержащаяся в бочках, часто разливалась, и ее уже нельзя было использовать.

4. С каждым годом объемы добычи возрастали, необходимо было совершенствовать и удешевлять способы транспортировки нефти.

Принимая во внимание указанные неудобства транспортировки, перевозчики нуждались в оборудованном специально судне, которое могло бы перевозить ресурсы без потерь и, следовательно, понижало стоимость транспортировки нефти.

В 1874 году братья Артемьевы использовали шхуну «Александр» для перевозки нефти наливом (Андреев, 1886: 63). Они имели в собственности судоремонтный завод, и им не составило труда приспособить специальные цистерны на небольшую шхуну. Всего в общей сложности судно «Александр» вмещало на борту примерно 80 тонн нефти, что для того времени было достаточно много. При этом уменьшились разливы нефтепродуктов, а вместе с ними и потери товара, а также опасность взрыва судна. Необходимо отметить, что судостроительство в России не было достаточно развито, чтобы отвечать нуждам нефтепромышленников. К примеру, крупнейшее «Общество пароходства на Волге» использовало закупленные за границей пароходы и баржи (Лендер, 1888: 38-59).

Загрузка нефтепродуктов на шхуну происходила с помощью ручного насоса. Из-за случаев повреждения шхуны с наружной стороны и для повышения безопасности между наливными цистернами было решено оставить воздушную подушку. В таком виде шхуна «Александр» совершила восемь успешных рейсов.

В дальнейшем братья Артемьевы переоборудовали весь свой флот по такому принципу и продолжили его совершенствовать. Адаптировав схожим образом свои баржи, они начали перевозить нефть наливом по Волге. Уже в 1878 году братья Артемьевы стали применять паровой насос мощностью 4 тысячи пудов в час, что было гораздо эффективнее ручного насоса для закачки нефти.

Благодаря братьям Артемьевым, модификации нефтяных шхун стали совершенствоваться каждый год. Их изобретения позволили сделать транспортировку нефти гораздо экономичнее и уменьшить потерю топлива. Воодушевленные их примером, нефтепромышленники стали перестраивать свой флот по системе братьев Артемьевых. Позднее, в 1883 году, в докладе правления «Бр. Нобель» общему собранию пайщиков будет отмечено: «Преимущества... перевозки нефтяных продуктов в наливных суднах и вагонах, сравнительно с прежней перевозкой в бочках, в последнее время обнаружались с такой для всех очевидностью, что никто уже не сомневается в необходимости вовсе прекратить вывоз из Баку нефтяного товара в бочках...» (Гефтер и др., 1961: 47).

Несмотря на совершенствование способов перевозки нефти, многие нефтепромышленники продолжали перевозить нефть в бочках и пытались приспособить для этого небольшие деревянные шхуны для ловли рыбы. Основной проблемой этого способа оставались значительные потери нефтепродуктов в течение всего пути их доставки. Интересно то, что утечку нефтепродуктов при перевозке водным транспортом включали в договоры. Например, при перевозке керосина и мазута утечка перевозимого товара от Астрахани до Нижнего Новгорода составляла до 15 % и 10 % соответственно.

В итоге это привело к тому, что на Волге начало уменьшаться количество рыбы и водной фауны. Причина кроется именно в нефтяных пятнах, которые начали с годами оставаться в некоторых местах Волги. Об этом в своей статье писал вице-председатель и член правления Императорского Российского общества рыбоводства и рыболовства доктор О.А. Гримм в 1891 году: «Мы не раз имели случай указывать, что Волга, как и другие наши реки, богата рыбой благодаря тому, что ее плоские берега, покрытые лугами, камышом и тальником, ежегодно затопляются весенними разливами и дают жизнь неисчислимому множеству разных мелких организмов, начиная с инфузорий и кончая насекомыми, из коих для жизни рыб, как их корм, имеют наибольшее значение личинки двукрылых, живущих в воде (Simulia, Chinonous). Богатство берегов Волги этими, подчас до крайности надоедливыми тварями, было известно всем; но также известно всем волгарям, что количество этих мошек, как и комаров, в последние годы настолько уменьшилось, что бросается в глаза даже поверхностным наблюдателям, и это не только в верхней Волге, но даже в ее дельте, что в былое время нельзя было, как говорится, продохнуть от этих тварей; исчезли все волжские раки, уменьшилось количество рыбы, саранча, которая перелетала Волгу, отдыхая на воде, попадая в нефтяное пятно, там и оставалась. Но все это совершенно совпало с развитием нефтяного дела на Волге и только им и может быть объяснено» (Гримм, 1891: 380).

Аналогичные проблемы сохранялись и на иностранных судах. Построенный в 1873 году компанией «Palmer's Shipbuilding and Iron» по заказу Великобритании как «первый океанский пароход с цистернами» Vaderland был вскоре снят с рейсов и перестал использоваться «по соображениям безопасности» (Watts, 1911:316-322).

В 1874 году Кокорев и Губонин становятся учредителями Бакинского нефтяного общества – акционерной компанией, устав которой утвердил Александр II. Для перевозки нефти компания

использовала шесть парусных шхун и пароход «Артельщик» с пятью баржами. В следующем году она построили еще пять барж и приобрела паровую шхуну «Транзунд», что позволило к 1877 году компании стать лидером российской нефтяной промышленности: общество добывало до 32 % от всей российской нефтедобычи (Отчет БНО, 1877: 3).

Проанализировав развитие перевозки нефти по Волге, можно выделить следующие показатели:

Таблица 1. Количество нефти и нефтепродуктов, перевозимых по Волге с 1873 по 1878 годы

Год	1873	1874	1875	1876	1877	1878
Кол-во нефтепродуктов, млн пуд	1,5-2	3,3	4,7	6,8	9,8	13,4
Год	1879	1880	1881	1882	1883	1884
Кол-во нефтепродуктов, млн пуд	16,5	23,1	31,8	52,1	80	102,6

Добыча нефти и нефтепродуктов активно развивалась, и с каждым годом набирала обороты транспортировка нефти, в том числе по Волге. Однако, чем объемнее была транспортировка, тем обширнее были загрязнения окружающей среды. При этом наибольшие потери нефти приходились на только добытое, необработанное и неочищенное сырье.

В 1876 г. началась постройка наливной шхуны «Зороастр», предназначенной для перевозки керосина. Ее заказали Нобели на заводе «Мотала» (Motala). Вместе с директором завода Свенном Алмквистом Людвиг Нобель создали несколько проектов этого судна (Осбринк, 2003: 47). Итогом стало создание на Линдхольменской верфи в Норрчепинге железного танкера. В то время Роберт и Людвиг Нобели уже активно занимались нефтяными скважинами в Баку и для них, как и для других нефтепромышленников, остро стоял вопрос транспортировки нефти. Альфред Нобель к этому моменту уже получил свой знаменитый патент на изготовление динамита и без труда оплатил для братьев создание на шведской верфи крупнейшего для своего времени танкера, снабдив их в тому же патентами на трубопровод, паровозный насос, переделанный под перегонку нефти, и вкладом в полтора миллиона рублей. Для сравнения, в то время нефть стоила от 6 до 10 копеек за пуд (из которых большую часть стоила транспортировка), керосин 27 копеек за пуд, бурение скважины около 10 тысяч рублей, а Роберт Нобель купил завод по производству фотогена и несколько нефтеносных участков за 25 тыс. рублей (Двадцатипятилетье..., 1904: 50). Следует отметить, что младший из братьев Нобелей, Эмиль, погиб при испытаниях динамита и в делах компании не участвовал. В 1864 году в домашней лаборатории прогремел взрыв, погубивший младшего брата Альфреда Эмиля и еще пятерых прохожих. Опрошенные свидетели утверждали, что в лаборатории Нобелей хранили порох и подводные мины (Nya Dagligt, 1904).

Изначально внутри шхуны были встроены металлические емкости в общем количестве 21 штуки, что в суммарном объеме вмещало 250 тонн. Металлические емкости можно было изымать для уменьшения осадки судна на мелководье, например по Мариинской системе каналов. Впоследствии указанная система была упрощена и металлические емкости были изъяты, а углеводородный груз перевозился путем налива в корпус судна. Следует отметить, что металлические емкости не пользовались спросом и еще по одной технической причине: в XIX веке не существовало надежных технологий герметизации швов и ни один производитель не мог сказать, когда начнутся протечки и потребуется ремонт (Кушнир, Асадова, 2020: 78-90).

Свой первый рейс указанная шхуна совершила в мае 1878 года под русским флагом. Она прошла своим ходом по Балтийскому морю через Санкт-Петербург и Мариинскую систему каналов по реке Волге, благополучно причалив на Каспии.

Быстро поняв преимущества такого способа транспортировки и верно расценив роль нового транспорта, Нобели начинают весту борьбу с конкурирующими нефтепромышленниками. Они размещают сообщения в газетах о планируемой большой партии наливных судов, после прихода которых товарищество будет брать у нефтепромышленников заказы на доставку нефти в Царицын. Однако после приезда новых судов товарищество не берет обещанных заказов, и конкурентам приходится в спешке заказывать постройку наливных судов у сторонних фирм, что позволило Нобелям на некоторое время (а строительство корабля могло занять до двух лет) получить заметное преимущество в цене нефти и нефтепродуктов.

Когда становится ясно, что деревянные наливные суда выдерживают перевозку нефти не хуже железных танкеров и мелкие нефтепромышленники Баку начинают их массово заказывать, товарищество «Бр. Нобель» подает нижегородскому губернатору биржевого комитета записку о необходимости безусловного запрещения перевозки керосина наливом в деревянных баржах ввиду их пожароопасности (Заклучение..., 1885: 53-56).

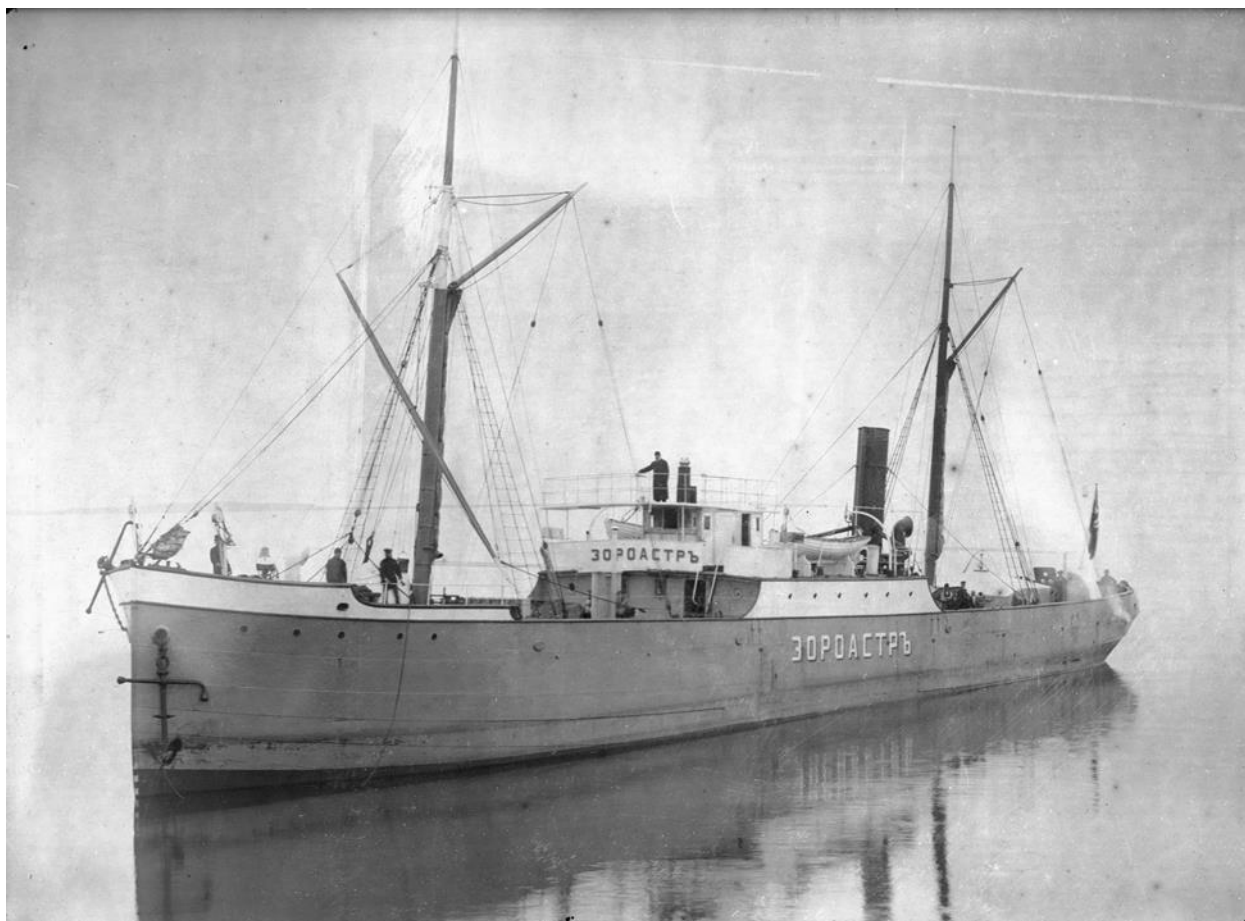


Рис. 3. Шхуна «Зороастр», 1876 г.

Одновременно с этим предприниматель и почетный инженер-технолог В.И. Рагозин сконструировал и смонтировал на Сураханском заводе технологическую линию по получению смазочных масел из остатков (мазута), которые ранее попросту сжигались или сливались в ямы. Его смазочные масла завоевали золотые медали на всемирных выставках в Париже в 1878 и 1889 годах, Риме в 1883 году, в Ницце 1883 году и Антверпене в 1885 году. Это позволило увеличить рентабельность переработки нефти и повысить масштабы ее разработки. Еще одним большим стимулом для роста производства керосина становится отмена акциза с 1 сентября 1873 года на десять лет ([ПСЗ РИ. СВ, 1874](#)).

В 1875 г. инженер-химик А.А. Летний выпускает свою работу «Сухая перегонка битуминозных ископаемых», в которой он анализирует нагрев нефтяных остатков и делает вывод, что при температуре выше 300°C они разлагаются на фракции. На основе этой работы в 1891 году Шухов вместе со своим помощником Сергеем Гавриловым запатентует ([Патент РИ, 1891](#)) установку термического крекинга. Этот процесс позволял при переработке нефти получать не только керосин, но и лигроин, газойль (которого затем вместе с керосином можно перегнать в дизельное топливо), бензин, моторные масла.

В 1879 году было учреждено «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель», чей устав был «Высочайше утвержден Александром II» 18 мая 1879 года ([ПСЗ РИ, 1881: 392-399](#)). Символом товарищества стал храм огнепоклонников Атепгях, однако по иронии судьбы именно из-за нефтепромышленников и активного бурения новых скважин давление газа под храмом упало и вечный огонь потух, после чего храм оказался заброшен.

В 1879 году для перевозки нефти Нобелями были заказаны два парохода: «Норденшельд» и «Будда». Их перевозили на понтонах по частям, разделив каждое судно на три, и собирали уже в Астрахани. Однако значительная часть нефти, добываемой обществом, перевозилась на чужих судах (Шубин, 1927: 627), и было решено продолжать увеличивать количество морского транспорта. На протяжении 1881–1882 гг. другой филиал Мотальского завода – Линдхольменская верфь в Гетеборге – поставил товариществу в общей сложности шесть судов, которые были названы «Моисей», «Магомет», «Брахма», «Сократ», «Спиноза» и «Дарвин» ([Осбринк, 2003: 49](#)).

В 1880 году Шухов впервые в мире осуществил промышленное факельное сжигание жидкого топлива с помощью изобретенной им форсунки. Важнейшей особенностью этого изобретения стала возможность сжигать в качестве топлива мазут, который считался сопутствующим отходом

нефтепереработки и применялся исключительно как сырье для производства смазочных масел. Д.И. Менделеев высоко оценил изобретение Шухова и в 1897 году поместил изображение его форсунки на обложку своей книги «Основы фабрично-заводской промышленности» (Менделеев, 1897).



Рис. 4. Пароход «Моисей», Баку, июль 1883 г.

В ближайшее десятилетие в России возрастет потребление мазута, повысится потребление смазочных масел. На нефтяное топливо будут переведены прилегающие к Волге железные дороги, текстильная промышленность Верхневолжского района. Увеличится потребление нефтетоплива в мукомольной, маслобойной, химической отраслях промышленности, расположенных на Северном Кавказе, в Среднем и Нижнем Поволжье (Кафенгауз, 1994: 10). Это станет стимулом для нефтепромышленников к увеличению добычи и переработки нефти.

Понимая, что транспортировка по Волге является самой дешевой, Нобели решают в Царицыне построить специализированные нефтеналивные баржи «Елена» и «Елизавета», которые были выполнены в виде разборных конструкций для удобства их транспортировки по мелким рекам. Грузоподъемность их составила 570 тонн. Далее по заказу компании Нобелей строятся еще две пары барж увеличенной вместимости на 900 и 1650 тонн соответственно. В отличие от большинства речных барж того времени корпуса нобелевских делались из железа (Шубин, 1927: 557-558).

В 1881 году по заказу Нобелей были построены два нефтеналивных парохода «Калмык» и «Татарин» грузоподъемностью 650 и 820 тонн. На этих судах отказались от цилиндрических цистерн, а в трюме были построены несколько отсеков, разделявшихся перегородками. Они закрывались клинкетами, и из каждого отсека были выведены газоотводные трубы. Впоследствии оба парохода к 1910 году переделали под баржи.

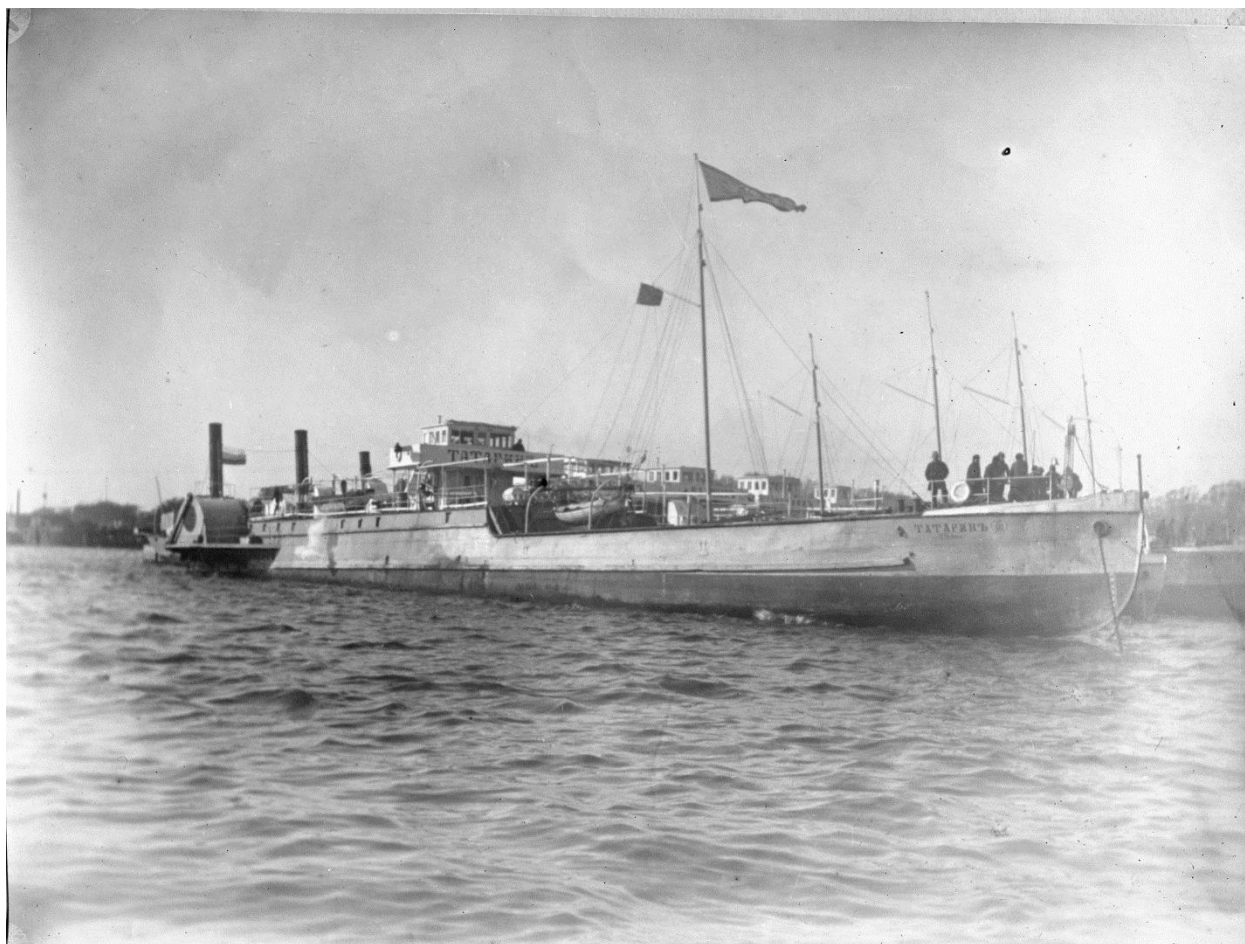


Рис. 5. Танкер «Татарин». Верфь Мотала, Швеция, 1881 г.

В 1883 году была построена железная дорога Баку–Батуми и бакинскую нефть стало возможно вывозить водным транспортом на экспорт с Черноморского побережья Кавказа. Первым судном, предназначенным для экспортных перевозок, стал черноморский танкер «Свет». Он был также построен на шведской верфи по заказу фирмы братьев Нобель в 1885 году. С окончанием Закавказской железнодорожной дороги в Батуми строятся склады для нефтяных продуктов и обустраиваются новые пристани. Помимо танкера «Свет», нобелевский флот дополнили танкеры «Луч» и «Блеск». Последний, самый большой в классе (вместимость 3035 тонн), был немедленно зафрахтован на длительный срок компанией «Стандарт ойл» для атлантических маршрутов.

Насосы и трубы для выкачки нефти были встроены в корпус танкеров, что позволило, например, танкеру «Свет» выгружать 1700 тонн нефти всего за пять с половиной часов (Логачев, 1970: 12).

При этом, когда в 1885 году по прошению заводчиков была начата постройка железнодорожной береговой ветви, которая должна была удешевить расходы на подвозку нефтепродуктов к станции, этому попыталось помешать товарищество братьев Нобель. Узнав о проекте, они выкупили участок земли в месте, где должна была пройти часть железной дороги и, поставив там своих рабочих, возвели поперек пути каменную стену. Рабочие продолжали защищать свою постройку, пока их не разогнал присланный для этого отряд казаков (Протокол..., 1885: 55).

В свою очередь, совет съезда бакинских нефтепромышленников, получив известия о планах горного департамента на создание Каспийско-Черноморского нефтепровода через частных лиц, предполагая, что нефтепровод будет принадлежать братьям Нобель, подает докладную записку на имя директора горного департамента Н.А. Кулибина. В записке совет просит утвердить проект нефтепровода только по исчерпанию пропускной способности Закавказской железной дороги, отдать его в государственную или общую собственность и поставить ограничения на транспортировку по трубопроводу и продажу сырой нефти, так как это ударит по нефтеперерабатывающей промышленности (Протокол..., 1885: 58-60).

В 1886 году в Англии по заказу Вильгельма Антона Ридеманна, не нашедшего в Германии судостроительной компании, которая взялась бы за его заказ, строят танкер «Glückauf». Небезынтересно, что название корабля – это приветствие немецких горняков, которое переводится примерно, как «Счастливо вернуться наверх!» или «Счастливо выбраться!». От идеи встраивания

цистерны в корабль отказались из-за опасений скапливания газов между цистерной и кораблем. Грузовой отсек вместимостью 3020 тонн был разделен поперечной и продольной переборками на шестнадцать баков. В том же году «Glückauf» совершил свой первый рейс и перевез керосин из Филадельфии в Бремерхафен. Несмотря на свое название, танкер сел на мель в 1893 году в районе Файер-Айленда (Нью-Йорк), однако на основе его конструкции были построено множество других нефтяных танкеров (Clarke, 1997: 177).

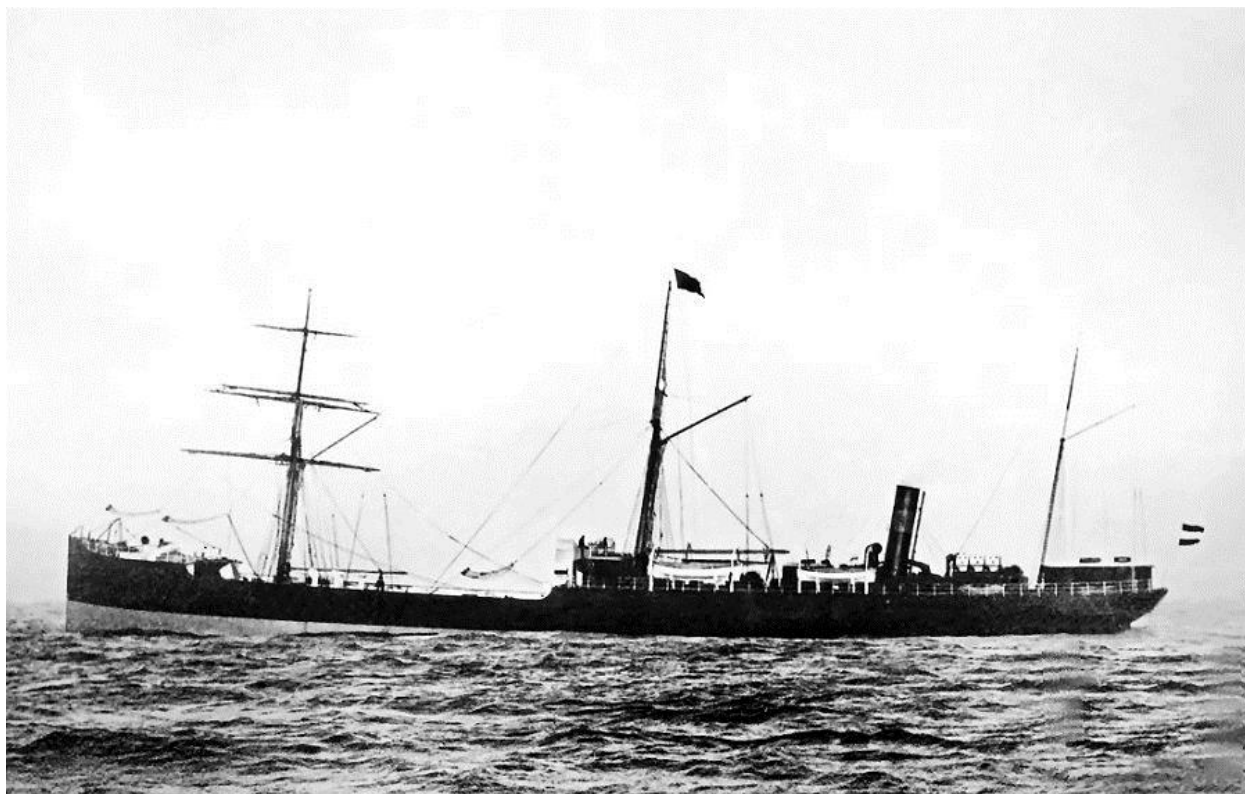


Рис. 6. Английское нефтеналивное судно «Глюкгауф». 1886 г.

В 1883 г. было учреждено Батумское нефтепромышленное и торговое общество (БНИТО) (ПКМ РИ, 1883: 265), его учредителями становятся Сергей Палашковский и Андрей Бунге, руководители строительства железнодорожной магистрали Баку–Тифлис–Батуми. Общество строит железные дороги от скважин до заводов и портов, вкладывается в создание парка вагонов-цистерн, что позволяет им контролировать значительную часть перевозки бакинской нефти в Батуми. Облигации были выпущены на иностранной бирже, ценные бумаги начинают скупаться домом Ротшильдов (Гулишамбаров, 1890: 91). Падение цен на нефть и керосин (в основном из-за монопольно низкой цены «Standart Oil», а также из-за увеличения добычи нефти в Баку) спровоцировало появление значительных долговых обязательств у российских нефтепромышленников и снижение рентабельности нефтедобычи.

Ротшильды скупают все долги и обязательства БНИТО. Основной капитал компании увеличивается, и общество в 1885 году преобразуется в Каспийско-Черноморское нефтепромышленное и торговое общество (КЧНИТО). Появление КЧНИТО вызывает противоречивые оценки в промышленных и государственных кругах, серьезно обговаривается возможность ограничить переход нефтеносных земель в собственность иностранцев, а также вовсе запретить им участвовать в акционерных предприятиях, занимающихся добычей, обработкой или транспортировкой нефти, так как «при настоящем стесненном положении нефтяной промышленности, собственники нефтеносных земель могут легко пойти на предложения иностранных капиталистов..., такой захват по экономическим соображениям был бы крайне нежелателен» (Отношение..., 1888: 114-116). Одновременно в 1893 году в Нижнем Новгороде учреждается нефтепромышленное предприятие «Мазут» с капиталом в 12 млн рублей. Учредителем стал все тот же парижский банкирский дом Ротшильдов. При этом, в отличие от товарищества «Бр. Нобель», Ротшильды предпочитают не строить, а покупать уже рабочие суда у разорявшихся нефтепромышленников. К 1900 году общество располагало 21 пароходом и более чем 100 баржами (Шубин, 1927: 628).

В российской нефтяной промышленности в этот момент существует проблема сбыта нефти, к концу XIX века на нефтяном рынке существуют также крупные игроки Ирана, Венесуэлы и,

безусловно, США. Промышленники возвращаются к идее продажи нефти на восток. Основным путем транспортировки нефти планируется сделать Транссибирскую железнодорожную магистраль, однако в 1900-х еще не закончена постройка ее важнейшего участка, соединяющего Европейскую часть с Дальним Востоком. Чтобы доставить нефть морским путем на азиатские рынки, приходилось обходить Африку, поэтому бакинские нефтепромышленники безуспешно пытаются договориться о переправе через Суэцкий канал, который находится под контролем англичан, а они не соглашаются на транспортировку по каналу российской нефти, как, впрочем, и любой другой, из-за проблем с разливами нефти из-за несовершенства технологической конструкции многих танкеров. В 1875 году британский премьер-министр Дизраэли выкупил у наследника Саид-паши контрольный пакет акций компании Суэцкого канала. После английской оккупации Египта 1882 года компания полностью перешла под контроль Великобритании.

Участники Каспийско-Черноморского общества договариваются с британской фирмой Marcus Samuel & Co, которая заказывает у судостроительной компании William Gray & Co., Ltd. новый паровой танкер, отвечающий требованиям безопасности Всеобщей компании Суэцкого канала. Компания Marcus Samuel & Co в тот момент постоянно занимается перевозкой грузов через Суэцкий канал, экспортируя в Азию ткацкие станки и инструменты и импортируя на обратном пути рис, уголь и шелк. Разработкой танкеров занимался известный инженер-изобретатель Джеймс Фланнерай, который ввел систему паровой очистки танков для нефти, что дало возможность перевозить любые грузы и не возвращаться порожним после доставки нефти.

В октябре 1888 года проход по Суэцкому каналу становится свободным для мирных судов всех стран (ГИПЛ, 1952: 271-276), и в 1892 году новый танкер «Murex», зарегистрированный в Lloyd's Register of Shipping, проходит сначала через Босфор и Дарданеллы, а затем через Суэцкий канал, посещая Сингапур и Бангкок, и Бакинская нефтяная промышленность открывает для себя новый короткий путь к огромному рынку сбыта (Манвелов, 2016: 17). Первый танкер получил имя по названию экзотической ракушки, которым торговал Сэмюэл, все последующие танкеры серии также получили имена, связанные с ракушками. А вскоре и сама компания приобрела известное ныне название «Shell» – ракушка. По некоторым данным, за такой нетривиальный способ Маркус Сэмюэль получил от КЧНИТО исключительное право на продажу их нефти в Азии сроком на 7 лет. В 1897 году Маркус Сэмюэль, будущий лорд-мэр Лондона, учредит компанию «Shell», для которой W.Gray & Co. построит парк нефтяных танкеров. А компания «M. Samuel & Co» объединится с «Phillip Hill, Higginson, Erlangers Ltd» и станет частью крупного международного банка «Lloyds TSB».

Таким образом, к началу 1890-х годов в российской нефтяной промышленности обосновывается значительный иностранный капитал, включающий семейства Нобелей, Ротшильдов и налаживающий связи с будущим нефтяным гигантом Royal Dutch Shell. При этом царское правительство, осознавая возрастающую роль нефти, начинает уделять ей все больше внимания: так, в 1888 г. в Баку впервые прибывает российский император Александр III, показывая таким образом заинтересованность государства в нефтедобыче (Кондратенко, 1888: 142). В 1893 году принимается новый Горный устав (СЗ РИ. СВ, 1893: 283), в котором в 74 статьях определялись правила ведения поисков и добычи нефти, формирования фонда «на нужды нефтепромышленности», из которого содержались промысловые дороги и медицинская помощь на нефтяных промыслах. В статьях 586–593 были определены нормы для разработки заведомо нефтеносных участков и правила и порядок проведения торгов, где закон устанавливал, что в случаях равенства предложений, нефтеносный участок, выставленный на торги, отдавался «по жребию». Благодаря изменениям в законодательстве, ведение предпринимательской деятельности в сфере добычи и транспортировки нефти значительно улучшилось.

К началу XX века Россия выходит вперед по добыче нефти, обгоняя Соединенные Штаты (Менделеев, 1950: 351). Огромные объемы добычи опускают цены на нефть, и многие мелкие предприятия вновь становятся на грань банкротства.

Появившейся возможностью войти на российский рынок пытается воспользоваться другой мировой лидер нефтедобычи. Эмиссары «Стандарт ойл» несколько раз посещают Россию, налаживая контакты с бакинскими фирмами и царским правительством (Фурсенко, 1968: 81-82).

В то же время на мировой арене у России назревает серьезный конфликт с Японией. Причем по сообщениям российского посла в США, за океаном преобладают «японофильские» настроения, а враждебный тон американской прессы по отношению к России указывает Японии на возможность реальной помощи со стороны американских штатов (Кассини, д. 1, 1904).

Не получив желаемого результата, Рокфеллер предлагает царскому правительству сделку, которая больше походит на явный шантаж. Понимая, что Россия и Япония находятся в предвоенном положении, он предлагает следующее: близкие к «Стандарт Ойл» банковские структуры откажутся финансировать Японию в возможной войне, а Россия предоставляет структурам Рокфеллера возможность купить значительные нефтеносные площади в Баку.

Не получив ответа, связанные с Рокфеллером финансовые структуры предоставляют в 1904 году заем правительству Японии (Кассини, д. 2, 1904). При этом для самой Японии заем предоставлялся под большой процент (6 %) (Кассини, д. 3, 1904), чем в любую европейскую державу.

Итогом неконкурентной политики Рокфеллеров стала потеря Россией азиатских рынков, прежде всего японского.

В 1904 году бакинские фирмы также получают значительный ущерб от выступлений рабочих, занятых на нефтяных промыслах (Фролов, 1907: 76-86). Стоит отметить, что, во-первых, с постоянным повышением добычи нефти в Баку требовалась дешевая рабочая сила. Инфраструктура бакинских промыслов была создана в первую очередь, чтобы удовлетворить растущие интересы нефтяной промышленности. Рабочие жили в одноэтажных бараках, а все окрестности нефтепромыслов были загрязнены нефтью. Например, рабочие «Бр. Нобель», по сообщениям самого общества, получали строгую норму дистиллированной воды, «ввиду отсутствия пресной воды в Баку» (Двадцатипятильте..., 1904: 132). Интересы же царского правительства к нефтяной сфере не простирались до условий жизни и работы трудящихся.

С другой стороны, после значительного повышения добычи нефти и закономерного уменьшения цены, нефтепромышленники сами были заинтересованы в поддержании «спокойной» забастовки, так как она была «полезна для цен» (Харламов, 1939: 141). После стачки один из ее организаторов А.М. Стопани писал В.И. Ленину, что перед началом забастовки нефтепромышленники предлагали представителю ЦК 50 тысяч рублей и содержание рабочих, «лишь бы начали бастовать» (Ленин, кн. 2. 1979: 145), а во время самой забастовки «на две трети работы были остановлены самими нефтепромышленниками» (Ленин, кн. 1. 1979: 57).

В начале XX века нефть также открывают на Ближнем Востоке, а на европейские и восточные рынки поступает нефть из Венесуэлы, США и Ирана. Пережив общий экономический кризис 1902 года и частично оправившись к 1903 году (Кафенгауз, 1994: 72) после поражения в русско-японской войне и разгрома значительной части нефтяных промыслов в 1904–1905 годы, российская нефтяная промышленность вступает в период длительного кризиса и утрачивает свои позиции в создании новых технологических решений в нефтяной отрасли, в том числе в деле совершенствования транспортировки нефти, создания и внедрения новых танкеров.

Последним крупным технологическим достижением можно назвать создание танкера-теплохода, работавшего на двигателе внутреннего сгорания.

В 1898 году «Бр. Нобель» приобрели патент на двадцатисильный дизельный двигатель, и в 1902 году Нобели вместе со своими инженерами разработали двигатель, затем установленный в новые суда, которым дали имена в честь древних народов: «Сармат», «Скиф» и «Вандал». Их постройка осуществлялась на Сормовском заводе, а двигатели собирали и устанавливали на заводе Нобелей в Санкт-Петербурге. Суда были однотипные, а о качестве этих кораблей можно судить по тому факту, что «Вандал» (переименованный после революции в «Россию») в 1941 году был передан Каспийскому морскому пароходству и в годы Великой Отечественной войны перевозил бакинскую нефть. Во время шторма 1944 года он затонул, в 1947 году был поднят, восстановлен и продолжил работать на реке Кура до 1973 года (МПС/РР, 2021).

5. Заключение

Таким образом, проанализировав развитие рынка перевозок нефти и нефтепродуктов в Российской империи второй половины XIX века, можно сделать выводы.

Во-первых, развитие логистики в Российской империи XIX века традиционно задерживалось в сравнении с САСШ и государствами Западной Европы. Причины были как географические (огромные расстояния с многочисленными малонаселенными районами), так и политические (отсутствие средней буржуазии и авторитарный характер власти).

Во-вторых, опыт использования речных перевозок нефтепродуктов прежде всего по реке Волге показал, что в условиях сложности развития железнодорожной инфраструктуры реки могут быть весьма эффективным средством доставки грузов, в том числе нефти. Данный опыт сохраняет свою актуальность и в наше время.

В-третьих, опыт судостроения показал, что заказы танкеров и нефтеналивных барж у европейских судостроителей были скорее данью моде, а не производственной необходимостью. Строительство по заказу братьев Нобелей нефтеналивных барж, а позднее и пароходов в Царицыне, Рыбинске, Нижнем Новгороде демонстрировали возможности отечественных судостроителей. Ряд технических решений показал, что по уровню научно-технического развития Российская империя могла развивать собственный танкерный флот при наличии целенаправленной политики государства в этой области.

Как видно из анализа соперничества на международных нефтяных рынках, уже в XIX веке иностранные компании активно использовали санкции, политическое давление и прочие неконкурентные формы борьбы. Опыт взаимодействия с крупнейшими иностранными компаниями в нефтяной сфере показал, что использование государственного вмешательства для отстранения конкурентов было обычным явлением и ни о какой честной конкуренции речи не шло. Данный опыт не потерял своей актуальности и в наши дни.

В-четвертых, анализ государственного регулирования политики нефтяных перевозок показывает, что действия властей отличались непоследовательностью: на первом этапе, до начала

XX века, создание законодательства о нефтедобыче и перевозках усилило позиции национальных производителей, в том числе с иностранным капиталом. На втором этапе, с начала XX века, торговля нефтью и нефтепродуктами все более либерализуется в погоне за прибылью и приводит к демпингу со стороны иностранных компаний, что делает невозможным дальнейшее расширение нефтяной промышленности.

Литература

Андреев, 1886 – Выдержка из записки старшего ревизора Деп-та неокладных сборов МФ В.Н. Андреева «О современном положении промышленности на Кавказе и об обложении ее акцизным сбором». Цит. по Монополистический капитал в нефтяной промышленности России 1883–1914 Документы и материалы / Под ред. Гефтера М.Я., Гулиева А.Н., Фурсенко А.А. Изд-во Академии наук СССР. М.-Л., 1961. Приложение № 4. С. 63.

Антонова и др., 2005 – Антонова Е.О., Брандман Э.М. История эксплуатации нефтегазовых объектов в России и за рубежом. Ямальский нефтегазовый институт. М.: Недра, 2005. 148 с.

Гефтер и др., 1961 – Монополистический капитал в нефтяной промышленности России 1883–1914. Документы и материалы / Под ред. Гефтера М.Я., Гулиева А.Н., Фурсенко А.А. Изд-во Академии наук СССР. М.-Л., 1961. 795 с.

ГИПЛ, 1952 – Конвенция об обеспечении свободного пользования Суэцким каналом. Константинополь, 17/29 октября 1888 г. Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. 470 с.

Гримм, 1891 – Гримм О.А. О губительном влиянии нефти на рыб и мерах противодействия этому // *Вестник рыбопромышленности*. 1891. № 12. С. 380.

Гужов, 1973 – Гужов С. Как ищут и добывают нефть. М., 1973. 141 с.

Гулишамбаров, 1890 – Обзор фабрик и заводов Бакинской губернии: Историко-статистическое описание фабрично-заводской деятельности Бакинской губернии в связи с развитием в ней кустарных промыслов: с планом Балаханской площади / Сост.: Ст. Гулишамбаров. Тифлис, 1890. 278 с.

Двадцатипятилетье..., 1904 – Двадцатипятилетье товарищества нефтяного производства Бр. Нобель. 1879–1904. С.-Петербург. Товарищество Р. Голике и А. Вильборгъ. 1904 г. 142 с.

Ергин, 1999 – Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М., 1999. 936 с.

Заключение..., 1885 – Заключение Совета съезда бакинских нефтепромышленников от 17 мая 1885 года. Цит. по Монополистический капитал в нефтяной промышленности России 1883–1914 Документы и материалы / Под ред. Гефтера М.Я., Гулиева А.Н., Фурсенко А.А. Изд-во Академии наук СССР. М.-Л., 1961. Приложение № 2. С. 53-56.

Кассини, д. 1, 1904 – Донесение русского посла в США Артура Кассини министру иностранных дел графу Владимиру Ламсдорфу «О японофильской позиции правительства США и росте в стране антирусских настроений» от 14 января 1904 г. Цит. по «Россия и США: дипломатические отношения. 1900–1917» / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Ю.В. Басенко, В.И. Журавлева, Е.Ю. Сергеев. М.: МФД, 1999. (Россия. XX век. Документы). Прил. № 17. С. 50-52.

Кассини, д. 2, 1904 – Донесение русского посла в США Артура Кассини министру иностранных дел графу Владимиру Ламсдорфу «О значении первого японского займа в Америке» от 18 мая 1904 г. Цит. по «Россия и США: дипломатические отношения. 1900–1917» / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Ю.В. Басенко, В.И. Журавлева, Е.Ю. Сергеев. М.: МФД, 1999. (Россия. XX век. Документы). Прил. № 21. С. 57-59.

Кассини, д. 3, 1904 – Донесение А.П. Кассини В.Н. Ламсдорфу о втором японской займе в США от 3 ноября 1904 г. Цит. По «Россия и США: дипломатические отношения. 1900-1917» / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Ю.В. Басенко, В.И. Журавлева, Е.Ю. Сергеев. М.: МФД, 1999. (Россия. XX век. Документы). Прил. № 21. С. 68-69.

Кафенгауз, 1994 – Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в.) / Под ред. Н.К. Фигуровской. М.: Эпифания. 1994. 845 с.

Кондратенко, 1888 – Приложение 1 (Пребывание на Кавказ их императорского величества) к Кавказскому календарю на 1889 год / Под ред. Е. Кондратенко. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частию на Кавказе, 1888. 394 с.

Кушнир, Асадова, 2020 – Кушнир А.П., Асадова Ю.С. Герметизация неподвижных соединений. Российский технологический журнал. 2020;8(5):78-90.

Лендер, 1888 – Лендер Н. Волга и ее судоходное дело // Русское судоходство. 1888. № 38–59. С. 73-86.

Ленин, кн. 1 1979 – Переписка В.И. Ленина и руководимых им учреждений с местными партийными организациями РСДРП. 1905–1907. М., 1979. Т. 1. Кн. 1. 372 с.

Ленин, кн. 2 1979 – Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений с местными партийными организациями РСДРП. 1905–1907. М., 1979. Т. 1. Кн. 2. 382 с.

Логачев, 1970 – Логачев С.И. Основные этапы развития танкеров // Морские танкеры (рус.). Л.: Судостроение, 1970. 359 с.

- Манвелов, 2016** – 125 лет Shell в России: 1892–2017 / Н.В. Манвелов. М.: ФАКТОТУМС, 2016. 208 с.
- Менделеев, 1897** – Основы фабрично-заводской промышленности / Д. Менделеев. СПб.: Издание Д. Менделеева, 1897. 196 с.
- Менделеев, 1950** – *Менделеев Д.* Сочинения. Горная промышленность России // Изд. АН СССР. Л.-М., 1950. 591 с.
- МПС/РР, 2021** – Министерство путей сообщения (1885–1913) / Русский Регистр (1913–1918) Регистровый № 206/1/.
- Осбринк, 2003** – *Осбринк Б.* Империя Нобелей: история о знаменитых шведах, бакинской нефти и революции в России / Пер. с швед. Т. Доброницкой. М.: Текст, 2003. 300 с.
- Отношение..., 1888** – Отношение министра финансов И.А. Вышнеградского министру государственных имуществ М.Н. Островскому «О необходимости смягчения предполагаемых ограничений перехода нефтеносных земель к иностранцам» от 3 марта 1888 г. Цит. по «Монополистический капитал в нефтяной промышленности России 1883–1914». Документы и материалы / Под ред. Гефтера М.Я., Гулиева А.Н., Фурсенко А.А. Изд-во Академии наук СССР. М.-Л., 1961. Прил. № 19. С. 114-116.
- Отчет БНО, 1877** – Отчет Бакинского нефтяного общества за 1876–77 г. СПб., 1877. 31 с.
- Патент РИ, 1891** – Патент Российской империи № 12926 от 27 ноября 1891 года.
- ПКМ РИ, 1883** – Высочайше утвержденный Устав Батумского нефтепромышленного и торгового Общества. Положение Комитета Министров, Высочайше утвержденное 1 Июля 1883 года. Собр. Узак. 1883 г. Августа 2, ст. 675.
- ПСЗ РИ. СВ, 1874** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1885.
- ПСЗ РИ. СВ, 1881** – Высочайше утвержденный Устав Товарищества нефтяного производства братьев Нобель. Положение Комитета Министров, Высочайше утвержденное 18 мая 1879 года. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Том IV. Отделение первое. Часть 1. Закон 59648. СПб.: 1881 г.
- Протокол..., 1885** – Протокол бакинского уездного пристава Карангозова от 14 марта 1885 г.; Заключение Совета съезда бакинских нефтепромышленников от 17 мая 1885 года. Цит. по «Монополистический капитал в нефтяной промышленности России 1883–1914». Документы и материалы / Под ред. Гефтера М.Я., Гулиева А.Н., Фурсенко А.А. Изд-во Академии наук СССР. М.-Л., 1961 г. С. 55.
- Пузанов, 1960** – *Пузанов И.И.* По нехоженному Крыму. М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1960. 285 с.
- СЗ РИ. СВ, 1857** – О нефтяных промыслах, состоящих в Шемахинской и Дербентской губерниях. Свод законов Российской империи. Том седьмой. Уставы монетный, горный и о соли. Собрание второе. СПб.: Типография II отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1857. Т. VII. Отделение третье.
- СЗ РИ. СВ, 1893** – Свод законов Российской империи: В 16 т. Т. 7: Устав Горный: В 4 кн. 1893. 283 с. СПб. Действовал до принятия в 1917 году декрета «О земле» II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов.
- Старцев, 1901** – *Старцев Г.Е.* Бакинская нефтяная промышленность. Историко-статистический очерк. Баку: Арор, 1901. 447 с.
- Успенский, 1952** – *Успенский В.А.* Исследование древней амфоры с нефтью, найденной в Тиритаке. Материалы и исследования по археологии СССР, сб. 25. Изд-во АН СССР, 1952. 423 с.
- Фролов, 1907** – Очерк забастовочного движения рабочих Бакинского нефтепромышленного района за 1903–1906 год / Сост. В.И. Фролов (предисл.). Совет Съезда Бакинских Нефтепромышленников Баку: Типография Труд С.Г. Берладира, Типография 1-го Типографского Т-ва, 1907. 89 с.
- Фурсенко, 1968** – *Фурсенко А.А.* Династия Рокфеллеров. Л.: Академия наук СССР. Ленинградское отделение института истории. 1968. 701 с.
- Харламов, 1939** – *Харламов М.* Телеграмма от 14 декабря 1904 г. бывшего российского консула в Стокгольме, а во время забастовки директора фирмы Нобеля. Всеобщая стачка бакинских рабочих в 1904 г. // *Исторический журнал.* 1939. № 12. С. 139-149.
- Шубин, 1927** – *Шубин И.А.* Волга и волжское судоходство. История развития и современное состояние судоходства и судостроения. М.: Транспечать, 1927. 908 с.
- Brice, 2009** – *Brice W.R.* History of the 42-Gallon Oil Barrel // Myth, Legend, Reality: Edwin Laurentine Drake and the Early Oil Industry Hardcover. Oil Region Alliance; First Edition, January 1, 2009. 661 p.
- Clarke, 1997** – *Clarke J.F.* Building Ships on the North East Coast Part 1. Bewick Press. 1997. 516 p.
- Nya Daylight, 1904** – *Nya Dagligt (New Daily) Allehanda* 3.09.1864 г. «Förfärlig olyckshändelse i Stockholm».

Watts, 1911 – *Watts P.* «Ship». In Chisholm, Hugh (ed.). *Encyclopædia Britannica*. 24 (11th ed.). Cambridge University Press. pp. 881–889. Redwood, Boverton (1911). «Petroleum». In Chisholm, Hugh (ed.). *Encyclopædia Britannica*. 21 (11th ed.). Cambridge University Press. 1911. pp. 316–322.

References

Andreev, 1886 – Vyderzhka iz zapiski starshego revizora Dep-ta neokladnyh sborov MF V.N. Andreeva «O sovremennom polozhenii promyshlennosti na Kavkaze i ob oblozhenii eyo akciznym sborom» Cit. po Monopolisticheskij kapital v neftyanoy promyshlennosti Rossii 1883-1914 Dokumenty i materialy. [On the current state of industry in the Caucasus and on the imposition of excise duty on it Quote from Monopoly capital in the oil industry of Russia 1883-1914 Documents and materials]. Pod red. Geft'er M.YA., Guliev A.N, Fursenko A.A. Izd-vo akademii nauk SSSR Moskva-Leningrad 1961. Prilozhenie № 4. P. 63. [in Russian]

Antonova i dr. 2005 – *Antonova, E.O., Brandman, E.M.* (2005). *Istoriya ekspluatatsii neftegazovyh ob"ektov v Rossii i za rubezhom* [The history of the operation of oil and gas facilities in Russia and abroad]. Yamal'skij neftegazovyy institut. – Moskva: Nedra, 148 p. [in Russian]

Brice, 2009 – *Brice, W.R.* (2009). *History of the 42-Gallon Oil Barrel. Myth, Legend, Reality: Edwin Laurentine Drake and the Early Oil Industry Hardcover*. Oil Region Alliance; First Edition, January 1, 661 p.

Clarke, 1997 – *Clarke, J.F.* (1997). *Building Ships on the North East Coast Part 1*. Bewick Press. 516 p.

Dvadcatipyatilet'e., 1904 – Dvadcatipyatilet'e tovarishchestva neftyanogo proizvodstva Br. Nobel'. 1879-1904 [25th Anniversary of the Oil Production Partnership Br. Nobel. 1879-1904]. S.-Peterburg. Tovarishestvo R. Golike i A. Vil'borg". 1904 g. 142 p. [in Russian]

Ergin, 1999 – *Ergin, D.* (1999). *Dobycha. Vsemirnaya istoriya bor'by za neft', den'gi i vlast'* [Extraction. World history of the struggle for oil, money and power]. M., 936 p. [in Russian]

Frolov, 1907 – Oчерk zabastovochnogo dvizheniya rabochih Bakinskogo neftepromyshlennogo rajona za 1903-1906 god [Essay on the strike movement of the workers of the Baku oil industrial region for 1903-1906] /sost. V.I.Frolov (predisl.). Sovet S"ezda Bakinskih Neftepromyshlennikov Baku: Tipografiya Trud S.G.Berladira, Tipografiya 1-go Tipografskogo T-va, 1907. 89 p. [in Russian]

Fursenko, 1968 – *Fursenko, A.A.* (1968). *Dinastiya Rokfellerov [Rockefeller dynasty]* Akademiya nauk SSSR. Leningradskoe otdelenie instituta istorii. 701 p. [in Russian]

Geft'er i dr., 1961 – Monopolisticheskij kapital v neftyanoy promyshlennosti Rossii 1883-1914 Dokumenty i materialy. [Monopoly capital in the oil industry of Russia 1883-1914 Documents and materials] Pod red. Geft'er M.YA., Guliev A.N, Fursenko A.A. Izd-vo akademii nauk SSSR Moskva-Leningrad 1961. 795 p. [in Russian]

GIPL, 1952 – Konvenciya ob obespechenii svobodnogo pol'zovaniya Sueckim kanalom. Konstantinopol' 17/29 oktyabrya 1888 g. [Convention for the Free Use of the Suez Canal. Constantinople, 17/29 October 1888]. Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami (1856-1917) Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1952 god. 470 s. [in Russian]

Grimm, 1891 – *Grimm, O.A.* (1891). O gibel'nom vliyanii nefti na ryb i merah protivodejstviya etomu [On the fatal effect of oil on fish and measures to counter it]. *Vestnik rybopromyshlennosti*. 12: 380. [in Russian]

Gulishambarov, 1890 – Obzor fabrik i zavodov Bakinskij gubernii: Istoriko-stichesкое opisaniye fabrichno-zavodskoj deyatel'nosti Bakinskoj gubernii v svyazi s razvitiem v nej kustarnyh promyslov: S planom balahanskoj ploshchadi [Overview of factories and plants in the Baku province: Historical and static description of the factory activities of the Baku province in connection with the development of handicrafts in it: With a plan of Balakhany square]. Sost.: St. Gulishambarov Tiflis, 1890. 278 p. [in Russian]

Guzhov, 1973 – *Guzhov, S.* (1973). *Kak ishchut i dobyvayut neft'* [How oil is searched for and produced]. M., 141 p. [in Russian]

Harlamov, 1939 – *Harlamov, M.* (1939). Telegramma ot 14 dekabrya 1904 g. byvshego rossijskogo konsula v Stokgol'me, a vo vremya zabastovki direktora firmy Nobelya. [Telegram dated December 14, 1904, from the former Russian consul in Stockholm, and during the strike of the director of the Nobel firm. Kharlamov M. General strike of Baku workers in 1904]. *Vseobshchaya stachka bakinskih rabochih v 1904 g. Istoricheskij zhurnal*. 12: 139-149 [in Russian]

Kafengauz, 1994 – *Kafengauz, L.B.* (1994). *Evolyuciya promyshlennogo proizvodstva Rossii (poslednyaya tret' XIX v. – 30-e gody XX v.)* [Evolution of industrial production in Russia (last third of the 19th century – 30s of the 20th century)]. Pod. Red. N.K. Figurovskoj. M.: Epifaniya. 845 p. [in Russian]

Kassini, d. 1, 1904 – Doneseniye russkogo posla v SSHA Artura Kassini ministru inostrannyh del grafu Vladimiru Lamsdorfu «O yaponofil'skoj pozitsii pravitel'stva SSHA i roste v strane antirussskih nastroyenij» ot 14 yanvary 1904 g. Cit. po «Rossiya i SSHA: diplomaticheskie otnosheniya. 1900-1917» [Report of the Russian Ambassador to the United States Arthur Cassini to Foreign Minister Count Vladimir Lamsdorf "On the Japaneseophile position of the US government and the growth of anti-Russian sentiments in the country" dated January 14, 1904. Quote from "Russia and the United States: Diplomatic Relations. 1900-1917"]. Pod red. akad. A. N. Yakovleva; sost. Yu.V. Basenko, V.I. Zhuravleva, E.Yu. Sergeev. M.; MFD, 1999. (Rossiya. XX vek. Dokumenty). Pril. № 17. Pp. 50-52. [in Russian]

Kassini, d. 2, 1904 – Donesenie russkogo posla v SSHA Artura Kassini ministru inostrannyh del grafu Vladimiru Lamsdorfu «O znachenii pervogo yaponskogo zajma v Amerike» ot 18 maya 1904 g. Cit. po «Rossiya i SSHA: diplomaticheskie otnosheniya. 1900-1917» [Report of Russian Ambassador to the United States Arthur Cassini to Foreign Minister Count Vladimir Lamsdorf "On the Significance of the First Japanese Loan in America" dated May 18, 1904. Quote from "Russia and the United States: Diplomatic Relations"]. Pod red. akad. A. N. Yakovleva; sost. Yu.V. Basenko, V.I. Zhuravleva, E.Yu. Sergeev. M.; MFD, 1999. (Rossiya. XX vek. Dokumenty). Pril. № 21. Pp. 57-59. [in Russian]

Kassini, d. 3, 1904 – Donesenie A.P.Kassini V.N. Lamsdorfu o vtorom yaponskoj zajme v SSHA ot 3 noyabrya 1904 g. [Report of A.P. Cassini to V.N. Lamsdorf on the second Japanese loan in the United States dated November 3, 1904. Quote from "Russia and the United States: Diplomatic Relations"]. Pod red. akad. A. N. Yakovleva; sost. Yu.V. Basenko, V.I. Zhuravleva, E.Yu. Sergeev. M.; MFD, 1999. (Rossiya. XX vek. Dokumenty). Pril. № 21. Pp. 68-69. [in Russian]

Kondratenko, 1888 – Prilozhenie 1 (Prebyvanie na Kavkaz ih imperatorskogo velichestva) k Kavkazskomu kalendaryu na 1889 god: [Appendix 1 (Stay in the Caucasus of their Imperial Majesty) to the Caucasian calendar for 1889]. Pod red. E. Kondratenko. Tiflis: Tipografiya kancelyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhdanskoyu chastiyu na Kavkaze, 1888. 394 p. [in Russian]

Kushnir, Asadova, 2020 – *Kushnir, A.P., Asadova, Yu.S.* (2020). Germetizaciya nepodviznyh soedinenij [Sealing fixed connections]. *Rossijskij tekhnologicheskij zhurnal*. 8(5): 78-90. [in Russian]

Lender, 1888 – *Lender, N.* (1888). Volga i ee sudohodnoe delo [Volga and its shipping business]. *Russkoe sudohodstvo*. 38-59: 73-86. [in Russian]

Lenin, kn. 1, 1979 – Perepiska V.I. Lenina i rukovodimyh im uchrezhdenij s mestnymi partijnymi organizacijami RSDRP [Correspondence of V.I. Lenin and the institutions he leads with the local party organizations of the RSDLP]. 1905–1907. M., 1979. T. 1. Kn. 1. 372 p. [in Russian]

Lenin, kn. 2, 1979 – Perepiska V.I. Lenina i rukovodimyh im uchrezhdenij s mestnymi partijnymi organizacijami RSDRP [Correspondence of V.I. Lenin and the institutions he leads with the local party organizations of the RSDLP]. 1905–1907. M., 1979. T. 1. Kn. 2. 382 p. [in Russian]

Logachev, 1970 – *Logachev, S.I.* (1970). Osnovnye etapy razvitiya tankerov [The main stages of tanker development]. *Morskije tankery* (rus.). L.: Sudostroenie, 359 p. [in Russian]

Manvelov, 2016 – *Manvelov, N.V.* (2016). 125 let Shell v Rossii: 1892–2017 [125 years of Shell in Russia: 1892–2017]. M.: FAKTOTUMS, 208 p. [in Russian]

Mendelev, 1897 – *Mendelev, D.* (1897). Osnovy fabrichno-zavodskoj promyshlennosti [Foundations of Factory Industry]. Sankt-Peterburg: Izdanie D. Mendeleeva, 196 p. [in Russian]

Mendelev, 1950 – *Mendelev, D.* (1950). Essays. Mining industry in Russia [Quote from Dm. Mendeleev Works. Mining industry in Russia]. Izd. AN SSSR. LNGR-MSK, 591 p. [in Russian]

MPS/RR, 2021 – Ministerstvo putej soobshcheniya (1885-1913). *Russkij Registr* (1913-1918) Registrovij № 206/1/ [Ministry of Railways (1885-1913)]. *Russian Register* (1913-1918). Register № 206/1. [in Russian]

Nya Daylight, 1904 – Vypusk Nya Dagligt (New Daily) Allehanda ot 3 sentyabrya 1864 g. «Förfärlig olyckshändelse i Stockholm» [Horrible accident in Stockholm]. [in Swedish]

Osbrink, 2003 – *Osbrink, B.* (2003). Imperiya Nobelej: istoriya o znamenityh shvedah, bakinskoj nefci i revolyucii v Rossii [Nobel Empire: a story about famous Swedes]. Per. s shved. T. Dobronickoj. M.: Tekst, 300 p. [in Russian]

Otchet BNO, 1877 – Otchet Bakinskogo neftyanogo obshchestva za 1876–77 g. [Report of the Baku Oil Society for 1876–1877]. SPb., 1877. 31 s. [in Russian]

Otnoshenie..., 1888 – Otnoshenie ministra finansov I.A. Vyshnegradskogo ministru gosudarstvennyh imushchestv M.N. Ostrovskomu «O neobhodimosti smyagcheniya predpolagaemyh ogranichenij perekhoda neftenosnyh zemel' k inostrancam» ot 3 marta 1888 g. Cit. po *Monopolisticheskij kapital v neftyanoj promyshlennosti Rossii 1883-1914 Dokumenty i materialy* [The attitude of the Minister of Finance I.A. Vyshnegradsky to the Minister of State Property M.N. Ostrovsky «On the need to mitigate the alleged restrictions on the transfer of oil-bearing lands to foreigners» from March 3 1888. Quote from *Monopoly capital in the oil industry of Russia 1883-1914 Documents and materials*]. Pod red. Gefer M.YA., Guliev A.N., Fursenko A.A. USSR Academy of Sciences Publishing House Moscow-Leningrad 1961. Pril. № 19. Pp. 114-11. [in Russian]

Patent RI, 1891 – Patent Rossijskoj imperii № 12926 ot 27 noyabrya 1891 goda [Patent of the Russian Empire No. 12926 dated November 27, 1891]. [in Russian]

PKM RI, 1883 – Vysochajshe utverzhdenyj Ustav Batumskago neftepromyshlennogo i torgovogo Obshchestva [The highest approved Charter of the Batumi Oil Industrial and Trade Company]. Polozhenie Komiteta Ministrov, Vysochajshe utverzhdennoe 1 iyulya 1883 goda. *Sobr. Uzak. 1883 g. Avgusta 2, st. 675.* [in Russian]

Protokol..., 1885 – Protokol bakinskogo uezdnoego pristava Karangozova ot 14 marta 1885 g.; Zaklyuchenie Soveta s"ezda bakinskih neftepromyshlennikov ot 17 maya 1885 goda. Cit. po *Monopolisticheskij kapital v neftyanoj promyshlennosti Rossii 1883-1914 Dokumenty i materialy*. [Protocol of the Baku district bailiff Karangozov of March 14, 1885; Conclusion of the Council of the Congress of Baku

Oil Industrialists of May 17, 1885. Quote from Monopoly Capital in the Oil Industry of Russia 1883-1914 Documents and Materials] Pod red. Gefter M.YA., Guliev A.N, Fursenko A.A. Izd-vo akademii nauk SSSR Moskva-Leningrad 1961 g. S. 55. [in Russian]

PSZ RI.SV, 1874 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. [Complete collection of laws of the Russian Empire] Sobranie vtoroe. SPb.: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kancelyarii, 1830–1885. [in Russian]

PSZ RI.SV, 1881 – Vysochajshe utverzhdennyj Ustav Tovarishchestva neftyanogo proizvodstva brat'ev Nobel' [His Lordship approved the Charter of the Nobel Brothers Oil Production Partnership]. Polozhenie Komiteta Ministrov, Vysochajshe utverzhdennoe 18 maya 1879 goda. [Complete collection of laws of the Russian Empire] Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie vtoroe. Tom IV. Otdelenie pervoe. [in Russian]

Puzanov, 1960 – *Puzanov, I.I.* (1960). Po nekhozhenomu Krymu [Along the unexplored Crimea]. M.: Gos. Izd-vo geograf. lit-ry, 285 p. [in Russian]

Shubin, 1927 – *Shubin, I.A.* (1927). Volga i volzhskoe sudohodstvo [Volga and Volga shipping]. Istoriya razvitiya i sovremennoe sostoyanie sudohodstva i sudostroeniya. M.: Transpechat', 908 p. [in Russian]

Starcev, 1901 – *Starcev, G.E.* (1901). Bakinskaya neftyanaya promyshlennost' [Baku oil industry]. Istoriko-statisticheskij ocherk. Baku: Aror, 447 p. [in Russian]

SZ RI. SV, 1857 – O neftnyh promyslah, sostoyashchih v SHemahinskoj i Derbentskoj guberniyah [On the oil fields in the Shemakha and Derbent provinces]. Svod zakonov Ros Krymysijskoj imperii. Tom sed'moj. Ustavy monetnyj, gornyj, i o soli. Sobranie vtoroe. SPb.: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii, 1857. T. VII. Otdelenie tret'e. [in Russian]

SZ RI. SV, 1893 – Svod zakonov Rossijskoj Imperii: v 16 t. T.7: Ustav Gornyj: v 4 kn. 1893. 283 s. SPb. Dejstvoval do prinyatiya v 1917 godu dekreta «O zemle» II Vserossijskim s'ezdom Sovetov rabochih i soldatskih deputatov. [in Russian]

Uspenskij, 1952 – *Uspenskij, V.A.* (1952). Issledovanie drevnej amfory s neft'yu, najdennoj v Tiritake [Exploration of an ancient oil amphora found at Tiritak]. Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR, sb. 25. Izd-vo AN SSSR, 423 p. [in Russian]

Watts, 1911 – *Watts, P.* (1911). «Ship». In Chisholm, Hugh (ed.). Encyclopædia Britannica. 24 (11th ed.). Cambridge University Press. pp. 881–889.; Redwood, Boverton (1911). «Petroleum». In Chisholm, Hugh (ed.). Encyclopædia Britannica. 21 (11th ed.). Cambridge University Press. Pp. 316-322.

Zaklyuchenie..., 1885 – Zaklyuchenie Soveta s'ezda bakinskih neftepromyshlennikov ot 17 maya 1885 goda. Cit. po Monopolisticheskij kapital v neftyanoj promyshlennosti Rossii 1883-1914 Dokumenty i materialy. [Conclusion of the Council of the Congress of Baku Oil Industrialists of May 17, 1885. Quote from Monopoly Capital in the Oil Industry of Russia 1883-1914 Documents and Materials] Pod red. Gefter M.Ya., Guliev A.N, Fursenko A.A. Izd-vo akademii nauk SSSR Moskva-Leningrad 1961, Prilozhenie №2. Pp. 53-56. [in Russian]

Танкерные перевозки нефти и предпринимательская конкуренция в России на рубеже XIX и XX веков: историческая ретроспектива и современные оценки

Александр Амиранович Карцхия^{a,*}, Сергей Анатольевич Тыртычный^a, Михаил Гурамович Смирнов^a, Мария Дмитриевна Жулидова^a

^a РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется опыт транспортировки нефти и нефтепродуктов во второй половине XIX века. Проводится комплексный анализ предпосылок создания специализированных судов для транспортировки нефти – танкеров. Проводится сравнение с американским опытом перевозки нефти в XIX веке. Авторы впервые в отечественной историографии предпринимают попытку показать многоплановый комплексный подход к проблемам транспортировки нефти водным транспортом в Российской империи. При этом анализируется негативный опыт конкурентной борьбы с иностранными компаниями на рынках нефтедобычи в Закавказье. В работе показывается, что в условиях слабой логистики и высокой протяженности маршрутов единственным экономным средством транспортировки нефти оказался водный транспорт, что и предопределило научно-техническое развитие специализированных судов – танкеров. Одновременно доказывается, что при проведении непоследовательной государственной политики в отношении иностранного капитала на нефтяных рынках Российской империи национальные компании не смогут развиваться в условиях доминирования иностранных компаний-конкурентов на международных рынках. В работе

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: arhz50@mail.ru (А.А. Карцхия)

анализируются различные примеры неконкурентной борьбы иностранных нефтяных компаний за захват отечественного рынка.

В статье изучается зарождение и последующее развитие танкерных перевозок в хронологическом порядке: от первых примитивных шхун с герметичными отсеками до создания скоростных пароходов с насосными системами и системой протекции баков. Впервые в исследованиях танкеров XIX века авторы изучили научно-технические, экономические, логистические и финансовые причины развития частного танкерного флота России в совокупности.

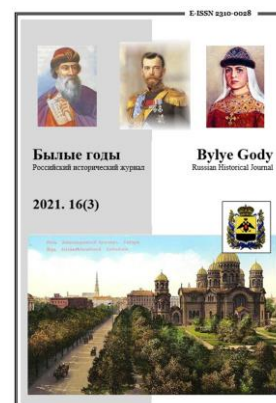
Ключевые слова: нефть, мазут, нефтепродукты, судно, танкер, логистика, Дмитрий Менделеев, Владимир Шухов, Альфред Нобель, Ротшильды, Стандарт Ойл, транспортировка нефти, конкуренция, рынки сбыта, налоги, акцизы, XIX век, Российская империя.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1399-1408
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1399
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



The Irrigation Issue in Russia's Policy in Turkestan (end of the XIX – beginning XX centuries)

Irina B. Bochkareva ^{a, *}

^aAltay State University, Russian Federation

Abstract

Agricultural specialization and irrigated agriculture in Turkestan have identified the irrigation issue as an important component of the overall modernization program of the region and a condition for the realization of Russia's economic interests: the development of cotton growing and the Russian colonization expansion. The Russian political elite's understanding of economic interests in Turkestan was formed already in the early 1890s. At the same time, the Turkestan border position, the difficult international situation in the region caused by the rivalry between Russia and Great Britain in Central Asia have influenced the nature of the state's efforts to solve the region's economic modernization problems. The irrigation issue was clearly not among the priorities of the metropolis economic policy in Turkestan. The state invested in the modern modes of transport and communication construction, primarily railways. Solving the irrigation issue in the spirit of modern approaches required a lot of preliminary work and capital: conducting land-tax division, determining the amount of free state land, assessing the water resources of the region, developing a new water law. A complex of measures to address the irrigation issue began to be implemented systematically only by 1910. This is due to the general change of emphasis in the metropolis policy, the final formalization of the region's economic development strategy, in which the expansion of the area of irrigated land was of most importance. It can be said that only the first steps were taken in the modernization process of the irrigation system during the imperial period: approaches to the legal formalization of the water use process were formed; areas for the construction of new irrigation systems were identified. Then the Soviet government has already carried out a systematic solution to this issue, taking into account the challenges of the time.

Keywords: irrigation, modernization, Turkestan, Russian Empire, water law, irrigation of the Hungry steppe.

1. Введение

В условиях аридного климата, пустынного и полупустынного ландшафта местности в Туркестане исторически сложился орошаемый тип земледелия. В сознании коренного населения Туркестана, веками практикующего орошаемое земледелие, прочно утвердился стереотип восприятия неорошенных земель как «мертвых» (Дингельштедт, 1893: 277). Вместе с тем хозяйственное развитие Туркестана в составе Российской империи и постепенное втягивание его в модернизационный процесс не изменили хозяйственные практики населения, включая русских крестьян-колонистов. На 1913 г. ценность земли без орошения стоила 10–15 руб. за десятину, а стоимость орошенной земли уже 600 руб. и выше (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 285. Л. 2). Учитывая аграрную специализацию хозяйства Туркестанского края, было ясно, что решение стратегических задач его развития напрямую зависит от решения вопросов расширения и модернизации ирригационной системы и регулирования водопользования. Этот тезис проходит лейтмотивом через отчеты и работы представителей российской имперской администрации всех уровней, что, по нашему мнению, говорит об определенном консенсусе в понимании экономических интересов метрополии в Туркестане и способов их решения. Как считается, стратегия хозяйственного развития региона получила

* Corresponding author

E-mail addresses: portnygina@yandex.ru (I.B. Bochkareva)

окончательное оформление в Записке главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина 1912 года по итогам его поездки в Туркестан. Он определил основной экономический интерес России в регионе – превращение Туркестана в базу товарного хлопководства для российской промышленности, а в качестве основных способов достижения этой цели – распространение оросительных работ на все площади Туркестана, пригодные для орошения и посевов хлопка ([Записка главноуправляющего..., 1913: 358](#)). Решение ирригационного вопроса предполагало действия государства по следующим направлениям: повышение эффективности системы водопользования в районах традиционного орошения и строительство новых ирригационных систем для введения новых земель в хозяйственный оборот. Таким образом, развитие ирригационного дела в Туркестане являлось неотъемлемой составляющей общей программы экономической модернизации региона и значимым индикатором этого процесса. Характеристика и оценка результативности политики государства в решении вопроса водопользования, чему посвящена данная статья, позволяют составить более полное представление о характере и глубине экономической модернизации Туркестана в имперский период

2. Материалы и методы

В качестве основных источников для анализа состояния ирригационного хозяйства Туркестана и действий государства по его модернизации мы использовали работу Н. Дингельштедта «Опыт изучения ирригации Туркестанского края» 1893 г. и «Очерк современного положения водного хозяйства Туркестана», подготовленный в рамках ревизии Туркестанского края сенатором К.К. Паленом в 1908–1909 гг. ([РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 284](#)). Написанные с разницей в 16 лет, они дают возможность проследить изменения в состоянии ирригационного вопроса, если таковые были. Мы сознательно выбрали в качестве источника фиксации состояния ирригационного вопроса работу Н. Дингельштедта, а не проведенную ранее в 1882 г. ревизию Гирса, потому что в 1880-е гг. орошение новых земель как приоритетная задача экономической политики России в регионе еще не ставилась. Гирс хоть и указал в своем отчете важность развития ирригационного хозяйства, но остановился только на вопросах организации управления ирригационным хозяйством, признав традиционную систему управления вполне дееспособной ([Гирс, 1882: 357](#)). Хотя работа Дингельштедта, строго говоря, является исследованием, автор при его подготовке много информации собирал непосредственно на местности, и главное, что представляет для нас интерес, он определил проблемы в организации ирригационного земледелия с точки зрения экономических интересов империи в регионе и предложил способы их решения. Что касается материалов ревизии Палена, то они зарекомендовали себя как авторитетный источник для изучения широкого круга вопросов политического и экономического развития Туркестанского края в начале XX в. Для проведения ревизии сенатор Пален набрал себе команду помощников, которые не являлись чиновниками администрации Туркестанского края и не были связаны в своих действиях местными чиновно-корпоративными интересами. Это, как нам представляется, обусловило более высокую степень объективности оценок авторов отчетов и их последующую ценность как источника. В очерке о состоянии водного хозяйства, помимо информации общего характера (площадь орошаемого земледелия, техническая характеристика ирригационных систем, система администрирования), автор останавливается и на проблемах и высказывает предложения, способные, по его мнению, повысить эффективность регулирования водопользования в Туркестане. Кроме этого, в работе были использованы материалы фондов РГИА (Ф. 1276 – Совет министров): переписка между краевой администрацией и министерствами, доклады в Государственной Думе по вопросам орошения, строительства новых ирригационных систем в Голодной степи, подготовки проекта закона о водопользовании в Туркестане.

Методологической основой исследования стали положения теории модернизации. Современный дискурс по проблеме модернизации, как исторического процесса, строится на положении, что при наличии глубинных универсальных закономерностей он в то же время демонстрирует многовариантность протекания в разных странах и регионах, обусловленную влиянием на него местной социокультурной среды ([Актеры..., 2016; Лысенко, 2019](#)). Отличительной чертой российского варианта модернизации являлась акторская роль государства в этом процессе, что ставило динамику модернизационных изменений в азиатских регионах империи в прямую зависимость от усилий государства.

3. Обсуждение

Стратегически вопрос водопользования был актуален в первую очередь для расширения площади орошаемых земель для целей русской колонизации в регион. Поэтому разные аспекты водного вопроса, как правило, рассматривались в историографии, начиная с дореволюционного периода, в контексте анализа вопроса землепользования и переселенческого процесса в Туркестан ([Масальский, 1913; Логанов, 1908; Верховский, 1910; Бартольд, 1927](#)). Часть этих работ носит справочный, описательный характер и не содержит оценок политики государства по развитию ирригационного дела в крае ([Россия..., Т. 19, Масальский, 1913](#)), часть, как работа Г. Логанова,

отличается более глубоким анализом вопроса водопользования. Автор отмечает крайнюю запутанность порядка водопользования в Туркестане и неэффективность обычного права как его регулятора, в качестве основной задачи государства он определяет выработку водного закона, устанавливающего верховное право государства на воду (Логанов, 1908: 76).

В советский историографии вопросы экономического развития Туркестана на рубеже XIX–XX вв., и проблема орошения в частности, преимущественно являлись предметом изучения исследователей из местных союзных республик (Аминов, 1959; Юлдашев, 1969). Авторы затрагивают в своих работах почти все аспекты ирригационного вопроса: строительство новых систем, водно-правовые отношения, привлечение частного капитала к строительству. Однако политика «царской России» в характерном для советской исторической науки подходе к колониализму с позиций гиперкритицизма оценивается как «неизбежный провал» (Аминов, 1959: 273). Среди современных исследователей, занимающихся переселенческим вопросом, следует отметить Т. Котюкову. В своей работе она отмечает, что при обсуждении в Государственной Думе 3-го созыва переселенческого потока в Туркестан отсутствие удобных и орошаемых земель указывалось в качестве одной из двух основных причин его ограничения (Котюкова, 2016).

История строительства Романовского канала в Голодной степи, первого крупного государственного проекта по орошению в Центральной Азии, с описанием технических характеристик и указанием площади орошенных земель приводится в работе А. Курсиша, подготовленной до введения канала в хозяйственный оборот, и Г.П. Гельцера (Курсиш, 1913; Гельцер, 1925).

Отдельные аспекты политики государства в решении ирригационного вопроса в Туркестане в имперский период рассматриваются в статье Б.А. Алимджанова. Автор отмечает пассивность государства в деле разработки нового водного закона и орошения новых земель. Вместе с тем вывод автора, что «ни один проект по орошению не был осуществлен в Туркестане по причине того, что в законодательном порядке не был принят водный кодекс Туркестана» (Алимджанов, 2015), мы считаем излишне категоричным. Таким образом, дальнейший анализ и оценка политики России по развитию ирригации в крае, факторов, повлиявших на ее результативность в контексте общей иерархии интересов империи и программы модернизации Туркестана, имеет научную актуальность.

4. Результаты

К началу XX в., когда Туркестанское генерал-губернаторство окончательно сложилось как территориально административная единица, включающая пять областей, площадь орошаемых земель составляла 1 млн 500 тыс. дес., 3 % от всей территории края (РГИА Ф. 1276. Оп. 3. Д. 478. Л. 8). Основные центры орошаемого земледелия, исторически сложившиеся в регионе, находились в Ферганской, Самаркандской и Сырдарьинской областях. По общему мнению, сложившемуся на основе изысканий на местности, запасы воды в регионе позволяли увеличить площадь орошаемых земель в два раза, до 3 млн десятин и больше. Улучшение состояния ирригационного дела в крае требовало политической воли государства и привлечения капиталов. Для начала государство должно было решить следующие вопросы: принять современный водный закон, определить точное количество свободной воды и свободных государственных земель. Только в этом случае можно было рассчитывать на повышение качества орошения в районах традиционного орошаемого земледелия и привлечение частных инвестиций в строительство новых ирригационных систем, на что рассчитывал А. Кривошеин, формулируя задачи хозяйственного развития Туркестана. Характер российской модели модернизации, где государство при слабости частного капитала выступало основным актором модернизационного процесса, объективно диктовало, что и в развитии ирригации государство должно играть инициативную роль. Однако правительство явно запаздывало с принятием решений в этом направлении. На 1913 г. единственным правовым источником, регулирующим вопрос о воде, оставалось Положение об управлении Туркестанским краем 1886 г.

Причина низкой преобразовательной активности государства в ирригационном вопросе, как представляется, заключалась в сильной инерции традиции, сложившихся традиционных практик ведения орошаемого земледелия и регулирования водораспределения согласно обычному праву. Статья 256 Положения 1886 г. гласила: «Воды в главных арыках, ручьях, реках и озерах предоставляются населению в пользование, по обычаю» (Положение..., 1886). Таким образом, российская администрация узаконила и в то же время консервировала сложившийся порядок земле- и водопользования, в какой-то мере сделав себя заложником этого положения по воде. На период 1880-х гг. такое решение по важнейшему вопросу хозяйственного управления краем в какой-то мере было оправданно и продиктовано в первую очередь соображениями безопасности, стремлением закрепить регион в сфере российского влияния. Не желая спровоцировать социальные протесты со стороны коренного населения, администрация взяла курс на «сохранение за туземцами по возможности всех тех прав и льгот, которыми они пользовались до перехода в русское подданство» (Логанов, 1908: 19). Но с ростом товарности сельского хозяйства, его специализации, изменением номенклатуры выращиваемых культур «обычай» стал препятствием для развития. У этого порядка было много «но»: он не был кодифицирован, не имел универсальный характер; краевая администрация всех уровней плохо понимала порядок регулирования водопользования по обычаю,

чтобы как-то его корректировать; к началу XX в. обычный порядок, по оценкам гидротехников, утратил свое практическое значение.

Так как нормы регулирования водопользования по обычаю не были кодифицированы, это приводило к чрезвычайному разнообразию их толкования на местах. Единственным письменным подтверждением прав населения отдельных районов на воду были так называемые ханские грамоты. В законопроекте о водопользовании в Туркестане, представленном на обсуждение в Государственную Думу в 1913 г., отмечалось, что *документы ханского времени в силу своей неясности и неполноты не могут иметь значения непреложных доказательств на право пользования водой. Ввиду широко распространенной их подделки они не пользуются авторитетом в глазах администрации и населения (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 285. Л. 3).* Ханские грамоты, выданные десятки лет назад, не могли приниматься как правовое основание современной судебной системой в ситуации возникновения споров по вопросу водопользования. В отчете ревизии К.К. Палена приводится пример спора из-за воды между населением верхних и низовых волостей реки Исфара (в настоящее время приграничная территория Кыргызстана и Таджикистана – Авт.), который, на наш взгляд, отражает все издержки регулирования ирригации по обычаю, указанные выше. В данном случае как раз на основании ханской грамоты Исфаринская волость имела право на всю воду из реки, за исключением периода с 1 по 12 мая, когда вся вода пропускалась в волости, расположенные ниже Раватского распределителя (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 284. Л. 7). В остальное время волости «низа» реки Исфара получали воду по остаточному принципу. Технически оросительные системы в Туркестане не имели водохранилищ, и орошение осуществлялось простым самотеком воды по открытым каналам. При такой системе орошения и «обычном» порядке регулирования водопользования нижние волости всегда находились под угрозой потери своего урожая, когда, например, уровень воды в реке падал и возникал ее дефицит. Распри между населением верха и низа реки Исфары тянулись с 1880-х гг. В 1904 г. администрация вынуждена была вмешаться в конфликт, потому что возросло число прошений представителей низовых волостей изменить порядок распределения воды. В 1905 г. заведующий ирригацией Ферганской области по поручению губернатора обследовал систему р. Исфара и выяснил, что в Исфаринской волости уровень воды в арыках выше, чем в целом по области, и в пять раз превышает потребности населения в ней (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 284. Л. 7). Тем не менее его указание арык-аксакалу спустить излишек воды обратно в реку не было исполнено из-за противодействия со стороны населения. Уездный начальник в отчете губернатору обосновал действие (бездействие) местной администрации тем, что вся вода Исфары принадлежит Исфаринской волости по обычаю и уменьшение количества воды в арыках являлось бы нарушением ст. 256 Положения 1886 г. Местный окружной суд отказался решать этот спор, сославшись на отсутствие водного закона и недостаточность собранных данных о порядке водопользования спорящих сторон (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 284. Л. 8). В результате возник замкнутый круг, конфликтная ситуация не решалась и являлась далеко не единичной в Туркестанском крае.

Как отмечается в отчетах ревизии Палена, «в настоящее время в разрешении споров из-за воды принимают участие все административные лица и учреждения: от мирабов до военных губернаторов» (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 284. Л. 21). По мнению русской администрации, распределение воды должно идти пропорционально обрабатываемой площади обрабатываемых земель. Но нормы обычая, как в случае с Исфаринским спором, далеко не всегда этому соответствовали. Для введения нового порядка требовались новые правовые нормы, а для разработки нового закона – данные о количестве замежеванных за местным населением земель, средних нормах потребления воды для их последующей фиксации, количестве свободной воды и так далее. И здесь мы выходим на следующую проблему, которая заключалась в том, что русская администрация за почти сорок лет управления краем так и не разобралась в «водных обычаях туземцев» (Логанов, 1908: 46) и процесс изучения водного хозяйства с учетом современных требований гидротехнической науки шел медленно. Решение этих задач должно было осуществляться на современных началах особыми организациями, имеющими в составе агрономов, инженеров-гидротехников, юристов. В декабре 1907 г. в Ташкенте прошел съезд гидротехников, участники которого высказали мнение, что управление ирригацией должно быть организовано иначе, чем в настоящее время, по обычаю. Съезд признал необходимость организации общего учета воды во всех источниках, поскольку такой информацией гидротехнические службы до сих пор не обладают. С этой целью было рекомендовано расширить сеть водомерных постов, увеличить штат техников и средств на оборудование гидротехнических станций (Закаспийское обозрение, 1908). Встает вопрос, могли ли служащие действующей системы управления ирригацией в крае решать подобные задачи и поставлять данные по потреблению воды, необходимые для разработки водного законопроекта. После присоединения Туркестана к Российской империи администрация сохранила сложившуюся в регионе систему управления водой на местах. Так, арык-аксакалы регулировали водные отношения населения на местах и заведовали главными оросительными каналами, а миробы осуществляли контроль за второстепенными арыками. И те, и другие выбирались из представителей коренного населения. Но со временем, когда все более актуализировалась задача модернизации ирригационной системы,

их подготовка уже не отвечала требованиям времени, поскольку в большинстве случаев арык-аксакалы не имели специальных технических знаний и подготовки, а мирабы вообще зачастую назначались из служащих, далеких от ирригационного дела (Логанов, 1908: 50). В лучшем случае они были авторитетными и уважаемыми людьми в своем сообществе, но проводить замеры воды, поставлять информацию научного характера они были не в состоянии. Даже К.К. Пален в своих предложениях по развитию ирригационного хозяйства рекомендовал улучшить материальное положение арык-аксакалов, чтобы привлекать на эту должность добросовестных людей (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 284. Л. 28об.)¹. Согласно циркуляру 1888 г. Туркестанского генерал-губернатора, который регулировал водные отношения в крае, вопросами научного и технического обеспечения ирригационного дела в области должен был заниматься заведующий ирригацией. Однако, судя по тому, что к концу первого десятилетия XX в. с технической стороны модернизации уже действующих традиционных систем орошения ничего не было сделано, то такой задачи перед ними либо не ставилось, либо финансовые и кадровые ресурсы не позволяли это сделать.

Парадоксально, что сам порядок регулирования по обычаю приобрел весьма условный характер, поскольку постоянно нарушался самими сельскими обществами. Под влиянием развития товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве росла площадь пахотных земель, вводились новые культуры, которые были востребованы на рынке (рис, хлопок), что неизбежно влекло за собой изменения в нормах потребления воды. Особенно показательны в этом отношении посадки риса. Рис как культура требует в 3–4 раза больше воды, чем сухие зерновые. В ханское время посевы риса строго ограничивались. Вместе с тем с 1869 по 1892 гг. площадь рисовых посевов только в Зеравшанской долине увеличилась на 254 % и в последующие годы рост продолжался. Рисовые посевы вносили такой беспорядок в процесс пользования водой, что с первых же лет русская администрация стала предпринимать попытки к ограничению посевов. Однако ни угрозы, ни штрафы не смогли предотвратить посадки риса в запрещенных местах (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 284. Л. 16), а, учитывая экономическую сторону вопроса, местная и краевая администрация не проявляла излишней настойчивости. В условиях, когда обычай утрачивал свое практическое значение, регулирование водопользования решалось, как правило, по праву сильнейшего. А сильнейшими являлись те поселения, которые были расположены ближе к началу или голове ирригационной системы. В результате межведомственное совещание под председательством Туркестанского генерал-губернатора в записке по проекту «Положения о пользовании водами для сельскохозяйственных и промышленно-технических целей в Туркестанском генерал-губернаторстве», подготовленной в 1910 г., вынуждено было фиксировать, что обычай со временем видоизменился настолько, что перестал удовлетворять тем требованиям, которые к нему предъявлялись как к норме права. Процесс регулирования водопользования представляет пеструю смесь всевозможных порядков, не имеющих в сущности никакой опоры ни в туземном обычном праве, ни в русском законодательстве (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 285. Л. 63). В этой связи мы вполне солидарны с выводом К.К. Палена, который отметил, что в Туркестане использование государством запасов свободных вод составляет задачу менее трудную, чем упорядочение водопользования туземного населения (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 284. Л. 29об.).

С начала XX в. наблюдается постепенная корректировка иерархии интересов империи в Центрально-Азиатском регионе, выразившаяся в повышении значимости экономических интересов относительно стратегических. Целью проведения ревизии Туркестана К.К. Паленом являлось выяснение возможностей передачи управления краем из ведения Военного министерства в Министерство внутренних дел, и среди прочего ревизия должна была собрать материалы и вынести рекомендации для разработки нового закона по воде (Верховский, 1910: 47). Следствием общей эволюции политики России в регионе стало инициирование процесса подготовки законопроекта по водопользованию в Туркестанском крае. В 1909 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием признал необходимым образовать особое межведомственное совещание для разработки основных принципов будущего водного закона. В 1910 г. этот проект прошел обсуждение на уровне областей Туркестанского края и межведомственного совещания под председательством Туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова. В феврале 1913 г. законопроект о пользовании водами в Туркестанском генерал-губернаторстве был представлен на обсуждение сельскохозяйственной комиссии Государственной Думы. Проект включал такие положения, как передача всей воды в верховное распоряжение государства, установление прав населения на пользование водой особым свидетельством, в котором указывалось количество воды, переход споров по водопользованию после определения прав на воду в ведение судебных установлений, передача

¹ Согласно циркуляру Туркестанского генерал-губернатора 1888 г. арык-аксакалов назначал военный губернатор области и определял им жалованье из общественных сумм не выше жалованья волостного управителя. На начало XX в. жалованье волостного управителя в Ферганской области составляло 900 руб. и он заведовал районом площадью примерно 140 квадратных верст, в то время как в зоне ответственности арык-аксакалов находились участки оросительных систем площадью в среднем 500 квадратных верст, но мало кто получал такое же жалованье. Мирабы получали еще меньше.

права улучшения ирригационных систем Туркестанскому водному управлению без обязательного получения согласия местных сообществ, как это определялось действующим законодательством (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 285. Л. 13-14). В целом статьи законопроекта соответствовали ранее высказанным рекомендациям по вопросу регулирования водопользования, но закон так и остался на стадии обсуждения. С началом Первой мировой войны этот вопрос отошел на второй план.

В целом, если оценивать деятельность имперской администрации по вопросу повышения эффективности водопользования, то ее результативность была весьма скромной. Современники давали еще более категоричные оценки: «При ежегодном сборе с населения громадных сумм в течение десятков лет мы не имеем в результате ровно ничего, так как сооружения, возводимые населением в рамках натуральной повинности из хвороста, камыша, соломы и гальки, имеют временный характер...» (Логанов, 1908: 49). Та задача, которая была поставлена в конце XIX в. специалистами по ирригационному хозяйству в Туркестане, – разработка нового современного закона – так и не была выведена на практический уровень. При этом, если мы посмотрим статистику вывоза хлопка из Ферганской области, основного поставщика этого сырья на рынок, то она свидетельствует, что основной экономический интерес империи в регионе, казалось бы, реализуется. В 1900 г., когда была построена Андижанская ветка Среднеазиатской железной дороги, из Ферганской области было вывезено 2 млн 990 тыс. пудов хлопка, а в 1910 г. – 5 млн 617 тыс. пудов, шерсти за эти же годы 18 тыс. и 35 тыс. пудов соответственно (Обзор..., 1901: 64; Статистический обзор, 1912: Приложение 12). Однако хозяйственный рост достигался экстенсивным путем в рамках традиционного хозяйственного уклада: во-первых, за счет того, что население сокращало посеы зерновых и занимало освободившиеся земли хлопком; во-вторых, за счет расширения площади пахотных земель путем простого удлинения арыков в старых ирригационных системах.

Рассмотрим, какие шаги предпринимало государство в строительстве новых ирригационных каналов, поскольку добиться качественного прироста хозяйственных земель, пригодных для русской колонизации, возможно было только таким путем. Н. Дингельштедт еще в 1893 г. писал: «Наши истинные культурные задачи заключаются не в исправлении неисправимой азиатской ирригации, наши задачи заключаются в строительстве новых ирригационных систем, в орошении новых земель, и при том на твердых основах положительного закона. Оставим надежды переучить туземцев..., лучше оросим два миллиона десятин, но оросим по-европейски, связав это орошение с колонизацией края русскими людьми и развитием торгово-предпринимательской деятельности» (Дингельштедт, 1893: 294). На период ревизии Палена 1908–1909 гг. к достижениям в этом направлении можно отнести орошение Мургабского государева имения в Закаспийской области и работы по орошению северо-восточной части Голодной степи в Самаркандской области. Поскольку Мургабское имение представляло своего рода образцовое хозяйство с современной ирригационной системой, но не ориентированное на реализацию стратегических хозяйственных задач империи в регионе, то в статье мы остановимся на анализе проекта орошения Голодной степи, как раз рассчитанного на нужды колонизации края.

В 1895 г. Министерство земледелия начало предварительные изыскания в Ферганской, Самаркандской и Сырдарьинской областях, которые закончились к 1900 г. составлением восьми схематичных проектов орошения казенных земель площадью в 209 тыс. 750 десятин (Россия..., Т. 19: 428). Из них проект орошения северо-восточной части Голодной степи был признан приоритетным, и в 1900 г. Государственный совет принял решение о выделении средств на его реализацию в сумме 2 млн 250 тыс. руб. К этому времени в данном районе Голодной степи уже действовал оросительный канал имени императора Николая I, построенный к 1897 г. великим князем Николаем Константиновичем на свои средства. Великий князь находился в Ташкенте в ссылке, не занимал каких-либо государственных должностей, а был просто энтузиастом дела орошения региона. Канал императора Николая I отходил от Сырдарьи и был построен туземным способом, следовательно, требовал ежегодного ремонта и очистки. В силу этих обстоятельств мы не можем отнести его к числу достижений модернизационной политики государства в Туркестане, хотя он сыграл некоторую положительную роль: в районе прохождения канала возникло несколько русских поселков. В 1901 г. канал императора Николая I был выкуплен в казну за 340 тыс. руб. Новый канал по плану выводился из Сырдарьи немного выше головы канала Николая I и шел параллельно ему до поселка Конногвардейского, затем делился на две ветки. Зона орошения левой ветки определялась в 53 тыс. десятин, правой – 28 тыс. десятин (Курсиш, 1913: 27). Первоначально разработчики проекта орошения Голодной степи считали, что земли, орошаемые каналом Николая I, перейдут в зону действия новой системы. Но со временем по ходу строительства возобладало мнение о сохранении самостоятельного значения канала Николая I.

К строительству новой ирригационной системы приступили в 1901 г. Проблема заключалась в том, что работы начали как бы с конца, со строительства ветвей канала, без четкого технического проекта магистрального канала и головного сооружения, составления почвенной карты местности. Когда эти вопросы неизбежно актуализировались в ходе строительства, это привело к удорожанию проекта до 7 млн 106 тыс. руб. к 1909 г. и переносу сроков окончания работ (РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 478. Л. 112). Почвенная карта местности, составленная в 1908 г., показала высокое содержание

солей в почве Голодной степи, борьба с которыми, по мнению почвоведов Н.А. Димо, требовала проектирования массы добавочных дренажных сооружений, существенно повышающих затраты на строительство (РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 478. Л. 113). Кроме того, выяснилось, что район лучших земель находится к западу от линии Ташкентской железной дороги, где по проекту идет левая ветка канала, в районе правой ветки почвы хуже, что поставило вопрос о целесообразности ее строительства на текущий момент. В 1908 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием, обеспокоенный состоянием строительства ирригационной системы в Голодной степи, направил туда для ревизии особую комиссию Гидротехнического комитета. Комиссия признала ошибочным осуществляемый ранее план строительства работ и представила свои рекомендации. В этом же году была окончательно разработана схема головного сооружения канала и новая смета окончания строительных работ до конца 1914 г. Следует отметить, что технически Романовский канал отвечал достижениям инженерной мысли в этом вопросе: при строительстве головного сооружения и водоотводов канала использовались современные материалы – бетон, железобетон. В 1913 г. прошло официальное открытие головного сооружения Романовского канала и фактически он начал функционировать, хотя полностью работы не были закончены. На путь расширения и улучшения Северная голодно-степная система (так был назван Романовский канал) встала только в 1923–1924 гг. По плану ирригационных работ в Голодной степи предельная площадь, включенная в хозяйственный оборот, достигала 84 тыс. десятин земли, из них собственно пахотные земли – 65 тыс. дес. В 1924 г. пропускная способность системы позволяла орошать только 45 тыс. десятин земли (Гельцер, 1925: 53), но запросов на воду со стороны расположенных здесь хозяйств было больше, что говорит о том, что вновь орошенные земли были востребованы в хозяйственном отношении. Завершая характеристику деятельности правительства по строительству новых оросительных систем, хотелось бы отметить, что в это время администрации всех областей края имели проекты орошения новых земель: Г. Логанов приводит 15 проектов только для Самаркандской, Сырдарьинской и Ферганской областей (Логанов, 1908: 56–57). Интерес к орошению в Ферганской области проявлял и частный капитал, заинтересованный в развитии хлопководства. Так, Московская оросительная компания, основанная владельцами московских хлопчатобумажных фабрик, начала в 1911 г. разработку проекта орошения Уч-Курганской степи водами р. Нарын (Котюкова, 2016: 73–74). Но все они так и не вышли на уровень практической реализации по причине нехватки капиталов либо отсутствия свободных земель для орошения по итогам проведения поземельно-податного размежевания.

В целом дефицит капиталов и кадров являлся системной проблемой в решении задач социально-экономической модернизации Туркестана. В связи с приграничным положением региона, недавно вошедшего в состав Российской империи, политика правительства определялась доминированием стратегических интересов над задачами хозяйственного развития. С момента присоединения Туркестана к России и до конца XIX в. содержание армии составляло в среднем 60 % расходной части бюджета Туркестана (Убыточен ли Туркестан..., 1899: 5), который был еще и хронически дефицитным. В связи с этим в среде центральной администрации сложился устойчивый стереотип восприятия Туркестана как убыточного региона в экономическом отношении, содержание которого лежит бременем на метрополии. В этих условиях центральное руководство очень осторожно подходило к выделению средств на экономические нужды края и концентрировало свои усилия и капиталы на решении более приоритетных задач как в стратегическом, так и в экономическом отношении: например, на строительстве современных путей сообщения и средств связи, в частности железных дорог, которых вообще не было в регионе (См. подробнее: Бочкарева, 2019). Когда пришло понимание роли проблемы водопользования для реализации интересов империи в Туркестане, бюджет страны тоже стал дефицитным в силу неблагоприятной внутри- и внешнеполитической ситуации. Министерство финансов стало проводить курс сокращения участия государства в финансировании масштабных инфраструктурных проектов, что также сказалось на характере решения ирригационного вопроса в Туркестане.

5. Заключение

С момента вхождения Туркестана в состав Российской империи ее политика в регионе определялась доминированием стратегических интересов, решением задач закрепления России в регионе в условиях конкуренции с Великобританией. Вопросы хозяйственного развития имели второстепенное значение в иерархии интересов и расходах государства. В результате система ирригационного хозяйства и орошаемого земледелия, сложившаяся задолго до появления в регионе России и, что немаловажно, демонстрирующая за счет мобилизации экстенсивных факторов экономический рост, долгое время не являлась предметом особого внимания со стороны центральной власти. Более того, придав из соображений безопасности характер современной правовой нормы порядку регулирования водопользования по обычаю, государство создало себе дополнительное препятствие для реформирования этой сферы. Краевая администрация с 1990-х гг. указывала на проблемы в функционировании системы водопользования, тормозящие решение задач экономического развития края. Однако ирригационный вопрос как направление политики России в Туркестане сложился только к 1910-м гг., к этому времени относятся практические

модернизационные шаги как в районах традиционного орошаемого земледелия, так и в строительстве новых ирригационных систем. Это связано с общей сменой акцентов в политике метрополии, окончательным оформлением стратегии экономического развития края, в которой расширение площади орошаемых земель имело первостепенное значение. Кроме того, к этому времени сложилось понимание, подкрепленное собранными материалами, что действующая система ирригации и правовой порядок водопользования преодолели лимиты своей эффективности и дальнейший рост требует решения ирригационного вопроса на качественно новом уровне. Однако исторически шаги носили запоздалый характер. Анализ состояния ирригационного вопроса в Туркестане подтверждает положение, что в России государство выступало первостепенным актором модернизационного процесса, и если оно по каким-то причинам снимало эти обязательства, то других стимулов не хватало, чтобы обеспечивать развитие в соответствии с вызовом времени.

6. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке РНФ. Проект № 19-18-00180.

Литература

- Актеры...**, 2015 – Актеры российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург, 2016. 313 с.
- Алимджанов, 2015** – Алимджанов Б.А. Позиция российской администрации в ирригационном вопросе в Туркестане (1867–1917 гг.) // Вестник КРСУ. 2015. Том 15. № 10. С. 16–18.
- Аминов, 1959** – Аминов А.М. Экономическая политика царизма в Туркестане. Ташкент, 1959.
- Бартольд, 1927** – Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927. 256 с.
- Бочкарева, 2019** – Бочкарева И.Б. Железнодорожное строительство в стратегии Российской империи по освоению Туркестана // Известия АлтГУ. 2019. № 5 (109). С. 33–38.
- Верховский, 1910** – Верховский Н.П. Хлопководство в Туркестане и перевозка хлопка по Ташкентской и Среднеазиатской железным дорогам. СПб., 1910. 84 с.
- Гельцер, 1925** – Гельцер Г.П. Голодно-Степская оросительная система в 1923–1924 хозяйственном году // Вестник ирригации. 1925. № 3. С. 51–61.
- Гирс, 1882** – Гирс О. Отчет ревизирующего по высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. СПб., 1882. 392 с.
- Дингельштедт, 1893** – Дингельштедт Н. Опыт изучения ирригации Туркестанского края. Сыр-Дарьинская область. СПб., 1893. 513 с.
- Закаспийское обозрение** – Закаспийское обозрение 1908. № 36–38.
- Записка главноуправляющего, 1913** – Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием [Кривошеина А.] о поездке в Туркестанский край в 1912 г. // Вопросы колонизации. 1913. № 12. С. 297–265.
- Котюкова, 2016** – Котюкова Т.В. Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М., 2016. 391 с.
- Курсиш, 1913** – Курсиш А. Голодная степь. Очерк работ по орошению северо-восточной ее части. СПб., 1913. 70 с.
- Логанов, 1908** – Логанов Г. Россия в Средней Азии // Вопросы колонизации. 1908. № 4. С. 1–77.
- Лысенко, 2019** – Лысенко Ю.А. Актеры социально-экономической модернизации Центрально-Азиатского региона Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII – XIX вв. Сборник научных трудов международного семинара. М., 2019. С. 40–57.
- Обзор...**, 1901 – Обзор Ферганской области за 1900 г. Новый Маргелан, 1901.
- Положение...**, 1886 – Положение об управлении Туркестанского края. 1886 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/turkestan1892.html> (дата посещения: 13.05.2021).
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Россия...**, Т. 19 – Россия: полное географическое описание нашего отечества. Т. 19. Туркестанский край / Сост.: В.И. Масальский. СПб., 1913.
- Статистический обзор, 1912** – Статистический обзор Ферганской области за 1910 г. Скобелев, 1912.
- Убыточен ли Туркестан, 1889** – Убыточен ли Туркестан для России. СПб., 1899. 19 с.
- Юлдашев, 1969** – Юлдашев А.М. Аграрные отношения в Туркестане: конец XIX – начало XX вв. Ташкент, 1969. 256 с.

References

- Aktory...**, 2016 – Aktory rossiiskoi imperskoi modernizatsii (XVIII – nachalo XX): regional'noe izmerenie. Ekaterinburg, 2016. 313 p. [in Russian]
- Alimdzhanov, 2015** – Alimdzhanov, B.A. (2015). Pozitsiya rossiiskoi administratsii v irrigatsionnom voprose v Turkestane (1867 – 1917 gg.) [The Russian administration's position in the irrigation issue in Turkestan (1867-1917)]. *Vestnik KRSU*. 15(10): 16-18. [in Russian]

- [Aminov, 1959](#) – *Aminov, A.M.* (1959). Ekonomicheskaya politika tsarizma v Turkestane [Economic policy of Tsarism in Turkestan]. Tashkent. [in Russian]
- [Bartold, 1927](#) – *Bartol'd, V.V.* (1927). Istoriya kul'turnoi zhizni Turkestana [History of the cultural life of Turkestan]. L., 256 p. [in Russian]
- [Bochkareva, 2019](#) – *Bochkareva, I.B.* (2019) Zheleznodorozhnoe stroitel'stvo v strategii Rossiiskoi imperiipo osvoeniyu Turkestana [Railway Construction in the Russian Empire Strategy for Turkestan Development]. *Izvesti AltGU*. № 5(109). Pp. 33-38. [in Russian]
- [Dingelshtedt, 1893](#) – *Dingel'shtedt, N.* (1893). Opyt izucheniya irrigatsii Turkestanskogo kraja. Syr-Dar'inskaya oblast' [Experience in studying irrigation in the Turkestan region. Syr-Darya region]. St. Petersburg, 513 p. [in Russian]
- [Gel'tser, 1925](#) – *Gel'tser, G.P.* (1925). Golodno-Stepskaya orositel'naya sistema v 1923-1924 khozyaistvennom godu [Golodno-Stepskaya irrigation system in the 1923-1924 economic year]. *Vestnik irrigatsii*. 3: 51-61. [in Russian]
- [Girs, 1882](#) – *Girs, O.* (1882). Otchet revizuyushchego po vysochaishemu povelenyu Turkestanskii kraia tainogo sovetnika Girsy [Report of the Privy Councilor Girsy, who is auditing the Turkestan Region by the highest order]. SPb. 392 p. [in Russian]
- [Kotyukova, 2016](#) – *Kotyukova, T.V.* (2016) Okraina na osobom polozhenii... Turkestan v preddverii dramy [The outskirts are in a special position... Turkestan on the eve of the drama]. M. 391 p. [in Russian]
- [Kursish, 1913](#) – *Kursish, A.* (1913). Golodnaya step'. Ocherk rabot po orosheniyu severo-vostochnoi ee chasti. [The Hungry Steppe. An outline of works on irrigation of the north-eastern part of it]. SPb. 70 p. [in Russian]
- [Loganov, 1908](#) – *Loganov, G.* (1909) Rossiya v Srednei Azii [Russia in Central Asia]. *Voprosy kolonizatsii*. 4: 1-77. [in Russian]
- [Lysenko, 2019](#) – *Lysenko, Yu.A.* (2019). Aktory sotsial'no-ekonomicheskoi modernizatsii tsentral'noaziatskogo regiona Rossiiskoi imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Actors of socio-economic modernization of the Central Asian region of the Russian Empire (the second half of the XIX-beginning of the XX centuries)]. *Tsentral'naya Aziya na perekrestke evropeiskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII – XIX vv. Sbornik nauchnykh trudov mezhdunarodnogo seminara*. M. Pp. 40-57. [in Russian]
- [Obzor..., 1901](#) – *Obzor Ferganskoi oblasti za 1900 g.* [Review of the Ferghana region for 1900]. Novy Margelan, 1901. [in Russian]
- [Polozhenie...1886](#) – *Polozhenie ob upravlenii Turkestanskogo kraja. 1886 g* [Regulation on the administration of the Turkestan Region. 1886]. [Electronic resource]. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/turkestan1892.html> (date of access: 13.05.2021) [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian state historical archive].
- Rossiya ... T. 19., 1913* – *Rossiya: polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva. Turkestanskii kraia* [Russia: a complete geographical description of our fatherland. Vol. 19. Turkestan region]. Sost.: V.I. Masal'skii. SPb., 585 p. [in Russian]
- [Statisticheskii obzor, 1912](#) – *Statisticheskii obzor Ferganskoi oblasti za 1910 g.* [Statistical review of the Ferghana region for 1910] Skobelev, 1912. [in Russian]
- [Verkhovskii, 1910](#) – *Verkhovskii, N.P.* (1910). Khlopkovodstvo v Turkestane i perevozka khlopka po Tashkentskoi i Sredneaziatskoi zheleznym dorogam [Cotton growing in Turkestan and the transportation of cotton along the Tashkent and Central Asian railways]. SPb. 84 p. [in Russian]
- [Ubytochen li Turkestan, 1889](#) – *Ubytochen li Turkestan dlya Rossii.* [Is Turkestan unprofitable for Russia]. SPb., 1899. 19 p. [in Russian]
- [Yuldashev, 1969](#) – *Yuldashev, A.M.* (1969). Agrarnye otnosheniya v Turkestane: konets XIX – nachalo XX vv. [Agrarian relations in Turkestan: the end of the XIX – beginning of the XX centuries]. Tashkent, 256 p. [in Russian]
- [Zakaspiiskoe obozrenie](#) – *Zakaspiiskoe obozrenie* [Transcaspiian Review] 1908. № 36, 38, 40. [in Russian]
- [Zapiska glavnoupravlyayushchego, 1913](#) – *Zapiska glavnoupravlyayushchego zemleustroistvom i zemledeliem [Krivosheina A.] o poezdke v Turkestanskii kraia v 1912 g.* [Note of the Chief Administrator of land management and agriculture [A. Krivosheina] on a trip to the Turkestan Region in 1912]. *Voprosy kolonizatsii*. 1913. 12: 297-265. [in Russian]

**Ирригационный вопрос в политике России в Туркестане
(конец XIX – начало XX вв.)**Ирина Борисовна Бочкарева ^{a, *}^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Агарная специализация и орошаемый тип земледелия в Туркестане определили ирригационный вопрос как важную составляющую общей программы модернизации региона и условие реализации экономических интересов России: развитие хлопководства и расширение русской колонизации. Понимание российской политической элитой экономических интересов в Туркестане сложилось уже в начале 1890-х гг. Вместе с тем приграничное положение Туркестана, сложная международная ситуация в регионе, вызванная соперничеством России с Великобританией в Центральной Азии, оказали влияние на характер усилий государства по решению задач экономической модернизации региона. Ирригационный вопрос явно оказался не в числе приоритетов экономической политики метрополии в Туркестане. Государство вкладывало средства в строительство современных видов транспорта и связи, прежде всего железных дорог. Решение ирригационного вопроса в духе современных подходов требовало проведения большой предварительной работы и капиталов: проведения поземельно-податного размежевания и определения количества свободных государственных земель, оценки водных ресурсов региона, разработки нового водного закона. Комплекс мер по решению ирригационного вопроса стал осуществляться системно только к 1910 г. Это связано с общей сменой акцентов в политике метрополии, окончательным оформлением стратегии экономического развития края, в которой расширение площади орошаемых земель имело первостепенное значение. Можно сказать, что в процессе модернизации ирригационного хозяйства в имперский период были сделаны только первые шаги: сложились подходы к правовому оформлению процесса водопользования, были определены районы строительства новых оросительных систем, системное решение этого вопроса с учетом вызовов времени осуществлялось уже советской властью.

Ключевые слова: ирригация, модернизация, Туркестан, Российская империя, водный закон, орошение Голодной степи.

* Корреспондирующий автор

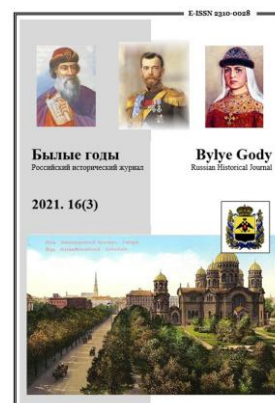
Адреса электронной почты: Mbogachev@hse.ru (М.И. Богачев), ENazyrova@fa.ru (Е.А. Назырова), Schelkopliasova2015@yandex.ru (Н.И. Шелкоплясова)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1409-1420
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1409
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



Ideological Self-Determination and Inter-Party Rotations in the Russian Democratic Environment (late XIX – early XX centuries)

Olga L. Protasova ^{a, *}

^aTambov State Technical University, Russian Federation

Abstract

The relevance of this work is due to the need to study the experience of political socialization received by the leading representatives of Russian democratic parties in the late XIX – early XX centuries. The nature of the events of a socio-political nature that took place in the Russian Empire during this period is to a large extent consonant with what is observed in modern Russia: this is the growth of civic consciousness and activism, the noticeable democratization of the political (especially the opposition) elite, the emergence and formation of political and public organizations. Using the examples of biographies of prominent figures of democratic socialism in Russia at the beginning of the twentieth century, the main factors of a social and demographic nature that contributed to the choice of one or another ideological and, as a result, organizational and party orientation of representatives of socially active youth of the modernization period are shown for the first time in a complex. The regularities of the formation of political preferences of future politicians are revealed. It is noted that inter-party rotations in this environment were not mass, but individual, and the political self-determination of representatives of the parties of democratic socialism was, as a rule, conscious and firm.

Keywords: democratic socialism, neo-populism, Marxism, political parties, ideology, modernization.

1. Введение

Проблемы социализации, и не в последнюю очередь – социализации политической, относятся к разряду проблем общественного развития, которые никогда не утратят своей актуальности, поскольку отражают сущность, закономерности и специфику действующего в обществе механизма социального наследования. Трансляция политико-культурного опыта не только обеспечивает сохранение и передачу от старших поколений младшим социально-политических традиций, но и обеспечивает преемственность норм, ценностей, способствует институциональной устойчивости общества и государства.

Полноценно осуществляемая политическая социализация на микроуровне (отдельные граждане), мезоуровне (социальные группы), макроуровне (все население), несомненно, способствует стабилизации и развитию всей политической жизни страны. Для России с дискретностью ее социально-политического прогресса эта тема чрезвычайно значима. Только за прошедший XX век трансформационные процессы неоднократно приводили к принципиальным изменениям базовых характеристик всех сфер общественной и политической жизни, причем столь масштабные изменения сопровождалась глубоким системным кризисом. На этом фоне снижалась эффективность политической и государственной власти, переставали действовать многие социальные институты, происходила массовая утрата ценностных ориентаций и общество неоднократно впадало в состояние аномии. В такой обстановке неизбежно разрушалась и привычная система социализации (политическая – не исключение), в результате чего страдали многие сферы жизни социума, в том числе и нравственно-бытовая.

* Corresponding author

E-mail addresses: olia.protasowa2011@yandex.ru (O.L. Protasova)

В исторической литературе на сегодняшний день по-прежнему наблюдается недостаток работ, посвященных проблемам политической социализации деятелей прошлого – таких, которые имели бы обобщающий характер. В биографиях конкретных политических фигур повествуется, конечно, о процессе выбора ими идейного пути, показаны условия и обстоятельства их вхождения в политику. В постсоветских работах появилась антропологическая направленность, что выразилось в намерении переместить центр научного внимания на ранее недооцениваемых субъектов истории – рядовых граждан и отдельных политических активистов. Тем не менее труды, которые выявляли бы тенденции формирования таких предпочтений у представителей разных социальных групп, сегментов, пока еще в дефиците, поэтому автор считает возможным утверждать о новизне данного исследования.

Цель работы – обнаружить, показать и обобщить основные группы факторов, прямо либо косвенно влиявших на направление политической социализации лидеров и иных заметных представителей партий демократического социализма России конца XIX – первой четверти XX вв., а также отследить масштаб и векторы внутри- и межпартийных ротаций в демосоциалистической и отчасти либеральной среде.

2. Материалы и методы

В качестве источниковой базы привлечены дореволюционные и послереволюционные архивные материалы – эпистолярное наследие современников исследуемой эпохи, активных политиков и членов их семей, а также политическая и художественная публицистика участников описываемых событий и процессов. Современные материалы, послужившие научным подспорьем при подготовке данной работы, – энциклопедические издания, база данных, составленная при участии автора настоящей статьи, монографические исследования и статьи по проблематике демократического социализма России конца XIX – первой четверти XX веков.

Основные методы данного исследования:

- системно-структурный (в общем контексте рассматриваются характерные биографические факты, приведшие того или иного деятеля в активную политику и заставившие сделать идейный выбор в пользу демократического социализма, а затем или сохранять верность своему выбору, или перейти в либеральный либо леворадикальный лагерь);
- компаративный (сопоставляются и сравниваются твердость и окончательность политической ориентации деятелей крупнейших социалистических партий России начала XX в., а также некоторых либералов);
- исторической персонификации (выделены деятели, на примерах биографий которых специфика исследуемых процессов иллюстрируется особенно ярко);
- анализ (выявлены и проанализированы основные причины и условия политического выбора);
- синтез (обобщены полученные сведения, сделаны итоговые выводы).

3. Обсуждение

В 1990-х гг. отечественная историография, освободившись от предписания показывать все события, явления и процессы в классовом и партийном контексте, обратилась к жанру политической биографии, и на свет в большом количестве стали выходить диссертационные и монографические исследования, посвященные ярким политическим деятелям прошлого. Затем, в 2010-е гг., историки стали возвращаться в своем методологическом выборе к синтезу и вновь заинтересовались проблемой партийности, но теперь в ином аспекте, а именно – занялись вопросами российской многопартийности, богатейший материал для изучения которой дала эпоха конца XIX – начала XX вв. Среди ученых, чьи труды были особенно полезны в разработке проблемы данного исследования, отметим известных специалистов по истории ПСР К.Н. Морозова ([Морозов, 1998](#); [Морозов, 2013](#); [Морозов, 2014](#) и др.); К.Г. Гусева ([Гусев, 1999](#)); систематизатора политических взглядов и в целом творческого наследия В.М. Чернова О.В. Коновалову ([Коновалова, 2009](#)); автора работ по истории ПСР и ТНСП Н.Д. Ерофеева ([Ерофеев, 1979](#)), который в свое время первым привлек научное внимание к народным социалистам и их взаимоотношениям с эсерами; М.И. Леонова ([Леонов, 2019](#)); Ю.Н. Емельянова ([Емельянов, 1998](#)), А.С. Сенявского ([Сенявский, 2013](#)) и др. Отчасти к указанной тематике ранее обращался и автор данной статьи ([Протасова, 2004](#); [Протасова, 2019](#); [Протасова, 2020](#)), рассматривая взаимодействие российских партий демократического социализма в эпоху модернизации и революций. В качестве ценнейших базовых источников особо следует выделить энциклопедию «Всероссийское Учредительное собрание», в которой собраны биографические сведения о ряде интересующих нас персоналий ([Всероссийское Учредительное собрание, 2014](#)), и коллективную монографию группы российских историков ([Политические деятели российской провинции, 2013](#)), содержащую количественный и качественный контент-анализ политической элиты российской провинции предреволюционного и постреволюционного периодов.

Из современников – непосредственных свидетелей и участников описываемых в статье событий, элементы содержания чьих работ послужили основой для итоговых выводов, – выделим

В.М. Чернова (Письма В.М. Чернова, 2014), М.В. Вишняка (Вишняк, 1954), А.В. Пешехонова (Пешехонов, 1917), В.М. Зензинова (Зензинов, 1953), Н.В. Валентинова (Валентинов, 1993) и др.

4. Результаты

Идейное самоопределение для начинающего политика – вопрос принципиально важный, влекущий за собой выбор организации, в рамках которой он будет реализовывать свою деятельность.

Гражданская политическая культура с наличием демократических представительных учреждений, всеобщими выборами, привитием основ политической грамоты развивается на отечественной почве уже не один десяток лет, а это срок немалый. Рядовому гражданину не обязательно специально интересоваться политикой: современные средства массовой коммуникации способствуют политической социализации граждан даже иногда помимо их желания, и у людей, осознают они это или нет, формируются и определенное политическое мировоззрение, и политический вкус, и политические предпочтения, хотя бы на обыденном уровне. В результате в обществе наблюдается рост гражданского активизма.

Политическая социализация, важной частью которой является партийно-идеологическая самоидентификация, представляет собой усвоение политических ценностей и норм, необходимых для адаптации в сложившейся политической системе и, как следствие, выбора путей и методов реализации собственной политической деятельности. В современном мире (в том числе и в России) человек, решивший связать с политической сферой свою жизнь, может руководствоваться богатым теоретическим и практическим опытом, наработанным представителями разных организаций и идеологий прошлого и уже проанализированным историками и политологами разных стран. На сегодняшний день выделены ярчайшие представители всех идейных направлений, в том числе мирового масштаба; оценен их позитивный и негативный вклад в теорию и практическую политику, известна сумма достижений и просчетов, побед и неудач. Этот процесс осмысления политического прошлого и прогнозирования будущего продолжается, идет перманентно. Изучая и критически осмысливая данный опыт, начинающий политик, живущий в демократическом обществе, вдобавок к узанному использует в условиях идейного плюрализма возможность свободного мировоззренческого выбора, руководствуясь собственными политическими и человеческими вкусами, принципами, симпатиями и, конечно, совестью – в целом соображениями более рациональными, чем эмоциональными.

Для человека, вступавшего в политику в России последней четверти XIX – начала XX веков, механизм выбора политической ориентации был несколько иной: и проще, и в то же время сложнее, чем сегодня. Пожалуй, можно сказать, что объективно он был, как правило, более спонтанным, чем у политиков настоящего времени. Специфику политической системы пореформенной России можно охарактеризовать так: в стране набирали ход процессы формирования гражданской культуры (пусть пока еще не во всех, а в наиболее просвещенных сегментах общества) и дифференциации по идеологическому признаку. К этому моменту уже сложились как основные представления о возможных вариантах социального развития, так и силы, их отстаивающие. Альтернативы социально-политического развития были следующие: консервативная (исходила от самой власти и предполагала ограничить политико-системные изменения, раз без них никак нельзя обойтись, самым необходимым минимумом, оставив основы существующего строя неизменными); либеральная (обосновывалась представителями преимущественно западных и отчасти славянофильских концепций и предлагала изменить политический строй в России, взяв в качестве образца либо опыт «западной демократии», либо традиции Земского собора и Боярской думы) и, наконец, радикальная (настаивала на кардинальной смене всего социально-экономического и политического строя).

Для большинства политических и общественных деятелей старшего поколения, которым к моменту формирования отечественной партийной системы было уже 40–50 лет, вопрос организационной принадлежности решился проще и естественнее, чем для тех, кто только входил во взрослую жизнь. Их политическая социализация проходила в годы, когда была возможна дихотомия «консерватор – оппозиционер», а оппозиционная деятельность либо проходила в рамках подпольных народнических организаций (социализм), либо разворачивалась как идеологическое направление в ученой среде (как правило, либеральной). Агентами такого вхождения в сферу политического выступали семья, круг общения, образовательные учреждения, места начала трудовой деятельности – то есть, в более широком смысле, социокультурная среда, в которой проходили взросление и завершение становления личности будущего политика. Не последнюю роль играл и базисный «тренд» эпохи – отношение к государственному режиму в целом. В годы царствования Александра I и Николая I дворянин-оппозиционер был редким, а аристократ-бунтарь, пошедший против власти, – вовсе исключительным случаем; каждый из таких вольнодумцев порицался общественным мнением собственного сословия. Однако во второй половине столетия ситуация разительно изменилась: оппозиционность уже была не просто распространенным явлением, но даже считалась хорошим тоном, в то время как верноподданство выглядело почти неприличным, ибо воспринималось теперь как символ ретроградства и обскурантизма, свойственный прошлой непросвещенной эпохе. Разрушение сословной системы вследствие перехода от традиционного общества к индустриальному

привело к большому разнообразию в выборе профессий, многие из которых напрямую влияли на дальнейшую политическую ориентацию человека. Обедневшее дворянство стало активно осваивать массовые интеллигентские профессии – работать врачами, учителями, юристами, земскими статистиками, агрономами и т.п. Доступ в «благородные» профессии, способствующие личностному развитию и политическому саморазвитию, получают и выходцы из условных «низов» – например, зажиточного крестьянства. Работа в земствах, где начинали свою деятельность многие известные политики революционной поры, давала возможность непосредственно познакомиться с «настоящей Россией», ее народом, проникнуться ее нуждами, бедами и чаяниями. Многие представители прогрессивно настроенной интеллигенции обоснованно считали, что земство – именно то звено, посредством которого может быть преодолено извечное безразличие крестьян ко всему, что не затрагивает напрямую их общинно-хозяйственных и семейных интересов. Поэтому, несмотря на все недоработки и недостатки земской системы, служилая интеллигенция приняла самое живое участие в развитии и «продвижении» земств. Большинство политиков, чья профессиональная деятельность брала старт в качестве так называемого «третьего элемента» (это случайное выражение самарского вице-губернатора В.Г. Кондоиди настолько распространилось и прижилось, что стало использоваться как в быту, так и в официальной и научной лексике), то есть наемных земских служащих, выбирали своим идеологическим ориентиром социализм народнического толка. Едва ли не каждый второй из народно-социалистической верхушки начинал свою карьеру в земствах. Лидеры партии А.В. Пешехонов, Н.Ф. Анненский – бывшие земские статистики, С.Я. Елпатьевский – земский врач. Видными деятелями партии народных социалистов, вышедшими из земско-статистических бюро, были Н.М. Кисляков, П.И. Неволин, Т.И. Осадчий, Н.П. Огановский и др. Медицинский «корпус» земств представляли В.В. Хижняков, И.Е. Марков, М.П. Глинка, Л.В. Карташов, И.К. Кондорский, А.Ф. Лисин, В.Н. Золотницкий, Д.В. Уразов и многие другие, чье активное участие в политической жизни страны на разных уровнях, от местного самоуправления до законодательной власти, не прекращалось до осени 1917 г. Главный идеолог эсеров В.М. Чернов на заре своей общественно-политической карьеры был канцелярским служащим в Тамбовском земстве.

Помимо учебы и службы, формированию мировоззрения способствовали и знакомства, профессиональные, дружеские, родственные связи. У Н.Ф. Анненского, например, не было альтернативы – пойти в политику или нет: его женой стала родная сестра знаменитого народника-анархиста П.Н. Ткачева (Протасова, Бикбаева, 2020: 38), а общественный темперамент самого Анненского и внимание к нему и его близким со стороны полицейских органов завершили процесс формирования оппозиционера. С.Я. Елпатьевский, обучаясь на медицинском факультете Московского университета, активно участвовал в различных мероприятиях политической направленности вместе со своими товарищами, чьи имена стали также известны в профессиональной и общественной сфере: С.А. Харизоменовым, П.П. Кащенко, А.Ф. Михайловым и др. В первый же год работы земским врачом состоялось знакомство Елпатьевского с сестрами Фигнер, которым молодой медик оказывал конспиративную помощь. После ареста Е.Н. Фигнер началось дознание и в отношении Елпатьевского; раз попав в круг внимания полиции, вырваться из него было уже практически невозможно, и в дальнейшем последовали высылка в Уфу, ссылка в Сибирь, запрет жить в столицах и несколько лет жизни в Поволжье, где к тому времени стараниями Н.Ф. Анненского, В.Г. Короленко и др. сформировалась настоящая народническая колония, превратившая провинцию в культурно-политический центр.

Еще проще идейный выбор дался А.В. Пешехонову, вся молодость которого, по сути, была связана с деревней. Он настолько любил все народное и русское, что к народничеству примкнул совершенно естественно и радовался, что полемика с марксизмом помогла народникам консолидироваться, избавиться от некоторых пережитков прошлого (например, идеализации общины как готовой ячейки социалистического общества и крестьянина как прирожденного социалиста), заставила обновить свой идейный арсенал и привести его в соответствие с российскими реалиями.

Еще один выходец из российской глубинки, для которого выбор политического пути не составил особого труда, – М.Д. Кутоманов. Его судьба – яркое свидетельство того, что в посткрепостнической России все-таки довольно многое изменилось по сравнению с традиционным дореформенным обществом. После 1861 г. с постепенным ослаблением сословных рамок стали возможны и восходящая, и горизонтальная мобильность не только для отдельных талантов и смельчаков типа Ломоносова, но и для целых социальных групп – то есть социальная динамика стала приобретать более массовый характер. Разумеется, это не стало явлением, затронувшим абсолютно всю территорию и все население сразу, но уже свидетельствовало о переходе к обществу современного, промышленного типа. В Российской империи стало появляться все больше людей, не пошедших по проторенной предками унылой сословной дороге, а выбравших собственную стезю и «сделавших себя сами». Таким был и М.Д. Кутоманов. Родом из очень бедной крестьянской семьи этот человек, как и Пешехонов, был плоть от плоти русской провинции, деревни. Он начинал помощником волостного писаря, параллельно работая на земле, а во время военной службы четыре года был писарем при штабе в Петербурге. Затем последовала работа статистиком в разных

ведомствах, в том числе в земских управах. С 1890-х гг. Кутоманов как представитель нового, развитого крестьянства занялся публицистикой, освещая вопросы острой общественной значимости. С 1899 г. он был «заочным» сотрудником газеты «Сын Отечества», служившей, по сути, органом оппозиционеров народнического направления. Следовательно, можно с уверенностью сказать, что Кутоманов отдал предпочтение народнической, а не марксистской линии российского социализма. Впрочем, это не вызывает удивления: не только своим крестьянским происхождением, но и по возрасту (он родился в 1856 г.) Кутоманов не принадлежал к целевой аудитории марксистов, рекрутировавших в свои ряды гораздо более молодых людей. С партийным выбором, правда, дело обстояло сложнее. К началу XX века, когда стали оформляться и официально регистрироваться политические партии, Кутоманов уже несколько лет состоял членом социально-революционных кружков в Курской, Ярославской и Санкт-Петербургской губерниях. В 1905 г. он вошел в Саратовский комитет ПСР. Неоднократно арестовывался, высылался и был уволен со службы (*Государственная Дума, 1906: 38*), а 20 октября 1905 г. после выступления на одном из митингов в Саратове был избит черносотенцами (*Государственная Дума, 1906: 38*). 26 марта 1906 года М.Д. Кутоманов был избран депутатом в Государственную Думу Российской империи I созыва, где вошел в состав в Трудовой группы и в парламентской работе был весьма активен. Однако, согласно разным источникам, о его принадлежности к какой-либо партии речь не шла. Несмотря на то, что заполучить трудовиков в свои ряды желали и народные социалисты, и трудовики, и даже кадеты, эта парламентская группа берегла свою независимость от партийных организаций. Лишь летом 1917 г. трудовики вошли в состав ТНСП, и именно от этой партии Кутоманов баллотировался в состав Всероссийского Учредительного собрания, однако избран не был.

Политическому самоопределению не в последнюю очередь помогали и учебные заведения, точнее, та общественная среда, что складывалась в них. Нужно отметить, что выбору места учебы представителей разных идеологических направлений сопутствовали разные резоны. Например, у кадетов чаще всего это было желание получить достойное образование для будущей профессии, у социалистов преобладали мотивы, связанные с революционной работой: прежде всего возможность пожить за границей, в европейских университетских центрах, где можно было не только пополнить знания, но и завести политические знакомства. Товарищеская среда была вполне демократична, и молодежь в основном не заостряла внимания на национальной принадлежности друг друга. Как сообщает М. Вишняк, сионизм не был в почете у еврейской молодежи того времени (*Вишняк, 1954: 84*): он воспринимался интернационалистами настроенной молодежью как рудимент старого строя, подобный великорусскому национальному консерватизму, только иначе окрашенный. Молодые русские оппозиционеры относились к своим друзьям из еврейских семей также вполне толерантно. Несмотря на религиозные препятствия, заботившие их родителей, они нередко заключали такие смешанные браки. Дружба, любовь и политическое саморазвитие в этой среде органично переплетались, сплачивая студенческую молодежь. На рубеже веков в Германии сложился студенческий кружок в составе Н.Д. Авксентьева, В.М. Зензинова, А.Р. Гоца, М.В. Вишняка, И.И. Бунакова-Фондаминского, В.В. Руднева, ставший вскоре ядром руководства партии эсеров. Большинство этих людей были знакомы между собой уже не первый год, некоторые с самого детства. Единомышленники, по словам Зензинова, «полагали, что под наши революционные чувства необходимо подвести фундамент философии и науки» (*Зензинов, 1953: 46*), то есть сделать народническую идеологию более современной, приближенной к классическим образцам идеологии как особой формы культуры, имеющей в своем арсенале и теоретический, и практический компоненты. Европейские стандарты социализма в этом смысле могли быть хорошим руководством. Однако окончательное становление политических убеждений произошло у молодых людей поколения 1880-х позже, в 1905–1906 гг. М. Вишняк утверждает, что его окончательная политическая самоидентификация произошла относительно поздно (в 22 года) в результате внутренней борьбы и сомнений, но в итоге именно эта основательность застраховала его от фракционных и межпартийных метаний, от «смены вех», заигрывания с контрреволюцией и потом с большевиками (*Вишняк, 1954: 97*) и пр.

Те из молодых, чьи ранние годы были связаны с городом, особенно жители крупных губернских центров, и тем более столиц, из социалистических направлений предпочитали марксизм. Это течение ассоциировалось с Европой, следовательно, с прогрессом и надеждами на то, что Россия, двигаясь по намеченному европейскими социалистами вектору, наконец-то избавится от многовековой отсталости, самодержавного деспотизма, общественной спячки и пресловутой крестьянской «сиволопости» и придет к капитализму, последней ступени на пути к социалистическому будущему. В отличие от социалистов-народников, марксисты-горожане не испытывали особого душевного сочувствия к крестьянству и его социальным невзгодам. Капитализация деревни, считали они, ускорит переход крестьянства в ряды рабочих – по-настоящему революционного класса, значит, этот процесс следует оценивать положительно. В марксизме городской молодежи виделись социологический и экономический оптимизм и потенциальная пассионарность, способная смести самодержавный строй и сделать Россию страной западной культуры, со всеми свободными учреждениями и атрибутами (*Валентинов, 1993: 40*). Если к народническим партиям в результате примыкали преимущественно уроженцы 1870-х гг. и старше, то поколение 1880-х уверенно выбирало марксизм, так что на фоне своих

юных последователей В.И. Ленин, к началу XX века перешагнувший тридцатилетний рубеж, не только авторитетом, но и возрастом заслуживал почтительное прозвище «старик».

По средневозрастным показателям на 1917 г. либералы были старше, чем умеренные (правые) народники (трудовики и народные социалисты), а правые народники – старше, чем левые (социалисты-революционеры). Средний возраст кадетов был 50 лет, народных социалистов – 45–47, эсеров, меньшевиков, левых эсеров и анархистов – 35–38 лет (Политические деятели российской провинции, 2013: 35). Сословность, хотя границы этой категория социальной дифференциации к началу XX века стали размываться, выглядит удобным с социологической точки зрения инструментом анализа идеологических предпочтений. Крестьянство преобладало в эсеровской партии (она и позиционировала себя как крестьянская) – 52,4 %. У народных социалистов доля крестьян составляла 36,7 %, у меньшевиков – 33,8 % (Протасова, 2017: 60). Самой «дворянской» из социалистических партий оказались энесы – 25,2 %, эсеры и меньшевики шли по этому показателю практически вровень – 16,5 и 16,3 % соответственно (Протасова, 2017: 60). Мещанство преобладало в рядах «городской» партии – меньшевиков (37,5 %), доля мещан у эсеров составляла 20,9 %, у энесов – 13,5 %. Купечество было по сравнению с прочими сословиями аполитичным: их самое большое представительство среди социалистов было у энесов и оно не доходило до 5 %. Выходцы из духовенства отчасти следовали славным разночинским традициям общественного активизма времен Чернышевского и Добролюбова, составив в рядах народных социалистов почти 15 % (лидеры ТНСП А.В. Пешехонов и С.Я. Елпатьевский были сыновьями священников); более левые социалистические партии привлекали «поповичей» значительно реже: представителей духовного сословия было всего 6,2 % у эсеров и 5,4 % у меньшевиков (Протасова, 2017: 60).

Итак, в среде прогрессивно настроенной молодежи последних десятилетий XIX в. наиболее актуальной была дилемма: народничество – отечественный идеологический «продукт» или марксизм – философско-политическая новинка, пришедшая из Европы. Поскольку отличительной чертой российского политико-культурного облика рубежа позапрошлого и прошлого веков было переплетение процессов модернизации и архаики, в самоопределении молодых людей нередко причудливо сочетались аргументы в пользу той и другой идеологии, выдвигаемые чисто по-русски – не столько разумом, сколько «душой». Отсюда и формы, которые приобретали идеологические дискуссии – много страстности и дефицит упорядоченности, системности, эклектичность взглядов. Например, В.М. Чернов определял суть своей (и эсеровской) концепции так: революционно-политическое народничество как основа, «позитивизм в области философии, строгий марксизм в экономике» (Гусев, 1999: 11). Однако эта эклектичность помогала наиболее вдумчивым из будущих идеологов избегать идеализации того или иного учения и критически подходить к концепциям социалистических авторитетов. Чернов, в целом принимая экономическую часть марксизма, отмечал большую недоработку этой теории – намеренное избегание темы морали (Шубин, 2007: 496), которую отечественные социалисты-народники считали как раз очень принципиальной. Правый эсер М.В. Вишняк признавался, что в момент выбора идейного пути от марксизма его отвратило «понимание социализма как идеологии и морали, присущей определенному классу» (Вишняк, 1954: 99). По словам Вишняка, в первую очередь именно поэтому он не рассматривал вопрос о вступлении в РСДРП. Товарищеские связи привели его к социалистам-революционерам, хотя и в программе этой партии его смущал ряд положений, например, заявление о революционности, а особенно – проповедь политического террора, которую с точки зрения той же нравственности прославлять и пропагандировать было неприемлемо. Впрочем, вступая в партию, он сразу заявил, что не собирается участвовать ни в террористической деятельности, ни в «братоубийственной» борьбе эсдеков с эс-эрами и обратно» (Вишняк, 1954: 100). Всем без исключения народникам казалось сомнительным и даже вредным для подготовки общества к революционным изменениям деление трудящихся на «более революционные» (пролетариат) и «менее революционные» (крестьянство и интеллигенцию) сегменты.

По словам историка А.В. Шубина, «Россия в тот момент превращалась в важную идейную лабораторию, недооцененную западными идеологами социализма вплоть до 1905 года» (Шубин, 2007: 496). Это утверждение отчасти опровергает статья К. Каутского «Славяне и революция», опубликованная в 1902 г. (Искра, 1902). В ней Каутский, на тот момент один из самых маститых идеологов социализма, прозванный «римским папой марксизма» (Кретинин, 2007: 246), написал, что на интересующий нас момент (начало XX века) революционный центр из Западной Европы переместился в Россию и эта страна, «ранее далекая европейская периферия, оплот реакции и абсолютизма», теперь вполне могла послужить для европейского социализма, «зараженного духом дряблого филистерства и трезвенного политиканства» (Искра, 1902), источником революционной энергии. Из этого и подобных заявлений следует, что, хотя срок действия радикальных партийных организаций в России был тогда еще невелик, европейская социал-демократия уже признала их заслуги в борьбе с царизмом, оценила решительность революционного настроя, потенциал и приняла на равных в свою интернациональную социалистическую среду.

Другая мысль А.В. Шубина – «явление марксизма в России проходило в такой форме, что обмен идеями то и дело перерастал в склоку, да и само наследие Маркса не столько углублялось, сколько примитивизировалось для более удобного потребления рабочими и студенческой

молодежью» (Шубин, 2007: 498) – представляется совершенно справедливой. Тон дискуссии задавали молодые марксисты, у которых темперамент нередко подменял научную аргументацию. Среди них был и В.И. Ленин: для него идейное состязание с народничеством стало, без преувеличения, трамплином политической карьеры и «обкаткой» полемического инструментария.

Н.В. Вольский (Валентинов) в самом начале своей политической карьеры был убежденным марксистом-большевиком. Этому в немалой степени способствовал случай: после побега из тюрьмы за границу Вольский познакомился с Лениным, некоторое время был вхож в его дом в Женеве, находился под обаянием сильной и авторитарной натуры Владимира Ильича. Однако после размолвки с ним, повлекшей за собой серьезный пересмотр политических взглядов (главным образом это касалось приемлемых методов борьбы, отношения к демократии и диктатуре), Вольский перешел в ряды меньшевиков-«ликвидаторов», а в середине 1917 г. из-за несогласия с партийным курсом окончательно покинул РСДРП. Всегда отличавшийся независимостью нрава и, если можно так выразиться, организационным нонконформизмом, он стал марксистом общего направления, не скованным доктриной определенной партии, и десять лет после Октябрьского переворота еще жил в Советской России, работал в ВСНХ. Валентинов успел уехать за границу незадолго до начала «эры репрессий», в конце 1920-х гг., и в эмиграции продолжал отстаивать мысль о том, что общественный строй без подлинной демократии и гражданских свобод социализмом называться не может.

Старый народник Н.В. Чайковский, «дедушка русской революции», с начала 1900-х гг. был близок к эсерам, заняв должность секретаря основанной В.М. Черновым Аграрно-социалистической лиги (Всероссийское Учредительное собрание, 2014: 490). С 1904 г. Чайковский вошел в Заграничный комитет ПСР, занимаясь доставкой литературы и оружия в Россию. Непоседливый нрав и политический темперамент старого социалиста не позволяли ему пассивно ожидать перемен, которые неизвестно, когда наступят в России, и Чайковский неутомимо искал разные пути применения своих сил, переходя из одной народнической организации в другую, не изменяя, однако, своего общего идеологического курса. В 1910 г. на суде он был оправдан после заявления о том, что никогда не принадлежал к партии социалистов-революционеров, и это дало ему возможность легализоваться в России в то время, когда для эсеров политическая арена была закрыта. Затем, действительно покинув партию, Чайковский вступил в ряды кооперативного движения. В 1916–1917 гг. он уже входил в состав ЦК Трудовой группы, в течение десяти лет позиционировавшей свою внепартийность, а в 1917 г., когда трудовики объединились с народными социалистами, баллотировался от единой Трудовой народно-социалистической партии во Всероссийское Учредительное собрание (Всероссийское Учредительное собрание, 2014: 490-491). В эмиграции Чайковский стал одним из организаторов Заграничного комитета ТНСП и членом множества общественных объединений правовой и гуманитарной направленности. Политический «бэкграунд» старого народника был настолько впечатляющим, что мало кто всерьез упрекал его за «неусидчивость» в одной организации, тогда как менее заслуженным и более молодым политикам обычно крепко доставалось от обиженных единомышленников за переходы из одной партии в другую. В этом смысле особняком стоит этап формирования народнических партий, когда создавались партии социалистов-революционеров и народных социалистов, – у них были реальные шансы войти в российскую политику единой организацией, но по ряду причин этого не произошло (Протасова, 2020: 1367-1377). Процесс размежевания был не одномоментным и потребовал от многих неонародников серьезного раздумья. Смещение политической ориентации несколько вправо и возможность выбора партии, программа и тактика которой более отвечала запросам убежденного народника, по мере взросления склонявшегося от радикализма к умеренности, было в 1906–1907 гг. вполне естественным. Так, например, А.А. Титов, химик с мировым именем, в молодости, располагая собственными средствами, оказывал поддержку эсерам-боевикам и, по некоторым данным, первоначально принадлежал к ПСР, но с 1906 г. активно включился в построение народно-социалистической партии, став одним из основателей ее московской группы (Всероссийское Учредительное собрание, 2014: 434). Титов и Чайковский были в числе 4 представителей трудящихся и народных социалистов, избранных во Всероссийское Учредительное собрание. Попав в эмиграцию, Титов принял деятельное участие в создании заграничной организации ТНСП и подчеркивал принадлежность к ней даже тогда, когда по причине длительного отрыва от отечественной политической арены и отсутствия реальной конкурентной межпартийной борьбы это стало утрачивать принципиальную значимость. Н.А. Чарушин, революционер-народник старшего поколения (род. 1851), не принял эсеровские методы с террором и экспроприациями и в 1906 г. вошел в партию народных социалистов вместе со своим политическим детищем – Вятским демократическим союзом, созданным годом ранее.

Поэт и публицист П.Ф. Якубович (Л. Мельшин), наоборот, в результате размышлений предпочел более решительные, чем у народников-эволюционистов, политические средства и вошел в ПСР, хотя своим уходом с первого учредительного этой партии (декабрь 1905 – январь 1906 гг.) вместе с будущими народными социалистами А.В. Пешехоновым, В.А. Мякотиним и Н.Ф. Анненским

выразил несогласие с эсеровскими тактикой и некоторыми моментами партийной платформы (Пешехонов, 1917: 327-328).

Известный экономист и публицист Н.П. Огановский, напротив, в 1917 г. перешел к эсерам из народно-социалистической партии, так как увидел в ПСР больше перспектив в условиях революции (Всероссийское Учредительное собрание, 2014: 286). По свидетельству М.В. Вишняка, Огановский, обратившийся к нему как члену технической Всероссийской комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание с просьбой о регистрации кандидатом от ПСР по Воронежскому избирательному округу, вполне искренне выразил убеждение, что на текущий момент «различия между эс-эрами и эн-эсами почти совсем стерлись» (Вишняк, 1954: 300). Вишняк, согласившийся с полезностью Огановского для эсеровской фракции, предоставил политической совести новоявленного эсера решать этический вопрос партийной верности. Сам он при этом, судя по тону его рассказа, скорее осуждал Огановского за столь откровенный политический практицизм в ключевой для русской демократии момент. В результате Огановский был избран депутатом, участвовал в разработке эсеровского законопроекта о земле. Но, когда Учредительное собрание не сумело выполнить своего предназначения, первыми, кого обвинил в этом Огановский, оказались эсеры (Вишняк, 1954: 300). Были отдельные случаи переходов от народных социалистов к кадетам и наоборот: несмотря на «формальный» показатель – разные идеологии – по многим принципиальным вопросам социального характера эти партии были очень близки. Так, известный историк С.П. Мельгунов, в 1906 г. вступивший в Партию народной свободы, в 1907 г. перешел в народно-социалистическую, в рядах которой развил особенную активность в последующий период. В годы Первой мировой войны он способствовал попыткам А.Ф. Керенского объединить народнические силы – энесов и эсеров, поскольку эта идея представлялась все еще перспективной и не вполне утопической. Осенью 1917 г. на выборах во Всероссийское Учредительное собрание (он баллотировался от ТНСП по московскому избирательному округу) в своей программе Мельгунов запланировал объединение «всех одномыслящих партийных группировок» (Емельянов, 1998: 49), что, по его мнению, должно было стать «признаком нашей политической зрелости и величайшей победы русской демократии» (Емельянов, 1998: 49). Интересно, что в указанную предвыборную кампанию Мельгунов призывал своих однопартийцев максимально отмежевываться от кадетов (Емельянов, 1998: 49), поскольку, полагал он, демократический характер кадетской программы и широкая известность Партии народной свободы приведет к фактическому «поглощению» ТНСП либералами, лишит их, так сказать, если не организационного, то, во всяком случае, идеологического суверенитета. Впоследствии, в эмиграции, С.П. Мельгунов был одним из наиболее деятельных в политическом отношении представителей умеренного социализма, и широта его взглядов привлекала к нему как бывших кадетов, так и сподвижников-социалистов, в том числе правых эсеров. Мельгунов оказался в числе самых непримиримых антибольшевиков и заявлял о необходимости создания единого антикоммунистического фронта всего политического спектра русской эмиграции. В условиях изменения характера политической активности (невозможность настоящей самореализации как публичного политика в инокультурной среде – ведь в условиях оторванности от отечественной политической арены принадлежность к партиям по факту носила скорее номинальный характер) четкая идеологическая ориентация Мельгунова, как и ряда других демосоциалистических деятелей, претерпела вполне закономерную эволюцию. Со временем, а точнее в первой половине 1930-х гг., на первый план вместо конкретно-партийных установок стали выходить более универсальные идеалы: приверженность общедемократическим ценностям прав и свобод и отвращение к любой форме диктатуры.

В демократической среде предреволюционной и революционной России были и неожиданно резкие межпартийные «передислокации». Так, один из лидеров «Народной воли», в молодости – ярый поклонник политического террора Н.А. Морозов, просидевший почти четверть века в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, осенью 1917 г. выдвинулся в Учредительное собрание от кадетов. Когда его спросили, чем он, бывший революционер, руководствовался, вступая в партию с весьма умеренной платформой, Морозов ответил, что цели «Народной воли» – политические реформы и конституционный образ правления – ближе всего к Партии народной свободы (Протасова, 2017: 57). Были и обратные процессы – «справа влево»: например, В.Х. Даватц, С.П. Мельгунов, Б.Л. Петерсон перешли от кадетов к народным социалистам; политическая линия выходца из дворян Тамбовской губернии Л.Д. Брюхатова была еще сложнее: он начинал эсером, затем предпочел Партию народной свободы, а оттуда уже перешел к энесам. Подобные перемещения удивления не вызывают, поскольку партии как организации сформировались в России в достаточно короткий срок, но все же не одновременно, и с появлением партии, более точно отвечающей политическим запросам, человек мог перейти в нее, что выглядело естественно. По справедливому мнению историка М.Е. Разинькова, народно-социалистическое направление во многих отношениях «было генетически скорее связано с кадетами, нежели с эсерами» (Разиньков, 2019: 181). Хотя либерализм и социализм – идеологии, принципиально различающиеся по ряду ключевых вопросов, пример народных социалистов показывает, что и близость между ними была немалая: внимательное отношение к человеческой личности, ее правам и свободам, признание приоритета права в

государственном строительстве и т.п. Да и политический темперамент энесов гораздо больше походил на темперамент либеральных, нежели прочих социалистических партий: принципиальное решение действовать исключительно открыто, отрицание нелегальщины и тем более террора. Выдающийся отечественный историк, философ-позитивист, социолог, педагог и общественный деятель Н.И. Кареев допускал, что, если бы партия народных социалистов образовалась раньше кадетской, он примкнул бы именно к ней (Кареев, 1990: 235). Самая же крутая идейная эволюция была проделана депутатом II Государственной Думы от Вятской губернии, агрономом и эконом-географом, специалистом по сельскому хозяйству русского Севера Д.И. Деларовым: кадет – энес – эсер – левый эсер. Деларов, в отличие от большинства своих бывших сподвижников, безоговорочно принял советскую власть. Такое полевение с возрастом у тех, кто изначально выбрал умеренную идеологическую ориентацию, – явление нечастое, практически единичное.

Так, среди сколько-нибудь видных представителей российской политической элиты буквально наперечет примеры переходов от эсеров к меньшевикам (историограф Февральской революции Н.Н. Суханов-Гиммер) (Вишняк, 1954: 40) и наоборот, равно как и от большевиков к эсерам, от народных социалистов к большевикам и меньшевикам, от кадетов к большевикам и меньшевикам. Думается, идеологический фактор играл свою роль в таком постоянстве: на радикальную смену идеологии были готовы лишь единицы, причем из тех, кто присоединился к той или иной партии, когда они вовсю уже действовали, не слишком обременял себя теоретическими выкладками и признавал в политике не философию, а практику. Поэтому те, кто стоял у истоков партийной системы России, практически не замечались в политико-ротационных процессах. Иное дело – перемещения внутри одного идеологического лагеря, будь то народнический, марксистский или либеральный. Из большевиков в меньшевики переориентировались известный историк и экономист Н.А. Рожков, разошедшийся во взглядах с Лениным по аграрному вопросу на IV партийном съезде в 1906 г.; литературовед и педагог В.А. Десницкий, сначала убежденный большевик, но в 1917 г. перешедший в РСДРП, а с 1920 г. и вовсе беспартийный, чудом избежавший высылки из СССР; упомянутый выше Н.В. Вольский (Валентинов), также проделавший путь из большевиков в меньшевики и затем в беспартийные. Самый известный, хотя, возможно, и не типичный пример, – основатель первой в России марксистской организации, философ, экономист, писатель-публицист, человек необычайно широкого ума Г.В. Плеханов, который после II съезда РСДРП короткое время был большевиком, но затем разошелся с Лениным и стал одним из лидеров меньшевистской фракции. Таким образом, патриарх русского марксизма в конечном итоге отдал предпочтение не организационному единству марксистов, а идеям демократического социализма. Этого Ленин не мог простить Плеханову, хотя и признал его философскую платформу «лучшей во всей международной литературе марксизма» (Ленин, 1970: 290). Примеры обратной эволюции – М.П. Павлович (настоящее имя М.Л. Вельтман), Л.Д. Троцкий. Нельзя в этом ряду не отметить и А.Я. Вышинского, в 1903 г. вступившего в меньшевистскую организацию РСДРП и перешедшего в РКП(б), в составе которой сумел сделать впечатляющую государственную карьеру, но сохранить при этом свободу и жизнь, лишь в 1920 г. Безусловно, в данных случаях политический расчет взял верх над чисто идейными соображениями. Как правило, то же самое можно сказать и о тех, кто в период Великой Российской революции перешел из эсеровского стана в большевистский. Таких людей было довольно много: М.Х. Поляков, М.П. Ремизов, А.Я. Аросев (отец известной советской и российской актрисы О.А. Аросевой), И.Д. Смирнов, С.В. Евменьев, Я.С. Агранов (заместитель председателя ОГПУ – НКВД, расстрелянный в 1937 г.), Я.Г. Блюмкин, К.А. Усов, Г.И. Семенов, М.И. Калманович, Ф.А. Кольцов, К.Я. Федотов, В.В. Пахомов, И.А. Сенченко и др. Как правило, таким переходам способствовали деструктивные процессы в эсеровской среде, завершившиеся расколом ПСР осенью 1917 г., и в 1918 г. многие левые эсеры автоматически становились большевиками. У российских радикалов межпартийные ротации диктовались, как правило, отнюдь не переменой идеологических принципов (зачастую знакомство с идеологией было крайне поверхностным, и к 1917 г., особенно для малограмотных новообращенных, вошедших в радикальные организации после Февраля, понятия «марксизм» и «народничество» стали скорее абстрактными), а именно принадлежностью к «левизне», ну и, конечно, целесообразностью – факторами не интеллектуального, а эмоционального характера. У умеренных переходы из одной партии в другую объяснялись уточнениями убеждений, выбором предлагаемых платформ (то есть соображениями мировоззренческого, принципиального порядка), реже – политическим расчетом: резких и, главное, искренних смен мировоззрения с эволюционного народничества или либерализма на марксизм, которые бы сопровождались партийной переориентацией, практически не было.

5. Заключение

В качестве основного вывода следует отметить, что российская демократическая среда начала XX в. была «организмом», отнюдь не застывшим, а очень динамичным, подверженным количественным и качественным изменениям, с циклами затухания и всплеска активности, зависевшими от внешних обстоятельств, а именно от политической конъюнктуры. Далеко не все партии на протяжении своей деятельности сохраняли внутреннее единство. Так, довольно сложно

четко схематизировать процессы, происходившие, например, в мире эсеров за годы существования этой большой и влиятельной, чрезвычайно перспективной, но крайне разномастной организации. При этом межпартийные ротации в российской демократической среде носили не массовый и даже не групповой, а скорее индивидуальный характер, и политическое самоопределение представителей демократических партий в большинстве случаев было вполне взвешенным и твердым. Выбрав идеологическое направление – либерализм либо социализм, во втором случае определившись – марксизм либо народничество, отечественные демократы, за некоторыми лишь исключениями, в течение жизни следовали избранному ими в молодости политическому курсу.

6. Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-09-00059А.

Литература

- Всероссийское Учредительное собрание, 2014 – Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / Автор-составитель Л.Г. Протасов. М., 2014.
- Государственная Дума, 1906 – Государственная Дума первого призыва. Портреты, краткие биографии и характеристики депутатов. М., 1906.
- Валентинов, 1993 – Валентинов Н.В. Недорисованный портрет. М., 1993.
- Гусев, 1999 – Гусев К.В. В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. М., 1999.
- Емельянов, 1998 – Емельянов Ю.Н. С.П. Мельгунов: в России и эмиграции. М., 1998.
- Ерофеев, 1979 – Ерофеев Н.Д. Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979.
- Зензинов, 1953 – Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953.
- Искра, 1902 – Искра. 1902. 18 марта.
- Кареев, 1990 – Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990.
- Коновалова, 2009 – Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М., 2009.
- Кретинин, 2007 – Кретинин С.В. Карл Каутский, 1854–1914 гг. Воронеж, 2007.
- Ленин, 1970 – Ленин В.И. Полн. собр. соч. В 55 т. Т. 42. М., 1970.
- Леонов, 2019 – Леонов М.И. Народничество в партийных и общественных отношениях рубежа XIX–XX вв. // *Народники в истории России: Межвузовский сборник научных трудов*. Вып. 3 / Редкол.: Г.Н. Мокшин (отв. ред.) и др. Воронеж, 2019. С. 146–161.
- Морозов, 1998 – Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998.
- Морозов, 2013 – Морозов К.Н. Феномен субкультуры российского революционера начала XX в. // *Человек и личность в истории России, конец XIX – XX век: Материалы международного colloquiuma* (Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 года). СПб, 2013. С. 134–148.
- Морозов, 2014 – Морозов К.Н. «Партия трагической судьбы»: вклад партии социалистов-революционеров в концепцию демократического социализма и ее место в истории России // *Судьбы демократического социализма в России: Сборник материалов конференции* / Отв. ред. К.Н. Морозов; сост. К.Н. Морозов, А.Ю. Суслов. М., 2014. С. 37–56.
- Пешехонов, 1917 – Пешехонов А.В. Почему мы тогда ушли? // *Русское богатство*. 1917. № 11–12. С. 325–340.
- Политические деятели российской провинции, 2013 – Политические деятели российской провинции от эпохи Николая II до Сталина / В.Л. Дьячков [и др.]. Тамбов, 2013.
- Протасова, 2004 – Протасова О.Л. А.В. Пешехонов: Человек и эпоха. М.: РОССПЭН, 2004.
- Протасова, 2017 – Протасова О.Л. Деятели демократического социализма в контексте политической культуры российского общества первой четверти XX века. Тамбов: Издательство ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2017.
- Протасова, Бикбаева, 2020 – Протасова О.Л., Бикбаева Э.В. Н.Ф. Анненский – общественный и политический деятель либерального народничества // *Манускрипт*. 2020. № 3. С. 38–44.
- Разиньков, 2019 – Разиньков М.Е. Трудовая народно-социалистическая партия в Воронежской губернии в 1917–1918 гг.: политический карлик или центр самоорганизации интеллигенции // *Народники в истории России: Межвузовский сборник научных трудов*. Вып. 3. Воронеж, 2019. С. 181–200.
- Сенявский, 2013 – Сенявский А.С. Трансформация российского общества в XIX–XX вв. и личностные модели поведения // *Человек и личность в истории России, конец XIX – начало XX вв.*: Материалы международного colloquiuma. СПб, 2013. С. 68–82.
- Шубин, 2007 – Шубин А.В. Социализм. «Золотой век» теории. М., 2007.
- Protasova, 2020 – Protasova O.L. Russian Neo-Populists the First Quarter of the XXth century in Inter-Party Relation and Interpersonal Relationships // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1367–1377.

References

- Emelyanov, 1998 – Emelyanov, Yu.N. (1998). S.P. Melgunov: v Rossii i emigracii [S.P. Melgunov: in Russia and emigration]. M. [in Russian]

- [Erofeev, 1979](#) – *Erofeev, N.D.* (1979). Narodnye socialisty v pervoj russkoj revolyucii [The People's Socialists in the first Russian Revolution]. M. [in Russian]
- [Gosudarstvennaya Duma, 1906](#) – Gosudarstvennaya Duma pervogo prizy'va. Portrety, kratkie biografii i xarakteristiki deputatov [The State Duma of the first draft. Portraits, brief biographies and characteristics of deputies]. M., 1906. [in Russian]
- [Gusev, 1999](#) – *Gusev, K.V.* (1999). V.M. Chernov. Shtrihi k politicheskomu portretu [V.M. Chernov. Touches to the political portrait.]. M. [in Russian]
- [Iskra, 1902](#) – *Iskra*. 1902. March 18.
- [Kareev, 1990](#) – *Kareev, N.I.* (1990). Prozhitoe i perezhitoe [Lived and experienced]. Leningrad. [in Russian]
- [Konovalova, 2009](#) – *Konovalova, O.V.* (2009). V.M. Chernov o putyah razvitiya Rossii [V.M. Chernov about the ways of development of Russia]. M. [in Russian]
- [Kretinin, 2007](#) – *Kretinin, S.V.* (2007). Karl Kautskij, 1854-1914 gg. [Karl Kautsky, 1854-1914]. Voronezh. [in Russian]
- [Lenin, 1970](#) – *Lenin, V.I.* (1970). Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]. Izdanie 5. V 55 t. T. 42. M. [in Russian]
- [Leonov, 2019](#) – *Leonov, M.I.* (2019). Narodnichestvo v partijnyh i obshchestvennyh otnosheniyah rubezha XIX – XX vv. [Populism in party and public relations at the turn of the XIX-XX centuries]. *Narodniki v istorii Rossii*. Voronezh. Pp. 146-161. [in Russian]
- [Morozov, 1998](#) – *Morozov, K.N.* (1998). Partiya socialistov-revolucionerov v 1907-1914 gg. [The Party of Socialist Revolutionaries in 1907-1914]. M. [in Russian]
- [Morozov, 2013](#) – *Morozov, K.N.* (2013). Fenomen subkul'tury rossijskogo revolyucionera nachala XX v. [The phenomenon of the subculture of the Russian revolutionary of the early twentieth century]. *Chelovek i lichnost' v istorii Rossii, konec XIX–XX*. SPb. Pp. 134-148. [in Russian]
- [Morozov, 2014](#) – *Morozov, K.N.* (2014). «Partiya tragicheskoj sud'by»: vklad partii socialistov-revolucionerov v koncepciju demokraticeskogo socializma i ee mesto v istorii Rossii [“The Party of Tragic Fate”: the contribution of the Party of Socialist Revolutionaries to the concept of democratic socialism and its place in the history of Russia]. *Sud'by demokraticeskogo socializma v Rossii*. M. Pp. 37-56. [in Russian]
- [Pis'ma V.M. Chernova, 2014](#) – «My, russkie, drugie, my sozdany dlya ispytanij» [We, Russians, others, we are created for testing]. Pis'ma V.M. Chernova. 1920-1941. Saratov, 2014. [in Russian]
- [Peshekhonov, 1917](#) – *Peshekhonov, A.V.* (1917). Pochemu my togda ushli? [Why did we leave then?]. *Russkoe bogatstvo*. 11-12: 325-340. [in Russian]
- [Politicheskie deyateli rossijskoj provincii, 2013](#) – Politicheskie deyateli rossijskoj provincii [Political figures of the Russian province from the era of Nicholas II to Stalin]. V. L. Dyachkov [et al.]. Tambov, 2013. [in Russian]
- [Protasova, 2004](#) – *Protasova, O.L.* (2004). A.V. Peshekhonov: Chelovek i epoha [A.V. Peshekhonov: Man and the Epoch]. M. [in Russian]
- [Protasova, 2017](#) – *Protasova, O.L.* (2017). Deyateli demokraticeskogo socializma Rossii v kontekste politicheskoj kul'tury rossijskogo obshhestva pervoj chetverti XX veka [Figures of democratic socialism in Russia in the context of the political culture of Russian society in the first quarter of the twentieth century figures of democratic socialism in Russia in the context of the political culture of Russian society in the first quarter of the twentieth century]. Tambov. [in Russian]
- [Protasova, 2020](#) – *Protasova, O.L.* (2020). Russian Neo-Populists the First Quarter of the XXth century in Inter-Party Relation and Interpersonal Relationships. *Bylye Gody*. 57(3): 1367-1377.
- [Protasova, Bikbaeva, 2020](#) – *Protasova, O.L., Bikbaeva, E.V.* (2020). Annenskij – obshchestvennyi i politicheskij deyatel' liberal'nogo narodnichestva [N.F. Annensky as a public and political figure of the liberal populism]. *Manuscript*. 3: 38-44. [in Russian]
- [Razin'kov, 2019](#) – *Razin'kov, M.E.* (2019). Trudovaya narodno-socialisticheskaya partiya v Voronezhskoj gubernii v 1917-1918 gg.: politicheskij karlik ili centr samoorganizacii intelligencii [The Labor People's Socialist Party in the Voronezh Province in 1917-1918: a political dwarf or a center of self-organization of the intelligentsia]. *Narodniki v istorii Rossii*. Voronezh. Pp. 181-200. [in Russian]
- [Senyavskij, 2013](#) – *Senyavskij, A.S.* (2013). Transformaciya rossijskogo obshhestva v XIX – XX vv. i lichnostnye modeli povedeniya [The transformation of Russian society in the XIX – XX centuries and personal models of behavior]. *Chelovek i lichnost' v istorii Rossii, konets XIX – nachalo XX vv.: Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma*. SPb. Pp. 68-82. [in Russian]
- [Shubin, 2007](#) – *Shubin, A.V.* (2007). Socializm. «Zolotoj vek» teorii [Socialism. The "Golden Age" of theory]. M. [in Russian]
- [Vishnyak, 1954](#) – *Vishnyak, M.V.* (1954). Dan' proshlomu [A tribute to the past]. New-York. [in Russian]
- [Vserossijskoe Uchreditel'noe sobranie, 2014](#) – Vserossijskoe Uchreditel'noe sobranie: Enciklopediya [All-Russian Constituent Assembly: Encyclopedia]. Avtor-sostavitel' L.G. Protasov. M., 2014. [in Russian]
- [Zenzinov, 1953](#) – *Zenzinov, V.M.* (1953). Perezhitoe [Experienced]. New-York. [in Russian]

Идеологическое самоопределение и межпартийные ротации в российской демократической среде (конец XIX – начало XX вв.)Ольга Львовна Протасова ^{a, *}^a Тамбовский государственный технический университет, Тамбов, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность данной работы обусловлена необходимостью изучения опыта политической социализации, полученного ведущими представителями российских демократических партий в конце XIX – начале XX вв. Характер событий социально-политического характера, происходивших в означенный период в Российской империи, в немалой степени созвучен тому, что наблюдается в России современной: это рост гражданской сознательности и активизма, заметная демократизация политической (особенно оппозиционной) элиты, возникновение и оформление многочисленных и разнообразных политических и общественных организаций. На примерах биографий видных деятелей демократического социализма России начала XX века впервые в комплексе показаны основные факторы социального и демографического характера, способствовавшие выбору той или иной идеологической и, как следствие, организационно-партийной ориентации представителей общественно активной молодежи модернизационного периода. Новизна исследования состоит также в выявлении тенденций формирования идейно-политических предпочтений у представителей разных социальных групп, сословий и прочих социальных сегментов. Выделены закономерности формирования политических предпочтений будущих политиков: их социальное происхождение (сословность), места начала трудовой деятельности, образовательные учреждения, товарищеское окружение, внешнее влияние и мода, возраст вступления в активную политику и пр. Отмечается, что межпартийные ротации в данной среде носили не массовый, а индивидуальный характер, и политическое самоопределение представителей российских демократических партий начала XX века было, как правило, взвешенным и твердым.

Ключевые слова: демократический социализм, неонародничество, марксизм, политические партии, идеология, модернизация.

* Корреспондирующий автор

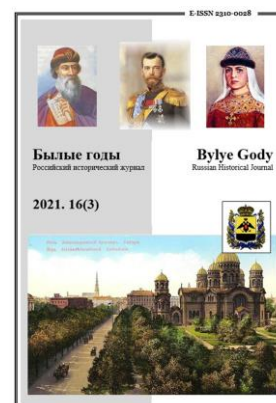
Адреса электронной почты: olia.protasowa2011@yandex.ru (О.Л. Протасова)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1421-1432
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1421
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



Armenian Pogroms in the Ottoman Empire in 1894–1896 and Politics of Russia (according to the Diary of V.N. Lamzdorf)

Igor V. Kryuchkov ^{a,*}

^aNorth Caucasus Federal University, Russian Federation

Abstract

The presented material examines the attitude of the ruling elite of Russia to the pogroms of the Armenian population that took place on the territory of the Ottoman Empire in 1894-1896. The main historical source in the article is the diary of Count V.N. Lamzdorf, Director of the Chancellery of the Russian Foreign Ministry. Analysis of V.N. Lamzdorf's diary allows us to understand the mechanisms of decision-making in St. Petersburg on the Armenian issue in the context of Russia's relations with the Ottoman Empire and other European states. The article notes the impact of the change in Russia's foreign policy strategy in view of its claims in the Far East on the policy of the Empire in the Balkans and the Middle East. V.N. Lamzdorf shows that the Russian ruling elite strove to preserve the territorial integrity of the Ottoman Empire and the status quo in the Balkans and Asia Minor on the eve of grandiose changes in the Far East. This factor led to the dominance in the Russian Foreign Ministry of the policy of a peaceful resolution of the Armenian issue in the Ottoman Empire, with the help of convincing the Sultan of the need for voluntary concessions in this direction. The general policy of European states in resolving this problem was hampered by disagreements between Great Britain, Russia, France, Germany, Italy and Austria-Hungary.

The text of the article repeatedly cites the opinion of V.N. Lamzdorf, demonstrating the distrust of St. Petersburg to the tough policy of Great Britain in relation to the Ottoman Empire. A study of the diary of the Director of the Foreign Ministry Chancellery shows the disdainful attitude of Emperor Nicholas II and Foreign Minister A.B. Lobanov-Rostovsky towards the national movement of Armenians in Western Armenia. The article notes that V.N. Lamzdorf himself and the Russian ambassador to Istanbul A.I. Nelidov, as the crisis grew, became increasingly aware of the futility of the policy of peaceful persuasion of the Sultan in the need to present administrative-territorial autonomy to the Armenians of the Ottoman Empire without its reinforcement with power resources. The failure of the reforms could lead to a new wave of pogroms against Christians in the Ottoman Empire, including Armenians and Greeks, as it happened in 1898 in Crete.

Keywords: Ottoman Empire, Western Armenia, Russian foreign policy, V.N. Lamzdorf, Abdul-Hamid II, Armenian pogroms, European consuls.

1. Введение

В.Н. Ламздорф на рубеже XIX–XX вв. занимал весомые позиции в МИД России, будучи доверенным лицом министра иностранных дел Н.К. Гирса. Он во многом определял внешнеполитический курс страны. Венцом его карьеры становится должность министра иностранных дел, которую он занимал с января 1901 г. по май 1906 г. (Лошаков, 2016). С 1882 по 1896 гг. В.Н. Ламздорф занимал должность директора канцелярии МИД, поэтому он имел доступ даже к самым секретным материалам.

Нестабильность внутривосточной ситуации в Османской империи, падение ее авторитета на международной арене наряду с экономическим кризисом не могли не сказаться на положении христианских подданных Османов. Христиане в большинстве случаев принадлежали к числу

* Corresponding author

E-mail addresses: igory5@yandex.ru (I.V. Kryuchkov)

экономической и финансовой элиты страны, их уровень жизни в ряде районов империи был значительно выше уровня жизни местного мусульманского населения, зачастую ведущего патриархальный образ жизни, мало сочетающийся с запросами современного общества. Они становятся предметом зависти со стороны мусульман (Georgian, 2003: 291).

Поэтому христиане неоднократно в XIX в. являлись объектом проявления безнаказанной агрессии со стороны мусульман, покрываемых османскими чиновниками. Жизнь и имущество христиан, по сути, не защищались законом на практике. Особенно сложная ситуация складывается на востоке Анатолии в зоне компактного проживания армянского населения, где ему пришлось столкнуться с притеснениями и грабежами со стороны курдских племен и произволом, исходящим от османской бюрократии, погрязшей в коррупции и непрофессионализме.

В Западной Армении около 70 % армянских крестьян принадлежало к числу бедняцких хозяйств. Но это их не убергло от грабежей со стороны курдов и бюрократии. Ситуацию в последней трети XIX в. осложняет приток мухаджиров с Кавказа и мусульманских беженцев с Балкан. Значительная их часть расселяется на территории Анатолии, в том числе и в Западной Армении. Эта часть населения особенно демонстрировала неприязнь к христианам, имея неудачный опыт сожительства с ними в других регионах империи и за ее пределами. Поэтому многие из них приняли активное участие в армянских погромах (Bliss, 1896: 557).

Стамбул, к концу XIX в. фактически потерявший большую часть своих владений на Балканах, проявляет тревогу по поводу развития ситуации в Западной Армении, где начинает развиваться национальное движение среди армянского населения (Роган, 2018: 36). Серьезность ситуации для стратегов в Стамбуле подкреплялась приграничным положением данного региона, поэтому он в любой момент мог стать театром военных действий между Россией и Османской империей и Порты не могла положиться на лояльность местного христианского населения. Следовательно, фактор так называемого «армянского сепаратизма» оказывал влияние на положение армянского населения. Попытки европейских держав создать автономное образование на территории Западной Армении в 70–80-е гг. XIX в. не увенчались успехом из-за их разногласий и нежелания Порты идти на уступки в этом вопросе.

Негативно на положении христианского населения сказывается личность султана Абдул-Хамида II, подчеркивавшего особую приверженность к исламу и с большим недоверием относившегося к христианам страны (Абидулин, Аюпова, 2015: 13). По некоторым свидетельствам, в его гареме не было представительниц христианских народов. Султан в стране установил жесткий полицейский режим, от которого страдали все слои населения, но прежде всего христиане. Образ султана тиражировался по всей империи для подчеркивания его силы и могущества (Абидулин, Аюпова, 2016: 27-28). Абдул-Хамид патологически боялся покушений, в том числе со стороны христиан. Сам В.Н. Ламздорф называл султана «своенравным» и «неуравновешенным» (Ламздорф, 1991: 219).

В Восточной Анатолии ситуация обостряется в горном районе Верхний Самсун летом 1894 г., когда местные армянские крестьяне, доведенные до отчаяния поборами со стороны курдов и местных османских чиновников, выступили с оружием в руках для защиты своих прав (Роган, 2018: 37). В это время курдские племена в очередной раз обложили армянское население данью. Параллельно Порты потребовала от крестьян выплатить все задолженности по налогам. Горный характер местности и постоянные угрозы сформировали у здешних армян дух сплоченности и воинской доблести. Восстание охватило г. Самсун и окрестные села. Оно в июле–августе 1894 г. было жестоко подавлено с применением воинских частей, отрядов курдов и религиозных фанатиков (Кочар, 1988: 32). Европейские дипломаты отмечали особую жестокость по отношению к мирным жителям, сдавшимся на милость победителей (Meme, 1894: 39). По разным оценкам погибло от 3 тыс. до 16 тыс. чел., в основном мирных жителей. Данные события вызвали большой резонанс у европейской общественности, несмотря на попытки властей Османской империи скрыть факты злодеяний (Ramsay, 1896: 435). В Европе нарастали требования о необходимости принятия адекватных мер по защите прав армян Западной Армении. Когда трагические события скрыть не удалось, Порты попыталась возложить вину за резню на самих армян и оправдать действия османской администрации и армии.

2. Материалы и методы

В качестве основного исторического источника по теме исследования выступает дневник В.Н. Ламздорфа. Дипломат сопровождает собственные рассуждения включением в текст значительного комплекса исторических источников (депеш, телеграмм и др. документов, подготовленных дипломатами России и других стран, включая конфиденциальную информацию), некоторые из них до сих пор неизвестны современным исследователям, поэтому требуется их дальнейший поиск в фондах Архива внешней политики Российской империи. Работа с дневником В.Н. Ламздорфа показывает «внутреннюю кухню» принятия решений МИД России и характер взаимоотношений между его сотрудниками, в том числе и в контексте урегулирования армянского вопроса в 1894–1896 гг.

В процессе работы над темой использовались основные методы исторической науки (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-хронологический). Также применялся конструктивистский подход, в том числе предполагающий обращение внимания на проблемы идентичности, что напрямую пересекается с принципами имагологии, образы «своего» и «другого» являются неотъемлемым атрибутом текста В.Н. Ламздорфа.

3. Обсуждение

Трагические события, развернувшиеся в Османской империи в 1894–1896 гг. вызывают пристальное внимание в российской и зарубежной историографии. Основное внимание авторами уделяется проблеме возникновения армянского вопроса в Османской империи в контексте общего развития национально-освободительного движения народов империи. (Галстян, 2015; Кочар, 1988; Руковишников, 2019). Дискуссионной проблемой является роль политических партий в национальном движении армян в Османской империи и за ее пределами (Осерская, 2011). Отдельное внимание отводится роли Великобритании в попытках урегулирования армянского вопроса в рамках ее ближневосточной политики (Арутюнян, 1959; Киракосян, 1990). Современные авторы рассматривают изменение имперской идеологии османов и султана Абдул-Хамида II по отношению к христианам, включая армянское население (Абидулин, Аюпова, 2015; Абидулин, Аюпова, 2016). Ухудшение положения христиан в рамках общей деградации Османской империи традиционно поднимается в работах известных специалистов по истории Османской империи (Роган, 2018; Лорд Кинросс, 1999).

4. Результаты

Реакция России в 1894 г.: политика компромиссов

На страницах дневника В.Н. Ламздорфа в это время доминирует информация, которая занимала первостепенное внимание МИД России в 1894 г., включая конфликт с Болгарией, подготовку нового торгового соглашения с Германией, события в Китае, Корею и т.д. Погром армянского населения в Самсуне оказался на периферии внешнеполитических проблем России, о чем свидетельствует частота упоминания «армянской проблемы» в дневнике российского дипломата.

Инициативу в расследовании событий в Самсуне взяло на себя британское правительство. В конце ноября оно через своего посла в Стамбуле Ф. Карри предложило создать специальную комиссию по расследованию событий в Самсуне без участия представителей османской администрации, чтобы они не могли оказывать давление на свидетелей и работу самой международной комиссии. Более того, Великобритания предложила оказать давление на Турцию со стороны ведущих европейских держав, что должно было повысить эффективность работы комиссии. Принятия решительных мер от своего правительства требовала и британская общественность (Dillon, 1896: 340). Порта отказалась от такого варианта, наблюдая пассивность других государств Европы, в том числе России. Великобритания выдвигает свой вариант, предлагая направить в Самсун одного из британских консулов в Анатолии и османских следователей. Данное обстоятельство сильно озадачило Россию и Францию, так как они могли оказаться не у дел, а Великобритания в данной ситуации получит славу защитника интересов христиан в Малой Азии, что позволит ей укрепить свои геополитические позиции на Ближнем Востоке. К тому же Россия очень ревностно относилась к Западной Армении, примыкавшей к ее границам. Поэтому Санкт-Петербург и Париж решили срочно подключиться к расследованию событий в Самсуне, желательно на своих условиях (Арутюнян, 1959: 84–85).

В дневнике В.Н. Ламздорфа только в записи от 2 декабря 1894 г. встречается первое упоминание о трагических событиях в Самсуне. В ней идет речь о позиции по данному поводу посла России в Стамбуле А.И. Нелидова, занимавшего эту должность с 1882 по 1897 гг. Посол опасался, что «чрезмерное» сближение России с Великобританией может привести к нежелательному обострению отношений с Турцией. Посол называет события в Самсуне всего лишь «инцидентом», а политику Лондона попыткой втянуть Россию в армянские дела (Ламздорф, 1991: 87). В этой связи возникает вопрос по поводу последнего комментария посла: либо он не знал о масштабе трагедии, либо стремился его замолчать в угоду сохранения статус-кво в отношениях России и Османской империи. Скорее всего, здесь сыграли роль оба обстоятельства, хотя если бы посол получил полную картину событий в Самсуне, то он несколько бы скорректировал свою позицию, что произойдет позже, в январе 1895 г.

На позицию России по армянскому вопросу в 1894–1896 гг. сильное влияние оказала смена внешнеполитической стратегии страны. Николай II и его окружение стремились заморозить ситуацию на Балканах и Ближнем Востоке для расширения влияния России на Дальнем Востоке (История..., 1997: 102). Поэтому Санкт-Петербург пытается сохранить статус-кво в Османской империи, что предопределило его сближение с Австро-Венгрией.

7 декабря Николаю II передали секретную переписку посольства Османской империи в Санкт-Петербурге со Стамбулом, что демонстрирует отношение еще не искушенного в политике молодого императора к событиям в Самсуне. Суть его пометок сводится к следующим сюжетам: 1) он по отношению к Турции будет придерживаться политики Александра III; 2) несмотря на обещания Порте, Россия не может остановить вал антитурецких публикаций на том основании, что русская

пресса перепечатывает информацию европейских газет. Логика некоторых пометок В.Н. Ламздорф не смог понять: во время беседы с директором канцелярии МИД В.С. Оболенским-Нелединским-Мелецким оба дипломата пришли к заключению, что комментарии императора не стоит всерьез воспринимать, они только демонстрируют тщательность Николая II в работе с официальными документами, а сами пометки носят «детский характер» (Ламздорф, 1991: 89). В этом сюжете примечательны два обстоятельства. Во-первых, оказывается, что Россия в лице помощника министра иностранных дел Н.П. Шишкина обещала Османской империи сдерживать появление антитурецких публикаций на страницах российских средств массовой информации. Во-вторых, России удалось вскрыть секретный код переписки османских дипломатов, поэтому она получила доступ ко многим конфиденциальным документам Стамбула. Кстати, это удалось сделать в конце XIX в. применительно к секретным кодам других европейских посольств, кроме представительства Австро-Венгрии.

11 декабря, согласно данным В.Н. Ламздорфа, Россия решила с большим опозданием отреагировать на события в Самсуне, направив с согласия императора секретную телеграмму консулу в Битлисе. Но она не содержала ничего радикального, а признавала необходимость консульского расследования событий в Самсуне, поскольку эту идею предложил сам султан (!). Более того, Санкт-Петербург стремился заручиться в этом вопросе поддержкой Франции, запросив ее реакцию по поводу армянских погромов. Поэтому российский консул не должен был действовать самостоятельно и при этом согласовать действия с британским консулом. В МИД России опасались, чтобы Великобритания не заработала дополнительные политические очки вокруг событий в Самсуне (Ламздорф, 1991: 92). Через день МИД получил депешу из Парижа о поддержке консульского расследования событий лета 1894 г., цели и задачи которого должны были согласовать дипломаты России, Франции и Великобритании в Стамбуле. А.И. Нелидов сразу получил указания по данному поводу.

В турецкой политике сотрудников МИД России в это время больше волновали представительские дела: назначение нового османского посла в Санкт-Петербурге и намерение А.И. Нелидова уйти в отставку. Он ссылаясь на усталость и желание отдохнуть от сложных проблем, поскольку должность посла в Стамбуле не сулила легкой жизни европейским дипломатическим представителям (Ламздорф, 1991: 99).

Страны Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия, Италия) отказались от направления своих представителей в состав международной комиссии. В нее вошли российский, французский и британский консулы в Эрзеруме, начав в конце 1894 г. расследование в Муше. Однако, как и следовало ожидать, комиссия сразу столкнулась с противодействием со стороны османских властей. Великобритания предложила комплексно рассмотреть армянский вопрос в Османской империи, чтобы исключить условия для повторения резни армян в будущем.

1895 г.: проблема сохранения Османской империи и решение армянского вопроса

Начало 1895 г. вызвало серьезную озабоченность МИД России. Ватикан через Испанию обратился к России и Великобритании, чтобы они выступили с резким демаршем в адрес Османской империи с осуждением событий в Самсуне. В начале января МИД срочно направил письма послу России в Испании А.М. Горчакову и министру-резиденту в Ватикане А.П. Извольскому. Санкт-Петербург потребовал от Испании и Ватикана умеренности в требованиях к Стамбулу, чтобы они не переходили «красную линию» в переговорах с Портой (Ламздорф, 1991: 108).

В феврале 1895 г. Великобритания довела до сведения России и Франции необходимость срочного проведения реформ в Восточной Анатолии для защиты христианского населения Турции, и прежде всего армян, проживавших в Западной Армении. Россия в этой ситуации повела двойную игру. В британском плане она видела усиление позиций Лондона в Западной Армении, поэтому приложила все усилия, чтобы провалить его реализацию. Одновременно она вступила в переговоры с султаном с целью одобрения проведения им ограниченной административной реформы для обеспечения некоторых гарантий безопасности армян. Порта, хорошо осведомленная о разногласиях среди ведущих европейских держав, отказалась идти на любые серьезные уступки (История..., 1997: 103).

Одновременно в МИД приходит телеграмма А.И. Нелидова от 17 января 1895 г., где речь шла о необходимости усилить давление на Турцию. Николай II поставил резолюцию «Совершенно верно». На этот раз В.Н. Ламздорф позволил собственный комментарий по поводу «армянской резни». То, что произошло в Самсуне, напомнило ему террор, устроенный турками в Болгарии в 1876–1877 гг. накануне русско-турецкой войны. С той разницей, что события в Самсуне в большей степени затрагивают интересы России. Очевидно, дипломат имел в виду приграничный характер Западной Армении, граничившей с беспокойным и в то же время важным для империи российским Закавказьем, и наличие многочисленной армянской диаспоры в России. Поэтому, по его мнению, российский делегат в Самсунской комиссии должен был объединиться с французским коллегой для координации действий. Великобритании В.Н. Ламздорф не доверял, так как она, рассуждая о гуманизме и человеколюбии, будет решать собственные задачи на Ближнем Востоке. Комиссия, по мнению дипломата, должна была установить факт репрессий, избегая выяснения их причин, виновных и публикации отчетов, способных вызвать серьезное общественное брожение (Ламздорф, 1991: 122).

В конце февраля 1895 г. послы России, Великобритании и Франции в Стамбуле приступили к разработке плана административной реформы в шести восточных вилайетах, где большинство населения составляли армяне. Однако в процессе работы совещания послов выявились серьезные разногласия между сторонами. Поэтому выработка плана реформ растянулась до апреля включительно (*История...*, 1997: 103).

В мае Порты получила меморандум трех послов. Он, опираясь на 61 статью Берлинского трактата, предполагал проведение некоторых реформ в шести вилайетах, фактически устанавливая процедуру согласования Портой с европейскими государствами кандидатуры губернатора и османского комиссара, наблюдавшего за проведением реформ в Западной Армении (*Hovannisian*, 1997: 219-221). Более того, дипломаты напоминали султану, что Порты еще в 1878 г. взяла на себя обязательства по защите армян от черкесов и курдов и соблюдению прав христиан (*Берлинский трактат*, 1878: 205). Более того, предполагалось объединение районов, где армяне составляли большинство населения в единую административно-территориальную единицу. Эти требования вызвали противодействие со стороны правительства Османской империи. Россия и Франция предлагали остановиться на этом меморандуме и не выдвигать, как они заявляли, неприемлемые для Порты требования проведения дальнейших реформ.

В июне 1895 г. армянский вопрос становится предметом внутриминистерских дразг в России после прихода нового министра иностранных дел А.Б. Лобанова-Ростовского. 13 июня 1895 г., в день начала отпуска В.С. Оболенского-Нелединского-Мелецкого, в редакцию газеты «Новости и биржевые ведомости» приходит «копия» его телеграммы в российское посольство в Стамбуле. В ней шла речь о том, что правительство России полагает, что любое участие в урегулировании армянского вопроса является проведением политики в угоду интригам Великобритании, поэтому Россия отказывалась вмешиваться в конфликт армянского населения с Портой. Главный редактор издания И.К. Нотович, подозревая неладное, передал текст телеграммы в МИД. Сразу выяснилось, что она является фальшивкой, направленной на дискредитацию А.Б. Лобанова-Ростовского и В.С. Оболенского-Нелединского-Мелецкого. Ее явно составили в недрах Азиатского департамента Министерства иностранных дел (*Ламздорф*, 1991: 214). Оказалось, что ее получил и уезжавший из Санкт-Петербурга армянский католикос. Следовательно, автор фальшивки рассчитывал на большой политический скандал. По распоряжению министра вице-директор канцелярии П.Л. Ваксель проводит служебную проверку. Однако личность провокатора в недрах министерства установить не удалось, по крайней мере, это не прослеживается в дневнике В.Н. Ламздорфа.

19 июня по настоянию посла Великобритании в России Ф.К. Ласселса его принял А.Б. Лобанов-Ростовский. Посол передал предложение британского правительства в 24 часа совместно потребовать от Порты четкого ответа по поводу урегулирования армянского вопроса. Министр попытался узнать, чем вызвана такая спешка Лондона и просчитывало ли правительство Его Величества все политические последствия такого шага? Убедительного ответа министр не получил. Послу он разъяснил невозможность принятия решения без указания императора, продемонстрировав Ф.К. Ласселсу недоумение по поводу данного дипломатического демарша. Николай II оставил резолюцию «Конечно, не присоединимся к категорическим требованиям Англии, не понимаю, отчего она так решительно настаивает? Во всяком случае, здесь дело нечистое» (Цит. по *Ламздорф*, 1991: 216). На всякий случай через посла в Париже А.П. Моренгейма МИД попытался выяснить мнение Франции по этому поводу, так как в Санкт-Петербурге не сомневались, что она получила такое же предложение от Лондона.

Через несколько дней либеральное правительство Л.Ф. Примроуза, графа Розбери уходит в отставку и на его смену приходит консервативное правительство Р.А. Гаскойн-Сесила, маркиза Солсбери. Следует отметить, что либералы были более решительно настроены в проведении политики давления на Османскую империю для решения армянского вопроса в сравнении с консерваторами. Поэтому, скорее всего, события 19 июня объяснялись последней попыткой либерального правительства графа Розбери достичь определенных успехов в деле улучшения положения армянского населения Османской империи. 25 июня В.Н. Ламздорф, П.Л. Ваксель и товарищ министра иностранных дел Н.П. Шишкин во время совместного чаепития оценивали перспективы внешней политики правительства лорда Солсбери. Они осознавали, что новое британское правительство будет не столь лояльно к России в сравнении с предыдущим кабинетом либералов, и оно явно отодвинет армянскую проблему на второй план (*Ламздорф*, 1991: 218). Некоторая лояльность либералов к России в какой-то мере объяснялась их попытками добиться от нее более решительных действий для оказания помощи армянскому населению Османской империи. Перед консерваторами такая стратегическая задача не стояла. Тем временем А.И. Нелидов докладывал о фактическом провале переговоров по кандидатуре верховного комиссара в Западной Армении из-за непримиримой позиции султана. В то время как назначенный в июне 1895 г. верховный визирь Кючюк Мехмед Саид-паша, которого настораживал рост внутривнутриполитической нестабильности в Османской империи, был готов к компромиссу (*Ламздорф*, 1991: 219). В.Н. Ламздорф подтверждал эту информацию, основываясь на донесениях российских дипломатов.

В Македонии, Египте, на Ближнем Востоке, Крите нарастало недовольство политикой Порты, что могло вылиться в открытые восстания против османской администрации.

Смена правительства в Великобритании, по мнению В.Н. Ламздорфа, на время заморозило решение армянского вопроса, поскольку британский посол в Стамбуле ждал инструкций от нового правительства. В этих условиях, султан решил перехватить инициативу, создав комиссию по рассмотрению «разногласий» с армянским населением (Ламздорф, 1991: 221).

14 августа после получения объемной почты из Стамбула состоялся весьма примечательный разговор В.Н. Ламздорфа с А.Б. Лобановым-Ростовским, во многом проливавший свет на позицию российского министра иностранных дел по поводу решения армянского вопроса в Османской империи. В августе Порты окончательно отклонила меморандум о реформах в Западной Армении. А.И. Нелидов требовал немедленного ответа России для оказания совместно с Великобританией и Францией жесткого давления на Стамбул с целью достижения его согласия на проведение умеренных реформ, предложенных в мае 1895 г.

А.Б. Лобанов-Ростовский объяснял позицию посла России в Стамбуле его «чрезмерным самолюбием» и неорганизованностью. При этом министр ссылаясь и на мнение императора, который на встрече с бывшим послом Персии в Санкт-Петербурге Махмуд-ханом, получившим назначение в Стамбул, резко высказался по поводу взглядов сторонников «жесткого курса» по отношению к Османской империи, рассчитывая, что дипломат передаст эту точку зрения Порте. В.Н. Ламздорф не разделял позицию министра в отношении А.И. Нелидова, тем более его рассуждения о том, что посол России мог информацию о мнении Николая II по армянскому вопросу получить от Махмуд-хана (Ламздорф, 1991: 239). Это выходило за рамки дипломатического протокола и здравого смысла.

В.Н. Ламздорф полагал, что размышления А.И. Нелидова не лишены здравого смысла и основаны на хорошем знании ситуации в Османской империи. Он постоянно писал в МИД о том, что если Порты проявит колебания в связи с возможными уступками армянскому населению, то в итоге все христиане Малой Азии окажутся заложниками в руках султана. В.Н. Ламздорф в целом разделял данную позицию. Он оказался в сложной ситуации, поскольку А.Б. Лобанов-Ростовский всячески торпедировал план трех послов в Стамбуле, отказавшись от жесткого курса в отношении Стамбула, поручил ему составить письмо А.И. Нелидову. В.Н. Ламздорф попытался найти некий компромисс. Он призвал посла отказаться от тактики ультиматумов и навязывания султану административной реформы, чтобы вся инициатива реформ исходила от Порты. Однако В.Н. Ламздорф призывал постоянно напоминать султану о необходимости улучшения положения христианского населения в Анатолии и его ответственности за это. Одновременно он подчеркивал, что реформы должны затрагивать зону, определенную Берлинским трактатом (Ламздорф, 1991: 240). Поэтому В.Н. Ламздорф не поддерживал позицию армянских патриотов, требовавших автономии для всей Западной Армении. В заключение В.Н. Ламздорф призывал посла к крайней осторожности, чтобы не спровоцировать резкую реакцию не только со стороны Порты, но и со стороны российского императора и министра иностранных дел.

3 августа А.Б. Лобанов-Ростовский в письме послу России в Лондоне отвергал идею британского правительства о создании наблюдательной комиссии за соблюдением проведения реформ в Западной Армении. Полагая, что согласие Порты и наблюдение послов трех стран в Стамбуле позволяет полностью закрыть армянский вопрос (Ламздорф, 1991: 243). По сути, министр стремился полностью нивелировать политику реформ в интересах армянского населения Османской империи.

30 сентября 1895 г. в Стамбуле разыгрались трагические события. Армянская демонстрация попыталась передать свои требования правительству султана, но ее встретили кордоны полиции, в результате имелись погибшие с обеих сторон (Роган, 2018: 37). Демонстрация армян вызвала взрыв фанатизма со стороны мусульманского населения города, и прежде всего учеников школ при мечетях, организовавших убийства армян. Беспорядки перекинулись в Трабзон. Во время погромов погибло от 2 до 6 тыс. чел. (Киркаросян, 1990: 68). Европейские послы обвинили Порту в организации погромов, отрицая их стихийный характер. Правда, А.И. Нелидов отмечал отдельные попытки полиции и солдат остановить погромы в столице. Под нажимом европейцев султан пообещал наказать виновных, что так и не было сделано (Лорд Кинросс, 1999: 610-611). Неожиданно армянский вопрос перерос в плоскость возможной войны между Россией и Великобританией.

А.И. Нелидов, докладывая по этому поводу в Санкт-Петербург, высказывал мнение об обреченности режима личной власти султана, что может привести и к его отречению. По мнению дипломата, данный процесс будет способствовать нарастанию фанатизма мусульман и дальнейшему погрому армян и, возможно, других христиан. В результате Османская империя погрузится в хаос и данные события дадут Великобритании основание ввести свою Средиземноморскую эскадру в Стамбул для наведения порядка, что означало бы усиление ее позиций в стране. Черноморский флот России не мог тягаться с британской эскадрой. В.Н. Ламздорф понимал, что этот конфликт можно было решить только дипломатическим путем, рассчитывая не только на помощь Франции, но и Германии. В 1885 г., когда Россия и Великобритания оказались на грани войны и британский флот собирался пересечь черноморские проливы, Германия жестко дала понять, что такой вариант развития событий для нее неприемлем, так как он нарушал статьи Берлинского трактата (Ламздорф,

1991: 256). Поэтому В.Н. Ламздорф усомнился в возможности реализации сценария, предрекаемого послом России в Стамбуле, и он оказался абсолютно прав.

17 октября В.Н. Ламздорф с удовлетворением отметил, что султан принял предложения комиссии трех послов. В этот день Абдул-Хамид подписал план реформ в шести восточных вилайетах (Битлис, Ван, Диярбакыр, Сивас, Харпут (Элязыг), Эрзерум), где преобладало армянское население. Выход декрета привел к волнениям мусульманского населения в данных вилайетах и в крупных городах Османской империи. Особенно массовый характер армянские погромы приобрели 25-29 октября в Эрзеруме, Ване, Муше и окрестных районах (Embassy, 1895: 426). Мусульмане боялись создания независимой Армении, в результате чего они могли потерять свое привилегированное положение и стать религиозным меньшинством или им придется покинуть свои дома, как это происходило на Балканах и Кавказе. Османская администрация не предпринимала усилий по опровержению этих слухов с согласия султана (Hovannisian, 1997: 222-226). В результате погибло как минимум 37 тыс. чел., а еще 300 тыс. потеряли свое имущество и дома, по другим данным, было убито или ранено около 300 тыс. армян (Pogán, 2018: 38). Турецкая администрация в большинстве случаев не только не препятствовала, а, наоборот, оказывала поддержку погромщикам.

Через три дня А.И. Нелидов докладывает об озабоченности Абдул-Хамида по поводу проекта реформ, им же обнародованных под давлением великих держав. По свидетельству посла, султан боялся двух альтернатив: вторжения британского флота в случае, если он не одобрит план реформ, и начала беспорядков в стране после объявления реформ. По мнению посла, султан больше опасался первой альтернативы, поэтому он согласился обнародовать реформы. Посол полагал, что ему удалось убедить султана, что умеренная позиция России и Франции позволила остановить Великобританию от проведения военных действий в зоне черноморских проливов (Ламздорф, 1991: 295). Данное письмо показывает, что реальное применение силы, а не дипломатические увещания заставляли султана идти на принятие непопулярных мер.

Нарастание анархии в Стамбуле становится в конце октября тревожным сигналом для ведущих европейских государств. В целом все спокойно относились к возможности свержения Абдул-Хамида и замене его новым султаном, что рассматривалось как внутреннее дело Османской империи. Однако в случае начала погрома христиан, и прежде всего подданных европейских государств, великим державам пришлось бы срочно вмешаться, применив в том числе и военную силу. В этих условиях формируются две позиции. Первая: Великобритания и Италия – сторонники решительных действий. Вторая: Россия и Франция, выступавшие за «взвешенные» действия. Они опасались, что военное вмешательство может остановить процесс проведения реформ и еще больше накалить ситуацию в Малой Азии. Князь А.Б. Лобанов-Ростовский в письме послу России в Лондоне от 21 ноября выражал свою тревогу. В тот момент, когда великие державы добились проведения реформ с целью облегчения положения армянского населения, Великобритания, по его мнению, берет курс на дальнейшее обострение ситуации в Османской империи, что может привести к ее распаду с непредсказуемыми последствиями (Ламздорф, 1991: 309). Более того, не было гарантий, что новый султан будет выполнять проект реформ в Западной Армении. Россия берет курс на «уговаривание» султана, постоянно демонстрируя свою лояльность к нему и его правительству.

В Германии, по донесениям российских дипломатов, также полагали, что продолжающиеся беспорядки в Малой Азии являются во многом результатом интриг британского правительства, стремящегося укрепить свои позиции в регионе (Ламздорф, 1991: 348). Это усиливало подозрения в адрес Лондона в Санкт-Петербурге.

На всякий случай военное ведомство России готовило Черноморский флот для высадки десанта в 35 тыс. чел. в районе Стамбула. Австро-Венгрия предложила вариант совместных действий великих держав, но он оказался нереализованным из-за позиции России и Франции.

5 ноября А.И. Нелидов отправляет в Санкт-Петербург несколько секретных телеграмм. В одной из них речь идет о раскаяниях турецкого султана, полагавшего, что все его беды начались после того, как он рассорился с британцами. Николай II на ней поставил резолюцию «Не особенно утешительно». В другой телеграмме шла речь о деятельности англо-армянских революционных комитетов на территории Малой Азии. На ней император поставил резолюцию «Неужели нет способа противодействия проидам и интригам мерзких англо-американских комитетов во всех турецких областях?» (Ламздорф, 1991: 329-330). Эта резолюция показывает истинное отношение императора и части политической элиты России к стремлениям армянского народа добиться широкой автономии и даже независимости Западной Армении, хотя император и поддержал идею российского посла об оказании гуманитарной помощи армянскому населению по линии Красного Креста, оставив резолюцию «Мысль недурна». Однако министр иностранных дел решил «Оставить без последствий» данное предложение, по сути, затормозив оказание помощи пострадавшему армянскому населению. 26 декабря посол Германии князь Г. Рудолин докладывал в МИД о своей беседе с Николаем II, во время которой император «проявлял мало сочувствия к армянам» (Ламздорф, 1991: 362).

11 декабря российский посол в Лондоне Е.Е. Сталь постарался развеять страхи правящих кругов в Санкт-Петербурге по поводу решительных действий Великобритании в связи с армянскими погромами в Западной Армении. По его мнению, истинные намерения Великобритании заключались

в желании прекратить погромы христианского населения в Османской империи, в том числе армян, а не в попытках использовать данный факт для развала Турции и аннексии ряда территорий, входящих в ее состав (Ламздорф, 1991: 340-341). Лорд Солсбери не доверял султану, называя его коварным и лицемерным, способным пойти на любые жертвы ради сохранения своей власти. На этот поступок дипломата подтолкнули письма из МИДа, где ему предписывалось «вскрыть» истинные намерения правительства консерваторов на Ближнем Востоке.

Постепенно В.Н. Ламздорф приходит к выводу, что развитие ситуации в Западной Армении все больше приобретает трагический характер, несмотря на попытки европейских государств добиться от Турции уступок в пользу армянского населения и официально объявленную султаном программу реформ: «Новости из Турции не очень хороши, массовые убийства, видимо, продолжаются» (Ламздорф, 1991: 341). К этому заключению его подталкивало и получение телеграммы от британского правительства, где шла речь о насильственном принятии ислама оставшимися в живых армянами в ряде регионов Западной Армении (Сайрда, Шобокщор, Диарбакирский вилайет). Николай II на этой телеграмме оставил пометку «Нам еще ничего не известно».

Последующие события продолжали разрушать благодушные императора и его окружения. 23 декабря приходят тревожные новости из г. Зейтуна (вилайет Алеппо), где местное армянское население, укrywшееся от погромов, отказалось капитулировать перед осадившими город турецкими войсками (Руковишников, 2019: 67). Около 6 тыс. армянских повстанцев во главе с князем К. Шоврояном и А. Турсаркисяном в течение двух месяцев оказывали упорное сопротивление туркам. Поводом для выступления в Зейтуне стали армянские погромы в Мараше в октябре 1895 г.

Турецкие войска получили приказ на штурм города. Данный шаг мог привести к массовой гибели мирных жителей. Представители высшего армянского духовенства обратились за помощью к европейским державам. Европейские консулы, находившиеся в Алеппо, должны были выступить в качестве посредников между восставшими и турецкой армией для бескровного разрешения конфликта. А.И. Нелидов запросил мнение МИД по данному поводу. А.Б. Лобанов-Ростовский, не посоветовавшись с императором, поддержал эту инициативу. В.Н. Ламздорф согласился с министром, так как взрывоопасность ситуации в Зейтуне требовала принятия срочных решений, а на все согласования могло уйти много времени (Ламздорф, 1991: 350).

25 декабря А.И. Нелидов присылает телеграмму в МИД, где излагает свое видение развития ситуации в Османской империи. По его мнению, султан Абдул-Хамид готов был пойти на уступки восставшим в Зейтуне, но, по данным посла, к этому времени город пал, а уцелевшие жители стремились скрыться в горах. А.И. Нелидов выражал тревогу по поводу нарастающей дестабилизации в Османской империи, сопровождавшейся финансовым кризисом. Ко всем бедам страны добавилось ожесточение местного мусульманского населения, недовольного политикой деспотизма султана. Поэтому оно требовало от европейских держав обратить внимание на бедственное положение не только христиан страны. Все это могло закончиться катастрофой с непредсказуемыми последствиями. Посол вновь поднимает тему деятельности британского посла и англо-британских комитетов на территории Малой Азии. Он не сомневался в их деструктивных действиях. Поскольку они больше думали не о бедствиях рядовых жителей, а о решении больших политических задач, невзирая на многочисленные жертвы среди мирных армян. Поэтому они стремились не к стабилизации ситуации в Западной Армении, а к ее дальнейшей дестабилизации (Ламздорф, 1991: 353).

Следует отметить, что в данном письме посла содержалась ошибка. Восстание в Зейтуне не было подавлено. Восставшие успешно более двух месяцев отбивали атаки турецких войск (Кочар, 1988: 36). В результате султан согласился на приезд в город шести иностранных консулов, которым удалось мирно разрешить конфликт и оговорить уступки местному армянскому населению, включая амнистию, освобождение на пять лет от налогов и назначение главой города чиновника-христианина.

Критское восстание и проблема будущего Османской империи

В марте 1896 г. на Крите вспыхнуло антитурецкое восстание, в очередной раз продемонстрировавшее политику России по отношению к Османской империи в конце XIX в. (Соколовская, 2007: 29-39). Россия заняла пассивную роль в этом конфликте. По словам В.Н. Ламздорфа, министр иностранных дел России «держал сторону турок», он еще придерживался концепции поддержания статус-кво и оттягивания процесса распада Османской империи (Ламздорф, 1991: 382). Зверства против христиан на Крите остаются безнаказанными, что вызывает недоумение на Балканах по поводу политики России.

Летом 1896 г. становится очевидным, что Порта сознательно срывает реализацию на практике плана реформ в Западной Армении. Россия по этому поводу молчала. Примерно такой же позиции придерживались Германия и Австро-Венгрия. Франция решила занять жесткую позицию, солидаризируясь с Великобританией. 2 сентября министр иностранных дел Франции Г. Анато вызвал посла Османской империи в Париже. Министр обвинил Турцию в обмане и нежелании выполнять международные обязательства, поэтому Франция больше не будет терпеть выходки султана. В случае необходимости она готова была подвергнуть бомбардировке мусульманские кварталы Стамбула. Г. Анато подчеркнул, что султан и его окружение несут персональную ответственность за провал реформ в Западной Армении (Ламздорф, 1991: 392). Париж собирался координировать свои действия

с Лондоном, призывая к этому и Санкт-Петербург. Однако Николай II выступил против такого союза, полагая, что он станет первым шагом к разделу Османской империи.

18 сентября В.Н. Ламздорф пишет письмо А.И. Нелидову, где он выражает сочувствие позиции посла, в том числе по армянской проблеме. Однако он обращал внимание на то, что в случае осложнения ситуации в Османской империи, армия и флот России абсолютно не готовы к такому повороту событий, несмотря на все победные реликвии адмиралов и генералов. Черноморский флот не имел снарядов, техническое состояние многих судов не выдерживало никакой критики (Ламздорф, 1991: 394). Потом В.Н. Ламздорф пишет второй вариант письма, но оно, скорее всего, не было отправлено в Стамбул. Тем временем анархия в Османской империи нарастает, поэтому А.И. Нелидов даже запросил право самостоятельно инициировать поход Черноморского флота в Стамбул.

Осенью 1896 г. Россия постаралась найти некоторые компромиссы с Парижем, согласившись войти в состав Комиссии Оттоманского долга, Николай II в ходе визита во Францию поддержал идею расширения ее полномочий. МИД России и А.И. Нелидов не поддержали договоренности императора с Г. Анато, достигнутые в Париже, полагая, что они ограничат возможности для маневра российской политики на Ближнем Востоке и усилят позиции в Османской империи Великобритании. 14 ноября В.Н. Ламздорф сформулировал свою позицию по турецкой политике России: во-первых, он предлагал добиться от Порты проведения обещанных реформ в Западной Армении; во-вторых, следовало пока сохранять территориальную целостность Османской империи; в-третьих, путем закулисных переговоров с европейскими партнерами готовиться к ее разделу (Ламздорф, 1991: 400).

5. Заключение

Таким образом, дневник В.Н. Ламздорфа является важным источником при изучении отношения России к армянским погромам в Османской империи в 1894–1896 гг. Он передает «внутреннюю кухню» принятия решений правящими кругами страны по данной проблеме, те моменты, которые не попадали в официальные заявления и документы. Желание сохранить в Османской империи статус-кво наложило отпечаток на политику России по данной проблеме. Поэтому позиция Санкт-Петербурга по отношению к Порте отличалась крайней лояльностью по сравнению с точкой зрения Великобритании. В.Н. Ламздорф объясняет такую политику переброской ресурсов на Дальний Восток и неготовностью Черноморского флота к активным действиям в регионе. Многомесячные уговоры султана добровольно пойти на уступки армянам параллельно сопровождались массовыми убийствами людей в Западной Армении и в других регионах Османской империи. Рост национального движения среди армян настораживал Николая II и министра иностранных дел А.Б. Лобанова-Ростовского, их, как и большинство европейских политиков, волновали сферы влияния, борьба за мировое лидерство, светские новости, чем судьбы людей, подвергшихся массовому истреблению. Однако по мере нарастания трагедии в Западной Армении многие российские дипломаты меняли свою позицию, призывая Россию занять жесткую позицию по отношению к Порте. К ним, прежде всего, относился российский посол в Стамбуле А.И. Нелидов. Сам В.Н. Ламздорф все больше подвергает критике официальную политику России по армянскому вопросу, осторожно призывая к более решительным действиям. Он подверг сомнению способность Абдул-Хамида II выполнить взятые по отношению к армянскому населению обязательства, что требовало принятия новых политических действий.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КН РА в рамках научного проекта № 20-59-05002 Арм_а.

The reported study was funded by RFBR and SC RA, project number 20-59-05002 Арм_а.

Литература

Абидулин, Аюпова, 2016 – Абидулин А.М., Аюпова Н.И. Анализ факторов возникновения имперской идеологии и практики султана Абдул-Хамида II // *Вестник Московского университета*. Серия 13 «Востоковедение». 2016. № 4. С. 18-31.

Абидулин, Аюпова, 2015 – Абидулин А.М., Аюпова Н.И. Символы власти в Османской империи во время правления султана Абдул-Хамида II (1876–1909 гг.) // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2015. № 1. С. 9-16.

Арутюнян, 1959 – Арутюнян Г.М. Англия и армянский вопрос в середине 90-х гг. XIX в. // *Новая и новейшая история*. 1959. № 6. С. 84-85.

Берлинский трактат, 1878 – Берлинский трактат 1/13 июля 1878 г. / Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917 гг. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. С. 181-206.

Галстян, 2015 – Галстян А.С. Возникновение и эволюция армянского вопроса в конце XIX – начале XX вв. // *Вестник Томского государственного университета*. История. 2015. № 3. С. 73-78.

История..., 1997 – История внешней политики России, конец XIX – начало XX вв. (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М.: Международные отношения, 1997. 672 с.

- Киракосян, 1990** – Киракосян А.Д. Великобритания и армянский вопрос (90-е гг. XIX в.). Ереван: АЙАСТАН, 1990. 240 с.
- Кочар, 1988** – Кочар М.Р. Армяно-турецкие общественно-политические отношения и армянский вопрос в конце XIX – начале XX вв. Ереван: Изд-во Ереванского университета, 1988. 306 с.
- Ламздорф, 1991** – Ламздорф В.Н. Дневник 1894–1896 гг. М.: Международные отношения, 1991. 456 с.
- Лорд Кинросс, 1999** – Лорд Кинросс. Расцвет и упадок Османской империи. М.: Крон-пресс, 1999. 696 с.
- Лошаков, 2016** – Лошаков А.Ю. Граф В.Н. Ламздорф – государственный деятель и дипломат: дисс. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2016. 323 с.
- Осерская, 2011** – Осерская Е.В. Роль армянских политических партий в эволюция национально-освободительного движения армян в Османской империи (1878 – начало XX в.) // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2011. № 5. С. 30-32.
- Роган, 2018** – Роган Ю. Падение Османской империи. Первая мировая война на Ближнем Востоке 1914–1920. М.: АНФ, 2018. 558 с.
- Руковишников, 2019** – Руковишников Е.Н. Армянская проблема в Османской империи и ее последствия в 90-х гг. XIX в. // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2019. Вып. 4. С. 61-72.
- Соколовская, 2007** – Соколовская О.В. Россия в миротворческой акции европейских держав // *Восточный архив*. 2007. № 16. С. 29-39.
- Bliss, 1896** – Bliss E. Turkish Cruelties upon the Armenian Christians. Boston: H.L. Hastings, 1896. 592 p.
- Dillon, 1896** – Dillon E.J. The Fiasco in Armenia // *The Fortnightly Review*. Vol.65. London, 1896. P.340.
- Embassy, 1895** – Embassy Constantinople to London, November 2, 1895 / British Documents on Ottoman Armenians. Vol. 4. (1895).
- Georgian, 2003** – Georgian F. Abdulhamid II: Le sultan calife (1876-1909). Paris: Fayard, 2003. 528 p.
- Hovannisian, 1997** – Hovannisian R.G. The Armenian People from Ancient to Modern Times. Vol. II. Palgrave Macmillan, 1997. 493 p.
- Memo, 1894** – Memo of Ambassador Currie, November 1, 1894 // *British documents on Ottoman Armenians*. Vol. 3: (1891-1895).
- Ramsay, 1896** – Ramsay W.M. Two Massacres in Asia Minor // *The Contemporary Review*. Vol. 70, London, 1896. P. 435.

References

- Abidulin, Ayupova, 2015** – Abidulin, A.M., Ayupova, N.I. (2015). Simvoly vlasti v Osmanskoi imperii vo vremya pravleniya sultana Abdul-Khamida II (1876-1909 gg.) [Symbols of power in the Ottoman Empire during the reign of Sultan Abdul-Hamid II (1876 – 1909)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 1: 9-16. [in Russian]
- Abidulin, Ayupova, 2016** – Abidulin, A.M., Ayupova, N.I. (2016). Analiz faktorov vznikoveniya imperskoi ideologii i praktiki sultana Abdul-Khamida II [Analysis of the factors of the emergence of imperial ideology and practice of Sultan Abdul-Hamid II]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie*. 4: 18-31. [in Russian]
- Arutyunyan, 1959** – Arutyunyan, G.M. (1959). Angliya i armyanskii vopros v seredine 90-kh gg. XIX v. [England and the Armenian question in the mid-90s. XX century]. *Novaya i noveishaya istoriya*. 6: 84-85. [in Russian]
- Berlinskii traktat, 1878** – Berlinskii traktat (1878). Berlinskii traktat 1/13 iyulya 1878 g. (1978). [Berlin treaty]. *Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami 1856–1917 gg.* Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. Pp. 181-206. [in Russian]
- Bliss, 1896** – Bliss E. (1896). Turkish Cruelties upon the Armenian Christians. Boston: H.L. Hastings, 592 p.
- Dillon, 1896** – Dillon, E.J. (1896). The Fiasco in Armenia. *The Fortnightly Review*. Vol. 65. London. P. 340.
- Embassy, 1895** – Embassy Constantinople to London, November 2, 1895/British Documents on Ottoman Armenians. Vol. 4. (1895).
- Galstyan, 2015** – Galstyan, A.S. (2015). Vznikovenie i evolyutsiya Armyanskogo voprosa v kontse XIX – nachale XX vv. [The emergence and evolution of the Armenian question in the late 19th – early 20th centuries] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 3: 73-78. [in Russian]
- Georgian, 2003** – Georgian, F. (2003). Abdulhamid II: Le sultan calife (1876-1909). Paris: Fayard, 528 p.
- Hovannisian, 1997** – Hovannisian, R.G. (1997). The Armenian People from Ancient to Modern Times. Vol. II. Palgrave Macmillan, 493 p.

Istoriya..., 1997 – Istoriya vneshnei politiki Rossii, konets XIX – nachalo XX vv. (ot russko-frantsuzskogo soyuza do Oktyabr'skoi revolyutsii) [History of Russian foreign policy, late twentieth – early twentieth centuries. (from the Russian-French alliance to the October Revolution)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1997. 672 p. [in Russian]

Kirakosyan, 1990 – Kirakosyan, A.D. (1990). Velikobritaniya i armyanskii vopros. (90-e gg. XIX v.) [Great Britain and the Armenian question. (90s of the twentieth century)]. Erevan: AIASTAN, 240 p. [in Russian]

Kochar, 1988 – Kochar, M.R. (1988). Armyano-turetskie obshchestvenno-politicheskie otnosheniya i armyanskii vopros v kontse XIX – nachale XX vv. [Armenian-Turkish socio-political relations and the Armenian question in the late 19th – early 20th centuries]. Erevan: Izd-vo Erevanskogo universiteta, 306 p. [in Russian]

Lamzdorf, 1991 – Lamzdorf, V.N. (1991). Dnevnik 1894 – 1896 gg. [Diary 1894 – 1896]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 456 p. [in Russian]

Lord Kinross, 1999 – Lord Kinross (1999). Rastsvet i upadok Osmanskoi imperii [The rise and fall of the Ottoman Empire]. Moscow: Kron-press, 696 p. [in Russian]

Loshakov, 2016 – Loshakov, A.Yu. (2016). Graf V.N. Lamzdorf – gosudarstvennyi deyatel' i diplomat. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. [Lamsdorf is a statesman and diplomat. Dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Moscow: MSU publ., 323 p. [in Russian]

Memo, 1894 – Memo of Ambassador Currie, November 1, 1894. *British documents on Ottoman Armenians*. 3: (1891-1895).

Ozerskaya, 2011 – Ozerskaya, E.V. (2011). Rol' armyanskikh politicheskikh partii v evolyutsiya natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya armyan v Osmanskoi imperii (1878 - nachalo XX v.) [The role of Armenian political parties in the evolution of the national liberation movement of Armenians in the Ottoman Empire (1878 – early XX century)]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 5: 30-32. [in Russian]

Ramsay, 1896 – Ramsay, W.M. (1896). Two Massacres in Asia Minor. *The Contemporary Review*. 70, London. P. 435.

Rogan, 2018 – Rogan, Yu. (2018). Padenie Osmanskoi imperii. Pervaya mirovaya voyna na Blizhnem Vostoke 1914 – 1920. [Fall of the Ottoman Empire. World War I in the Middle East 1914 - 1920]. Moscow: ANF, 558 p. [in Russian]

Rukovishnikov, 2019 – Rukovishnikov, E.N. (2019). Armyanskaya problema v Osmanskoi imperii i ee posledstviya v 90-kh gg. XIX v. [The Armenian problem in the Ottoman Empire and its consequences in the 90s. XX century]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I.Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 4: 61 – 72. [in Russian]

Sokolovskaya, 2007 – Sokolovskaya, O.V. (2007). Rossiya v mirotvorcheskoi aktsii evropeiskikh derzhav (Russia in the peacekeeping action of the European powers). *Vostochnyi arkhiv*. 16: 29-39. [in Russian]

Армянские погромы в Османской империи в 1894–1896 гг. и политика России (по материалам дневника В.Н. Ламздорфа)

Игорь Владимирович Крючков ^{a, *}

^a Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация

Аннотация. В представленном материале рассматривается отношение правящей элиты России к погромам армянского населения, произошедшим на территории Османской империи в 1894–1896 гг. В статье в качестве основного исторического источника выступает дневник директора канцелярии МИД России графа В.Н. Ламздорфа. Анализ его дневника позволяет понять механизмы принятия решений в Санкт-Петербурге по армянскому вопросу в контексте взаимоотношений России с Османской империей и другими европейскими государствами. В статье отмечается влияние смены внешнеполитической стратегии России ввиду ее притязаний на Дальнем Востоке на политику империи на Балканах и Ближнем Востоке. В.Н. Ламздорф показывает, что российская правящая элита стремилась сохранить территориальную целостность Османской империи и статус-кво на Балканах и в Малой Азии накануне грандиозных изменений на Дальнем Востоке. Данный фактор привел к доминированию в МИД России политики мирного разрешения армянского вопроса в Османской империи с помощью убеждения султана в необходимости добровольных уступок в этом направлении. Общей политике европейских государств в разрешении данной проблемы мешали

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: igory@yandex.ru (И.В. Крючков)

разногласия между Великобританией, Россией, Францией, Германией, Италией и Австро-Венгрией. В тексте статьи неоднократно приводится мнение В.Н. Ламздорфа, демонстрирующее недоверие Санкт-Петербурга к жесткой политике Великобритании по отношению к Османской империи. Исследование дневника директора канцелярии МИД показывает пренебрежительное отношение императора Николая II и министра иностранных дел А.Б. Лобанова-Ростовского к национальному движению армян в Западной Армении. В статье отмечается, что сам В.Н. Ламздорф и посол России в Стамбуле А.И. Нелидов по мере разрастания кризиса все больше осознавали бесперспективность политики мирного убеждения султана в необходимости представления административно-территориальной автономии армянам Османской империи без ее подкрепления силовыми ресурсами. Провал реформ мог привести к новой волне погромов христиан в Османской империи, включая армян и греков, как это произошло в 1898 г. на Крите.

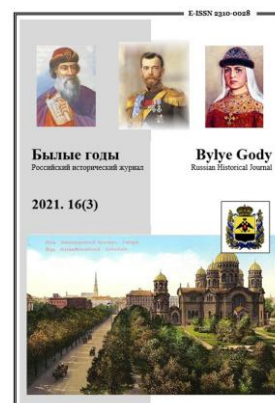
Ключевые слова: Османская империя, Западная Армения, внешняя политика России, В.Н. Ламздорф, Абдул-Хамид II, армянские погромы, европейские консулы.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1433-1442
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1433
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



Chinese Eastern Railway as a Means of Implementing Russia's Far Eastern Policy in the late 19th – early 20th centuries

Liudmila M. Medvedeva ^{a, *}

^a Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article deals with the role that the Chinese Eastern Railway (CER) played in the implementation of the Russian strategies at the late 19th – early 20th centuries. Based on published and archival materials it provides a glimpse of the aspects of Russia's foreign policy as well as conditions and factors affecting the construction and operation of the railway. It gives attention to the relations of Russia with the countries competing for spheres of influence in China and Korea and provides an assessment of material resources involved in the construction and maintenance of the railway as well as that of its freight operations. The analysis of the impact that the railway had on the colonization of the territory and the development of the productive base and trade in Manchuria is proposed. The public attitude of Russia towards the situation in the CER zone is shown. Conclusions concerning the appropriateness of the construction of the railway on the territory of Northeast China and its consequences are drawn. It is noted that the expectations for the CER as a tool of political and economic expansion of Russia had but a non-lasting effect and eventually failed. Russia's trade and productive capacity against the leading and growing economic and financial systems of other countries lagged behind in terms of dynamics and scale. As a result of the short-sighted policies pursued by the government and erroneous prioritizations, the Russian Far East lost viable opportunities to develop available resources and achieve socio-economic growth. Losses that Russian suffered in the East in the early 20th century made the tsarist government to adopt more considered strategies in the region.

Keywords: Chinese Eastern Railway, transport, regional policy, Far East, Manchuria, Northeast China.

1. Введение

Развитие государств и народов в значительной мере зависит от способности власти предвидеть последствия предпринимаемых действий. Оценка перспективы – одна из сложнейших процедур общественного управления, но именно ее качество выступает залогом рациональности и успешности проводимой политики. С этой точки зрения представляет интерес изучение опыта реализации крупномасштабных проектов, оказавших заметное влияние на ход исторических событий и судьбы имеющих к ним отношение стран. К таким проектам можно отнести строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), самым тесным образом связанной с осуществлением дальневосточной политики России, уроки которой вполне актуальны для разработки современной региональной стратегии. Сохранение и наращивание ресурсного и производственного потенциала восточных районов России относится к первостепенным задачам, имеющим значение для внутреннего развития страны и ее международного позиционирования. В процессе социально-экономических преобразований на Дальнем Востоке важную роль играет совершенствование транспортной системы. Общественно-историческая практика ее формирования в регионе может

* Corresponding author

E-mail addresses: medvedeva_l@mail.ru (L.M. Medvedeva)

послужить фундаментом для создания научно-обоснованных планов расширения и инновационного переоснащения транспортной сети.

2. Материалы и методы

Источниковой базой научного анализа послужили материалы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (Владивосток, Российская Федерация), содержащие данные о политике власти в отношении Дальнего Востока, о развитии транспорта в регионе и его последствиях. Нарративные источники позволили получить сведения о реакции общественности на сооружение КВЖД и ее влиянии на дальневосточную экономику.

Использована информация, представленная в трудах исследователей, рассматривавших проблемы договорных российско-китайских отношений относительно строительства и эксплуатации КВЖД, ее роли в решении экономических и геополитических интересов России. Изучение историографии позволило проследить эволюцию взглядов на историю КВЖД.

В работе использованы принципы историзма и объективности, направленные на получение научного, достоверного, лишенного предвзятости знания о происхождении и развитии предмета исследования. Для целостного восприятия связанных с КВЖД событий применен метод моделирования, давший возможность представить существенные политические и социально-экономические факторы, условия и движущие силы, оказавшие влияние на строительство и эксплуатацию дороги, в виде элементов содержательной системы, которая в свою очередь выступила частью исторической реконструкции более масштабных общественных и международных процессов. Такой подход обеспечил исследование истории КВЖД в тесной связи с конкретно-исторической обстановкой. Посредством метода сравнения устанавливались изменения качественных и количественных показателей, приведенных для аргументации содержащихся в статье положений. Анализ исторических явлений, их признаков, свойств и отношений привел к пониманию причинно-следственных связей. Синтез данных о тенденциях развития, сложившихся в зоне влияния КВЖД, позволил сделать обобщения и выводы о ее роли в дальневосточной политике России.

3. Обсуждение

К наиболее изученным в истории КВЖД можно отнести вопросы, касающиеся договоров о сооружении и условиях эксплуатации дороги (Салогуб, 2015; Старовойтова, 2016), урегулирования прав собственности и организации управления на Китайско-Восточной железной дороге в 1920–1940-е годы (Наземцева, 2016; Кротова, 2020), конфликтов на КВЖД (Кротова, 2013; Дацышен, 2018; Мильбах, 2018), тесно связанной с историей дороги русской эмиграции в Маньчжурии (Мелихов, 2003; Василенко, 2005; Пашин, 2018).

Исследователи проявили значительный интерес к проблеме влияния КВЖД на развитие китайских и российских территорий. В первые десятилетия эксплуатации дороги специалисты указывали на неэффективность ее коммерческой деятельности (Головачев, 1904; Харбинский, 1908). Для историографии советского периода характерен акцент на расширение социально-экономических контактов России и Китая в связи со строительством КВЖД. Приведенные в трудах исторические факты свидетельствуют о более интенсивном развитии Маньчжурии в сравнении с российскими территориями (Мясников и др., 1987; Романова, 2017). В современной научной литературе авторы более определенно высказывают точку зрения, согласно которой в связи с сооружением КВЖД и арендой Ляодунского полуострова произошло снижение деловой активности на российских дальневосточных торговых, промышленных, транспортных предприятиях и ее смещение в Северо-Восточный Китай (Молчанова, 2018). Отмечается значительный рост населения, развитие промышленности, торговли и культурно-просветительских учреждений в Маньчжурии в зоне влияния КВЖД (Чапыгин, 2014; Мамаева, 2018; Самойлов, 2018; Мещеряков, Антропов, 2019).

В историографии КВЖД дискуссионными представляются вопросы о целесообразности строительства железной дороги на территории Китая и соответствии этого проекта интересам России. Исследователи отмечают, что в начале XX в. в кругах государственных, военных и общественных деятелей развернулась полемика относительно ситуации в Маньчжурии (Ходяков, 2018). Среди военных экспертов имелось мнение, что договоры о строительстве КВЖД и аренде Порт-Артура дали возможность вести военные действия в период русско-японской войны не на своей территории (Гиппиус, 1905). В правительственных кругах выдвигалась позиция, основанная на убеждении, что Маньчжурия и Корея не стоили войны с Японией (Белозерова, 2017). В советской историографии проблема геополитического влияния КВЖД на международные отношения рассматривалась опосредованно и не сопровождалась четкими выводами. В последние годы единства по спорным вопросам не достигнуто, но более конкретно высказывается мысль о том, что российские власти не сумели использовать КВЖД в качестве орудия упрочения своих позиций на Дальнем Востоке (Жигалов, 2008).

В китайской историографии сформировался неоднозначный подход к оценке истории КВЖД. Отмечается, что Россия, наряду с Великобританией, США и Японией, участвовала в борьбе за колониальный раздел Китая и КВЖД являлась средством расширения ее влияния в Маньчжурии.

Авторы в то же время признают стимулирующее влияние КВЖД на модернизационные процессы в Северо-Восточном Китае (杜君, 2000; Чэнь Цюцзе, 2011; 董艳玲, 2021).

4. Результаты

В конце XIX в. потенциал России на Дальнем Востоке характеризовался низким уровнем заселенности территории, слабостью самостоятельной производственной базы и транспортных связей, сложностью формирования и содержания армии и флота. На фоне усиления борьбы западных держав за раздел мира на сферы влияния в политике России на Дальнем Востоке обозначились два направления: первое заключалось в углублении процесса социально-экономического освоения региона и укреплении обороноспособности восточных рубежей, второе – в экспансии в Северо-Восточный Китай и Корею. Существенным препятствием на пути следования указанным курсам служила неразвитость транспортных коммуникаций, и важным шагом на пути его устранения стала Транссибирская железнодорожная магистраль.

Согласно утвержденному проекту, сооружение дороги предусматривалось на российской территории, но планы изменились под воздействием внешних факторов. В 1895 г. завершилась японо-китайская война, и Япония как победившая сторона, кроме прочих уступок, получила по Симоносекскому договору Ляодунский полуостров. Россия, опасаясь за свои владения в Приморской области, совместно с Германией и Францией предъявила Японии требование отказаться от полуострова. Аннексия территории была заменена дополнительной контрибуцией. Оказав таким образом поддержку Китаю в защите суверенных прав, Россия могла рассчитывать на удовлетворение своих интересов с его стороны. В свою очередь Китай, вынужденный лавировать в попытках найти союзников в противостоянии внешней агрессии, шел на уступки своему близкому соседу.

В сложившихся обстоятельствах в российских правительственных кругах обсуждалась идея провести Транссибирскую магистраль из Забайкалья на восток через Монголию и Маньчжурию. Ее настойчивым проводником стал министр финансов С.Ю. Витте. По его собственному утверждению, в то время «было очень мало лиц, которые знали бы вообще, что такое Китай, имели бы ясное представление о географическом положении Китая, Кореи, Японии, о соотношении всех этих стран... Только что назначенный министром иностранных дел князь Лобанов-Ростовский тоже не имел никакого понятия о делах Дальнего Востока» (Витте, 1991: 327). Выбор маньчжурского направления железной дороги объяснялся возможностью ускорить строительство и снизить расходы за счет сокращения пути; создать транзитную линию, соединяющую страны Азии и Европы; включить в хозяйственный оборот благоприятные в природно-климатическом отношении территории; обеспечить выход на новые рынки. Несомненно, среди весомых мотивов было стремление противодействовать распространению влияния в Китае других стран и способствовать укреплению позиций России.

Решительность и предприимчивость С.В. Витте в переговорах с царем и представителями китайской стороны принесли свои плоды. В 1896 г. был заключен русско-китайский договор о создании союза на случай нападения Японии на Россию, Китай или Корею и о предоставлении Русско-Китайскому банку, главными акционерами которого на тот момент были французы и русские, права на сооружение КВЖД. Согласно контракту между банком и цинским правительством, для ее строительства и эксплуатации было создано Общество КВЖД. Работы по укладке путей начались в 1897 г.

Политика иностранных держав в отношении Китая приобретала все более наступательный характер. В ноябре 1897 г. Германия захватила в бухте Цзяочжоу город Циндао и часть Шаньдунского полуострова. В декабре того же года российские военные корабли вошли в Порт-Артур. Взятие Германией и Россией двух полуостровов, замыкавших вход в Бохайский залив и блокировавших морской доступ в Маньчжурию, был серьезным геополитическим вызовом Британской империи. Англия отреагировала соглашением с Китаем об аренде военно-морской базы Вэйхайвэй на северном побережье Шаньдуна (Саркисов, 2015).

В марте 1898 г. была заключена конвенция об аренде Россией Порт-Артура и Дальнего и о предоставлении разрешения на соединение этих портов железнодорожными линиями с КВЖД. Порты и прилегающие к ним земли и водные пространства отдавались в пользование на 25 лет с сохранением верховного права владения территориями за Китаем. Россия получила возможность обустройства военно-морской базы, а также незамерзающего торгового порта. В правительственных кругах строились планы долгосрочного пребывания в Северо-Восточном Китае. Об этом свидетельствуют проекты переселения туда крестьян из России.

Российские железнодорожные концессии в Китае вызывали беспокойство Англии, которая активно использовала железные дороги для распространения своего торгово-экономического влияния в Китае. Урегулированию вопроса способствовало подписание русско-английского соглашения в апреле 1899 г. о разграничении сфер железнодорожного строительства в Китае. Россия обязалась не препятствовать Великобритании в районе Янцзы, а Великобритания не мешала России к северу от Китайской стены.

КВЖД вступила в эксплуатацию в июне 1903 г. Первым управляющим дорогой стал полковник Д.Л. Хорват, имевший большой опыт руководства железнодорожным транспортом. Именным высочайшим указом Правительствующему сенату от 30 июля 1903 г. из Приамурского генерал-губернаторства и Квантунской области было образовано особое наместничество. Среди полномочий наместника, обеспечивавшего высшую власть по всем частям гражданского управления во вверенном ему крае, числилось «верховное попечение о порядке и безопасности в местностях, состоящих в пользовании Китайской Восточной железной дороги» (РГИАДВ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 10).

Вопреки надеждам на сокращение расходов на строительство за счет более благоприятных природно-климатических условий и меньшей протяженности пути, финансовые вложения оказались более значительными, чем ожидалось. Стоимость одной железнодорожной версты в Маньчжурии обошлась в 152 000 руб., Забайкальской линии – 77 170 руб., Уссурийской – 64 629 руб. (Мясников и др., 1987: 293). На сооружение КВЖД к 1 января 1904 г. было затрачено 374 955 597 руб. Официальное финансирование дороги осуществлялось акционерным обществом, но в действительности расходы ложились на российскую государственную казну. В 1897 г. удалось реализовать через Русско-Китайский банк облигационный заем для обеспечения Общества КВЖД, но в дальнейшем займы с процентами полностью приобретались Государственным банком России (Лукоянов, 2008: 105, 109).

Нахождение на чужой территории потребовало содержания охраны дороги. Особенно остро эта проблема встала в период восстания ихэтуаней в Китае, которое в 1900 г. распространилось на район КВЖД. Дороге был нанесен существенный ущерб, и для ликвидации разрушений потребовалось 72 млн руб. (Мясников и др., 1987: 293). Охранная стража КВЖД подверглась реорганизации и в январе 1901 г. была включена в состав Особого Заамурского округа отдельного корпуса Пограничной стражи с увеличением численного состава.

Уже в период строительства дороги общественность высказывала недовольство относительно чрезмерных расходов, хищений и беспорядков на КВЖД. В 1902 г. на страницах газеты «Владивосток» сообщалось, что служащие, рабочие и частные лица возбудили 15 тыс. дел против служб КВЖД, однако добиться справедливости в суде не представлялось возможным. Как отмечалось в газете, один из «маньчжурских заправил» на заявлении служащего о том, что он будет искать законности в суде, ответил: «Напрасно хлопчете..., Маньчжурия поставлена вне закона» (Владивосток, 1902: 5).

Строительство дороги существенным образом повлияло на социально-экономические процессы в Маньчжурии. Оно привлекло значительное число рабочих и специалистов из России и Китая. На главной линии КВЖД на 1 июня 1901 г. работало 8 600 русских мастеровых и рабочих; китайцев, которых в основном нанимали чернорабочими, насчитывалось 41 500 чел. и 20 000 чел. на южной ветке дороги. (Мясников и др., 1987: 320). Вместе с обустройством станций, депо, мастерских и других обслуживающих дорогу предприятий развивались города и поселки. В зоне влияния КВЖД росла деловая активность как со стороны иностранных, так и со стороны китайских предпринимателей. Для удовлетворения потребностей строительства русские промышленники занимались разработкой угольных копей, создавали лесные концессии. Им принадлежали маслобойные, мыловаренные, винокуренные, сахарные, кожевенные, кирпичные предприятия. На русские средства была построена первая электростанция в Маньчжурии (Артемьев и др., 1990: 293). Особое развитие получила мукомольная промышленность. В 1900 г. была основана «Первая Маньчжурская мукомольная компания». После открытия КВЖД в 1903 г. наблюдался высокий подъем инвестиций в мукомольное производство. В северо-восточных провинциях Китая, благоприятных для выращивания сои, второе место в хозяйственной структуре после мукомольного заняло маслобойное производство (董艳玲, 2021: 110). Принадлежавшие КВЖД суда осуществляли перевозки между российскими и китайскими портами.

Крупным железнодорожным узлом и торгово-промышленным центром стал Харбин. Численность населения города, образованного в результате объединения нескольких деревень, изначально составила 5 тыс. чел. Согласно проведенной в мае 1903 г. переписи населения, она выросла до 44 576 чел. (38 983 мужчин и 5 593 женщин), из них 28 338 чел. – китайских подданных, 15 576 – российских, 462 – японских и 200 – других (Чэнь Цюцзе, 2011: 81). Среди граждан России были представители разных национальностей: немцы, грузины, поляки, латыши, литовцы, евреи и др. Межнациональное взаимодействие не ограничивалось производственной сферой. В Харбине развивалась культурно-просветительная деятельность, создавались образовательные учреждения. Архитектура города отражала многообразие и взаимопроникновение стилей и национальных традиций.

В отличие от Маньчжурии, получившей мощный стимул к развитию в связи со строительством КВЖД, российские дальневосточные территории отставали по состоянию и динамике социально-экономических процессов. К началу сооружения дороги в северной Маньчжурии проживало около 2 млн чел. (Мясников и др., 1987: 329). По данным переписи 1897 г., в Амурской области числилось 103 909 чел., в Приморской – 112 944. Объемы производимого хлеба не удовлетворяли потребности населения. Только в 1900 г. через порт Владивосток было доставлено 1 303 тыс. пудов хлеба из Китая, 260 тыс. из Японии и 1 356 тыс. из Америки. В Уссурийском крае в указанном году дефицит хлеба

составил 1137 тыс. пудов (Головачев, 1904: 68, 79, 82). Непривычные для переселенцев из центральной России природно-климатические условия земледелия, большие трудозатраты при низкой стоимости сельскохозяйственной продукции, дороговизна кредитов и рабочей силы, конкуренция корейских и китайских производителей и другие причины тормозили развитие земледелия.

По значению для экономики региона и государства ведущие позиции в промышленности занимала золотодобыча. В 1895–1899 гг. в Амурской области среднегодовая добыча золота составила 391 пуд, в Приморской – 127 пудов (Алексеев, Морозов, 1989: 84, 87). Второе место в горнорудной промышленности принадлежало угледобыче. Выработка на одного работающего в отрасли была в 2 раза ниже, чем общероссийский показатель (Подсчитано по: Алексеев, Морозов, 1989: 96). Основным потребителем угля выступали армия и флот. Лов рыбы и промысел морских животных развивался в трудной конкуренции с японскими рыбаками. Экономика Дальнего Востока в значительной степени зависела от казенных вложений в содержание армии и укрепление обороны, и это в значительной степени определяло структуру промышленного производства городов, представленную, главным образом, механическими мастерскими, кирпичными заводами, мукомольными и солеваренными предприятиями. Гражданское фабрично-заводское хозяйство развивалось медленно, что не способствовало расширению внутреннего рынка и создавало отрицательный баланс экспортно-импортных операций. За период с 1897 по 1902 г. во Владивосток было ввезено на судах грузов 97 273 306 пудов, а вывезено в 4,8 раза меньше – 20 096 722 пудов (Подсчитано по: РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1749. Л. 100об.).

В январе 1902 г. на имя руководителя Главного управления торгового мореплавания и портов великого князя Александра Михайловича поступила записка, в которой говорилось, что рынки северной Маньчжурии, которыми ранее располагал Приамурский край, утрачены. На них, благодаря КВЖД, связавшей Дальний и Инкоу с Харбином, а через него со станциями Маньчжурия и Пограничный, проникли иностранные предприниматели и заполнили товарами. Торговлю в северо-восточной Корее продвигали японские и китайские компании со стороны портов Цуруга, Шанхай, Чифу без всякого участия Владивостока. Даже Сахалин и север Приморской области, изъятые из таможенного обложения, удовлетворяли свои потребности на зарубежных рынках (РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1673. Л. 23об., 24). Министр финансов С.Ю. Витте, вернувшись из поездки на Дальний Восток в 1902 г., отмечал, что условия, в которых находится Владивостокский порт, являются тормозом правильной постановки таможенного дела и причиной обоснованных претензий местного купечества (РГИАДВ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 156).

Военный губернатор Приморской области по областному управлению в январе 1903 г. писал приамурскому генерал-губернатору: «Правительство, преследуя в Приамурском крае свои специальные задачи, вложило немало энергии и средств на колонизацию его, развитие в нем торговли, промышленности и разного рода учреждений. Однако тяжелые условия, в которые попал Приамурский край за последние два года, едва не погубили всех затраченных трудов. Недавние события не только приостановили процветание края, но грозили привести развитие к упадку. Из городов Приамурья сильнее других пострадал Владивосток, в коем недавно нахлынувший кризис нанес коммерческому миру весьма существенный материальный ущерб» (РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1673. Л. 23об., 21).

Перемещение торгово-экономической активности в Северо-Восточный Китай и Корею снижало потенциал развития российского Дальнего Востока. Вместе с тем на почве соперничества за влияние в Северо-Восточном Китае и Корее росли противоречия России с Японией, которые нарушили баланс сил и привели к войне. Японии к ее началу удалось укрепить свои стратегические силы. Она заручилась поддержкой Англии, заключив с ней оборонительный союз в 1902 г. После войны с Китаем Япония приняла программу судостроения, в которую входило создание броненосной эскадры и которую она осуществляла при финансовой поддержке англичан. Россия, не рассматривавшая до начала XX в. своих восточных соседей в качестве серьезной угрозы, с опозданием приступила к проекту увеличения военно-морского флота. К началу русско-японской войны 1-я Тихоокеанская русская эскадра на Дальнем Востоке имела 55 боевых кораблей, японская эскадра – 78 кораблей (Подсчитано по: Петров, 1927). Русские войска на Дальнем Востоке к 1904 г. уступали японской армии в живой силе в 3 раза, в артиллерии в 8 раз, в пулеметах в 18 (Сахаров, 2007: 302).

Война заставила российских государственных деятелей по-новому взглянуть на расстановку сил на дальневосточных рубежах. В январе 1905 г. наместник императора на Дальнем Востоке генерал-адъютант Е.И. Алексеев, обращаясь к управляющему делами Особого комитета Дальнего Востока, выражал озабоченность положением дел и писал, что европейские державы и Соединенные Штаты Америки вступили в соревнование за обладание берегами Тихого океана, причем промышленники, торговцы этих стран успели приобрести на востоке крупные коммерческие интересы. Сами восточные государства с Японией во главе быстро идут вперед, перенимая европейскую технику и завязывая финансовые и коммерческие отношения с прочими странами. Государственные займы, учреждение таможен, постройка военного флота, организация сухопутных войск, сооружение железных дорог,

разработка горных богатств, оборудование портов происходят в этих странах при содействии иностранцев и иностранных правительств (РГИАДВ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 163).

Поражение в войне побудило российское правительство пересмотреть внешнеполитический курс на востоке. Дипломатическим путем урегулировались отношения с Японией. Соглашениями 1907 и 1910 г., конвенцией 1912 г., обязуясь уважать территориальную целостность друг друга, Россия и Япония разделили Северо-Восточный Китай на сферы специальных интересов. Договором 1916 г. они признали необходимость противодействовать установлению в Китае политического господства какой-либо третьей державы и обязались в случае вовлечения в войну в результате такого противодействия оказывать друг другу военную помощь.

Претерпела изменения государственная стратегия развития российского Дальнего Востока. Началось строительство Амурской железной дороги, и протяженность дальневосточных железных дорог за 1910–1916 г. увеличилась в 2,4 раза. В 1909 г. был создан Комитет по заселению Дальнего Востока, разработавший меры поддержки переселенческого движения. С 1901 по 1916 г. в регион переселилось 287 тыс. чел. Государственные расходы на укрепление обороны и развитие Дальнего Востока с 1909 по 1914 г. выросли с 55 млн руб. до 105 млн руб. (Артемьев и др., 1990: 309-310). Наблюдалась позитивная динамика в земледелии и промышленности, вырос объем товарного производства. Поддержку и развитие получил торговый флот и портовое хозяйство. Росло влияние Владивостокского порта, который вплоть до революционных событий в России успешно конкурировал с портом Дайрен в перевозках маньчжурских хлебоэкспортных грузов. Если в 1903 г. грузооборот КВЖД с Владивостоком составил 81,9 тыс. т, то в 1909 г. – 302 тыс. т. В 1916 г. 75 % маньчжурского экспорта шло через Владивосток и 25 % – через Дайрен (Лагутин, 1927: 85).

Несмотря на потерю Порт-Артура, Дальнего и ведущей к ним южной части маньчжурской железнодорожной линии, российское правительство не теряло надежды на удержание позиций России в Северо-Восточном Китае с опорой на КВЖД и создавшуюся в ее зоне конъюнктуру, хотя в общественных кругах высказывалось недовольство неэффективным использованием дороги. По свидетельству современника, жизнь КВЖД стала входить в колею «бездоходной дороги, пролегающей по чужеземной территории». Военный корреспондент, писатель и путешественник В.И. Немирович-Данченко, давая образную характеристику Харбину, писал, что это «разорившийся подрядчик, с луженым горлом, воровской повадкой, щеголяющий в опорках и расколовшемся козырьке» (Харбинский, 1908: 101-102).

Отсутствие должного контроля за деятельностью КВЖД порождало многочисленные нарушения: выдачу суд под несуществующие товары, возмещение ущерба за вымышленную утрату грузов и т.д. Проводимая в зоне влияния КВЖД тарифная политика нередко ставила в неравные условия российские предприятия. Коммерческие агенты дороги, принимая участие в торговых делах, продвигали интересы маньчжурских дельцов в вывозе леса, муки, рыбы. В 1906–1908 гг. служебные и военные грузы превалировали в перевозках КВЖД. Ее коммерческая деятельность не приносила доходов. Расходы на содержание КВЖД в 1907 г. составили 12 343 005 руб., из них на охрану дороги – 11 045 400 руб., гражданскую часть – 383 710 руб., полицейскую часть – 370 068 руб., отдел по сношению с китайскими властями – 202 672 руб., судебные учреждения – 54 435 руб., земельный отдел – 139 518 руб. и пр. (Харбинский, 1908: 31-32, 37, 93).

Превышение эксплуатационных доходов над расходами было достигнуто лишь в 1910 г. Однако полученные средства шли на погашение облигационного долга и поглощались инфляцией. В то же время из общего объема русских инвестиций в Китай, составивших в 1914 г. 925,8 млн руб., в Маньчжурию было вложено 851,4 млн руб., в том числе 708,5 млн руб. – в КВЖД (Мясников и др., 1987: 297). Работа дороги стала более эффективной в период Первой мировой войны. Большая прибыль была получена на КВЖД только в 1915–1917 гг. (66,15 млн руб.). За указанный период товарооборот и перевозка пассажиров заметно выросли по сравнению с предшествующими годами (Лукоянов, 2008: 108).

Интересы России в Северо-Восточном Китае поддерживались торгово-экономической деятельностью. К 1914 г. частные вложения российских предпринимателей в Маньчжурии составили почти 91 млн рублей. Торговый дом «И.Я. Чурин и К^о», открывший отделения в Харбине, Мукдене и Цицикаре, владел собственностью в Китае на 3 млн рублей. Торговый оборот России с Маньчжурией в 1909 г. составлял 66 % всего оборота России с Китаем. Однако ввоз иностранных товаров в Северо-Восточный Китай развивался более быстрыми темпами, чем российских. Дайрен, ставший одним из крупнейших портов Китая, уступая по размерам грузооборота лишь Шанхаю, приобретал ведущие позиции в Маньчжурии (Жигалов, 2008: 41-42). Южно-Маньчжурская железная дорога расширяла свою коммерческую деятельность, способствуя проникновению японских товаров в Северо-Восточный Китай.

5. Заключение

В течение XIX в. основной вектор внешней политики и глобальные интересы России были направлены на запад. Своих азиатских соседей она не относила к числу влиятельных игроков на международной арене, способных послужить серьезной угрозой ее восточным границам. Принимая

решение о сооружении КВЖД на территории Китая, российские правящие круги исходили из традиционной оценки ситуации, предполагавшей отсутствие серьезного противодействия, и из тех возможностей, которые возникли в связи с трудностями, переживаемыми Китаем. Российская стратегия в Маньчжурии была нацелена на экспансию на почве мирного взаимодействия с цинским правительством. Однако к концу XIX в. противостояние западных держав в попытках распространить свое влияние на Китай обострилось. В борьбу за территориальные приобретения вступила Япония. Усилившееся иностранное давление на Китай повысило уровень напряженности его внутренних сил. Россия была втянута в локальные конфликты и в войну, к которой была не готова.

Строительство и эксплуатация КВЖД, поглотившие значительные материальные средства российской казны, оказали большое влияние на развитие Маньчжурии, но надежды на нее как на инструмент политической и экономической экспансии России дали непродолжительный эффект и в конечном счете оказались несостоятельными. Российский торгово-промышленный потенциал в конкуренции с лидирующими и растущими финансово-экономическими системами других стран проигрывал и по динамике, и по масштабам.

В результате недальновидной политики правительства и ошибочной расстановки приоритетов российский Дальний Восток терял возможности реализации имеющихся ресурсов и социально-экономического роста. Потери, понесенные Россией на востоке в начале XX в., заставили царское правительство обратиться к более взвешенной политике.

Литература

- Алексеев, Морозов, 1989 – Алексеев А.И., Морозов Б.Н. Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в. – 1917 г.). М., 1989. 224 с.
- Артемьев и др., 1990 – Артемьев А.Р. Галлямова Л.И., Иващенко Л.Я. и др. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М., 1990. 471 с.
- Белозерова, 2017 – Белозерова О.А. Позиция и взгляды военного министра А.Н. Куропаткина в связи с решением Маньчжурского вопроса накануне русско-японской войны (1904–1905) // *Мир политики и социологии*. 2017. № 1. С. 23–34.
- Василенко, 2005 – Василенко Н.А. Российская эмиграция в Маньчжурии накануне и в годы войны // *Россия и АТР*. 2005. № 2. С. 20–25.
- Витте, 1991 – Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. М., 1991. 708 с.
- Владивосток, 1902 – Владивосток, 21 апреля, 1902, № 17.
- Гиппиус, 1905 – Гиппиус А. О причинах нашей войны с Японией // *Военный вестник*. 1905. № 6. С. 165–176.
- Головачев, 1904 – Головачев П. Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1904. 216 с.
- Дацышен, 2018 – Дацышен В.Г. «Конфликт на КВЖД 1926 г.» и «конфликт на КВЖД 1929 г.»: сравнительно-исторический анализ советской политики // *Сравнительная политика*. 2018. Т. 9. № 4. С. 67–82.
- Жигалов, 2008 – Жигалов Б.С. КВЖД в дальневосточной политике России (1906–1914 гг.) // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2008. № 1. С. 24–44.
- Кротова, 2013 – Кротова М.В. Конфликт на КВЖД 1929 г.: Информационная война и политические настроения русских в Маньчжурии // *Вестник РГГУ. Серия «История. Философия. Культурология. Востоковедение»*. 2013. № 10. С. 85–97.
- Кротова, 2020 – Кротова М.В. Уроки истории: особенности советско-китайского управления КВЖД в 1920-е годы // *Сравнительная политика*. 2020. Т. 11. № 2. С. 166–176.
- Лагутин, 1926 – Лагутин А.Н. Железнодорожный транспорт // *Экономика Дальнего Востока*. Сб. М., 1926. С. 89–95.
- Лукоянов, 2008 – Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008. 668 с.
- Мамаева, 2018 – Мамаева Т.Г. Российское предпринимательство в Маньчжурии (конец XIX века – 1917 год) // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2018. Т. 15. № 3. С. 201–204.
- Мелихов, 2003 – Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. М., 2003. 440 с.
- Мещеряков, Антропов, 2019 – Мещеряков А.Ю. Антропов О.К. Особенности российской колонизации Маньчжурского края в конце XIX – начале XX в. // *Манускрипт*. 2019. Т. 12. Вып. 4. С. 35–40.
- Мильбах, 2018 – Мильбах В.С. Оперсводки штаба РККА о вооруженном конфликте на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) // *Гуманитарные проблемы военного дела*. 2018. № 1. С. 83–87.
- Молчанова, 2018 – Молчанова Е.Г. Реакция предпринимателей Владивостока на дальневосточную политику России в конце XIX – начале XX в. // *Общество: философия, история, культура*. 2018. № 5. С. 27–29.
- Мясников и др., 1987 – Мясников В.С., Сапожников Б.Г., Соловьев Ф.В. и др. История Северо-Восточного Китая XVII – XX вв. Кн. 1. Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII – начало XX в.). Владивосток, 1987. 424 с.

Наземцева, 2016 – Наземцева Е.Н. Проблема правопреемственности имущества бывшей Российской империи в советско-китайских отношениях 1920-х гг. // *Общество и государство в Китае*. 2016. Т. 46. № 2. С. 551-559.

Пашин, 2018 – Пашин В.П. КВЖД и русская белая эмиграция (вторая половина 1920-х гг. // *Вестник Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки»*. 2018. Т. 18. № 3. С. 107-110.

Петров, 1927 – Петров М.А. Обзор главнейших кампаний и сражений парового флота в связи с эволюцией военно-морского искусства. Л., 1927. 562 с.

РГИАДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.

Романова, 2017 – Романова Г.Н. Российские инвестиции и предпринимательство как внешний фактор модернизации Северо-Восточного Китая (рубеж XIX – XX вв.) // *Общество и государство в Китае*. 2017. Т. 47. № 1. С. 675-684.

Салогуб, 2015 – Салогуб Я.Л. Особенности русско-китайского договора концессии на строительство Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) 1896 г. // *Ученые записки юридического факультета*. 2015. № 38. С. 157-163.

Самойлов, 2018 – Самойлов Н.А. Историческое наследие КВЖД и формирование образа России на Северо-Востоке Китая // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2018. № 2. С. 88-94.

Саркисов, 2015 – Саркисов К.О. Россия и Япония. Сто лет отношений (1817–1917). М., 2015. 375 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiajapansociety.ru/?p=23026>

Сахаров, 2007 – Сахаров А.Н. Русско-японская война 1904–1905 гг. Реальность и вымыслы // *Вестник российской академии наук*. 2007. Т. 77. № 4. С. 301-308.

Старовойтова, 2016 – Старовойтова Е.О. Российско-китайские отношения в 1891–1896 гг. и деятельность российского посланника в Пекине А.П. Кассини // *Проблемы Дальнего Востока*. 2016. № 6. С. 137-146.

Харбинский, 1908 – Харбинский С. Что такое Китайская Восточная ж. д. и куда идут ее миллионы? Спб., 1908. 136 с.

Ходяков, 2018 – Ходяков М.В. Китайско-Восточная железная дорога и эмиссия бон Русско-Азиатского банка в 1918–1919 гг. // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 2. С. 355-367.

Чапыгин, 2014 – Чапыгин И.В. Русские на территории Маньчжурии и в полосе КВЖД (период XVII – начало XX в.) // *Известия лаборатории древних технологий*. 2014. № 3. С. 51-60.

Чэнь Цюцзе, 2011 – Чэнь Цюцзе. Влияние КВЖД на численность населения Харбина // *Россия и АТР*. 2011. № 1. С. 80-85.

杜君, 2000 – 杜君. 1917–1924年苏俄在中东铁路问题上的对华政策再探 // *史学集刊*. 2000. № 4. 36-42 页.

董艳玲, 2021 – 董艳玲. 中东铁路的修筑对哈尔滨经济的影响 // *商业文化*. 2021. № 15. 110-111页.

References

Alekseev, Morozov, 1989 – Alekseev, A.I. Morozov, B.N. (1989). Osvoenie russkogo Dal'nego Vostoka (konec XIX v. – 1917 g.). [Development of the Russian Far East (late 19th century – 1917)]. М. 224 p. [in Russian]

Artem'ev i dr., 1990 – Artem'ev, A.R. Gallyamova, L.I., Ivashchenko, L.Ya. i dr. (1990). Istoriya Dal'nego Vostoka SSSR v epohu feodalizma i kapitalizma (XVII v. – fevral' 1917 g.) [History of the Far East of the USSR in the era of feudalism and capitalism (17th century - February 1917)]. М. 471 p. [in Russian]

Belozerova, 2017 – Belozerova, O.A. (2017). Poziciya i vzglyady voennogo ministra A.N. Kuropatkina v svyazi s resheniem Man'chzhurskogo voprosa nakanune russko-yaponskoj vojny (1094–1905) [The position and views of the Minister of War A.N. Kuropatkin in connection with the solution of the Manchurian question on the eve of the Russian-Japanese war (1094–1905)]. *Mir politiki i sociologii*. 1: 23-34. [in Russian]

Dacyshen, 2018 – Dacyshen, V.G. (2018). «Konflikt na KVZHD 1926 g. i «konflikt na KVZHD 1929 g.»: sravnitel'no-istoricheskij analiz sovetsoj politiki [«The conflict at the CER in 1926» and the "conflict at the CER in 1929": a comparative historical analysis of Soviet politics]. *Sravnitel'naya politika*. 9(4): 67-82. [in Russian]

Du Czyun', 2000 – Du Czyun' (2000). Peresmotr politiki Kitaya po voprosam sovetso-rossijskoj Kitajskoj Vostochnoj zheleznoj dorogi s1917po1924 g. [Revision of China's policy on the Soviet-Russian Sino-Eastern Railway from 1917 to 1924]. *Sobranie istorii*. 4: 36-42. [in Chinese]

Dun Yan'lin, 2021 – Dun Yan'lin (2021). Vliyanie stroitel'stva Kitajsko-Vostochnoj zheleznoj dorogi na ekonomiku Harbina [Impact of the construction of the Chinese Eastern Railway on the economy of Harbin]. *Torgovaya kul'tura*. 15: 110-111. [in Chinese]

Chapygin, 2014 – Chapygin, I.V. (2014). Russkie na territorii Man'chzhurii i v polose KVZHD (period XVII – nachalo XX v.) [Russians on the territory of Manchuria and in the strip of the Chinese Eastern Railway (period XVII – early XX century)]. *Izvestiya laboratorii drevnih tekhnologij*. 3: 51-60. [in Russian]

Chen Cyucze, 2011 – Chen Cyucze.(2011). Vliyanie KVZHD na chislennost' naseleniya Harbina [The influence of the CEEC on the population of Harbin]. *Rossiya i ATR*. 1: 80-85. [in Russian]

- Gippius, 1905** – Gippius, A. (1905). O prichinah nashey vojny s Yaponiej [About the reasons for our war with Japan]. *Voennyj vestnik*. 6: 165-176. [in Russian]
- Golovachev, 1904** – Golovachev, P. (1904). Rossiya na Dal'nem Vostoke [Russia in the Far East]. SPb. 216 p. [in Russian]
- Harbinskij, 1908** – Harbinskij, S. (1908). Chto takoe Kitajskaya Vostochnaya zh.d. i kuda idut ee milliony? [What is China East Railway and where are her millions going?]. SPb. 136 p. [in Russian]
- Hodyakov, 2018** – Hodyakov, M.V. (2018). Kitajsko-Vostochnaya zheleznaya doroga i emissiya bon Russko-Aziatskogo banka v 1918-1919 gg. [Chinese Eastern Railway and the issue of bonds of the Russian-Asian Bank in 1918-1919]. *Novejshaya istoriya Rossii*. 8(2): 355-367. [in Russian]
- Krotova, 2013** – Krotova, M.V. (2013). Konflikt na KVZHD 1929 g.: Informacionnaya vojna i politicheskie nastroyeniya russkih v Man'chzhurii [Conflict on the Chinese Eastern Railway in 1929: Information Warfare and Political Sentiments of Russians in Manchuria]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filosofiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. 10: 85-97. [in Russian]
- Krotova, 2020** – Krotova, M.V. (2020). Uroki istorii: osobennosti sovetско-kitajskogo upravleniya KVZHD v 1920-e gody [History Lessons: Features of the Soviet-Chinese Administration of the CER in the 1920s]. *Sravnitel'naya politika*. 11(2): 166-176. [in Russian]
- Lagutin, 1926** – Lagutin, A.N. (1926). Zheleznodorozhnyj transport [Railway transport]. *Ekonomika Dal'nego Vostoka*. Sb. M. Pp. 89-95. [in Russian]
- Lukoyanov, 2008** – Lukoyanov, I.V. (2008). «Ne otstat' ot derzhav...» Rossiya na Dal'nem Vostoke v konce XIX – nachale XX vv. [Keeping up with the powers ..." Russia in the Far East in the late XIX – early XX centuries]. SPb. 668 p. [in Russian]
- Mamaeva, 2018** – Mamaeva, T.G. (2018). Rossijskoe predprinimatel'stvo v Man'chzhurii (konec XIX veka – 1917 god) [Russian entrepreneurship in Manchuria (late 19th century - 1917)]. *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*. 15(3): 201-204.
- Melihov, 2003** – Melihov, G.V. (2003). Belyj Harbin: Seredina 20-h [White Harbin: Mid 20s.]. M. 440 p. [in Russian]
- Meshcheryakov, Antropov, 2019** – Meshcheryakov, A.Yi. Antropov, O.K. (2019). Osobennosti rossijskoj kolonizacii Man'chzhurskogo kraya v konce XIX – nachale XX v. [Features of the Russian colonization of the Manchurian Territory at the end of the XIX – beginning of the XX century]. *Manuskript*. 12(4): 35-40. [in Russian]
- Mil'bah** – Mil'bah, V.S. (2018). Opersvodki shtaba RKKA o vooruzhennom konflikte na Kitajsko-Vostochnoj zheleznoj doroge (KVZHD) [Operational reports of the Red Army headquarters about the armed conflict on the Chinese-Eastern Railway (CER)]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. 1: 83-87. [in Russian]
- Molchanova, 2018** – Molchanova, E.G. (2018). Reakciya predprinimatelej Vladivostoka na Dal'nevostochnuyu politiku Rossii v konce XIX – nachale XX v. [The reaction of Vladivostok entrepreneurs to the Far Eastern policy of Russia in the late 19th – early 20th centuries]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 5: 27-29. [in Russian]
- Myasnikov i dr., 1987** – Myasnikov, V.S., Sapozhnikov, B.G., Solov'ev, F.V. i dr. (1987). Istoriya Severo-Vostochnogo Kitaya XVII – XX vv. Kn. 1 Man'chzhuriya v epohu feodalizma (XVII – nachalo XX v.) [History of Northeast China in the 17th – 20th centuries]. Vladivostok. 424 p. [in Russian]
- Nazemceva, 2016** – Nazemceva, E.N. (2016). Problema pravopremstvennosti imushchestva byvshej Rossijskoj imperii v sovetско-kitajskih otnosheniyah 1920-h gg. [The problem of legal succession of the property of the former Russian Empire in the Soviet-Chinese relations of the 1920s.]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. 46(2): 551-559. [in Russian]
- Pashin, 2018** – Pashin, V.P. (2018). KVZHD i russkaya belaya emigraciya (vtoraya polovina 1920-h gg. [The Chinese Eastern Railway and the Russian white emigration (second half of the 1920s.]. *Vestnik Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki*. 18(3): 107-110. [in Russian]
- Petrov, 1927** – Petrov, M.A. (1927). Obzor glavnejshih kampanij i srazhenij parovogo flota v svyazi s evolyuciej voenno-morskogo iskusstva [An overview of the main campaigns and battles of the steam fleet in connection with the evolution of naval art]. L. 562 p. [in Russian]
- RGIADV** – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Dal'nego Vostoka [russian state historical archive of the Far East]. [in Russian]
- Romanova, 2017** – Romanova, G.N. (2017). Rossijskie investicii i predprinimatel'stvo kak vneshnij faktor modernizacii Severo-Vostochnogo Kitaya (rubezh XIX – XX vv.) [Russian investments and entrepreneurship as an external factor in the modernization of Northeast China (turn of the 19th – 20th centuries)]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. 47(1): 675-684. [in Russian]
- Salogub, 2015** – Salogub, Ya.L. (2015). Osobennosti russko-kitajskogo dogovora koncessii na stroitel'stvo Kitajskoj Vostochnoj zheleznoj dorogi (KVZHD) 1896 g. [Features of the Russian-Chinese concession agreement for the construction of the Chinese Eastern Railway (CER) in 1896]. *Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta*. 38: 157-163. [in Russian]

Samojlov, 2018 – *Samojlov, N.A.* (2018). Istoricheskoe nasledie KVZHD i formirovanie obraza Rossii na Severo-Vostoke Kitaya [Historical heritage of the Chinese Eastern Railway and the formation of the image of Russia in the Northeast of China]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2: 88-94. [in Russian]

Sarkisov, 2015 – *Sarkisov, K.O.* (2015). Rossiya i Yaponiya. Sto let otnoshenij (1817 – 1917) Russia and Japan. One Hundred Years of Relationship (1817 – 1917)]. M. 375 p. [Electronic resource]. URL: <https://russiajapansociety.ru/?p=23026> [in Russian]

Saharov, 2007 – *Saharov, A.N.* (2007). Russko-yaponskaya vojna 1904-1905 gg. Real'nost' i vymysly [Russo-Japanese War 1904-1905 gg.]. *Vestnik rossijskoj akademii nauk*. 77(4): 301-308. [in Russian]

Starovojtova, 2016 – *Starovojtova, E.O.* (2016). Rossijsko-kitajskie otnosheniya v 1891-1896 gg. i deyatel'nost' rossijskogo poslannika v Pekine A.P. Kassini [Russian-Chinese relations in 1891-1896 and the activities of the Russian envoy to Beijing A.P. Cassini]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 6: 137-146. [in Russian]

Vasilenko, 2005 – *Vasilenko, N.A.* (2005). Rossijskaya emigraciya v Man'chzhurii nakanune i v gody vojny [Russian emigration in Manchuria on the eve and during the war]. *Rossiia i ATR*. 2: 20-25. [in Russian]

Vitte, 1991 – *Vitte, S.Yu.* (1991). Izbrannye vospominaniya, 1849–1911 gg. [Selected Memoirs, 1849–1911]. M. 708 p. [in Russian]

Vladivostok, 1902 – Vladivostok [Vladivostok], 21 aprelya, 1902. № 17. [in Russian]

Zhigalov, 2008 – *Zhigalov, B.S.* (2008). KVZHD v dal'nevostochnoj politike Rossii (1906-1914 gg.) [CER in the Far Eastern policy of Russia (1906-1914)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*. 1: 24-44. [in Russian]

Китайско-Восточная железная дорога как средство реализации дальневосточной политики России в конце XIX – начале XX веков

Людмила Михайловна Медведева ^{a, *}

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена роли Китайско-Восточной железной дороги в реализации дальневосточной политики России в конце XIX – начале XX вв. На основе опубликованных и архивных материалов дается представление о направлениях российского внешнеполитического курса, условиях и факторах, оказавших влияние на строительство и эксплуатацию КВЖД. Уделено внимание характеру отношений России со странами, конкурировавшими в борьбе за сферы влияния в Китае и Корее. Дается оценка затратам материальных ресурсов на строительство и содержание КВЖД, результатам ее деятельности по транспортировке грузов. Проведен анализ влияния КВЖД на заселение, развитие производственной базы и торговли в Маньчжурии. Показано отношение российской общественности к обстановке на КВЖД. Делаются выводы о степени целесообразности строительства железной дороги на территории Северо-Восточного Китая и его последствиях. Отмечается, что надежды на КВЖД как на инструмент политической и экономической экспансии России дали непродолжительный эффект и в конечном счете оказались несостоятельными. Российский торгово-промышленный потенциал в соперничестве с лидирующими и растущими финансово-экономическими системами других стран проигрывал и по динамике, и по масштабам.

В результате недальновидной политики правительства и ошибочной расстановки приоритетов российский Дальний Восток утрачивал действительные возможности реализации имеющихся ресурсов и социально-экономического роста. Потери, понесенные Россией на востоке в начале XX в., заставили царское правительство обратиться к более взвешенной политике.

Ключевые слова: Китайско-Восточная железная дорога, транспорт, региональная политика, Дальний Восток, Маньчжурия, Северо-Восточный Китай.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: medvedeva_l@mail.ru (Л.М. Медведева)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1443-1453
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1443
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



Charity and Patronage in the Russian Province (on the Example of the Tyumen Province of the late 19th early 20th centuries)

Vera P. Bogdanova ^{a,*}, Olga I. Golovanova ^a

^aTyumen Industrial University, Russian Federation

Abstract

The traditions of charity in Russia are rooted in the deep past, to the good deeds of the Russian Orthodox Church and the ancient Russian princes. Since the time of St. Vladimir, who is listed in history as the first Christian prince, whose concern for the poor and gentleness “went even beyond the limits of state benefit,” the traditions of charity and patronage in Russia originate. The traditions of compassion embedded in the mentality of a Russian person are not innate, they arise in a society that professes and develops in an atmosphere of goodness, devotion to the ideals of Christianity. Modern Russian society is going through a very difficult period of its development today. Researchers of social processes state the devaluation of the values of the older generation, which leads to the spiritual disorientation of society and its spiritual impoverishment.

The adoption of the Western model of values by Russian society has led to the destruction of the foundations of moral and ethical norms, approved and historically accepted in Russia, such as kindness, spirituality, mercy, compassion. Returning to the origins of Russian spirituality through humane social activities supported and encouraged by the state and society is one of the main tasks of reviving spirituality in our country.

Keywords: mercy, patronage, spirituality, morality, values, charity, cultural values, Red Cross Society, State Duma, City Duma, archive.

1. Введение

Отсутствие или невнятность базовых систем ценностных ориентиров приводит к печальным последствиям: лидерству России по социальному сиротству, разводам, самоубийствам, негативным демографическим процессам и т. п. В такой ситуации российское общество должно не только отвечать на вызовы современных систем, но и, опираясь на исторические корни российской духовности, находить пути ее возрождения и развития. Именно о духовности национальной русской ментальности писали В. Ключевский, Н. Бердяев, что объясняет масштабы купеческого меценатства и благотворительности и позволяет говорить об актуальности данного направления исследования с точки зрения утраты исторически сложившихся духовно-нравственных ценностей русского народа.

Милосердие, как нравственная основа состояния души, проявляющаяся в сострадании, заботе к ближнему, стремлении помочь страждущему, потратив собственные средства, по своему содержанию и целям не имеет четких смысловых границ с благотворительностью. Д.С. Лихачев отмечал, что именно «нравственности свойственно чувство сострадания. В нем отражается осознание своего единства с другими людьми, нациями..., вселенной. Именно поэтому сострадание требует своего возрождения и развития».

Появление и деятельность Международного движения Красного Креста в 1863 (Женева) году как международного гуманитарного движения повлекли за собой присоединение к нему в 1876 году Российской империи, что совпало с периодом реформ Александра II и стало датой создания

* Corresponding author

E-mail address: vera.bogdanova.55@bk.ru (V.P. Bogdanova); golovanova.o@list.ru (O.I. Golovanova)

Российского общества попечения о раненых и больных воинах с утверждением его названия – «Международный комитет Красного Креста».

Благотворительность в конце XIX – начале XX веков в России фактически заменяла все формы социального обеспечения и помощи малоимущим. При этом бюджет учреждений общественного призрения формировался в соотношении 25 к 75 %, где только 25 % составляли средства казны, земств, городов, сословных обществ, а 75 % – добровольные пожертвования. В 1896 г. в России из 3 555 благотворительных учреждений 1 091 располагалась в Санкт-Петербурге и Москве, а 2 464 – в губерниях. По данным 1902 года, в России было 11 040 благотворительных учреждений, которые относились к различным ведомствам.

О том, какие особенности, направления и формы благотворительности, меценатства и милосердия были характерными для российской провинции, можно узнать при изучении документов Государственного архива Тюменской области. Изучение и введение в оборот ранее не использованных источников и документов позволит провести исследование с позиции современных концептуальных принципов и подходов.

2. Материалы и методы

Данное исследование осуществлялось на основе материалов, находящихся в Государственном архиве Тюменской области (Тюмень, Российская Федерация). Основу исследования составили документы Фонда И-2 «Тюменская Городская Дума» и Фонда И-1 «Тюменская Городская Управа».

В основу работы легли принципы историзма, объективности и системности. На первом этапе исследования проводился поиск источников информации по рассматриваемой тематике как в пространстве научной библиотеки, так и в городском архиве; осуществлялись источниковедческий отбор, анализ и систематизация источников; анализировалась проблема авторства и исторической достоверности; осуществлялась аргументированная оценка материалов с точки зрения их научной достоверности.

Анализ источников послужил основанием для определения характера исследования – междисциплинарный, поскольку рассматривался с учетом жанрово-видовой принадлежности документов, в том числе публицистических, документов общего и специального (финансового) делопроизводства, межведомственного и внутриведомственного характера. В этот перечень входят: Устав, отчеты, журналы Городской думы за 1914 год, формулярные списки, письма, ведомости. Ценностью исследования является использование в тексте оригинальной первичной информации, ранее не встречающейся в официальной литературе.

Основной этап связан с применением следующих методов: историко-типологического, который позволил описать процессы меценатства и благотворительности в Тюменской и Тобольской губерниях; сравнительного – соотнесение роли и степени участия отдаленных губерний с общими тенденциями в Российской империи; системного – определение роли Тюменской губернии как составной части Российского государства. Метод обобщения дал возможность определить общие и особенные черты развития меценатства и благотворительности в Тюменской губернии.

3. Обсуждение

Ранних трудов, охватывающих описание по теме исследования, практически нет. К наиболее ранним относятся работы географического и этнографически-статистического характера (Абрамов, 1853), а также труды с подробным описанием заселения Сибири и быта ее первых насельников (Буцинский, 1889 и др.). В отдельных публикациях по меценатству и благотворительности сибирских купцов упоминаются в том числе имена тюменских, однако наиболее фундаментальные исследования меценатства и благотворительности тюменских купцов принадлежат И. Ермакову и Е. Пантюхину. Множество публикаций связано с именами наиболее именитых и почетных граждан г. Тюмени. Большую историческую ценность представляют работы с описанием непростых судеб сибирского купечества (Типикина, 2007; Кубочкин, 2017 и др.). Интересным, малоизвестным и исторически значимым фактам Тюмени посвящена книга «Четыре века Тюмени» (Иваненко, 2004), в которой рассматриваются вопросы, связанные с противоречивыми историческими фактами становления сибирского города – Тюмени (в XVIII в. Царева Городища) и его развития; строительством храмов, мостов и дорог; появлением первых ремесленников и промышленников и их роли в развитии меценатства и благотворительности в Тюмени, а также взаимодействия государственной, общественной, частной собственности.

Таким образом, историографический обзор позволяет говорить о том, что современные исследования процесса меценатства, благотворительности и милосердия тюменского купечества в большей степени затрагивают социальные объекты, а их роль в деятельности Общества Красного Креста не являлась предметом исследования.

4. Результаты

Исследователи, изучающие феномен меценатства и благотворительности, отмечают, что подлинным благотворителем стало российское купечество, вышедшее из народа. Приобретая статус

купца и обретая свой капитал, оно твердо стояло на сохранении традиционных семейных устоев, придерживалось религиозных моральных предписаний. Окончательно как сословие купечество сформировалось в эпоху петровских и екатерининских реформ, приобретая соответствующий материальному положению статус (гильдию).

Феномен меценатства и благотворительности в России дореволюционного периода исследовался достаточно детально, имея основательную фактическую базу, фундаментальные теоретические положения, основу которых составляли известные исторические личности и семьи. В поле интересов современных историков, социологов, политологов остаются вопросы благотворительности царской семьи и известных меценатов С. Морозова, Третьякова, Прохорова, Мамонтова, Сытина и др. Большинство трудов посвящено меценатству и благотворительности в крупных городах, губерниях, уездах, что оставляло незамеченной деятельность провинциальных благотворителей.

Количество благотворительных учреждений на конец XIX века достигало более 11 тыс. К ним относились приюты, воспитательные дома, богадельни. Именно в этот период появляется множество благотворительных обществ как общероссийского, так и местного назначения. Это объяснялось тем, что право утверждения уставов благотворительных обществ было несколько упрощено, поскольку не требовало утверждения императора, а было передано с 1862 г. в ведение Министерства внутренних дел. С этого времени количество приютов для больных, ночлежных и работных домов практически удвоилось.

Указом от 1 января 1864 г. Александр II утвердил «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», согласно которому законодательные функции передавались губернским и уездным собраниям, где, кроме прочих, решались вопросы сбора специальных капиталов на содержание учреждений общественного призрения.

Содержались все благотворительные организации на средства, поступающие от пожертвователей, средства, поступающие по займам, процентным бумагам, от проведения различного рода мероприятий, лотерей, базаров, праздников и т.д.

В начале века большая часть благотворительных заведений, в частности в провинциях, организовывалась как региональные отделения российских учреждений, при обязательном покровительстве царственных особ. При этом количество заведений доходило до тысячи. Так, например, в ведомстве императрицы Марии в 1902 г. находилось более 800 благотворительных учреждений, среди которых было 329 приютов для детей, 47 больниц и лечебниц, 47 школ для слепых и глухонемых, 55 домов призрения (Гуркина, 2016; Тишкина, 2017). Большую и неоценимую роль в российской благотворительности сыграло Российское общество Красного Креста, Попечительство о домах трудолюбия и работных домах. В 1895 году было создано Попечительство о домах трудолюбия под покровительством Александры Федоровны, которое содержало 240 организаций. Туда входило множество объектов, жизненно важных для неимущих, больных и инвалидов: дома трудолюбия, лечебные и санитарные учреждения, образовательные учреждения, заведения предупредительного характера – учебно-практические мастерские, посреднические конторы. Особенно много местных отделений комитетов Елизаветы Федоровны, Марии Павловны, Татьянинского, Ольгинского и Романовского было в годы Первой мировой войны, главной целью которых было оказание помощи семьям воинов, детям, беженцам и раненым.

Историография христианской благотворительности отражает позиции русской православной церкви к феномену благотворительности вообще (Стор, 1818–1831). В трудах А.Д. Стога приводятся множество сведений о благодеяниях великих князей и представителей царской семьи, представлены решения Стоглавого собора о нищих и милостыне, описаны попытки организации общественного призрения в XVI веке. До середины XIX в. эта работа являлась практически единственным описанием феномена благотворительности и меценатства в Российской империи.

Несколько позже появились научные исследования, связанные с вопросами реконструкции частной и общественной благотворительности (Максимов, 1895; Максимов, 1903; Максимов, 1905 и др.). Благотворительность представителями разных социальных слоев рассматривалась как социально-культурный феномен (Георгиевский, 1903 и др.), на основе российской действительности и исторического европейского опыта; основываясь на опыте раннехристианских общин, благотворительность исследовали с точки зрения ее зарождения (Рункевич, 1898 и др.). При наличии публикаций по исследуемой проблематике вопросы благотворительной деятельности в Российской империи недостаточно изучены, и еще меньше она изучена в отдаленных губерниях.

В Сибири меценатство и благотворительность имеют свои особенности и историю. После проведения реформ в 1860-е гг. благотворительность принимает более цивилизованные формы и осуществляется через вновь создаваемые комитеты, фонды, различные организации.

Расцвет благотворительной деятельности в Сибири также приходится на конец XIX – начало XX веков. Этот период характеризуется быстрыми темпами промышленного производства. Так, число промышленных предприятий в 1893 г. увеличилось более чем на 70 % по сравнению с 1861 г. Отсюда рост количества крупной и мелкой буржуазии, в руках которой были сконцентрированы огромные

капиталы. Учитывая, что благотворительность и меценатство считались «государственным делом», участие в них не только приветствовалось, но и поощрялось государственными наградами.

Поскольку купцы и промышленники в большинстве своем были людьми набожными, многие из них часть своих средств вкладывали в строительство церквей, часовен и пожертвования сиротам и убогим. Не оставалось без внимания благотворителей и образование. Объектами, наиболее нуждающимися в благотворительности среди крестьянства, были переселенцы, голодающие, сироты и престарелые. С этой целью в Тюмени создается первый Временный комитет для оказания помощи переселенцам, инициатором создания которого стал тобольский губернатор В.А. Лысогорский.

Особого внимания заслуживает период становления и развития в регионе в 1867–1917 гг. Российского общества Красного Креста, с которым связано немало имен почитаемых в нашем крае купцов, меценатов и предпринимателей.

Обладая немалым капиталом, купечество Тюмени вело достаточно активную торговую, выставочную и ярмарочную деятельность не только внутри губернии, но и с купцами соседних губерний и Китаем.

13 сентября 1872 г. тюменскому городскому голове от бывшего тобольского губернатора направлено отношение «Главного Управления общества попечения раненых и больных воинах, состоящего под Высочайшим покровительством ее Императорского Величества Государыни Императрицы об оказании содействия <...> в оном и образовании в губернии определенных уставом учреждений общества». Жителям Тобольской губернии было предложено принять на себя звание членов общества с обязательством денежных ежегодных единовременных взносов с обязательным печатанием в «Тобольских губернских ведомостях». В документе указывается на истинно «благотворные цели» общества, не благодаря покровительству императрицы, «а сколь многими жителями Тобольской губернии были поняты и оценены и они не замедлили внести свои пожертвования в кассу общества». Резолюция на документе говорит о решении властей собрать граждан на собрание и «принять участие в образовании общества, согласно уставу общества» (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 517. Л. 5-6об.).

В 1863 году газета «Тобольские губернские ведомости» № 19 опубликовала статью врачей, отца и сыновей Черемшанских, которые выразили крайнюю озабоченность состоянием здоровья народа, и верные своему врачебному долгу и клятве, поступаясь своими интересами, подали отношение в Тюменскую городскую думу, выражая при этом готовность создать лечебницу для приходящих больных. «Составленный мною проект устава лечебницы для приходящих больных, которую я почитаю существенно необходимой для народа в Тюмени, имею честь представить думе мое мнение по этому предмету на обсуждение. Так как по предположению моему лечебница должна будет содержаться единственно на добровольные вносимые пожертвования сочувствующих делу благотворения страждущих братьев наших, то оному и почитаю необходимым <...> приглашение почетных Граждан Города Тюмени <...> на учреждение этой лечебницы <...> на своевременное приобретение лекарства», – пишут старший лекарь военного училища Е. Черемшанский, тобольский городской врач А. Черемшанский, лекарь тюремного замка И. Черемшанский. Документ практически обозначил все условия создания лечебницы, включая вопросы обращения страждущих и получение ими не только советов, но и бесплатно лекарств, при необходимости посещение больных в их жилищах. Поскольку вопрос создания лечебницы не быстрый и зависит от начальства, семья врачей Черемшанских предлагает посещение и консультирование больных на собственных квартирах (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 518. Л. 7).

23 августа 1966 года в Тюменскую городскую думу был представлен устав лечебницы для приходящих больных в г. Тюмени, основным содержанием которого предусматривались условия вызова врачей на дом, «в крайнем случае к таковым больным могут быть отпускаемы лекарства из лечебницы бесплатно или за умеренную плату из вольной аптеки» (п. 3); условия проведения малых хирургических операций (п. 4); производятся предохранительные мероприятия (прививка детям от оспы, в том числе и на дому по приглашению – п. 5); Городской думой лечебнице для ведения дел выдаются книги для учета больных и учета отпуска лекарств (п. 6); книги для ревизии предоставляются Врачебной управе, которая затем предоставляет их в Городскую думу (п. 7). Отдельным параграфом в Уставе обозначена ответственность за ведение хозяйственной части, в которую «приглашаются граждане члены-соревнователи, попечению которых она вверяется...», чтобы они заботились о снабжении лечебницы, и каждый из которых обязан был ежегодно вносить не менее 25 руб. деньгами или материалами, после чего они могли именоваться благотворителями (п. 8).

Устав определял сменяемость руководства, которое избирается из «членов-соревнователей» сроком на полгода, в должностные обязанности которого входит ведение «приходо-расходной» книги (п. 10), а также контроль за прислужкой лечебницы (п. 13) и процедурой совещаний по хозяйственным делам лечебницы «членов-соревнователей» (п. 10-11) (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 518. Л. 7об.-8).

Основные сведения по организации и деятельности лечебницы врачей Черемшанских с 1866 по 1871 гг. в г. Тюмени содержатся в Деле о содержании Тюменской городской лечебницы для пользования приходящих больных (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 518. Л. 3об.).

В июле 1868 года на пост тобольского губернатора был назначен А.С. Соллогуб, который не отличался образованностью и широтой взглядов, однако не был лишен порядочности, стремился соответствовать времени и не препятствовать общественной инициативе. В 1870 г. купец 2-й гильдии, потомственный почетный гражданин города Тюмени С.М. Трусов в докладной записке, поданной на имя тобольского губернатора, сообщал о своем желании в память посещения города Тюмени великим князем Владимиром Александровичем построить на собственные средства двухэтажный каменный дом с пристройками для сиропитательного заведения. Основной целью его создания купец видел обучение детей бедных сословий ремесленному делу. Для поддержания этого дела С.М. Трусов вложил в Тюменский общественный банк десяти тысячный капитал, проценты с которого использовались бы на содержание заведения. Основным капиталом, на проценты с которого должно было содержаться сиропитательное заведение, был собран из средств самого С.М. Трусова – 5 тыс. руб., его дочери Ф.С. Серебряковой – 10 тыс. руб., жителями города – 2,3 тыс. руб., общественным банком. В январе 1872 г. было принято решение об отчислении «на вечное время на содержание сиропитательного заведения из прибылей банка по 2 тыс. руб. в год» (ГАТО. Ф. И-109. Оп. 1. Д. 30. Л. 98-101).

5 декабря 1871 г. в Думу поступило официальное уведомление губернатора о том, что ходатайство купца С.М. Трусова «о соизволении Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича на принятие Его Высочества звания Почетного члена сиропитательного заведения и согласие на присвоение этому заведению имени Его Высочества» (ГАТО. Ф. И-109. Оп. 1. Д. 30. Л. 98-101) было удовлетворено.

21 ноября 1872 г. сиропитательное заведение было открыто, его основной целью стал прием малолетних сирот и подкидышей, которые находились в нем на полном содержании до возраста самостоятельного существования. В метрической книге Тобольской духовной консистории причту Градо-Тюменской Симеоновской церкви при сиропитательном заведении велся учет осиротевших и подкинутых детей.

В первой половине 1880-х гг. стараниями С.М. Трусова и его дочери построена каменная домовая церковь во имя Св. Симеона Богоприимца. Существовавшее в сиропитательном заведении начальное училище с 1909 г. было переименовано в приходское городское училище с содержанием из городских средств. 8 апреля 1910 г. на очередном 52 заседании Городской думы заместитель городского головы В.А. Копылов ознакомил собравшихся с докладом городской Управы о ходатайстве по принятию «в ведение учреждений Императрицы Марии Владимировского Сиропитательного ремесленного заведения». Из-за материальных затруднений городская Управа принимает решение передать заведение в Ведомство учреждений Императрицы Марии, где вопросы благотворительности и привлечения новых благотворителей были лучше организованы (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 540. Л. 98-101). До 1927 года в здании размещался детский дом, затем учебные заведения, в том числе педагогическое училище. С 1964 года здание было передано Тюменскому медицинскому институту до 1996 года, а затем было закрыто до решения вопроса о передаче его Тобольско-Тюменской епархии. 16 марта 2000 года Комитетом по управлению имуществом Тюменской области и Тобольско-Тюменской епархией заключен договор о безвозмездном использовании переданного епархии здания храма Святого Пророка Симеона Богоприимца (ГАТО. Ф. И-254. Оп. 1. Д. 152. Л. 4 об.-5).

Почетное место в развитии промышленности в XIX веке в Тюменском крае историки отводят именно купечеству, в чем и состоит их особая заслуга. Наиболее известными и значимыми были несколько имен, в том числе И.В. Иконников, который принял наследство своего отца в 1826 г., был купцом III-й гильдии, городским судьей, членом городского магистрата. В 1829 г., проявив сочувствие к бедным гражданам, внес 50 руб. в помощь пострадавшим от пожара. 1836 г. стал городским головой. Став купцом II-й гильдии в 1849 г., пожертвовал икону в золотом окладе и серебряную ризу для нее в построенном им приделе к Знаменской церкви. На его же средства была построена казарма для местных военных (Иваненко, 2004).

В период Крымской войны И.В. Иконников пожертвовал на военные нужды 300 руб. и оборону 150 руб., за что и был награжден медалью на Анненской ленте. Такой медалью удостоивали очень редко, так как ею награждали лишь тех, кто жертвовал на военные нужды не менее 10 % от своего состояния (Иваненко, 2004; Типикина, 2007).

Из крестьян д. Переваловой близ Тюмени был другой именитый купец, прославившийся своей благотворительной деятельностью – П.И. Подаруев, один из богатейших купцов Тюмени. Он избирался членом Думы пять сроков и три раза городским головой. С 1868 г. «состоял членом Омского благотворительного общества, куда им сданы <...> пожертвования <...> в пользу убежища ведомства ... 210 руб., <...> в 1870 г. в пользу приюта «Надежда» – 100 руб., в 1871 туда же – 100 руб.», далее ежегодно до 1877 года П.И. Подаруев вносил на счет этого заведения по 100 руб., за что генерал-губернатор Западной Сибири объявил ему благодарность (ГАТО. Ф. И-57. Оп. 1. Д. 138. Л. 3).

В бытность свою на должности городского головы по случаю «20-летней службы церковного старосты пожертвовал для Никольско-Переваловской церкви разного имущества на сумму 11 341 р. 14 к.» (ГАТО. Ф. И-57. Оп. 1. Д. 138. Л. 4-5). На устройство выставки в г. Тюмени в 1871 г. пожертвовал 500 руб. и покрыл дефицит выставки в размере 337 руб. безвозвратно из собственных средств. За это

был награжден золотой медалью с надписью «За усердие» на Станиславской ленте для ношения на шее (ГАТО. Ф. И-57. Оп. 1. Д. 138. Л. 4-5). В архивных документах П.И. Подаруева и его формулярном списке отмечено, что на свои средства содержал в 1870–1873 гг. городскую общественную богадельню и «пожертвовал в зал Думы икону Св. Николая Чудотворца в серебряной ризе и киот» на сумму 3 тыс. руб., оплатил стоимость деревянного моста через овраг в размере 3 тыс. руб. (ГАТО. Ф. И-57. Оп. 1. Д. 138. Л. 6).

В селе Переваловском Тюменского округа П.И. Подаруев воздвиг каменную часовню с иконостасом стоимостью 1,1 тыс. руб. и здание для Алексеевского «сельского училища с надворными постройками, стоящими 4,5 тыс. руб., снабдив его мебелью и учебными пособиями, пожертвовал на его содержание 4,5 тыс. руб., которые внесены <...> на вечные времена» (ГАТО. Ф. И-57. Оп. 1. Д. 138. Л. 7). Также на свои средства им было воздвигнуто здание Тюменского реального училища по утвержденным планам и сметам, стоящим свыше 13,5 тыс. руб.

В 1877 г. по предложению П.И. Подаруева и с утверждения тобольского губернатора при Переваловском Алексеевском начальном народном училище был образован сельский комитет Общества Красного Креста, в «каковом по избранию Членов Комитета состоял председателем одного и внес единовременно в капитал общества 200 руб., а во время войны 1877–1878 гг. сумма личных пожертвований его достигла 1911 руб. За пожертвования на сумму 2,3 тыс. руб. в Алексеевскую часовню села Переваловского объявлено благословение Св. Синода...» (ГАТО. Ф. И-57. Оп. 1. Д. 138. Л. 12).

13 марта 1874 г. П.И. Подаруев награжден знаком Красного Креста, установленного Высочайшим указом, каковой знак и поступил при свидетельстве Главного Управления сказанного общества от 31 декабря 1879 года. Немного позже ему была объявлена благодарность за заботу об Алексеевском Переваловском сельском училище и деятельность Переваловского сельского комитета Российского Общества Красного Креста (ГАТО. Ф. И-57. Оп. 1. Д. 138. Л. 17). С 1877 по 1886 г. П.И. Подаруев был блюстителем Тюменского уездного училища, 18 лет членом попечительского совета Тюменской женской гимназии и 9 лет его возглавлял. Вторую медаль на Анненской ленте он получил в феврале 1880 г., и в этом же году ему вручили орден Святой Анны III-й степени «за прослужение 12 лет в одной и той же должности не ниже VIII класса». Орден Св. Владимира IV степени и грамота были пожалованы П.И. Подаруеву «За особые труды по должности почетного попечителя Александровского реального училища Всемилоостивейше пожалован в 11 день января 1885 г. орденом Св. Станислава II степени». «За услуги по духовному ведомству получил орден Св. Анны II степени». Последнюю награду он получил за усердие и особые труды по Министерству народного просвещения – орденом Св. Владимира III степени (ГАТО. Ф. И-57. Оп. 1. Д. 138. Л. 18-34).

Значительный вклад в благотворительное дело внес Н.М. Чукмалдин, которого современники почитали как человека образованного и глубоко порядочного, нажившего свои капиталы «кристально чистым путем». Будучи человеком образованным, Н.М. Чукмалдин стремился помочь Тюменскому реальному училищу в приобретении литературы для его библиотеки, собирая ее в течение двадцати лет. При этом он учредил несколько премий за лучшие сочинения обучающихся о Тюмени и Тюменском крае. В 1896 г. подарил городу Тюмени коллекцию, приобретенную у И.Я. Словцова, добавив к ней богатую собственную коллекцию, тем самым положив начало городскому музею. Н.М. Чукмалдин стремился приобрести для Тюменского музея такие издания, которых не было даже в Императорской Петербургской библиотеке, поэтому вклад его в музейное дело неопределим, а экспонаты, собранные им, до сегодняшних дней самые интересные.

Отдельной строкой в дела благотворительности, меценатства и милосердия вписано имя тюменского купца А.И. Текутьева. В 1902 г. городской голова А.И. Текутьев выразил желание «принести пользу населению города <...> из заготовленного им на свой счет материала для постройки новой каменной больницы, здание это со всеми принадлежностями, как то: полами, потолками, переборками, крышей, дверями и окнами, без отделки, т.е. вчерне, построить своим счетом и предоставить в вечную собственность города» (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 531. Л. 24). Строительство больницы на 40 кроватей обошлось купцу больше, чем 45 тыс. руб. Текутьев предоставил в полное распоряжение города не только само здание, но и вспомогательные постройки (помещение для смотрителя больницы, помещение для фельдшеров, кухню, амбар, прачечную, две бани, ледник). С просьбой строительства хирургического корпуса и оснащения больницы рентгеновским аппаратом выступил медицинский персонал, и в частности старший врач городской больницы А.С. Владимиров, который также указал на недоступность лечения бедного сельского населения, на что А.И. Текутьев, откликающийся на добрые дела, в марте 1914 г. подал в городскую управу заявление, «<...> идя навстречу нуждам неимущего населения, а в данном случае желание облегчить и участь страдающих беднейших крестьян, не имеющих материальной возможности пользоваться в больнице оперативной помощью, я желаю выстроить <...> каменный хирургический барак и установить в нем Рентгеновские лучи, за свой счет» (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 547. Л. 55-55 об.).

За строительство городской больницы было решено ходатайствовать о присвоении А.И. Текутьеву «за многие его другие жертвы и личные труды на пользу города» звания почетного гражданина г. Тюмени. С этого периода А.И. Текутьев является пожизненным почетным попечителем больницы, которую «наименовать «Городской Текутьевской», а в самом здании ее поставить портрет

жертвователя» (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 533. Л. 87-88). Известен факт участия капиталов А.И. Текутьева в строительстве тюменского театра, где при нем работала библиотека им. Пушкина, приобретенная также на средства Текутьева. В 1794 г. в Тюмени на средства прихожан была построена каменная двухэтажная Спасская церковь с двумя престолами (ГАТО. Ф. И-109. Оп. 1. Д. 28. Л. 1). А.И. Текутьев в 1914 г. пожертвовал капитал на строительство пристроя каменного придела (ГАТО. Ф. И-109. Оп. 1. Д. 33. Л. 1). В настоящее время здание церкви причислено к памятникам федерального значения.

Феномен милосердия в России имеет глубокие исторические корни. По указу императора Петра I первые «Медицинские коллегии» появились в 1726 г., в которых работали первые штатные единицы женщин, ухаживающие за ранеными и больными. В Москве и Санкт-Петербурге на основе «вдовьих домов» организуются курсы обучения по уходу за ранеными. В годы Русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) 118 медсестер были на фронтах и работали в госпиталях. 75 сестер Красного Креста, среди которых были титулованные особы (например, баронесса Ю.П. Вревская) были направлены на фронт Русским обществом попечения о раненых и больных воинах (Иванова, 2003). Самоотверженный и героический труд шести медицинских сестер был отмечен медалями «За храбрость». Знаками отличия, которые были учреждены Обществом Красного Креста, были награждены все участницы событий. В период войны 1812 г. для оказания посильной помощи раненым в России появляется «патриотическое женское общество» (Жукова, 1996).

В Русско-японской войне 1904–1905 гг. российский Красный Крест снабжал армию перевязочными материалами и медицинским оборудованием. В этот период Российское общество Красного Креста было достаточно самостоятельным и сильным, поэтому оперативно организовало сеть полевых лазаретов и госпиталей на 35 тыс. коек. Анализируя документы, исследователи отмечали героизм сестер милосердия, которые за свой самоотверженный труд были награждены Георгиевскими медалями «За храбрость» (Иванова, 2003). Называют имена М. Вяземцевой (с 9 ноября 1904 года по 25 февраля 1905 года), работавшей в летучем отряде под Харбином, заслужившей шесть медалей, сестер милосердия Веры и Софы Лобко (с 19 февраля 1904 года по 16 апреля 1906 года), имевших по семь медалей каждая.

Бывший на этой войне известный врач Е.С. Боткин отмечал «доблестный труд краснокрестников» и выражал им «сердечную благодарность» (Жукова, 1996). В формировании санитарных отрядов участвовали женский комитет Красного Креста, возглавляемый княгиней Мещерской М.А.; частные лица, на средства которых создавались летучие лазареты (П.В. Родзянко); городские управы (Киевский отряд во главе с попечительницей Е.Н. Сухомлиной); госпитальный отряд Красного Креста (г. Вильна) (Иванова, 2003).

Сестры милосердия обучались сестринскому делу, осуществляя как медицинский уход, так и поддерживая боевой дух войск. Надо отметить присутствие в отрядах сестер милосердия и особ дворянского и княжеского происхождения. Примером могут служить императрица Александра Федоровна, княжны Ольга и Татьяна, которые были профессиональными сестрами милосердия. Царскосельский лазарет № 3, или Дворцовый госпиталь, где они работали, возглавляла Вера Игнатьевна Гедройц, первая женщина-военврач, имеющая степень доктора медицинских наук, княжна. Работая терпеливо и усердно, приобретая бесценный опыт по уходу за больными и ранеными Великая княгиня Ольга Александровна была удостоена двух Георгиевских медалей (Иванова, 2003).

За годы войны Наградная комиссия при Главном управлении РОКК, состоявшаяся в период с 5 января по 21 мая 1915 г., отмечала, что среди 347 награжденных знаками отличия РОКК 260 человек, а это 75 %, были медсестрами и врачами (Иванова, 2003).

Популярность и почетная миссия Российского общества Красного Креста привлекала в свои ряды новых участников, увеличивая количество медицинских учреждений. Так, на 1 июня 1916 г. РОКК насчитывало 118 медицинских учреждений, способных принять 26 тыс. раненых. В это время Красный Крест имел 59 подвижных лазаретов, полностью оснащенных медицинским оборудованием. Кроме того, насчитывалось 1 379 тыловых лазаретов подвижного типа, 11 санитарных поездов и т.д. (Морозов, 2019).

К 1867 г. в России было 19 губернских отделов Общества Красного Креста, насчитывающих более 4 тыс. входящих в него членов (Морозов, 2019).

Становление Тобольского ОКК шло достаточно сложно и продолжительно по времени, поскольку первоначально возникшее по указанию сверху в 1872 году, пройдя длительную переписку и согласования Городской управы, Общественного собрания и Городской думы, отделение быстро распалось (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1 Д. 517. Л. 1). Несколько позже в документах по истории Тюменского РОКК встречаются материалы по активному участию в 1883 г. супруги тюменского купца Ф.С. Колмогорова, П.Ф. Колмогоровой, которая, являясь членом местного отделения, была не только членом попечительского совета женской прогимназии, но и возглавляла Дамский комитет Общества попечения о раненых и больных (1877 г.), оказывая при этом посильную помощь пострадавшим от наводнения.

В 1883–1889 гг. Тюменское отделение РОКК после П.Ф. Колмогоровой возглавил П.И. Подаруев, к тому времени купец 1-й гильдии, Почетный гражданин, содержащий местную

богадельню и Никольскую церковь в родной деревне Перевалово. В состав местных отделений входили представители различных социальных групп и сословий. На начало Русско-японской войны губернское общество РОКК работало весьма активно. Так, «Тобольские губернские ведомости» регулярно отчитывались о своей деятельности, отмечая помощь военно-лечебным заведениям имуществом, продовольствием, питанием и др. В этот период активизируются Дамские комитеты, которые главной своей задачей видели сбор пожертвований и оказание необходимой медицинской помощи раненым воинам. Такой комитет, созданный в Тобольске в 1904 г., оказал довольно существенную помощь (114 357 руб.), направленную на формирование неприкосновенного запаса, который мог быть использован в крайней военной ситуации.

Движимые любовью к своему отечеству, большинство граждан по мере сил и возможностей оказывали посильную финансовую помощь, перечисляя ее через отделения РОКК. Примером может служить постановление членов Тюменской городской управы 22 февраля 1904 г., где «Тюменский городской голова А.И. Текутьев и все нижеподписавшиеся члены Городской Управы, движимые чувствами преданности и благоговения к возлюбленному Монарху нашему, <...> признали из получаемого нами содержания по службе жертвовать на нужды Красного Креста и нашего дорогого флота ежемесячно, каковую посильную лепту нашу просим отсылать по принадлежности без замедления по 6 %, начиная с настоящего февраля месяца, на все время войны с Японией...» (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 50. Л. 17).

Журнал Тюменской городской управы от 22 сентября 1904 г. также свидетельствует о пожертвованиях от имени города Тюмени на Красный Крест 2 тыс. руб., сооружение военного флота 2 тыс. руб. и пособие семьям нижних чинов 3 тыс. руб. Заемные средства взяты в Тюменском общественном банке из запасного городского капитала (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 50. Л. 17).

Созданный в этот период этапный (легучий) госпиталь, который возглавили губернатор Тобольской губернии А.П. Лаппо-Старженецкий, его супруга, являющаяся председателем Тобольской общины сестер милосердия М.Д. Лаппо-Старженецкая, был укомплектован с особенной тщательностью. Предметы кухонной утвари, медицинское оборудование и медикаменты, перевязочные материалы и белье – все приобреталось на средства РОКК Тобольской губернии. Кроме того, госпиталь был укомплектован теплыми юртами, которые, в отличие от дорогих холодных и сложных в установке палаток, способны были долгое время удерживать тепло и защищать от непогоды. Часть средств при этом была перечислена Харбинским управлением Главноуполномоченного РОКК – 17 тыс. руб., а часть – Тобольским управлением – 7,9 тыс. руб. (Морозов, 2019). В финансовых отчетах госпиталя упоминается о выделении в зимний период мундиров, папах, теплых полушубков, рукавиц, а всем выздоравливающим – комплектов белья, верхней одежды, обуви. По уровню обеспеченности положение раненых в госпиталях РОКК вообще, а Тобольского этапного госпиталя в частности, было значительно лучше госпиталей, принадлежавших военному ведомству (Морозов, 2019).

Надо отметить, что медицинский персонал, несмотря на молодой возраст (35–37 лет), также был укомплектован кадрами, имеющими практический опыт в местах военных действий. Местные врачи П.П. Успенский и Г.П. Шубский и 8 сестер милосердия (тоже из местного населения) были отправлены в Харбин. Увеличивая количество коек для раненых со 109 (1904 г.) до 222 (март 1905 г.), госпиталь решал возложенные на него задачи, а в сентябре 1905 г. по причине приближения линии фронта был расформирован и перенаправлен в г. Тобольск.

В 1906–1908 гг. во главе общества встал Н.Л. Гондатти, яркий и неординарный человек. В 1908–1912 гг. в Тобольском управлении было 18 членов, а председателем – Д.Ф. фон-Гагман (Морозов, 2019). Этот период связан с тяжелыми годами эпидемий и голода в Сибири, поэтому в задачи Тобольского отделения РОКК входило оказание помощи голодающим и больным.

Война 1914 г. вновь потребовала от российского народа духовных сил и тотальной мобилизации. Одновременно с началом войны в Тобольской губернии началось наводнение, которое значительно ухудшило и без того сложную обстановку. Работавшие в это время два отделения Красного Креста взяли на себя организацию помощи фронту и помощи пострадавшим от наводнения. За активную работу Тобольского управления Красного Креста в 1915 г. императором был награжден весь его состав (Морозов, 2019).

В годы войны ощущалась нехватка медицинских сестер, имевших специальное образование. Одним из отделений РОКК, занимающихся подготовкой сестер милосердия, стала Николаевская тобольская община, проявившая себя и в организации собственной больницы на 20 коек с водопроводом и отоплением (Морозов, 2019).

Непосредственно Тюменский комитет РОКК открылся 13 августа 1914 г. В этом же году был зарегистрирован Туринский РОКК. Структура и функции отделения носили традиционные виды деятельности. Ишимский местный комитет, открытый несколько раньше, в 1911 году, зарекомендовал себя как один из самых результативных и многообразных по видам деятельности и оказываемой помощи. Также наиболее действенными на территории Тобольской – Тюменской губернии были и Ялуторовский комитет, образованный 1 сентября 1914 г., Курганский местный комитет РОКК и Тарское уездное отделение, образованное в 1915 г.

Таким образом, Тобольская губерния была одной из самых активных провинций Российской империи по организации и деятельности местных комитетов Российского общества Красного Креста.

5. Заключение

Длинный и непростой путь прошло российское купечество. Именно в конце XIX – начале XX веков наблюдается самое большое количество благотворительных учреждений в России. Для сибирского купечества было нетипичным стремление к роскоши и «барству». При этом в особой чести были сословные ценности. Свою жизнь купцы тесно связывали с общественной деятельностью, что и определяло их участие в городской жизни.

Учитывая провинциальный статус Тюменской губернии, процесс благотворительности такого социального слоя, как купечество, проходил достаточно активно. Этому явлению способствовали общественное признание и поощрение органов власти, почет и статус благотворителя.

Тюмень известна целым рядом имен, чьи благие деяния увековечены в книгах и научных статьях, чьи имена хранят памятники и улицы города. Принимая участие в жизни города, в управлении им и судьбах людей, тюменские купцы внесли огромную лепту в развитие города, его хозяйства и экономики; оказали посильную помощь как в строительстве оздоровительных, духовных, культурных, образовательных учреждений, так и в деятельности общественных организаций.

Статус «удаленной губернии» от культурных и крупных социально-экономических объектов центральной России не стал препятствием для тюменских купцов к проявлению благотворительности, меценатства и милосердия, что проявлялось в их посильном финансовом участии в общественных мероприятиях и активной деятельности в рамках Общества Красного Креста.

Литература

Бочанова и др., 2000 – Бочанова Г.А., Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск: Издательство СО РАН, филиал «Гео», 2000. 212 с.

Вычугжанин, Еманов, 2011 – Вычугжанин А., Еманов А. Чукмалдин. Тюмень: ИД «Титул», 2011. 400 с.

Власов, 2009 – Власов П.В. Купеческая благотворительность / История социальной работы в России: Хрестоматия. М.: Флинта: МПСИ, 2009. С. 425-434.

ГАТО – Государственный архив Тюменской области.

Гуркина, 2016 – Гуркина Н.К. Благотворительность и меценатство в российской провинции на рубеже XIX–XX в. // *Управленческое консультирование*. № 11. 2016. С. 111-119.

Жукова, 1996 – Жукова Ю.В. Первая женская организация в России. (Женское Патриотическое общество в Петербурге в период 1812–1826 гг.) // *Все люди сестры*. 1996. № 5. С. 38-56.

Иванова, 2003 – Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 272 с. С. 105-125.

Иваненко, 2004 – Иваненко А.С. Четыре века Тюмени. Очерки живой истории старинного сибирского города. Тюмень: Издательство «Радуга – Т», 2004. 367 с.

Копылов, 2002 – Копылов В.У. Окрик памяти. История Тюменского края глазами инженера: В 3 книгах. Книга третья. Тюмень: ИФ «Слово», 2002. 368 с.

Кубочкин, 2017 – Кубочкин С.Н. Текутьев. Жизнь под шум скандалов. Тюмень: ОАО «Тюменский дом печати», 2017. 304 с.

Кубочкин, 2017 – Кубочкин С.Н. Тычковка, Сараи, Потаскуй...: Из истории тюменских окраин XIX – начала XX вв. Тюмень: Издательство Юрия Мандрики, 2002. 296 с.

Курмачев, 2002 – Курмачев В.А. Призрение сирот под покровом храма Симеона Богоприимца в Тюмени (1880–2002 гг.) / Отв. ред. А.В. Чернышов. Тюмень: МИ «РУТРА», 2002.

Морозов, 2019 – Морозов М.В. Ленга истории Российского Красного Креста в Тюменской области. Фонд президентских грантов, Тюменское региональное отделение общероссийского общества организации «Российский Красный Крест». Тюмень: [б.и.], 2019. 192 с.

Мешалкин, Одинцова, 2001 – Мешалкин П.И., Одинцова М.Н. Предпринимательство и меценатство. Предпринимательство в Сибири: Учеб. пособие. Красноярск: СибГТУ, 2001. 91 с.

Перхавко, 2008 – Перхавко В.Б. История русского купечества. М.: Вече, 2008. 512 с.

Погребняк, 2002 – Погребняк А.И. Купцы-предприниматели Енисейской губернии: Учеб. пособие. Красноярск: КГТЭИ, 2002. 368 с.

Словцовские чтения – 99 – Словцовские чтения – 99: Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции // Под ред. Н.В. Яблонской. Тюмень, 1999. 342 с.

Стрельникова, 2011 – Стрельникова Е.В. Политический Красный Крест в Российской империи и за рубежом (1906–1914) // *Вестник ПСТГУ*. Вып. II. 2011. №1 (38). С. 89. С. 59-68.

Стог, 1818–1831 – Стог А.Д. (1778-1837). Об общественном призрении в России. Санкт-Петербург: издано при М-ве полиции, 1818–1831. С. 25-28.

Типикина, 2002 – *Типикина Л.А.* Тюменские I гильдии купеческие дети Колокольниковы / Отв. ред. В.П. Петрова. Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 2001. Тюмень, 2002. С. 174-176.

Типикина, 2007 – *Типикина Л.* Тюменские известия. № 91 (4351). 24.05.2007. Тюменская ветвь рода Иконниковых.

Тишкина, 2017 – *Тишкина К.А.* Восстановление деятельности благотворительных организаций на территории Западной Сибири в 1918–1919 годах. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vosstanovlenie-deyatelnosti-blagotvoritelnyh-organizatsiy-na-territorii-zapadnoy-sibiri-v-1918-1919-gg>

References

Bochanova, 2000 – *Bochanova, G.A.* (2000). Oчерки istorii blagotvoritelnosti v Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Essays on the history of philanthropy in Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries]. Novosibirsk: Publishing house of the SB RAS, branch "Geo", 212 p. [in Russian]

GATO – Gosudarstvennii arhiv Tyumenskoi oblasti [State archive of the Tyumen region].

Gurkina, 2016 – *Gurkina, N.K.* (2016). Blagotvoritelnost i mecenatstvo v rossiiskoi provincii na rubeje XIX – XX v. [Charity and patronage in the Russian province at the turn of the 19th and 20th centuries]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 11: 111-119. [in Russian]

Ivanenko, 2004 – *Ivanenko, A.S.* (2004). Chetire veka Tyumeni. Oчерki jivoi istorii starinnogo sibirskogo goroda [Four centuries of Tyumen. Essays on the living history of the ancient Siberian city]. Tyumen': Izdatel'stvo «Raduga – T», 367 p. [in Russian]

Ivanova, 2003 – *Ivanova, Yu.N.* (2003). Hrabreishie iz prekrasnih – Jenschini Rossii v voinah [The Bravest of the Beautiful: The Women of Russia in Wars]. M.: "Russian political encyclopedia" (ROSSPEN), 272 p. Pp. 105-125. [in Russian]

Jukova, 1996 – *Jukova, Yu.V.* (1996). Pervaya jenskaya organizaciya v Rossii. Jenskoe Patrioticheskoe obschestvo v Peterburge v period 1812–1826 gg. [The first women's organization in Russia. (Women's Patriotic Society in St. Petersburg in the period 1812-1826)]. *Vse lyudi sestry*. 5: 38-56. [in Russian]

Kopilov, 2002 – *Kopilov, V.U.* (2002). Okrik pamyati. Istoriya Tyumenskogo kraja glazami inzhenera v 3 knigah [Cry of memory. The history of the Tyumen region through the eyes of an engineer: in 3 books. Book three]. Tyumen: IF "Slovo", 368 p. [in Russian]

Kubochkin, 2017 – *Kubochkin, S.N.* (2017). Tekutev. Jizn pod shum skandalov [Tekutyev. Life under the noise of scandals]. Tyumen': Izdatel'stvo Yuriya Mandriki, 304 p. [in Russian]

Kubochkin, 2017 – *Kubochkin, S.N.* (2017). Tichkovka, Sarai, Potaskui...Iz istorii Tyumenskih okrain XIX – nachala XX v.v. [Tychkovka, Sarai, Potaskuy ...: From the history of the Tyumen suburbs of the 19th – early 20th centuries]. Tyumen': OAO «Tyumenskii dom pechati», 296 p. [in Russian]

Kurmachev, 2002 – *Kurmachev, V.A.* (2002). Prizrenie sirot pod pokrovom hrama Simeona Bogopriimca v Tyumeni (1880–2002 gg.) [The charity of orphans under the cover of the temple of Simeon the God-receiver in Tyumen (1880-2002)]. Otv. red. A.V. Chernyshov. Tyumen: MI "RUTRA". [in Russian]

Meshalkin, 2001 – *Meshalkin, P.I.* (2001). Predprinimatelstvo i mecenatstvo. Predprinimatelstvo v Sibiri: ucheb. [Entrepreneurship and patronage. Entrepreneurship in Siberia: a textbook]. Krasnoyarsk: SibSTU, 91 p. [in Russian]

Morozov, 2019 – *Morozov, M.V.* (2019). Lenta istorii Rossiiskogo Krasnogo Kresta v Tyumenskoi oblasti. Fond prezidentskih grantov, Tyumenskoe regionalnoe otdelenie obscherossiiskogo obschestva organizacii «Rossiiskii Krasnii Krest» [Tape of the history of the Russian Red Cross in the Tyumen region. Presidential Grants Fund, Tyumen Regional Branch of the All-Russian Society of the Russian Red Cross]. Tyumen: [b.i.]. 192 p. [in Russian]

Perhavko, 2008 – *Perhavko, V.B.* (2008). Istoriya russkogo kupechestva [History of the Russian merchants]. Moscow: Veche. 512 p. [in Russian]

Pogrebnyak, 2002 – *Pogrebnyak, A.I.* (2002). Kupci – predprinimateli Eniseiskoi gubernii: ucheb. posobie [Merchants-entrepreneurs of the Yenisei province: a textbook]. Krasnoyarsk: KGTEI, 368 p. [in Russian]

Slovcovskie chteniya – 99 – Slovcovskie chteniya – 99: Tezisi dokladov i soobschenii nauchno-prakticheskoi konferencii [Abstracts of reports and messages of the scientific-practical conference]. Ed. N.V. Yablonskaya. Tyumen, 1999. 342 p. [in Russian]

Stog, 1818 – *Stog, A.D.* (1778–1837). O obschestvennom prizrenii v Rossii [On public charity in Russia]. Sankt-Peterburg: izdano pri M-ve politsii. Pp. 25-28. [in Russian]

Strelnikova, 2011 – *Strelnikova, E.V.* (2011). Politicheskii Krasnii Krest v Rossiiskoi imperii i za rubejom (1906–1914) [Political Red Cross in the Russian Empire and abroad (1906–1914)]. *Vestnik PSTGU*. Issue II. 1(38): 89; 59-68. [in Russian]

Tipikina, 2002 – *Tipikina, L.A.* (2002). Tyumenskije I gildii kupcheskie deti Kolokolnikov [Tyumen I guild merchant children Kolokolnikovs]. Otv. ed. V.P. Petrov. Yearbook of the Tyumen Regional Museum of Local Lore: Tyumen. Pp. 174-176. [in Russian]

Tipikina, 2007 – *Tipikina, L.* (2007). Tyumenskie izvestiya. № 91 (4351), 24.05.2007. Tyumenskaya vetv roda Ikonnikovih [Tyumen news. No. 91 (4351) 24.05.2007. Tyumen branch of the Ikonnikov family]. [in Russian]

Tishkina, 2017 – *Tishkina, K.A.* (2017). Vosstanovlenie deyatel'nosti blagotvoritel'nykh organizatsiy na territorii Zapadnoi Sibiri v 1918 - 1919 godakh» [Restoring the activities of charitable organizations in Western Siberia in 1918-1919.] [Electronic resource]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vosstanovlenie-deyatelnosti-blagotvoritelnykh-organizatsiy-na-territorii-zapadnoy-sibiri-v-1918-1919-gg> [in Russian]

Vichugjanin, Emanov, 2011 – *Vichugjanin, A., Emanov, A.* (2011). Chukmaldin [Chukmaldin]. Tyumen': ID «Titul». 400 p. [in Russian]

Vlasov, 2009 – *Vlasov, P.V.* (2009). Kupecheskaya blagotvoritelnost'. Istoriya socialnoi raboti v Rossii, hrestomatiya [Merchant charity. History of social work in Russia: an anthology]. M.: Flinta: MPSI. Pp. 425-434. [in Russian]

Благотворительность и меценатство в Российской провинции (на примере Тюменской губернии конца XIX – начала XX веков)

Вера Павловна Богданова ^{a, *}, Ольга Ивановна Голованова ^a

^aТюменский индустриальный университет, Российская Федерация

Аннотация. Традиции благотворительности на Руси уходят своими корнями в глубокое прошлое, к благим деяниям Русской православной церкви и древних русских князей. Со времен Святого Владимира, который в истории значится как первый христианский князь, чья забота о немущих и мягкость «выходила даже за пределы государственной пользы», берут начало традиции благотворительности и меценатства на Руси. Заложенные в ментальности русского человека традиции сострадания не являются врожденными, они зарождаются в таком социуме, который развивается в атмосфере добра, преданности идеалам христианства. Современное российское общество переживает сегодня очень непростой период своего развития. Исследователи социальных процессов констатируют девальвацию ценностей старшего поколения, которая ведет к духовной дезориентации общества и его духовному обнищанию.

Принятие российским обществом западной модели ценностей привело к разрушению основ морально-нравственных норм, одобряемых и исторически принятых в России, таких как доброта, духовность, милосердие, сострадание. Возвращение к истокам российской духовности через поддерживаемую и поощряемую государством и обществом гуманную общественную деятельность, есть одна из основных задач возрождения духовности в нашей стране.

Ключевые слова: милосердие, меценатство, духовность, нравственность, ценности, благотворительность, культурные ценности, Общество Красного Креста, Государственная Дума, Городская дума, архив.

* Корреспондирующий автор

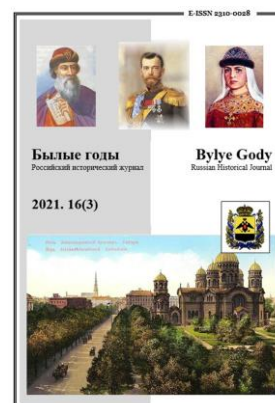
Адреса электронной почты: vera.bogdanova.55@bk.ru (В.П. Богданова); golovanova.o@list.ru (О.И. Голованова)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1454-1462
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1454
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



Fairs and Bazaars in the Kazan Province (based on Materials from the Newspaper “Kazanskie Gubernskie Vedomosti”)

Elena G. Guschina ^{a, *}, Tatiana T. Titova ^a, Adelia I. Khairullina ^a, Elena V. Frolova ^a

^a Kazan (Volga region) Federal University, Russian Federation

Abstract

The authors investigate the fairs and bazaars of the Kazan province of the second half of the 19th century in this article which is based on the analysis of the materials of the newspaper "Kazanskie Gubernskie Vedomosti." Their investigation considers the development of fairs and market trades. In addition to that, they identify the features of the location as well as the functioning of fairs and bazaars. The authors analyze their role as a center of social interaction of different categories residents of the province.

The authors concluded that bazaars and fairs had different forms of holding (duration, scale, goods, timing and infrastructure) and were oriented towards different consumers. The bazaars were held weekly and played an important role for the local community, while the fairs were held once a year and were focused on large scale trade and a greater number of visitors, which included other regions. In contrast with the bazaars, the fairs played a more important role in public life in the form of special cultural centers. These venues encouraged interaction of different participating social groups. Fairs and bazaars were perceived by the majority of visitors as a holiday and a desirable form of recreation, which was facilitated by the infrastructure and cultural and entertainment program of these sites.

Keywords: fair, bazaar, Kazan province, ethnography, bargaining, economics, holiday, social interaction, trade.

1. Введение

Казанская губерния состояла из двенадцати уездов: на севере – Козьмодемьянский и Царевококшайский, на юге – Спасский и Чистопольский, на северо-востоке и востоке – Казанский и Мамадышский, на западе – Ядринский, Тетюшский и Цивильский; центральное положение (граничили только с уездами Казанской губернии) занимали Чебоксарский, Свияжский и Лаишевский уезды. Во всех уездах было по одному уездному городу, кроме Казанского, в котором был и заштатный город Арск. Городское население было немногочисленным и, по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., составило 8,5 %. Казанская губерния была полиэтничным регионом: преобладающим было русское население (38,4 %), татары по численности населения занимали второе место (31,1 %), на третьем месте были чуваша (23,1 %). Финно-угорские народы Казанской губернии составляли в совокупности 7,1 % (марийцы – 5,7 %, мордва – 1 %, удмурты – 0,4 %). При этом представители разных этнических групп в пределах Казанской губернии расселялись неравномерно. Например, марийцы составляли половину населения Царевококшайского уезда (54,7 %) и в Козьмодемьянском уезде их был значительный процент (36,4 %). При этом во всех остальных уездах Казанской губернии марийское население переписью не отмечено. Больше всего татар жило в Мамадышском, Тетюшском, Лаишевском и Казанском уездах; совсем не зафиксировано их в Козьмодемьянском и Ядринском уездах. Большую часть Ядринского уезда составляли чуваша (90,9 %); численно преобладали они и в Цивильском, Чебоксарском (66,6 %) и Козьмодемьянском

* Corresponding author

E-mail addresses: egguschina@mail.ru (E.G. Guschina)

(47,3 %) уездах. В Мамадышском и Казанском уезде чувашей не было зафиксировано совсем. Численность мордовского населения Казанской губернии была мала. Мордва проживала в Свияжском (4,1 %), Тетюшском (2,7 %) и Спасском (1 %) уездах. Совсем небольшую долю населения губернии составляли удмурты, которые проживали только в Мамадышском и Казанском уездах. Русское население проживало во всех уездах, но в западных (Ядринском, Цивильском) оно было в небольшом количестве. Прочее население (немцы, поляки, евреи и другие) проживали в основном в городах и составляли 0,4 % от городского населения (*Первая..., 1879*).

Казанская губерния имела удобное расположение по отношению к гидрографической сети: практически по диагонали река Волга пересекала губернию, омывая семь уездов. Полноводнее Волги была река Кама, которая служила важной дорожной «магистралью». Северные притоки Волги (Ветлуга, Илеть, Кокшага, Рутка) имели большое значение для сплава леса. Реки Казанской губернии служили относительно дешевыми транспортными путями, связывающими край со многими регионами Российской империи. Наличие обширных водных путей по Волге и Каме способствовало широкому развитию ярмарочной торговли в XIX в.

В условиях натурального хозяйства наиболее рациональной формой организации обмена могла быть только временная и периодическая торговля, т.е. реализуемая посредством проведения ярмарок и базаров. Большая часть торговой деятельности была сосредоточена в Казани: это был губернский город с хорошим географическим положением и наличием двух судоходных рек; здесь была сосредоточена основная фабричная, заводская и ремесленная промышленность губернии. За исключением Чистополя, Мамадыша и Чебоксар, как отмечает автор заметки о ярмарках Казанской губернии в 1862 г., торговая деятельность других городов была весьма незначительна и преимущественно сосредоточена именно на ярмарках и базарах. Во второй половине XIX в. в Казанской губернии наблюдался рост как количества ярмарок и базаров, так и увеличение оборота на них. Если в 1848 г. в губернии проходили 22 ярмарки с привозом товара на сумму 136 391 руб., то уже через полвека их насчитывалось 73 с привозом товара на сумму 7 482 598 руб. Таким образом, более чем в три раза произошел рост числа ярмарок, а оборота на них – почти в 55 раз. Вместе с тем следует отметить, что многие авторы заметок о ярмарках неоднократно подчеркивали, что «ярмарки и базары губернии весьма незначительны». И если сравнивать данные, отчетливо видно, что количество привоза превышает количество продажи: в 1854 г. привоз – 230 094 руб., продажа – на 178 000 руб.; в 1961 г. – 647 353 руб. и 242 634 руб. соответственно; в 1897 г. – 7 482 598 руб. и 2 843 078 руб. соответственно (*Ярмарки..., 1862*).

Целью нашей работы является исследование ярмарок и базаров как специфических торговых центров и центров социально-культурного взаимодействия в полиэтничном регионе на основе анализа релевантных материалов газеты «Казанские губернские ведомости». Авторы статьи вводят в научный оборот ряд ранее не опубликованных материалов.

2. Материалы и методы

В качестве основных источников для написания статьи выступили материалы газеты «Казанские губернские ведомости». Следует отметить, что данное периодическое издание было не первым, но оно выходило дольше всех своих «предшественников». Первую российскую провинциальную газету «Казанские известия» выпускал в 1811–1820 гг. специальный издательский комитет Императорского Казанского университета. Впоследствии это издание трансформировалось в первый на территории Среднего Поволжья журнал «Казанский вестник» (в 1821–1833 гг. выходил ежемесячно) (*Казанская..., 2018: 4-6*). С 1832 г. последовательно стали выходить первый в истории губернии частный журнал «Заволжский муравейник» (выходил в 1832–1834 гг.), а с 1834 г. – научный журнал «Ученые записки Казанского университета» (издавал Казанский университет, целевая аудитория – университетская/академическая корпорация). После закрытия «Заволжского муравейника» в 1834 г. и до начала выпуска «Казанских губернских ведомостей» несколько лет в Казани не было газеты или журнала, рассчитанных на массовую продажу. В обзоре казанской периодической печати за сто лет (с 1811 по 1911 гг.) отмечается, что «с 1838 года стали издаваться скучные, сухие «Губернские ведомости», которые одни в течение многих лет призваны были удовлетворять духовный голод казанской интеллигенции» (*Петровский, 1911: 223*).

Газета «Казанские губернские ведомости» издавалась на протяжении действительно длительного периода – с 1838 по 1917 гг. – и являлась печатным органом Казанского губернского правления. Это была официальная местная правительственная газета, что и обуславливало ее направленность – освещение прежде всего вопросов общественно-политического и экономического характера. «Казанские губернские ведомости» были одним из крупнейших периодических изданий на территории Среднего Поволжья (до 1867 г. газета издавалась еженедельно в каждую субботу, затем стала выходить два раза в неделю – по средам и субботам; в период 1884–1908 гг. – три раза в неделю, а затем снова только два). Состояло издание из двух частей – официальной (печатались правительственные указы и распоряжения, информация о назначении на должности и розыске отдельных лиц, объявления и т.п.) и неофициальной, которая включала нескольких подразделов (местный и юридический отдел, внутренние и заграничные известия), и именно там часто

публиковали материалы по этнографии, археологии, истории, а также отрывки из новых литературных произведений и короткие рассказы.

Тематика статей зависела от изменений в политико-общественной жизни России, от уровня цензуры и надзора со стороны местной администрации. Все общественно-политические материалы печатались только согласованно с официальными источниками. Со второй половины XIX в. в «Казанских губернских ведомостях» в неофициальной части появляются публикации, в которых освещаются вопросы ярмарочной и базарной торговли. Данные материалы выпускались не систематически, разнились по объему и содержанию. Некоторые очерки представляли собой описание конкретных ярмарок (*Корреспонденция...*, 1875), другие – содержали обобщенные сведения о ярмарочной торговле в Казанской губернии в целом (*Ярмарки...*, 1862). В официальной части также периодически публиковались объявления о начале работы отдельных ярмарок. Например, в газете от 22 января 1865 г. в разделе «Объявления» приведена информация об открытии одного базара и трех ярмарок в Спасском и Цивильском уездах (*Объявления*, 1865). Часть заметок имела авторов: это представители профильных статистических учреждений губернии (например, корреспондент казанского статистического комитета С. Михайлов), ученые и общественные деятели (например, В. Магницкий – этнограф, историк) или администрации (например, А. Понамарев – городской голова Цивильска). Другая часть – была анонимной и принадлежала чаще всего корреспондентам газеты из числа местной интеллигенции.

Методологической основой работы стал принцип историзма, позволивший провести реконструкцию истории развития ярмарок и базаров в Казанской губернии как торговых центров и центров общественного быта в контексте социально-политических процессов в России в конце XIX – начале XX вв. В ходе работы нами были использованы общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения. Проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы были применены при рассмотрении особенностей функционирования разных ярмарок в хронологической последовательности. Применение комплекса вышеназванных методов позволяет реконструировать процесс функционирования ярмарок Казанской губернии, выявить сезонность их проведения, особенности товарооборота и функционирования ярмарок и базаров как центра общения разных социальных групп.

3. Обсуждение

Междисциплинарность и специфика темы нашли свое отражение в работах историков, этнологов и экономистов и могут быть условно объединены в несколько тематических групп. Во-первых, это работы, в которых раскрывается история дореволюционной казанской периодической печати, в том числе анализируется как исторический источник газета «Казанские губернские ведомости». Следует выделить одну из первых работ по данной теме – статью «По поводу столетия Казанской периодической печати», автором которой значится Н.М. Петровский (*Петровский*, 1911). В действительности он является лишь «составителем», т.к. эта работа является перепечаткой второй части статьи Е.И. Шамурина «За сто лет: (Юбилейная историческая справка)», опубликованной в газете «Камско-Волжская речь», и полного текста объявления об издании «Казанских известий». Статья представляет собой перечень казанских газет и журналов с их краткой характеристикой.

Подробное описание газет и журналов, выходящих в Казани в 1811–1917 гг., а также сведения о научной литературе, относящейся к этим изданиям, отражены в библиографических указателях «Казанская периодическая печать (русские издания), 1811–1916» (*Казанская...*, 1985) и «Казанская периодическая печать XIX – начала XX века» (*Казанская...*, 1991). Непосредственному анализу «Казанских губернских ведомостей» как исторического источника по вопросам развития науки посвящена работа Л.Ф. Байбулатовой (*Байбулатова*, 2011). Применяв случайную выборку, она проанализировала ряд номеров газеты и пришла к выводу, что материалы «Казанских губернских ведомостей» были направлены в том числе и на распространение научных знаний, которые могут быть применены в практической деятельности. Также исследователь отмечает, что, несмотря на официальный характер газеты, авторы материалов «Казанских губернских ведомостей» иногда высказывали свою точку зрения на события, происходящие в мире казанской науки, но в положительном ключе и без конструктивной критики.

Вторую группу работ составляют материалы этнографов, которые рассматривают общественные отношения и развитие крестьянских ремесел и промыслов в Среднем Поволжье. Например, Е.П. Бусыгин, анализируя развитие промыслов отмечает, что продукция русских кустарей во второй половине XIX – начале XX вв. сбывалась на многочисленных ярмарках и базарах (*Бусыгин*, 2013). Причем некоторые товары (например, сплетенная из лозы посуда) удовлетворяли главным образом потребности местного населения, а другие (например, холсты) – уходили далеко за пределы своей округи. Он отмечает, что существование в Среднем Поволжье большого числа кустарей-одиночек было обусловлено слаборазвитой промышленностью и наличием мелкого единоличного крестьянского хозяйства. Такие кустари, как правило, работали у себя дома и сбывали продукцию на ближайших базарах и ярмарках (*Бусыгин*, 2013: 251). Анализа базаров и ярмарок Среднего Поволжья и их роли в крестьянской жизни в работе Е.П. Бусыгина мы не встречаем, т.к. автор не ставил такой

цели в своем исследовании. И в более поздних его работах мы находим только упоминание ярмарок как важного места общественной деревенской жизни: касаясь темы престольных праздников, он отмечает, что в крупных русских селах устраивали базары и ярмарки, куда съезжались представители разных национальностей из близлежащих и весьма отдаленных деревень (Бусыгин и др., 2013).

Третью группу составляют работы, в которых анализируются экономические особенности внешней и внутренней торговли в Среднем Поволжье и приводится характеристика ярмарок Казанской губернии. Особо следует выделить статью М.З. Гибадуллина «Трансформация института ярмарочной торговли в эпоху утверждения капитализма в России (на материалах Казанской губернии)», в которой показана структура и динамика проведения ярмарок, их географическое и сезонное распределение, товарооборот и т.п. (Гибадуллин, 2008). Также следует обозначить работы В.В. Ермакова, в которых автор рассматривает экономические особенности функционирования отдельных ярмарок – так называемой «Караванной», которая проводилась с XVIII в. в г. Лаишеве Казанской губернии (Ермаков, 2009) и Мензелинской Уфимской губернии (Ермаков, 2010).

Таким образом, в литературе освещались отдельные экономические вопросы, связанные с функционированием ярмарок в Казанской губернии, но до сих пор ярмарки и базары Казанской губернии не рассматривались комплексно с акцентом на их общественной роли как особого места коммуникации представителей разных социальных групп.

4. Результаты

Ярмарки и базары отличались временем проведения, объемом реализуемой продукции и спецификой товаров. Ярмарки – это организуемый с определенной периодичностью в определенном месте торг, рынок. На ярмарки привозили как местные товары, так и товары из других районов страны, и, как правило, велась оптовая торговля. Базар – однодневный, еженедельный рынок, на котором обычно торговали местными изделиями в розницу.

Ярмарки проводились и в городах, и сельских поселениях, причем именно в сельской местности наблюдался существенный рост количества ярмарок. Если в 1861 г. функционировало 10 ярмарок в городе и 23 в сельских населенных пунктах, то в 1914 г. – 15 и 88 соответственно (Ярмарки..., 1862). Проанализировав данные за 1861 г., можно отметить, что большее количество ярмарок в 1861 г. проходило в Лаишевском и Чистопольском уездах – 9 и 6 соответственно. Это можно объяснить двумя факторами. Во-первых, Чистопольский и Лаишевский уезды были довольно большими по площади и имели самую высокую плотность населения. Во-вторых, данные уезды граничили друг с другом и имели удобное для развития торговли экономико-географическое положение (в том числе и наличие рек).

В дореволюционной России чаще всего ярмарки приурочивались к церковным праздникам, что видно из названий (например, Троицкая, Казанская, Никольская). Возникновение большого количества ярмарок и базаров в сельской местности было связано с престольными праздниками, на которые приходило значительное количество народа из соседних деревень и других, даже отдаленных, территорий. Дни престольных праздников были хорошо известны как местному населению, так и ярмарочным торговцам, для которых они являлись своеобразным «календарем». Описывая Беловолжскую ярмарку Чебоксарского уезда, В. Магницкий отмечал, что она возникла именно благодаря престольному приходскому празднику и тому, что на него «стекался» народ утром поклониться «местной святыне, а затем для пиршества» (Корреспонденция, 1873).

Если рассматривать сезонность ярмарок, то отчетливо видно, что больше всего их проходило летом и осенью. Это можно объяснить природно-климатическими условиями, особенностями хозяйственной и культурной жизни региона (созревал урожай, заканчивались работы, не было поста). Следует также отметить, что количество народа, приезжавшего на ярмарку, зависело и от погодных условий: хорошая погода гарантировала большее количество посетителей. Цены на товары во многом зависели от урожая и поведения скупщиков-«монополистов». Например, член-корреспондент казанского статистического комитета С. Михайлов в заметке о ярмарках в Козьмодемьянском уезде отмечал, что в 1856 г. цены «почти вдвое дороже противу прошлых лет». Причиной такой ситуации он называл «скудный урожай хлеба и падеж скота», а также человеческие нравственные качества торговцев – «барышничество, стачку и монополию» (автор привел несколько примеров, как товары скупались «богатым капиталистом» по низкой цене у приезжих из другого уезда или губернии крестьян и потом продавались в два–три раза дороже горожанам) (О ярмарках..., 1857).

Продолжительность ярмарок по времени была разной и регламентировалась в зависимости от разряда. Так, ярмарки 1–3 разряда являлись всероссийскими, разрешение на их организацию выдавали Министерство внутренних дел и Министерство финансов. Длились такие ярмарки более двух недель. Губернским ярмаркам присваивался 4-й разряд и продолжались они от 8 до 14 дней. Ярмарки 5-го разряда длились не более 3 дней (Гибадуллин, 2008: 75). Большинство ярмарок 5-го разряда представляли собой торги, мало чем отличавшиеся от больших базаров.

Для крестьян базары играли более важную роль, чем ярмарки: именно на базарах можно было, с одной стороны, регулярно и комфортно сбывать свой товар, а с другой – легко и дешево покупать. Плюсом была и близость базаров, т.к. в каждом уезде их было 8–20, в зависимости от площади уезда

и количества проживающего в нем населения. Если рассматривать сезонные особенности базаров, то можно отметить, что устраиваемые зимой перед Рождеством и Масленицей базары были более многолюдными и с более высокими оборотами товаров, т.к. многие крестьяне заготавливали запасы к праздникам. Из продуктов зимой продавали мед, масло, сало, рыбу и мясо, а также шкуры и кожи. С февраля уменьшался привоз этих товаров и начинали продавать деготь, смолу, деревянные изделия, а также серпы, косы и т.п. Часто за базарами закреплялась и «специализация», где главную роль в товарообороте играл какой-то определенный товар. Например, в Чистопольском и Казанском уездах были хлебные базары. В городах Казань и Арск, а также в селах Кукмор Мамадышского уезда и Тюлячи Лаишевского уезда устраивали крупные базары по продажам кожи (Ярмарки..., 1862: 278-279).

По реализуемым на продажу товарам базары Казанской губернии различались в зависимости от региона и специализации его хозяйства, а также от этнического состава населенных пунктов, где они проходили. Так, в северной части губернии в основном торговали «лесными изделиями», а в южной – хлебом (Ярмарки..., 1862: 278). В каждом уезде базары проходили в разных населенных пунктах в разные дни недели, а в уездном городе, как правило, и пару раз в неделю. Например, в Царевококшайском уезде проходили девять базаров: по воскресеньям их устраивали в самом Царевококшайске, в с. Ронга и с. Воскресенском; по средам – в д. Служилая Ура; по четвергам – в с. Арино; по пятницам – в г. Царевококшайске, с. Морки и с. Сатнурах; в субботу – в д. Большой Акашеной (Ярмарки..., 1862: 279). Следует отметить, что, как пишет безымянный автор обзора ярмарочной и базарной торговли в Казанской губернии, базары в самом Царевококшайске имели этническую специфику. По воскресеньям проходил большой «русский» базар, на котором подавали продукты питания, ткани, табак. По пятницам – «марийский» базар, который был меньше по количеству торговых лавок и на котором продавали в основном украшения (раковины каури, кольца, серьги) и элементы костюма (например, пояса) (Ярмарки..., 1862: 279). Этническая специфика каждого уезда отражалась и в организации базаров. Например, в Цивильском, Чебоксарском и Спасском уездах, где проживало много чувашей, естественно, больше проводилось именно «чувашских» базаров. На ярмарках этническую специфику имел и реализуемый народами Поволжья товар. Например, на Беловолжской ярмарке марийцы часто торговали лесными продуктами (лыком, березовыми вениками), татары – тканями, «мелочным и мускательным» товаром, посудой, а русские – всем остальным (Корреспонденция, 1873).

Этническая специфика местности влияла также и на дни проведения базаров: у татар, чувашей и марийцев праздничным днем была пятница; у русских – воскресенье (Воздвиженская, 1865). Поскольку русское население проживало практически во всех уездах Казанской губернии, как правило, самые большие базары устраивались именно по воскресеньям. На воскресные базары стекалось большее количество народа, свободного от работы в этот день. Такие базары были в большей степени «базарами гулящими»: на них приходили не столько за покупками, сколько весело провести время в выходной день. Самыми богатыми и многолюдными, как и ярмарки, были базары перед большими православными и народными праздниками (на Троицу, Вознесенье, перед Рождеством и Масленицей и т.п.).

И ярмарки, и базары были не только и не столько местом торговли для большинства посетителей, сколько местом досуга, развлечения и установки новых социальных контактов. Ярмарочная торговля, проходившая в городах и крупных селах, сопровождалась разными культурно-досуговыми мероприятиями (представления, цирк, панорамы, балаганы, карусели и т.п.). Во время ярмарок хозяева гостиниц и чайных приглашали недорогих столичных артистов и музыкантов, чтобы завлекать и развлекать посетителей. Именно на ярмарках и крупных базарах народы Поволжья часто присматривали себе супружескую пару и, как отмечают некоторые корреспонденты, даже процветала кража невест, справляли некоторые свадьбы. Как правило, на ярмарку приходили в праздничных нарядах, что подчеркивает статус мероприятия как особо значимого для крестьян (Михайлов, 2004: 173).

Как мы уже отмечали, чаще всего ярмарки устраивались в дни престольных праздников, когда с утра совершались молебны в домах сельчан или особых местах, а затем служилась обедня в храме, к которой приходили богомольцы. Вся инфраструктура места проведения ярмарки была связана между собой, и все вовлеченные в торговлю люди стремились получить максимальную выгоду. Показателен пример ярмарки в селе Беловолжском Чебоксарского уезда, которая устраивалась 8 июля в день иконы Казанской Божьей Матери. «Кабатчики» (хозяева кабаков) этого села несколько лет ратовали за более раннее окончание обедни – не, как это было заведено, в 11 часов, а в 10. Все дело в том, что до окончания обедни воспрещалось торговать спиртными напитками, но сама ярмарка уже к 11 часам начинала «сворачиваться», а к 14 часам торговцы уже совсем убрали товар и ярмарка завершала свою работу. Кабатчики продавали меньше продукции, чем могли бы. И после неоднократных просьб и выступлений в 1874 г. обедню закончили раньше. Несмотря на радость кабатчиков, многие сельчане и гости были недовольны таким решением, в частности богомольцы, которые пришли к храму только к 11 часам и уже к «закрытым дверям». Для церковного старосты и членов приходского попечительства это также имело негативные последствия, т.к. они не собрали того количества денег, на которые рассчитывали (по сравнению с прошлыми годами). Корреспондент газеты отмечал, что по церкви «в кружку» члены приходского попечительства собрали в три раза

меньше, а «церковный староста в нынешнем году недovyручил на свечах против прошлого года рублей трех» (Корреспонденция, 1874).

Ярмарки, сопровождавшиеся увеселительными мероприятиями и активной работой питейных заведений, имели и негативные последствия для местного сообщества в виде девиантного поведения некоторых граждан. Например, на той же Беловолжской ярмарке в 1874 г. произошло несколько «уголовных» случаев с участием гостей ярмарки, подробно описанных корреспондентом газеты. Так, возвращавшийся с ярмарки Мухин, крестьянин-сыромятник деревни Козловки, был избит и ограблен также возвращавшимся с ярмарки в нетрезвом виде крестьянином села Воробьевки Васиным и сопровождавшей его женщиной (причем, грабители забрали действительно большую сумму – 95 руб. серебром) (Корреспонденция, 1874).

В отличие от базаров, рассчитанных на местное сообщество, ярмарки в большей степени были местом контакта представителей разных национальностей и социальных групп. Например, на Беловолжскую ярмарку «со всех окрестных сторон» в «своих национальных праздничных костюмах, со своим национальным говором» съезжались русские, татары, марийцы и чувашаши. При этом, как отмечает автор заметки, именно русский язык был языком межнационального общения: «сойдутся не понимающие друг друга, хотя по костюму (мужчина) ничем один от другого не отличающиеся чувашин с черемисином или черемис с татаринном, – в ход пускается общеизвестный ломаный русский язык» (Корреспонденция, 1873). Вместе с тем русские крестьяне и торговцы, находившиеся в постоянных контактах с другими народами Поволжья, также знали их язык (Бусыгин и др., 2013).

Хотелось бы подчеркнуть, что у многих авторов заметок о ярмарках встречаются комментарии, о том, что мужчин разных национальностей трудно отличить друг от друга, в то время как женский костюм продолжал сохранять свои национальные особенности и был четким этническим маркером для дифференциации посетителей ярмарок: «никак нельзя отличить их от русских: сидят они в таких же красных рубахах и в желтых чапанах верблюжьего сукна, как и русские сельские торговцы, и узнаешь черемисина-торгаша разве тогда только, если сидят с ним в лавке жена его или дочери, не изменяющие национального костюма, кроме покрытия головы платком по русскому обычаю» (Михайлов, 2004: 170). Это подтверждает устоявшийся тезис, что именно женский костюм дольше сохранял свою национальную специфику, а мужской – ранее утратил (т.к. именно мужчины чаще «выходили» из села, имели больше социальных контактов и являлись проводниками городской моды на село).

Все корреспонденты, рассказывающие о посетителях ярмарок, отмечали, что это пестрая и разная толпа. Так, описывая в художественной манере «Сцены из торговой жизни Чистопольского уезда», безмянный автор отмечал, что торговые площади в дни ярмарок «оживают и дышат полнотою жизни и суеты человеческой» и именно на ярмарке можно увидеть «все образцы разнородного населения Чистопольского уезда»: «тут и русские, и отпавшие от православия, старокрещенные татары, и татары некрещенные, и цыгане, и мордва, и чувашаши – все это движется в разбросе или стоит оживленными группами, в продолжении шести часов и более, и каждая личность замечательна какою-нибудь особенностью своей национальности» (Сцены..., 1858).

Конечно, ярмарки посещали не только крестьяне и не только для крестьян это было долгожданное развлечение. Сельская администрация и интеллигенция, горожане и мещане также любили ярмарки и ходили на них «на других посмотреть и себя показать». Как отмечает корреспондент из Царевококшайска, на ярмарке были «пестрота и разнохарактерность публики»: женщины с «замысловатыми прическами» и «разновидными, доходящими до смешного шляпками»; дамы и кавалеры, «вооруженные очками в различных оправках», что было модным элементом, показывающим принадлежность к «современному, долго и много читающему и мыслящему» человеку; «множество личностей, страдающих разными видами душевных болезней» (Корреспонденция, 1875). Как и крестьяне, горожане и сельская интеллигенция стремились на ярмарку надеть самые лучшие наряды, т.к. это было место и праздника, и особых социальных контактов.

Ярмарки являлись и местом контакта городского и сельского населения. Сельские жители, посещая ярмарки ради любопытства, в качестве досуга или «по торговым нуждам», перенимали разнообразную культурно-бытовую информацию и транслировали ее в деревню. Также, посещая городские ярмарки, многие сельчане-мужчины принимали решение о переезде в город. Мигранты из села меняли облик городов, привнося в его повседневность свои, традиционные для сельской местности черты.

5. Заключение

Таким образом, ярмарки Казанской губернии как торгово-экономические центры связывали районы Среднего Поволжья, способствовали сбыту сельскохозяйственной продукции, кустарных изделий и домашних промыслов, фабрично-заводских и промышленных товаров. Со второй половины XIX в. расширяется сеть ярмарок и базаров, растут товарообороты. Базары и ярмарки имели разную форму проведения (длительность, масштаб, товары, время проведения, инфраструктура) и ориентировались на разных потребителей. Базары устраивались еженедельно и играли важную роль для локального сообщества, в то время как ярмарки проводились раз в год и

были ориентированы на большие масштабы торговли и большее количество посетителей, в том числе и из других регионов.

Ярмарки второй половины XIX в., в отличие от базаров, играли более важную роль в общественной жизни как особые культурные центры, где происходило взаимодействие разных социальных групп. С одной стороны, ярмарки выступали центрами знакомства и общения представителей разных национальностей Казанской губернии, поскольку ярмарки работали в населенных пунктах с разным этническим составом. В этой ситуации русский язык выступал языком межнационального общения, но и со стороны русских торговцев требовалось знание языков народов Поволжья. С другой стороны, ярмарки становились местом общения городского и сельского населения, способствовали конвергенции «городской» и «сельской» культур.

Проведение ярмарок и базаров воспринималось большинством посетителей как праздник и желанный вид отдыха, чему способствовала инфраструктура и культурно-развлекательная программа данных площадок. Восприятие ярмарок как праздника и места особенно важных социальных контактов находило отражение и в том, что посетители всех сословий надевали на них свою лучшую праздничную одежду.

Литература

Байбулатова, 2011 – Байбулатова Л.Ф. Некоторые вопросы науки на страницах газеты «Казанские губернские ведомости» в XIX в. // *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: Сборник статей*. Казань, 2011. С. 9–21.

Бусыгин, 2013 – Бусыгин Е.П. Русское население Среднего Поволжья: историко-этнографическое исследование (середина XIX – начало XX вв.). Казань, 2013. 592 с.

Бусыгин и др., 2013 – Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Михайлеченко Е.В. Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья // *Русское население Среднего Поволжья: историко-этнографическое исследование (середина XIX – начало XX вв.)*. Казань, 2013. 592 с.

Воздвиженская..., 1865 – Воздвиженская ярмарка в Козловке // *Казанские губернские ведомости*. 1865. № 22.

Гибадуллин, 2008 – Гибадуллин М.З. Трансформация института ярмарочной торговли в эпоху утверждения капитализма в России (на материалах Казанской губернии) // *Вестник ТГГПУ*. 2008. № 1(12). С. 74–79.

Ермаков, 2010 – Ермаков В.В. Мензелинская ярмарка в системе российской торговли. XIX – начало XX в. // *Вопросы истории*. 2010. № 1. С. 101–110.

Ермаков, 2019 – Ермаков В.В. Караванная ярмарка в системе общероссийской торговли металлами // *Вестник Чувашского университета*. 2009. № 3. С. 68–71.

Казанская..., 2018 – Казанская периодика XIX–XXI вв., энциклопедический справочник для представителей средств массовой коммуникации / Сост. Р.А. Айнутдинов, З.З. Гилазев. Казань, 2018. 197 с.

Казанская..., 1985 – Казанская периодическая печать (русские издания), 1811–1816: Библиографический указатель / Сост. В.И. Шишкин. Казань, 1985. 37 с.

Казанская..., 1991 – Казанская периодическая печать XIX – начала XX века: Библиографические указатели / Науч. ред. Ф.Ф. Нуреева; библиогр. ред. В.И. Шишкин. Казань, 1991. 87 с.

Корреспонденция, 1873 – Корреспонденция. Беловолжская ярмарка // *Казанские губернские ведомости*. 1873. № 60.

Корреспонденция, 1874 – Корреспонденция. Село Беловолжское // *Казанские губернские ведомости*. 1874. № 68.

Корреспонденция, 1875 – Корреспонденция: ярмарка в Царевококшайске // *Казанские губернские ведомости*. 1875. № 78.

Михайлов, 2004 – Михайлов С.М. Покровская ярмарка в Козьмодемьянском уезде // *Собрание сочинений*. Чебоксары, 2004. 510 с.

О ярмарках..., 1857 – О ярмарках в Козьмодемьянском уезде в 1856 году, и о ценах на привозные товары в г. Козьмодемьянске // *Казанские губернские ведомости*. 1857. № 17.

Объявления, 1865 – Объявления // *Казанские губернские ведомости*. 1865. № 4.

Первая... – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. 4: Казанская губерния [Электронный ресурс]. Дата обновления: 26.06.2021. URL: <https://www.prlib.ru/item/436632>

Петровский, 1911 – Петровский Н.М. По поводу столетия Казанской периодической печати // *Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. 1911. Т. XVII. Вып. 3. С. 221–233.

Сцены..., 1858 – Сцены из торговой жизни Чистопольского уезда // *Казанские губернские ведомости*. 1858. № 51.

Ярмарки..., 1862 – Ярмарки и базары Казанской губернии // *Казанские губернские ведомости*. 1862. № 26. С. 278.

References

- Baibulatova, 2011** – *Baibulatova, L.F.* (2011). Nekotorye voprosy nauki na stranitsakh gazety «Kazanskie gubernskie vedomosti» v XIXv. [Some questions of science on the pages of the newspaper "Kazanskie gubernskie vedomosti" in the XIX century]. *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya: Sb.statei.* Kazan', pp. 9-21. [in Russian]
- Busygin i dr., 2013** – *Busygin, E.P., Zorin, N.V., Mikhailechenko, E.V.* (2013). Obshchestvennyi i semeinyi byt russkogo sel'skogo naseleniya Srednego Povolzh'ya [Social and family life of the Russian rural population of the Middle Volga region]. *Russkoe naselenie Srednego Povolzh'ya: istoriko-etnograficheskoe issledovanie (seredina XIX – nachalo XX vv.)*. Kazan', 592 p. [in Russian]
- Busygin, 2013** – *Busygin, E.P.* (2013). Russkoe naselenie Srednego Povolzh'ya: istoriko-etnograficheskoe issledovanie (seredina XIX – nachalo XX vv.) [The Russian population of the Middle Volga region: historical and ethnographic study (19-20 centuries)]. Kazan', 592 p. [in Russian]
- Ermakov, 2010** – *Ermakov, V.V.* (2010). Menzelinskaya yarmarka v sisteme rossiiskoi trgovli. XIX – nachalo XX v. [Menzelinsky Fair in the Russian Trade System. XIX – early XX century]. *Voprosy istorii.* 1: 101-110. [in Russian]
- Ermakov, 2019** – *Ermakov, V.V.* (2009). Karavannaya yarmarka v sisteme obshcherossiiskoi trgovli metallami [Caravan fair in the system of all-Russian metal trade]. *Vestnik chuvashskogo universiteta.* 3: 68-71. [in Russian]
- Gibadullin, 2008** – *Gibadullin, M.Z.* (2008). Transformatsiya instituta yarmarochnoi trgovli v epokhu utverzhdeniya kapitalizma v Rossii (na materialakh Kazanskoi gubernii) [Transformation of the institute of fair trade in the era of the establishment of capitalism in Russia (on the materials of the Kazan province)]. *VESTNIK TGGPU.* 1(12): 74-79. [in Russian]
- Kazanskaya..., 1985** – Kazanskaya periodicheskaya pechat' (russkie izdaniya), 1811-1816: bibliograficheskii ukazatel' [Kazan periodicals (Russian editions), 1811-1816: bibliographic index]. Kazan', 1985. 37 p. [in Russian]
- Kazanskaya..., 1991** – Kazanskaya periodicheskaya pechat' XIX – nachala XX veka : bibliograficheskie ukazateli [Kazan periodicals of the XIX – early XX centuries: bibliographic indexes]. Kazan', 1991, 87 p. [in Russian]
- Kazanskaya..., 2018** – Kazanskaya periodika XIX-XXI vv., entsiklopedicheskii spravochnik dlya predstavitelei sredstv massovoi kommunikatsii [Kazan periodicals of the XIX-XXI centuries, an encyclopedic guide for representatives of the media]. Kazan', 2018, 197 p. [in Russian]
- Korrespondentsiya, 1873** – Korrespondentsiya. Belovolzhskaya yarmarka [Correspondence. Belovolzhskaya fair]. *Kazanskie gubernskie vedomosti.* 1873. 60. [in Russian]
- Korrespondentsiya, 1874** – Korrespondentsiya. Selo Belovolzhskoe [Correspondence. The village of Belovolzhskoe]. *Kazanskie gubernskie vedomosti.* 1874. 68. [in Russian]
- Korrespondentsiya, 1875** – Korrespondentsiya: yarmarka v Tsarevokokshaiske [Correspondence: fair in Tsarevokokshaisk]. *Kazanskie gubernskie vedomosti.* 1875. 78. [in Russian]
- Mikhailov, 2004** – *Mikhailov, S.M.* (2004). Pokrovskaya yarmarka v Koz'modem'yanskom uezde [Pokrovskaya fair in the Kozmodemyansk district]. *Sobranie sochinenii.* Cheboksary, 2004. 510 p. [in Russian]
- O yarmarkakh..., 1857** – O yarmarkakh v Kozmodem'yanskom uezdev 1856 godu, i o tsenakh na privoznye tovary v g. Kozmodem'yanske [About fairs in Kozmodemyansk district in 1856, and about prices for imported goods in Kozmodemyansk]. *Kazanskie gubernskie vedomosti.* 1857. 17. [in Russian]
- Ob'yavleniya, 1865** – Ob'yavleniya [Announcements]. *Kazanskie gubernskie vedomosti.* 1865. 4. [in Russian]
- Pervaya...** – Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. 4: Kazanskaya guberniya [The first is the First General Population Census of the Russian Empire in 1897 4: Kazan province]. [Electronic resource]. URL: <https://www.prilib.ru/item/436632> [in Russian]
- Petrovskii, 1911** – *Petrovskii, N.M.* (1911). Po povodu stoletiya Kazanskoi periodicheskoi pechati [Centenary of the Kazan periodical press]. *Izvestiya obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete.* T. XVII. Vyp.3. Pp. 221-233. [in Russian]
- Stseny..., 1858** – Stseny iz trgovoi zhizni Chistopol'skogo uezda [Scenes from the trading life of the Chistopol district]. *Kazanskie gubernskie vedomosti.* 1858. 51. [in Russian]
- Sulyak, 2012** – *Sulyak, S.G.* (2012). Etnodemograficheskie protsessy v Bessarabii v XIX – nachale XX v. [Some questions of science on the pages of the newspaper "Kazanskie gubernskie vedomosti" in the XIX century]. *Rusin. International historical magazine.* 1 (27): 6-26 [in Russian]
- Vozdvizhenskaya..., 1865** – Vozdvizhenskaya yarmarka v Kozlovke [Vozdvizhenskaya fair in Kozlovka]. *Kazanskie gubernskie vedomosti.* 1865. 22. [in Russian]
- Yarmarki..., 1862** – Yarmarki i bazary Kazanskoi gubernii [Fairs and bazaars of the Kazan province]. *Kazanskie gubernskie vedomosti.* 26. [in Russian]

Ярмарки и базары в Казанской губернии (по материалам газеты «Казанские губернские ведомости»)

Елена Геннадьевна Гущина ^{а, *}, Татьяна Алексеевна Титова ^а, Аделя Ильмировна Хайруллина ^а,
Елена Валерьевна Фролова ^а

^а Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе анализа материалов газеты «Казанские губернские ведомости» авторы исследуют ярмарки и базары Казанской губернии второй половины XIX в.: рассматривают развитие ярмарочной и базарной торговли, выявляют особенности размещения и функционирования ярмарок и базаров, анализируют их роль как центра социального взаимодействия разных категорий жителей губернии. Газета «Казанские губернские ведомости» являлась печатным органом Казанского губернского правления, в котором освещались вопросы общественно-политического и экономического характера. Со второй половины XIX в. в неофициальной части газеты появляются заметки по вопросам ярмарочной и базарной торговли. Данные материалы выпускались не систематически, различались по объему и содержанию: некоторые очерки представляли собой описание конкретных ярмарок, другие – содержали обобщенные сведения о ярмарочной торговле в Казанской губернии в целом; одни были написаны специалистами, другие – безымянными корреспондентами «на местах». В статье вводятся в научный оборот ранее не использовавшиеся материалы периодической печати.

Авторы пришли к выводам, что базары и ярмарки имели разную форму проведения (длительность, масштаб, товары, время проведения, инфраструктура) и ориентировались на разных потребителей. Базары устраивались еженедельно и играли важную роль для локального сообщества, в то время как ярмарки проводились раз в год и были ориентированы на большие масштабы торговли и большее количество посетителей, в том числе и из других регионов. Ярмарки второй половины XIX в., в отличие от базаров, играли более важную роль в общественной жизни как особые культурные центры, где происходило взаимодействие разных социальных групп. Проведение ярмарок и базаров воспринималось большинством посетителей как праздник и желанный вид отдыха, чему способствовала инфраструктура и культурно-развлекательная программа данных площадок.

Ключевые слова: ярмарка, базар, Казанская губерния, этнография, торг, экономика, праздник, социальное взаимодействие, торговля.

* Корреспондирующий автор

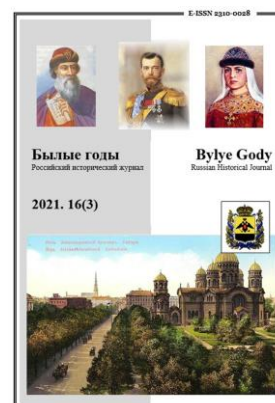
Адреса электронной почты: egguschina@mail.ru (Е.Г. Гущина)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1463-1472
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1463
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



“Materials on the Kyrgyz Land Use” as a Source for Studying the Historical Memory of the Kazakhs of Northern Kazakhstan

Yerkin A. Abil ^{a, *}, Amanzhol Kuzembayuly ^b

^a Institute of State History, Republic of Kazakhstan

^b A. Baitursynov Kostanay Regional University, Republic of Kazakhstan

Abstract

The result of the statistical and economic survey of Kazakhstan in the late 19th and early 20th centuries was the publication of “Materials on the kyrgyz land use”. This multi-volume publication contains, in addition to the statistical information itself, records of historical legends of the Kazakhs about the time of their settlement in certain territories. These legends can be used to reconstruct the traditional historical memory of the Kazakhs.

The historical legends of the Kazakhs, recorded by the authors of the “Materials”, correlate with the legends recorded in the works of other researchers and speak of the early settlement of some of the Kazakh communities of the territory of Northern Kazakhstan - from the 14th to the 16th centuries. At the same time, these historical legends contradict some of the written sources, which speak of the appearance of the Kazakhs on the borders of the Russian possessions in Western Siberia not earlier than the late 17th century.

This contradiction is resolvable if one takes into account that the Northern Kazakh communities which declared their autochthonous origin, in the 15th – 16th centuries were not part of the Kazakh Khanate, and consequently did not appear in the sources under the polytonym “Kazak”. They appeared under other collective names – “Nogai”, “Siberian Tatars”, etc. and became part of the “Kazakhs” during the 17th century.

“Materials” is an important and informative source not only on the socio-economic history of Kazakh society at the turn of the 19th – 20th centuries, but also contains interesting data on the traditional historical memory of the Kazakhs, allowing us to create models of ethnic and political history of steppe Eurasia in the 15th – 19th centuries.

Keywords: statistical expeditions, historical memory, legends, Northern Kazakhstan, ethnic history, genealogies.

1. Введение

Традиционная историческая память казахов, отраженная в исторических преданиях, вызывает особый интерес у исследователей истории Центральной Азии. В условиях дефицита письменных источников роль устных нарративов возрастает, что привело даже к попытке ввести по отношению к центральноазиатским реалиям понятие «устной историологии» (Рахимбекова, 2019: 176-177). В качестве одного из важных видов источников по истории казахов устные предания рассматриваются казахстанскими исследователями (Алпысбес, 2013). Вместе с тем устные нарративы, безусловно обладая определенной спецификой, тем не менее не являются самостоятельным видом источников, так как приобретают свойства исторического источника только в процессе их письменной или какой-либо иной (видео-, аудио-) фиксации.

Тем не менее исторические предания казахов – практически единственный источник, по которому мы можем реконструировать традиционную историческую память, традиционные репрезентации собственной истории, ее ключевых моментов, отраженные в массовом сознании.

* Corresponding author

E-mail addresses: yerkinabil@gmail.com (Y.A. Abil), topai240345@mail.ru (A. Kuzembayuly)

Специфика казахской исторической памяти заключается в господстве двух видов исторических преданий – генеалогических и топонимических, причем зачастую они тесно переплетены. Это вызвано особенностями социальной структуры казахского общества, в котором иерархия хозяйственных общин и потестарных групп выстроена в соответствие с генеалогическим родством, реальным или вымышленным. Соответственно место каждого индивида и группы в этой иерархии зависело от места в системе генеалогического родства, что легитимизировалось через генеалогические предания. Повышение или понижение реального статуса группы в иерархии вело к пересмотру генеалогий и возникновению нового предания. Именно поэтому предания, фиксировавшиеся в разное время и в разных географических точках казахских степей, могут отличаться друг от друга.

Большая часть исторических преданий казахов записана историками и востоковедами во второй половине XIX – начале XX веков, однако есть целый пласт документов, в которых специальная цель письменной фиксации устного наследия казахов не ставилась, поэтому они оказались вне внимания ученых, изучающих традиционное историческое сознание казахов. К их числу относятся «Материалы по киргизскому землепользованию» (далее в тексте – «Материалы») – результаты работы статистико-экономических экспедиций по обследованию казахских хозяйств Степного края и Туркестана в конце XIX – начале XX веков.

Особую ценность данным сведениям придает тот факт, что при проведении обследования участники экспедиции изучали и историю заселения обследуемой местности со слов самих казахов, «по устным преданиям самих обитателей края» (МКЗ, 1909: 87). Таким образом, в этот статистический труд попали реминисценции исторической памяти казахов, отражение их представлений о собственном прошлом, что дает нам возможность использовать «Материалы» как источник по реконструкции исторической памяти.

2. Материалы и методы

2.1. Эмпирической базой данного исследования стали сведения, содержащиеся в опубликованных в 1898–1915 годах «Материалах по киргизскому землепользованию». Данное многотомное издание стало результатом систематического статистического обследования территории Казахстана, проведенного несколькими специализированными экспедициями по поручению правительства Российской империи.

Систематическое изучение казахского землепользования связано с деятельностью экспедиции по статистическому обследованию уездов Степного генерал-губернаторства под руководством Ф. Щербины. Основной целью данной экспедиции, организованной Министерством земледелия и государственных имуществ, было установление норм казахского землепользования, регулирования потока переселенцев и создания земельного фонда под их размещение (Тесленок, 2013: 48). Экспедицией были обследованы пять уездов (Акмолинский, Петропавловский, Атбасарский, Кокчетавский, Омский) Акмолинской области, пять уездов (Семипалатинский, Павлодарский, Зайсанский, Аягуский, Усть-Каменогорский) Семипалатинской области и два (Кустанайский и Актюбинский) Тургайской области (Волкова, 1983: 235). Было произведено первое сплошное статистическое обследование значительной территории современного Казахстана в пятилетний период с 1896 по 1903 гг.

Данные исследования были продолжены в 1903–1912 гг. статистической экспедицией П.А. Хворостанского по изучению Уральской и Тургайской областей. В 1906–1913 гг. экспедиции исследовали Сырдарьинскую (под управлением П.А. Скрыплева) и Семиреченскую области (под управлением П.П. Румянцева).

«Материалы» не раз привлекались в качестве источника, но преимущественно при анализе социально-экономических процессов, протекавших на территории Казахстана и в связи с изучением истории колонизации Степного края. Однако специфика этого источника в том, что при составлении опросной анкеты особое внимание было уделено истории формирования каждого хозяйственного аула или старшинства (Тасилова, 2017). Характеризуя хозяйственные аулы, авторы отмечали естественный процесс их возникновения вследствие распада родовых групп под влиянием демографических факторов (МКЗ, 1903: 4-5).

В «Программу для описания общих условий киргизского хозяйства», в частности в вопросник для проведения исследования, были включены вопросы, призванные «выяснить, какое значение имело родовое начало на образование и распределение зимовок (кстау), нет ли преданий по этому предмету», благодаря чему в итоговые публикации вошло большое количество сведений устной исторической памяти, исторических преданий казахов (МКЗ, 1898: 18).

Для анализа были использованы опубликованные «Материалы» по Кокчетавскому, Петропавловскому, Акмолинскому, Атбасарскому, Омскому уездам Акмолинской области и Кустанайскому уезду Тургайской области, территории которых относятся к историко-культурной области Северного Казахстана.

2.2. «Материалы» в качестве исторического источника рассматриваются прежде всего как носитель социальной информации. Это означает, что их создатели ставили перед собой вполне определенные прагматические цели – фиксацию коллективных представлений казахов о времени их

заселения на определенных территориях, имея в виду более общую цель – выявления «излишков» земель в пользовании казахских общин. Причем сама методика составления «Материалов», когда первичные данные, собранные исследователями при опросе населения, значительно перерабатывались и редактировались для публикации, позволяет говорить о неоднократной субъективности содержащихся в них сведений. Субъективно отражались исторические события в рассказе информаторов, неизбежно искажалась эта информация при переводе/записи, субъективно отбирались и редактировались записи при подготовке к публикации. Мы видим не два звена в передаче информации – информатор/фиксатор, а как минимум три – информатор/фиксатор/интерпретатор, а зачастую четыре – информатор/переводчик/фиксатор/интерпретатор.

Тем не менее эти сведения отражали объективную реальность – историческую память народа, реконструировать которую можно при помощи структурного анализа текста. Во-первых, необходимо отделить текст собственно исторических преданий от интерпретаций авторов «Материалов». Во-вторых, мы отделяем легендарные исторические предания от меморатов – преданий, основанных на личных воспоминаниях информаторов. Каждый элемент структуры текста отражает информацию, соответствующую определенному историческому периоду, и особенности, характерные для восприятия действительности информатором, фиксатором и интерпретатором текстов преданий.

Реконструкция исторической памяти казахов диктует применение историко-сравнительного метода при сравнении преданий, зафиксированных в «Материалах», с преданиями, зафиксированными в других источниках, в частности в трудах А. Левшина, Г. Спасского, А. Красовского, Г. Потанина, Ч. Валиханова, Ш. Кудайбердыулы, К. Халида.

3. Обсуждение

«Материалы» не раз привлекались в качестве исторического источника, однако преимущественно они использовались при изучении социального и экономического развития Степного края в конце XIX – начале XX веков (Сулейменов, 1963; Галузо, 1965; Толыбеков, 1971). Практически все авторы этого периода говорили о слабой достоверности данных материалов, особенно в части статистического описания казахских хозяйств.

Собственно, сами «Материалы» в качестве исторического источника стали объектом изучения в диссертационном исследовании Т. Волковой в 1982 году (Волкова, 1982). Ею был получен ряд интересных результатов. Впервые проведя источниковедческий анализ «Материалов», в том числе с применением количественных методов, она приходит к выводу о высокой степени их достоверности в качестве источника. Т. Волкова отмечает, что «в количественном отношении достоверные показатели заметно преобладают над недостоверными. Это позволяет сделать вывод о достоверности большинства данных «Материалов» (Волкова, 1983: 236).

В настоящее время эта же проблема была поднята казахстанским исследователем Н. Тасиловой, предпринявшей комплексное исследование «Материалов» в качестве исторического источника. Она проанализировала общие источниковедческие проблемы, в том числе затронула и важную проблему достоверности «Материалов» в части отражения родоплеменной структуры казахов (Тасилова, 2017: 12). Указывая на определенную направленность данного источника, Н. Тасилова тем не менее отмечает большую степень достоверности информации этнографического и этногенетического характера, содержащейся в «Материалах».

Отметим, что исторические предания и реминисценции исторической памяти казахов, зафиксированные составителями «Материалов» в качестве самостоятельного объекта изучения, еще не рассматривались в исторической науке.

4. Результаты

Всю информацию, данную казахами о своем историческом прошлом составителям «Материалов», можно условно разделить на три группы: 1) о времени заселения территории, в годах или поколениях; 2) об эпонимических предках отдельных групп казахов; 3) об исторических событиях, связанных с процессом освоения отдельными группами казахов определенных территорий. Сведения об исторических событиях, связанных с процессом освоения отдельными группами казахов определенных территорий, включены в «Материалы» в качестве иллюстрации общего исторического процесса на изучаемой территории, объяснения сложившейся к моменту исследования этноконфессиональной ситуации.

По жанру исторические предания, зафиксированные в «Материалах», можно отнести к прозаическим эпическим произведениям. Следует отметить, что они записаны в крайне лаконичной форме. Это объясняется тем, что интерес представляли не сами предания как таковые, а лишь сведения, содержащиеся в них. Из всех легенд и рассказов казахов выделялись и фиксировались лишь сведения о том, когда была занята та или иная территория. Причем фактом занятия территории составители «Материалов» считали факт основания постоянной зимовки. Так, описывая процесс заселения Атбасарского уезда на основании устных преданий казахов, авторы МКЗ отмечают, что «по преданиям киргиз заселение уезда произошло сравнительно недавно, не раньше начала XIX века или последних годов XVIII столетия», отмечая далее, что ранее эти земли служили «летним

пастбищем как для киргиз, приходивших с юга из-за р. Чу, так и для киргиз из более северных местностей, главным образом из южной части нынешнего Кокчетавского уезда» (МКЗ, 1902: 2).

Однако при составлении поаульных таблиц, для которых информаторы сообщали членам экспедиции время существования зимовок, выявляется совсем другая информация. Так, казахи трех аулов 5-го административного аула Атбасарской волости Атбасарского уезда (род каксал) считали, что их предки заняли зимовки, на которых они размещаются, 300 лет назад, т.е. в конце XVI века (МКЗ, 1902: 21).

Значительное место в «Материалах» занимает пересказ преданий, фиксировавших народное представление о времени заселения определенных территорий. Приведем предание, записанное Ф. Щербиной у казахов Кокчетавской волости 21–23 июня 1896 года на летовках на урочищах Балга и Саумал-кум: «С именем Кыргыза соединено указание на человека, попавшего в плен или присоединившегося к киргизам – «казак», как они сами себя называют, из враждебной народности. От Кыргыза произошел потом особый род, названный его именем. <...> Султан Аблай был будто бы современником Кыргыза. По преданию султан этот принадлежал не к киргизской народности (казак), а какой-то другой, сделался потом киргизским султаном вследствие своих личных доблестей, и когда об этом узнал Кыргыз, то явился к Аблаю и присоединился к нему, вероятно, в качестве подданного. Вероятно также, Кыргыз был недоволен теми властями, под управлением которых находились его соплеменники.

По рассказам киргизов Кокчетавской волости, у них есть предание, что предки их когда-то кочевали в Средней Азии, где-то возле Бухары. В занимаемой ими местности было очень тесно, на наличное население приходилось мало пастбищных угодий, и между раздробленными частями всего киргизского народа, не имевшего одного крепкого правителя, происходили беспрестанные раздоры и столкновения из-за земли. Предки нынешних киргизов в это время услышали, что очень есть могущественный Русский царь и что в принадлежащей ему Западной Сибири много свободной земли. Недовольные своим положением киргизы порешили поэтому, идти к русскому царю искать мира, земли и спокойствия. В то время Кокчетавский уезд был необитаем и собственно Кокчетавские киргизы основались здесь под управлением Аблая, а первым местом, на котором осели выселившиеся из Средней Азии киргизы, была нынешняя Кокчетавская станция с принадлежащими ей землями.

О самом Аблае существует предание, что он был сыном какого-то царя, жившего в Средней Азии и властвовавшего будто бы над сартами. У царя этого было две жены: старшая, имевшая двух сыновей, и младшая, имевшая только одного сына Аблая. Несмотря на старшинство двух первых сыновей, народ желал иметь царем Аблая. Это было не по душе старшим братьям, и они решили погубить его. Аблай, однако, бежал к киргизам и сделался у них ханом. Аблай был могущественным властелином, и ему подчинялись все киргизы, т.е. Большой, Малой и Средней Орды. У нынешней Кокчетавской станции поселились собственно одни предки нынешнего киргизского населения, расположенного в Кокчетавской волости» (МКЗ, 1898: 3-4).

Данное предание объединяет два относительно самостоятельных сюжета – о приходе к власти Абылай-хана и об эпонимическом предке родовых групп байкыргыз и жанакыргыз. Легенда об Абылае, записанная авторами «Материалов», имеет мало общего с реальными историческими событиями, известными по целому ряду письменных источников и устному народному творчеству казахов (Абсадыков, 2005). Отдельные сюжетные линии, в частности происхождение от некоего среднеазиатского (сарского) правителя, преследование со стороны родственников, бегство в степь и последующее возвышение, сближают данную легенду с легендой о прародителе казахов Алаша-хане. Разные ее варианты записаны А. Левшиным, Г. Спасским, А. Броневским, Г. Потаниным и Ч. Валихановым (Левшин, 1996; Валиханов, 1983; Броневский, 1830; Потанин, 1916). Очевидно, информатор авторов «Материалов» смешал сюжеты различных легенд о правителях казахов и приписал традиционные сюжеты, относимые к жизнеописанию Алаша-хана, более позднему Абылай-хану.

Предание о кыргызах в составе кокчетавских казахов говорит о добровольном переселении их предка к границам России вследствие недовольства своими правителями. Однако исторические факты говорят о принудительном характере данных миграций. По словам Ч. Валиханова, Абылай при очередном столкновении с алтаускими кыргызами «вывез в свою орду несколько сот джесырей (пленников); эти буруты (кыргызы – Авт.), кочуя вместе с атыгаевским родом Средней орды племени аргын, постепенно сливались и теперь составляют отделение этого рода под именем яна-киргиз и бай-киргиз и для получения генеалогического права братства родов производят себя от одного из 12 сыновей Даута (родоначальника атыгаев) (Валиханов, 1983: 153-154). Потомки казахов рода байкыргыз до сих пор проживают в данной местности, на территории современного Зерендинского района Акмолинской области Республики Казахстан и сохраняют память о своем кыргызском происхождении (Абиль и др., 2020).

Кроме того, некоторые детали легенды, в частности топонимы, нехарактерные для традиционных исторических воззрений казахов (Западная Сибирь, Кокчетавская станция, Средняя Азия), позволяют утверждать, что записанное предание не аутентичное и в значительной мере переработано фиксатором или редактором «Материалов».

В целом следует отметить, что данные предания выходят за рамки традиционных легенд, известных по записям исследователей, изучавших фольклор и устную историческую традицию казахов. Остается открытым вопрос, является ли это отражением факта наличия какой-то независимой легендарной традиции у кокчетавских казахов или это недостатки процедуры фиксации, отмеченные самими исследователями. В частности, авторы отмечали, что «... серьезное неудобство, в сильнейшей степени тормозившее исследования, заключалось в необходимости опросов киргизского населения через переводчиков. Незнание языка и опрос через третье посредствующее лицо требовали вдвое большей затраты времени, чем непосредственный опрос. Так называемые киргизские «почтари», т.е. рассыльные-полицейские, служащие переводчиками при передвижениях с места на место, народ мало надежный, могущий давать совершенно искаженные сведения» (МКЗ, 1898: 4).

Исследователи Кокчетавского уезда зафиксировали очень интересное предание, отражающее не столько генеалогические, сколько этногенетические и этнокультурные представления казахов. Казахи Мизгильской волости сообщили следующее: «В 5 административном ауле рассказывали, что заселение степей киргизами началось вскоре после смерти Магомета, т.е. момент заселения относится, следовательно, к 7 веку. О своих самых отдаленных предках сообщают, что все киргизы ведут свое начало от Узбека, у которого было четыре сына: Козак, Калмык, Естек и Ногай. От Ногая произошли татары, от Козака – киргизы» (МКЗ, 1989: 27).

Казахи, согласно этой легенде, являются потомками Казака, татары – Ногая. О потомках Калмыка и Естека в исследовании не упоминается, однако из контекста очевидно, что речь идет о калмыках и башкирах. Данная легенда, точнее лаконичный пересказ исторического предания, имеет параллели в письменной историографической традиции казахов. В опубликованных в конце XIX – начале XX веков работах, начиная с К. Халида и Ш. Кудайбердыулы, авторы связывают происхождение казахов с населением Золотой Орды. Так, автор «Пяти историй» К. Халид считает средневековых узбеков Улуг Улуса (Золотой Орды) собственно казахами, указывая, что «нас Озбек хан сделал мусульманами, наши предки – озбеки, мы из потомства Озбека» (Халид, 1992: 223). Шакарим также в своей «Родословной» отмечает, что «все, кто был в улусе его (Узбек-хана – Авт.), и предки наши стали называться озбеками» (Кудайбердыулы, 1990: 41).

Таким образом, мы можем предположить, что у казахов было представление о единстве степных коневодов Евразии, их связи с населением Золотой Орды (Узбек), что отражено в бытовавших в северных районах Казахстана преданиях о происхождении казахов и других народов степной Евразии от мифического Узбека.

Информация о времени заселения определенных территорий казахскими общинами в «Материалах» содержится как в самом тексте, так и в т.н. «поаульных таблицах», являвшихся приложением к «Материалам». Наряду с официальным номером аула, в них приводились сведения об имени аксакала, т.е. руководителя общины, о последнем зафиксированном эпонимическом предке, времени основания/заселения зимовки. Информация об эпонимических предках каждого казахского аула также зафиксирована в поаульных таблицах. Кроме того, в целях удобства ориентирования в достаточно сложной клановой иерархии казахов в каждом томе приведены генеалогические схемы казахских родов с включением в них основных информаторов.

Так, согласно этим данным, 9 аулов 4-го административного аула Кокчетавской волости обосновались на своих зимовках 250 лет назад, т.е. в середине XVII века. Это потомки Боранбая, Майлыбая и Байдыкола (МКЗ, 1898: 14-15). Население одного аула Котуркульской волости (потомки Ельтока) и одного аула Аиртауской волости сообщили членам экспедиции, что их предки занимают свои зимовки на протяжении 10 поколений, т.е. более 250 лет (МКЗ, 1898: 80-81, 159). Четыре аула 5-го административного аула Джиландинской волости (потомки Мусакула и Тарагая) также считали, что их предки заняли свои современные кочевья 10 поколений назад, т.е. примерно в середине XVII века. 29 аулов (потомки Джанмирзы) Мизгильской волости вели отсчет возникновения зимовок, которые они занимали, примерно с 1620 года (280 лет до времени жизни информатора) (МКЗ, 1898: 237).

Составители «Материалов» обращали пристальное внимание на составление родословных схем и фиксацию различных легенд и исторических преданий, рассказывающих обстоятельства появления различных групп кочевников в местах их расселения на момент исследования. При составлении тома, посвященного анализу хозяйств Омского уезда, со слов жителя Омской волости Булхаира Турлыбек-абыза, было записано предание о происхождении рода Атыгай. Предание говорит о сложном составе рода, так как Атыгай назван сиротой, которому хан Есим (конец XVI – начало XVII веков) отдал под управление 12 родов: баба, багыс, майлы, балта, бабасан, кудайберди-баимбет, суюндик-кара, аккиик, койлыатыгай, кулансу, кадыр и собственно атыгай (МКЗ, 1902а: 45).

Там же приведено предание казахов племени Керей о том, что их предки ездили в Туркестан и просили у хана Тауке правителя. Последний направил им 10-летнего Жанибек-султана. Учитывая, что Тауке правил в 1690–1715 годах, данный факт мог иметь место в начале XVIII века (МКЗ, 1902а: 46).

Информаторы привели легенды о происхождении кереев Омского уезда от братьев Есемберды и Есембакты, внуков Аксары. Конфликт между братьями привел к тому, что старший брат откочевал с прежних мест жительства на Иртыш, в урочище Кентубек, а затем и в район озера Улкен Карой.

Основав здесь зимовки, казахи этого рода летоовали севернее, на территории Тюкалинского уезда (МКЗ, 1902а: 24).

Согласно историческим преданиям казахов Омского уезда, предок аргынов Мейрам жил в середине XVI века, так как от времени информаторов прошло около 350 лет или 13–14 поколений. Его кочевья занимали степи между Иртышом, Ишимом и Нурой (МКЗ, 1907: 87). Казахи Черлаковской волости рассказали членам экспедиции, что их предков в начале XVIII века привел на Иртыш батыр Кошкарбай, служивший Абылай-хану. Согласно преданию, Кошкарбай занял южные районы Омского уезда, изгнав живших там джунгаров и остяков (МКЗ, 1902а: 25).

Изучение «Материалов» позволяет проследить представления самих казахов о процессе заселения ими определенной территории. Так, казахи Акмолинской области считали, что их зимовки основаны на протяжении XVII–XVIII веков, причем основали их как местные насельники, так и выходцы из более южных и более северных регионов. Общины родов карпык и каракыргыз сообщили статистикам, что их предки поселились у р. Нура около первой трети XVII века, за 260 лет до времени опроса (МКЗ, 1907: 87). В конце XVII века по верхнему и нижнему течению Нуры размещаются общины родов куандык, а в Ерементавских горах – канжигалы (МКЗ, 1907: 87–88). В XVIII веке с занятием долины Иртыша Россией кочевавшие там общины кереев частично перемещаются на юго-запад, в Акмолинский уезд, заняв там «все лесистые горы и вообще леса, а также скалистые берега р. Селеты» (МКЗ, 1907: 89). Казахи рода канжигалы в начале XVIII века прикочевали на территорию Акмолинского уезда с территории Омского (МКЗ, 1907: 88).

Казахи Кустанайского уезда также говорили информаторам о раннем основании занимаемых ими зимовок. 1 аул Мендыгаринской волости, 2 аула Джилкуарской волости, 7 аулов Кинаральской волости и 12 аулов Саройской волости были основаны за 10 поколений от информаторов, т.е. 250 лет назад – в середине XVII века; 5 аулов Саройской волости – 11 поколений, т.е. 275 лет назад, в первой трети XVII века; 2 аула Кинаральской волости – 12 поколений, т.е. 300 лет назад, в начале 17 века (МКЗ, 1903: 18, 22, 170, 178). Зимовка Бапансай Кинаральской волости, по словам ее насельников, была основана 13 поколений назад, т.е. 325 лет назад, около 1575 года (МКЗ, 1903: 26). Казахи Мендыгаринской волости рассказывали информаторам о том, что они населяют эти земли не более 100 лет, но «некогда кочевали близ г. Верхнеуральска на урочище Кумсойган-карасу», откуда были вытеснены калмыками (МКЗ, 1903: 48). Учитывая то, что миграции калмыков из Прииртышья в зауральские степи и Западный Казахстан имели место в начале XVII века, можно предположить, что казахи Мендыгаринской волости считали, что они мигрировали из Зауралья в Северный Казахстан примерно в это время.

Большая часть зимовок, по сведениям самих казахов, была основана в более позднее время, в основном в течение XIX века, однако в значительной мере это было результатом не миграций, а сегментации ранее возникших аулов.

Мы видим, что в исторической памяти казахов они являются автохтонами земель Северного Казахстана, занимая населенные ими степи Северного Казахстана. Вместе с тем отметим, что эти представления казахов несколько расходятся с данными письменных источников. Большинство доступных сегодня источников говорит о появлении групп с названием «казак» (Казачья Орда) на территории Северного Казахстана не ранее конца XVII века. Этот момент в свое время отмечал Г. Катанаев, который писал: «Не подлежащими никакому сомнению историческими данными теперь точно выяснено, что земли, занимаемые ныне сибирскими казачками по Иртышской, Горькой и Пресногорьковской линиям, ко времени прихода сюда русских в начале XVII и даже первой половине XVIII столетия еще не были заняты киргизами. Вся северная часть нынешних Тургайской и Акмолинской областей и вся, без исключения, Семипалатинская область представляли собой в то время или совершенную пустыню, или только частью были заняты... джунгарскими калмыками» (Катанаев, 1904: 1).

Вместе с тем исторические предания казахов, зафиксированные другими исследователями, позволяют разрешить данное противоречие и коррелируют с преданиями, зафиксированными в «Материалах». Прежде всего отметим Г. Спасского, издававшего с 1818 по 1824 годы «Сибирский вестник». В 1820 году им был опубликован очерк «Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды». Именно здесь Г. Спасский первым в российской историографии обращает внимание на казахские исторические предания, выводящие казахов из сибирских татар. «Долго составляли они с алатами (сибирскими татарами, возможно «алаш» – Авт.) один народ, наконец по внутренним несогласиям отделились от них и были управляемы султанами, один из которых, по имени Алача, получил верховную власть над ними...» (Спасский, 1820: 74–75).

М. Красовский, основываясь на исторических преданиях казахов, считал население северных волостей Области сибирских казахов потомками сибирских татар. В частности, он отмечал, что в Кокчетавском округе и «вообще в северных местностях области сибирских киргизов, в число которых вошло немалое число сибирских татар, ... сказка о происхождении киргиз-кайсаков ... изменяется: Алача-ханом здесь называют одного из султанов сибирских татар» (Красовский, 1868: 332).

Предположим, что в письменных источниках, фиксировавших позднее (не ранее конца XVII века) появление казахов на территории Северного Казахстана, речь идет о политониме «казак»,

кочевниках, входивших в систему Казахского ханства, границы которого распространились до сибирских пределов Московского государства действительно в последней четверти XVII века. Однако местное тюркоязычное население, входившее в состав других политических объединений и маркировавшееся источниками как «ногаи» и «татары», в основном осталось на прежних местах и вошло в состав казахов, сохранив историческую память, оформленную в исторических преданиях и зафиксированную в XIX – начале XX веков российскими исследователями, в том числе составителями «Материалов по киргизскому землепользованию».

5. Заключение

Ряд особенностей записей исторических преданий казахов, зафиксированных в «Материалах», не позволяет нам в полном объеме анализировать их как самостоятельное фольклорное произведение. Во-первых, записи текстов исторических преданий не являются аутентичными, их записывали при посредстве переводчиков, сокращали и редактировали сведения, содержащиеся в них. Во-вторых, при фиксации исторических преданий исследователи, не являющиеся филологами или историками, пытались интерпретировать сведения, соотнося их с известными на тот момент историческими знаниями.

Мы видим, что исторические предания казахов, зафиксированные авторами «Материалов», коррелируются с преданиями, зафиксированными в трудах А. Левшина, Г. Спасского, А. Красовского, Г. Потанина, Ч. Валиханова, Ш. Кудайбердыулы, К. Халида, и говорят о раннем заселении частью казахских общин территории Северного Казахстана – от XIV до XVI веков. При этом данные исторических преданий противоречат части письменных источников, говорящих о появлении казахов на границах российских владений в Западной Сибири не ранее конца XVII века. Указанное противоречие разрешимо, если принять во внимание, что общины Северного Казахстана, заявившие о своем автохтонном происхождении, не входили в XV–XVI веках в состав Казахского ханства и соответственно не фигурировали в источниках под политонимом «казак». Они выступали под другими собирательными названиями – «ногай», «сибирские татары» и пр. и вошли в состав «казахов» в течение XVII века.

В целом «Материалы по киргизскому землепользованию» являются важным и информативным источником не только по социально-экономической истории казахского общества рубежа XIX–XX веков, но и содержат интересные данные по традиционной исторической памяти казахов, позволяя нам создавать модели этнической и политической истории степной Евразии в XV–XIX веках.

6. Благодарности

Данное исследование реализуется в рамках проекта, финансируемого Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (грант № АР08856598).

Литература

[Абиль и др., 2020](#) – *Абиль Е.А., Исин А.И., Калимбаева Б.К. и др.* Инкорпорированные и внеузловые группы в составе казахов (XVIII – начало XX вв.): Коллективная монография. Алматы: Изд-во ИП «Базарбаев», 2020.

[Абсадыков, 2005](#) – *Абсадыков А.* Биография Хана Абылая: мифы и реальность. Астана: Фолиант, 2005.

[Алпысбес, 2013](#) – *Алпысбес М.А.* Шежире казахов: источники и традиции. Астана: ИП «BG-Print», 2013.

[Броневский, 1830](#) – *Броневский А.* Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. СПб., 1830. Ч. 41, март, № 19.

[Валиханов, 1983](#) – *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1983.

[Волкова, 1983](#) – *Волкова Т.* Некоторые проблемы источниковедческого изучения материалов экспедиций Ф.А. Щербинны // Вопросы историографии Казахстана. Алма-Ата, 1983. С. 224-237.

[Галузо, 1965](#) – *Галузо П.* Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата: Наука, 1965.

[Красовский, 1868](#) – *Красовский Н.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. Часть 1. СПб., 1868.

[Кудайбердыулы, 1990](#) – *Кудайбердыулы Ш.* Родословная тюрков, казахов, киргизов. Династии ханов. Перевод Б. Каирбекова. Алма-Ата: СП Дастан, 1990.

[Левшин, 1996](#) – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы: Санат, 1996.

[МКЗ, 1898](#) – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область. Кокчетавский уезд. Т. I. Воронеж, 1898.

МКЗ, 1902 – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. II. Акмолинская область. Атбасарский уезд. Воронеж, 1902.

МКЗ, 1902a – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. XI. Акмолинская область. Омский уезд. Омск, 1902.

МКЗ, 1903 – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. V. Тургайская область. Кустанайский уезд. Воронеж, 1903.

МКЗ, 1907 – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. III. Акмолинская область. Акмолинский уезд. Ч. 1. СПб., 1907.

Потанин, 1916 – Потанин Г.Н. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки // *Живая старина*, II. Пг., 1916.

Рахимбекова, 2019 – Рахимбекова А. Историческая память и степная устная историология // *Историко-педагогические чтения*. 2019. № 23. С. 175-180.

Спаский, 1820 – Спаский Г. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды // *Сибирский вестник*. Ч. 9. СПб., 1820.

Сулейменов, 1963 – Сулейменов Б. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX – начала XX в. (1867–1907 гг.). Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963.

Тасилова, 2017 – Тасилова Н.А., «Материалы по киргизскому (казахскому) землепользованию...» как источник по истории Казахстана (конец XIX в. – начало XX в.). Алматы, 2017.

Тесленок, 2013 – Тесленок С.А. Материалы экспедиций Ф.А. Щербины и картографирование культурных ландшафтов староосвоенных районов // *ИнтерКарто/ИнтерГИС-19: Устойчивое развитие территорий: теория ГИС и практический опыт. Материалы междунар. конф. (Курск (Россия), Богота (Колумбия), 2–7 февраля 2013 г. Курск, 2013. С. 45-55.*

Толыбеков, 1971 – Толыбеков С. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века: политико-экономический анализ. Алматы: Издательство Наука Казахской ССР, 1971.

Халид, 1992 – Халид К. Тауарих хамса: (Бес тарих). Алматы: Қазақстан, 1992.

References

Abil' i dr., 2020 – Abil', E.A., Isin, A.I., Kalshibaeva, B.K. i dr. (2020). Inkorporirovannyye i vnezhuzyovyye grupy v sostave kazakhov (XVIII – nachalo XX vv.) [Incorporated and Extra-Juz groups within the Kazakhs (18th – early 20th centuries)]: kollektivnaya monografiya. Pod red. Smagulova B.K. Almaty; Izd-vo IP «Bazarbaeva». [in Russian]

Absadykov, 2005 – Absadykov, A. (2005). Biografiya Hana Abylaya: mify i real'nost' [Biography of Khan Abylai: myths and reality]. Astana: Foliant. [in Russian]

Alpysbes, 2013 – Alpysbes, M.A. (2013). Shezhire kazakhov: istochniki i tradicii [Shezhire of the Kazakhs: Sources and Traditions]. Astana: IP «BG-Print». [in Russian]

Bronevskij, 1830 – Bronevskij, A. (1830). Zapiski o kirgiz-kajsakah Srednej Ordy [Notes on the Kirghiz-Kaysaks of the Middle Horde]. Otechestvennyye zapiski. SPb, Ch. 41, mart, № 19. [in Russian]

Galuzo, 1965 – Galuzo, P. (1965). Agrarnyye otnosheniya na yuge Kazakhstana v 1867–1914 gg. [Agrarian relations in the south of Kazakhstan in 1867–1914.] Alma-Ata: Nauka. [in Russian]

Halid, 1992 – Halid, K. (1992). Tauarikh hamsa: (Bes tarih) [Tauarikh Khamsa: (Five Chronicles)]. Almaty: Қазақстан. [in Kazakh]

Krasovskij, 1868 – Krasovskij, N. (1868). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannyye oficerami General'nogo shtaba. Oblast' sibirskih kirgizov [Materials for the Geography and Statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. The Region of the Kirghiz of Siberia]. Chast' 1. SPb. [in Russian]

Kudajberdiuly, 1990 – Kudajberdiuly, Sh. (1990). Rodoslovnaya tyurkov, kazakhov, kirgizov. Dinastii hanov [Genealogy of the Turks, Kazakhs, and Kirghiz. Dynasties of the Khans]. Perevod B. Kairbekova. Alma-Ata: SP Dastan. [in Russian]

Levshin, 1996 – Levshin, A.I. (1996). Opisanie kirgiz-kazach'ih ili kirgiz-kajsackih ord i stepej [Description of the Kyrgyz-Cossack or Kyrgyz-Kaisak hordes and steppes]. Almaty: Sanat. [in Russian]

МКЗ, 1898 – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область. Кокчетавский уезд [Materials on Kirghiz land use, collected and developed by the expedition for the study of steppe areas. Akmolinskaya oblast. Kokchetav uyezd]. Т. I. Voronezh, 1898. [in Russian]

МКЗ, 1902 – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. II. Акмолинская область. Атбасарский уезд [Materials on Kirghiz land use, collected and developed by the expedition for the study of the steppe regions. VOL. II. Akmolinskaya oblast. Atbasarskiy uyezd]. Voronezh, 1902 [in Russian]

MKZ, 1902a – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye ekspeditsiej po issledovaniyu stepnyh oblastej. T. XI. Akmolinskaya oblast'. Omskij uezd. [Materials on the Kirghiz land use, collected and developed by the expedition for the study of the steppe regions. VOL. XI. Akmola oblast. Omsk uyezd]. Omsk, 1902. [in Russian]

MKZ, 1903 – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye ekspeditsiej po issledovaniyu stepnyh oblastej. T. V. Turgajskaya oblast'. Kustanajskij uezd. [Materials on the Kirghiz land use, collected and developed by the expedition on the study of the steppe regions. Vol. V. Turgay region. Kustanay uyezd]. Voronezh, 1903. [in Russian]

MKZ, 1907 – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye ekspeditsiej po issledovaniyu stepnyh oblastej. T. III. Akmolinskaya oblast'. Akmolinskij uezd. [Materials on the Kirghiz land use, collected and developed by the expedition for the study of the steppe regions. VOL. III. Akmola oblast. Akmola uyezd]. Ch.1. SPb., 1907. [in Russian]

Potinin, 1916 – *Potinin, G.N.* (1916). Kazak-kirgizskie i altajskie predaniya, legendy i skazki [Kazakh-Kirghyz and Altai legends, legends, and tales]. *Zhivaya starina*. II. SPb., 1916, Pg., 1917 [in Russian]

Rahimbekova, 2019 – *Rahimbekova, A.* (2019). Istoricheskaya pamyat' i stepnaya ustnaya istoriologiya [Historical Memory and Steppe Oral Historiology]. *Istoriko-pedagogicheskie chteniya*. 23: 175-180. [in Russian]

Spasskij, 1820 – *Spasskij, G.* (1820). Kirgiz-kajsaki Bol'shoj, Srednej i Maloj ordy [The Kirghiz-Kaisaks of the Great, Middle, and Small Horde]. *Sibirskij vestnik*. Ch. 9. SPb. [in Russian]

Sulejmenov, 1963 – *Sulejmenov, B.* (1963). Agrarnyj vopros v Kazahstane poslednej treti XIX – nachala XX v. (1867 – 1907 gg.) [The Agrarian Question in Kazakhstan in the Last Third of the 19th – the beginning of the 20th century. (1867 – 1907)]. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR. [in Russian]

Tasilova, 2017 – *Tasilova, N.A.* (2017). “Materialy po kirgizskomu (kazahskomu) zemlepol'zovaniyu...” – kak istochnik po istorii Kazahstana (konec XIX v. – nachalo XX v.). [“Materials on the Kirghyz (Kazakh) Land Use...” – as a source on the history of Kazakhstan (late 19th century – early 20th century)]. Almaty. [in Russian]

Teslenok, 2013 – *Teslenok, S.A.* (2013). Materialy ekspeditsij F. A. Shcherbiny i kartografirovanie kul'turnyh landshaftov staroosvoennyh rajonov [Materials of the expeditions of F.A. Scherbina and mapping of cultural landscapes of old-developed areas]. *InterKarto/InterGIS-19: Ustojchivoe razvitie territorij: teoriya GIS i prakticheskij opyt*. Materialy mezhdunar. konf. (Kursk (Rossiya), Bogota (Kolumbiya)), 2–7 fevralya 2013 g. Kursk, pp. 45-55. [in Russian]

Tolybekov, 1971 – *Tolybekov, S.* (1971). Kochevoe obshchestvo kazahov v XVII – nachale XX veka: politiko-ekonomicheskij analiz [Nomadic Society of the Kazakhs in the 17th – early 20th century: political and economic analysis]. Almaty: Izdatel'stvo Nauka Kazahskoj SSR. [in Russian]

Valihanov, 1983 – *Valihanov, Ch.Ch.* (1983). Sobranie sochinenij v pyati tomah [Collected Works in Five Volumes], T.2. Alma-Ata: Glavnaya redakciya Kazahskoj sovetskoj enciklopedii. [in Russian]

Volkova, 1983 – *Volkova, T.* (1983). Nekotorye problemy istochnikovedcheskogo izucheniya materialov ekspeditsij F.A.Shcherbiny [Some Problems of Source Studies of the Materials of F.A. Scherbina's Expeditions]. *Voprosy istoriografii Kazahstana*. Alma-Ata. Pp. 224-237. [in Russian]

Материалы по киргизскому землепользованию» как источник по изучению исторической памяти казахов Северного Казахстана

Еркин Аманжолулы Абиля ^{a, *}, Аманжол Кузембайулы ^b

^a Институт истории государства, Республика Казахстан

^b Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, Республика Казахстан

Аннотация. Результатом статистического и экономического обследования Казахстана в конце XIX – начале XX веков стало издание «Материалов по киргизскому землепользованию». Это многотомное издание содержит, помимо собственно статистической информации, записи исторических преданий казахов о времени их поселения на определенных территориях. Эти предания могут быть использованы для реконструкции традиционной исторической памяти казахов.

Исторические предания казахов, записанные авторами «Материалов», коррелируют с преданиями, зафиксированными в работах других исследователей, и говорят о раннем заселении некоторыми казахскими общинами территории Северного Казахстана – с XIV по XVI века. В то же время эти исторические предания противоречат некоторым письменным источникам, фиксирующим появление казахов на границах российских владений в Западной Сибири не ранее конца XVII века.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: yerkinabil@gmail.com (Е.А. Абиля), topai240345@mail.ru (А. Кузембайулы)

Это противоречие разрешимо, если учесть, что казахские общины Северного Казахстана, заявившие о своем автохтонном происхождении, в XV–XVI веках не входили в состав Казахского ханства и, соответственно, не фигурировали в источниках под многозначным названием «казах». Они выступали под другими собирательными названиями – «ногайцы», «сибирские татары» и т.д. и вошли в состав «казахов» в XVII веке.

«Материалы по киргизскому землепользованию» являются важным и информативным источником не только по социально-экономической истории казахского общества рубежа XIX–XX веков, но и содержат интересные данные по традиционной исторической памяти казахов, позволяя нам создавать модели этнической и политической истории степной Евразии в XV–XIX веках.

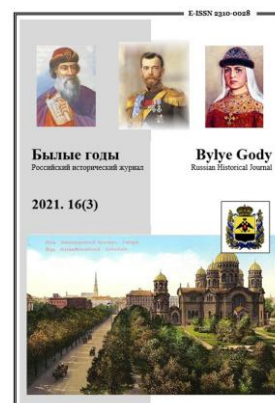
Ключевые слова: статистические экспедиции, историческая память, предания, Северный Казахстан, этническая история, генеалогия.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1473-1481
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1473
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



On the History of Science in the Russian Empire (based on the Analysis of the Journal “Nauchnoe Obozrenie” for 1898)

Natalia P. Koptseva ^{a, *}, Yuliya N. Avdeeva ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article reviews the materials of the journal “Nauchnoe obozrenie”, which is a reliable source on the history of economic and socio-cultural development of the Russian Empire. The periodical press is one of the recognized historical sources containing the description of economic, political, social, religious, and cultural processes. The analysis of the methodology associated with the source value of periodicals indicates the validity of the choice of the journal “Nauchnoe obozrenie” as a source on the history of the development of the society of the Russian Empire at the end of the XIX century. The analysis of publications of 1898–1900 is made. The classification of publications by their subject is given: the materials of publications contain a large number of issues of an economic and industrial nature, as well as reflect geographical, environmental, physical-biological, anthropological, and philosophical data that either describe and supplement existing research by scientists, or are unique and accompanied by original author's judgments. It is worth noting that many publications reflect the research of not only Russian, but also German, French, Italian and Polish scientists, whose ideas and discoveries, in one way or another, were included in scientific discussions and influenced the further development of certain areas of scientific knowledge at the world level. The issues of the journal “Nauchnoe obozrenie” of 1898–1900 contain historical material that is valuable for the study of the history of the development of the Russian Empire, which was formed under the influence of many internal and external factors and discoveries. The journal also allows you to determine the course of the history of world civilization as a whole. Until now, the materials of this periodical have not been taken into account in historiography. This defect must be corrected, and the historical essays of the journal must be recognized as an important source for the study of the history of the development of the society of the Russian Empire.

Keywords: history of Russian science, periodicals, historical sources, the Russian Empire, the journal “Nauchnoe obozrenie”, scientific discoveries, political economy.

1. Введение

Исследования истории науки Российской империи на сегодняшний день представляют особую важность, так как помогают пролить свет на исторические истоки и понять, какие трансформации произошли с наукой, какой характер имеет ее историческая динамика. Информация, связанная с изучением истории науки Российской империи, имеет не только историко-концептуальную, но и историко-методологическую ценность, так как именно в этот период российской истории многие научные дисциплины берут свое начало.

Источники, подобные журналу «Научное обозрение», в которых отражены специфические качества культуры, социального, экономического и промышленного развития Российской империи, имеют историческую значимость и нуждаются в актуальном анализе. Поскольку многие вопросы выносились на публичное обсуждение впервые, в мировом научном сообществе разворачивались обширные дискуссии на тему той или иной теории. Авторами публикаций приводится большое

* Corresponding author

E-mail address: decanka@mail.ru (N.P. Koptseva)

количество примеров исследований, множество доводов и исторических фактов в качестве подкрепления своих убеждений. В «Научном обозрении» перечень обсуждаемых тем не сводится только к научным исследованиям в Российской империи, очень часто описываются научные исследования других развитых стран. Особое внимание уделяется здесь Германии как одной из самых сильных и экономически развитых стран конца XIX – начала XX вв.

Актуальность исторического исследования периодических изданий заключается в их всестороннем охвате определенного периода, а также широкой аудитории читателей. В журнале «Научное обозрение» в 1898–1900 годах публикуется значительное количество материалов, связанных с самыми разными сферами жизнедеятельности общества Российской империи в конце XIX в., начиная от роли личности в истории, заканчивая анализом развития мировой науки.

Данная статья посвящена анализу источников по истории российской науки, опубликованных в журнале «Научное обозрение» в 1898 (№ 1–6); 1899 (№ 7–12); в 1900 (№ 1–4; № 9–12). Ранее этот вид исторических источников применительно к истории науки Российской империи не рассматривался.

2. Материалы и методы

В качестве материалов исследования выступает периодическое издание «Научное обозрение» – российский еженедельный (позднее ежемесячный) научно-философский журнал, который издавался в Петербурге с 1894 по 1903 годы. Журнал сообщал научные новости и библиографию по математическим и естественноисторическим наукам. С 2014 года издание журнала возобновлено Академией естествознания. В ходе исследования был проведен общий анализ опубликованных материалов.

В качестве теоретического основания исследования используется подход, в рамках которого издания периодической печати рассматриваются как исторические документы наравне с законодательными и делопроизводственными документами, политико-публицистическими произведениями, источниками личного происхождения, литературными памятниками и научными трудами (Рынков, 2010). В статье рассматривается каждая отдельная публикация указанных номеров, а не периодическое издание в целом. В качестве основной методологической базы используется системный анализ. Данный подход позволяет выделить своеобразие каждого источника и учесть эти особенности при его историческом анализе. Проведена систематизация источников по проблематике и выделено содержание, значимое для истории Российской империи.

Сравнительный метод исследования исторических источников при сопоставлении выпусков одного журнала сделал возможным проследить динамику развития самых разных сфер жизнедеятельности общества Российской империи.

3. Обсуждение

Периодическая печать в качестве значимого исторического источника была использована В.М. Рынковым, который сформулировал следующее определение: «Периодическая печать – это одновременно место и способ публикации источников, ее отличают периодичность и единый подход редакции к делу их обнародования. Она не является комплексным источником, но представляет собой комплекс источников. Возникновение прессы породило и продолжает порождать новые разновидности исторических источников, многие из которых присущи именно периодическим изданиям. Неизменным остается главное – периодика никогда не была и не станет видом исторических источников, а напротив, сама может содержать в себе источники всех видов» (Рынков, 2010: 46). Данное утверждение указывает на комплексную природу периодической печати в качестве исторического источника.

Д.И. Тушканов указывает на изучение периодических изданий в качестве источника, отражающего историю социокультурных процессов в аспекте национальных отношений (Тушканов, 2017: 23). Д.Л. Шереметьева отмечает, что анализ источников периодической печати имеет многоплановый характер и дает возможность для углубления знаний по какой-либо определенной теме и в совокупности с разными методиками расширяет исторические исследования (Шереметьева, 2014: 109). Периодический источник предполагает критический анализ информации и учет особенности исторического времени создания издания. Ряд исследователей указывает, что системный подход в историографическом методе предполагает наличие двух противоположностей при анализе: критики исторического источника и его интерпретации (Данилевский и др., 2015).

И.И. Кротт показал информационный потенциал периодических изданий для изучения содержания, форм и практик реализации образовательной политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. Периодическая печать рассматривается им как «комплекс источников» разной видовой принадлежности: нормативно-правовых документов, делопроизводственных материалов, источников личного происхождения, художественных и публицистических текстов (Кротт, 2018: 116).

Н.П. Копцева, К.А. Дегтяренко и А.А. Шпак в качестве источников по истории народов Российской империи предлагают рассматривать публикации в журнале «Природа и люди» 1910 года издания и

выполняют анализ серии статей этого журнала в историческом контексте (Копцева и др., 2021). Аналогичные исследования проводят М.А. Колесник, Н.М. Лепцинская и Д.С. Пчелкина по отношению к периодическому изданию «Енисейские епархиальные ведомости» (Колесник и др., 2021).

4. Результаты

4.1. Общая характеристика источника

Выдающийся русский ученый-энциклопедист Михаил Михайлович Филиппов (1858–1903) оставил свой след в истории российской науки на самых разных поприщах: литературном, естественнонаучном, математическом, историческом, экономическом, философском. Помимо обширной научной и литературной деятельности, М.М. Филиппов был издателем одного из первых периодических изданий, посвященного обзорам актуальных для того времени научных открытий и дискуссий, журнала «Научное обозрение». Этот журнал издавался им с 1894 года в течение восьми с половиной лет до самой кончины М.М. Филиппова в 1903 году и прекратил свое издание после его смерти. С 2014 года под этим же названием – «Научное обозрение» – издается журнал Академии естествознания.

Журнал «Научное обозрение» М.М. Филиппова имел свою историю: в 1894–1896 гг. он был еженедельным и публиковал материалы по математическим и естественным наукам, в 1897–1903 гг. расширяются его научные направления, добавляются социально-гуманитарные исследования, прежде всего экономические обзоры, литературоведческие, статистические, искусствоведческие статьи. Одновременно журнал становится ежемесячным. В 1902–1903 научные обзоры дополняются публикациями литературно-художественных текстов и журнал «Научное обозрение» приобретает универсальный издательский статус.

Постоянными рубриками журнала «Научное обозрение» были «Научные новости», «Критика и библиография», «Обзор журналов», приложение «Народный университет». Здесь публиковались переводы современных зарубежных научных статей (в том числе работы Ч. Дарвина, Г. Гельмгольца, Э. Гиддингса и др.). С журналом сотрудничали выдающиеся русские ученые Н.Н. Бекетов (цикл статей «Строение материи в связи с ее химической энергией»), Д.И. Менделеев (Вступление к книге «Познание России. Заветные мысли»), К.Э. Циолковский (статьи «Продолжительность лучеиспускания Солнца», «Вопросы воздухоплавания», «Исследование мировых пространств реактивными приборами» (1903, № 5), П. Лесгафт («Психо-биологические вопросы»), А.А. Герцен («Физиологические беседы. Классификация рефлексов») и др.

Поскольку сам М.М. Филиппов в социальных исследованиях стоял на концептуальных и методологических позициях марксизма, то в его журнале публикуются как переводы работ К. Маркса и Ф. Энгельса, так и статьи современных ему русских марксистов, в том числе несколько рецензий В.И. Ленина под псевдонимом В. Ильин «Заметка к вопросу о теории рынков. По поводу полемики гг. Туган-Барановского и Булгакова» (1899, № 1), «Еще к вопросу о теории реализации» (1899, № 8); «Некритическая критика» (1900, № 5–6); статьи Ф. Энгельса «Диалектика и метафизика» (1897, № 5), К. Маркса «Речь о свободе торговли» (1897, № 11), Г.В. Плеханова «К вопросу о роли личности в истории», «Письма без адреса», К. Каутского «Экономические кризисы и хроническое перепроизводство» (1897, № 7) и большая работа авторства самого М.М. Филиппова «Социологическое учение Карла Маркса» (1897, № 1–4).

Однако философское направление журнала было представлено не только марксизмом. Так, в нем в разное время были опубликованы «Письма Ницше к Герсдорфу» (1901, № 7), «Отношение механики к другим наукам» Э. Маха (1897, № 5), «Философия и наука» В. Вундта (1897, № 8) и ряд других статей современных издателю мыслителей.

Литературоведческие публикации были посвящены как отечественным, так и зарубежным авторам. Так, сам М.М. Филиппов опубликовал серию статей о литературном критике В.Г. Белинском «Философские убеждения Белинского», статью «Письма о современной литературе» и др.

Журнал «Научное обозрение» тиражировался в типографии русского книгоиздателя Петра Петровича Сойкина. И в каждом его номере (как правило, в конце) обязательно была рубрика «Книги, поступившие на книжный склад П.П. Сойкина».

4.2. Анализ содержания выпусков «Научного обозрения»

Для журнала «Научное обозрение» характерно то, что его номерам не задается одна тематическая линия: его выпуски могут быть совершенно различны по теме, структуре, объему и стилю изложения. Однако их можно довольно легко классифицировать, суммируя тематику выпусков из разных номеров. Примечательно и то, что некоторые темы разбиты на несколько номеров, то есть, к примеру, имеют «начало» в одном номере и «продолжение» – в другом. Спецификой журнала является то, что в нем публиковались в совершенно свободной форме материалы, связанные не только с достижениями российской науки, но и активно переводились зарубежные материалы (статьи, публичные лекции и т.п.); кроме того, российские ученые делали различные обзоры на тему зарубежных открытий и теорий, а также обзоры зарубежной корреспонденции. Стоит также отметить, что «Научное обозрение» периодически становится в те годы полем для активных научных дискуссий. Это подтверждается наличием «диалогичных» публикаций, когда в одном номере автор

выпускает в свет какую-либо тему, а в последующем номере другой автор делает публикацию с подобной тематикой и пометкой «Ответ такому-то» или «Моим критикам». Каждый номер журнала завершается разделом научных новостей и при наличии ярких общезначимых актуальных событий – разделом хроники. Научные новости сообщают о каких-либо наиболее значимых научных достижениях и открытиях. Хроника освещает наиболее существенные актуальные события.

Условно все выпуски номеров «Научного обозрения» можно поделить на такие тематические блоки, как биология, микробиология и медицина; политическая экономия; социология; психиатрия; криминалистика и юриспруденция; философия; исследования и научные открытия в области физики и химии; астрономия; антропология; гендерные и расовые вопросы.

Всего было рассмотрено 62 публикации «Научного обозрения», опубликованные в 1898 (№ 1–6); 1899 (№ 7–12); в 1900 (№ 1–4; № 9–12). Публикации имеют различный объем – от 3 до 20 страниц, а сами номера, как правило, включают в среднем от 8 до 12 публикаций. Авторы публикаций в большей степени всегда разные, за исключением того, когда публикация разбита на «начало» и «продолжение» в разных номерах. Кроме того, стоит отметить, что сам издатель журнала М.М. Филиппов публиковал свои статьи практически в каждом номере. Тематика его статей в основном касалась экономических и философских вопросов.

В двух частях публикации «О философии чистого опыта» (Филиппов. № 5. 924-937; № 6. 1054-1069) отражаются идеи сообщения, прочитанного на заседании Философского общества 16 апреля 1898 г., в котором, главным образом, отражается вклад в развитие философского знания И. Канта и Р. Авенариуса. В особенности автора интересует теория познания, и в частности понятие и роль опыта в процессе познания.

Еще одна статья, посвященная философской тематике, – «Конт и его учение» (Филиппов, 1898. № 3. 552-595). М. Филиппов обращается здесь к исторической оценке взглядов Конта, к анализу классификации и иерархии наук, которые последний приводит в своем учении. Конт представлял себе взаимную зависимость наук по преимуществу в виде иерархического подчинения одних членов ряда другим. Конт первым вполне категорически и ясно определил область социологии и ее место в ряду других наук.

Представители западной философии обсуждаются и другими отечественными авторами, в том числе В. Козловским в статье «Фридрих Ницше» (Козловский, 1898. № 1. 22-44), где он рассматривает вопросы нравственности в философии Ницше, и Л.А. Филипповой в статье «Огюст Конт и Клотильда де Во» (Филиппова, 1898. № 3. 596-604), в которой она обращается к биографии и личной жизни О. Конта.

М. Филиппов отмечает небывалое оживление экономической литературы в связи со стремительной изменчивостью времени. В научных кругах идет активное обсуждение взглядов К. Маркса и даже на частные вопросы пишут десятки статей. Помимо учения Маркса, наблюдается оживление интереса к экономическим вопросам как практического, так и чисто теоретического характера. М. Филиппов в целой серии научных статей на экономическую тему отражает данную проблематику, а также проводит параллели между развитием политической экономии в России и на Западе. Среди серии статей необходимо отметить следующие: «Прудон, как идеолог мелкой буржуазии» (Филиппов, 1898. № 1. 96-111; № 2. 315-329); «Современные русские экономисты. Н. Зибер, как критик Рикардо» (Филиппов, 1899. № 7. 1345-1372); «Современные русские экономисты. Критика диалектического метода. Критика Ю. Жуковского» (Филиппов, 1899. № 9. 1667-1686); «Современные русские экономисты. Н.К. Михайловский против Ю. Жуковского» (Филиппов, 1899. № 10. 1912-1924); «Современные русские экономисты. Конкретные условия развития русского капитализма» (Филиппов, 1899. № 11. 2085-2105); «Современные русские экономисты. Народническое учение» (Филиппов, 1899. № 12. 2258-2276); «Новейшие русские экономисты. А.И. Чупров» (Филиппов, 1900. № 3. С. 529-550); «Критика новейших экономических учений» (Филиппов, 1900. № 1. 91-104; № 2. 312-327).

Разумеется, М. Филиппов не единственный, кто активно публиковал экономические темы на страницах «Научного обозрения», и буквально каждый номер включал в себя самые разные вопросы экономического характера: «О некоторых основных понятиях политической экономии» (Булгаков, 1898. № 2. 330-353); «К вопросу о рынках» (Скворцов, 1899. № 7. 1403-1410); «Товарный фетишизм» (Скворцов, 1899. № 12. 2277-2295); «О новой теории рынков» (Авилов, 1899. № 12. 2296-2308); «По поводу новой критики Маркса (Прокопович, 1899. № 11. 2139-2141); «К вопросу о производительном и непроизводительном труде» (Давыдов, 1900. № 1. 151-165); «К вопросу о производительном труде (Ответ С. Прокоповичу)» (Базаров, 1900. № 4. 797-805); «Учение Бем-Баверка о прибыли и капитале» (Рыкачев, 1900. № 2. 219-237); «Экономические условия быта инородцев Туруханского края» (Передельский, 1900. № 3. 512-528); «Трудовая ценность и теория прибыли (Моим критикам)» (Туган-Барановский, 1900. № 3. 607-633).

Стоит отдельно указать на еще несколько значимых статей, посвященных политической экономии. Публикация «Смитианизм и марксизм перед судом профессора Шмоллера» (Исаев. № 4. 810-822) отражает основные идейные положения Шмоллера, который в октябре 1897 г. в Берлинском университете при вступлении на должность ректора прочел лекцию «Меняющиеся учения и прочные

истины в области государственных и социальных наук и нынешняя германская политическая экономия». Поднятый им вопрос представлял первостепенный интерес для каждого, кто изучал явления народного хозяйства.

Две публикации «Научного обозрения» (№ 6 за 1898 г.) посвящены русской экономической политике и развитию промышленности: «Из истории русской экономической политики» (Шульце-Гевернитц. 1070-1094) и «Научная история русской крупной промышленности» (Струве. 1104-1116). В первой отражается связь явлений внешней политической жизни народа с развитием его хозяйственных отношений внутри. Вторая статья посвящена обзору и анализу обширного научно-исследовательского труда М. Туган-Барановского, который видел своей целью дать обстоятельную историческую характеристику экономических форм, в которых росла и множилась русская промышленность, начиная с петровской реформы.

В двух частях публикации «Экономическая теория г. Николая-она» (Маслов. № 3. 530-551; № 4. 742-766; № 6. 1039-1053) отражается специфика перехода от натурального хозяйства к товарному. Хозяйство крестьян при крепостном праве носило характер натурального, самопотребительского, производящего продукты частично для помещика, частично для собственного потребления. Промышленная жизнь умещалась в формулу – производство-потребление. Хозяйственные отношения были очень просты, каждое хозяйство представляло собой отдельный промышленный мирок, не связанный прочными общественно-экономическими узами с другими такими хозяйствами.

Среди публикаций «Научного обозрения» можно выделить статьи социального характера. В статье «К вопросу о роли личности в истории» (Кирсанов, 1898. № 3. 605-619; № 4. 706-718) центральным вопросом становится то, что личности, благодаря специфике своего характера и индивидуальным особенностям могут влиять на судьбу общества.

В статье «Общественные отношения и идеология» (Маслов, 1898. № 1. 45-58) общественные отношения представляют собой классовые отношения, от которых не может уклониться ни одна личность, живущая в обществе. Говоря об идеологах, автор статьи отмечает, что большинство писателей всегда держатся взгляда той группы, к которой принадлежат. Но в каждом сословии встречаются люди с исключительными характерами, идеологи, которые не защищают интересы одного класса общества, а говорят и думают об интересах всего общества.

Статья «Генезис воли» (Михайлов, 1898. № 3. 521-529) посвящена широкому психофизиологическому вопросу силы воли и ее неразрывной связи с сознанием. Статья «Антропосоциология» (Винярский, 1900. № 1. 1-16) рассматривает вопросы изменения антропологического состава каждого народа с течением времени и развитием цивилизации. Поднимаются вопросы дифференциации языков, классификации рас, классового разделения по экономическому признаку, физиологических данных, передающихся по наследству, зависимости от интеллигенции и понятия «высших индивидуумов».

В выпуске «Развитие современного учения о преступнике» (Давыдов. № 4. 719-731) обращается внимание на то, что за последние десятилетия вместе со значительными изменениями в области техники и промышленности произошли перемены в социальной жизни, а именно речь идет об учении о преступнике. Все большее значение приобретают субъективные факторы преступления, при определении степени виновности становится необходимым принимать во внимание и индивидуальность преступника.

Некоторые публикации «Научного обозрения» посвящены конкретным персоналиям: писателям, публицистам, литературным критикам, политическим деятелям, социологам, историкам и т. д. В таких статьях, как правило, анализируется оценка их деятельности в общественных и научных кругах. Среди них можно выделить следующие публикации: «Н.Е. Петропавловский-Каронин» (Санин, 1899. № 7. 323-344); «Основная ошибка Туган-Барановского» (Богданов, 1899. № 9. 1758-1766); «Дмитрий Иванович Писарев» (Каренин, 1900. № 3. 479-500; № 4. 741-755).

В статье «Белинский в потомстве» (Соловьев. № 3. 509-520; № 5. 861-877) автор обращается к фигуре Белинского, главной заслугой которого считается то, что он был исторической личностью, т. е. такой, в которой наиболее сильно отразились страдания и надежды целой эпохи. Автор отмечает, что читатель Белинского не умирал и не умер, была лишь кратковременная эпоха, когда имя великого критика не упоминалось на страницах журналов, когда его статьи едва ли кем-нибудь перечитывались и казались навсегда похороненными в старых книгах. Эта эпоха длилась 8 лет со дня смерти Белинского до появления знаменитых статей Н.Г. Чернышевского (Чернышевский, 1856), Д.И. Писарева (Писарев, 1865), Н.К. Михайловского (Михайловский, 1881). Автор заключает, что каждое поколение понимало Белинского по-своему и каждое находило в нем что-то близкое и родное для себя.

В статье «Письмо к немецким женщинам Элизы Ожешковой» (№ 5, с. 905-923) описывается значение открытого письма к немецким женщинам Э. Ожешко, которое было написано в ответ на заявления симпатии и уважения со стороны представительниц женской немецкой интеллигенции по случаю 25-летия литературной деятельности польской писательницы.

Довольно большое количество работ «Научного обозрения» посвящено вопросам химии, биологии и микробиологии. Среди них можно выделить следующие: «Химическая энергия в природе» (Бекетов, 1898. № 1. 88-95); «Краткий очерк главнейших моментов в истории биологии» (Вирхов, 1899. № 7. 1311-1322); «Значение микробиологии в промышленности» (Лидин, 1900. № 12. 2086-2093); «Анабиоз» (Бахметьев, 1900. № 1. 17-28).

Кроме того, значительное количество публикаций представляет собой описания и обзоры зарубежных достижений и изобретений. Например, в статье «Несколько слов о жидком воздухе» (Тюрин. № 5. 938-940) рассматривается очень значимое изобретение Линде – известного специалиста по технике искусственного производства холода. К этому же тематическому блоку можно отнести следующие статьи: «Несколько итогов движения University-Extention (Распространение высшего образования). Корреспонденция из Германии» (Суккенников, 1898, № 2. 368-380); «По музеям, садам и лабораториям Европы» (Ингеницкий, 1898. № 3. 620); «Железнодорожные синдикаты в Соединенных Штатах» (Мижнев, 1899. № 8. 1423-1458); «Социальное значение железных дорог в Америке» (Мижнев, 1900. № 4. 658-671).

В статье «Темная страница из истории человечества» (Засодимский, 1898. 6, 963-983) автор обращается к такому периоду в Европе, когда в тех пещерах, где жил первобытный человек, находили между костями различных животных и человеческие кости. Но эти кости не только обглоданы, но и расколоты, причем расколотыми оказываются лишь те, которые заключают в себе костный мозг. Автор здесь очень уместно приводит в пример известную римскую поговорку: «Человек человеку волк» – и полагает, что она буквально осуществлялась в действительности. В более поздней статье «Из первобытной истории человечества» (Засодимский, 1900. № 1. 57-73) Засодимский описывает природные и климатические условия древних цивилизаций, специфику их флоры и фауны, а также самого первобытного человека, способы его существования и типы жилищ.

В статье «Народничество в прошлом и настоящем» (Санин, 1898. № 2. 251-271; № 6. 993-1008) описывается специфика такого движения, как народничество.

Есть исключительные темы публикаций в «Научном обозрении», к которым обращаются немногие авторы: вопросы, связанные с культурой и искусством. Из всего перечня анализируемых выпусков можно выделить лишь две статьи, содержание которых отражает первые научные шаги к пониманию сущности понятия «искусство»: «Сущность искусства и его развитие» (Вережкин, 1899. № 9. 1736-1745) и «Письма без адреса. Искусство у первобытных народов» (Кирсанов, 1899. № 11. 2050-2084; 1900. № 3. 462-478). Автор первой статьи выводит положение, которое не поддается сомнению среди эстетиков: «искусство есть вытекающая непосредственно из врожденной потребности некоторых даровитых людей творческая деятельность». Таким образом, каждое произведение искусства отличается от всех ему подобных ясно обособленной индивидуальностью. Искусство в широком смысле понимается суммой деятельностей вполне самостоятельных художников, из которых каждый воспроизводит творчеством только некоторые стороны данной действительности, сообразно с характером своего мирозерцания. Автор второй статьи рассматривает понятие искусства с точки зрения динамики развития человека. На развитие эстетических вкусов он смотрит с той же точки зрения, как и на развитие нравственных чувств.

Еще две статьи, которые привлекают исследовательское внимание, касаются вопросов материального статуса Закавказья: «Земельная неурядица в Закавказье» (Туманов, 1900. № 10. 1810-1839); «Земельная неурядица и саморасправа на Кавказе: Хизанский вопрос, Колонизация, Сословный вопрос, государственные крестьяне и казенные земли (Туманов, 1900. № 11. 1853-1921). Авторы подчеркивают контраст между богатством природы Закавказья и нищетой населения этого края. Главным образом, затрагивается вопрос по поземельному неустройству края, из-за которого происходят ожесточенные конфликты среди населения. Одной из причин такого неустройства является отсутствие необходимых документов, которые зачастую попросту утеряны полицейскими учреждениями или самими владельцами земли.

Статья «Московская смута XVIII века и основа социологии» (Трачевский, 1900: № 1. 126-142; № 2. 328-342) имеет узловую тему – общественную эволюцию XVIII в. Затрагиваются такие вопросы, как видоизменение исторической терминологии; общественное развитие средних веков; патронат и крепостничество; коммунальная смута; возникновение неравенства; социологическое значение Древнего Рима; зарождение нового капитализма (денежный и земельный вопросы); «меркантилизм» и «политическая экономия».

Автор статьи «Чума (Очерк)» (Бердяев, 1899. № 10. 1925-1941) раскрывает тему мирового масштаба, связанную с эпидемией чумы. В статье описываются особенности и течение заболевания, специфика распространения, деятельность бактериологов и врачей. Также затрагивается вопрос происхождения, локализации чумы и статистика заболеваемости в тот или иной исторический период.

Статья «Хлопковый голод», состоящая из двух частей (Туган-Барановский, 1899: № 11. 2106-2120; № 12. 2186-2200), описывает бедственное положение Англии и колоссальную безработицу в период хлопкового голода. Между тем отмечается, что хлопковый голод обрушился, главным образом, на рабочих, а вот многие капиталисты, напротив, чрезвычайно нажились на нем.

5. Заключение

Результаты анализа материалов, опубликованных в «Научном обозрении», позволяют сформировать представление об особенностях истории развития науки всеобщего масштаба. В ходе исследования было установлено, какие сферы человеческой жизни интересовали ученых XIX века больше всего и какие взаимосвязи прослеживались между теми или иными явлениями и процессами в жизни индивида и общества. Так, например, очень много публикаций связано с темой политической экономии и развития промышленности, и некоторые ученые полагают, что многие психические, нравственные и мировоззренческие процессы и установки человека обусловлены материальными условиями жизни общества. Вполне закономерно, что многие научные дискуссии в области экономического развития развернулись вокруг знаменитой экономической теории К. Маркса. Также освещаются первые исследования и теории в области криминологии и юриспруденции, поднимается тема преступности и ее обусловленности генетическими предрасположенностями. Упоминаются первые ученые-женщины, которые положили начало эмансипации и способствовали массовому обучению женщин самостоятельному труду и мышлению. Кроме того, очень много исследований натуралистского характера, в которых многие физические, психические и умственные процессы в человеке обусловлены условиями окружающей естественной среды. С разных позиций рассматривается взаимообусловленность процессов, происходящих в окружающей среде и в жизнедеятельности человеческого и животного мира. Отражается множество исследований различных микробов и восприимчивости к ним живого организма, а также предрасположенностей к заболеваниям. Освещаются и значимые философские теории, в особенности теория познания И. Канта и эмпириокритицизм Р. Авенариуса. Для журнала «Научное обозрение» примечательно то, что, рассматривая какие-то новые открытия и актуальные исторические процессы, авторы публикаций всегда рассматривают их в рамках исторической динамики, сравнивая с предшествующими этапами развития. Таким образом, на основании журнала несложно проследить ход развития науки с самых ее истоков и в мировом масштабе.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20-49-240001

Литература

- Данилевский и др., 2015 – Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 2015. 685 с.
- Известия русского экономического общества, 1898 – Журнал «Известия русского экономического общества». 1898. Вып. VI.
- Милюков, 1892 – Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. Санкт-Петербург, 1892. XVI. 156 с.
- Михайловский, 1881 – Михайловский Н.К. Прудон и Белинский // Сочинения. Т. 3. СПб., 1881.
- Научное обозрение, 1898 – Журнал «Научное обозрение». 1898. № 4, № 5, № 6.
- Нисселович, 1883 – Нисселович Л.Н. История фабричного законодательства Российской Империи. СПб., 1883. Часть 1.
- Писарев, 1865 – Писарев Д.И. Пушкин и Белинский (1 гл.): Статья. 1865. 38 с.
- Рынков, 2010 – Рынков В.М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // Отечественные архивы. 2010. № 3. С. 44-50.
- Семеновский, 1881 – Семеновский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1881. Т. 1. С. 145-157.
- Тушканов, 2017 – Тушканов Д.И. Положение периодической печати Саратовской губернии в начале XX века по материалам газеты «Вольская жизнь» // Вестник ВИЭПП. 2017. С. 22-25.
- Филькин, 2017 – Филькин К.Н. Методология когнитивных наук в анализе исторических источников: пространство перспектив и проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 136-140.
- Чернышевский, 1856 – Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы. 1856. 74 с.
- Янжул, 1890 – Янжул И.И. Основные начала финансовой науки: учение о государственных доходах. СПб., 1890. 357 с.
- In Australischen..., 1896 – In Australischen Busch und an den Kusten des Korallenmeeres // Reiseerlebnisse eines Naturforschers. Leipzig. 1896.
- Kolesnik et al., 2021 – Kolesnik M.A., Leshchinskaia N.M., Pchelkina D.S. “Yeniseyskiye Eparkhial'nyye Vedomosti” as a Source of History of the Peoples of the North of the Yenisei Province in the late XIX – early XX centuries // Bylye Gody. 2021. 16(2): 889-897.
- Neue Zeit, 1898 – «Neue Zeit». K. Schmidt. 1898. XI J. I. Bd., 72 p.
- Rotta, 1908 – Rotta P. Eduard Zeller e la storia della filosofia. Treviso. 1908.

[Semon, 1893](#) – *Semon R.* Zoologische Forschungsreisen in Australien // *Medizinisch-naturwissenschaftliche Gesellschaft zu Jena*. 1893.

[Zur Lehre..., 1892](#) – Zur Lehre von den Lohngesetzen вЪ Conrads Janrbucher f. // *Nationalökonomie u. Statistik*. III Folge IV Band, 3 Heft, 1892.

References

[Chernyshevsky, 1856](#) – *Chernyshevsky, N.G.* (1856). Ocherki gogolevskogo perioda russkoj literatury [Essays of the Gogol period of Russian literature]. 74 p.

[Danilevsky et al., 2015](#) – *Danilevsky, I.N., Kabanov, V.V., Medushevskaya, O.M. et al.* (2015). Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossijskoj istorii [Source study: Theory. History. Method]. M., 685 p. [in Russian]

[Filkin, 2017](#) – *Filkin, K.N.* (2017). Metodologiya kognitivnyh nauk v analize istoricheskikh istochnikov: prostranstvo perspektiv i problemy [Methodology of cognitive sciences in the analysis of historical Orientalists: expanses of perspectives and problems]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* 420: 136-140. [in Russian]

[In Australischen..., 1896](#) – In Australischen Busch und an den Küsten des Korallenmeeres. 1896. Reiseerlebnisse eines Naturforschers. Leipzig.

[Izvestiya Rossijskogo ekonomicheskogo obshchestva, 1898](#) – *Zhurnal "Izvestiya Rossijskogo ekonomicheskogo Obshchestva"*. 1898. Issue VI. [in Russian]

[Kolesnik et al., 2021](#) – *Kolesnik, M.A., Leshchinskaia, N.M., Pchelkina, D.S.* (2021). "Yeniseyskiye Eparkhial'nyye Vedomosti" as a Source of History of the Peoples of the North of the Yenisei Province in the late XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 16(2): 889-897.

[Koptseva et al., 2021](#) – *Koptseva N.P., Degtyarenko K.A., Shpak A.A.* (2021). The Journal «Nature and People» (1910) as a Source of the Peoples History in the Russian Empire. *Bylye Gody*. 16(2): 990-999.

[Mikhailovsky, 1881](#) – *Mikhailovsky, N.K.* (1881) Prudon i Belinskij [Proudhon and Belinsky]. Essays. Vol. 3. St. Petersburg. [in Russian]

[Milyukov, 1892](#) – *Milyukov, P.N.* (1892). Gosudarstvennoe hozyajstvo Rossii v pervoj chetverti XVIII stoletiya i reforma Petra Velikogo [State housing of Russia in the first quarter of the XVIII century and the reform of Peter the Great]. St. Petersburg. XVI. 156 p. [in Russian]

[Nauchnoe obozrenie, 1898](#) – *Zhurnal «Nauchnoe obozrenie»*. 1898. № 4, № 5, № 6. [in Russian]

[Neue Zeit, 1898](#) – «Neue Zeit» (1898). Kay Schmidt. XI J. I. Bd. 72 p.

[Nisselovich, 1883](#) – *Nisselovich, L.N.* (1883). Istoriya fabrichnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Imperii [History of the factory legislation of the Russian Empire]. St. Petersburg. Part 1. [in Russian]

[Pisarev, 1865](#) – *Pisarev, D.I.* (1865). Pushkin i Belinskij (1 gl.) [Pushkin and Belinsky (1 ch.)]: Article. 38 p. [in Russian]

[Rotta, 1908](#) – *Rotta, P.* (1908). Eduard Zeller e la storia della filosofia. Treviso.

[Rynkov, 2010](#) – *Rynok, V.M.* (2010). Periodicheskaya pechat': mesto v sisteme istoricheskikh istochnikov [Periodical printing: a place in the systems of historical sources]. *Otechestvennyye arhivy*. 3: 44-50. [in Russian]

[Semon, 1893](#) – *Semon, R.* (1893). Zoologische Forschungsreisen in Australien. Medizinisch-naturwissenschaftliche Gesellschaft zu Jena.

[Semyonovsky, 1881](#) – *Semyonovsky, V.I.* (1881). Krest'yane v tsarstvovanie imperatricy Ekateriny II. [Peasants in the reign of the imperatives of Catherine II]. SPb, pp. 145-157. [in Russian]

[Tushkanov, 2017](#) – *Tushkanov, D.I.* (2017). Polozhenie periodicheskoy pechati Saratovskoj gubernii v nachale XX veka po materialam gazety «Vol'skaya zhizn'» [The position of the periodical press of the Saratov province at the beginning of the XX century based on the materials of the newspaper "Volskaya Zhizn"]. *Vestnik VIEPP*, pp. 22-25. [in Russian]

[Yanzhul, 1890](#) – *Yanzhul, I.I.* (1890). Osnovnye nachala finansovoj nauki : uchenie o gosudarstvennyh dohodah [Basic principles of financial Science: teaching about state revenues]. St. Petersburg. 357 p. [in Russian]

[Zur Lehre..., 1892](#) – Zur Lehre von den Lohngesetzen, Conrads Janrbucher f. (1892). Nationalökonomie u. statistics. III Folge IV Band, 3 Heft.

К вопросу об истории науки в Российской империи (на материале анализа журнала «Научное обозрение» 1898 г.)Наталья Петровна Копцева ^{a, *}, Юлия Николаевна Авдеева ^a^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье делается обзор материалов журнала «Научное обозрение», который представляет собой достоверный источник по истории экономического и социально-культурного развития Российской империи. Периодическая печать является одним из признанных исторических источников, содержащих описание экономических, политических, социальных, религиозных, культурных процессов. Анализ методологии, связанной с источниковедческой ценностью периодических изданий, указывает на обоснованность выбора журнала «Научное обозрение» в качестве источника по истории развития общества Российской империи конца XIX века. Делается анализ публикаций 1898–1900 гг. Приводится классификация публикаций по их тематике: материалы публикаций содержат большое количество вопросов экономического и промышленного характера, а также отражают географические, экологические, физико-биологические, антропологические, философские данные, которые либо описывают и дополняют существующие исследования ученых, либо являются уникальными и сопровождаются оригинальными авторскими суждениями. Стоит отметить, что многие публикации отражают исследования не только российских, но и немецких, французских, итальянских и польских ученых, идеи и открытия которых так или иначе были включены в научные дискуссии и оказали влияние на дальнейшее развитие тех или иных областей научного знания на мировом уровне. Выпуски журнала «Научное обозрение» 1898 года содержат исторический материал, ценный для исследования истории развития Российской империи, которая складывалась под воздействием множества внутренних и внешних факторов и открытий. Также журнал позволяет определить ход истории мировой цивилизации в целом. До настоящего времени материалы данного периодического издания не учитывались в историографии. Этот пробел должен быть восполнен, и исторические очерки журнала необходимо признать важным источником для изучения истории развития общества Российской империи.

Ключевые слова: история российской науки, периодические издания, исторические источники, Российская империя, журнал «Научное обозрение», научные открытия, политическая экономия.

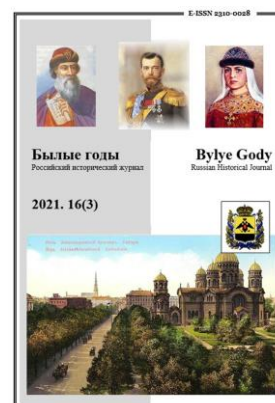
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: decanka@mail.ru (Н.П. Копцева)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1482-1490
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1482
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



Incidents and Crimes in Western Siberia: Nature, Scope and Trends (1900–1914)

Alexander B. Khramtsov ^{a, *}

^a Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

Abstract

The work examined the facts of incidents and offenses in the cities of the Siberian region, assessed their scale and trends in 1900–1914. The information basis was the reports of gendarmerie–police officials on the recorded facts of incidents and crimes, as well as notes of local newspapers. The instability of the socio-political situation contributed to the destruction of the traditional lifestyle and disorientation of the behavior of large masses of the population, as a result of which the criminalization of all aspects of the life of local society increased several times, street riots intensified, new types of crimes that were not characteristic of the region appeared: terrorist attacks, rape, assassination and assassination of officials and suicide. An attempt was made on the basis of causal relations to systematize incidents and crimes, with their division into 4 groups: "emergency incidents," "anti-state criminal acts": "crimes against the person and family" and "crimes against property." It is alleged that the prevailing object of offenses in the region during this period was replaced several times: in 1900–1904 – a surge of "extraordinary" incidents of both a man-made and criminal nature, in 1905–1907 – against the person, 1908–1914 – against property. It was established that the criminal situation in the cities was different. According to the results of counting the number of offenses, it was concluded that the most safe were the city of Biysk and small cities of the region: Bogotol, Kolyvan, Kuznetsk, Turinsk, Tyukalinsk and Slavgorod, and unsafe – large cities – Tomsk, Barnaul, Tyumen, Kurgan and Novonikolaevsk, and from small – "designated" by the place of exile – Narim, Berezov, Surgut, Mariinsk, Kainsk, Tatarsk and Taiga.

Keywords: incident, crime, murder, fires, strikes, criminalization, Western Siberia.

1. Введение

Задача любого государства – обеспечить общественный порядок и безопасность населения на его территории. Для повышения эффективности решения данной задачи сегодня следует учитывать накопленный опыт в этой сфере, вследствие чего комплексное исследование происшествий и преступлений в досоветский период является актуальным и в научном, и в практическом плане. Проблема исследования преступности затрагивает абсолютно каждого человека: кто-то подвергся насилию, кто-то – разбою и грабежу, кто-то столкнулся с хулиганством и злоупотреблениями чиновников и т.д. Анализ различных факторов, свидетельствующих и объясняющих причины и динамику правонарушений, необходим для понимания причин роста правонарушений, а также форм и методов борьбы с ними. Общественно-политическая нестабильность начала XX в. привела к усилению криминализации сибирского населения. Главными факторами, содействовавшими криминализации региона, по мнению исследователей, стали административная ссылка и переселенческая политика (Глазунов, 2004: 223). Неслучайно в общественном сознании Сибирь считалась «краем каторжников». В этом контексте интересно проследить характер, масштабность происшествий и правонарушений, их основные тенденции в городах региона в 1900–1914 гг.

* Corresponding author

E-mail addresses: khramtsov_ab@bk.ru (A.B. Khramtsov)

2. Материалы и методы

В процессе изучения качественных и количественных характеристик происшествий и преступлений в регионе неоценимую помощь могут оказать донесения полицейских чиновников, которые содержат данные о различных сторонах жизнедеятельности населения. Другая группа источников – публикации местных газет («Сибирская жизнь», «Вестник Западной Сибири», «Тобольские губернские ведомости» и др.) в данной сфере. Большая часть анализируемых источников еще не введена в научный оборот, на что нужно обратить внимание современных исследователей.

В соответствии с циркулярами Департамента полиции МВД и Отдельного корпуса жандармов местные жандармские отделения наделялись широкими полномочиями по профилактике и расследованию преступлений, наблюдению за общественным порядком, инспектированию, пресечению любой преступной пропаганды и др. Начальники жандармских управлений обязаны были в штатном режиме рапортовать в центр обо всех происшествиях и преступлениях во вверенных им районах посредством донесений (докладов, рапортов), которые сохранились в государственных архивах.

В Государственном архиве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация) отложился фонд Отдельного корпуса жандармов, в котором широко представлены донесения жандармских начальников с мест. Архивные дела с донесениями сгруппированы по номинальному признаку и, как правило, за год. Иногда в дело включались донесения за два года. По исследуемому региону дела сохранились частично. Возможно, донесения исследуемых жандармских управлений также отложились в делах, где не указаны губернии и управления, под общим наименованием «С донесениями жандармских управлений о происшествиях», которых в этом фонде несколько десятков. Наряду с этим, использовались публикации газет из рубрики «Происшествия» и статистические сборники.

Исследуемые источники отличаются многоаспектной тематикой, высоким уровнем информативности, содержат интерпретацию полицейскими чиновниками различных событий в сибирских городах и селах.

Анализ исторических источников в содержательном аспекте позволяет подразделить происшествия и правонарушения на 4 группы: 1) «чрезвычайные происшествия», нарушающие нормальную (повседневную) жизнедеятельность местного населения: аварии, эпидемии, пожары, землетрясения, наводнения, массовые беспорядки, митинги, демонстрации, стачки, забастовки и т.п.; 2) «антигосударственные деяния»: терроризм, бандитизм, революционная пропаганда и организованная преступность; 3) «преступления против личности и семьи»: от убийств, побоев, до оскорблений; 4) «преступления против собственности»: растраты, грабежи, кражи, мошенничество и др.

Полиметодологизм – этап развития современной исторической науки, характеризующийся междисциплинарностью, «углублением» источниковой базы исследований и, как следствие, расширением их научной проблематики. Анализ источников в данной работе проводится в контексте теории модернизации. Выявить факты происшествий и правонарушений позволили такие методы исследования, как содержательный анализ документов; раскрыть их причины и тенденции – анализ и синтез, подсчитать их динамику – контент-анализ, сравнить криминальную ситуацию в городах региона и провести аналогии – сравнительный анализ и подвести итоги – метод обобщений.

3. Обсуждение

Степень изученности темы, к сожалению, незначительна и разноречива. Дореволюционных работ не обнаружено. В советское время изучение преступлений в начале XX в. связывалось исключительно с развитием революционно-освободительного движения. Погромы и убийства рассматривались как следствие противостояния революционной демократии и монархической власти, как борьба широких масс трудящихся с эксплуататорским строем (Остроумов, 1980: 34).

В современных работах наметились новые подходы к оценке происшествий и преступлений в начале XX в. Например, достаточно подробно обстоятельства погрома в Томске (октябрь 1905 г.) исследовал М.В. Шиловский, который считал, что «это был конфликт граждан различных убеждений, различных сословий, «отцов и детей», который имел стихийный характер» (Шиловский, 2010: 8). Ряд аспектов развития преступности в Сибири рассмотрен в книге Н.С. Ларькова, И.В. Черновой и А.В. Войтович, которые попытались обозначить основные вехи, проследить тенденции и выявить особенности деятельности полиции и милиции региона за два века (Ларьков, 2002). В.П. Зиновьев и О.А. Харусь, исследовав хронику общественно-политической жизни в регионе, привели факты происшествий и преступлений в Томской губернии за 1880–1917 гг. (Зиновьев, Харусь, 2013).

Работы касаются в основном изучения отдельных видов преступлений, по большей части справочно и на примерах некоторых городов. В частности, тюменские ученые оценили криминальную ситуацию в Тобольской губернии в конце XIX в. (Сунгуров, Петрова, 2012), а С.Н. Цысь рассмотрел факты уличной преступности в Томской губернии в условиях войны (Цысь, 2010). Объектом специального исследования факты происшествий в Сибири не являлись.

Цель данной работы – определить характер происшествий и преступлений в городах Западной Сибири, их масштабы и тенденции в начале XX в. Предпринята попытка осуществить систематику происшествий и преступлений, выделить их разновидности и группы, исходя из причинно-следственных связей.

4. Результаты

Из данных статистики следует, что в городах Сибири начала XX в. отмечался качественный и количественный скачок происшествий и преступлений всех групп (см. [Таблицы 1, 2, 3 и 4](#)). Все происшествия в плане изучения можно подразделить на техногенные, криминальные и бытовые.

Среди чрезвычайных происшествий пожары стали «бичом» абсолютно всех поселений региона. Города подчас подвергались опустошительным пожарам, в ходе которых уничтожался жилой фонд, имущество, погибали люди. Причина пожаров – поджоги и несчастные случаи. Например, в Туринске 16 апреля 1901 г. в центре города выгорело 24 дома, причина пожара неизвестна ([ТГВ, 1901. № 19: 5](#)); в Новониколаевске за 1908–1912 гг. произошло 150 пожаров, в результате чего сгорели 940 дворов ([Баладин, 2003: 228](#)); в Тобольске после приноса абалакской иконы с целью побега каторжники тюрьмы совершили поджог (июль 1906 г.). Сгорели дотла деревянные застройки, суконная фабрика и все мастерские ([ГАРФ. Ф. 102. Оп. 104. Д. 128. Л. 2](#)). В Тобольске 16 апреля 1910 г. в доме местного мещанина начался пожар, перейдя на другие постройки, уничтожил дома других жителей, убыток оценивался в 50 тыс. руб., причину пожара не выяснили ([ТГВ, 1910. № 25: 6](#)).

По статистике, 60 % пожаров возникало из-за неисправного содержания печей и дымовых труб; 17 % – «от неосторожного обращения с огнем»; 13% – «от поджогов» и 10 % – «от невыясненных причин» ([СЖ, 1910. № 12: 3](#)). Согласно газетной заметке, 8 февраля 1908 г. в Березове «от неизвестной причины» сгорели деревянные амбары наследников местного купца Ф. Равского с убытком на 2300 руб., а 26 июня от неосторожного обращения с огнем здесь же произошел пожар в тюремном замке, которым была уничтожена крыша, убыток – около 350 руб. ([ТГВ, 1908. № 38: 6](#)). Несмотря на принимаемые меры, заметных тенденций к сокращению числа пожаров не наблюдалось ([Таблица 1](#)). В частности, тоболяки были встревожены частыми пожарами: «в летнее время два пожара в день и три на неделе, это слишком много для Тобольска, где по 3–4 месяца вообще не бывало пожаров» ([СЛ, 1906. № 12: 3](#)).

Таблица 1. Количество пожаров в крупных городах Сибири. На 1902, 1906, 1910 гг.*

Годы	Тобольск	Тюмень	Курган	Ишим	Томск	Барнаул	Бийск	Новониколаевск	Всего
1902	12	6	2	3	56	5	7	-	91
1906	17	36	16	4	81	4	2	11	171
1910	14	18	7	4	57	14	12	44	170

* Составлено по: [Обзор, 1903. Ведомость № 6](#); [Обзор, 1907. Приложение VI](#); [Обзор, 1911. Лит. Е](#); [Книга, 1904. Ведомость № 6](#); [Книга, 1907. Ведомость № 6](#); [Книга, 1912. Ведомость № 16](#)

Другим видом можно назвать «железнодорожные» происшествия: аварии поездов, сход с рельсов, крушение и ограбление почтовых, товарных и пассажирских составов, что приводило к травмам и смерти людей, порче товаров, ухудшало экологическую ситуацию. Происшествия на Сибирской железной дороге, в начале XX в. растянувшейся в регионе на тысячи километров, отмечались периодически, о чем жандармские начальники неоднократно сообщали в МВД ([ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 439. Л. 1; Д. 793. Л. 3; Д. 825. Л. 1-2](#)). Большинство таких случаев происходило по крайней невнимательности и небрежного отношения людей к своей безопасности. Казалось бы, с годами люди должны были стать осторожней на железной дороге. Однако статистика показывала обратное: 1900 г. – 142, 1908 г. – 1418 несчастных случаев ([Таблица 2](#)):

Таблица 2. Происшествия на Сибирской железной дороге. 1908 г. *

Происшествия	Пассажиры	Посторонние лица	Железнодорожные служащие и рабочие
Со смертельным исходом	51	89	64
Увечья, травмы	116	87	1011

* Составлено по: [СЖ, 1909. № 243: 4](#)

Редким явлением в крае являлись землетрясения. Тем не менее такие случаи отмечались в местных газетах. В частности, 1 февраля 1904 г. в Тюкалинске и его уезде ощущалось землетрясение с легким колебанием почвы, подземным гулом и ударами, которые достигали такой силы, что жители

города проснулись, некоторые из них выбежали на улицу..., в некоторых домах потрескались печи и стекла в рамах (ТГВ, 1904. № 9: 6).

В сложившихся в ходе Первой русской революции условиях ключевую роль приобрели стачки, забастовки и митинги как отдельных групп, так и широких масс населения, что было крайне редким явлением в прежнее время. В этой связи следует обратить внимание на приемы и методы подавления и ликвидации таких акций со стороны административных структур. В частности, уличные беспорядки произошли в Томске (январь 1905 г.), когда полиция задержала 121 человека, ранения получили 23 и 1 умер (ТомГВ, 1905. № 4: 1). Волна забастовок, стачек и митингов в 1905–1907 гг. прокатилась по городам региона. Наиболее ярко социальную активность проявили рабочие железнодорожной станции в Кургане (май 1905 г.), забастовка которых приобрела всеобщий характер (к ней присоединились учителя, служащие, мастеровые); митинг рабочих заводов с экономическими требованиями состоялся в июне 1906 г. за мельницей тюменского купца А. Текутьева (ГАТюмО. Ф. И-239. Оп. 1. Д. 81. Л. 40).

Среди группы «антигосударственных деяний» повсеместным стала антиправительственная пропаганда с расклейкой революционных прокламаций и распространением нелегальной литературы, призывающих свергнуть государя и действующую власть. В частности, 27 декабря 1903 г. городовой бийской полицией была получена посылка с пачкой печатных прокламаций, 16 января 1904 г. в Томске задержали бывшего студента Санкт-Петербургского университета с нелегальными брошюрами (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 861. Л. 7-7 об., 10-11), в Тобольске 1 мая 1907 г. около 9 вечера толпа из политических ссыльных и учащихся направилась от тюрьмы в город с пением революционных песен и была рассеяна местной полицией (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 105. Д. 88. Ч. 63. Л. 10-11). Такие акции только еще больше распатывали общественное сознание, дестабилизировали ситуацию в сибирских городах.

Во всех городах региона отмечался рост преступлений против личности, что было вызвано комплексом причин, среди которых – разрушение устоев и традиций, кризис семейных ценностей, устойчивый «приток» мигрантов в крупные центры. В Таблице 3 представлен расчет коэффициента преступлений на 1 тыс. населения в трех городах Томской губернии. Анализ показал, что по количеству преступлений первой группы (антигосударственных) в 1901 г. «лидировал» Томск, при этом численность населения в этом городе была в 2,5 раза выше, чем в Барнауле и Новониколаевске, а в расчете на 1 тыс. – Барнаул (1,28); в 1907 г. данная группа имела самый высокий показатель в Новониколаевске (2,4), а в 1914 г. наблюдалось общее снижение преступлений этой группы. По преступлениям против личности ведущую позицию в 1901 г. занимал Барнаул (2,42), в 1907 г. – уже Новониколаевск (3,5), а Томск и Барнаул имели примерно равные значения, в 1914 г. коэффициент преступлений против личности снизился до единицы на 1 тыс. горожан. По преступлениям против собственности в 1901 г. превосходил другие города Томск (5,94), а самое низкое значение у Барнаула (1,95); в 1907 г. лидером стал Новониколаевск (10,64), а на 1914 г. больше всего таких преступлений отмечалось в Томске (3,67), с самой высокой численностью населения – 104 тыс. чел. Следовательно, в указанных городах за 1901–1914 гг. несколько раз менялся доминантный объект правонарушений (из трех групп). Тем не менее в развитии преступности, ее характерных черт очевидны общие тенденции.

Таблица 3. Количество преступлений в крупных городах Томской губернии в расчете на 1 тыс. населения. 1901–1914 гг.

Группы правонарушений	г. Томск			г. Новониколаевск			г. Барнаул		
	1901	1907	1914	1901	1907	1914	1901	1907	1914
Антигосударственные и антиобщественные деяния	40/ 0,77*	99/ 1,35	89/ 0,84	17/ 0,78	105/ 2,4	59/ 0,7	27/ 1,28	20/ 0,43	83/ 1,18
Преступления против личности	77/ 1,47	169/ 2,31	130/ 1,23	27/ 1,24	153/ 3,5	66/ 0,78	51/ 2,42	108/ 2,36	88/ 1,25
Преступления против собственности	310/ 5,94	391/ 5,33	385/ 3,67	52/ 2,4	464/ 10,64	213/ 2,53	41/ 1,95	55/ 1,2	184/ 2,61

* Составлено по: Сборник, 1899-1915

** В числителе – число преступлений в год, в знаменателе – коэффициент преступлений на 1 тыс. населения.

Преступления против личности совершались одиночками и преступными шайками как в отношении одного лица, так и всех членов семьи. Согласно донесению полиции, 29 октября 1908 г. около 6 часов вечера в квартиру тобольского рыбопромышленника, купца С. Холина, ворвались трое «в масках», и, убив его из револьвера, скрылись. Убийство, по мнению полиции, было произведено на почве мести за прижимистость расчета со всеми, с кем вел торговые дела купец (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 53. Л. 44). 11 декабря 1910 г. около 9 ч. вечера в своей квартире был убит кассир Тобольского

губернского казначейства А.А. Карвовский, 45 лет. В подозрении в убийстве был задержан М.М. Чекушин, на пальто которого были замечены следы свежей крови. Чекушин после некоторых колебаний сознался в совершении преступления. Он убил кассира собственным кинжалом, чтобы избавиться от постоянных грубых оскорблений покойным своей жены. М. Чекушин и М. Карвовская состояли в интимных отношениях (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 181. Л. 21). В Тюмени 16 января 1907 г. было совершено убийство доверенного аптечного магазина Соколова, екатеринбургского мещанина А. Бибинцева и прислуги его, мещанки С. Колеровой с целью грабежа (ТГВ, 1907. № 11: 6); 26 августа 1914 г. томский жандармский начальник сообщил в МВД, что в Каинском уезде 6 неизвестных злоумышленников, в том числе одна женщина, ограбили дом крестьянина Е. Леонтьева. Убили его, сына и жену, а также ранили их служащего. Грабители унесли до 12 тыс. руб. (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 319. Л. 2).

Кроме этого, криминализация местного общества привела к росту преступлений в отношении должностных лиц, в первую очередь административных чиновников – жандармов и полицейских. Согласно донесению от 5 февраля 1907 г., неизвестные напали на вахмистра Каинского отделения Сибирской железной дороги Басаргина, который шел из своей квартиры на станцию. Он заметил, что к нему приближаются двое, когда они приблизились сажень (2,13 м.) на 20, то начали стрелять, Басаргин в ответ выстрелил 4 раза, ранив одного из них. Злоумышленники скрылись, в последующем они не были обнаружены. Вахмистр не пострадал. В случае неудавшейся попытки злоумышленники вновь совершали преступление в отношении того же лица. «Заказ» на жандарма был реализован позже. 22 октября 1907 г., согласно донесению, вахмистр Басаргин был убит по дороге к себе домой выстрелом в упор (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 501. Л. 16-16 об., Л. 213-213об.). Из донесения от 12 марта 1907 г. следует, что около 8 ч. вечера ротмистр Заглухинский возвращался домой, в него была брошена бомба, которая взорвалась впереди него, в 7 шагах. По агентурным сведениям установлено, что злоумышленники решили убить ротмистра за то, что он 13 февраля не дал возможности устроить в депо Курган забастовку и арестовал одного из лидеров – Г. Гурова. Согласно донесению, бомбу бросил студент, проезжавший в товарном вагоне (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 53. Л. 56-56об.). В Тюмени 14 февраля 1909 г. трое неизвестных напали на полицейского городского Ильина. Один из нападавших был вооружен ножом. Ильин, благодаря умелой защите, избежал серьезных ран (ТГВ, 1909. № 12: 4).

Причем покушения не обошли стороной и высших чиновников. Томский жандармский начальник 18 апреля 1908 г. сообщил о ранении Туринского уездного исправника Крекова; 13 декабря 1908 г. – об убийстве и ограблении чиновника Тюменского интендантского дома Г.С. Бодченко, возвращавшегося из театра. У него было похищено 78 руб. Розыск производился как местной полицией, так и чиновниками жандармерии. Однако преступники не были обнаружены (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 319. Л. 2).

Донесением от 2 июня 1910 г. тобольский жандармский начальник сообщил, что в Кургане были убиты околоточный надзиратель 1 участка Гуревич и стражник Белых. Они объезжали свой участок и встретили двух неизвестных, которые в упор произвели в них 12 выстрелов и скрылись (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 181. Л. 6-7); донесение от 12 мая 1909 г. свидетельствует об убийстве заведующего Томской церковно-учительской школой, монаха Игнатия. Как выяснило следствие, убийство совершено учениками этой школы, не любившими Игнатия за строгость и суровое преследование тех учеников, которые были замечены в неустойчивости своих политических убеждений или проявляли сочувствие к революционным учениям. По инициативе покойного было не допущено к экзаменам 20 человек и 2 исключены. Ученики вошли в комнату Игнатия при школе и набросились на него, свалили на пол и набросили веревочную петлю, которой и удушили. Убийство произвело в городе большое впечатление, особенно в среде сторонников Игнатия, которого считали одним из главных энергичных деятелей (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 129. Л. 1, 2-2 об.).

В условиях социального катаклизма 1905–1907 гг. «размывались» устои и традиции жизни сибиряков, что привело к резкому увеличению числа самоубийств и нечаянных смертей: за 8 лет их количество возросло в 4,5 раза (см. табл. 4). В частности, в Тобольске 23 февраля 1901 г. канцелярский служащий М. Безруких вследствие продолжительного пьянства отравился карболовой кислотой (фенолом) (ТГВ, 1901. № 15: 6); 2 апреля 1901 г. в Кургане умерла от самоотравления мышьяком шадринская мещанка М. Уфимцева, 33 лет (ТГВ, 1901. № 22: 6); 21 февраля 1909 г. во время раскопки погребя у тюменского мещанина Головина был найден труп младенца (ТГВ, 1909. № 15: 6); в Кургане 9 января 1906 г. между домами Плотникова и Герасимовой была найдена убитой шадринская мещанка А. Берсенева (ТГВ, 1906. № 11: 7); в Кургане 7 февраля 1903 г. на улице близ фотографии Кочешева выстрелом из револьвера лишил себя жизни шадринский мещанин А. Долгушин, причина самоубийства неизвестна (ТГВ, 1903. № 11: 7); в Сургуте 22 января 1908 г. на речке Сайме около городских прорубей застрелился политический ссыльный В. Григоренко, ему было 27 лет (ТГВ, 1908. № 12: 6).

Таблица 4. Количество самоубийств и несчастных смертей в городах Сибири. На 1902, 1906 и 1910 гг.

*

Год	Томск	Барнаул	Бийск	Тюмень	Курган	Тобольск	Всего	Рост в %
1902	48	23	11	30	7	7	126	-
1906	63	36	2	36	5	8	150	19%
1910	160	80	15	24	10	8	297	98%

* Составлено по: (Книга, 1904. Ведомость № 7; Книга, 1907. Ведомость № 8; Книга, 1912. Ведомость № 18; Обзор, 1903. Приложение VII; Обзор, 1907. Приложение VII; Обзор, 1911. Лит. Ж).

Люди, решившие покончить с собой, редко оставляли записки о причинах своего поступка, а расследования ничего не давали: 2 августа 1901 г. удавился смотритель Березовской инородческой больницы, титулярный советник Александр Попов, 60 лет, оставив в своей квартире записку: «Со скуки по дому и родным» (ТГВ, 1901. № 39: 7). Иногда причину суицида получалось установить по косвенным свидетельствам (опрос родственников и сослуживцев, совершение суицидником правонарушения). Так, тобольский жандармский начальник 14 декабря 1910 г. сообщил в Департамент полиции о суициде в Тобольске: покончил с собой выстрелом из револьвера помощник заведующего переселенческим управлением, титулярный советник В.В. Федосеев. Причиной самоубийства сочли растрату казенных денег (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 129. Л. 21).

Фактами несчастных случаев в основном стали: замерзание, утопление, укусы животных, падение с высоты, отравление и удушение людей на пожарах. В частности, 3 марта 1905 г. в Сургуте в доме крестьянина И. Токарева, от неосторожного обращения с огнем его детей произошел пожар, в результате чего его младшая дочь задохнулась дымом (ТГВ, 1905. № 15: 7); в Тобольске 13 февраля 1906 г. рабочий городской скотобойни, крестьянин М. Балин, по собственной неосторожности упал с крыши сеновала, сломал себе ключицу и вывихнул руку (ТГВ, 1906. № 11: 7); в Тюкалинске 30 марта 1907 г. крестьянка В. Трушина, 60 лет, упала в реку и утонула (ТГВ, 1907. № 23: 5).

Наряду с этим, в начале XX в. заметно участились изнасилования. Данные правонарушения крайне редко фиксировались в прежние годы. «Сибирская жизнь» писала о 41 изнасиловании в Томской губернии за 1909 г., из которых 9 пришлось на детей от 6 до 11 лет (СЖ, 1910. № 25: 4); в Тобольске ссыльным Быковым 17 февраля 1901 г. были совершены насильственные действия в отношении двенадцатилетней девочки В. Федоровой (ТГВ, 1901. № 15: 6). В тюменской газете отмечалось, что «на спичечной фабрике работает много женщин. Женщина всегда меньше сопротивляется, чем мужчина. Женщине меньше платят, над ней больше издеваются. Мало того, где работает женщина, там неизменно находятся негодяи, наемная хозяйская сволочь, лакомая до женского тела, пользующаяся подневольным, голодным положением женщины, чтобы насиловать ее, заставить отдаться им – продажным и подлым холопам» (ТР, 1908. № 4: 8). Очевидно, что установить точное количество изнасилований в сибирских городах невозможно вследствие латентности преступления. Жертвы насилия это скрывали от органов правопорядка. Тем не менее появление таких фактов в жандармских донесениях и на страницах газет свидетельствует о том, что общий уровень изнасилований возрос в разы, и в первую очередь из-за постоянного притока переселенцев и ссыльного элемента.

В большинстве случаев преступления против личности сопровождалась грабежами и кражами (четвертая группа). Корреспондент из Кургана писал, что в городе ежедневно происходят кражи, грабежи и убийства. «На днях зарезали днем в городе девушку, а в ночь на 16 июля [1906 г.] зарезали жену мещанина Лимова» (СЛ, 1906. № 16: 3). В Ишиме 25 января 1907 г. неизвестными лицами с целью грабежа убиты в своей квартире крестьянка Локтева, 40 лет, и ее сын Иван, 12 лет. Похищено денег и имущества на 865 руб. (ТГВ, 1907. № 12: 3); у ишимского часового мастера Рабиля 19 февраля со взломом замка неизвестными похищены золотые и серебряные часы, кольца, броши, серьги и пр., на общую сумму 2000 руб. (ТГВ, 1907. № 15: 4); в Сургуте 3 января 1910 г. в 5 часов вечера из дома городского управления посредством взлома замков была совершена кража 1149 руб. 12 коп. казенных и общественных денег. В краже обвинили административно-ссыльного крестьянина К. Манчинского (ТГВ, 1910. № 19: 6).

В начале XX в. получил развитие новый вид преступлений – теракты, под которыми понимают совершение взрыва, поджога, других действий, создающих опасность гибели людей и порчи имущества, с целью посеять страх среди населения. В дореволюционное время разновидностью террора считались убийства высокопоставленных чиновников, в ходе которых могли пострадать или погибнуть сопровождающие их лица и случайные свидетели (ВЗС, 1911. № 21: 4). Так, в результате теракта в помещении Туринского общественного клуба 3 июня 1912 г. после спектакля был убит помощник туринского исправника Е.В. Расторгуев. Преступление взбудоражило все местное общество, но так и не было раскрыто (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 260. Л. 1-4 об.).

В условиях социально-политической нестабильности в городах региона активно распространялась проституция. По данным статистики, проституцией в Сибири занимались 1480 человек (1324 женщин и 156 мужчин) (по стране – 2 место). Численность проституток,

состоявших на учете, составляла: Барнаул – 10, Тобольск – 29, Тюмень – 37, Томск – 110 (СВ, 1910. № 8–9: 49). Эти цифры не соответствовали реальной ситуации, так как «процветали» тайные притоны.

Проституция имела прочную связь с преступностью. Под вывеской модных магазинов, клубов, гостиниц и постоялых дворов нередко скрывались притоны с проститутками, о которых хорошо было известно и местным полицейским. В клубах и трактирах чаще всего полиция регистрировала факты убийств, мошенничества и сквернословия, находила фальшивые деньги и краденые вещи (СТГ, 1914. № 64: 3). В тайных притонах в большом количестве продавались вино и пиво (ГАТюмо. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 532. Л. 67-67об., 120). В частности, в Кургане 18 января 1906 г. в доме терпимости Крылова был отравлен новобранец пехотного семипалатинского полка С. Осипов, а 28 января в доме терпимости Кокаревой между ее служащими и посетителями завязалась драка, во время которой выстрелом из ружья были нанесены раны ее участникам, от чего один из посетителей на следующий день умер (ТГВ, 1906. № 11: 7).

Приведенные примеры преступлений указывают на то, что в исследуемых городах региона общественно-политическая ситуация была крайне неспокойной, с местной спецификой. Сибирский край заселяли неоднородные социальные группы, здесь сформировался значительный экономический потенциал, что привлекало сюда криминальные структуры с разных местностей. Интенсивный рост преступности предreshался слабостью и коррумпированностью органов административной власти. Положение усугублялось активным переселением и ссылкой политических и уголовных элементов (Сунгуров, Петрова, 2012: 121).

Конечно, анализу подвергнуты лишь отдельные факты происшествий и правонарушений в городах региона начала XX в. Тем не менее по ним можно заключить, что криминальная ситуация в городах отличалась. По подсчету количества убийств очевидно, что самыми безопасными в данном отношении был город Бийск и малые города региона: Боготол, Колывань, Кузнецк, Туринск, Тюкалинск и Славгород, а небезопасными – большие города – Томск, Барнаул, Тюмень, Курган и Новониколаевск, а из малых – «назначенные» центральной властью местом ссылки – Нарым, Березов, Сургут, Мариинск, Каинск, Татарск и Тайга (Цысь, 2010: 265). С началом войны уровень криминогенности изменился, причем в лучшую сторону. Введение «сухого закона», закрытие винных лавок и мобилизация на фронт молодых людей, склонных к совершению незаконных действий, дали вначале благоприятный эффект, сократились такие виды преступлений, как хулиганство, нанесение ран и побоев. Однако затянувшаяся война, расстройство торговых связей и бестоварие, а как следствие, дороговизна и перебои с продуктами осложнили ситуацию, вызвав новый рост преступлений.

Как показал анализ, в служебные донесения полиции включались сведения о «выдающихся» происшествиях и преступлениях: пожарах, крушениях поездов, антиправительственной пропаганде, разбоях, кражах, убийствах и самоубийствах, террористических актах и пр. Очевидно, что в МВД сообщалась лишь малая часть происшествий, то есть те случаи, которые нарушали нормальный ход жизни сибирского общества. Скажем, факты бытовых злодеяний, мелких краж и отдельных несчастных случаев в этой переписке фактически не представлены. В газетах региона можно найти более разносторонние факты правонарушений.

5. Заключение

Рассмотренные группы происшествий и преступлений в городах Западной Сибири приобрели устойчивый (повседневный) характер, возросли в разы и постепенно охватили все поселения. По статистическим данным, превалирующий объект правонарушений сменялся трижды: в 1900–1904 гг. – всплеск «чрезвычайных» происшествий как техногенного, так и криминального характера, в 1905–1907 гг. – против личности, 1908–1914 гг. – против собственности. Можно утверждать о разрушении патриархального уклада жизни сибиряков в данный период, об изменении их ценностных ориентиров, общественного сознания и социальных условий жизнедеятельности.

Литература

- Баландин, 2003 – Баландин С.Н. Градостроительное развитие Новосибирска // Новосибирск: Энциклопедия. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2003. 1071 с.
 ВЗС – Вестник Западной Сибири (Тюмень).
 ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
 ГАТюмо – Государственный архив Тюменской области.
 Глазунов, 2004 – Глазунов Д.А. Влияние переселения на правовую культуру Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. / Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века: Сб. науч. ст. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. С. 223-232.
 Зиновьев, Харусь, 2013 – Зиновьев В.П., Харусь О.А. Общественно-политическая жизнь в Томской губернии в 1880 – феврале 1917 г. Хроника. Т. 1. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. 398 с.
 Книга, 1904 – Обзор Томской губернии за 1902 г. Томск, 1904.
 Книга, 1907 – Обзор Томской губернии за 1906 г. Томск, 1907.

- Книга, 1912** – Обзор Томской губернии за 1910 г. Томск, 1912.
- Ларьков, 2002** – *Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В.* Двести лет на страже порядка: Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв. Томск: Красное знамя, 2002. 519 с.
- Обзор, 1903** – Обзор Тобольской губернии за 1902 г. Тобольск, 1903.
- Обзор, 1907** – Обзор Тобольской губернии за 1906 г. Тобольск, 1907.
- Обзор, 1911** – Обзор Тобольской губернии за 1910 г. Тобольск, 1911.
- Остроумов, 1980** – *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. М.: Изд-во Мос. ун-та, 1980. 204 с.
- Сборник, 1899–1915** – Сборники статистических сведений Министерства юстиции за 1898–1914 гг. СПб.: Тип. Минюста, 1899–1915.
- СВ** – Сибирские вопросы (Санкт-Петербург).
- СЖ** – Сибирская жизнь (Томск).
- СТГ** – Сибирская торговая газета (Тюмень).
- СЛ** – Сибирский листок (Тобольск).
- Сунгуров, Петрова, 2012** – *Сунгуров П.А., Петрова В.П.* Криминальная ситуация в Тобольской губернии (последняя треть XIX в.) // *Вестник Тюменского государственного университета.* 2012. № 2. С. 121–125.
- ТГВ** – Тобольские губернские ведомости.
- ТомГВ** – Томские губернские ведомости.
- ТР** – Тюменский рабочий.
- Цысь, 2010** – *Цысь С.Н.* Уличная преступность и обеспечение правопорядка в городах Томской губернии в годы Первой мировой войны (1914 – осень 1917 г.) // *Известия Алтайского государственного университета.* 2010. № 4. Т. 1. С. 265–269.
- Шиловский, 2010** – *Шиловский М.В.* Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 150 с.

References

- Balandin, 2003** – *Balandin, S.N.* (2003). Gradostroitel'noe razvitie Novosibirska [Urban development of Novosibirsk]. Novosibirsk: Entsiklopediya. Novosibirsk: Novosib. kn. izd-vo, 2003. 1071 p. [in Russian].
- VZS** – Vestnik Zapadnoi Sibiri [Bulletin of Western Siberia] (Tyumen').
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archive of the Russian Federation].
- GATyumo** – Gosudarstvennyi arkhiv Tyumenskoi oblasti [State archive of the Tyumen Region].
- Glazunov, 2004** – *Glazunov, D.A.* (2004). Vliyanie pereseleniya na pravovuyu kul'turu Zapadnoi Sibiri v kontse XIX – nachale XX v. [The influence of resettlement on the legal culture of Western Siberia in the late XIX – early XX centuries]. *Sibirskii plavil'nyi kotel: sotsial'no-demograficheskie protsessy v Severnoi Azii XVI – nachala XX veka: Sb. nauch. st.* Novosibirsk: Sibirskii khronograf. Pp. 223–232. [in Russian].
- Zinov'ev, Kharus', 2013** – *Zinov'ev, V.P., Kharus', O.A.* (2013). Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' v Tomskoi gubernii v 1880 – fevrale 1917 g. Khronika [Socio-political life in the Tomsk province in 1880 – February 1917. Chronicle]. Т. 1. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 398 p. [in Russian]
- Книга, 1904** – Обзор Томской губернии за 1902 г. Томск, 1904.
- Книга, 1907** – Обзор Томской губернии за 1906 г. Томск, 1907.
- Книга, 1912** – Обзор Томской губернии за 1910 г. Томск, 1912.
- Lar'kov, 2002** – *Lar'kov, N.S., Chernova, I.V., Voitovich, A.V.* (2002). Dvesti let na strazhe poryadka: Ocherki istorii organov vnutrennikh del Tomskoi gubernii, okruga, oblasti v XIX–XX vv. [Two hundred years on guard of order: Essays on the history of internal affairs bodies of the Tomsk province, district, region in the XIX–XX centuries]. Tomsk: Krasnoe znamya, 519 p. [in Russian]
- Обзор, 1903** – Обзор Тобольской губернии за 1902 г. Тобольск, 1903.
- Обзор, 1907** – Обзор Тобольской губернии за 1906 г. Тобольск, 1907.
- Обзор, 1911** – Обзор Тобольской губернии за 1910 г. Тобольск, 1911.
- Ostroumov, 1980** – *Ostroumov, S.S.* (1980). Prestupnost' i ee prichiny v dorevol'yutsionnoi Rossii [Crime and its causes in pre-revolutionary Russia]. М.: Изд-во Мос. ун-та, 204 p. [in Russian]
- Sbornik, 1899–1915** – Sborniki statisticheskikh svedenii Ministerstva yustitsii za 1898–1914 gg. SPb.: Tip. Minyusta, 1899–1915.
- SV** – Sibirskie voprosy [Siberian issues] (Sankt-Peterburg).
- SZh** – Sibirskaya zhizn' [Siberian life] (Tomsk).
- STG** – Sibirskaya trgovaya gazeta [Siberian Trade Newspaper] (Tyumen').
- SL** – Sibirskii listok [Siberian leaf] (Tobol'sk).
- Sungurov, Petrova, 2012** – *Sungurov, P.A., Petrova, V.P.* (2012). Kriminal'naya situatsiya v Tobol'skoi gubernii (poslednyaya tret' XIX v.) [The criminal situation in the Tobolsk province (the last third of the XIX century)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2: 121–125. [in Russian]
- TGV** – Tobol'skie gubernskie vedomosti [Tobolsk Provincial Gazette].
- TomGV** – Tomskie gubernskie vedomosti [Tomsk Provincial Gazette].

TR – Tyumenskii rabochii [Tyumen worker].

Tsys', 2010 – *Tsys', S.N.* (2010). Ulichnaya prestupnost' i obespechenie pravoporyadka v gorodakh Tomskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914 – osen' 1917 g.) [Street crime and law enforcement in the cities of the Tomsk province during the First World War (1914 – autumn 1917)]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. t. 1. 4: 265-269. [in Russian]

Shilovskii, 2010 – *Shilovskii, M.V.* (2010). Tomskii pogrom 20-22 oktyabrya 1905 g.: khronika, kommentarii, interpretatsiya [Tomsk pogrom October 20-22, 1905: chronicle, commentary, interpretation]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 150 p. [in Russian]

Происшествия и преступления в Западной Сибири: характер, масштабы и тенденции (1900–1914 гг.)

Александр Борисович Храмов ^{a, *}

^a Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассмотрены факты происшествий и правонарушений в городах Сибирского региона, дана оценка их масштабов и тенденций в 1900–1914 гг. Информационную основу составили донесения жандармско-полицейских чиновников о зафиксированных фактах происшествий и преступлений, а также заметки местных газет. Нестабильность общественно-политической ситуации способствовала разрушению традиционного образа жизни и дезориентации поведения широких масс населения, в результате чего в разы увеличилась криминализация всех сторон жизни местного общества, активизировались уличные беспорядки, появились новые виды преступлений, не свойственных региону: теракты, изнасилования, покушения и убийства чиновников и самоубийства. Предпринята попытка, исходя из причинно-следственных связей, осуществить систематику происшествий и преступлений с подразделением их на 4 группы: «чрезвычайные происшествия», «антигосударственные преступные деяния», «преступления против личности и семьи» и «преступления против собственности». Утверждается, что преобладающий объект правонарушений на территории региона в указанный период сменялся несколько раз: в 1900–1904 гг. – всплеск «чрезвычайных» происшествий как техногенного, так и криминального характера, в 1905–1907 гг. – против личности, 1908–1914 гг. – против собственности. Установлено, что криминальная ситуация в городах отличалась. По результатам подсчета количества правонарушений сделан вывод, что наиболее безопасными являлись город Бийск и малые города региона: Боготол, Колывань, Кузнецк, Туринск, Тюкалинск и Славгород, а небезопасными – большие города – Томск, Барнаул, Тюмень, Курган и Новониколаевск, а из малых – «назначенные» местом ссылки – Нарым, Березов, Сургут, Мариинск, Каинск, Татарск и Тайга.

Ключевые слова: происшествие, преступление, убийство, пожары, забастовки, криминализация, Западная Сибирь, начало XX века.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: khramtsov_ab@bk.ru (А.Б. Храмов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1491-1500
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1491
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



The Journal “Voina s Yaponiei” as a Historical Source

Vladimir N. Denisenko ^{a,*}, Marina A. Bereznyatskaya ^a, Anastasia V. Denisenko ^a,
 Yuliya V. Yurova ^a

^a Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract

The article considers the journal of military events “Voina s Yaponiei” (“War with Japan”) as a historical source on the history of the Russian-Japanese war of 1904–1905.

As materials for the preparation of the work there were used 35 issues of the weekly illustrated journal “Voina s Yaponiei”.

In methodological terms, the work is based on the principle of historicism and objectivity. A great attention is paid to the method of source analysis, since the studied journal is considered as a historical source. The principle of historicism allowed us to consider the studied events in their historical sequence, and to achieve objectivity, the authors considered all issues of the journal “Voina s Yaponiei”.

In conclusion, the authors state that the weekly illustrated journal “Voina s Yaponiei” was one of the first attempts to create a journal of military events of the period of the Russo-Japanese war in the Russian Empire. The period of the journal's existence was short, about 6 months (from June 13 to December 31, 1904) and during this time 35 issues of the journal were published. The journal had several permanent headings: stories, the history of military affairs, military review, as well as news from both the Russian and Japanese sides. Besides this, the journal also published materials of personal origin – notes and memoirs of war correspondents, soldiers and sailors. Throughout the entire period, the journal published well-known Russian writers, among whom were I.A. Lyubich-Koshurov, N.A. Turgenev, P. Krasnov and others.

Keywords: The journal “Voina s Yaponiei”, 1904–1905, Russian-Japanese war, periodicals.

1. Введение

27 января 1904 г. началась русско-японская война, ставшая для среднестатистического обывателя Российской империи настоящей неожиданностью. Многие региональные и столичные газеты отмечали, что обществу непонятны не только цели Японии в этой войне и ее ресурсы, но и некоторые затруднялись ответить, где, собственно, Япония находится. Образовавшийся вакуум уже в феврале 1904 г. начали заполнять представители интеллигенции во время открытых встреч с публикой в народных домах (Черкасов, 2009: 5), подключилась и пресса, в которой немалое внимание уделялось событиям в Чемульпо, а потом в Порт-Артуре и Маньчжурии.

2. Материалы и методы

Материалами для работы стали 35 номеров еженедельного иллюстрированного журнала «Война с Японией», которые датированы периодом с 13 июня по 31 декабря 1904 г.

В методологическом плане работа построена по принципу историзма, позволившего рассмотреть изучаемые события в их исторической последовательности. В соответствии с принципом объективности для ее достижения были рассмотрены все номера журнала «Война с Японией». Также значительное внимание уделялось методу источниковедческого анализа, так как изучаемый журнал рассматривается в качестве исторического источника.

* Corresponding author

E-mail addresses: denisenko-vn@rudn.ru (V.N. Denisenko)

3. Обсуждение

Рассмотрение дореволюционных российских журналов в качестве исторического источника сегодня не является редкостью. В той или иной степени подобные исследования касались таких журналов, как «Вестник военного духовенства» (Баядин, 2010: 38-47), «Вестник полиции» (Храмцов, 2014: 43-48), «Топографический и геодезический журнал» (Катионов, Смагин, 2008: 272-278), «Журнал министерства народного просвещения» (Плешкевич, 2017: 17-24), «Вестник Пензенского земства» (Юдин, 2013: 68-74), «Детская помощь» (Фролова, 2018: 191-194) и др. Как правило, журналы рассматривались или как исторические источники, или как источники информации по каким-либо узким проблемам. Так, например, И.В. Фролова анализировала журнал «Детская помощь» в контексте истории провинциальной благотворительности на территории Новгородской и Псковской губерний, а О.Н. Катионов, Р.Ю. Смагин рассматривали «Топографический и геодезический журнал» как исторический источник по изучению службы военных топографов в Сибири.

4. Результаты

По мере того как стало очевидным, что война затягивается, 13 июня 1904 г. в Москве был открыт еженедельный иллюстрированный журнал военных событий под названием «Война с Японией». Нужно сказать, что это было одной из первых попыток в России создать журнал, посвященный только боевым действиям периода русско-японской войны. Его редактором-издателем стал известный литератор, офицер 3-го гренадерского Перновского полка И.И. Митропольский (Рисунок 1). Журнал печатался в типографии И.Д. Сытина (Рисунок 2).



Рис. 1. Иван Иванович Митропольский (1872–1917 гг.)

В небольшой заметке от редакции отмечалось: «Война, это – зло, и с прогрессом общечеловеческого гуманизма надо надеяться, настанет время, когда международные споры не будут уже решаться оружием. Но мы далеки еще от того времени и поэтому волей-неволей должны мириться с грозным и суровым явлением войны. И в наше время, как и в глубокую старину, война представляет из себя одно из важнейших явлений государственной жизни, когда наиболее напрягаются силы народа, когда обнаруживается столько патриотизма и самопожертвования и когда незаметные доселе люди, терявшиеся в общей народной массе, становятся общеизвестными героями.



Рис. 2. Титульная страница журнала «Война с Японией»

Понятен поэтому и общий, всезахватывающий интерес к военным событиям, перед которым отходят на задний план наши обычные интересы. Чем сильнее и жизнеспособнее народ и государство, тем интенсивнее напрягаются его силы в дни грозного военного испытания, тем более является примеров самоотвержения и героизма, – примеров, которых уже не мало дала настоящая русско-японская война. Этот важный исторический момент, переживаемый в настоящее время Россией, подвинул нас к изданию специального журнала, цель которого правдиво излагать и освещать все события войны, оставляя в стороне все ложные слухи, и, не преследуя минутного интереса, дать ей разностороннюю и живую историю» (От редакции, 1904: 2). Объем журнала насчитывал 16–24 страницы, а в единственном сдвоенном номере – 32 страницы. Четкой рубрикации журнал не имел. Большая часть его материалов носила публицистический характер, однако печатались в нем и заметки очевидцев данных событий (то есть материалы личного происхождения). Уделялось внимание также специальным работам, посвященным военному делу и военному искусству. Всего вышло 35 номеров данного журнала, причем последний был сдвоенным (№ 34 и 35). 9 декабря 1904 г. в журнале было опубликовано объявление, что он перестанет издаваться с 1 января 1905 г., поэтому редакция приняла решение в последний месяц издавать журнала два раза в неделю. Последний его номер был опубликован 31 декабря 1904 г.

На протяжении всего периода издания с журналом сотрудничали около 30 авторов. Так, в разделе прозы (рассказ) наиболее часто публиковались И.А. Любич-Кошуров¹, Э. Вульфсон, В. Соболев, среди более известных авторов были Н.А. Тургенев и П. Краснов.

Приведем труды, опубликованные в этом жанре: И.А. Любич-Кошуров «На разведке», «Предатель», «В игорном доме», «Капитан», «Две жертвы», «Завоевание Амура», «Во время штурма», «Под гром орудий» (Любич-Кошуров, 1904: 3-7; Любич-Кошуров, 1904а: 3-7; Любич-Кошуров, 1904с: 7-11; Любич-Кошуров, 1904д: 5-10; Любич-Кошуров, 1904е: 7-10; Любич-Кошуров, 1904ф: 2-6; Любич-Кошуров, 1904г: 2-4; Любич-Кошуров, 1904h: 4-7; Любич-Кошуров, 1904i: 6-11); И. Иванин «После сражения» и «Под водой» (Иванин, 1904: 5-10; Иванин, 1904а: 5-7), Э. Вульфсон «Горе старого Пака», «Перед лицом смерти», «Под Ляояном», «Бабы думы», «Апофеозы войны» (Вульфсон, 1904: 5-7; Вульфсон, 1904а: 4-6; Вульфсон, 1904b: 6-7; Вульфсон, 1904с: 5-7; Вульфсон, 1904d: 6-10); И. Слуховский «Сестра милосердия» (Слуховский, 1904: 10-14), Н.А. Тургенев «Старые приятели» и «Ночью» (Тургенев, 1904: 5-8; Тургенев, 1904с: 5-10), И. М-кий «Порт-Артур» (М-кий,

¹ Всего И.А. Любич-Кошуров опубликовал 30 рассказов о русско-японской войне.

1904: 5-7), П. Краснов «В плену» (Краснов, 1904: 7-10), В. Соболев «Петр Маслеников», «Ночь плена», «Отсталые», «Старый знакомый», «На разведках» (Соболев, 1904: 5-8; Соболев, 1904b: 5-8; Соболев, 1904c: 6-11; Соболев, 1904d: 6-11; Соболев, 1904e: 2-6); В. Готвальд «На паровозе. Эпизод из русско-японской войны» (Готвальд, 1904: 7-10); Киодай «Кули» (Киодай, 1904: 6-9); Б. Орлан «На разведках» (Орлан, 1904: 7-8); автор под псевдонимом Е.Д. опубликовал рассказы «В горах», «Казак» (Е.Д., 1904: 7-11; Е.Д., 1904a: 2-6; Е.Д., 1904b: 6-10), Н. Васин «В лощине» (Васин, 1904: 6-8).

Важное значение имели работы личного происхождения военных корреспондентов, матросов и солдат. Так, например, в 3-м номере журнала были опубликованы заметки военного корреспондента В.И. Немировича-Данченко об атаке брандеров на рейде Порт-Артура (Немирович-Данченко, 1904: 11-13). В 14-м номере были напечатаны заметки В. Апухтина «Из полевой жизни в восточном отряде манджурской армии» (Апухтин, 1904: 10-11; Апухтин, 1904a: 6-9). В 18-м номере вышли воспоминания «Рассказ пленного матроса с «Екатеринослава» (Рассказ..., 1904: 14-15; Рассказ, 1904a: 9-10). В 33–35-м номерах журнала военный корреспондент под псевдонимом «П.» опубликовал записки «Из дорожного дневника» (П., 1904: 7-10; П., 1904a: 12-18).

Так как журнал «Война с Японией» специализировался на военной тематике, то значительная часть опубликованных трудов касалась истории военного дела или военного искусства. А с учетом специфики района боевых действий особое внимание уделялось крепостям и флоту. В этом жанре публиковались редактор-издатель И.И. Митропольский, военный корреспондент Бурдуков и др. Среди подобных работ был труд исследователя под псевдонимом «Обозреватель», или И. М-ский¹, на тему «Современная крепость и способы ее атаки» (Обозреватель, 1904: 7-8; Обозреватель, 1904a: 11-12; М-ский, 1904: 7-11). Эта публикация представляла значительный интерес для читательской аудитории, так как здесь можно было проводить параллели с крепостью Порт-Артур. В 7-м номере журнала И. М-ский опубликовал статью «Операции японцев у Порт-Артура в войну 1894 г.». Начиная с 4-го номера начала публиковаться работа Бурдукова «Что такое современный боевой флот?» (Бурдуков, 1904: 14-15; Бурдуков, 1904a: 10-12; Бурдуков, 1904b: 11-13; Бурдуков, 1904c: 11-14; Бурдуков, 1904d: 10-13; Бурдуков, 1904e: 12-14; Бурдуков, 1904f: 12-14; Бурдуков, 1904h). В 9-м номере журнала была опубликована статья И. Митропольского «Изнанка войны», где на примере русско-турецкой войны 1877–1878 гг. автор показывает, из чего состоят потери армии в конфликте: большинство составляют заболевшие, а не убитые и раненые во время боевых столкновений (Митропольский, 1904: 9-11). Позднее, в 17-м номере журнала, И. Митропольский разместил свою статью под названием «Мины» (Митропольский, 1904a: 11-13).

Автор под псевдонимом Энтэ опубликовал цикл статей «О крепостях» (Энтэ, 1904: 11-14; Энтэ, 1904a: 11-15; Энтэ, 1904b: 10-11; Энтэ, 1904c: 10-13; Энтэ, 1904d: 8-11; Энтэ, 1904e: 11-12; Энтэ, 1904f: 7-10; Энтэ, 1904g: 10-11), после завершения которого в журнале начала публиковаться его работа «О крепостной войне» (Энтэ, 1904h: 10-13; Энтэ, 1904i: 6-7; Энтэ, 1904j: 10-14; Энтэ, 1904k: 7-8; Энтэ, 1904l: 8-12).

Следующий жанр, применявшийся в журнале, – «Военное обозрение», в котором рассматривались последние события русско-японской войны за прошедшую неделю. Такая работа была опубликована уже в 1-м номере журнала (Очерк минувших событий, 1904: 9-15; Военное обозрение, 1904: 16-20). Это рубрика оставалась неизменной вплоть до последнего номера журнала. Часто «Военное обозрение» снабжалось топографическими картами, схемами боевых действий и другими визуальными средствами для улучшения восприятия читателем материала. В качестве примера можем привести схему русской обороны в районе города Гайчжоу (Рисунок 3).

Присутствовали в журнале и поэтические страницы. Так, в первом номере было напечатано стихотворение В.А. Гиляровского «Памяти В.А. Верещагина», который погиб 31 марта на броненосце «Петропавловск» (Гиляровский, 1904: 16). Публиковался в журнале и Н.А. Тургенев со стихотворениями «Война и природа», «Война и мир» (Тургенев, 1904a: 11; Тургенев, 1904b: 8). Продолжая морскую тематику, Владимир Гиляровский опубликовал стихотворение «Матрос» (Гиляровский, 1904a: 7-8). По мере продолжения войны появляются в журнале и стихи о повседневности. Так, С. Спасский опубликовал стихотворение «Из дневника раненого» (Спасский, 1904: 8-9). К батальному жанру обращался В. Соболев в стихотворении «Ночной бой» (Соболев, 1904a: 9). И. Любич-Кошуров, помимо рассказов, публиковал и стихи. Так, например, в 12-м номере журнала было появилось стихотворение «Орел и ворон» (Любич-Кашуров, 1904b: 8). В 16-м номере было опубликовано стихотворение Л. Медведева «Кончен бой» (Медведев, 1904: 10), а в 24-м номере – «Война» (Медведев, 1904a: 7).

¹ По всей вероятности, «Обозреватель», И. М-ский и редактор-издатель И. Митропольский – это одно и то же лицо. – Авт.

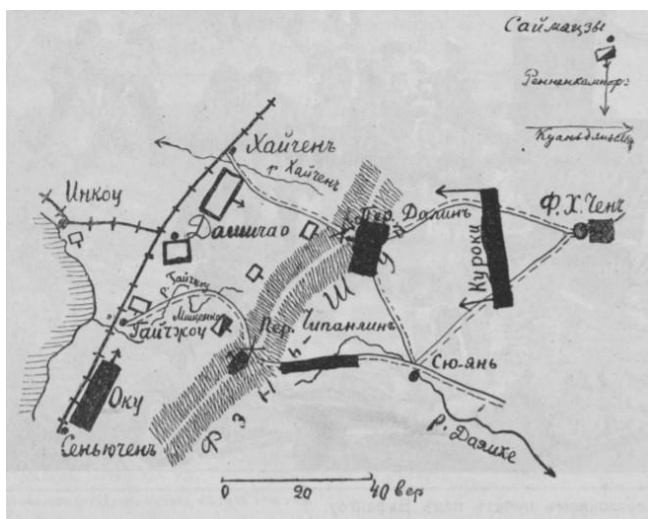


Рис. 3. Схема русской обороны в районе города Гайчжоу (Военное обозрение, 1904а: 2)

Последней рубрикой в журнале была «Смесь» из разных новостных материалов как по жанру, так и по тематике. Сначала публиковались новости из России, а потом – из Японии. К примеру, в 1-м номере нашли отражение новости из России о размещении раненых у частных лиц, а также положение о военнопленных. В то же время из Японии поступали сведения об отношении обывателей к войне и другие материалы.

5. Заключение

Итак, еженедельный иллюстрированный журнал «Война с Японией» являлся одной из первых попыток создания журнала военных событий периода русско-японской войны в Российской империи. Период существования журнала был непродолжительный – около 6 месяцев (с 13 июня по 31 декабря 1904 г.) – и за это время было выпущено 35 номеров журнала, который имел несколько постоянных рубрик: рассказы, история военного дела, военное обозрение, а также новости как с русской, так и с японской стороны. Помимо этого, публиковались и материалы личного происхождения – заметки и воспоминания военных корреспондентов, солдат и матросов. На протяжении всего периода в журнале печатались известные российские литераторы, среди которых были И.А. Любич-Кошуров, Н.А. Тургенев, П. Краснов и др.

6. Благодарности

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

Литература

- [Апухтин, 1904](#) – Апухтин В. Из полевой жизни в восточном отряде манджурской армии // *Война с Японией*. 1904. № 14. С. 10-11.
- [Апухтин, 1904а](#) – Апухтин В. Из полевой жизни в восточном отряде манджурской армии (продолжение) // *Война с Японией*. 1904. № 15. С. 6-9.
- [Баяндин, 2010](#) – Баяндин В.И. Журнал «Вестник военного духовенства» как источник по истории военной церкви и армии России // *Восток – Запад: проблемы взаимодействия: исторический и культурологический аспекты: материалы региональной науч.-практ. конф.* (Новосибирск, 28–29 мая 2010 г.). Новосибирск, 2010. С. 38-47.
- [Бурдуков, 1904](#) – Бурдуков. Что такое современный боевой флот? // *Война с Японией*. 1904. № 4. С. 14-15.
- [Бурдуков, 1904а](#) – Бурдуков. Что такое современный боевой флот? (продолжение) // *Война с Японией*. 1904. № 5. С. 10-12.
- [Бурдуков, 1904б](#) – Бурдуков. Что такое современный боевой флот? (продолжение) // *Война с Японией*. 1904. № 6. С. 11-13.
- [Бурдуков, 1904с](#) – Бурдуков. Что такое современный боевой флот? (продолжение) // *Война с Японией*. 1904. № 7. С. 11-14.
- [Бурдуков, 1904д](#) – Бурдуков. Что такое современный боевой флот? (продолжение) // *Война с Японией*. 1904. № 8. С. 10-13.
- [Бурдуков, 1904е](#) – Бурдуков. Что такое современный боевой флот? (продолжение) // *Война с Японией*. 1904. № 9. С. 12-14.

- Бурдуков, 1904f** – Бурдуков. Что такое современный боевой флот? (продолжение) // *Война с Японией*. 1904. № 10. С. 12-14.
- Бурдуков, 1904g** – Бурдуков. Что такое современный боевой флот? (продолжение) // *Война с Японией*. 1904. № 11. С. 14-15.
- Бурдуков, 1904h** – Бурдуков. Что такое современный боевой флот? (окончание) // *Война с Японией*. 1904. № 12. С. 10-12.
- Васин, 1904** – Васин Н. В лощине // *Война с Японией*. 1904. № 31. С. 6-8.
- Военное обозрение, 1904** – Военное обозрение // *Война с Японией*. 1904. № 1. С. 16-20.
- Военное обозрение, 1904a** – Военное обозрение // *Война с Японией*. 1904. № 4. С. 2-9.
- Вульфсон, 1904** – Вульфсон Э. Горе старого Пака // *Война с Японией*. 1904. № 3. С. 5-7.
- Вульфсон, 1904a** – Вульфсон Э. Перед лицом смерти // *Война с Японией*. 1904. № 15. С. 4-6.
- Вульфсон, 1904b** – Вульфсон Э. Под Ляояном // *Война с Японией*. 1904. № 20. С. 6-7.
- Вульфсон, 1904c** – Вульфсон Э. Бабьи думы // *Война с Японией*. 1904. № 24. С. 5-7.
- Вульфсон, 1904d** – Вульфсон Э. Апофеоз войны // *Война с Японией*. 1904. № 27. С. 6-10.
- Гиляровский, 1904** – Гиляровский В.А. Памяти В.В. Верещагина // *Война с Японией*. 1904. № 1. С. 16.
- Гиляровский, 1904a** – Гиляровский В.А. Матрос // *Война с Японией*. 1904. № 7. С. 7-8.
- Готвальд, 1904** – Готвальд В. На паровозе. Эпизод из русско-японской войны // *Война с Японией*. 1904. № 10. С. 7-10.
- Е.Д., 1904** – Е.Д. В горах // *Война с Японией*. 1904. № 18. С. 7-11.
- Е.Д., 1904a** – Е.Д. Казак // *Война с Японией*. 1904. № 28. С. 2-6.
- Е.Д., 1904b** – Е.Д. Казак (окончание) // *Война с Японией*. 1904. № 29. С. 6-10.
- Иванин, 1904** – Иванин. После сражения // *Война с Японией*. 1904. № 2. С. 5-10.
- Иванин, 1904a** – Иванин И. Под водой // *Война с Японией*. 1904. № 12. С. 5-7.
- Катионов, Смагин, 2008** – Катионов О.Н., Смагин Р.Ю. «Топографический и геодезический журнал» как исторический источник по изучению службы военных топографов в Сибири // *Гео-Сибирь*. 2008. № 2 (2). С. 272-278.
- Киодай, 1904** – Киодай. Кули // *Война с Японией*. 1904. № 11. С. 6-9.
- Краснов, 1904** – Краснов П. В плену // *Война с Японией*. 1904. № 6. С. 7-10.
- Любич-Кошуров, 1904** – Любич-Кошуров И.А. На разведке // *Война с Японией*. 1904. № 1. С. 3-7.
- Любич-Кошуров, 1904a** – Любич-Кошуров И.А. Предатель // *Война с Японией*. 1904. № 7. С. 3-7.
- Любич-Кошуров, 1904b** – Любич-Кошуров И.А. Орел и ворон // *Война с Японией*. 1904. № 12. С. 8.
- Любич-Кошуров, 1904c** – Любич-Кошуров И.А. В игорном доме // *Война с Японией*. 1904. № 17. С. 7-11.
- Любич-Кошуров, 1904d** – Любич-Кошуров И.А. Капитан // *Война с Японией*. 1904. № 21. С. 5-10.
- Любич-Кошуров, 1904e** – Любич-Кошуров И.А. Две жертвы // *Война с Японией*. 1904. № 25. С. 7-10.
- Любич-Кошуров, 1904f** – Любич-Кошуров И.А. Завоевание Амура // *Война с Японией*. 1904. № 26. С. 2-6.
- Любич-Кошуров, 1904g** – Любич-Кошуров И.А. Во время штурма // *Война с Японией*. 1904. № 32. С. 2-4.
- Любич-Кошуров, 1904h** – Любич-Кошуров И.А. Во время штурма (окончание) // *Война с Японией*. 1904. № 33. С. 4-7.
- Любич-Кошуров, 1904i** – Любич-Кошуров И.А. Под гром орудий // *Война с Японией*. 1904. № 34-35. С. 6-11.
- Медведев, 1904** – Медведев Л. Кончен бой // *Война с Японией*. 1904. № 16. С. 10.
- Медведев, 1904a** – Медведев Л. Война // *Война с Японией*. 1904. № 24. С. 7.
- Митропольский, 1904** – Митропольский И. Изнанка войны // *Война с Японией*. 1904. № 9. С. 9-11.
- Митропольский, 1904a** – Митропольский И. Мины // *Война с Японией*. 1904. № 17. С. 11-13.
- М-кий, 1904** – М-кий И. Порт-Артур // *Война с Японией*. 1904. № 6. С. 5-7.
- М-ский, 1904** – М-ский И. Современная крепость и способы ее атаки (Окончание) // *Война с Японией*. 1904. № 3. С. 7-11.
- М-ский, 1904a** – М-ский И. Операции японцев у Порт-Артура в войну 1894 г. // *Война с Японией*. 1904. № 7. С. 8-11.
- Немирович-Данченко, 1904** – Немирович-Данченко В.И. Атака брандеров // *Война с Японией*. 1904. № 3. С. 11-13.
- Обозреватель, 1904** – Обозреватель. Современная крепость и способы ее атаки // *Война с Японией*. 1904. № 1. С. 7-8.
- Обозреватель, 1904a** – Обозреватель. Современная крепость и способы ее атаки (Продолжение) // *Война с Японией*. 1904. № 2. С. 11-12.
- Орлан, 1904** – Орлан Б. На разведках // *Война с Японией*. 1904. № 13. С. 7-8.
- От редакции, 1904** – От редакции // *Война с Японией*. 1904. № 1. С. 2.

- Очерк минувших событий, 1904 – Очерк минувших событий войны до осады Порт-Артура // *Война с Японией*. 1904. № 1. С. 9-15.
- П., 1904 – П. Из дорожного дневника // *Война с Японией*. 1904. № 33. С. 7-10.
- П., 1904a – П. Из дорожного дневника (окончание) // *Война с Японией*. 1904. № 34-35. С. 12-18.
- Плешкевич, 2017 – Плешкевич Е.А. «Журнал министерства народного просвещения» как источник по истории отечественного библиотечного дела и библиотековедения // *Библиосфера*. 2017. № 1. С. 17-24.
- Рассказ..., 1904 – Рассказ пленного матроса с «Екатеринослава» // *Война с Японией*. 1904. № 18. С. 14-15.
- Рассказ..., 1904a – Рассказ пленного матроса с «Екатеринослава» (окончание) // *Война с Японией*. 1904. № 20. С. 9-10.
- Слуховский, 1904 – Слуховский И. Сестра милосердия // *Война с Японией*. 1904. № 4. С. 10-14.
- Соболев, 1904 – Соболев В. Петр Маслеников // *Война с Японией*. 1904. № 8. С. 5-8.
- Соболев, 1904b – Соболев В. Ночь плена // *Война с Японией*. 1904. № 14. С. 5-8.
- Соболев, 1904c – Соболев В. Отсталые // *Война с Японией*. 1904. № 19. С. 6-11.
- Соболев, 1904d – Соболев В. Старый знакомый // *Война с Японией*. 1904. № 23. С. 6-11.
- Соболев, 1904e – Соболев В. На разведках // *Война с Японией*. 1904. № 30. С. 2-6.
- Соболев, 1904a – Соболев В. Ночной бой // *Война с Японией*. 1904. № 11. С. 9.
- Спаский, 1904 – Спаский С. Из дневника раненого // *Война с Японией*. 1904. № 9. С. 8-9.
- Тургенев, 1904 – Тургенев Н.А. Старые приятели // *Война с Японией*. 1904. № 5. С. 5-8.
- Тургенев, 1904b – Тургенев Н.А. Война и мир // *Война с Японией*. 1904. № 8. С. 8.
- Тургенев, 1904c – Тургенев Н.А. Ночью // *Война с Японией*. 1904. № 16. С. 5-10.
- Тургенев, 1904a – Тургенев Н.А. Война и природа // *Война с Японией*. 1904. № 6. С. 11.
- Фролова, 2018 – Фролова И.В. Журнал «Детская помощь» как исторический источник по истории провинциальной благотворительности (на примере Новгородской и Псковской губерний) // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2018. № 1 (124). С. 191-194.
- Храмцов, 2014 – Храмцов А.Б. Журнал «Вестник полиции» как исторический источник (1907–1917 гг.) // *Вестник Нижневартковского государственного университета*. 2014. № 2. С. 43-48.
- Черкасов, 2009 – Черкасов А.А. Центр и окраины: Сочи в период русско-японской войны // *Былые годы*. 2009. № 1. С. 4-9.
- Энтэ, 1904 – Энтэ. О крепостях // *Война с Японией*. 1904. № 18. С. 11-14.
- Энтэ, 1904a – Энтэ. О крепостях (продолжение) // *Война с Японией*. 1904. № 19. С. 11-15.
- Энтэ, 1904b – Энтэ. О крепостях (продолжение) // *Война с Японией*. 1904. № 20. С. 10-11.
- Энтэ, 1904d – Энтэ. О крепостях (продолжение) // *Война с Японией*. 1904. № 22. С. 8-11.
- Энтэ, 1904e – Энтэ. О крепостях (продолжение) // *Война с Японией*. 1904. № 23. С. 11-12.
- Энтэ, 1904f – Энтэ. О крепостях (продолжение) // *Война с Японией*. 1904. № 24. С. 7-10.
- Энтэ, 1904g – Энтэ. О крепостях (продолжение) // *Война с Японией*. 1904. № 24. С. 10-11.
- Энтэ, 1904h – Энтэ. О крепостной войне // *Война с Японией*. 1904. № 27. С. 10-13.
- Энтэ, 1904i – Энтэ. О крепостной войне (продолжение) // *Война с Японией*. 1904. № 28. С. 6-7.
- Энтэ, 1904j – Энтэ. О крепостной войне (продолжение) // *Война с Японией*. 1904. № 29. С. 10-14.
- Энтэ, 1904k – Энтэ. О крепостной войне (продолжение) // *Война с Японией*. 1904. № 30. С. 7-8.
- Энтэ, 1904l – Энтэ. О крепостной войне (продолжение) // *Война с Японией*. 1904. № 31. С. 8-12.
- Энтэ, 1904c – Энтэ. О крепостях (продолжение) // *Война с Японией*. 1904. № 21. С. 10-13.
- Юдин, 2013 – Юдин С.О. Журнал Вестник Пензенского земства как исторический источник // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего*. 2013. № 11(15). С. 68-74.

References

- Апукхтин, 1904 – Апукхтин, V. (1904). Iz polevoi zhizni v vostochnom otryade mandzhurskoj armii [From field life in the eastern detachment of the Mandzhur army]. *Voina s Yaponiei*. 14: 10-11. [in Russian]
- Апукхтин, 1904a – Апукхтин, V. (1904). Iz polevoi zhizni v vostochnom otryade mandzhurskoj armii (prodolzhenie) [From field life in the eastern detachment of the Mandzhur army (continued)]. *Voina s Yaponiei*. 15: 6-9. [in Russian]
- Bayandin, 2010 – Bayandin, V.I. (2010). Zhurnal “Vestnik voennogo dukhovenstva” kak istochnik po istorii voennoi tserkvi i armii Rossii [The journal “Vestnik voennogo dukhovenstva” as a source on the history of the military church and the army of Russia]. *Vostok – Zapad: problemy vzaimodeistviya: istoricheskii i kul'turologicheskii aspekty: materialy regional'noi nauch.-prakt. konf.* (Novosibirsk, 28-29 maya 2010 g.). Novosibirsk. Pp. 38-47. [in Russian]
- Burdukov, 1904 – Burdukov (1904). Chto takoe sovremennyi boevoi flot? [What is a modern combat fleet?]. *Voina s Yaponiei*. 4: 14-15. [in Russian]
- Burdukov, 1904a – Burdukov (1904). Chto takoe sovremennyi boevoi flot? (prodolzhenie) [What is a modern combat fleet? (continued)]. *Voina s Yaponiei*. 5: 10-12. [in Russian]
- Burdukov, 1904b – Burdukov (1904). Chto takoe sovremennyi boevoi flot? (prodolzhenie) [What is a modern combat fleet? (continued)]. *Voina s Yaponiei*. 6: 11-13. [in Russian]

- Burdukov, 1904c** – *Burdukov* (1904). Chto takoe sovremennyyi boevoi flot? (prodolzhenie) [What is a modern combat fleet? (continued)]. *Voyna s Yaponiei*. 7: 11-14. [in Russian]
- Burdukov, 1904d** – *Burdukov* (1904). Chto takoe sovremennyyi boevoi flot? (prodolzhenie) [What is a modern combat fleet? (continued)]. *Voyna s Yaponiei*. 8: 10-13. [in Russian]
- Burdukov, 1904e** – *Burdukov* (1904). Chto takoe sovremennyyi boevoi flot? (prodolzhenie) [What is a modern combat fleet? (continued)]. *Voyna s Yaponiei*. 9: 12-14. [in Russian]
- Burdukov, 1904f** – *Burdukov* (1904). Chto takoe sovremennyyi boevoi flot? (prodolzhenie) [What is a modern combat fleet? (continued)]. *Voyna s Yaponiei*. 10: 12-14. [in Russian]
- Burdukov, 1904g** – *Burdukov* (1904). Chto takoe sovremennyyi boevoi flot? (prodolzhenie) [What is a modern combat fleet? (continued)]. *Voyna s Yaponiei*. 11: 14-15. [in Russian]
- Burdukov, 1904h** – *Burdukov* (1904). Chto takoe sovremennyyi boevoi flot? (okonchanie) [What is a modern combat fleet? (the ending)]. *Voyna s Yaponiei*. 12: 10-12. [in Russian]
- Cherkasov, 2009** – *Cherkasov, A.A.* (2009). Tsentr i okrainy: Sochi v period russko-yaponskoi voyny [Center and outskirts: Sochi during the Russian-Japanese war]. *Bylye gody*. 1: 4-9. [in Russian]
- E.D., 1904** – *E.D.* (1904). V gorakh [In the mountains]. *Voyna s Yaponiei*. 18: 7-11. [in Russian]
- E.D., 1904a** – *E.D.* (1904). Kazak [Cossack]. *Voyna s Yaponiei*. 28: 2-6. [in Russian]
- E.D., 1904b** – *E.D.* (1904). Kazak (okonchanie) // *Voyna s Yaponiei*. 1904. № 29. S. 6-10. [in Russian]
- Ente, 1904** – *Ente* (1904). O krepostyakh [About fortresses]. *Voyna s Yaponiei*. 18: 11-14. [in Russian]
- Ente, 1904a** – *Ente* (1904). O krepostyakh (prodolzhenie) [About fortresses (continued)]. *Voyna s Yaponiei*. 19: 11-15. [in Russian]
- Ente, 1904b** – *Ente* (1904). O krepostyakh (prodolzhenie) [About fortresses (continued)]. *Voyna s Yaponiei*. 20: 10-11. [in Russian]
- Ente, 1904d** – *Ente* (1904). O krepostyakh (prodolzhenie) [About fortresses (continued)]. *Voyna s Yaponiei*. 22: 8-11. [in Russian]
- Ente, 1904e** – *Ente* (1904). O krepostyakh (prodolzhenie) [About fortresses (continued)]. *Voyna s Yaponiei*. 23: 11-12. [in Russian]
- Ente, 1904f** – *Ente* (1904). O krepostyakh (prodolzhenie) [About fortresses (continued)]. *Voyna s Yaponiei*. 24: 7-10. [in Russian]
- Ente, 1904g** – *Ente* (1904). O krepostyakh (prodolzhenie) [About fortresses (continued)]. *Voyna s Yaponiei*. 24: 10-11. [in Russian]
- Ente, 1904h** – *Ente* (1904). O krepostnoi voine [About serf war]. *Voyna s Yaponiei*. 27: 10-13. [in Russian]
- Ente, 1904i** – *Ente* (1904). O krepostnoi voine (prodolzhenie) [About serf war (continued)]. *Voyna s Yaponiei*. 28: 6-7. [in Russian]
- Ente, 1904j** – *Ente* (1904). O krepostnoi voine (prodolzhenie) [About serf war (continued)]. *Voyna s Yaponiei*. 29: 10-14. [in Russian]
- Ente, 1904k** – *Ente* (1904). O krepostnoi voine (prodolzhenie) [About serf war (continued)]. *Voyna s Yaponiei*. 30: 7-8. [in Russian]
- Ente, 1904l** – *Ente* (1904). O krepostnoi voine (prodolzhenie) [About serf war (continued)]. *Voyna s Yaponiei*. 31: 8-12. [in Russian]
- Ente, 1904s** – *Ente* (1904). O krepostyakh (prodolzhenie) [About fortresses (continued)]. *Voyna s Yaponiei*. 21: 10-13. [in Russian]
- Frolova, 2018** – *Frolova, I.V.* (2018). Zhurnal «Detskaya pomoshch'» kak istoricheskii istochnik po istorii provintsial'noi blagotvoritel'nosti (na primere Novgorodskoi i Pskovskoi gubernii) [The journal "Detskaya pomoshch'" as a historical source on the history of provincial charity (on the example of the Novgorod and Pskov provinces)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 1(124): 191-194. [in Russian]
- Gilyarovskii, 1904** – *Gilyarovskii, V.A.* (1904). Pamyati V.V. Vereshchagina [In memory of V.V. Vereshchagin]. *Voyna s Yaponiei*. 1: 16. [in Russian]
- Gilyarovskii, 1904a** – *Gilyarovskii, V.A.* (1904). Matros [Sailor]. *Voyna s Yaponiei*. 7: 7-8. [in Russian]
- Gotval'd, 1904** – *Gotval'd, V.* (1904). Na parovoze. Epizod ikh russko-yaponskoi voyny [On a steam locomotive. Episode of their Russo-Japanese War]. *Voyna s Yaponiei*. 10: 7-10. [in Russian]
- Ivanin, 1904** – *Ivanin* (1904). Posle srazheniya [After the battle]. *Voyna s Yaponiei*. 2: 5-10. [in Russian]
- Ivanin, 1904a** – *Ivanin, I.* (1904). Pod vodoi [Under the water]. *Voyna s Yaponiei*. 12: 5-7. [in Russian]
- Kationov, Smagin, 2008** – *Kationov, O.N., Smagin, R.Yu.* (2008). «Topograficheski i geodezicheskii zhurnal» kak istoricheskii istochnik po izucheniyu sluzhby voennykh topografov v Sibiri ["Topographic and Geodetic Journal" as a Historical Source for Studying the Service of Military Topographers in Siberia]. *Geo-Sibir*. 2(2): 272-278. [in Russian]
- Khramtsov, 2014** – *Khramtsov, A.B.* (2014). Zhurnal "Vestnik politsii" kak istoricheskii istochnik (1907-1917 gg.) [The journal "Vestnik politsii" as a historical source (1907-1917)]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2: 43-48. [in Russian]
- Kiodai, 1904** – *Kiodai* (1904). Kuli [Cooley]. *Voyna s Yaponiei*. 11: 6-9. [in Russian]

- Krasnov, 1904 – Krasnov, P. (1904). V plenu [In captivity]. *Voina s Yaponiei*. 6: 7-10.
- Lyubich-Koshurov, 1904 – Lyubich-Koshurov, I.A. (1904). Na razvedke [On reconnaissance]. *Voina s Yaponiei*. 1: 3-7. [in Russian]
- Lyubich-Koshurov, 1904a – Lyubich-Koshurov, I.A. (1904). Predatel' [Traitor]. *Voina s Yaponiei*. 7: 3-7. [in Russian]
- Lyubich-Koshurov, 1904b – Lyubich-Koshurov, I.A. (1904). Orel i voron [Eagle and Raven]. *Voina s Yaponiei*. 12: 8. [in Russian]
- Lyubich-Koshurov, 1904c – Lyubich-Koshurov, I.A. (1904). V igornom dome [In a gambling house]. *Voina s Yaponiei*. 17: 7-11. [in Russian]
- Lyubich-Koshurov, 1904d – Lyubich-Koshurov, I.A. (1904). Kapitan [Captain]. *Voina s Yaponiei*. 21. S. 5-10. [in Russian]
- Lyubich-Koshurov, 1904e – Lyubich-Koshurov, I.A. (1904). Dve zherty [Two victims]. *Voina s Yaponiei*. 25: 7-10. [in Russian]
- Lyubich-Koshurov, 1904f – Lyubich-Koshurov, I.A. (1904). Zavoevanie Amura [Conquest of the Amur]. *Voina s Yaponiei*. 26: 2-6. [in Russian]
- Lyubich-Koshurov, 1904g – Lyubich-Koshurov, I.A. (1904). Vo vremya shturma [During the assault]. *Voina s Yaponiei*. 32: 2-4. [in Russian]
- Lyubich-Koshurov, 1904h – Lyubich-Koshurov, I.A. (1904). Vo vremya shturma (okonchanie) [During the assault (end)]. *Voina s Yaponiei*. 33: 4-7. [in Russian]
- Lyubich-Koshurov, 1904i – Lyubich-Koshurov, I.A. (1904). Pod grom orudii [Under the thunder of guns]. *Voina s Yaponiei*. 34-35: 6-11. [in Russian]
- Medvedev, 1904 – Medvedev, L. (1904). Konchen boi [The battle is over]. *Voina s Yaponiei*. 16: 10. [in Russian]
- Medvedev, 1904a – Medvedev, L. (1904). Voina [War]. *Voina s Yaponiei*. 24: 7. [in Russian]
- Mitropol'skii, 1904 – Mitropol'skii, I. (1904). Iznanka voiny [The Wrong side of war]. *Voina s Yaponiei*. 9: 9-11. [in Russian]
- Mitropol'skii, 1904a – Mitropol'skii, I. (1904). Miny [Mines]. *Voina s Yaponiei*. 17: 11-13. [in Russian]
- M-kii, 1904 – M-kii, I. (1904). Port-Artur [Port Arthur]. *Voina s Yaponiei*. 6: 5-7. [in Russian]
- M-skii, 1904 – M-skii, I. (1904). Sovremennaya krepost' i sposoby ee ataki (Okonchanie) [Modern fortress and methods of its attack (End)]. *Voina s Yaponiei*. 3: 7-11. [in Russian]
- M-skii, 1904a – M-skii, I. (1904). Operatsii yaponcev u Port-Artura v voynu 1894 g. [Japanese operations near Port Arthur during the war of 1894]. *Voina s Yaponiei*. 7: 8-11. [in Russian]
- Nemirovich-Danchenko, 1904 – Nemirovich-Danchenko, V.I. (1904). Ataka branderov [Fire-ships attack]. *Voina s Yaponiei*. 3: 11-13. [in Russian]
- Obozrevatel', 1904 – Obozrevatel'. Sovremennaya krepost' i sposoby ee ataki [Modern fortress and methods of its attack]. *Voina s Yaponiei*. 1904. 1: 7-8. [in Russian]
- Obozrevatel', 1904a – Obozrevatel'. Sovremennaya krepost' i sposoby ee ataki (Prodolzhenie) [Modern fortress and methods of its attack (Continued)]. *Voina s Yaponiei*. 1904. 2: 11-12. [in Russian]
- Ocherk minuvshikh sobytii, 1904 – Ocherk minuvshikh sobytii voiny do osady Port-Artura [Sketch of past events of the war before the siege of Port Arthur]. *Voina s Yaponiei*. 1904. 1: 9-15. [in Russian]
- Orlan, 1904 – Orlan, B. (1904). Na razvedkakh [On reconnaissance]. *Voina s Yaponiei*. 13: 7-8. [in Russian]
- Ot redaktsii, 1904 – Ot redaktsii [From the Editor]. *Voina s Yaponiei*. 1904. 1: 2. [in Russian]
- P., 1904 – P. (1904). Iz dorozhnogo dnevnika [From a travel diary]. *Voina s Yaponiei*. 33: 7-10. [in Russian]
- P., 1904a – P. (1904). Iz dorozhnogo dnevnika (okonchanie) [From a travel diary (end)]. *Voina s Yaponiei*. 34-35: 12-18. [in Russian]
- Pleshkevich, 2017 – Pleshkevich, E.A. (2017). "Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya" kak istochnik po istorii otechestvennogo bibliotechnogo dela i bibliotekovedeniya ["Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya" as a source on the history of national librarianship and library science]. *Bibliosfera*. 1: 17-24. [in Russian]
- Rasskaz..., 1904 – Rasskaz plennogo matrosa s «Ekaterinoslava» [The story of a captive sailor from Yekaterinoslav]. *Voina s Yaponiei*. 1904. 18: 14-15. [in Russian]
- Rasskaz..., 1904a – Rasskaz plennogo matrosa s «Ekaterinoslava» (okonchanie) [The story of a captive sailor from Yekaterinoslav (end)]. *Voina s Yaponiei*. 1904. 20: 9-10. [in Russian]
- Slukhovskii, 1904 – Slukhovskii, I. (1904). Sestra miloserdiya [Sister of Mercy]. *Voina s Yaponiei*. 4: 10-14. [in Russian]
- Sobolev, 1904 – Sobolev, V. (1904). Petr Maslenikov [Peter Maslenikov]. *Voina s Yaponiei*. 8: 5-8. [in Russian]
- Sobolev, 1904a – Sobolev, V. (1904). Nochnoi boi [Night battle]. *Voina s Yaponiei*. 11: 9. [in Russian]
- Sobolev, 1904b – Sobolev, V. (1904). Noch' plena [Night of Captivity]. *Voina s Yaponiei*. 14: 5-8. [in Russian]
- Sobolev, 1904c – Sobolev, V. (1904). Otstalye [Backward]. *Voina s Yaponiei*. 19: 6-11. [in Russian]

- [Sobolev, 1904d](#) – *Sobolev, V.* (1904). Staryi znakomyi [Old acquaintance]. *Voina s Yaponiei*. 23: 6-11. [in Russian]
- [Sobolev, 1904e](#) – *Sobolev, V.* (1904). Na razvedkakh [On reconnaissance]. *Voina s Yaponiei*. 30: 2-6. [in Russian]
- [Spasskii, 1904](#) – *Spasskii, S.* (1904). Iz dnevnika ranenogo [From the diary of a wounded man]. *Voina s Yaponiei*. 9: 8-9. [in Russian]
- [Turgenev, 1904](#) – *Turgenev, N.A.* (1904). Starye priyateli [Old friends]. *Voina s Yaponiei*. 5: 5-8. [in Russian]
- [Turgenev, 1904a](#) – *Turgenev, N.A.* (1904). Voina i priroda [War and peace]. *Voina s Yaponiei*. 6: 11. [in Russian]
- [Turgenev, 1904b](#) – *Turgenev, N.A.* (1904). Voina i mir [War and Nature]. *Voina s Yaponiei*. 8: 8. [in Russian]
- [Turgenev, 1904c](#) – *Turgenev, N.A.* (1904). Noch'yu [At night]. *Voina s Yaponiei*. 16: 5-10. [in Russian]
- [Vasin, 1904](#) – *Vasin, N.* (1904). V loshchine [In the hollow]. *Voina s Yaponiei*. 31: 6-8. [in Russian]
- [Voennoe obozrenie, 1904](#) – *Voennoe obozrenie* [Military review]. *Voina s Yaponiei*. 1904. 1: 16-20. [in Russian]
- [Voennoe obozrenie, 1904a](#) – *Voennoe obozrenie* [Military review]. *Voina s Yaponiei*. 1904. 4: 2-9. [in Russian]
- [Vul'fson, 1904](#) – *Vul'fson, E.* (1904). Gore starogo Paka [The grief of old Pak]. *Voina s Yaponiei*. 3: 5-7. [in Russian]
- [Vul'fson, 1904a](#) – *Vul'fson, E.* (1904). Pered litsom smerti [In the face of death]. *Voina s Yaponiei*. 15: 4-6. [in Russian]
- [Vul'fson, 1904b](#) – *Vul'fson, E.* (1904). Pod Lyaoyanom [Near Liaoyang]. *Voina s Yaponiei*. 20: 6-7. [in Russian]
- [Vul'fson, 1904c](#) – *Vul'fson, E.* (1904). Bab'i dumy [Woman's thoughts]. *Voina s Yaponiei*. 24: 5-7. [in Russian]
- [Vul'fson, 1904d](#) – *Vul'fson, E.* (1904). Apofeozy voiny [Apotheosis of War]. *Voina s Yaponiei*. 27: 6-10. [in Russian]
- [Yudin, 2013](#) – *Yudin, S.O.* (2013). Zhurnal Vestnik Penzenskogo zemstva kak istoricheskii istochnik [The journal Vestnik Penzenskogo zemstva kak istoricheskii istochnik]. *XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastoyashchego*. 11(15): 68-74. [in Russian]

Журнал «Война с Японией» как исторический источник

Владимир Никифорович Денисенко ^{a, *}, Марина Анатольевна Березняцкая ^a, Анастасия Владимировна Денисенко ^a, Юлия Витальевна Юрова ^a

^a Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматривается журнал военных событий «Война с Японией» как исторический источник по истории русско-японской войны 1904–1905 гг.

Материалами для работы стали 35 номеров еженедельного иллюстрированного журнала «Война с Японией».

В методологическом плане работа построена по принципу историзма и объективности. Принцип историзма позволил рассмотреть изучаемые события в их исторической последовательности, а для достижения объективности авторы анализировали все номера журнала «Война с Японией». Значительное внимание уделено методу источниковедческого анализа, так как изучаемый журнал рассматривается в качестве исторического источника.

В заключении авторы отмечают, что еженедельный иллюстрированный журнал «Война с Японией» являлся одной из первых попыток создания журнала военных событий периода русско-японской войны в Российской империи. Период его существования был непродолжительным, около 6 месяцев (с 13 июня по 31 декабря 1904 г.), и за это время было выпущено 35 номеров. Издание имело несколько постоянных рубрик: рассказы, история военного дела, военное обозрение, а также новости как с русской, так и с японской стороны. Помимо этого, публиковались в нем и материалы личного происхождения – заметки и воспоминания военных корреспондентов, солдат и матросов. На протяжении всего периода в журнале печатались известные российские литераторы, среди которых были И.А. Любич-Кошуров, Н.А. Тургенев, П. Краснов и др.

Ключевые слова: журнал «Война с Японией», 1904–1905 гг., русско-японская война, периодическая печать.

* Корреспондирующий автор

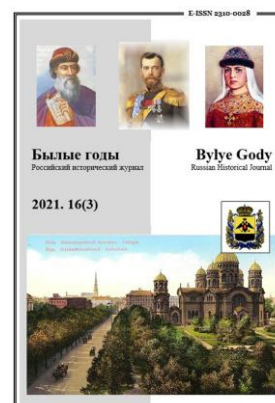
Адреса электронной почты: denisenko-vn@rudn.ru (В.Н. Денисенко)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1501-1510
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1501
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



The Experience of the Loss of the Motherland by Representatives of Russian Emigration in the Chinese Provinces (1905–1917)

Yongchen Ruan ^a, Irina S. Karabulatova ^{b, c, *}

^a Hainan Normal University, Hainan, China

^b Peoples' Friendship University of Russia (RUDN university), Moscow, Russian Federation

^c Department of Machine Learning and Digital Humanities, Moscow Institute of Physics and Technology, Moscow, Russian Federation

Abstract

The authors consider the problem of separation from the mother culture in the conditions of forced emigration of officers of the tsarist army during the period of increasing Russian influence in the Chinese provinces of the Russian Empire before its collapse. The awareness of one's own mission and acceptance of one's destiny reflected in the way information was presented in the film and newspaper discourses of the Russian diaspora in China at the beginning of the twentieth century. Understanding the historical, cultural, psychological, and linguistic significance of Harbin's Russian culture is important in the context of the formation of the diaspora mentality, the viability of cultural values, ties with the historical homeland, and overcoming depressive moods caused by ethnic trauma and the loss of the homeland. A lever for managing ethno-cultural identity. Russian emigrants were able to record the Russian language in subtitles, as well as daily life and incidents, and discuss world and Russian news. This allows us to trace the evolution of the Russian diaspora in Harbin. Ethnotrauma due to the distance from Russia, the fall of the Tsarist Empire, the First World War forced us to look for new forms of preserving ethno-confessional, socio-cultural identity.

Keywords: China, Chinese Eastern Railway, Harbin, film and newspaper discourse, Tsarist Army, ethnotrauma, Russian emigrant diaspora, ethnocultural contacts.

1. Introduction

The Russian pre-revolutionary emigration of the XX century was initially presented to emigrants as a temporary phenomenon, due to the penetration of tsarist Russia into the spaces of Manchuria and Northern China. The researchers considered it as a promotion of Russia's policy on its distant borders, which was associated with the objective difficulties of ethnic and cultural conflicts, epidemics, natural disasters, and distance from the metropolis (Marinenko et al., 2019; Semenov, Semenova, 2021; Tokmurzaev et al., 2021).

This idea was quite active during the twentieth century, but revolutionary events changed the attitude to Russia (Geifman, 1993), to its culture, language, and history among the descendants of white immigrants, as the ethnocultural competencies of migrants change from generation to generation (Islamova et al., 2019). Therefore, we find the attempts of the emigrant community to preserve its own ethno-socio-cultural identity outside the metropolis in a foreign-language environment quite interesting for scientific analysis in various aspects (Khatyamova, 2008; Golubeva-Monatkina, 2004).

The "center-periphery", "capital-province", "colony-metropolis" opposition vector set in the past (Ivanescio, Urushadze, 2018) is once again becoming a priority in the geopolitical space of the XXI century. Therefore, we consider it necessary to consider the issue of preserving the ethno-socio-cultural identity in the situation of breaking the geopolitical paradigm of the early twentieth century. based on the material of film and newspaper discourses, since such oppositions become a prerequisite for building the foundation of a

* Corresponding author

E-mail addresses: radogost2000@mail.ru (I.S. Karabulatova)

multipolar world, in which "hopeless" peripheral regions cultivate new conditions for economic and cultural growth within their countries, providing a breakthrough in many spheres of life.

The distance from the metropolis formed an idealized image of Russia as a place of strength of the national spirit. This specificity crystallized the ideal features of Russia in the mythologized picture of the world of emigrants who mastered the spaces of Manchuria and Northern China in the context of the so-called specifics of the "Russian soul" (Fedulov, et al, 2015; Pogrebnaya, Anikeev, 2019). Russian-American writer and historian V. P. Petrov noted that "the Russians were masters in the exclusion zone, and therefore did not even seek to learn the language of the country in which they lived" (Petrov, 1984: 18). Subsequently, this idealized image of Russia contributed to the formation of nationalist and fascist organizations in the Russian white emigrant environment (Lagutkina, 2013).

This aspect predetermined the accentuation of ethnic trauma among Russian emigrants of the early XXth century in China, which was clearly manifested at the time of the revolutionary waves in Russia, when the death of the Tsarist Empire became obvious.

We believe that the ethnomyth of Russian migrants in China at the beginning of the twentieth century contains the following levels:

1) the traditional picture of the world associated with the origins of the national history and culture of the metropolis;

2) the moment of maximum glorification of the nation (military victories, the acquisition of new territories in Northern China and Manchuria);

3) the moment of falling self-esteem of an ethnic group/ nation (ethnotrauma: "Bloody Sunday" 1905, the February Revolution, the fall of the Tsarist Empire, the October Revolution, the loss of the motherland);

4) forming an image of the future, understood as an idealized image of the Russian metropolis;

5) construction and exploitation of the deep opposition "we are them" (first the opposition "we (Russians) vs they (Japanese/ Chinese)", later "we (emigrants) vs they (Bolsheviks)").

Each of these mythologized constructions forms a frame that is filled with real historical facts, creating manipulums for transforming the worldview of the recipients of the discourse (Karabulatova, 2020).

The contradictory geopolitical situation on the eve and during the First World War actualized national myths that served as formative and structuring vectors of understanding the surrounding space. Russian myth is a myth about the Messianism of the Russian people, the sanctity and God-chosen Russian spirit, and so on. At the same time, the apocalyptic catastrophes of the Russian Empire could not but affect the transformation of the Russian myth in the context of ethnotrauma. The mythology of ethnotrauma, as an integral part of geopolitics, is built in mythologized ideologems, which are based on the well-known dichotomy "we vs them" (Osipov et al., 2015). The juxtaposition itself makes extensive use of the symbolic level, supporting and generating other myths (Asriyan, 2015).

The complexity of the issue is because the life of Russian emigrants in China at the beginning of the XXth century (on the eve of the revolution of 1917 and after it) was unavailable for analysis, due to the prohibition of censorship. However, the policy of perestroika in the 1980s opened access to documents covering various aspects of the life of white immigrants for researchers (Ablova, 2006; Khatyamova, 2008; Rakunov, 2011).

Our attention is focused on Harbin, because the formation of Harbin, as well as possible, corresponds to the understanding of the cultivation of a potential geopolitical center in the early twentieth century. Despite the fact that the algorithm of Harbin development, which was built by the Russians in the late XIX century – early XX century (Shkvarya, 2019), corresponded to the principles of development of most Russian cities with the corresponding attributes of industrial zones, shopping streets, market squares, manufactories, nevertheless, the city, becoming the center of socio-economic life, experiences social and psychological loads due to its distance from the metropolis, foreign-cultural Chinese environment and confrontation with the Japanese side.

The issues of CER construction, as well as military-political, socio-economic cooperation, have only recently become the object of close attention (Ablova, 2005; Shkvarya, 2019; Miao Hui, 2015; Smirnov, 2005; Rakunov, 2011; Chuprina, 2012) due to access to the archives of the Russian diaspora in China. However, Russian, and foreign historiography demonstrates that today we have gaps that concern not only the emigration of the troops of the tsarist army, the Russian intelligentsia from Russia to China, but also the issues of their arrangement in China. Russian emigrants in China have not fully analyzed the socio-cultural and political conditions of military and economic migration, as well as the consequences of the emigration of representatives of the tsarist troops and the Russian intelligentsia before the revolution of 1917, which led to a change in the social behavior of these migrants with the transformation of the socio-cultural identity reflected in the newspaper and film discourse of Russian emigrants in China. At the same time, despite the recognition of the role of cinema and the media as the main means of manipulating public consciousness (Reifman, 2012; Karabulatova, 2020), the significance of local Russian emigrant cinema in the socio-cultural life of Harbin and China was not considered. At the same time, the socio-political discourse of cinema and print is a communicative event that occurs between the film crew and the moviegoers, thanks to which the process of understanding reality on the screen and beyond is underway.

2. Materials and methods

Chronological framework of the study: the time – from 1905 to 1917. The territorial scope of the study covers the adjacent territories with China (Siberia and the Far East), and, above all, Harbin as one of the main centers of Russian emigration in China.

The methodological basis is based on the traditional principles of objectivity, science, and historicism for scientific research. At the same time, we consider objectivity as a recursion of the historical past without ideological disavowal. The principle of science makes conclusions evidential since we rely on reliable facts. The principle of historicism helps to focus on an objective assessment of events, facts, and personalities in the history of Russian emigration in Harbin on the eve of the revolution of 1917. Historical events are given in comparison and in a complex way with the linguo-culturological commentary. In the study, we also used comparative-historical, complex, and statistical methods. This makes it possible to analyze the socio-cultural situation of Russian emigration in Harbin from different angles, to understand the distinctive features of the positioning of identity in the documents of that era during the emigration process. From the statistical approach, we took the following methods: grouping with the indication of the dynamics of the number of printed publications, the number of films created in Harbin, Russian emigrants 1905–1917.

Russian expatriate community in Harbin (1905–1917), as well as publications of the Russian film company of Harbin, and publicly available audio recordings of Russian artists from Harbin, make up the materials of the study.

The analysis of historical events captured in the newspaper and film discourse of that time considers the assessments of Russian and Chinese analysts (Petrov, 2006; Wang Zhicheng, 2008; Li Xing, Li Renian, 1996), as well as the published memoirs and museum materials available for analysis.

3. Discussion

Problem nostalgia of Russian immigrants is not new, it has been actively developed after the era of perestroika, when it became available literature and sources of the Russian abroad (Chuprina, 2012; Golubeva-Mohnatkina, 2017; Islamova et al., 2019; Lagutkina, 2013; Lee Shingen, Lee Gangnani, 1996; Oglezneva, 2009; Rakunov, 2011; Wang Zhicheng, 2008). We observe a sharp bias in analytical research: the abundance of works on the history of the construction of the CER and the city of Harbin, reviews of Russian printed publications in China before 1945 (Ablova, 2005; Barikhnovsky, 1978; Shkvarya, 2019) and research gaps in the history of local cinema, media with a pronounced imperial affiliation, or with actualization only on the negative features of Russian emigration (Shkarenkov, 1981). The latter are used sporadically in the works as illustrations. At the same time, publications on the White emigrant press in China have recently begun to appear (Khisamutdinov, 2006), but the Russian emigrant socio-political discourse of cinema and mass media in China remains undeveloped in the scientific field.

Stage art has accompanied cinema, but research on this topic is also rare (Medetbekova, 2017; Chunying, 2014). At the same time, Chinese researchers note that the October Revolution in Russia gave a powerful surge in the migration wave of Russian emigrants, who numbered about 300,000 people in Heilongjiang Province (Shi Fan, 2003 po: Chunying, 2014). Such many Russian emigrants could not but affect the cultural life of Harbin (Khisamutdinov, 2019; Revyakina 2001). However, Russian researchers indicate that the number of emigrants who arrived did not exceed 60,000 (Shkvarya, 2019). Such discrepancies, in our opinion, also reflect an inadequate assessment of historical events.

Russian cinema studies ignore the fact of the syncretism of traditional Chinese art and Russian stage art in the formation of the Russian film discourse in China (Kizyun, Kemerova, 2017; Rykunov, 2013). The analysis of the situation at that time ignores the fact of the syncretism of traditional Chinese art and Russian stage art in the formation of the Russian film discourse in China (Kizyun, Kemerova, 2017; Rykunov, 2013).

The first experiments of Chinese cinema to a certain extent reflected the format of Chinese stage art with a well-established repertoire of roles, in which there were 4 roles of characters with a distribution according to specific characteristics: age, profession, gender, social status, combining the symbolism and conventionality of the depicted action (Ruan, 2012).

Thus, one of the first paintings "Zhuangzi tests his Wife" (1913, B. Polaski, Li Minwei) was guided by the usual distribution of roles of traditional Chinese theater, since the main female role in the film was played by a man, as was customary in the Chinese stage tradition (Medetbekova, 2017; Ruan, 2012). At the same time, K.K. Medetbekova points to the breakthrough nature of this film because for the first time a woman appeared in the episodic role of the maid, played by Yan Shanshan, the director's wife (Medetbekova, 2017: 7).

The experience of chronicle cinema created the effect of personal presence as a kind of experiment in the artistic search for new forms (Konkov, 2016), immersion in the "western shadow theater" (Yang Xian, 2020).

Monitoring of the film historiography shows that information about the Russian cinema of Harbin is extremely scarce and not structured, occurring in separate works of G. V. Melikhov (1991), R. Yangirov (2007), as well as in the Chronicles of Russian Cinema (2004; 2007), focusing more on the issues of the formation of the film distribution system than film production (Ponomarev, 2019; Rykunov, 2013). However, the researchers emphasize that Harbin was no different from other provincial Russian towns with their specific literary and cultural life (Balyakova, 2008; Kizyun, Kemerova, 2017; Kodzis, 1998). This atmosphere

of Harbin was formed due to the nostalgic moods of Russian emigrants who sought to build an ideal Russia (Asriyan, 2015), under the influence of the ethnotrauma of the loss of the motherland as such (Fedulov et al., 2015; Osipov et al., 2016; Pogrebnaya, Anikeev, 2019).

The multiple interpretations of the presence of the Russian emigrant press in Harbin (Miao Hui, 2015; Solodkaya, 2005; Khisamutdinov, 2006; Wang Zhicheng, 2008; Petrov, 2006) are due to the constructs of political mythology (Savelyev, 2018), making it difficult to create an objective reconstruction of the events of the past.

4. Results

Russians lived in Harbin at the beginning of the twentieth century, on the eve of the 1917 revolution, which gave a dynamic character to the Russian diaspora (Miao Hui, 2015). As E.V. Kizyun and T.A. Kemerova prove, Harbin was founded in 1898 by "Russian builders and employees of the CER/KVZhD" (Kizyun, Kemerova, 2017: 40). Russian emigrants arrived in Harbin from the dying Russian Empire, and the city was already home to veterans of the Russo-Japanese war, who became the first Russian wave of migration to Harbin. The new emigrants, the builders of the CER and the intelligentsia that followed them from different layers of infrastructure, became the second wave of Russian migration to Harbin. Therefore, the phenomenon of Harbin deserves the close interest of researchers of humanities, as a real Russian city in the original foreign-cultural environment.

By the time of the appearance of Russian emigrants of the second wave, the Russian-language media had firmly settled in Harbin. Russian magazine "Harbin" (1898, editor – in-chief-officer of the guard of the Chinese-Eastern Railway (CER/ KVZhD) A. I. Guchkov (1862-1936), the future chairman of the 3rd State Duma), which covered the features of the daily life of the first Russian residents of Harbin. The Weekly Telegram and Announcement Sheet (first issue – 01.08.1901) became the very first Russian newspaper in Harbin. A little later, the local newspaper "Harbin News"/ "Kharbinskiye novosti" (the first issue of June 10, 1903) began to be published, which was also published by representatives of the CER/ KVZhD (the editors of the first issue were the head of the commercial part of the CER/ KVZhD, K. P. Lazarev, and the commercial agent, G. V. Preisman). And then in 1907, a Russian newspaper, "New Life"/ "Novaya Zhizn", was published.

Thus, the beginning of the twentieth century was marked by the growth of Russian media in Harbin. Russian media If we look at the semantics of informonyms (names of mass media – the term of A. Khayretdinova, 2012 – Yo. R, I. K.), we will see that the names of Russian printed publications in Harbin reflect the worldview of Russian emigrants outside the metropolis: "New Life"/ "Novaya Zhizn", "Border"/ "Rubezh", "Our Way"/ "Nash Put' ", "Russian Voice"/ "Russkiy golos", "Echo"/ "Ekho", "Rumor"/ "Molva", "Voice of emigrants"/ "Golos emigrantov", "Appeal"/ "Prizyv", "Russian Word"/ "Russkoye slovo", "Mouthpiece"/ "Rupor", "Bread of Heaven"/ "Nebesniy Khleb", "Voice of emigrant"/ "Golos emigranta", "Day of Russian Culture"/ "Den' russkoy kul'tury", etc.

At the same time, the traditional model of linking to a place was also used: "Harbin"/ "Kharbin", "Harbin News"/ "Kharbinskiye novosti", "Harbin Bulletin"/ "Kharbinskiy vestnik", "Manchuria Bulletin"/ "Vestnik Manzhurii", "Manchuria"/ "Manzhuriya", "Oriento – Vostok", "Evening Harbin Time"/ "Vecherneye kharbinskoye vremya", "Bulletin of Asia"/ "Vestnik Azii", "Ray of Asia"/ "Luch Azii". Or neutral, ambivalent, like: "Leaflet of weekly telegrams and announcements"/ "Listok ezhenedelnykh telegramm I obyavlenii", "To the Light"/ "K svetu", "Dawn"/ "Zarya", "Swallow"/ "Lastochka", "Trade Bulletin of the Harbin Stock Exchange"/ "Torgovyi byulleten' Kharbinskoy birzhi", "Val", "Gong", "Tribune"/ "Tribuna", "Life News"/ "Novosti zhizni".

According to the researchers, the Russian-language publications of Harbin consisted of about 115 newspaper titles, 275 magazine titles and 190 one-time issues of different-named publications (Solodkaya, 2005: 75).

Russian Orthodox Church supported the ethno-confessional identity of Russian emigrants. By the beginning of the twentieth century, Harbin had more than 40 Orthodox churches and churches, including the St. Nicholas and St. Sophia Cathedrals, the Alekseevskaya, Iverskaya and Pokrovskaya churches, as well as two monasteries (for women and men). Russian were able to feel themselves in continuous connection with the culture of the mother country, sacralizing the very institution of Orthodoxy in the Russian culture abroad. The idealized image of Russian Orthodoxy was promoted in the magazine "Rubezh"/ "Border" and in the newspaper "Bread of Heaven"/ "Khleb Nebesnyi".

The contemporary documentary film "Russians without Russia" (directed by Nikita Mikhalkov) illustrated the stability of this bond. For example, one of the descendants of white immigrants in China will say that Russian families will take off their last jewelry, but they will celebrate Christmas (Mikhalkov, 2003). Russian Fascist Party with printed organs (the magazine "Nation", the newspaper "Our Way" and another newspaper "Nation") (Stephan, 1978) was subsequently created in Harbin due to this mythologized perception of the Russian cultural world.

The very social and political life in Harbin not only initiated the appearance of newspapers, magazines, and advertising leaflets in Russian, but also served as an impetus for the development of the local film industry. First, we consider the reflection of local life in the local film discourse and the discourse of local

media, while we analyze the film discourse and the media discourse as a process of interaction, and as a result (Kibrik, 2003), since it was the local chronicle that recorded the real life of the Russian Harbin.

It should be noted that the very appearance of cinema in China is closely connected with Russian emigrants, having fallen on the fertile soil of the Chinese culture of "shadow theater". The film market and film production in China were positioned as the art of "live photographs", and the film industry itself began to develop in 1904, and in 1905, the Russian emigrant B. Brodsky founded the first film company in China. Cinema in Harbin began to develop in two directions: 1) as a showcase of chronicles and short films; 2) as a local film production.

Chinese cinema began to take its first steps at the end of the 19th century, when the first cinema session was held in Shanghai on August 11, 1896, heralding a new development of the so-called "shadow theater", designating cinema as "electric shadows" (电影, diànyǐng, diànyǐng, dianyin) in the familiar paradigm of Chinese art (Yang Xian, 2020). In 1905, Beijing-based photographer Ren Qingtai first shot individual scenes from the musical play "The Battle of Dingjunshan" on moving tape, combining the principles of Beijing Opera, traditional Chinese performance, and modern technologies of the time (Ruan, 2012).

Cinemas, as they were otherwise called illusions, opened everywhere. So, on January 7, 1905, the first cinema with the complex name "French Electro-Cinematic Theater" was opened in Harbin, the owner of which was the former Rostov film demonstrator Panteleimon Vasilyevich Kobtsov. Interest in "live photos" contributed to the opening of cinemas: "Illusion" (owner-L. S. Finkelstein), "Decadence" (owner – K.S. Yagdzhoglu), "Progress", "Orient", "Modern". As a rule, the opening of cinemas was accompanied with special pomp. So, when the "Illusion of L. S. Finkelstein" was inaugurated in 1906, on the day of the celebration, the building itself was lit with 3 thousand candles (Tishchenko, 2013).

In 1909, the Russian emigrant B. Brodsky founded the first film company in China, "Asia Film" (China Cinema Company, aka Asia Film, 亚细亚影戏公司) (Farquhar et al., 2006). It is from this moment that Chinese cinema begins its development. Chinese cinema faced a dilemma: should it focus on the local Chinese population and culture, or on the Russian Harbin and Shanghai elite?

However, Harbin could not become a cinematic capital, as Shanghai did in 1917. Cinema opened new directions in the recording of events, so moviegoers felt the factor of their own presence with the events that they saw on the screen, which contributed to the preservation of ethnic and cultural identity. The first incidents related to cinema followed. So, the Harbin media devoted February 15, 1909, to the discussion of such an event as the fire in Harbin. As a result of the fire, the "Only old cinema in the Far East of S.K. Trystar", which was in Harbin (Tishchenko, 2013). Russian expatriates were misinterpreted by the spontaneous combustion of the Life of Jesus tape during its demonstration, which contributed to the accentuation of the myth of the God-chosen Russian people, the coming Apocalypse, a possible world War, and the escalation of revolutionary sentiments within the Russian Empire.

At the same time, on the one hand, the cinema entered a certain dualism with the newspaper discourse on providing information both chronicles and important news. On the other hand, cinema was opposed to the entertainment industry: theater, circus, opera. In this regard, film screenings were combined with performances by singers, circus performers, masters of the word, etc. So, "Modern" worked in cooperation with the drama studio of V.I. Tomsky, providing its own platform before the film screenings for ballet dancers. Among the vocalists, Georgy Shvartz was popular with the orchestra of Ilya Livshakov, whose work included his own songs, imbued with the Russian spirit with a Chinese touch: "Harbin-Papa", "May Night on Chinese", "Harbin charms". Sofia Reggi (mezzo), Vladimir Raisky (tenor), pianist David Geigner, the Herald of Harbin Jazz Ensemble, the Serge Ermoll Orchestra, the Abel Bershinsky Jazz Quintet, the Dmitry Sokolov Jazz Orchestra, the Andrey Buzhinsky Orchestra, and the Miron Seletsky Orchestra also won the audience's love. There were also composers such as Lev Kligman, Pavel Shilyaev, Ippolit Raisky, Ivan Kolchin, Valerian Luksha, etc.

Market relations forced film distribution companies to look for ways to attract viewers. Thus, the illusion "Asia" engaged the famous juggler-equilibrist P. Govorkov. Also, the film programs were distinguished by their diversity and exclusivity. Local illusions showed European, American, Asian, and Russian paintings. If "Modern" shows the French operetta "Tomboy-Girl" (with Meg Pemonnier), then "Asia" at this moment announced the German comedy "Barcarola" (Letopis' rossiyskogo kino).

So, such American films as "Navaha", "The Death of the American battleship Texas", "Journalists and the Theft of the Gioconda painting", "The Famous American Wedding in the Middle of the Ocean", "Orgies of the Chinese in San Francisco" were very popular. In addition, a not entirely successful attempt was made to promote Japanese paintings to the local film market, but Japanese paintings ceased to be shown after the failure of the Japanese film drama "Mizzi-Jacqui" (1911). The political confrontation between Japan and Russia contributed to the rapid disappearance of Japanese films from the local film market, despite the territorial proximity.

Cinemas in this period become visual mouthpieces of ideology. At the same time, the political ideology itself in the Russian emigration in China actualized ethnic myths with an eschatological component, and the pre-revolutionary moods in the metropolis strengthened the myths about the impending end of the world.

At the same time, newspaper and film discourses of the time illustrate the stereotypes of Russian emigration, including the demonic image of the enemy-seducer (initially the Japanese, and then the Bolsheviks). However, the emigrant press and cinematography in Harbin show us the reasons for the delusions and the supposedly secret plans of the enemy (Savelyev, 2018).

Russian national emigrant myth is being formed in Northern China through the presentation of reality in newspaper and film discourses with a radical modification of the opposition "Russia-metropolis vs Chinese Russia / Russian migration in China" with an emphasis on the "central" element of identity – territorial and ethno-cultural integrity. Russian newspapers, such as "Bread of Heaven", refer us to the myth of the White Kingdom of St. John the Evangelist, about Belovodye (White Land), the country of the Great Teachers of humanity, but the name of the newspaper actualizes the sense of the God-chosen Russian man, his civilizational message, idealizing Russian culture and Russia as a whole.

If the print media had already become a familiar sign of the city, then the cinema took root quite difficult, since the public preferred the theater and circus as cultural leisure and entertainment, so entrepreneurs did not seek to invest, who did not see commercial benefits in the development of a new "attraction". Therefore, the Harbin cinemas combined the screening of films, benefit performances of operetta artists, and performances of artists of other original genres. Since the beginning of the screening of film shows was fixed and simultaneous, the citizens were in a situation of difficult choice, as they wrote in local newspapers and in the authoritative magazine "Rubezh". The magazine "Rubezh" often featured local stars of Russian culture in Harbin on its covers: Sofia Reggi, Vladimir Raisky, etc.).

In the song work of Russian Harbin residents, the image of the "gingerbread", semi-dairy town of Harbin is created: "Harbin is a charming city, Harbin is a cheerful city in the distant Manchu-Go, now Manchu-Di-Go. Life here is free, all the residents are happy... "(the local song "Harbin-Papa"), "We live like in a dream, in Harbin alone" (the song "May Night on Chinese").

Russian image of Harbin is contrasted with the usual places of Russian emigration.: "In Europe, everything is outlived, vulgarized, beaten up, and yet as in a dream in Harbin alone" (the song "May Night on Chinese"). Russian culture has transformed Chinese Harbin into a part of Russian culture: a Chinese province – a Russian dream-a realized dream of an ideal place on Earth-a place outside of social catastrophes, etc.

But Harbin would not be the "capital of Russian China" if it did not strive for ambitious projects. We are not referring to illusions that began to appear everywhere one after another in the early twentieth century (Melikhov, 1991), but we are talking about the experience of opening Russian-Chinese film production in Harbin.

In 1909, Russian film entrepreneurs first made the first filming, which made Harbin world famous. This was the experience of shooting a documentary chronicle that was supposed to cover the arrival by train in Harbin on October 13, 1909, of the Japanese Marquis Ito Hirobumi, who was shot on the platform by the Korean patriot Ahn Chun-geun. This event was widely covered in the press: "The persons who arrived from the Far East gave interesting details of the bloody scene of the murder of the Marquis of Ito, at which, as well as at the murder of Stolypin, Prime Minister V.N. Kokovtsev was present.

V.N. Kokovtsev showed a lot of courage and endurance of character and not only was not embarrassed by the imminent danger, but he picked up the falling Marquis, who almost died in his arms. It is known that the murder occurred at the moment of the solemn meeting of V.N. Kokovtsev in Harbin, and the ubiquitous cameraman, trying to fix the historical moment on the film, constantly turned his camera, both before the shot and during it, so the film recorded everything that happened at that moment. The lucky owner of this documentary film masterpiece was Panteleimon Kobtsov, who was at that moment with a film camera on the platform and was filming.

Filming the murder made it possible to see the event in detail, creating an information channel of world significance, and later this strategy of influencing the audience was actively developed in the First and Second World Wars. However, after the owner of this film masterpiece received a ban on the demonstration of this sharp plot in his cinema because it recorded the actions and emotions of people who were near the scene of the murder: V. N. Kokovtsev, selflessly supporting the falling Marquis, and then the terrified officials. Some were confused and froze, others ran away, some fell on all fours and began to crawl away from the scene. After learning about the ban on the display of this chronicle, its owner was approached by a French entrepreneur who was then in Harbin. He gave the author of the film 15,000 francs for this film and took the film to France, where it was shown for a long time (The murder of Ito and N. V. Kokovtsev in the cinema. "Petersburg Newspaper" October 24 (11), 1911).

The professional camera and the director's and cameraman's intuition of P. V. Kobtsov formed the basis of Siberian, Far Eastern and Chinese cinema. In 1911. Panteleimon Vasilyevich Kobtsov (in some sources – Kobtsev – Yo. R,I,K.) made a documentary film "The City of Black Death Harbin", which reflected the selfless heroism of Russian doctors in the fight against the plague in Harbin and nearby areas (Ginzburg, 2007: 76). At the same time, the presentation of the problems of the pulmonary epidemic of 1911 it reveals similar manipulative techniques as the COVID-19 pandemic with the actualization of the myths "friend – foe", "danger – safety".

The author's genius P. Kobtsov recorded important events of local life. For example: "Arrival of the commander of the Irkutsk military district General Nikitin in Harbin", "Flights of Ya. I. Sedov at the Irkutsk hippodrome", "Departure of the fire brigade in Verkhneudinsk", "Walking on a steamboat on the Amur River in Khabarovsk in favor of the committee of Grand Duchess Tatiana Nikolaevna", "Events in Manchuria", "Flood in Chita", "Tailagan, public sacrifice of the Irkutsk Buryats-Mongols", "Consecration and opening of a tuberculosis sanatorium in Irkutsk", "The city of the Black Death Harbin", "Religious celebrations of the Mongols and Buryats", "The death of the cultural monument Datsan in Chita», "Mongol-Buryat Tsam festival in Gusino-Ozersk Datsan", "Ice explosion and uprooting of stumps", "Fishing on the Amur (machinery and industry)", "Industry of Siberia", "Lena gold industry", "Exhibition of the Irkutsk horse Breeding Society", "Work on the fisheries of M. I. Shtykman". The film-making of P. V. Kobtsov can be divided into the following groups: 1) a chronicle of the events of local social life; 2) popular science films with a reflection of regional specifics; 3) ethnographic film sketches.

Already in the spring of 1912, Harbin film producers released an atypical film for that time: the shooting of the execution of Chinese revolutionaries in the suburbs of Harbin. The idea and its implementation of the documentary chronicle "Chinese Executions in Harbin" belonged to Anton Mikhailovich Don-Othello (Russified Neapolitan Antonio Michele Donatello). At the same time, the naturalism of cruelty was so off-scale that the first cameraman of the film, Ya. A. Zhdanov, refused to participate in the work on the picture during the filming, because his nerves could not stand it. The picture was saved by the same Panteleimon Kobtsov, who helped complete the shooting and editing process. For the sake of completing the filming of the film with the participation of P. V. Kobtsov, the execution of individual Chinese revolutionaries was delayed until the famous cameraman arrived in Harbin (Vatolin, 2003). However, the heavy atmosphere of the newsreel of the execution enveloped the film with a dark flair of infernality, which prompted film distributors to show this picture only at closed film screenings.

Russian cinema sought to screen Russian comedy-entertainment plays, some cinematic sketches, but Harbin cinema, being far from the metropolis, focused on dramas, documentaries, and chronicles, unlike the Russian audience in Russia.

5. Conclusion

Russian emigrants discourse The media and film discourse in Harbin reflect the state of the historical situation in the north of China at the time of the powerful waves of migrants from Russia to China in the early twentieth century. On the one hand, Harbin cinema in the early twentieth century had the same features as in most Russian county towns, since the Russian population prevailed over other ethnic groups in Harbin. On the other hand, the local specifics of life and the distance from the metropolis forced Russian emigrants to try to build a corner of Russia on Chinese soil. The search for the meaning of life, the need to preserve their own identity, predetermined the increased interest in using the new technologies of that time to construct a positive idealized image of Russia in the public consciousness of Russian emigrants in Harbin.

This process was tracked using local newsreels. However, socio-economic upheavals, the lack of a fundamental technical base and interested sponsors did not allow to realize a full-fledged feature film production in Harbin, despite repeated one-time attempts to film. Russian film and media discourse of the early twentieth century reflected the state of Russian emigrant society in Harbin and in China as a whole. We believe that the idealization of Russia subsequently played a decisive role in the processes of return migration of the descendants of Russian emigrants to their homeland, ignoring warnings about the dangers in Soviet Russia.

Russian emigrants' phenomenon of overcoming ethnotrauma consisted in constructing the illusion of Russian Harbin and turning off the non-Russian features of the city from the focus of attention. Russian language of the Harbin people was gradually penetrated by Sinaisms, preparing the local Russian population for assimilation and adaptation.

6. Acknowledgements

This paper was financially supported by Ministry of Education and Science of Russian Federation on the program to improve the competitiveness of Peoples' Friendship University of Russia (PFUR University, RUDN-university) among the world's leading research and education centers.

References

- Ablova, 2005 – *Ablova, N.Ye.* (2005). KVZHD i rossiyskaya emigratsiya v Kitaye: mezhdunar. i polit. aspekty istorii (pervaya polovina XX v.) [The CER and Russian emigration in China: international. and watered. aspects of history (first half of the twentieth century)]. Moskva: Rus. Panorama. 430 p. [in Russian]
- Asriyan, 2015 – *Asriyan, E.V.* (2015). Etnicheskiy mif kak sostavlyayushchaya imidzha strany. Brending malykh i srednikh gorodov Rossii: opyt, problemy, perspektivy [Ethnic myth as a component of the country's image. Branding of small and medium-sized cities in Russia: experience, problems, prospects]. Yekaterinburg, 2015: 8-11. [in Russian]
- Balyakova, 2008 – *Balyakova, N.N.* (2008). Kinematograf v dorevolyutsionnom Irkutske (1897–1917) [Cinematography in pre-revolutionary Irkutsk (1897–1917)]. *Vestnik NovGU*. 2008, 49. [Electronic

- resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kinematograf-v-dorevoljutsionnom-irkutske-1897-1917> (date of access: 23.05.2021). [in Russian]
- Barikhnovskiy, 1978** – *Barikhnovskiy, G.F.* (1978). Ideyno-politicheskiy krakh beloy emigratsii i razgrom vnutrenney kontrevolyutsii (1921–1924) [The ideological and political collapse of the white emigration and the defeat of the internal counter-revolution (1921–1924)]. Leningrad. [in Russian]
- Chun'in, 2014** – *Chun'in, Che.* (2014). Muzyka rossiyskoy emigratsii i razvitiye muzykal'noy kul'tury v Kharbine v pervoy polovine XX veka [Music of the Russian emigration and the development of musical culture in Harbin in the first half of the XX century]. *Pedagogicheskoye masterstvo: materialy IV mezhdunar. nauch. konf.* (g. Moskva, fevral' 2014 g.). Moskva: Buki-Vedi, 27-28. [Electronic resource]. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/100/4847/> (date of access: 09.06.2021). [in Russian]
- Chuprina, 2012** – *Chuprina, M.V.* (2012). Sotsial'no-ekonomicheskiye osobennosti emigratsii grazhdanskikh lits iz Rossii v Kitay (1917–1945) [Socio-economic characteristics of the emigration of civilians from Russia to China (1917–1945)]. *Vlast'*. 8. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskie-osobennosti-emigratsii-grazhdanskikh-lits-iz-rossii-v-kitay-1917-1945-gg> (date of access: 21.06.2021) [in Russian].
- Geifman, 1993** – *Geifman, A.* (1993). *Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia, 1894–1917*. Princeton University Press.
- Ginzburg, 2007** – *Ginzburg, S.S.* (2007). *Kinematografiya dorevoljutsionnoy Rossii* [Cinematography of pre-revolutionary Russia]. M., 495. [in Russian]
- Golubeva-Monatkina, 2017** – *Golubeva-Monatkina, N.I.* (2017). Russkaya emigrantskaya rech' v Kanade kontsa XX veka: teksty i kommentarii [Russian emigre speech in Canada at the end of the twentieth century: texts and comments]. Izd. 3-ye. Moskva: URSS: Lenand, cop. 380. [in Russian]
- Farquhar et al., 2006** – *Farquhar, M. Yingjin, Zh., Jerome, Silbergeld, Chris, Berry.* (2006). Chinese National Cinema. *The China Journal*. 55: 216. DOI: 10.2307/20066164
- Fedulov et al., 2015** – *Fedulov, A.M., Karepova, S.G., Karabulatova, I. S., Akhmetova, B.Z., Istamgalin, R.S.* (2015). The Phenomenon of "Russian Soul" as a Reflection of Traditional Russian Conservatism: New Theoretical and Methodological Approaches and Ordinary Perception of Conservatism. *Mediterranean Journal of Social Science*. 6(6). 3: 113-121.
- Ivanenko, Urushadze, 2018** – *Ivanenko, A.Ye., Urushadze, A.T.* (2018). Past indefinite: istoricheskaya pamyat' i politika na Severnom Kavkaze [Past indefinite: historical memory and politics in the North Caucasus]. *III/NP*. 3: 186-190. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/past-indefinite-istoricheskaya-pamyat-i-politika-na-severnom-kavkaze> (date of access: 08.05.2021). DOI: 10.23683/2500-3224-2018-3-186-190/ [in Russian]
- Islamova et al., 2019** – *Islamova, Ju., Karabulatova, I., Kattsina, T., Polekhina, M., Lyausheva, S.* (2019). Discourse of nostalgic experiences of reemigrants in the Post-adaptation Period: historical and linguistic Parallels. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, volume 374. *International Conference on Man-Power-Law-Governance: Interdisciplinary Approaches (MPLG-IA 2019)*, Atlantic Press, 175-179. DOI: <https://doi.org/10.2991/mplg-ia-19.2019.35>
- Karabulatova, 2020** – *Karabulatova, I.S.* (2020). The Manipulation of the Public consciousness through Russian Press Coverage of Events around the Paris Peace Conference, 1918-1920. *The Paris Peace Conference (1918-1920) and Its Aftermath: Settlements, Problems, Perceptions*. Edited by Sorin Arhire and Tudor Roşu. London: Cambridge Scholars Publishing, 209-227.
- Khayretdinova, 2012** – *Khayretdinova, A.M.* (2012). Leksiko-semanticheskiye parametry nominativnykh yedinit etnolingvoinformatsionnogo prostranstva tyurkoyazychnykh SMI : na materiale tatarskogo, azerbaydzhanskogo i kazakhskogo yazykov [Lexical and semantic parameters of nominative units of the ethno-linguistic information space of the Turkic-language media: on the material of the Tatar, Azerbaijani and Kazakh languages]: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.02, 10.02.20. Mesto zashchity: Tobol. gos. sots.-ped. in-t im. D.I. Mendeleyeva]. Tobol'sk, 2012: 22. [in Russian]
- Khatyamova, 2008** – *Khatyamova, M.A.* (2008). Formy literaturnoy samorefleksii v russkoy proze pervoy treti XX veka [Forms of literary self-reflection in Russian prose of the first third of the XX century]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 326. [in Russian]
- Khisamutdinov, 2006** – *Khisamutdinov, A.A.* (2006). Russkoye slovo v strane iyeroglifov: k istorii emigrantskoy pechati, zhurnalistiki, bibliotekovedeniya i arkhivov [The Russian word in the land of hieroglyphs: to the history of the emigre press, journalism, library science and archives]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo un-ta, 302. [in Russian]
- Khisamutdinov, 2019** – *Khisamutdinov, A.A.* (2019). Russkiy romans v Kitaye [Russian romance in China]. Vladivostok: Ntshchet, 61. [in Russian]
- Kibrik, 2009** – *Kibrik, A.A.* (2009). Modus, zhanr i drugiye parametry klassifikatsii diskursov [Modus, genre, and other parameters of the classification of discourses]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2: 3-21. [in Russian]
- Kizyun, Kemerova, 2017** – *Kizyun, Ye.V., Kemerova, T.A.* (2017). Kul'turnaya missiya russkikh emigrantov v Kharbine [Cultural mission of Russian emigrants in Harbin]. *Chelovek v mire kul'tury*. 4: 40-43. [in Russian]

- Kodzis, 1998** – *Kodzis, B.* (1998). Literaturnaya zhizn' russkoy emigratsii v Kharbine (1917–1945) [Literary life of the Russian emigration in Harbin (1917–1945)]. *Voprosy literatury*, 2: 366–373. [in Russian]
- Kon'kov, 2016** – *Kon'kov, I.E.* (2016). Epokha tvorchestva i kinematograf nachala XXI veka [The era of creativity and cinema of the early twentieth century]. *Kontsept.* [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/epoha-tvorchestva-i-kinematograf-nachala-hh-veka> (date of access: 05.18.2021). [in Russian]
- Lagutkina, 2013** – *Lagutkina, M.D.* (2013). Pechatnyye natsionalisticheskiye izdaniya russkogo zarubezh'ya pervoy volny emigratsii v Kitaye (1917–1940) [Printed nationalist publications of the Russian emigration of the first wave of emigration in China (1917–1940)]. *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva*: [sbornik], [redkol.: D.V. Buyarov (otv. red.) i dr.]. Blagoveshchensk: BSPU Publishing House, 555–559. [in Russian]
- Letopis' rossiyskogo kino** – *Letopis' rossiyskogo kino* [Chronicle of Russian cinema]. 1863–1929. M., 2004: 698. [in Russian]
- Li Shingen, Li Rennian, 1996** – *Li, Shingen, Li, Rennian* (1996). Russian emigrants in China. 1917–1945 [Nián é luò sī yí mín zài zhōng guó. 1917–1945]. Beijing, 1996. 李信根李仁年 俄罗斯移民在中国 · 1917-1945]. (中文)。北京. [in Chinese]
- Marinenko et al., 2019** – *Marinenko, L.E., Kattsina, T.A., Karabulatova, I.S., Mezit, L.E.* (2019). Historical experience of combating epidemics in the Yenisei province in the late 19th – early 20th centuries. *Bylye Gody*. 54(4): 1737–1744. DOI: 10.13187/bg.2019.4.1737
- Medetbekova, 2017** – *Medetbekova, K.K.* (2017). Istoriya kinematografa materikovogo Kitaya [History of cinema of mainland China]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy universitet (natsional'nyy issledovatel'skiy universitet), 95. [in Russian]
- Melikhov, 1991** – *Melikhov, G.V.* (1991). Man'chzhuriya dalyokaya i blizkaya [Manchuria is far and near]. M., 315. [in Russian]
- Mikhalkov, 2003** – *Mikhalkov, N.S.* (2003). Russkiye bez Rossii. Tsikl dokumental'nykh fil'mov [Russians without Russia. Series of documentaries]. 2003. [Electronic resource]. URL: <http://www.video.rusi.ru/publ/10-1-0-400> [in Russian]
- Myao, 2015** – *Myao Khuey* (2015). Russkaya emigratsiya v Kharbine: vzaimodeystviye dvukh kul'tur [Russian emigration in Harbin: interaction of two cultures]. *Gumanitarnyy vektor. Seriya: Filosofiya, kul'turologiya*. 2: 42. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-emigratsiya-v-harbine-vzaimodeystvie-dvuh-kultur> (date of access: 04.05.2021). [in Russian]
- Oglezneva, 2009** – *Oglezneva, Ye.A.* (2009). Yazyk russkogo vostochnogo zarubezh'ya v svyazi s volnoobraznym kharakterom emigratsii na vostok (k voprosu o sotsial'noy obuslovlennosti yazykovykh yavleniy [The language of the Russian Eastern Abroad in connection with the wave-like nature of emigration to the East (on the question of the social conditionality of language phenomena)]. *Vestnik AmGU*. 44: 106–109. [in Russian]
- Osipov et al., 2016** – *Osipov, G., Karabulatova, I., Shafranov-Kutsev, G., Kononova, L., Akhmetova, B., Loskutova, E., Niyazova, G.* (2016). Ethnic trauma and its Echo in today's mental picture of the world among the peoples of the post-soviet states: an interethnic conflicting discourse unfolding in Russian's ethnolinguistic information space. *Central Asia and the Caucasus. Journal of Social and Political Studies*. 17(2): 87–94. [Electronic resource]. URL: http://www.ca-c.org/journal/2016/journal_eng/cac-02/10.shtml
- Pang, 2002** – *Pang, L.* (2002). Building a New China in Cinema: The Chinese Left-Wing Cinema Movement, 1932–1937. Lanham.
- Petrov, 1984** – *Petrov, A.I.* (1984). Gorod na Sungari [City on the Sungari]. Washington: Rus.-amer. ist. ob-vo, 260. [in Russian]
- Petrov, 2006** – *Petrov, A.I.* (2006). Kitayskaya istoriografiya istorii kitaytsev v tsarskoy Rossii [Chinese historiography of the history of the Chinese in tsarist Russia]. *Rossiya i ATR*. 1: 141–155. [in Russian]
- Pogrebnyaya, Anikeyev, 2019** – *Pogrebnyaya, N.M., Anikeyev, A.A.* (2019). Kontseptsiya «Mifologii etnotravmy» kak metoda konstruirovaniya obraza vruga v propagande Tret'yego reykhha [The concept of "Mythology of ethno-trauma" as a method of constructing the image of the enemy in the propaganda of the Third Reich]. *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya*. 3: 70–76. [in Russian]
- Ponomarov, 2019** – *Ponomarov, V.V.* (2019). Vostochnaya Sibir' i russkiy Kharbin v istorii otechestvennoy muzyki XX v. [Eastern Siberia and Russian Harbin in the history of Russian music of the XX century]. *Vestnik muzykal'noy nauki*. 4: 26. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vostochnaya-sibir-i-russkiy-harbin-v-istorii-otechestvennoy-muzyki-hh-v> (date of access: 09.06.2021). [in Russian]
- Rakunov, 2011** – *Rakunov, V.A.* (2011). Emigratsiya belykh voysk iz Rossii v Kitay i yeye voyennyye posledstviya (1918–1945) [Emigration of White Troops from Russia to China and Its War Consequences (1918–1945)]. M., Natsional'nyy institut biznesa. 80. [in Russian]

Revyakina, 2001 – *Revyakina, T.V.* (2001). K voprosu ob osobennostyakh kitayskoy vetvi rossiyskoy emigratsii. Kitay v XXI veke: shansy, vyzovy, perspektivy [To the question of the peculiarities of the Chinese branch of Russian emigration]. *Tezisy dokladov XI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Kitay. kitayskaya tsivilizatsiya i mir. Istoriya, sovremennost', perspektivy"*, 27-29 sentyabrya 2001 g., v 3 chastyakh, M.: Institut Dal'nego Vostoka RAN, 4.2: 169-173. [in Russian]

Reifman, 2012 – *Reifman, B.V.* (2012). Tarkovskiy i «Pogranichnost'» (o filosofskikh aspektakh «Zapechatlennogo vremeni») [Tarkovsky and "Borderline" (on the philosophical aspects of "Captured Time")]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury*. 2(7). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tarkovskiy-i-pogranichnost-o-filosofskih-aspektah-zapechatlennogo-vremeni> (date of access: 21.06.2021). [in Russian]

Rykunov, 2013 – *Rykunov, D.E.* (2013). Russkiy kinematograf v Kharbine (1900 – 1945) [Russian cinema in Harbin (1900–1945)]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 1: 21. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-kinematograf-v-harbine-1900-1945-gg> (date of access: 10.06.2021). [in Russian]

Savel'yev, 2018 – *Savel'yev, A.N.* (2018). Politicheskaya mifologiya [Political mythology]. M.: Litress. [in Russian]

Shkarenkov, 1981 – *Shkarenkov, L.K.* (1981). Agoniya bey emigratsii [The agony of the white emigration]. M. [in Russian]

Shkvarya, 2019 – *Shkvarya, L.V.* (2019). Some Aspects of Russian-Chinese Relations in the second half of the XIX century. Part 1. *Bylye Gody*. 53(3): 1134-1143. DOI: 10.13187/bg.2019.3.1134

Semenov, Semenova, 2021 – *Semenov, V.S., Semenova, O.V.* (2021). "The Population is not Guaranteed Against Major Shocks". Organization of Protection against Water Disasters in the South of the Russian Empire in the 18th – early 20th centuries. *Bylye Gody*. 16(1): 15-24. DOI: 10.13187/bg.2021.1.15

Smirnov, 2005 – *Smirnov, A.A.* (2005). Ataman Semenov: posledniy zashchitnik Imperii [Ataman Semyonov: the last defender of the Empire]. M.: Veche, 2005: 368. [in Russian]

Solodkaya, 2005 – *Solodkaya, M.B.* (2005). «Russkiy Kitay» na stranitsakh kanadskogo yezhegodnika ["Russian China" on the pages of the Canadian yearbook]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. 1(11): 75-76. [in Russian]

Stephan, 1978 – *Stephan, J.* (1978). The Russian Fascists: Tragedy and Farce in Exile, 1925-1945. London, Cambridge University Press, 450.

Tishchenko, 2021 – *Tishchenko, P.* (2021). Pokhabshchina na ekrane. Kak poyavilsya v Kharbine «Velikiy Nemoy» [Bawdry on the screen. How the "Great Dumb" appeared in Harbin]. *Postroy svoj dom* [Electronic resource]. URL: <http://www.woodsk.ru> (date of access: 28.03.2021). [in Russian]

Tokmurzayev et al., 2021 – *Tokmurzayev, B.S., Churkin, M.K., Sirbayeva, A.A.* (2021). Agrarian Colonization of the Steppe Region in the Russian and Kazakh Historiography of the late XX – early XXI centuries as a «Post-Traumatic» Practice of Scientific Reflection. *Bylye Gody*. 16(1): 420-431. DOI: 10.13187/bg.2021.1.420

Van, 2008 – *Van, Ch.* (2008). Istoriya russkoy emigratsii v Shankhaye [History of Russian emigration in Shanghai]. Moscow: Russian Way: Russian Diaspora, 573. [in Russian]

Vatolin, 2003 – *Vatolin, V.A.* (2003). Sinema v Sibiri: Ocherki istorii rannego sibirskogo kino (1896–1917) [Cinema in Siberia: Essays on the history of early Siberian cinema (1896–1917)]. Novosibirsk, 20. [in Russian]

Zhuan', 2012 – *Zhuan', Yu.* (2012). Simvolika i uslovnost' v iskusstve Pekinskoy opery [Symbols and conventions in the art of the Peking Opera]. *Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki. Chast' 1*. 9(23): 84-89. [in Russian]

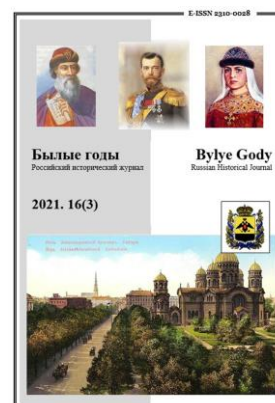
Yan, 2020 – *Yan, Syan'.* (2020). Teatr teney kak kul'turnoye naslediyе Kitaya [Shadow theater as a cultural heritage of China]. *Kontseptsii sovremennogo obrazovaniya: aktual'nyye modeli razvitiya sistemy znaniy*. Sb. nauch. tr. Kazan', 94-94. [in Russian]

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1511-1518
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1511
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



The National University named after P.I. Makushin in the Educational System of Tomsk at the beginning of the 20th century

Elena V. Vititneva ^{a,*}, Evgeny A. Akhtamov ^a, Galina M. Lushchaeva ^a, Natalya V. Pahomova ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article examines the role of National University named after P.I. Makushin in the educational system of Tomsk at the beginning of the 20th century. The article based on educational legal acts, the regulations of National Universities, annual proceedings dedicated to P.I. Makushin, as well as social and political journalism. In the first place, the National University was analyzed as a phenomenon. The authors have analyzed the history of private higher education, the history of transition from private classes to a special educational organization. The authors have emphasized the goals and project of National University in comparison to the actual situation in educational process. It has been revealed that the phenomenon of National University can be considered as an alternative to the state educational institutions of higher education and as a new phenomenon of urban culture. It has been revealed that despite the fact that educational goals have not been achieved in its entirety, the National University has had a significant impact on the development of educational system and cultural life of Tomsk. The National University became truly National since its lecture rooms were open not only for privileged, but for lowborn classes. The students could attend training sessions, as well as libraries, laboratories, exhibitions. As a result the National University has a significant impact in the cultural life of Tomsk.

Keywords: history of education, National University, higher education in Siberia, P.I. Makushin, Tomsk province.

1. Введение

Изучение истории становления и развития системы высшего образования в России не теряет актуальности и сегодня. В связи с тем, что российская история в дореволюционный период обладает уникальным опытом создания и функционирования частных образовательных организаций высшего образования, особое значение имеет изучение истории развития негосударственного высшего образования.

Как известно, начало XX века в России на фоне нарастающего социально-политического кризиса было ознаменовано усилением интереса общественных деятелей к новаторским идеям и зарубежному опыту, затрагивающему разные сферы жизни общества. Система образования не стала исключением в этом вопросе. В данный период все так же оставался острым вопрос доступности и качества образования всех уровней. В связи с этим общественные деятели, опираясь на опыт зарубежных стран в развитии частного высшего образования, с энтузиазмом взялись за открытие в разных частях империи специальных образовательных организаций – народных университетов ([Устав ВОНУ, 1907](#); [Устав КОНУ, 1907](#); [Устав МОНУ, 1913](#)).

В Сибири идею создания такого образовательного учреждения восприняли с воодушевлением. В связи с тем, что научные и кадровые ресурсы, материально-техническое оснащение были сосредоточены в руках высших учебных заведений Томска, было целесообразно основать народный

* Corresponding author

E-mail addresses: vititneva.elena@gmail.com (E.V. Vititneva), akhtamov@gmail.com (E.A. Akhtamov), lusgalina@yandex.ru (G.M. Lushchaeva), pahomise@mail.ru (N.V. Pahomova)

университет именно в этом городе. Организационные работы по открытию образовательного учреждения взял на себя известный деятель народного просвещения Сибири – Петр Иванович Макушин, именем которого народный университет был назван.

Учитывая высокую значимость Томска как образовательного центра Сибири в дореволюционный период, представляется интересным определить место и роль народного университета имени П.И. Макушина в системе образования города Томска в начале XX века.

2. Материалы и методы

В качестве источников при работе над статьей в первую очередь использовались локальные нормативные акты образовательных организаций, в том числе уставы народных университетов (*Общий устав, 1894; Устав, 1916; Проект положений, 1918*). Такого рода документы помогли проанализировать структуру и органы управления организации, направления ее деятельности, вопросы формирования административного и научно-педагогического состава, правила приема обучающихся в образовательное учреждение.

В связи с тем, что идея открытия народного университета в Сибири вызвала широкий общественный резонанс, источниковая база представлена солидным массивом источников публицистического характера: статьями в газетах и журналах, брошюрами, записками и т.д. (*Чирков, 1905; Известия, 1912; Дом науки, 1912*). Такие источники содержат ценный материал, позволивший исследовать особенности функционирования народного университета с точки зрения реализации основного и дополнительного функционала.

Кроме того, личность самого П.И. Макушина находилась в центре внимания общественной жизни. Современники видели в нем значимую фигуру, деятеля народного просвещения регионального уровня, покровителя сибирского образования. По этой причине деятельности Петра Ивановича посвящен не один труд (*Крекнин, 1916; Полувековой юбилей, 1917*). Данный вид источников достаточно полно осветил вопросы, связанные с предпосылками и особенностями создания народного университета в Томске, целями и задачами организации, ее функционированием.

В исследовании использовался историко-биографический метод. Как уже было отмечено, создание и функционирование народного университета тесно связано с деятельностью П.И. Макушина. По этой причине анализ роли народного университета в системе образования города Томска проводился в том числе через призму биографии его основателя.

В этом же контексте потребовалось применение микроисторического подхода: определение взаимосвязи частных событий из жизни П.И. Макушина и реализация тенденции развития частного высшего образования в Сибири.

3. Обсуждение

Изучение деятельности народных университетов в дореволюционный период, несмотря на довольно непродолжительный отрезок времени, успело сформировать историографическую базу. Ее основу составили труды, посвященные таким вопросам, как предпосылки создания частных образовательных организаций высшего образования в Российской империи, история феномена народных университетов, анализ зарубежного опыта функционирования таких организаций (*Милюков, 1898; Арабажин, 1898; Генкель, 1908*). Работы дореволюционного периода объединяет в основном положительная оценка деятельности народных университетов.

Советская историографическая традиция не позволила направить внимание ученых на изучение влияния частных организаций на развитие отечественной науки и образования. Только в 1970-е гг. наметились позитивные перемены, обусловленные повышением интереса к истории образования в исторической науке в целом. В рамках установленных государственной идеологией границ советские историки образования внесли значительный вклад в разработку проблем истории высшего образования. Именно в этот период признанный в современности специалист в области истории высшего образования А.Е. Иванов начинает свой научный путь. Отличительной особенностью его работ является комплексный анализ солидного пласта источников, ранее не введенных в научный оборот (*Иванов, 1975; Иванов, 2004; Иванов, 2010; Иванов, 2016*). Среди работ ученых-историков 1970–1980-х гг. также стоит отметить монографию Л.И. Насонкиной «Московский университет после восстания декабристов» (*Насонкина, 1972*). Автором исследовано функционирование Московского университета в условиях противоречивости развития политических настроений.

В 1990-е гг. исследования Ю.С. Воробьевой стали одними из первых, посвященных непосредственно истории развития частного высшего образования в России, а именно особенностям деятельности Московского городского народного университета (*Воробьева, 1999*).

В XXI в. исследовательское поле в области истории развития частного высшего образования в России расширило свои диапазоны. Появились работы, посвященные деятельности народных университетов России в условиях социально-политических изменений начала XX в. (*Фандо, 2016*), становлению негосударственного высшего образования в России (*Хациева, 2010*), основателям народных университетов (*Люттов, 2018*). На примере одной из губерний Восточной Сибири

исследован вопрос количества выпускников частных учебных заведений в кадровом составе местных чиновников (Карчаева и др., 2019: 191; Карчаева, 2017: 117, 139, 244).

Тем самым историографический обзор показал, что история развития частного высшего образования в Сибири в дореволюционный период осталась за пределами разработанной научной проблематики и требует дальнейшего исследования.

4. Результаты

4.1. Народный университет как феномен

Прежде чем углубляться в исследование роли первого частного образовательного учреждения высшего образования в Сибири, представляется целесообразным определить, что такое народный университет как феномен.

Предпосылкой развития негосударственного высшего образования стало зарождение в 1870-е гг. в Англии движения university extension, радеющего за распространение университетского образования вне стен самого университета (Генкель, 1908: 6). Первые лекции, прочитанные за пределами высшего учебного заведения и предназначенные не для студентов, были организованы благодаря профессору Кембриджского университета Джеймсу Стюарту, который откликнулся на приглашение прочитать несколько лекций по педагогике для учительниц небольшого города на севере Англии. Мероприятие имело большой успех, в связи с чем профессору Стюарту пришлось посетить еще несколько городов для проведения лекций. Появление спроса на такого рода образовательные услуги привело к трансформации отдельных лекций в полноценные курсы, курсов – в образовательные программы, в связи с чем родилась потребность в открытии специальной образовательной организации, собственно народного университета. Идея распространения академических знаний вне стен университета вызвала интерес как среди самого населения Англии, так и у профессоров ведущих английских университетов, а также привлекла внимание других стран. В скором времени народные университеты стали открываться в США, Австралии, Африке, Индии, Бельгии, Австрии и т.д. (Генкель, 1908: 8-10).

Россия не стала исключением в развитии данной тенденции. В 1908 г. в Москве по инициативе А.Л. Шанявского был открыт первый народный университет в Российской империи. В соответствии с проектной документацией в качестве цели образовательной организации было определено служение развитию научного знания и широкому распространению в населении научного образования (Проект положений, 1918: 3). Предполагалась реализация двух видов деятельности – научной и учебно-преподавательской (образовательной). Образовательная деятельность с точки зрения содержания образования должна была осуществляться по трем уровням образовательных программ: образовательные программы начального образования, образовательные программы среднего общего образования и образовательные программы высшего образования. Собственно научная деятельность предназначалась только для обучающихся по программам высшего образования. Таким образом, народный университет открывал свои двери лицам, желающим повысить свой уровень знаний с учетом разницы уже имеющихся компетенций. При этом необходимость в подтверждении того или иного уровня знаний отсутствовала, предоставление документов о предыдущем образовании не требовалось. В качестве критерия для обучения в народном университете выступал лишь возраст: до обучения допускались лица обоего пола не моложе 16-летнего возраста (Проект положений, 1918: 10-11). В то же время по завершении обучения документ об образовании также не выдавался.

Открытие народного университета в Томске реализовывалось на уже существующем опыте учреждения такой образовательной организации в Москве. В соответствии с параграфом 2 Устава Томского городского народного университета целью образовательного учреждения являлось служение широкому распространению высшего научного образования и привлечению симпатий народа к науке и знанию (Устав, 1916: 1).

Таким образом, в первую очередь народный университет можно определить как альтернативу государственным образовательным организациям высшего образования, основным функционалом которых является реализация образовательных программ и ведение научной деятельности.

Однако народный университет являлся негосударственной организацией, основным источником финансирования которой состоял из частных пожертвований. В связи с этим возникала потребность использования всей существующей ресурсной базы для реализации дополнительных функций с целью материального обеспечения организации.

В связи с этим материально-техническая база, учебно-методическое и научное обеспечение, кадровый ресурс университета впервые становятся доступными для населения. В данном случае народный университет выступает как бы в противовес государственным высшим учебным заведениям, двери которых были открыты для определенных категорий населения (Общий устав, 1894). Таким образом, прототип учреждения, позиционировавшего себя как элитное, недоступное каждому, открывает возможность использования дополнительных ресурсов образовательной организации высшего образования: библиотек, лабораторий, музеев, учебной и научной литературы и т.д. Следовательно, цель народного университета – «привлечение симпатий народа к науке и

знанию» – начинает осуществляться не только путем реализации образовательных программ, но и путем предоставления возможности использования дополнительных ресурсов организации.

Не удивительно, что народный университет становится площадкой для проведения мероприятий культурно-просветительской направленности в городе. Возможность получения знания разного уровня, участия в научно-познавательных мероприятиях, перспектива проникнуться элитарностью события привлекали внимание горожан, в связи с чем народный университет можно определить и как новое явление городской культуры.

Народный университет как феномен, зародившись во второй половине XIX в., не потерял своей актуальности и сегодня. Современным аналогом такого учреждения можно считать некоммерческие образовательные организации (Веникова, 2017). Исходя из того, что основной задачей народного университета не являлось получение прибыли, а цель организации определялась как научно-образовательная, можно заключить, что произошла трансформация феномена народного университета в современную некоммерческую образовательную организацию (Федеральный закон, 2016).

Таким образом, народный университет представлял из себя, с одной стороны, образовательную организацию высшего образования открытого типа с минимальными вступительными требованиями. С другой стороны, учитывая широкий диапазон слушателей и предоставление возможности использования дополнительных ресурсов организации, представлял собой новое явление городской культуры, привлекающее внимание. Аналогом народных университетов дореволюционного периода в современной России являются некоммерческие образовательные организации.

4.2. Роль народного университета имени П.И. Макушина в системе образования города Томска

Определение значения народного университета в системе образования города Томска представляется целесообразным со следующих позиций. В первую очередь хотелось бы обратить внимание на особенности осуществления основной функции университета – образовательной.

Важно отметить, что реализация образовательных услуг вне стен вузов в Томске началась еще до открытия народного университета, когда профессора Императорского Томского университета и Томского технологического института по собственной инициативе стали проводить лекции на выбранную самостоятельно тематику для всех желающих (Крекнин, 1916: 41). Такие мероприятия позволили наглядно увидеть существующую потребность в образовательных курсах и сформировать учебно-методическую базу для будущей образовательной организации.

Инициатором создания народного университета в Томске стал П.И. Макушин. Вдохновившись позитивным опытом реализации частного высшего образования за рубежом и в Москве, Петр Ильич решил воплотить подобную идею в Сибири.

В соответствии с уставом народного университета предполагалась реализация дисциплин по всем отраслям научного знания (Устав, 1916: 1). Для лиц, недостаточно подготовленных к слушанию курсов высшей школы, университет был готов предложить научно-популярные классы и курсы. Таким образом, образовательная функция должна была осуществляться по двум основным направлениям: академическому, который предполагал обучение по программам высшего образования совместно с научной деятельностью, и научно-популярному, рассчитанному на обучение слушателей по программам средней школы (Дом науки, 1912: 10).

Однако реализовать положения устава удалось не так, как предполагалось. В 1905 г. П.И. Макушин подал прошение в Томскую городскую думу об открытии народного университета в Томске (Макушин, 1916). Прошение было одобрено представителями городской власти, однако получение разрешения со стороны Министерства народного просвещения по разным причинам затягивалось. Утверждение программ учебных курсов также откладывалось. Несмотря на это, профессора высших учебных заведений Томска продолжали проводить лекции на произвольную тематику, не в рамках какой-либо образовательной программы. По свидетельству П.И. Макушина, до 1925 г. были прочитаны 62 такие лекции (ОРКП НБ ТГУ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 11. Л. 17).

С началом Первой мировой войны вопрос об открытии народного университета в Томске снова был отложен на неопределенный срок.

Таким образом, планируемое научно-популярное отделение так и не открылось. Систематические курсы на академическом отделении также не удалось организовать. Образовательная функция университета была реализована не в полном объеме.

С другой стороны, народный университет с момента завершения строительства предназначенного для него здания в 1912 г. стал выполнять важный функционал для системы образования и культуры Томска.

Здание университета имело 8 учебных аудиторий, предназначенных на 960 слушателей, 7 кабинетов, библиотеку, гардеробную, рассчитанную на 1000 человек, столовую и комнаты для административного персонала и лиц из числа профессорско-преподавательского состава (Крекнин, 1916: 48). Общая площадь здания по современным меркам равнялась 1119,23 м². Здание университета получило название «Дом науки». С момента ввода в эксплуатацию Дом науки становится культурно-образовательным центром города.

Так, в октябре 1912 г. в здании университета для Сибирского фотографического общества было выделено 2 комнаты на втором этаже. Кроме того, для максимально удобного использования выделенных помещений с точки зрения передачи света была осуществлена перепланировка и ремонт комнат (Временник СФО, 1914: 34-35). В июле 1913 г. для рисовальных классов Томского общества любителей художеств в Доме науки было отведено 2 комнаты (Сибирская жизнь, 1913: 2). Также в 1913 г. на базе университета открылись летние регентские учительские курсы, предназначенные для распространения в селениях Томской губернии сельских хоров (Крекнин, 1916: 81). В 1914 г. в здание переехали Томские вечерние общеобразовательные курсы, которые предоставляли возможность взрослым получать образование в рамках гимназической программы. Совет университета предоставил классам на вечернее время все аудитории Дома науки. Классы имели особый штат преподавателей из учителей среднеучебных заведений, сохраняя свою организацию (ОРКП НБ ТГУ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 11. Л. 17-18). Для них же в Доме науки были оборудованы химическая лаборатория и физический кабинет (Полувековой юбилей, 1917: 29). Также помещения университета использовались для проведения выставок. Так, например, с 25 по 28 мая 1914 г. в Доме науки проходила Первая сибирская выставка противопожарных мер и страхования (Известия ТГОУ, 1914: 6).

С началом Первой мировой войны часть помещений университета была передана в военное ведомство (ОРКП НБ ТГУ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 11. Л. 17). Условия военного времени не позволили развернуть полномасштабную культурно-просветительскую деятельность. В 1916 г. здание университета по распоряжению генерал-губернатора было передано под помещение военнопленных немцев и венгров. С большим трудом удалось отстоять только две аудитории для дневного детского очага, который был организован на пожертвования П.И. Макушина в сентябре 1914 г. в Доме науки для детей, чьи отцы были призваны на фронт (Крекнин, 1916: 91). В вечерние часы в этих двух аудиториях проходили занятия вечерних общеобразовательных классов. Академические лекции профессоров в этот период проходили в зданиях Императорского Томского университета или Томского технологического института (ОРКП НБ ТГУ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 11. Л. 18). История Дома науки на дореволюционном этапе завершается тем, что Военная академия, эвакуированная из Петрограда, полностью заняла здание университета.

Таким образом, Томский городской народный университет с точки зрения реализации положений своего устава лишь опосредованно смог выполнить предназначенный функционал. Академические лекции читались лишь от случая к случаю, не в рамках образовательных программ. Научно-популярное отделение как таковое не открылось, однако его задачи частично выполняли вечерние общеобразовательные курсы, расположившиеся в здании университета. С другой стороны, предоставление помещений университета, изначально спроектированного для образовательных нужд, представителям культурно-просветительских организаций способствовало благоприятному развитию системы образования и культуры г. Томска.

5. Заключение

Изучение особенностей зарождения негосударственного высшего образования, реализации предписанных нормативными актами положений народных университетов, осуществления основной и дополнительных функций образовательных организаций выявило следующее.

Народный университет как феномен можно определить в качестве альтернативы государственным образовательным организациям высшего образования. Основное отличие между ними заключалось в том, что народный университет представлял из себя организацию открытого типа, с единственным установленным цензом – возрастным. Учитывая высокий интерес горожан, широкий диапазон слушателей и разноплановое использование инфраструктуры организации, частные высшие учебные заведения можно определить и в качестве нового явления городской культуры.

Анализ роли Томского народного университета проводился с точки зрения реализации основной (образовательной) и дополнительных функций организации. Было установлено, что предполагаемая образовательная деятельность в соответствии с нормативными актами университета открыто не было, профессора Императорского Томского университета и Томского технологического института не систематически проводили лекции для всех желающих. Научно-популярное отделение также не смогло начать свою работу, однако его задачи частично выполняли вечерние общеобразовательные курсы, расположившиеся в здании народного университета. Кроме того, предоставление помещений университета представителям культурно-просветительских организаций способствовало благоприятному развитию системы образования и культуры г. Томска.

Литература

Арабажин, 1898 – Арабажин К.И. Народный университет в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург, 1898. 21 с.

Веникова, 2017 – Веникова М.С. Институционализация и образовательная деятельность народных университетов в императорской России // *Genesis: исторические исследования*. 2017. № 10. С. 70-81.

- Воробьева, 1999** – Воробьева Ю.С. К истории народного университета им. А.Л. Шанявского // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. 1999. Т. 9. С. 441–443.
- Временник СФО, 1914** – Временник сибирского фотографического общества. Томск, 1914. 53 с.
- Генкель, 1908** – Генкель Г. Что такое народный университет? Его история, задачи и организация. Санкт-Петербург, 1908. 20 с.
- Дом науки, 1912** – Дом науки имени Петра Ивановича Макушина в Томске: открыт 7-го октября 1912 года. Томск, 1912. 144 с.
- Иванов, 1975** – Иванов А.Е. Университетская политика самодержавия накануне первой русской революции: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Москва, 1975. 236 с.
- Иванов, 2004** – Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004. 408 с.
- Иванов, 2010** – Иванов А.Е. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. М., 2010. 360 с.
- Иванов, 2016** – Иванов А.Е. Ученое достоинство Российской империи. XVII – начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М., 2016. 656 с.
- Известия ТГОУ, 1914** – Известия Томского городского общественного управления. Томск, 1914. № 9–10. 67 с.
- Известия, 1912** – Известия Томского городского общественного управления. Томск, 1912. № 45–46. 134 с.
- Казачков, Полонский, 2014** – Казачков А.Б., Полонский В.В. Макушинъ: к 170-летию со дня рождения П.И. Макушина. Томск, 2014. 123 с.
- Карчаева, 2017** – Карчаева Т.Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822–1917 гг.). Красноярск, 2017. 252 с.
- Крекнин, 1916** – Крекнин Г.Я. Ревнитель света – П.И. Макушин: 50 лет просветительской деятельности в Сибири, 1866–1916 гг. Томск, 1916. 102 с.
- Макушин, 1916** – Макушин П.И. Народный университет имени П.И. Макушина в Томске: заявление в Томскую городскую думу П.И. Макушина. Томск, 1916. 6 с.
- Лютлов, 2018** – Лютлов С.Н. и др. Петр Иванович Макушин: новый взгляд на легенду: Коллективная монография. Новосибирск, 2018. 536 с.
- Миллюков, 1896** – Миллюков П.Н. Распространение университетского образования в Англии, Америке и России // Русское богатство. 1896. № 3. С. 79–121.
- Насонкина, 1972** – Насонкина Л.И. Московский университет после восстания декабристов. М., 1972. 343 с.
- Общий устав, 1894** – Общий устав Императорских российских университетов: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Санкт-Петербург, 1894. Т. 10. 813 с.
- ОРКИР НБ ТГУ** – Отдел редких книг и рукописей научной библиотеки Томского государственного университета.
- Полувековой юбилей, 1917** – Полувековой юбилей П.И. Макушина, 1866–1916 гг. 25 марта. Томск, 1917. 177 с.
- Проект положений, 1918** – Проект общих положений народного университета и объяснительная к нему записка. М., 1918. 24 с.
- Сибирская жизнь, 1913** – Сибирская жизнь. Томск, 1913. № 152. 4 с.
- Устав, 1916** – Устав Томского городского народного университета имени Петра Ивановича Макушина: утвержден 9 января 1916 г. Томск, 1916. 12 с.
- Устав ВОНУ, 1907** – Устав Воронежского общества народных университетов. Воронеж, 1907. 7 с.
- Устав КОНУ, 1907** – Устав Казанского общества народных университетов. Казань, 1907. 8 с.
- Устав МОНУ, 1913** – Устав Московского общества народных университетов. М., 1913. 8 с.
- Федеральный закон, 1996** – Федеральный закон от 12.01.1996 №7-ФЗ «О некоммерческих организациях». М., 2016. 51 с.
- Хациева, 2010** – Хациева И.А. Особенности организационного устройства негосударственных высших учебных заведений России начала XX в. // *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук*. 2010. Т. 4. С. 166–169.
- Чирков, 1905** – Чирков Н.С. Путеводитель по г. Томску и его окрестностям. Томск, 1905. 156 с.
- Fando, 2016** – Fando, R.A. (2016). Patronage and enlightenment in pre-revolutionary Russia: Alfons Shanyavsky and his «Free school». *Bylye Gody*. 39(1): 210–221.
- Karchaeva et al., 2019** – Karchaeva, T.G., Gergilev, D.N., Luschaeva, G.M. (2019). Hereditary Bureaucracy in East Siberian Government from XIX to the early XX century: Statistical Analysis on the Materials of the Yenisei Province. *Bylye Gody*. 51(1): 188–197.

References

- Arabazhin, 1898** – Arabazhin, K.I. (1898). Narodnyi universitet v Sankt-Peterburge [People's university in St. Petersburg]. SPb., 21 p. [in Russian]

- Chirkov, 1905** – *Chirkov, N.S.* (1905). Putevoditel' po g. Tomsku i ego okrestnostyam [Guide of Tomsk and its surroundings]. Tomsk, 156 p. [in Russian]
- Dom nauki, 1912** – Dom nauki imeni Petra Ivanovicha Makushina v Tomske: otkryt 7-go oktyabrya 1912 goda. [House of science named Pyotr Ivanovich Makushin in Tomsk: opened on October 7, 1912]. Tomsk, 144 p. [in Russian]
- Fando, 2016** – *Fando, R.A.* (2016). Patronage and enlightenment in pre-revolutionary Russia: Alfons Shanyavsky and his «Free school». *Bylye gody*. 39(1): 210-221.
- Federal'nyi zakon, 1996** – Federal'nyi zakon ot 12.01.1996 №7-FZ «O nekommercheskikh organizatsiyakh». [Federal Law of 12.01.1996 No. 7-FZ «On Non-Commercial Organizations»]. M., 51 p. [in Russian]
- Genkel', 1908** – *Genkel', G.* (1908). Chto takoe narodnyi universitet? Ego istoriya, zadachi i organizatsiya. [What is a People's university? Its history, objectives and organization]. Sankt-Peterburg, 20 p. [in Russian]
- Ivanov, 1975** – *Ivanov, A.E.* (1975). Universitetskaya politika samoderzhaviya nakanune pervoi russkoi revolyutsii. [University policy of autocracy on the eve of the first Russian revolution]. Moskva, 236 p. [in Russian]
- Ivanov, 2004** – *Ivanov, A.E.* (2004). Studencheskaya korporatsiya Rossii konca XIX–nachala XX veka: opyt kul'turnoj i politicheskoy samoorganizatsii. [The students' corporation in Russia at the end of the 19th–beginning of the 20th centuries: the experience of cultural and political self-organization]. M., 408 p. [in Russian]
- Ivanov, 2010** – *Ivanov, A.E.* (2010). Mir rossijskogo studenchestva. Konec XIX– nachalo XX veka. [The world of Russian students. The end of the 19–the beginning of the 20 century]. M., 360 p. [in Russian]
- Ivanov, 2016** – *Ivanov, A.E.* (2016). Uchenoe dostoinstvo Rossiiskoi imperii. XVII – nachalo XX veka. Podgotovka i nauchnaya attestatsiya professorov i prepodavatelei vysshei shkoly. [The scientific merit of the Russian Empire. XVII–early XX century. Training and scientific certification of professors and teachers of higher education]. M., 656 p. [in Russian]
- Izvestiya TGOU, 1914** – Izvestiya Tomskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya [Bulletin of the Tomsk City Public Administration]. Tomsk, 1914. № 9-10. 67 p. [in Russian]
- Izvestiya, 1912** – Izvestiya Tomskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya. [Bulletin of the Tomsk City Public Administration]. Tomsk, 1912. № 45-46. [in Russian]
- Karchaeva et al., 2019** – *Karchaeva, T.G., Gergilev, D.N., Luschaeva, G.M.* (2019). Hereditary Bureaucracy in East Siberian Government from XIX to the early XX century: Statistical Analysis on the Materials of the Yenisei Province. *Bylye Gody*. 51(1): 188-197.
- Karchaeva, 2017** – *Karchaeva, T.G.* (2019). Enisejskaya gubernskaya administratsiya: chislennost' i sostav (1822–1917 gg.) [The Yenisei Provincial Administration: number: number and composition from 1822 to 1917]. Krasnoyarsk, 252 p. [in Russian]
- Kazachkov, Polonskii, 2014** – *Kazachkov, A.B., Polonskii, V.V.* (2014). Makushin: k 170-letiyu so dnya rozhdeniya P. I. Makushina [Makushin: to the 170th anniversary of the birth of P.I. Makushin]. Tomsk, 123 p. [in Russian]
- Khatsieva, 2010** – *Khatsieva, I.A.* (2010). Osobennosti organizatsionnogo ustroystva negosudarstvennykh vysshikh uchebnykh zavedenii Rossii nachala 20 v. [Features of the organizational structure of non-state higher educational institutions in Russia at the beginning of the 20 century]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk*. T. 4. Pp. 166-169. [in Russian]
- Kreknin, 1916** – *Kreknin, G.Ya.* (1916). Revnitel' sveta – P. I. Makushin: 50 let prosvetitel'skoi deyatelnosti v Sibiri, 1866-1916 gg. [Defender of education – P. I. Makushin: 50 years of educational activity in Siberia]. Tomsk, 102 p. [in Russian]
- Lutov, 2018** – *Lutov, S.N.* (2018). Petr Ivanovich Makushin: novyi vzglyad na legendu. [Petr Ivanovich Makushin: a new look at the legend]. Novosibirsk. Pp. 131-476. [in Russian]
- Makushin, 1916** – *Makushin, P.I.* (1916). Narodnyi universitet imeni P. I. Makushina v Tomske: zayavlenie v Tomskuyu gorodskuyu dumu P. I. Makushina. [People's university named P. I. Makushin in Tomsk: P. I. Makushin's application to the Tomsk City Duma]. Tomsk, 6 p. [in Russian]
- Milyukov, 1896** – *Milyukov, P.N.* (1896). Rasprostranenie universitetskogo obrazovaniya v Anglii, Amerike i Rossii [The spread of university education in England, America and Russia]. *Russkoe bogatstvo*. № 3. Pp. 79-121. [in Russian]
- Nasonkina, 1972** – *Nasonkina, L.I.* (1972). Moskovskii universitet posle vosstaniya dekabristov. [Moscow University after the Decembrist uprising]. M., 343 p. [in Russian]
- Obshchii ustav, 1894** – Obshchii ustav Imperatorskikh rossiiskikh universitetov: sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. [General Statute of the Imperial Russian universities: collection of decisions of the Ministry of education]. Sankt-Peterburg, 1894. 813 p. [in Russian]
- ORKIR NB TGU** – Otdel redkikh knig i rukopisei nauchnoi biblioteki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. [Department of rare books and manuscripts of the Scientific library of Tomsk state university]. [in Russian]

- Poluvekovoi yubilei, 1917** – Poluvekovoi yubilei P. I. Makushina, 1866-1916 gg. 25 marta. [P.I. Makushin's half-century anniversary, 1866-1916. March, 25]. Tomsk, 1917. 177 p. [in Russian]
- Proekt polozhenii, 1918** – Proekt obshchikh polozhenii narodnogo universiteta i ob'yasnitel'naya k nemu zapiska. [The People's university draft of General provisions and an explanatory note to it]. M., 1918. 24 p. [in Russian]
- Sibirskaya zhizn', 1914** – Sibirskaya zhizn'. [Siberian life]. Tomsk, 1914. № 152. 4 p. [in Russian]
- Ustav, 1916** – Ustav Tomskogo gorodskogo narodnogo universiteta imeni Petra Ivanovicha Makushina: utverzhden 9 yanvarya 1916 g. [Tomsk City People's University named Pyotr Ivanovich Makushin's Statute: approved on January 9, 1916]. Tomsk, 1916. 12 p. [in Russian]
- Ustav VONU, 1907** – Ustav Voronezhskogo obshchestva narodnykh universitetov. [Statute of the Voronezh Society of People's Universities]. Voronezh, 1907. 7 p. [in Russian]
- Ustav KONU, 1907** – Ustav Kazanskogo obshchestva narodnykh universitetov. Kazan', 1907. [Statute of the Kazan' Society of People's Universities]. 8 p. [in Russian]
- Ustav MONU, 1913** – Ustav Moskovskogo obshchestva narodnykh universitetov. [Statute of the Moscow Society of People's Universities]. M., 1913. 8 p. [in Russian]
- Venikova, 2017** – Venikova, M.S. (2017). Institutsionalizatsiya i obrazovatel'naya deyatelnost' narodnykh universitetov v imperatorskoi Rossii [Institutionalization and educational activities of People's universities in Russian Empire]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 10: 70-81. [in Russian]
- Vorob'eva, 1999** – Vorob'eva, Yu. S. (1999). K istorii narodnogo universiteta im. A. L. Shanyavskogo [To the history of the People's university. A. L. Shanyavsky]. *Rossiiskii arkhiv: istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.* 1999. T.9. Pp. 441-443. [in Russian]
- Vremennik SFO, 1914** – Vremennik sibirskogo fotograficheskogo obshchestva. Tomsk, 1914. [Edition of the Siberian Photographic Society]. 53 p. [in Russian]

Народный университет имени П.И. Макушина в системе образования города Томска в начале XX века

Елена Владиславовна Вититнева^{a, *}, Евгений Александрович Ахтамов^a,
Галина Михайловна Луцаева^a, Наталья Вениаминовна Пахомова^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется роль народного университета имени П.И. Макушина в системе образования города Томска в начале XX века. В качестве источников использовались нормативно-правовые акты в сфере образования, в том числе уставы народных университетов, юбилейные сборники, посвященные деятельности П.И. Макушина, а также публицистика, в частности статьи в газетах и журналах, брошюры и т.д. В первую очередь народный университет был рассмотрен как феномен. Был проведен анализ зарождения частного высшего образования, изучена практика проведения отдельных лекций вне стен высшего учебного заведения и ее постепенная эволюция в специальную образовательную организацию. В исследовании определены особенности достижения целей и задач народного университета, проведен сравнительный анализ положений проектной документации и фактической деятельности образовательной организации. Было выявлено, что народный университет как феномен можно рассматривать с точки зрения альтернативы государственным образовательным организациям высшего образования и в качестве нового явления городской культуры. Было установлено, что, несмотря на то, что образовательная функция осуществлялась не в полном объеме, народный университет оказал значительное влияние на развитие системы образования города Томска. Он стал народным в прямом смысле этого слова, поскольку его лекционные залы были открыты не только для привилегированных, но и для простых сословий. При этом деятельность университета не ограничивалась проведением занятий: всем желающим были доступны библиотеки, лаборатории, выставки. В результате народный университет стал играть значительную роль в культурной жизни Томска.

Ключевые слова: история образования, народный университет, высшее образование в Сибири, П.И. Макушин, Томская губерния.

* Корреспондирующий автор

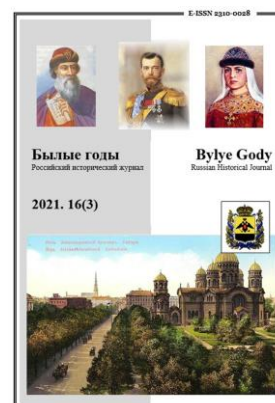
Адреса электронной почты: vilitneva.elena@gmail.com (Е.В. Вититнева),
akhtamov@gmail.com (Е.А. Ахтамов), lusalina@yandex.ru (Г.М. Луцаева),
pahomise@mail.ru (Н.В. Пахомова)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1519-1526
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1519
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



World War I and the Collective Visual Illusion: a Case in Zhitomir

Sergey I. Degtyarev ^{a, b, *}, Timofiy Yu. Gerasymov ^c, Jasmin Gut ^d, Lyubov G. Polyakova ^{b, e}

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^c Vinnytsia National Technical University, Vinnytsia, Ukraine

^d University of Geneva, Geneva, Switzerland

^e Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

Based on materials from periodicals 1914–1915 and scientific studies by specialists in the history of the First World War and social psychology, the authors comprehensively studied the case of collective visual illusion. It was captured by the Zhitomir newspaper “Zhizn Volyn” in the late summer of 1915, when a crowd gathered in the city center mistakenly mistook the moonlight of the cross on the church for an enemy military airplane, anxiously awaiting an aerial bombardment.

After analyzing the historical conditions under which this social phenomenon arose, the authors came to the conclusion that it was a consequence of the collective idea of war existing in the rear city, which has a predominantly irrational, imaginary character, formed mainly through rumors and biased periodicals. This is confirmed by newspaper and archival materials, which in the first year of the war did not record a single case of an air attack on the Volyn provincial center, as well as statistics on the use of military aviation of that period, which virtually completely excludes the possibility of an aerial bombardment of the city in the last days of August 1915. Authors in detail examined this event in Zhytomyr in a socio-psychological context, finding out the nature of the social fear inherent in that time, which caused a panic reaction of the crowd to an imaginary air threat, the mechanisms of its spread in crowds of people, the peculiarities of the imaginative perception of the crowd and the behavior of its participants.

Keywords: World War I, Zhitomir, collective visual illusion, aviation, fear, crowd, image, social psychology.

1. Введение

28 (15) августа 1915 г. в житомирской газете «Жизнь Волыни» вышла публикация о собравшейся поздним вечером в центре города толпе, которая со страхом смотрела в небо. Затаив дыхание, люди направили взор на небольшую светлую точку, ярко горевшую на темном фоне облака. В толпе велись панические разговоры о прожекторе австро-венгерского или немецкого аэроплана и возможной бомбардировке города. Как оказалось, это было оптической иллюзией, в чем убедился местный корреспондент, находившийся в гуще стоящей у памятника А.С. Пушкину толпы. Пройдя несколько десятков метров в сторону центральной улицы Бердичевской, он четко увидел в небе сияющий при лунном свете крест архиерейской церкви (*Жизнь Волыни*, 15.08.1915: 3).

В зависимости от заданного исследовательского контекста поведение житомирских прохожих конца лета 1915 г. можно интерпретировать с разных точек зрения. С исторической – как иррациональную форму коллективного восприятия военного времени, с психологической – как проявление социального страха – особенного вида страха, присущего обществу в определенный

* Corresponding author

E-mail addresses: starsergo2014@gmail.com (S.I. Degtyarev)

исторический момент (Марина, 2009). По утверждению авторов, именно социальный страх привел к появлению такого социально-психологического феномена как коллективная визуальная иллюзия. В предлагаемой статье поставлена цель исследовать исторические условия, при которых возникло данное социальное явление, выяснить его природу и проанализировать мотивы поведения толпы, охваченной коллективной иллюзией. Проведенное исследование следует также рассматривать в более широком контексте – реконструкции психоэмоциональной атмосферы тылового города периода Первой мировой войны.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования стала периодическая печать Правобережной Украины. Несмотря на военную цензуру, в изучаемый нами период пресса продолжала выполнять своеобразную роль «коллективного дневника», дающего возможность взглянуть на те или иные ситуации глазами обычных жителей. Поскольку газеты предоставляют широкую палитру психоэмоциональной стороны городской жизни, они являются бесценным источником для соответствующих научных исследований. Поэтому не случайно одна из таких ситуаций оказалась в фокусе нашего внимания.

Методологической основой статьи являются принципы историзма и объективности. Следуя принципу историзма, мы рассмотрели поднятую проблему в связи со сложившейся военно-стратегической обстановкой на Юго-Западном фронте середины 1915 г. и особенностями применения авиации того времени. В соответствии с принципом объективности нами сделаны выводы на основании источников, а также с учетом разностороннего характера факторов, приведших к возникновению изучаемой исторической ситуации и определивших ее особенности.

В процессе работы над статьей авторы использовали общенаучные (общие приемы сравнения и обобщения, анализа и синтеза), специальные исторические (историко-сравнительный, историко-типологический) и междисциплинарный методы. Последний, будучи тесно связан с психологическими и социологическими науками, дал возможность выявить закономерности поведения толпы в определенных обстоятельствах.

3. Обсуждение

Несмотря на то, что Первую мировую войну по-прежнему можно считать недооцененным историческим эпизодом, в последнее время отчетливо прослеживается рост научного интереса к ее различным аспектам, в частности социально-психологическому.

Если непосредственно отталкиваясь от локации и исторического периода – Житомир в годы Первой мировой войны, то здесь мы вынуждены констатировать крайне малое количество соответствующей научной литературы, в том числе сугубо краеведческого характера. Можем лишь выделить статью И. Ковальчука (Ковальчук, 2015), посвященную некоторым аспектам экономической и социальной жизни города в 1914–1917 гг. В свою очередь, предметный анализ украинской историографии свидетельствует о том, что социально-психологический компонент истории украинских городов изучаемого периода представлен достаточно поверхностно, преимущественно в контексте освещения общественных настроений населения от начала Первой мировой войны до революции 1917 г. (Реєнт, Сердюк, 2004; Вільшанська, 2014; Герасимов, 2017), а также проблем социальной адаптации в военное время в духовном (Кирієнко, 2013) и материально-бытовом измерениях (Kholodilin, Gerasymov, 2019).

О наметившейся с недавнего времени в исторической науке тенденции использования для изучения Первой мировой войны междисциплинарного подхода (научные методы истории и психологии) свидетельствует недавно вышедшая в свет статья украинских историков С. Дегтярева и И. Романюка (Degtyarev et al., 2021). В ней проанализировано психическое состояние городского населения Правобережной Украины как один из факторов формирования так называемого «духа 1914 года». Применением широкого методологического инструментария отличается монография российского историка В. Аксенова о массовых настроениях россиян в 1914–1918 гг., в которой, в частности, обращено внимание на случаи коллективной зрительной галлюцинации, замеченные в рядах российской армии в годы Первой мировой войны. Чаще всего они были в виде явления Богородицы, спасавшей солдат от врагов. Автор объяснил это следствием вызванного войной массового психоза (Аксенов, 2020: 70, 495). Нужно пояснить, что видения христианских святых документируются в хрониках еще со времен крестовых походов, то есть эти явления не были принципиально новыми (Cherkasov, 2016).

В западной научной литературе за последнее время вышел ряд трудов на психологическую тематику, посвященных истории Первой мировой войны (Lagonia, Aloietal, 2017; Davies, 2018; Hilton, 2021). Однако в них преимущественно освещаются связанные с тем временем психопатологические явления на индивидуальном уровне у военных и гражданских лиц, в том числе визуальные иллюзии и галлюцинации. В то же время следует обратить внимание на публикации социально-психологического направления, написанные западными специалистами по психологии, философии и социологии, теоретические наработки которых позволяют квалифицированно проанализировать

эмоциональное поведение человека в толпе в определенных исторических ситуациях. Среди них в первую очередь необходимо отметить Г. Лебона (Лебон, 1998), Х. Марина (Марина, 2009), К. Изарда (Изард, 2009), Э. Бартоломью и Дж. Виктора (Bartholomew, Victor, 2004).

4. Результаты

Итак, начнем с характеристики места и времени события. В период Первой мировой войны Житомир был центром дислокации значительного количества военных формирований и опорным пунктом мобилизационных мероприятий на Волыни (Ковальчук, 1998: 23). Важное стратегическое значение волынского губернского центра привело к тому, что в конце лета 1915 г. количество его населения достигло 144 тыс. человек (до войны – 86,5 тыс.) (Герасимов, 2017: 268). Это было не столько за счет войск, сколько из-за появления так называемого «пришлого люда» (Жизнь Волыни, 10.10.1915: 3) – служащих эвакуированных в город государственных и общественных учреждений с недавно захваченных Австро-Венгрийской территорий в западной части Волынской губернии, а также беженцев.

Летом 1915 г. события на фронте разворачивались не в пользу Российской империи. Перейдя к оборонительной тактике на западном фронте, Германия перебросила большие военные силы на восток для содействия наступательной операции Австро-Венгрии. Царской армии было нанесено тяжелое поражение, началось так называемое «Великое отступление». В результате Романовы потеряли не только завоеванные ранее Галицию и Буковину, но и часть своей территории, в том числе западную часть Волынской губернии. Ценой огромных потерь российской армии удалось стабилизировать линию фронта около города Ровно, в 175 км от Житомира. Военные неудачи имели далеко идущие психологические и политические последствия: не только в правящих кругах и армии, но и среди прифронтового и тылового гражданского населения было окончательно потеряно веру в скорую и победоносную войну. В то катастрофическое для Российской империи лето 1915 г. общее разочарование усиливалось еще одним социальным явлением. Даже самые ярые военные оптимисты опускали руки, когда видели на улицах города бесконечные потоки обездоленных беженцев – людей, которые потеряли из-за войны все или почти все. Поскольку тогда Житомир служил транзитом для дальнейшего движения на восток, цепная реакция страха, принявшего бесконтрольный, то есть панический характер, охватила значительную часть его населения. Весьма яркой иллюстрацией сложившейся в городской среде психологической атмосферы был поспешно оставленный на железнодорожном вокзале багаж местных жителей, панически покидавших город в восточном направлении (Южная копейка, 26.08.1915: 2).

В данном случае отметим, что подобные настроения, правда с меньшим накалом, жители Житомира испытали за год до указанных событий. В первых числах августа 1914 г. панические разговоры велись среди демонстрантов, вышедших на улицы города по случаю объявления войны. Они были вызваны слухами о скором наступлении на город вражеских войск, хотя, как известно, в отличие от лета 1915 г., для Российской империи тогдашняя военная кампания разворачивалась успешно. Волынскому губернатору пришлось немедленно выступить перед толпой с успокоительной речью о безосновательности ее тревоги (Герасимов, 2017: 104).

Далее выясним, насколько паническая реакция житомирян на появление в небе объекта, напоминавшего вражеский летательный аппарат, соответствовала тогдашним военно-стратегическим целям и возможностям применения военной авиации. Во-первых, отметим, что ни в исследованных авторами источниках (газетах изучаемого периода, документах государственного архива Житомирской области, Центрального государственного исторического архива Украины г. Киева), ни в специальной исторической литературе не найдено какой-либо информации о воздушной бомбардировке города от начала Первой мировой войны до лета 1915 г. Во-вторых, военные статистические данные дают основания полагать, что даже в случае реального появления в небе над Житомиром вражеского аэроплана, вероятность наличия под его крыльями бомб была близка к нулю: в 1914–1915 гг. авиационные группировки Антанты и Тройственного Союза на 95–100 % состояли из воздушных разведчиков (Тимохович, 1976).

Из этого следует, что причины охвата толпы паническим страхом, как и годом ранее, лежали скорее в психологической, нежели в военной плоскости. В период Первой мировой войны эта тенденция неоднократно наблюдалась как на фронте, так и в тылу, часто под влиянием применения новых видов вооружения. Так, появление в 1916 г. в западноевропейском театре военных действий первых танков в составе английских и французских войск, несмотря на их невысокую боевую эффективность, внушало непропорционально большой ужас в рядах немецкой императорской армии (Ротмистров, 1972). Психологический же эффект от полетов военной авиации больше касался тыловой жизни, поскольку способность бомбардировщиков поражать цели на много километров позади вражеских линий позволяла впервые по-настоящему вовлечь тыловое население в войну.

Реальная или даже мнимая угроза внезапного воздушного удара привела к значительным изменениям в городской жизни, хотя и стратегические бомбардировки все еще находились в зачаточном состоянии. Воздушные налеты были далеко не такими разрушительными, как того хотелось военным инженерам-конструкторам. Например, в 1914–1918 гг. в Германии от бомб погибло около 740 человек, в Италии – 984, а в Великобритании – 1 239. В основном это были мирные

жители. Однако приведенные цифры не могут адекватно показать социальное и психологическое действие бомб. Городские жители панически боялись идеи смерти из воздуха, которая может поразить любого в любой момент, особенно такие категории жертв войны, как «женщины» и «дети» (Winter, 2014: 376). Именно поэтому любое сообщение об их гибели вызывало колоссальный общественный резонанс.

Наиболее значимой стала трагедия, случившаяся за два месяца до упомянутого нами собрания толпы у житомирского памятника А. Пушкину. 19 июня 1915 г. французская авиация нанесла бомбовый удар по приграничному немецкому городу Карлсруэ. Во время бомбардировки погибло 110 и было ранено 123 человека. Большое количество жертв объяснялось праздничными мероприятиями в городе по случаю Праздника тела и крови Христа. Одна из бомб упала на площадь, где местные дети ставили театральное представление. Бомбардировка повлекла грандиозную волну общественного осуждения по обе линии фронта. Даже французские газеты писали, что этот акт «станет прелюдией к будущим кровавым ужасам» (Воздушные бомбардировки столиц, 2020). Не осталась в стороне и правобережная пресса: о трагедии в Карлсруэ, в частности, неоднократно упоминала популярная в регионе газета «Киевлянин» (Киевлянин, 8.06.1915: 3; Киевлянин, 17.06.1915: 2).

Здесь следует подчеркнуть огромное влияние газет на массовое сознание тылового населения, посредством которых традиционно передаются социально-психологические убеждения (Bartholomew, Victor, 2004: 243). Пресса, активно освещая военные события, формировала в человеческом воображении особый образ войны, отличный от реального. Это было обратной стороной медали военной пропаганды, рупором которой она являлась: попытки прессы показать ужасные перипетии войны (прежде всего военные преступления противников) могли как сплотить общество, так и вселить в глазах обывателя страх перед непосредственной встречей с врагом. При таких условиях житомирский читатель, листая страницы тогдашней прессы, сознательно или подсознательно экстраполировал новости о кровавых событиях войны за тысячи километров – на свой город: трагедия жителей Карлсруэ могла постигнуть его самого и близких ему людей. Вследствие этого мнимость подменяла реальность.

В данном контексте необходимо указать на такие немаловажные факторы, формирующие образ войны, как расстояние и интенсивность. Имеется в виду нахождение населенного пункта относительно зоны боевых действий и частота появления военно-воздушных сил противника. Как правило, они прямо пропорциональны друг к другу. Поскольку для жителей прифронтовых районов полеты австро-венгерской и немецкой авиации было не экстраординарным, а обыденным явлением, это выработало у них соответствующую реакцию, совершенно иную, чем в более отдаленной от фронта местности. Вот почему правобережная пресса отмечала вполне спокойное, без отвлечения от своих ежедневных дел, отношение населения Ровно, Луцка и Здолбунова к появлению в небе неприятельских аэропланов (Герасимов, 2017: 120-121). Прифронтовые реалии пугали гораздо меньше, чем воображаемая реальность.

Перейдем к рассмотрению данного исторического факта с точки зрения социальной психологии. Упомянутый нами выше социальный страх следует непосредственно связать с еще одним видом страха – «страхом ожидания» или «робким ожиданием». О нем говорится в работе З. Фрейда «Введение в психоанализ», написанной, между прочим, на основе прочитанных им лекций в период Первой мировой войны. Австрийский психиатр определил его как страх перед каким-либо конкретным объектом, указывая на то, что он присущ тем лицам, которые предвещают «из всех возможностей самую страшную, считают любую случайность предвестником несчастья» (Фрейд, 1991: 254). Природе этих страхов вполне соответствует концепция «коллективной тревоги», согласно которой они вызваны общей верой в слухи об угрозе. Ее авторы утверждают, что как только вера в неминуемую угрозу распространяется достаточно широко, чтобы создать консенсус определения ситуации, убеждение усиливает страх и искажает индивидуальное восприятие (Bartholomew, Victor, 2004: 229).

Теперь выясним причину указанной в газете «Жизнь Волыни» такой массовой эмоциональной реакции участников толпы, как «затаенное дыхание». Х.А. Марина связывает ее с взаимовлиянием психологии и физиологии. В своей книге «Анатомия страха» он отмечает, что у испытывающего страх субъекта активизируется вегетативная нервная система, происходит отрицательное влияние на пищеварительную, сердечно-сосудистую и дыхательную систему. Как следствие, «человек теряет самоконтроль и вступает в действие несколько сценариев, одним из которых является замирание» (Марина, 2009).

Отсюда возникает вопрос: почему реакция всех людей было одинаковой, ведь собравшиеся в толпе индивиды имели разные темпераменты и, следовательно, их действия должны были иметь различный характер? Как утверждает социальная психология, толпа имеет свойство покорять волю и разум индивидуумов, из которых она состоит. Исчезновение сознательной личности и ориентирование чувств и мыслей в определенном направлении – главные характерные черты толпы. Иными словами, толпа поглощает индивидуальность и вырабатывает для всех одинаковую модель поведения – люди подсознательно подражают друг другу.

Поскольку увиденный в небе светящийся объект сформировал у всех наблюдателей образ вражеского аэроплана, это лишний раз свидетельствует об исключительной склонности толпы к образному восприятию. Не случайно Г. Лебон сравнил толпу со спящим человеком, разум которого во время сна временно отключен, ведь у нее нет способностей ни к рассуждениям, ни к размышлениям. По его убеждению, она способна мыслить только образами, и чем более невероятным является образ, тем он сильнее впечатляет. Вследствие этого, заключил он, «только образы могут увлечь ее или породить в ней ужас и детерминировать соответствующие поступки» (Лебон, 1998: 159-160).

Следует отметить, что одной из основополагающих характеристик образа является внутренне присущее ему качество вызывать самый широкий спектр ассоциаций и интерпретаций (Карпенко, 2002: 188), независимо от его реального или воображаемого (гипотетического) появления. Приведенные ниже примеры из истории Правобережной Украины указывают на наличие такого немаловажного фактора эмоционального восприятия, как время.

Ночью 26 июля 1914 г., то есть всего за несколько дней до объявления мобилизации и войны, жителями Житомира был замечен круживший над городом с ярко включенным прожектором австро-венгерский разведывательный аэроплан (Жизнь Волини, 13.07.1914: 3). Ввиду активного освещения местными газетами накаляющейся военно-политической обстановки в Европе на протяжении нескольких недель после убийства наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда, имеем основания предположить, что появление в небе разведчика могло привести к соответствующему социальному настроению – вплоть до тревожного ожидания скорого начала войны.

В начале июля 1914 г. над головами киевлян раздался шум моторов самолета «Илья Муромец» легендарного инженера-конструктора И. Сикорского, совершавшего известный перелет из Санкт-Петербурга в Киев. Местная пресса отмечала магическое влияние летательного аппарата на жителей города, замороженно наблюдавших за ним из окон, с балконов и даже крыш домов (Южная копейка, 20.06.1914: 2). Такое восприятие можно прежде всего объяснить неподдельной эмоцией интереса (Изард, 2009: 109), поскольку тогда авиастроение делало первые шаги, и для широкой общественности любой полет был экстраординарным событием, а также сложившимся в массовом сознании положительным образом авиации как символа торжества науки и технического прогресса.

Однако уже в новых сложившихся исторических обстоятельствах, когда, можно сказать, «небо перестало быть мирным», процесс демонизации этого образа стал неизбежным – положительные эмоции тут же сменили эмоции страха и тревоги. Последние четко прослеживались поздним вечером 17 октября 1914 г. на ул. Крещатик в среде быстро образовавшейся толпы из прохожих, которые всматривались в небо, пытаясь увидеть в нем австро-венгерский или немецкий бомбардировщик. Что характерно, данная ситуация возникла в результате шутки нескольких киевских студентов, изобразивших пристальное наблюдение за якобы показавшимся летательным объектом в небе (Южная копейка, 7.10.1914: 2).

Вряд ли указанный выше случай можно называть коллективной галлюцинацией, поскольку, судя по всему, предполагаемое неприятельское военно-воздушное судно так и не было «увиденным». Впрочем, механизм образования данного массового созерцания неба вполне соответствует теории Г. Лебона о коллективной галлюцинации, что лишний раз свидетельствует о ее универсальности. Последнее вполне применимо и к такому типу ложного восприятия объекта, как визуальная (оптическая, зрительная) иллюзия, идентифицированная нами в конце лета 1915 г. в Житомире. В психологии она получила определение как полученный под воздействием внешнего стимула ошибочный смысл-восприятие, который создает у субъекта неверно истолкованное впечатление (Tuttle, 1902: 443).

Итак, концепция Г. Лебона такова: с одной стороны, находится толпа в состоянии выжидательного внимания, с другой – внушение, сделанное участником или отдельными участниками толпы. В результате действия последних происходит своеобразное «коллективное заражение». По словам французского ученого, «чувство страха, несмотря на свой индивидуальный характер, является «заразным»: испуганное отдельное лицо в группе посылает сигнал тревоги ее другим участникам и именно поэтому в толпе всякое ощущение и любое действие всегда являются «заразными» (Лебон, 1998: 136).

5. Заключение

Приведенное выше дает нам основания смоделировать процесс возникновения коллективной визуальной иллюзии в Житомире следующим образом. Поздним вечером 28 августа 1915 г. один или несколько прохожих обратили внимание на яркий свет в небе. По стечению обстоятельств, произошло это именно в том месте, где угол обзора не давал возможность увидеть реальное очертание находящегося в небе объекта для формирования адекватного зрительного образа. Прямым следствием ошибочного восприятия, а также сложившегося в сознании общества представления о войне стала воображаемая угроза бомбардировки с воздуха. Первоначально озвученная интерпретация увиденного у собравшихся в толпе людей не подверглась критической оценке и поэтому была принята за истину. По мере роста толпы (массовое созерцание всегда привлекает

внимание) версия о летящем вражеском аэроплане становилась все более убедительной и безальтернативной.

Говоря более обобщенно, исследованный нами эпизод в Житомире свидетельствовал об отсутствии в тогдашнем социуме четких граней между фронтом и тылом, реальностью и ирреальностью, рациональным и иррациональным, возможным и невозможным. Его можно считать фрагментом сложившейся с первых дней войны всеобщей коллективной иллюзии, охватившей не только военное и гражданское население, но и правящие круги участвовавшей в Первой мировой войне Российской империи.

Литература

Аксенов, 2020 – Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020. 992 с.: ил.

Вільшанська, 2014 – Вільшанська О.Л. Суспільні настрої в Україні під час Першої світової війни // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. 2014. Випуск. 23. С. 152-162.

Воздушные бомбардировки столиц, 2020 – Воздушные бомбардировки столиц. Первая мировая. Название с экрана. [Электронный ресурс]. URL: <http://timemislead.com/vtoraya-mirovaya-voyna/vozdu-shnyie-bombardirovki-stolits-pervaya-mirovaya> (дата последнего обращения: 14.08.2020).

Герасимов, 2017 – Герасимов Т.Ю. Міста Правобережної України і Перша світова війна: повсякденна історія монографія. Вінниця: ТОВ Меркьюрі-Поділля, 2017. 436 с.

Жизнь Волыни – Жизнь Волыни – ежедневная политическая, общественная, литературная и сельскохозяйственная газета. Издавалась в Житомире в 1909–1916 гг.

Изард, 2009 – Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2009. 464 с.: ил.

Карпенко, 2002 – Карпенко А.В. Символ. Знак. Образ // Культура народов Причерноморья. 2002. № 33. С. 186-190.

Киевлянин – Киевлянин – ежедневная литературная и политическая газета Юго-Западного края. Издавалась в Киеве в 1864–1917 гг.

Кирієнко, 2013 – Кирієнко О.Ю. Маргіналізація суспільства. Становище жінок, дітей, військовополонених // Велика війна 1914–1918 рр. і Україна. Київ: ТОВ Видавництво КЛІО, 2013. С. 467-481.

Ковальчук, 2015 – Ковальчук І.В. Економічний стан і соціальна сфера Житомира напередодні і в роки Першої світової війни / Суспільні науки: напрямки та тенденції розвитку в Україні та світі: Матеріали міжнародної науково-практичної конференції (м. Одеса, Україна, 17–18 липня 2015 року). Одеса. С. 22–25.

Лебон, 1998 – Лебон Г. Психология толп. М.: Институт психологии РАН, КСП+, 1998. 416 с.

Марина, 2009 – Марина Х.А. Анатомия страха: трактат о храбрости. М.: Corpus, 2009. 382 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://psy.wikireading.ru/124530>

Реєнт, Сердюк, 2004 – Реєнт О., Сердюк О. Загострення суперечностей в імперському суспільстві у роки Першої світової війни (липень 1914 – лютий 1917 рр.) // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. 2004. № 7. С. 5–47.

Ротмистров, 1972 – Ротмистров П.А. Время и танки. М.: Воениздат, 1972. [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/h/rotmistrov/index.html>.

Тимохович, 1976 – Тимохович И.В. Оперативное искусство советских ВВС в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1976. 343 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/science/timohovich/01.html>.

Фрейд, 1991 – Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука. 1991. 456 с.

Южная копейка – Южная копейка – ежедневная политическая и литературная газета. Издавалась в Киеве в 1910–1917 гг.

Bartholomew, Victor, 2004 – Bartholomew E., Victor J. A Social-Psychological Theory of Collective Anxiety Attacks: The "Mad Gasser" Reexamined // *The Sociological Quarterly*. 2004. Vol. 45 (2). Pp. 229-248.

Cherkasov, 2016 – Cherkasov A.A. Some Words about the Collective Visions during the Crusades // *Crusader*. 2016. 4(2): 95-100.

Davies, 2018 – Davies O.A. Supernatural War: Magic, Divination, and Faith during the First World War. Oxford: Oxford University Press. 2018. 284 p.

Degtyarev S.I. et al., 2021 – Degtyarev S.I., Romanyuk I.M., Gut J., Polyakova L.G. Neurasthenia and "Spirit of 1914": A Causal Relationship (on the Materials of the Right-Bank Ukraine) // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 1000-1007.

Hilton, 2021 – Hilton C. Civilian Lunatic Asylums During the First World War: A Study of Austerity on London's Fringe. Palgrave Macmillan. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-54871-1>

Kholodilin, Gerasymov, 2019 – Kholodilin K., Gerasymov T. Coping with the Consequences of a Housing Crisis During the Great War: The Case of Right-Bank Ukraine in 1914–1918 // *International journal of regional and local history*. 2019. Vol. 14. № 1. Pp. 1-20.

Lagonia, Aloï et al., 2017 – Lagonia P., Aloï M. et al. First World War and Mental Health: a retrospective comparative study of veterans admitted to a psychiatric hospital between 1915 and 1918 // *Rivista di Psichiatria*. 2017. Vol. 52 (3). Pp. 120-125.

Tuttle, 1902 – Tuttle G. Hallucinations and illusions // *American Journal of Psychiatry*. 1902. Vol. 58(3). Pp. 443-467.

Winter, 2014 – Winter J. The Cambridge History of the First World War, Volume 2: The State. New York: Cambridge University Press, 2014. 786 p.

References

Aksenov, 2020 – Aksenov, V.B. (2020). Sluhi, obrazyi, emotsii. Massovyye nastroyeniya rossiyan v gody voynyi i revolyutsii (1914–1918) [Rumors, images, emotions. Mass moods of Russians during the war and revolution (1914-1918)]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 992 p.: il. [in Russian]

Bartholomew, Victor, 2004 – Bartholomew, E., Victor, J.A. (2004). Social-Psychological Theory of Collective Anxiety Attacks: The "Mad Gasser" Reexamined. *The Sociological Quarterly*. 45(2): 229-248.

Cherkasov, 2016 – Cherkasov, A.A. (2016). Some Words about the Collective Visions during the Crusades. *Crusader*. 4(2): 95-100.

Davies, 2018 – Davies, O.A. (2018). Supernatural War: Magic, Divination, and Faith during the First World War. Oxford: Oxford University Press. 284 p.

Degtyarev et al., 2021 – Degtyarev, S.I., Romanyuk, I.M., Gut, J., Polyakova, L.G. (2021). Neurasthenia and "Spirit of 1914": A Causal Relationship (on the Materials of the Right-Bank Ukraine). *Bylye Gody*. 16(2): 1000-1007. [in Russian]

Freyd, 1991 – Freyd, Z. (1991). Vvedenie v psihoanaliz: Lektsii [Introduction to Psychoanalysis: Lectures]. Moskva: Nauka. 456 p. [in Russian]

Gerasymov, 2017 – Gerasymov, T.Yu. (2017). Mista Pravoberezhnoi Ukrainy i Persha svitova viina: povsiakdenna istoriia monohrafiia [Cities of Right Bank Ukraine and the First World War: Everyday History]. Vinnytsia: TOV Merkiuri-Podillia, 436 p. [in Ukrainian]

Hilton, 2021 – Hilton, C. (2021). Civilian Lunatic Asylums During the First World War: A Study of Austerity on London's Fringe. Palgrave Macmillan. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-54871-1>.

Izard, 2009 – Izard, K.E. (2009). Psihologiya emotsiy [The psychology of emotions]. Sankt-Peterburg: Piter, 464 p.: il. [in Russian]

Karpenko, 2002 – Karpenko, A.V. (2002). Simvol. Znak. Obraz [Symbol. Sign. Image]. *Kultura narodov Prichernomor'ya*. 33: 186-190. [in Russian]

Kholodilin, Gerasymov, 2019 – Kholodilin K., Gerasymov T. Coping with the Consequences of a Housing Crisis During the Great War: The Case of Right-Bank Ukraine in 1914–1918. *International journal of regional and local history*. 2019.14 (1). Pp. 1–20.

Kievlyanin – Kievlyanin – ezhednevnyaya literaturnaya i politicheskaya gazeta Yugo-Zapadnogo kraya [Kievlyanin – daily literary and political newspaper of the Southwest Territory, 1864-1917]. [in Russian]

Kovalchuk, 2015 – Kovalchuk, I.V. (2015). Ekonomichnyi stan i sotsialna sfera Zhytomyra naperedodni i v roky Pershoi svitovoi viiny [Economic situation and social sphere of Zhytomyr on the eve and during the First World War]. *Suspilni nauky: napriamky ta tendentsii rozvytku v Ukraini ta sviti: Materialy mizhnarodnoi naukovo-praktychnoi konferentsii (m. Odesa, Ukraina, 17–18 lypnia 2015 roku)*. Odesa: 22–25. [in Ukrainian]

Kyriienko, 2013 – Kyriienko, O.Yu. (2013). Marhinalizatsiia suspilstva. Stanovyshche zhinok, ditei, viiskovopolonenykh [Marginalization of society. The situation of women, children, prisoners of war]. *Velyka viina 1914–1918 rr. i Ukraina*. Kyiv: TOB Vydavnytstvo KLIO, 2013: 467–481. [in Ukrainian]

Lagonia, Aloï et al., 2017 – Lagonia, P., Aloï, M. et al. (2017). First World War and Mental Health: a retrospective comparative study of veterans admitted to a psychiatric hospital between 1915 and 1918. *Rivista di Psichiatria*. 52(3): 120-125.

Lebon, 1998 – Lebon, G. (1998). Psihologiya tolpy [Crowd psychology]. Moskva: Institut psihologii RAN, KSP, 416 p. [in Russian]

Marina, 2009 – Marina, H.A. (2009). Anatomiya straha: traktat o hrabrosti [Anatomy of Fear: A Treatise on Courage]. Moskva: Corpus, 382 p. [Electronic resource]. URL: <https://psy.wikireading.ru/124530> [in Russian]

Reient, Serdiuk, 2004 – Reient, O., Serdiuk, O. (2004). Zahostrennia superechnosti v imperskomu suspilstvi u roky Pershoi svitovoi viiny (lypen 1914 – liutyi 1917 rr.) [Exacerbation of contradictions in imperial society during the First World War (July 1914 – February 1917)]. *Problemy istorii Ukrainy XIX – pochatku XX st.* 7: 5-47. [in Ukrainian]

Rotmistrov, 1972 – Rotmistrov, P.A. (1972). Vremya i tanki [Time and tanks]. Moskva: Voenizdat. [Electronic resource]. URL: <http://militera.lib.ru/h/rotmistrov/index.html>. [in Russian]

Timohovich, 1976 – Timohovich, I.V. (1976). Operativnoe iskusstvo sovetskih VVS v Velikoy Otechestvennoy voyne [Operational art of the Soviet Air Force in the Great Patriotic War]. Moskva: Voenizdat, 343 p. [in Russian]

Tuttle, 1902 – Tuttle, G. (1902). Hallucinations and illusions. *American Journal of Psychiatry*. 58(3): 443-467.

Vilshanska, 2014 – Vilshanska, O.L. (2014). *Suspilni nastroi v Ukraini pid chas Pershoi svitovoi viiny [Suspicious mood in Ukraine during the World War I]. Problemy istorii Ukrainy XIX – pochatku XX st. 23: 152-162. [in Ukrainian]*

Vozdushnyie bombardirovki stolits, 2020 – Vozdushnyie bombardirovki stolits. Pervaya mirovaya [Aerial bombardment of capitals. World War I]. Nazvanie s ekrana. Data poslednego obrascheniya: 14.08.2020. [Electronic resource]. URL: <http://timemislead.com/vtoraya-mirovaya-voyna/vozdushnyie-bombardirovki-stolits-pervaya-mirovaya> [in Russian]

Winter, 2014 – Winter, J. (2014). *The Cambridge History of the First World War, Volume 2: The State*. New York: Cambridge University Press, 786 p.

Yuzhnaya kopeika – Yuzhnaya kopeika – ezhdnevnyaya politicheskaya i literaturnaya gazeta [Yuzhnaya kopeika – daily political and literary newspaper, 1910-1917]. [in Russian]

Zhizn Volyini – Zhizn Volyini – ezhdnevnyaya politicheskaya, obschestvennaya, literaturnaya i selskohozyaystvennaya gazeta [Life in Volyn – daily political, social, literary and agricultural newspaper]. 1909-1916. [in Russian]

Первая мировая война и коллективная визуальная иллюзия: случай в Житомире

Сергей Иванович Дегтярев ^{a, b, *}, Тимофей Юрьевич Герасимов ^c, Ясмин Гут ^d,
Любовь Георгиевна Полякова ^{b, e}

^a Сумский государственный университет, Сумы, Украина

^b Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^c Винницкий государственный педагогический университет имени Михаила Коцюбинского, Винница, Украина

^d Университет г. Женевы, Женева, Швейцария

^e Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. На основании материалов периодической прессы 1914–1915 гг. и научных работ специалистов по истории Первой мировой войны и социальной психологии авторы всесторонне изучили случай коллективной визуальной иллюзии. Запечатлен он житомирской газетой «Жизнь Волыни» в конце лета 1915 г., когда собравшаяся в центре города толпа ошибочно приняла лунный отблеск креста на церкви за неприятельский военный аэроплан, тревожно ожидая бомбардировки с воздуха.

Проанализировав исторические условия, при которых возникло данное социальное явление, авторы пришли к выводу, что оно было следствием существующего в тыловом городе коллективного представления о войне, имеющего преимущественно иррациональный, воображаемый характер, сформированный главным образом посредством распространяемых слухов и ангажированной периодической печати. Тому подтверждением служат газетные и архивные материалы, которые в первый год войны не зафиксировали ни единого случая воздушной атаки на волинский губернский центр, а также статистика применения военной авиации того периода, фактически полностью исключающая вероятность воздушной бомбардировки города в последние дни августа 1915 г. Авторы детально рассмотрели указанное событие в Житомире в социально-психологическом разрезе, выяснив природу присущего тому времени социального страха, вызвавшего паническую реакцию толпы на мнимую воздушную угрозу, механизмы его распространения в скоплениях людей, особенности образного восприятия толпы и поведения ее участников.

Ключевые слова: Первая мировая война, Житомир, коллективная визуальная иллюзия, авиация, страх, толпа, образ, социальная психология.

* Корреспондирующий автор

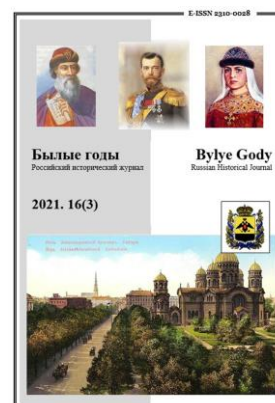
Адреса электронной почты: starsergo2014@gmail.com (С.И. Дегтярев)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1527-1532
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1527
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



To the Issue of Some Technical Means of Propaganda during the First World War

Timur A. Magsumov ^{a, b, c, *}, Teymur E. Zulfugarzade ^d, Mikhail B. Kolotkov ^e, Sergei B. Zinkovskii ^f

^a Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

^d Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russian Federation

^e Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

^f Peoples' Friendship University of Russia (RUDN-University), Moscow, Russian Federation

Abstract

The article discusses the technical means of propaganda during the First World War. The attention is paid to the French, German, British and American experience in delivering propaganda literature to the enemy's territory.

There was used as sources the specialized literature on the history of military propaganda during the First World War.

In methodological terms, the principles of objectivity and consistency were applied: the first allowed us to impartially consider the sources on the research topic, the second made it possible to analyze the technical means of delivering propaganda literature from different countries participating in the conflict.

Summing up, the authors come to the conclusion that during the First World War, the propagandists of the opposing sides relied on the fact that the leaflets caused minimal rejection from the enemy. To this end, the propagandists refused to deliver leaflets using artillery ammunition (since artillery shelling had a negative psychological effect on the enemy) and after several alternative attempts (scattering leaflets with a tailwind from an observation tethered balloon, as well as a kite), they opted for a specially designed unmanned balloon, the range of which could reach 200 kilometers deep into enemy territory with a tailwind. Such a range of action was quite sufficient for psychological impact not only on the fortified areas of the front line, but also the concentration camps and the population located in the rear.

Keywords: World War I, propaganda, technical means, experience, opposing sides, leaflets.

1. Введение

В истории Первой мировой войны было использовано много принципиально новых технических решений. К таковым можно отнести вооружение аэропланов, использование первых прототипов авианосцев, танков, ракет и т.д. Произошли существенные изменения и в деле организации психологической войны. В данной работе мы хотели бы рассмотреть эволюцию технических средств доставки пропагандистской литературы на территорию противника, обратить внимание на характерные особенности ведения пропагандистских мероприятий.

2. Материалы и методы

В качестве источников была использована специализированная литература по истории военной пропаганды в годы Первой мировой войны.

* Corresponding author

E-mail addresses: nabonid1@yandex.ru (T.A. Magsumov)

В методологическом плане применялись принципы объективности и системности: первый – позволил беспристрастно рассмотреть источники по теме исследования, второй – дал возможность проанализировать технические средства доставки пропагандистской литературы разных стран-участниц конфликта.

3. Обсуждение

Историография по теме нашего исследования начала формироваться еще в период Первой мировой войны, что обуславливалось необходимостью изучения накопленного опыта. В качестве примера можно назвать работу В. Денисова «Война и лубок» (Денисов, 1916). Одним из первых фундаментальных трудов была «Техника пропаганды в мировой войне» Г. Ласваля (Ласваль, 1929), которая была издана в Лондоне, а впоследствии переведена и издана в Москве.

Из современных – заслуживает внимание работа А.Б. Асташова «Пропаганда на русском фронте в годы Первой мировой войны» (Асташов, 2012). Автор уделил внимание пропаганде на Восточном фронте и снабдил свой труд значительным количеством листовок, ориентированных на разные социальные и национальные группы людей.

М.В. Обьедков посвятил свою работу русской пропаганде в США (Обьедков, 2015), а И.Ю. Слесарев – французской пропаганде в США (Слесарев, 2020). Пропаганда и цензура в журналистике США стали объектом исследования А.К. Малаховского (Малаховский, 2014). Германской пропаганде в период Первой мировой войны уделил внимание К.К. Звонарев (Звонарев, 2005).

В последние годы часто в качестве источников для научных исследований выступали журналы и газеты военной поры. Так, Л.Г. Полякова на примере журнала «Огонек» рассмотрела карикатуру как жанр военной пропаганды (Polyakova, 2016), а жанр политической карикатуры в периодических изданиях Донской области был исследован в работе М.В. Братолобовой и В.П. Трута (Bratolyubova, Trut, 2017).

Резюмируя, можно отметить, что в современный период ученые рассматривают широкий спектр механизмов, которыми в период Первой мировой войны пропагандисты пытались оказать влияние на население и вооруженные силы противоборствующих сторон.

4. Результаты

На фронте листовочная пропаганда имела важное значение. При этом принцип работы листовки заключался в том, чтобы как можно шире охватить не концентрацию войск противника, а солдат-одиночек. Пропагандистами учитывалось, что группа солдат противника обычно воспринимает листовку в качестве шутки, в то время как часовой, прочтя ее от скуки, возможно придет к заключению, что в тексте есть здравый смысл. Если листовка сможет посеять сомнение в мыслях солдата, то работа пропаганды выполнена как минимум на 50 %.

В годы Первой мировой войны противоборствующие страны широко применяли для доставки листовок неприятелю траншейные мортиры. Идея была довольно проста: сделать боеприпас небольшой разрывной силы, который, долетев до укрепленных позиций неприятеля, должен был высыпать на противника дождь из листовок. Однако отношение к мортирам и их боеприпасам в пехотных подразделениях всех армиях было негативным, так как массированные артиллерийские обстрелы, особенно из тяжелых орудий, были настоящим кошмаром для пехоты. В связи с этим все, что было связано с артиллерией, а точнее с артиллерийским огнем, вызывали в войсках неприятие и отторжение.

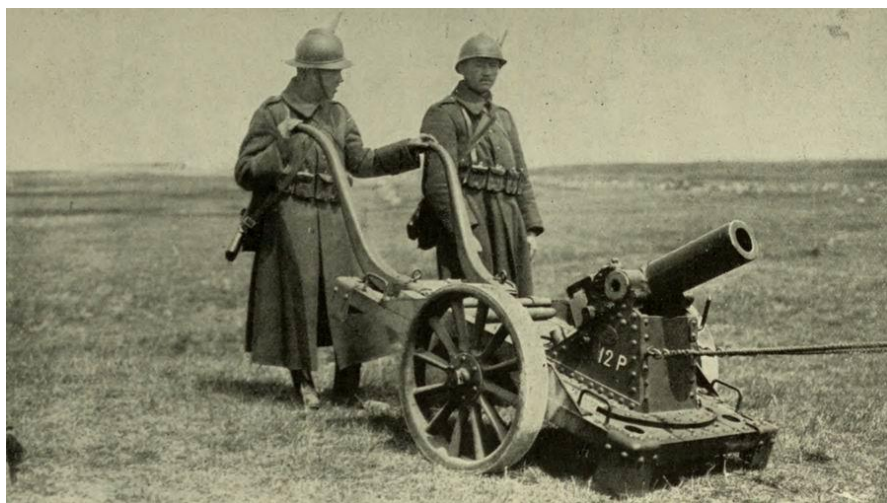


Рис. 1. Траншейная мортира, которая использовалась, в том числе для доставки агитационных боеприпасов

В связи с этим достаточно скоро роль распространителя агитационной информации была возложена на другое средство – на аэроплан. В условиях Второй мировой войны об этом опыте уже не будут вспоминать и агитационные боеприпасы будут доставляться противнику при помощи всех доступных способов, включая тяжелую артиллерию и бомбы (Nikitin, 2020: 46-47). С одной стороны, здесь было весьма кстати, что от момента сброса листовки из аэроплана до падения ее на землю должно пройти какое-то время. Пропагандисты полагали, что будет достигнут гораздо больший эффект, если листовка влетит в окоп неизвестно откуда, чем, когда ее принесет траншейная бомба. Однако, наряду с большими плюсами от применения листовки при помощи аэроплана (например, радиус покрытия), были и минусы. Аэроплан на фронте выполнял массу функций: участвовал в бомбардировках, корректировал стрельбу артиллерии, выполнял разведывательные задания и др. Его использование для распространения листовок ставилось под сомнение, так как аэроплан был весьма ценен, а роль пропаганды в Первой мировой войне вызывала вопросы.

Следующая попытка распространения листовок была возложена на наблюдательные воздушные шары. Идея была достаточно проста: офицеру-наблюдателю на привязном аэростате выдавались листовки и в момент, когда ветер дует в сторону неприятеля, их нужно было разбросать. Однако офицер-наблюдатель имел достаточно большой собственный функционал и от этой идеи пришлось также отказаться.

Весьма остроумным решением было использование для распространения листовок воздушного змея. Он запускался при ветре в сторону неприятеля, а вместе с ним – и приспособление с пакетом листовок. Приспособление снабжалось специальным клапаном, который срабатывал на определенной высоте, выпускал листовки, а после этого садился на землю для принятия новой партии листовок.

С развитием метеорологической службы в конце 1916 г. свободный воздушный шар был избран эффективным средством распространения листовок. Дело в том, что метеорологи могли четко спрогнозировать в каком месте будет воздушный шар через два часа при таком-то направлении ветра и его силе. На этом основании пропагандисты считали, что если шар при данном ветре может достигнуть концентрационного лагеря для военнопленных, то и необходимо использовать листовки соответствующего содержания.

Воздушные шары для нужд армейской пропаганды изготавливались из бумаги, которая пропитывалась специальным составом, делавшим ее непроницаемой для водорода. Первый опыт принадлежал французской армии, именно в ее составе были созданы такие пропагандистские подразделения (секции). Каждое из них имело офицера и несколько солдат, в его распоряжении находилось несколько 3-тонных грузовиков, на которых перевозились цилиндры с водородом, шары и листовки (Ласваль, 1929: 156). Всего союзниками было выпущено около 48 тыс. таких воздушных шаров. Места дислокации подразделений выбирались так, чтобы с них можно было достигнуть желаемой цели при попутном ветре с севера, запада и юга.



Рис. 2 и 3. Пропагандисты во время подготовки воздушного шара к запуску

Распространение листовок при помощи воздушного шара решалось благодаря весьма простому и оригинальному «способу привязывания». Для этой цели использовался длинный шнур тканного

трута, который применялся для закуривания и продавался в любом табачном магазине. Один конец этого трута закреплялся к воздушному шару. Затем листовки нанизывались на нитки, которые обычно использовались для сшивания канцелярских книг, и кончик каждой нитки пропущался через фитиль на определенном расстоянии от его свободного конца. Период горения заранее устанавливался опытным путем, к примеру, оно равнялось одному дюйму в 5 минут. Если шар оказывался над местом назначения через 40 минут, то нитки должны были быть пропущены через фитиль на незначительных промежутках одна от другой, на расстоянии 6–10 дюймов от конца фитиля. При запуске воздушного шара свободный конец фитиля загорался о закуренную папиросу (Ласваль, 1929: 156).

По иронии судьбы летом и осенью 1918 г. погода благоприятствовала французским пропагандистам, так как ветер дул почти все время в сторону Германии с запада на восток, благодаря этому французская военная пропаганда достигла наибольших масштабов. Пропагандистские материалы распространялись при помощи воздушных шаров до 200 км в глубь территории противника. Уже в августе 1918 г. расход листовок превышал 10 тыс. в день, а их производство в месяц достигло 4–5 млн (Ласваль, 1929: 156). Однако нужно понимать, что это были далеко не все способы доставки листовок. Так, например, в конце войны Франция использовала голубей для доставки листовок на территорию Германии (Giron-Gonzalez, 2020: 38-43).

В результате союзники по Антанте гораздо эффективнее использовали военную пропаганду в период конфликта, нежели Германия.

Тем не менее и Германия занималась этими вопросами весьма активно. Одним из наиболее ее блестящих успехов был выпуск «Gasette des Ardennes» (рис. 4). Газета издавалась немецкими пропагандистами на французском языке с ноября 1914 по ноябрь 1918 гг. и распространялась не только на оккупированных территориях северной Франции и Бельгии, но и на франкоязычных территориях нейтральных стран. Газета была настолько популярна, что смогла не только выйти на самофинансирование, но и получить прибыль. Ее тираж в 1917–1918 г. составлял 175 тыс. экземпляров.

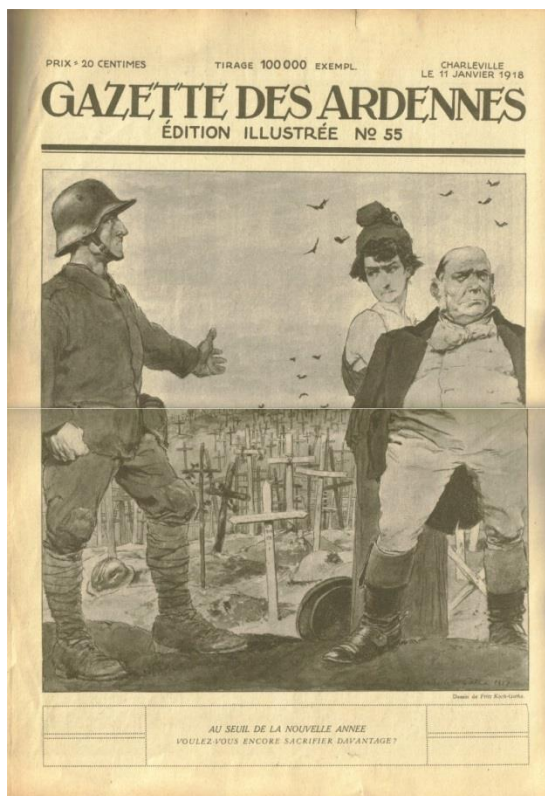


Рис. 4. Германское пропагандистское издание «Gasette des Ardennes»

Что касается успешности пропаганды, то она сильно зависит от применения средств при благоприятных условиях. В качестве средств здесь выступает то, чем располагает пропагандист, а условий – то, к чему он должен приспособиться. Игнорирование этих факторов может привести к необратимым последствиям – к дискредитации военной пропаганды. Исследователь А.А. Черкасов в работе «The Use of Leaflets as a Propagandist's Weapon in the 20th century» приводит примеры несвоевременного применения советской военной пропаганды в период германского вторжения 1941 г. (Cherkasov, 2021: 54-55). Иными словами, пропагандист может и должен видоизменять

организацию своей деятельности, изменять течение внушаемых им мыслей и заменять один способ распространения информации другим, но при этом непременно должен учитывать объективные факторы международной жизни и общее настроение (Ласваль, 1929: 158). Как правило, работа пропагандиста была творческой и он как специалист должен был обладать определенной свободой действия. Г. Ласваль писал, что «самый практичный метод для пропагандиста заключался в том, чтобы выработать в себе привычку мысленно отождествлять себя с теми, на кого он хочет повлиять, и исследовать все возможные подходы к тому, чтобы завладеть их вниманием» (Ласваль, 1929: 152).

4. Заключение

Подводя итоги, можно резюмировать, что в период Первой мировой войны пропагандисты противоборствующих сторон сделали ставку на то, чтобы листовки вызывали минимальное отторжение у противника. С этой целью пропагандисты отказались от доставки листовок при помощи артиллерийских боеприпасов (так как артиллерийский обстрел оказывал негативное психологическое воздействие на противника) и после нескольких альтернативных попыток (разбрасывания листовок при попутном ветре с наблюдательного привязного воздушного шара, а также воздушного змея) остановили свой выбор на специально сконструированном беспилотном воздушном шаре. Радиус действия такого воздушного шара при попутном ветре мог достигать 200 километров в глубь территории противника, что было вполне достаточным для психологического воздействия не только на укрепленные фронтовой полосы, но и находящиеся в тылу концентрационные лагеря и население.

Литература

- Звонарев, 2005 – Звонарев К.К. Германская агитация и пропаганда в Первой мировой войне. Киев, 2005.
- Малаховский, 2014 – Малаховский А.К. Пропаганда и цензура в журналистике США в годы Первой мировой войны: от нейтралитета к патриотизму // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение. Журналистика»*. 2014. № 2. С. 116-123.
- Объедков, 2015 – Объедков И.В. Русская военная пропаганда в США в годы Первой мировой войны // *Вопросы истории*. 2015. № 3. С. 91-109.
- Слесарев, 2020 – Слесарев И.Ю. Французская пропаганда в США в годы Первой мировой войны // *Вестник Московского университета. Серия 8 «История»*. 2020. № 1. С. 95-110.
- Асташов, 2012 – Асташов А.Б. Пропаганда на русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012.
- Денисов, 1916 – Денисов В. Война и лубок. Петроград, 1916.
- Ласваль, 1929 – Ласваль Г. Техника пропаганды в мировой войне. М.-Л., 1929.
- Nikitin, 2020 – Nikitin S.N. Propaganda Ammunition (Based on the Experience of World War I and World War II). // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2020. 7(1): 44-48.
- Cherkasov, 2021 – Cherkasov A.A. The Use of Leaflets as a Propagandist's Weapon in the 20th century // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2021. 8(1): 52-56.
- Giron-Gonzalez, 2020 – Giron-Gonzalez J.M. Messenger Pigeons as a Propagandist's Weapon (the Case of World War I) // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2020. 7(1): 38-43.
- Polyakova, 2016 – Polyakova L.G. Caricature as a type of propaganda during World War I (as illustrated by materials published in the Ogoniok magazine) // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2016. 5(1): 12-29.
- Bratolyubova, Trut, 2017 – Bratolyubova M.V., Trut V.P. Political Caricature during World War I (based on the Examples of Positive Visualization of the "Friends" and Negative Visualization of the "Foes" in the Don Periodical Press Satirical Cartoons) // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2017. 4(1): 4-16.

References

- Astashov, 2012 – Astashov, A.B. (2012). Propaganda na russkom fronte v gody Pervoi mirovoi voyny [Propaganda on the Russian front during the First World War.]. M. [in Russian]
- Bratolyubova, Trut, 2017 – Bratolyubova, M.V., Trut, V.P. (2017). Political Caricature during World War I (based on the Examples of Positive Visualization of the "Friends" and Negative Visualization of the "Foes" in the Don Periodical Press Satirical Cartoons). *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 4(1): 4-16.
- Cherkasov, 2021 – Cherkasov, A.A. (2021). The Use of Leaflets as a Propagandist's Weapon in the 20th century. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 8(1): 52-56.
- Denisov, 1916 – Denisov, V. (1916). Voina i lубok [War and popular print]. Petrograd. [in Russian]
- Giron-Gonzalez, 2020 – Giron-Gonzalez, J.M. (2020). Messenger Pigeons as a Propagandist's Weapon (the Case of World War I). *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 7(1): 38-43.
- Lasval', 1929 – Lasval', G. (1929). Tekhnika propagandy v mirovoi voine [Propaganda technique in World War]. M.-L. [in Russian]
- Malakhovskii, 2014 – Malakhovskii, A.K. (2014). Propaganda i tsenzura v zhurnalistike SShA v gody Pervoi mirovoi voyny: ot neitraliteta k patriotizmu [Propaganda and censorship in US journalism during the

First World War: from neutrality to patriotism]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya «Literaturovedenie. Zhurnalistika»*. 2: 116-123. [in Russian]

Nikitin, 2020 – Nikitin, S.N. (2020). Propaganda Ammunition (Based on the Experience of World War I and World War II). *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 7(1): 44-48.

Ob"edkov, 2015 – Ob"edkov, I.V. (2015). Russkaya voennaya propaganda v SShA v gody Pervoi mirovoi voyny [Russian military propaganda in the United States during the First World War]. *Voprosy istorii*. 3: 91-109. [in Russian]

Polyakova, 2016 – Polyakova, L.G. (2016). Caricature as a type of propaganda during World War I (as illustrated by materials published in the Ogoniok magazine). *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 5(1): 12-29.

Slesarev, 2020 – Slesarev, I.Yu. (2020). Frantsuzskaya propaganda v SShA v gody Pervoi mirovoi voyny [French propaganda in the United States during the First World War]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8 «Istoriya»*. 1: 95-110. [in Russian]

Zvonarev, 2005 – Zvonarev, K.K. (2005). Germanskaya agitatsiya i propaganda v Pervoi mirovoi voine [German agitation and propaganda in the First World War]. Kiev. [in Russian]

К вопросу о некоторых технических средствах пропаганды в годы Первой мировой войны

Тимур Альбертович Магсумов ^{a, b, c, *}, Теймур Эльдарович Зульфугарзаде ^d
Михаил Борисович Колотков ^e, Сергей Борисович Зинковский ^f

^a Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Российская Федерация

^d Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

^f Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются технические средства пропаганды в годы Первой мировой войны. Уделено внимание французскому, немецкому, британскому и американскому опыту в деле доставки пропагандистской литературы на территорию неприятеля.

В качестве источников была использована специализированная литература по истории военной пропаганды в годы Первой мировой войны.

В методологическом плане применялись принципы объективности и системности: первый – позволил беспристрастно рассмотреть источники по теме исследования, второй – дал возможность проанализировать технические средства доставки пропагандистской литературы разных стран-участниц конфликта.

Подводя итоги, авторы приходят к выводу, что в период Первой мировой войны пропагандисты противоборствующих сторон сделали ставку на то, чтобы листовки вызвали минимальное отторжение у противника. С этой целью пропагандисты отказались от доставки листовок при помощи артиллерийских боеприпасов (так как артиллерийский обстрел оказывал негативное психологическое воздействие на противника) и после нескольких альтернативных попыток (разбрасывания листовок при попутном ветре с наблюдательного привязного воздушного шара, а также воздушного змея) остановили свой выбор на специально сконструированном беспилотном воздушном шаре, радиус действия которого при попутном ветре мог достигать 200 километров в глубь территории противника. Такой радиус действия был вполне достаточен для психологического воздействия не только на укрепленные фронтовой полосы, но и находящиеся в тылу концентрационные лагеря и население.

Ключевые слова: Первая мировая война, пропаганда, технические средства, опыт, противоборствующие стороны, листовки.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nabonid1@yandex.ru (Т.А. Магсумов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1533-1541
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1533
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



The Idea of the "Unity of the Slavs" in Russian Propaganda during the First World War

Pavel V. Ulyanov ^{a, *}

^aAltai State University, Russian Federation

Abstract

The idea in propaganda occupies an important place and is often the main component of the information content of centralized and mass propaganda to attract attention from any audience. During the First World War, in many countries participating in the military conflict, propaganda was based on a specific idea, the postulates of which served as a management function in shaping the assessment and attitude of a wide audience to the "ally" and the "enemy", as well as in identifying their own role in the life of the country and activities a ruler or leader seeking to protect public and defend state interests, aimed at achieving understanding of them by the broad masses. Along with the ideas of the "commonwealth of nations" in Great Britain and "sacred unity" in France, the idea of "unity of the Slavs" in Russia served not only as a motivation, but also reflected the elements of uniting all the inhabitants of the country (Russia) with people living in neighboring states (for example, the Serbs). Researchers note in their works the important role of ideology in uniting people in the face of an "external threat", but do not pay attention to the specifics of the content of the idea of "unity of the Slavs" in the process of forming the "image of the enemy" in relation to the ruler, state and people of the "enemy country". In this regard, the author aims to consider the idea of "unity of the Slavs" in Russian propaganda in order to highlight its features. Since a person simultaneously lives in both the symbolic and the real world, where each person reacts to the perception of information, and not to reality, the author seeks to answer the question about the role of this idea in motivating the population to fight the "enemy". As a result of the study, it can be concluded that the idea of "Slavic unity" in Russian propaganda should have motivated Russians to fight against "external aggression" and served as a determinant of the "enemy object", and it also separated all "Slavic" from all "German" and even "Turkish" during the military conflict.

Keywords: the idea of the "unity of the Slavs", ideology in the Russian Empire, propaganda, propaganda of the "image of the enemy", propaganda in the Russian Empire, propaganda during the First World War, World War I.

1. Введение

В исторической науке наблюдается рост интереса к такому междисциплинарному направлению, как истории идей, особенно в рамках истории политических и правовых учений. Исторические события, содержащие различные интерпретации и отражающие разные стороны жизни, приводят к дискуссиям в научных кругах. Более того, под влиянием внутри- и внешнеполитических факторов многие исторические события либо умалчиваются, либо искажаются, либо преподносятся в определенном контексте. Вместе с тем в современном российском обществе появилась тенденция к возрождению памяти о некоторых страницах истории страны. Одним из таких событий стала Первая мировая война.

В вооруженном конфликте мотивационная составляющая агитационной информации зачастую играет ключевую роль. Мотивация, которая выполняет функцию побуждения субъекта к борьбе с «вражеским объектом» и на психофизиологическом уровне координирует его поведение, во многом

* Corresponding author

E-mail addresses: imperialnext@mail.ru (P.V. Ulyanov)

зависит от того, какая идея лежит в основе преподносимой информации. Для оказания воздействия на человеческое сознание субъект пропаганды нередко ставит задачу мотивировать аудиторию на противостояние, объясняя при этом, чем «чужой» отличается от «своего». Самым значимым мотивационным средством можно назвать «идею единства». Мало того, что ее можно использовать как ресурс «мягкой силы» или «мягкого воздействия», опираясь на концепцию американского исследователя Дж. Ная (Nye, 2004: 192), с целью создания привлекательного образа, так еще и в качестве идеологического средства.

Во время Первой мировой войны во многих странах Европы имела место определенная идея для объединения всех жителей внутри государства перед лицом «внешней опасности» для выживания в экстремальных условиях, вызванных военно-политической обстановкой. Так, в британской пропаганде отражалась идея «содружества наций», согласно которой жители Великобритании и ее морских владений отождествляли себя с британскими подданными. Во Франции центральное место заняла идея «священного единения» всех французов с народами Европы в борьбе с «агрессором», которым прежде всего была Германия. Для пробуждения у массовой аудитории ура-патриотических чувств на психофизиологическом уровне и побуждения людей к применению физической силы к «врагу» требовалось грамотно сформулированное убеждение в необходимости проявления агрессии. В России подобную функцию выполняла собственная, отраженная в пропаганде идея, а именно идея «единства славян».

Ее особенность заключалась в том, что в ней отражались признаки этнической (национальной), религиозной и территориальной идентичности. Она актуализировалась в последней трети XIX – начале XX веков за счет активно проводимой внешней политики Российской империи. С одной стороны, идея «единства славян» была связана с борьбой славянских народов против Османской империи и Австро-Венгрии. С другой стороны, благодаря взглядам общества славянофилов и внешней политике оказания поддержки народам Балканского полуострова, несмотря на снижение популярности идеологии «панславизма», Российская империя в лице царского правительства не отказывалась от данной идеи.

В данной статье автор, рассматривая развитие идеи «единства славян» в российской пропаганде на протяжении Первой мировой войны (до событий Февральской революции), ставит цель выделить особенности этой идеи и определить ее роль в российском обществе и специфику.

2. Материалы и методы

В качестве основного метода исследования автор статьи применяет традиционный анализ исторических источников, отражающих наличие или упоминание о продвижении в массы идеи «единства славян». В качестве основных материалов, на основании которых будут сделаны выводы по поставленной проблеме, используются законодательные акты (царские манифесты), материалы агитационной направленности (плакаты и карикатуры, листовки и прокламации), периодическая печать (журналы) и источники личного происхождения (мемуары и дневниковые записи).

Законодательные акты представлены двумя манифестами, изданными царским правительством накануне Первой мировой, об объявлении войны Австро-Венгрии и Германии. Очень важные документы того времени отражают мотивацию и суть предстоящего вооруженного конфликта. Авторы-составители хотели не просто призвать население империи к борьбе с «врагом», но и объяснить значимость этой борьбы, особенно тем, что фактической «жертвой» Германии и Австро-Венгрии воспринималась Сербия.

Материалы агитационной направленности представлены визуальными средствами пропаганды – плакатами и карикатурами, опубликованными в сборнике «Великая европейская война» ([Великая европейская война, 2014](#)). Яркие картинки и краткие слоганы к ним отражают определенную авторскую мысль. Большой интерес представляет печатная продукция, а именно листовки и прокламации на русском языке из Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). Некоторые агитационные материалы содержат отсылки и даже основаны на идее «единства славян», так как в их текстах идет явное противопоставление по принципу «мы» – «они».

Периодическая печать (в основном это журналы) также подвергалась анализу. Особенность распространявшейся среди образованного населения России периодики заключалась в том, что большая часть информации печаталась под влиянием или в русле государственной точки зрения на внешнюю политику, проводимую царским правительством. Среди периодики следует отметить важность российского образовательного журнала «Русская школа» ([Русская школа, 1914](#)) и детского журнала «Родник» ([Родник, 1915](#)).

Источники личного происхождения включают мемуарную литературу и дневниковые записи. Конечно, в данных материалах присутствует личная оценка исторического события, принадлежащая конкретному автору и зачастую отражающая его восприятие субъекта действия. Но не следует забывать о контексте эпохи и предвзятом мнении автора произведения. Среди участников Первой мировой войны, труды которых используются в статье, можно выделить российского историка и сотрудника Ставки Верховного Главнокомандования М.К. Лемке ([Лемке, 1989: 388-403](#)), российского

офицера А.А. Брусилова (Брусилов, 2013), военного ученого в звании генерал-лейтенанта Н.Н. Головина (Головин, 2001) и командира казачьего корпуса в звании полковника Ф.И. Елисева (Елисеев, 2001).

В основе методологии исследования лежит принцип историзма, в соответствии с которым проблема отражения в пропаганде идеи «единства славян» в контексте мотивации собственного населения и солдат на борьбу с «агрессором» в Российской империи во время Первой мировой войны изучается с использованием традиционного анализа исторических источников, о котором речь шла выше, и историко-генетического метода, позволяющего проследить развитие обозначенной идеи на примере российского опыта пропаганды в начале XX века.

3. Обсуждение

Об идее «единства славян» написано немного работ, причем зачастую, если исследователи и затрагивают в них данную проблему, то она упоминается либо в контексте определенной проблемы, либо есть некоторые намеки на ее развитие в российском обществе накануне и во время Первой мировой войны. В зарубежной историографии можно выделить работы британских историков И. Бэкетта (Beckett, 2006), М. Гилберта (Гилберт, 2014), Дж. Кигана (Keegan, 2014) и Н. Стоуна (Стон, 2010). Не затрагивая в целом данную проблему, эти исследователи все же подчеркивают некие ее признаки в российском обществе в сравнительно-историческом аспекте, чтобы выделить отличия от царившей обстановки в Великобритании и Франции. Во французской историографии также есть сложности с выявлением каких-либо оценок данной идеи, однако французские исследователи Ж.-Ж. Беккер (Беккер, 2006) и С. Монтан (Montant, 1990: 154-163) отмечают наличие ее признаков, подчеркивая своеобразную обстановку в Российской империи, чем делают небольшие попытки сделать сравнительный анализ. В немецкой историографии, в которой проблемы национализма нередко поднимаются авторами с целью понимания причин и предпосылок его возникновения, также сложно выявить какие-либо черты идеи «единства славян». Можно, конечно, отметить здесь исследование историка С. Мюллера (Müller, 2002), но даже в нем проявляется свойственная зарубежной историографии тенденция. Рассмотрев зарубежную историографию, следует обратить внимание на то, что в процессе поиска научных работ обнаружить более целостный и комплексный подход к изучению идеи «единства славян» в российской пропаганде было очень сложно.

В российской историографии ситуация с изучением обозначенной проблемы неоднозначная и связано это с подходами к изучению Первой мировой войны. Так, в советской историографии данной проблеме особого внимания не уделяли, несмотря на ее значимость в вопросе о происхождении Первой мировой войны, особенно в рамках геополитической и национальной гипотез. Национальный фактор в дипломатии Российской империи проявлялся в том плане, что царское правительство стремилось во внешней политике распространить свое влияние на Балканах, ослабить в этом регионе позиции Австро-Венгрии и даже «больного человека Европы», то есть Османской империи. Вдобавок развивавшаяся, но в то же время терявшая свою актуальность в конце XIX века идеология «панславизма» оставила свой след в российской внешнеполитической концепции. Этот аспект изучаемой проблемы можно найти в трудах советских историков М.Э. Айрапетяна, П.Ф. Кабанова (Айрапетян, Кабанов, 1964) и Н.Ф. Нотовича (Нотович, 1947). Во многом данной проблемы не касались из-за господства в советской исторической науке методологического монизма. И все же на основании указанных работ можно констатировать влияние этой идеи, так как она во многом была идеологическим фактором в австро-российском противостоянии на Балканах, произошедшем во время событий Боснийского кризиса 1908 года.

В современной российской историографии значимость данной проблемы проявляется в том, что в рамках междисциплинарного подхода к изучению роли идей и взглядов в истории России создается множество трудов. Из большого количества работ, посвященных Первой мировой войне, в которых упоминаются распространяемые в средствах пропаганды идеи «единства славян», можно выделить работы российских историков А.Б. Асташова (Асташов, 2012), В.Б. Миронова (Миронов, 2014) и Е.С. Сенявской (Сенявская, 2006). В них выделяются такие моменты, которые затрагивают идейную составляющую российской пропаганды, а именно ее идейную основу, которую закладывали в содержание материалов агитационной направленности, чтобы донести до простых россиян значение войны для России. И тем не менее в процессе поиска научной литературы по поставленной проблеме возникли трудности в обнаружении целостного и комплексного подхода к изучению идейного и идеологического аспектов пропаганды как систематической деятельности, чтобы ответить на вопрос о значимости идеи «единства славян» в российской пропаганде «образа врага» по отношению к странам Центральных держав (кроме Болгарии). Таким образом, в процессе изучения историографии работ, отвечающих на поставленный вопрос, не было выявлено.

4. Результаты

Если обращаться к российскому опыту пропаганды, то следует указать на актуальность идеи «единства славян» во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов, после чего она сохранила свою значимость в последующих внешнеполитических событиях. Опираясь на эту идею, царское

правительство активно оказывало поддержку балканским народам в отстаивании своей независимости, что вылилось в конфронтацию на региональном уровне с Австро-Венгрией и даже с Германией во время Боснийского кризиса 1908 года (Ульянов, 2015: 164-166). Однако до открытого вооруженного конфликта дело не дошло из-за высокой роли дипломатии и благодаря дипломатическому отступлению России. Поскольку начало Первой мировой войны положил именно Июльский кризис 1914 года, то Россия решительно встала на защиту Сербии, чем привлекла внимание со стороны Германии, являвшейся тогда союзником Австро-Венгрии. Так, в своем манифесте российский царь Николай II объявил о начале войны с Австро-Венгрией, мотивировав это желанием защитить «дружественных» сербов от «агрессора» (Высочайший..., 2002: 92). После известия об объявлении Германией войны России Николай II в «агрессоры» «записал» и Германскую империю, которую также обозначил нападающей на «славянские народы» (Высочайший..., 2002: 100). Следовательно, уже в начале вооруженного конфликта были определены «враг» и «жертва» для объяснения народу сложившейся внешнеполитической ситуации, поэтому в пропаганде ставилась задача сплочения «братьев-славян» под эгидой России для отражения нападения (Дмитриев, 2001: 123).

Вдобавок немецкая провокация в Черном море, связанная с крейсерами «Гебен» и «Бреслау», оказала влияние на российскую общественность. Так, император России Николай II выступил 2 ноября 1914 года с еще одним манифестом. В результате произнесенной царем речи Османская империя стала восприниматься в обществе «агрессором» и в некоторой степени противником, желавшим вернуть владычество над славянами (Палеолог, 2014: 380). Однако это только подразумевалось как очередной российско-турецкий конфликт на Кавказе. Главная цель правителя страны, то есть российского царя, заключалась в объединении людей с «союзниками» перед лицом «внешней угрозы» и обособлении от «вражеских стран». В качестве яркого примера обособления от Германии и всего немецкого обычно приводится факт переименования столицы России с германского варианта «Санкт-Петербург» на русский манер в «Петроград» (Ян, 2007: 387-388). После данного события началась кампания, проводимая с целью ликвидировать «немецкое засилье» в торговле и промышленной сфере деятельности, о чем написано в статье советского исследователя В.С. Дякина (Дякин, 1968: 227). Отчасти здесь есть влияние идеи «единства славян», но только в качестве инструмента давления, что, в свою очередь, следует рассматривать в качестве исторической предпосылки погромов принадлежавших немцам фирм и магазинов и проявления антинемецких настроений на территории страны во время войны.

Вступление в войну явилось желанием царского правительства защитить право на существование «единокровного» и «единоверного» сербского народа, как писал российский офицер Н.Н. Головин, не из-за влияния «панславизма», а из-за сочувствия к «младшему брату» (Головин, 2001: 292). Можно предположить, что идею «единства славян» продвигали в массы. Несмотря на ее значимость в оказании влияния на умы простых россиян, по вопросу о ее реальном влиянии сомнение высказал в мемуарах российский военачальник А.А. Брусилов, как и о воздействии самой пропаганды на не представлявших с кем воевать россиян (Брусилов, 2013: 74-75).

И все же влияние идеи «единства славян» имело место в результате активно проводимых массовых агитационных кампаний в вооруженных силах Российской империи. Так, в предназначенной для распространения среди солдат России листовке за авторством протопресвитера военного и морского духовенства Г. Шавельского данная идея была отражена в упоминании о единстве Сербии и Святой Руси в борьбе с Германией, в связи с чем шел призыв «постоять за Веру, Царя и Родину» (РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 724. Л. 318; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3855. Л. 68-68 об; Ф. 2148. Оп. 1. Д. 724. Л. 317). Данный документ датирован январем 1915 года. С учетом отраженных в листовках антинемецких тезисов, характеризующих «врага» как жестокого, злобного и коварного, активно шел призыв к русским «чудо-богатырям» бороться с немцем, чтобы отвоевать у него безмятежный мир и «волю от немецкого ига» «братьям славянам» (РГВИА Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3855. Л. 111). Разумеется, такие и подобные им призывы, иногда в завуалированном виде, отражались в российских листовках, предназначенных для распространения среди россиян и многих других народов, особенно среди поляков. Возможно, российское командование предвидело события «Великого отступления» российской армии, произошедшие отчасти из-за слабого влияния пропагандистской информации (Миронов, Сенявская, 2002: 522-523).

Кроме того, царское правительство поддерживало идею распространения листовок и прокламаций на территориях «вражеских государств». Так, в имеющей множество исправлений рукописной листовке, адресованной народам Австро-Венгрии, говорится о том, что Россия вступила в войну «в защиту единокровных славян и их прав и достоинства» (АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 437. Л. 8-9). При этом в листовке, с одной стороны, идет пояснение народам Австро-Венгерской империи о защитнических действиях России, а с другой – славянские народы «лоскутной» и многонациональной державы призывали встать под знамена «Великого Белого Царя» и объединиться «в одно целое Славянство». Именно такие вот тезисы о «единстве славян» свидетельствуют о проведении, пусть и малоэффективной, по мнению некоторых российских исследователей, «прославянской» пропаганды.

Помимо листовок, влияние на образованную часть населения России оказывала периодическая печать. Так, в журнале «Родник» была опубликована статья, в которой шла речь о предполагаемой «германизации» польского народа (Родник, 1915: 52). А еще в процессе актуализации «сербского сюжета» в российском обществе в средствах пропаганды зачастую приписывались Германии черты «врага всего славянства», из-за чего «враг» становился понятным и узнаваемым (Русская школа, 2014: 130). Это в свою очередь побуждало сотрудников центрального органа по осуществлению пропаганды Генерал-квартирмейстера Генерального штаба в большом количестве печатать агитационно-пропагандистские материалы для проведения широкомасштабной пропаганды на территории той же Польши, большей частью входившей в состав Российской империи. Но в Польше распространялись противоположные идеи. Так, в своих листовках польский Союз организации независимости был настроен против России и призывал соотечественников не поддерживать «тюремщиков» (российские войска) (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 4132. Л. 37-38). Именно поэтому российская пропаганда отличалась малоэффективностью и практически была безрезультативной.

Необходимо отметить, что идея «единства славян», которая была значимой во время русско-турецких войн, особенно в войне 1877–1878 годов, сохранилась в традиционном и неизменном виде. Однако «враг» в ней поменялся: теперь не Османская империя, а Германия «угрожала сербам уничтожением» (Головин, 2001: 292-293). Однако в пропаганде все же шло побуждение российских солдат к защите отдаленных территорий Российской империи в качестве мотивации их на борьбу с «врагом». В походных записях командира казачьего корпуса Ф.И. Елисеева упоминается тот факт, что военный министр Османской империи Энвер-паша поставил цель захватить Закавказье для воплощения идеи «пантюркизма» и объединить мусульман под скипетром султана-халифа (Елисеев, 2001: 53). С небольшими оговорками о том, что мемуарист перепутал идейную составляющую «пантюркизма» с «панисламизмом», можно сказать о сильном влиянии пропаганды на Кавказском фронте и прежде всего идеи «единства славян», пусть и в завуалированной форме. Солдатам, в том числе и казакам, явно их офицеры объясняли, что хочет «враг» и какие у него есть для этого средства, а также поясняли суть вооруженного конфликта. Учитывая особенности Кавказского фронта, стоит отметить значимость проводимой пропагандистской кампании среди собственных войск для поддержания в них «оборонного сознания».

Во многом российская пропаганда отличалась тем, что мотивировала не только защищать «православных сербов», но и призывала повторить подвиг предков. Так, в своих воспоминаниях сотрудник царской ставки М.К. Лемке упоминает о популярности брошюр с историческим контекстом и одну из них приводит в качестве примера проявления идеи «единства славянского народа». В ней идет отсылка к историческому событию «Ледового побоища» 1242 года, и оно подано как противостояние русских и немцев, притом, что именно последних «русские» поразили своей твердостью и несокрушимостью (Лемке, 1989: 401). Для закрепления в массовом сознании самой идеи за счет понятных и узнаваемых образов, а именно «святорусских богатырей» (российских солдат) и «нечестивых тевтонов» (немецких солдат), продвигался антагонизм «мы» – «они» (Оськин, 2010: XIX). Плюс ко всему прочему на плакатах можно было увидеть изображения «черного орла» (Германии) в битве с «двуглавым орлом» (Россией) и «дракона» в схватке с Георгием Победоносцем (Великая европейская война, 2014: 252-253). Опираясь на данные листовок и плакатов, уже можно увидеть тенденцию противопоставлять участвующих в вооруженном конфликте сил и за счет символов показывать «союзников» и «врагов». Данные символы изображались на визуальных агитационных материалах не случайно. Потребность простого народа увидеть знакомые и широко распространенные символы России была удовлетворена типографиями и Русской православной церковью, которые во время войны принимали активное участие в пропаганде, чтобы поддержать «оборонное сознание» людей. Стоит отметить, что влияние РПЦ было велико из-за господства в обществе религиозного сознания и очень близкой связи россиян с ней, так как в церкви люди зачастую искали успокоение.

Идея «единства славян», вписанная в российскую пропаганду и опиравшаяся на тезисы об объединении в военное время россиян с сербами как с «младшими братьями» стала одним из ярчайших сюжетов российской пропаганды. Правда, данная идея развивалась по нисходящей линии до 1917 года, а после событий Февральской революции потеряла свою значимость в общественном сознании, особенно в связи с изменениями в представлениях россиян о «враге». В целом данная идея о сплочении всего населения империи для борьбы с «внешним врагом» и защиты дружественных и единокровных «братьев» от общего «врага» сыграла свою роль в формировании и отстаивании религиозной, региональной и в какой-то степени национальной (этнической) идентичности Российской империи и соседних с ней территорий. За счет данной идеи пропаганда ставила цель донести до широкой аудитории причины вступления государства в вооруженный конфликт и оправдать агрессию по отношению к «врагу всего славянства».

5. Заключение

Изучив все аспекты развития идеи «единства славян» в российской пропаганде во время Первой мировой войны, можно перейти к выводам. Прежде всего следует обратить внимание на

особенности данной идеи, чтобы понять ее специфику и роль в обществе. В качестве первой особенности необходимо отметить связь идейной составляющей пропаганды с идеологией Российской империи, отраженной в теории официальной народности. Триада «Вера, Царь, Отечество» служила своего рода идейным стержнем в процессе поиска ключевых элементов для обозначения «единения народов» России с жителями других территорий, в частности Сербии. Кроме того, данная идея была ориентирована на проведение внешней политики Российской империей в районе черноморских проливов Босфора и Дарданелл. Распространение своего влияния и мотивация на борьбу народов Балканского полуострова против Австро-Венгерского государства и Османской империи были важными направлениями российской внешней политики, в случае успешной реализации которой Россия претендовала бы на проливы и Константинополь (Стамбул).

В качестве другой особенности стоит отметить простоту и понятность идеи «единства славян», несмотря на критику со стороны некоторых офицеров, например А.А. Брусилова. В ней были отражены те ключевые моменты, которые служили мотивирующей составляющей агитационной информации, например обращения к историческим событиям столкновения, грубо говоря, «славянского народа» и «тевтонских варваров». В результате этого «враг» воспринимался как конкретный агрессор, представлявший опасность в том, что шел завоевывать и побуждал к защите. Поэтому за счет данной идеи отчетливо проходила линия между «славянством» и «германизмом». Таким образом, российская пропаганда в рамках дихотомии «мы» – «они» была направлена на формирование в сознании россиян образа Германии, Австро-Венгрии и даже Османской империи как «общих врагов». Однако образ «извечного врага» был приписан Германской империи, хотя в таком образе зачастую воспринималась Османская.

В качестве третьей и важной особенности следует отметить отраженные в идее признаки этнической (национальной) и религиозной идентичности, которые прослеживались в принадлежности к одному народу, проживавшему на определенной территории в историческом прошлом, в завуалированной форме преподносилась информация о принадлежности к одной православной вере и общим традициям, хотя и видоизмененным. Не стоит упускать и территориальную идентичность. Каждый народ, в частности жители России, идентифицировали себя с территориями Киевской Руси и Московским государством, поэтому и призывали «единокровных братьев» встать на защиту собственных территорий от нашествия «вражеских полчищ», прежде всего немецких и австро-венгерских. Здесь важную роль играли образы родины и богатырей, вставших на защиту отечества от «немцев-завоевателей». В этом плане стоит отдать должное Русской православной церкви (РПЦ). Благодаря ее влиянию на агитационную информацию и продвижению образа «богатыря святорусского» с целью воздействия на религиозные чувства населения «идея единства» в принципе имела успех, так как была понятна прежде всего верующим.

Следовательно, идея «единства славян» в российской пропаганде являлась не просто апелляцией к «единству» как к какому-то событийному результату, а имел место призыв, направленный на донесение всему населению страны и жителям других государств основной сути вооруженного конфликта. В качестве главной цели стала защита «земли русской» («земель славянских») от «иноземного завоевателя», отчего и складывался образ «немца-завоевателя». В пропаганде был дан «ответ» стран Антанты (России и Сербии) на «вызов» со стороны Центральных держав. В этом, можно сказать, проявлялась специфика российской пропаганды.

Первая мировая война стала одним из опытов участия России не только в физической войне, но и в информационной. Российская пропаганда во время этой войны за счет собственной идеи «единства славян» оказала влияние на сознание мирных жителей и солдат Российской империи. Внешняя пропаганда имела неоднозначные результаты, особенно на территории Польши. Несмотря на то, что ее результат во многом не был достигнут, а после революционных событий потерял свою значимость, попытка осуществить поставленные цели все равно считается определенным опытом в вооруженном конфликте. Многие просчеты и факторы в проведении пропаганды и продвижении в ней конкретных идей будут учтены уже во время дальнейших событий XX века.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31118

The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 21-011-31118.

Литература

Айрапетян, Кабанов, 1964 – Айрапетян М.Э., Кабанов П.Ф. Первая мировая империалистическая война 1914–1918 гг. М., 1964. 207 с.

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

Асташов, 2012 – Асташов А.Б. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны / Сост. А.Б. Асташов. М., 2012. 384 с.

Беккер, 2006 – Беккер Ж.-Ж. Первая мировая война / Пер. с фр. И.В. Меркуловой. М., 2006. 157 с.

Брусилов, 2013 – Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2013. 288 с.

- Великая европейская война, 2014 – Великая европейская война / Сост. А.В. Трофименко. М., 2014. 288 с.
- Высочайший манифест..., 2002 – Высочайший манифест от 20 июля 1914 г. об объявлении состояния войны России с Австро-Венгрией // *Мировые войны XX века*. Кн. 2. М., 2002. С. 92-93.
- Высочайший манифест..., 2002 – Высочайший манифест от 20 июля 1914 г. об объявлении состояния войны России с Германией // *Мировые войны XX века*. Кн. 2. М., 2002. С. 100-101.
- Гилберт, 2014 – *Гилберт М.* Первая мировая война. М., 2016. 768 с.
- Головин, 2001 – *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. 440 с.
- Дмитриев, 2002 – *Дмитриев А.Н.* «Война манифестов» // *Мировые войны XX века*. Кн. 1. М., 2002. С. 121-128.
- Дякин, 1968 – *Дякин В.С.* Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // *Первая мировая война*. М., 1968. С. 227-238.
- Лемке, 1989 – *Лемке М.К.* 250 дней в царской ставке // *Первая мировая / Сост. С.Н. Семанова*. М., 1989. С. 388-403.
- Мезиер, 1915 – *Мезиер А.* Что за народ поляки и как живет крестьянская Польша? // *Родник*. 1915. № 1. С. 52-68.
- Миронов, 2014 – *Миронов В.Б.* Первая мировая война. Борьба миров. М., 2014. 304 с.
- Миронов, Сенявская, 2002 – *Сенявская Е.С., Миронов В.В.* Человек на войне: «свой» и «чужие» // *Мировые войны XX века*. Кн. 1. М., 2002. С. 519-537.
- Нотович, 1947 – *Нотович Ф.И.* Дипломатическая борьба в годы Первой мировой войны. Т. 2. М.-Л., 1947. 449 с.
- От Высочайшего..., 1914 – От Высочайшего учрежденного Особого Комитета по усилению военного флота // *Русская школа*. 1914. № 8. С. 113-121, 130.
- Палеолог, 2002 – *Палеолог М.* Царская Россия во время Мировой войны // *Мировые войны XX века*. Кн. 2. М., 2002. С. 380-381.
- Сенявская, 2006 – *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века. Эволюция "образа врага" в сознании армии и общества. М., 2006. 288 с.
- Стоун, 2010 – *Стоун Н.* Первая мировая война: краткая история. М., 2010. 219 с.
- Ульянов, 2015 – *Ульянов П.В.* Основные факторы российско-германского взаимодействия в региональной политике 1905–1914 гг. // *Дневник Алтайской школы политических исследований / Под ред. Ю.Г. Чернышова*. № 31. Барнаул, 2015. С. 163-167.
- Ян, 2007 – *Ян Х.* Патриотический Петроград: культурная жизнь и массовые развлечения во время Первой мировой войны // *Опыт мировых войн в истории России*. Челябинск, 2007. С. 387-395.
- Beckett, 2006 – *Beckett I.* The Great War. L., 2007. 813 p.
- Keegan, 2014 – *Keegan J.* The First World War. L., 2014. 500 p.
- Montant, 1990 – *Montant J.-C.* L'organisation centrale des services d'informations et de propaganda du Quai d'Orsay pendant la Grande guerre // *Les sociétés européennes et la guerre de 1914-1918*. Paris, 1990. P. 135-143.
- Müller, 2002 – *Müller S.O.* Die Nation als Waffe und Vorstellung: Nationalismus in Deutschland und Großbritannien im Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2002. 427 p.
- Nye, 2004 – *Nye S.J.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 192 p.

References

- Astashov, 2014 – *Astashov, A.B.* (2012). Propaganda na Russkom fronte v gody Pervoy mirovoy voyny [Propaganda on the Russian Front during the First World War]. Sost. A.B. Astashov. M., 384 p. [in Russian]
- AVPRI – *Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii* [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire].
- Ayrapetyan, Kabanov, 1964 – *Ayrapetyan, M.E., Kabanov, P.F.* (1964). Pervaya mirovaya imperialisticheskaya voyna 1914–1918 gg. [World War I Imperialist 1914-1918]. M., 207 p. [in Russian]
- Beckett, 2006 – *Beckett, I.* (2006). The Great War. L., 813 p.
- Bekker, 2006 – *Bekker, Zh-Zh.* (2006). Pervaya mirovaya voyna [World War I]. Per. s fr. I.V. Merkulovoy. M., 157 p. [in Russian]
- Brusilov, 2013 – *Brusilov, A.A.* (2013). Moi vospominaniya [My memories]. M., 288 p. [in Russian]
- Dmitriyev, 2002 – *Dmitriyev, A.N.* (2002). «Voyna manifestov» ["War of manifestos"]. *Mirovyye voyny XX veka*. Кн. 1. М., pp. 121-128. [in Russian]
- Dyakin, 1968 – *Dyakin, V.S.* (1968). Pervaya mirovaya voyna i meropriyatiya po likvidatsii tak nazyvayemogo nemetskogo zasil'ya [World War I and Measures to Eliminate the so-called German Dominance]. *Pervaya mirovaya voyna*. М., pp. 227-238. [in Russian]
- Gilbert, 2014 – *Gilbert, M.* (2016). Pervaya mirovaya voyna [The First World War]. М., 768 p. [in Russian]
- Golovin, 2001 – *Golovin, N.N.* (2001). Voyennyye usiliya Rossii v mirovoy voyne [Military Efforts of Russia in the World War]. М., 440 p. [in Russian]

- Keegan, 2014 – Keegan, J. (2014). The First World War. L., 500 p.
- Lemke, 1989 – Lemke, M.K. (1989). 250 dney v tsarskoy stavke [250 days at the royal headquarters]. *Pervaya mirovaya*. Sost. S.N. Semanova. M., pp. 388-403. [in Russian]
- Meziyer, 1915 – Meziyer, A. (1915). Chto za narod polyaki i kak zhivet krest'yanskaya Pol'sha? [What Kind of People are Poles and how Does Peasant Poland Live?]. *Rodnik*. 1: 52-68. [in Russian]
- Mironov, 2014 – Mironov, V.B. (2014). Pervaya mirovaya voyna. Bor'ba mirov [World War I. Struggle of the Worlds]. M., 304 p. [in Russian]
- Montant, 1990 – Montant, J.-C. (1990). L'organisation centrale des services d'informations et de propagande du Quai d'Orsay pendant la Grande guerre [The central organization of the information and propaganda services of the Quai d'Orsay during the Great War]. *Les societes europeennes et la guerre de 1914-1918*. Paris, 1990. P. 135-143. [in French]
- Müller, 2002 – Müller, S.O. (2002). Die Nation als Waffe und Vorstellung: Nationalismus in Deutschland und Großbritannien im Ersten Weltkrieg [The nation as a weapon and concept: Nationalism in Germany and Great Britain in the First World War]. Göttingen, 427 p. [in German]
- Notovich, 1947 – Notovich, F.I. (1947). Diplomaticheskaya bor'ba v gody Pervoy mirovoy voyny [Diplomatic Struggle during the First World War]. T. 2. M.–L., 449 p. [in Russian]
- Nye, 2004 – Nye, S.J. (2004). Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York, 192 p.
- Ot Vysochayshego..., 1914 – Ot Vysochayshego uchrezhdenного Osobogo Komiteta po usileniyu voyennogo flota [From the Imperial Established Special Committee for Strengthening the Navy]. *Russkaya shkola*. 8: 113-121, 130. [in Russian]
- Paleolog, 2002 – Paleolog, M. (2002). Tsarskaya Rossiya vo vremya Mirovoy voyny [Tsarist Russia during the World War]. *Mirovyeye voyny XX veka*. Kn. 2. M., pp. 380-381. [in Russian]
- RGVIA – Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Military Historical Archive].
- Senyavskaya, 2006 – Senyavskaya, Ye.S. (2006). Protivniki Rossii v voynakh KHKH veka. Evolyutsiya "obraza vruga" v soznanii armii i obshchestva [Russia's Opponents in the Wars of the Twentieth Century. Evolution of the "Image of the Enemy" in the Minds of the Army and Society]. M., 288 p. [in Russian]
- Senyavskaya, Mironov, 2002 – Senyavskaya, Ye.S., Mironov, V.V. (2002). Chelovek na voyne: «svoi» i «chuzhiye» (Man in War: "Ours" and "Foes"). *Mirovyeye voyny XX veka*. Kn. 1. M., pp. 519-537. [in Russian]
- Stoun, 2010 – Stoun, N. (2010). Pervaya mirovaya voyna: kratkaya istoriya (The First World War: A Brief History). M., 219 p. [in Russian]
- Ulyanov, 2015 – Ulyanov, P.V. (2015). Osnovnyye faktory rossiysko-germanskogo vzaimodeystviya v regional'noy politike 1905–1914 gg. (The Main Factors of Russian-German Interaction in the Regional Policy of 1905-1914). *Dnevnik Altayskoy shkoly politicheskikh issledovaniy*. Pod red. YU.G. Chernyshova. Nr 31, Barnaul, pp. 163-167. [in Russian]
- Velikaya yevropeyskaya voyna, 2014 – Velikaya yevropeyskaya voyna [The Great European War]. Sost. A.V. Trofimenko. M., 2014. 288 p. [in Russian]
- Vysochayshiy manifest..., 2002 – Vysochayshiy manifest ot 20 iyulya 1914 g. ob ob'yavlenii sostoyaniya voyny Rossii s Avstro-Vengriyey [The Highest Manifesto of July 20, 1914 Declaring a State of War between Russia and Austria-Hungary]. *Mirovyeye voyny XX veka*. Kn. 2. M., pp. 92-93. [in Russian]
- Vysochayshiy manifest..., 2002 – Vysochayshiy manifest ot 20 iyulya 1914 g. ob ob'yavlenii sostoyaniya voyny Rossii s Germaniyey [The Highest Manifesto of July 20, 1914 on the Declaration of a State of War between Russia and Germany]. *Mirovyeye voyny XX veka*. Kn. 2. M., pp. 100-101. [in Russian]
- Yan, 2007 – Yan, Kh. (2007). Patrioticheskiy Petrograd: kul'turnaya zhizn' i massovyeye razvlecheniya vo vremya Pervoy mirovoy voyny [Patriotic Petrograd: Cultural Life and Mass Entertainment during the First World War]. *Opyt Rossii v mirovykh voynakh*. Chelyabinsk, pp. 387-395. [in Russian]
- Yeliseyev, 2001 – Yeliseyev, F.I. (2001). Kazaki na Kavkazskom fronte. 1914-1917: Zapiski polkovnika Kubanskogo kazach'yego voyska v trinadtsati broshyurakh-tetrad'yakh [Cossacks on the Caucasian Front. 1914-1917: Notes of the Colonel of the Kuban Cossack Host in Thirteen Booklet-notebooks]. M., 292 p. [in Russian]

Идея «единства славян» в российской пропаганде во время Первой мировой войны

Павел Владимирович Ульянов^{а, *}

^а Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Идея в пропаганде занимает важное место и зачастую является основной составляющей информационного содержания централизованной и массовой пропаганды для

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: imperialnext@mail.ru (П.В. Ульянов)

привлечения внимания любой аудитории. В период Первой мировой войны во многих странах-участницах вооруженного конфликта пропаганда опиралась на конкретную идею, постулаты которой выполняли функцию управления в формировании оценки и отношения широкой аудитории к «союзнику» и «врагу», а также в отождествлении собственной роли в жизни страны и деятельности правителя или руководителя, стремящихся защитить общественные и отстоять государственные интересы, направленные на достижение понимания их широкими массами. Наряду с идеями «содружества наций» в Великобритании и «священного единения» во Франции, идея «единства славян» в России служила не только мотивацией, но и отражала элементы объединения всех жителей страны (России) с народами, проживавшими в соседних государствах (например сербами). Исследователи отмечают в своих работах важную роль идеологии в объединении людей перед «внешней угрозой», но не обращают внимания на специфику содержания идеи «единства славян» в процессе формирования «образа врага» по отношению к правителю, государству и народу «страны-противника». В связи с этим автор ставит цель рассмотреть идею «единства славян» в российской пропаганде, чтобы выделить ее особенности. Поскольку люди одновременно живут и в символическом, и в реальном мире, где каждый человек реагирует на восприятие информации, а не на реальность, то автор стремится дать ответ на вопрос о роли данной идеи в мотивации населения на борьбу с «врагом». В результате исследования можно сделать вывод, что идея «единства славян» в российской пропаганде должна была мотивировать россиян на борьбу с «внешней агрессией» и выполняла функцию определителя «вражеского объекта», а также она обособляла все «славянское» от всего «немецкого» и даже «турецкого» во время вооруженного конфликта.

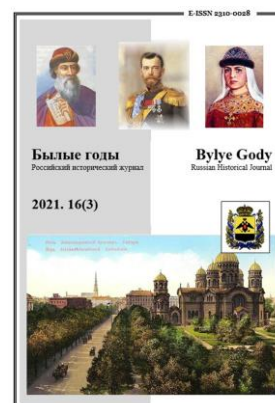
Ключевые слова: идея «единства славян», идеология в Российской империи, пропаганда, пропаганда «образа врага», пропаганда в Российской империи, пропаганда в период Первой мировой войны, Первая мировая война.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1542-1551
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1542
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



Employment of Refugees in Siberian Cities during the First World War

Ksenia A. Tishkina ^{a,*}

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

Based on a wide range of sources, the article examines the process of employment of refugees in the cities of Siberia during the First World War. The massive influx of forced migrants which included mostly women, children, and people who lost their ability to work (the elderly and the disabled) to the Siberian region began at the end of the summer of 1915. Refugee families preferred to settle in cities and on rare occasions moved to the countryside. The main source of income for forced migrants was benefits from the state. In the cities, there were Committees for Assistance to Refugees, as well as various public organizations that provided assistance to forced migrants, provided them with employment. One of the most demanded urban occupations were laborers and servants. Under the Committees for Assistance to Refugees, there were labor offices, whose employees were involved in looking for vacancies. Employment of refugees was hampered by difficulties associated with poor knowledge of the Russian language, difficult natural conditions, unwillingness to work for low wages, general psychological stress against the background of past events, etc. In the labor market, the main competitors for forced migrants were prisoners of war, whose work was valued much lower. Local departments of national public organizations took part in the employment of forced migrants. They organized special workshops (mainly shoemakers and sewing), in which they provided jobs to needy tribesmen. Despite a number of ongoing activities, the problem of employment of forced migrants in Siberian cities was not fully resolved.

Keywords: First World War, Siberian, refugees, job placement, social mobility.

1. Введение

В годы Первой мировой войны в Российской империи появилась новая незащищенная категория населения – беженцы. Формирование ее было связано с оккупацией вражескими войсками западных губерний государства, где был сосредоточен высокий процент населения. С самых первых дней войны начались процессы добровольной и принудительной эвакуации гражданского населения в тыловые зоны. Сложившаяся миграционная ситуация привела к ряду трудностей, в том числе связанных с профессиональной переориентацией и социальной адаптацией беженцев. В исследовании предпринята попытка более подробно рассмотреть проблему трудоустройства беженцев в городах Сибири, что позволит углубить представление о положении вынужденных мигрантов как жертв военно-политического катаклизма.

2. Материалы и методы

2.1. Для подготовки статьи был использован широкий круг источников как опубликованных, так и неопубликованных. К первым относятся законодательные акты и информационно-справочные издания, ко вторым – орудия, выявленные в Государственном архиве Томской области (Томск, Российская Федерация) и Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Помимо этого, были привлечены обширные сведения из периодической печати («Сибирская жизнь», «Алтайское дело», «Сибирь» и т.д.) времен Первой мировой войны.

* Corresponding author

E-mail addresses: ksetishkina@mail.ru (K.A. Tishkina)

Благодаря использованию выявленных материалов, удалось реконструировать процесс трудоустройства беженцев в городах Сибири.

2.2. Проводимое исследование основывается на теории ментальностей, позволяющей провести реконструкцию прошлого через повседневную жизнь людей и их взглядов на происходившие события.

Методологической основой исследования является синтез культурно-исторического, деятельностного и структурно-функционального подходов. Преимущества культурно-исторического подхода заключаются в возможности обобщить опыт общественной работы с беженцами, обнаружить его зависимость от исторической обстановки, влиявшей на выбор форм помощи и удовлетворения потребности трудовой деятельности вынужденных мигрантов. Деятельностный подход дает основания исследовать субъективные аспекты (мотивы, ценностные ориентации, социальные установки) и их реализацию в преобразовании положения беженцев. Структурно-функциональный подход позволяет рассматривать систему трудовых отношений в Сибири в годы Первой мировой войны.

При подготовке статьи применялись методы сравнительно-исторического и синхронного изучения. Сравнительно-исторический метод позволил выделить региональные особенности социальной поддержки, ее качественные преобразования; синхронный – рассмотреть ее одновременно с другими явлениями общественной жизни.

3. Обсуждение

Тема трудоустройства беженцев Первой мировой войны неразрывно связана с общими проблемами социальной адаптации вынужденных мигрантов в тыловых зонах Российской империи и нашла отражение в отечественных и зарубежных научных работах, посвященных как общим вопросам эвакуации беженцев в тыл (Gatrell, 1999; Жванко, 2012; Белова, 2014; Gatrell, 2017), так и непосредственно проблеме занятости данной категории населения (Суржикова, Михалев, 2019). Упоминания о трудоустройстве беженцев встречаются в исследовательских трудах, отражающих специфику размещения вынужденных мигрантов в российских губерниях (Соколова, Харитоновна, 2013; Целовальникова, 2013; Антонова, 2015; Гулин, 2015; Блиняев, Широков, 2018 и т.д.). Значительный вклад в исследование проблемы трудоустройства беженцев в Сибирском регионе был внесен А.С. Щетининой. Ей принадлежат ряд научных изысканий, в которых дается оценка профессиональному составу и учету занятости беженцев в Томской губернии (Щетинина, 2008; Щетинина, 2009). Социальное положение беженцев в Сибири и на Дальнем Востоке, а также вопросы их трудовой занятости подробно рассмотрены в работе В.М. Рынкова (Рынков, 2015). Проблема трудовой адаптации беженцев на примере Енисейской губернии представлена в коллективной статье красноярских исследователей (Dvoretzskaya et al., 2016). Авторами детально изучено устройство бюро труда при Красноярском комитете по оказанию помощи беженцам, целью которого являлся поиск работы для зарегистрированных вынужденных мигрантов. Соотношение использования труда военнопленных и беженцев в Западной Сибири представлено в статье И.А. Еремина (Еремин, 2018).

4. Результаты

С конца лета 1915 г. Сибирь начала массовый прием беженцев. По подсчетам А.Н. Курцева, в Азиатской части России осело около 115 тыс. беженцев, что составило 3 % от их общего числа (Курцев, 1999: 108). Основными регионами скопления беженцев стали губернии Западной Сибири. По сведениям за октябрь 1915 г., из 51 тыс. беженцев, зарегистрированных в Челябинске, только 4 тыс. проследовало далее Ново-Николаевска (Затруднения с беженцами, 1915: 2). Основную массу беженцев составили женщины, дети и нетрудоспособные лица (старики, инвалиды), стремившиеся остаться в городах. Согласно данным Барнаульского Комитета помощи беженцам, к 1 декабря 1915 г. в городе осталось 47 % беженцев от общего числа зарегистрированных осенью того же года (ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 11. Л. 8).

Врач отдела беженцев при Иркутском комитете Всероссийского союза городов (ИК ВСГ) В.А. Радус-Зенькович так представил прибывавших в Сибирь беженцев: «Литвины, поляки, белорусы, малороссы, евреи, латыши, русские, люди всех исповеданий и резко различных культурных уровней – все они переплелись, перепутались в этом людском стихийном потоке, который кто-то сорвал с мест и бросил, не приложив старания регулировать их. <...> – Все они предстали голодные, полуодетые, требуя и приюта, и одежды, и пищи, и массы всяких неотложных забот, требуя их часто, как дети, беспомощные, боязливые, пугаясь всего и всех...» (Радус-Зенькович, 1917: 5).

Прибывавшие в города вынужденные мигранты находились под опекой местных Комитетов помощи беженцам, деятельность которых регламентировало вышедшее в августе 1915 г. положение МВД «Об обеспечении нужд беженцев». В составе Комитетов трудились как представители городской администрации, так и члены местных общественных организаций.

Законодательная система Российской империи предусматривала поддержку малообеспеченных беженцев системой пособий. Данное право получили нетрудоспособные беженцы, к которым отнесли детей и подростков до 16 лет, женщин и мужчин старше 50 и 55 лет соответственно, беременных женщин, матерей с малолетними детьми (О помощи беженцам, 1916: 2), а также лиц

«трудоспособного возраста», которые по состоянию здоровья не могли приступить к работе и имели на это соответствующее медицинское заключение. Так, в Восточной Сибири 80 % беженцев были нетрудоспособными (Дагаев, 1916: 22); 41-50 % от общего числа всех нетрудоспособных беженцев составили дети до 14 лет (Kattsina et al., 2019: 1396). Беженцы нерусской национальности могли рассчитывать на дополнительные выплаты из средств национальных организаций.

Пособия лишались трудоспособные беженцы при условии устройства на работу и получения стабильной заработной платы. Прекращение выплат без уважительных причин следовало после отказа беженца от предлагаемой работы. Такими причинами считались: «... нежелание беженца расстаться с семьей, когда работа предлагается в отъезд, совершенное несоответствие предлагаемой работы профессиональной подготовке, отсутствие или существенный недостаток в одежде и обуви и т.п.» (О помощи беженцам, 1916: 2).

По подсчетам Л.М. Горюшкина, в среднем на выплаты беженцу в Сибири приходилось ежемесячно 4,5–4,6 руб. На одну семью общая сумма могла достигать до 20–21 руб. в месяц (Горюшкин, 1977: 96). С учетом роста цен данных средств было недостаточно для полного жизнеобеспечения.

Таблица 1. Динамика роста рыночных цен в Томске на продукты первой необходимости (1915–1916), в руб. за пуд

Наименование продукта	15 сентября 1915 г.	16 января 1916 г.
ржаная мука	0,9–1,1	1,2–1,5
крупя гречневая	2,3–2,8	2,8–3
сливочное масло	16,5	19
керосин	2,7	2,8
сахарная голова	7,8–8,2	продажа в ограниченном количестве

Составлено по: Движение рыночных цен, 1915: 3; Движение рыночных цен, 1916: 3

Поденная оплата труда в марте 1916 г. в Томске составляла: чернорабочий – от 1 руб. 20 коп. до 1 руб. 50 коп., плотник – от 1 руб. 60 коп. до 2 руб. 29 коп., кузнец – от 2 руб. до 2 руб. 50 коп., каменотес – от 1 руб. 80 коп. до 2 руб. 50 коп. и т.д. (Рабочий рынок, 1916: 3).

Основными востребованными профессиями в городах были прислуга и чернорабочие. Беженцы, часто имея разнообразные профессиональные навыки, запрашивали слишком высокие заработные платы или в скором времени бросали низкооплачиваемую работу. Основную конкуренцию вынужденным мигрантам составляли военнопленные, чей труд ценился дешевле. Так, на одном заводе в Новониколаевске чернорабочий из числа военнопленных получал 90 коп. в день (М-ий, 1916: 2). Большая востребованность в рабочей силе была в сельской местности, но многие беженцы не желали покидать города из-за дальности расстояния до места работы. Корреспондент «Омского телеграфа» отмечал: «...50-60 верст, считающиеся у нас сравнительно небольшим расстоянием, для беженцев кажется огромным ...» (В комитете помощи, 1915: 3).

Среди горожан и потенциальных работодателей постепенно формировалось мнение о вынужденных мигрантах как о тунеядцах и иждивенцах. Представители сибирской общественности на страницах различных изданий пытались обелить образ беженца, объясняя временное нежелание работать психологическим потрясением, вызванным войной, потерей родного дома, имущества, родных и т.д. (Дагаев, 1916: 22; И.Г., 1916: 2; Радус-Зенькович, 1917: 61-62 и т.д.).

Некоторые беженцы предпочитали жить на пособия и средства, выделяемые местными Комитетами помощи беженцам и благотворительными организациями, занимались попрошайничеством. В городах отмечались случаи, когда и местные жители с целью сбора милостыни выдавали себя за беженцев. Комитеты помощи беженцам пытались бороться со сложившейся проблемой и пресекать подобные случаи мошенничества, выявляя нуждавшихся беженцев. Для мотивации вынужденных мигрантов к трудоустройству сотрудники Комитета помощи беженцам в Омске приняли решение проводить беседы, а также развешивать в распределительных пунктах плакаты «...На разных наречиях, в которых ... разъяснить беженцам, что нужда в помощи им весьма велика, а средства комитета крайне ограничены» (В Комитете помощи беженцам, 1915: 2).

Основной формой содействия в трудоустройстве являлось открытие при местных городских Комитетах помощи беженцам и общественных организациях так называемых «Бюро труда», сотрудники которых осуществляли регистрацию лиц, желавших получить работу по профессии. Так, в Томске основной контингент составляли чернорабочие, были зарегистрированы кожевники, корзинщики, печники, слесари, почтальоны и т.д. При устройстве на работу у специалиста временно изымали «Билет беженца». В нем сотрудники бюро ставили отметку о занятости, а затем возвращали владельцу.

В бюро труда при ИК ВСГ зимой 1915–1916 гг. мужчинам предлагали места чернорабочих, дроворубов, приказчиков, столяров, плотников и т.д. По данным за декабрь 1915 г., из 84 зарегистрированных беженцев работу получили 49 чел. Самыми востребованными профессиями для женщин были прислуга, белошвейка, продавщица, поденщица и учительница. Из 20 беженцев в декабре 1915 г. работу получили 18. В январе 1916 г. заметно выросло число беженцев, пожелавших найти работу. Так, из 613 зарегистрированных в бюро труда мужчин 249 были из числа вынужденных мигрантов. Осуществлялся поиск работы для 422 женщин, из них 89 – беженцев ([Спрос и предложение, 1916: 1](#)).

В Новониколаевске из зарегистрированных в октябре 1915 г. 913 трудоспособных человек 300 были чернорабочими, 112 – прислугой, 15 – плотниками, 9 – портными и т.д. ([ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 6. Л. 29](#)). Бюро труда при местном Комитете помощи беженцам начало свою работу 19 декабря 1915 г. За несколько недель существования организации удалось трудоустроить лишь 8 беженцев. На жалование в 30 руб. в месяц было устроено 3 чел., на 12 руб. – 1 чел., на 10 руб. – 3 чел., на 4 руб. – 1 чел. ([В бюро труда, 1916: 3](#)). За период с конца января до середины февраля 1916 г. был трудоустроен 21 чел. при заработных платах от 5 до 85 руб. в месяц. Кроме этого, 32 беженца выразили неудовлетворение предложенными местами работы, а число обратившихся, но не получивших работу составляло 97 чел. ([В бюро, 1916: 4](#)).

Сотрудники Комитета помощи беженцам в Красноярске на каждого трудоспособного вынужденного мигранта составляли специальную карточку, в которую вносили следующие данные: фамилия, имя, отчество, возраст, семейное положение, знание русского языка, профессия и т.д. В случае поступления беженца на службу в карточке ставилась соответствующая пометка, а также указывался размер заработной платы. Сотрудники Комитета занимались организацией артелей и мастерских. Первоначально было решено открыть дроворубную артель. Однако мужчины-беженцы не смогли трудиться в таежных условиях. Устройство швейной мастерской также оказалось малоуспешным мероприятием. Девушки-работницы переходили в частные организации. Более успешной оказалась работа сапожной мастерской. В конце 1915 г. в ней работало 6 мастеров, закройщик и два ученика. В среднем рабочие мастерской зарабатывали от 1 руб. 46 коп. до 1 руб. 83 коп. в день ([Сальстрем, 1916: 20](#)).

Некоторые беженцы самостоятельно пытались найти работу. Так, например, в иркутской газете «Сибирь» за 21 октября 1915 г. было помещено объявление супругов-беженцев, знавших иностранные языки и желавших поступить на службу в гостиницу. В выпуске газеты «Омский телеграф» от 17 января 1916 г. художник-беженец предлагал свои услуги в качестве преподавателя рисования и живописи. В приложении к томской газете «Сибирская жизнь» за 24 января 1916 г. молодой беженец Алекс Ренард искал место репетитора по латинскому, немецкому и французскому языкам с заработной платой от 6 руб. в месяц. Объявления подавались и сотрудниками организаций, представлявших интересы беженцев. Так, например, в сентябре 1915 г. члены Тобольского отдела Сибирского общества для подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны разместили в местной газете «Сибирский листок» объявление о поиске работы для квалифицированной портнихи Елены Лукашевич, которая до вынужденной миграции владела в Волковском мастерской по пошиву женской одежды ([Тобольский отдел Сибирского общества, 1915: 1](#)).

После мобилизаций военнообязанных лиц в 1914–1915 г. на железной дороге оказалось большое количество вакантных мест. В связи с этим весной 1916 г. вышел циркуляр министра путей сообщения А.Ф. Трепова принимать на ряд должностей женщин ([Сердюк, 2016: 193](#)). В депо при станции Новониколаевск женщинам предлагалась работа чистильщиц паровозов и тендеров, разнорабочих. Ежемесячная заработная плата составляла до 30 руб. Женщин приглашали работать кочегарами на паровозах и истопниками в пассажирских поездах. Летом 1916 г. группа беженцев обратилась к начальнику железнодорожной станции Новониколаевска с просьбой о приеме на работу по очистке железнодорожных путей от сорной травы и мусора. Однако им было отказано. В письменном ответе на обращение пояснялось «...Предпочтительнее в ремонт принимаются городские жители не-беженцы, т.к. беженцам выдается пособие». Как отмечали сотрудники Комитета помощи беженцам в Новониколаевске, данная причина являлась главной для отказа в трудоустройстве вынужденных мигрантов. В связи с этим они приняли решение выдавать специальные удостоверения, «...что предьявитель (такой-то), как трудоспособный беженец (беженка), не получает беженского пайка и крайне нуждается в работе» ([Удостоверение трудоспособности беженцам, 1916: 3](#)). Впоследствии проблема трудоустройства беженцев была разрешена в их пользу.

В Томске сотрудники местного отдела Сибирского общества для подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны 1 ноября 1915 г. открыли «Дом раненых» с общежитием и мастерскими. На обучение в сапожную и столярную мастерские были зачислены подростки из беженцев. В марте 1916 г. в сапожной мастерской обучалось 9 мальчиков с оплатой труда 5–6 руб. ([И.Ч., 1916: 3](#)).

Большой проблемой являлось трудоустройство женщин. Их доля составляла высокий процент от общего числа вынужденных мигрантов. Так, в декабре 1915 г. из 4 866 беженцев, размещенных в Томске, 1 612 были женщинами трудоспособного возраста. Сотрудники местного отдела Комитета ее

императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий (Татьянинский комитет) решили в первую очередь оказывать содействие в трудоустройстве женщин. Для этого была открыта мастерская по пошиву белья и одежды для беженцев. С целью получения дополнительного заработка принимали и другие заказы. Так, в августе 1916 г. мастерская приглашала беженок на работу по пошиву ватных курток и шаровар для солдат. Ежедневно в мастерской трудилось до 20 женщин, часть из них работала за швейными машинками (Комитет, 1916: 421).

Среди беженок было много умевших ткать полотно. Желая обеспечить их работой, сотрудники Томского отдела Татьянинского комитета закупили ткацкие станки и организовали специальную мастерскую, при которой действовали курсы по обучению всех желающих. Для выделки пряжи были закуплены и розданы беженкам 200 прялок. Такая работа не требовала посещения мастерской и давала возможность привлекать как пожилых женщин, так и девочек. Сотрудники отдела развозили на дом женщинам лен, а затем забирали готовую пряжу (Комитет, 1916: 421).

Швейная мастерская была открыта и Комитетом помощи беженцам в Новониколаевске. В ней работало 11 беженок-портних. В мастерской выполняли различные заказы местных больниц и военного ведомства. Кроме этого, предлагали услуги по вышивке гладью, изготовлению нашивок и т.д. В зависимости от квалификации заработная плата портних составляла от 1 руб. 15 коп. до 3 руб. в день (В швейной мастерской, 1916: 3). В марте 1915 г. для размещения мастерской было нанято новое помещение, в котором располагалось также и бюро труда. Мастерская стала принимать заказы на изготовление мужского и женского белья, юбок, блузок, детской одежды.

В феврале 1916 г. на заседании хозяйственной комиссии Комитета помощи беженцам в Новониколаевске обсуждался вопрос о трудоустройстве 350 чел. Их предлагалось привлечь к огородничеству. Для этой цели планировалось арендовать у города земельный участок и обеспечить беженцев орудиями труда. Всю полученную прибыль от продажи выращенных овощей рекомендовалось разделять между работниками пропорционально их занятости на участке. Как вариант предусматривалось предоставление семейным беженцам земельных наделов (Огороды для беженцев, 1916: 4). Идея обеспечения беженцев такой работой была одобрена членами Комитета, однако требовались значительные финансовые вложения на закупку семян, лошадей, орудий труда. Сотрудники Комитета рассчитывали на привлечение денежных средств от местных общественных организаций и частные пожертвования.

Содействие в трудоустройстве беженцев оказывали национальные общественные организации. В Томске в первой половине 1916 г. из 1 326 поляков трудоспособными были 335 чел., из 337 литовцев – 120 чел., из 384 латышей – 129 чел., из 546 евреев – 80 чел. (Дагаев, 1916: 27). С трудоустройством беженцев с западных национальных окраин Российской империи возникали особые трудности. Некоторые из прибывших в Сибирь не знали русского языка. Определенные сложности появлялись при трудоустройстве беженцев-евреев, так как их передвижение было ограничено и они не могли работать по субботам.

Основное внимание к себе требовали молодые беженцы-евреи, которые не владели никакими профессиональными навыками и, следовательно, не могли подыскать себе подходящие занятия. В этой связи летом 1916 г. сотрудники Томского отдела Общества для распространения просвещения между евреями в России обратились к томскому губернатору с ходатайством об открытии двухгодичных курсов для взрослых лиц от 17 и выше лет по обучению русскому языку (РГИА. Ф. 1546. Оп. 1. Д. 89. Л. 12). Обучение русской грамоте беженок-евреек проходило на вечерних курсах при белошвейной мастерской местного отделения Татьянинского комитета.

Ремесленники составляли около 10 % из всех находившихся в Томске беженцев-евреев. Сотрудники местного отдела Еврейского комитета помощи беженцам (ЕКОПО) организовали мастерскую по обучению евреев, преимущественно подростков, различным ремеслам. Был создан кооператив для открытия сапожной мастерской. В члены кооператива приглашали всех желающих беженцев вне зависимости от их религиозной и национальной принадлежности. Сапожники жили в общегитии при мастерской, их содержание оплачивалось из прибыли, получаемой от заказов интендантства и частных лиц. Кроме этого, была организована кузнечная мастерская, где изготавливали топоры для армии. Томский предприниматель и член местного отдела ЕКОПО И.Л. Фуксман принял часть вынужденных мигрантов-евреев на работу на свою мельницу.

В конце декабря 1916 г. в Томске было открыто отделение Общества ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России. К осени 1917 г. отдел планировал расширить в помещении еврейского училища ремесленную школу со слесарным, столярным и кузнечным отделениями на 60 учащихся. Предполагалось, что в школу будут принимать мальчиков из бедных еврейских семей для обучения их профессии.

Практика создания различных мастерских широко применялась и сотрудниками отделов других национальных организаций. Так, Томский отдел Латышского комитета помощи беженцам открыл трикотажную фабрику на 70 работников. Томский отдел Центрального общевыборного комитета губерний Царства Польского планировал учредить столярную, сапожную и швейную мастерские (ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 97. Л. 66).

Устройство различного рода мастерских требовало значительных финансовых вложений, необходимых для оплаты аренды помещений, труда инструкторов, приобретения оборудования. Так, члены Каинского отдела Польского общества помощи жертвам войны для открытия столярной и чемоданной мастерской составили смету в 970 руб. (ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 97. Л. 134об.). Член Еврейского комитета при Омском отделе Согор госпожа Левин занималась открытием швейной мастерской. На ее оборудование организацией было выделено 100 руб., швейные машинки были взяты госпожой Левин в аренду. Учреждение, в котором трудились 33 мастерицы, показало себя как образцовое. Впоследствии оказание финансовой поддержки мастерской взяло на себя Общество ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России. На приобретение оборудования и материалов одновременно было выделено 3 500 руб., затем ежемесячно осуществлялись выплаты по 200 руб.

5. Заключение

В годы Первой мировой войны явление беженства впервые в истории человечества достигло масштабного характера. Для тысяч мирных жителей, вынужденных покинуть свои дома, произошла смена социального статуса. Рост беженцев остро поставил вопрос проведения социально-экономической адаптации в условиях нового места жительства вынужденных мигрантов. Основным спрос на рабочую силу был в сельской местности, т.к. в связи с мобилизациями военнообязанных лиц в волостях не хватало работников. Однако беженцы, направляемые в Сибирь, предпочитали проживать в городах, т.к. многих пугали большие расстояния от крупных населенных пунктов и тяжелые природные условия для работы. Решение вопросов по трудоустройству вынужденных мигрантов в городах во многом возлагалось на местные комитеты помощи беженцам и общественные организации, сотрудники которых занимались не только поиском работы, но и созданием рабочих мест. Общая динамика занятости беженцев в сибирских городах была практически одинаковой. В целом проблема трудоустройства беженцев не разрешилась полностью и усугублялась рядом факторов: нежеланием беженцев выполнять низкооплачиваемую работу, отсутствием свободных вакансий, конкуренцией за рабочие места с военнопленными, общим психологическим стрессом на фоне пережитых событий и т.д.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60009.

Литература

- Антонова, 2015 – Антонова Ю.В. Организация помощи беженцам в Тульской губернии в годы Первой мировой войны // *Тульский краеведческий альманах*. 2015. Вып. 12. С. 62-67.
- Белова, 2013 – Белова И.Б. Беженцы Первой мировой войны из западных районов Российской империи: обеспечение жизнедеятельности в местах временного проживания // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2013. № 12. С. 51-62.
- Белова, 2014 – Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М.: АИРО–XXI, 2014. 432 с.
- Блиняев, Широков, 2018 – Блиняев С.Н., Широков О.Н. Беженцы в годы Первой мировой войны: (по документам Казанской и Симбирской губерний) // *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2018. № 4 (48). С. 42-58.
- В бюро труда, 1916 – В бюро труда // *Алтайское дело*. 1916. 9 января.
- В бюро, 1916 – В бюро труда // *Алтайское дело*. 1916. 14 февраля.
- В комитете помощи беженцам, 1915 – В комитете помощи беженцам // *Омский телеграф*. 1915. 27 октября.
- В комитете помощи, 1915 – В комитете помощи беженцам // *Омский телеграф*. 1915. 21 октября.
- В швейной мастерской, 1916 – В швейной мастерской // *Алтайский день*. 1916. 26 января.
- ГАТО – Государственный архив Томской области.
- Горюшкин, 1977 – Горюшкин Л.М. Беженцы в Сибири в годы Первой мировой войны / *Бахрушинские чтения 1977 г.: Сб. науч. трудов*. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1977. С. 93-102.
- Гулин, 2015 – Гулин А.О. Беженцы на территории Владимирской, Костромской и Ярославской губерний в годы Первой мировой войны // *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова*. 2015. № 5. С. 24-28.
- Дагаев, 1916 – Дагаев Ин. Беженцы в Сибири // *Трудовая помощь*. 1916. № 6. С. 11-53.
- Движение рыночных цен, 1915 – Движение рыночных цен // *Сибирская жизнь*. 1915. 19 сентября.
- Движение рыночных цен, 1916 – Движение рыночных цен // *Сибирская жизнь*. 1916. 21 января.
- Еремин, 2018 – Еремин И.А. Проблемы трудоустройства беженцев в Западной Сибири в годы Первой мировой войны // *Известия АлтГУ. Исторические науки и археология*. 2018. № 5 (103). С. 40-43.

- Жванко, 2012** – *Жванко Л.М.* Біженці Першої світової війни: український вимір (1914–1918 рр.). Харків: Віровець А.П. «Апостроф», 2012. 568 с.
- Затруднення с беженцами, 1915** – Затруднения с беженцами // *Сибирь*. 1915. 27 октября.
- И.Ч., 1916** – *И.Ч.* В томском отделе Сибирского общества // *Сибирская жизнь*. 1916. 9 марта.
- Комитет, 1916** – Комитет Ея Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий. 14 сентября 1914 г. – января 1916 г. Том I. Петроград: Государственная типография, 1916. 509 с.
- Курцев, 1999** – *Курцев А.Н.* Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // *Вопросы истории*. 1999. № 8. С. 98–113.
- Манчунова, 2017** – *Манчунова С.Ч.* Социальная помощь и поддержка беженцев в Забайкалье в годы Первой мировой войны / *Сибирь в годы Великой российской революции (к 100-летию революционных событий в России и периоду Гражданской войны и иностранной интервенции): Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием*. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2017. С. 23–28.
- М-ий, 1916** – *М-ий К.* Новониколаевск (безработица среди беженцев) // *Сибирская жизнь*. 1916. 14 января.
- О помощи беженцам, 1916** – О помощи беженцам // *Сибирская жизнь*. 1916. 5 февраля.
- Огороды для беженцев, 1916** – Огороды для беженцев // *Алтайское дело*. 1916. 13 февраля.
- Рабочий рынок, 1916** – Рабочий рынок // *Сибирская жизнь*. 1916. 20 марта.
- Радус-Зенькович, 1917** – *Радус-Зенькович В.А.* Отчет о работе врачебно-санитарной организации, обслуживавшей беженцев в г. Иркутске за время с октября 1915 г. по декабрь 1916 г. // *Врачебно-санитарная хроника г. Иркутска*. 1917. № 1–4. С. 3–62.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Рынков, 2015** – *Рынков В.М.* Беженцы и принимающий социум: к характеристике социальной мобильности в годы Первой мировой войны // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2015. Т. 22. № 3. С. 70–75.
- Сальстрем, 1916** – *Сальстрем А.* Отчет деятельности Справочно-трудоустройственной секции Красноярского комитета по оказанию помощи беженцам за 1915 год // *Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны беженцам и выселенцам и промышленности по снаряжению армии*. 1916. № 7–4. С. 13–23.
- Сердюк, 2016** – *Сердюк В.А.* Труд женщин на железных дорогах Сибири в период Первой мировой войны // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016. № 5 (67). С. 190–193.
- Соколова, Харитонова, 2013** – *Соколова В.И., Харитонова С.Б.* Размещение и трудоустройство эвакуированных и беженцев в Симбирской губернии в годы Первой мировой войны // *Вестник Чувашского университета*. 2013. № 2. С. 53–61.
- Спрос и предложение, 1916** – Спрос и предложение труда в минувшем декабре // *Сибирь*. 1916. 7 января.
- Суржикова, Михалев, 2019** – *Суржикова Н.В., Михалев Н.А.* Между свободой и принуждением: организация труда беженцев в России 1914–1917 гг. // *Исторические вызовы и экономическое развитие России: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Екатеринбург, 25–26 сентября 2019 г.* Екатеринбург: ООО Универсальная типография «АльфаПринт», 2019. С. 298–303.
- Тобольский отдел Сибирского общества, 1915** – Тобольский отдел Сибирского общества // *Сибирский листок*. 1915. 7 сентября.
- Удостоверение трудоспособности беженцам, 1916** – Удостоверение трудоспособности беженцам // *Алтайское дело*. 1916. 19 июля.
- Целовальникова, 2013** – *Целовальникова И.И.* Использование труда военнопленных и беженцев в промышленном и сельскохозяйственном производстве Симбирской губернии в годы первой мировой войны // *Общество на рубеже эпох: современность через призму социальных и гуманитарных наук: Материалы заочной Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. студ., асп., молодых ученых, педагогов и преподавателей (25–30 декабря 2012 г.): В 4 ч.* / Науч. ред. К.В. Патырбаева, Е.Ю. Мазур. Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2013. Ч. 1. С.160–168.
- Щетинина, 2008** – *Щетинина А.С.* Профессиональный состав беженцев Первой мировой войны в Томской губернии // *Историческое профессиональное образование: источники, методы, технологии анализа*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 226–245.
- Щетинина, 2009** – *Щетинина А.С.* Учет занятости и трудоустройства беженцев Первой мировой войны в Томской губернии // *Актуальные вопросы истории Сибири: Седьмые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: Сборник материалов научной конференции*. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2009. С. 56–58.
- Gatrell, 1999** – *Gatrell P.* A whole empire walking: refugees in Russia during World War. Bloomington. Indiana univ. press, 1999. XVI, 317 p.

- Gatrell, 2017 – Gatrell P. Refugee history and refugees in Russia during and after the First World War // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2017. Vol. 62. №3. p. 497–521.
- Dvoretskaya et al., 2016 – Dvoretskaya A.P., Zhulaeva A.S., Luschaeva G.M. Refugees in the Rear Area of the World War I (on Example of Enisey's State) // *Bylye Gody*. 2016. 42(4): 1360-1367.
- Kattsina et al., 2019 – Kattsina T.A., Pashina N.V., Mezit L.E., Potapova E.V. The Historical Experience of Educational Practices for Children of Refugees of the First World War (on the Example of the Yenisei Province of the Russian Empire) // *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 1394-1402.

References

- Antonova, 2015 – Antonova, Yu.V. (2015). Organizaciya pomoshchi bezhencam v Tul'skoj gubernii v gody Pervoj mirovoj vojny [Organization of assistance to refugees in the Tula province during the First World War]. *Tul'skij kraevedcheskij al'manah*. 12: 62-67. [in Russian]
- Belova, 2013 – Belova, I.B. (2013). Bezhency Pervoj mirovoj vojny iz zapadnyh rajonov Rossijskoj imperii: obespechenie zhiznedeyatel'nosti v mestah vremennogo prozhivaniya [World War I refugees from the Western Regions of the Russian Empire: Life support in places of temporary residence]. *Vestnik baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. 12: 51-62. [in Russian]
- Belova, 2014 – Belova, I.B. (2014). Vynuzhdenny emigranty: bezhency i voennoplennye Pervoj mirovoj vojny v Rossii. 1914-1925 gg. [Forced migrants: refugees and prisoners of war of the First World War in Russia. 1914–1925.]. M.: AIRO–XXI. 432 p. [in Russian]
- Blinyaev, Shirokov, 2018 – Blinyaev, S.N., Shirokov, O.N. (2018). Bezhency v gody Pervoj mirovoj vojny: (po dokumentam Kazanskoj i Simbirskoj gubernij) [Refugees in the first World War years (based on documents of the Kazan and Simbirsk governorates)]. *Vestnik NII gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*. 4(48): 42-58. [in Russian]
- Celoval'nikova, 2013 – Celoval'nikova, I.I. (2013). Ispol'zovanie truda voennoplennyh i bezhencev v promyshlennom i sel'skohozyajstvennom proizvodstve Simbirskoj gubernii v gody Pervoj mirovoj vojny [The use of the labor of prisoners of war and refugees in the industrial and agricultural production of the Simbirsk province during the First World War]. *Obshchestvo na rubezhe epoh: sovremennost' cherez prizmu social'nyh i gumanitarnyh nauk: materialy zaochnoj vseros. s mezhdunar. uchastiem nauch.-prakt. konf. stud., asp., molodyhuchenyh, pedagogov i prepodavatelej (25–30 dekabrya 2012 g.): v 4 ch.* Ch. 1. Perm: Perm. gos. nac. issl. un-t, pp. 160-168. [in Russian]
- Dagaev, 1916 – Dagaev, In. (1916). Bezhency v Sibiri [Refugees in Siberia]. *Trudovaya pomoshch'*. 6: 11-53. [in Russian]
- Dvizhenie rynochnyh cen, 1915 – Dvizhenie rynochnyh cen [Market price movements]. *Sibirskaya zhizn'*. 1915. 19 sentyabrya. [in Russian]
- Dvizhenie rynochnyh cen, 1916 – Dvizhenie rynochnyh cen [Market price movements]. *Sibirskaya zhizn'*. 1916. 21 yanvarya. [in Russian]
- Dvoretskaya et al., 2016 – Dvoretskaya, A.P., Zhulaeva, A.S., Luschaeva, G.M. (2016). Refugees in the Rear Area of the World War I (on Example of Enisey's State). *Bylye Gody*. 42(4): 1360-1367.
- Eryomin, 2018 – Eryomin, I.A. (2018). Problemy trudoustrojstva bezhencev v Zapadnoj Sibiri v gody Pervoj mirovoj vojny [The problems of employment for refugees in West Siberia during World War I]. *Izvestiya AltGU. Istoricheskie nauki i arheologiya*. 5(103): 40-43. [in Russian]
- GATO – Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti [State archive of Tomsk Region].
- Gatrell, 1999 – Gatrell, P. (1999). A whole empire walking: refugees in Russia during World War. Bloomington Bloomington. Indiana univ. press. XVI, 317 p.
- Gatrell, 2017 – Gatrell, P. (2017). Refugee history and refugees in Russia during and after the First World War. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 62(3): 497-521.
- Goryushkin, 1977 – Goryushkin, L.M. (1977). Bezhency v Sibiri v gody Pervoj mirovoj vojny [Refugees in Siberia during the First World War]. *Bahrushinskie chteniya 1977 g.: sb. nauch. trudov*. Novosibirsk, pp. 93-102. [in Russian]
- Gulin, 2015 – Gulin, A.O. (2015). Bezhency na territorii Vladimirskoj, Kostromskoj i Yaroslavskoj gubernij v gody Pervoj mirovoj vojny [Refugees on the territory of Vladimir, Kostroma and Yaroslavl provinces during World War I]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*. 5: 24-28. [in Russian]
- I.Ch., 1916 – I.Ch. (1916). V tomskom otdele Sibirskogo obshchestva [In the Tomsk department of the Siberian Society]. *Sibirskaya zhizn'*. 9 marta. [in Russian]
- Kattsina et al., 2019 – Kattsina, T.A., Pashina, N.V., Mezit, L.E., Potapova, E.V. (2019) The Historical Experience of Educational Practices for Children of Refugees of the First World War (on the Example of the Yenisei Province of the Russian Empire). *Bylye Gody*. 53(3): 1394-1402.
- Komitet, 1916 – Komitet Eya Imperatorskogo Vysochestva Velikoj Knyazhny Tat'yany Nikolaevny po okazaniyu vremennoj pomoshchi postradavshim ot voennyh dejstvij. 14 sentyabrya 1914 g. – yanvarya 1916 g. [The Committee of Her Imperial Highness Grand Duchess Tatiana Nikolaevna for the provision of temporary assistance to victims of military operations. September 14, 1914-January 1916]. Tom I. Petrograd. [in Russian]

- Kurcev, 1999** – Kurcev, A.N. (1999). Bezhency Pervoj mirovoj vojny v Rossii (1914–1917) [World War I Refugees in Russia (1914–1917)]. *Voprosy istorii*. 8: 98–113. [in Russian]
- Manchurova, 2017** – Manchurova, S.Ch. (2017). Social'naya pomoshch' i podderzhka bezhencev v Zabajkal'e v gody Pervoj mirovoj vojny [Social assistance and support to the refugees in Zabaikalie during The First World]. *Sibir' v gody Velikoj rossijskoj revolyucii (k 100-letiyu revolyucionnyh sobytij v Rossii i periodu Grazhdanskoj vojny i inostrannoj intervencii): materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. smezhdunar. uchastiem*. Ulan-Ude: Izd-vo VSGUTU, pp. 23–28. [in Russian]
- M-ij, 1916** – M-ij, K. (2016). Novonikolaevsk (bezrobotica sredi bezhencev) [Novonikolaevsk (unemployment among refugees)]. *Sibirskaya zhizn'*. 14 yanvarya. [in Russian]
- O pomoshchi bezhencam, 1916** – O pomoshchi bezhencam [About helping refugees]. *Sibirskaya zhizn'*. 1916. 5 fevralya. [in Russian]
- Ogorody dlya bezhencev, 1916** – Ogorody dlya bezhencev [Vegetable gardens for refugees]. *Altajskoe delo*. 1916. 13 fevralya. [in Russian]
- Rabochij rynek, 1916** – Rabochij rynek [Working market]. *Sibirskaya zhizn'*. 1916. 20 marta. [in Russian]
- Radus-Zen'kovich, 1917** – Radus-Zen'kovich, V.A. (1917). Otchet o rabote vrachebno-sanitarnoj organizacii, obsluzhivavshej bezhencev v g. Irkutske za vremya s oktyabrya 1915 g. podekabr' 1916 g. [Report on the work of the medical and sanitary organization that served the refugees in Irkutsk during the period from October 1915 to December 1916.]. *Vrachebno-sanitarnaya hronika g. Irkutska*. 1-4: 3–62. [in Russian]
- RGIA** – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheski jarhiv [Russian state historical archive].
- Rynkov, 2015** – Rynkov, V.M. (2015) Bezhency i prinimayushchij socium: k karakteristike social'noj mobil'nosti v gody Pervoj mirovoj vojny [Refugees and accepting societies: on the characteristics of social mobility during the World War I]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. T. 22. 3: 70–75. [in Russian]
- Sal'strem, 1916** – Sal'strem, A. (1916). Otchet deyatel'nosti Spravochno-trudovoj sekcii Krasnoyarskogo komiteta po okazaniyu pomoshhi bezhencam za 1915 god [Report on the activities of the Reference and Labor Section of the Krasnoyarsk Committee for Assistance to Refugees for 1915]. *Vestnik Prieniseiskogo kraya pomoshchi bol'nym i ranenym vojniam, postradavshim ot voiny bezhentsam i vyselentsam i promyshlennosti po snaryazheniyu armii*. 7-4: 13–23. [in Russian]
- Serdyuk, 2016** – Serdyuk, V.A. (2016). Trud zhenshchin na zheleznyh dorogah Sibiri v period Pervoj mirovoj vojny [Women's labour at the railroads of Siberia in the First World War period]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 5(67): 190–193. [in Russian]
- Shchetinina, 2008** – Shchetinina, A.S. (2008). Professional'nyj sostav bezhencev Pervoj mirovoj vojny v Tomskoj gubernii [Professional composition of World War I refugees in Tomsk Province]. *Istoricheskoe professiovedenie: istochniki, metody, tekhnologii analiza*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, pp. 226–245. [in Russian]
- Shchetinina, 2009** – Shchetinina, A.S. (2009). Uchet zanyatosti i trudoustrojstva bezhencev Pervojmirovoj vojny v Tomskoj gubernii [Accounting of employment and employment of refugees of the First World War in the Tomsk province]. *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri: Sed'mye nauchnye chteniya pamyati professora A.P. Borodavkina: sbornik materialov nauchnoj konferencii*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, pp. 56–58. [in Russian]
- Sokolova, Haritonova, 2013** – Sokolova, V.I., Haritonova, S.B. (2013). Razmeshchenie i trudoustrojstvo evakuirovannyh bezhencev v Simbirskoj gubernii v gody Pervoj mirovoj vojny [Placing and employment of evacuees and refugees in Simbirsk province in years of the First World War]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2: 53–61. [in Russian]
- Spros i predlozhenie, 1916** – Spros i predlozhenie truda v minuvshem dekabre [Labor supply and demand last December]. *Sibir'*. 1916. 7 yanvarya. [in Russian]
- Surzhikova, Mihalev, 2019** – Surzhikova, N.V., Mihalev, N.A. (2019). Mezhdru svobodoy i prinuzhdeniem: organizaciya truda bezhencev v Rossii 1914–1917 gg. [Between freedom and compulsion: organization of refugee labor in Russia, 1914–1917]. *Istoricheskie vyzovy i ekonomicheskoe razvitie Rossii: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Ekaterinburg, 25–26 sentyabrya 2019 g.* Ekaterinburg: OOO Universal'naya tipografiya «Al'faPrint», pp. 298–303. [in Russian]
- Tobol'skij otdel Sibirskogo obshchestva, 1915** – Tobol'skij otdel Sibirskogo obshchestva [Tobolsk Department of the Siberian Society]. *Sibirskij listok*. 1915. 7 sentyabrya. [in Russian]
- Udostoverenie trudosposobnosti bezhencam, 1916** – Udostoverenie trudosposobnosti bezhencam [Certificate of working capacity for refugees]. *Altajskoe delo*. 1916. 19 iyulya. [in Russian]
- V byuro truda, 1916** – V byuro truda [At the Labor Office]. *Altajskoe delo*. 1916. 9 yanvarya. [in Russian]
- V byuro, 1916** – V byuro truda [At the Labor Office]. *Altajskoe delo*. 1916. 14 fevralya. [in Russian]
- V komitete pomoshchi bezhencam, 1915** – V komitete pomoshchi bezhencam [At the Refugee Assistance Committee]. *Omskij telegraf*. 1915. 27 oktyabrya. [in Russian]

V komitete pomoshchi, 1915 – V komitete pomoshchi bezhencam [At the Refugee Assistance Committee]. *Omskij telegraf*. 1915. 21 oktyabrya. [in Russian]

V shvejnoj masterskoj, 1916 – V shvejnoj masterskoj [In a sewing workshop]. *Altajskij den'*. 1916. 26 yanvarya. [in Russian]

Zatrudneniya s bezhencami, 1915 – Zatrudneniya s bezhencami [Difficulties with refugees]. *Sibir'*. 27 oktyabrya. [in Russian]

Zhvanko, 2012 – Zhvanko, L.M. (2012). Bizhenci Pershoi svitovoï vijni: ukraïns'kij vimir (1914–1918 rr.) [Refugees of the World War I: Ukrainian Dimension (1914–1918s)]. Harkiv: Virovec' A.P. «Apostrof». 568 p. [in Ukrainian]

Трудоустройство беженцев в городах Сибири в годы Первой мировой войны

Ксения Алексеевна Тишкина^{a,*}

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. На основе широкого круга источников в статье рассматривается процесс трудоустройства беженцев в городах Сибири в условиях Первой мировой войны. Массовый приток вынужденных мигрантов в Сибирский регион начался с конца лета 1915 г. Основной контингент составляли женщины, дети и люди, утратившие трудоспособность (старики и инвалиды). Семьи беженцев предпочитали оседать в городах и в редких случаях перебирались в сельскую местность. Основным источником дохода для вынужденных мигрантов являлось пособие от государства. В городах действовали Комитеты помощи беженцам, а также различные общественные организации, которые оказывали содействие вынужденным мигрантам, в том числе в их трудоустройстве. Одними из востребованных городских профессий являлись чернорабочие и прислуга. При Комитетах помощи беженцам действовали бюро труда, сотрудники которых занимались выявлением свободных вакансий. Устройству беженцев на работу препятствовали трудности, связанные со слабым знанием русского языка, тяжелыми природными условиями, нежеланием работать за низкую заработную плату, общим психологическим стрессом на фоне пережитых событий и т.д. На рынке труда главными конкурентами вынужденным мигрантам были военнопленные, чей труд оценивался гораздо ниже. Большое участие в трудоустройстве вынужденных мигрантов принимали местные отделы национальных общественных организаций. Они организовывали специальные мастерские (преимущественно сапожные и швейные), в которых предоставляли рабочие места нуждавшимся единоплеменникам. Несмотря на ряд проводимых мероприятий, проблема трудоустройства вынужденных мигрантов в сибирских городах не была решена полностью.

Ключевые слова: Первая мировая война, Сибирь, беженцы, трудоустройство, социальная мобильность.

* Корреспондирующий автор

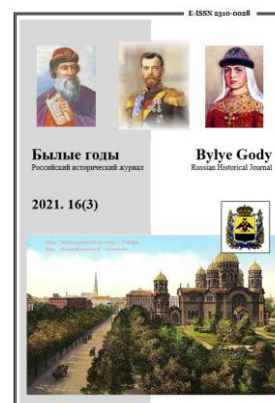
Адреса электронной почты: ksetishkina@mail.ru (К.А. Тишкина)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1552-1559
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1552
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



Identification of the Steamer “Shtorm”, Acquired by Izhevsk’s Plants during the First World War

Nicholas W. Mitiukov ^{a, b, c, *}

^a Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation

Abstract

The paper analyzes archival information from the funds of the Izhevsk Arms and Steel Works plants, as well as the memoirs of A.N. Berdnikov and G.M. Kutuzov concerning the steamer “Shtorm”. It was concluded that A.N. Berdnikov, in his diary under the delivery of two steamers to Izhevsk in January 1915, was most likely misled, describing the purchase of two steamers “Granata” and “Shtorm” by Izhevsk plants and the delivery of one steamer, “Granata”, to Izhevsk.

G.M. Kutuzov, under the delivery by rail in February 1916 of the steamer “Shtorm”, meant the delivery of a boat for transporting lumber, ordered in Votkinsk in 1913. In the description of G.M. Kutuzov of the plant's flotilla on the Izhevsk pond, under the guise of the “Shtorm” steamer, he also actually describes a boat for transporting lumber. Based on this, it was concluded that the steamer “Shtorm” spent the World War 1 on the Kama.

On the basis of an analysis of river registers and lists of ships, it was concluded that there are at least three different screw tugboats “Shtorm” on the upper Volga and Kama, which could potentially be acquired by Izhevsk plants. Firstly, the steamer of Bykhovsky and Leites, built by Zhuravlev's plant (Rybinsk) in 1903. Secondly, the steamer of Grigoriev, formerly “Sluga”, built in 1891. And thirdly, the steamer of Kazansky, built by the Smith's plant (Moscow) in 1905 (eponymous wheeled and passenger steamers were not taken into consideration).

On the basis of comparison of characteristics and the presence of a number of circumstantial evidence, it was concluded that the steamer “Shtorm” acquired in 1914 by the Izhevsk's plants is the former steamer of F.V. Kazansky.

Keywords: water transport, Izhevsk arms and steel plants, World War 1, “Shtorm” steamer.

1. Введение

Нельзя сказать, что пароход «Шторм» Ижевских заводов абсолютно неизвестен. Информация о нем дается в Википедии и прочих ресурсах и изданиях, где так или иначе обсуждается заводская флотилия. Но при детальном анализе оказалось, что все базируется на одном источнике – работе Е.Ф. Шумилова, посвященной истории Ижевского пруда (Шумилов, 2002). Поэтому имеющиеся многочисленные публикации, в основном публицистического и популярного характера, упоминают лишь сам факт, что в 1916 г. на Ижевском пруду появился винтовой пароход «Шторм», ставший самым скоростным судном заводской флотилии.

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov)

2. Материалы и методы

Как оказалось, многочисленные публикации о пароходе «Шторм» базируются на двух свидетельствах мемуарного характера – А.Н. Бердникова и Г.М. Кутузова, критический анализ которых и послужил отправной точкой для исследования. В целях создания завершённой картины были привлечены архивные источники Ижевских заводов (ЦГА УР) и Камского пароходства (ГАПК), дополненные данными дореволюционных регистров и списков судов Верхней Волги.

В качестве основных методов выступили историзм и логические методики, позволившие по разрозненным и эклектичным свидетельствам источников предложить логичную реконструкцию биографии парохода «Шторм». Для этого имеющаяся информация была расположена в хронологической последовательности и путем логических заключений предложен наиболее вероятный вариант реконструкции.

3. Обсуждение

Ранее нами уже производился анализ Журналов заседаний Хозяйственного комитета Ижевских оружейного и сталелитейного заводов (высшего органа административного управления этих заводов), что позволило определить следующую картину приобретения пароходов в годы Первой мировой войны (Mitiukov et al., 2018). Для дальнейшего обсуждения мемуарных свидетельств приводится цитирование найденных в этой работе протоколов заседаний.

11 августа 1914 г. в Хозяйственном комитете обсуждался вопрос «О командировании Члена Комитета подполковника Сорочинского в Нижний Новгород и Казань для покупки материалов». Среди прочих решений в протоколе указывалось: «Кроме того заводам необходимо приобрести пароход взамен пришедшего в негодность парохода «Иж». Пароход предпочтительно приобрести готовый, который мог бы быть доставлен в текущую навигацию в Гольяны, чтобы по санному пути его можно было перевести в Ижевск. Принимая во внимание в настоящее время важность <...> приобретения парохода, Хозяйственный комитет полагает для поиска подходящего парохода <...> командировать кого-либо из членов Комитета, причем более целесообразным Комитет со своей стороны находит командировать подполковника Сорочинского в г[орода] Казань и Нижний Новгород» (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4544. Л. 102-102 об.).

24 января 1915 г. в своем рапорте в Главное артиллерийское управление начальник Ижевских заводов докладывал о выполнении намеченных в ноябре 1914 г. мероприятий, направленных на увеличение объема производства. Среди прочего он указывал, что «купленные два парохода уже на пути к Ижевю. Один подвезен к селению, а другой скоро прибудет к Гольянам» (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4556. Л. 32).

9 июня 1915 г., обсуждая возможность закачки воды в водонапорный бак пароходными насосами, отметили следующее: «Прямая обязанность пароходов, буксировка барж и плотов, не позволяет им регулярно качать воду, и причина эта едва ли устранима даже тогда, когда в работе будут все 4 имеющихся в заводах парохода» (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4556. Л. 534-534 об.).

К сожалению, имеющиеся в ЦГА УР Журналы заседаний Хозяйственного комитета имеют достаточно объемные лакуны, поэтому реконструкция по ним эволюции заводской флотилии не представляется возможным без привлечения других источников. Но из приведенных протоколов видно, что в августе 1914 г. завод начал поиски подходящих для приобретения пароходов и до конца года к имеющимся на Ижевском пруду двум пароходам «Иж» и «Шрапнель» приобрел еще два («Граната» и «Шторм»). При этом к 24 января 1915 г. один из них уже был доставлен в Ижевск, а второй еще находился где-то далеко, даже не в Гольянах. Соответственно к 9 июня 1915 г. в распоряжении у заводов были уже все четыре парохода. Правда, из текста непонятно, все ли они на Ижевском пруду, поскольку в Гольянах на Каме завод тоже вел хозяйственную деятельность.

Картину приобретения и доставки пароходов дополняют свидетельства мемуарного характера.

В публицистической и краеведческой литературе часто встречается информация, что в январе 1915 г. в Ижевск доставили два парохода: один везли на 360 лошадях, второй – на 150. К сожалению, источник информации не указывается, но анализ литературы позволяет высказать предположение, что они ссылаются на статью ижевского краеведа Олега Владимировича Севрюкова (1920–1981). В короткой заметке в газете «Удмуртская правда» он пишет об интересном историческом источнике – записной книжке ижевского рабочего Александра Николаевича Бердникова (1889–1938). Место хранения документа в данное время неизвестно, и велика вероятность, что он утрачен.

Что касается пароходов, то О.В. Севрюков пишет: «В записи от 26 апреля 1912 г. говорится о первом рейсе пароходов «Шрапнель» и «Иж» за дровами на Воложку. А через несколько страниц записано: «Казна купила еще два парохода... Первый везли на 360 лошадях 9 января 1915 г., а второй – 23 января на 150 лошадях». Эти пароходы, еще не так давно окончившие свою службу на Ижевском пруду, назывались в наше время «Свобода» и «Красный сплавщик»...» (Севрюков, 1972).

Относительно идентификации купленных в 1915 г. пароходов как «Свобода» и «Красный сплавщик» – это лишь предположения О.В. Севрюкова, не подтверждаемые источниками. «Красный сплавщик», до 1920 г. «Граната», действительно появился в Ижевске в 1915 г. А «Свобода», бывшая «Шрапнель», была доставлена на пруд еще до мировой войны. Запись о первом рейсе пароходов

«Шрапнель» и «Иж» относится не к первому рейсу вообще (как это можно понять из заметки О.В. Севрюкова), а к первому рейсу в навигации 1912 г., поскольку оба парохода появились в Ижевске значительно ранее. Указанное обстоятельство позволяет утверждать, что О.В. Севрюков не разобрался в цитируемой им рукописи. Что касается самого А.Н. Бердникова, поскольку приводится цитата, он совершенно точно указывает на приобретение к зиме 1915 г. двух пароходов – «Гранаты» и «Шторма». Однако его запись входит в прямое противоречие с Журналами заседаний Хозяйственного комитета, которые указывали, что 24 января один пароход уже доставлен в Ижевск. Бердников же указывает о доставке второго парохода 23 января. Скорее всего, в обе даты сообщается об успешной транспортировке «Гранаты». Бердников упоминает факт доставки как городскую новость 23 января, а Журнал на следующий день рапортует, что видится вполне логично.

Не стыкуются лишь два факта, явно относящиеся к пароходу «Штурм». Бердников пишет о доставке в Ижевск парохода 9 января, а «Журнал» говорит о том, что второй пароход лишь скоро прибудет к Гольянам. Доставлять на санях по снегу пароход достаточно трудоемкое занятие. Поэтому везти его откуда-то к Гольянам видится нецелесообразным. Скорее всего, в Журнале речь идет о предполагаемой доставке парохода своим ходом с началом навигации. Соответственно Бердников, поскольку он довольно скрупулезно фиксировал городские новости, ошибиться не мог и, вероятно, зафиксировал процесс начала доставки «Гранаты». Для вырубки ее из льда и подъема на холмистый берег у села Гольяны действительно могло потребоваться намного больше лошадей, чем для транспортировки по ровному месту. Поэтому можно предположить, что Бердников просто не разобрался с количеством доставленных пароходов, а, может, донес ошибочную устную традицию.

Е.Ф. Шумилов в своей работе не сообщает источник относительно появления в Ижевске парохода «Штурм» (Шумилов, 2002). В ходе личной беседы с автором оказалось, что им стало интервью ижевского краеведа Г.М. Кутузова, в котором, судя по конспекту, сделанному Е.Ф. Шумиловым, тот заявил следующее: *«13 февраля 1916 г. с железнодорожной платформы на Старой улице сняли винтовой пароход “Штурм”, доставленный из Гольян. Скорость его была выше всех на пруду. В 1921 г. пароход передан в Сарапул»*.

Точное указание даты исключает возможность ошибки. Февраль 1916 г. – это дата пуска железнодорожного сообщения между Ижевском и Гольянами, поэтому, скорее всего, Г.М. Кутузов указывает, что одним из первых грузов, доставленных в Ижевск (или самым первым), стал пароход «Штурм».

В 2019 г. мемуары Г.М. Кутузова были изданы отдельной книгой (Кутузов, 2019), ранее они уже были объектом нашего анализа (Митюков и др., 2018). Мемуарист сообщает о наличии в годы мировой войны на заводе четырех судов: «Иж», «Граната», «Шрапнель» и «Штурм». Но если с четырьмя первыми все ясно, то четвертое он описывает как небольшое скоростное судно, которое при сильном волнении на пруду боялся выводить на работу (Кутузов, 2019: 83). Это выглядит очень странно, поскольку размеры парохода превосходят «Иж». Тогда нами было высказано предположение, что под видом «Шторма» у Г.М. Кутузова отразился катер с двигателем внутреннего сгорания, который Ижевские заводы заказали в Воткинске в 1913 г. для перевозки пиломатериалов через пруд (Митюков и др., 2018). Судно действительно фигурирует в заводской флотилии, по крайней мере в 1920 г. А кроме того, его размеры вполне подходят для того, чтобы перевозить по железной дороге на стандартной грузовой платформе. Для доставки же «Шторма» потребовалась бы усиленная платформа для крупногабаритных грузов, которой в Ижевске на момент открытия железной дороги могло и не быть.

Таким образом, единственный источник, сообщающий о доставке парохода «Штурм» в Ижевск, это Г.М. Кутузов, который, скорее всего, перепутал название. С другой стороны, имеются многочисленные свидетельства о наличии парохода «Штурм» на Каме, обобщенные нами ранее (Хафизов и др., 2018). Всего было обнаружено три свидетельства наличия парохода «Штурм» на Каме в 1918–1922 гг.

Во-первых, пароход упоминается в числе прочих судов, находящихся в Гольянах в ходе Ижевского восстания 1918 г. Его видели со знаменитой «баржи смерти». Баржевики по очереди дежурили у единственной щели и сообщали все, что видели снаружи: *«У щели <мы> дежурили днем и ночью. В нее были видны 7–8 баржей, пароходы “Сергей Витте”, “Рассвет” и “Штурм”»* (Карманов, 2017, С. 147). По-видимому, среди заключенных на барже имелись опытные речники, сумевшие опознать увиденные суда, либо же баржа находилась к ним настолько близко, что они смогли прочесть названия на бортах судов. Но в любом случае ошибки в этом свидетельстве, скорее всего, нет. Документально подтверждено, что два других парохода находились в этом месте в это время.

Во-вторых, «Штурм» упоминается в «Списке сгоревших пароходов и барж 1 июля 1919 г.» (ГАПК. Ф. 196. Оп.1. Д. 510. Л. 194–197). Позицией 59 в списке значится буксирный винтовой пароход «Штурм», собственник – Воткинский завод. Графа мощности машин оказалась незаполненной. Позицией 58 в списке идет пароход «Онега» с мощностью 80 л.с., возможно, для «Шторма» составитель забыл указать «тоже» (ГАПК. Ф. 196. Оп.1. Д. 510. Л. 196 об.).

Наконец, судно фигурирует среди судов, стоящих у Воткинского завода в ожидании ремонта. 27 мая 1921 г. от Пермского районного управления водного транспорта Волжского бассейна поступил

для ремонта пароход «Шторм». В плане работ значится, что судно требует устройства нового котла, восстановления арматуры и деревянных конструкций. В месячных ведомостях о проведенных работах он появляется лишь в апреле 1922 г., где в процентах готовности значится «ремонт не проводился», и в мае, где указано: «не приступали» (ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 1. Д. 154). Но вот тот ли это «Шторм», который пострадал у Левшино, – непонятно.

4. Результаты

Ранее, обобщив имеющиеся сведения о пароходе «Шторм», мы высказали предположение, что, скорее всего, имеется в виду пароход постройки завода Журавлева (Рыбинск) 1903 г., хозяевами которого в 1917 г. были К.В. Быховский и Л.М. Лейтес (№ МПС 557/1). Длина корпуса 29,28 м (96'), ширина 4,78 м (15'8"), осадка порожним 1,09 м (6 четв. 1/2 верш.), в полном грузу 1,24 м (7 четв.), судно работало в Рыбинске на 12-футовом рейде (Mitiukov et al., 2018).

Кроме того, в 1920-е гг. в Перми имелся еще один «Шторм», что делает вполне вероятным использование его Пермским рупводом. В фондах ГАПК имеются два дела, связанные с этим судном: «Путевые журналы, дефектные ведомости, список команды и другие материалы парохода “Шторм”» (ГАПК. Ф. Р-244. Оп. 1. Д. 29), а также фотография «Рабочие во время ремонта кормовой части парохода “Шторм”» (ГАПК. Ф. Ф-61. Оп. 61П. Т. 1. Д. 363). Дата фотографии не указана, но в первом деле имеется Путевой журнал за навигацию 1920 г., что доказывает техническое состояние судна, годное для эксплуатации. В деле даются сведения о судне, в соответствии с которыми это бывший пароход Григорьева «Слуга», постройки 1891 г. с размерениями: длина 36,3 м (119'), ширина 5,2 м (17'), высота 2,1 м (7'), осадка порожним 0,71 м (4 четв.) (ГАПК. Ф. Р-244. Оп. 1. Д. 29. Л. 18).

Наконец, анализ дел ЦГА УР дал возможность найти характеристики ижевского «Шторма» в «Списках транспортных средств, заводских зданий, жилых строений и служб, числящихся на инвентаре Ижзаводов». Дело начато в 1926 г., закончено в 1927 г. Точная дата списков неизвестна, но, скорее всего, это первая половина 1927 г. Под инвентарным номером 33704 числится: «Пароход “Шторм” состоит: корпус железный, толщина железа 4 мм, под винтовую тягу, без палубы. Длина 27,43 м, ширина 3,66 м, сильно проржавел. Винт 4-х крыльй, диаметр 1,07 м, сильно проржавел. Пригодность 50 % 1 шт. Вал к винту длина 4,88 м, диам[етр] 89 мм, сильно проржавел, требует расточки 1 шт. Основан: (козлы от штурвала) с 2 шестернями пригод[ость] 50 % 1 шт. Части машинной рамы чугунные (лом чугуна) 2 шт. Котел паровой водотрубный, длина 2,36 м, диам[етр] 1,83 м, площадь нагрева 40 м², диаметр топки 0,76 м. В нем труб дымогарных 2” 122 шт. Толщина железа 19 мм. Пригодность 50 % 1 шт.» Стоимость с учетом износа 916 руб. (ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 15. Д. 337. Л. 3 10б.-32). Стоимость указана очень маленькая. Для сравнения: сильно изношенный «Иж», для замены которого приобретался «Шторм», имеет стоимость 7200 руб., а мотокатер «22» – 810 руб.

Кроме того, Русский регистр за 1915 и 1916 гг. сообщает еще об одном «Шторме» – собственник Ф.В. Казанский, 1905 года постройки, в Москве на заводе Смита. Его длина 25,62 м (84'), ширина 3,53 м (11'7"), высота борта 1,88 м (6'2"), осадка порожним 0,71 м.

Таким образом, получаются четыре одноименных парохода, размерения которых сведены в [Таблицу 1](#) (колесный пассажирский пароход по понятным причинам опущен и не рассматривается). Исходя из этого, скорее всего, ижевский «Шторм» – это бывший пароход Ф.В. Казанского. По судовым спискам и регистрам биография этого судна получается следующей.

Таблица 1. Характеристики буксирных пароходов «Шторм» с районом плавания верхняя Волга и Кама в годы Первой мировой войны

Собственник	Длина, м	Ширина, м	Высота, м	Осадка, м
Быховский и Лейтес	29,28	4,78	2,53	1,09 / 1,24
Григорьев	36,30	5,18	2,14	0,71 / ?
Ижевские заводы	27,43	3,66	?	?
Казанский	25,62	3,53	1,88	0,71 / ?

В списке 1906 г. Ф.В. Казанский есть, но среди его судов «Шторма» нет ([Список, 1906](#)). Очевидно, судно еще не успели включить в списки судов. Это подтверждается «Списком речных паровых судов, вновь появившихся в плавании в 1909 г.». Здесь «Шторм» идет под порядковым номером 19. Собственник – Ф.В. Казанский. Судно числится буксирным с регистрационным № 2/14. Длина 25,62 м (84'), высота корпуса 1,88 м (6'2"), ширина 3,53 м (11'7"). Осадка порожним неизвестна, в грузу – 0,71 м (4 четв.). Максимальное усилие на гаке 490 тс (30,0 тыс. пуд.). Пассажирские места отсутствуют. Судно винтовое, с железным корпусом, год постройки корпуса, машины и котла – 1905 г. При этом корпус строился в Москве хозяйственным способом, машина – в Нижнем Новгороде на заводе Майера, котел – в Москве на заводе Смита. Машина компаунд без холодильника, котел один оборотного типа. Номер котла по котловой книге № 5660, запись о нем внесена в котловую книгу в 1908 г. Рабочее давление пара 12 атм., поверхность нагрева – 50,2 м² (540 кв. футов). Потребляемое

топливо – нефть, запас 4 кг (¼ пуда – вероятно, опечатка). Команда – 8 человек. Для противопожарных целей на судне имеется паровой насос. Район плавания – Волга с притоками (Список, 1909: 4-5). Получается, что, как только информацию о котле внесли в Котловую книгу (в 1908 г.), судно сразу же было продано и уже включено в список 1909 г.

В списке судов 1912 г. «Шторм» идет с порядковым № 395 в собственности у того же Ф.В. Казанского, с портом приписки Нижний Новгород. Отсутствие ссылок в списке означает, что судно не переименовывалось. Данные повторяют информацию списка 1909 г. за некоторым исключением. Так, осадка порожним и в полной нагрузке значится по 0,71 м (4 четв.) – вполне очевидно, что это простая опечатка. И запас топлива значится в 65,5 кг (4 пуда), что более походит на действительность, чем предыдущая запись (Список, 1912: 48-49).

В регистре 1915 г. судно с похожими характеристиками фигурирует под порядковым № 1516 с районом плавания «Волга с прит[оками]», капитаном судна числится П.И. Сухарев. Номер русского регистра 1352, номер МПС 2/14 (совпадает со списком 1909 г. и 1912 г.). По принятым в регистре сокращениям написано, что это буксирное винтовое судно с железным корпусом. В мае 1914 г. судно прошло осмотр регистром в Нижнем Новгороде с выдачей свидетельства II класса сроком на два года. Собственником судна значится Ф.В. Казанский.

Характеристики корпуса: длина 25,62 м (84'), ширина 3,53 м (11'7"), высота борта 1,88 м (6'2"), осадка порожним 0,71 м (4 четв.). Подробности по корпусу сообщают, что судно имеет 4 ½ переборки (очевидно, одна не на всю высоту корпуса), электрическое освещение и деревянную палубу. Судно построено в 1905 г. на заводе Смита в Москве.

Относительно машины регистр сообщает, что это машина-компаунд, вертикальная, с поверхностным холодильником. Два цилиндра имели диаметры 229 мм (9") и 406 мм (16"), ход поршня 229 мм (9"), мощность 30 л.с. Машина построена в Нижнем Новгороде на заводе Майера. Котел один оборотного типа с прикладной кирпичной камерой с поверхностью нагрева 50,2 м² (540 кв. ф.), с рабочим давлением 12,24 атм. (180 фн./кв. дм.). Топится нефтью и дровами, построен в 1905 г. в Москве на заводе Смита (получается вместе с корпусом). Котел освидетельствовали в апреле 1914 г. сроком на 8 лет (Регистр, 1915: 380-381). В регистре 1916 г. судно фигурирует с порядковым номером 1549. Все характеристики повторяются, как и в регистре 1915 г. (Регистр, 1916: 384-385).

Самое интересное, что судно имеется в регистре 1946 г.! В верхневолжской инспекции имелся пароход «Шторм» – порядковый № 398, регистровый № 5536. Буксирный винтовой стальной пароход, ходил на Волге с притоками. Владелец – артель «Волна» (Ярославль). Год постройки 1905 г., вместимость 41 рег. т., длина 25,6 м, ширина 3,31 м, высота борта 1,83 м. Имеется поперечная палуба и 4 переборки. Техническое состояние корпуса – ограниченно годный. Машина одна вертикальная компаунд 137 и.л.с. Цилиндры 230 и 500 мм, ход 317 мм. Год и место постройки машины неизвестны. Техническое состояние – удовлетворительное. Котел один оборотного типа, поверхность нагрева 50,16 м², рабочее давление 10 кг/см². Котел постройки 1905 г. завода «Роберт Смит». Номер котла по котловой книге – 5660 (зачеркнуто и подписано 2506). Род топлива – мазут. Техническое состояние – ограниченно годный. Судно было осмотрено регистром 13 февраля 1941 г., техническое состояние – ограниченно годный, время нового осмотра – к навигации 1942 г. (Регистр, 1946: 182-183). Таким образом, совпадение номера котла однозначно доказывает, что бывший пароход Ф.В. Казанского стал к 1946 г. пароходом артели «Волна».

К сожалению, нет однозначного доказательства, что ижевский «Шторм» и пароход Ф.В. Казанского это одно судно, но косвенно это подтверждается.

Послереволюционный фонд Ижевских заводов относительно этого парохода хранит молчание. Кроме цитированной выше описи, в 1920–1925 гг. имеется еще несколько описей оборудования заводов. В них «Шторм» отсутствует. Наиболее странным это выглядит для «*Месячных сведений о наличии оборудования*» на заводах, которые подавались ежемесячно в период с 1922 по 1925 гг. (ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 14. Д. 43, 44, 69, 70, 94, 95, 128, 131). Если оборудование или судно выводилось в ремонт, то в «сведениях» не просто об этом говорилось, но и уточнялось, какой ремонт (текущий, капитальный и т.д.). Таким образом, получается, что судно было в отстое или у другого собственника.

Указание в списке сгоревших у Левшино судов, что «Шторм» принадлежит Воткинскому заводу, не подтверждается заводской документацией Воткинского завода. Можно предположить, что занятый колчаковцами ижевский пароход «Шторм» был временно передан Воткинскому заводу, где в Галево формировался передовой отряд судов Камской флотилии. Но документальных подтверждений этого нет, поэтому не исключена банальная ошибка: вместо «Ижевский завод» в документе указали «Воткинский».

Относительно ремонтируемого в Воткинске в 1922 г. парохода есть прямое указание, что он принадлежит Пермскому рупводу. Это служит доказательством того, что это бывшее судно Григорьева. Кроме того, упоминается и факт необходимости замены котла как еще одно указание на пароход Григорьева, поскольку котел «Шторма» Казанского проработал до 1946 г.

Наличие судов в регистрах и списках также не противоречит теории, что ижевский «Шторм» и судно Ф.В. Казанского – это один и тот же пароход. Судно прошло осмотр регистром в 1914 г. сроком на два года. Поэтому оно исправно вносится в Русский регистр как 1915 г., так и 1916 г. Но вот что касается Списка судов 1917 г., там судна уже нет. Однако есть «Шторм» К.В. Быховского и

Л.М. Лейтеса (Список, 1917: 8-9) и «Слуга» А.А. Никулина (Список, 1917: 42-43). Характеристики последнего совпадают со «Штормом» Григорьева.

В списке 1919 г. также имеются оба судна. Под порядковым № 199, МПС № 1276 числится «Шторм», бывший «Слуга» Григорьева, принадлежащий Пермскому рупводу (Список, 1919: 16-17), как и отправленный для ремонта в Воткинск в 1921 г. пароход. С порядковым № 342, МПС № 557/1 значится «Шторм» Быховского и Лейбиса (так в источнике) (Список, 1919: 24-25). Бывшего судна Ф.В. Казанского снова нет. Наконец, в регистре 1926 г. с порядковым № 1464 имеется «Шторм» постройки Журавлева в составе Волжского государственного речного пароходства, регистровый № 582 (Регистр, 1926: 260-261). Бывшего судна Григорьева в регистре нет, что подтверждает его ремонт и отстой 1921–1922 гг. Ранее мы уже отмечали, что в Ядре судов 1923 г. присутствует только «Шторм» Быховского и Лейтеса, что также подтверждает вывод из эксплуатации парохода Григорьева.

По опыту эксплуатации других судов Ижевских заводов можно заключить, что они все с приобретением исчезали из регистров. Так что картина, получающаяся по регистрам и спискам судов, по крайней мере не противоречит теории, что ижевский «Шторм» – это бывшее судно Ф.В. Казанского. В свою очередь, в ремонт на Воткинском заводе, получается, попал бывший пароход Григорьева, после революции принадлежавший Пермскому рупводу. Ижевский пароход отсутствует в списках из-за своего скверного технического состояния, находясь в отстое.

Еще одно косвенное доказательство тождественности ижевского «Шторма» и парохода Ф.В. Казанского приводится в справочнике С.С. Бережного. Он упоминает бывший речной буксирный пароход, построенный в 1905 г. в Москве. 12 июля 1919 г. судно мобилизовано, переоборудовано в тральщик и включено в состав Волжской военной флотилии. Якобы проводил боевое траление на Каме, но 22 июля 1919 г. возвращен Обводу Волжского бассейна. Характеристики судна: длина 25,6 м, ширина 3,2 м, осадка 0,7 м, мощность машин 120 л.с. (Бережной, 1981: 377-378).

Место постройки и характеристики однозначно указывают на «Шторм» Ф.В. Казанского. А вот нахождение в составе флота с 12 по 22 июля может указывать на пароход, брошенный у Левшино, т.е. ижевский «Шторм».

Получается, 1 июля 1919 г., обследовав брошенные в Левшинском затоне суда, специальная комиссия пришла к выводу, что воткинский пароход вполне подходит для использования в качестве тральщика на Каме. В результате уже 12 июля он поднял военно-морской флаг. Возможно, что на судне уже стояло какое-то оборудование, установленное белыми. А вот почему спустя всего 10 дней его исключают из состава флота, остается лишь догадываться. Предположений может быть несколько. Красные сняли все тральное оборудование, установленное белыми, и судно стало не нужным. Или, проведя детальное обследование, комиссия пришла к выводу о невозможности использования судна без большого объема работ. А поскольку война на Каме к этому времени уже завершалась, в данном мероприятии не было большой необходимости. Наконец, судно могло действительно применяться в боевом тралении на Каме, как указывает С.С. Бережной, и получить какие-то повреждения, после чего его списали.

Но так или иначе судно вывели в отстой, где оно находилось в ожидании ремонта. Поэтому его и нет в описи оборудования Ижевских заводов за 1922–1925 гг.: ремонт на нем не ведут, и нет перспективы, что начнут. Кстати, подобная ситуация сложилась с пароходом «Иж», выведенным в отстой в середине 1920-х гг. (но он есть в «Месячных сведениях»), а также с «Красной звездой», выведенной в отстой в конце 1920-х гг. В обоих случаях суда пропадают в описях оборудования, составленных в этот период.

5. Заключение

Исходя из архивных данных, а также регистров и судовых списков, можно реконструировать биографию парохода «Шторм» следующим образом. Построен в 1905 г. в Москве на заводе Смита хозяйственным способом. После регистрации в 1908 г. котла продан Ф.В. Казанскому и работал у него в районе Нижнего Новгорода. В 1914 г. приобретен Ижевскими заводами и в 1915 г. пришел в Гольяны. Поскольку к этому времени заводская флотилия на пруду возросла до пяти единиц, от идеи доставки его на пруд отказались, и он работал в Гольянах. В 1919 г. мобилизован белыми и брошен ими у Левшино. Затем мобилизован в качестве тральщика красными, но практически не использовался и также выведен в отстой. Здесь до 1927 г. в собственности у Ижевских заводов. Очевидно, после капитального ремонта передан в народное хозяйство, на 1946 г. – в составе артели «Волна» (Ярославль).

6. Благодарности

Автор выражает признательность Р.В. Лапшину (г. Запорожье, Украина), Н.И. Демидовой и В.В. Мингалеву (г. Пермь) за предоставленные материалы и помощь в подготовке работы.

Литература

ГАПК – Государственный архив Пермского края.

ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики.

Бережной, 1981 – *Бережной С.С.* Корабли и вспомогательные суда советского Военно-Морского флота (1917–1927 гг.). М.: Воениздат, 1981. 589 с.

Карманов, 2017 – *Карманов В.* На барже от Сарапула до Гольян // Коробейников А.В. Ижевско-воткинское восстание: правда победителей. Ижевск: Иднакар, 2017. С. 143-159.

Кутузов, 2019 – *Кутузов Г.М.* История Татарской слободы Ижевска. Ижевск: МарШак, 2019. 244 с.

Митюков и др., 2018 – *Митюков Н.В., Баутина С.Л., Лошкарев А.Н.* Рукопись Г.М. Кутузова как источник по ижевским пароходам // *Восточно-Европейский научный вестник*. 2018. № 2 (14). С. 50-53.

Регистр, 1915 – Судовой список «Русского регистра». Исправлен на 1 января 1915 г. Ч. 7. Паровые суда Волжского бассейна. Петроград: [б/и], 1915. 415 с.

Регистр, 1916 – Судовой список «Русского регистра». Исправлен на 1 января 1916 г. Ч. 8. Суда с механическим двигателем Волжского бассейна и Астраханского рейда Каспийского моря. Петроград: Типография А. Лавров и К°, 1916. 431 с.

Регистр, 1926 – Регистр Союза ССР. Список речных судов. Составлен по данным Местных Бюро Регистра Союза ССР на 1 марта 1926 г. / Под ред. инж. Н.Я. Волпянского. М.: Транспечать, 1926. 503 с.

Регистр, 1946 – Самоходный флот Волжской (верхней) инспекции 1941–45 гг. [Б. м.]: [Б. и.], 1946. 150 с.

Севрюков, 1972 – *Севрюков О.* О чем рассказала тетрадь // *Удмуртская правда*. 1972. 27 августа.

Список, 1906 – Список речных паровых судов Европейской России по переписи 1906 г. Вып. V. СПб.: Министерство путей сообщения, 1908.

Список, 1910 – Список речных паровых судов, вновь появившихся в плавании в 1909 г. СПб.: Министерство путей сообщения, 1910.

Список, 1917 – Список судов речного флота по переписи 1916–17 гг. Бассейн реки Волги. [Б. м.]: [б. и.], 1917. 95 с.

Список, 1919 – Список судов речного флота по переписи 1919–1920 г. Бассейн реки Волги. Петроград: Типография Народного Комиссариата Путей сообщения, 1921. 115 с.

Хафизов и др., 2018 – *Хафизов И.И., Баутина С.Л., Лошкарев А.Н.* Судьба парохода «Шторм» / *Человек в природном, социальном и социокультурном окружении. Материалы II региональной студенческой научно-практической конференции (Ижевск, 30 марта 2018 г.)*. Ижевск: МВЕУ, 2018. С. 60-61.

Шумилов, 2002 – *Шумилов Е.Ф.* История Ижевского пруда и его плотины // *Ижевский пруд*. Ижевск, 2002. С. 9-35.

Mitiukov et al., 2018 – *Mitiukov N.W., Bautina S.L., Adinyayev S.I.* Steamers of the Izhevsk's Plants on the 1910-s // *Bylye Gody*. 2018. 49(3): 1307-1320.

References

Berezhnaya, 1981 – *Berezhnaya, S.S.* (1981). Korabli i vspomogatel'nye suda sovetskogo Voenno-Morskogo flota (1917–1927 gg.) [Ships and auxiliary vessels of the Soviet Navy (1917-1927)]. Moscow, Voenizdat, 589 p. [in Russian]

GAPK – Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia [State archives of the Perm territory].

Karmanov, 2017 – *Karmanov, V.* (2017). Na barzhe ot Sarapula do Gol'yan [On a barge from Sarapul to Golyan]. *Korobeinikov A.V. Izhevsko-votkinskoe vosstanie: pravda*. Izhevsk, Idnakar. Pp. 143-159. [in Russian]

Khafizov et al., 2018 – *Khafizov, I.I., Bautina, S.L., Loshkarev, A.N.* (2018). Sud'ba parokhoda «Shtorm» [The fate of the ship "Storm"]. *Chelovek v prirodnom, sotsial'nom i sotsiokul'turnom okruzhenii*. Materials of the II Regional Student Scientific and Practical Conference (Izhevsk, March 30, 2018). Izhevsk, MVEU. Pp. 60-61. [in Russian]

Kutuzov, 2019 – *Kutuzov G.M.* (2019) Istoriya Tatarskoi slobody Izhevskia [History of the Tatar settlement of Izhevsk]. Izhevsk, MarShak, 244 p. [in Russian]

Mitiukov et al., 2018 – *Mitiukov, N.W., Bautina, S.L., Adinyayev, S.I.* (2018). Steamers of the Izhevsk's Plants on the 1910-s. *Bylye Gody*. 49(3): 1307-1320.

Mityukov i dr., 2018 – *Mityukov, N.V., Bautina, S.L., Loshkarev, A.N.* (2018). Rukopis' G.M. Kutuzova kak istochnik po izhevskim parokhodam [G.M. Kutuzov's manuscript as a source of the Izhevsk steamships] *Vostochno-Evropeskii nauchnyi vestnik*. 2(14): 50-53. [in Russian]

Registr, 1915 – Sudovoi spisok «Russkogo registra» (1915). Ispravlen na 1 yanvarya 1915 g. [Ship's list of the "Russian Register". Corrected for January 1, 1915] Part 7. Parovye suda Volzhskogo basseina. Petrograd, [without ed.], 415 p. [in Russian]

Registr, 1916 – Sudovoi spisok «Russkogo registra». Ispravlen na 1 yanvarya 1916 g. [The ship's list of the "Russian Register". Corrected for January 1, 1916]. Part 8. Suda s mekhanicheskim dvigatel'em

Volzhskogo basseina i Astrakhanskogo reida Kaspiiskogo. Petrograd, Tipografiya A. Lavrov i K^o, 431 p. [in Russian]

Registr, 1926 – *Volpyansky, N.Ya.* (Ed.). Registr Soyuz SSR. Spisok rechnykh sudov. Sostavlen po dannym Mestnykh Byuro Registra Soyuz SSR na 1 marta 1926 g. [Register of the USSR. List of river ships. Compiled according to the data of the Local Bureau of the Register of the USSR as of March 1, 1926]. Moscow, Transpechat', 503 p. [in Russian]

Registr, 1946 – Samokhodnyi flot Volzhskoi (verkhnei) inspektsii 1941-45 gg. (1946) [Self-propelled fleet of the Volga (upper) inspection 1941-45.] [Without place], [without ed.], 150 p. [in Russian]

Sevryukov, 1972 – *Sevryukov, O.* (1972). O chem rasskazala tetrad' [What the notebook told about]. *Udmurtskaya Pravda*. 27 August. [in Russian]

Shumilov, 2002 – *Shumilov, E.F.* (2002). Istoriya Izhevskogo pruda i ego plotiny [The history of the Izhevsk pond and its dam]. *Izhevskii prud*. Izhevsk. Pp. 9-35. [in Russian]

Spisok, 1906 – Spisok rechnykh parovykh sudov Evropeiskoi Rossii po perepisi 1906 g. (1908) [List of river steam vessels of European Russia according to the 1906 census]. Issue V. St. Petersburg, Ministerstvo putei soobshcheniya. [in Russian]

Spisok, 1910 – Spisok rechnykh parovykh sudov vnov' poyavivshikhsya v plavanii v 1909 g. (1910) [List of river steam vessels that reappeared in navigation in 1909]. St. Petersburg, Ministerstvo putei soobshcheniya. [in Russian]

Spisok, 1917 – Spisok sudov rechnogo flota po perepisi 1916-17 gg. (1917) [List of river fleet vessels according to the census of 1916-17] Bassein reki Volgi [The Volga river basin]. [Without place], [without ed.], 95 p. [in Russian]

Spisok, 1919 – Spisok sudov rechnogo flota po perepisi 1919-1920 g. Bassein reki Volgi (1921) [List of river fleet vessels according to the 1919-1920 census. The Volga river basin]. Petrograd, Tipografiya Narodnogo Komissariata Putei soobshcheniya, 115 p. [in Russian]

TsGA UR – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki [Central state archives of the Udmurt Republic].

Идентификация парохода «Шторм», приобретенного Ижевскими заводами во время Первой мировой войны

Николай Витальевич Митюков ^{a, b, c, *}

^a Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск, Российская Федерация

Аннотация. В работе анализируются архивные сведения фондов Ижевских оружейного и сталелитейного заводов, а также мемуары А.Н. Бердникова и Г.М. Кутузова, касающиеся парохода «Шторм». Сделан вывод, что А.Н. Бердников в своем дневнике под доставкой в январе 1915 г. в Ижевск двух пароходов, вероятней всего, был введен в заблуждение, описав покупку Ижевскими заводами двух пароходов «Граната» и «Шторм» и доставку в Ижевск одного парохода – «Граната».

Г.М. Кутузов под доставкой по железной дороге в феврале 1916 г. парохода «Шторм» имел в виду доставку лодки для перевозки пиломатериалов, заказанную в Воткинске в 1913 г. В описании Г.М. Кутузовым заводской флотилии на Ижевском пруду под видом парохода «Шторм» фактически описывается лодка для перевозки пиломатериалов. Исходя из этого, сделан вывод, что пароход «Шторм» годы Первой мировой войны повел на Каме.

На основе анализа речных регистров и списков судов сделан вывод о наличии на верхней Волге и Каме как минимум трех разных винтовых буксирных пароходов «Шторм», которые потенциально могли приобрести Ижевские заводы. Во-первых, пароход Быховского и Лейтеса, постройки завода Журавлева (Рыбинск) 1903 г. Во-вторых, пароход Григорьева, бывший «Слуга», постройки 1891 г. И в-третьих, пароход Казанского, постройки завода Смита (Москва) 1905 г. (одноименные колесные и пассажирские пароходы в рассмотрение не принимались).

На основе сопоставления характеристик и наличия ряда косвенных доказательств сделан вывод, что приобретенный в 1914 г. Ижевскими заводами пароход «Шторм» – это бывший пароход Ф.В. Казанского.

Ключевые слова: водный транспорт, Ижевские оружейный и сталелитейный заводы, Первая мировая война, пароход «Шторм».

* Корреспондирующий автор

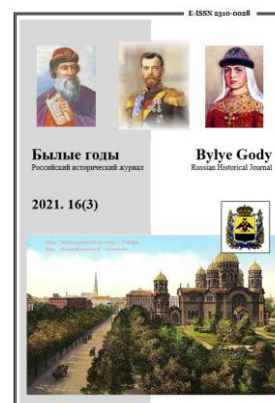
Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1560-1567
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1560
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 3

Olga V. Natolochnaya ^{a, b, *}, Ruslan M. Allalyev ^c, Vladimir A. Svechnikov ^d, Svetlana V. Petrova ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Russian Federation

^c Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

^e Sochi State University, Russian Federation

Abstract

The article deals with the issues of planning the blockade of the Bosphorus by the Black sea fleet during the 1916 campaign of the First World War. The special attention is paid to the calculations of the elements of force, as well as the ratio of the Turkish and Russian fleets.

The study was carried out on the basis of previously unpublished documents of the Russian state archive of the navy (St. Petersburg, Russian Federation). Previously, these documents were not published. The plan for the blockade of the Bosphorus, which was prepared by Captain 2nd Rank B. Tyagin on July 1, 1916 at the Sevastopol roadstead, is important in the work. In methodological terms, the study is based on the basic principles of historical research, namely, the principles of objectivity and reliability. The problem-historical method, which allowed us to consider the planning of the blockade of the Bosphorus in the context of the specific historical situation that developed in 1916 is of great importance in the study.

In conclusion, the authors state that, according to the planning of the operation to blockade the Bosphorus, it was assumed that it would be conducted by the Black sea fleet in three shifts. The blockade was to be accompanied by a barrier of the Bosphorus against submarines and surface vessels. It was to be preceded by serious secret and ship reconnaissance, as well as simultaneously active operations against submarines throughout the Black sea and the defense of the coasts and the fleet from submarine attacks in ports and the sea. The involvement of hydroaeroplanes in reconnaissance, fighter and bomber activities should have been sharply increased; new units have been formed to combat enemy submarine bases; civilian vessels have been re-equipped and equipped to perform military tasks. If we take into account the volume of available resources of the Black sea fleet on the Caucasian theater of operations, then the forces that the fleet had were quite sufficient to fulfill the task of blockading the Bosphorus.

Keywords: blockade of the Bosphorus, World War I, Black sea fleet, 1916, planning an operation, element of strength.

1. Введение

Как уже отмечалось во 2-й части нашей работы, в 1916 г. для русских войск Кавказского фронта сложилась весьма благоприятная обстановка, так как в ходе наступления вдоль Анатолийского побережья Османской империи были взяты несколько крупных турецких крепостей (Эрзерум, Трапезунд и др.) (Natolochnaya et al., 2021a: 1042). В связи с этим летом 1916 г. перед Ставкой Верховного главнокомандующего русской армией стояла задача захвата Босфорского пролива, для чего требовалось сперва его заблокировать, чем и занялись старшие офицеры Черноморского флота.

В данной части статьи мы рассмотрим волю противника, состав Черноморского флота, а также планирование подготовительных операций для реализации данной цели.

* Corresponding author

E-mail addresses: incfar.natolochnaya@gmail.com (O.V. Natolochnaya)

2. Материалы и методы

Исследование выполнено на основе ранее не публиковавшихся документов Российского государственного архива военно-морского флота (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Важное значение в нем имеет план блокады Босфора, который был подготовлен капитаном 2-го ранга Б. Тягиным 1 июля 1916 г. на Севастопольском рейде.

В методологическом плане данная работа опирается на базовые принципы исторического исследования, а именно – объективности и достоверности. Важное значение в ней имеет проблемно-исторический метод, который позволил рассмотреть планирование блокады Босфора в контексте конкретно-исторической обстановки, сложившейся в 1916 г.

3. Обсуждение

Несколько слов об историографии. Несмотря на то, что первые упоминания о планировании взятия Босфора силами Черноморского флота относятся еще к дореволюционному периоду (например, работа Е.А. Мязговского (Мязговский, 1914) по истории Черноморского флота), тем не менее эта тема в советский период не получила значительного освещения (здесь можно отметить только труд Н. Новикова (Новиков, 1937) об операциях Черноморского флота в период Первой мировой войны). В результате интенсивное изучение началось только в современный период.

Так, экспедиции Черноморского флота на Босфор в 1833 г. было уделено внимание таких исследователей, как А.Ш. Кадырбаев (Кадырбаев, 2018), Г.А. Гребенщикова (Гребенщикова, 2012; Гребенщикова, 2018) и Е.Н. Рукавишников (Рукавишников, 2014).

Теме подготовки и планирования Босфорской операции в конце XIX века уделили свое внимание В.В. Крестьянников (Крестьянников, 2011) и А.А. Черкасов (Cherkasov, 2011). Период до Первой мировой войны также изучался специалистами. Так, военную игру 1902 г. по захвату Босфора исследовал С.А. Чекмарев (Чекмарев, 2019). Борьба за черноморские проливы происходила и на внешнеполитическом уровне, некоторые аспекты этой борьбы анализировал Б.С. Котов (Котов, 2011). Попытку сравнения планов по захвату Босфора 1897 г. и 1915 г. предприняла авторская группа О.В. Натолочной и др. (Natolochnaya et al., 2020). Также имеется несколько работ о самом периоде Первой мировой войны, в которых находит свое отражение изучаемая нами тема (Шорников, 2016; Ивицкая, 2010).

4. Результаты

Важное значение в плане блокады Босфора уделялось воле противника, точнее подавлению этой воли. В районе Босфора турки могли сделать ставку только на свои подводные лодки, создав новые базы в черноморских портах. Учитывая то, что для русской армии свобода плавания транспортного флота в Черном море была вопросом принципиальным, следовало ожидать, что противник предпримет самые энергичные меры борьбы с блокадой Босфора (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 24).

Другим возможным средством неприятеля могли быть подводные заградители. Мерами противодействия им должны служить усиление заграждений выхода из Босфора и тщательное траление позиций флота.

Еще одним эффективным средством неприятеля во время блокады Босфора мог стать его воздушный флот. Так как турецкий воздушный флот к концу 1915 г. был довольно слаб, то офицеры штаба не исключали, что германо-турки могут быстро перебросить несколько десятков воздушных судов, включая цеппелины, и при их помощи начнут препятствовать блокаде.

В качестве мер противодействия офицеры штаба Черноморского флота предлагали использовать следующие средства:

- 1) гидросуда при блокаде с десятками больших боевых гидро для активной борьбы с воздушными судами неприятеля;
- 2) вооружение блокирующих судов хорошей противозенитной артиллерией с планомерным распределением на схемы блокады;
- 3) защиту всех блокирующих судов особыми сетями над палубами и люками для улавливания бомб;
- 4) разрушение ангаров неприятеля налетами русских воздушных флотилий;
- 5) наконец, неприятель будет прилагать массу усилий протралить хотя бы вдоль берега выход для своих подлодок.

Мерой противодействия этому должны были быть:

- 1) постоянное нахождение вблизи зоны блокады русских вооруженных судов для уничтожения неприятельских тральщиков;
- 2) постоянное уничтожение артиллерийским огнем линейных кораблей приморских батарей, прикрывающих траление;
- 3) постоянное добавление новых мин (дрейфующих и плавучих) и пускание их в пролив;
- 4) уничтожение тралящих караванов в их базах с русских тяжелых гидро и ночными бомбардировками перекидным огнем с бомбардирских судов (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 24об.).

Таким образом, все действия неприятеля должны были сводиться к попыткам прорвать русскую блокаду Босфора. В свою очередь Черноморский флот должен был стараться эту блокаду всячески поддерживать, одновременно принимая все меры к обезвреживанию случайных блокадопрорывателей.

Что касается общих итогов по всем элементам обстановки, то здесь офицеры Черноморского флота приходили к следующим выводам:

1) вернейшим способом не допустить в Черное море неприятельский подводный и надводный флот являлась надежная блокада Босфора;

2) блокада Босфора по всем условиям обстановки вполне возможна для русского Черноморского флота и могла поддерживаться в три смены при базировании блокирующего флота в порту Севастополь;

3) для обеспечения успешности блокады необходимо и возможно было активными операциями русского флота очистить Черное море от подводок неприятеля и оборонительными мерами защитить русское Черноморское побережье, порты, боевые суда и транспорты от атак прорывавших блокаду подводок;

4) самым опасным противником и объектом русских действий при блокаде Босфора являлся подводный флот неприятеля;

5) для успешности всех операций необходима была серьезно поставленная и длительная разведка (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 25-25об.).

Исходя из главных выводов изучения обстановки на новом театре военных действий (блокада Босфора) была определена и задача – в момент отсутствия в Черном море крупных неприятельских кораблей заблокировать устье Босфора и заградить устье и подходы к нему с севера, востока и запада до степени непроходимости для всех надводных и подводных судов неприятеля; не допустить неприятеля уничтожить или прорвать заграждение и блокаду, обеспечить защиту русских портов, боевых и транспортных судов от атак незаблокированных судов неприятеля и постепенно уничтожить в Черном море все его военные суда и их базы.

Исходя из этой задачи, действия Черноморского флота должны были быть разделены на следующие операции:

1) разведка (предварительная);

2) активная борьба с подводными лодками на Черном море, обеспечение тыла и подготовка всех средств и сил к выполнению блокады;

3) разведка перед блокадой;

4) установление блокады Босфора;

5) блокада Босфора и всего неприятельского побережья от Иероса до границы Румынии (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 26).

В ходе реализации этого проекта предполагалось провести 4 операции:

I. Разделение флота на специальные отряды.

II. Предварительная разведка.

III. Обеспечение тыла.

IV. Установление блокады.

При этом четвертая операция была разделена на несколько частей:

1) сосредоточение флота;

2) развертывание флота;

3) разведка;

4) постановка ночного заграждения;

5) постановка большого заграждения;

6) охрана заграждения;

7) усиление и поддержание заграждения;

8) несение блокады (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 26-26об.).

Для участия в операции предполагался следующий состав сил:

Разведочный отряд – крейсера «Нахимов» (по готовности), «Кагул», «Меркурий», «Прут» (по готовности), «Алмаз», а также 1-й дивизион миноносцев.

Линейный флот – «Мария», «Екатерина», «Александр III» (по готовности), «Три Святителя», «Ростислав», а также 2-я бригада линейных кораблей («Златоуст», «Евстафий», «Пантелеймон»).

Бригада подводок – 1-й и 2-й дивизионы.

Отряд больших заградителей – «Ксения», «Алексей», «Константин», «Георгий», «Николай», «Буг», «Дунай», а также отряд бомбардирских судов, группа катеров и отряд сетевых заградителей («Аю-Даг», «Эльбрус», «Дыхтау», «Бештау», «Мина») (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 27об.).

Отряд бомбардирских судов – 12 шаланд.

Плавучие базы – «Днепр», «Поти» (в обеих уголь), «Луч», «Боржом» (в обеих нефть), «Свет», «Стелла Мария» – вода, «Гидрокрейсер» – провизия и минно-артиллерийское обеспечение.

Отряд гидроавиации – 5 больших заградителей типа «Ксения» по 6 гидропланов, 20 тральщиков Елипидифор по 2 гидроплана, 3 крейсера по 2 гидроплана, 2 гидрокрейсера по

5 гидропланов, крейсер «Алмаз» – 4 гидроплана, 8 тральщиков 1-го отделения по 2 гидроплана. Итого: 106 гидропланов.

Минная бригада – 1-й и 2-й дивизионы (временно в отряде разведки), а также 3-й, 5-й, 6-й и 7-й дивизионы угольных миноносцев (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 28-28об.).

Таким образом, состав кораблей был весьма разнообразен и значителен.

Что касается разведки, то она делилась на несколько направлений:

1. Тайная разведка. Она возлагалась на разведывательное отделение штаба командующего Черноморским флотом. Ей ставилась задача изучать базирование неприятельского флота, главным образом, подводного на порты и бухты Черного моря, обследовать меры и степень охраны этих баз и приходящих в них судов от атак с моря, суши, воздуха, а также изучать укрепления Босфора, его устья и побережья до Инады, к востоку до Сакарьи включительно. Важное внимание уделялось изучению фарватеров военных и транспортных судов, мер охраны фарватеров, движения судов, выходов в Черное море, состояния военных судов, мест стоянки подводных лодок, мест их сборки и ремонта, числа и типа лодок, охраны лодок, выходов в море. В задачу тайной разведки входило и выяснение нахождения ангаров цеппелинов, аэропланов и гидроаэропланов, их охраны, числа и типа воздушных судов, их полетов (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 29об.).

2. Судовая разведка. Она возлагалась на подводные лодки, миноносцы, 2-ю бригаду линейных кораблей совместно с 6-м дивизионом миноносцев. Подводные лодки по одной должны были посылаться к устью Босфора, где им ставились задачи:

1) наблюдать за входом и выходом неприятельских судов из Босфора, наносить на карту их курсы и определять чистые фарватеры;

2) изучать меры охраны устья Босфора днем и степень ее надежности;

3) изучать тралящие средства неприятеля.

В задачи миноносцев 1-го и 2-го дивизионов входило попарно прибывать к побережью от Инады через Босфор до Эрегли, где:

1) подходя к берегу на рассвете обстреливанием участков, укрепленных, по сведениям разведки, батареями, проверять эти сведения, вызывая неприятеля на ответный огонь; обнаруженные батареи или скопы наносить на карты;

2) тралами-искателями определять чистоту побережья от мин заграждения;

3) внезапными подходами к тем или иным бухтам разведывать их оборудование или укрепление.

Целью 2-й бригады линейных кораблей и 6-го дивизиона миноносцев было проверить сведения тайной разведки об укреплениях устья Босфора и определить пределы обстреливаемой огнем крупнокалиберных батарей зоны перед устьем Босфора (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 30об.).

3. Воздушная разведка. Она организуется самостоятельно или присоединяется ко 2-й бригаде линейных кораблей для одновременного выполнения задачи. Силы – один гидрокрейсер под особым прикрытием или охраной 2-й бригады. Цель – разведка устья Босфора и самого Босфора с точки зрения операции блокады.

Выполнение. Гидро спускаются на воду с рассветом и разделяются по следующим задачам:

Сухопутные – схема укреплений и путей сообщения прибосфорского района.

Морские:

1) минные заграждения у устья Босфора;

2) минные заграждения от Шиле до Мидии;

3) боны в Босфоре и устье его;

4) ряжи или затопленные суда;

5) место стоянки судов неприятельского флота;

6) базы подлодок в Босфоре;

7) базы подлодок от Эрегли до Инады;

8) место стоянки тральщиков;

9) место стоянки миноносцев;

10) место ангаров дирижаблей, аэропланов и гидро;

11) пути движения судов неприятеля;

12) схема охраны Босфора и подходы к нему с моря;

13) средство, меры и степень наблюдения неприятеля за Босфором;

14) снимки устья Босфора, его побережья от Шиле до Деркоса, рейда (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1.

Д. 172. Л. 31-31 об.).

Важное внимание уделялось вопросам снабжения и обеспечения тыла. Принципиальное значение здесь имело обеспечение быстрого и свободного выхода Черноморского флота из Севастополя. Для этого батареи приморского фронта Севастопольской крепости были перенесены дальше в море, в сторону Сарыча и Евпатории, упорядочивалась схема заграждений сетей и бонов на выходах из Севастополя. Помимо этого, устраивались малые базы стоянки для подводных лодок в Ласпинской бухте, Балаклаве и Евпатории, а также гидроаэростанции в Ласпинской бухте и Евпатории (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 32об.).

Также уделялось внимание защите транспортов по всему побережью Черного моря от подлодок неприятеля. Для этого предполагалось создание линии портов-убежищ. Согласно схеме, должны были устраиваться порты-убежища, устанавливаться батареи, противоминные сети и посты в указанных на схемах местах. Транспорты из всех портов выпускались в море только ночью с расчетом к рассвету быть под защитой следующего на пути порта-убежища. Во всех портах, имеющих гавани, транспорты непременно должны были входить за стенки. Движение транспортов должно было регулироваться правилами и распоряжениями начальника тыла Черноморского флота. Днем движение разрешалось лишь под конвоем до установления блокады вдоль берега, после установления, главным образом, открытым морем. Ночью плавание без конвоя и по возможности по одному. Скопление более пяти транспортов на открытых рейдах без охраны не допускалось. При решении этой задачи должны были быть пересмотрены все приказы и распоряжения о способах оповещения флота о подлодках и изданы новые общие правила оповещения судов боевого и транспортного флота о появлении и местонахождении неприятельских подводных лодок. В основу правил должны были быть положены быстрота, простота и передача прежде всего тем, кому это более всего необходимо было по условиям плавания (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 320б.).

Уделялось внимание и применению авиации в службе связи Черноморского флота. Так, в Жебрианах, у Тендры, Тарханкута должны были быть созданы гидроаэростанции для наблюдения за подходами к Одессе; в Феодосии, Керчи и Анапе – для наблюдения за подходами к Керчи и Азовскому морю; в Геленджике, Туапсе и Сухуме – для наблюдения за прибрежной к Кавказу полосой моря; в Поти и Батуме – для наблюдения за подходами к Батуму. Помимо этого, должны были быть введены в систему обучения и практики полеты гидроаэропланов из своих станций в открытое море, на радиус своего действия (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 320б.).

Важное внимание также уделялось мероприятиям по истреблению неприятельских подводных лодок и их баз в Черном море, эта задача возлагалась на начальника противолодочной обороны флота. Цель операции заключалась в обеспечении во время блокады Босфора тыла Черноморского флота (портов, транспортов, коммерческих судов) от атак неприятельских подлодок путем пресечения всякой возможности базирования их на побережье Черного моря и непосредственных активных действиях против самых подлодок (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 33-330б.).

Для реализации этой задачи должны были быть применены следующие средства и силы: 2-й дивизион миноносцев, 6 бомбардирских судов со 130-мм пушками, гаубицы со специальными зажигательными и ныряющими снарядами мины заграждения, 6 тральщиков 5-го отделения, мины заграждения, 12 гидроаэропланов. Гидроаэропланы должны быть снабжены зажигательными подводными дистанционными бомбами, рвущимися на определенной глубине. Помимо этого, один сетевой противолодочный транспорт с ходом не менее 15 узлов, а также один морской батальон с пулеметной командой и подрывной партией, приспособленной, снабженной и обученной для быстрого уничтожения всех средств базирования подлодок (пристани, склады жидкого топлива, плавучие средства, мастерские, мосты, краны и т.п.).

Выполнение. Объектом действия являются участки неприятельского побережья как по непосредственным наблюдениям и решениям начальника противолодочной обороны, так и в особенности по данным разведывательного отделения штаба командующего флотом, работающего специально по этому вопросу по особым заданиям.

В общем случае операция должна была происходить следующим образом: отряд в составе, отвечающем поставленной цели, с рассветом подходит за тралами с моря к назначенной точке побережья и сразу устанавливает временно ее блокаду при помощи бомбардирских судов во внутренней линии и миноносцев во внешней. Одновременно спускают гидро, которые немедленно разведывают заблокированный участок (порт, гавань, устье реки, бухту...). В случае обнаружения подводных лодок неприятеля сетевой транспорт немедленно ставит сети по заранее намеченному плану. Тральщики направляются непосредственно к подлодкам, если они в надводном положении, для уничтожения их. Одновременно гидро атакует подлодки обыкновенными бомбами и в случае погружения лодок – дистанционными, давая все время знать начальнику отряда о местонахождении и состоянии подлодок. В случае наличия береговых батарей или иной вооруженной охраны берега бомбардирские суда, продолжая блокаду, уничтожают батареи и живую силу артиллерийским огнем для обеспечения тральщикам и гидро свободы действий в борьбе с подлодками.

После уничтожения подлодок (или при отсутствии их) тральщики подходят непосредственно к берегу, подавляя сопротивление неприятеля артиллерийским огнем. Высаживают на берег десант и подрывные команды, которые немедленно приступают под прикрытием артиллерийского огня тральщиков к уничтожению всех средств, способных обслуживать базирование подлодок в данном месте (взрывают пристани, мосты, сжигают склады, портят дороги, уничтожают средства связи и проч.). В случае необходимости в этом принимает участие и артиллерия бомбардирских судов. Все плавучие средства, обнаруженные в данном месте, годные для Черноморского флота, должны были отводиться в море и передаваться на буксиры бомбардирских судов. Для этой цели на тральщиках и бомбардирских судах должно было быть несколько моторных буксирных катеров. Все остальные плавучие средства, как находящиеся на плаву, так и вытасненные на берег, должны были

быть сожжены, затоплены или разрушены, так чтобы они ни в коем случае не могли быть в будущем использованы (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 34-34об.).

Обязанностью десанта, кроме обеспечения и охраны действия подрывных партий, были захват и арест служебного персонала и документов местных правительственных учреждений, например губернатора, городского управления, полиции, почты, банков и т.п.

После уничтожения всего, что могло служить для базирования лодок, населению должен был быть предъявлен ультиматум, напечатанный на всех местных языках, что если русским флотом будет обнаружено снабжение чем-либо в этом месте неприятельских подводных лодок, то весь город, порт, селение будут преданы сожжению.

При полном убеждении начальника отряда в обезвреживании данного участка в смысле базирования на нем подводных лодок и отсутствия таковых на заблокированном временно пространстве отряд, приняв обратно с берега десант, подрывные партии, гидро вместе с захваченными на побережье плавучими средствами, пленными и документами, снимает блокаду и уходит в море, направляясь на свою базу или для повторения подобной же операции на другом намеченном участке.

Подобного рода операции должны быть проделаны по всему побережью, от пределов занятой Россией территории неприятеля до Румынской границы. При действии против таких заведомо укрепленных и сильных портов, как Синоп, Бургас и Варна, состав отряда по представлению начальника противолодочной обороны должен быть усилен и развит до размеров, отвечающих обстановке, приказом командующего флотом.

Если указанные операции производятся до установления блокады Босфора, то командующим флотом высылаются в море соответствующее прикрытие. При наличии действительной блокады пролива отряд располагает для успешности своей операции достаточными средствами (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 34об.).

Одновременно с этим должны были быть применены меры по охране главных русских портов в Черном море от набегов крейсеров, миноносцев и заградителей неприятеля.

Следующим большим планом работ по подготовке операции по блокаде Босфора должна была стать заготовка соответствующих средств. Так, должны были быть построены батареи у Сарыча и Евпатории, а также артиллерийские батареи (по два орудия) в районах Жебрияны, Одесса, Феодосия, Новороссийск, Туапсе, Сухум, Трапезунд; устроены малые базы стоянок для дежурных подводных лодок у Евпатории и Ласпинской бухты; созданы порты-убежища для транспортов; устроены гидроаэростанции службы связи в районах Жебрияны, Тендра, Тарханкут, Ласпинская бухта, Евпатория, Феодосия, Керчь, Анапа, Геленджик, Туапсе, Сухум, Потти, Батум, Трапезунд по 4 гидроаэроплана на каждой станции. Итого: 56 гидро, а с запасом – 60 (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 35).

Помимо этого, требовалось оборудовать и вооружить как бомбардирские суда 12 паровых шаланд. Для этого требовалось 24 130-мм орудия, 12 гаубиц, 24 пулемета и 12 60-см прожекторов. Также необходимо было создать следующие соединения и подразделения:

- 1) сформировать особые подрывные команды для уничтожения баз неприятеля;
- 2) сформировать разведочный отряд;
- 3) сформировать отряды больших и малых заградителей;
- 4) сформировать группу боновых и сетевых транспортов;
- 5) сформировать плавучие базы;
- 6) передислоцировать из Балтики и Каспия в Черное море 6 миноносцев типа миноносцев «Сокол»;

7) переоборудовать 12 старых миноносцев Черноморского флота 57-мм пушками, минными аппаратами, пулеметами и малыми минами;

8) снарядить 24 шхуны и фелюги горючими веществами, дымящими составами, выделяющими ядовитые газы;

9) приспособить 6 кораблей для ночной постановки мин и, помимо этого, 10 шхун для службы маяков. Вооружить шхуны 57-мм пушками и пулеметами (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 36).

Была значительная потребность и в новых гидроаэропланах. Так, для боевых действий с воздушными судами неприятеля требовалось 20 боевых гидроистребителей. Для бомбометания тяжелыми бомбами требовалось 40 гидроаэропланов. Для служб связи (для наблюдения и бомбометания) – 120 гидро. На больше всего гидро требовалось для разведки с фотографическими аппаратами – 230 (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 39-39 об.).

По мере готовности большей части мероприятий, по мнению офицеров штаба Черноморского флота, можно было начинать операцию по блокаде Босфора.

5. Заключение

Таким образом, согласно планированию операции по блокаде Босфора, предполагалось, что ее будет вести Черноморский флот в три смены. Блокаду должно было сопровождать заграждение Босфора против подводных и надводных судов. Ей должны были предшествовать серьезные тайная и судовая

разведки, а также одновременно активные операции против подлодок по всему Черному морю и оборона берегов и флота от атак подлодок в портах и море. Резко должно было быть увеличено привлечение гидроаэропланов к разведывательной, истребительной и бомбардировочной деятельности; сформированы новые подразделения для борьбы с базами подводных лодок противника; переоборудованы и оснащены гражданские суда под выполнение военных задач. Если учесть объемы имеющихся ресурсов у Черноморского флота на Кавказском театре военных действий, то для выполнения задачи по блокаде Босфора было вполне достаточно тех сил, которыми флот располагал.

Литература

[Гребенщикова, 2012](#) – Гребенщикова Г.А. Босфорские экспедиции Черноморского флота первой половины XIX века в планах российского руководства // *Клио*. 2012. № 9 (69). С. 62-78.

[Гребенщикова, 2018](#) – Гребенщикова Г.А. Босфорская военно-морская операция. 1833 год // *Военно-исторический журнал*. 2018. № 7. С. 44-51.

[Ивицкая, 2010](#) – Ивицкая О.Е. Севастопольский год в жизни адмирала А.В. Колчака // *История в подробностях*. 2010. № 2. С. 68-75.

[Кадырбаев, 2018](#) – Кадырбаев А.Ш. Разведывательная миссия Е.В. Путятин в проливах Босфор и Дарданеллы в 1833 году (по материалам российского государственного архива ВМФ) // *Труды Института востоковедения РАН*. 2018. № 17. С. 92-98.

[Котов, 2011](#) – Котов Б.С. Тайная борьба за черноморские проливы накануне Первой мировой войны // *Вестник архивиста*. 2011. № 3. С. 308-310.

[Крестьянников, 2011](#) – Крестьянников В.В. Подготовка десантной операции на Босфор в конце XIX – начале XX вв. // *История в подробностях*. 2011. № 12 (18). С. 70-75.

[Мязговский, 1914](#) – Мязговский Е.А. История Черноморского флота 1696–1912 гг. СПб., 1914.

[Новиков, 1937](#) – Новиков Н. Операции флота против берега на Черном море в 1914–1917 гг. М., 1937.

РГА ВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота.

[Рукавишников, 2014](#) – Рукавишников Е.Н. Экспедиция Черноморского флота на Босфор в 1833 г. и ее последствия // *Вестник Академии военных наук*. 2014. № 1 (46). С. 172-176.

[Чекмарев, 2019](#) – Чекмарев С.А. Военная игра 1902 года: Босфорская экспедиция // *Военно-исторический журнал*. 2019. № 8. С. 22-26.

[Шорников, 2016](#) – Шорников П.М. Почему не состоялась десантная операция на Босфоре? // *Русин*. № 2 (44). С. 93-110.

[Cherkasov, 2011](#) – Cherkasov A.A. «Long Time No News»: Bosphorus Seizure by Russian Troops in 1897 // *Bylye Gody*. 2011. № 3(21). Pp. 5-10.

[Natolochnaya et al., 2020](#) – Natolochnaya O.V., Gordeev I.A., Allalyev R.M., Svechnikov V.A. The Preparation of the Bosphorus Landing Operations in 1897 and 1915 (the Operational Considerations, Calculations of Forces and Means). *Bylye Gody*. 2020. Vol. 56. Is. 2: 807-819.

[Natolochnaya et al., 2021](#) – Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Petrova S.V. Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 1 // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 404-412.

[Natolochnaya et al., 2021a](#) – Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Petrova S.V. Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 2 // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 1042-1051.

References

[Chekmarev, 2019](#) – Chekmarev, S.A. (2019). Voennaya igra 1902 goda: Bosforskaya ekspeditsiya [The War game of 1902: the Bosphorus expedition]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 8: 22-26. [in Russian]

[Cherkasov, 2011](#) – Cherkasov, A.A. (2011). «Long Time No News»: Bosphorus Seizure by Russian Troops in 1897. *Bylye Gody*. 3(21): 5-10.

[Grebenshchikova, 2012](#) – Grebenshchikova, G.A. (2012). Bosforskie ekspeditsii Chernomorskogo flota pervoi poloviny XIX veka v planakh rossiiskogo rukovodstva [Bosphorus expeditions of the Black sea fleet of the first half of the XIX century in the plans of the Russian leadership]. *Klio*. 9(69): 62-78. [in Russian]

[Grebenshchikova, 2018](#) – Grebenshchikova, G.A. (2018). Bosforskaya voenno-morskaya operatsiya. 1833 god [Bosphorus naval operation. 1833]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 7: 44-51. [in Russian]

[Ivitskaya, 2010](#) – Ivitskaya, O.E. (2010). Sevastopol'skii god v zhizni admirala A.V. Kolchaka [Sevastopol year in the life of Admiral A. V. Kolchak]. *Istoriya v podrobnostyakh*. 2: 68-75. [in Russian]

[Kadyrbaev, 2018](#) – Kadyrbaev, A.Sh. (2018). Razvedyvatel'naya missiya E.V. Putyatina v prolivakh Bosfor i Dardanelly v 1833 godu (po materialam rossiiskogo gosudarstvennogo arkhiva VMF) [Reconnaissance mission E.V. Putyatina in the Straits of Bosphorus and Dardanelles in 1833 (on materials of the Russian state archive of the Navy)]. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN*. 17: 92-98. [in Russian]

[Kotov, 2011](#) – Kotov, B.S. (2011). Tainaya bor'ba za chernomorskie proliвы nakanune Pervoi mirovoi voiny [Secret struggle for the Black Sea Straits on the eve of the First World War]. *Vestnik arkhivista*. 3: 308-310. [in Russian]

[Krest'yannikov, 2011](#) – *Krest'yannikov, V.V.* (2011). Podgotovka desantnoi operatsii na Bosfor v kontse XIX – nachale XX vv. [Preparation of the landing operation on the Bosphorus at the end of the XIX – beginning of the XX centuries]. *Istoriya v podrobnostyakh*. 12(18): 70-75. [in Russian]

[Myazgovskii, 1914](#) – *Myazgovskii, E.A.* (1914). Istoriya Chernomorskogo flota 1696–1912 gg. [The history of the Black sea fleet 1696–1912]. SPb. [in Russian]

[Natolochnaya et al., 2020](#) – *Natolochnaya, O.V., Gordeev, I.A., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A.* (2020). The Preparation of the Bosphorus Landing Operations in 1897 and 1915 (the Operational Considerations, Calculations of Forces and Means). *Bylye Gody*. 56(2): 807-819.

[Novikov, 1937](#) – *Novikov, N.* (1937). Operatsii flota protiv berega na Chernom more v 1914–1917 gg. [Fleet operations against the coast on the Black sea in 1914–1917]. M. [in Russian]

[RGA VMF](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv voenno-morskogo flota [Russian state archive of the Navy].

[Rukavishnikov, 2014](#) – *Rukavishnikov, E.N.* (2014). Ekspeditsiya Chernomorskogo flota na Bosfor v 1833 g. i ee posledstviya [The expedition of the Black sea fleet to the Bosphorus in 1833 and its consequences]. *Vestnik Akademii voennykh nauk*. 1(46): 172-176. [in Russian]

[Shornikov, 2016](#) – *Shornikov, P.M.* (2016). Pochemu ne sostoyalas' desantnaya operatsiya na Bosfore? [Why didn't the landing operation on the Bosphorus take place?]. *Rusin*. 2(44): 93-110. [in Russian]

[Natolochnaya et al., 2021](#) – *Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Petrova S.V.* (2021). Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 1. *Bylye Gody*. 16(1): 404-412.

[Natolochnaya et al., 2021a](#) – *Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Petrova S.V.* (2021). Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 2. *Bylye Gody*. 16(2): 1042-1051.

Планирование блокады Босфора силами Черноморского флота в 1916 г. Часть 3

Ольга Васильевна Натолочная ^{a, b, *}, Руслан Мурадович Аллалыев ^c,
Владимир Александрович Свечников ^d, Светлана Владиславовна Петрова ^e

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы планирования блокады Босфора силами Черноморского флота в кампанию 1916 г. Первой мировой войны. Особое внимание уделено расчетам элементов силы, а также соотношению турецкого и русского флотов.

Данное исследование выполнено на основе ранее не публиковавшихся документов Российского государственного архива военно-морского флота (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Важное значение в нем имеет план блокады Босфора, который был подготовлен капитаном 2-го ранга Б. Тягиным 1 июля 1916 г. на Севастопольском рейде.

В методологическом плане данная работа опирается на базовые принципы исторического исследования, а именно – объективности и достоверности. Важное значение в ней имеет проблемно-исторический метод, который позволил рассмотреть планирование блокады Босфора в контексте конкретно-исторической обстановки, сложившейся в 1916 г.

В заключении авторы отмечают, что, согласно планированию операции по блокаде Босфора, предполагалось, что блокаду будет вести Черноморский флот в три смены. Блокаду должно было сопровождать заграждение Босфора против подводных и надводных судов. Ей должны были предшествовать серьезные тайная и судовая разведки; а также одновременно активные операции против подлодок по всему Черному морю и оборона берегов и флота от атак подлодок в портах и море. Резко должно было быть увеличено привлечение гидроаэропланов к разведывательной, истребительной и бомбардировочной деятельности; сформированы новые подразделения для борьбы с базами подводных лодок противника; переоборудованы и оснащены гражданские суда под выполнение военных задач. Если учесть объемы имеющихся ресурсов у Черноморского флота на Кавказском театре военных действий, то для выполнения задачи по блокаде Босфора было вполне достаточно тех сил, которыми флот располагал.

Ключевые слова: блокада Босфора, Первая мировая война, Черноморский флот, 1916 г., планирование операции, элемент силы.

* Корреспондирующий автор

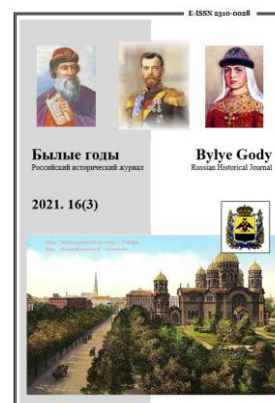
Адреса электронной почты: incfar.natolochnaya@gmail.com (О.В. Натолочная)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1568-1575
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1568
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



Diplomatic Relations of the Kazakh Khanates and the Russian Empire in late Soviet and Modern Historiography

Nikolay S. Lapin ^{a, *}, Kuanysh G. Akanov ^a

^a Institute of History of the State, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article examines how the problem of the formation of Kazakh-Russian ambassadorial relations during the 18th century was studied in Soviet historical science in the 1940–1980s and modern Kazakhstan and Russian historiography.

Recording the facts of mutual embassies starts much earlier in the 18th-19th centuries, however, as a separate problem, the diplomatic relations of Kazakh and Russia rulers began to be considered only from the middle of the 20th century. At this time, the history of the Soviet Asian republics began to be studied more deeply. The peculiarity of the study is the leading role of Russian historians – M.P. Vyatkin and N.G. Apollova whose scientific interests and a certain stage of life were associated with Kazakhstan.

Since the 1960`s the main researchers of the issue of Kazakh-Russian ambassadorial relations in modern times were Kazakhstan`s historians V.Ya. Basin and A. Sabyr Khanov who were able to distinguish this problem.

At the present stage, in works of D.V. Vasiliev, Zh.B. Kundakbaeva, V.V. Trepavlov, G.B. Izbasarova and others, the diplomatic ties of the Kazakh khanates and the Russian Empire various aspects of imperial practices and representations of Russian power among the elite of subordinate peoples and dependent states are investigated.

Keywords: Kazakh khanates, Russian Empire, XVIII century, embassies, ceremonial, oath, historiography.

1. Введение

Изучение истории отношений казахских ханств и России начинается практически синхронно их установлению. Первыми авторами были российские чиновники и военные пограничных учреждений, ведавших отношениями с казахами еще в XVIII в. Однако профессиональное изучение началось позже, фактически только в XX в. Изучение двусторонних контактов охватило разные периоды и направления, включая социально-экономические, политические и гуманитарные связи. Исходя из оценки массива историографических источников и охвата изучаемых вопросов, можно заметить наибольший интерес исследователей к этапу казахско-русских отношений в новое время. Это вполне понятно и объяснимо, так как именно в этот период, с 1730-х гг. начинается продолжительный процесс, обозначенный в историографии как «присоединение Казахстана к России». Благодаря этому интересу, изучены обстоятельства официального установления «подданнических» отношений, усиления позиций России в регионе и дальнейшей инкорпорации казахских земель в общеимперское пространство и ряд других вопросов.

Вместе с тем увлечение изучением вопросов включения казахских земель в состав Российской империи, изменение их статуса, проведение различных административных преобразований несколько затмило и оттеснило на второй план изучение такой важной и очевидной проблемы для истории двусторонних отношений, как посольские связи.

* Corresponding author

E-mail addresses: lapin.79@mail.ru (N.S. Lapin), kukaandvita@mail.ru (K.G. Akanov)

Таким образом, цель данной работы – на основе анализа историографических источников показать степень изученности проблемы посольских связей казахских правителей и Российской империи.

2. Материалы и методы

В статье в качестве основного историографического источника привлекались труды историков, опубликованные в 1940-х – 2000-х годах. В ряде случаев использовались неопубликованные или частично опубликованные материалы исследователей, хранящиеся в архивах. В частности, труды М.П. Вяткина из Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН (Архив СПбИИ РАН). Исследуемые работы по типу исторического знания – научно ориентированные, по виду – обобщающие академические издания, научные статьи, публикации документов и др. Основными историографическими фактами являются отраженные в литературе материалы, относящиеся к истории казахско-русских посольских отношений в XVIII веке.

В работе, помимо общенаучных, применены методы, характерные для исторических исследований: проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, периодизации. Проблемно-хронологический метод стал основным, так как позволил выявить в историографии казахско-русских посольских связей группы вопросов и проблем, которые получили свое развитие или остались нерешенными до сегодняшнего дня. Метод периодизации дал возможность выявить в развитии историографии несколько качественных этапов, что продемонстрировало ее динамику и направление развития в 1940–2020 гг. Сравнительно-исторический метод позволил определить качественные изменения в историографии проблемы, ее особенности и тенденции развития, подходы в исследованиях разных авторов с учетом господствовавшей на определенном этапе концепции.

Совокупность используемых методов позволяет проанализировать имеющиеся исторические труды, охарактеризовать степень изученности обозначенной проблемы, особенности состояния историографии, показать динамику и факторы, влияющие на ее развитие.

3. Обсуждение

Историография казахско-русских отношений в новое время сложилась уже довольно давно и имеет свою значительную традицию. На сегодняшний день существует целый ряд работ, в которых исследуется история изучения отношений казахских ханств и России ([Кундакбаева, 2005](#); [Абдилдабекова, 2007](#); [Ганиева, 2018](#)).

Однако отдельных историографических обзоров, в которых бы рассматривался комплекс вопросов, связанных непосредственно с историей посольских контактов, церемониалов и практик, биографий казахских и русских послов (посланников) и т.п., не создано. Это в значительной степени обусловлено непроработанностью темы, наличием небольшого количества работ, которые бы специально рассматривали эти вопросы. В большей степени вопросы посольских контактов рассматривались в обобщающих трудах, нередко они отмечались как элемент истории двусторонних отношений или указывались только отдельные факты.

Нужно отметить, что в целом работ по дипломатической истории эпохи Казахского ханства не так много, а те исследования, которые существуют, практически не затрагивают комплекс вопросов, связанных с собственно казахско-русскими отношениями ([Абусейтова, 1998](#); [Козыбаев, 2001](#); [Мажиденова, 2005](#); [Хафизова, 2019](#)). Это обстоятельство подчеркивает актуальность данной работы.

Среди авторов, в чьих трудах отражены различные аспекты казахско-русских посольских связей, современные казахстанские и российские ученые: И.В. Ерофеева, Ж.К. Касымбаев, Д.В. Васильев, К.К. Абуев, Ж.Е. Жаппасов, Р.Ю. Почекаев и др. ([Абуев, 2006](#); [Ерофеева, 2007](#); [Васильев, 2014](#); [Васильев, 2018](#); [Васильев, 2020](#); [Жаппасов, 2019](#); [Касымбаев, 1986](#); [Касымбаев, 1999](#); [Козыбаев, 2001](#); [Почекаев, 2019](#)). Для зарубежных исследователей проблема посольских связей казахов и России в новое время еще более периферийная. Тем не менее, данную тему затрагивали Джин Нода ([Jin Noda, 2016](#)), М. Ходарковский ([Khodarkovsky, 2002](#)); А. Боджер ([Bodger, 1980](#)) и др.

4. Результаты

Далеко не сразу проблема посольских связей, их история, обстоятельства, их роль в развитии двусторонних отношений стала выделяться из комплекса изучаемых вопросов двусторонних отношений.

Начало профессионального изучения проблемы казахско-русских посольских отношений в XVIII в. следует отнести к рубежу 30–40 гг. XX века.

Время 1940-х гг., включая военный и послевоенный периоды, – важнейший этап в историографии казахско-русских отношений. За эти годы происходит смена историографических концепций. От концепции «абсолютного зла», характерной для начального этапа советской историографии, к началу 1940-х годов XX века сформировалась концепция «наименьшего зла». Последняя уже в начале 1950-х гг. после известной дискуссии, инициированной М.В. Нечкиной, стала сменяться новой концепцией, объясняющей роль России в отношениях с «национальными окраинами» ([Абдилдабекова, 2007: 65, 70-71, 83-84, 124-125, 130](#); [Жаппасов, 2019: 99-110](#)).

В это время выходит несколько работ М.П. Вяткина, а также им подготовлено несколько материалов, оставшихся частично неизданными (Вяткин, 1940; Вяткин, 1941; Вяткин, 1998; История..., 1943: 112-113, 151-156; История, 1949: 150-152, 176-181; Архив СПбИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 49. Л. 1-7; Ф. 267. Оп. 1. Д. 50. Л. 1-7; Ф. 267. Оп. 1. Д. 56. Л. 1-8; Ф. 267. Оп. 1. Д. 57. Л. 1-18; Ф. 267. Оп. 1. Д. 53. Л. 1-86).

По мнению М.П. Вяткина, сложившаяся уже в XVII–XVIII вв. политическая ситуация в Казахском ханстве, объективно требовала сближения с Россией. Ученый отмечает, что Абулхаир – хан Младшего жуза казахов – обсуждал со старшинами вопрос направления в Уфу посольства в сентябре 1730 г. для заключения союза, однако в письме на имя императрицы Анны Иоанновны прозвучало именно прошение о подданстве. Тем самым хан вышел за пределы своих оговоренных ранее полномочий, прося о подданстве для всего народа, хотя на деле не имел необходимого влияния. Оценивая внутреннюю обстановку в Казахском ханстве, ученый приходит к мнению, что ввиду политической нестабильности, а также возросшей опасности набегов калмыков, башкир и джунгар казахское общество стояло перед выбором попадания в подданническую зависимость либо от Джунгарского ханства, либо от Российской империи. Ввиду того, что Российская империя индустриально считалась наиболее развитой державой, подчинение северо-западной части Казахстана в 30-х гг. XVIII в. оценивалось как «наименьшее зло» (Вяткин, 1941: 123-141).

В своей самой крупной работе – «Батыр Срым», связанной с историей казахско-русских отношений, М.П. Вяткин изучает некоторые обстоятельства посольств, связанных с подачей ханом Абулхаиром прошения о принятии российского подданства. Первое – это посольство Койбагара в 1726 г., который был отпущен из Санкт-Петербурга без ответа, что М.П. Вяткин объясняет неготовностью России вступать в конфликт с Джунгарией за обладание казахскими землями. В случае со вторым казахским посольством 1730 г. ученый считает, что основным результатом было формирование с российской стороны ответной дипломатической миссии во главе с А.И. Тевкелевым. Отмечается и достижение российского посольства, которое, несмотря на враждебность части казахской знати, смогло добиться принятия подданства рядом старшин и самим ханом Младшего жуза и благополучно вернуться (Вяткин, 1998: 71, 143-144).

Важными историографическими источниками являются первые академические издания по истории Казахстана, в работе над которыми принял самое активное участие М.П. Вяткин (История..., 1943: 152-156; История..., 1949: 150-152; 176-181). Относительно к XVIII веку с казахской стороны им рассмотрены несколько посольств ханов Тауке и Абулхаира. Причем среди целей посольства хана Тауке (1715–1717 гг.) отмечаются обмен пленными, заключение мира, военная помощь России в войне против джунгар. Результатом указывались согласие русского царя и его распоряжение сибирскому губернатору об оказании военной помощи. М.П. Вяткиным отмечается стремление Петра I к организации ответной посольской миссии во главе с А.И. Тевкелевым с целью добиться хотя бы номинального подданства казахов. В случае с посольствами хана Абулхаира в 1726 и 1730 гг. повторен сюжет и их значение, обозначенные ранее (История..., 1943: 112-113, 152-156; История..., 1949: 150-152; 176-181).

Важным источником служат статьи М.П. Вяткина, хранящиеся в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. В этих статьях ученым рассмотрены отношение казахских ханов и старшин к русским послам, характер их связей с Россией, раскрывается разведывательная роль посольства А.И. Тевкелева, его контакты с правителями казахов, с их окружением, тактика ведения переговоров русских послов (Архив СПбИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 49. Л. 1-7; Ф. 267. Оп. 1. Д. 50. Л. 6; Ф. 267. Оп. 1. Д. 53. Л. 11. 19-21; Ф. 267. Оп. 1. Д. 56. Л. 1-8; Ф. 267. Оп. 1. Д. 57. Л. 1-10). Кроме того, М.П. Вяткиным в этих работах рассмотрена история нескольких обоюдных посольств: хана Тауке к сибирскому губернатору М. Гагарину в 1716 г.; султанов Каипа и Абулхаира, впоследствии поочередно пребывавших в статусе казахских ханов после смерти Тауке в 1718 году (Архив СПбИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 50. Л. 5-7).

По целому ряду положений с М.П. Вяткиным солидарна Н.Г. Аполлова, выпустившая в 1948 г. первую в историографии монографию, посвященную проблеме начала присоединения казахских земель к России в 1730-х годах. Она отметила, что, несмотря на победы в Булантинской и Анракайской битвах, разрозненные казахские жузы все еще испытывали последствия нашествия джунгар в 1723 году. Вследствие этого Старший жуз находился в протекторатной зависимости от Джунгарии, а Младший и Средние жузы – в условиях политической разобщенности, также испытывали угрозу возможного завоевания. Именно проблема формирования единого центра через усиление ханской власти, преодоление раздробленности, предотвращение внешней угрозы, укрепление экономического и политического сотрудничества с Россией, по мнению Н.Г. Аполловой, явилась основной причиной для направления ханом Абулхаиром посольства для прошения о российском подданстве (Аполлова, 1948: 175-185).

Н.Г. Аполлова отдельно останавливается на посольствах казахских ханов Каипа и Абулхаира с целью заключения мира с Россией и установления торговых отношений, позднее получения российского протектората и строительства укрепленного города на р. Орь. Исследователь рассматривает казахские посольства султана Мамай, К. Кобякова в Петербург, Кутлумбет-бея и Сейткула батыра к сибирскому губернатору М.П. Гагарину. Ею также изучены российские посольства Б. Брянцева, Бекбулата, М. Юнусова, А.И. Тевкелева. Выявлено, что их главными целями были

приведение казахских правителей в подданство России, принесение ими присяги, получение ценных сведений о внутренней и внешней политике Казахского ханства, составление географического описания, для чего к миссии Тевкелева прикомандировывались геодезисты А. Писарев и М. Зиновьев. Как и М.П. Вяткин, Н.Г. Аполлова сообщает о негативных настроениях окружения казахских правителей к русскому посольству и его защите в лице батыра Букенбая. Указываются новые факты относительно царских даров хану Абулхаиру и др. (Аполлова, 1948: 186-245).

Не менее важный вклад в разработку проблемы посольских связей внес Г.Ф. Дахшлейгер, отвечавший за составление главы XIX раздела IV «Присоединение Казахстана к России» в издании академической «Истории Казахской ССР» (1957 г.), где как раз рассматривались посольские миссии первой половины XVIII века. В частности, им вводятся сведения о посольствах: хана Каипа к сибирскому губернатору М. Гагарину (1716 г.); русских миссиях Н. Белоусова (октябрь 1715 г.); Б. Брянцева и Я. Тарышнина (ноябрь 1717 г.). Также сообщается о планируемом посольстве А. (Кутлу-Мухаммеда) Тевкелева (начало 1720-х гг.), направленном с целью приведения казахов в подданство России (История..., 1957: 228-231).

Помимо этого, сообщается о послании хана Старшего жуза Жолбарыса, отправившего трех старшин к А.И. Тевкелеву, и направлении в составе посольства султана Ералы в Санкт-Петербург батыров Аралбая и Арасгельды (Рыскельди), а также отдельном посольстве группы старшин Старшего жуза с прошением о принятии в российское подданство (История..., 1957: 238-245).

Данные публикации очерчивают начальный этап профессионального изучения казахско-русских посольств в XVIII в. Отметим также, что ряд посольств, особенно связанных с начальным этапом присоединения Казахстана к России в 1730-х гг., стал рассматриваться в крупных обобщающих работах, в том числе академических изданиях по истории Казахстана.

С 1960-х гг. начинается новый этап в изучении казахско-русских посольских связей. Это было во многом связано с началом публикации исторических источников в те годы (Казахско-русские..., 1961; Казахско-русские..., 1964).

В это же время и вплоть до 1980-х гг. выходит серия работ В.Я. Басина, в которых подробно рассматриваются казахско-русские дипломатические отношения от истоков в XVI в. и вплоть до XVIII в. включительно. В этих исследованиях с опорой практически на все известные тогда источники изучается история целого ряда посольств. Всего в его работах упоминаются имена около 20 руководителей посольских миссий, участвовавших в установлении дипломатических контактов в XVIII в. (Басин, 1965; Басин, 1969; Басин и др., 1969: 4-14).

Наиболее полно проблемы двусторонних казахско-русских посольств представлены в монографии В.Я. Басина (1971 г.), в которой рассмотрены как известные, так и ряд ранее неизвестных посольских миссий. В их числе изучались как запланированные посольства, но по ряду причин не реализованные, так и осуществившиеся. Приводятся данные о казахском посольстве 1702 г., не реализованного ввиду угрозы его возможного перехвата со стороны Джунгарии. Рассматриваются русские посольства в соседние государства, маршруты которых проходили через территорию Казахстана: Трушникова – в Северный Тибет (1714–1716 гг.), Чередова, Унковского и Угрюмова (1722 и 1732 гг.) – в Джунгарию. Отдельно и весьма подробно В.Я. Басин изучает сведения о казахско-русских миссиях в первой четверти XVIII века: Б. Екешева, Б. Буриева от Каип-хана (сентябрь 1716 г.), Шабу и Багадур от Абулхаира (октябрь 1718 г.) и русские миссии Н. Белоусова (октябрь 1716 г.), Б. Брянцева (конец 1716 г.), Ф. Жилина (1717 г.) и Т. Кутлубаева (1718 г.). Среди других вопросов, связанных с посольскими связями казахов с Россией, В.Я. Басин рассматривал проблемы взаимного обмена посольствами казахов с сибирской администрацией с договоренностями о мирных отношениях и развитии торговли. Однако и здесь, по его мнению, оставались нерешенные проблемы, среди которых вопрос о поддержке казахов в войне с Джунгарией (Басин, 1971: 124-131).

Значительное место в работах В.Я. Басина занимают казахско-русские посольства 1730-х гг. Им приводится несколько новых фактов. Так, в послании хана Абулхаира в числе причин прошения о российском подданстве указываются надежда на нормализацию напряженных отношений с башкирами как русскими подданными, укрепление личной власти хана, развитие торговли, союз против Джунгарии, получение права использования пастбищ в междуречье Волги и Урала. Российскому послу А.И. Тевкелеву ставилась задача направления аманатов и в случае отказа их получения – разрыва отношений с Абулхаиром. В то же время Тевкелеву предоставлялись неограниченные полномочия на выдвижение самостоятельных условий и решение вопроса о требованиях к казахскому хану. Указываются обязанности русского посла: вести журнал наблюдений, проводить сбор сведений о соседних с казахами народах, в частности о башкирах, выявляя уровень состояния их взаимоотношений. Позднее, в июле 1731 г., в состав посольства вошли геодезисты для составления описания маршрута пути до ставки Абулхаир-хана на Иргизе (Басин, 1971: 131-138).

Кроме того, В.Я. Басиным изучены отдельные посольства казахской знати, например, посольство султана Джанибека, направленное для решения вопроса о возвращении отобранных летом 1739 г. товаров у казанских купцов; посольства лидеров Младшего и Среднего жуза – султанов Нуралы и Ералы, батыров Джанибека, Букенбая и Есета в 1740 г., а также посланцев Старшего жуза в 1738 г. – султана Аразгельды, биев Кодара и Тюля, батыров Сатая, Кангельди и Буряка с

договоренностями о принятии подданства. В работе представлено подробное описание встречи казахских посольств «с большими почестями». Также были изучены российские посольские миссии 1740-х гг. Д. Гладышева, Р. Уразина, К. Миллера, их состав, имена участников, должности, содержание диалогов с казахскими правителями (Басин, 1971: 157-178).

Другим исследователем, занимавшимся в этот период изучением проблемы посольских связей казахских ханств и Российской империи, стал ученик Н.Г. Аполловой А. Сабырханов, который в своей монографии (1970 г.), являвшейся на тот момент первой работой, посвященной дипломатической истории Казахского ханства в новое время, анализировал посольские взаимоотношения Младшего жуза и России. В числе ранее неизвестных в данной теме деятелей упоминаются имена Я. Тарыштина, К. Мамеева, участвовавших в посольстве Б. Брянцева, направленного сибирским губернатором М.П. Гагариным к ханам Каипу и Абулхаиру (1718 г.), батыров Сапа и Испамбета, посланных Абулхаиром в Тобольск (1718 г.). Отмечается, что в архивных материалах по посольству Б. Брянцева встречаются ценные сведения: указания мест встречи с казахскими лидерами (в районе р. Арыс – с Абулхаиром, в г. Туркестан – с Каипом и др.). Сообщаются имена многих представителей казахской знати в посольстве султана Ералы 1733 г. в Россию: Шадинбай би, Мырзакельды батыр, Кудайназар и Тугельбай (Сабырханов, 1970: 30-56).

Таким образом, в течение 1960–1980-х гг. в историографии проблемы выделяется новый этап, связанный с работами В.Я. Басина и А. Сабырханова. Выявляются новые имена лиц, задействованных в казахско-русских посольских контактах, детали церемонии встреч посольств, значение переговоров российских послов с казахскими ханами и представителями знати.

На современном этапе по истории казахско-русских посольских связей выходят работы таких ученых, как Ж.К. Касымбаев, К. Абуев, И.В. Ерофеева, К.Х. Хафизова, Д.В. Васильев, Ж.Б. Кундакбаева, Г.Б. Избасарова, Р.Ю. Почекаев и др.

Одной из первых выделим работу Ж.К. Касымбаева (1986 г.). В ней обращается внимание на посольства С. Койдагулова, К. Коштаева (1730 г.). Описывается и ответное посольство, направленное с жалованной грамотой о подданстве. Отметим, что в данном труде посольские отношения рассматриваются не столь подробно, как в исследованиях предыдущего периода. В частности, факт враждебной настроенности большинства казахской знати к превышению ханом Абулхаиром своих полномочий упоминается лишь частично. Причем из мотивов оппозиционных представителей казахской знати высказывается мнение о сопротивлении усилению политической власти хана Абулхаира. Основное внимание уделяется факту оформления 10 октября 1731 г. акта о принятии казахами российского подданства (Касымбаев, 1986: 13, 39-40).

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. Ж.К. Касымбаев выпускает серию книг по биографиям деятелей казахских ханств, в том числе и тех, кто участвовал в развитии казахско-русских посольских отношений в XVIII веке. Раскрываются отношения русских военно-политических деятелей к самому факту прибывания казахских послов, в частности, что для сибирского губернатора М. Гагарина прибытие Б. Екешева и Б. Буриева было обнадеживающим фактором в продолжающемся процессе колонизации казахских территорий и позволило получить более достоверные сведения о внутреннем положении Казахского ханства (Касымбаев, 1999: 11).

Работа Ж. Касымбаева дает сведения о численности посольской миссии хана Абулхаира – 7 человек во главе с К. Коштаевым, качестве их встречи: послы были встречены радушно, одарены ценными подарками, возвращены обратно вместе с ответным посольством переводчика Коллегии иностранных дел А.И. Тевкелева в сопровождении военного отряда. Указывается ряд фактических данных о русском посольстве, а также отмечается, что выдача ханским представителям знаков поощрения и подарков стало атрибутом, вручаемым после церемонии принятия русского подданства (Касымбаев, 1999: 16-19).

Крупный исследователь истории Казахстана в новое время К. Абуев отмечает, что число взаимных посольств между ханом Каипом и русской администрацией в 1716–1718 гг. достигло с обеих сторон по 5, основной целью которых было установление мирных отношений, антиджунгарский военный союз и развитие торговли. Исследователь также проводит анализ доставленных посольствами писем хана Каипа и выявляет, что ни в одном из них не было прошения о подданстве. Отмечается, что идея о протекторате России над Казахским ханством в обмен на помощь в войне с Джунгарией впервые стала реализовываться через посольства хана Абулхаира (Абуев, 2006: 144-150).

Отдельно следует выделить труды И.В. Ерофеевой, в которых поднимается тема личных контактов представителей казахской знати с российскими посланниками, в частности мурзы Кутлубая с Б. Брянцевым, которому тот сообщил о событиях Аягузской битвы 1718 г. между казахами и ойратами (джунгарами). И.В. Ерофеева отмечает, что активный обмен посольствами начинается в 1715–1718 гг. и носит характер региональных отношений. Основными вопросами в это время стали проблемы взаимного обмена пленными, урегулирования военных конфликтов как с Россией, так и с подданными империи – калмыками, уральскими и сибирскими казаками и башкирами, обеспечения безопасных маршрутов торговых караванов. Упоминается малоизвестная миссия батыра Т. Култабаева, проводившего переговоры с казанским губернатором П.С. Салтыковым об установлении мирных отношений с башкирами и возвращении пленных. Изучается история

посольств Е. Баулукова, батыров Сафа, Итмамбета, Бакурмана, Байбека и Толебая, направленных в Тобольск казахскими ханами Каипом и Абулхаиром для переговоров с сибирским губернатором М.П. Гагариным в мае–октябре 1718 г. (Ерофеева, 2007: 141-142, 151-159).

Важную роль Абулхаир-хана в развитии казахско-русских посольских отношений подчеркивает К.Х. Хафизова. Отмечается, что хан выполнял ряд функций: контролировал посольские связи казахов, организовывал сопровождение русских послов, являлся посредником в налаживании связей России со Старшим жузом (1733 г.), договорился с ханом Среднего жуза Абулмамбетом о его приезде в Оренбург для совершения присяги (Хафизова, 2019: 40-42).

В контексте казахско-русских посольских связей в течение XVIII в. отдельного внимания заслуживают работы Ж.Б. Кундакбаевой. Хотя в ее работах посольства отдельно не изучаются, однако она одной из первых стала привлекать внимание к взаимным посольствам в связи с апробацией имперских практик, направленных на установление зависимости новых подданных и их последующей интеграции в имперское пространство. Ею рассматривались и посольские церемониалы как определенный элемент по презентации российской власти среди казахов (Кундакбаева, 2019: 30-42).

В работе Г.Б. Избасаровой подробно раскрыта дипломатическая деятельность и вклад русского посла А.И. Тевкелева в развитие двусторонних отношений. На основе архивных материалов исследуются деятельность посла, состав миссии и ряд других аспектов (Избасарова, 2018: 68-76).

Стоит выделить статью Р.Ю. Почекаева, затрагивающего теоретические аспекты казахско-русских посольских контактов в новое время. Им изучаются изменения позиции России по отношению к статусу Казахского ханства посредством обзора посольской документации конца XVI – начала XVIII вв. Р.Ю. Почекаевым отмечается, что хан Каип в своих посланиях за счет оборотов «белому царю, брату моему большему», «челом бью» подчеркивал высокий статус русского царя. Преемники Каипа (хан Абулхаир) выражали также желание принять определенные блага в форме жалования за свою службу, а также ожидали паритетных шагов по отношению к развитию торговли и наказанию за набеги. Русские чиновники стремились различать правителей и тех, кто не обладает статусом монарха, а также всячески подчеркивать их зависимый статус от русских властей (Почекаев, 2019).

Последними по времени работами по истории имперской политики России на юго-восточных окраинах являются труды крупного российского специалиста Д.В. Васильева (Васильев, 2014; Васильев, 2018; Васильев, 2020).

В монографии 2018 г. им исследуются казахско-русские дипломатические взаимоотношения, начиная с конца XVI века. Что касается рассматриваемого нами периода, то отметим материал о втором посольстве хана Каипа, где казахский хан выступал с конкретным предложением по делегированию российской стороной военных сил и указания места для встречи русской армии с казахской (Васильев, 2018: 11-16).

В другой монографии Д.В. Васильева (2020 г.) отмечается, что российские посольства заложили систему казахского подданства, основанного на вручении подарков – денежных дач, выплаты ясака и выдачи аманатов. Отмечается и относительно гибкий подход посла А.И. Тевкелева, которому, находясь во враждебном окружении, удалось в определенной степени бескровно решить первый дипломатический конфликт в истории казахско-русских политических контактов (Васильев, 2020: 192-199).

5. Заключение

В 1940-е гг. начинается более глубокое исследование истории советских азиатских республик. Это привело к росту внимания историков к различным аспектам истории этих народов, в том числе проблеме истории их взаимоотношений с Россией. Особенностью изучения казахско-русских посольских связей становится ведущая роль историков Ленинграда и Москвы, чьи научные интересы и определенный этап их жизни был связан с Казахстаном – М.П. Вяткина и Н.Г. Аполловой. В работах этих авторов отдельно начинают изучаться казахско-русские посольства в первой половине XVIII в.

С 1960-х гг. основными исследователями проблемы казахско-русских посольских связей в новое время стали В.Я. Басин и А. Сабырханов, которые смогли вычленить проблему именно дипломатических отношений двух стран.

На современном этапе, начиная с 1980-х гг., в работах Ж.К. Касымбаева, И.В. Ерофеевой, Д.В. Васильева, Ж.Б. Кундакбаевой, Г.Б. Избасаровой и др. исследуются посольские связи казахских ханств и Российской империи через изучение разных аспектов имперских практик и репрезентаций власти России среди элиты зависимых народов и государств. Значительный акцент в изучении был сделан на посольских церемониях и ритуалах.

Общей характеристикой исторической литературы всех этапов является заметно большее внимание к установлению посольских контактов в первой трети XVIII века. Однако при этом практически остаются без соответствующего внимания вопросы, связанные с взаимными посольскими контактами в середине и второй половине столетия.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан (Грант № АР08856071 «Казахстан и Россия: комплексное изучение истории становления и развития двусторонних взаимоотношений в новое и новейшее время (XVIII – начало XXI в.)»).

Литература

- Абдилдабекова, 2007** – Абдилдабекова А.М. Россия и Казахстан (XVIII – начало XX века): Вопросы историографии. Учебное пособие. Алматы: Казак университеті, 2007. 136 с.
- Абуев, 2006** – Абуев К. Хан Абылай и его время. Астана: Елорда, 2006. 304 с.
- Абусейтова, 1998** – Абусейтова М.Х. Казахстан и Центральная Азия в XV–XVII вв.: история, политика, дипломатия. Алматы, 1998. 268 с.
- Аполлова, 1948** – Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1948. 247 с.
- Архив СПБНИИ РАН** – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.
- Басин и др., 1969** – Басин В.Я., Бекмаханова Н.Е., Герасимова Э.И. Истоки великой дружбы. Алма-Ата: О-во «Знание» КазССР, 1969. 40 с.
- Басин, 1965** – Басин В.Я. О русско-казахских дипломатических отношениях в начале XVIII века // *Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественных наук.* 1965. Вып. 5. С. 39-51.
- Басин, 1969** – Басин В.Я. Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII века // *Казахстан в XV–XVIII веках (Вопросы социально-политической истории).* Алма-Ата: Наука, 1969. С. 50-145.
- Басин, 1971** – Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв.: Казахстан в системе внешней политики российской империи. Алма-Ата: Наука, 1971. 276 с.
- Васильев, 2014** – Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 471 с.
- Васильев, 2018** – Васильев Д.В. Административная аккультурация опыт региональной политики Российской империи в Центральной Азии. XVIII–XIX вв. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2018. 139 с.
- Васильев, 2020** – Васильев Д.В. Рождение империи. Юго-восток России: XVIII – первая половина XIX в. СПб.: Дмитрий Буланин. 608 с.
- Вяткин, 1940** – Вяткин М.П. Казахское общество в середине XVIII в. Известия Казахстанского филиала АН ССР. Серия историческая. Вып. 1. Алма-Ата, 1940. С. 3-17.
- Вяткин, 1941** – Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР. Т. 1: С древнейших времен по 1870 г. М.: ОГИЗ: Госполитиздат, 1941. 367 с.
- Вяткин, 1998** – Вяткин М.П. Батыр Срым. Учебное пособие. Алматы: Санат, 1998. 344 с.
- Ганиева, 2018** – Ганиева А. Проблемы колонизации Казахстана в современной историографии. // *Вестник СемГУ им. Шакарима*, 2018. № 4. С. 278-283.
- Дүйсен, 2018** – Дүйсен С.Ж. Қазақстан дипломатиясы (тарихы аспект). Астана, 2018. 336 б.
- Ерофеева, 2007** – Ерофеева И.В. Хан Абулхайр: полководец, правитель, политик. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 456 с.
- Жаппасов, 2019** – Жаппасов Ж.Е. XVI–XVIII ғғ. қазақ-орыс қарым-қатынастарының тарихнамасы. Алматы: Казак университеті, 2019. 233 б.
- Избасарова, 2018** – Избасарова Г.Б. Государственная деятельность А.И. Тевкелева по реализации юго-восточной политики Российской империи в XVIII в. // *Вестник Томского государственного университета.* 2018. № 430. С. 68-76.
- История..., 1943** – История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1943. 670 с.
- История..., 1949** – История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. 2-е изд. Т. 1. Алма-Ата: АН Казахской ССР. 1949. 511 с.
- История..., 1957** – История Казахской ССР. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, Т. 1. 1957. 609 с.
- Казахско-русские..., 1961** – Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (сборник документов и материалов). Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1961. 743 с.
- Казахско-русские..., 1964** – Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках. (1771–1867 гг.): Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Наука, 1964. 575 с.
- Касымбаев, 1986** – Касымбаев Ж.К. Под надежную защиту России. Алма-Ата: Казахстан, 1986. 134 с.
- Касымбаев, 1999** – Касымбаев Ж. Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.). Алматы: Білім, 1999. 288 с.
- Козыбаев, 2001** – Козыбаев И.М. Дипломатия Казахстана: страницы истории. Алмат. гос. ун-т им. Абая. Алматы: Өркениет, 2001. 207 с.

Кундакбаева, 2005 – *Кундакбаева Ж.Б.* Политика Российской империи в отношении народов Северного Прикаспия в XVIII веке: историография проблемы и источники изучения. М.: АИРО-XXI. 2000, 2005. 128 с.

Кундакбаева, 2019 – *Кундакбаева Ж.Б.* Организация имперского пространства в кочевой среде: казахи и волжские калмыки в орбите внимания России в XVIII веке. Алматы: Қазақ университеті, 2019. 384 с.

Мажиденова, 2005 – *Мажиденова Д.М.* Дипломатическая служба в контексте эволюции мировой политики: (с древнейших времен до Венского регламента). Астана: Күлтегін, 2005. 239 с.

Почекаев, 2019 – *Почекаев Р.Ю.* Мнимый сюзеренитет: московские цари и казахские ханы (по русскоязычным посольским документам конца XVI – начала XVIII вв.). Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Выпуск 1 (75). [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840002567-2-1/>

Сабырханов, 1970 – *Сабырханов А.* Қазақстан мен Россияның XVIII ғасырдағы қарым-қатынастары (қазақтың кіші жүзіне қатысты мәліметтер негізінде). Алматы: «Ғылым», 1970. 140 б.

Хафизова, 2019 – *Хафизова К.Ш.* Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. 476 с.

Bodger, 1980 – *Bodger A.* Abulhair, Khan of the Kazakh Little Horde, and His Oath of Allegiance to Russia of October 1731. *The Slavonic and East European Review*. 1980. Vol. 58. No. 1 (Jan.). P. 40-57.

Khodarkovsky, 2002 – *Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500-1800. Bloomington: Indiana University Press, 2002. 290 p.

Noda, 2016 – *Noda Jin.* The Kazakh Khanates between the Russian and Qing Empires: Central Eurasian international relations during the eighteenth and nineteenth centuries. Boston: Brill, 2016. 350 p.

References

Abdil'dabekova, 2007 – *Abdil'dabekova, A.M.* (2007). Rossiya i Kazahstan (XVIII – nachalo XX veka.): Voprosy istoriografii [Russia and Kazakhstan (XVIII - early XX century.): Questions of historiography]. Uchebnoe posobie. Almaty: Kazakuniversity, 136 p. [in Russian]

Abuev, 2006 – *Abuev, K.* (2006). Han Abylaj i ego vremja [Khan Abylai and his time]. Astana: Elorda, 304 p. [in Russian]

Abuseitova, 1998 – *Abuseitova, M.H.* (1998). Kazahstan i Central'naja Azija v XV-XVII vv.: istorija, politika, diplomatija. [Kazakhstan and Central Asia in the XV-XVII centuries: history, politic, diplomacy]. Almaty, 268 p. [in Russian]

Apollova, 1948 – *Apollova, N.G.* (1948). Prisoedinenie Kazahstana k Rossii [The accession of Kazakhstan to Russia]. Monografija. Alma-Ata: AN Kazahskoj SSR, 247 p. [in Russian]

Arhiv SPbII RAN – Nauchno-istoricheskij arhiv Sankt-Peterburgskij institut istorii Rossijskoj Akademii nauk [Scientific-historical archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences].

Basin et al., 1969 – *Basin, V.Ya., Bekmahanova, N.E., Gerasimova, Je.I.* (1969). Istoki velikoj družby [The origins of a great friendship]. Alma-Ata: O-vo «Znanie» KazSSR, 40 p. [in Russian]

Basin, 1965 – *Basin, V.Ya.* (1965). O russko-kazahskikh diplomaticheskikh otnosheniyakh v nachale XVIII veka [On Russian-Kazakh diplomatic relations at the beginning of the 18th century]. *News of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Social Science Series*. 5: 39-51. [in Russian]

Basin, 1969 – *Basin, V.Ya.* (1969). Kazahstan v sisteme vneshnei politiki Rossii v pervoi polovine XVIII veka [Kazakhstan in the system of Russian foreign policy in the first half of the 18th century]. *Kazahstan in the 15th-18th centuries (Questions of socio-political history)*. Alma-Ata: Nauka, pp. 50-145. [in Russian]

Basin, 1971 – *Basin, V.Ya.* (1971). Rossiya i kazahskie khanstva v XVI – XVIII vv.: Kazahstan v sisteme vneshnei politiki Rossiiskoi Imperii [Russia and Kazakh khanates in the 16th – 18th centuries: Kazakhstan in the system of foreign policy of the Russian empire]. Alma-Ata: Nauka, 276 p. [in Russian]

Bodger, 1980 – *Bodger, A.* (1980). Abulhair, Khan of the Kazakh Little Horde, and His Oath of Allegiance to Russia of October 1731. *The Slavonic and East European Review*. 58(1) (Jan.): 40-57.

Duisen, 2018 – *Duisen, S.Zh.* (2018). Kazakstan diplomatiyası (tarikhy aspekt) [Diplomacy of Kazakhstan (historical aspect)]. Astana, 336 p. [in Kazakh]

Erofeeva, 2007 – *Erofeeva, I.V.* (2007). Khan Abulhair: polkovodets, pravitel, politik [Khan Abulhair: commander, ruler, politician]. Almaty: Daik-Press, 456 p. [in Russian]

Ganieva, 2018 – *Ganieva, A.* (2018). Problemy kolonizacii Kazahstana v sovremennoj istoriografii. [Problems of colonization of Kazakhstan in modern historiography]. *Vestnik SemGU im. Shakarima*. 4: 278-283. [in Russian]

Hafizova, 2019 – *Hafizova, K.Sh.* (2019). Stepnye vlastiteli i ihdiplomatiya v XVIII–XIX vekah. [Steppe rulers and their diplomacy in the XVIII-XIX centuries]. Nur-Sultan: KISI under the President of the Republic of Kazakhstan, 476 p. [in Russian]

Istorija..., 1943 – *Istorija Kazahskoj SSR s drevnejshih vremen do nashih dnei.* [History of the Kazakh SSR from ancient times to our days]. Alma-Ata: KazOGIZ, 1943. 670 p. [in Russian]

- Istorija..., 1949** – Istorija Kazahskoj SSR s drevnejshih vremen do nashih dnei. [History of the Kazakh SSR from ancient times to our days]. AN Kazahskoj SSR, 2-e izd. T.1 Alma-Ata: 1949. 511 p. [in Russian]
- Istorija..., 1957** – Istorija Kazahskoj SSR [History of the Kazakh SSR]. Alma-Ata: Izd-vo Akad. nauk KazSSR, T. 1. 1957. 609 p. [in Russian]
- Izbasarova, 2018** – *Izbasarova, G.B.* (2018). Gosudarstvennaja dejatel'nost' A.I. Tevkeleva po realizacii jugo-vostochnoj politiki Rossijskoj Imperii v XVIII v. [State activity A.I. Tevkeleva on the implementation of the south-eastern policy of the Russian Empire in the XVIII century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 430: 68-76. [in Russian]
- Kasymbaev, 1986** – *Kasymbaev, Zh.K.* (1986). Pod nadezhnuju zashhitu Rossii [Under the reliable protection of Russia]. Alma-Ata: Kazahstan, 134 p. [in Russian]
- Kasymbaev, 1999** – *Kasymbaev, Zh.* (1999). Gosudarstvennye dejateli kazahskih hanstv (XVIII v.) [State figures of the Kazakh khanates (XVIII century)]. *Almaty: Bilim*, 288 p. [in Russian]
- Kazahsko-russkie..., 1961** – Kazahsko-russkie otnoshenija v XVI–XVIII vekah (sbornik dokumentov i materialov). [Kazakh-Russian relations in the XVI–XVIII centuries (collection of documents and materials)]. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 1961. XVI+743 p. [in Russian]
- Kazahsko-russkie..., 1964** – Kazahsko-russkie otnoshenija v XVIII-XIX vekah. (1771-1867 gg.): Sbornik dokumentov i materialov. [Kazakh-Russian relations in the XVIII-XIX centuries. (1771-1867): Collection of documents and materials]. Alma-Ata: Nauka, 1964. 575 p. [in Russian]
- Khodarkovsky, 2002** – *Khodarkovsky, M.* (2002). Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500-1800. Bloomington: Indiana University Press, 290 p.
- Kozybaev, 2001** – *Kozybaev, I.M.* (2001). Diplomatiya Kazahstana: stranicy istorii [Diplomacy of Kazakhstan: pages of history]. *Almaty gos. un-t im. Abaja*. Almaty: Őrkeniet, 207 p. [in Russian]
- Kundakbaeva, 2005** – *Kundakbaeva, Zh.B.* (2005). Politika Rossijskoj imperii v otnoshenii narodov Severnogo Prikaspija v XVIII veke: istoriografija problemy i istochniki izuchenija [Politics of the Russian Empire in relation to the peoples of the North Caspian Sea in the XVIII century: historiography of problems and sources of study]. M.: AIRO-XXI. 2000, 2005. 128 p. [in Russian]
- Kundakbaeva, 2019** – *Kundakbaeva, Zh.B.* (2019). Organizaciya imperskogo prostranstva v kochevoj srede: kazahi i volzhskie kalmyki v orbite vnimaniya Rossii v XVIII veke [Organization of the Imperial space in a nomadic environment: Kazakhs and Volga Kalmyks in the orbit of Russia's attention in the XVIII century]. Almaty: Kazakh University, 384 p. [in Russian]
- Mazhidenova, 2005** – *Mazhidenova, D.M.* (2005). Diplomatičeskaja sluzhba v kontekste jevoljucii mirovoj politiki: (s drevnejshih vremen do Venskogo reglamenta) [Diplomatic service in the context of the evolution of world politics: (from ancient times to the Vienna Regulations)]. Astana: Kultegin, 239 p. [in Russian]
- Noda, 2016** – *Noda, J.* (2016). The Kazakh Khanates between the Russian and Qing Empires: Central Eurasian international relations during the eighteenth and nineteenth centuries. Boston: Brill, 350 p.
- Pochekaev, 2019** – *Pochekaev, R.Yu.* (2019). Mnimyi syuzerenitet: moskovskie tsari i kazahskie khany (po russkojazyčnym posolskim dokumentam kontsa XVI – nachala XVIII vv.) [Imaginary suzerainty: Moscow tsars and Kazakh khans (according to Russian-language ambassadorial documents of the late 16th – early 18th centuries)]. *Istoriya*. Vol. 10. 1(75). [Electronic resource]. URL: <https://history.jes.su/s207987840002567-2-1/> [in Russian]
- Sabyrhanov, 1970** – *Sabyrhanov, A.* (1970). Kazakstan men Rossijany XVIII gasyrdagy karym-katynastary (kazaktyn kishi zhuzine katysty malimetter negizinde). [Relations between Kazakhstan and Russia in the XVIII century (based on data on the Kazakh minority)]. Almaty: «Gylım», 140 p. [in Kazakh]
- Vasil'ev, 2014** – *Vasil'ev, D.V.* (2014). Rossiya i Kazahskaja step': administrativnaja politika i status okrainy. XVIII – pervaja polovina XIX veka. [Russia and the Kazakh steppe: administrative policy and the status of the outskirts. XVIII – first half of the XIX century]. M.: Politicheskaja jenciklopedija, 471 p. [in Russian]
- Vasil'ev, 2018** – *Vasil'ev, D.V.* (2018). Administrativnaja akkul'turaciya opyt regional'noj politiki Rossijskoj imperii v Central'noj Azii. XVIII – XIX vv. [Administrative acculturation experience of the regional policy of the Russian Empire in Central Asia. XVIII – XIX centuries]. Orenburg: Izdatel'skij centr OGAU, 139 p. [in Russian]
- Vasil'ev, 2020** – *Vasil'ev, D.V.* (2020). Rozhdenie imperii. Jugo-vostok Rossii: XVIII - pervaja polovina XIX v. [The birth of an empire. Southeast of Russia: XVIII - first half of XIX century] SPb: Dmitrij Bulanin, 608 p. [in Russian]
- Vjatkin, 1940** – *Vjatkin, M.P.* (1940). Kazahskoe obshhestvo v seredine XVIII v. [Kazakh society in the middle of the 18th century]. *Izvestija Kazahstanskogo filiala AN SSR. Serija istoričeskaja*. Vyp. 1. Alma-Ata, pp. 3-17. [in Russian]
- Vjatkin, 1941** – *Vjatkin, M.P.* (1941). Očerki po istorii Kazahskoj SSR. T. 1: S drevnejshih vremen po 1870 g. [Essays on the history of the Kazakh SSR. Volume 1: From Ancient Times to 1870]. Moskva: OGIZ: Gospolitizdat, 367 p. [in Russian]
- Vjatkin, 1998** – *Vjatkin, M.P.* (1998). Batyr Srym. [Batyr Srym]. Učebnoe posobie. Almaty: Sanat, 344 p. [in Russian]

Zhappasov, 2019 – Zhappasov, Zh.E. (2019). XVI-XVIII gg. kazak-orys karym-katynastarynyn tarihnamasy [Historiography of Kazakh-Russian relations in XVI-XVIII centuries]. Almaty: Kazak universiteti, 233 p. [in Kazakh]

Посольские связи казахских ханств и Российской империи в позднесоветской и современной историографии

Николай Сергеевич Лапин ^{a, *}, Куаныш Газизович Аканов ^a

^a Институт истории государства Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассмотрено, каким образом изучались проблемы казахско-русских посольских связей на протяжении XVIII века в советской исторической науке в 1940–1980-е гг. и современной казахстанской и российской историографии. Анализируется, какие при этом происходили изменения в оценках событий в условиях смены концепций, объяснявших процесс присоединения казахских земель к России.

Фиксация фактов взаимных посольств началась гораздо раньше, еще в трудах русских чиновников и военных в XVIII–XIX вв., однако как отдельная проблема, имеющая самостоятельное значение в историографии, посольские связи казахских правителей и России стали рассматриваться только с середины XX в. В это время начинается более глубоко исследоваться история советских азиатских республик. Данный процесс привел к росту внимания к различным аспектам истории этих народов, в том числе проблеме истории их взаимоотношения с Россией. Особенностью изучения становится ведущая роль историков России – М.П. Вяткина и Н.Г. Аполловой, научные интересы и определенный этап жизни которых был связан с Казахстаном.

С 1960-х гг. основными исследователями проблемы стали казахстанские историки В.Я. Басин и А. Сабырханов которые смогли вычленив проблему именно дипломатических отношений двух стран.

На современном этапе в работах И.В. Ерофеевой, Д.В. Васильева, Ж.Б. Кундакбаевой, Г.Б. Избасаровой и др. посольские связи казахских ханств и Российской империи исследуются через различные аспекты имперских практик и репрезентаций власти России среди элиты подвластных народов и зависимых государств. Значительный акцент делается на посольских церемониях и ритуалах.

Ключевые слова: казахские ханства, Российская империя, XVIII век, посольства, церемониал, присяга, историография.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lapin.79@mail.ru (Н.С. Лапин), kukaandvita@mail.ru (К.Г. Аканов)